Б.Н. МИРОНОВ

БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИИ В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ

XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА

БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИИ В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ

XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Российской истории
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Б. Н. МИРОНОВ

БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИИ В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ

XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКА

Москва
Издательство «Весь Мир»
2012

УДК [303.446.4:330.12](470+571)»16/19 »
ББК 63.3 (2) 5-28+63.3(2)6-28
М 64

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

Рецензенты:

д.э.н. *А. Г. Вишневский;*
д. б. н., проф. *Е. З. Година;*
чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. *И. И. Елисеева;*
к.э.н. *А. П. Заостровцев;*
д.и.н., проф. *С. Г. Кащенко;*
д.и.н. *К. Н. Лебедев*

Редактор:
к.и.н. *О. А. Зимарин*

Все права на данное произведение охраняются законодательством об охране интеллектуальной собственности. Воспроизведение данного произведения или его части в какой бы то ни было печатной или электронной форме и размещение его в информационных сетях и базах данных без согласия Издательства «Весь Мир» не разрешается.

ISBN 978-5-7777-0545-7

© Миронов Б.Н., 2012
© Издательство «Весь Мир», 2012

Памяти моих родителей
Нины Яковлевны Мироновой
и Николая Алексеевича Миронова

Содержание

Предисловие ко второму изданию 12

От автора 13

Введение 19

Глава 1. Благосостояние населения имперской России в отечественной и зарубежной историографии 23

1.1. Отечественная историография 23

1.1 а. Дореволюционная историография. 23

1.1 б. Советская и постсоветская историография 32

1.2. Зарубежная историография 45

1.3. Итоги 52

Примечания 56

Глава 2. Историческая антропометрия: задачи, теория и методология 69

2.1. Историческая антропометрия: краткая история, предмет и задачи 69

2.2. Теоретические основы исторической антропометрии 72

2.2 а. Тело человека как показатель уровня жизни 72

2.2 б. Энергетический (пищевой, биологический) статус 73

2.2 в. Различия в росте между популяциями 81

2.2 г. Изучение динамики уровня жизни и неравенства по ростовым данным 83

2.2 д. Увеличение размеров тела и ускорение физического развития: секулярный тренд 86

2.2 е. Догоняющее, или наверстывающее, развитие. Стресс. Пубертатный скачок 90

2.2 ж. Индекс массы тела. Масса тела новорожденного. Возраст менархе 92

2.3. Методологические проблемы исторической антропометрии 95

2.3 а. Вариационные ряды роста и их характеристики 96

2.3 б. Цензурированная, или усеченная, выборка 98

2.3 в. Округление и аккумуляция при измерении роста 100

2.3 г. Стандартизация состава выборок 101

Примечания 108

Глава 3. Историческая антропометрия в России и за рубежом 113

3.1. Современное состояние исторической антропометрии 113

3.2. Антропометрические исследования в России в XIX — начале XX в. 115

3.3. Антропометрические исследования в советской и постсоветской России 123

Примечания 133

Глава 4. Источники антропометрических данных: их репрезентативность, точность и однородность 143

4.1. Источники антропометрических сведений 143

4.2. Репрезентативность данных 145

4.3. Социальный состав лиц, попавших в банк информации 146

4.4. Данные о месте рождения 152

4.5. Сведения об образовании 156
4.6. Этнический и конфессиональный профиль выборочных данных 157
4.7. Данные о семейном состоянии 159
4.8. Сведения о профессии 160
4.9. Банк информации о женщинах 161
4.10. Качество сведений о росте 163
4.10 а. Индивидуальные сведения 165
4.10 б. Агрегированные данные за 1874–1914 гг. 166
4.10 в. Проверка точности сведений о росте 167
4.10 г. Рост новобранцев, принятых в разные рода войск 170
4.11. Качество сведений о возрасте 171
4.12. Вариация роста мужчин в зависимости от социально-демографических признаков 174
4.12 а. Возраст и рост 175
4.12 б. Социальный статус и рост 176
4.12 в. Семейное положение и рост 177
4.12 г. Образование и рост 178
4.12 д. Профессия и рост 178
4.12 е. Конфессия, этническая принадлежность и рост 180
4.12 ж. Место жительства и рост 181
Примечания 183

Глава 5. Биологический статус российского населения в XVIII в. и его факторы 185
5.1. Изменение среднего роста мужчин в XVIII в. 185
5.2. Факторы динамики биологического статуса населения в XVIII в. 187
5.2 а. Сельскохозяйственное производство 188
5.2 б. Увеличение налогов и повинностей 191
5.2 в. Биостатус у различных сословных групп 198
5.2 г. Войны и реформы 199
5.2 д. Вестернизация и борьба помещиков и государства за доходы от крестьян 202
5.3. Итоги 205
Примечания 209

Глава 6. Биологический статус российского населения в XIX — начале XX в. и его факторы 211
6.1. Изменение среднего роста и веса мужчин и женщин в XIX — начале XX в. 211
6.1 а. Динамика среднего роста мужчин 211
6.1 б. Динамика среднего веса у мужчин 216
6.1 в. Изменение среднего роста женщин 218
6.2. Факторы динамики биологического статуса населения в XIX — начале XX в. 219
6.2 а. О точности официальной урожайной статистики 220
6.2 б. Производство продуктов питания: 1801–1860 гг. 232
6.2 в. Производство продуктов питания: 1861–1913 гг. 236
6.2 г. Доходы, налоги и повинности крестьян в 1801–1860 гг. 241
Государственные и удельные крестьяне 241

Помещичьи крестьяне 247
Платежи и доходы государственных крестьян 255
Трудовой эквивалент платежей крестьянства накануне отмены крепостного права 258
6.2 д. Доходы, налоги и повинности в 1861–1913 гг. 261
Переплатили ли бывшие помещичьи крестьяне за землю? 261
Уменьшение налогового бремени в пореформенное время 266
6.2 е. Недоимки 272
6.2 ж. Смещение центра населенности на Юг 275
6.2 з. Социально-экономическая политика верховной власти 280
Помещичьи крестьяне 280
Попечительство над удельными и казенными крестьянами 283
Деревня после крестьянской реформы 288
6.3. Прогресс в медицине и санитарии 291
6.4. Итоги 294
Примечания 296

Глава 7. География биологического статуса российского населения в XVIII — начале XX в. 307
7.1. Изменение роста по регионам в 1701–1915 гг. 307
7.1 а. Согласованность в изменении роста мужчин по районам 310
7.1 б. Степень различий в росте мужчин между регионами 313
7.2. Факторы географии роста, смертности и воинского брака в середине XIX в. 317
7.2 а. Отбор факторов 317
7.2 б. География роста 321
7.2 в. География смертности 326
7.2 г. География воинского брака 328
7.3. Факторы географии роста, смертности и воинского брака в конце XIX в. 330
7.3 а. География роста 330
7.3 б. География смертности 332
7.3 в. География воинского брака 335
7.4. Итоги 340
Примечания 340

Глава 8. Питание, здоровье и биологический статус российского населения в XIX — начале XX в. 343
8.1. Питание горожан в середине XIX в. 343
8.2. Питание горожан в начале XX в. 351
8.3. Питание крестьян в XVIII — первой половине XIX в. 355
8.4. Питание крестьян в пореформенный период 364
8.5. Вес и индекс массы тела 372
8.6. Питание привилегированных слоев населения 374
8.7. Воинский брак, здоровье и рост населения 383
8.8. Смертность 387
8.9 Итоги 392
Примечания 397

Глава 9. Цены и зарплата в России в XVIII — начале XX в. 407
9.1. Источники и методика их обработки. 407
9.2. Динамика цен и зарплаты в С.-Петербурге в 1703–1913 гг. 415
9.3. Динамика цен и зарплаты в России в XVIII — начале XX в. 422
9.4. Итоги 432
Примечания. 433

Глава 10. Современники о благосостоянии населения 437
10.1. А. Н. Радищев и А. С. Пушкин о благосостоянии крестьян 437
10.2. Крестьянские мемуаристы. 442
10.3. Комиссия 1872–1873 гг. для исследования нынешнего положения сельского хозяйства. 449
10.4. Неурожай 1891–1892 гг. и общественность. 471
10.5. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. 474
10.6. Комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний 493
10.7. Общественность против самодержавия. 498
Примечания. 505

Глава 11. Результаты российской модернизации в период империи 515
11.1. Изменения уровня жизни населения в России и за рубежом в XVIII — начале XX в. 515
11.2. Социально-экономические итоги XVIII в. 522
11.3. Социально-экономические итоги XIX — начала XX в. 526
11.4. Издержки, или побочные продукты, процесса модернизации 539
11.4 а. Повышение социальной напряженности 542
11.4 б. Увеличение числа самоубийств, убийств и общей преступности 546
11.4 в. Девиантное поведение, благосостояние населения и революции 551
11.5. Итоги 555
Примечания. 557

Глава 12. К вопросу о предпосылках и причинах Русской революции 1917 года 563
12.1. Марксистско-ленинская концепция революции 566
12.1 а. Практика против теории 568
12.1 б. Кризис низов 571
12.1 в. Положение населения в России и других воюющих странах 576
12.2. Мальтузианская концепция революции 579
12.2 а. Экономическая теория и «голодный экспорт» 581
12.2 б. Причина революции: много едоков — мало хлеба 584
12.3. Структурно-демографическая концепция революции 585
12.3 а. Воспроизводство элиты в России. 586
12.3 б. «Молодежная концепция» революции 595
12.4. Структурная концепция революция: высокий уровень неравенства в России 597
12.4 а. Самые бедные 598
12.4 б. Самые богатые. 601
12.4 в. Децильный коэффициент неравенства 605

12.5. Политические теории революции 609
12.5 а. PR как оружие в борьбе за власть 610
12.5 б. PR-кампании и рабочее и крестьянское движение во время войны 617
12. 6. Психосоциальные теории революции 620
12.6 а. Революция как патология: П. А. Сорокин 620
12.6 б. Теория относительной депривации 624
12.6 в. Относительная депривация: рабочее движение как зеркало русской революции — все и сразу. 624
12.7. Институциональная концепция революции 631
12.8. Революции в ракурсе модернизационной парадигмы 635
12.9. О стихийности революции. 648
12.10. Итоги 659
Примечания. 661

Заключение 689
Дискурс о кризисе позднеимперской России 689
Когнитивный диссонанс: стереотипы как средство защиты от интеллектуального дискомфорта 691
Роль PR-кампаний в подготовке революции. 694
Революция в условиях экономического роста и благосостояния населения 697
Уроки русских революций 701
Примечания 702

Приложения 705
Приложение 1. Использованные источники. 707
Приложение 2. Использованная литература 721
Приложение 3. Оценка среднего роста мужского населения по районам в XVIII в. методом максимального правдоподобия (по индивидуальным данным о новобранцах) 785
Приложение 4. Факторы географии роста мужского населения в 1850–1870-е гг. 787
Приложение 5. Факторы географии роста мужского населения в конце XIXв. 792

Словарь специальных терминов 799

Указатель имен 803

Предметный указатель 820

Список рисунков 830

Список таблиц в главах 831

Список иллюстраций 842

Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет.

А. Н. Радищев,
1790 г.
Путешествие из Петербурга в Москву.
М.: 1970. С. 189.

Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен. <...> В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности.

А. С. Пушкин,
XII.1833 — IV.1834 гг.
Полн. собр. соч. в 10 т. Л.: 1978. Т. 7. С. 199–200.
Путешествие из Москвы в Петербург.

«Ну что ж Некрасов, что у него было? Разве «Ермил Гирин», а то все фальшиво. Этот стон мужика, где это он стонет? Это либералы повыдумывали».

Л. Н. Толстой
Семенов С. Т. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом //
Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М.: 1955. Т. 1. С. 344

Предисловие ко второму изданию

Настоящее, второе издание монографии существенно отличается от первого, вышедшего в свет в 2010 г.

Во-первых. Добавлен новый текст объемом более 13 авторских листов. Написана новая глава «К вопросу о предпосылках и причинах Русской революции 1917 года» (10,5 а.л.) и существенно переработана глава «Модернизация России и благосостояние населения», получившая во втором издании название «Модернизация, благосостояние и революции в России». Заново написано «Заключение». Соответственно «Список использованной литературы» увеличился с 1641 до более чем 2140 названий. Практически весь новый текст касается проблем предпосылок и причин Русской революции 1917 года. Благодаря этому второе издание в большей степени соответствует своему названию, чем первое, — в первом издании проблемам революции было посвящено лишь 3 а.л., а во втором — более 11 а.л.

Во-вторых. Новый текст включен в монографию за счет сокращения старого текста. Единственная причина — желание опубликовать весь текст в одном томе. Полностью исключена глава «Саратовская губерния 1755–1915 гг.» и три статистических приложения, содержащих оценки методом максимального правдоподобия роста новобранцев (в губерниях и городах), призванных в 1874–1913 гг. Глава «База антропометрических данных» сокращена на две трети и в новом виде называется «Источники антропометрических данных: их репрезентативность, точность и однородность». Сокращенный текст носил вспомогательный характер и поэтому целостность монографии не пострадала.

В-третьих. Внесены коррективы, дополнения, исправления, устранены опечатки. Концепция полностью сохранена и усилена дополнительной аргументацией. В наибольшей степени переработке подверглась глава 6 «Биологический статус российского населения в XIX — начале XX в. и его факторы».

В-четвертых. В книгу добавлено 120 иллюстраций с целью создать визуальный ряд, дополняющий текст и облегчающий его восприятие.

Автор и издатель надеются, что второе издание более удовлетворит читателей как с точки зрения содержания, так и оформления.

От автора

Господствующие в средствах массовой информации, художественной и научной литературе образы России имеют исключительно важное значение для ее восприятия не только наблюдателями со стороны, из-за рубежа, но и своими собственными гражданами, внутри страны. Характер этого восприятия оказывает влияние на оценку всего, что происходило и происходит в настоящее время в России. Убийство журналиста в Англии в первую очередь наводит на мысль об уголовном характере преступления, а подобное деяние в России почти все зарубежные и некоторые отечественные СМИ сразу связывают с неким политическим заказом. Понятно почему: Англия имеет имидж одной из самых демократических стран мира, а у России за границей пока имидж другой. Определение России как европейской, восточной или как уникальной евразийской страны напрямую зависит от того, какие образы России и с какой интенсивностью тиражируются социальными исследователями. Идентификация тесно связана с имиджем страны. Образы России как азиатской деспотии или европейской страны, как отсталой или современной, как страны нищей или богатой, наполнены разными смыслами. От имиджа России, между прочим, зависит степень уважения к россиянам со стороны других народов, да и мера самоуважения тоже.

Что бы ни говорили об оторванности науки от политической жизни, на самом деле социальные исследователи оказывают, хотя и опосредствованно, весьма заметное влияние на развитие реального мира, так как их выводы в конечном итоге становятся идеями влиятельных политиков, целых политических партий, непосредственно участвующих в политическом процессе, и всего народа. Те противоречивые образы России (Россия — Европа, Россия — Азия, Россия — Евразия и т. д.), которые существуют в настоящее время в общественном сознании, артикулированы социальными учеными и лишь тиражированы СМИ. Именно отсутствие консенсуса среди исследователей породило фрагментацию современного общественного сознания.

Во время опроса 1999 г. 9% респондентов считали Россию европейской страной, 60% — самобытной и 23% — сочетающей черты Азии и Европы, 8% не определились с ответом[1]. В 2007 г. 7% респондентов идентифицировали Россию с Азией, 11% — с Западом, 74% — с самобытным «евразийским государством, у которого собственный исторический путь развития», 8% затруднились с ответом[2]. Принимая, что оба опроса одинаково репрезентативны, можно сказать: *позиции концепции самобытности усилились* — в 1999 г. ее поддерживали 60%, в 2007 г. — 74%. И одна из причин этого — усилия социальных исследователей, активно разрабатывающих тему России в цивилизационной и евразийской пара-

дигме. Достаточно вспомнить Л. Н. Гумилева — одного из самых популярных авторов, работы которого ежегодно издаются огромными по современным меркам тиражами. Концепцию особой исторической роли России во всемирном величии и «особого пути России» можно обнаружить почти в каждом современном учебнике по истории России[3].

А это имеет далеко идущие последствия. Во-первых, сосуществование в одном социуме разных образов страны понижает уровень социальной интеграции, который, как известно, в настоящий момент вообще-то невысок: одна часть людей считает себя европейцами, другая — евразийцами, третья — просто русскими, четвертая — азиатами. Во-вторых, существующие образы России утверждают принципиально различные сценарии развития нашей страны: например, образ «Россия — Евразия» ориентирует на особое развитие, «Россия — Европа» — на дальнейшую интеграцию в Европу. Следовательно, каждый образ не только идентифицирует Россию по-другому, но и конструирует ее будущее по-иному и, кроме того — что очень важно! — и Европу конструирует по-разному — с Россией или без нее. Хотелось бы напомнить: конструирование Европы продолжается, и от современных социальных исследователей, прежде всего российских, во многом зависит, войдет ли Россия в Европу, другими словами, будет ли общественное мнение Европы считать Россию частью Европы или нет. Ведь невозможно признать Россию европейской страной, если в самой России в дискурсе об идентификации ее таковой не признают. А самоидентификация России в качестве европейской страны, как и признание ее европейскости со стороны всего мира, принципиально важно для россиян.

Большая роль в процессе формирования имиджа России принадлежит историкам, потому что именно наша многовековая история дает основной материал, из которого конструируется образ страны. Мы уже 21 год живем в России постсоветской, если временно́й границей нового периода российской истории считать 1991 год. Однако большинство концепций советской историографии, касающихся периода империи, несмотря на пережитые потрясения, все еще здравствуют. Какой же образ имперской России сконструирован в советское время? По преимуществу негативный.

«Россия — это деспотическая, репрессивная в своей основе власть самодержцев, это рабский менталитет народа, основанный на крепостном праве, иерархия не вассалов, а государевых рабов, это — длительное отсутствие в обществе сословного строя, самоуправляющихся городов, общий дух несвободы и подавления личности государством и во имя государства»[4].

«Находясь в непримиримом противоречии с культурой, ведя открытую войну с большей частью образованных классов, самодержавие вступило в конфликт с самим государством, изо всех сил толкая его к неизбежной гибели. Противодействуя просвещению в любой форме, оно осушает источник сил народных масс. Оставляя управление государственными делами в руках бесконтрольной бюрократии, столь же бездарной, как и продажной, самодержавие благодаря злоупотреблениям своих слуг еще больше ограничивает свои возможности. Неуклонное разорение государства, растущий беспорядок в финансах, непрестанное обнищание крестьянства — все это лишь естественные и неизбежные последствия деспотического режима»[5].

Первая цитата взята из книги современного автора В. К. Кантора, вторая принадлежит народовольцу С. М. Степняку-Кравчинскому (1851–1895). Первая

характеризует допетровскую, вторая — Россию 1860–1880-х гг. Высказанные мысли разделяет более столетия, но они так похожи по духу, что кажется, будто принадлежат одному человеку. Подобных цитат можно привести сотни. Пожалуй, только в России историки изображают предельно негативно историю собственной страны, а думают о ней, возможно, еще негативнее. Признанный патриарх отечественной историографии В. О. Ключевский в 1890–1900-е гг. в своем дневнике записывал то, о чем, вероятно, не решался говорить на своих лекциях и писать в своих работах. «Наша государственная машина приспособлена к обороне, а не к нападению... Мы низшие организмы в международной зоологии: продолжаем двигаться и после того, как потеряем голову». «Русские цари — не механики при машине, а огородные чучела для хищных птиц». «Наше будущее тяжелее нашего прошлого и пустее настоящего»[6].

Некоторые современные авторы обнаруживают даже приверженность к так называемой лысенковщине, ибо относят русских к низшим социальным организмам, *генетически* (?!) не способным к развитию и решению проблем модернизации: «Массовый человек России не только XIX–XX вв., но и начала XXI столетия, с доминантой традиционного (мифологизированного) сознания, нуждался и нуждается в культе личности вождя. <...> Не было в России русских как носителей русского этнического самосознания, поскольку этногенез и культургенез русских так и остается явлением незавершенным, не сложившимся. <...> Масса русских не имеет и своей элиты, способной сформулировать и выразить ее общественный интерес. Отсутствие в России массы личностно самоидентифицированных русских, адекватных вызовам реального времени, делает проблематичным не только решение форсированными темпами проблем модернизации, но и само достижение в обозримой перспективе гражданского общества. <...> У русских сохраняется генетически обусловленное неприятие властной элиты. Оно сопряжено с исторически возникшим еще у праславян, сохраняющимся, по сути архаичным, латентным стремлением обрести волю, а не свободу»[7].

Но даже в более сдержанных оценках имперская социально-политическая система изображается как абсолютно не эффективная и не способная обеспечить ни развитие экономики, ни повышение благосостояния населения. Весь период империи рассматривается под углом зрения, с одной стороны, обеднения народа, с другой — кризиса крепостничества и самодержавия. Пауперизация и кризис — две стороны одной медали: кризис почти фатально вел страну к революции, потому что крестьянство нищало. Понижение уровня жизни крестьян и рабочих — лейтмотив почти всех работ по социально-экономической истории имперского периода. Широко распространено мнение: как новая столица России построена на костях сотен тысяч людей, так и все ее успехи во внешней политике, культуре и экономике достигнуты ценой огромных жертв со стороны преобладающей массы населения страны. Гордиться, получается, нечем, коллективная историческая память обременена чувством вины и неполноценности.

Иначе на Западе. Например, граждане США под воздействием своей историографии очень гордятся историей своей страны, не посыпают голову пеплом и нисколько не страдают и не комплексуют по поводу таких «пустяков», как то: США существуют на территории, захваченной у индейцев, загнанных в резервации; почти два с половиной века благосостояние белых основывалось на эксплуатации черных рабов; рабство было отменено только в результате Гражданской

войны 1861–1865 гг. (кстати, несколькими годами позже, чем крепостничество в России) и еще сто лет, вплоть до середины XX в., афроамериканцы подвергались унизительной дискриминации; семь американских штатов, занимающих 136 млн кв. км, были захвачены у Мексики (более половины первоначальной ее территории) в результате войны в 1846–1847 гг. Гордятся своей империей и британцы, хотя метрополия три с половиной столетия подвергала свои колонии суровой эксплуатации, уровень которой превосходил самые экстремальные случаи, встречавшиеся на территории Российской империи. Ни американцы, ни британцы не замалчивают негативные, с точки современных политических воззрений, факты своей истории, прямо о них пишут, даже в учебниках, не испытывая страдания и стыда. Между тем в России с XVIII в. и до сегодняшнего дня было и есть немало русских, страдающих от своей, как им кажется, исторической неполноценности до такой степени, что стыдятся называть себя русскими, особенно в присутствии иностранцев.

Напомню: в католической и протестантской Европе негативный образ России сложился во второй половине XVI в. (при больших усилиях Польши, находившейся в то время в постоянном конфликте с Россией). «На примере истории Московии показывалось, что́ не надо делать европейцам, что́ такое неевропейское поведение. Сущность своего, христианского мира, европейские авторы раскрывали через описание неевропейских, отрицательных качеств у своих соседей и антагонистов — прежде всего турок, а со второй половины XVI в. и московитов. Этот культурный механизм оказался столь эффективным и востребованным Европой, что применительно к XVI–XVII вв. можно повторить мысль известного американского историка и культуролога Ларри Вульфа (которую он высказал для эпохи Просвещения)[8]: если бы России не было, Западу ее следовало бы выдумать»[9]. В самой России ее негативный имидж утвердился в публицистике и либеральной историографии в конце XIX — начале XX в., в эпоху борьбы либерально-демократической общественности с авторитарной властью, с благородной целью — утвердить в стране гражданское общество и правовое государство. В советской историографии образ бедной, отсталой, агрессивной и угнетающей себя и других России приобрел новые краски и вошел в учебники истории, а через них — в массовое сознание.

В своей предыдущей книге «Социальная история России периода империи» я коснулся многих стереотипов о России, но не смог рассмотреть один из самых стойких — о почти непрерывном обеднении населения в имперский период. Подчеркну — не просто о хронической бедности, а именно о пауперизации как процессе. У меня не было тогда надежных источников для анализа благосостояния. Между тем, именно благосостояние является, пожалуй, самым надежным критерием при оценке эффективности экономики, государства и проводимых им реформ. Если уровень жизни систематически повышается, значит, экономика и государство работают удовлетворительно, реформы приносят положительные плоды, и наоборот. Наконец, такой источник нашелся — это антропометрические данные (прежде всего о росте, или длине тела, человека). Они, с точки зрения исторической антропометрии — нового направления в науке, адекватно отражают уровень жизни, в особенности в *доиндустриальных* обществах. Сотни антропометрических исследований, проведенных во многих странах мира, доказали: когда благосостояние повышается, средний рост населения увеличивается,

а когда понижается, то и рост уменьшается. Чтобы воспользоваться таким подходом, мне пришлось собрать антропометрические данные за весь имперский период. За восемь лет работы в архивах я собрал обширную базу *индивидуальных* данных, содержащую различные антропометрические характеристики (всегда рост, для XIX — начала XX в. также иногда вес, обхват груди, силу) для 305 949 человек различного пола, возраста, социального положения, конфессии, места рождения, образования, профессии, национальной принадлежности, родившихся в 1695–1920 гг. Если свести эти данные в один файл, то получился огромная таблица, заключающая почти 306 тыс. строк и два десятка столбцов. Только ввод этой информации в компьютер потребовал около 10 тыс. часов работы, а распечатка — более 7000 страниц текста. Кроме того, я располагаю *суммарными* данными о росте 11,7 млн новобранцев, призванных в армию в 1874–1913 гг. Антропометрические сведения являются костяком источниковой базы, которая, однако, ими не исчерпывается: привлечены также данные о питании, ценах, зарплате, смертности, сельскохозяйственном производстве, налогах, повинностях, сбережениях и других показателях благосостояния. Анализ собранной информации дал в высшей степени интересные результаты. Они создают совсем другой образ имперской России — страны, развивавшейся почти столь же успешно, как и наши соседи на Западе, и подтверждают главный вывод книги «Социальная история России периода империи»: *Россия — нормальная европейская страна, в истории которой трагедий, драм и противоречий — нисколько не больше, а достижений и успехов — нисколько не меньше, чем в истории любого другого европейского государства.*

Мне хочется искренне поблагодарить тех, кто помогал мне советами, доброжелательной критикой и дружеской поддержкой:

математиков: Брайена А'Херна, Д. А. Покровского и В. В. Скитовича,

зарубежных коллег: Йорга Байтона, Питера Линдерта, Алана Олмстеда, Дэвида Рансела, Грегори Фриза, Уилларда Сандерлэнда,

петербургских коллег: Л. А. Булгакову, С. Г. Кащенко, С. В. Куликова, С. К. Лебедева, М. М. Сафонова,

всех сотрудников кафедры социологии культуры и коммуникаций факультета социологии С.-Петербургского государственного университета, руководимой В. В. Козловским,

коллег из Леонтьевского центра: С. А. Васильева, И. А. Карелину, А. П. Заостровцева,

московских коллег: А. Н. Сахарова, Ю. П. Бокарева, Л. И. Бородкина, А. Г. Вишневского, Е. З. Годину, В. В. Керова, А. П. Корелина, И. В. Поткину, Ю. А. Тихонова и сотрудников Центра истории России XIX в. Института российской истории РАН, где обсуждалась и была одобрена к печати рукопись книги,

коллег из других городов и весей: М. Е. Ерошенко, Ю. Калякина и О. В. Сосновцеву.

Особая благодарность проф. Джону Комлосу, в настоящее время главному редактору журнала «Economics and Human Biology» — выдающемуся современному антропометристу и прекрасному человеку. Со времени нашего знакомства в 1989 г. я получал от него всемерную помощь и поддержку. Программы для компьютера, статьи и книги, информация о новой литературе, дружеская критика, советы и рекомендации, приглашения на конференции — все это он с редкой щедростью и абсолютно бескорыстно дарил мне в течение более чем 20 лет. Благодаря ему

я находился в курсе всего, что делалось в современной исторической антропометрии, и мог воспользоваться ее достижениями в своих исследованиях и, разумеется, в настоящей книге.

Примечания

1. Опрос, проведенный фондом «Общественное мнение»: http://www.fom.ru/reports/frames/of1990501.html.
2. Опрос, проведенный фондом «Левада-Центр»: http://www.levada.ru/press/2007072302. См. также: Рабочая группа ИС РАН. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад//Политические исследования. 2008. № 1, 2, 3.
3. *Зверева Г. И.* Дискурс «Другого» как инструмент формирования государственно-национальной идентичности: Образы России и США в современных российских учебниках высшей школы// Россия и США на страницах учебников: Опыт взаимных репрезентаций/В. И. Журавлева, И. И. Курилла. Волгоград, 2009. С. 289–290.
4. *Кантор В.* «... Есть европейская держава»: Россия: Трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997. С. 467–477.
5. *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей. М., 1964. С. 351. Впервые книга была опубликована в Лондоне в 1885 г. на английском языке, за два года выдержала три издания, одновременно вышла в США, в 1887 г. — в Швеции и Франции.
6. *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 323, 335, 395.
7. *Кожурин Ю. Ф.* Модернизация и индустриализация России в контексте цивилизационного и стадиального подхода//Индустриальное наследие. Саранск, 2007. С. 167, 169, 170, 171. Приверженность автора к псевдонаучному «мичуринскому учению» Т. Д. Лысенко, утверждавшего возможность наследования приобретенных признаков, перерождения одного вида в другой и т. п., заслуживает особого разговора.
8. В кн.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
9. *Филюшкин А. И.* Как Россия стала для Европы Азией//Ab Imperio. 2004. № 1. С. 225–226.

Введение

Эта книга представляет собой первое в мировой историографии исследование по исторической антропометрии России. Главная ее цель — оценить изменение благосостояния россиян в имперский период, т. е. на протяжении более 200 лет. Этот аспект жизни общества важен сам по себе, но, кроме того, имеет исключительное значение при анализе общего развития России в период империи и при оценке политики правящих верхов.

В современной литературе нет однозначного толкования понятия «уровень жизни», или его синонима «благосостояние». Причина в том, что уровень жизни — весьма емкое понятие, которое обычно используется вместе с такими близкими, но *не синонимичными* по смыслу категориями, как качество жизни и положение населения. До конца XX в. в различных толкованиях уровня жизни акцент делался на *материальных компонентах,* теперь общепринято, что данное понятие должно включать широкий набор благ, причем не только материальных. Исследователи предлагают наборы из многих индикаторов для оценки уровня жизни. В настоящее время в России используется разработанная Госкомстатом модель из 56 показателей, а также предложенная Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН система из 49 показателей. В ООН (с 1989 г.) приняты две модели — одна из 50 и вторая из 14 индикаторов в качестве минимального набора. Модели принимают во внимание занятость и условия труда, санитарно-гигиенические условия, демографические характеристики, питание, доходы и расходы, стоимость жизни и цены, образование и культуру, социальное обеспечение, организацию отдыха и даже свободу человека. С 1990-х гг. в качестве обобщающего показателя уровня жизни стал использоваться *индекс человеческого развития,* который учитывает долголетие, уровень образования и валовой внутренний продукт. В определениях *качества жизни* акцент делается на *степени удовлетворенности* населения жизнью с точки зрения столь же широкого набора потребностей[1].

После многих лет работы над проблемой, обработав все доступные мне материалы, я пришел к следующим выводам: (1) историкам при всем усердии никогда не удастся получить в свое распоряжение даже минимального набора показателей, рекомендуемого современной наукой, для выработки добротных представлений об уровне и качестве жизни в Российской империи, даже если брать в расчет лишь последние, наиболее близкие к нам по времени десятилетия ее существования. (2) Индекс человеческого развития можно приблизительно рассчитать только для пореформенного периода, 1861–1913 гг., причем лишь для страны

в целом. (3) Следует либо отказаться от попыток получить представление о динамике уровня жизни за длительный отрезок времени, либо найти альтернативные показатели, которые обеспечены источниками.

К счастью, наука нашла такой *альтернативный* показатель — конечный рост (дефинитивная длина тела[2]) людей, который принимается в экономической науке в качестве замещающего интегрального индикатора уровня жизни, получившего в специальной литературе название биологического статуса. Его использование опирается на доказанный в биологии человека факт: дефинитивный средний рост людей характеризует степень удовлетворения их базисных потребностей в пище, одежде, жилище, медицинском обслуживании и т. п. Те индивидуумы, чьи базисные потребности удовлетворяются лучше, превосходят ростом тех, чьи базисные потребности удовлетворяются хуже; и наоборот. Из этой парадигмы следует: в рамках одного этноса и года рождения высокие люди, взрослые и дети, в массе своей лучше питались, имели лучший уход и жилищные условия, меньше болели и т. д., значит, обладали более высоким биостатусом, чем люди с низким ростом. Данные о среднем росте позволяют оценить, как удовлетворяются базисные потребности людей, и благодаря этому дают возможность судить о динамике благосостояния населения в целом.

В монографии обобщаются результаты моей многолетней работы по имперскому периоду. База данных включает 306 тыс. индивидуальных и около 11,7 млн суммарных сведений о росте, весе и других антропометрических показателях мужского и женского населения, родившегося в 1695–1920 гг., из четырех общероссийских архивов — Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива военно-морского флота, Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, а также из шести местных архивов — Центрального государственного исторического архива С.-Петербурга, Национального архива республики Карелия, Государственных архивов Саратовской, Нижегородской, Новгородской областей и Ставропольского края.

Анализ столь солидной базы антропометрических данных позволяет получить достаточно полное и объективное представление об изменении уровня жизни в России за 220 лет, в том числе в региональном измерении. Полученная картина дополняется и проверяется сведениями о сельскохозяйственном производстве, налогах и повинностях, доходах, ценах и зарплате, питании и демографии, крестьянских и рабочих бюджетах, а также о национальном доходе (используется практически вся введенная в научный оборот общероссийская статистика по этим вопросам).

Я рассматриваю благосостояние населения как *конечный результат* совместных усилий со стороны населения и правительства в деле переустройства российской жизни, начавшегося петровскими реформами в конце XVII в. и закончившегося николаевскими реформами первых лет XX в., и одновременно как важнейший показатель *успешности модернизации*. Если уровень жизни систематически повышался, значит, реформы, шедшие непрерывной чередой в течение двух с лишним веков, были, по крайней мере в экономическом отношении, эффективными и отвечали насущным потребностям большинства населения, независимо от того, встречали они у него поддержку или нет. Если же, наоборот, материальное положение большинства людей понижалось, то мы должны поставить неудовлетворительную оценку реформам. Благосостояние населения может

служить важнейшим критерием при оценке общего развития России, политики правящих верхов и адекватности так называемого освободительного и революционного движения общественным потребностям.

Монография состоит из введения, двенадцати глав, заключения, статистического приложения, списков источников и литературы, словаря специальных терминов, именного и предметного указателей.

В первой главе рассматривается отечественная и зарубежная историография благосостояния населения имперской России. Существуют разные точки зрения на проблему. По мнению одних, в течение всего периода империи уровень жизни снижался, других — благосостояние изменялось циклически, без заметного улучшения или ухудшения, третьих — имеющихся сведений недостаточно для каких бы то ни было надежных выводов. Различны взгляды и на динамику уровня жизни в отдельные периоды. В подобной ситуации целесообразно обратиться к новым источникам и использовать свежие подходы. Такую возможность, по моему мнению, открывает историческая антропометрия.

Вторая глава посвящена краткой истории, предмету, задачам, теоретическим основам и методологии исторической антропометрии. Все эти аспекты обстоятельно разработаны в зарубежной науке, поэтому я кратко, с допустимыми в историческом исследовании подробностями, рассматриваю основные понятия новой дисциплины, суть экономического подхода к антропометрическим данным, а также методологию их анализа: вариационные ряды роста и их характеристики, цензурированная, или усеченная, выборка, округление и аккумуляция при измерении роста и возраста, стандартизация состава выборок.

В третьей главе оценивается современное состояние мировой исторической антропометрии как нового направления в науке и рассматривается историография антропометрических исследований в России в XIX — начале XX в. и в 1917–2010 гг.

В четвертой главе анализируется база антропометрических данных, источниками которых являются медицинские обследования мужчин при наборе в армию в 1730–1940 гг. и измерения рабочих и крестьян земскими врачами в последней трети XIX в. Сначала собранные сведения оцениваются под углом зрения состава измеренных лиц (по возрасту, социальному статусу, году и месту рождения, образованию, этнической и конфессиональной принадлежности, семейному состоянию и профессии) и с точки зрения репрезентативности и точности сведений о росте и возрасте. Затем на основе математико-статистического анализа выясняется, в какой степени рост новобранцев и рабочих зависел от их возраста, социального статуса, семейного положения, профессии, конфессии, этнической принадлежности, места жительства. В связи с этим возникает проблема оценки однородности выборочных данных по отдельным пятилетиям. Дело в том, что наблюдаемые различия в среднем росте между лицами, рожденными, скажем, в начале и конце XVIII в., могут объясняться не изменениями в уровне жизни, а различиями в составе выборочных данных. Анализ выборочных данных показал: в большинстве случаев выборки по пятилетиям и районам достаточно однородны, но для максимально возможной точности целесообразно их стандартизировать с помощью специально разработанного для таких случаев метода — множественного регрессионного анализа.

Пятая и шестая главы посвящены анализу динамики роста мужского населения соответственно в XVIII в. и XIX — начале XX в. по пятилетиям, а также

анализу социально-экономических, политических и экологических факторов, ее определявших: налогам и повинностям, сельскохозяйственному производству, войнам и реформам, изменениям климата, социально-экономической политике верховной власти, смещению центра населенности на Юг. Для XIX — начала XX в., помимо данных о росте мужчин, привлечены данные об их весе, обхвате груди, а также о росте женщин. В седьмой главе содержится анализ географической вариации роста в XVIII — начале XX в. Я оцениваю согласованность в изменении роста различия в росте между 11 регионами и, наконец, провожу регрессионно-корреляционный анализ факторов географии роста, смертности и воинского брака отдельно для середины и конца XIX в.

В восьмой главе дан анализ питания, воинского брака и смертности в XIX — начале XX в. под углом зрения благосостояния и в связи с изменениями роста и веса.

В девятой главе рассмотрена динамика цен и зарплаты в России в имперский период. Впервые в отечественной историографии построен индекс потребительских цен, номинальной и реальной зарплаты плотника — самой популярной профессии в С.-Петербурге — за 1703–1913 гг. Анализ имеющихся сведений о ценах и зарплате по России позволил выводы, полученные по столице, корректно распространить на всю страну.

В десятой главе изучаются представления современников XIX — начала XX в. о благосостоянии крестьянства. В качестве информаторов использованы крестьянские мемуаристы и эксперты, принимавшие участие в работе Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства (1872–1873), Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний (1901–1903) и Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг.

В одиннадцатой главе обобщаются результаты проведенного в монографии анализа и предлагается их экономическая, социальная и политическая интерпретация, в ходе которой пересматриваются некоторые устоявшиеся стереотипы о жизненном уровне, внутренней политике и эффективности реформ в имперской России. Подводятся итоги модернизации России в период империи, оцениваются ее положительные и отрицательные последствия.

В двенадцатой главе анализируются предпосылки и причины Русской революции 1917 года.

В заключении подводятся общие итоги развития России в период империи.

Пять Приложений содержат: список источников; список использованной литературы, насчитывающий более 2140 названий; таблицу изменения среднего роста мужского населения по регионам в XVIII в. и две таблицы со статистическими данными о 50 губерниях Европейской России на середину и конец XIX в.

В словаре специальных терминов дается толкование статистических, медицинских и антропологических понятий, используемых в монографии.

Примечания

1. *Ефимова М. Р., Бычкова С. Г.* Социальная статистика. М., 2004. С. 462–475.
2. В современной отечественной антропологии принят термин *длина тела*, но, поскольку я в своем исследовании оперирую данными, собранными в те времена, когда этот антропометрический признак назывался *ростом*, я буду, по преимуществу, использовать его, делая исключение для новорожденных, у которых все-таки измеряется *длина тела* в лежачем положении, а не *рост* в общепринятом понимании.

1

БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ИМПЕРСКОЙ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

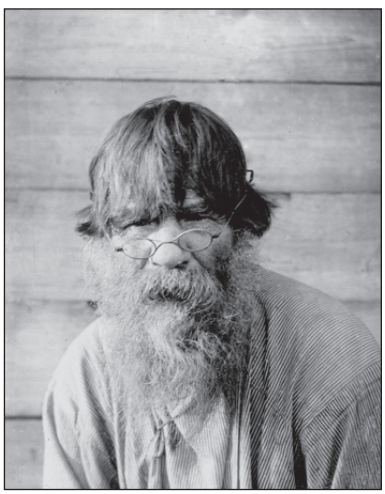
«Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно».

А. С. Пушкин, 1833 г. ПСС: В 10 т. Т. 7. Л., 1978. С. 206.

1.1. Отечественная историография

1.1 а. Дореволюционная историография

Академическое изучение благосостояния населения в России началось с выходом в свет в 1881 г. книги В. И. Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II». Автор заменил расплывчатые и субъективные описания уровня жизни в терминах «выше — ниже» или «хуже — лучше» статистическим анализом массовых источников. Количественный подход, конечно, не страховал от ошибок, однако существенно повышал степень объективности анализа. Семевский пришел к выводу, что с учетом изменения хлебных цен оброки в 1760–1770-е гг. возросли в 1,5 раза, а в 1780–1790-е гг. — несколько понизились. По его мнению, положение оброчных крестьян было, «за известными исключениями, довольно сносным» и лучшим, чем барщинных, которые несли в два раза более высокие повинности. Положение государственных и удельных крестьян Семевский оценивал как более предпочтительное сравнительно даже с оброчными помещичьими. Сопоставление России с Германией, Францией и Польшей привело автора к неожиданному заключению: русские крестьяне жили лучше и эксплуатировались меньше[1]. В 18 великороссийских губерниях (здесь и далее в административных границах России на 1913 г.) в 1765–1767 гг. 54,7% помещичьих крестьян находились на барщине и 45,3% на оброке.



Крестьянин-старообрядец. 1890-е гг. Фото

Семевский Василий Иванович (1848–1916). Фото

Поскольку процент помещичьих крестьян в 1762 г. составлял во всем податном населении 56,2[2], то согласно Семевскому, по крайней мере 69,3% жителей России (государственные и удельные крестьяне — 43,8% всего населения и оброчные помещичьи крестьяне — 25,5%) жили во второй половине XVIII в. «сносно». Это, конечно, не равносильно тому, чтобы сказать «хорошо» или даже «удовлетворительно». Применительно же к первой половине XIX в. автор безоговорочно говорит о значительном усилении эксплуатации и ухудшении положения крестьян, вместе с тем признавая недостаток сведений для твердого заключения[3].

П. Б. Струве, в отличие от Семевского, генезис процесса обеднения крестьянства относил к еще более раннему времени — к последней трети XVIII в. По его мнению, после освобождения дворянства от обязательной службы наметилась и в первой четверти XIX в. завершилась «крупная перемена в социально-экономическом положении русского поместного класса: последний стал приучаться к хозяйственному предпринимательству», вследствие чего и произошло увеличение эксплуатации помещичьих крестьян[4]. Это вело к понижению уровня их жизни вплоть до отмены крепостного права.

Мнение о понижении благосостояния крестьянства в дореформенное время разделяли многие известные социальные исследователи дореволюционной России — Ю. В. Готье, И. И. Игнатович, В. О. Ключевский, А. Е. Лосицкий, Н. А. Рожков[5] и др. Н. П. Огановский полагал: кроме крестьян, беднели также помещики, ввиду возрастания их числа и расточительного потребления, и вообще все население и государство[6]. Именно это, якобы, и вынудило императора отменить крепостное право.

Тезис о снижении жизненного уровня крестьян в *пореформенное* время впервые артикулирован А. И. Герценом, Н. П. Огаревым и Н. Г. Чернышевским. Они доказывали, что условия отмены крепостного права — грабительские для крестьян. Эта точка зрения нашла выражение уже через несколько дней после оглашения Манифеста 19 февраля 1861 г. в написанных революционными демократами прокламациях «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», «К молодому поколению» и «Что нужно народу?». Осмысление основополагающих документов реформы требует времени; спешка в ее оценке свидетельствует о предвзятости.

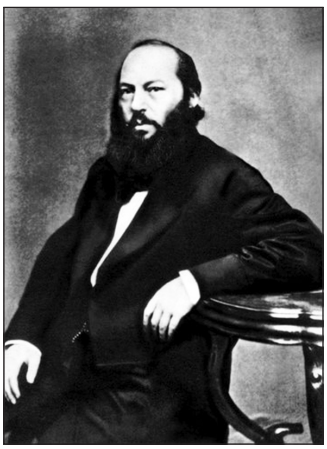
Несогласные с мнением о грабительском характере крестьянской реформы подвергались со стороны демократической общественности осуждению и остракизму. Характерен пример с А. А. Фетом[7]. Известный поэт в 1860 г. купил хутор и неожиданно для всех стал успешным сельским предпринимателем. В 1862–1871 гг. Фет печатал в журналах очерки и в них делился своим опытом хозяйствования, наблюдениями и размышлениями о сельском хозяйстве, крестьянстве, развитии России. На второй цикл его очерков, опубликованный в «Русском вестнике» в январе–марте 1863 г., уже в апреле того же года, откликнулся журнал «Современник», поместив анонимное стихотворение, написанное Н. А. Некрасовым, где деятельность Фета получила негативную и насмешливую оценку:

«Когда сыны обширной Руси
Вкусили волю наяву,
И всплакал Фет, что топчут гуси
В его владениях траву».

В этом же номере журнала М. Е. Салтыков-Щедрин напечатал разгромный разбор очерков Фета с карикатурным пересказом его заметок. Известный сатирик нашел в деятельности Фета следующий состав преступления: «Г. Фет скрылся в деревню. Там, на досуге, он отчасти пишет романсы, отчасти человеконенавистничает; сперва напишет романс, потом почеловеконенавистничает, потом опять напишет романс и опять почеловеконенавистничает, и все это, для тиснения, отправляет в "Русский вестник"»[8]. Предпринимательство Фета объявлялось человеконенавистническим на том основании, что он от вольнонаемных рабочих, нанявшихся к нему на работу, требовал соблюдения договора, боролся с потравами, которые наносили ему соседи, и т. д., словом, вел себя как настоящий хозяин. Критику подхватила вся демократическая пресса. Фета высмеивали Д. Л. Минаев[9], В. А. Зайцев[10], П. А. Медведев[11]. Наконец Д. И. Писарев в 1864 г. завершил его стигматизацию, вспомнив в своей критической статье одного его героя, пострадавшего от Фета-хозяина: «Работник Семен — лицо замечательное. Он непременно войдет в историю русской литературы, потому что ему назначено было Провидением показать оборотную сторону медали в самом ярком представителе томной лирики. Благодаря работнику Семену мы увидели в нежном поэте, порхающем с цветка на цветок, расчетливого хозяина, солидного bourgeois и мелкого человека. <...> Такова должна быть непременно изнанка каждого поэта, воспевающего "шепот, робкое дыханье, трели соловья"»[12]. После этого «мотыльковый поэт» в представлении демократической общественности превратился в крепостника, отчаянного реакционера, противника науки и просвещения, эксплуататора народа. Имидж человека, прикрывавшего свое стяжательство и жестокость маской «нежного поэта», закрепился за Фетом до конца его дней. В 1889 г., за три года до смерти, к 50-летнему юбилею его литературной деятельности, сатирический поэт П. В. Шумахер написал памфлет, вспомнив, уже по слухам, обвинения 25-летней давности[13]:

«Стихотворец и маклак,
Издержать копейку труся,
Он на плешь наводит лак:
Издал Фауста, как кулак,
У Максима отнял гуся».

Поводом для такого осуждения Фета послужили два эпизода из его «Очерков». В первом рассказано о том, как тяжело ему, землевладельцу, заставить вернуть не отработанные работником — бездельником и вором — деньги. Второй эпизод касался получения компенсации с содержателя постоялого двора, гуси которого совершили потраву на фетовской ферме[14]. Оба примера Фет использовал



Фет Афанасий Афанасьевич (1820–1892). Фото

для иллюстрации трудностей при хозяйствовании в условиях вольнонаемного труда после крестьянской реформы, когда законодательство еще не выработало механизма мирного разрешения возникающих конфликтов между работником и работодателем. Фет убежден: все хозяйственные мелочи должны подлежать четкой законодательной регуляции, за что и ратовал в своих очерках. Истинные причины нападок лежали глубже — в различии мировоззрений почвенника Фета и революционных демократов. Вот в кратком изложении воззрения Фета.

Как до, так и после эмансипации помещики играли прогрессивную и позитивную роль, как для крестьян, так и для всего сельского хозяйства: они представляли «цивилизующее начало» в деревне[15]. Крепостное право представляло собой стройную систему, приспособленную к русским условиям жизни дореформенного времени. Крестьянская реформа ее сломала; на смену стали приходить новые отношения. Но в 1860-е гг. они только формировались и не приобрели стройности, которой обладала крепостная система. Отсюда парадоксальность заключения Фета: крепостная русская деревня являлась идеалом, но не по принципу и результатам, а *по своей системности*[16].

«Крестьянская реформа, железные дороги и новое судопроизводство до того изменили коренные условия нашего земледелия, что его без преувеличения можно назвать делом новым». В принципиально иных обстоятельствах сельское хозяйство и деревня могут благоденствовать при четырех условиях: (1) полном юридическом равенстве всех перед законом[17], (2) замене ручного труда машинным, (3) упразднении общины: только частная собственность на землю обеспечивает прогресс и благосостояние, (4) вольнонаемном труде[18].

Земельный надел обеспечивает «необходимо нужное» для крестьянина, отсюда его нежелание искать посторонние заработки и возможность тратить на водку значительные средства[19].

Бедность и богатство — понятия относительные; ощущение себя бедным или богатым зависит от уровня потребностей человека и степени их удовлетворения. «Чувство довольства и недовольства, достаточности или бедности зависит от требовательности отдельного лица — от горизонта его истинных и мнимых потребностей, оценка которых, практический их регулятор, в самом лице». Новые потребности, включая и грамотность, следует развивать только в том случае, если имеются реальные возможности их удовлетворения[20].

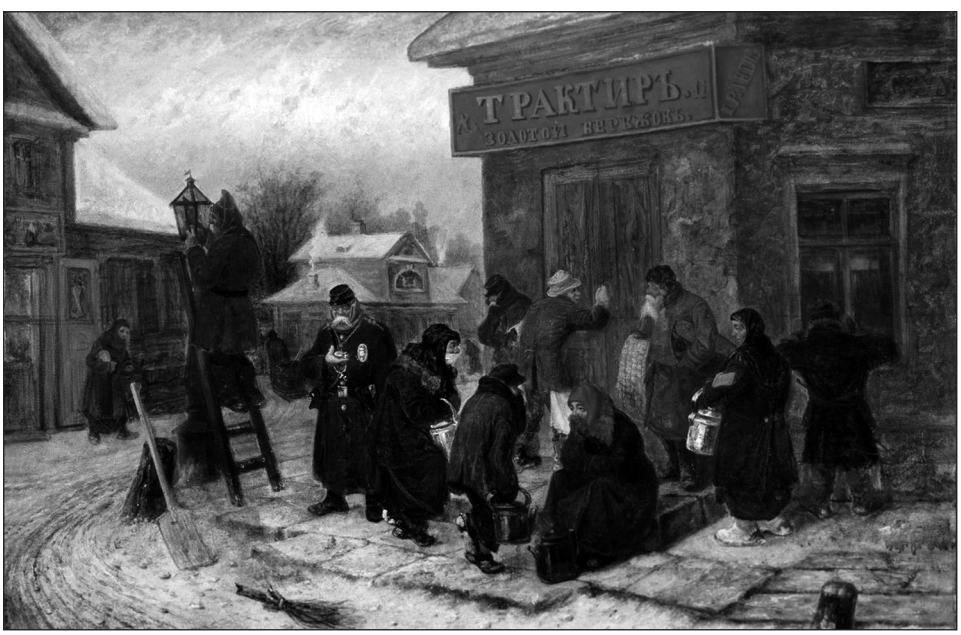
Главная беда России — низкая плотность населения. «Если в известных явлениях нашей жизни низкая плотность населения является наглядной причиною отсталости или, лучше сказать, преградой на пути усовершенствований и нововведений, то это не изменяет нашего главного положения. Источник зла — все та же малонаселенность с ближайшим своим последствием — бедностью. Видя быстрые успехи колоний в новых частях света, при сходных с нами условиях, мы не должны упускать из виду, что европейские колонисты вносят в новую страну силу, энергию и средства образованности уже как готовый материал, выработанный в метрополиях богатством, совокупностью труда и густотой населения»[21].

Водка играет роль «вентилятора» — средства поглощения избыточных, с точки зрения крестьян, доходов. Поэтому косвенные налоги в России целесообразнее прямых: «государство, желающее развития земледелия и вынужденное прибегать к возрастающим налогам, никакими усилиями не соберет ту сумму, которую ему

дает “громадный, безнедоимочный косвенный налог”. Потребление водки в России — умеренное; настоящих пьяниц — мало, да и они в основном в городах[22].

Повышение благосостояния крестьян после 1861 г. ясно показывает: Россия на правильном пути и ее правительство проводит правильную крестьянскую политику. «19 февраля было днем не возрождения, а истинного рождения. Россия, долгое время болезненно носившая зреющий организм свободы, наконец, произвела на свет не недоноска, а вполне развитого младенца, вздохнувшего в первый раз. Тем не менее, это был младенец, и кто мог знать, не искалечат ли его на первых порах многочисленные бабушки и нянюшки и не оправдается ли пословица о семи няньках? <...> С тех пор прошло около 10 лет. Все обошлось благополучно. Правительство, опуская мимо ушей вакхические возгласы и намеки непрошеных нянюшек, не решилось испытывать над новорожденной свободой утопических, нигде в мире не существующих приемов воспитания, а придерживалось общеизвестных приемов, оправданных наукой и опытом. Оно прежде всех поняло, что замена частного произвола личной свободой безотлагательно требует сугубого ограждения личности и собственности положительным законом, незыблемости договоров, полноправности частного хозяйства, права гласного обсуждения своих нужд и т. д. Все это своевременно было понято правительством, и результат вышел громадный»[23].

Введение новых судебных учреждений — «это светлая сторона современной русской жизни. <...> Темные времена недосягаемого, в большинстве случаев, на деле правосудия миновали. Тысячи ежедневных примеров до очевидности доказывают, что народные массы нисколько не смотрят на охранительные законы как на условия, стеснительные для национальных инстинктов, обычаев и привычек. <...> Несмотря на ежедневное соприкосновение с рабочим людом, еще ни разу не пришлось услыхать ропота на *новые порядки* именно от людей этого класса»[24].



Соломаткин Л. И. У трактира. 1860-е гг. ГТГ

Фета за эти мысли записали в число сторонников крепостного права и поборников народного пьянства, врагов и эксплуататоров крестьян, назвали апологетом правительства и замшелым консерватором, обскурантом и стяжателем, кулаком и человеконенавистником. «Русский вестник», напечатавший первые три цикла очерков, отказался от публикации продолжения, и два следующих цикла были напечатаны в менее популярных журналах.

Совсем другая судьба ожидала А. Н. Энгельгардта — автора не менее известных в свое время «Писем из деревни» (1872–1887), публикация которых началась сразу после того, как замолчал Фет. В кругах демократической, народнической и даже марксистской общественности Энгельгардта признавали классиком сельскохозяйственной науки и практики, выдающимся экспертом по крестьянскому вопросу. «Письма из деревни», безусловно, глубоки и талантливы, как и очерки Фета. Однако главная причина их популярности видится в другом — народник Энгельгардт являлся сторонником общины, оппозиционно настроенным публицистом, разделявшим альтернативные Фету воззрения на крестьянство и развитие сельского хозяйства, близкие большинству российской общественности в 1870–1880-е гг. Ф. М. Достоевский в своей записной книжке в 1880 г. заметил: «Общественное мнение у нас дрянное, кто в лес — кто по дрова, но его кое-где боятся, стало быть, оно своего рода сила, а стало быть, и годиться может»[25]. Примеры Фета и Энгельгардта хорошо иллюстрируют эту мысль Достоевского.

Социальные ученые в подавляющем числе случаев искренне поддерживали своими трудами революционных демократов. В 1877 г. Ю. Э. Янсон создал концепцию о несоответствии земельных наделов крестьянским платежам, по существу являвшейся более мягкой интерпретацией оценки реформы как грабежа[26]. Выводы Янсона оказались несостоятельными, так как он строил свои расчеты на сведениях, не всегда отличавшихся достаточной точностью и достоверностью[27]. В частности, важное место в его выкладках занимала урожайность на крестьянских землях, данные о которой существенно занижались. Через 14 лет Л. В. Ходский доказал ошибочность его расчетов, и А. А. Кауфман поддержал Ходского. По их мнению, недостаточные наделы получили лишь 28% всех крестьян, и среди них преобладали помещичьи[28]. Но эти расчеты не оказали никакого влияния на общественное мнение. Бóльшая часть российской интеллигенции пореформенного времени была убеждена, что крестьянство и вся Россия находились в состоянии кризиса. Впоследствии серьезный вклад в развитие идеи о грабительском для крестьян характере реформы внесли народники, а также либералы и социал-демократы.

Ходский Леонид Владимирович (1854–1919). Фото

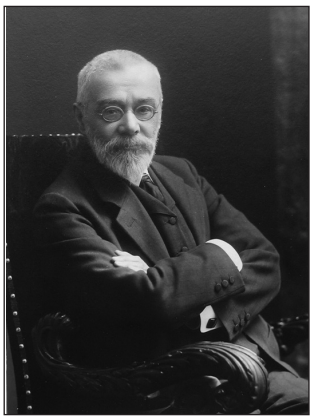
Тезис о систематическом понижении уровня жизни крестьян как до, так и после отмены крепостного права 1861 г. получил поддержку у большинства авторитетных исследователей — в их числе были И. И. Игнатович, А. А. Кауфман, П. И. Лященко, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, А. Финн-Енотаевский[29] и другие, включая, конечно, В. И. Ленина[30], и постепенно стал постулатом в научной литературе и публицистике, что отразила энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона[31].

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918). Фото

Своей кульминации эта точка зрения достигла в работе А. И. Шингарева «Вымирающая деревня»[32] и юбилейном шеститомном издании «Великая реформа». В нем участвовал весь цвет либеральных российских социальных ученых. Через все статьи красной нитью проходит осуждение крепостного права и самодержавия как главных причин общественного застоя и бедности населения[33]. Крепостное право часто называется рабством, крепостные — рабами; десятки страниц посвящены бедственному положению помещичьих крестьян[34]. Ситуация в государственной и удельной деревне описывается тоже довольно мрачными красками, хотя и отмечаются известные преимущества, которыми располагали непомещичьи крестьяне[35]. Пореформенное время (ему посвящен весь шестой том), по мнению авторов, не принесло облегчения народу: тяжелые условия отмены крепостного права, малоземелье, тяжесть налогов, разложение крестьянства, низкая заработная плата сельскохозяйственных и промышленных рабочих — все препятствовало повышению благосостояния[36]. «Надежда, что пореформенные сети будет легче распутать, чем крепостные, до сих пор не оправдалась, — утверждал А. В. Пешехонов. — На место сетей крепостных люди придумали много иных»[37].

Консервативно-монархическая общественная мысль не являлась популярной в пореформенной России: «У нас на сотню либеральных изданий едва шесть консервативных, и на одного консерватора в земстве — двадцать либералов», — писал известный консервативный издатель В. П. Мещерский[38]. Однако и консерваторы, когда касались положения деревни, не пытались его приукрасить, ибо сами находились под влиянием парадигмы обнищания. Громче всех голоса об упадке сельского хозяйства и ухудшении положения крестьянства раздавались из среды дворянских аграриев и носили явно демагогический характер, прикрывая стремление получить государственные кредиты[39].

Пример оценки положения в деревне с крайне правых позиций дает М. О. Меньшиков. В статье «Молодежь и армия» (1909) автор рисует картину полной физической деградации крестьянства, произошедшей в результате Великих реформ: «С каждым годом армия русская становится все более хворой и физически неспособной. До трех миллионов рублей ежегодно казна тратит только на то, чтобы очиститься от негодных новобранцев, “опротестовать” их. Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы. <...> Хилая молодежь угрожает завалить собою военные лазареты. Плохое питание в деревне, бродячая жизнь на заработках, ранние браки, требующие усиленного труда в почти юношеский возраст, — вот причины физического истощения». Причины физической деградации русского солдата автор видит в упадке деревни вследствие отмены крепостного права: «В крепостное время народный труд и быт регулировались культурным надзором; преследуя лень, распутство и бродяжничество, помещики ставили народ в условия достаточного питания и здорового режима. После 1861 года народ брошен без призора. Устои семьи пошатнулись, молодежь потянулась на фабрики. <...> От худо кормленных и плохо работающих, недоедающих и перепивающих мужиков нельзя ждать здорового потом-



Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918). Фото

ства. Среди пустых и вздорных вопросов, которыми заняты у нас теперь парламент и интеллигенция, у нас не замечают этого надвигающегося ужаса: вырождения нашей расы, физического ее перерождения в какой-то низший тип. Еще на нашей памяти среди могучих лесов, теперь повырубленных, на благодатном черноземе, теперь истощенном, обитала раса богатырская в сравнении с бледными замухрышками, каких теперь высылает деревня. В 21 год нынешний деревенский парень является надорванным и полубольным». В другой статье, написанной в 1914 г., Меньшиков, развивая свои мысли, утверждал: после раскрепощения крестьянства «все кривые народного благосостояния резко пошли книзу», наблюдался упадок народного духа и физических сил народа; способность бороться с бедствиями и одолевать их резко понизилась; русская армия была «еще сто с небольшим лет назад самая высокорослая в Европе»; суворовские богатыри покоряли Европу. Ныне же «измельчание и вырождение народа» вынуждает правительство изменить норму при приеме новобранцев, в результате «теперешняя русская армия уже самая низкорослая, и ужасающий процент рекрутов приходится браковать для службы»[40]. В инвективах Меньшикова ни единого слова правды. В конце XVIII в. русские солдаты являлись самыми низкорослыми в Европе и ростовой ценз в русской армии — самым низким. В 1874 г. его еще раз понизили и с тех пор ценз не изменялся, а рост призывников имел устойчивую тенденцию к увеличению. С конца XIX в. уровень воинского брака пошел вниз. Фантастическая картина упадка России создается исключительно для оправдания своей политической позиции, сводящейся к тому, что либеральные реформы и либеральная политика погубили великую страну.

С. С. Ольденбург, написавший в 1930-е гг. по заказу Высшего монархического совета книгу по истории царствования Николая II, дает пример трактовки положения народа с точки зрения умеренных правых, правда уже находившихся в эмиграции и, возможно, ностальгировавших по прошлому. Сельское хозяйство в последней трети XIX в., по его мнению, «находилось в состоянии известного застоя. Отмена крепостного права сильно подорвала частное землевладение и в хозяйственном отношении весьма мало улучшила положение крестьян. <...> Этот процесс, вместе с некоторым повышением уровня сельскохозяйственной техники, только-только уравновешивал быстрый прирост населения. Хлеба хватало на большее число ртов, но количество хлеба на каждого почти не увеличивалось». Причина бедности состояла в низком культурном уровне крестьянского земледелия и общинном землевладении, а не в малоземелье, налоговом гнете и антинародной политике правительства, как утверждали либералы и революционеры. Уровень жизни, считает Ольденбург, стал повышаться только в начале XX в. и на «двадцатом году царствования Николая II Россия достигла еще невиданного в ней уровня материального преуспеяния». Об этом свидетельствовали неуклонное повышение дохода от винной монополии, изготовления пива и спроса на вино и чай, а также увеличение вкладов в сберегательные кассы. «Благодаря

росту сельскохозяйственного производства, развитию путей сообщения, целесообразной постановке продовольственной помощи “голодные годы” в начале XX века уже отошли в прошлое. Неурожай больше не означал голода; недород в отдельных местностях покрывался производством других районов»[41].

Коронная бюрократия чаще оставалась в рамках объективного осмысления, чем общественность разных направлений. Но и она склонялась скорее к негативной, чем позитивной оценке динамики благосостояния населения, о чем говорят многочисленные материалы, собранные и изданные различными государственными ведомствами в 1861–1906 гг. [42] Это можно объяснить наличием в самой коронной администрации, как в правительстве[43], так и в губерниях[44], влиятельной либеральной оппозиции, разделявшей господствующие в обществе мнения[45]. Известный перл А. Х. Бенкендорфа из Отчета III отделения 1831 г.: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение»[46] в пореформенное время не нашел отклика ни у консервативной общественности, ни в правительственных кругах даже в официальной переписке.

Получив всеобщую поддержку либерально и революционно настроенной интеллигенции, концепт кризиса и пауперизации превратился в парадигму — в образец постановки и решения проблемы[47], принятый не только научным сообществом, но и общественностью. Ревизия парадигмы началась только накануне Первой мировой войны. В декабре 1913 г. известный и уважаемый либерал и земский деятель Е. Н. Трубецкой опубликовал статью «Новая земская Россия», в которой почти с восторгом отмечал «подъем благосостояния и поразительно быстрый рост новой (крестьянской. — *Б. М.*) общественности». Автор приписывал это развитию сельской кооперации и материальной поддержке со стороны властей: «Бросается в глаза быстрое улучшение земледельческой культуры. <...> Правительство не жалеет средств в помощь земству для всяких мер, клонящихся к улучшению крестьянского благосостояния». Успехи столь быстры и значительны, что Трубецкой опасался, как бы повышение уровня жизни не привело к забвению духовных ценностей: «“Краем долготерпения” наша деревня, может быть, вскоре уже не будет. Преодолеет ли Россия соблазны материальной культуры?»[48].

Статья Трубецкого вызвала большой резонанс. Известный ученый народнической ориентации Ф. А. Щербина не только полностью поддержал вывод Трубецкого о мощном росте крестьянской общественности благодаря развитию кооперативного движения, но и отметил еще одно принципиальное явление — изменение менталитета крестьянства: «В глубине народной жизни, наряду с прогрессивным экономическим течением (кооперативным движением. — *Б. М.*), явственно происходят также и процессы умственного брожения. <...> Еще недавно самые отдаленные уголки России и глухие деревни жили сказаниями о “слушном часе” или о всеобщем переделе земли, об уравнительном, справедливом наделении землею всех крестьян в размере четырех десятин и т. п., и т. п. И вот теперь наученный горьким опытом пахарь говорит: “Баста! Нечего больше ждать. Коли Дума ничего для нас не надумала, то возьмемся мы сами за ум”. И начали заводить кооперативы. Еще недавно представления о кончине мира в корне подрывали надежду на лучшее будущее для людей. И наряду с этой мрачной легендой, пережившей века, вдруг появляется и крепнет учение о бесконечном совершенствовании всего живущего»[49].

Струве Петр Бернгардович (1870–1944). Фото

Один из лидеров правых эсеров и известный публицист И. Бунаков (И. И. Фондаминский), пенял городской интеллигенции, что она не заметила коренных сдвигов в деревне: «Подъем крестьянского благосостояния, в связи с ростом земледельческой культуры и развитием крестьянской общественности, главным образом в форме кооперативной организации, — вот те глубокие социальные сдвиги русской деревни, которые так обидно почти не заметила наша городская интеллигенция. <...> Именно эти годы, так называемой "реакции" и "застоя", в русской деревне, а, следовательно, в основном массиве русского социального строя, происходили сдвиги, значение которых для будущего развития страны должно быть громадным». Бунаков пошел еще дальше, заявив: «русская социалистическая мысль должна пересмотреть свое отношение к историческому прошлому русской государственности, не должна забывать ее положительных сторон в прошлом, не бояться положительно оценить ее роль»[50].

П. Б. Струве в своем отклике подчеркнул отставание общественности от быстро развивавшейся жизни: «В прежнее время, до политических перемен первого десятилетия нашего века, ощущали и думали так: мысли наши опередили действительность, какое несоответствие между идейной работой и движением жизни! Теперь, по-видимому, думают как раз наоборот: жизнь неуклонно движется вперед, а мысль, идейная работа безнадежно отстает, ничего не производит, топчется на месте». Он призывал «освободиться от того огромного, тянущего ее к низу, груза, или балласта, общественного утилитаризма, которым она наследственно отягчена»[51].

Начавшаяся война помешала этим взглядам оформиться в новую концепцию, так как не замечать очевидного прогресса в России становилось идеологической слепотой. После Октябрьского переворота либералы, оказавшиеся в эмиграции, сформулировали эту новую точку зрения в своих мемуарах, публицистике и даже в исторических работах. Видные кадеты В. А. Маклаков, Н. И. Астров и М. М. Карпович создали концепцию потерянных возможностей. Маклаков делал акцент на позитивной динамике гражданского общества и правового государства[52], Карпович — на «ошеломляющих» экономических успехах начала XX в. и возможности решения социальных проблем мирным путем[53], Астров подчеркивал всесторонность прогресса. «Еще какой-нибудь десяток лет, — утверждал он, — и Россия стала бы непобедимой, могучей и уравновешенной в своих внутренних силах. Она выходила уже на путь правового порядка, свободной самостоятельности и свободного развития своих производительных сил»[54]. П. Н. Милюков, более сдержанно оценивавший успехи страны в предвоенный период[55], признавал, что главные причины Февральской революции были отнюдь не экономическими, а лежали в плоскости политики и культуры. Даже в самый канун революции, по его мнению, не наблюдалось обеднения широких масс населения[56].

1.1 б. Советская и постсоветская историография

Советская историография охотно приняла парадигму пауперизации и кризиса и обобщила ее до исторической закономерности о непрерывном обострении

нужды и бедствий трудящихся в антагонистических общественно-экономических формациях. Парадигма соответствовала марксистскому взгляду на социально-экономическое развитие общества и хорошо укладывалась в марксистскую схему смены феодальной формации на капиталистическую, а капиталистической — на коммунистическую и потому вошла в обобщающие работы[57], учебники по общей[58] и экономической истории СССР[59]. Например, в обобщающем труде по истории сибирского крестьянства утверждалось: тенденция ухудшения его материального положения не изменялась 300 лет, от XVII в. до 1914 г. «Растущее в течение XVII в. бремя повинностей, усиление зависимости крестьян от государства-феодала, несомненно, тормозили процесс сельскохозяйственного освоения края русскими переселенцами. <...> В XVIII — первой половине XIX в. чрезмерный объем платежей и сохранившиеся формы натуральных повинностей разоряли часть крестьянства, держали многих земледельцев на грани нищеты»[60]. «В конце XIX — начале XX в. в сибирской деревне усугубляется процесс разложения крестьянства на сельский пролетариат, с одной стороны, и сельскую буржуазию — с другой. Происходит дальнейшее обнищание бедняцких и середняцких хозяйств, расширение хозяйств кулаков за счет эксплуатации беднейших крестьян. <...> В годы первой мировой войны ухудшилось положение трудящихся масс деревни»[61].

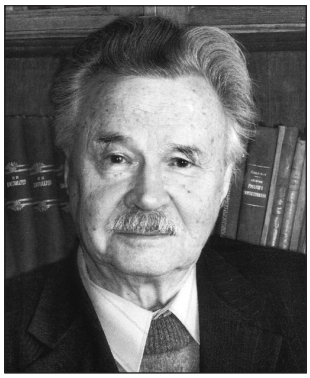
В серии из одиннадцати документальных сборников «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века», подготовленной Институтом истории АН СССР и Главным архивным управлением в 1960–1970-е гг., в предисловии почти к каждому тому неизменно говорилось об обнищании и разорении деревни как важнейшей причине, с одной стороны, крестьянского движения, с другой — социально-политических кризисов, или революционных ситуаций, в стране[62].

Практически во всех работах, включая серьезные монографии по аграрной истории, парадигма пауперизации обрастала все новыми аргументами. И. И. Игнатович, писавшая о тяжелом положении дореформенного крестьянства еще в начале XX в., продолжила свои исследования в этом же ключе и в советское время. По ее мнению, уже в первой четверти XIX в. «крестьянская масса под влиянием усиливающейся эксплуатации иногда медленнее, иногда быстрее шла по пути разорения и обнищания. <...> Крестьянские прошения — крик разоряющегося крестьянства о жестокой эксплуатации»[63].

Н. М. Дружинин в двухтомном труде доказывал, что до реформы П. Д. Киселева положение государственных крестьян было тяжелым: «Обеднение крестьян доходило иногда до грани подлинной нищеты». И приводил в качестве главного аргумента сведения о недоимках[64]. Но после киселевской реформы, утверждал автор, оно стало еще хуже, и доказывал это новым ростом недоимок[65]. После отмены крепостного права положение всех категорий крестьян продолжало ухудшаться, в результате чего «подавляющая масса крестьянства оказалась в самом тяжелом положении»[66]. О том же писали П. А. Зайончковский, Н. А. Егиазарова[67] и многие другие.

Дружинин Николай Михайлович (1886–1986). Фото

По мнению Н. Л. Рубинштейна, во второй половине XVIII в. барщина и оброк выросли больше, чем



Милов Леонид Васильевич (1931–2007). Фото

полагал Семевский (только в последней трети века не менее чем вдвое), коммерциализация сельского хозяйства вела к социальному расслоению и обеднению крестьянства[68]. Серьезный вклад в развитие и утверждение концепции об абсолютном и относительном обнищании крестьянства внесли работы И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова. По их мнению, благосостояние помещичьих крестьян во второй половине XVIII — первой половине XIX в. понижалось вследствие возрастания повинностей и снижения земледельческого производства, и эта тенденция продолжалась в пореформенное время[69]. В 1990–2000-е гг. Милов продолжал разрабатывать эту тему в ключе географического детерминизма: мачеха-природа, считал он, — главная виновница вечной бедности крестьянства. «Все сводится к тому, что объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. <...> Россия была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Низкий уровень агрикультуры, низкая и очень низкая урожайность, весьма упрощенный уклад жизни крестьянства, вечно борющегося за выживание. <...> Находясь в жестком цейтноте (из-за краткости времени, отведенного природой на сельскохозяйственные работы. — *Б. М.*), пользуясь довольно примитивными орудиями, крестьянин мог лишь с минимальной интенсивностью обработать свою пашню, и его жизнь чаще всего напрямую зависела только от плодородия почвы и капризов погоды»[70]. Концепция стала довольно популярной, особенно среди студентов и неисториков, благодаря легкости конструкции. Кроме того, вся вина за отсталость перекладывается с человека и институтов на природу, а это ласкает многим душу.

Ю. А. Тихонов, мобилизовав большой материал о помещичьей ренте, пришел к выводу: в первой четверти XVIII в. барщинные и оброчные повинности неуклонно возрастали и только казенные поборы поставили предел росту эксплуатации крестьян со стороны помещиков[71]. В книге, посвященной дворянской усадьбе, автор расширил свой анализ до 1770-х гг. включительно и показал, что перевод крепостных на барщину и увеличение оброка вели к ужесточению крепостного режима, который обрекал крестьянское хозяйство на низкое потребление. Группировка крестьянских дворов по числу взрослых работников выявила преобладание слоя малосостоятельных хозяйств и снижение доли зажиточных[72]. Выводы Тихонова согласуются с данными работы И. А. Булыгина, обнаружившего в Пензенской губернии удвоение барщины только за 1780-е гг.[73]

Литвак Борис Григорьевич (1919–2002). Фото

На материалах Нечерноземного центра В. А. Федоров доказывал факт усиления эксплуатации помещичьего крестьянства в дореформенное время[74],

Анфимов Андрей Матвеевич (1916–1995). Фото

а В. И. Неупокоев демонстрировал параллельное нарастание помещичьей и государственной эксплуатации с 1724 г., когда введено было подушное обложение, до 1861 г.[75] Внимание Б. Г. Литвака привлек Черноземный центр. Он пришел к заключению об увеличении степени эксплуатации оброчных и барщинных крестьян в конце XVIII — первой половине XIX в. (правда, оброки, по его мнению, выросли в меньшей степени, чем полагал И. Д. Ковальченко), но не согласился с выводом о вымирании помещичьих крестьян и не поддержал тезис о массовом обезземеливании и поляризации крестьянства[76]. Относительно уровня жизни в пореформенное время он присоединился к мнению большинства: «Общий объем повинностей в пользу помещиков сократился. Однако это не привело к росту накоплений в крестьянском хозяйстве, так как возросли государственные и появились новые, земские повинности. Кроме того, сокращение размеров повинностей не могло компенсировать острую необходимость расходов на аренду или покупку земли. <...> Переход на выкуп форсировал обнищание крестьянства»[77].

По мнению С. М. Дубровского, П. Н. Першина и А. М. Анфимова, грабительская для крестьян отмена крепостного права и непосильность налоговых тягот привели к обнищанию крестьянства в пореформенное время, а Столыпинская реформа усугубила эту тенденцию[78]. Тезис о «голодном экспорте» с цитированием И. А. Вышнеградского, бывшего министром финансов в 1887–1892 гг.: «Сами недоедим, а вывезем», прочно вошел в историографию[79].

Я назвал только наиболее заметные книги, оценивавшие ситуацию во всероссийском масштабе. Но имелись еще сотни работ о положении трудящихся в регионах и губерниях и о классовой борьбе, в которых тезис о пауперизации крестьян и рабочих в той или иной степени воспроизводился[80].

Струмилин Станислав Густавович (1877–1874). Фото

Руководствуясь марксистским «законом» об абсолютном и относительном обнищании трудящихся при капитализме, советские историки тезис об обнищании распространили на рабочих не только периода капитализма, но и периода феодализма (по марксисткой терминологии). По расчетам известного советского экономиста С. Г. Струмилина выходило, что в металлургической промышленности в 1647 г. реальная зарплата была в 18,4 раза (!!!), а в 1860 г. — в 2,46 раза выше, чем в 1913 г. В то же время по реальной зарплате в 1913 гг. российские рабочие превосходили западноевропейских и только на 15% уступали американским[81]. Каково же тогда жилось российским рабочим и, надо полагать, всем россиянам — ибо не могли рабочие жить хорошо, а все остальное население плохо, — в XVII в., если

в 1647 г. их реальный заработок в 18,4 раза превосходил заработок российских и, значит, в 16 раз зарплату американских рабочих в 1913 г.?! Выводы Струмилина о систематическом снижении уровня жизни рабочих нашли поддержку в научном сообществе[82].

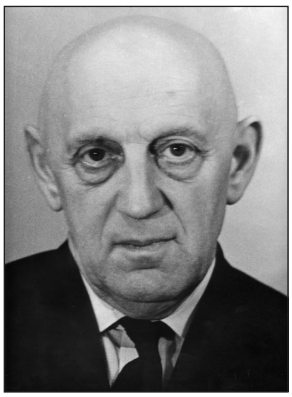
Во второй половине 1950-х гг. концепция обнищания пролетариата в экономической литературе подверглась ревизии. Тезис о систематическом понижении реальной зарплаты заменили тезисом об увеличении разрыва между заработной платой и стоимостью рабочей силы, благодаря чему не исключалась возможность повышения реального дохода рабочих[83]. Другими словами, стало допускаться улучшение материального положения рабочих в абсолютном смысле, правда, только для периода империализма. Ревизию приняли не все и не сразу. Большинство историков продолжало работать в традиционной марксистской парадигме[84]. Однако некоторые исследователи стали признавать улучшение жизни российских рабочих в 1890–1910-е гг.[85] В развернутом виде эта точка зрения нашла выражение в книге Ю. И. Кирьянова, увидевшей свет в 1979 г.[86]

В постсоветское время тема положения крестьян и рабочих вышла из моды, лишь изредка появляются работы, затрагивающих эту проблему, но их авторы в основном придерживаются традиционной парадигмы. Например, С. Г. Кащенко на основании сплошной обработки уставных грамот и выкупных актов в трех северо-западных губерниях пришел к выводу, что величина платежей, приходившихся на десятину удобной земли, возросла на 16%, дореформенная надельная система была деформирована и урезана. «Новые условия, в целом тяжело сказавшиеся на крестьянстве региона, вели к разорению слабых земледельческих хозяйств и еще большему усилению в пореформенный период зажиточной промысловой верхушки. <...> Уже в 1870-е гг. XIX в. обнаружилось массовое обнищание крестьян, причем северо-западные губернии по сравнению с другими губерниями Европейской России оказались наименее благополучными, отличаясь бедностью и недоимочностью. <...> Не изменилась ситуация к лучшему и в 90-е годы»[87].

А. Н. Зорин в весьма информативной книге о жизни горожан в дореволюционном Поволжье не пытается оценить динамику благосостояния за три с половиной века — таковы хронологические рамки его исследования, однако постоянно подчеркивает бедность и нищету: «Продолжительный рабочий день, низкая заработная плата, бесконечные штрафы и издевательства администрации, ужасные бытовые условия, полное политическое бесправие — такой предстает картина жизни рабочего люда в дореволюционном русском городе». «От невыносимых условий труда абсолютное большинство населения было подвержено тяжелым заболеваниям, связанным с профессией». «Нижайший жизненный уровень большинства населения страны» порождал массовое нищенство и всеобщее воровство, которое «было необычайно распространено во всех социальных слоях. Приказчики воровали у хозяев, станционные служащие — с вверенных объектов, высокопоставленные чиновники занимались хищениями из казны. Считалось, что воруют все, и если кто не воровал, такой человек представлялся странным, подозрительным, политически неблагонадежным»[88].

Перестроечные и постсоветские учебники по-прежнему трактуют динамику положения крестьян традиционным способом — от плохого к худшему. С конца XVII до конца XVIII в. уровень жизни систематически понижался. В первой половине XIX в. барщина увеличилась на 65%, оброки помещичьих крестьян —

в 3,5 раза, государственных и удельных — в 3 раза[89]. Тяжелые для крестьян условия отмены крепостного права, быстрый прирост населения, высокие налоги стали источниками нищеты и отсталости пореформенной деревни. В некоторых учебниках тема о положении крестьянства стала просто игнорироваться[90].



Шапиро Александр Львович (1910–1994). Фото

Консенсус изредка нарушался, но «уклонистов» либо ставили на место, либо игнорировали. Например, А.Л. Шапиро в 1958 г. на всесоюзном симпозиуме по аграрной истории поставил вопрос о парадоксальности ситуации, когда в течение почти тысячи лет, от Киевской Руси и вплоть до 1917 г., положение крестьянства ухудшалось: «Жизненный стандарт эластичен, и он может сокращаться, но все-таки не до бесконечности?»[91] Призыв к пересмотру концепции обеднения не нашел отклика и понимания у коллег. Несмотря на это, когда появилась возможность, А.Л. Шапиро организовал и возглавил авторский коллектив по изучению аграрной истории Северо-Запада России. В результате многолетних исследований получен оригинальный вывод: в XV — первой половине XVI в. положение крестьянства являлось вполне удовлетворительным, поскольку на оплату налогов и повинностей уходило около 25–30%. С середины XVI в. уровень жизни стал понижаться вследствие начавшегося социально-экономического кризиса, вызванного повышением налогов, мором, голодом, Ливонской войной и террором опричников. После незначительной и непродолжительной ремиссии в 1590-е гг., запустение и обнищание населения продолжилось, достигнув апогея в первые десятилетия XVII в. ввиду гражданской войны, иностранной интервенции и резкого увеличения налогов, которые стали поглощать свыше половины дохода крестьянского хозяйства[92]. Однако затем, вплоть до конца XVII в., положение вновь стало улучшаться, но степень улучшения источники оценить не позволяют[93]. Распространив полученные выводы на центральную Россию, Шапиро заключил: «... Изменения в имущественном положении крестьян напоминают приливо-отливные течения: положение всей массы крестьян то поднимается, то опускается. А вымывание середки не носит характер необратимого процесса и едва заметно на фоне огромных приливов и отливов»[94]. К сожалению, задуманное исследование не удалось довести до завершения.

По расчету И.А. Булыгина, в первой четверти XVIII в. реальная тяжесть налогов монастырских крестьян (принимая во внимание падение реальной ценности рубля в 2 раза) увеличилась на 10–20%. Но введение подушной подати в 1724 г. привело к сокращению налогового бремени минимум на 27,4%. Этот вывод получен путем тщательного анализа изменения податей с крестьян за каждый год. В 1701–1723 гг. государственные налоги в среднем составляли 3,86 руб. с двора, а после введения подушной подати в 1724 г. — 2,80 руб. (0,70 х 4), принимая 4 души мужского пола на двор[95].

П.Г. Рындзюнский в одиночку, вызывая недовольство некоторых коллег[96], пытался противостоять утвердившейся парадигме обнищания дореформенной деревни. Почти 20 лет он настойчиво доказывал: в конце XVIII — первой половине XIX в. положение крепостного крестьянства не было столь плачевным,

как его принято изображать; доходы крестьянства обгоняли повышение повинностей; численность помещичьих крестьян уменьшалась не по причине вымирания, а из-за социальной мобильности: они переходили в другие сословия и социальные группы[97]. Однако относительно пореформенного времени он разделял господствующий тезис, причем в утрированном виде: сразу после «грабительской реформы» «подавляющая часть крестьян оказалась пролетариями и полупролетариями», «утверждение капиталистического строя достигается ценой разорения и порабощения народа»[98].

Не имела успеха и попытка А. С. Нифонтова доказать, что пореформенное сельское хозяйство динамично развивалось[99], и, следовательно, тезис об аграрном перенаселении и обнищании крестьянства является несостоятельным. Сам Нифонтов, правда, такой вывод не сделал.

В 2003 г. М. А. Давыдов опубликовал первую, в 2010 г.— вторую книгу, в которых убедительно, на мой взгляд, доказываются следующие тезисы: в конце XIX — начале XX в. сельское хозяйство успешно развивалось, потребление крестьянства было удовлетворительным, тезис о «голодном экспорте» не выдерживает критики, Столыпинская реформа являлась своевременной и имела позитивный эффект — мощный подъем аграрного сектора на базе внедрения новой сельскохозяйственной техники — и перспективу. По мнению Давыдова, уровень развития сельского хозяйства до сих пор занижается историками в значительной степени по причине неточности официальной статистики: «Разница между негативистским и оптимистическим подходами к пореформенной истории России заключается вовсе не в противоположной оценке одних и тех же фактов,— справедливо говорит он.— “Пессимисты” унаследовали от народников нехитрый набор хрестоматийных стереотипов, таких, например, как “голодный экспорт”, “малоземелье”, “непомерные платежи и налоги”, “обнищание народных масс”, “провал Столыпинской аграрной реформы” и пр., которые варьируются в том или ином виде и давно считаются якобы аксиоматичными. Однако при ближайшем рассмотрении эти “бесспорные факты” оказываются либо полными фикциями (как, например, “голодный экспорт”, “тягость платежей”, “крах

Вдовичев П. Вечер в крестьянской избе. 1830-е гг. Литография

аграрной реформы Столыпина"), либо, в лучшем случае, некорректными упрощениями. Источниковая база, которой оперируют сторонники второго подхода, несравненно шире, не говоря уже о методологической и методической стороне исследований, а потому их выводы, несмотря на непривычность, с научной точки зрения куда более обоснованы»[100]. Адекватной реакции среди коллег на исключительно ценные работы Давыдова пока не наблюдается.

Автор этих строк в последние 13 лет в книгах «Социальная история России» (три издания в 1999, 2000, 2003 гг.), в первом издании «Благосостояния населения» (2010) и в десятке статей доказывал, что в XIX — начале XX в. не наблюдалось ни перманентного социально-экономического кризиса, ни обнищания населения. Эта точка зрения, вызвав много споров и возражений, нашла понимание у многих исследователей, однако всеобщей поддержки в академической науке пока не получила[101].

Парадигма пауперизации существует в связке с *парадигмой всеобщего, или системного, кризиса российского социума* в пореформенную эпоху, причем в качестве главной опоры. Слово «кризис» имеет несколько значений: (1) резкое изменение, крутой перелом, тяжелое переходное состояние, (2) острый недостаток, нехватка, (3) стадия экономического цикла как временное расстройство экономической жизни, (4) затруднительное, тяжелое положение[102]. В отечественной историографии в работах о пореформенном развитии страны слово «кризис» употребляется преимущественно в своем четвертом значении, отмеченном С. И. Ожеговым как разговорное, причем в него вкладываются такие смысловые оттенки, как упадок, оскудение, деградация. Когда говорят о *системном кризисе* самодержавия, то, как правило, имеют в виду, во-первых, полную несостоятельность режима и по существу, и в глазах народа — из-за невозможности обеспечить его благосостояние; во-вторых, неспособность развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям, что в конечном итоге ведет к параличу власти. При этом под режимом имеется в виду не политическое устройство страны, а *весь строй жизни*, следовательно, и речь идет о нежизнеспособности системы в целом — в политическом, экономическом и социальном отношениях.

Вот, пожалуй, самая полная (из имеющихся в литературе) интерпретация понятия «кризис», предложенная В. С. Дякиным в одной из принципиальных работ по данной проблеме, ответственным редактором которой он был: «Кризис самодержавия в России в конце XIX — начале XX в. проявился по существу во всех сторонах экономической, социальной и политической жизни страны. <...> В основе кризиса самодержавия лежали разложение крепостнической системы хозяйства и развитие капиталистических отношений в стране, обострение классовой борьбы, особенно борьбы пролетариата — гегемона буржуазно-демократической и социалистической революции в России»[103]. Согласно парадигме, кризис режима являлся, во-первых, *всеобщим*: он наблюдался во всех сферах жизни страны, в том числе и как кризис верхов, и, во-вторых, *затяжным*, или *перманентным*: кризис — не стадия, не перелом, не временное изменение к худшему, а **состояние** вследствие сохранения самодержавно-крепостнических основ государственного и политического строя России в 1906–1917 гг. и даже **процесс** — он углублялся и расширялся.

Идея всеобщего кризиса России в 1895–1917 гг., несомненно, происходила от ленинско-сталинской концепции российского империализма как военно-феодального, загнивающего, или паразитического, и умирающего капитализма,

находящегося в состоянии всеобщего кризиса, который ведет к социалистической революции[104]. «Конкретно-исторические условия развития России обусловили затяжной характер кризиса российского самодержавия, — пишет Дякин. — Предметом исследования в настоящей работе является последний этап этого кризиса, совпадающий со вступлением России в эпоху империализма, когда в связи с этим все противоречия российской действительности обострились до предела»[105]. Симптоматично и название самого труда — «Кризис самодержавия в России: 1895–1917», т.е. кризис, продолжавшийся 22 года[106] — ровно столько, сколько существовал в марксистском понимании российский империализм. В другой, более поздней, работе Дякин развивает идею об обреченности царизма: «Самодержавный режим прогнил до такой степени, что оказался неспособным не только осуществить, но даже выработать план своего спасения»[107]. Это является парафразой ленинского тезиса «о застое и гниении» «вместо широкого, свободного, быстрого развития капитализма»[108] и известной сталинской формулы «царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат»[109]. Но если иметь в виду первоисточник представлений о глобальном кризисе российского общества в конце XIX в., то это работа Ф. Энгельса «О социальном вопросе в России» (1875): «Россия, несомненно, находится накануне революции. Финансы расстроены до последней степени. Налоговый пресс отказывается служить, проценты по старым государственным долгам уплачиваются путем новых займов, а каждый новый заем встречает все больше затруднений. <...> Администрация давно развращена до мозга костей; чиновники живут больше воровством, взятками и вымогательством, чем своим жалованьем. Все сельскохозяйственное производство — наиболее важное для России — приведено в полный беспорядок выкупом 1861 года; крупному землевладению не хватает рабочей силы, крестьянам не хватает земли, они придавлены налогами, обобраны ростовщиками; сельскохозяйственная продукция из года в год сокращается. Все это в целом сдерживается с большим трудом и лишь внешним образом посредством такого азиатского деспотизма, о произволе которого мы на Западе даже не можем составить себе никакого представления, деспотизма, который не только с каждым днем вступает во все новое вопиющее противоречие со взглядами просвещенных классов, в особенности со взглядами растущей столичной буржуазии, но который в лице нынешнего своего носителя сам запутался, сегодня делая уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам все более и более подрывает к себе всякое доверие. При этом среди концентрирующихся в столице более просвещенных слоев нации укрепляется сознание, что такое положение невыносимо, что близок переворот. <...> Здесь сочетаются все условия революции»[110].

Из этого же «бессмертного» источника взят и тезис о пауперизации крестьянства: «Крестьяне — в массе своей — в результате выкупа (по крестьянской реформе 1861 г. — *Б. М.*) оказались в чрезвычайно бедственном, совершенно невыносимом положении. У них не только отняли бóльшую и лучшую часть их земель, так что даже в самых плодородных областях империи крестьянские наделы — по русским земледельческим условиям — оказались слишком малы, чтобы на них можно было прокормиться. С крестьян не только взяли за эту землю непомерно высокую цену, которую авансом за них выплатило государство и которую они вынуждены теперь постоянно выплачивать государству вместе с процентами. На них не только взвалена почти вся тяжесть земельного налога, в то время как дворянство

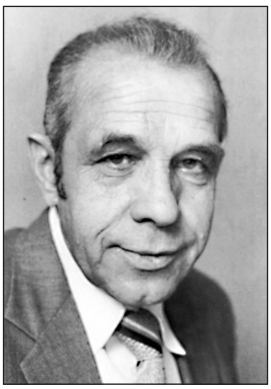
от него почти вовсе освобождено; этот налог поглощает всю стоимость ренты с крестьянской земли, так что все остальные платежи, предстоящие крестьянину, составляют уже прямой вычет из той части его дохода, которая представляет его заработную плату. Мало того. К земельному налогу, к выкупным платежам и процентам за аванс, выплаченный государством, прибавились уже после введения местного управления (имеются в виду земства. — *Б. М.*) губернские и уездные сборы. Существеннейшим следствием этой "реформы" были новые податные тяготы для крестьян. <...> Нет другой такой страны, в которой при всей первобытной дикости буржуазного общества был бы развит капиталистический паразитизм, как именно в России, где вся страна, вся народная масса придавлена и опутана его сетями. <...> Что положение русских крестьян со времени освобождения от крепостной зависимости стало невыносимым, что долго это удержаться не может, что уже по этой причине революция в России приближается, — это ясно»[111].

В случае с системным кризисом ясно видны искажающие очки «бессмертных работ классиков марксизма» и «кратких курсов», сквозь которые долгое время рассматривалась и анализировалась история России, и плод этой аберрации — «темное царство», где революционная борьба — единственный луч света.

Если одни авторы, говоря о системном кризисе, акцент делали на политических процессах, то другие отдавали приоритет социально-экономическим. «Кризис империи назревал весьма долго, незаметно, а проявился чрезвычайно резко, социально аффектированно, "стихийно". Можно выделить несколько "уровней" (стадий, этапов) кризиса. <...> Как бы ни соотносились между собой эти компоненты или этапы системного кризиса империи, для революций 1917 г. на деле решающее значение имели не политические конфликты в "верхах", а социальная борьба низов за выживание»[112].

Увязка пауперизации с общим, или системным, кризисом совершенно обоснована. Трудно спорить с тем, что благосостояние населения — интегральный показатель успешности модернизации и одновременно — конечный результат совместных усилий со стороны самих граждан и правительства в деле переустройства уклада российской жизни, сложившегося в крепостное время. Если уровень жизни систематически понижался, то структурные реформы российского общества в период империи, по крайней мере в материальном отношении, являлись неудачными и не отвечали насущным потребностям народа.

Парадигма кризиса опирается на, казалось бы, очевидную идею: если какая-то структура погибает, то в период, непосредственно предшествующий ее гибели, она находилась в состоянии кризиса и неудержимо шла к своему концу. Говоря конкретно, поскольку царский режим свергли, значит, всегда и во всем он был несостоятельным и почти каждое событие или явление российской истории вело его в конечном итоге к гибели, а страну к революции. В соответствии с этим весь XIX в. рассматривался как дорога к революции, которая временно откладывалась в результате реформирования. Реформы 1860–1870-х гг. лишь отложили революцию, но она все равно с неизбежностью произошла, потому что самодержавие в принципе не могло провести последовательные структурные реформы, так как они не оставляли для него места. Крах режима и социалистическая революция казались абсолютно неизбежными. В упоминавшемся «Кризисе самодержавия» убежденно утверждалось: «Общей причиной кризиса самодержавия во второй половине XIX — начале XX в. была несостоятельность его



Ковальченко
Иван Дмитриевич
(1923–1995). Фото

попыток приспособиться к развивающимся капиталистическим отношениям. <...> Уже первый шаг царизма по пути к буржуазной монархии оказался неуверенным, колеблющимся, неудачным и несостоятельным. <...> В начале XX в. монархия в России могла быть только черносотенно-погромной»[113]. И. Д. Ковальченко, академик-секретарь Отделения истории РАН, не менее убежденно писал в 1992 г., когда не соглашаться с этой идеей уже не представляло опасности: «Социалистическая революция в России была неизбежностью, порожденной особенностями ее исторического, прежде всего аграрного развития»[114]. В 1978 г. тиражом 100 тыс. экз. вышла книга М. К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз». Николай II правил 23 года, и каждый год его царствования являлся шагом к революции. Если бы автор расширил хронологические рамки своего повествования до 1800 г., то мог бы назвать свою книгу «117 ступеней вниз»[115]. Это так же верно, как утверждение, что с момента рождения каждый шаг человека неудержимо ведет его к смерти. Однако независимо от того, правильна или неправильна парадигма кризиса и лежащая в ее основании идея, она владела умами исследователей и направляла их научную деятельность. В постсоветское время историографическая ситуация изменилась, но не столь радикально, как хотелось бы. Например, заметные сдвиги произошли в оценке положения рабочего класса в конце XIX — начале XX в. В исследованиях, выполненных Л. И. Бородкиным, Т. Я. Валетовым, А. М. Маркевичем, И. В. Поткиной, Ю. Б. Смирновой, А. К. Соколовым, И. В. Шильниковым и некоторыми другими на основании скрупулезного изучения новых архивных источников, убедительно доказано, что жизненный уровень рабочих повышался[116].

Необыкновенную прочность парадигме обнищания и кризиса обеспечивала политизация проблемы как до 1917 г., так и после. До 1917 г. отрицание или просто сомнение в пауперизации рассматривалось среди либерально-демократической общественности как страшная ересь, ибо отнимало главный аргумент у противников царизма в борьбе за политические свободы, влияние и власть. Связь между тезисом обнищания и политическими интересами прекрасно объяснил Н. П. Макаров — видный экономист, входивший вместе с А. В. Чаяновым, А. Н. Челинцевым, Б. Д. Бруцкусом и другими учеными в так называемую организационно-производственную школу, которая выступала за решение аграрного вопроса путем интенсификации сельского хозяйства и хозяйственное укрепление крепких крестьянских хозяйств. «Условия политической и социальной жизни выдвинули крестьянский вопрос как один из вопросов социально-политической борьбы; это придало крестьянскому вопросу особую важность и интерес, но это и взяло его во власть соответствующей его постановки, сводящейся к установлению обнищания, разложения деревни в области познавания реальной жизни и к требованию земли в области программных построений. <...> *Не признавать малоземелья представлялось равносильным признанию справедливости существовавших и политического строя, и социальных отношений.* <...> Плач (по крестьянскому хозяйству. — *Б. М.*) тоже был одним из идейных средств борьбы со старым

режимом. *Говорить о прогрессе было довольно трудно* (выделено мною. — *Б. М.*); разрешалось это таким экономистам, как, например, В. В. (В. Воронцов. — *Б. М.*), Н. А. Каблуков и т. п., которых не могли заподозрить в защите правительства и существовавших социальных отношений; но и Н. А. Каблуков писал, что нужно удивляться, как при таких условиях крестьянское хозяйство еще живет»[117]. Как видим, борьба с малоземельем стала синонимом и эвфемизмом борьбы с правительством и служила маркером, разделявшим людей «прогрессивных» и «консервативных», своих и чужих.

Н. П. Макаров констатирует: в широких партийных и интеллигентских кругах и в экономической литературе отрицалось или замалчивалось, что интенсификация земледелия может вывести крестьянское хозяйство из кризиса[118]. Например, лидер кадетской партии И. И. Петрункевич недвусмысленно писал: в данный момент обсуждение вопроса об интенсификации сельского хозяйства не соответствует политическим целям кадетов, поскольку это длительная реформа, ведущая к разрешению аграрного вопроса и ослаблению социальных противоречий в деревне. Предпочтение следует отдать борьбе с малоземельем здесь и сейчас: это ведет к обострению политической борьбы и повышает шансы кадетов прийти к власти[119]. Лозунг «Земля и воля» был популярен среди крестьянства, обладал огромной мобилизующей силой, и лидеры «освободительного» движения не хотели от него отказываться. «”Земля и воля” — таков оказался в конце концов лозунг всего освободительного движения, — констатировал видный эсер, впоследствии лидер народно-социалистической партии А. В. Пешехонов в 1911 г. — Лозунг не новый: за последние 50 лет не раз поднималось это знамя, первая же попытка была сделана чуть не на другой день после падения крепостного права. Тогда оно собрало маленькую кучку молодежи, в последний же раз (имеется в виду революция 1905–1907 г. — *Б. М.*) собрались под ним большие народные массы. Пятьдесят лет прожиты не напрасно, многое в этом отношении изменилось, но знамя осталось старое»[120].

Лозунг «Земля и воля» в то время, когда действовала Государственная дума и, по крайней мере, цензовая интеллигенция имела политические права, конечно, означал призыв к переделу собственности и власти, а признание улучшения в сельском хозяйстве или повышения жизненного уровня крестьянства демобилизовывало и поэтому воспринималось как предательство групповых интересов, ядро которых составляла борьба за власть: «Интеллигенция как группа в деле освобождения народа имела свой групповой стимул — социальной активации и реальной власти»[121]. Борьбу за справедливое решение аграрного вопроса[122] выбрали в качестве трамплина, ведущего гражданское общество к власти, а если понадобится, и средства для свержения существующего режима.

Русский крестьянин. Обложка журнала «Сигналы», 1906, вып. 4

Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919). Фото

Господствующая парадигма кризиса мешала до 1917 г. даже компетентным исследователям дать объективный анализ происходившего. Что же говорить о неспециалистах и публике?! Действительно, можно удивляться, как статистики, включая таких профессионалов, как А. А. Кауфман и В. Э. Ден, просмотрели повышение урожайности в пореформенное время и только в 1917 г. сознались в своей ошибке. «Очень интересен вопрос о том, как изменяются урожаи во времени,— ведь изменения урожаев дают, в конечном счете, самую объективную и точную меру изменений, совершающихся в организации и технике сельского хозяйства. <...> Рост урожайности наблюдался в западноевропейских странах. Россия до недавнего времени казалась и признавалась исключением из общего правила. <...> Как В. Э. Ден, так и я приходили к выводу, что урожаи у нас в России остаются более или менее стационарными. <...> Однако новейшие подсчеты[123] заставляют отказаться от этого вывода. К счастью, оказывается, и Россия не составляет исключения из общего правила роста урожайности. <...> Последовательный рост урожайности в течение последнего полувека не может подлежать сомнению; средний урожай последнего десятилетия (1901–1910 гг.— *Б. М.*) для крестьянских земель почти на половину, для владельческих — почти на две трети выше, чем в первое десятилетие (1861–1870 гг.— *Б. М.*). Но что, с другой стороны, отрадно констатировать,— это то, что *рост урожайности как на владельческих, так и на крестьянских землях идет ускоряющимся темпом*»[124]. Просмотреть увеличение урожайности в 1,5–1,7 раза?! Заметим: подсчеты, на которые ссылается Кауфман, за 1861–1900 гг. опубликованы еще в 1903 г. [125]. Уважаемые статистики, конечно, не занимались фальсификацией. Но их взгляд, несомненно, затуманила господствовавшая в литературе парадигма кризиса, и они сознательно или бессознательно боялись от нее отступить[126]. Н. П. Макаров это подтверждает: «Немало нареканий встречали по своему адресу А. И. Чупров и А. А. Кауфман, писавшие о возможности и нужности интенсификации»[127]. Повышение урожайности — следствие интенсификации и констатация возможности самого этого факта едва ли радовала либерально-демократическую общественность, которая твердо стояла на своем: «Ни домашнего, ни общественного благополучия за истекшие пятьдесят лет нельзя было достигнуть в тех условиях, какие были созданы реформою 1861 г. и находившимися в связи с нею преобразованиями»[128].

Известный литературный критик П. В. Анненков (1813–1887) определил русскую интеллигенцию как «*воюющий орден*, который не имел никакого письменного устава, но знал всех своих членов, рассеянных по лицу пространной земли нашей, и который все-таки стоял по какому-то соглашению, никем в сущности не возбужденному, *поперек всего течения современной ему жизни*, мешая ей вполне разгуляться, ненавидимый одними и страстно любимый другими (выделено мною.— *Б. М.*)»[129]. «Революционным орденом» называл интеллигенцию также и Ф. А. Степун[130]. Идти интеллигентному человеку против орде-

на –опасно, и этому много свидетельств. По мнению Н. А. Бердяева, «в России образовался особенный культ революционной святости. Культ этот имеет своих святых, свое священное предание, свои догматы. И долгое время всякое сомнение в этом священном предании, всякая критика этих догматов, всякое непочтительное отношение к этим святым вело к отлучению не только со стороны революционного общественного мнения, но и со стороны радикального и либерального общественного мнения»[131]. В конце XIX — начале XX в., по словам одного из лидеров правых конституционных демократов В. А. Маклакова, общество усвоило точку зрения: «Единственный враг России есть его правительство; всякое слово в пользу его казалось преступлением перед родной страной. И подобный взгляд оно отстаивало перед всем миром»[132]. Полностью разделял это мнение великий князь Александр Михайлович: «Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю. Об ученом или же писателе, артисте или же музыканте, художнике или инженере судили не по их даровитости, а по степени радикальных убеждений. Достаточно сослаться на философа В. В. Розанова, публициста М. О. Меньшикова и романиста Н. С. Лескова. Все трое по различным причинам отказались следовать указке радикалов. Розанов — потому что выше всего ставил независимость творческой мысли; Лесков — потому что утверждал, что литература не имеет ничего общего с политикой, а Меньшиков — потому что сомневался в возможности существования Российской империи без царя. Все трое подверглись беспощадному гонению со стороны наиболее влиятельных газет и издательств»[133]. Ситуацию точно описала Л. Я. Гинзбург: «Многие большие люди русской культуры не хотели революции, осуждали революцию. Но несогласие с существующим было опытом всей русской культуры. Все мыслящие были *против*, так или иначе. <...> Русский интеллигент находил комплекс несогласия в себе готовым, вместе с проблесками сознания, как непреложную данность и ценность. Потом уже речь шла о том, как совместить это с другими ценностями, даже противоположными»[134].

1.2. Зарубежная историография

В западной историографии идеи кризиса российского общества и пауперизации его населения также получили широкое распространение. Их сформулировали западные исследователи Д. М. Уаллас, Дж. Мавор, Г. Т. Робинсон, Дж. Мэйнард под влиянием русской общественной мысли, а также российские ученые-эмигранты М. Карпович, Г. Павловский, П. Н. Милюков и др. Между авторами имелись различия во мнениях. Согласно Д. М. Уалласу, положение русских крепостных хотя и являлось тяжелым, однако было лучше, чем английских сельскохозяйственных рабочих: они имели землю, дом, скот, платили умеренные налоги и повинности и умирали, не считая крепостничество ужасным бременем[135]. Мавор делал акцент на том, что именно тяжелое положение крестьян и рабочих провоцировало восстания и революции, и значительное их число — лучшее доказательство низкого уровня жизни[136]. По мнению Карповича и Павловского, только после революции 1905 г. и до 1914 г. качество жизни крестьян стало повышаться и появилась позитивная перспектива, к сожалению, похороненная войной[137]. Согласно Робинсону, независимо от того, улучшалось или ухудшалось положение крестьян в последние

годы существования старого режима, оно и в начале XX в. являлось «отчаянно тяжелым»[138]. Созданный Робинсоном в 1932 г. с большим сочувствием к русским крестьянам образ «голодной деревни» оказал и до сих пор оказывает сильное воздействие на западную историографию[139]. По мнению Мэйнарда, русские крестьяне по уровню жизни напоминали жителей северной Индии, а не Европы[140]. Если в российской историографии широкое распространение получила социально-классовая трактовка, то западная историография отдала предпочтение мальтузианской концепции, объясняющей снижение благосостояния чрезмерно быстрым ростом числа жителей[141]. Скованные институтами крепостного права и общины, крестьяне находились между молотом повышающейся эксплуатации сверху, со стороны государства и помещиков, и наковальней усиливающегося давления возраставшего населения — снизу. Отмена крепостного права в 1860-е гг. не улучшила, а в некоторых отношениях ухудшила ситуацию вследствие уменьшения величины и качества земельных наделов, усиления роли общины, увеличения бремени налогов и платежей землевладельцам и государству, хотя форма их и изменилась — барщина заменилась отработками, оброк — арендной платой.

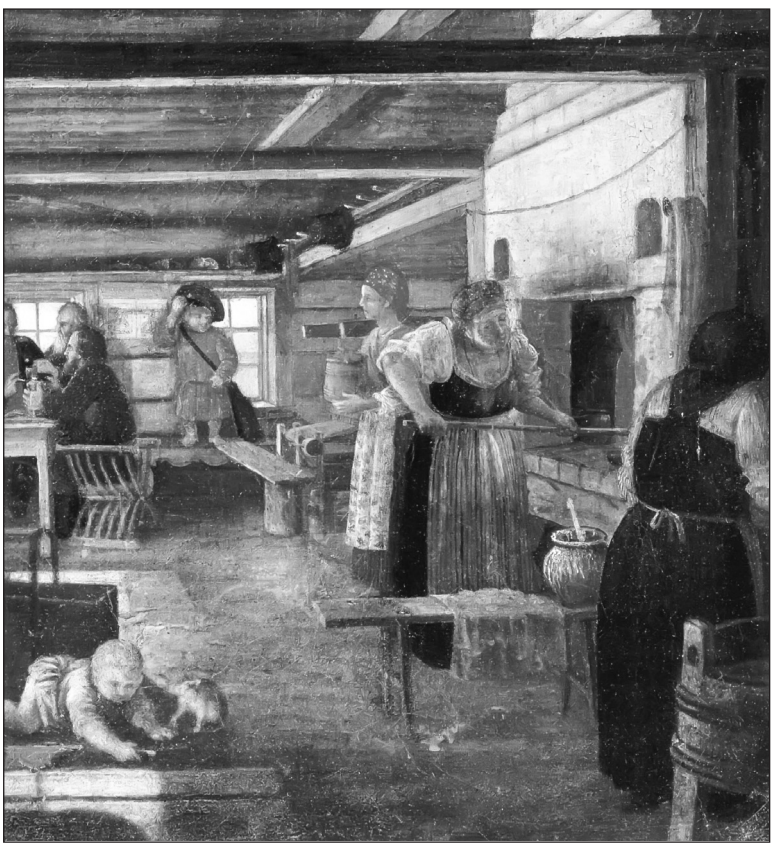
Тезис кризиса/пауперизации получил серьезную поддержку со стороны влиятельной на Западе концепции А. Гершенкрона о российской индустриализации за счет крестьянства, согласно которой государство в имперской и советской России перекачивало ресурсы из сельского хозяйства в промышленность, понижая жизненный уровень жизни деревни до биологического минимума[142.] С известными вариациями тезис поддерживали Т. фон Лауэ[143], С. Е. Блэк[144], У. Л. Блэкуелл[145], М. Е. Фалкус[146], Л. Волин[147], А. Каган[148], Д. Аткинсон[149], Т. Шанин[150], О. Крисп[151], П. Гейтрелл[152], Р. Филиппот, Б. Керблэй, Л. Саккороти, Ж. Соколофф[153], Д. Байрау, М. Хильдермайер, П. Шайберт[154] и другие исследователи, изучавшие социально-экономическую историю России. Однако ряд зарубежных исследователей отмечали преувеличение бедности в России сравнительно с западными странами. С точки зрения С. Г. Пушкарева, положение крестьян в крепостное время было тяжелым, но не до такой степени, как оно изображается во всех советских и большинстве западных работ; после реформ 1860-х гг. оно ухудшалось, но главными причинами этого являлись не малоземелье и высокие налоги, а низкая производительность труда в сельском хозяйстве[155]. По мнению Дж. Блюма, бедность крестьянства, доходившая до полной нищеты, наблюдалась во всех европейских странах в доиндустриальную эпоху (до конца XVIII в.), и Россия не была исключением из этого правила. Питание везде было плохим по качеству, однообразным и недостаточным по количеству. Оно состояло преимущественно из хлеба (в XVIII в. потреблялось в год на человека от 212 до 300 кг) и овощей, с добавлением мяса (не более 13–29 кг), и это давало до 3 тыс. калорий и 75–80 г белка в день. По его мнению, в XVIII в. положение российских крестьян ухудшилось, в первой половине XIX в. не изменилось, а во второй половине XIX в. стало улучшаться, как и во всей Европе[156]. В книге, специально посвященной истории российского крестьянства, Блюм со ссылкой на исследование французского ученого Ле Плея, изучавшего быт российских крестьян и рабочих, и других иностранцев, побывавших в России, полагал, что российские уральские приписные крестьяне в 1840-е гг. питались лучше, чем их шведские, английские, французские и словацкие коллеги, и в стране имелся избыток зерна[157]. С Блюмом солидарна известная английская исследовательница И. Мадариага. По ее мнению,

низкие урожаи и доходность земледелия, а также повышение налогового бремени в первой половине XVIII в. привели к понижению уровня жизни и вызвали пугачевское восстание. Но в целом, по качеству материальной жизни и питанию положение русских крестьян в XVIII в. сравнимо с условиями жизни французских, испанских, итальянских, если судить об этом по впечатлениям иностранных путешественников[158]. Согласно Д. Филду, значительный рост реальных оброков в конце XVIII — первой половине XIX в., о котором писали советские исследователи, был в принципе невозможен: крестьяне не имели возможности их платить, а помещики — собрать, так как крепостные умели сопротивляться. Более того, недоимки по оброкам, будучи обычными и повсеместными, сам оброчный оклад превращали в фикцию. Автор допускает умеренное повышение доходов помещиков в первой половине XIX в., но за счет роста численности крепостных. Снижение земледельческого производства, если оно имело место, являлось результатом падения плодородия почвы вследствие увеличения населения и уменьшения свободных земель. Факт заклада 61,7% всех помещичьих крестьян в банки к 1856 г. говорит лишь о несоответствии доходов и расходов и расточительности помещиков, а не о кризисе крепостного хозяйства. В принципе крепостная экономика едва ли способна к развитию, но всеобщего отрицания крепостного права в середине XIX в. не наблюдалось, поэтому и крестьянскую реформу провели сверху[159]. По мнению П. Колчина, посвятившего книгу сравнению американского рабства и российского крепостничества, уровень жизни рабов был выше, чем у крепостных, поскольку американские стандарты в целом превышали российские[160]. Р. Арон, Р. Дэниэлс, Дж. Кеннан, А. Мишельсон и некоторые другие делали исключение лишь для периода между 1905 г. и 1914 г., когда, по их мнению, наблюдался прогресс во всех сферах. За это они получили прозвище «оптимистов»[161]. По мнению Р. Хингли, «Правительство Николая II после 1905 г. заслуживает большей похвалы, чем ему обычно воздавалось»[162].

Научное сообщество западных историков приняло тезис о пауперизации, и в течение 1920–1970-х гг. он прибрел статус парадигмы, вошедшей в учебники. Как и в России, положения о пауперизации и кризисе являлись двумя сторонами одной парадигмы. Две ключевые идеи — «кризис старого режима» и «дорога к революции» — довлели над многими исследователями[163]. Они исходили из идеи, что раз империя потерпела крах, то почти каждое событие или явление в ее истории вело к гибели[164].

В западной историографии парадигма кризиса/пауперизации не имела советской жесткости, допускались колебания в оценках благосостояния, да и за ревизионизм не лишали свободы, хотя в США, не говоря о Германии или Италии в 1930–1945 гг., в годы активной деятельности сенатора Дж. Маккарти на посту председателя Комиссии по вопросам деятельности правительственных учреждений (1950-е гг.) можно было потерять работу за симпатии к марксизму, социализму, СССР, за участие в первомайских демонстрациях и других видах «подрывной деятельности». Однако парадигма есть парадигма: она стандартизировала взгляды и подходы. Причем если в специальных работах существовало разнообразие мнений, то в учебниках наблюдалось больше единодушия в оценке уровня жизни как очень низкого и его динамики как понижающейся, что часто рассматривалось в качестве важнейшей причины бунтов, волнений, восстаний и русских революций начала XX в.[165] Например, по мнению Б. Самнера,

хотя положение крепостных было в целом тяжелым, но оно сильно варьировало по регионам и зависело от владельца[166]. Р. Пайпс отмечает перманентную нищету крестьянства и бедность всех россиян, кроме узкой группы элиты, как следствие тяжелых природных условий, невыносимого налогового бремени, отсутствия мотивации разбогатеть, первобытного мышления и огромного прироста населения. Впрочем, по его мнению, в доиндустриальную эпоху бедность являлась общим явлениям во всех европейских странах и русские не всегда относились к самым бедным[167]. Дж. Н. Уэствуд, подчеркивая всеобщую и постоянную бедность русских в XVIII–XIX вв., заметил, что бедный крепостной мечтал о комфорте, которые имел американский раб на плантации. Однако и после отмены крепостного права положение крестьян не улучшилось[168]. Автор самого популярного в США учебника по русской истории Н. В. Рязановский придерживается традиционной парадигмы: независимо от того, возрастал или понижался жизненный уровень крестьянства в последние годы существования старого режима, его положение и в начале XX в. может вызывать только сожаление[169]. Г. Роджер, оспаривая мнение коллег о повышении благосостояния в России в позднеимперский период, заключает дискуссию компромиссным заявлением: жизнь слишком сложна, чтобы на основании средних цифр, тен-



Сцена в крестьянской избе. *Неизвестный худ.* 1840-е гг. ГРМ

денций, оценок и сравнений сделать правильное заключение о положении крестьянства[170].

В западной, как и в российской, историографии всегда находились не согласные с господствующей точкой зрения. Но до поры до времени их голоса звучали слабо. В 1976 г. ревизию парадигмы пауперизации в пореформенной деревне предпринял Дж. Симмс[171]. Традиционно рост косвенных налогов рассматривался исключительно как показатель увеличения тяжести налогообложения, а Симмс предложил считать это индикатором повышения благосостояния, поскольку покупка водки, керосина, спичек и других товаров носила факультативный характер. Он предполагал также: недоимки росли не потому, что крестьяне не могли их заплатить, а потому, что не хотели. Одна статья Симмса, конечно, не могла изменить ситуацию, и ее, возможно, забыли бы, если бы не сильная поддержка П. Грегори. В серии статей и нескольких книгах он убедительно доказывал тезис об улучшении положения крестьянства, опираясь на данные о динамике основных макроэкономических показателей социально-экономического развития и национального дохода России в 1861–1913 гг. По мнению Грегори, уровень экономического развития России накануне Первой мировой войны был выше, чем это традиционно принято считать; темпы экономического роста страны и ведущих стран Запада вполне сопоставимы; Россия достаточно интегрирована в мировую рыночную экономику, ее народное хозяйство росло быстрее населения. Негативное влияние аграрного кризиса 1870–1890-х гг. преувеличено, темпы развития сельского хозяйства преуменьшены, а потребление крестьян недооценено[172]. Благодаря работам Грегори идея повышения уровня жизни в деревне стала постепенно овладевать умами западных историков.

По мнению Е. М. Уилбур, бедность крестьянства в конце XIX в. в литературе сильно преувеличена. Главные причины бедности находились не на макро-, а на уровне отдельного хозяйства, — случайные события в жизни крестьянского хозяйства. По ее расчетам, раздел семьи, хроническая болезнь или инвалидность, возникновение нового хозяйства без экономических ресурсов, семейные ссоры объясняли до 60% случаев бедности, а пожар, эмиграция или ранняя смерть работника, неурожай, неудачная миграция — 29%. Составная семья и передельная община снижали риски бедности; в крепостное время стабилизирующую роль играл помещик. Развитие рыночных отношений в пореформенное время подрывало стабильность деревни. Однако в целом в конце XIX в. только около 10% хозяйств, а в самых бедных уездах около 20% находились в состоянии перманентной бедности, выйти из которой не представлялось возможным. Около 80% крестьянских хозяйств относились к тем, кого крестьяне считали средними и зажиточными[173].

В книге Р. Е. Смит и Д. Христиан показано: питание крестьянства, состоявшее в основном из хлеба, овощей, с добавкой мяса, рыбы и фруктов, являлось сбалансированным и удовлетворяло их потребности в XIX в. Только душевое потребление 300 кг хлеба в год давало на человека 2500 калорий в день, а с учетом других продуктов ежедневное питание давало свыше 3000 калорий[174]. По их мнению, ухудшение питания, возможно, произошло в середине и конце XIX в. вследствие неурожаев и уменьшения численности скота[175].

Ст. Г. Уиткрафт сосредоточился на сельском хозяйстве. По его расчетам, производство зерна на душу населения в 1861–1913 гг. росло, но поголовье скота

сокращалось, зарплата сельскохозяйственных рабочих понижалась, бремя налогов увеличивалось и в целом неплатежеспособность крестьянства (если судить по росту недоимок) возрастала. Несмотря на это, он делает следующий вывод: в долгосрочной перспективе уровень жизни в большинстве регионов повышался благодаря росту сборов зерновых — главного источника доходов крестьянства. Хотя в ряде местностей Черноземного центра, для некоторых групп крестьянства и в отдельные годы (1891–1893 и 1905–1908) материальное положение ухудшалось. Крестьянские волнения 1905–1908 гг. вызывались чаще не снижением жизненных стандартов, а правительственной политикой, падением авторитета власти, жесткими наказаниями за недоимки[176].

С точки зрения Д. Филда, использовавшего для оценки процесса имущественного расслоения крестьянских хозяйств коэффициент Джини, в пореформенной деревне «интенсивной концентрации всех видов собственности в богатых хозяйствах не наблюдалось», так же как и концентрации нищеты в бедных хозяйствах; «зародыши капитализма» даже в начале XX в. сильно преувеличивались советскими историками[177].

Д. Керанс продемонстрировал на примере Черноземного центра, что в пореформенной деревне происходили важные изменения в агротехнике, крестьяне стали восприимчивыми к нововведениям и прислушивались к рекомендациям агрономов[178].

Активным ревизионистом в последние 25 лет является Ст. Хок. По его мнению, как до, так и после отмены крепостного права материальное положение крестьянства находилось на удовлетворительном уровне, а до 1861 г. было лучше, чем во многих западноевропейских странах. Его аргументы относительно пореформенной деревни основываются на анализе массовых демографических сведений, выкупных платежей, земельных наделов и цен на землю[179].

В последние 25–30 лет ревизионизм все глубже проникал в американскую историографию[180] и распространился на Европу. Например, в Великобритании, по утверждению Дж. Хартли, крепостное право отнюдь не тормозило экономического развития страны, а крепостные не доводились до бедности. По мнению Д. Муна, большая часть крестьян в XIX — начале XX в. чаще всего имела адекватное потребление. Размеры барщины и оброка в крепостное время постоянно росли, однако не в такой степени, как это считалось в советской историографии. После эмансипации эксплуатация снизилась, уровень жизни повысился[181]. В Германии П. Шайберт и Д. Байрау подвергли критике господствующую в немецкой историографии точку зрения об ухудшении положения российского крестьянства в первой половине XIX в.[182] Новые идеи о повышении благосостоянии крестьян в пореформенное время активно артикулировали ведущие социальные историки Г. -Д. Лёве и С. Плагенборг; их поддержали Ст. Мерль и М. Хильдермайер[183]. Более взвешенно стал трактоваться и вопрос о динамике реальной зарплаты рабочих, которая, по мнению немецких историков, в значительной мере определялась экономической конъюнктурой[184]. Лёве на основе собственных статистических расчетов поддержал П. Грегори в том, что положение русского крестьянства в пореформенное время улучшалось, дифференциация сглаживалась, сельское хозяйство интенсивно развивалось, индустриализация создавала дополнительные возможности для возрастания крестьянских доходов. По расчетам Плагенборга, основное податное бремя лежало на горожа-

Навозов В. И. Даровая столовая. 1888 г. ГТГ

нах, а не на крестьянах, вследствие чего индустриализация не финансировалась за счет обеднения крестьянства.

Оценка крестьян как бедных и отсталых, униженных и оскорбленных, имела в свое время и политическую составляющую. Такие крестьяне нуждались в поддержке, представительстве, защите, руководстве, и все это им могла дать интеллигенция, в особенности профессионалы, работавшие в деревне агрономами, учителями, врачами, статистиками[185]. По убеждению американского историка Я. Коцониса, идея о крестьянской отсталости и бедности намеренно культивировалась интеллигенцией и внедрялась в сознание самих крестьян, воплощалась в новых учреждениях, например сельскохозяйственных кооперативах, призванных модернизировать деревенскую жизнь. Культурная дискриминация крестьян служила способом самоидентификации и самоутверждения интеллигенции и средством установления контроля над крестьянами, позволяла руководить их жизнью, направлять их поведение в нужном направлении, в том числе помочь самой интеллигенции материализовать свои политические интересы[186]. Как заметил петербургский писатель А. М. Мелехов, «Некрасов доводил до идеальной отчетливости крайне лестную для демократической молодежи картину “несчастный народ и народные заступники”. При этом и народ изображался чистой жертвой, практически лишенной каких-то принижающих качеств, и “заступники” состояли из одной лишь жертвенности, свободной от корыстных и суетных побуждений. Преклонение перед народом трансформировалось в максиму ”обиженных украшать, обидчиков обезображивать”. И чем сильнее будет боль за обиженных, тем более контрастным окажется и разделение на чистых и нечистых. Мы знаем множество революционеров, пылавших ненавистью, но отнюдь не любовью: их ненависть к тирании слишком часто оказывалась завистью неудавшихся тиранов к удавшимся»[187].

Итак, можно констатировать появление второй, альтернативной точки зрения в западной историографии на социально-экономическое развитие позднеимперской России, которая в настоящее время является тем, что называется мейнстримом — ведущим и набирающим силу направлением[188]. В сущности новый взгляд подрывает главный тезис классической западной русистики о кризисе старого режима, справедливо утверждает патриарх западной историографии М. Конфино: если убрать аграрный кризис из стройной картины всеобщего кризиса, приведшего к русским революциям, то всю концепцию падения императорского режима следует пересмотреть[189]. Среди зарубежных, прежде всего американских, славистов эта точка зрения всегда имела сторонников из числа так называемых «оптимистов». В последние 10–15 лет их число, как кажется, растет[190], хотя «пессимисты» не намерены складывать оружие[191].

В этом плане весьма примечателен сборник статей «Россия в европейском контексте, 1789–1914: Член семьи». В нем пересматривается общепринятое положение о России как стране, чья особая исключительность фатальным образом уводила ее в сторону от европейского пути развития и обусловила все проблемы в XX в. Авторы единодушны в следующем: Россия при всех ее особенностях — «типичная европейская страна»; пришло время отказаться и от жесткого противопоставления «отсталой» России и «передовой» Европы, взглянуть на историю с точки зрения современников, для большинства которых Россия вместе с Европой составляла единое целое, и признать, что каждая страна имела свои особенности и развивалась в соответствии с национальными культурными традициями[192].

1.3. Итоги

В конце XIX — начале XX в. в дискурсе о пореформенном развитии российского общества в историографии сложилась *парадигма кризиса и пауперизации*. Согласно ей, причиной общего, или системного, кризиса России и обнищания ее населения в первой половине XIX в. являлось крепостное право, а в пореформенное время — половинчатость освободительных реформ 1860–1870-х гг., которые не были доведены до конца — общество не получило конституцию. Неуклонное снижение жизненного уровня крестьян и рабочих рассматривалось как главное доказательство кризиса и несостоятельности существовавшего политического режима. Советская историография унаследовала парадигму и обобщила ее до исторической закономерности о непрерывном обострении нужды и бедствий не только крестьян, но и рабочих в антагонистических общественно-экономических формациях. В ее рамках анализировалось развитие российского общества в период империи. Парадигма выполняла роль маркера, разделяющего людей на своих и чужих. До 1917 г. отрицание или просто сомнение в пауперизации рассматривалось среди либерально-радикальной интеллигенции как страшная ересь, поскольку отнимало главный аргумент у противников царизма в их борьбе за влияние и власть. В советской историографии парадигма стала настоящей идеологемой, и отклонение от нее стало преследоваться намного строже: исследователь мог потерять не только уважение в научном сообществе, но работу и свободу. Поэтому не будем бросать камни в ее сторонников: теперь это делать легче и сравнительно безопаснее, хотя по-прежнему трудно и рискованно, так

как ее сторонников немало среди историков старшего и среднего поколения. Отметим только, что в подавляющем числе случаев парадигма разделялась членами научного сообщества, и кривить душой людям не приходилось. Примерно то же самое происходило и в западной историографии. Это доказывает *принудительный характер парадигмы* в научных исследованиях.

Концепцию кризиса и пауперизации правомерно трактовать как научную *парадигму,* или *дисциплинарную матрицу*, в том смысле, какой придается ей в социологии науки: «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»[193]. Парадигма — это не только теория, но и способ поведения в науке, образец решения исследовательских задач в соответствии с установленными правилами; она дает готовый и почти обязательный алгоритм исследования. Императивность парадигмы обусловливается тем, что она существует в рамках научного сообщества и поддерживается им. Если профессиональный исследователь идентифицирует себя с научным сообществом, он должен придерживаться господствующей парадигмы, иначе он будет в нем белой вороной, более того — рискует вообще быть исторгнутым из него. Научное сообщество, таким образом, выступает для отдельного исследователя референтной группой, с которой он сверяет свою научную деятельность, если хочет пользоваться престижем и уважением. В течение ста последних лет сообщество историков в России и за рубежом придерживалось парадигмы кризиса и пауперизации, поскольку она наилучшим образом, с точки зрения большинства историков, объясняла общественное развитие России XIX — начала XX в. как фатально ведущее к революции и гибели империи. Для преобладающего числа историков, в особенности для тех, кто специально не занимался социально-экономическим и политическим развитием позднеимперской России, парадигма являлась фоновым знанием, она молчаливо принималась на веру как аксиома[194]. Трактовка концепции кризиса и пауперизации *как научной парадигмы, защищенной общим мнением научного сообщества и благодаря этому обладающей огромной силой инерции,* хорошо объясняет, почему соответствующие ей представления удерживаются в историографии более столетия, несмотря на то что противоречат реальным фактам.

Дело усугубляется еще одним важным обстоятельством — объективно оценить уровень жизни россиян в XVIII — начале XX в. трудно; некоторые историки даже полагают — невозможно[195]. Тем не менее, попытки сделать это не прекращаются. В качестве критериев используются недоимки, налоги и повинности, доходы, обеспеченность землей и скотом, заработная плата, питание, смертность и естественный прирост населения. Но ни один из перечисленных показателей из-за отсутствия систематических и точных сведений не является достаточно надежным.

Наиболее популярным у исследователей индикатором бедности являются недоимки — практически все, кто касался этого вопроса, ссылаются на них как на самый надежный индикатор благосостояния. Однако Дж. Симмс с этим категорически не согласен: крестьяне и мещане не торопились платить подати даже тогда, когда они располагали средствами, хотя бы потому, что долги по налогам регулярно прощались верховной властью[196]. Не доказано существование тесной зависимости между доходами, повинностями и недоимками, а без этого опора на последние является слабой. К недоимкам исследователи обращаются по следующей причине — о них имеются практически ежегодные сведения

в общероссийском масштабе, а по всем другим показателям таких подробных сведений нет[197].

Увеличение налогов и повинностей само по себе также не является доказательством понижения уровня жизни, ибо может сопровождаться ростом доходов. Между тем, повинности сопоставляются с доходами крайне редко из-за отсутствия информации о доходах, а когда сравниваются, то — неудовлетворительно: доходность выводится дедуктивным путем на основе данных о производстве зерна и заработков на стороне и касается нескольких поместий или двух–четырех губерний. Однако крестьяне получали доходы от скотоводства, птицеводства, рыболовства, охоты, собирательства и т. п. Источники крестьянских доходов были столь многочисленными и скрытыми от посторонних глаз, что все доходы крестьян учесть просто невозможно[198].

Корректная оценка доходов, тяжести налогов и повинностей невозможна без учета цен, но в литературе имеется динамический ряд потребительских цен за длительный срок только по Петербургу. Из-за этого даже серьезные экономисты попадают впросак. Например, американский экономический историк А. Каган доказывает неуклонный рост налогового бремени для крестьянства в XVIII — начале XX в., однако без учета изменения цен его выводы не являются корректными[199]. Аналогичным образом расчеты зарплаты промышленных или сельскохозяйственных рабочих без поправки на динамику цен не убедительны. Между тем, цены в XVIII–XIX вв. из-за частых пертурбаций в денежной системе и инфляции колебались в огромных пределах. Мало того, в период империи существовала сильная повышательная тенденция в движении цен: если судить по Петербургу, в XVIII в. потребительские цены повысились примерно в 5 раз, в XIX — начале XX в. — в 1,6 раза[200]. Наконец, вызывает сомнения и точность оценки величины владельческих повинностей. Нередко оброк назначался индивидуально, почти всегда выплачивался с большими недоимками, что не принимается во внимание, да и в принципе вследствие отсутствия надежных сведений его тяжесть не может быть точно измерена историками. Самые полные данные о ренте относятся к кануну отмены крепостного права; они собраны редакционными комиссиями со слов самих помещиков. Но, стремясь получить максимальную компенсацию за землю и крепостных, последние завышали ее размеры[201].

Обеспеченность землей и скотом также не может служить надежным показателем благосостояния по причине отсутствия достоверной информации: сбор зерновых преуменьшался на 10–25%, а количество скота — на 30–50%[202]. Опасаясь увеличения налогов, респонденты — как крестьяне, так и помещики, занижали данные, характеризующие состояние сельскохозяйственного производства как до, так и после отмены крепостного права; крестьяне настороженно относились ко всякого рода обследованиям вплоть до конца имперского периода[203].

Коэффициенты смертности и естественного прироста до некоторой степени могут служить индикатором уровня жизни. Но для XVIII — первой трети XIX в. они совершенно неточны; в последующем их точность повысилась, но даже на рубеже XIX–XX вв. оставалось неудовлетворительной[204]. Кроме того, рождаемость отличалась стихийностью, мало зависела от благосостояния и провоцировалась высокой смертностью[205].

Важным признаком уровня жизни в имперский период является питание. Однако до конца XIX в. имеются единичные случаи комплексной оценки состава

потребляемых продуктов и их энергетической ценности. Как правило, фигурируют сведения о номенклатуре продуктов и блюд, но количественные измерения либо отсутствуют вообще, либо произвольны, создавая возможность для рискованных спекуляций вроде следующей: питание среднего крестьянина, состоявшее главным образом из хлеба, в XVIII — первой половине XIX в. являлось крайне неудовлетворительным — на 1700 килокалорий в день на *взрослого* человека[206]. Но на таком пайке можно только отдыхать, а не работать. Лежащий или сидящий человек расходует 1,2 ккал в час на 1 кг веса[207]. Средний вес взрослого мужчины в первой половине XIX в. составлял 60 кг, женщины — 50 кг, следовательно, на 24 часа им требовалось минимум 1728 и 1440 ккал, в среднем на человека 1584 ккал. На удовлетворение всех потребностей, кроме поддержания жизнедеятельности организма, оставалось лишь 116 ккал. Где же человек брал энергию для работы?! Разумеется, в отдельные моменты, на короткий срок подобная депривация возможна, но если бы она была систематической и продолжалась в течение многих поколений, это привело бы к вырождению популяции, и Россия давно исчезла бы с карты мира.

Ревизионисты подвергли острой критике своих оппонентов, но их построения также не бесспорны и между ними нет согласия. Рост косвенных налогов можно интерпретировать двояким способом — и как увеличение налогового бремени, поскольку некоторые товары покупать просто необходимо (спички, керосин), и как показатель повышения благосостояния, когда покупалась водка; следовало бы также определить, какая доля косвенных налогов приходилась на деревню и на город. Недоимки могут указывать как на переобремененность налогами, так и на желание от них уклониться. Отходничество может свидетельствовать как об аграрном перенаселении или низком уровне доходов в деревне, так и возрастании мобильности крестьянства, ищущего новые выгодные источники доходов[208]. Примеры двойной интерпретации легко умножить. Хок критикует всех [209], но его аргументация не всегда достаточна и убедительна. Для доказательства удовлетворительности положения крепостных в дореформенный период он привлек сведения только по одному нетипичному помещичьему имению, находившемуся в недавно колонизованной и очень плодородной части Тамбовской губернии[210]. Повышение благосостояния в пореформенное время доказывается ссылкой на демографические данные (хотя он хорошо знает об их ненадежности)[211] и на выгодные условия отмены крепостного права. По мнению Хока, если учесть действительные цены выкупленной крестьянами земли, то последние недоплатили 23% ее стоимости[212], другими словами, одурачили своих помещиков. Требуется объяснение, как неграмотным крестьянам удалось обмануть грамотных помещиков, которые располагали квалифицированной юридической помощью.

В ситуации, когда традиционные показатели (зарплата, цены, доходы, рента, собственность, бюджет, потребление, национальный доход, степень неравенства) либо вызывают серьезные нарекания из-за низкой надежности, либо информации о них недостаточно, целесообразно обратиться к альтернативным индикаторам благосостояния, обеспеченным источниками. В нашем случае эту роль могут сыграть антропометрические данные (прежде всего — дефинитивный рост человека), с 1969 г. плодотворно используемые для этой цели в разных странах. В пользу этого можно привести три аргумента.

Во-первых, мы располагаем массовыми антропометрическими сведениями, что позволяет построить единый однородный динамический ряд длины тела

мужчин по России в целом и по основным ее регионам за 310 лет, 1701–2010 гг., и на основании его сделать оценку изменения благосостояния населения России за весь этот период. Между тем как данные о ценах, зарплате, бюджетах, питании, распределении доходов и собственности — спорадические. С их дефицитом сталкиваются исследователи даже по советскому периоду, хотя Центральное статистическое управление СССР в ходе бюджетных обследований собирало информацию о потреблении и заработках рабочих, служащих и крестьян. Во-вторых, антропометрические данные позволяют посмотреть на положение людей в новом ракурсе: оценить их биологический статус, баланс между потреблением и расходом энергии — а этого ни бюджет, ни зарплата, ни доход не учитывают.

В-третьих, антропометрические сведения универсальны и элементарны, их легче сопоставлять, если они относятся к разным годам, к разным социальным группам или странам, они не нуждаются, как, например, зарплата, в поправках на инфляцию. Используя их, мы одновременно решаем проблему точности используемых социально-экономических и демографических данных, так как рост — самый точный (он не фальсифицировался) и самый простой для расчетов показатель сравнительно с другими индикаторами и поэтому даже более надежный *при определении тенденции в изменении уровня жизни населения, которое бóльшую часть дохода тратит на поддержание своего биологического статуса*. Чтобы рассчитать реальную зарплату, нужны сведения о ценах значительного числа товаров и номинальной зарплате. Для оценки бремени налогов у крестьянства необходимы сложные расчеты дохода крестьянского хозяйства. Измерение национального дохода требует соответствующей информации обо всем народном хозяйстве и государственном бюджете. Кто работал с ценами, налогами и национальным доходом, знает, с какими неимоверными трудностями приходится сталкиваться исследователю. Недаром до сих пор в литературе динамический ряд реальной зарплаты за длительный срок имеется только по Петербургу; расчет налогового бремени по-настоящему сделан на 1912 г., — национального дохода России имеется только за 1861, 1885–1913 гг. В сочетании с традиционными показателями антропометрические данные помогут получить достоверную картину динамики благосостояния россиян в течение всего имперского периода.

Примечания

1. *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 1. С. 53–54, 60–61, 82–83, 85, 98–99, 1903. См. также: *Семевский В. И.* (1) Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в.//Устои. 1882. № 1, 2; (2) Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1, 2.
2. *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 93, 177.
3. *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века//Крестьянский строй. СПб., 1905. С. 199, 288–291.
4. *Струве П. Б.* Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913. С. 50–51, 158–159. Впервые опубликовано в виде статей в 1901–1902 гг.: Мир Божий. 1901. № 2; Русская мысль. 1902. № 4.
5. *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915. С. 175; *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. СПб., 1902; *Ключевский В. О.* Курс русской истории//*Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. М., 1958. Т. 5. С. 187; *Лосицкий А. Е.* Хозяйственные отношения при падении крепостного права//Образование. 1906. № 11. С. 199; *Рожков Н. А.* Город и деревня в русской истории. СПб., 1902. С. 74.

6. *Огановский Н.* Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911. С. 377–385.
7. Эпизод с А. А. Фетом изложен преимущественно на основании вступительной статьи В. А. Кошелева и комментариев, написанных В. А. Кошелевым и С. В. Смирновым, к прекрасно изданному сборнику всех фермерских очерков Фета: *Фет А. А.* Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство/Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева и С. В. Смирнова. М., 2001. С. 5–56, 408–463. Кошелев называет случай с Фетом «либеральной жандармерией» (*Кошелев В. А.* «Лирическое хозяйство» в эпоху реформ//*Фет А. А.* Жизнь Степановки. С. 47). См. также: Сухих И. Н. Шеншин и Фет: Жизнь и стихи. СПб., 1997; *Тархов А.* Проза Фета-Шеншина// Фет А. А. Соч.: В 2 т./Сост., вступит. статья, коммент. А. Е. Тархова. М., 1982. Т. 2. С. 363–380.
8. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1968. Т. 6. С. 59–60.
9. Русское слово. 1863. № 6, 7, 9; Искра. 1865. № 5. С. 79.
10. Русское слово. 1863. № 8, 9, 10.
11. Искра. 1863. № 23. С. 319–321.
12. *Писарев Д. И.* Цветы невинного юмора//Русское слово. 1864. № 2. См. также: Писарев Д. И. Собр. соч. В 4 т. М., 1956. С. 96.
13. *Шумахер П. В.* Стихотворения и сатиры. Л., 1937. С. 254.
14. *Фет А. А.* Жизнь Степановки. С. 133–135, 139–142.
15. Там же. С. 316–317.
16. Там же. С. 76.
17. Там же. С. 173.
18. Там же. С. 162, 173, 183.
19. «По крайней мере в нашей местности»: *Фет А. А.* Жизнь Степановки. С. 289.
20. Там же. С. 195–196, 285.
21. Там же. С. 165.
22. Там же. С. 290.
23. Там же. С. 200–201, 274–275, 278–279.
24. Там же. С. 244.
25. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 356.
26. *Янсон Ю. Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. С. 123–125.
27. *Кауфман А. А.* Аграрный вопрос в России. Ч. 1. Земельные отношения и земельная политика. М., 1908. С. 53.
28. *Ходский Л. В.* Земля и землевладелец: Экономическое и статистическое исследование. СПб., 1891. Т. 2. С. 243; Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. Ч. 1. С. 53.
29. *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. 3-е изд. Л., 1925. С. 129–130, 186 (1-е изд. Л., 1902); *Кауфман А. А.* Аграрный вопрос в России. Ч. 1. С. 69–80; *Лященко П. И.* Очерки истории аграрной эволюции России. СПб., 1908. С. 416; *Покровский М. Н.* Крестьянская реформа//История России в XIX веке. [М.]., [1907]. Т. 3; *Рожков Н. А.* Город и деревня в русской истории. С. 68–75; *Розенберг В.* Из хроники крестьянского дела//Очерки по крестьянскому вопросу/А. А. Мануилов (ред.). М., 1904. С. 7–41; *Финн-Енотаевский А.* Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911. С. 470–472, 518–522.
30. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности (1899 г.)//*Ленин В. И.* ПСС. 5-е изд. В 55 т. М., 1967. Т. 3.
31. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1895. Т. 32. С. 723–724.
32. *Шингарев А. И.* Вымирающая деревня. СПб., 1907. Доказано, что две деревни, описанные в брошюре Шингарева, были не типичными, а исключительно бедными: *Wilbur E. M.* Peasant Poverty in Theory and Practice: A View from Russia's 'Impoverished Center' at the End of the Nineteenth Century// Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921//Kingston-Mann E., Mixter T. (eds.). Princeton, NJ, 1991. P. 102. О преувеличениях Шингарева см. также: *Давыдов М. А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. М., 2003. С. 182–183.
33. Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Юбилейное издание. В 6 т. М., 1911.
34. См. например: *Бочкарев В. Н.* Быт помещичьих крестьян//Великая реформа. Т. 3. С. 22–40; *Мельгунов С. П.* Дворянин и раб на рубеже XIX в.//Великая реформа. Т. 1. С. 241–260.
35. *Князьков С. А.* Граф П. Д. Киселев и реформа государственных крестьян//Великая реформа. Т. 2. С. 209–233; *Боголюбов В. А.* Удельные крестьяне//Великая реформа. Т. 2. С. 234–254.
36. *Прокопович С. Н.* Крестьянство и пореформенная фабрика//Великая реформа. Т. 6. С. 268–276.
37. *Пешехонов А. В.* Экономическое положение крестьян в пореформенное время//Великая реформа. Т. 6. С. 201, 240.

38. Цит. по: *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 157.
39. *Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства, 1892–1914 гг.: Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997. С. 100; *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. С. 171–172.
40. *Меньшиков М. О.* Из писем к ближнему. М., 1991. С. 109–110, 158–159.
41. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. С. 26, 168–172, 495–496.
42. См. например: *Вильсон И. И.* Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 1–4-е изд. СПб., 1851–1869; Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873; Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России, собранные по распоряжению министра государственных имуществ. СПб., 1880. Вып. 1; Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды Особого совещания/А. Д. Поленов (ред.). М., 1901; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1–3; Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904, 1905; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1906. Вып. 1–3.
43. *Куликов С. В.* (1) Правительственный либерализм начала XX в. как фактор реформаторского процесса//Империя и либералы: Материалы международной конф./Я. А. Гордин, А. Д. Марголис (сост. и ред.). СПб., 2001. С. 75–101; (2) Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции//Из глубины веков. 1995. Вып. 5. С. 3–46; (3) Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений//Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х гг.: Материалы международного науч. коллоквиума/Н. Н. Смирнов (ред.). СПб., 2003. С. 54–71; (4) Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 921, 393–400.
44. Т. Фоллоуз, рассматривая земства и бюрократию как две части одного административного аппарата, также пришел к выводу: созданная дореволюционной либеральной публицистикой политическая по своей сути концепция, противопоставлявшая «власть» и «общественность», во многом искажает реальную картину. На губернском уровне политическое разделение между «либеральным» земством и «консервативной» бюрократией не просматривается. Напротив, материал показывает: обе стороны имели между собой гораздо больше общего, чем полагали либеральные публицисты и политики: *Fallows T.* The Zemstvo and the Bureaucracy//The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-government/Emmons T., Vucinich W. S. (eds.). Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1982. P.177–242. Эта точка зрения недавно нашла поддержку: *Минаков А. С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX в.). Орел, 2011.
45. Это положение стало общим местом в современной западной историографии: Большакова О. В. Власть и политика в России XIX — начала XX века: Американская историография. М., 2008. С. 106–133. Об этом стали писать и отечественные исследователи: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка. Даже в провинции, в местном управлении среди коронных чиновников местного управления широкое распространение получила либеральная идеология, и они активно участвовали в добровольных общественных организациях: *Шатохин И. Т.* Кризисные явления в местном управлении Российской империи начала XX века//Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования/М. В. Друзин (ред.). СПб., 2008. С. 382–383. Подробнее об этом см. в Главе 10 настоящей монографии.
46. Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1831–1832 гг. //Красный архив. 1931. Т. 46. С. 146.
47. *Кун Т.* Структура научных революций. 2-е изд. М., 1977. С. 11, 28–29, 281.
48. *Трубецкой Е. Н.* Новая земская Россия//Русская мысль. 1913. Декабрь. С. 1, 3–4, 11.
49. *Щербина Ф. А.* Новая неземская Россия//Русская мысль. Год 35. 1914. № 3. Отд. 12. С. 34.
50. *Бунаков И.* О ближайших путях развития России (По поводу статей кн. Евг. Трубецкого)//Заветы. 1914. Июль. Отд. 8. С. 1–26. И. Бунаков — псевдоним И. И. Фондаминского.
51. *Струве П. Б.* Почему застоялась наша духовная жизнь?//Русская мысль. Год 35. 1914. № 3. Отд. 17. С. 104, 117–118.
52. *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России: (Воспоминания). Париж, 1936. С. 603–604.
53. *Karpovich M.* Imperial Russia, 1801–1917. New York: H. Holt and Co, 1932. P. 103.

54. *Астров Н. И.* Две жизни и две смерти: Речь, произнесенная в Праге 29 марта 1930 г. Цит. по: Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. М., 1979. С. 257.
55. *Милюков ПН.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. Искусство. Школа. Просвещение. М., 1994. С. 478–481.
56. *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 27.
57. Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в./А. А. Новосельский, Н. В. Устюгов (ред.). М., 1955. С. 198; Там же. Россия в первой четверти XVIII в./Б. Б. Кафенгауз (ред.). М., 1954. С. 63, 184–185; Там же. Россия во второй четверти XVIII в./А. И. Баранович и др. (ред.). М., 1957. С. 79; Там же. Россия во второй половине XVIII в./Под ред. А. И. Баранович и др. (ред.). М., 1957. С. 73–75; История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях, в 12 томах. Первая серия/Б. А. Рыбаков (гл. ред.). М., 1967–1968. Т. 3. С. 24–220, 629–630; Т. 4. С. 238–244; Т. 5. С. 296, 303; Т. 6. С. 22–23; История крестьянства Северо-запада России: Период феодализма/А. И. Копанев (ред.). СПб., 1994. С. 166–167, 213, 234.
58. *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1934. Т. 4. С. 93; История СССР. Т 2. Россия в XIX веке: Кризис феодализма. Утверждение капитализма/М. В. Нечкина (ред.). 3-е изд. М., 1955. С. 2–21, 24–26, 492–498, 639–646, 754–758; История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. М., 1956. С. 422–425, 505–513, 612–618; Советская историография аграрной истории СССР (до 1917)/В. Я. Янин (ред.). Кишинев, 1978. С. 3–14, 25–31, 78–84; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма/А. П. Окладников (ред.). Новосибирск, 1982. С. 117, 258–259, 278–279, 282 (положение ухудшалось в течение XVII — первой половины XIX в.); Крестьянство Сибири в эпоху капитализма/А. П. Окладников (ред.). Новосибирск, 1983. С. 107, 118, 197, 243, 267; *Александров В. А.* Российское крестьянство в середине XVII — середине XIX в.//История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма/З. В. Удальцова (ред.). М., 1986. С. 442; Т. 3. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений/З. В. Удальцова (ред.). М., 1986. С. 329–337, 344.
59. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. 3-е изд. М., 1952. Т. 1. С. 505–506 (1-е изд. опубликовано в 1927 г.); Очерки экономической истории России первой половины XIX в./М. К. Рожкова (ред.). М., 1959. С. 60–61; *Хромов П. А.* Экономическое развитие России: Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967. С. 103–111, 350–351.
60. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 117, 259, 278–279, 282.
61. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 197, 267.
62. Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: Сборник документов/С. Н. Валк (ред.). М., 1961. С. 6–7, 12–13; Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг.: Сборник документов/С. Б. Окунь (ред.). М., 1962. С. 8–13; Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: Сборник документов/А. В. Шапкарин (ред.). М., 1959. С. 6–23; Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: Сборник документов/П. А. Зайончковский (ред.). М., 1968. С. 9–10, 17–18, 20, 37–39; Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.: Сборник документов/А. М. Анфимов (ред.). М., 1998. С. 9.
63. *Игнатович И. И.* Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века. М., 1963. С. 40–41. См. также: *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения.
64. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 89–102, 196–206.
65. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 147–149, 173–174, 289–290, 452–455, 571–577.
66. *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе: 1861–1880 гг. М., 1978. С. 124–133, 248–265, 270.
67. *Зайончковский П. А.* (1) Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 137–139, 305–307, 425; (2) Отмена крепостного права в России. 3-е изд. М., 1968. С. 232–259, 299; *Егиазарова Н. А.* Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 121–134.
68. *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко–экономический очерк). М., 1957. С. 127–130, 231–241, 422–432.
69. *Милов Л. В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию: (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965. С. 308; *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII — первой половине XIX в.//История СССР. 1966. № 4. С. 55–80; *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 288–296; *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 416–417.

70. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь. С. 213, 417, 572.
71. *Тихонов Ю. А.* Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974. С. 309.
72. *Тихонов Ю. А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. М.; СПб., 2005. С. 423–436. В обширной историографии (с. 5–82), что теперь встречается нечасто, автор обстоятельно рассматривает работы своих предшественников, уделяя особенное внимание новейшей историографии.
73. *Булыгин И. А.* Положение крестьян и товарное производство в России: Вторая половина XVII века (По материалам Пензенской губернии). М., 1966. С. 200.
74. *Федоров В. А.* (1) Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974. С. 225–249; (2) Крестьянское движение в Центральной России, 1801–1860: (По материалам центрально-промышленных губерний). М., 1980. С. 36–37.
75. *Неупокоев В. И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX века. М., 1987. С. 259–262.
76. *Литвак Б. Г.* (1) О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г. //Исторические записки. 1961. Т. 68. С. 115; (2) Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр, 1861–1895 гг. М., 1972. С. 126–127, 146–151.
77. *Литвак Б. Г.* (1) Русская деревня в реформе 1861 года. С. 411–412; (2) Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 152–188.
78. *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Кн. 1. От реформы к революции. М., 1966. С. 44–62; *Дубровский С. М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 324–332, 381–382; *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы мировой войны (1914 — февраль 1916 г.). М., 1962. С. 275; (2) Крестьянское хозяйство Европейской России: 1881–1904 гг. М., 1980. С. 230–232; (3) Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881–1904 гг. М., 1984. С. 223–227; (4) П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 265. См. также: *Тарновский К. Н.* Социально-экономическая история России. Начало XX в.: Советская историография середины 1950–1960-х гг. М., 1990. С. 197.
79. История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. 3. С. 298; *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: Очерки правительственной политики. Л., 1978. С. 42–43. Однако нигде не указывается, из какого источника взято это заявление министра.
80. Вот некоторые историографические работы: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3/М. В. Нечкина (гл. ред.). М., 1963. С. 330–342; Т. 4/М. В. Нечкина (ред.). М., 1966. С. 315–320, 322, 324–325, 331–333, 385–391; Т. 5/М. В. Нечкина (ред.). М., 1985. С. 193–196, 201–204, 247–256; Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2. Дооктябрьский период/А. Л. Нарочницкий (ред.). М., 1978. С. 36–37, 44–56, 63–66; Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС/С. С. Хромов (ред.). М., 1982. С. 362–365, 380–389, 397–398, 413–415; *Горская Н. А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 304–348. См. также: *Литвак Б. Г.* (1) Советская историография реформы 19 февраля 1861 г. //История СССР. 1960. № 6. С. 99–120; (2) Важнейшие итоги и задачи изучения падения крепостного права в России//Вопросы истории. 1962. № 1. С. 116–122; *Зайончковский П. А.* Советская историография реформы 1861 г. //Вопросы истории. 1961. № 2. С. 85–104; *Тарновский К. Н.* (1) Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 — нач. 1930-х гг.)//Исторические записки. 1965. Т. 78. С. 31–62; (2) Социально-экономическая история России: начало XX в.: Советская историография середины 50–60-х годов. М., 1990. С. 92–210. Обзоры литературы содержатся в: *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. С. 6–10; *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963. С. 489–502; *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. С. 4–17; *Федоров В. А.* Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России. С. 4–13; *Неупокоев В. И.* Государственные повинности крестьян Европейской России. С. 3–20.
81. *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1967. С. 56, 96–97.
82. *Варга Е. С.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1961. С. 120. Историографический обзор литературы по вопросу положения рабочего класса см.: *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень. С. 3–25; *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 3–14; См. также: *Иванов Л. М.* Состояние и задачи изучения истории пролетариата России//Вопросы истории. 1960. № 3. С. 50–74; Положение пролетариата России: Указатель литературы/Ю. И. Кирьянов, П. В. Пронина (сост.). М., 1972. Т. 1, 2.

83. *Арзуманян А. А.* (1) Вопросы марксистско-ленинской теории обнищания пролетариата//Коммунист. 1956. № 10. С. 111; (2) Обнищание рабочего класса в капиталистическом обществе. М., 1958. С. 21–22; *Варга Е.* Избранные произведения: Капитализм после второй мировой войны. М., 1974. С. 7.
84. Проблемы кризисов и обнищания рабочего класса после второй мировой войны: Материалы межд. научно-экономической конференции в Берлине (1–4 октября 1958 г.)/А. В. Кирсанов (ред.). М., 1959. С. 385–389, 617–625; *Боровой С. Я.* Положение рабочего класса Одессы в XIX и начале XX в. (Источниковедческие заметки)//Из истории рабочего класса и революционного движения/В. В. Альтман (ред.-сост.). М., 1958. С. 313–318; *Гильберт М. И.* Движение заработков рабочих в конце XIX в.//Из истории рабочего класса и революционного движения. С. 323, 331–332; Краткая история рабочего движения в России (1861–1917 гг.)/С. В. Щепров (ред.). М., 1962. С. 52–64, 109, 112, 114, 130, 272–273, 433–434, 440; *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1977. С. 24–28; *Кабанов П. И.* и др. Очерки истории российского пролетариата (1861–1917). М., 1963. С. 24–27, 115–120; *Рашин А. Г.* Динамика заработной платы рабочих и служащих железнодорожного транспорта России за 1884–1913 гг. //Вопросы экономики планирования и статистики. М., 1957. С. 451–452; *Родин Ф. Н.* Бурлачество в России. Н., 1975. С. 131–160.
85. *Бакулев Г. Д.* Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955. С. 229; Кузе Э. Э. Положение рабочего класса. С. 292, 294.
86. *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России: (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.
87. *Кащенко С. Г.* Реформа 19 февраля 1861 года на Северо-Западе России: Количественный анализ массовых источников. М., 1995. С. 176, 177, 179, 180.
88. *Зорин А. Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья: Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI — начала XX в. Казань, 2001. С. 208, 218; об уровне жизни см. с. 202–221.
89. История СССР: XIX — начало XX в./И. А. Федосов (ред.). 2-е изд. М., 1987. С. 13–15, 157–161; *Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А.* История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1989. С. 244, 258, 289, 291–291, 309, 316–318, 321, 408–409; История России XVIII — XIX вв.: Учебное пособие для вузов/Л. В. Милов (ред.). М., 2006; *Павленко Н. И., Андреев И. Л., Федоров В. А.* История России с древнейших времен до 1861 года: Учебник для вузов/Н. И. Павленко (ред.). 4-е изд. М., 2007. С. 413.
90. История России XIX — начала XX в.: Учебник/В. А. Федоров (ред.). 4-е изд. М., 2008. По сравнению с ранними изданиями опущен тезис об обнищании крестьянства в первой половине XIX в. (с. 8–11, 18–20) и в пореформенное время (с. 204–210, 223–225). Хотя по-прежнему указывается, что крестьяне за землю переплатили (с. 185) и были освобождены на грабительских условиях (с. 186).
91. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллинн, 1959. С. 221 (выступление А. Л. Шапиро в прениях).
92. *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 106–107; Аграрная история Северо-запада России: Вторая половина XV — начало XVI в./Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 363–367, 372–374; Аграрная история Северо-запада России XVI века: Новгородские пятины/Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1974. С. 267–299.
93. Аграрная история Северо-запада России XVII века (население, землевладение, землепользование)/Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1989. С. 63–66, 179–184. См. также: *Копанев А. И., Тимошенкова З. А.* Крестьянское хозяйство//История крестьянства Северо-запада России. С. 136–139.
94. *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л., 1977. С. 189. См. также: *Шапиро А. Л.* Об опасности модернизации истории русского крестьянства XVII — первой половины XVIII в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 221.
95. *Булыгин И. А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 158–159. Среднее число душ мужского пола на семью в 1710 г. в Европейской России составляло 3,8 (*Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. С. 221).
96. *Ковальченко И. Д.* Изучение социально-экономического развития России второй половины XIX в.// Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. С. 388–389.
97. *Рындзюнский П. Г.* (1) О мелкотоварном укладе в России XIX века//История СССР. 1961. № 2. С. 58; (2) Об определении интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России

конце XVIII — первой половине XIX в.//История СССР. 1966. № 6. С. 44–64; (3) Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г.?//Вопросы истории. 1967. № 7; (4) Утверждение капитализма в России: 1850–1880 гг. М., 1978. С. 49–83. (5) К изучению динамики численности крепостного населения в дореформенной России//История СССР. 1983. № 1.

98. *Рындзюнский П. Г.* (1) Утверждение капитализма в России: 1850–1880 гг. С. 285; (2) Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 263. Уже в постсоветское время это мнение разделил Л. В. Выскочов в кн.: История крестьянства Северо-запада России. С. 213.
99. *Нифонтов А. С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М., 1974. С. 315–317.
100. *Давыдов М. А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. С. 197–209, 233–235, 296, 442, 555–556, 564. В 2010 г. автор опубликовал второе, существенно расширенное издание книги *(Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб., 2010), а в 2011 г. — исключительно важную статью: *Давыдов М. А.* Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы//Российская история. 2011. № 1. С. 56–72.
101. *Миронов Б. Н.* (1) Социальная история. Т. 2. С. 344–350; (2) Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным//Экономическая история. Ежегодник, 2001. М., 2002. С. 418–427.
102. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 20-е изд. М., 1989. С. 247; Словарь русского языка. В 4 т. 3-е изд. М., 1986. Т. 2. С. 129.
103. Кризис самодержавия в России: 1895–1917/В. С. Дякин (ред.). Л., 1984. С. 3.
104. *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма//*Ленин В. И.* ПСС. Т. 27. М., 1969; *Сталин И. В.* Об основах ленинизма//Сталин И. В. Соч. Т. 6. М., 1947. С. 75. См. также: *Тарновский К. Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 223–233.
105. Кризис самодержавия в России. С. 7.
106. Между тем с принятием Основных законов в 1906 г. политический режим из самодержавного превратился в конституционную дуалистическую монархию, о чем упоминается в заключении книги: Кризис самодержавия в России. С. 651–652.
107. *Дякин В. С.* Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002. С. 50, 114, 256.
108. «В России, — писал Ленин в 1913 г., — положение абсолютно невыносимо именно потому, что вместо широкого, свободного, быстрого развития капитализма мы видим застой и гниение»: Ленин В. И. ПСС. Т. 23. М., 1969. С. 35.
109. *Сталин И. В.* Соч. Т. 6. С. 75.
110. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд.: В 45 т. М., 1961. Т. 18. С. 548. В 1894 г. работа переведена на русский язык и неоднократно переиздавалась в России отдельной брошюрой.
111. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. С. 539–541.
112. *Волобуев П. В., Булдаков В. П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению//Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 30; *Булдаков В. П.* Имперство и российская революционность (критические заметки)//Отечественная история. 1997. № 1. С. 42–59.
113. Кризис самодержавия в России. С. 649, 651, 654.
114. *Ковальченко И. Д.* Аграрное развитие России и революционный процесс//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы международного коллоквиума историков/В. С. Дякин (ред.). СПб., 1992. С. 262.
115. Примером такого подхода в новейшей историографии являются работы В. В. Тяна: (1) Россия на изломе веков: самодержавный режим на весах системных кризисов. М., 2002; (2) Эволюция власти в условиях политической модернизации общества: теория, альтернативные модели и векторы российских преобразований: монография. М., 2010. Автор искал и, конечно, обнаружил «системные кризисы» «в системе самодержавного строя» России в течение XVI — начала XX в., которые возникали в «маятникообразном» режиме.
116. *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых: 1797–1917 гг. М., 2004; *Маркевич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005; *Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В.* «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России». М., 2010.
117. *Макаров Н. П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. С. 9. См. также: *Давыдов М. А.* Очерки аграрной истории России. С. 5–9.
118. *Макаров Н. П.* Крестьянское хозяйство. С. 9.
119. Аграрный вопрос. Сборник статей М. Я. Герценштейна и др. 2-е изд. М., 1906. Вып. 1. С. XXXI. Весь сборник посвящен доказательству, что малоземелье — главный пункт аграрной проблемы.

120. *Пешехонов А. В.* Экономическое положение крестьян в пореформенное время. Т. 6. С. 200–201, 240.
121. *Гинзбург Л. Я.* Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л., 1989. С. 299.
122. До 1906 г. она состояла в борьбе с малоземельем за счет государственных и помещичьих земель, после — также и в борьбе с землеустройством по Столыпину, видевшему главную причину бедности в неэффективном земледелии.
123. А. А. Кауфман, вероятно, имеет в виду книгу: Сельскохозяйственный промысел в России. Пг., 1914. С. 103–104.
124. *Кауфман А. А.* Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1917. С. 264–266.
125. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии. Ч. 1. С. 155–177.
126. Как утверждает теория когнитивного диссонанса, люди стараются избегать информации, диссонирующей с их точкой зрения, и предпочитают информацию, соответствующую и поддерживающую их собственные подходы: *Сайтел Ф. П.* Современные паблик рилейшнз. М., 2002. С. 61.
127. *Макаров Н. П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. С. 9. Об использовании статистики в политических целях в России см.: *Darrow D.* Politics of Numbers: Statistics and the Search for a Theory of Peasant Economy in Russia, 1861–1917. Ph. D. dissertation, University of Iowa, 1996. Chapter 3, 6; *Stanziani* A. Staticiens, zemstva et État dans la Russie des années 1880//Cahiers du monde russe et soviétique. 1991. Vol. 32. No. 4; *Frieden N.* Russian Physicians in the Age of Reform and Revolution, 1861–1905. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978. P. 81–83, 92–93, 101–102. Обзор использования статистики для подготовки политических решений и в политических дебатах в Европе XIX и XX вв. см.: *Hacking I.* The Taming of Chance. Cambridge [England]; New York: Cambridge University Press, 1990. Цит. по: *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006. С. 62 (сноска 49).
128. *Пешехонов А. В.* Экономическое положение крестьян в пореформенное время. С. 200–201, 240.
129. Цит. по: *Чешихин-Ветринский В. Е.* Герцен. СПб., 1908. С. 107.
130. *Степун Ф. А.* Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции//Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993. С. 293.
131. *Трубецкая О.* Князь С. Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 114; *Бердяев Н. А.* Духи русской революции//Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 287.
132. *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. С. 68–69, 230.
133. *Александр Михайлович*, вел. князь. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 163–164. См. также: *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 495–496.
134. *Гинзбург Л. Я.* Человек за письменным столом. С. 296. Современный режиссер Д. И. Светозаров признается: «Интеллигенция и власть постоянно находятся в сложном и противоречивом диалоге, *и во мне, как в любом русском интеллигенте*, изначально заложена оппозиционность по отношению к власти, какой бы она ни была» (курсив мой. — *Б. М.*): *Д. И. Светозаров.* Умные генералы письменных приказов не отдают//Дело. 2008. № 26 (519). С. 10.
135. *Wallace D. M.* Russia: On the Eve of War and Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. P. 305–311 (впервые опубликованная в 1877 г. книга неоднократно переиздавалась с дополнениями и изменениями).
136. *Mavor J.* An Economic History of Russia. 2nd ed. New York: Russell and Russell, 1965. Vol. 2. P. 282, 389–406 (первое изд. в 1914 г.). См. также: *Raeff M.* Pugachev's Rebellion//Major Problems in the History of Imperial Russia/J. Cracraft (ed.). Lexington; Toronto: D. C. Heath and Company, 1994. P. 183–193. По мнению автора, пугачевское восстание обусловливалось ухудшением условий жизни на той территории, где оно получило распространение, в особенности для тех социальных групп (однодворцы, казаки, национальные меньшинства), которые имели в XVII — первой половине XVIII в. привилегии.
137. *Karpovich M.* Imperial Russia. P. 103; *Pavlovsky G.* Agricultural Russia on the Eve of Revolution. London, 1930. P. 319–326.
138. *Robinson G. T.* Rural Russia under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917. Berkeley, CA; Los Angeles: University of California Press, 1969 (первое изд. в 1932 г.).
139. *Розенберг У. Г.* История России конца XIX — начала XX в. в зеркале американской историографии//Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков/А. Н. Сахаров (ред.). М., 1996. С. 24.
140. *Maynard J.* Russia in Flux before October. London: Victor Gollangz, 1941. P. 41–42.
141. *Shanin T.* Russia as a "Developing Society". Houndmills; Basingstoke, England: Macmillan, 1985. P. 140–149.

142. *Gerschenkron A.* (1) Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. New York et al.: F. A. Praeger, 1965. P. 119–124; (2) Agrarian Policies and the Industrialization of Russia, 1861–1917//The Cambridge Economic History of Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. Vol. 6. Part 2. P. 741–743.
143. *Laue Th. H.* von. (1) The State and the Economy//The Transformation of Russian Society/C. E. Black (ed.). Cambridge: Harvard University Press, 1960. P. 209–225; (2) Sergei Witte and the Industrialization of Russia. New York: Columbia University Press, 1963. P. 169–175, 305–306; (3) Problems of Industrialization//Russia under the Last Tsar/T. Stavrou (ed.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1969. P. 117–153.
144. The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861/C. E. Black (ed.). Cambridge: Harvard University Press, 1960. P. 3, 25, 169–170.
145. *Blackwell W. L.* (1) The Beginning of Russian Industrialization: 1800–1860. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1968; (2) The Industrialization of Russia: An Historical Perspective. New York: Th. Y. Crowell Company, 1972. P. 3, 25, 28, 169–170. Эта точка зрения прошла красной нитью в сборнике статей, вышедшем под его редакцией: Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin/W. L. Blackwell (ed.). New York: New Viewpoints, 1974.
146. *Falkus M. E.* The Industrialization of Russia 1700–1914. London; Basingstoke: The Macmillan Press, 1971. P. 47–50.
147. *Volin L.* A Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev. Cambridge: Harvard University Press, 1970. P. 18–19, 48–56.
148. *Kahan A.* (1) The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-century Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1985. P. 343–349; (2) Russian Economic History: The Nineteenth Century. Chicago: University of Chicago Press, 1989. P. 11, 62–63.
149. *Atkinson D.* The End of the Russian Land Commune: 1905–1930. Stanford: Stanford University Press, 1983. P. 33.
150. *Shanin T.* (1) The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910–1925. Oxford: The Clarendon Press, 1972; (2) Russia, 1905–1907: Revolution as a Moment of Truth. New Haven: Yale University Press, 1986.
151. *Crisp O.* Studies in the Russian Economy before 1914. London; Basingstoke: The Macmillan Press, 1976. P. 217–219. Крисп называет русскую бедность «эндемической», т. е. как бы врожденной.
152. *Гэтрелл П.* Экономическое и социальное развитие России в начале XX в.//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы международного коллоквиума историков/В. С. Дякин (ред.). СПб., 1992. С. 182–187; *Gatrell P.* The Tsarist Economy: 1850–1917. London: B. T. Batsford, 1986. P. 29–47, 137–138, 194–203. Гэтрелл признает повышение среднего уровня жизни крестьянства с конца XIX в., особенно после 1905 г., но считает, что повысилось, в основном, благосостояние зажиточных крестьян.
153. *Philippot R.* L'application de la Reforme dans la province de Kharkov//Le Statut des paysans libérés du servage, 1861–1961: Recueil d'articles et de documents/R. Portal et al. (ed.). Paris: Mouton, 1963. P. 245; *Kerblay B.* La vie rurale dans la province de Smolensk vers 1875, d'apres A. Engel'gardt//Ibid. P. 272–277; *Саккоротти Л.* П. А. Столыпин. Жизнь за царя. М., 2002. С. 8, 43; *Соколофф Ж.* Бедная держава: История России с 1815 года до наших дней. М., 2007. С. 151–159.
154. *Beyrau D.* Reformen und soziale Beharrung in ländischen Russland//Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1981. Bd. 3. S. 6–7; *Scheibert P.* Die russische Agrarreform von 1861: Ihre Probleme und der Stand ihrerr Erforschung. Koln; Wien: Böhlau, 1973. S. 58–59; *Степанов В. Л.* Крестьянская реформа 1861 г. в историографии ФРГ//Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков/А. Н. Сахаров (ред.). М., 1996. С. 138–180; *Hildermeier M.* (1) Die sozialrevolutionäre Partei Russland: Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln: Lit Verlag, 1978. S. 10–12; (2) The Russian Socialist Revolutionary Party Before the First World War. New York: St. Martin's Press, 2000. P. 342–343 (перевод немецкого издания 1978 г.). Впоследствии автор признал, что в пореформенное время положение крестьянства постепенно улучшалось: *Hildermeier M.* Geschichte der Sowjetunion, 1917–1991: Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. Muenchen: Verlag C. H. Beck, 1998. S. 27–32. О немецкой историографии подробнее см.: *Дорожкин А. Г.* (1) Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. М., 2004; (2) «Социально-историческое направление» в германском россиеведении второй половины XX в.//Проблемы российской истории. Вып. 6. Магнитогорск, 2006. С. 48–79; (3) Предпосылки и последствия реформы 1861 г. в трактовке германских историков//Проблемы российской истории. Вып. 8. Магнитогорск, 2007. С. 50–60.
155. *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. М., 1991. С. 334–336; *Pushkarev S.* The Emergence of Modern Russia. 1801–1917. Edmonson, Canada: Pica Press, 1985. P. 28–29, 37–38, 206–210.

156. *Blum J.* The End of the Old Order in Rural Europe. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978. P. 178–193, 438.
157. *Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press 1961. P. 317, 469–470.
158. *Madariaga I.* Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven; London: Yale University Press, 1981. P. 459, 467, 551–553; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 877–879.
159. *Field D.* The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge; London: Harvard University Press, 1976. P. 21–35. Близкую к Филду позицию занимает О. Крисп: *Crisp O.* Studies in the Russian Economy before 1914. London; Basingstoke: The Macmillan Press, 1976. P. 55–72.
160. *Kolchin P.* Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge etc.: Harvard University Press, 1987. P. 153–154.
161. *Aron R.* La theorie de développement et les problémes idéologiques de notre temps. Paris, 1963. P. 18; *Daniels R. W.* The Red October: The Bolshevik Revolution of 1917. New York: Scribner, 1967. P. 8–9; *Kennan G.* The Russian Revolution//Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. No. 1. P. 6; *Michelson A.* L'Essor économique de la Russe avant la guerre de 1914. Paris: R. Pishon et R. Durand-Auzias, 1965. P. 145, 172; Revolutionary Russia: [A Symposium, Harvard University, 1967]/R. Pipes et al. (eds.). Garden City: NY: Doubleday, 1969. P. 2–6, 15, 18.
162. *Hingley R.* The Tsars: Russian Autocrats, 1553–1917. London: Weidenfeld and Nicolson, 1968. P. 298.
163. Анализ зарубежной историографии см.: *Большакова О. В.* Власть и политика в России; *Ван Меенен М. А., Уорак-Хемметт Р. К.* Изучение российской и советской истории в Канаде//Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков. С. 100–116; *Павловская А. В.* Крестьянская реформа 1861 года в России в освещении английской и американской исторической литературы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Поткина И. В.* Индустриальное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; *Поткина И. В., Селунская Н. Б.* Россия и модернизация (в прочтении западных ученых)//История СССР. 1990. № 4; *Розенберг У. Г.* История России конца XIX — начала XX в. в зеркале американской историографии//Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков. С. 8–29; *Степанов В. Л.* Крестьянская реформа 1861 г. в историографии ФРГ. С. 138–180; *Хильдермайер М., Бенеке Б.* История Российской империи и Советского Союза в научной литературе Федеративной республики Германии (XIX–XX вв.)//Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков. С. 50–63; *Эктон Э., Гэтрелл П.* Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза//Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков. С. 29–49.
164. *Haimson L.* The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917//Slavic Review. 1964. Vol. 23. December. No. 4. P. 619–642; 1965. Vol. 24. March. No. 1. P. 1–22. См. также: *Миронов Б. Н.* Пришел ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика»//Отечественная история. 2003. № 3. С. 135–146.
165. *Thompson J. M.* Russia and Soviet Union: An Historical Introduction from the Kievan State to the Present. 3d ed. Boulder et al.: Westview Press, 1994. P. 120–122, 131–133, 166, 170–171, 178, 184–185.
166. *Sumner B. H.* A Short History of Russia: The Seven Basic Influences that have Shaped Russian Destiny. 2nd ed. New York: Harcourt, Brace and World, 1949. P. 137–139.
167. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 14–21, 163, 207–208, 218, 221. Первое изд, вышло в 1974 г.: *Pipes R.* Russia under the Old Regime. New York: Scribner, 1974.
168. *Westwood J. N.* Endurance and Endeavour: Russian History 1812–1986. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 1987. P. 76–82.
169. *Riasanovsky N. V.* A History of Russia. 4th ed. New York; Oxford: Oxford University Press, 1984. P.250, 263, 342, 369, 373–374, 430–434.
170. *Rogger H.* Russia in the Age of Modernization and Revolution: 1881–1917. London; New York: Longman, 1983. P. 88, 127, 131.
171. *Simms J. Y.,* Jr. (1) The Impact of the Russian Famine of 1891–1892. Ph. D. dissertation. University of Michigan, 1976; (2) The Crisis of Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View//Slavic Review. 1977. Vol. 36. No. 3. P. 377–398; (3) The Crop Failure of 1891: Soil Exhaustion, Technological Backwardness and Russia's Agricultural Crisis//Slavic Review. 1982. Vol. 41. No. 2. P. 236–250.
172. *Gregory P. R.* (1) Grain Marketing and Peasant Consumption in Russia, 1885–1913//Exploration in Economic History. March 1979. Vol. 17. No. 2. P. 135–164; (2) Russian Living Standards during the Industrialization Era, 1885–1913//Review of Income and Wealth. 1980. Vol. 26. P. 87–103; (3) Russian National Income: 1885–1913. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1982; (4) Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan. Princeton,

NJ: Princeton University Press, 1994. См. перевод: *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.

173. *Wilbur E. M.* (1) Peasant Poverty in Theory and Practice. P. 101–127; (2) Was Russian Peasant Agriculture Really That Impoverished? New Evidence from a Case Study from the 'Impoverished Center' at the End of the Nineteenth Century//Journal of Economic History. 1983. Vol. 43. No. 1. P. 137–144.
174. *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1984. P. 26–27, 224–226, 251, 286–287, 330.
175. Ibid. P. 356–357.
176. *Wheatcroft St. G.* Crisis and Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia//Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921/Kingston-Mann E., Mixter T. (eds.). Princeton, NJ, 1991. P. 171–172.
177. *Field D.* The Polarization of Peasant Households in Prerevolutionary Russia: Zemstvo Censuses and Problems of Measurement//Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia and North America/C. S. Leonard, G. Grantham (eds.) (Research in Economic History. 1989. Supplement 5. Part B). P. 497–498. См. также: *Филд Д.* (1) Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне//Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях/И. Д. Ковальченко (ред.). М., 1989; (2) Расслоение в русской крестьянской общине: статистическое исследование//Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математическое методы в исторических исследованиях/И. Д. Ковальченко (ред.). М., 1992; Greenwich, CT, 1989; *Field D.* Stratification and the Russian Peasant Commune: A Statistical Inquiry//Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society/R. P. J. Bartlett (ed.). New York: St. Martin's Press, 1990.
178. *Kerans D.* Mind and Labor on the Farm in Black-Earth Russia, 1861–1914. Budapest: Central European University Press, 2001. P. 415–430.
179. *Хок С. Л.* (1) Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 20–64; (2) Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861–1914 годы//Отечественная история. 1996. № 2. С. 28–64; *Hoch St. L.* (1) Serfs in Imperial Russia: Demographic Insights//Journal of Interdisciplinary History. 1982. Vol. 13. No. 2; (2) Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, A Village in Tambov. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1989. P. 15–64; (3) The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857–1861//The American Historical Review. 1991. Vol. 96. No. 3; (4) On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia//Slavic Review. 1994. Vol. 53. No. 1; (5) The Serf Economy, the Peasant Family, and the Social Order//Imperial Russia: New Histories for the Empire/J. Burbank, D. L. Ransel (eds.). Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. P. 199–209; (6) Famine, Disease, and Mortality Patterns in the Parish of Borshevka, Russia, 1830–1912/Population Studies. 1998. Vol. 52. P. 357–368; (7) Did Russia's Emancipated Serfs Pay Too Much for Too Little Land? Statistical Anomalies and Long-Tailed Distribution//Slavic Review. 2004. Vol. 63. No. 2. P. 247–274; *Hoch St. L., Augustine W. A.* The Tax Censuses and the Decline of the Serf Population in Imperial Russia//Slavic Review. 1979. Vol. 38. No. 3.
180. *Baker A. V.* Deterioration or Development? The Peasant Economy of Moscow Province prior to 1914//Russian History. 1978. Vol. 5. Part 1. P. 1–23; *Bideleux R.* Agricultural Advance under the Russian Village Commune System//Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society/R. P. J. Bartlett (ed.). New York: St. Martin's Press, 1990. P. 201–207; *Donnorummo R. P.* The Peasants of Central Russia: Reaction to Emancipation and the Market, 1850–1900. New York: Garland, 1987. P. 312–314; *Harrison M.* The Peasantry and Industrialization//From Tsarism to the New Economic Policy/Davies R. W. (ed.). Ithaca, NY: Cornell University Press, 1980. P. 104–124.
181. *Hartley J. M.* A Social History of the Russian Empire: 1650–1825. London; New York: Addison Wesley Longman, 1999; *Moon D.* (1) The Problem of Social Stability in Russia, 1598–1998//Reinterpreting Russia/G.A Hosking and R. Service (eds.). London: Arnold; New York: Oxford University Press, 1999. P. 54–74; (2) The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made. London; New York: Longman, 1999. P. 116–117, 155; (3) Late Imperial Peasants//Late Imperial Russia: Problems and Prospects: Essays in Honor of R. B. McKean./I. D. Thatcher (ed.). Manchester: Manchester University Press, 2005. P. 120–145.
182. *Beyrau D.* Agrarstruktur und Bauernprotest: Zu den Bedingungen der russischen Bauernbefreiung von 1861//Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1977. Bd. 64. H. 2. S. 179–236; *Scheibert P.* Die russische Agrarreform von 1861. S. 21–24, 27, 33.
183. *Löwe H.-D.* Die Lage der Bauren in Russland: 1880–1905: Wirtschaftliche und soziale Veränderung in der ländlichen Gesellschaft des Zarenreiches. St. Catharinen: Scripta Mercatuare Verlag, 1987; *Hildermeier M.* Geschichte der Sowjetunion, 1917–1991: Entstehung und Niedergang des ersten sozial-

istischen Staates. München, 1998. S. 3–32; *Мерль Ст.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе: Ожидания и реальность//Отечественная история. 1998. № 1. С. 97–111; *Plaggenborg St.* Staatsfinanzen und Industrialisierung in Russland, 1881–1903: Die Bilanz der Stenerpolitik für Fiskus, Bevölkerung und Wirschaft//Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1990. Bd. 44. S. 322. См. также: *Дорожкин А. Г.* Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России. С. 234–319; *Степанов В. Л.* Крестьянская реформа 1861 г. в историографии ФРГ. С. 176–179.

184. См.: *Дорожкин А. Г.* Рабочий вопрос в дореволюционной России в трактовке немецкоязычного россиеведения XX в.//Проблемы российской истории. Вып. 7. Магниторгорск, 2006. С. 48–49, 64–70; *Степанов В. Л.* Крестьянская реформа 1861 г. в историографии ФРГ. С. 176–179.
185. Эта идея разделялась значительной частью интеллигенции: *Энгельштейн Л.* (1) «Половой вопрос» и политический кризис профессиональной интеллигенции после революции 1905 г. // Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы международного коллоквиума историков/В. С. Дякин (ред.). СПб., 1992. С. 173, 180; (2) «Комбинированная» неразвитость: дисциплина и право в царской и советской России//Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 31–49; *Engelstein L.* The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siécle Russia. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 1992. P. 422; *Hutchinson J.* Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. Baltimore: John Hopkins University Press, 1990; Health and Society in Revolutionary Russia/J. Hutchinson, S. G. Solomon (eds.). Bloomington: Indiana University Press, 1990; *Seregny S.* Russian Teaches and Peasant Revolution: The Politics of Education in 1905. Bloomington: Indiana University Press, 1989; *Ruane Ch.* Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers: 1860–1914. Pittsburgh, Pa; London: University of Pittsburgh Press, 1994. P. 185–197.
186. *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. С. 152–171.
187. *Мелихов А. М.* Муза мести и радости//Нева. 2010. № 2. С. 233–242.
188. *Большакова О. В.* Власть и политика в России XIX — начала XX века. С. 144, 200, 202–203, 219–226, 258. См. также: *Минц И. И.* История Великого Октября. В 3 т. 2-е изд. М., 1977. С. 28–31.
189. *Confino M.* Present Events and the Representation of the Past: Some Current Problems in Russian Historical Writing//Cahiers du monde russe. 1994. Vol. 35. No. 4. P. 853–854.
190. *Ascher A.* P. A. Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001; *Gaudin C.* Ruling Peasants: Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2007; *Grant J. A.* (1) Big Business in Russia: The Putilov Company in Late Imperial Russia, 1868–1917. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1999; (2) Rulers, Guns and Money: The Global Arms Trade in the Age of Imperialism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007; *Harcave S.* Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia: a Biography. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2004; *Kotsonis Y.* Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861–1914. New York: St. Martin's Press, 1999; *Moon D.* The Problem of Social Stability in Russia, 1598–1998// Reinterpreting Russia/G.A Hosking and R. Service (eds.). London: Arnold; New York: Oxford University Press, 1999; *Williams St. F.* Liberal Reform in an Illiberal Regime: The Creation of Private Property in Russia, 1906–1915. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, Stanford University, 2006. P. 2–11, 12–29 (Перевод: Уильямс С. Либеральные реформы при нелиберальном режиме: Создание частной собственности в России в 1906–1915 гг. М., 2009). Появляются даже целые исследовательские команды «оптимистов»: Emerging Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I/M. S. Conroy (ed.). Niwot, Colo.: University Press of Colorado, 1998; Modernisation in Russia since 1900/M. Kangaspuro and J. Smith (eds). Helsinki: Finnish Literature Society, 2006.
191. *Каррер д'Анкосс Э.* Незавершенная Россия. М., 2005; *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России. 1805–1905. 2-е изд. М., 2007; *Thatcher I. D.* Autocracy in Crisis: Nicholas the Last// Late Imperial Russia: Problems and Prospects. Essays in Honor of R. B. McKean/I.D Thatcher (ed.). Manchester: Manchester University Press, 2005. P. 9–10; *McKean R. B.* The Constitutional Monarchy in Russia, 1906–17//Regime and Society in Twentieth-century Russia: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995/I. D. Thatcher (ed.). New York: St. Martin's Press, 1999. P. 44–67; *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М., 2008.
192. Russia in the European Context 1789–1914: A Member of the Family/S. P. McCaffray and M. S. Melancon (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 6–9, 97.
193. *Кун Т.* Структура научных революций. С. 11, 28–29, 281.

194. Например, и автору этих строк, пока он не стал изучать благосостояние населения самостоятельно по источникам, она казалась правильной. И как могло быть иначе, если уважаемые мною исследователи единодушно ее поддерживали.
195. *Vasudevan H. S.* Peasant Land and Peasant Society in Late Imperial Russia//The Historical Journal. 1988. Vol. 31. No 1. P. 208–209.
196. *Simms J.* The Crisis of Russian Agriculture. P. 385.
197. Подробно см. в настоящей работе в Главе 6.2 е.
198. Подробнее см. в настоящей работе в Главе 6.2 г и 6.2 д.
199. *Kahan A.* (1) The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-century Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1985. P. 343–349; (2) Russian Economic History: The Nineteenth Century. Chicago: University of Chicago Press, 1989. P. 11, 62–63.
200. Подробнее см. в настоящей работе в Главе 9.2.
201. *Moon D.* The Russian Peasantry. P. 76.
202. Подробнее см. в настоящей работе в Главе 6.2 а.
203. *Давыдов М. А.* Очерки аграрной истории. С. 61–77.
204. *Миронов Б. Н.* Новая историческая демография: аналитический обзор//Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Март. Серия 2. История. Вып. 1. С. 100–116.
205. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 199.
206. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь. С. 389, 413–417. Из текста (с. 389) следует, что 1700 килокалорий в день относится к взрослому человеку.
207. Общая и военная гигиена/Б. И. Жолус (ред.). СПб., 1997. С. 216.
208. *Moon D.* The Russian Peasantry. P. 76, 134, 142, 288–300.
209. *Хок С. Л.* Мальтус: рост населения и уровень жизни в России. С. 28–36; *Hoch St. L.* Did Russia's Emancipated Serfs Pay Too Much? P.247–248.
210. *Moon D.* The Russian Peasantry. P. 134, 288–300.
211. *Хок С. Л.* Голод, болезни и структуры смертности в приходе Борщевка, Россия, 1830–1912//Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования. Материалы научной конференции (апрель 1998 г.)/В.В. Канищев (ред.). Тамбов, 1999. С. 6–7.
212. *Hoch St. L.* Did Russia's Emancipated Serfs Pay Too Much? P. 260–261.

2

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОМЕТРИЯ: ЗАДАЧИ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

2.1. Историческая антропометрия: краткая история, предмет и задачи

Наблюдение над биологическим ростом, или длиной тела, имеет длинную историю. На шумерском языке сохранилась глиняная табличка, датируемая 3500 г. до н. э., с записью о том, что знатные люди отличаются более высоким ростом и лучшим здоровьем по сравнению с людьми низкого общественного положения. Поэтому можно считать, что проблема социальной обусловленности длины тела была поставлена неизвестным наблюдателем из Междуречья, по крайней мере, 5,5 тысячи лет тому назад. Древние египтяне, китайцы, индусы, греки и римляне стали измерять человеческое тело[1]. Однако и в древности, и много позднее, в Европе Нового времени, вплоть до XVIII в., главный интерес сосредоточивался на определении идеальных форм и пропорций тела, а не на оценках его размеров. Даже автора термина «антропометрия», немецкого врача Иоганна С. Елшольца (J. S. Elsholtz), занимала главным образом проблема зависимости между пропорциями тела и восприимчивостью к болезням. Собственно ауксологические исследования с их преимущественным интересом к размерам тела и физическому развитию человека в течение жизни начинаются во Франции и Германии XVIII в. При этом Франции принадлежит приоритет в проведении первых лонгитудинальных, или продольных, исследований роста — многолетних наблюдений за физическим развитием индивидуумов в течение продолжительного времени, иногда от рождения до наступления полной физической зрелости, а Германии — в изучении различий в росте между представителями различных сословий. В XVIII в. повсеместно в Европе возникла традиция измерения новобранцев для оценки пригодности к службе, и на этой почве появился интерес к собственно размерам тела, которые стали рассматриваться в качестве критериев уровня физического развития[2].

Применение статистических методов к анализу антропометрических данных восходит к началу XIX в. В 1829 г. французский антрополог Л. Р. Виллерме

изучал географию роста французских новобранцев, призванных в 1804–1810 гг., и дал социально-экономическое толкование полученных результатов. Через два года другой французский антрополог — д'Орбиньи предложил орографическое объяснение географических колебаний среднего роста — высотой местности над уровнем моря. Еще через 16 лет третий французский антрополог М. Буден предложил этно-расовую, или наследственную, интерпретацию географического распределения роста новобранцев, призванных в 1831–1849 гг., которую поддержал и развил П. Брока. В последующем орографическое объяснение потеряло сторонников, а два других продолжали развиваться в направлении синтеза: раса определяет средний рост, но индивидуальные различия находятся под влиянием среды, вносящую свою лепту в его географическую вариацию. Кроме того, расовые различия в далеком прошлом также сложились под влиянием среды. Эти же подходы стали использоваться и при объяснении динамики роста: сторонники расовой концепции связывали его повышение или понижение с гибелью низких или высоких мужчин на войне в предшествующую эпоху, а приверженцы социального детерминизма — с изменением благосостояния. Исследования французских ученых стали образцом для проведения аналогичных работ в других странах — Бельгии, Италии, Австро-Венгрии, Великобритании, Швейцарии, Голландии, Швеции, США и немецких государствах за исключением Пруссии, где антропометрические исследования не получили широкого развития по той причине, как предполагает Д. Н. Анучин, что прусское правительство считало сведения о росте и воинском браке новобранцев государственной тайной[3].

Параллельно с исследованием факторов физического развития изучались эмпирические закономерности роста, определяющие его ритм, — изменения в связи с возрастом, время достижения половой и полной физической зрелости, гендерные, социальные и профессиональные различия и распределение людей по длине тела в популяции. Здесь особенно важная роль принадлежала бельгийскому ученому А. Кетле (1796–1874). Исследователи установили нормальный закон распределения роста между людьми одного возраста, преимущества состоятельных классов в росте и скорости физического созревания перед неимущими, превышение роста у горожан в сравнении с сельскими жителями, более раннее наступление половой зрелости под влиянием улучшающихся условий жизни[4]. В XIX — начале XX века в Европе наблюдался большой интерес к детской ауксологии, в особенности к таким вопросам, как влияние школы и социального статуса родителей на биологический статус (биостатус) подрастающего поколения, физическое состояние детей из рабочего класса, стандарты физического развития. Благодаря этому большой размах приобрели лонгитудинальные исследования.

С 1950-х гг. антропометрические данные приобрели многофункциональное назначение, они стали использоваться в экономических, социальных, медицинских и даже политических целях: для определения уровня потребления в различных странах, в разных социальных группах, в городе и сельской местности в пределах одной страны, для оценки программ экономического развития[5], для изготовления одежды, обуви, мебели, автомобилей и других предметов, чье использование зависит от размеров тела, в эргономике — для создания оптимальных условий труда[6]. По традиции с XIX в. важным оставалось изучение на основе роста и веса детей уровня их жизни, выработка стандартов их физического развития и на этой основе — мониторинг за их здоровьем и принятие решений

об оказании помощи со стороны международных организаций развивающимся странам, где дети страдают от плохого питания[7].

В конце 1960–1970-х гг. институционализировалась историческая антропометрия. Годом ее рождения считается 1969 г., когда известный французский историк Э. Ле Руа Ладюри опубликовал работу, доказывающую, что в XIX в. рост французских новобранцев и благосостояние населения изменялись согласованно, а вариация в длине тела между различными социальными группами зависела от их социально-экономических характеристик (социального статуса, образования и т. п.)[8]. Новое направление родилось на границе истории, экономики, биологии человека, медицины, антропологии и демографии, и главной его целью стала *оценка вековых тенденций в изменении уровня жизни населения и факторов, его обусловивших, на основе антропометрических показателей*. Реализация столь амбициозной цели возможна, если знать, как экономическое, социальное и экологическое окружение влияет на физическое развитие человека, его рост, вес, заболеваемость и как по антропометрическим данным (прежде всего по росту) можно оценить благосостояние и социальное неравенство.

В рамках нового направления ростовые процессы у человека исследуются как отражение социально-экономических и экологических условий его существования. Само по себе изучение биологического роста относится к сфере *ауксологии человека* (от греческого *аихапо* — расти), которая в 1970-е гг. обрела статус новой научный дисциплины одновременно с исторической антропометрией[9]. Предметом ауксологии являются: (1) рост как отражение уровня жизни и стандартов потребления для социальных групп и целых популяций, (2) закономерности ростового процесса у отдельных индивидов, групп и популяций, (3) составление оценочных стандартов для решения различных практических задач: выявление и лечение ростовых нарушений, изготовление одежды и др. Историческую антропометрию интересуют все три аспекта, но больше всего, конечно, первый, потому что именно он позволяет ответить на принципиальный вопрос: как изменялось благосостояние населения в исторической перспективе и какова была роль в этом процессе социального, экономического, культурного, экологического гендерного, генетического факторов. Исследования в рамках закономерностей физического развития важны, прежде всего, в связи с определением возраста, когда достигается дефинитивный (конечный) рост у мужчин и женщин и когда он начинает уменьшаться. Изменения ростовых стандартов отражают реальные сдвиги в длине тела, а также общественные идеалы относительно тела.

До 1970-х гг. антропометрия была уделом антропологов, биологов и врачей. Но в последней трети XX в. экономисты стали активно использовать ауксологические данные для оценки уровня жизни, как в прошлом, так и в настоящем. В частности, они обнаружили, что вариация среднего роста людей в разных странах примерно на 67–77% объясняется величиной валового внутреннего продукта (ВВП) на человека[10]. Высокий доход влияет на рост не сам по себе, а опосредствованно — через правильную диету, медицину, улучшения в санитарной инфраструктуре, долгое обучение в системе образовательных учреждений, уменьшение трудовой нагрузки, хорошие жилищные условия. Установление тесной связи между уровнем экономического развития государства и средней длиной тела его граждан вывело антропометрию в широкий мир экономической и социальной проблематики, дало новый импульс ауксологическим исследованиям и сделало

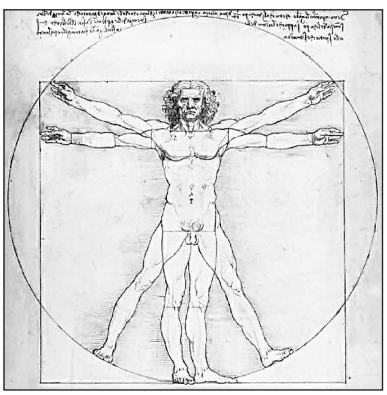
их важным направлением в западной социальной науке[11]. Без преувеличения можно сказать, что применительно к России историческая антропометрия открывает новые горизонты в понимании динамики экономического развития страны и благосостояния ее жителей.

2.2. Теоретические основы исторической антропометрии

2.2 а. Тело человека как показатель уровня жизни

Метафорически говоря, человеческое тело — это сгусток вещества и энергии, накопленных организмом в процессе усвоения поступившей пищи. Единственным источником увеличения массы тела является питание. Трансформация полученной из пищи энергии в энергию механическую, тепловую, интеллектуальную и психическую обеспечивает жизнедеятельность человека. Кроме поддержания обменных процессов, организм расходует энергию также на работу, учебу, сексуальные отношения, спорт, борьбу с инфекциями, болезнями и т. п., а *чистый остаток* энергии в интервале от зачатия до достижения полной физической зрелости преобразует в рост и при избытке питания — в вес. Вследствие этого средний рост людей зависит от условий их жизни — от питания, перенесенных болезней, интенсивности и условий работы, медицинского обслуживания, жилищных условий, психологического комфорта, климата, воды, воздуха и других *факторов среды* в течение всей их жизни, предшествующей моменту измерения длины тела[12]. К моменту наступления полной физической зрелости человек достигает дефинитивного роста, т. е. такого, который уже не увеличивается[13].

На *индивидуальном* уровне качество жизни — не единственный и даже не главный фактор дефинитивного роста. Антропометрические показатели индивидуума примерно на 80–85% определяются генетикой и на 15–20% — средовыми факторами[14]. От генов, определяющих величину роста, до действительного роста конкретного человека — долгий путь. Проявление гена роста зависит, прежде всего, от внутренней среды, создаваемой другими генами, а затем от внешней среды. Влияние генов и среды не суммируется арифметически. Гены и среда взаимодействуют мультипликаторным образом: улучшение пищевого рациона у генетически высокорослых людей может увеличить рост на 12%, а у генетически низкорослых — только на 8%. Одни и те же условия среды могут быть положительными для ребенка с одним набором генов и отрицательными для ребенка с другим набором. Общее правило — чем ближе условия среды к оптимальным, тем скорее и полнее проявятся потенциальные возможности генов роста[15]. Если для вариации длины тела на *индивидуальном* уровне наследственность является определяющим, хотя и не единственным фактором, то для ее вариации на *социетальном* уровне, когда оцениваются различия между большими группами людей одинаковой этнической принадлежности, доминирующей становится среда, поскольку генофонд популяций — практически постоянный



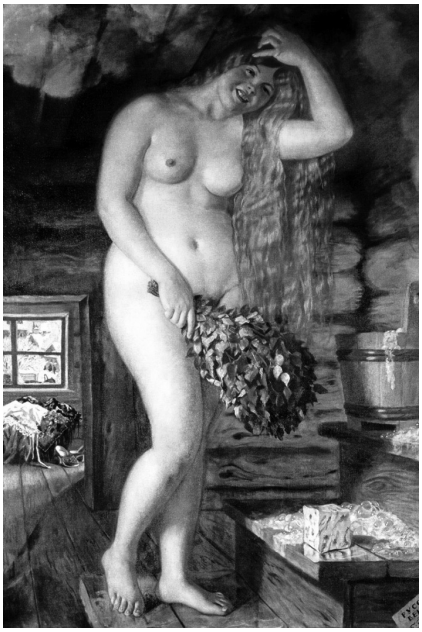
Леонардо да Винчи.
Человек Витрувия

фактор[16]. В биологии человека твердо установлено, что факторы среды оказывают решающее воздействие на *изменчивость* среднего роста во времени и пространстве *для больших социальных групп и популяций*[17]. Вариация среднего роста в определяющей степени зависит от *чистой* разницы между потребленной и израсходованной энергией в течение всей предшествующей жизни, другими словами, средний рост отражает *историю чистого потребления,* его можно считать историческим показателем как количества и качества потребленных в детстве и юности продуктов питания, так и жизненных условий своего времени[18]. Из этого следует, что высокие люди, взрослые и дети, *в массе* своей лучше питались, имели лучший уход, меньше болели и т.д., то есть *в массе* обладали более высоким благосостоянием, чем низкорослые люди. Распутать сложный узел взаимодействия между генетикой и средой в регулировании роста для отдельного индивидуума едва ли возможно, но для массы людей сделать это позволяют математико-статистические методы.

2.2 б. Энергетический (пищевой, биологический) статус

В антропометрической литературе широко используется понятие «*пищевой статус*» (nutritional status), или его синонимы — «статус питания» и «биологический статус», которые не тождественны слову «питание». Пищевой статус — это соотношение между потреблением энергии и ее затратами, а питание — это количество и качество потребленной пищи вне зависимости от того, сколько ее нужно для здорового функционирования организма человека. Потребность в количестве и качестве продуктов существенно зависит от энергетических затрат: только поддержание основных метаболических процессов в организме человека требует 1 ккал на кг веса, умственная работа — 1,7 ккал, умеренная физическая работа — 2,1 ккал, тяжелая — 3,0 ккал[19]. Характер работы диктует и потребность в определенном составе пищи — интенсивная физическая работа требует больше жиров, а умственная работа — белков. В силу этого при одинаковых размерах тела и равноценном потреблении пищевой статус у чиновника будет выше, чем у плотника[20]. Кроме работы, большое количество энергии идет на сопротивление организма инфекции и на борьбу с болезнью, если человек все-таки заболел. Поскольку эпидемиологическая среда, окружающая человека, так же как и эпидемии инфекционных заболеваний, оказывают влияние на привычный энергетический баланс, их частоту и интенсивность следует учитывать[21]. Женщины расходуют примерно на 20% меньше энергии, чем мужчины, на совершение работы той же интенсивности вследствие меньшего веса (главным образом). Но во время беременности или кормления грудью у них возникает дополнительная потребность в питательных веществах. В общем виде, потребность человека в энергии зависит от пола, возраста, веса, уровня обменных процессов, от физической нагрузки, характера психической деятельности. Она определяется также климатическими и географическими условиями, так как они влияют на количество энергии, расходуемой организмом[22]. Климат — это прежде всего температура и осадки; и то и другое имеет двоякое значение для биостатуса человека: от них зависят урожаи сельскохозяйственных культур и расход энергии для обогревания жилища и поддержания температуры тела.

Таким образом, говоря о пищевом статусе, мы имеем в виду не количество потребленных пищевых продуктов, а *насколько они адекватны энергетическим потребностям человека*; статус характеризует чистое потребление продуктов,



Кустодиев Б. М. Русская Венера. 1926 г. ГРМ.Фрагмент

т. е. остаток полученной от них энергии после удовлетворения всех потребностей в ней. На русском языке эту мысль лучше выражают словосочетания «энергетический статус» или «энергетическая адекватность» или «биологический статус (биостатус)».

Взаимодействие факторов, обусловливающих дефинитивную длину тела и скорость физического развития человека, показано на рис. 2.1[23]. Вся схема состоит из шести блоков факторов. Первый показывает, какое количество продовольствия поступает на рынок из разных источников: растениеводства, грибоводства, скотоводства, свиноводства, птицеводства, пчеловодства, рыболовства, охоты и т.п., а также экспорта — на схеме «продукты на рынке».

Второй блок включает факторы, влияющие на поступление продуктов в домашнее хозяйство: семейный доход, цены продовольственных и промышленных товаров, культурные и семейные традиции потребления, домашнее производство. В результате формируется та или иная семейная продовольственная корзина — «продукты в доме» на схеме.

Третий блок содержит факторы, определяющие величину энергии, полученной от поступивших в хозяйство продуктов. Сюда входят: перераспределение продуктов в семье между отдельными ее членами в зависимости от пола, возраста, статуса, а также этническая и индивидуальная генетика обменных процессов, обусловливающая усвоение пищи, — «усвоено энергии» на схеме.

Четвертый блок включает факторы, определяющие расход энергии человеком. Главнейшие среди них: (1) обменные, или метаболические, процессы, (2) работа (расходы калорий зависят от профессии, технологии и интенсивности труда), (3) сопротивление инфекционной среде, которую формируют жилищные условия, размеры семьи, профессия, личная и общественная гигиена, климат, подверженность инфекциям, — на схеме «израсходовано энергии».

Пятый блок факторов создает соотношение между потреблением и расходом энергии — на схеме «энергетический статус»: он в решающей степени определяется совокупным действием личного потребления, обменных процессов, интенсивности труда, заболеваемости и инфекционной среды. Рост человека формируется под воздействием энергетического статуса и наследственности, которая обусловливает как общий ростовой потенциал индивидуума и его чувствительность к изменениям энергетического статуса, так и индивидуальную вариацию в росте при равных условиях жизни.

Энергетический статус имеет важное биологическое и социальное значение для человека: от него зависят заболеваемость, смертность, плодовитость, жизненность человека, а также проявляемые им интеллектуальные способности,

восприимчивость, интенсивность межличностных отношений — это шестой блок, на схеме «функциональные последствия». Здоровье и способности человека в свою очередь оказывают влияние на интенсивность труда, семейный доход и размеры семьи.

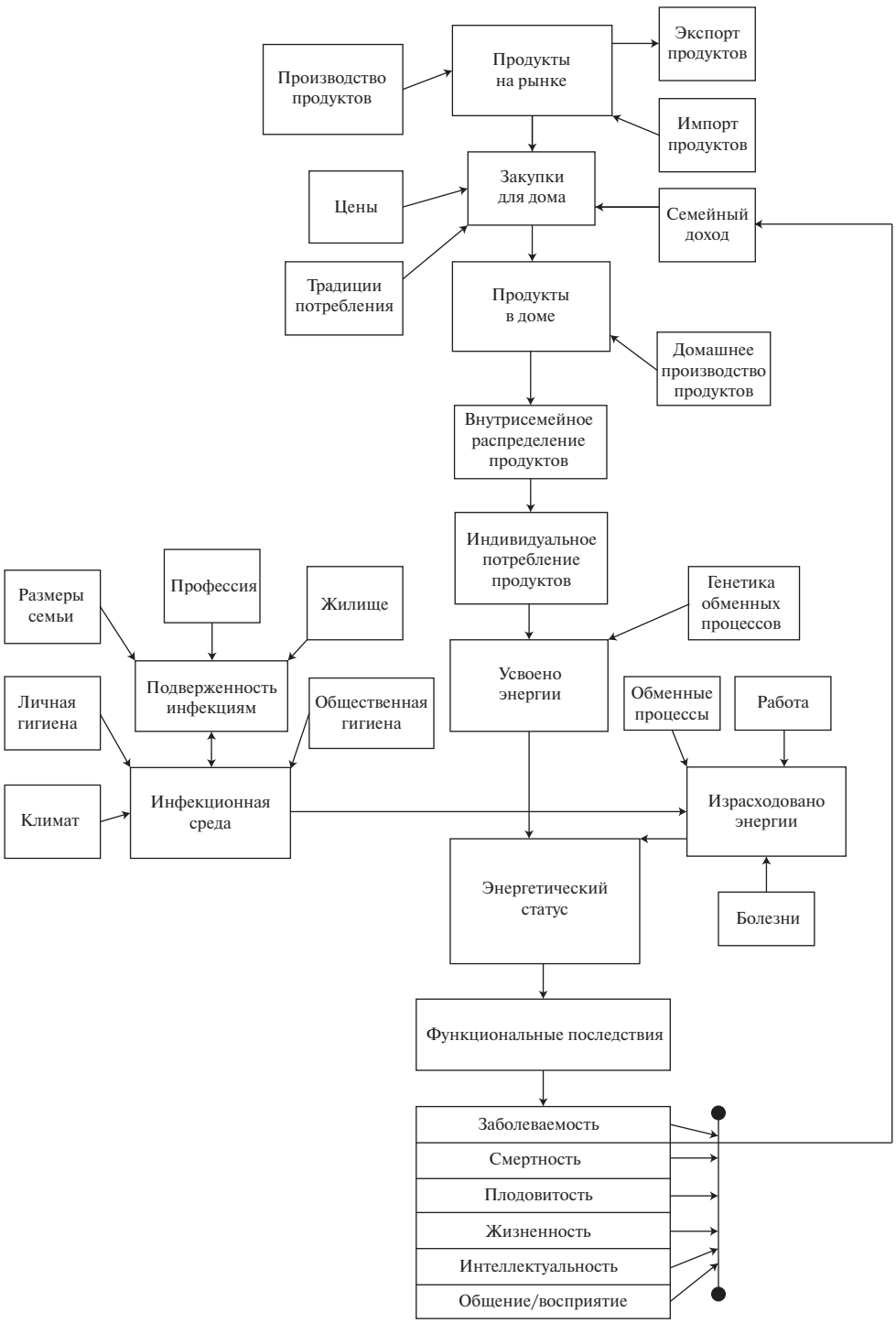
Таким образом, энергетический, или биологический, статус является интегральным показателем уровня жизни населения, а рост выступает в роли переменной, замещающей энергетический статус (по-английски — *proxy variable*).

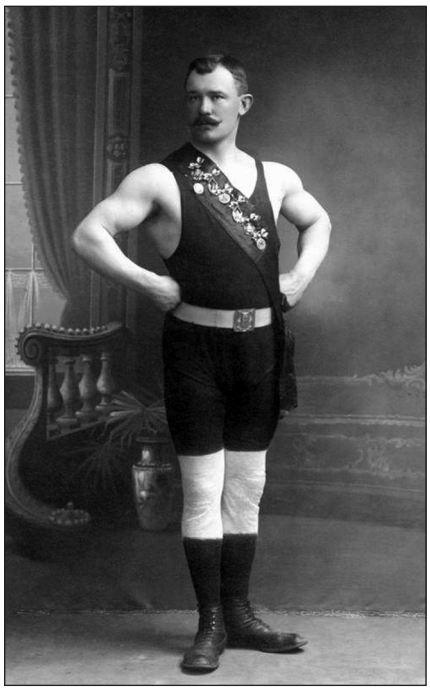
Поскольку связь между длиной тела и благосостоянием опосредована социально-экономическими обстоятельствами, задача исследователя — понять каждую специфическую ситуацию в ее экономическом, социальном, культурном и историческом контексте. Дети во всех возрастах и взрослые из разных социальных слоев различаются размерами тела. Разница в росте у детей из среднего и рабочего класса в развитых странах середины XX века в трехлетнем возрасте составляла около 2 см, в подростковом — 5 см. Различия обусловлены ускоренным созреванием детей из обеспеченных слоев, а также более высоким ростом их родителей, передаваемым по наследству. Среди социально-экономических факторов на первом месте — питание, затем привычка регулярного приема пищи, сон, физкультура и общая организованность, которыми отличаются семьи «белых» и «синих воротничков».

Строго говоря, не только экономическое положение, но и стиль жизни в семье имеет большое значение. В буржуазном обществе образование, умственное развитие, личные качества родителей, воздействующие на семейный уклад, в значительной степени определяются их социальным статусом и доходом. Однако культура семьи все же играет и самостоятельную роль. Это хорошо видно по росту детей интеллигенции и рабочих в советское время. Первые, как правило, были выше вторых, хотя доходы их родителей часто были равны доходам рабочих или ниже, чем у них[24].

В традиционном обществе, при слабой коммерциализации экономики, доступ к продуктам питания определялся контролем над землей, а в обществе с рыночной экономикой — способностью купить пищу и кров, т. е. реальным доходом. Внутри же семьи и в традиционном, и в индустриальном обществе распределение ресурсов обусловливалось внутрисемейными отношениями, вкусами и традициями. Например, в некоторых культурах для максимизации дохода питанием обеспечиваются прежде всего члены семьи, приносящие наибольший доход. Ввиду этого колебания в росте у мужчин и женщин не всегда происходили синхронно, причем в периоды экономического спада его уменьшение начиналось у женщин, а затем только захватывало мужчин, хотя последние менее устойчивы к неблагоприятным воздействиям среды. Это свидетельствует о гендерном неравенстве в доступе к пище: в тяжелые времена женщины испытывали бóльшую депривацию, чем мужчины[25]. В других культурах высокий социальный статус требовал от человека употреблять определенные продукты, например, чай или кофе, которые в свое время были очень дорогими, заменяя ими более ценные для организма продукты, что ослабляло связь между энергетическим статусом и доходом. В условиях рыночной экономики возможен был и такой вариант: люди ради накопления или ради покупки промышленных товаров ухудшали качество питания, и это вело к уменьшению роста в условиях повышения доходов.

Рис. 2.1. **Факторы длины тела в обществах с рыночной экономикой**





Поддубный И. М. (1871–1949), классический борец 1900-е гг. Фото

Защищенность индивидуума от болезней нередко в большей степени обеспечивается состоянием санитарии в отдельном поселении и социуме в целом, чем доходами. Богатые и бедные часто живут рядом и в случае эпидемий почти в одинаковой степени подвержены опасности заражения. Однако качество жилья, принадлежащее человеку, тоже влияет на его подверженность заболеваниям — в тесном, холодном и грязном доме легче заболеть, чем в просторном, теплом и чистом. Например, русские земские врачи установили, что в Московской губернии в 1875–1900 гг. существовала обратная зависимость между высотой, смертностью среди крестьян и размерами жилой площади на душу населения[26]. Но желание иметь просторную избу вступало в противоречие с необходимостью тратить дополнительные средства на ее отопление. Крестьяне в целях защиты от суровых холодов прибегали к следующему средству — намеренно допускали скопление большого числа людей и скота в избе, обеспеченной минимальной вентиляцией, благодаря чему помещение обогревалось за счет тепла, выделяемого телом людей и животных. Этот же прием использовали и народы Севера — например, эскимосы и чукчи[27].

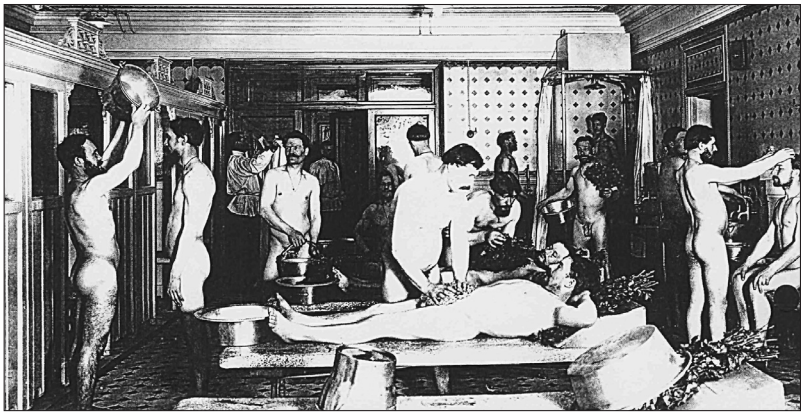
Интенсивность труда — еще один важный фактор, воздействующий на энергетический статус человека. Она зависит от возраста, образования, профессии и степени механизации. Даже самое обильное питание может оказаться неадекватным, если физические нагрузки очень велики, и наоборот, плохое питание при незначительных нагрузках может быть достаточным. В зимнее время при остановке сельскохозяйственных работ русский крестьянин предпочитал дремать на печи не от лености, а ради экономии энергии и продуктов питания.

Количество и качество потребляемых продуктов, а также и расход энергии на работу, борьбу с инфекциями и болезнями варьируют как во времени, так и между отдельными социально-экономическими и этническими группами. Естественно поэтому, что средний рост у популяции или отдельных социальных групп должен изменяться синхронно со статусом питания. Тенденция в динамике биостатуса популяции может быть зафиксирована через оценку изменения среднего роста по годам рождения, а различия между социально-экономическими группами могут быть измерены через оценку вариации среднего роста в зависимости от образования, семейного положения, сословной принадлежности, местожительства. Аналогично различия в биостатусе между этническими группами могут быть определены через оценку вариации среднего роста в зависимости от этнической принадлежности. В подобных ситуациях говорят, что когорты по году рождения выступают в роли переменных, замещающих временно́й тренд,

а социально-экономические и этнические характеристики — в роли переменных, замещающих социально-экономические и этнические группы.

Итак, средний рост является замещающей переменной для энергетического, или биологического, статуса. Важно иметь в виду: рост *не является синонимом дохода, уровня и качества жизни* — это специфический индикатор благосостояния. Традиционные показатели для последнего (национальный продукт, зарплата и цены, распределение доходов) ориентированы, прежде всего, на получение данных о *реальных* доходах. Но они недостаточны по той причине, что не учитывают *варианты расходования доходов на уровне семьи*. Рост, конечно, обусловливается потреблением и, значит, доходом, но доход сам по себе не предопределяет потребление, которое зависит от многих факторов. Например, дополнительный доход может пойти на уплату налогов или ренты, на покупку недвижимой собственности, одежды и предметов быта, может быть проигран в казино или использован каким-нибудь другим экстравагантным и непроизводительным способом, и тогда увеличение дохода может сопровождаться ухудшением здоровья и понижением биостатуса людей. В то же время при уменьшении дохода семья может сохранить расходы на потребление, и в этом случае биостатус не понизится. Например, в США со второй половины 1830-х гг. и до конца XIX в. наблюдался значительный экономический подъем, если его измерять в национальном доходе на человека. Однако здоровье американцев как популяции в эти годы ухудшилось, средняя продолжительность жизни и средний рост понизились вследствие того, что в потреблении сократилась доля продуктов животного происхождения, богатых белками, значительная часть дохода стала расходоваться на покупку промышленных товаров. Увеличение плотности населения, миграции, урбанизация и интеграция местных рынков способствовали распространению инфекций и вызвали увеличение заболеваемости. Недостаточность информации о доходах населения для оценки его благосостояния подвигла международные организации искать новые индикаторы. ООН стала использовать индекс человеческого развития, учитывающий, кроме валового дохода, также среднюю продолжительность жизни и образование[28]. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), считая рост одним из лучших показателей условий здоровой жизни популяции, стала, кроме того, использовать сведения о массе тела новорожденных в качестве индикатора уровня жизни женщин[29].

Рост человека лучше, чем доход, отражает реальное качество питания и потребление тех товаров и услуг, которые удовлетворяют его основополагающие биологические потребности в еде, одежде, жилище, в поддержании здоровья. Доход показывает только возможность или *потенциальное* потребление, так как деньги можно истратить на что угодно, а рост указывает на *фактическое* потребление[30]. Расходы на поддержание биостатуса человека занимали главное место в семейном бюджете большинства людей вплоть до завершения индустриальной революции, а в менее развитых странах преобладают и в настоящее время. В силу этого средний рост может использоваться для оценки изменений уровня жизни во временно́м аспекте, причем как целых популяций, так и отдельных социальных групп, принадлежащих к одному этносу и обладающих одинаковым генетическим потенциалом в отношении длины тела[31]. В этом случае конечный средний рост выступает замещающей переменной, как для биологического статуса, так и для благосостояния. Однако переход от роста к биостатусу, а от биостатуса к доходам происходит в ходе интерпретации антропометрических дан-



Бани общедоступные. С.-Петербург. 1900-е гг. Фото.

ных, ибо реально рост отражает потребление, степень удовлетворения базисных потребностей человека. Интерпретация должна учитывать взаимодействие множества факторов, потому что их комбинация может приводить к неожиданным результатам. Например, в социуме могут повышаться доходы и потребление, а средний рост уменьшаться вследствие интенсивной иммиграции низкорослых переселенцев, и наоборот, благосостояние может понижаться, а длина тела увеличиваться вследствие иммиграции высокорослого населения. Увеличение средних доходов может сопровождаться понижением среднего роста, если в обществе происходит резкая имущественная дифференциация или если люди начинают накапливать доходы и сокращать или ухудшать потребление. Распределение доходов между накоплением и потреблением — принципиальная проблема при интерпретации антропометрических данных. Остановимся на ней несколько подробнее.

При стабильном, растущем или снижающемся биостатусе реальные доходы *теоретически* могут увеличиваться, уменьшаться или сохраняться на прежнем уровне в зависимости от того, при прочих равных условиях, в какой пропорции расходовались доходы на потребление и накопление. Однако в имперской России фактически вариантов было меньше. Крестьянство, доля которого в населении страны не опускалась ниже 85%, вело *семейно-трудовое хозяйство*, принципиально отличавшееся от капиталистического предприятия[32]. Семейно-трудовое хозяйство подчинялось законам моральной экономики: производственные отношения основывались на христианской морали; определяющим мотивом его экономической деятельности являлось не накопление, а удовлетворение базисных потребностей членов семьи; коллективная трудовая деятельность должна иметь нулевую прибыль: если кто-то имеет прибыль, значит, кто-то несет убытки, в силу этого получение прибыли — грех; бедность — не порок; трудовая этика — потребительская; нормы напряжения труда, или степень самоэксплуатации, значительно ниже полного использования труда; имущественная дифференциация — минимальна[33]. Рассмотрим варианты соотношения биостатуса и доходов. При *стабильном* биостатусе реальные доходы *теоретически* могут (а) *оставаться на прежнем уровне*, если пропорция в расходовании дохода на потребление и накопление не изменялась; (б) *увеличиваться*, если дополнительные доходы расходовались исключительно на накопление (приобретение собственности, ценных

бумаг и т. п.); (в) *уменьшаться*, если базисные потребности удовлетворялись за счет продажи имущества или долгов. Однако *фактически* в России XVIII — начала XX в. *стабильный* биостатус будет свидетельствовать о том, что доходы большинства, как правило, были *стабильными*. Почему? Крестьянство (85% жителей страны) в массе своей не проявляло интереса к накоплению, базисные потребности удовлетворяло по нижнему пределу (поэтому сократить их было весьма затруднительно), деньги в долг взять было негде, распродажа имущества не практиковалась.

При *растущем* биостатусе реальные доходы *теоретически* могли (а) *уменьшаться или оставаться стабильными,* если удовлетворение базисных потребностей происходило за счет продажи собственности (недвижимого имущества или ценных бумаг), (б) *увеличиваться*, если добавочные доходы расходовались на улучшение потребления. Однако *фактически* в России XVIII — начала XX в. *растущий* биостатус говорил о том, что доходы большинства, как правило, увеличивались. Так как крестьянство не имело накоплений на черный день, дополнительные доходы оно расходовало не на накопление, а на потребление, прежде всего — на алкоголь.

При *снижающемся* биостатусе реальные доходы *теоретически* могли (а) *увеличиваться или оставаться на прежнем уровне,* если доходы расходовались на накопление (приобретение собственности, ценных бумаг и т. п.) или культурные потребности за счет удовлетворения базисных потребностей, (б) *уменьшаться*, если пропорция в расходовании дохода на накопление и потребление не изменялась. Однако *фактически* в России XVIII — начала XX в. *снижающийся* биостатус указывал, как правило, на понижение доходов крестьянства. Ибо земледельцы в принципе не стремились делать накопления на черный день и, уж во всяком случае, не приносили удовлетворение базисных потребностей в жертву накоплению; расходы на одежду, обувь, мебель, утварь, развлечения и другое, были незначительными и удовлетворялись по остаточному принципу.

Таким образом, уменьшение средней длины тела россиян в период империи будет свидетельствовать о понижении благосостояния; увеличение — о его повышении; постоянство длины тела с большей вероятностью будет указывать на стабильность уровня жизни, с меньшей вероятностью — на его снижение. Аналогичная ситуация существует в настоящее время в развивающихся странах, где поддержание биостатуса поглощает более 70% доходов семейных бюджетов. Напротив, в развитых странах, где на его поддержание уходит незначительная доля доходов, связь между благосостоянием и биостатусом слабее. До середины XX в. граждане США были самыми высокими в мире — на 3–9 см выше европейцев из западных стран. Но в последние 150 лет рост у европейцев увеличивался быстрее, и сегодня большинство стран с протестантским населением обогнало белых американцев: самые высокие европейцы — голландцы, шведы и норвежцы, а также датчане, британцы и немцы имеют рост на 5–6 см выше американцев (183–184 см против 178 см), хотя, как и прежде, валовой внутренний продукт (ВВП) на человека в США выше. По мнению известного антропометриста Джона Комлоса, причины следующие: в Европейском союзе меньшее социальное неравенство, совершеннее система социального обеспечения, бóльшая социальная безопасность, лучшая экологическая обстановка, меньшие трудовые нагрузки, продолжительнее отдых и качественнее питание[34].

Среди народов, входящих в Европейский союз, одним из самых низких являются португальцы — 172 см — это на 4–6 см меньше, чем у современных российских новобранцев, несмотря на то, что в XX в. Португалия добилась впечатляющих результатов: современные молодые португальцы на 9 см выше, чем в 1900 г. В чем дело? Причина в низком душевом ВВП: еще в 1989 г. ВВП на человека в Португалии был в 2,1 раза ниже, чем в СССР, и только вследствие спада производства в России и экономического подъема Португалии в 1990-х гг. последняя обогнала Россию. Благодаря более развитой экономике западноевропейских стран их жители по-прежнему превосходят по росту страны Центральной и Восточной Европы. Например, в Чехии за последние 100 лет 20-летние мужчины подросли на 11 см — со 168 до 179 см. Несмотря на это, чехи уступают голландцам, норвежцам, шведам, немцам, датчанам и всем другим протестантским народам Европы.

2.2 в. Различия в росте между популяциями

Средний рост является обобщающим показателем биостатуса для всего периода физического развития человека от рождения до измерения; он находится под влиянием генетики и среды, или эндогенных и экзогенных факторов. При одинаковых условиях жизни дефинитивная длина тела у двух человек разной расово-этнической принадлежности будет отличаться, потому что их организмы из-за различной наследственности по-иному реагируют на изменяющиеся условия питания, работы и эпидемиологической среды[35]. Однако генетический потенциал европейцев, африканцев, североамериканцев европейского и африканского происхождения имеет значительное сходство. При одинаковых условиях жизни все эти расово-этнические группы достигают примерно одинакового среднего дефинитивного роста[36]. Средний рост современного 20-летнего петербуржца равен 178 см, а петербурженки — 166 см. Если создать в Петербурге такие условия жизни, как в Швеции или Норвегии, то рост мужчин постепенно увеличится до 183–184 см, а женщин — до 171–172 см. Сельские жители во многих частях современной Африки имеет такой же средний рост, как и те, кто жил там 150 лет тому назад, в то время как хорошо питающиеся африканцы из горожан мало отличаются по длине тела от современных европейцев и североамериканцев европейского происхождения.

Генетические отличия между европейцами и африканцами, разумеется, нельзя совсем сбрасывать со счета. Тем не менее, дифференциация в росте между людьми одного генетического фонда (африканского или европейского), но принадлежащими к разным классам, больше, чем между африканцами и европейцами одной социальной принадлежности: различия между африканским и европейским средним классом меньше, чем между белыми и синими воротничками и среди африканцев, и среди европейцев[37]. Ряд расово-этнических групп азиатско-тихоокеанского происхождения — японцы, китайцы, корейцы и некоторые индо-малазийские популяции, возможно, имеют меньший генетический потенциал роста, чем европейцы и африканцы.

Несмотря на это, японцы в XX в. добились огромных успехов в повышении уровня жизни, и экономическое чудо привело к эпохальным изменениям в длине тела. В течение 300 лет, XVII–XIX вв., средний рост японцев был стабильным: мужчины — 156–157 см, женщины — 144–145 см. В XX в. произошли изменения. Но если в первой половине XX в. мужчины прибавили 3 см, то во второй поло-

вине XX в. — 12 см, достигнув 172 см и почти сравнявшись с португальцами и греками. Рост женщин за весь XX в. увеличился тоже на 15 см и составил к 2000 г. 160 см. В индустриальных районах Японии прибавка была на 2 см больше, чем в аграрных, что находилось в полном соответствии со степенью повышения доходов и улучшения питания. Огромный экономический рывок после Второй мировой войны позволил японцам догнать по росту южнокорейцев, которым они в начале XX в. уступали — 3–4 см. В 1989 г., накануне катастрофического падения производства и доходов, Россия по валовому национальному продукту на душу населения уступала Японии в 2,5 раза. Однако россияне были и остаются выше японцев, хотя разрыв сильно сократился: в начале XX в. японцы уступали русским 10 см, сейчас — 5–6 см. Из-за высоких цен на продовольствие и по традиции японцы, несмотря на высокие доходы, до сих пор потребляют пищи в переводе на калории несколько меньше россиян, а в XVII — начале XX в. — существенно, по крайней мере на треть, меньше. Особенно мало едят японцы масла и жиров — в 10 раз меньше россиян, сахара — в 2,2 раза меньше, молочных продуктов — в 5 раз меньше (сведения на 1980-е гг.)[38]. Существенно, что японцы потребляют недостаточно мяса — главного источника животного белка, необходимого для увеличения роста. При этом работают они больше, чем русские. Меньшая калорийность пищи и соответственно меньшее получение энергии от питания при большем ее расходе на работу остаются главными факторами, определяющими разницу в росте между японцами и европейцами пока в пользу последних. Китайцы, до начала XX в. имевшие более высокий статус питания, чем японцы, превосходили последних в росте, а в конце XX в. молодые китайцы уступали молодым японцам 1–2 см[39]. Следует иметь в виду, что прошло слишком мало времени — всего 50 лет, или два поколения, чтобы изменение энергетического статуса в полной мере сказалось на росте японцев. Но, например, калифорнийские японцы, несколько поколений питавшиеся по американскому стандарту, стали выше и превзошли японцев, живущих в Японии, хотя все еще уступают европейцам и североамериканцам[40].

При сравнении среднего роста популяций возникает проблема устранения влияния наследственности, так как все географические или международные сравнения, проводимые историками, экономистами или социологами, включая и те, которые будут проводиться в настоящем исследовании, предназначены для оценки роли социально-экономических факторов в динамике благосостояния. В целом изменчивость размеров тела человека на земном шаре не подчиняется каким-то строгим закономерностям: в большинстве регионов мира встречаются высокие и низкие люди. В Европе высокорослое население проживает на Севере и в Скандинавии, достигая в настоящее время 181–185 см, а низкорослое — в ряде областей Испании и Южной Италии — 170 см. В Африке низкорослые пигмеи (144 см) и высокорослые тутси (177 см), различающиеся в росте на 33 см, проживают по соседству. В Европейской части России в 1980-е гг. башкиры (167 см) уступали эстонцам и латышам (176 см) 9 см, а в начале XX в. финны (168 см), жившие рядом с лопарями (156 см), превосходили последних на 12 см[41]. Однако, с точки зрения приспособления к климату, имеют значение различия в размере и форме тела, подчиняющиеся экологическим правилам Бергмана и Аллена. С увеличением температуры длина тела и вес обычно уменьшаются (правило Бергмана), а размеры выступающих частей тела, например ног и рук,

увеличиваются (правило Аллена). Вследствие этого самые низкорослые популяции людей по преимуществу обитают в широтах с жарким климатом, а самые высокорослые — в северных и умеренных широтах. Биологическая основа этих зависимостей состоит в том, что при высокой температуре воздуха индивидуумы меньших размеров и с более удлиненной формой тела обладают некоторыми биологическими преимуществами, например, легче переносят жару и жажду[42]. Эти правила действуют независимо от расы. Различия в длине и форме тела, вызванные различными экологическими условиями существования, закреплены генетически и в изучаемое нами время связаны с этническим компонентом.

Между расами наблюдается дифференциация по длине и форме тела, также закрепленная генетически. Европеоиды и негроиды, не отличаясь между собой существенно ростом, превосходят монголоидов. Три указанные расы отличаются формой тела, что сказывается на их среднем весе. В рамках больших рас существуют расовые группы, тоже различающиеся средним ростом[43]. В рамках мультиэтнической и мультирасовой популяции, каковой являются россияне, существуют различия в росте и весе между расово-этническими группами, обусловленные генетически, и их надо отделять от тех, которые объясняются социально-экономическими факторами, что позволяют сделать математико-статистические методы.

2.2 г. Изучение динамики уровня жизни и неравенства по ростовым данным

Хорошо известно, что количество и качество потребления и расход энергии на работу, борьбу с инфекциями и болезнями варьируют во времени. В силу этого рост отражает *изменения* биостатуса населения, а при наличии больших серий данных — и *вековые тенденции* в его динамике. Если, по определению, рост 20-летних людей отражает условия их жизни в течение 20 лет, то о чем говорит, например, уменьшение на 2 мм среднего роста новобранцев, принятых на службу в 2005 г., сравнительно с теми, кто принят в 2004 г.? Средний рост призыва 2005 г. являлся итоговым результатом условий жизни в 1985–2004 гг., а призыва 2004 г. — условий жизни в 1984–2003 гг. Первый 20-летний период, 1985–2004 гг., и второй 20-летний период, 1984–2003 гг., различаются только двумя годами — 1984 г. и 2004 г. Какой из них более важен? Без сомнения, 1984-й: он является *первым годом жизни* для поколения, родившегося в 1984 г., а 2004-й — лишь *двадцатым годом жизни* для поколения, родившегося в 1985 г. Для длины тела первый год жизни является критическим, и потому имеет во много раз большее значение, чем двадцатый год, так как именно на первом году происходит наибольшее прибавление роста и закладываются основы последующего биологического развития. Следовательно, разница в длине тела новобранцев 1985 и 1984 гг. рождения, равная 2 мм, объясняется главным образом условиями жизни в 1984-м, и, сравнивая средний рост поколения 1984 и 1985 годов рождения, мы оцениваем прежде всего значение 1984 года для биостатуса.

Ауксологический подход создает возможность следить за *изменениями длины тела и условий жизни во времени*, при наличии значительной информации — даже за ежегодными изменениями. Наиболее удобно интерпретировать последовательные данные о росте, будь то годичные или пятилетние, или десятилетние средние. Вот красноречивая иллюстрация использования антропометрических сведений при анализе благосостояния[44]. Накануне Второй мировой войны китайцы-хань

отличались довольно высоким ростом — 168 см у мужчин и 158 см у женщин, причем они были существенно выше японцев, вьетнамцев, корейцев и индийцев — на 5–8 см. Значит, по биостатусу китайцы намного превосходили своих соседей. После провозглашения КНР в 1949 г. повышательная тенденция сохранилась, но была прервана в годы «большого скачка» 1958–1960 гг. и возобновилась с проведением рыночных реформ в конце 1970-х гг. В результате всех изменений рост современных 20-летних китайцев, родившихся в первой половине 1980-х гг., равен 170 см, китаянок — 160 см; прибавка за 50 лет всего 2 см, в то время как у южнокорейцев — 6 см, а у японцев — 12 см. Причина в том, что реформы в Китае начались в конце 1970-х гг. и прошло слишком мало времени, чтобы они могли существенно повлиять на биостатус взрослых и сказаться на их росте. Однако сравнение длины и веса детей, рожденных до и после реформ, приводит к выводу, что китайские реформы положительно сказываются на благосостоянии[45].

Различия в статусе питания между социально-экономическими и этническими группами должны проявляться в вариации среднего роста между ними. Поэтому ауксологический подход к анализу уровня социально-экономического неравенства, в том числе гендерного, регионального, группового или в масштабах целых стран, дает исключительно интересные результаты. Вот данные о росте петербургских женщин по профессиям, которые отчетливо показывают наличие довольно заметной зависимости между длиной тела и социальным статусом, что, несомненно, отражает различия в базисных условиях жизни представителей отдельных социально-профессиональных групп (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Рост петербургских женщин разных профессий, измеренных в 1980–2005 гг.

Профессия	Средний возраст, лет	Средний рост, см
Санитарка	25,4	161,3
Уборщица	27,8	162,2
Няня	24,0	162,4
Дворник	27,9	162,5
Кассир	25,6	162,6
Учитель со средним специальным образованием	28,3	162,7
Повар, кондитер и пр.	24,5	163,1
Продавец	24,5	163,0
Младший научный сотрудник	30,2	163,2
Медсестра	25,0	163,4
Водитель, машинист	25,4	163,7
Бухгалтер	26,6	163,7
Секретарь	25,2	163,7
Инженер	28,4	163,7
Учитель с высшим образованием	26,3	163,9
Воспитатель	21,0	164,3
Врач	29,1	164,3

Источник: Миронов Б. Н. Биологический статус женщин Санкт-Петербурга в 1946–2005 гг. (по антропометрическим данным о новорожденных и их матерях)//Мир России. 2007. № 1. С. 105.

Изучение антропометрических показателей современных московских детей из обычных и привилегированных школ обнаружило, что «обычные» уступают в росте, весе и скорости полового созревания «привилегированным»[46]. В советское время различия между детьми с различным социальным профилем их родителей уменьшились, но после перестройки стали увеличиваться, что можно интерпретировать как усиление социально-экономического неравенства в современном российском обществе[47]. Разумеется, социальные различия в росте детей существовали всегда. До революции 1917 г. они были еще более существенными (табл. 2.2).

Таблица 2.2

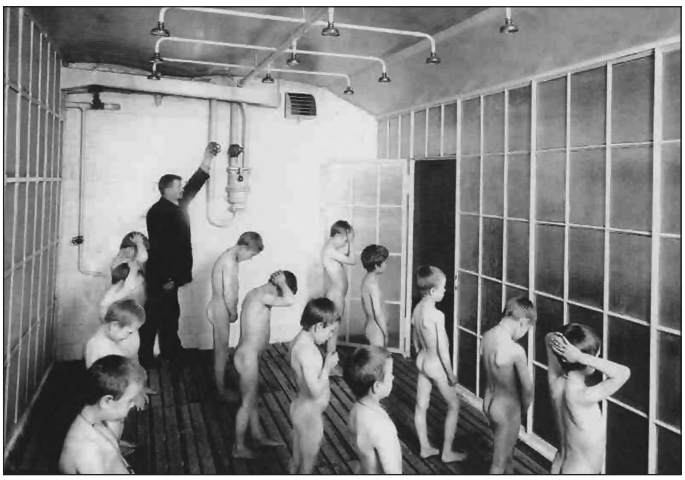
Рост (в см) учащихся Вятской и Пермской губерний в 1879–1881 гг. в зависимости от социального статуса их родителей

Возраст (лет)	Дворяне	Духовенство	Крестьяне	Рабочие	Мещане
7	–	–	112,2	110,1	108,7
8	–	–	114,3	111,5	110,4
9	–	–	119,3	117,5	116,0
10	124,7	124,2	122,0	122,9	117,2
11	128,3	129,4	126,9	125,7	123,1
12	133,6	133,2	131,8	131,7	129,0
13	139,0	138,8	–	–	134,5
14	147,5	146,9	–	–	140,3
15	153,4	150,3	–	–	148,3
Число детей	179	85	140	217	258

Источник: Рума Р. Н. Антропометрические исследования: Материалы для физического развития учащихся//Сборник, изд. Медицинского департамента Пермского земства. Пермь, 1881. Т. 3. С. 44–45.

Данные табл. 2.2 позволяют сделать вывод, что дети дворян в массе жили в наиболее комфортабельных условиях, с точки зрения питания, жилища, эпидемиологической среды, медицинского обслуживания и т. п., а дети мещан — в наименее благоприятных, что базисные условия жизни существенно различались не только между привилегированными (дворяне, духовенство) и непривилегированными (крестьяне, мещане) сословиями, но также и в пределах каждой из групп. Крестьяне по биостатусу превосходили мещан, дворяне — духовенство. Эти чрезвычайно важные выводы делаются без прямых сведениях о доходах и жизненных условиях разных сословий, а лишь на основании данных о длине тела — показателя универсального для всех людей, всех стран и всех исторических периодов (при ограничениях, о которых шла речь выше).

В Индии в течение 1910–2000 гг. рост мужчин оставался неизменным — 164 см, зато у женщин он увеличился на 2 см — с 151 до 153 см, благодаря чему разница сократилась с 13 до 11 см. Это свидетельствует о стагнации общего материального положения населения, с одной стороны, и о повышении биостатуса женщин ввиду снижения рождаемости — с другой. Ранние рождения детей в воз-



Дети в душевой дома дешевых квартир.
С.-Петербург. 1906 г. Фото

расте до 19 лет в странах с низким уровнем дохода подрывают здоровье женщин, приводят к задержке их развития[48]. Например, в современной Индии у женщин, четырежды рожавших до 20 лет, длина тела на 15 см меньше, чем у рожавших один раз. Беременность, рождение, кормление грудью в сочетании с тяжелой физической работой снижают их биостатус и соответственно рост их детей. Исследователи обнаружили значительную — 4 см — разницу в средней длине тела между регионами, заселенными одним и тем же этносом, что свидетельствует о географической дифференциации в уровне жизни[49].

До провозглашения КНДР в 1948 г. рост у жителей, проживавших на Юге и Севере Кореи, был одинаковым — 165 см у мужчин и 154 см у женщин. Но постепенно стал появляться разрыв в пользу Юга, и в 1999–2003 гг. он достиг у 20-летних мужчин 6 см, у женщин — 7 см. Современные северокорейские мужчины и женщины имеют тот же рост, что и 50 лет назад — 165 и 154 см, в то время как южнокорейцы — 171 и 161 см. Северокорейские дети сильно уступают своим южным сверстникам и по всем другим антропометрическим параметрам — весу, силе, обхвату груди и т. д. Причины хорошо известны. Экономика Севера находится в тяжелом положении, население живет в бедности, в то время как Южная Корея за последние 30 лет XX в. по экономическим показателям приблизилась к странам Европейского союза, превратившись в развитую страну. По ВВП на человека Южная Корея превосходит Северную, по меньшей мере, в 5,2 раза, соответственно большой разрыв существует по всем показателям здоровья и благосостояния, например детская смертность на Юге в 3,2 раза ниже[50].

2.2 д. Увеличение размеров тела и ускорение физического развития: секулярный тренд

Дискуссионным в биологии человека и антропометрии в течение многих лет остается проблема *секулярного тренда*, или *секулярных изменений*, которая в мировой литературе в 1960–1980 гг., а в отечественной литературе — вплоть

до настоящего времени, хотя и в меньшей степени, чем прежде, называлась акселерацией. Суть проблемы состоит в том, что в последние 100–150 лет во всех развитых странах, а также среди городских жителей развивающихся стран физическое развитие детей происходило быстрее, половое созревание наступало раньше, вследствие чего и дефинитивные размеры тела достигались на несколько лет раньше. Новорожденные и дети во всех возрастах становились все крупнее, различия между физическим развитием представителей разных социально-экономических слоев стирались, поскольку эпохальный сдвиг перекрыл различия в длине тела между социальными классами. Европейские материалы указывают, что дефинитивный рост увеличивался на 1 см за десятилетие или на 2,5 см за поколение; наступление менархе происходило с каждым десятилетием примерно на 4 месяца раньше. В конце XX в. европейские и североамериканские юноши прекращали расти по большей частью в возрасте 17,5 лет, девушки в 15,5, менархе наступало в 12–13 лет, а в XVIII–XIX вв. удлинение тела продолжалось на 7–8 лет дольше, менархе наступало на 2–3 года позже[51]. До конца XIX в., до завершения индустриальной революции в европейских странах, средняя длина тела изменялась циклически, тенденции повышения и снижения сменяли друг друга, а в последние 100–150 лет она систематически и почти линейно увеличивалась, в результате чего в конце XX в. молодежь в разных странах была на 5–15 см выше, чем в конце XIX в. Общепризнанного объяснения этого явления пока не найдено. Большинство ученых объясняют этот секулярный тренд систематическим улучшением условий жизни, прежде всего питания, в особенности увеличением доли белковой пищи (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Питание, средняя продолжительность жизни, младенческая смертность (1938 г.) и средний рост взрослых мужчин (в год призыва, около 1950 г.) в 17 странах

Страна	Доля углеводов в пищевом рационе,%	Средняя продолжительность жизни, лет		Младенческая смертность,‰	Средний рост мужчин, см
		мужчины	женщины		
Австралия	30–39	63,5	67,1	38	173,8
Новая Зеландия	30–39	65,0	67,9	50	–
США (белые)	30–39	60,6	64,5	51	177,1
Канада	30–39	59,0	60,7	63	–
Великобритания	30–39	60,2	64,4	55	174,1
Норвегия	40–49	61,0	63,8	37	177
Германия	40–49	59,9	62,8	60	176,3
Нидерланды	40–49	65,1	66,4	37	178,1
Венгрия	50–59	48,3	51,3	131	170,9
Чехословакия	50–59	51,9	55,2	121	173
Бельгия	50–59	56,0	59,8	73	–
Франция	50–59	54,3	59,0	66	172,3
Болгария	70–79	45,9	46,6	144	–

Таблица 2.3 (окончание)

Страна	Доля углеводов в пищевом рационе,%	Средняя продолжительность жизни, лет		Младенческая смертность,‰	Средний рост мужчин, см
		мужчины	женщины		
Польша	70–79	48,2	51,4	140	–
Япония	80–89	46,9	49,6	144	160
Россия	80–89*	44,0*	49,7*	182*	172
Индия	80–89	26,9	26,6	167	164

Примечание: * 1940 г.

Источники: Харрисон Дж. и др. Биология человека. С. 595; Health and Welfare during Industrialization/ K. Steckel, R. Floud (eds.). Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997. P. 424; *Fogel R. W.* The Escape from Hunger and Premature Death, 1700–2100: Europe, America, and the Third World. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. P. 13; *Миронов Б. Н.* (1) Экономическая биология человека//Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 141–150; (2) Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 2. С. 379, 381, 390–392.

Имеет сторонников *медицинско-гигиеническая гипотеза*, объясняющая эпохальный сдвиг успехами медицины, в особенности педиатрии, эпидемиологии и гигиены, изменениями в лучшую сторону ухода за детьми, развитием физкультуры и спорта. В последнее столетие наблюдалось резкое снижение частоты инфекционных заболеваний, в частности благодаря противооспенной вакцинации, вошедшей в употребление в XIX в. Успехи медицины, резко уменьшив опасность заболеваний, сократили энергетическую нагрузку на борьбу с ними, что привело к увеличению среднего роста. Однако эта гипотеза не объясняет наблюдаемой скорости изменений. Кроме того, массовое распространение вакцинации совпало с понижением длины тела в США и Италии в 1830–1870 гг., что было бы невозможно, если бы проблема сводилась только к улучшению эпидемиологической среды[52].

Имеют немногочисленных сторонников *гипотеза инсоляции* и *нейрогенная гипотеза*. Первая объясняет вековой тренд изменениями ультрафиолетовой радиации, температуры и влажности воздуха, электромагнитных и ионизирующих излучений[53], вторая — нейрогенным фактором: обширный поток впечатлений затрагивает эмоциональную сферу и создает длительное возбуждение коры головного мозга и подкорки, что стимулирует производство специальных гормонов, ускоряющих физическое развитие ребенка[54].

Высказана и генетическая *гипотеза гетерозиса*, согласно которой определяющий фактор секулярного тренда — повышение разнородности, или разнообразия, генетической основы (гетерозиготности) отдельных индивидуумов. Фактор был актуализирован благодаря аутбридингу — возрастанию числа браков между людьми, принадлежащими к одной этно-генетической группе, но находившимися ранее в изоляции друг от друга. Явление усиления жизненности, называемое *гетерозисом*, аналогично тому, что наблюдается у животных и растений: ускорение созревания, увеличение размеров и повышение плодовитости, усиление жизненности у потомства (гибридов) по сравнению с родительскими формами животных или растений — при скрещивании форм, принадлежащих к различных линиям одного вида[55]. Иногда гетерозис называется гибридной мощностью.

Электротерапия. 1887 г. Фото

Большинство современных биологов считают, что роль среды в объяснении роста больше, чем предполагают сторонники гетерозиса, что на рубеже XX–XXI вв. средний рост в ряде западноевропейских стран уже превысил тот предел (178–182 см), на который они указывали[56], что средовые факторы выступают не только в качестве условий, но и непосредственных причин изменения размеров тела[57]. Доминирует точка зрения, что усиление жизненности (гетерозис) вследствие инолокальных браков теоретически возможно, хотя в поддержку этой гипотезы сведений приводится пока недостаточно[58]. Провести эксперимент крайне трудно, а корректно приспособить имеющуюся информацию для проверки этого предположения пока не удается. Например, при исследовании физического развития 4–7-летних детей г. Верховцево и окружающих его сел Днепропетровской области Украины в 1970-е гг. установлено, что рост потомков, происходивших от родителей из одного села, был меньше, чем у тех, чьи родители, родились в разных местностях. Однако для роста детей, кроме места рождения их родителей имеет значение порядок рождения (каждый следующий ребенок в семье ниже своего предшественника), социальное положение, образование и доход родителей, тип поселения проживания, экология и другие социально-экономические и культурные условия их жизни, элиминировать которые авторам этого интересного исследования не удалось[59].

Аналогичные зарубежные исследования страдали теми же недостатками. Кроме того, при отборе людей в группы за основу бралось место жительства, а не инолокальные браки. Французские ученые показали, что в швейцарских деревнях потомство от дедов, происходивших из одного селения, было на 1–2 см ниже потомства, чьи деды происходили из разных местностей. Однако выборки оказались небольшими, а ошибки выборочных средних, наоборот, большими. Исследователям не удалось уравнять потомков по всем признакам, кроме происхождения, и потому полученные результаты не могут считаться статистически значимыми[60]. «Для проявления общей тенденции к увеличению роста многие контролирующие рост гены должны действовать таким образом, чтобы в среднем рост детей от брака между высокими и низкорослыми людьми хотя бы ненамного превосходил среднее арифметическое между значениями роста родителей.

В настоящее время нет прямых доказательств в пользу того, что гены роста действуют именно таким образом»[61]. Сколько-нибудь значительного гетерозисного (гибридного) эффекта при заключении межрасовых браков тоже не зафиксировано: размеры тела и скорость развития потомков лежат в границах, свойственных родителям[62]. Имеются данные, показывающие, что эффект гетерозиса кратковременный и что он имеет двойственные последствия — иногда способствует увеличению, а иногда уменьшению роста потомства сравнительно с родителями[63]. Ведущий специалист в области биологии человека Дж. Таннер еще в 1968 г. заметил, что даже если гипотеза гетерозиса верна, она не может объяснить значительную долю увеличения роста, которое произошло в последнее столетие[64]. В последних работах ученых гипотеза гетерозиса либо вообще не рассматривается, либо не считается убедительной[65].

2.2 е. Догоняющее, или наверстывающее, развитие. Стресс. Пубертатный скачок

Потенции для роста, заложенные в генах человека, полностью реализуются лишь при благоприятных условиях среды, и, наоборот, при продолжительных и суровых лишениях, когда биостатус понижается вследствие больших физических нагрузок, недоедания, плохого качества питания, частых заболеваний, какой-нибудь тяжелой болезни, психологического стресса, то происходит задержка роста, и чем сильнее депривация, тем больше задержка. Однако детский организм обладает способностью наверстывать упущенное и догонять ровесников, если трудный период не слишком продолжителен и появляются хорошие условия для физического развития. В таком случае организму удается возвратиться к предопределенной наследственностью траектории роста даже в тех случаях, когда она нарушена. Феноменально высокая скорость роста (иногда она втрое превышает скорость, свойственную этому возрасту), наблюдаемая в благоприятные периоды, получила название «наверстывающего» развития (так называемый catch-up). Она наблюдается (1) после успешного лечения, например, рахита, хронического тонзиллита, щитовидной железы, после удаления опухоли, блокирующей нормальные обменные процессы в организме, (2) после прекращения голодания, вызванного неурожаями или войной (так, например, задержка роста, которая наблюдалась у российских и немецких детей во время Первой и Второй мировой войны, была в основном компенсирована с окончанием войны), (3) после преодоления тяжелого психического стресса[66]. Для развития человека особенно важны 1-й, 6–8-й, 13–15-й годы жизни, называемые критическими возрастами, когда организм особенно чувствителен к действиям как угнетающих, так и способствующих росту факторов[67]. Однако возможности наверстать упущенное имеют границы. Компенсаторный механизм не срабатывает, когда депривация была слишком суровой. «Наблюдения за корейскими и индийскими детьми, усыновленными “благополучными” американскими и шведскими семьями, показало, что физическое развитие ребенка нормализуется, только если кардинальное улучшение питания происходит до трехлетнего возраста»[68].

Классическое исследование развития детей, испытавших суровую депривацию, было проведено в Нидерландах. Изучалось воздействие голода 1944–1945 гг. на мальчиков, находившихся в тот момент еще в утробе матери или в младенческом возрасте. Обследованные в 18-летнем возрасте юноши не отличались ни размерами

Детский приют. С.-Петербург. 1900-е гг. Фото

тела, ни умственным развитием от своих сверстников, испытавших в детстве депривацию. Это пример успешного наверстывающего развития, когда условия жизни ребенка во время восстановительного периода были хорошими[69]. Однако не всегда наверстывание может быть полным. Если депривация была тяжелой и долгой, тогда наверстывающее развитие может оказаться недостаточным для полного восстановления траектории роста. Например, московские мальчики, которым в 1941 г. было 11–16 лет, и девочки в возрасте 10–14 лет не могли компенсировать военную депривацию, и их дефинитивный рост был ниже роста сверстников, ее не испытавших. Те же, кому в 1941 г. было 3–5 лет, сумели благодаря наверстывающему развитию догнать ровесников[70]. Аналогичный процесс наблюдался у ленинградских детей[71].

Классическое исследование о роли психического стресса в процессе физического развития проведено в Германии в 1948 г. Изучалось воздействие питания на развитие осиротевших детей. По плану эксперимента детям из 2-го приюта давали прибавку к пищевому рациону, а затем сравнили их по росту и весу с детьми из 1-го приюта, не получавшими прибавки. В течение первого полугодия 2-й приют обгонял 1-й, но во втором полугодии стал отставать. Оказалось, что в начале второго полугодия из 1-го приюта во 2-й была переведена учительница, ставшая директрисой, которая воспитывала детей розгами и обычно для публичного и часто несправедливого наказания провинившихся выбирала обеденное время. Это так сильно расстраивало всех детей, что задержало их физическое развитие. Исключение составляли лишь восемь ее любимцев, взятых ею с собой из 1-го приюта: они весили больше других, а при повышенном питании во 2-м приюте прибавляли в весе и росли еще быстрее. Автор исследования сделал вывод: «Лучше скудный обед, приправленный любовью, чем жирный окорок, нашпигованный ненавистью»[72].

Отставание в скорости общего физического развития или в росте в определенном возрасте рассматривается как показатель пониженного статуса питания. Пу-

тем сравнения антропометрических показателей у детей одного возраста в разные периоды истории страны можно оценить изменения в благосостоянии населения.

Пубертатный скачок. Скорость увеличения роста с возрастом уменьшается, но в течение пубертатного периода у мальчиков в возрасте 12,5–15,5 лет, у девочек — в 10,5–13,5 лет (на два года раньше), наблюдается ускорение роста, получившее название *пубертатного скачка*. Различия в дефинитивном росте у мужчин и женщин в значительной степени зависят от времени наступления, продолжительности и интенсивности пубертатного скачка роста. До него мальчики выше девочек не более чем на 2%, а после — в среднем на 8%[73]. Скачок затрагивает почти все костные и мышечные ткани, хотя в разной степени. Тело удлиняется преимущественно за счет туловища, а не конечностей. Резкое увеличение мышц происходит через 3 месяца, веса — через 6 месяцев после скачка в росте. Все изменения сильнее выражены у мальчиков, чем у девочек.

В биологии человека возрастом фактического прекращения удлинения тела считается такой, после которого увеличение роста не превышает 2%. В конце XX в. европейские и североамериканские юноши в основном прекращали расти в возрасте 17,5, девушки — в 15,5 лет, а в XVIII–XIX вв. процесс продольного роста у российских мужчин продолжался до 26–27 лет, у женщин — до 23 лет. Нормальная вариация в возрасте достижения дефинитивного роста для различных индивидуумов составляет до двух лет в ту и другую сторону от среднего возраста. К этому моменту увеличение конечностей прекращается, но позвоночный столб продолжает расти до 30 лет за счет отложения новых слоев костного вещества на верхних и нижних поверхностях позвонков, благодаря чему рост увеличивается на 3–5 мм[74].

Длина тела человека в течение дня может на 1–2 см уменьшиться вследствие нагрузок на позвоночник, а при сильных нагрузках, например у штангистов во время соревнований, — даже на несколько сантиметров.

На скорость физического развития оказывает воздействие множество факторов. Одни носят наследственный характер и с раннего возраста способствуют ускорению или замедлению процесса созревания. Другие — средовые: питание, время года, болезни, психологический стресс — влияют на скорость развития в периоды своего действия. Третьи — результат взаимодействия наследственности и среды — все социально-экономические факторы. Дефинитивный рост зависит от самого процесса протекания физического развития человека. Его продолжительность, начало и интенсивность в период полового созревания (в так называемый пубертатный период) в существенной мере определяется сложным взаимодействием потребления, наследственности и среды[75].

2.2 ж. Индекс массы тела. Масса тела новорожденного. Возраст менархе

Кроме дефинитивного роста, в исторической антропометрии используются и другие показатели — вес, индекс массы тела, связывающий длину тела и вес, а также масса тела новорожденных, возраст менархе.

Индекс массы тела. Если питание адекватно энергетической потребности, то обеспечивается оптимальное соотношение между ростом и весом человека, которое измеряется индексом массы тела — отношением массы тела, выраженной

в килограммах, к квадрату роста, выраженного в метрах. При нормальном соотношении длины и массы тела у современных мужчин в возрасте 18–25 лет индекс равен 19,5–22,9, при недостаточном питании индекс понижается до 18,5 и менее, при избыточном — увеличивается до 40 и более[76]. Полное или частичное голодание уменьшает массу тела, так как дисбаланс энергии покрывается сначала за счет запасных углеводов в печени и мышцах, а потом за счет белка и жировой ткани, составляющей 15–20% массы тела. Может быть мобилизовано до 95% жира (у взрослого мужчины нормального веса это дает 90–120 тыс. ккал), благодаря чему существование организма (в состоянии покоя) даже при полном голодании будет обеспечено в течение 60–80 дней. Уменьшение массы тела более чем на 20% становится опасным для жизни, а потеря массы тела в пределах 45–50% чревата летальным исходом. Напротив, повышенное питание вызывает отложение жира: у человека в процессе эволюции сформировалась способность аккумулировать часть избыточной пищи в виде жировых резервов и использовать их при недостаточном питании. За счет этого масса тела может увеличиваться до весьма больших размеров, в два и более раз превышающих нормальный вес[77]. При наличии информации не только о росте, но и о весе биостатус можно контролировать более объективно во всех возрастных группах, а после достижения человеком полной физической зрелости, когда рост стабилизируется, учет веса становится важнейшим показателем биостатуса. Информационная ценность сведений о весе высока, поэтому они используются в исторической антропометрии[78]. Проблема в том, что их намного меньше, чем о росте, а за XVIII — первую половину XIX в. они почти отсутствуют.

Важным показателем благосостояния популяции является *масса тела ее новорожденных*. До середины XX в. считалось, что длина и вес тела при рождении в решающей степени обусловлены генетически и мало чувствительны к условиям жизни матери. Новые сравнительные исследования в развитых и развивающихся странах заставили пересмотреть это положение. В настоящее время большинство биологов придерживается мнения, что не только генетика (матери и новорожденного), но и средовые факторы влияют на размеры плода, а его вес, или масса тела, в основном объясняется условиями внутриутробной жизни[79]. На этом основании ВОЗ с 1976 г. стала принимать средний вес новорожденных за стандартный интегральный показатель уровня жизни женщин в странах, входящих в ООН[80]. Вес новорожденного отражает, прежде всего, краткосрочные изменения в условиях жизни женщин в течение последних девяти месяцев, а длина его тела — общий биостатус матери, который складывался в течение всей ее жизни, предшествующей деторождению. Ввиду этого вес более чувствителен к условиям текущей жизни, а длина тела — к общему биостатусу матери, хотя между длиной тела и весом плода существует тесная связь — коэффициент

Петров-Водкин К. С.
Мать. 1915 г. ГРМ.

корреляции между ними достигает 0,9. Длина и вес тела новорожденных, взятые вместе, позволяют оценить как краткосрочные, так и в известной степени долгосрочные изменения в благосостоянии; при этом два показателя могут давать различную картину динамики.

Таким образом, размеры человеческого плода в существенной степени зависят от биостатуса матери и ухода за ней во время беременности, следовательно, обусловливаются в первую очередь социальным положением женщин: чем оно выше, тем больше размеры плода, и наоборот. Кроме того, роженицы, принадлежащие к среднему и высшему классам, существенно выше матерей из низшего класса, и уже в силу этого их дети имеют бóльшую длину тела и больший вес. Наконец, размеры новорожденного определяются возрастом и числом предшествовавших родов его матери: с увеличением возраста и порядка родов длина и вес тела новорожденного имеют тенденцию уменьшаться. В конце XX в. оптимальный вес новорожденного в развитых странах находился в пределах 3500–3900 г, длина тела 51–52 см[81]. За последние 500–600 лет размеры новорожденных, по-видимому, изменились незначительно: обследование 356 детских костяков из погребений XIV–XVII вв. на территории Литвы, из которых 41 принадлежал новорожденным, показало, что средняя длина их тела равнялась 51,3 см (ошибка выборки 0,6 см)[82].

Возраст менархе — мера половой зрелости; у хорошо питающихся девочек месячные происходят раньше, у страдающих недоеданием — позже. В рамках одной культуры, чем выше социальный статус, тем раньше наступает менархе, хотя генетика тоже имеет значение. В конце XX в. средний возраст начала менструаций в развитых странах Запада составлял 13 лет, а в середине XIX в. — 15–16 лет; сдвиг на 2,5 года объясняется повышением благосостояния. Поскольку наступление месячных определяется биостатусом, то изменение возраста менархе считается показателем изменения уровня жизни. Например, у крестьянок в Бангладеш в 1970-е гг. менархе наступало в 16 лет (как в России в конце XIX в.), у женщин различных племен в Новой Гвинее — в 18 лет[83]. Появление менархе не означает, что форми-

Мясоедов Г. Г. Смотрины невесты. После 1860 г. ГРМ. Фрагмент

рование репродуктивной функции полностью завершается: первые менструальные циклы не сопровождаются выходом яйцеклетки из яичника. В течение года после наступления менархе, а иногда и дольше, наблюдается период бесплодия[84].

2.3. Методологические проблемы исторической антропометрии

В антропометрических исследованиях предъявляются высокие требования к исходным данным, так как даже незначительное увеличение или уменьшение роста указывает на изменение биостатуса людей. Ввиду этого особое значение приобретают статистические методы, поскольку без их использования невозможно корректно анализировать и интерпретировать информацию, заключенную в антропометрических сведениях.

Рост привязывается к году рождения, а не к году измерения по двум причинам. Во-первых, измерение длины тела у людей одного года рождения часто происходит в разном возрасте. Во-вторых, при последовательном, год за годом или пятилетие за пятилетием, сравнении роста решающим оказывается первый год жизни, то есть год рождения. Вследствие привязки роста к году рождения, когда мы, например, говорим, что рекруты в 1695–1700 гг. были на 5 см выше рекрутов в 1786–1790 гг., это означает, что рекруты 1695–1700 годов рождения были на 5 см выше рекрутов 1786–1790 годов рождения. Аналогично при анализе динамики среднего роста по пятилетиям, если мы говорим, что в 1701–1725 гг. средний рост рекрутов систематически снижался, это означает, что рост рекрутов, рожденных в 1706–1710 гг., был ниже роста тех, кто родился в 1701–1705 гг., а рост у рожденных в 1721–1725 гг. был ниже роста родившихся в 1716–1720 гг. Если мы говорим, что начиная с 1766–1770 гг. уменьшение роста возобновилось и продолжалось до 1786–1790 гг., это означает, что у рекрутов, рожденных в 1771–1775 гг., рост был меньше, чем у рожденных в предшествующее пятилетие, в 1766–1770 гг., и у каждой следующей когорты рост был ниже, вплоть до когорты 1786–1790 годов рождения включительно.

Нередко приходится пользоваться сведениями о росте людей в возрасте от 18 до 60 лет, полученными в ходе одного антропометрического исследования (так называемый поперечный анализ). Например, мы располагаем данными о росте рабочих-мужчин Москвы, полученными в ходе четырех обследований, проведенных санитарным врачом В. И. Песковым в 1880–1881 гг. и антропологами из Московского университета в 1925–1927, 1957 и 1974–1975 гг.[85] Информационные базы содержали соответственно 9428, 61535, 2000 и 1000 измерений лиц в возрасте от 18 до 60 лет, которые в момент обследования работали в промышленности. На их основе можно построить для 1845–1950 гг. динамический ряд роста для мужчин, достигших полной физической зрелости в возрасте 25 лет, следующим образом. Известно, что рост мужчин в возрасте от 26 до 50 лет практически не изменяется, а после 50 начинает слегка уменьшаться[86]. Благодаря этому можно принять рост 60-летних мужчин, измеренных в 1880 г., за средний рост[87] когорты мужчин, родившихся в 1820 г. (1880–60) и достигших полной физической зрелости в 1845 г. (1820 + 25), рост 59-летних — за средний рост когорты мужчин, родившихся в 1821 г. и достигших физической зрелости в 1846 г., и т. д. вплоть до 25-летних мужчин, родившихся в 1855 г. и достигших полной физической зрелости в 1880 г.

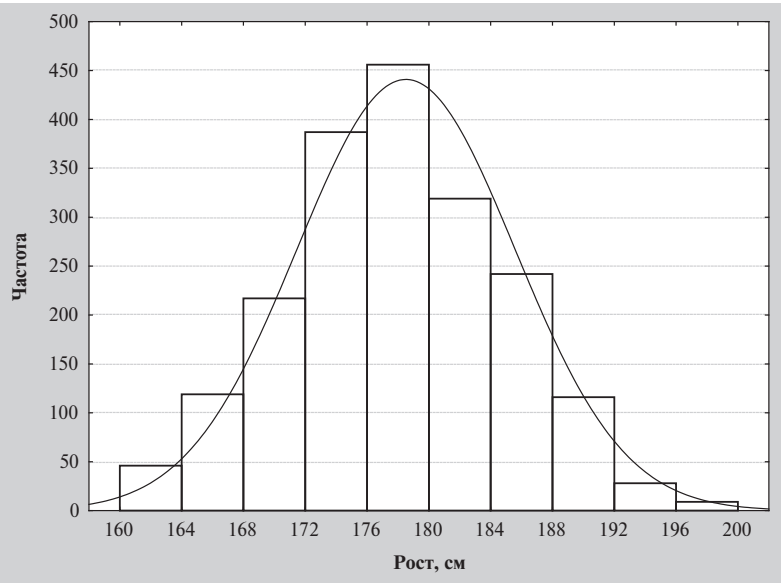
Аналогичным образом, используя результаты трех других обследований, можно построить динамический ряд изменения роста за 1845–1950 гг. Этот прием, называемый *методом передвижки когорт*, заимствован из демографии.

2.3 а. Вариационные ряды роста и их характеристики

Если нанести данные о дефинитивном росте мужчин или женщин, принадлежащих к какой-либо однородной группе, на график, где по оси абсцисс откладывается значение роста, а по оси ординат — его частота, то при большом числе наблюдений (несколько тысяч) мы получаем распределение, близкое к нормальному (гауссову): оно имеет колоколообразную форму с наиболее многочисленной, или модальной, группой около среднего роста и с более или менее симметричным убыванием частоты отдельных групп по обе стороны от максимума. На рис. 2.2 дано распределение 1939 петербургских студентов 1985–1988 годов рождения по росту[88] (кривая показывает распределение, близкое к нормальному).

Нормальность распределения по росту обеспечивается случайным характером вариации людей. Но она может нарушаться вследствие (1) неоднородности групп (по возрасту, этнической принадлежности, социальному статусу и др.); (2) существования ростового ценза, например у новобранцев, освобождающего от призыва низкорослых мужчин; (3) округления и аккумуляции данных о росте при измерении. В нашей выборке сравнительно небольшое число студентов — всего 1939; кроме того, представлены студенты четырех годов рождения и разных национальностей, различающиеся ростом, поэтому распределение несколько отличается от нормального. Для получения распределения, очень близкого к нормальному, должно быть несколько тысяч наблюдений и более однородный состав измеряемых. Например, распределение роста 62 050 рабочих в 1880-е гг. — очень близко к нормальному (см. рис. 4.1 в Главе 4).

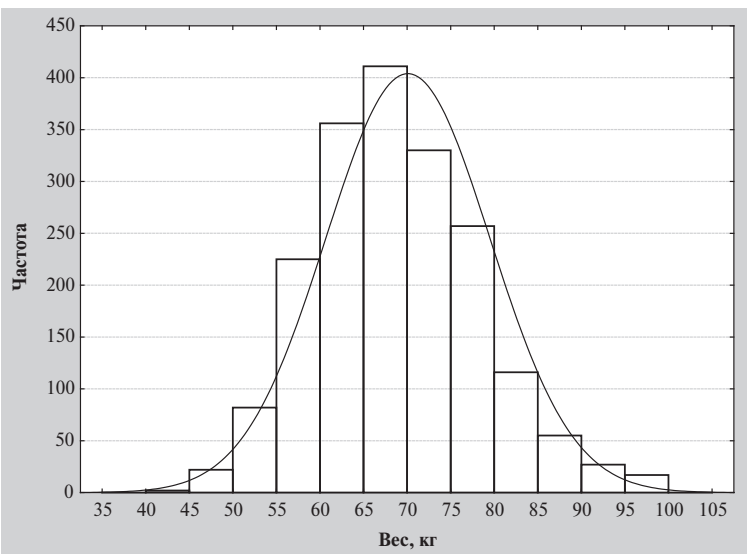
Рис. 2.2. **Гистограмма распределения 1939 петербургских студентов 1985–1988 годов рождения по росту**



Распределение людей по весу тоже приближается к нормальному, хотя часто бывает асимметричным. На рис. 2.3 дано распределение 1900 петербургских студентов 1985–1988 гг. рождения по весу. Как и в случае с ростом, из-за недостаточного числа наблюдений и разнородности состава распределение несколько отличается от нормального.

Свойства нормального распределения хорошо изучены и используются для оценки вариантов распределения, по какой-то причине неизвестных. Для многих целей удобной характеристикой является *средняя арифметическая роста*, которая в нормальном распределении совпадает с модой — наиболее часто встречающейся величиной роста, и *медианой* — значением роста, находящегося в середине вариационного ряда всех его значений. Для оценки изменчивости роста в вариационном ряду используются два показателя: (1) *стандартное*, или среднеквадратическое, *отклонение* — корень квадратный из среднего квадрата отклонений индивидуальных значений роста от средней арифметической его величины; (2) *коэффициент вариации* — отношение среднеквадратического отклонения к среднему росту, выраженное в процентах. Будучи относительной величиной, коэффициент вариации устраняет влияние абсолютных величин роста и дает возможность сравнивать вариацию роста в разные эпохи или в разных группах.

Рис. 2.3. **Гистограмма распределения 1900 петербургских студентов 1985–1988 годов рождения по весу**



В исторической антропометрии, как правило, используются выборки, и российский вариант — не исключение. По необходимости мы вынуждены по имеющимся в нашем распоряжении данным оценивать всю российскую популяцию мужчин в целом, т. е. генеральную совокупность. Выборочные показатели (средняя арифметическая, стандартное отклонение и др.) всегда отличаются от соответствующих показателей в популяции, причем чем меньше выборка, тем различия больше. Но мы можем узнать степень этого отличия, вычислив *ошибку выборочной средней*.

В течение XVIII в. число индивидуальных сведений о росте по отдельным пятилетиям колебалось от 307 в 1701–1705 гг. до 10 143 в 1771–1775 гг., в XIX — начале XX в. — от 387 в 1901–1905 гг. до 15 808 в 1851–1855 гг. Соответственно и точность выборочной средней изменялась, так как стандартные ошибки выборки возрастают при уменьшении ее размера и увеличении вариации индивидуальных значений. Отметим, что во всех работах по исторической антропометрии, опубликованных в европейских странах в XVIII — начале XX в., исследователи опирались на выборки меньшего объема, включая самую большую информационную базу для Австро-Венгерской империи XVIII — первой половины XIX в., созданную Дж. Комлосом, которая включает около 150 тысяч рекрутов[89] (моя информационная база для 1701–1850 гг. включает 178 тыс. индивидуальных измерений).

2.3 б. Цензурированная, или усеченная, выборка

Выборки новобранцев до отмены ростового ценза в 1918 г. являются усеченными, или цензурированными, в том смысле, что не включали мужчин с ростом ниже установленных нормативов. Более того, требования к росту (ростовой ценз) и возрасту (возрастной ценз) в течение 1740–1912 гг. изменялись: официальный, или установленный законом, ростовой ценз при призывах в 1730–1844 гг. составлял 36 вершков (160 см), в 1845–1853 гг. — 35 ½ вершка (157,8 см), в 1854–1873 гг. — 35 вершков (155,6 см) и в 1874–1917 гг. — 34 ½ вершка (153,4 см)[90]. Фактический ростовой ценз, применявшийся при наборе, изменялся еще сильнее и чаще (табл. 2.4, стлб. 4).

Таблица 2.4

Рост рекрутов и взрослых мужчин, родившихся в 1701–1750 гг.

Год рождения	Число наблюдений	Рост рекрутов в возрасте 18 лет и старше, см	Фактический ростовой ценз, см	Рост мужчин в возрасте 18 лет и старше, см*	Стандартная ошибка среднего роста, см*	Рост референтной группы**
1	2	3	4	5	6	7
1701–1705	307	165,3	157,80	164,9	0,25	164,8
1706–1710	1319	164,5	157,80	163,8	0,12	163,9
1711–1715	2758	163,6	157,80	162,7	0,08	163,9
1716–1720	2276	163,3	157,80	162,8	0,09	163,3
1721–1725	2059	162,7	157,80	161,7	0,08	163,1
1726–1730	736	164,6	160,00	161,3	0,15	161,4
1731–1735	3719	164,3	160,00	161,9	0,06	162,2
1736–1740	5047	164,2	157,80	162,4	0,05	163,4
1741–1745	2018	164,8	157,80	163,6	0,10	163,7
1746–1750	3768	164,3	157,80	162,9	0,07	164,0

Примечание: * При устранении влияния изменений в ростовом цензе.

** Референтной группой служат крестьяне в возрасте старше 23 лет, живущие в деревне и неграмотные, родившиеся в 1701–1705 гг. Средний рост оценен методом максимального правдоподобия.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Изменение ростового ценза создает существенные трудности при сравнении среднего роста за разные годы. В принципе, при прочих равных условиях, чем ниже ценз, тем ниже рекруты, и наоборот, чем выше ценз, тем выше рекруты. Статистическая теория ясно говорит о подобных случаях: некорректно сравнивать усеченные выборочные средние, если ценз не одинаковый во всех выборках. Проблема усеченности выборки, вызванная ростовым цензом, решается по-разному. В настоящее время в исторической антропометрии принято, что оптимальное решение проблемы дает метод максимального правдоподобия. С его помощью по известной части распределения можно восстановить отсеченный фрагмент благодаря тому, что нам известен нормальный закон распределения роста и точка усечения (она легко определяется по гистограмме)[91]. Метод обладает важными преимуществами. (1) Он удобен в применении, так как есть стандартные программы, например Stata, использованная в настоящем исследовании, которая по первичным данным и при указании точки усечения сразу оценивает средний рост референтной группы, указывая при этом стандартную ошибку оценки. (2) Одновременно с этим определяется частное влияние разных признаков (факторов) на рост — возраста, местожительства, социального статуса, семейного положения, этнической принадлежности и других[92].

Обратимся к табл. 2.4. По выборочным сведениям фактический средний рост новобранцев в возрасте 18 лет и старше с 1716–1720 по 1721–1725 гг. уменьшился на 0,6 см (со 163,3 до 162,7 см, стлб. 3). Учитывая усеченность, средний рост мужчин в 1721–1725 гг. тоже понизился, хотя несколько в большей степени — на 1,1 см (со 162,8 до 161,7 см, стлб. 5). С 1721–1725 гг. по 1726–1730 гг. средний рост новобранцев увеличился на 1,9 см (со 162,7 до 164,6 см, стлб. 3), но средний рост мужчин референтной группы в эти годы, напротив, понизился на 0,4 см (со 161,7 до 161,3 см, стлб. 5), в значительной мере потому, что фактический ростовой ценз увеличился со 157,8 до 160,0 см.

С аналогичной проблемой сталкиваемся и при сравнении среднего роста населения в разных социумах (табл. 2.5).

Фактический средний рост немецких новобранцев в начале XX в. был на 1 см выше, чем французских. Поскольку ростовой ценз в обоих государствах одинаковый — 154 см, мы можем достоверно заключить, что немецкие мужчины были выше французских. Но мы не можем достоверно утверждать, что русские уступали по длине тела немцам, ибо в Германии ростовой ценз был выше (154 см против 153 см), или что англичане превосходили в росте немцев, поскольку ростовой ценз в английской армии был выше, чем в немецкой (160 см против 154 см).

Таблица 2.5

Минимальные требования к росту и фактический рост новобранцев в конце XIX — начале XX в. в некоторых странах (в годы призыва, см)

Страна	Ростовой ценз	Рост новобранцев	Страна	Ростовой ценз	Рост новобранцев
Япония	148*	159	Нидерланды	155	169
Китай	147–152**	163	Швейцария	156	163, 164, 165***
Италия	153	165	Испания	156	165

Таблица 2.5 (окончание)

Страна	Ростовой ценз	Рост новобранцев	Страна	Ростовой ценз	Рост новобранцев
Австро-Венгрия	153	165–168	Бельгия	157	165
Россия	153	167	Швеция	157	172
Германия	154	169	Норвегия	158	171
Франция	154	165	Англия	160	172–175
Греция	154	–	Португалия	–	164
Дания	–	169	Румыния	–	165
Сербия	–	171	Бельгия	–	166
Норвегия	–	172	Швеция	–	168–171

Прмечания: * До 1905 г. 151 см.
** Южный Китай — 147 см, Северный Китай — 152 см.
*** Немецкие, итальянские, французские кантоны.

Источники: Редигер А. Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. 4-е изд., исправленное и доп. О. Филатовым. Ч. 1. Комплектование армии. СПб., 1913. С. 256; *Швининг Г.* Гигиена военной службы//*Бишофф Г., Гоффман В., Швининг Г.* и др. Руководство по военной гигиене/Пер. с нем. СПб., 1912. Т. 3. С. 282–283; *Floud R.* The Heights of Europeans since 1750: A New Source for European Economic History//Stature, Living Standards, and Economic Development: Essays in Anthropometric History/J. Komlos (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 16–19; Health and Welfare during Industrialization/R. H. Steckel, R. Floud (eds.). Chicago and London: The University of Chicago Press, 1997. P. 424–425; *Komlos J.* Nutrition and Economic Development in Eighteenth-Century Habsburg Monarchy: An Anthropometric History. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 242.

2.3 в. Округление и аккумуляция при измерении роста

Рост при поступлении в армию всегда измерялся, но чиновники или врачи не всегда делали это добросовестно, как того требовала инструкция. Если бы они правильно измеряли, то распределение рекрутов по росту было бы гладкое, без каких-либо пиков частоты. Существование вершин в распределении (гистограмме) роста означает, что чиновники округляли рост. Чем выше вершины, тем больше округление. Если в распределении роста вершины встречаются через 5 см, то многие чиновники округляли рост до 5 см, если через 1 см — то до 1 см и т. д. Однако полного единообразия никогда не было. Например, в России самые добросовестные чиновники измеряли рост с точностью до $^1/_8$ вершка, менее аккуратные — до ¼ вершка, самые ленивые — до $^1/_2$ вершка. Сравнительно низкие частоты роста, оканчивающиеся на $^1/_8$, $^3/_8$, $^5/_8$, $^7/_8$ вершка, показывают, что не все чиновники измеряли его с точностью до ⅛ вершка. Естественно, что округление не могло искажать средний рост более чем на величину округления. Анализ гистограмм показывает, что точность измерений со временем повышалась. Первые измерения роста в 1730-х гг. делались преимущественно с точностью до полвершка. Затем требования к точности повысились, и рекрутов стали измерять с точностью до четверти вершка. С 1780-х гг. от рекрутских присутствий требовали измерений с точностью до $^1/_4$ или $^1/_8$ вершка. В начале XIX в. требования к точности повысились до $^1/_8$ вершка. Однако многие чиновники при возможности ограничивали точность измерений. Гистограммы показывают, что в измерениях имелась так называемая *аккумуляция*, как правило, на целых

вершках — так же, как в старых переписях малограмотного населения наблюдалась аккумуляция возраста вокруг цифр, оканчивавшихся на 0 или 5. С повышением требований к измерению и увеличением грамотности точность всех измерений росла[93]. В разных воинских присутствиях существовали свои традиции округления. Когда все данные сведены вместе, то индивидуальные особенности измерений в отдельных присутствиях исчезают, соответственно вершины исчезают и остается аккумуляция на целых цифрах — 35, 36, 37, 38, 39, 40 вершков. Округление и аккумуляция при наборе в армию существовали во всех европейских странах в XVIII–XIX вв.

Для устранения влияния округления на средний рост в усеченной выборке существует стандартная методика. Величину округления делят на два, вычитают из величины формальной точки усечения и получают величину фактической, или эффективной, точки усечения. Например, если ростовой ценз и, значит, формальная точка усечения — 35 вершков (155,575 см), а округление — ⅛ вершка (0,5556 см), то поправка на округление — 1/16 вершка (0,2778 см), эффективная точка усечения равна 34 15/16 вершка (155,2972 см). Поскольку величина округления со временем изменялась, то для каждого периода с одинаковым округлением рассчитывается эффективная точка усечения.

Кроме индивидуальных, существуют агрегированные, или суммарно-интервальные, сведения о росте всех новобранцев, например, для России они имеются для призванных в 1874–1913 гг. Оценка средней длины тела мужчин в референтной группе по суммарным данным происходит по аналогии с индивидуальными.

2.3 г. Стандартизация состава выборок

Ввиду того, что состав лиц, входящих в выборки в отдельные годы (пятилетия или десятилетия), по возрасту, ростовому цензу, местожительству, социальному статусу, семейному положению, этнической принадлежности изменяется, сравнивать выборочные средние некорректно. Например, если в какое-то пятилетие в нашей выборке преобладали грамотные или горожане или украинцы, то средний рост новобранцев в этой выборке будет ненормально высок, так как грамотные выше неграмотных, горожане выше крестьян, украинцы выше русских, а неграмотных русских крестьян в обычных условиях — большинство. Средний рост в этой специфической по составу новобранцев выборке будет больше, чем в предыдущем и последующем пятилетии. Но это не обязательно будет означать, что средний рост в этом пятилетии увеличился: различия с соседними пятилетиями могут объясняться исключительно необычным составом новобранцев. Вот конкретные примеры.

По расчету врача П. Илинского, средний рост новобранцев, призванных в г. Юрьеве Владимирской губернии в 1869 г., равнялся 162,2 см, в 1870 г.— 166,6 см и в 1871 г.— 159,9 см[94]. Столь серьезное увеличение среднего роста за год, с 1869 по 1870 г., на 4,4 см или еще более существенное уменьшение его на 7 см с 1870 по 1871 г. не может объясняться изменением биостатуса. Три группы рекрутов родились в 1848, 1849 и 1850 гг., т.е. отличались годом рождения лишь на год. Причин резких различий в росте две — малое число наблюдений, но главное — состав новобранцев: в 1870 г. в выборке преобладали грамотные дети купцов, в1869 г.— неграмотные мещане, в 1871 г.— неграмотные крестьяне.

Второй пример. Средний рост российских новобранцев 1856–1860 гг. рождения равен 167,7 см, в то время как в предыдущем пятилетии — 165,8 и в следующем — 165,4. Значительная разница в 1,9–2,3 см обусловлена местом рождения рекрутов, попавших в нашу выборку за 1856–1860 гг., — на 92% они являлись уроженцами Ставропольской губернии, отличавшихся высокорослостью. Перекос в составе выборки и привел к завышению среднего роста за это пятилетие.

Для корректного сравнения выборочных средних необходимо социальный, семейный и т. д. профиль всех выборок привести к общему знаменателю, как говорят, нормировать, или стандартизировать, по составу новобранцев. Это можно сделать таким способом: за каждый год (пятилетие или десятилетие) сформировать совершенно однородные по всем признакам выборки, исключив из них всех лиц, не соответствующих принятому стандарту. Например, сравнивать рост только лиц старше 25 лет, крестьян, неграмотных, проживающих в определенном районе, неженатых, русских, прошедших единый для всех ростовой ценз. В итоге из большой выборки получаем малую, но гомогенную. Однако этот способ имеет большой недостаток — значительное число данных, иногда более половины, будет исключено из анализа и оставшихся будет слишком мало для корректной оценки среднего роста, так как в малой выборке он часто зависит от одного-двух наблюдений. Для получения надежного результата такие «чистые» сравнения требуют много сведений, чтобы точно определенные группы имели достаточно наблюдений[95].

Второй способ состоит в том, чтобы все наличные данные обработать методом множественной регрессии, который позволяет определить средний рост в конкретной выборке, стандартизировав ее состав по всем учитываемым признакам. Подобный подход более перспективный: используется вся информация, средние становятся более объективными и устойчивыми; мы можем одновременно оценить роль отдельных социально-экономических признаков для среднего роста. Многомерная регрессия освобождает от необходимости сравнивать одинаковые группы, отличающиеся друг от друга только одним признаком. Например, чтобы определить влияние русской и украинской этнической принадлежности на рост, мы должны сравнить средний рост русских и украинских мужчин, отличающиеся друг от друга только этнической принадлежностью, т. е. сравнить рост русских холостых неграмотных 21-летних крестьян, проживающих в деревне и родившихся, скажем, в 1801–1810 гг., с ростом украинских холостых неграмотных 21-летних крестьян, проживающих в деревне и родившихся в 1801–1810 гг. Таких однородных данных всегда бывает недостаточно, поэтому и полученные на их основе средние не могут быть очень надежными. Многомерная регрессия позволяет сравнивать *всех* русских со *всеми* украинцами, потому что мы можем контролировать воздействие всех характеристик одновременно. Полученный подобным методом *средний рост референтной, или стандартизированной, однородной по своему составу, группы* будем называть истинным ростом, так как он показывает рост референтной группы в генеральной совокупности. В случае с русскими и украинцами за референтную группу приняты холостые неграмотные 21-летние крестьяне, проживающие в деревне и родившиеся в 1801–1810 гг.

Чтобы знать, как изменялся *со временем* рост крестьян, другими словами, оценить влияние на него *года рождения* (например, 1801–1805 и 1806–1810 гг.), мы должны сравнить средний рост крестьян, отличающихся друг от друга только

годом рождения, т. е. сравнить рост проживающих в деревне холостых неграмотных 21-летних крестьян, родившихся в 1801–1805 гг., с ростом проживающих в деревне холостых неграмотных 21-летних крестьян, родившихся в 1806–1810 гг. и т. д. Обратимся вновь к табл. 2.4. В 7-м столбце содержатся оценки среднего роста мужчин референтной группы, за которую приняты проживающие в деревне холостые неграмотные крестьяне в возрасте старше 23 лет. Стандартизация выборок устраняет влияние различий в составе новобранцев в отдельные пятилетия и позволяет нам получить ответ на главный вопрос — как изменялся дефинитивный рост мужчин со временем, в зависимости от года рождения, под воздействием условий жизни *в чистом виде*. Простые выборочные средние арифметические могут существенно отличаться от средних референтной группы. Например (табл. 2.4, стлб. 3), с 1741–1745 гг. по 1746–1750 гг. выборочная средняя уменьшилась на 0,5 см (со 164,8 до 164,3 см), а средняя референтной группы повысилась на 0,3 см (со 163,4 до 163,7 см, стлб. 7). В подобных случаях мы должны отдать предпочтение росту референтной группы.

Средние референтной группы в усеченной выборке, оцениваемые методом максимального правдоподобия, определяются в два приема: сначала программа Stata вычисляет частные коэффициенты регрессии, затем по ним находится средний рост. Рассмотрим пример (табл. 2.6).

Таблица 2.6

Оценка среднего роста российских мужчин в 1801–1900 гг. методом максимального правдоподобия по индивидуальным данным о новобранцах, и вклад отдельных факторов в вариацию среднего роста*

Переменная	Коэффициент регрессии, см	Станд. ошибка оценки коэф. регрессии, см	z-статистика	p (z)	95% доверительный интервал коэффициента регрессии (см)		Рост, см
1	2	3	4	5	6	7	8
Возраст							
18 лет	–1,81	0,21	–8,77	0,00	–2,22	–1,41	160,29
19 лет	–0,62	0,21	–2,95	0,00	–1,03	–0,21	161,48
20 лет	–0,17	0,15	–1,11	0,27	–0,46	0,13	161,93
21 год	–0,28	0,14	–2,01	0,05	–0,55	–0,01	161,82
22 года	–0,15	0,13	–1,18	0,24	–0,40	0,10	161,95
23 года	–0,06	0,14	–0,40	0,69	–0,34	0,22	162,04
старше 23 лет	референтная группа						
Годы рождения							
1801–1805	референтная группа						
1806–1810	0,42	0,16	2,72	0,01	0,12	0,73	162,52

Таблица 2.6 (продолжение)

Переменная	Коэффициент регрессии, см	Станд. ошибка оценки коэф. регрессии, см	z-статистика	p (z)	95% доверительный интервал коэффициента регрессии (см)		Рост, см
1	2	3	4	5	6	7	8
Годы рождения							
1811–1815	0,99	0,24	4,06	0,00	0,51	1,47	163,09
1816–1820	2,54	0,24	10,46	0,00	2,06	3,01	164,64
1821–1825	1,06	0,23	4,60	0,00	0,61	1,51	163,16
1826–1830	1,14	0,17	6,58	0,00	0,80	1,48	163,24
1831–1835	1,17	0,18	6,52	0,00	0,82	1,52	163,27
1836–1840	1,61	0,22	7,38	0,00	1,19	2,04	163,71
1841–1845	1,79	0,18	9,99	0,00	1,43	2,14	163,89
1846–1850	2,33	0,16	14,79	0,00	2,02	2,64	164,43
1851–1855	2,99	0,19	15,38	0,00	2,61	3,37	165,09
1856–1860	5,28	0,31	16,79	0,00	4,66	5,89	167,38
1861–1865	2,69	0,31	8,74	0,00	2,08	3,29	164,79
1866–1870	2,66	0,32	8,22	0,00	2,02	3,29	164,76
1871–1875	2,76	0,28	9,82	0,00	2,21	3,32	164,86
1876–1880	2,94	0,35	8,51	0,00	2,27	3,62	165,04
1881–1885	3,49	0,28	12,36	0,00	2,93	4,04	165,59
1886–1890	3,67	0,28	12,89	0,00	3,11	4,23	165,77
1891–1895	3,09	0,25	12,26	0,00	2,60	3,59	165,19
1896–1900	2,79	0,40	6,94	0,00	2,00	3,58	164,89
Сословие							
крестьяне	референтная группа						
городское	0,49	0,38	1,29	0,20	–0,25	1,23	162,59
военные	0,71	1,01	0,70	0,48	–1,28	2,70	162,81

Таблица 2.6 (окончание)

Переменная	Коэффициент регрессии, см	Станд. ошибка оценки коэф. регрессии, см	z-статистика	p (z)	95% доверительный интервал коэффициента регрессии (см)		Рост, см
1	2	3	4	5	6	7	8
привилегированные**	1,00	0,75	1,34	0,18	–0,46	2,47	163,10
бродяги, арестанты	1,94	0,95	2,05	0,04	0,09	3,80	164,04
Образование							
неграмотные	референтная группа						
грамотные	0,99	0,10	9,45	0,00	0,78	1,19	163,09
Проживание							
деревня	референтная группа						
город	0,56	0,24	2,35	0,02	0,09	1,02	162,66
Семейное положение							
холост	референтная группа						
женат	0,37	0,08	4,67	0,00	0,21	0,52	162,47
Профессия							
хлебопашцы	референтная группа						
квалифицированные рабочие	–0,27	0,19	–1,42	0,16	-0,65	0,10	161,83
неквалифицированные рабочие	–0,14	0,44	–0,32	0,75	-0,99	0,72	161,96
предприниматели	–0,02	0,38	–0,04	0,97	-0,76	0,73	162,08
лица умственного труда	2,24	1,09	2,06	0,04	0,10	4,37	164,34
военные	2,03	1,33	1,53	0,13	-0,57	4,64	164,13
Постоянная	**162,10**	0,13	1286,28	0,00	161,85	162,34	
Станд. отклонение	6,23	0,03	205,10	0,00	6,17	6,29	

Примечания: * n = 47 438; Wald statistic $\chi^2_{32} = 1979{,}61$, p. v. 0,00.
** Дворяне, чиновники, офицеры, почетные граждане.

Источник: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

В табл. 2.6 представлены оценки как среднего роста мужчин, полученные методом максимального правдоподобия по индивидуальным сведениям о новобранцах, так и вклада отдельных факторов в вариацию среднего роста, произведенные методом множественной регрессии, за XIX в. Выборочные данные о новобранцах, кроме того, что учитывают ростовой ценз, стандартизированы по семи признакам — возрасту, году рождения, социальному статусу, грамотности, месту проживания, семейному положению и профессии. В результате вычислений мы получаем данные о среднем росте мужчин референтной группы, в нашем конкретном случае — это мужчины в возрасте старше 23 лет, рожденные в 1801–1805 гг., крестьяне, проживающие в деревне, неграмотные, холостые, земледельцы. В первом столбце табл. 2.6 — названия переменных, во втором — частные коэффициенты регрессии, в третьем — седьмом — показатели точности и достоверности коэффициента регрессии, в восьмом — оценка среднего роста по возрастам, годам рождения, сословиям, грамотности, месту проживания, семейному положению и профессиональному профилю с учетом усеченности выборки. Данные о среднем росте получены путем прибавления к росту референтной (стандартизированной) группы, который равен *постоянной* в уравнении регрессии — 162,10 см (цифра находится в клетке на пересечении предпоследней строки и второго столбца) соответствующего коэффициента регрессии. Например, средний рост 18-летних мужчин при устранении воздействия на него сословной принадлежности, грамотности, места проживания, семейного положения и профессии составляет 160,29 см [162,10 + (–1,81)], средний рост мужчин, родившихся в 1806–1810 гг., при устранении влияния на него сословной принадлежности, грамотности, места проживания, семейного положения и профессии — 162,52 см (162,10 + 0,42), средний рост мужчин из городского сословия при прочих равных условиях — 162,59 (162,10 + 0,49), средний рост грамотных при прочих равных условиях — 163,09 см (162,10 + 0,99), средний рост горожан при прочих равных условиях — 162,66 см (162,10 + 0,56), средний рост женатых при прочих равных условиях — 162,47 см (162,10 + 0,37), средний рост квалифицированных рабочих при прочих равных условиях — 161,83 (162,10–0,27). На основе оценок среднего роста референтной группы легко определить, что с 1801–1805 по 1816–1820 гг. длина тела увеличилась на 2,54 см, а с 1816–1820 по 1821–1825 гг. уменьшилась на 1,48 см, что грамотные были на 0,99 см выше неграмотных, привилегированные сословия — на 1 см выше крестьян, горожане — на 0,56 см выше селян, женатые — на 0,37 выше холостых, лица умственного труда — на 2,51 см выше квалифицированных рабочих.

Чиновники за работой. С.-Петербург. 1900-е гг. Фото

Со временем зависимости между переменными могут изменяться. Например, по сведениям за XIX в. холостые были ниже

женатых на 0,37 см (при устранении влияния года рождения, возраста, социального статуса, грамотности и места рождения), а по материалам за XVIII в., наоборот, на 0,19 см выше. Грамотность давала премию в росте в XIX в. 0,99 см, а в XVIII в. — 1,53 см. Представители привилегированных групп в XIX в. были выше крестьян на 1 см, а в XVIII в. — на 1,62 см и т. д. Ввиду этого при анализе больших отрезков времени целесообразно разделить их на однородные периоды.

Итак, при анализе антропометрических данных мы будем пользоваться так называемым истинным средним ростом мужчин, или средним ростом референтной группы, полученным методом максимального правдоподобия по уравнению множественной регрессии. Название «*истинный средний рост*» может ввести в заблуждение человека, не знакомого с математической статистикой. Истинный средний рост не означает, что это действительная, или фактическая, длина тела всех мужчин. Это *теоретическая оценка*. При ее расчете соблюдается ряд строго оговоренных условий — возраст, социальный статус, семейное положение, место проживания, этническая принадлежность и другие признаки. Все эти условия заранее оговариваются, и в зависимости от них строится уравнение регрессии. Например, если речь идет о *динамике*, то истинный рост показывает, какой бы была динамика среднего роста мужчин, если бы все оговоренные условия были соблюдены, т. е. все мужчины имели бы *одинаковый* возраст, *одинаковый* социальный статус, *одинаковое* семейное положение, *одинаковое* место проживания, *одинаковую* этническую принадлежность; все другие оговоренные признаки тоже должны быть *одинаковыми*. В этом смысле динамика истинного среднего роста показывает *истинную* динамику, т. е. динамику в *чистом* виде. Пользуясь обычными выборочными средними, мы не можем такую задачу решить, потому что сведений о росте мужчин, отвечающих всем требованиям, мало для получения надежного результата.

В отличие от истинной средней средняя арифметическая по фактическим выборочным данным измеряет рост реальной совокупности людей, где есть не только мужчины, отвечающие стандарту (как в нашем случае — выше ростового ценза, крестьяне, в возрасте 18 лет, холостые, проживающие в деревне, неграмотные), но также и мещане, купцы, дворяне, женатые и вдовцы, в возрасте 18–35 лет, проживающие в городе, грамотные и образованные. В нашем случае средний рост мужчины референтной группы, как правило, будет ниже среднего роста реальных новобранцев, потому что он обладает признаками, понижающими рост мужчины. Референтный мужчина — крестьянин, а крестьяне в среднем ниже представителей других сословий — мещан, купцов, духовенства, дворян. Он — холостой, а холостые в массе ниже женатых и вдовцов. Он живет в деревне, а сельчане в большинстве ниже горожан. Он неграмотный, а неграмотные в целом ниже грамотных и образованных. Ему 18 лет, а 18-летние в массе ниже ростом 19–35-летних. Вследствие этого истинный средний рост мужчин референтной группы будет занижать абсолютный рост новобранцев и мужчин. Если важно знать, какого роста были новобранцы в те или иные годы, следует отдать предпочтение «сырым» выборочным данным. Если интерес представляет истинная динамика роста или истинное различие в росте между холостым и женатым или крестьянином и мещанином и т. п., следует предпочесть средние референтной группы. Таким образом, средний рост рекрута — *фактический рост* призывников; истинный рост, или рост референтного (стандартного) мужчины, — *теоретическая оценка* роста всех мужчин

определенного стандарта. Первый показатель лучше отражает *абсолютную величину* среднего роста мужчин, второй — его *изменения*.

Примечания

1. *Tanner J. M.* A History of the Study of Human Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 1–12.
2. Ibid. P. 66–121.
3. *Анучин Д. Н.* О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874–1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. СПб., 1899. С. 7–39.
4. Там же. С. 7, 34, 38–39.
5. *Tanner J. M.* A History of the Study of Human Growth. P. 380, 397.
6. *Hertzberg H. T. E.* Albert Damon's Contributions to Engineering Anthropology//American Journal of Physical Anthropology. 1975. Vol. 42. P. 455–460.
7. *Bielecki T.* Physical Growth as a Measure of the Economic Well-being of Populations: The Twentieth Century//Human Growth: A Comprehensive Treatise. 2nd ed. Vol. 3/F. Falkner, J. M. Tanner (eds.). New York: Plenum, 1986. P. 283–305; *Biaragi R.* A Comparison of Five Anthropometric Indices for Identifying Factors of Malnutrition//American Journal of Epidemiology. 1987. Vol. 126. P. 258–267; *Chen L. C., Chowdhury A. K., Huffman S. L.* Anthropometric Assessment of Energy-Protein Malnutrition and Subsequent Risk of Mortality among Preschool Aged Children//American Journal of Clinical Nutrition. 1980. Vol. 33. P. 1836–1845; World Health Organization: Use and Interpretation of Anthropometric Indicators of Nutritional Status//Bulletin of the World Health Organization. 1986. V. 64. P. 929–941.
8. *Le Roy Ladurie, Bernageau E. N., Pasquet Y.* Le Conscrit et l'ordinateur. Perspectives de recherches sur les Archives Militaries du XIXiemè siècle Français//Studi Storici. 1969. Vol. 10. P. 260–308; *Le Roy Ladurie E.* The Conscripts of 1868: A Study of the Correlation between Geographical Mobility, Delinquency and Physical Stature and other Aspects of the Situation of the Young Frenchmen Called to do Military Service that Year//The Territory of the Historian. Chicago: University of Chicago Press, 1979.
9. *Година Е. З.* Ауксология человека — наука XXI века: проблемы и перспективы//Антропология на пороге III тысячелетия. Материалы конференции. Москва, 29–31 мая 2002 г. /Т. И. Алексеева и др. (ред.). М., 2004. Т. 2. С. 529–566.
10. Этот результат получен по сведениям о 22 странах мира в 1960–1980-е гг. с помощью корреляционного анализа между средним ростом в стране и логарифмом валового внутреннего продукта на душу населения: *Steckel R. H.* Stature and the Standard of Living//Journal of Economic Literature. 1995. Vol. 33. December. P. 1913.
11. См. краткий обзор состояния антропометрической истории: *Cuff T.* The Hidden Cost of Economic Development: The Biological Standard of Living in Antebellum Pennsylvania. Aldershot, Eng.: Ashgate, 2005. P. 10–29; *Komlos J.* Nutrition and Economic Development in Eighteenth-Century Habsburg Monarchy: An Anthropometric History. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989. P. 23–54; *Steckel R. H.* Stature and the Standard of Living. P. 1903–1940; *Nicholas St.* Anthropometric History and Economic History//The Biological Standard of Living on Three Continents. P. 191–202; Harris B. Health, Height, and History: An Overview of Recent Developments in Anthropometric History//Social History of Medicine. 1994. Vol. 7. P. 297–320. Более полное представление можно получить: *Tanner J. M.* History of the Study of Human Growth; The Biological Standard of Living in Europe and America 1700–1900: Studies in Anthropometric History/J. Komlos (ed.). Aldershot, Eng.: Varioirum Press, 1995; Библиографию см. в книге: The Biological Standard of Living on Three Continents: Further Explorations in Anthropometric History/J. Komlos (ed). Boulder et al.: Westview Press, 1995. P. 203–220; *Cuff T.* The Hidden Cost. P. 225–270.
12. Относительный вклад наследственных и средовых факторов зависит от антропологического признака, стадии индивидуального развития и пола: *Eveleth Ph. B., Tanner J. M.* Worldwide Variation in Human Growth. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 176, 205–207.
13. *Властовский В. Г.* Акцелерация роста и развития детей (эпохальная и внутригрупповая). М., 1976. С. 28; *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж. и др.* Биология человека. М. 1979. С. 366–368, 382–383, 385–386; *Riley J. C.* Height, Nutrition, and Mortality Risk Reconsidered//Journal of Interdisciplinary History. 1994. Vol. 24. No. 3. Winter. P. 465–492.
14. *Tanner J. M.* Foetus into Man: Physical Growth from Conception to Maturity. Cambridge: Harvard University Press, 1978. P. 157.
15. Там же. P. 163.

16. *Mueller W. H.* The Genetics of Size and Shape in Children and Adults//Human Growth. Vol. 3. P. 147, 157–159.
17. *Eveleth P. B., Tanner G. M.* Worldwide Variation in Human Growth. P. 1–15, 222–240.
18. *Комлос Дж.* Биологический уровень жизни и современный тип экономического роста//Экономическая история: Ежегодник. М., 2002. С. 428; *Komlos J.* Nutrition and Economic Development. P 26–28; *Steckel R H.* New Perspectives on the Standard of Living//Challenge. 1995. September-October. P. 14.
19. Общая и военная гигиена/Б. И. Жолус (ред.). СПб., 1997. С. 216; *Рабович Р. Д.* Гигиена. 4-е изд. М., 1977. С. 160–161.
20. *Рабович Р. Д.* Гигиена. С. 158–177; *Cameron N.* The Methods of Auxological Anthropometry//Human Growth. Vol. 3. P. 263–281.
21. Во время заболевания уменьшается поступление энергии и увеличивается ее расход вследствие (1) диетических ограничений во время болезни, (2) борьбы с инфекцией, (3) потери энергии из-за повышения температуры, (4) плохого усвоения пищи во время болезни, (5) рвоты, (6) из-за выделения под влиянием инфекции специального гормона — кортизона, обладающего противовоспалительным и противоаллергическим действием: *Martorell R., Habicht J.-P.* Growth in Early Childhood in Developing Countries//Human Growth: A Comprehensive Treatise. Vol. 3. P. 241–262; *Tanner J. M.* Foetus into Man. P. 95.
22. *Покровский А. А.* О питании. 2-е изд. М., 1968. С. 25–27.
23. Схема заимствована из: *Cuff T.* The Hidden Cost. P. 21.
24. *Харрисон Дж.* и др. Биология человека. С. 422–423.
25. *Cuff T.* The Hidden Cost. P. 18; *Nicholas St., Oxley D.* The Living Standards of Women during the Industrial Revolution, 1795–1820//Economic History Review. 1993. Vol. 46. P. 723–749.
26. *Левицкий В. А.* К вопросу о физическом состоянии Подольского уезда: по данным Подольского уездного воинского присутствия. М., 1901. С. 87, 114; *Ростовцев Г. И.* К характеристике физического развития населения Дмитровского уезда: по данным призывных списков за 1875–1899 гг. и движения населения за 1854–1900 гг. М., 1903. С. 56–57.
27. *Харрисон Дж.* и др. Биология человека. С. 548–549.
28. *Cuff T.* The Hidden Cost. P. X.
29. *Bielecki T.* Physical Growth. P. 283.
30. *Fogel R. W.* Nutrition and the Decline in Mortality Since 1700: Some Preliminary Findings//Long-Term Factors in American Economic Growth/St. Engerman, R. Gallman (eds.). Chicago: National Bureau of Economic Research, 1987. P. 446–447.
31. *Floud R., Wachter K., Gregory A.* Height, Health and History: Nutritional Status in the United Kingdom, 1750–1980. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 286–287; *Steckel R.* Height, Living Standard, and History//Historical Methods. 1991. Vol. 24. P. 181–183.
32. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 199–200, 238, 241, 244.
33. *Скот Дж.* Моральная экономика крестьянства как этика выживания//Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия/Т. Шанин (сост.). М., 1992. С. 202–210; *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. Подробнее см. в настоящей монографии Глава 10.3.
34. *Komlos J., Baur M.* From the Tallest to One of the Fattest: The Enigmatic Fate of the American Population in the 20th Century//Economics and Human Biology. Vol. 2. No. 1. 2004. P. 57–74.
35. *Cuff T.* The Hidden Cost. P. 14–15.
36. *Харрисон Дж. и др.* Биология человека. С. 416–418; *Tanner J. M.* Foetus into Man. P. 163, 239.
37. *Cuff T.* The Hidden Cost. P. 14–15.
38. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 390–391.
39. *Миронов Б. Н.* Экономическая биология человека//Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 141–150.
40. *Greulich W. W.* Some Secular Changes in the Growth: A Comparison of American-Born and Native Japanese Children//American Journal of Physical Anthropology. 1976. Vol. 45. P. 553–568. Дети японцев, эмигрировавших на Гавайи в 1930-е гг., превзошли по росту своих отцов на 4 см: *Харрисон Дж.* и др. Биология человека. С. 251–252.
41. *Дерябин В. Е., Пурунджан А. Л.* Географические особенности строения тела населения СССР. М., 1990. С. 27–29; *Ивановский А. А.* Об антропологическом составе населения России. Стлб. 62–66.
42. *Харрисон Дж.* и др. Биология человека. С. 242–244, 531–536, 537–540.
43. Там же. С. 416–418, 537–540.
44. Ряд приведенных ниже примеров взят из докладов на 2-й и 3-й Международной конференции по экономике и биологии человека, в которых участвовал автор: *Миронов Б. Н.* Экономическая биология человека.

45. *Morgan St. L.* Economic Growth and the Biological Standard of Living in China, 1880–1930//Economics and Human Biology. 2004. Vol. 2. No. 2. P. 197–218.
46. *Година Е. З.* и др. Московские дети: основные тенденции роста и развития на рубеже столетий// Вопросы антропологии. Вып. 91. М., 2005. С. 42–60. Вып. 92. М., 2005. С. 56–75.
47. Там же.
48. *Миронов Б. Н.* Экономическая биология человека.
49. *Brennan L., McDonald J., Shlomowitz R.* Infant Feeding Practices and Chronic Child Malnutrition in the Indian States of Karnataka and Uttar Pradesh//Economics and Human Biology. 2004. March. Vol. 2/1. P. 139–158.
50. *Pak S.* The Biological Standard of Living in the Two Koreas//Economics and Biology. 2004. December. Vol. 2/3. P. 511–530.
51. *Tanner J. M.* Foetus into Man. P. 19.
52. *Cuff T.* The Hidden Cost. P. 17.
53. *Властовский В Г.* Акцелерация роста и развития детей. С. 88–99.
54. Суть нейрогенной, по определению Бунака, или гипотезы урбанизации, по определению некоторых зарубежных авторов, автор формулирует так: «Нейрогуморы гипоталамической области стимулируют ускоренную продукцию гонадотропных гормонов придатка мозга и андрогенов надпочечников» (*Бунак В. В.* Об увеличении роста и ускорении полового созревания современной молодежи в свете советских соматологических исследований//Вопросы антропологии. 1968. Вып. 28. С. 53).
55. Гипотеза о гетерозисе как главной причине повышательной секулярной тенденции высказана впервые, насколько нам известно, выдающимся российским антропологом В. В. Бунаком в 1932 г. и развита в работе 1968 г.: *Бунак В. В.* (1) Об изменении роста мужского населения СССР за 50 лет//Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 24–53; (2) Об увеличении роста и ускорении полового созревания. С. 53–57. Подробно об этой теории см.: *Эфроимсон В. П.* Введение в медицинскую генетику. 2-е изд. М., 1968; *Рычков Ю. Г.* Антропология и генетика изолированных популяций. М., 1969.
56. *Властовский В. Г.* Акцелерация роста и развития детей. С. 101.
57. *Eveleth Ph. B., Tanner J. M.* Worldwide Variation in Human Growth. P. 176, 205–207.
58. *Cuff T.* The Hidden Cost. P. 15–17: *Eveleth Ph. B., Tanner J. M.* Worldwide Variation in Human Growth. P. 176, 205–207.
59. *Никитюк Б. А., Филиппов В. И.* Влияние экзогамии разной степени на рост и развитие детей дошкольного возраста//Вопросы гигиены и состояния здоровья детей дошкольного возраста: Тезисы Всесоюзной научной конференции. М., 1973. Сам факт увеличения инолокальных брачных связей применительно к России не вызывает сомнения: *Жомова В. К.* Материалы по изучению брачных связей в русском населении//Вопросы антропологии. 1965. № 21.
60. *Tanner G. M.* Growth of Adolescence with a General Consideration of the Effects of Hereditary and Environmental Factors upon and Maturation from Birth to Maturity. 2nd ed. Oxford: Blackwell Scientific Publications, 1962. P. 150–151; *Mueller W. H.* The Genetics of Size and Shape. P. 159–160.
61. *Харрисон Дж.* и др. Биология человека. С. 427.
62. *Eveleth P. B., Tanner G. M.* Worldwide Variation in Human Growth. P. 190, 236–237.
63. *Никитюк Б. А.* Акселерация развития (причины, механизмы, проявления и последствия)//Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Сер. Антропология. Т. 3/А. И. Шнирельман (ред.). М., 1989. С. 54–58.
64. *Tanner J. M.* Growth of Adolescence. P. 151. См. также: *Marshall W. A., Tanner J. M.* Growth and Physiological Development during Adolescence//Ann. Rev. Med. 1968. No. 19; *Tanner J. M.* Foetus into Man. P. 153.
65. *Харрисон Дж. и др.* Биология человека. С. 204, 427; *Cuff T.* The Hidden Cost. P. 17; *Eveleth P. B., Tanner G. M.* Worldwide Variation in Human Growth. P. 176–223; *Harrison G. A., Tanner J. M., Pilbeam D. R., Baker P. T.* Human Biology. 3d ed. Oxford, 1992; *Mueller W. H.* The Genetics of Size and Shape in Children and Adults. P. 145–168; *Tanner J. M.* Foetus into Man; *Wieringen, J. C. van.* Secular Growth Changes//Human Growth. Vol. 3. P. 307–331; *Wolanski N.* Heterosis and Homosis in Man//Physical Anthropology of European Populations/U. Schwidetzky, B. Chiarelli, O. Necrasov (eds.). The Hague: Mouton Publishers, 1980. P. 213–233.
66. *Грим Г.* Основы конституционной биологии и антропометрии. М., 1967. С. 113; *Харрисон Дж. и др.* Биология человека. С. 386; *Tanner J. M.* Foetus into Man. P. 151–159.
67. *Карасевич Т. В.* Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. М., 1970. С. 116–124; *Грим Г.* Основы конституционной биологии. С. 71–93.
68. *Козлов А. И.* Пища людей. М., 2005. С. 217.

69. *Stein Z., Susser M., Saenger G., Marola F.* Famine and Human Development: The Dutch Hunger Winter of 1944–1945. New York: Oxford University Press, 1975; *Харрисон Дж. и др.* Биология человека. С. 435.
70. *Властовский В. Г.* Акцелерация роста и развития детей. С. 83.
71. *Левин В. М.* Материалы для контроля и оценки физического состояния подростков. Л., 1966. С. 8–15.
72. Цит. по: *Харрисон Дж. и др.* Биология человека. С. 421.
73. *Харрисон Дж. и др.* Биология человека. С. 367, 390–391.
74. *Властовский В. Г.* Акцелерация роста и развития детей. С. 28; *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж. и др.* Биология человека. С. 366–368, 382–383, 385–386.
75. *Cuff T.* The Hidden Cost of Economic Development. P. 14–15; *Eveleth Ph. B., Tanner J. M.* Worldwide Variation in Human Growth. P. 5–10; *Tanner J. M.* Foetus into Man. P. 117.
76. Новое Положение о военно-врачебной экспертизе: Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2003. № 123. М., 2003. С. 122–123.
77. Общая и военная гигиена. С. 210–211.
78. *Costa D. L.* Height, Weight, Wartime Stress, and Older Age Mortality: Evidence from the Union Army Records//Explorations in Economic History. 1993. Vol. 30. P. 424–449; *Cuff T.* The Body Mass Index Values of Mid-Nineteenth-Century West Point Cadets: A Theoretical Application of Waaler's Curves to A Historical Population//Historical Methods. 1993. Vol. 26. P. 171–183; *Fogel R. W.* The Conquest of High Mortality and Hunger in Europe and America: Timing and Mechanisms//Favorites of Fortune: Technology, Growth, and Economic Development Since the Industrial Revolution/P. Higonnet, D. S. Landes, H. Rosovsky (eds.). Cambridge: Harvard University Press, 1991. P. 33–71; *Jordan Th. E.* Linearity, Gender, and Social Class in Economic Influences on Heights of Victorian Youth// Historical Methods. 1991. Vol. 24. P. 116–123.
79. *Суханова Л. П.* Перинатальные проблемы воспроизводства населения России в переходный период. М., 2006. С. 122; *Харрисон Дж. и др.* Биология человека. С. 368; *Ward P. W.* Birth Weight and Economic Growth: Women's Living Standards in the Industrializing West. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993. P. 12.
80. *Ward P. W.* Birth Weight and Economic Growth. P. 5.
81. *Миронов Б. Н.* Биологический статус женщин Санкт-Петербурга в 1946–2005 гг. (по антропометрическим данным о новорожденных и их матерях)//Мир России. 2007. № 1. С. 99–146; *Tanner J. M.* Foetus into Man. P. 43.
82. *Янкаускас Р., Шакалите И.* Рост у детей в XIV–XVII вв. по литовскому палеостеологическому материалу//Современная молодежь и эпохальная тенденция развития: Тезисы респ. научн. конф., Вильнюс, 22–23 сентября 1988 г. /С. Павилонис (ред.). Вильнюс, 1988. С. 125–127.
83. *Cuff T.* The Hidden Cost. P. 16, 36; *Eveleth Ph. B., Tanner J. M.* Worldwide Variation in Human Growth. P. 217–219, 245.
84. *Харрисон Дж. и др.* Биология человека. С. 396.
85. *Песков В. И.* К вопросу о влиянии фабричного труда на здоровье рабочих//Труды VI съезда земских врачей Московской губернии. М., 1882. С. 198–213; Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929. С. 910–911; *Зенкевич П. И., Алмазова Н. Я.* Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет//*Куршакова Ю. С.* и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 64–70; *Дунаевская Т. Н.* Об изменении размеров и формы тела у детей Центрального района РСФСР с 1957 по 1975 г. //Там же. С. 71–100; *Зенкевич П. И.* и др. Изменение процентного распределения типовых фигур во взрослом населении Москвы с 1967 по 1975 г. //Там же. С. 57–59; *Куршакова Ю. С.* Возрастные различия размеров тела у взрослых мужчин//Там же. С. 155–224.
86. *Грим Г.* Основы конституционной биологии. С. 113; *Харрисон Дж. и др.* Биология человека. С. 386.
87. В возрасте 51–60 лет мужчина на несколько миллиметров ниже сравнительно с тем, когда ему было 25 лет, поэтому реконструированный рост будет несколько меньше действительного.
88. Сведения о росте получены автором путем опроса.
89. *Komlos J.* Nutrition and Economic Development. P. 50.
90. *Редигер А. Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1892. С. 88–95.
91. *Komlos J., Kim J. H.* Estimating Trends in Historical Heights//Historical Methods. 1990. Vol. 23. P. 116–120; *Komlos J.* How to (and How Not to) Analyze Deficient Height Samples: An Introduction//Historical Methods. 2004. Fall. Vol. 37. No 4. P. 160–173.
92. Применение метода максимального правдоподобия подробно описано в серии статей американского экономического историка А'Херна: *A'Hearn B.* (1) Anthropometric Evidence on Living Standards in Northern Italy, 1730–1860//Journal of Economic History. 2003. Vol. 63. No. 2 (June). P. 351–381; (2) A Restricted Maximum Likelihood Estimator for Historical Height Samples//Economics

and Human Biology. 2004. March. Vol. 2. No. 1. P. 5–19; (3) Remapping Italy's Path to the 19th Century: Anthropometric Signposts//Journal of European Economic History. 2006. Vol. 35. No. 2.

93. Грамотность со временем повышалась: в конце XVIII в. средний процент грамотности мужского населения старше 9 лет составлял 4–8, в середине XIX в. — 19, а среди крестьян — не более 10: *Миронов Б. Н.* История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С. 82.
94. *Илинский П.* Рекрутские наборы в г. Юрьеве Владимирской губернии//Архив судебной медицины. 1871. № 4. С. 13–14.
95. *Komlos J.* How to (and How Not to) Analyze Deficient Height Samples. P. 160–173.

3

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОМЕТРИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

3.1. Современное состояние исторической антропометрии

В течение сорока лет по исторической антропометрии во всех странах написаны десятки монографий и сотни статей. С 2003 г. в Мюнхене издается журнал «Economics and Human Biology» под редакцией Дж. Комлоса — одного из лидеров нового направления. С 2002 г. каждые два года проводится международная конференция, специально посвященная исторической антропометрии и широкому кругу смежных вопросов, объединенных понятием «экономика и биология человека». Основные исследовательские центры сосредоточены в США, Германии и Великобритании. В большинстве западных стран сложились национальные школы[1]; российские исследователи участвуют в новом направлении, но не слишком активно, хотя антропометрические показатели для оценки социально-экономических процессов в России используются отечественными учеными более ста лет[2].

Коллективными усилиями ученых удалось получить картину изменения роста, или длины тела, в Европе и Северной Америке, в меньшей степени в Азии, Австралии и Южной Америке в XVIII–XX вв. и предложить гипотезы, объясняющие эту динамику социально-экономическими условиями, в которых происходило экономическое развитие в разных странах. Полученные результаты можно кратко резюмировать следующим образом[3].

(1) В традиционных доиндустриальных аграрных обществах Европы, Азии, Австралии и Америки рост и, следовательно, биостатус населения был невысоким, колебался вокруг некоей средней величины, которую обеспечивал низкий уровень производства и потребления. В Европе он был выше, чем в Азии, Америке и Австралии до прихода туда европейских колонистов; в Японии — минимально возможным для выживания. Впрочем, предела выносливости человека, кажется, нет: взрослые пигмеи мужского пола Центральной Африки, Юго-Восточной Азии и Океании имеют такой же рост, какой был у японских женщин в XVII–XVIII вв., — 145–150 см. Россия по этому показателю находилась в одном ряду с южно-европейскими странами. Иерархия стран по величине среднего

роста своих граждан определялась следующей закономерностью: чем выше была плотность населения и неблагоприятнее природные условия в данной стране и чем больше труда требовалось для поддержания биостатуса, тем люди были ниже, и наоборот.

(2) В индустриальную эпоху биостатус людей вырос везде, причем до 1980-х гг., как это ни парадоксально сегодня звучит, он рос равномерно (с небольшими различиями) в демократических странах с рыночной экономикой и в авторитарных странах с командной экономикой. Россия вновь замыкала список индустриальных стран, но разрыв между ней и западноевропейскими странами не увеличился, а, возможно, даже и сократился — этот вопрос в полной мере пока не изучен. Важная роль в улучшении биостатуса россиян принадлежала такой особенности российского общества, как нивелирование доходов на среднем для большинства прожиточном минимуме. Дело в том, что неравенство в распределении доходов между различными группами в обществе является вторым по значимости (после величины валового внутреннего продукта — далее ВВП — на человека) фактором, влияющим на средний рост всего населения. Уменьшение неравенства в доходах на 10% приводит к удлинению взрослых на 14 мм при том же ВВП.

(3) В традиционных аграрных обществах изменения среднего роста людей находились в тесной связи с колебаниями климата и урожаев. В индустриальных и особенно в постиндустриальных обществах антропометрические показатели перестали зависеть от «настроения» природы и даже экономической конъюнктуры. Экономика приобрела огромный запас прочности, инфраструктура работает как часы, перебои с доставкой продовольствия в мирное время практически исключены. Только война может нарушить нормальный ритм жизни.

(4) Материальное неравенство в обществе, оцениваемое по степени дифференциации длины тела у различных социальных групп, то растет, то падает. Гендерная дискриминация в последние 100 лет во всех отношениях явно и сильно уменьшилась, однако аналогичного сокращения разницы в среднем росте мужчин и женщин пока не наблюдается. Впрочем, меньшая длина тела у женщин не всегда свидетельствует об их угнетении: она зависит также от идеала красоты, господствующего в обществе. Например, в Японии в отличие от России упитанная, крепкая, высокая, естественно румяная и пышущая здоровьем женщина, которая коня на скаку остановит, никогда не была идеалом. Миниатюрная японка сформировалась не только в результате гендерной дискриминации, но и под воздействием эстетических критериев. Между прочим, в дореволюционных российских институтах благородных девиц идеалом была бледная, хрупкая, эфирная девушка, и ради его достижения воспитанницы ели грифели[4].

(5) Энергетический статус населения всегда находится в тесной связи с уровнем экономического развития (величиной ВВП), однако только в аграрных обществах он может служить почти синонимом его благосостояния, поскольку львиную часть дохода люди тратят на его поддержание. В индустриальных и постиндустриальных обществах существенная доля средств идет на удовлетворение небиологических потребностей, люди более гибко расходуют имеющиеся у них деньги, весомую их часть откладывают на старость, государство берет на себя заботу об удовлетворении их социальных потребностей, имеются большие различия в стиле жизни и значительное социальное неравенство. Вследствие этого статус питания перестает быть синонимом благосостояния. Возможен вариант,

когда увеличение доходов на человека в стране сопровождается снижением средней длины тела.

В исторической антропометрии постепенно совершенствуются подход и методика, растет источниковая база, создаются обобщающие исследования[5]. Скептицизм со стороны поклонников традиционных классических методов уменьшился, но не исчез полностью. Для того чтобы скепсис окончательно побороть, необходимо подробно объяснять методологию, разъяснять смысл полученных результатов, создавать новые базы данных и, самое главное, преодолевать узкие места нового направления. В чем они состоят?

Большинство антропометрических сведений касаются новобранцев. Последние представляли все слои населения, но в неодинаковой степени, поэтому необходимо расширять круг источников. Ими могут быть медицинские обследования осужденных, учащихся учебных заведений, пациентов больниц, а также археологические раскопки. Следует изучать изменения антропометрических показателей во всех возрастных и социальных группах. Существует дефицит информации о высшем классе и вообще о состоятельных людях, которые в армии, как правило, не служили и потому измерялись реже, чем представители низшего класса.

Серьезным пробелом в антропометрических исследованиях является недостаток данных по женской антропометрии. Во многих случаях колебания роста мужчин и женщин происходит синхронно. Однако из-за гендерного неравенства иногда согласованность нарушается, и это очень важный показатель изменения в положении женщин.

Кроме роста, следует изучать вес, становую силу, обхват груди и другие антропометрические показатели, в том числе детей, возраст наступления менархе и менопаузы. Вес в сочетании с длиной тела существенно расширяет нашу информацию о статусе потребления, а для людей в возрасте старше 25 лет, когда удлинение тела прекращается, он служит важным и часто единственным антропометрическим показателем для характеристики потребления.

В антропометрических исследованиях следует смелее обращаться не только к биологии, но к экономическим, демографическим и социологическим теориям, позволяющим дать более адекватную интерпретацию результатов анализа антропометрических данных.

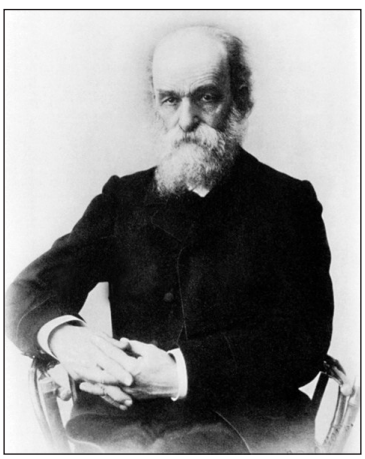
3.2. Антропометрические исследования в России в XIX — начале XX в.

В России антропометрические исследования начались поздно, в 1860-х гг., их проводили главным образом врачи по следующей тематике: (1) детская антропометрия с целью изучения физического развития детей в связи с возрастом и условиями жизни (питание, уход, быт), (2) профессиональная антропометрия для мониторинга за здоровьем рабочих и условиями фабричного быта, (3) этническая антропометрия с целью изучения антропологического типа многочисленных народов, населявших Россию; (4) военная антропометрия для оценки здоровья призывников и населения в целом; (5) женская антропометрия.

Первые измерения 1 034 детей в России были выполнены петербургским врачом Н. Н. Виллямовским в 1860-е гг.[6] Всего до 1917 г. разными авторами было измерено более 100 детских коллективов обоих полов[7]. В довольно многочисленных

работах по детской антропометрии на российском материале устанавливались эмпирические закономерности физического развития детей: изменения роста, веса, обхвата груди и других показателей с возрастом, скорость физического созревания вплоть до его полного завершения, роль наследственных и социальных факторов (обучения, питания, условий быта и др.) для телесных характеристик, время наступления половой зрелости. Самым актуальным вопросом было влияние школы на здоровье и физическое развитие подрастающего поколения, ввиду чего и сбор материала производился преимущественно в этом ракурсе. Большинство исследователей пришли к следующему выводу: обучение в школе отрицательно сказывалось на детях, и это проявлялось в удлинении тела без параллельного увеличения других признаков физического развития, в частности обхвата груди (П. Ф. Лесгафт и др.)[8]. Некоторые с этим не соглашались по причине отсутствия продольных (динамических) исследований; другие возражали на том основании, что в школы отдавали самых высокорослых детей[9], с изначально искаженными пропорциями тела[10].

Ряд серьезных работ имел целью изучить воздействие фабричного труда на физическое развитие подростков[11], поста[12] и условий деревенской и городской жизни на рост и вес детей[13]. Много внимания уделялось социально-экономическим факторам, влиявшим на здоровье и телесные признаки детей. В качестве примера приведу работу Н. В. Зака. Автор измерил рост, вес, обхват груди в 1889 г. у 4249 учащихся гимназий и реальных училищ Москвы и вторично, в 1890 г., у 2600 человек. Он обнаружил две интересные закономерности: успешные ученики выше неуспешных и гимназисты (из более привилегированных социальных слоев) выше реалистов (из менее привилегированных). По сословиям самыми рослыми являлись купеческие дети, им немного уступали дети дворян и намного ниже их были дети крестьян и мещан. Поляки, евреи, чуваши, мордва, татары ниже русских, иностранцы, наоборот, — выше. Все это, по мнению Зака, свидетельствует о зависимости длины тела детей от материальной обеспеченности родителей[14]. Подобное исследование провел Р. Н. Рума, измерив 1706 учащихся Вятской и Пермской губернии в 1879–1881 гг. и получив аналогичные результаты[15].



Лесгафт Петр Францевич (1837–1909). Фото

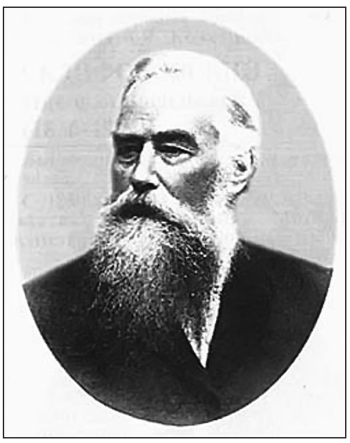
Новорожденные привлекали внимание исследователей существенно меньше. Харьковский доктор Фесенко считается пионером в этой области в России[16]. У него нашлись немногочисленные последователи, но выборки у них были небольшими — 20–100 младенцев[17]. Диссертация А. П. Бондырева, обследовавшего в 1902 г. лишь 100 новорожденных, вплоть до 1917 г. считалась эталонной[18]. Работа Г. Н. Сперанского, собравшего в 1910–1913 гг. большой материал о весе 10 тыс. новорожденных, была опубликована только в 1923 г., так же как и работы А. Н. Шкаратана и В. А. Трейтера[19]. По советскому периоду библиография работ более обширна, но ее обзор выходит за хронологические рамки моего исследования.

При использовании материалов, полученных дореволюционными врачами, следует иметь

в виду: измерения детей нередко производились разными, иногда самодельными инструментами, упрощенными приемами (дети ставились у размеченной стены или косяка двери). Многие исследователи не описывали методику измерения. При таких условиях точность данных была относительной, соответственно сравнение среднего роста разных коллективов и обобщение собранного материала не могли быть вполне удовлетворительными[20]. Положение усугублялось тем, что исследования физического развития детей выполнялись по инициативе отдельных врачей и не координировались какой-либо организацией[21].

В области профессиональной антропометрии интерес российских ученых сконцентрировался на физическом развитии рабочих. Первое и самое скромное по числу измеренных рабочих (всего 22 человека) исследование выполнил в 1876 г. А. Радаков[22], а самое масштабное было проведено в 1879–1885 гг. на фабриках Московской губернии четырьмя врачами — Ф. Ф. Эрисманом, Е. М. Дементьевым, В. И. Песковым и А. В. Погожевым под руководством первого. Было обследовано 1 080 промышленных предприятий, на которых работало 65 041 мужчин и 36 200 женщин из 7 губерний (Владимирской, Калужской, Московской, Рязанской, Тульской, Смоленской и Тверской) в возрасте от 4 до 80 лет. Результаты были обобщены и опубликованы Эрисманом сначала в Германии[23], а затем его коллегами в России[24]. Исследователей, прежде всего, интересовали профессиональные и социальные различия в росте, весе, обхвате груди и физической силе, порядок изменения этих показателей с возрастом, время достижения половой и полной физической зрелости, распределение людей по антропометрическим показателям в популяции. Исследователи выяснили: фабричная работа детей и подростков тормозила их биологическое развитие, накладывала неизгладимый отпечаток на их физический облик и развитие их организма, из-за чего средний рост, вес и обхват груди профессиональных фабричных был ниже, чем у ремесленников и поденных рабочих. Особенно вредно сказывалась на здоровье работа на предприятиях, обрабатывающих волокнистые вещества.

На массовом статистическом материале были установлены следующие закономерности физического развития. У мужчин удлинение тела продолжалось до 26 лет включительно, но в интервале от 20 до 27 лет оно составляло лишь 8 мм. В возрасте 27–49 лет наступала стагнация, затем рост уменьшался, особенно заметно с 70 лет: между 50 и 70 годами — на 2,4 мм, а между 70 и 80 годами — на 5,1 мм. У женщин удлинение тела в основном завершалось к 16 годам, к 23 годам рост увеличивался еще на 9 мм, после чего на 17 лет наступала стагнация, а затем происходило его снижение, достигавшее 20 мм к 60 годам. Гендерная разница в момент его апогея равнялась 11,9 см — 153,2 см у женщин против 165,1 см у мужчин. Расширение объема груди у последних в основном завершалось к 27 годам, до 70 лет прибавка достигала 2 см и лишь в глубокой старости происходило его уменьшение. У женщин своего полного развития грудная клетка достигала к 20 годам (80,3 см),



Эрисман Федор Федорович (1842–1915). Фото

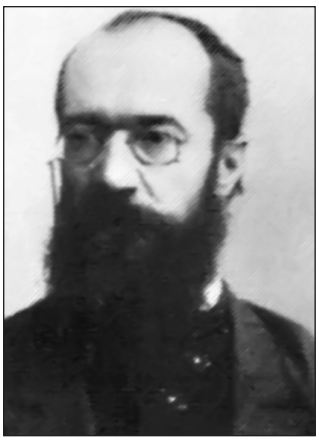
на 24-м году начиналось ее легкое сужение вследствие сокращения грудной железы, с 45 лет проходило прогрессирующее уменьшение обхвата груди. Повышение веса мужчин в основном завершалось к моменту полного физического развития и достижения дефинитивного роста — к 27 годам, затем до 40 лет происходила незначительная прибавка, после чего вес начинал снижаться, сперва едва заметно, а с 50 лет — более существенно. Женщины, к сожалению, не взвешивались из-за отсутствия женского медицинского персонала. Максимальное развитие физической силы приходилось у мужчин на 24–35 лет, после 35 лет начиналось уменьшение, сначала медленно, а с 50 лет — быстрым темпом. Вес и сила изменялись синхронно[25].

В. И. Песков, Е. М. Дементьев и А. В. Погожев опубликовали результаты своей части исследования индивидуально, подтвердив выводы Ф. Ф. Эрисмана[26]. Антропометрическая часть уникального исследования московских земских врачей для своего времени имела большое значение, дав материал для решения вопроса о воздействии фабричной работы на физическое состояние и развитие рабочих. Однако собранные антропометрические (рост, вес, обхват груди, кистевая и становая сила) и социально-демографические (возраст, семейное положение, сословие, место рождения и др.) сведения о рабочих были агрегированы по пятилетним возрастным группам без учета года рождения и года измерения. Из-за этого использовать их в моем исследовании было невозможно. Для их включения в единый банк информации пришлось заново переписать и обработать все индивидуальные измерения, к счастью, опубликованные в трудах Московского земства, субсидировавшего эту огромную работу[27].

К сожалению, земства других губерний не поддержали это направление работы земской медицины, но в 1880–1900-х гг. некоторые врачи провели аналогичные исследования, хотя и меньшего масштаба. Д. Н. Жбанков обследовал 5 141 рабочих (1 518 женщин и 3 523 мужчин) Смоленской губернии[28], Р. Н. Рума — 90 и 112 рудокопов Пермской губернии[29], И. Муратов — 2 385 рабочих (2 000 женщин и 385 мужчин) табачных фабрик Петербурга и 165 мясников[30], М. К. Валицкая — 800 рабочих (260 мужчин и 540 женщин) табачных фабрик на Юге России[31], И. А. Спасский — 2800 рабочих Ижевского оружейного завода[32]. Судовой врач К. С. Моркотун провел антропометрическое изучение 75 машинистов и кочегаров во время плаванья одного из военных кораблей[33], К. П. Сулима — более тысячи рабочих свеклосахарных заводов Подольской губернии[34], А. Ф. Никитин — 200 волжских грузчиков[35]. Несколько исследований были посвящены крестьянам. П. И. Грязнов обследовал 475 крестьян Новгородской губернии[36], М. Рубинский — несколько десятков отходников и хлебопашцев Костромской губернии (автор нашел, что физическое развитие вторых лучше, чем первых)[37], И. Милотворский — 2 100 кустарей и хлебопашцев Нижегородской губернии[38], В. А. Левицкий — 1 046 крестьян (446 мужчин и 600 женщин), изготовляющих фетровые шляпы в Московской губернии[39]. В начале XX в. физическое развитие отдельных профессиональных групп из-

Дементьев Евстафий Михайлович (1850–1918). Фото

учалось на основе материалов о призывниках[40]. Антропометрические исследования рабочих и крестьян проводились под народническим углом зрения — вредного воздействия условий промышленного труда на здоровье. Все отмечали отрицательную роль фабрики для физического развития рабочего и худшие антропометрические показатели пролетариев сравнительно с крестьянами[41].



Жбанков Дмитрий Николаевич (1853—1932). Фото

Работы по этнической антропометрии заключали много ценных наблюдений над антропологическим типом различных народов[42]. Но исследования часто проводились без общего руководства, по индивидуальным схемам, без хороших измерительных инструментов, без научной методики и часто на основе небольших выборок, с числом наблюдений в несколько десятков. Требуются значительные усилия, чтобы мобилизовать заключенную в них информацию. Например, Н. М. Малиев в 1876 г. опубликовал первую в России антропологическую работу о башкирах. На основе изучения 40 башкир (sic!) Уфимской губернии по 31 признаку он выделил два антропологических типа — лесной и степной, а также ряд переходных форм и типов[43]. Кольский уездный врач И. Н. Шмаков в течение тринадцати лет, 1895–1907 гг., измерил 151 мужчину-лопаря в возрасте 15–85 лет и подсчитал их средний рост по 5-летним возрастным группам и для всех вместе (154,74 см). Индивидуальные сведения в статье не приводятся, точный год рождения и измерения не указывается[44]. Наибольшее число данных собрано по русским[45], меньше по полякам[46], довольно много — по украинцам, белорусам и евреям, меньше — по другим народам, хотя в совокупности число работ о нерусских народах больше, чем о русских, в чем антропологов даже упрекали. Аналитический и библиографический обзор этих работ сделан А. А. Ивановским и М. Б. Могильнер[47].

Но наибольшее число антропометрических работ было посвящено новобранцам. Авторов больше всего интересовали такие вопросы, как воинский брак, здоровье, географическое распределение низких и высоких новобранцев, возраст достижения ими полной физической зрелости, семейный, вероисповедный, возрастной, образовательный и социальный профиль, физические признаки для заключения о пригодности к воинской службе. Самые ранние работы такого рода датируются 1858 г.[48], в 1860–1870-е гг. их опубликовано около десятка[49], а в конце XIX — начале XX в. они стали популярными и шли непрерывным потоком[50].

С конца XIX в. под влиянием господствовавшей в общественном мнении парадигмы обнищания антропометрические исследования стали проводиться для ее иллюстрации[51]. Вероятно, не обошлось и без влияния европейской антропометрии. В конце XIX — начале XX в. в западноевропейских странах проблема «физического вырождения» в контексте индустриализации, урбанизации и детского труда в промышленности активно обсуждалась в научной литературе и прессе. Например, в Великобритании, по мнению некоторых военных экспертов, 60% юношей в стране по своим физическим кондициям не были пригодны к военной службе. В ответ на озабоченность британской общественности правительство в 1904 г. учре-

дило специальный Межведомственный комитет по вопросам физической деградации (The Inter-Departmental Committee on Physical Deterioration). Современные ученые оценивают идею о вырождении как «городскую легенду», возникшую в Викторианской Великобритании под влиянием негативного отношения к урбанизации[52].

Многие работы по воинской антропометрии решали узкие научные задачи и предназначались для получения степени доктора медицины. В них, как правило, приводились только итоги измерений, точный год рождения и обследования не указывались, связь между антропометрическими и социально-демографическими данными не выявлялась, критика источников информации отсутствовала. Вот одно из типичных исследований, выполненное военным врачом Н. И. Оранским и успешно им защищенное в Военно-медицинской академии. Диссертация доказывала тезис о целесообразности при приеме в армию учитывать не только рост, но вес и обхват груди. Автор обработал 67 700 формулярных списков новобранцев, призванных в 1908 г. Результаты измерений сгруппированы в 19 интервалов и подсчитаны средние показатели для каждой группы и всех вместе, составившие соответственно 169,3 см, 67,4 кг и 88,7 см. Никаких социально-демографических сведений не приводится. Проделав огромную работу, потребовавшую двух лет, автор сформулировал 5 основных выводов:

«1. Вес тела находится в некотором соответствии с ростом и окружностью груди; с увеличением роста и окружности груди увеличивается и вес. 2. Крайние колебания в нарастании веса тела с каждым полувершком или 2,2 см были от 0,6 до 2,6 кг. 3. Новобранцы с весом меньше среднего на 6 кг были уволены по слабосилию и недоразвитию. 4. Метод Пинье (оценка годности к службе по сочетанию роста, веса и окружности груди. — *Б. М.*) сам по себе не может иметь решающего значения. 5. Цифры показателя Пинье, предложенные им для суждения о годности, не согласуются с цифрами, полученными на нашем материале. 6. Метрическая система должна быть принята для военно-санитарной статистики в целях достижения большего однообразия. 7. Взвешивания новобранцев в воинских присутствиях должны быть обязательны, так как вес является дополнительным показателем годности призываемого к военной службе»[53].

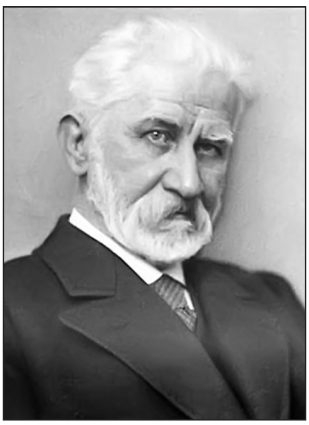
Полученные автором средние величины длины тела, веса и окружности груди очень высоки и для армии не типичны, поскольку выборка примерно на 40% состояла из призванных в гвардию, куда по правилам комплектования не принимали мужчин ниже 175 см. Но Оранский не дифференцирует новобранцев, призванных в армейские и гвардейские полки, поэтому будет некорректным пользоваться его суммарными данными для характеристики среднего роста новобранцев 1908 г. призыва. Вся диссертация решала специальный вопрос о пригодности показателя Пинье при приеме на службу, ее выводы не отличались новизной и не нашли практического применения.

Поток шаблонных медико-статистических диссертаций на степень доктора медицины по санитарной антропологии и общественной гигиене вызывал обоснованную критику. М. О. Перфильев в рецензии на одну из таких диссертаций справедливо писал: «Работы все бедны по замыслу и содержанию, рутинны и несовершенны в смысле приемов исследования, мало что дают самому исследователю в смысле увеличения его знаний и общего развития, а для науки служат балластом или, по большей мере, сырым, некультивированным материалом. <...> В чем же тут

причина? <...> В недостатках нашего общего и профессионального образования. Редко кто из нас знает порядочно математику, редко кто знает естественные науки, почти никто не имеет общего философского образования и редко кто умеет думать правильно»[54].

Многие исследования были плохо исполнены в методическом отношении, содержали ошибки в измерениях и подсчетах средних цифр. Так, суровую критику со стороны коллег[55] вызвала претендующая на обобщение работа Н. Ю. Зографа[56]. Однако были и интересные, содержательные работы, которые, как правило, выполнялись земскими врачами. Например, В. А. Левицкий проанализировал зависимость между ростом и обхватом груди призывников, с одной стороны, и уровнем смертности, грамотности и размерами жилой площади на душу населения в Подольском уезде Московской губернии за 1885–1894 гг. — с другой, и оценил санитарное состояние одиннадцати волостей уезда[57]. Подобное исследование выполнил земский врач Г. И. Ростовцев на данных по Дмитровскому уезду Московской губернии за 1875–1900 гг.[58] Оба автора пришли к одинаковым выводам: понижение смертности, развитие грамотности и улучшение жилищных условий в волостях происходили параллельно с увеличением среднего роста и обхвата груди новобранцев и свидетельствовали о повышении благосостояния крестьян.

Лучшая работа по военной антропометрии принадлежит известному русскому антропологу Д. Н. Анучину. Цель его исследования — выявить географическое распределение населения по длине тела в России и дать ему объяснение. Для анализа автор воспользовался опубликованными сведениями о новобранцах по уездам и губерниям России за десятилетие, 1874–1883 гг. После тщательного анализа мировой антропометрической литературы он сформулировал гипотезы о факторах, воздействовавших на средний рост, и проверил их на русском материале, опираясь на комбинационные группировки. Анучин не обнаружил тесной связи между длиной тела новобранцев по губерниям, с одной стороны, и (1) климатическими и физико-географическими условиями, (2) степенью достатка (размером земельного надела, сбором ржи, числом скота, процентом каменных построек), (3) плотностью населения, (4) коэффициентом смертности, (5) болезненностью (по числу воинского брака) — с другой. Зато нашел зависимость между ростом и этно-расовой принадлежностью человека, т. е. между ростом и наследственностью, так как расовые признаки наследуются. Анучин установил две главные области высокорослости: на Украине и на Западе — в прибалтийских и смежных с ними губерниях, и области малорослости — в Польше и в северо-восточных губерниях, где сосредоточено финское и тюркское население. На основе проделанного анализа он делает вывод: главная причина географической вариации длины тела в 1874–1883 гг. — в расовом составе жителей: «Мы думаем, что, прежде всего, средний рост обусловливается наследственностью (антропологическими и этнографическими факторами. — *Б. М.*), что условия питания и среды скорее способны влиять на ритм роста, чем на его конечную величину, и что требуется известный период времени, известный ряд поколений, чтобы повышение или понижение роста, передаваясь по наследству, могло упрочиться в данной группе особей и получить характер типичного для нее признака»[59]. Отдавая предпочтение этно-расовому фактору, а не условиям среды, Анучин не отрицал полностью их значения. Кроме того, он подчеркивает: расовые различия в далеком прошлом



Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923). Фото

также сложились под воздействием среды, следовательно, происхождение географической вариации длины тела в конечном итоге обусловливается все-таки средой.

Женская антропометрия отставала от других направлений. Можно отметить две важные работы — Ф. Ф. Эрисмана и его коллег, обследовавших 32 895 работниц центральных губерний с целью выявить зависимость между профессией и их физическим развитием, и П. Тарновской, изучившей 400 женщин (в том числе 100 профессиональных проституток, 100 неграмотных крестьянок, 50 интеллигентных женщин и 100 преступниц) с целью определить воздействие социального положения и профессии на их антропометрические показатели[60].

Оценивая дореволюционную российскую историографию антропометрических исследований, следует отметить: ученые накопили значительный конкретный материал и поставили вопрос о факторах вариации роста, решая его по-разному — одни отдавали предпочтение условиям жизни и среды, другие — этносу и расе, т. е. наследственности, третьи — комбинации факторов среды и наследственности. Проблема динамики антропометрических показателей в пореформенное время не стояла. Во-первых, слишком мало было еще собрано информации для постановки и решения этой проблемы. Во-вторых, считалось, что проблема благосостояния поддается решению на данных сельскохозяйственной, промышленной, финансовой, демографической статистики. Антропометрическая информация использовалась преимущественно для оценки здоровья.

Недостатками дореволюционных антропометрических исследований являлись их фрагментарность и разрозненность, методическая и аналитическая слабость, отсутствие работ, суммирующих полученные результаты. Можно назвать только два обобщающих исследования, принадлежащих русско-французскому ученому И. Деникеру и А. А. Ивановскому. Но обоих авторов интересовали главным образом антропологические особенности различных этносов, населяющих Россию[61]. Историческая антропометрия находилась вне сферы их интересов, к тому же они обобщили работы, опубликованные до 1902–1904 гг. В 1863 г. при Московском университете было основано Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, включавшее антропологический отдел, члены которого стали проводить антропометрические исследования. В 1879 г. Общество устроило в Москве первую антропологическую выставку; из ее экспонатов был создан при университете Антропологический музей. В 1880 г. при Московском университете возникла первая кафедра антропологии, ставшая организационным центром антропологических иссле-

Деникер Иосиф (Осип) Егорович (1852–1918). Фото

дований в России. В 1890–1913 гг. возникли два новых антропологических общества в Петербурге — при Военно-медицинской академии и университете, шесть антропологических музеев при Варшавском, Казанском, Киевском, Томском, Харьковском и Юрьевском университетах, а также в ряде неуниверситетских городов — Владивостоке, Минусинске, Тифлисе, Троицкосавске (с 1934 г. — Кяхта), Чите и др., появились периодические издания по антропологии; главным из них стал «Русский антропологический журнал»[62]. Благодаря этому именно в 1880–1913 гг. антропометрические исследования получили широкий размах и ознаменовались значительными достижениями. К сожалению, содержащаяся в них информация в большинстве случаев приводится в суммарном виде (средний рост или вес всех измеренных), и поэтому не может быть включена в базу индивидуальных данных или преобразована в динамические ряды для использования в историко-антропометрических исследованиях. Кроме того, недостаток учреждений, которые бы направляли и объединяли исследовательскую деятельность отдельных антропологов, имел негативное последствие — отдельные работы производились не систематически, без общего плана и взаимной согласованности.

Ивановский Алексей Арсеньевич (1866–1934). Фото

3.3. Антропометрические исследования в советской и постсоветской России

В первые 15 лет советской власти изучение физического развития населения заняло важное место в системе санитарно-статистических исследований. Выработка методики для правильной оценки показателей физического развития как критериев здоровья отдельных индивидуумов, их пригодности к определенным профессиям, условиям труда и к службе в армии и на флоте, а также изучение сдвигов в биостатусе целых социальных групп — эти проблемы попали в фокус интересов[63]. Работы приобрели массовый характер и привлекли огромный интерес не только антропологов, но и санитарных статистиков, школьных гигиенистов, педиатров и врачей других специальностей[64].

Представление об исследовательской работе 1920-х гг. дает сборник статей «Национальные и социальные различия в физических признаках населения Украины». В нем — статьи о роли национальных и социальных факторов в вариации мышечной силы, длины тела, веса и обхвата груди у призывников, городских работниц и преступников, о возрасте наступления менархе, о влиянии недоедания на антропометрические характеристики. Через все статьи красной нитью проходит идея о том, что физическое развитие определяется социальными условиями (как в России, так и за границей у богатых и привилегированных классов антропометрические показатели лучше), но и национальные различия имеют значение: украинцы (мужчины и женщины) физически (рост, вес, обхват груди) мощнее русских, а русские — евреев[65]. Много интересных статей по антропометрии помещалось в «Русском антропологическом журнале»[66].

Сразу после Октябрьской революции ростовой ценз при наборе в Красную армию был отменен; измерения новобранцев при наборе в армию не производились. Но, по ходатайству антропологов, в 1924 г. на всей территории СССР измерения мужчин при призыве в армию были возобновлены, и антропологи надеялись со временем получить данные о физическом развития населения страны[67]. Одновременно в 1920-е гг. развернулось изучение здоровья рабочих, которое по масштабам даже превзошло земские исследования 1880-х гг. — начала XX в. В большое число исследованных профессиональных групп и отдельных коллективов входят как взрослые контингенты, так и подростковые — учащиеся фабрично-заводских школ, ремесленных училищ и др. Вот наиболее важные из опубликованных результатов. Научно-исследовательский институт антропологии при МГУ за 1924–1931 гг. собрал и обработал материал о физическом развитии более чем 30 тыс. рабочих и крестьян[68], А. И. Пахомычев — о 2 тыс. московских рабочих химической промышленности[69], С. В. Архангельский — о 3 тыс. ярославских рабочих льняной мануфактуры[70], И. И. Лященко — о 1,6 тыс. шахтеров[71], Я. З. Матусевич и И. Г. Фридлянд — о 450 ленинградских котельщиках[72], И. Л. Патыша — о 340 советских и партийных функционерах[73], Г. А. Чистяков — о 21 тыс. рабочих разных профессий Харьковского округа[74], С. М. Богословский — о 100 тыс. московских рабочих и служащих[75], П. Т. Приходько — о 780 сибирских шахтерах[76], В. А. Заманский — о 1,2 тыс. уральских металлургов[77]. Сведения же о росте, весе и окружности груди новобранцев по губерниям и округам были обнародованы лишь за 1927 г.[78] и по некоторым избранным областям и республикам — за 1924, 1927, 1933 и 1935 гг.[79] Антропометрические сведения, содержащиеся в обследованиях 1920–1930-х гг., относятся к людям, родившимся до революции 1917 г., и потому не выходят за хронологические рамки настоящего исследования.

До 1930-х гг., пока политика и идеология не вмешивались в науку, работы выполнялись на высоком методическом уровне. Начиная с 1930-х гг. антропометрические данные стали использоваться для доказательства повышения благосостояния советского народа и преимуществ социалистической системы перед капиталистической, а вопросы методической корректности ушли на второй план. Вот характерный пример. В единственной работе, обобщающей антропометрические исследования в 1920-х — 1930-е гг. «Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР», антропометрические показатели привязывались к году измерения, а не рождения. Например, 21-летние мужчины из 6 губерний, призванные в 1924 г., оказались на 0,25 см выше призванных в 1912 г. (удлинение тела на 0,25 см: со 166,75 до 167,00 см), что объяснялось успехами советской власти. Но последняя существовала только семь лет, а рост новобранцев, зафиксированный в 1924 г., относился к людям, родившимся и проведшим бóльшую часть жизни при царском режиме. Кроме того, в биологии человека детские годы рассматриваются как решающий период для физического развития человека. Следовательно, удлинение тела нельзя объяснять благотворным влиянием советской власти, да и вообще маловероятно, чтобы в годы Гражданской войны жизненный уровень мог повыситься. Во-вторых, не дано обоснования, почему для характеристики сдвигов в физическом развитии выбраны именно шесть указанных губерний, какое число новобранцев участвует в анализе, какова ошибка выборки. Без таких сведений нельзя сказать, значимо ли статистически полученное различие в 0,25 см. То же самое следует сказать и обо всех других сравнениях. Кроме

того, изменения в физическом развитии за 1912–1924, 1927–1933 и 1927–1935 гг. сравниваются не по одним и тем же губерниям, как следовало бы делать, а по разным[80]. Все это оставляет впечатление некоторой заданности — доказать, что годы советской власти сразу принесли улучшение жизни.

Относительно рабочих исследования обнаружили неоднозначную картину: у рабочих подростков г. Москвы в возрасте 14–18 лет физические показатели по измерениям в 1923–1925 гг. оказались лучше, чем по обследованию 1880-х гг., в частности средний рост у них повысился на 2,0–2,5 см, а в Московской губернии, наоборот, — хуже, и рост у них понизился на 0,4–2,2 см[81]. У рабочих Калужской, Московской, Рязанской и Тульской губерний в возрасте 25–35 лет средняя длина тела увеличилась почти на 2 см, со 164,6 до 166,5 см[82]. Эти данные также трактовались как достижения советской власти.

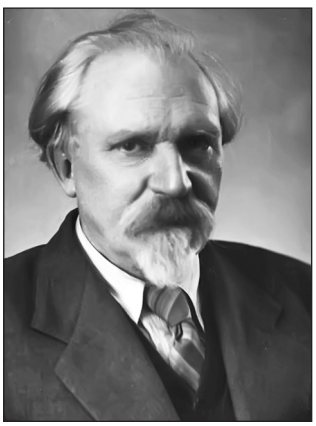
Однако главные споры между профессионалами проходили относительно того, какие факторы являлись решающими для вариации антропометрических показателей — генетические или социальные. Поначалу высказывались три точки зрения: генетические, социальные или их комбинация. Постепенно мнение о решающей роли социальных факторов стало преобладающим, так как больше соответствовало марксистскому подходу. В 1932 г. В. В. Бунак опубликовал две большие и важные статьи, имевшие прямое отношение к исторической антропометрии. В первой он проанализировал изменение среднего роста российских новобранцев, призванных в 1874–1883 гг. и 1927 г. За прошедшие 50 лет, по его оценке, они подросли на 2 см, что, по его мнению, объяснялось генетическим фактором — увеличением гетерозиготности[83] вследствие учащения брачных связей между ранее изолированными группами населения из-за повышения его мобильности. Во второй статье Бунак представил карту географического распределения роста для новобранцев, призванных в 1927 г., и сравнил ее с аналогичной картой, составленной его учителем Д. Н. Анучиным в 1899 г. по сведениям призыва за 1874–1883 гг. Он обнаружил их сходство, внес небольшие уточнения и дал им интерпретацию в том же ключе, как и Анучин, — этно-расовые факторы имели преобладающее значение, причем о влиянии среды Бунак вообще не упомянул[84]. Эти статьи вызвали несогласие даже в редколлегии «Антропологического журнала», где они были опубликованы. Во второй половине 1930-х — первой половине 1950-х гг., когда генетика считалась буржуазной наукой, взгляды Бунака шли вразрез с принятой в биологии лысенковской парадигмой. Однако он не сдался, хотя и вынужден был уйти в тень и сосредоточиться на методических вопросах антропометрии, изредка публикуя краткие, зашифрованные сложным научным языком работы о генетических факторах эволюции человека[85].

Несмотря на идеологическую выдержанность, антропометрические исследования в 1930-е гг. постепенно были свернуты, хотя и не прекращены; публикации вплоть до 1960-х гг. появлялись редко[86]. Всего за 1918–1960 гг. было опубликовано 559 работ по статистике физического развития, из них на 1930–1960 гг. приходилось всего 12%[87]. Причина этого, как кажется, состоит в следующем: антропометрические сведения о молодежи, особенно новобранцах, в годы активной борьбы с врагами и шпионами были признаны военными экспертами государственной тайной, так как касались, по их мнению, военного потенциала страны (то же происходило и в Германии). Результаты измерений роста взрослого населения, когда они проводились, оставались закрытыми для широкой публики, с ними могли знакомиться только пар-

тийные и правительственные органы и узкий круг специалистов. Немногочисленные публикации, за небольшими исключениями, содержали, как правило, только сведения о размерах тела детей. В таких условиях историческая антропометрия, объясняющая изменения в размерах тела сдвигами в условиях жизни и косвенно — в благосостоянии, не получила развития, дореволюционные традиции изучения размеров тела в связи с социально-экономической обстановкой существования людей были подзабыты. Специалисты вынуждены были работать в рамках традиционной антропологии и сосредоточились на разработке стандартов физического развития различных возрастных, половых и этнических групп населения, широко использовавшихся врачами в родильных домах, школах и различных врачебных комиссиях. После Великой Отечественной войны этими работами руководили ВНИИ социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н.А. Семашко, НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков АМН СССР и НИИ школьной гигиены АПН СССР. Главные результаты были опубликованы в трехтомном исследовании, которое включало таблицы для оценки индивидуального физического развития новорожденных, детей дошкольного и школьного возраста, рабочих-подростков и учащихся ремесленных училищ различных местностей, а также инструктивно-методические указания об исчислении и применении этих таблиц[88].

Антропометрические исследования возобновились в период оттепели, в конце 1950-х гг.[89] Остановимся на наиболее важных для исторической антропометрии исследованиях второй половины XX — начала XXI в. Здесь первое место принадлежит работам В.В. Бунака[90], в особенности его большой статье[91], где он попытался ответить на вопрос, чем вызвано наблюдающиеся повсеместно в мире в 1850–1960 гг. увеличение размеров тела и ускорение физического созревания подрастающего поколения — явление, получившее в литературе того времени название акселерации, а в современной науке — секулярного тренда. Проанализировав обширный фактический материал, относящийся главным образом к Европе, автор пришел к следующим выводам.

1. Расовые различия в длине тела возникли в ранние периоды формирования расовых типов — в неолите. На территории Европы уже во II–I тыс. до н.э. широко распространились высоко- и низкорослые группы и возникли группы с промежуточной величиной роста. В I тыс. н. э. наметилось, а в начале Нового времени (XVI — первая половина XVII в.) закончилось формирование областных антропологических типов, сохранившихся до начала XIX в. Исходный средний рост взрослого мужского населения Европы — 164–165 см, с вариацией от 162 до 175 см. В Африке XIX в., за исключением низкорослых племен пигмеев и бушменов[92], вариация находилась практически в том же интервале — 164–179 см.



Бунак Виктор Валерианович (1891–1979). Фото

2. Средние величины длины тела популяций, составляющих части одной этнической группы, варьируют в пределах 2 см.

3. В XIX в., особенно во второй его половине, средний рост жителей в странах Европы, включая Россию, и частично за ее пределами увеличился, и этот процесс продолжался в XX веке.

4. Начало и интенсивность секулярных изменений в разных странах различны, но процесс подчинялся общему правилу: прибавка роста происходила наиболее интенсивно в низкорослых группах и замедлялась по мере приближения к высокорослым группам. Удлинение тела, полагал Бунак, может продолжаться лишь до тех пор, пока не дойдет до установившейся на протяжении многих веков физиологической нормы — 178–180 см. «Увеличение длины тела — не звено эволюционного процесса, а фаза колебаний, охватывающая современную эпоху».

5. Повышение роста дополняется сдвигом полового созревания на более ранний возраст и происходит на всем протяжении индивидуального развития, начиная с годовалого возраста.

6. Важным фактором удлинения тела является генетический — гетерозис, или усиление жизненности у потомства (гибридов) по сравнению с родительскими формами, благодаря инолокальным бракам.

7. Увеличение роста и ускорение полового созревания возрастают под воздействием нейрогенного фактора. Обширный поток впечатлений затрагивает эмоциональную сферу и создает длительное возбуждение коры головного мозга и подкорки, стимулируя возникновение специальных гормонов, ускоряющих физическое развитие ребенка[93].

8. Нутритивный, или алиментарный, фактор (количественное и качественное улучшение питания, сопровождаемое повышением белкового содержания пищи) и гигиенический фактор (физкультура, свежий воздух, витамины, умеренные нагрузки детей) составляют условия, а не причину эпохальных сдвигов физического развития.

9. Более высокий рост горожан по сравнению с крестьянами и мигрантами объясняется не столько улучшенным питанием, сколько аутбридингом и условиями подбора переселенцев — на миграции решаются самые здоровые и, следовательно, высокие.

Таким образом, по мнению Бунака, генотип этнической группы объясняет как средний рост, так и достаточно узкие границы его вариации. Только генетические изменения могут вызвать существенное отклонение от среднего роста. Удлинение тела в 1800–1960 гг. происходило по причине повышения разнородности генетической основы каждого нового поколения людей: в браки стали вступать представители отдаленных местностей, между которыми раньше не было брачных связей. Улучшение питания являлось необходимым условием для того, чтобы обогащение генотипа могло проявить себя посредством увеличения длины тела. Однако и в этом случае оно не может превысить физиологический предел, заданный генотипом человека, — 180–182 см.

Преемником В. В. Бунака в изучении секулярного тренда можно считать В. Г. Властовского, чья книга стала заметным явлением в исторической антропометрии[94]. Предметом его исследования стало ускорение темпов физического развития человека и возрастание дефинитивных размеров тела *на уровне целых популяций* в последнее столетие, 1870–1970-е гг., а также и влияние этого эпохального сдвига на *индивидуальные* различия в скорости возрастного развития в разнообразных (по национальности, месту жительства, соматическому типу) группах населения. На большом отечественном и зарубежном материале автор демонстрирует: в последнее столетие по всем параметрам физическое развитие человека ускорилось. Увеличение размеров новорожденных говорит об ускоре-

нии физического развития уже на уровне эмбриона. Еще сильнее повысились рост и вес у детей дошкольного и школьного возраста. Ускорилось прорезывание постоянных зубов, окостенение скелета и наступление половой зрелости, например, за 80 лет, с 1880-х до 1960-х гг., средний возраст менархе у русских девушек понизился с 15 лет 10 месяцев до 13 лет 3 месяцев — на 2 года и 7 месяцев. Ускорение физического развития привело к более раннему достижению дефинитивной длины тела. Если в конце XIX в. удлинение тела останавливалось у мужчин к 27 годам, у женщин — к 21 году, то в 1970-е гг. — соответственно к 20 и 17 годам. Ускорилось развитие физиологических, психологических функций и интеллектуальных способностей. У школьников, продвинутых по росту, половому созреванию и окостенению скелета, наблюдается более высокая умственная работоспособность. Наряду с ускорением физического развития произошло увеличение дефинитивной длины тела, а также репродуктивного периода у женщин на 8 лет благодаря раннему менархе и позднему наступлению менопаузы. Некоторые другие признаки старения организма также стали наступать позже[95]. Таким образом, в России, как и во всех экономически развитых странах мира, за последние 100–150 лет физическое развитие человека ускорилось во всех возрастах. Подростки стали на 15–20 см выше, половое созревание начиналось на 3 года раньше, соответственно раньше заканчивалось у них удлинение тела; молодые мужчины стали выше на 8–10 см[96]. Ускорение физического развития у мужского и женского пола происходило с разной интенсивностью, вследствие чего нарастал гендерный диморфизм (антропологические различия между мужчинами и женщинами): в 1900–1970-е гг. длина тела у мужчин возросла на 6,1%, а у женщин — на 4,2%; за 30 лет, 1940–1970 гг., разница в возрасте полового созревания у мальчиков и девочек возросла на полгода в пользу девочек. Увеличение гендерного диморфизма обусловливалось интенсивностью физического развития мужчин и относительно более ранним созреванием женщин, после которого удлинение тела прекращается.

В. Г. Властовский обстоятельно разбирает предположения, объясняющие эпохальный сдвиг. Он отвергает как недоказанные гипотезы инсоляции (ультрафиолетовой радиации), изменения температуры и влажности воздуха, увеличения электромагнитных и ионизирующих излучений[97]. По мнению автора, подтверждаются фактами нутритивная гипотеза (повышение качества питания), медицинско-гигиеническая (успехи педиатрии, эпидемиологии и гигиены, улучшение ухода за детьми, развитие физкультуры и спорта), нейрогенная, а также и генетическая гипотеза (последняя объясняет акселерацию усилением жизненности, или гетерозисом, возникающим под влиянием смешанных, инолокальных браков между людьми). В основе векового сдвига «лежит изменение наследственности человека, возникающее в процессе активного смешения населения нашей планеты. Социальные же условия жизни в каждой отдельной стране определяют темпы акселерации, реализуя в той или иной степени генетический потенциал роста и развития детей данной популяции»[98]. Как видим, Властовский полностью согласился с точкой зрения В. В. Бунака. Впрочем, в 1960–1970-е гг. ее поддерживало большинство отечественных ученых, занимавшихся этой проблемой[99].

До 1980-х гг. между отечественными и западными антропологами имелись расхождения в понимании роли генетического фактора вообще и гипотезы гетерозиса в частности. Стоит, впрочем, подчеркнуть: в контексте нашего исследования существенное повышение или понижение роста невозможно без сдвигов

в благосостоянии, независимо от истинного значения наследственности. Однако в последние два десятилетия российские ученые двигались в сторону интерпретаций зарубежных ауксологов, и в настоящее время при оценке тенденций в изменении антропологических показателей склоняются к объяснению их факторами среды. В 1989 г. Б. А. Никитюк предпринял попытку обобщить материал по данной проблеме и пришел к выводу, что секулярный тренд реализуется на трех уровнях — эколого-биологическом, биосоциальном и социобиологическом[100]. На первом — ведущая роль принадлежит экологическим факторам (солнечной активности, природным катастрофам), на втором — биологическим (гетерозису) и на третьем — социально-экономическим факторам (антропогенному изменению среды обитания, питанию, уменьшению физических нагрузок, социальной мобильности). Эпохальные перемены и происходят под воздействием всех трех групп факторов[101]. Автор не отдает предпочтения генетике; более того, в разделе о гетерозисе подвергает разумному сомнению действенность этого фактора[102].

Е. З. Година основной причиной вековых ростовых сдвигов в последние 100–150 лет считает «комплекс изменений, связанных с улучшением условий жизни»[103], как это принято в настоящее время в западной исторической антропометрии[104]. Гендерный диморфизм она объясняет социокультурными факторами, не отрицая, впрочем, роли генетики. Например, отставание девочек в темпах физического развития по сравнению с мальчиками связывается с гендерным неравенством — неравноценным отношением к девочкам со стороны семьи и общества, с худшим их питанием, с большей физической нагрузкой в домашнем хозяйстве, с более низким социальным статусом[105]. И даже размеры и формы головы, как и ее западные коллеги, она объясняет воздействием факторов окружающей среды, что до 1980-х гг. отечественными антропологами отрицалось. Обнаруженную астенизацию телосложения (отставание веса от роста) в 1990-е гг. она связывает с ухудшением социально-экономических условий жизни в России и со стремлением молодых людей, особенно девушек, соответствовать современному идеалу телосложения — быть высокими и стройными[106].

Ю. А. Ямпольская, анализируя вековой тренд в физическом развитии московских школьников в XX в., выявила цикличность: первые 70 лет XX в. отмечены повышательной тенденцией с пиком в 1970-е гг., в 1980-е гг. наблюдалось замедление темпов акселерации с элементами стагнации, а в 1990-е гг. обнаружилась *деселерация, или ретардация*, выразившаяся в увеличении возраста наступления половой зрелости, в уменьшении силы, из-за чего московские школьники стали отставать по физическому статусу от ровесников прошлых десятилетий. Объяснение этого процесса она видит в социально-экономических факторах — в падении благосостояния, ухудшении экологии, в смене жизненных ориентиров, в реформировании систем образования и здравоохранения[107].

Коллективное сравнительное исследование 8,6 тыс. российских, белорусских и польских детей в 1996–2001 гг. выявило: белорусские дети в возрасте 7–16 лет характеризуются дефицитом массы тела сравнительно с польскими и русскими, в то же время они отличаются ускоренными процессами роста и развития. Это интерпретируется как дестабилизация физического развития вследствие Чернобыльской катастрофы и социально-экономических трудностей[108].

Нашла полную поддержку у отечественных ауксологов точка зрения, согласно которой степень социального неравенства является важным фактором секулярного

тренда. При уменьшении социальной дифференциации происходит выравнивание скорости физического развития и величины антропометрических показателей, а с ее увеличением эти процессы протекают в отдельных социальных стратах с различной интенсивностью. Вековые изменения начинаются в высших слоях, постепенно распространяются на низшие и становятся общими для всего социума[109]. Например, О. Ю. Милушкина, изучавшая особенности физического развития детей-сирот Москвы в 2000–2002 гг., установила: пребывание в детских домах и школах-интернатах в течение 5 лет и более в известной степени компенсирует дефицит в размерах тела. Однако здоровье детей-сирот по ряду показателей хуже, чем у их сверстников из обычных семей, у них выше заболеваемость, ниже средний рост, вследствие наличия хронических заболеваний, расстройства поведения, курения, употребления спиртных напитков, наркотических и токсических веществ. Полученные выводы, по мнению автора, можно распространить на 173 тыс. детей-сирот, воспитывающихся в 15 000 учреждений Российской Федерации[110].

Признание приоритета средовых факторов при объяснении вариации антропологических показателей вовсе не ведет к игнорированию генетического фактора. Напротив, многочисленные отечественные и зарубежные исследования показали: этно-расовые, т. е. генетические, различия в размерах тела играют существенную роль, и их необходимо учитывать. Недавние исследования по этой теме, проведенные Е. З. Годиной, В. В. Зубаревой, Н. Н. Миклашевской, еще раз подтвердили наличие статистически значимой зависимости между длиной тела, весом и другими антропологическими показателями, с одной стороны, и расой — с другой. Например, на территории России до сих пор величины роста и веса уменьшаются с Запада на Восток по мере увеличения в населении региона монголоидного элемента[111]. На IV конгрессе этнографов и антропологов России в 2001 г. лейтмотивом докладов на секциях «Раса и этнос» и «Физическая антропология» звучала идея, что раса является не только биологической, но и социальной категорией и для адекватного понимания вариации антропометрических показателей расовый фактор необходимо принимать во внимание[112].

П. И. Зенкевич и Н. Я. Алмазова впервые оценили динамику роста рабочих Центральной части России за 100 лет, 1857–1956 гг., опираясь на сведения, полученные в четырех обследованиях, проведенных антропологами Московского университета в 1927, 1957 и 1974–1975 гг. Информационные базы содержали соответственно около 5 тыс., 1 тыс., 10 тыс. измерений мужчин в возрасте от 18 до 70 лет. Используя метод передвижки когорт, авторы получили динамический ряд длины тела с 1857 по 1956 г. и установили два периода увеличения этого показателя — 1860–1915 и 1936–1956 гг. (с перерывом для когорт 1939–1942 гг. рождения). В 1916–1935 гг. наблюдалась стагнация[113].

Г. Чеснис изучал изменение длины тела литовцев за две тысячи лет[114]. Материалом послужили 172 скелета, относящихся к II–XII вв., и 538 — к XIV–XVII вв., а также измерения 2 262 человек в 1875–1967 гг. Автор пришел к следующим выводам. В I тысячелетии литовцы были высокорослыми — 172,40 см мужчины и 159,57 см женщины. К XIV–XVII вв. средний рост понизился соответственно до 166,80 и 156,61 см под влиянием социальных факторов, главным образом закрепощения крестьянства, проходившего в середине II тысячелетия и «повлекшего за собой непосильный труд, недоедание, плохие санитарные условия, тяжкие эпидемии, слабое здоровье». Автор предлагает физиологическое объяснение:

ухудшение условий жизни изменило состав крови — понизило в сыворотке крови содержание γ-глобулинов, которые играют решающую роль в вырабатывании иммунитета[115], что в условиях усиления эпидемий в Средние века и способствовало уменьшению размеров тела.

У женщин понижение роста в период крепостничества было меньшим, чем у мужчин (2,96 против 5,60 см), по мнению автора, благодаря большей устойчивости женского организма относительно отрицательных условий среды. Генетические факторы, по мнению автора, не имели существенного значения. Прилив низкорослых мигрантов на территорию Литвы не зафиксирован источниками, а само понижение длины тела произошло на всей территории в равной степени. Повышение степени изоляции и, как следствие, гомозиготности также не подтверждается имеющимися сведениями. Анализ данных за 1875–1967 гг. привел Чесниса к следующим выводам: в течение XVIII — первой половины XIX в. рост литовцев не претерпел серьезных изменений; со второй половины XIX в. наблюдалось его увеличение со скоростью 1,07 см в каждое десятилетие у мужчин и 1,05 см — у женщин. К 1966–1967 гг. мужчины достигли 173,5 см, женщины — 163,4 см (в годы измерения). Причины удлинения тела — главным образом социальные (повышение благосостояния) и отчасти генетические — возрастание гетерозиготности вследствие возросшей мобильности населения. В течение двух тысяч лет география роста отличалась устойчивостью — он уменьшается по направлению к востоку и югу, что объясняется, по мнению автора, различным уровнем культурно-экономического развития западной и восточной части Литвы.

Интересные и важные исследования по исторической антропометрии выполнил Б. А. Никитюк. Он проследил динамику длины и веса тела новорожденных г. Москвы в 1874–1969 гг. По его наблюдениям, изменение размеров тела новорожденных имело циклический характер: до 1910 г. они увеличивались, затем, до середины 1940-х гг., снижались, а со второй половины 1940-х гг. стали вновь существенно расти, достигнув в 1960-е гг. показателей начала XX в., хотя в отдельные годы 1900-х гг. размеры новорожденных были больше, чем в конце 1960-х гг.[116] Этот вывод был оспорен В. Г. Властовским. По мнению критика, цикличность в размерах младенцев, о которой пишет Никитюк, вызвана недостатком сведений за отдельные годы; длина и вес тела московских новорожденных должны были систематически возрастать благодаря вековому повышательному тренду в физическом развитии[117]. Никитюк также установил: средний возраст менархе у московских женщин за 90 лет, 1875–1965 гг., понизился почти на 3 года, а менопауза сдвинулась с 41 на 50,8 года, расширив продолжительность фертильного периода в жизни женщины почти на 10 лет; при этом между сроками наступления полового созревания и менопаузы, по его мнению, нет связи. Причиной увеличения репродуктивного периода явилось повышение благосостояния[118].

Серия работ А. Л. Пуруджана (некоторые написаны в соавторстве с В. Е. Дерябиным) посвящена географическому распределению антропологических типов на территории СССР за 110 лет, с 1870-х до 1970-х гг. На основе 21 антропологического признака мужского населения в 1972–1981 гг. автор сконструировал четыре антропологических типа, получивших наименование согласно их географической локализации: восточноевропейский, кавказский, восточный и центрально-азиатский. Каждый тип обладал определенным средним ростом — соответственно 173,6, 170,1, 169,0 и 163,7 см; различия составляли весьма внушительную вели-

чину — 9,9 см. Сравнивая географическое распределение длины тела в 1870-е, 1927 г. и 1970-е гг., Пурунджан обнаружил его устойчивость и преемственность: традиционные центры большого и малого роста сохранили свою локализацию, что говорит о синхронности в его изменении за 100 лет на всей территории страны. И сами антропологические типы, свойственные каждому региону, отличаются стабильностью своих физических характеристик. Устойчивость географической структуры антропологических признаков автор объясняет общностью происхождения от единого ядра и удивительной устойчивостью генотипа[119]. Эти выводы демонстрируют важность учета расово-этнического (генетического) фактора при анализе динамики и географии роста.

Несколько слов об антропометрических исследованиях автора этих строк. Историческая антропометрия заинтересовала меня в середине 1990-х гг. Первая моя статья на эту тему была опубликована в 1995 г., вторая — в 1999 г.[120] Промежуточные результаты публиковались в трех изданиях моей книги «Социальная история России периода империи» и в нескольких статьях[121]. Последние расчеты в основном их подтвердили, хотя и не во всем. Увеличение информационной базы и усовершенствованная за последние 12 лет методика анализа антропометрических данных потребовали внесения коррективов, которые сделаны в настоящей монографии. Кроме того, до самостоятельного изучения проблемы благосостояния я разделял господствующее в отечественной и зарубежной историографии мнение об уменьшении производства сельскохозяйственной продукции и понижавшемся вследствие этого уровне жизни российского населения в XIX — начале XX в. Новые сведения, обнаруженные мной, заставили меня отказаться от этой точки зрения[122].

Краткий обзор ауксологических исследований в России показывает: за полтораста лет достигнут прогресс как в отношении накопления эмпирического материала, так и в плане методологии и техники его анализа[123]. Мы представляем, как изменялся рост и другие антропометрические показатели за последние 130 лет, ибо глубина анализа, как правило, не уходит далее 1870-х гг., когда были опубликованы первые массовые сведения о длине тела российских новобранцев. Построено два динамических ряда — дефинитивного роста рабочих Центральной России за 1857–1956 гг. и размеров тела новорожденных г. Москвы за 1875–1969 гг. Оба ряда построены на ограниченном числе данных и уже только поэтому нуждаются в уточнении. Все это время антропометрическими исследованиями занимались исключительно антропологи, биологи и врачи, использующие специфический подход и ставящие перед собой цели, адекватные предмету и методу в соответствующей науке. Антропологов интересует, прежде всего, эволюция человеческого типа, биологов — физическое развитие человека, врачей — оценка здоровья. А проблема уровня жизни для всех них представляет второстепенный интерес — как один из многих факторов, оказывающих влияние на изменение антропометрических параметров. Главная причина, почему наши представления о динамике роста и веса хронологически, географически и социально ограничены, состоит в том, что отечественные историки, включая тех, кто занимается экономической и социальной историей, до сих пор оставались в стороне от антропометрии, не сознавая, какую богатую и надежную информацию содержат антропометрические данные о благосостоянии российского населения. Если использовать археологические источники, то историческая глубина антропометрических исследований может доходить до времени появления первого человека, если пользоваться письменными источ-

никами — то до начала XVIII в., когда произведены первые измерения российских новобранцев. Именно историческая антропометрия может ответить на принципиальные вопросы нашего исторического бытия: когда и кому на Руси жилось хорошо или плохо. В настоящем исследовании и делается попытка ответить на эти вопросы применительно к имперскому периоду нашей истории.

Примечания

1. *Cuff T.* Historical Anthropometrics: Theory, Methods, and State of the Field//The Biological Standard of Living on Three Continents: Further Explorations in Anthropometric History/J. Komlos (ed). Boulder et al.: Westview Press, 1995. P. 1–18; *Komlos J.* Nutrition and Economic Development in Eighteenth-Century Habsburg Monarchy: An Anthropometric History. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 23–50.
2. *Башкиров П. Н.* Учение о физическом развитии человека. М., 1962. С. 48–113; *Година Е. З.* Ауксология человека — наука XXI века: проблемы и перспективы//Антропология на пороге III тысячелетия. Материалы конференции. Москва, 29–31 мая 2002 г. /Алексеева Т. И. и др. (ред.). М., 2004. Т. 2. С. 529–566; *Ивановский А. А.* Об антропологическом составе населения России. М., 1904. С. 211–287 *Mironov B. N.* New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature//Slavic Review. Vol. 58. No. 1. Spring 1999. P. 1–26; *Wheatcroft St. G.* The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960//Slavic Review. Vol. 58. No. 1. Spring 1999. P. 27–61.
3. Подробнее см.: *Миронов Б. Н.* Экономическая биология человека//Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 141–150; *Cuff T.* The Hidden Cost of Economic Development. P. 24–30.
4. Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц/Сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой. М., 2001. С. 12–13.
5. *Cuff T.* The Hidden Cost of Economic Development; *Floud R.* The Heights of Europeans since 1750: A New Source for European Economic History//Stature, Living Standards, and Economic Development: Essays in Anthropometric History/J. Komlos (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 10–24; *Floud R, Kenneth W., Annabel G.* Height, Health, and History: Nutritional Status in the United Kingdom, 1750–1980. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1990; *Fogel R. W.* New Sources and New Techniques for the Study of Secular Trends in Nutritional Status, Health, Mortality, and the Process of Aging//Historical Methods. 1993. Vol. 26. P. 5–43; *Komlos J.* Anthropometric History: What is it?// Magazine of History. 1992. Spring. P. 3–5; *Steckel R.* Stature and the Standard of Living//Journal of Economic Literature. 1995. Vol. 33. P. 1903–1940.
6. *Виллямовский Н. Н.* Материалы для определения санитарного состояния С.-Петербургских гимназий//Журнал Министерства народного просвещения. 1866. Ноябрь. С. 285–309.
7. Вот некоторые важнейшие работы по детской антропометрии: *Аврамов П. Г.* К вопросу о физическом развитии детей и юношей: Результаты исследования учеников Нижегородского «Владимирского» училища//Врачебная газета. 1914. № 50; *Беляев А. В.* Материал для исследования влияния учебных заведений на физическое развитие учащихся. СПб., 1887; *Берлинерблау М. И.* Физическое развитие детей в сиротском приюте Московского губернского земства за 1901–1905 гг. М., 1908; *Бондырев А. П.* Материалы к измерению роста и отдельных частей тела у детей. СПб., 1902; *Васильев В. И.* К вопросу о влиянии сельской школы на физическое развитие учащихся//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1900. Март; Ноябрь; *Виноградова-Лукирская М. И.* К вопросу об исследовании роста и веса учениц средних учебных заведений//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1894. Кн. 2; *Дик А. Я.* Материалы к исследованию роста, веса, окружности груди и жизненной емкости легких детского и юношеского возрастов, основанные на наблюдениях, сделанных в С.-Петербурге. СПб., 1883; *Матвеева.* Физическое развитие детей петербургских городских школ//Врач. 1895. № 33, 34; *Михайлов Н. Ф.* Материалы к определению физического развития в сельских школах Рузского у., Московской губ. М., 1887; *Нагорский В. Ф.* О влиянии школы на физическое развитие детей. СПб., 1881; *Ростовцев Г. И.* О телесном состоянии учащихся в земских школах Дмитровского уезда и опыт выяснения зависимости его от школьного режима, экономических и климатических условий//Дневник VII съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. Казань, 1899; *Старков И. П.* Физическое развитие воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1897; *Ястремский В. Д.* Физическое развитие и состояние здоровья учеников курских городских народных училищ//Свод сведений о ходе и распространении заразных болезней в Курской губернии. 1900. № 6. Материалы частично обобщены: *Вяземский Н. В.* Изменения организма в период формирования (возрасты 10–20 лет). СПб., 1901. Т. 1. Ч. 1, 2, 3; *Груздев М. Е.* О нормальном весе, росте и окружности груди детей школьного возраста.

СПб., 1910. Обзор литературы по детской антропометрии: *Башкиров П. Н.* Учение о физическом развитии человека. С. 53–79; *Трахтенберг А. Г.* Материалы к вопросу о санитарном состоянии школ России. СПб., 1903. Библиографию работ по детской антропометрии см.: *Жбанков Д. Н.* (1) Библиографический указатель по земско-медицинской литературе. М., 1890; (2) Библиографический указатель по общественной медицинской литературе за 1890–1905 гг. М., 1907. С. 75–90; *Исаев П. О.* Библиография отечественной литературы по вопросам физического развития и физического воспитания детского и взрослого населения. Алма-Ата, 1957; Литературный указатель работ по вопросу о физическом развитии детей школьного возраста//Материалы по антропологии Украины. Сб. 1. Дети-украинцы школьного возраста. Харьков, 1926. С. 219–231 (русская литература, с. 219–222; иностранная литература, с. 222–231).

8. *Бауер А. К.* К вопросу о физическом развитии подрастающего женского организма: Рост и вес. СПб., 1900; *Воробьев В. В.* Реферат работы В. И. Васильева «К вопросу о влиянии сельской школы на физическое развитие учащихся»//Русский антропологический журнал. 1900. № 4; *Васильевский Н. П.* К вопросу о влиянии народной школы на здоровье и физическое развитие учащихся детей, по наблюдениям, произведенным в 1893–94-м учебном году над учениками земских школ Ковровского уезда//Врач. 1895. Т. 16. № 2, 3; *Грацианов Н. А.* Материалы для изучения физического развития детского и юношеского возраста в зависимости от наследственности и успешности в школьных занятиях. СПб., 1889; *Зейлигер М. Л.* Материалы для исследования физического развития учащихся в начальных школах г. Петрозаводска. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1900; *Лесгафт П. Ф.* (1) Материалы для изучения школьного возраста//Здоровье. 1879–1880. Т. 1. № 127, 128, 129, 130, 131; (3) Физическое развитие в школах// Отечественные записки. 1880. Т. 252. Отд. 2; (4) Отношение анатомии к физическому воспитанию и главные задачи физического образования в школе. М., 1888; *Ростовцев Г. И.* (1) О телесном состоянии учащихся в земских школах Дмитровского уезда и опыт выяснения зависимости его от школьного режима, экономических и климатических условий//Дневник VII съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. Казань, 1899; (2) О телесном состоянии учащихся в земских школах Дмитровского уезда и опыт выяснения зависимости его от школьного режима, экономических и климатических условий. Казань, 1899. С. 1–24; *Смородинцев А. И.* К вопросу о физическом развитии школьных детей//Зап. Уральского мед. об-ва в г. Екатеринбурге. 1894; *Тезяков Н. И.* Физическое развитие учеников земских школ Елисаветградского уезда//Врач. 1895. Т. 16. № 10. С. 284–285; *Шверин Т. В.* К вопросу о влиянии школы на физическое развитие и болезненность учащихся. Херсон, 1898.
9. *Важнов В. К.* К вопросу о влиянии народной школы на физическое развитие учащихся//Врач. 1899. Т. 20. № 4. С. 96–99; № 5. С. 131–134.
10. *Дементьев Е. М.* Развитие мышечной силы человека в связи с общим его физическим развитием. М., 1889. С. 149–150.
11. *Песков П. А.* К вопросу о влиянии фабричного труда на здоровье рабочих//Труды VI губ. съезда врачей Московского земства. М., 1882; *Эрисман Ф. Ф.* Физическое развитие фабричных рабочих Центральной России//*Куркин П. И.* Физическое развитие рабочих. М., 1925.
12. *Прозоров Г. Г.* О влиянии поста на вес и рост детей//Протоколы заседаний об-ва русских врачей в С.-Петербурге за 1874–1875 гг. СПб., 1875. С. 219–226; *Шапиро Е. О.* (1) О влиянии Великого поста на вес учеников земской школы с. Колена//Врачебно-санитарная хроника Воронежской губ. 1898. Сентябрь; (2) Влияние Рождественского поста на питание учеников земской школы с. Колена Новохоперского уезда//Врачебно-санитарная хроника Воронежской губ. 1899. Январь. О влиянии поста на взрослых (уменьшение веса, обхвата груди и живота, силы вдоха и выдоха) см.: *Медведев И. И.* К учению о посте//Врач. 1881. № 24.
13. *Боровка В. А.* Санитарное обследование городских училищ и учащихся: (Наблюдения и исследования, произведенные в С.-Петербургских городских училищах). Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1913; *Жбанков Д. Н.* О влиянии народной школы на физическое развитие учащихся//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1889. Кн. 3; *Смородинцев А. И., Русских Н. А.* Физическая организация школьных детей Пермской губернии// Зап. Уральского Общества любителей естествознания. 1897. Т. XIX. Вып. 1.
14. *Зак Н. В.* Физическое развитие детей в среднеучебных заведениях г. Москвы: Материалы для оценки санитарного состояния учащихся. I. Рост и окружность груди. М., 1892. С. 42, 53, 57, 60, 61, 69, 86, 93–98, 100, 103.
15. *Рума Р. Н.* Антропометрические исследования: Материалы для определения физического развития учащихся. Пермь, 1881. С. 36–37, 45, 51, 54–55.
16. *Фесенко Г. И.* Вес и температура новорожденных в первые дни жизни//Журнал для нормальной и патологической гистологической и клинической медицины. 1873. Т. VII.

17. *Бабанасянц.* К вопросу о весе и длине доношенных новорожденных//Медицинское обозрение Спримона. 1886. Т. 26. № 15. С. 216, 232; *Гундобин Н. П.* Особенности детского возраста: Основные факты к изучению детских болезней. СПб., 1906; *Руссов А. А.* Сравнительные наблюдения над влиянием кормления грудью и искусственного кормления на вес и рост детей. СПб., 1879; *Садовский А. Я.* К вопросу о падении и нарастании веса новорожденных и месячных детей. Н.-Новгород, 1904; *Сниткин М. Н.* (1) Влияние телосложения новорожденных детей на смертность их в первые недели жизни//Медицинский вестник. 1874; (2) Материалы для изучения роста детей первого года жизни. СПб., 1878; (3) Наблюдения над колебаниями веса новорожденных детей в продолжение 1-го месяца их жизни//Медицинский отчет С.-Петербургского воспитательного дома. 1873; (4) Уход за здоровыми детьми. СПб., 1876; *Фробелиус.* Об определении степени жизнеспособности новорожденных детей//Медицинский отчет С.-Петербургского воспитательного дома. СПб., 1873; *Штоль К.* Об изменении веса новорожденных. СПб., 1876.
18. *Бондырев А. П.* Материалы к измерению роста и отдельных частей тела у детей. СПб., 1902.
19. *Сперанский Г. Н.* К материалам о новорожденных//Журнал по изучению раннего детского возраста. 1923. Т. 1. № 2. С. 3–5; *Трейтер В. А.* О дефекте веса новорожденных в связи с последствиями пережитой войны//Врачебное дело. 1926. № 5; *Шкарин А. Н.* Вес новорожденных в 1919 г. по сравнению с весом новорожденных в 1913 г. //Врачебная газета. 1922. № 3, 4.
20. *Башкиров П. Н.* Учение о физическом развитии человека. С. 61–66.
21. См. обзор литературы за 1917–1960 гг. в кн.: *Башкиров П. Н.* Учение о физическом развитии человека. С. 93–96.
22. *Радаков А.* Несколько антропометрических данных для определения здоровья фабричного населения Московской губернии//Московская мед. газета. 1876. № 17.
23. *Erismann F. G.* Untersuchungen über die körperliche Entwichelung der Arbeiterbevölkerung in Zentalrussland//Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. 1888. Bd. 1. S. 98–135, 429–484.
24. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. 4. Ч. 1, 2. Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879–1885 гг. /Ф. Ф. Эрисман (ред.). М., 1890, 1893; *Эрисман Ф. Ф.* Физическое развитие фабричных рабочих Центральной России//*Куркин П. И.* Физическое развитие рабочего. М., 1925 (перевод работы Ф. Ф. Эрисмана, опубликованной на немецком языке в «Архиве социального законодательства и статистики»).
25. *Эрисман Ф. Ф.* Физическое развитие фабричных рабочих Центральной России. С. 27, 31, 33, 41, 74, 82.
26. *Песков В. И.* К вопросу о влиянии фабричного труда на здоровье рабочих//Труды VI съезда земских врачей Московской губернии. М., 1882. С. 198–213, (2) К вопросу о понижающем влиянии фабричного труда на телосложение рабочих//Врач. 1883. № 29 (обе статьи в сокращенном виде напечатаны в: *Куркин П. И.* Физическое развитие рабочего. С. 135–143, 143–151); *Погожев А. В.* Кирпично-гончарное производство в Московском уезде. М., 1881; *Дементьев Е. М.* (1) К вопросу о физическом развитии человека и фабричных рабочих в частности//Труды II-го съезда русских врачей в Москве. М., 1887; (2) Развитие мышечной силы человека в связи с общим его развитием. М., 1889; (3) Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. 2-е изд. М., 1897.
27. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. 3. Вып. 1–15. М., 1881–1888.
28. *Жбанков Д. Н.* (1) Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии. Вып. 1, 2. Смоленск, 1894, 1896; (2) Некоторые выводы о санитарном состоянии фабрик и заводов Смоленской губернии и данные измерения рабочих//Врач. 1896. № 11–16.
29. *Рума Р. Н.* К гигиене рудокопов. Пермь, 1882.
30. В библиографических указателях за 1864–1906 гг. представлено свыше 300 работ, посвященных санитарному обследованию фабрик и заводов: *Жбанков Д. Н.* (1) Библиографический указатель по земско-медицинской литературе. (2) Библиографический указатель по общественной медицинской литературе за 1890–1905 гг. С. 220–224.
31. *Валицкая М. К.* Исследование здоровья рабочих на табачных фабриках//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1889. Кн. 3. Сентябрь.
32. *Спасский И. А.* Опыт изучения влияния некоторых работ ижевских оружейников на их здоровье и физическое развитие. СПб., 1888.
33. *Моркотун К. С.* Опыт изучения санитарных условий работы машинистов и кочегаров на судах флота. СПб., 1892.
34. *Сулима К. П.* Свеклосахарное производство в санитарном отношении. СПб., 1892.
35. *Никитин А. Ф.* Очерк санитарно-экономического положения грузчиков на Волге. СПб., 1904.
36. *Грязнов П.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. СПб., 1880. С. 158–167; Приложение. С. 30–34.

37. *Рубинский М.* О влиянии шапочного промысла на физическое развитие//Врач. 1887. № 12.
38. *Милотворский И.* К вопросу о физическом сложении крестьян Семеновского уезда и о влиянии на него некоторых кустарных промыслов//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1888. Т. 1, 2.
39. *Левицкий В.А., Михайлов С.М.* Санитарное исследование шляпного промысла в Кленовской волости Подольского уезда, 1902–1911 гг. //*Куркин П.И.* Физическое развитие рабочего. С. 198–214.
40. *Ростовцев Г.И.* К характеристике физического развития населения Дмитриевского уезда. М., 1903; *Скаткин Н.И.* К характеристике физического развития населения Рузского уезда Московской губернии: По данным Рузского уездного воинского присутствия (за 1874–1906 гг.). М., 1910; *Скибневский А.И.* Физическое состояние призывных и доживаемость до 21 года в Богородском уезде (Московской губернии)//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1903. № 4. С. 503–524; № 5. С. 631–649; *Соколов Н.Д.* К характеристике физического состояния и грамотности населения Клинского уезда. М., 1903.
41. *Смидович.* О влиянии города на здоровье его жителей//Здоровье. 1879. № 121. У горожан рост больше, а обхват груди, вследствие плохого городского воздуха, — меньше.
42. *Благовидов И.А.* Материалы к исследованию здоровья инородцев Симбирской губернии, Буинского уезда (чуваш, мордвы, татар). СПб., 1886; *Малиев Н.М.* (1) Антропологический очерк вотяков//Материалы для сравнительной антропологии. Казань, 1874; (2) Антропологический очерк пермяков. Казань, 1887; *Ефимов А.И.* Санитарное положение татар Курмышского уезда// Вестник общественной гигиены. 1905. № 8; *Мацокин Г.П.* Опыт антропометрических исследований населения Забайкальской области//Русская медицина. 1893. № 38; *Никольский Д.П.* Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899; *Порот М.Т.* К антропологии бурят: буряты-аларцы. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1895; *Пантюхов И.И.* (1) О росте некоторых племен Закавказского края//Кавказский медицинский сборник. 1889. № 50; (2) О физической организации некоторых закавказских племен//Санитарное дело. 1891. № 2, 6, 10; *Сухарев А.А.* Казанские татары: Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904; *Тварьянович И.К.* Материалы к антропологии армян. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1897; *Шендровский И.И.* Материалы к антропологии бурят-селенгинцев. СПб., 1894; *Эйхгольц Е.Р.* Материалы к антропологии белорусов Рославльского уезда. СПб., 1896; *Якобий А.И.* Инородцы русского Севера//Журнал охраны народного здравия. 1896. № 3, 4; *Яковенко М.Г.* Материалы к антропологии еврейского населения Рогачевского уезда Могилевской губернии. СПб., 1898.
43. *Малиев Н.М.* Антропологический очерк башкир. Казань, 1876.
44. *Шмаков И.Н.* (кольский уездный врач) Материалы для антропологии русских лопарей (с таблицей измерений)//Ежегодник русского антропологического общества при имп. С.-Петербургском университете. Т. 3. 1908 г. СПб., 1909 С. 1–64.
45. *Воробьев В.В.* Великорусы//Русский антропологический журнал. 1900. № 1.
46. *Талько-Гринцевич Ю.Д.* Польская антропологическая литература//Русский антропологический журнал. 1900. № 4; 1901, № 1.
47. *Ивановский А.А.* Об антропологическом составе населения России. С. 12–30, 211–287; *Могильнер М.Б.* Homo Imperii: История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М., 2008.
48. *Трубников В.В.* Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии// Сборник статистических сведений о России, изд. РГО. 1858. Кн. 3. С. 419–421; *Киркор А.* Этнографический взгляд на Виленскую губернию//Этнографический сборник, изд. РГО. 1858. Вып. 3. С. 123.
49. *Бобровский П.* Гродненская губерния. СПб., 1863. Ч. 2. С. 573; *Домонтович М.* Черниговская губерния. СПб., 1865. С. 139–141; *Гумилев.* (1) О физическом исследовании рекрутов в 1869 г. в Кронштадте//Медицинское прибавление к Морскому сборнику. СПб., 1871; (2) Результаты физического исследования рекрутов набора 1870 г. //Медицинское прибавление к Морскому сборнику. СПб., 1871; *Кербер Б.* О физическом исследовании молодых матросов, произведенном в Кронштадтском морском госпитале в 1867 и 1868 годах. СПб., 1870; *Ковалев-Рунский.* Отчет о выборе рекрут в гвардейский экипаж в 1869 году//Медицинское прибавление к Морскому сборнику. 1871; *Липинский.* Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч. 1. С. 316–318; *Новик.* Результаты, полученные при исследовании 835 рекрутов в 1869 г. //Медицинское прибавление к Морскому сборнику. СПб., 1871; *Столяров В.* Об измерении и взвешивании тела при приеме рекрут для определения их годности к военной службе//Современная медицина. 1870. № 25, 26, 27; Первое научное обследование новобранцев выполнено в 1863 г.: *Грудзинский.* К вопросу об определении способностей здорового человека к военной службе//Современная медицина. 1864. № 42, 48.

50. Вот наиболее важные работы: *Алфеев И. Я.* Об изменении веса у молодых солдат в первые месяцы их службы//Военно-медицинский журнал. 1903. № 12; *Андреев Д. Т.* Материалы по воинскому присутствию Краснинского уезда 1874–1895 гг. //Вестник общественной гигиены. 1899. № 4, 5, 10; *Баулин В.* Материалы к измерениям у здоровых солдат роста, веса, объема груди, жизненной емкости легких, силы ручных кистей вместе и силы подъема. СПб., 1889; *Боголюбов Н. Ф.* К вопросу о влиянии профессиональных занятий, при условиях городской жизни, на физическое развитие организма, величину роста и заболеваемость новобранцев из жителей города//Медиц. прибавление к Морскому вестнику. 1893. № 8; *Вишневский Б. Н.* К антропологии великорусского населения Пермской губернии//Русский антропологический журнал. 1916. № 1–2; *Герценштейн Г. М.* Физические качества русских новобранцев//Вестник военного дела. 1888. № 40, 41: Доклад, читанный в Военно-санитарном обществе в С.-Петербурге, 26 февраля 1888 г. СПб., 1888; *Жбанков Д. Н.* Физическое развитие призываемых к отбыванию воинской повинности// Медицинская беседа. 1904. № 7–8; *Лебедев В. П.* Наблюдения над колебанием роста, веса, окружности грудной клетки, ширины дыхательного размаха, жизненной емкости легких и силы мышц ручных кистей у солдат на первом году при последовательном измерении через 4 месяца. СПб., 1894; *Куприянов.* О росте нижних чинов во время прохождения службы. СПб., 1891; *Масленников И. И.* К вопросу о физическом развитии населения Бельского уезда//Вестник общественной гигиены. 1903. № 6; *Прохоров К. Г.* К антропологии великорусов Елатомского уезда, Тамбовской губернии//Русский антропологический журнал. 1903. № 2; *Пясковский Н.* Материалы к вопросу об отношении антропометрии к санитарным исследованиям в войсках//Военно-медицинский журнал. 1886. Май; *Случевский А.* Наш солдатский рацион//Военно-медицинский журнал. 1897. № 3; *Снигирев В. С.* Материалы для медицинской статистики и географии России: О результатах освидетельствования и измерения груди и роста лиц, призванных к военной службе в 1875 году// Военно-медицинский журнал. 1878, 1879, 1883, 1884. Ч. 132–135, 146–150; *Цитрин М.* Медико-статистический отчет по призыву 1888 г. в Буинском уезде//Земский врач. 1890. № 40; *Шапиров Б. М.* Прием новобранцев//Вестник общественной гигиены. 1903. № 3; *Штегман А. К.* (1) Отчет о результатах медицинского освидетельствования, измерения роста и груди у лиц, призванных к военной службе в 1882 г. в Елецком у., Орловской губ.//Военно-медицинский журнал. 1883. Ч. 147. Кн. 6. С. 113–120; (2) К материалам по вопросу о взаимных отношениях роста, окружности груди и веса человеческого тела//Военно-медицинский журнал. 1889. Ч. 165. Кн. 7. С. 393–408; Кн. 8. С. 523–542; *Укке Ю.* Рекрутские наборы в Самарской губернии в 1875–77 гг. //Врачебные ведомости. 1881. № 38–40. Обзор работ по вопросу воинской антропометрии см.: *Алфеев И. Я.* О соотношении веса, роста и окружности груди у человека//Военно-медицинский журнал. 1912. Март. Т. 233. Кн. 3. С. 503–540; *Башкиров П. Н.* Учение о физическом развитии человека. С. 30–51; *Горский П. А.* К характеристике физического развития населения Бобруйского уезда Минской губернии: По данным призывных списков воинского присутствия за 1874–1899 гг. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1910. Библиографию работ по вопросу воинской антропометрии см.: *Горский П. А.* К характеристике физического развития населения. С. 138–145; *Жбанков Д. Н.* (1) Библиографический указатель по земско-медицинской литературе; (2) Библиографический указатель по общественной медицинской литературе. С. 75–90; *Исаев П. О.* Библиография отечественной литературы по вопросам физического развития и физического воспитания детского и взрослого населения. О военной антропологии см.: *Могильнер М. Б.* Homo Imperii: История физической антропологии в России. С. 397–451.
51. *Белоглазов М. М.* Вырождение населения Тамбовской губернии//Вестник общественной гигиены. 1905. Октябрь. С. 1511–1526; *Дедюлин С. А.* К вопросу о причинах физического вырождения русского народа (составлено по отчетам Государственного Контроля в диаграммах и таблицах): Доклад высоч. утвержденному Обществу для содействия русской промышленности и торговле 25 марта 1899 г. СПб., 1900. С. 1–48; К вопросу о борьбе с чрезвычайной смертностью в России и вырождением народа: Доклад правления общему собранию гг. членов Благотворительного христолюбивого общества самопомощи в болезнях в С.-Петербурге 17 ноября 1902 г. о деятельности правления. СПб., 1905. С. 1–56; *Красноперов И.* Экономический быт крестьян Рославльского уезда Смоленской губернии//Русская мысль. 1880. № 8. С. 69–99; *Обухов В. М.* Экономические причины смертности и вырождения крестьянского населения Воронежской губернии// Журнал Русского общества охранения народного здравия. 1895. № 11. С. 880–903; *Покровский М. М.* Здоровье русского народа в связи с условиями его быта//Русская мысль. 1882. № 2. С. 105–149; № 3. С. 26–59.
52. *Heggie V.* Lies, Damn Lies, and Manchester's Recruiting Statistics: Degeneration as an "Urban Legend" in Victorian and Edwardian Britain//Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 2008. Vol. 63. Issue 2. P. 178–216.

53. *Оранский Н. И.* К вопросу о значении веса тела как дополнительного критерия к цифрам груди и роста у новобранцев (по данным медицинских листов) по материалам Главного военно-санитарного управления. СПб., 1911. С. 31, 41.
54. *Перфильев М. О.* Для чего пишутся докторские диссертации? «Материалы по вопросу об отношении антропометрии к санитарным исследованиям в войсках (санитарно-антропометрический этюд)». Диссертация на степень д-ра медицины Н. Пясковского. СПб., 1886. Рецензия. СПб., 1887. С. 6, 13.
55. *Ивановский А. А., Рождественский А. Г.* Насколько верны выводы проф. Н. Ю. Зографа в его «Антропометрические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний», и имеют ли эти «Исследования» какое-либо научное значение? М., 1893.
56. *Зограф Н. Ю.* Антропометрические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. М., 1892.
57. *Левицкий В. А.* К вопросу о физическом состоянии Подольского уезда: по данным Подольского уездного воинского присутствия. М., 1901. С. 87, 114.
58. *Ростовцев Г. И.* К характеристике физического развития населения Дмитровского уезда: по данным призывных списков за 1875–1899 гг. и движения населения за 1854–1900 гг. М., 1903. С. 56–57.
59. *Анучин Д. Н.* О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874–1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. СПб., 1899. С. 162.
60. *Tarnovsky P.* Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses. Paris, 1889.
61. *Деникер И. Е.* Человеческие расы. СПб., 1902. С. 685–692; *Ивановский А. А.* Об антропологическом составе населения России.
62. *Ивановский А. А.* Об антропологическом составе населения России. С. 10.
63. *Штефко В. Г.* Отношение высоты головы к длине тела в различных возрастах//Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 1–2; (2) Материалы по физическому развитию детей и подростков. М., 1925; *Шрейбер С. Е.* Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов. М., 1931.
64. *Башкиров П. Н.* Учение о физическом развитии человека. С. 79–89. 93–96; *Мерков А. М.* История санитарной и медицинской статистики в СССР//Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.)/Т. В. Рябушкин (ред.). М., 1970. С. 232–233; *Поляков Л. Е., Лашков В. К.* К истории становления советской санитарной статистики (1917–1920)//Советское здравоохранение. 1958. № 7. С. 49–53.
65. *Недригайлова О. В.* (1) Национальные и социальные различия в мышечной силе и в процентных отношениях право-, лево-и обоеруких//Материалы по антропологии Украины. Сб. 2. Национальные и социальные различия в физических признаках населения Украины. Харьков, 1926 (Труды Украинского Психоневрологического института. Вып. 2). С. 66–74; (2) Физические признаки работниц г. Харькова//Материалы по антропологии Украины. Сб. 2. Харьков, 1926. С. 142–166; *Чистяков Г. А.* Национальные и социальные различия в физическом развитии призывных Харьковского и Сумского округов//Материалы по антропологии Украины. Сб. 2. Харьков, 1926. С. 77–104; *Герштейн Ф. Е.* Возраст появления менструаций и начала половой жизни у работниц г. Харькова в связи с влиянием периода недоедания//Материалы по антропологии Украины. Сб. 2. Харьков, 1926. С. 170–180. См. также: *Николаев Л. П.* Влияние социальных факторов на физическое развитие детей. Харьков, 1925; *Штефко В. Г.* Влияние голодания на подрастающее поколение России. Симферополь, 1923.
66. *Бунак В. В.* К вопросу об изменении физических признаков европейского населения в последние десятилетия (перед войной)//Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 1–2. С. 120–124; *Вайсенберг С. А.* Влияние недоедания и болезней на физическое развитие детей//Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 3–4. С. 103–107; *Вишневский Б., Гагаева М.* Рост призывного населения Буинского уезда и его способность к несению военной службы//Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 3–4. С. 115–132; *Габинский А. М.* К сравнительной характеристике физического развития населения Одесского округа//Русский антропометрический журнал. 1929. Т. 18. Вып. 1–2. С. 43–56; *Нанасян С. П.* К вопросу о физическом развитии армян//Антропологический журнал. 1934. № 1, 2; *Сергеев В. И.* Динамика физического развития бурят//Антропологический журнал. 1932. № 2. С. 105–122; *Ярхо А. И.* О взаимоотношениях роста, веса и окружности грудной клетки и их значении для оценки физического развития человека// Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 3–4. С. 83–98.
67. *Аншелиевич Р. А., Штейн И. М.* Физическое развитие и заболеваемость молодежи Сибкрая, Далькрая и Бурято-Монголии по данным призыва родившихся в 1904 г. //Сибирский медицинский журнал. Новосибирск. 1927. № 8–9; *Баев А., Жук Н.* Физическое развитие и болезненность при-

зывных бывшего Буинского кантона ТатССР (годы рождения 1903, 1904, 1905, 1906)//Вопросы оздоровления Татарии. Казань, 1932. Вып. 2; *Глотов С. В.* Физическое развитие и болезненность населения призывного возраста Сергачевского уезда по данным призыва рождения 1903, 1904, 1905 гг. //Нижегородский сборник здравоохранения. 1928. № 6. С. 46–58; *Ершов Г. Ф.* Физическое развитие призывников Пермского округа//Уч. Зап. Пермского ун-та. Отд. медицины. 1931. Вып. 2, 3; *Золотухин А. С., Соколов П. Н.* Научно-врачебный контроль над физическим развитием человека: Применительно к требованиям физической культуры, исследованиям физического развития массового характера, военнослужащих, школьных и профессиональных групп. Л., 1925; *Колесников В. В.* Материалы к характеристике физического развития населения Юго-Востока РСФСР//Кубанский научно-медицинский вестник. Краснодар, 1926. Т. 5. С. 17–25; *Ломовицкий П. А.* К вопросу о нормах веса взрослых мужчин//Иркутский мед. журнал. 1923. № 3. С. 45–52; *Магазаник М. Л.* Физическое развитие и состояние здоровья призывников Ачинского округа по материалам призыва 1906 г. //Сибирский мед журнал. Новосибирск, 1930; *Меникхес М. А., Лютович Л. А.* Физическое развитие призывных контингентов г. Ростова н/Д за 5 лет (с 1931 по 1935 г.)//Труды Ростовского н/Д гос. мед. ин-та. Ростов н/Д, 1937. С. 176–189; *Молодцев Н.* Призывы мирного времени//Военно-санитарный сборник. 1925. Вып. 11; *Попов Е. П.* Физическое состояние и заболеваемость лиц призывного возраста Криворожья//Профилактическая медицина. Харьков, 1927. № 4; *Романов К. И.* Физическое развитие и состояние здоровья призывников по материалам врачебных призывных комиссий Иркутского райвоенкомата за 1932–1936 гг. //Медицинский бюллетень. Иркутск, 1939. № 1. С. 106–127.

68. *Бунак В. В.* (1) Рост и обхват груди взрослого мужского населения СССР//Швейная промышленность. 1932. № 5–6. С. 8–13; (2) Антропометрические материалы для установления размеров одежды. М.; Л., 1932. Вып. 1, 2; Антропометрия. М., 1941; *Гамбурцев В. А., Кузнецов О. Л.* Физическое развитие и особенности сложения работников автотранспорта//Гигиена и патология труда авторабочих/О. Л. Кузнецов (ред.). М.; Л., 1930; *Жуков Б. С.* Очерк трехлетних работ антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического научно-исследовательского института (1925–1927 гг.)//Известия ассоц. научн.-исслед. институтов при физ.-мат. факультете МГУ. 1928. Т. 1. Вып. 1, 2; Методика антропометрических исследований/В. В. Бунак (ред.). 2-е изд. М., 1927; Русский антропологический журнал. 1925. Т. 14. Вып. 1–2; 1926. Т. 14. Вып. 3–4; 1927. Т. 15. Вып. 1–4; 1928. Т. 16. Вып. 3–4; Антропологический журнал. 1932. № 1.
69. *Пахомычев А. И.* Состояние здоровья рабочих московских химических заводов//Гигиена труда. 1925. № 4.
70. *Архангельский С. В.* Физическое развитие рабочих льняной мануфактуры «Заря социализма»// Гигиена труда. 1926. № 12.
71. *Лященко И. И.* К вопросу о состоянии здоровья и заболеваемости горнорабочих каменноугольной промышленности//Профилактическая медицина. Харьков, 1926. Т. 1.
72. *Матусевич Я. З.* Жизненная емкость легких у пневматиков//Труды Ленингр. Института по изучению профессиональных заболеваний. 1926. Т. 1. С. 127–165; *Фридлянд И. Г.* Опыт антропометрического изучения группы котельщиков-пневматиков//Там же. С. 88–126.
73. *Патыша И. Л.* Исследование физического развития группы ответственных работников//Физкультура в научно-практическом освещении. Л., 1926. Сб. 3. С. 183–219.
74. *Чистяков Г. А.* Национальные и социальные различия в физическом развитии призывных Харьковского и Сумского округов//Материалы по антропологии Украины. Сб. 2. Национальные и социальные различия в физических признаках населения Украины. Харьков, 1926. С. 77–104.
75. *Богословский С. М.* (1) Физическое развитие и здоровье промышленных рабочих и служащих г. Москвы (по данным диспансерного обследования 1924–25 г.). М., 1927; (2) Состояние здоровья промышленных рабочих и служащих. М., 1928.
76. *Приходько П. Т.* Физическое развитие и здоровье горнорабочих Анжерских каменноугольных копей. Томск, 1928.
77. *Заманский В. А.* (1) Физическое развитие рабочих мартеновского цеха завода «Красная кровля»// Труд и здоровье мартеновских рабочих Верхне-Исетского завода «Красная кровля». Свердловск, 1928. Вып. 2; (2) Показатели физического развития рабочих хромпикового завода//Материалы Свердловского кабинета изучения профессиональных заболеваний и окружного отделения труда. Свердловск, 1930. Вып. 3; (3) Физическое развитие рабочих прокатных цехов завода «Красная кровля»//Труд и здоровье мартеновских рабочих Верхне-Исетского завода «Красная кровля». Свердловск, 1930. Вып. 2.
78. Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929. С. 902–911.
79. *Шевелев А.* Сдвиги в здоровье трудящихся СССР//Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР: Статистический сборник/И. А. Краваль (ред.). М., 1936. С. 7–23; *Чистяков Г. А.* Нацио-

нальные и социальные различия в физическом развитии призывных Харьковского и Сумского округов. С. 77–104.

80. *Шевелев А.* Сдвиги в здоровье трудящихся СССР. С. 12–18.
81. *Куркин П. И.* Московская рабочая молодежь: Физическое развитие, здоровье и условия труда и быта по данным обследования 1923 г. М., 1924. С. 17–18.
82. *Богословский С. М.* Физическое развитие и здоровье промышленных рабочих и служащих г. Москвы. С. 36–37 (измерено 100 тыс. рабочих и служащих Москвы).
83. *Гетерозиготность* — неоднородность наследственной основы (генотипа) организма, происходящего от родителей, в той или иной степени различных по какому-нибудь наследственному признаку, в нашем случае — росту. Эта концепция была яснее сформулирована позже следующим образом: «Увеличение роста могло происходить в пределах фенотипически однородной группы, когда установился контакт между различными ее обособленными частями, если эти частичные популяции при одинаковой средней длине тела различались по концентрации генов, влияющих на размеры тела, и если некоторые гены были доминантными или оказывали взаимно усиливающее действие на проявление признака» (*Бунак В. В.* Об увеличении роста и ускорении полового созревания современной молодежи в свете советских соматологических исследований)//Вопросы антропологии. 1968. Вып. 28. С. 54).
84. *Бунак В. В.* (1) Географическое распределение роста призывного населения СССР по данным 1927 г. //Антропологический журнал. 1932. № 2. С. 1–25; (2) Об изменении роста мужского населения за 50 лет//Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 24–53.
85. *Бунак В. В.* (1) О некоторых случаях изменения средней величины признаков в смешивающихся популяциях//Труды Медицинского генетического института. 1936. Т. 4; (2) Опыт типологии и стандартизации тела и стандартизация главных антропометрических размеров//Уч. Зап. МГУ. 1937. Вып. 10. Антропология; (3) Теоретические вопросы учения о физическом развитии и его типах у человека//Уч. Зап. МГУ. 1940. Вып. 34. Антропология; (4) Рост тотальных размеров тела человека//Краткие сообщения о научной работе Института и музея антропологии МГУ за 1938–1939 гг. М., 1941.
86. См.: *Исаев П. О.* Библиография отечественной литературы по вопросам физического развития и физического воспитания детского и взрослого населения.
87. *Мерков А. М., Овчаров В. К., Гранова Л. С.* Санитарная статистика: Библиография советской литературы (1918–1960). М., 1963.
88. Материалы по физическому развитию детей и подростков некоторых городов и сельских местностей СССР/А. Я. Гольфельд и др. (ред.); сост. Д. И. Арон и А. Б. Ставицкая. М., 1962. Вып. 1; 1965. Вып. 2; Вып. 3. М., 1977. См. также: *Корсунская М. И.* (1) Физическое развитие детей дошкольного возраста. Автореф. дис. ... докт. биол. наук. М., 1946; (2) Динамика физического развития детей дошкольного возраста в СССР: Доклад на VII Междунар. конгрессе антропол. и этнограф. наук в Москве, август 1964 г. М., 1964.
89. Итоги проделанной работы до некоторой степени подведены: Современная антропология. Сб. ст. К 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и общественной деятельности В. В. Бунака/М. Ф. Нестурх (ред.). М., 1964; Современная молодежь и эпохальная тенденция развития: Тезисы респ. научн. конф. Вильнюс, 22–23 сентября 1988 г. /С. Павилонис (ред.). Вильнюс, 1988; Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Серия Антропология. Том 3/А. И. Шнирельман (ред.). М., 1989.
90. *Бунак В. В.* (1) Изменения относительной длины сегментов скелета конечностей человека в период роста//Изв. Академии педагогических наук РСФСР. 1957. Вып. 84; (2) Закономерности относительного роста как основного фактора формообразования в позднем (постнатальном) онтогенезе//Архив анатомии, гистологии, эмбриологии. 1961. Вып. 2; (3) Происхождение и этническая история русского народа//Труды Института этнографии АН СССР. 1965. Т. 88.
91. *Бунак В. В.* Об увеличении роста и ускорении полового созревания. С. 36–59.
92. У пигмеев и бушменов рост мужчин колебался в пределах 138–159 см, а средняя арифметическая — 144 см (у женщин — 137 см). Интересно, что пигмеи группы бамбути из лесного района Итури в Заире — самые низкорослые люди в мире — проживают по соседству с очень высокими тутси (средний рост 177 см, из скотоводческого племени Руандийской Республики), которые долгое время были самыми высокими в мире: *Харрисон Дж.* Биология человека. С. 241.
93. Суть нейрогенной, по определению Бунака, или гипотезы урбанизации, по определению некоторых зарубежных авторов, автор формулирует так: «Нейрогуморы гипоталамической области стимулируют ускоренную продукцию гонадотропных гормонов придатка мозга и андрогенов надпочечников» (*Бунак ВВ.* Об увеличении роста и ускорении полового созревания. С. 53).
94. *Властовский В. Г.* Акцелерация роста и развития детей (эпохальная и внутригрупповая). М., 1976.

95. Например, в Германии в 1860–1960 гг. средний возраст появления старческой дальнозоркости сдвинулся с 40 на 48 лет, а глаза 50-летних людей в 1950-е гг. обладали такой же степенью приспособленности к ясному видению, как 45-летних в 1860-е гг.: *Властовский В. Г.* Акцелерация роста и развития детей. С. 38.
96. *Властовский В. Г.* Акцелерация роста. С. 11–38.
97. Там же. С. 88–99.
98. Там же. С. 99.
99. *Соловьева В. С.* Об ускорении полового созревания подростков//Вопросы антропологии. 1966. Вып. 24; *Карсаевская Т. В.* Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. Л., 1970; *Лисицын Ю. П., Владимирова Л. И.* Акселерация физического развития и ее изучение//Труды 2-го Моск. мед. института. 1972. Т. 3. Сер. «Социальная гигиена и организация здравоохранения». Вып. 1.
100. *Никитюк Б. И.* Акселерация развития (причины, механизмы, проявления и последствия)//Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Сер. Антропология. Том 3/А. И. Шнирельман (ред.). М., 1989. С. 5–76.
101. *Никитюк Б. И.* Акселерация развития. С. 49–65.
102. Там же. С. 53–58.
103. *Година Е. З.* Ауксология человека. С. 550–551.
104. *Susanne Y., Bodzsar E. B.* Secular Growth Changes in Europe: Do We Observe Similar Trends?// Secular Growth Changes in Europe/E. B. Bodzsar, Y. Susanne (eds.). Budapest, 1998. P. 369–381; *Tanner J. M.* Growth as a Mirror of the Conditions of Society: Secular Trends and Class Distinctions// Human Growth: A Multi-Disciplinary Review/A. L. Demirjian (ed.). London: Taylor and Francis, 1986. P. 3–34; *Wieringen J. C. van.* Secular Growth Changes//Human Growth/F. Falkner, J. M. Tanner (eds.). 2nd ed. New York: Plenum, 1978. Vol. 3. P. 307–331.
105. *Година Е. З.* Половой диморфизм и высокогорный стресс//Женщина в аспекте физической антропологии: Материалы Международной конференции «Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен» (Москва, 1–4 июня, 1993 г.). М., 1994. С. 135–145; *Danzeiser H. M.* A Comparative Analysis of Sexual Dimorphism and Variability of Stature in Populations from around the World//American Journal of Physical Anthropology. 1992. Suppl. 14; *Rousham E.* Gender and Bias in South Asia: Effects on Child Growth and Nutritional Status//Sex, Gender, and Health/T. M. Pollard, S. B. Hyatt (eds.). Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 1999. P. 37–52.
106. *Година Е. З.* Ауксология человека. С. 549–550. В этом же ключе она вместе со своим соавтором решает и конкретные исследовательские задачи: *Година Е. З., Миклашевская Н. Н.* Экология и рост: влияние факторов окружающей среды на процессы роста и полового созревания у человека//Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Сер. Антропология. Том 3. С. 77–134.
107. *Ямпольская Ю. А.* (1) Оценка физического развития ребенка и коллектива (по весо-ростовым соотношениям)//Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Сер. Антропология. Том 3. С. 135–197; (2) Физическое развитие школьников — жителей крупного мегаполиса в последние десятилетия: состояние, тенденции, прогноз, методика скрининг-оценки. Дисс. ... докт. биол. наук. М., 2000; (3) Физическое развитие школьников Москвы во второй половине XX века: состояние, тенденции, прогноз//Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 2. С. 567–591.
108. *Пурунджан А. Л., Хомякова И. А., Негашева М. А., Задорожная Л. В.* Особенности процессов роста как фактор морфологического разнообразия//Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 2. С. 652–662.
109. *Властовский В. Г.* Акцелерация роста и развития детей. С. 93–94; *Година Е. З.* Ауксология человека. С. 551–552.
110. *Милушкина О. Ю.* Особенности физического развития, состояния здоровья и образа жизни 15-летних воспитанников учреждений для детей-сирот г. Москвы//Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 2. С. 634–643.
111. *Година Е. З.* Динамика процессов роста и развития у человека: пространственно-временны́е аспекты. Автореф. ... докт. биол. наук. М., 2001. См. также: *Миклашевская Н. Н.* Влияние расовой принадлежности и географической среды обитания на ростовые процессы у человека//Антропология 70-х годов. Антропология 70-х годов: Симпозиум. Москва, 1972. [Доклады]. М., 1972. С. 72–102; *Зубарева В. В.* К вопросу об изменчивости морфо-функциональных признаков у детей и подростков бывшего СССР (этно-территориальный аспект)//Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 2. С. 608–615.
112. Наука о человеке и обществе: итоги, проблемы, перспективы/Г. А. Аксянова (сост., отв. ред.). М., 2003.

113. *Зенкевич П. И., Алмазова Н. Я.* Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет//*Куршакова Ю. С.* и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 71–99.
114. *Чеснис Г.* Изменения длины тела населения Литвы в течение двух тысячелетий нашей эры//Вопросы антропологии. 1983. Т. 73. С. 56–68.
115. Эта зависимость исследована: *Алексеева Т. И.* Изменчивость основных компонентов тела человека в зависимости от уровня липидов в сыворотке крови. М., 1970.
116. *Никитюк Б. А.* Изменения размеров тела новорожденных за последние 100 лет//Вопросы антропологии. 1972. Вып. 42. С. 78–94.
117. *Властовский В. Г.* Акцелерация роста и развития детей. С. 13.
118. *Никитюк Б. А.* (1) Изменения за последние 100 лет величины тела и ее зависимость от сроков полового созревания у русских женщин//Вопросы антропологии. 1973. Вып. 44; (2) Изменение возраста начала и прекращения менструации за последние 90 лет и связи между сроками menarche и менопаузы у русских женщин//Вопросы антропологии. 1973. Вып. 45.
119. *Пурунджан А. Л.* Географическая изменчивость антропометрических признаков на территории СССР//*Куршакова Ю. С.* и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 108–116; *Пурунджан А. Л., Дерябин В. Е.* Об эпохальной преемственности географического распределения некоторых антропологических признаков на территории СССР//Вопросы антропологии. 1979. Вып. 63; *Пурунджан А. Л.* Особенности строения тела основных этнических групп населения//*Дерябин В. Е., Пурунджан А. Л.* Географические особенности строения тела населения СССР. М., 1990. С. 17–37.
120. *Mironov B. N.* (1) Diet and Health of the Russian Population from the Mid-Nineteenth to the Beginning of the Twentieth Century//The Biological Standard of Living on Three Continents. Further Exploration in Anthropometric History/J. Komlos (ed.). Boulder: Westview Press, 1995. P. 59–80; (2) New Approaches to Old Problems... P. 1–26.
121. *Миронов Б. Н.* (1) Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 335–356; (2) Бремя величия: Военные победы и уровень жизни россиян в XVIII столетии//Родина. 2001. № 9. С. 32–36; (3) Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным//Экономическая история. Ежегодник, 2001. М., 2002. С. 418–427; (4) «Сыт конь — богатырь, голоден — сирота»: Питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX — начала XX века//Отечественная история. 2002. № 2. С. 30–43; (5) Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным//Экономическая история. Ежегодник. 2004. М, 2004. С. 565–588; (6) Экономическая биология человека//Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 141–150; (7) Антропометрический подход к изучению благосостояния населения России в XVIII веке//Отечественная история. 2004. № 6. С. 17–30; (8) Антропометрическая история России XVIII–XX веков: теория, методика, источники, первые результаты//Труды Института российской истории. М., 2005. С. 173–205; (9) «В огороде — бузина, а в Киеве — дядька»// Экономическая история. Обозрение. Вып. 11. М., 2005. С. 166–171; (10) Благосостояние российского крестьянства после Великих реформ 1860–1870-х гг. //Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Октябрь. Серия 2. История. Вып. 4. С. 149–159; (11) От парадигмы к мифу: Ответ Б. В. Ананьичу//Экономическая история. Ежегодник 2006. М., 2006. С. 541–547; (12) Биологический статус женщин Санкт-Петербурга в 1946–2005 гг. (по антропометрическим данным о новорожденных и их матерях)//Мир России. 2007. № 1. С. 99–146; *Mironov B. N.* The Burden of Grandeur: Physical and Economic Well-Being of the Russian Population in the Eighteenth Century//Living Standards in the Past: New Perspectives on Well-Being in Asia and Europe/R. C. Allen, T. Bengtsson, M. Dribe (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 255–276.
122. *Миронов Б. Н.* (1) Благосостояние российского крестьянства после Великих реформ 1860–1870-х гг. //Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Октябрь. Серия 2. История. Вып. 4. С. 149–159; (2) Униженные и оскорбленные: «Кризис самодержавия» — миф, придуманный большевиками//Родина. 2006. № 1; (3) Мифологема о системном кризисе в России после Великих реформ 1860–1870-х гг. //Нестор: Журнал истории культуры России и Восточной Европы. № 11. Смена парадигм: современная русистика. СПб., 2007. С. 304–312.
123. Об усовершенствовании методической стороны антропометрических исследований см.: *Дерябин В. Е.* Биометрические методы в отечественной антропологии: последние 100 лет//Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 2. С. 835–849.

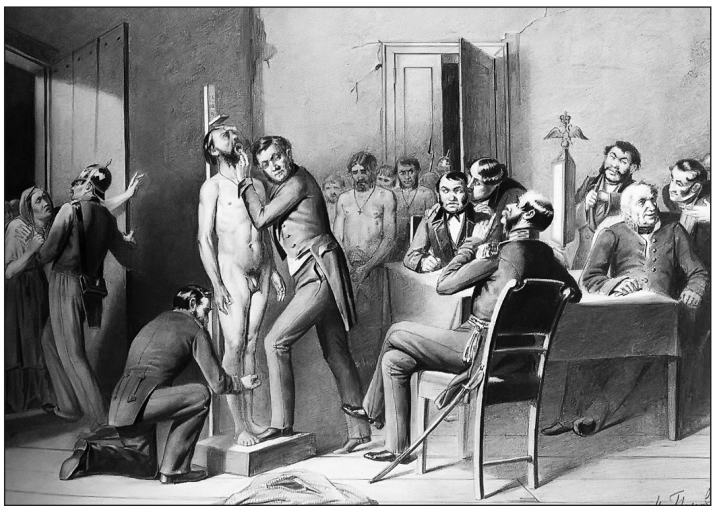
4

ИСТОЧНИКИ АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ: ИХ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ, ТОЧНОСТЬ И ОДНОРОДНОСТЬ

4.1. Источники антропометрических сведений

До 1730 г. требования к физическим качествам рекрута носили общий характер — «добрые, человечные, не старые, не увечные и не дураки, не ниже принятых на военную службу раньше»[1]. Рост, или длину тела, как и другие антропометрические признаки, в России оценивали на глаз — так, как А. С. Пушкин описал Григория Отрепьева в своем «Борисе Годунове»: «А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая»[2]. В 1730 г. при приеме на военную службу впервые вводится ростовой ценз, благодаря чему и начались измерения длины тела. Все сведения, касающиеся здоровья, в том числе антропометрические: рост, вес, жизненная емкость легких, обхват груди, кистевая (сила мышц кисти) и становая сила (сила мышц спины) — фиксировались во время медицинского осмотра, имевшего целью определить пригодность новобранца для службы в соответствии с установленным законом требованиями, и заносились в приемный формулярный список. В эпоху рекрутской повинности, 1705–1873 гг., проведено 126 наборов в армию[3] — в среднем по 3 каждые 4 года. Под ружье поставлено и, значит, измерено 6,3 млн человек. В среднем в год к службе привлекалось от 24,9 тыс. в 1730-е гг. до 82,4 тыс. в 1850-е гг. После введения всеобщей воинской обязанности в 1874 г. в действующую армию мобилизовывалось от 148,5 тыс. в 1874 г. до 422,5 тыс. человек в 1913 г., или около 20% от призывного контингента. Всего за 1874–1913 гг. в армию поступило и подверглось медицинскому освидетельствованию 11,7 млн мужчин[4].

До 1802 г. собранные рекрутскими присутствиями материалы представлялись в Военную и Адмиралтейскую коллегии, с 1803 г. — в Военное и Морское министерства и с 1874 г. — также и в Министерство внутренних дел. После 1917 г. данные о новобранцах собирались военкоматами и представлялись в Военный и Морской наркоматы, с 1946 г. — в Министерство обороны. До 1839 г. сведения являлись только индивидуальными; с 1840 г. они стали обобщаться и в центральные учреждения поступали в основном в агрегированном виде, а первичные материалы хранились на местах.



Перов В. Г. В рекрутском присутствии. 1861 г. ГРМ

За XVIII в. формулярные списки выявлены в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГАВМФ) и Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) весь фонд Рекрутской экспедиции за 1719–1811 гг., содержащий 5 604 дел с материалами наборов, хранится в г. Ялуторовске и для исследователей недоступен. Не обнаружены нужные формулярные списки в Российском государственном архиве древних актов в Москве и Архиве Музея А. В. Суворова в С.-Петербурге. По рекрутским наборам XIX — начала XX в. привлечены индивидуальные формулярные списки из РГАВМФ, АВИМАИВиВС, РГВИА, Национального архива республики

Таблица 4.1

Вклад различных архивов в базу антропометрических данных

Индивидуальные сведения	Число человек	%
Российский государственный архив военно-морского флота	113 978	37,3
Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга	19 381	6,3
Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	18 431	6,0
Государственный архив Саратовской области	19 474	6,4
Национальный архив республики Карелия	8 828	2,9
Российский государственный военно-исторический архив	6 025	2,0
Государственный архив Нижегородской области	2 349	0,8
Государственный архив Ставропольского края	2 244	0,7
Государственный архив Новгородской области	1 038	0,3
Земские обследования	114 201	37,3
Итого	305 949	100
Суммарные данные из Российского государственного исторического архива	11 661 823	

Карелии (НАРК) и пяти областных архивов, а из Российского государственного исторического архива (РГИА) — суммарные данные о наборах за 1874–1913 гг. по всем губерниям о 11,7 млн новобранцев[5]. Кроме этого, использованы материалы санитарного обследования рабочих мужского и женского пола, проведенного земскими врачами в Московской губернии в 1879–1884 гг. и в Смоленской губернии в 1894–1895 гг. Вклад каждого архива в информационную базу показан в табл. 4.1, а полный список использованных материалов приведен в списке источников — Приложении 1.

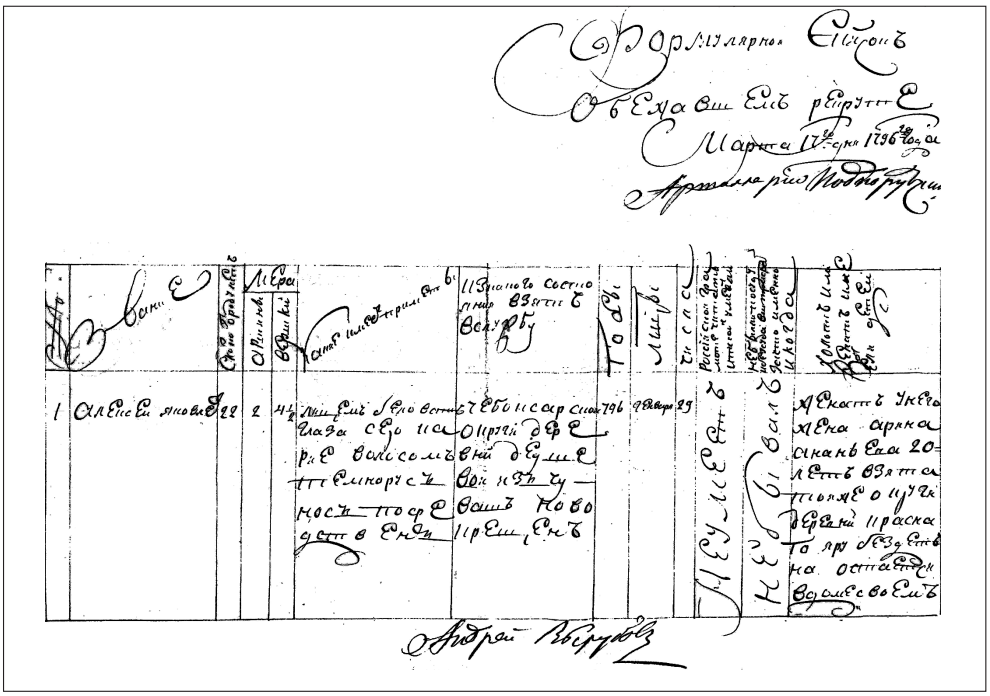
Информационная база включает 305 949 человек, из них 271 522 или 88,7% — мужчины и 34 427 или 11,3% — женщины. Можем ли мы на ее основе получить правильное представление об изменении среднего роста населения за двести двадцать лет? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо оценить степень *репрезентативности* (полноты и адекватности), точности и однородности собранных данных.

4.2. Репрезентативность данных

Репрезентативность выборки обеспечивается способом ее проведения и объемом. Для XVIII — первой половины XIX в. и конца XIX — начала XX в. из-за малочисленности сохранившихся источников учтены все известные мне формулярные списки. Поэтому какого-либо специального их отбора не производилось. Собранные индивидуальные сведения — это стихийно сохранившиеся выборки. Однако точность средних зависит также от величины выборки и степени вариации в ней ростовых данных. Для мужчин, родившихся в 1852–1892 гг., использованы суммарные сведения о 11,7 млн лиц, поступивших в солдаты, что обеспечивает надежность полученных на их основе расчетов. Измерения 114 201 рабочих вошли в банк информации также полностью.

Полный приемный формулярный список новобранца включал следующие пункты:

1. Номер приемной росписи и призывного участка.
2. Фамилия, имя, отчество.
3. Сословие, общество приписки.
4. Дата призыва.
5. Дата рождения (возраст).
6. Рост.
7. К какой службе способен.
8. Недостатки и телесные повреждения.
9. Заявления о состоянии здоровья.
10. Вероисповедание.
11. Семейное положение, дети, вероисповедание жены. Пользуется ли льготой по семейному положению и какого разряда.
12. Грамотность, образование.
13. Занятие, ремесло или промысел.
14. Когда явился на службу и поступил на казенное содержание.
15. Выданные ему вещи и деньги.
16. Куда именно назначен на службу.



Формулярный список рекрута. 1796 г.

Иногда фиксировались сведения об этнической принадлежности и некоторые другие. Из формулярного списка мною извлекалась информация о девяти признаках: росте, возрасте, месте приписки (губернии, уезде, городе или деревне), сословии, профессии, семейном состоянии, конфессиональной и этнической принадлежности, грамотности. Вследствие слабой социальной мобильности место приписки, как правило, совпадает с местом рождения. Формуляр рабочих включал те же признаки, кроме конфессиональной принадлежности и семейного состояния, и другие, о которых речь пойдет далее. По десятилетиям численность новобранцев и рабочих с информацией о 10 различных признаках распределяется следующим образом (табл. 4.2).

Для некоторых лет XIX — начала XX в. о новобранцах и рабочих имеются также сведения о весе и обхвате груди, кистевой и становой силе, для рабочих также о трудовом стаже, наличии детей, дополнительной профессии, кроме основной, и даже о цвете глаз и волос.

Отдельные десятилетия представлены в выборке в разной степени, однако менее 5 тыс. наблюдений имеется только для 1701–1710, 1721–1730 и 1891–1910 гг.

4.3. Социальный состав лиц, попавших в банк информации

Чтобы оценить представительность нашей информационной базы, необходимо сравнить социальный профиль всего населения и мужчин, попавших в нашу выборку (табл. 4.3).

Таблица 4.2

Численность рекрутов и рабочих 1695–1920 гг. рождения с имеющимися по 10 признакам сведениями

Годы рождения	Рекрутов	Рабочих	Итого	В т. ч. женщин	Рост	Возраст	Место приписки	Сословие	Профессия	Семейное состояние	Конфессия	Этнос	Грамотность
1695–1700	5	–	5	–	5	5	5	5	5		–	–	–
1701–1710	1 626	–	1 626	–	1 626	1 626	1 626	1 626	1 610	392	–	–	–
1711–1720	5 447	–	5 447	–	5 447	5 447	5 447	5 447	5 350	1 592	–	–	–
1721–1730	2 843	–	2 843	–	2 843	2 843	2 843	2 843	2 821	506	–	–	–
1731–1740	8 779	–	8 779	–	8 779	8 779	8 779	8 779	8 777	581	–	–	–
1741–1750	5 906	–	5 906	–	5 906	5 906	5 906	5 906	5 845	5 026	–	–	–
1751–1760	8 308	–	8 308	–	8 308	8 308	8 308	8 308	8 306	6 784	–	–	–
1761–1770	13 494	–	13 494	–	13 494	13 494	13 494	13 494	13 431	9 197	16	–	–
1771–1780	17 550	–	17 550	–	17 550	17 550	17 550	17 550	17 319	13 815	259	74	73
1781–1790	14 908	–	14 908	–	14 908	14 908	14 908	14 908	14 774	14 136	867	223	223
1791–1800	15 173	2	15 175	–	15 175	15 175	15 175	15 175	15 148	14 106	1 659	1 085	914
1801–1810	19 229	46	19 275	3	19 275	19 275	19 275	19 275	19 275	17 223	19 170	19 185	15 506
1811–1820	6 363	892	7 255	85	7 254	7 255	7 255	7 255	7 255	2 695	7 189	6 992	3203
1821–1830	7 859	4161	12 020	592	12 020	12 020	12 020	12 020	12 020	5 048	11 729	11 515	8077
1831–1840	5 637	9729	15 366	2150	15 362	15 366	15 366	15 366	15 366	7 391	14 805	14 660	14 436
1841–1850	11 483	18465	29 948	4451	29 940	29 948	29 948	29 948	29 948	14 341	28 993	26 611	24 919
1851–1860	5 794	29708	35 502	8343	35 497	35 502	35 502	35 502	35 502	11 353	34 405	33 807	32 089
1861–1870	1 547	44868	46 415	16531	46 406	46 413	46 415	46 413	46 413	17 576	45 997	45 999	45 477
1871–1880	2 429	6113	8 542	2188	8 542	8 542	8 542	8 542	8 542	5 089	8 510	8 512	8 530
1881–1890	2 181	219	2 400	69	2 400	2 400	2 400	2 397	2 400	2 136	2 380	2 184	2 397
1891–1900	3 969	–	3 969	–	3 925	3 969	3 969	3 907	3 969	2 108	3 855	3 583	3 957
1901–1910	1 096	–	1 096	2	1 095	1 096	1 096	475	1 096	463	7	479	1 049
1911–1920	30 120	–	30 120	13	30 016	30 120	30 120	30 120	30 120	23 352	–	30 108	29 764
Итого	191 746	114203	305 949	34427	305 773	305 947	305 949	305 261	305 292	174 910	17 9841	20 5017	19 0614

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Таблица 4.3

Социальный состав мужчин 1695–1920 гг. рождения, включенных в информационную базу

Социальная группа	1695–1800 гг.		1801–1920 гг.		1695–1920 гг.	
	Число наблюдений	%	Число наблюдений	%	Число наблюдений	%
Крестьяне, в том числе:	**91 000**	**96,77**	**138 903**	**78,26**	**229 903**	**84,67**
помещичьи	42 808	45,52	9 709	5,47	52 517	19,34
дворовые	820	0,87	2 268	1,28	3 088	1,14
государственные	15 098	16,05	14 319	8,07	29 417	10,83
экономические	4 235	4,50	430	0,24	4 665	1,72
однодворцы	3 626	3,86	1 333	0,75	4 959	1,83
удельные	2 461	2,62	758	0,43	3 219	1,19
ясачные	54	0,06	1 498	0,84	1 552	0,57
свободные хлебопашцы	5	0,01	94	0,05	99	0,04
вольноотпущенники	4	0,00	167	0,09	171	0,06
колонисты	–	–	80	0,05	80	0,03
неизвестного разряда	21 889	23,28	108 247	60,99	130 136	47,93
Рабочие	**–**	**–**	**17 614**	**9,92**	**17 614**	**6,49**
Городское сословие, в том числе:	**2 038**	**2,17**	**8 524**	**4,80**	**10 562**	**3,89**
мещане	1 822	1,94	8 342	4,70	10 164	3,74
цеховые	11	0,01	138	0,08	149	0,05
купцы	205	0,22	24	0,01	229	0,08
Питомцы воспитательных домов	–	–	**20**	**0,01**	**20**	**0,01**
Военные	**647**	**0,69**	**6 704**	**3,78**	**7 351**	**2,71**
Привилегированные, в т. ч.:	**334**	**0,36**	**4 844**	**2,73**	**5 178**	**1,91**
дворяне	26	0,03	127	0,07	153	0,06
духовенство	296	0,31	48	0,03	344	0,13
чиновники	12	0,01	4 617	2,60	4 629	1,70
почетные граждане	–	–	52	0,03	52	0,02
Разные группы, в том числе:	**22**	**0,02**	**890**	**0,50**	**912**	**0,34**
иностранцы	–	–	24	0,01	24	0,01
арестанты и бродяги	22	0,02	180	0,10	202	0,07
нет сведений	0	0,00	686	0,39	686	0,25
Итого	**94 041**	**100**	**177 479**	**100**	**271 520**	**100**

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

В нашей выборке на долю крестьян в XVIII в. приходилось 96,8% наблюдений, а во всем населении страны — около 90%, в XIX — начале XX в. — соответственно 88,2% и 84,0%. Доля городского сословия в выборке составляла в XVIII в. 2,2%, а среди всех жителей — 3,6%, в XIX — начале XX в. — соответственно 4,8% и 10%. Доля привилегированных слоев в выборке в XVIII в. равнялась 0,4%, а во всем населении — 3,2%, в XIX — начале XX в. — соответственно 2,7% и около 2,4%.

Таким образом, социальный профиль выборочных данных для всего периода империи лишь примерно соответствует социальной структуре всех жителей страны; львиная доля сведений касается крестьян разных категорий; достаточно

полно представлено мещанство. Благодаря этому выборка может адекватно представлять антропометрические и социально-демографические признаки мужского *податного* населения (примерно 97% всех жителей) в течение всего изучаемого периода, а всего мужского населения страны — только применительно ко второй половине XIX — началу XX в., после введения всеобщей воинской повинности.

Зеленцов К. А. Мясник. 1817 г. Офорт. ГЭ

Такой, несколько скошенный, социальный профиль информационной базы объясняется порядком набора в армию. Воинская повинность для некоторых социальных групп была введена в 1699 г. и в 1705 г. распространена на всех налогоплательщиков. По закону к поставке рекрутов не привлекались дворянство, духовенство и так называемые разночинцы. Их процент во всем населении составлял соответственно 1,5–2, 0,5–1,7 и 0,6–2,6.

По первой ревизии 1719 г. городские и сельские налогоплательщики составляли 93% всех жителей страны, по последней десятой ревизии в 1857 г. — 90%[6]. В течение XVIII — первой половины XIX в. некоторые социальные группы получили возможность откупаться от воинской службы за деньги, другие освобождались от нее временно или постоянно: купцы, почетные граждане, лица, обладавшие образованием, жители Бессарабии и отдаленных областей Сибири, инородцы, колонисты, переселенцы, новокрещенные и др. В 1858 г. из 29,5 млн человек мужского пола (без Польши и Финляндии) около 6 млн или 20% имели привилегию не служить или могли освободиться от воинской повинности за денежную компенсацию[7].

Далеко не все из имевших льготы могли ими воспользоваться. В XVIII — первой трети XIX в. безместное духовенство призывалось на службу в армию в ходе так называемых разборов. Например, во время последнего, в 1831 г., были забриты 5 022 поповича[8]. Аналогичным образом рекрутировались в армию деклассированные дворяне и представители других привилегированных социальных групп. Не всегда могли откупиться от службы небогатые купцы, зато богатые крестьяне и мещане, не имевшие на это прав, иногда от нее откупались. Рабочий класс формировался в основном из податных сословий, но в его ряды попадали и деклассированные представители привилегированных социальных групп.

Крестьянка. 1860 г. Фото

После 1874 г. воинская повинность стала всесословной, и представители привилегированных социальных групп по закону не освобождались от службы. В результате в нашей информационной базе возросло число представителей привилегированных групп, хотя по-прежнему их было мало: по социальному

происхождению лишь 4629 чиновников (преимущественно из канцеляристов), 344 поповича, 229 купцов, 153 дворянина, 52 почетных гражданина.

Следующий важный вопрос, имеющий прямое отношение к проблеме представительности нашей выборки: все ли *социальные страты* крестьянства и городского сословия были представлены среди новобранцев пропорционально своей численности? Чтобы ответить на него, следует разобраться с порядком наборов в армию.

По закону и фактически воинская повинность являлась не личной, а общинной и исполнялась на основе принципов, выработанных самим населением. Коронная администрация требовала представления определенного числа годных к службе мужчин, но вопрос о том, кто и на каких основаниях будет назначен обществом в рекруты, оставляла на усмотрение самих общин. Народ выработал наиболее справедливый, с его точки зрения, порядок, получивший название *очередного*. Он заключался в следующем.

(1) Крестьяне и мещане распределялись по участкам одинаковой численности, и все семьи этого участка вносились в очередные списки в порядке числа имеющихся в них трудоспособных мужчин в возрасте от 18 до 60 лет: семья с наибольшим количеством работников становилась первой, а с наименьшим — последней.

(2) Семьи поставляли рекрутов в соответствии с очередью, т.е. начиная с многорабочих и кончая малорабочими, но семьи с одним работником от поставки новобранцев вообще освобождались. Семьи, имевшие более четырех работников, представляли второго рекрута прежде, чем очередь доходила до семей, имевших в два раза меньше работников, а семьи, имевшие более 7 работников, давали третьего рекрута прежде семей, имевших в три раза меньше работников. Другими словами, воинская повинность распределялась между семьями пропорционально числу работников-мужчин, причем многорабочие несли повинность первыми. В один набор семья не обязана была ставить более одного человека, а в разные наборы — более трех.

(3) Семья, до которой доходила очередь, ставила мужчину, удовлетворяющего возрастному (обычно 17–35 лет), ростовому (160 см) и медицинскому цензам. Если в семье имелось несколько годных к службе мужчин, то предпочтение отдавалось холостым, а из последних — старшим по годам; если все женаты, то прежде шли бездетные. Если все женаты и с детьми, то выбор определялся главой семьи, добровольным соглашением или жребием.

Очередной способ отбывания воинской повинности имел следующие недостатки: (1) ведение очереди являлось сложной процедурой, (2) существовал запрет на раздел находящихся в очереди семей, а если семья, вопреки запрету, делилась, то образовавшиеся после раздела малорабочие семьи обязаны поставлять рекрутов как многорабочие, (3) солдатами становились люди не слишком молодые, (4) молодое поколение вплоть до 35 лет оставалось в неизвестности относительно своего будущего и не могло с уверенностью устраивать свою жизнь.

В 1854 г. коронная администрация ввела для государственных крестьян и мещан новый — *жеребьевый* — порядок отбывания воинской повинности, суть которого можно выразить в трех положениях.

(1) Ежегодно к жеребьевке привлекались мужчины, достигшие 21 года к 1 января призывного года.

(2) Все 21-летние делились по семейному положению на три разряда: (I) бездомные и бессемейные одиночки и члены семей с четырьмя и более работниками,

(II) члены семей с тремя работниками и (III) члены семей с двумя работниками и члены тех семей с тремя работниками, которые раньше поставили одного рекрута. Единственные работники в семье от воинской повинности освобождались.

(3) К жеребьевке сначала приступал первый разряд, затем, в случае необходимости, второй и, наконец, третий.

Следует упомянуть, что до 1874 г. допускалась замена человека, назначенного общиной в рекруты, другим годным к службе лицом, согласившегося служить за деньги по частному найму. При Николае I коронная администрация стала нанимать на службу «охотников» (добровольцев) и по их числу выпускала зачетные квитанции, которые могли купить желающие. Количество таких квитанций было сравнительно невелико из-за недостатка добровольцев: за 1840–1854 гг. куплено 109411 квитанций, а всего призвано 1304533 человека, следовательно, откупилось от службы 8,4% призывников[9]. Существование института замены не подрывало общинного характера несения воинской повинности до 1874 г.

В 1874 г. вводится всесословная личная воинская повинность, не допускавшая ни выкупа, ни замены и отменявшая многие изъятия и льготы, существовавшие прежде по социальному и национальному признакам. Однако новый порядок основывался на жеребьевой системе: выбор новобранца ставился в зависимость от семейного положения.

Иногда высказываются сомнения в случайности отбора лиц, годных к службе, до 1874 г. Интересы помещиков, крестьянских и мещанских общин, сдававших рекрутов и несших круговую ответственность за исполнение повинности, а также вкусы приемных комиссий могли играть некоторую роль и нарушать случайность отбора, обеспечивающую представительность выборки. Например, общины и помещик стремились сбывать в солдаты нарушителей общественного порядка, мелких преступников, нелояльных к власти лиц и т. п.[10] Коронная администрация государственных крестьян распространила в волостных правлениях специальные типовые правила, предусматривавшие сдачу в рекруты вне очереди: (1) «чинящих побеги», «праздно шатающихся без паспортов с целью уклонения от податей и наборов», (2) «пьяниц», (3) «ленивых и не имеющих хлебопашества», (4) «не несущих никакого бремени общежительства», (5) «уличенных в кражах имущества ценою менее 20 руб., а если более 20 руб., то отдавать под суд», (6) «укрывающих беглых и беспаспортных»[11].

Подобная селекция могла отражаться на росте призывников, если бы девиантов было много и они имели рост существенно выше или ниже среднего. Однако эти опасения являются беспочвенными. Во-первых, девиантов в общинах было мало, и они не могли обусловливать средний рост рекрутов. В первой половине XIX в. ежегодно совершало преступления в среднем около 0,4% от среднегодовой численности населения[12]. Во-вторых, девианты по своим физическим качествам мало отличались от конформистов[13]. Средний рост российских бродяг и арестантов в 1801–1850 гг. равнялся 165,6–165,8 см, что на 0,7–0,9 см превышало средний рост всех новобранцев и на 1 см — средний рост всех крестьян (табл. 4.4).

Таким образом, и при очередной, и при жеребьевой системе, в том числе в обновленном ее варианте, введенном в 1874 г., от воинской повинности освобождались семьи с одним работником, все остальные несли бремя пропорционально числу работников — главному источнику благосостояния для крестьянства, да и для городского сословия также. «Семьянистые» крестьяне, мещане и купцы бы-

вали, как правило, более зажиточными, чем малые семьи с одним работником[14]. Последних в 1850-е гг. насчитывалось в разных губерниях от 6 до 18%, к началу XX в. этот показатель увеличился в среднем для России до 24%[15]. Большинство семей имело примерно одинаковый семейный состав и несло равное бремя воинской повинности. У городского сословия семьи с одним работником встречались чаще, чем у крестьян. Если судить по материалам 9-й ревизии (1850 г.) по Ярославской губернии, то такие хозяйства преобладали уже в середине XIX в.[16], и они по закону освобождались от воинской службы. Вот почему среди новобранцев процент мещан и купцов всегда меньше, чем во всем населении, например, в 1695–1800 гг. — 1,9 против 4,0, в 1801–1917 гг. — 3,7 против 10,0. Из сказанного следует: среди рекрутов слабее представлены низшие страты крестьянства и городского сословия; воинская повинность в большей степени обременяла средние и зажиточные слои города и деревни. Но в XVIII — первой половине XIX в. в среде крестьян и мещан существовала высокая социальная мобильность, принадлежность к бедным, средним или зажиточным стратам наследственно не закреплялась[17]. Поэтому незначительная социальная диспропорция при наборе не могла иметь сколько-нибудь серьезного влияния на средний рост призывников.

Таблица 4.4

Средний рост бродяг и арестантов сравнительно с другими социальными группами в России в 1801–1850 гг.

Социальные группы	Число человек	Рост, см	Стандартная ошибка, см	Стандартное отклонение, см
Арестанты	83	165,8	0,31	5,50
Бродяги	96	165,6	0,32	6,03
Крестьяне	90 847	164,8	0,01	5,84
Городское сословие	5 913	165,6	0,04	6,09
Военные	6 423	165,3	0,04	5,53
Привилегированные сословия	146	166,9	0,30	7,05
В среднем		164,9	0,01	5,84

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Рабочий класс в 1880–1890-е гг. формировался в основном из податных сословий, хотя и деклассированные представители привилегированных групп находили там себе нишу. Но из среды как крестьян, так и мещан туда попадали в основном представители низших страт: из крестьян — малоземельные, из мещан — не имевшие средств производства. Таким образом, включение в нашу информационную базу за XIX — начало XX в. рабочих до определенной степени компенсирует некоторый дефицит в ней малоимущих крестьян и мещан, слабее участвовавших в формировании контингента новобранцев, и делает ее более представительной и надежной.

4.4. Данные о месте рождения

Распределение мужчин в нашей информационной базе по губерниям рождения отражено в табл. 4.5.

Таблица 4.5

Распределение мужчин по губерниям рождения в информационной базе в 1695–1920 гг.

Губерния	Число наблюдений	%	Губерния	Число наблюдений	%	Губерния	Число наблюдений	%
Акмолинская	–	–	Ковенская	42	0,02	Саратовская	20 096	7,40
Амурская	8	0,00	Костромская	13 328	4,91	Семипалатинская	48	0,02
Архангельская	2 153	0,79	Кубанская	218	0,08	Семиреченская	27	0,01
Астраханская	230	0,08	Курляндская	32	0,01	Симбирская	2 248	0,83
Бессарабская	93	0,03	Курская	1 852	0,68	Смоленская	8 347	3,07
Виленская	44	0,02	Лифляндская	132	0,05	Ставропольская	2 346	0,86
Витебская	625	0,23	Минская	121	0,04	Таврическая	1 557	0,57
Владимирская	5 768	2,12	Могилевская	557	0,21	Тамбовская	3 084	1,14
Вологодская	11 908	4,39	Московская	51 805	19,08	Тверская	4 304	1,59
Волынская	123	0,05	Нижегородская	9 722	3,58	Терская	2	0,00
Воронежская	4 122	1,52	Новгородская	8 685	3,20	Тобольская	32	0,01
Вятская	4 512	1,66	Олонецкая	11 802	4,35	Томская	51	0,02
Гродненская	406	0,15	Оренбургская	306	0,11	Тульская	18 827	6,93
Дагестанская	33	0,01	Орловская	5 333	1,96	Уфимская	250	0,09
Донская	166	0,06	Пензенская	6 983	2,57	Харьковская	1 791	0,66
Екатеринославская	4 432	1,63	Пермская	3 879	1,43	Херсонская	2 713	1,00
Енисейская	13	0,00	Подольская	747	0,28	Черниговская	5 106	1,88
Забайкальская	5	0,00	Полтавская	380	0,14	Черноморская	6	0,00
Иркутская	20	0,01	Приморская	15	0,01	Эстляндская	68	0,03
Кавказские*	45	0,02	Псковская	1 286	0,47	Якутская	1	0,00
Казанская	7 736	2,85	Рязанская	12 194	4,49	Ярославская	2 952	1,09
Калужская	9 711	3,58	С.-Петербургская	13 193	4,86	Неизвестно	1 498	0,55
Киевская	839	0,31	Самарская	562	0,21	Итого	271 520	100

Примечание: * Бакинская, Батумская, Елисаветпольская, Карсская, Кутаисская, Тифлисская, Эриванская.
Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Картина, даваемая табл. 4.5, в равной мере относится ко всему исследуемому периоду. Ощущается дефицит информации о губерниях, где проживало мало русских: прибалтийских, сибирских, кавказских, среднеазиатских, а также Бессарабской. Больше сведений об украинских и белорусских, но наилучшим образом представлены великороссийские губернии. На Московскую губернию приходится около пятой части всех данных (19,1%), на семь губерний: Московскую, Саратовскую (7,4), Тульскую (6,9%), Костромскую (4,9%), С.-Петербургскую (4,9%),

Рязанскую (4,5%) и Вологодскую (4,4%) — свыше половины (52,1%); на шестнадцать губерний: добавим к семи первым Олонецкую (4,4%), Нижегородскую (3,6%), Калужскую (3,6%), Новгородскую (3,2%), Смоленскую (3,1%), Казанскую (2,9%) и Пензенскую (2,6%) — три четверти наблюдений (75,3%). По каждой из этих губерний можно получить достаточно подробную картину изменения роста мужского населения в изучаемое время.

Распределение людей по районам рождения, естественно, также неравномерно (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Распределение мужчин по району рождения в информационной базе в 1695–1920 гг.

Районы	1695–1800 гг.			1801–1920 гг.			1695–1920 гг.		
	Число наблюдений	%	Кумулятивный %	Число наблюдений	%	Кумулятивный %	Число наблюдений	%	Кумулятивный %
Великороссийские:									
Центрально-промышленный	14 778	15,71	15,71	71 139	40,08	40,08	85 917	31,64	31,64
Центрально-черноземный	28 969	30,80	46,51	23 428	13,20	53,28	52 397	19,30	50,94
Север	19 596	20,84	67,35	19 595	11,04	64,32	39 191	14,43	65,37
Северо-Запад	3 866	4,11	71,46	19 298	10,87	75,19	23 164	8,53	73,90
Поволжье	3 189	3,39	74,85	19 719	11,11	86,30	22 908	8,44	82,34
Приуралье	8 658	9,21	84,06	4 533	2,55	88,85	13 191	4,86	87,20
Юго-Восток	2 653	2,82	86,88	1 605	0,90	89,75	4 258	1,57	88,77
Прочие:									
Украинский	5 635	5,99	92,87	3 424	1,93	91,68	9 059	3,34	92,10
Западный	75	0,08	92,95	8 539	4,81	96,49	8 614	3,17	95,28
Новороссия	2 283	2,43	95,38	2 246	1,27	97,76	4 529	1,67	96,94
Сибирь	3 287	3,50	98,88	714	0,40	98,16	4 001	1,47	98,42
Предкавказье	1 018	1,08	99,96	1 565	0,88	99,04	2 583	0,95	99,37
Прибалтика	32	0,03	99,99	198	0,11	99,15	230	0,08	99,45
Казахстан	–	–	99,99	48	0,03	99,18	48	0,02	99,47
Кавказ	–	–	99,99	45	0,03	99,21	45	0,02	99,49
Средняя Азия	–	–	99,99	27	0,02	99,23	27	0,01	99,50
Дальний Восток	–	–	99,99	23	0,01	99,24	23	0,01	99,51
Россия*	–	–	99,99	1 183	0,67	99,91	1 183	0,44	99,94
Заграница	2	0,00	99,99	150	0,08	99,99	152	0,06	100
Итого	94 041	100	100	177 479	100	100	271 520	100	100

*Примечание:** Точные сведения о месте рождения отсутствуют.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

В XVIII в. наилучшим образом представлено Центральное Черноземье, на его долю приходится почти треть всех наблюдений (30,8%), много информации по Северному (20,8%), Центрально-нечерноземному (15,7%) и Приуральскому (9,2%) регионам; хуже представлены Украина (6,0%), Северо-Запад

(4,1%), Поволжье (3,4%), Сибирь (3,5%), Юго-Восток (2,8%) и Новороссия (2,4%), слабо — Предкавказье (1,1%). По Западному региону, Прибалтике, Казахстану, Кавказу, Средней Азии и Дальнему Востоку индивидуальных измерений практически нет. Географическое распределение наблюдений в XIX — начале XX в. сравнительно с XVIII в. отличается тремя моментами — они более равномерно распределены между регионами; представлен Западный район; наибольшее их число (31,6%) приходится на Центральное Нечерноземье. Пробелы в нашей информационной базе объясняются тем, что из районов с дефицитом сведений в армию призывалось очень мало мужчин, так как жители отдаленных районов и нерусские граждане либо освобождались от воинской повинности, либо несли ее на льготных основаниях[18]. Следовательно, это не столько недостаток нашей базы данных, сколько следствие правовых условий отбывания воинской повинности в имперской России.

Таким образом, для всего изучаемого периода мало информации по Новороссии (1,7%), Юго-Востоку (1,6%), Сибири (1,5%) и Предкавказью (1%). По Прибалтике, Казахстану, Кавказу, Средней Азии и Дальнему Востоку индивидуальных измерений практически нет, но по ним, как и по всем губерниям и районам, имеются полные суммарные сведения о когортах, рожденных в 1851–1892 гг. и призванных в 1874–1913 гг. Однако географические пробелы мало скажутся на точности полученных выводов. В табл. 4.7 содержатся сравнительные данные о росте во всей империи и в восьми великороссийских регионах Европейской России, хорошо представленных в нашей информационной базе.

Таблица 4.7

Сравнение среднего роста мужчин 1851–1890 гг. рождения в восьми великороссийских регионах и во всей империи без Польши и Финляндии

Годы рождения	Средний рост		
	Россия, см	Великороссийские регионы, см	Разница, см
1851–1855	165,2	165,1	0,1
1856–1860	164,9	164,8	0,1
1861–1865	164,8	164,8	0,0
1866–1870	165,3	165,2	0,1
1871–1875	165,7	165,7	0,0
1876–1880	165,5	165,5	0,0
1881–1885	166,1	166,1	0,0
1886–1890	165,9	165,9	0,0

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Как показывает сравнение, в 1851–1890 гг. различия в росте между великороссийскими регионами и всей империей составляли не более 0,1 см. Таким образом, хотя имеющиеся наблюдения в географическом отношении имеют перекос в сторону великороссийских губерний, их вполне достаточно для получения адекватной действительности картины о динамике роста как в России в целом, так и в большинстве ее регионов.

4.5. Сведения об образовании

Образование рекрутов в XVIII в. фиксировалось неполно, но постепенно качество учета повышалось и с 1874 г. пропуски стали встречаться редко. Грамотным считался умеющий читать, писать и считать; те, кто только читал, отмечались особо[19]. В XVIII в. и в первой половине XIX в. громадное большинство жителей страны и соответственно новобранцев не знали грамоты: среди мужского пола в возрасте 9 лет и старше во всем населении в 1757 г. насчитывалось лишь около 5% грамотных, в 1797 г. — 6%, а в 1857 г. — 21%[20]. Поэтому чиновники, заполнявшие формулярный список рекрута, нередко пропускали графу «грамотность», принимая за само собой разумеющееся, что он — неграмотный.

Со второй половины XIX в., вследствие повышения технического оснащения армии, возникла острая потребность в грамотных солдатах, и уровень их образования стал тщательно фиксироваться. По данным нашей информационной базы, доля грамотных, призванных в 1732–1787 гг., равнялась 0,3–0,5%, в конце XVIII в. повысилась до 1,2%, в середине XIX в. — до 14%, в начале XX в. — до 49% (табл. 4.8).

Таблица 4.8

Грамотность мужского населения в выборке и в России в возрасте старше 9 лет

Годы измерения	Годы рождения	Информационная база				Все рекруты	Все мужское население России 10 лет и старше		
		Рекруты		Рабочие			город	деревня	итого
		Число наблюдений	% грамотных	Число наблюдений	% грамотных	% грамотных	% грамотных	% грамотных	% грамотных
1732–1756	1707–1731	4 306	0,5	–	–	–	–	–	–
1768–1787	1745–1764	11 404	0,3	–	–	–	–	–	–
1788–1796	1767–1775	13 847	1,2	–	–	–	–	–	–
1794–1803	1771–1780	73	–	–	–	–	13	3	4
1804–1813	1781–1790	215	4	–	–	–	14	4	5
1811–1820	1791–1800	880	4	–	–	–	17	5	6
1823–1832	1801–1810	14 999	3	43	23	–	22	6	7
1835–1844	1811–1820	2 641	11	792	27	–	27	7	9
1845–1854	1821–1830	5 840	14	3 521	31	–	32	9	11
1853–1862	1831–1840	9 279	10	7 493	34	–	39	12	14
1864–1873	1841–1850	13 943	20	13 811	38	–	45	15	18
1871–1881	1851–1860	14 739	18	20 932	42	21*	50	18	21
1882–1891	1861–1870	14 661	26	27 943	49	27	55	23	26
1892–1901	1871–1880	2 741	32	3 757	49	41	60	27	31
1902–1911	1881–1890	629	41	–	–	58	64	33	36
1911–1920	1891–1900	427	49	–	–	68**	69	39	43
Итого		110 624	–	78 294	–	–	–	–	–

Примечания: * Годы измерения (призыва): 1874–1880 гг.;

** Годы измерения (призыва): 1911–1913 гг.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1; *Миронов Б. Н.* История в цифрах: (Математика в исторических исследованиях). Л., 1991. С. 82; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 304.

В XIX — начале XX в. грамотность у новобранцев и всего мужского населения страны была примерно одинаковой, но существенно ниже, чем у рабочих.

4.6. Этнический и конфессиональный профиль выборочных данных

Россия — многоконфессиональная и многонациональная страна, естественно ожидать, что и состав ее армии отличался таким же многообразием. Однако вероисповедание новобранцев в XVIII в. фиксировалось плохо, вероятно, вследствие почти поголовной их принадлежности к православию. Когда конфессия учитывалась, 99,4% призывников относились именно к нему. В формулярном списке графа о конфессии всегда присутствовала, но она часто не заполнялась. Это, как правило, означало: рекрут православный по умолчанию. В XIX в. ситуация исправилась; с 1874 г. конфессия почти всегда фиксировалась. Однако санитарные врачи, измерявшие рабочих, не считали конфессию и национальность важными признаками и не учитывали их. Напомним: национальность до последней трети XIX в. вообще не принято было учитывать в любых формулярах, списках, анкетах и опросах, в том числе и в переписях. Имеющиеся сведения об этнической принадлежности новобранцев для периода до конца XIX в. получены косвенным путем: иудеев принимали за евреев, малороссийских казаков — за украинцев, башкир — за мусульман и т. д. Этническая принадлежность, как и конфессиональная, стала систематически учитываться с 1874 г., после введения всеобщей воинской повинности; наиболее тщательно фиксировалась она в советское время.

Сравним этническую и конфессиональную структуру лиц в нашей информационной базе, во всем населении страны и среди всех призывников (табл. 4.9 и 4.10).

Таблица 4.9

Этнический состав всех российских новобранцев, призванных в 1867, 1868, 1884, 1894 и 1904–1907 гг., и населения России во второй половине XIX — начале XX в. (без Польши и Финляндии)

Этносы	Новобранцы									Все население России			
	1867 г.		1868 г.		1884 г.		1894 г.		1904–1907 гг.	1719 г.	1795 г.	1857 г.	1914 г.
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	%	%	%	%	%
Русские	55 460	60,21	55 643	66,19	114 140	76,65	201 524	74,4	53,60	70,7	48,9	45,9	44,6
Украинцы	26 165	28,41	17 282	20,56					18,00	12,9	19,8	17,1	18,1
Белорусы	1 567	1,7	737	0,88					4,00	2,4	8,3	5,3	4
Татары	1 667	1,81	1 698	2,02	2 950	1,98	5 077	1,87	1,10	1,9	1,9	2,6	1,8
Латыши	1 662	1,8	1 784	2,12	5 666	3,81	8 368	3,09	1,08	1	1,8	1,3	1
Литовцы	960	1,04	2 128	2,53					1,08	–	2	1,6	1
Эстонцы	1 319	1,43	1 292	1,54	–	–	–	–	–	2	1,2	0,9	0,7
Жмудь	748	0,81	757	0,9	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 4.9 (окончание)

Этносы	Новобранцы									Все население России			
	1867 г.		1868 г.		1884 г.		1894 г.		1904–1907 гг.	1719 г.	1795 г.	1857 г.	1914 г.
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	%	%	%	%	%
Чуваши	502	0,55	175	0,21	–	–	–	–	–	1,4	0,9	0,7	0,6
Поляки	436	0,47	593	0,71	9 487	6,37	17 759	6,56	6,33	–	6,2	5,3	6,5
Евреи	420	0,46	502	0,6	3 931	2,64	14 837	5,48	4,00	–	1,4	2,7	4,2
Коми	318	0,35	3	0	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Марийцы	292	0,32	12	0,01	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Мордвины	246	0,27	220	0,26	–	–	–	–	–	0,7	0,8	0,9	0,7
Немцы	107	0,12	116	0,14	2 119	1,42	3 836	1,42	1,43	0,2	0,6	1,1	1,4
Башкиры	95	0,1	60	0,07	2 194	1,47	4 213	1,56		1,1	0,5	0,8	1,0
Молдаване	47	0,05	125	1,05	1 943	1,3	1 975	0,73	–		0,5	1,0	0,7
Армяне					106	0,07	1 135	0,42	1,18	–	–	–	–
Цыгане	16	0,05	5	0,15	51	0,03	109	0,04	–	–	–	–	–
Кавказские					3	0	1 380	0,51	0,90	–	–	–	–
Буряты	12	0,02	3	0,01	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Казахи	1	0		0,05	–	–	–	–	–			2,2	2,7
Калмыки	1	0			–	–	–	–	–	1,3	0,2	0,2	0,1
Карелы	4	0,00	44	0,05	5 989*	4,02	9 648*	3,56	–	–	–	–	–
Финны	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1,0	2,2	2,2	1,0
Другие	59	0,06	880	1,05	330	0,22	987	0,36	7,30	3,4	2,8	8,2	9,9
Итого	92 104	100	84 060	100	148 909	100	270 848	100	100	100	100	100	100

Примечание: * Финно-угорские народы в целом

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1; Военно-статистический сборник/Н. Н. Обручев (ред.). Вып. 4. Россия. СПб., 1871. Отдел 2. С. 19; Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год/А. Бушен (ред.). СПб., 1863. С. 214–232; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. 104–109; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 25–26; *Редигер А. Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы: В 2 ч. 4-е изд. Ч. 1. Комплектование армии. СПб., 1913. С. 177.

Как видим, конфессиональный состав всех жителей, призывников и лиц, попавших в нашу базу данных, похож, а этнический до 1874 г. — существенно различается. Тяжесть воинской повинности ложилась на разные этносы неравномерно: более всего были обременены русские, затем украинцы, на короткое время, в 1860-е гг., в армии повысилась роль латышей, эстонцев и литовцев. Остальные национальности имели послабления, поэтому их доля в населении выше, чем среди новобранцев. В конце XIX — начале XX в. нерусские стали активнее привлекаться к исполнению воинского долга. Вследствие этого состав лиц, входивших в нашу информационную базу, стал лучше отражать этническую структуру всех жителей страны.

Таблица 4.10

Конфессиональный состав всех российских новобранцев, призванных в 1867, 1868, 1884 и 1894 гг., и населения Европейской России в 1858 и 1897 гг. (без Польши и Финляндии)

Конфессия	Новобранцы								Население России	
	1867 г.		1868 г.		1884 г		1894 г.		1858 г.	1897 г.
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	%	%
Православные	82 487	89,6	74 541	88,7	118 330	79,5	207 032	76,4	83,95	81,70
Католики	4 644	5,0	4 510	5,4	19 796	13,3	36 389	13,4	4,72	4,65
Протестанты*	2 170	2,4	2 571	3,1					3,29	3,48
Иудеи	864	0,9	502	0,6	3 936	2,6	14 835	5,5	2,40	4,06
Мусульмане	1 787	1,9	1 622	1,9	5 160	3,5	9 282	3,4	3,91	3,82
Старообрядцы	126	0,1	278	0,3	1 447	1,0	2 972	1,1	1,28	1,88
Другие	26	0,0	36	0,0	240	0,2	338	0,1	0,44	0,41
Итого	92 104	100	84 060	100	148 909	100	270 848	100	100	100

Примечание: * Лютеране, реформаты, баптисты, меннониты, англикане.
Источники: см. примечание к табл. IV.9.

4.7. Данные о семейном состоянии

Мы располагаем сведениями о семейном состоянии 143 365 мужчин — более чем о половине включенных в информационную базу, в том числе о 66 135 для XVIII в. и о 77 230 для XIX — начала XX в. Почти все они новобранцы, так как земские врачи семейное состояние у рабочих, как правило, не фиксировали. Среди призывников немного менее трети (28,4%) — женатые, почти половина (43,9%) — холостые, менее процента — вдовцы и только 6 человек — разведенные (табл. 4.11). Этих данных достаточно для выявления зависимости между ростом и семейным состоянием, но только у холостых и женатых.

Таблица 4.11

Семейное состояние новобранцев в информационной базе, 1695–1920 гг.

Семейное состояние	Информационная база данных						Все мужское население России в 1897 г.	
	1695–1800 гг.		1801–1920 гг.		1695–1920 гг.			
	Число наблюдений	%	Число наблюдений	%	Число наблюдений	%	Все %	17 лет и старше,%
Холостые	34 306	36,48	49 932	51,11	84 238	43,94	57,10	25,16
Женатые	30 750	32,70	23 598	24,16	54 348	28,35	39,50	68,90
Вдовцы	1 079	1,15	317	0,32	1 396	0,73	3,29	5,74
Разведенные	–	–	6	0,01	6	0,00	0,06	0,10
Нет сведений	27 904	29,67	23 839	24,40	51 743	26,99	0,05	0,10
Итого	94 039	100	97 692	100	191 731	100	100	100

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Среди всех новобранцев, призванных в 1874–1913 гг., доля женатых несколько выше, чем в нашей базе данных, — от 38% в 1874 г. до 29% в 1894 г. А среди всех жителей страны семейное состояние имело совершенно другой вид: по переписи 1897 г. среди мужчин от 17 лет и старше холостых насчитывалось 25,2%, женатых — 68,9%, вдовцов 5,7% и разведенных — 0,1%; среди всего мужского населения — соответственно 57,1%, 39,5%, 3,3% и 0,1%[21]. Во всей популяции женатые и вдовцы преобладали. Причина иной структуры семейного состояния в нашей информационной базе состоит, конечно, не в том, что в армию шли физически неполноценные люди или убежденные холостяки, — мужчины, у которых в перспективе могла быть служба в армии, воздерживались от вступления в брак.

4.8. Сведения о профессии

Профессиональные занятия мужчин, включенных в информационную базу, зафиксированы почти для всех (табл. 4.12).

Таблица 4.12

Профессиональный профиль мужчин в информационной базе, 1695–1920 гг.

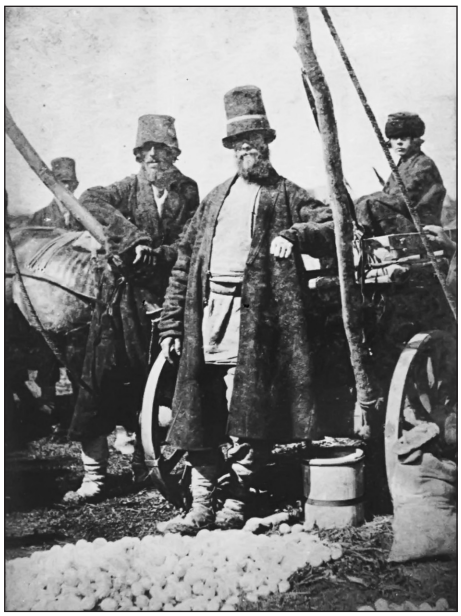
Профессиональная группа	1695–1800 гг.		1801–1920 гг.		1695–1920 гг.	
	Число наблюдений	%	Число наблюдений	%	Число наблюдений	%
Квалифицированные рабочие	2	0,00	103 736	58,45	103 738	38,21
Хлебопашцы	91 000	96,77	62 571	35,26	153 571	56,56
Работники умственного труда	337	0,36	4 357	2,45	4 694	1,73
Неквалифицированные рабочие	9	0,01	1 829	1,03	1 838	0,68
Профессионалы с высшим образованием	–	–	1 036	0,58	1 036	0,38
Военные	1	0,00	167	0,09	168	0,06
Учащиеся	–	–	684	0,39	684	0,25
Предприниматели	2 035	2,16	2 962	1,67	4 997	1,84
Арестанты и бродяги	2	0,00	137	0,08	139	0,05
Нет сведений	655	0,70	0	0,00	655	0,24
Итого	94 041	100	177 479	100	271 520	100

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Как видно из данных табл. 4.12, все профессии, фигурировавшие в источниках, делились на девять групп. Хлебопашцы — те, кто занимался сельским хозяйством, к ним относились, как правило, крестьяне. Группа квалифицированных рабочих включала тех, кто имел специальную квалификацию и для ее получения должен был так или иначе обучаться, — слесарей, токарей, машинистов, плотников, медников, котельщиков, кузнецов, литейщиков, столяров, маляров и т. д. Неквалифицированные, или чернорабочие, — землекопы, грузчики, дворники, рыболовы, кочегары и т. п. — не обладали особой квалификацией и могли выполнять определенную работу без специального обучения. Работники умственного труда — бухгалтеры, писари, счетчики, контролеры — исполняли работу, требовавшую образования. К группе профессионалов

отнесены все, кто имел высшее образование. Военные — это низшие воинские чины, мелкие предприниматели — мелкие торговцы и ремесленники; учащиеся — те, кто учился в разных учебных заведениях. Арестанты до поступления на службу находились под арестом; бродяги занимались бродяжничеством и нищенством. Огромное большинство людей имело легко классифицируемые специальности. Для многих иная, чем хлебопашество, профессия являлась дополнительной.

Профессиональный состав у рекрутов в нашей информационной базы и среди всех призывников был похож, но отличался от всего населения по той причине, что в переписи 1897 г. учитывалась главная и неглавная профессия, а в формулярных списках — только одна, важная для армии, а для новобранца во многих случаях она была дополнительной.



Крестьяне на ярмарке. 1862 г. Фото

4.9. Банк информации о женщинах

В нашей информационной базе имеются сведения о 34 427 женщинах. Все они относятся к работницам, опрошенным земскими врачами в 1880–1890-е гг. на заводах и фабриках Московской и Смоленской губерний. Они родились преимущественно в 1821–1880-е гг., причем почти половина из них — в 1861–1870 гг. (табл. 4.13).

Таблица 4.13

Распределение женщин по годам рождения, 1801–1910 гг.

Годы	1801–1810	1811–1820	1821–1830	1831–1840	1841–1850	1851–1860	1861–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910	Итого
Число женщин	3	85	592	2 150	4 451	8 343	16 531	2 188	69	2	13	34 427
%	0,01	0,2	1,7	6,2	12,9	24,2	48,0	6,4	0,2	0,01	0,04	100

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

По возрасту 26,9% моложе 17 лет, 41,6% — старше 23 лет и 31,5% — в возрасте 17–23 лет. По месту рождения 83,1% женщин происходили из Центрально-промышленного района и 16,5% из Центрально-черноземного, из остальных регионов — менее процента, следовательно, представлены только центральные великорусские губернии (табл. 4.14).

Таблица 4.14

Распределение женщин по региону рождения, 1801–1910 гг.

Район рождения	Число женщин	%
Центрально-промышленный	28 604	83,09
Центрально-черноземный	5 687	16,52
Западный	81	0,24
Север	15	0,04
Украинский	15	0,04
Северо-Запад	8	0,02
Приуралье	6	0,02
Поволжье	3	0,01
Юго-Восток	2	0,01
Сибирь	1	0,00
Заграница	5	0,01
Итого	34 427	100

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

По социальному положению 92,4% являлись крестьянками, 5,3% — мещанками, 2,1% — солдатками и менее 0,1% — из привилегированных социальных групп; фактически представлены только податные сословия (табл. 4.15).

Таблица 4.15

Распределение женщин по социальному статусу, 1801–1910 гг.

Социальная группа	Число женщин	%
Крестьянки	31 820	92,4
Мещанки	1831	5,3
Солдатки	733	2,1
Дворянки и чиновницы	40	0,1
Почетные граждане	1	0,0
Духовенство	1	0,0
Иностранки	1	0,0
Итого	34 427	100

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

По образованию 93,3% женщин не владели грамотой. Из 6,7% грамотных лишь 0,04% имели образование выше начального. К рабочим относились 99,96% женщин, а умственным трудом занималось 0,04%. Православными являлись 99,96%. По этнической принадлежности — только 2 еврейки и 1 мордвинка, остальные «русские», т. е. русские, украинки и белоруски, но главным образом — на 99,9%, если судить по месту рождения, — русские. По семейному состоянию — 48,9% незамужних, 35,4% — замужних и 7,3% вдовых. О семейном состоянии 8,4% информация отсутствует.

Как видно из вышеизложенного, сведений по женщинам намного меньше, чем по мужчинам. Тем не менее, даже имеющиеся данные создают благоприятную возможность, весьма редкую в антропометрических исследованиях, сравнить

физические и социально-демографические характеристики мужского и женского пола, что, безусловно, обогащает анализ.

Итак, наша информационная база содержит различные антропометрические характеристики (рост, вес, обхват груди, сила, жизненная емкость легких) 305 949 человек разного пола, возраста, социального положения, места рождения, образования, профессии, национальной и конфессиональной принадлежности, родившихся в 1695–1920 гг. Столь представительная выборка позволяет решать самые разнообразные вопросы, связанные с динамикой и географией роста и веса как мужчин, так и женщин, и на основе этого анализа получить ценную информацию об изменении благосостояния населения в имперский период истории России. Однако при одном условии — если формулярные списки рекрутов и рабочих достоверно зафиксировали их рост и возраст. Оценим качество учета.

Гейслер Х. Г. Шёнберг К. Г. Конфетчица. 1794 г. Офорт. ГЭ

4.10. Качество сведений о росте

Измерения роста имеются для 305 773 лиц мужского и женского пола. Исследования рабочих в 1880–1890-е гг. имели исключительно научные задачи и впоследствии не использовались в каких-либо политических целях. Они проводились земскими врачами вполне квалифицированно, и нет ни малейших оснований подозревать их в намеренном искажении, хотя, как всегда, возможны случайные ошибки.

Измерение и медицинское обследование новобранцев преследовало практические цели — оценить их годность к службе в соответствии с предъявляемыми к росту и здоровью требованиями. Последние устанавливались правительственными указами и были хорошо известны. Среди многочисленных законодательных актов три имели принципиальное значение — «Генеральное учреждение о ежегодном сборе в государстве рекрут» 1757 г., «Рекрутский Устав» 1831 г. [22] и «Устав о всесословной воинской повинности» 1874 г. Для нашей задачи особенно важны ростовой и возрастной цензы. Требования к росту со временем изменялись (табл. 4.16).

Касаткин Н. А. Шахтерка. 1894 г. ГТГ

Таблица 4.16

Ростовой ценз при призыве в российскую армию в 1730–1914 гг.

Годы	1730–1756 гг.	1757 г.	1832 г.	1845 г.	1854 г.	1874–1914 гг.
Ростовой ценз, вершки	36	36	36	35 ½	35	34 ½
Ростовой ценз, см	160,0	160,0	160,0	157,8	155,6	153,4
Ростовой ценз для лиц моложе указного возраста, см	142,2–155,6	142,2	155,6	155,6	–	–

Источники: ПСЗ-I, т. 8, № 5645 (1730 г.), № 5768 (1731 г.); т. 9, № 7046 (1736 г.); т. 11, № 8446 (1741 г.); т. 14, № 10786 (1757 г.); т. 17, № 12748 (1766 г.); ПСЗ-II, т 6, № 4677 (1831 г.); *Редигер А. Ф.* Комплектование. 2-е изд. Ч. 1. С. 88–95.

При Петре I ростового ценза не существовало, но все же в армию предпочитали брать рослых мужчин. В 1730 г. введен минимум в 2 аршина 4 вершка (старинные русские меры: аршин — 71,12 см и вершок — 4,445 см) или 160 см. В 1845 г. минимальный рост понизился до 157,8 см, в 1854 г. — до 155,6 см. Новый ростовой ценз, равный 2 аршинам и 2½ вершка или 153,4 см, установлен в 1874 г. и оставался неизменным до 1917 г.

Поскольку верхней границей нашего исследования является 1917 г., то наборы лиц, рожденных в начале XX в., производились уже в советское время. Сразу после Октябрьской революции ростовые цензы при наборе в армию были отменены. Законы о всеобщей воинской обязанности 1925, 1928, 1930, 1939 и 1967 гг. ростовой ценз также не установили[23]. Медицинские комиссии имели инструкции, не публиковавшиеся в открытой печати. Имеющиеся сведения показывают: как до, так и после войны 1941–1945 гг. мужчины, имевшие рост менее 150 см и одновременно вес ниже 50 кг, в армию, как правило, не призывались. Понижение ростового ценза иногда приводило к уменьшению среднего роста новобранцев, что, однако, не может служить основанием для заключения о снижении среднего роста россиян.

Кроме главного, существовали и дополнительные ростовые цензы — для тех, кто не достиг установленного законом возраста, для уроженцев ряда уездов, для некоторых национальностей, при наборах обыкновенных, усиленных и чрезвычайных, когда брали с 1000 душ мужского пола соответственно 6, 7–10 и более рекрутов. Например, в XVIII — первой половине XIX в. жители определенных в законе уездов Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерний, все вотяки (удмурты), зыряне (коми), черемисы (марийцы) и чуваши принимались на службу при росте в 35 вершков (155,5 см), а жители 6 северных уездов Архангельской и Вологодской губерний (Мезенского, Пинежского, Кемского, Кольского, Устюжского и Яренского) — при росте 34½ вершка (153,4 см).

Кроме того, по общему правилу люди, особо способные к воинской службе, принимались, если их рост на полвершка (2,2 см) ниже установленной нормы. Во время затяжных войн в армию забирали лиц ростом на 1–5 см ниже нормы, в исключительных случаях — без ограничения. Например, в 1788 г., во время русско-турецкой войны на службу привлекались добровольцы без ограничения роста[24]. Устав 1874 г. установил единый ростовой ценз для всей империи[25].

Желающих стать солдатом в имперский период всегда имелось недостаточно, от службы стремились уклониться под всякими предлогами, прежде всего медицинскими. Записи врачей[26], расспрашивавших призывников о состоянии здоровья, свидетельствуют об этом с полной очевидностью: около половины жаловались на болезни в надежде избежать службы; встречались и откровенные симулянты. Причем мещане и государственные крестьяне и в этом отношении намного превосходили владельческих[27]. Уже в XVIII в. медицинский осмотр отличался тщательностью и обмануть комиссию было практически невозможно, и неосновательные в большинстве жалобы после проверки отводились.

Если новобранец объявлял внутреннюю болезнь («животную», «головную», «ломоту в голове» и т. д.), то приемщики наводили справки через лиц общественного управления из того населенного пункта, откуда он родом. Больные, естественно, попадались редко: общины должны были и реально представляли здоровых мужчин. В течение всего периода действия рекрутской повинности при обнаружении серьезной болезни забракованные заменялись здоровыми, но если болезнь обнаруживалась через три месяца после призыва, то — за казенный счет[28]. До 1874 г. мнение врачей о годности человека к службе считалось факультативным, хотя к нему, как правило, прислушивались. С введением всесословной воинской повинности требования к здоровью, а потому и роль врачей повысились[29]. К счастью, рост относился к такому признаку человека, исказить который он не мог, а комиссия не имела стимула. Однако остается проблема точности измерения.

4.10 а. Индивидуальные сведения

Во всех присутствиях рекрутов измеряли с помощью присланного из столицы ростомера, состоявшего из доски в три аршина (213,3 см), обитой жестью с нанесенными на ней делениями, равными старинным русским мерам — аршинам (711 мм), вершкам (44,45 мм) и восьмым долям вершка (5,56 мм). Шкала с двух концов удостоверялась печатью[30]. Во время медицинского осмотра новобранца раздевали донага, ставили спиной к доске, прикладывали к темени линейку и снимали размер. В XVIII в. иногда по необходимости измеряли человека в обуви, но это специально оговаривалось и в измерения вносилась поправка в один вершок, или в 4,5 см[31]. Генеральные учреждения о сборе 1757 и 1766 гг. требовали: «Принимать в рекруты здоровых и крепких и к военной службе годных, ростом в два аршина и четыре вершка *без обуви*. А ниже оной меры не принимать (курсив мой. — *Б. М.*)»[32].

Точность измерения регламентировалась в инструкции. В XVIII в. она сначала ограничивалась половиной вершка (22 мм), затем — четвертью вершка (11 мм), с XIX в. — ⅛ вершка (5,6 мм), в советское время — сантиметром. В соответствии с Генеральным учреждением 1766 г. медицинское освидетельствование происходило в канцелярии всякий день, кроме воскресений и праздников, в дневное время суток, с рассвета до двух часов дня; прием при свечах запрещался, что на практике, как правило, соблюдалось. При поступлении к месту службы призванных в армию повторно измеряли, и занижение роста, если оно имело место, обнаруживалось. «При поступлении в полк командиры проверяют меру», — гласил § 24 2-й главы Генерального учреждения 1766 г. Если фактический рост оказывался ниже положенной нормы, рекрута могли отправить назад за счет приемщиков,

если выше зафиксированного в формулярном списке, то никаких последствий для приемщика не возникало: армия проявляла заинтересованность в рослых солдатах[33]. Принципиальное значение рост имел при оценке соответствия человека ростовому цензу и при отборе в гвардию, куда брали мужчин от 2 аршин 7½ вершков (1756 мм) и выше[34]. В остальных случаях искажать рост не имело смысла, следовательно, речь могла идти о небрежности и описках.

4.10 б. Агрегированные данные за 1874–1914 гг.

Кроме индивидуальных, мы использовали суммарно-интервальные сведения о росте всех новобранцев, призванных в 1874–1913 гг. и заслуживающих доверия. В эти годы ни ростовой, ни возрастной цензы, ни требования к социальному происхождению и конфессиональной принадлежности не изменялись, измерения охватывали всех призывников и представлялись в отчетах объединенными в 11 групп от 153,4 до 197,8 см с одинаковым интервалом в 4,4 см. Суммарно-интервальные данные, разумеется, не могут дать абсолютно точной величины средней, причем различия между средней по агрегированным и индивидуальным данным тем больше, чем меньше наблюдений и интервалов.

Можно допустить, что чиновники уездных присутствий не всегда точно разносили новобранцев по интервальным ростовым группам, хотя вышестоящие организации всегда проводили проверку поступающих сведений: сравнивалось распределение по росту в отчетном году с предыдущим и, если замечались существенные расхождения, то требовали объяснение. По девяти губерниям за 1873–1874, 1880, 1882–1898 и 1900–1912 гг. удалось найти как первичные, так и полученные на их основе суммарные данные. Это позволило понять, как определялись интервалы и насколько точно призывники разносились по группам[35]. Чиновники воинских присутствий, как правило, выполняли эту работу удовлетворительно (табл. 4.17).

Таблица 4.17

Ростовые интервалы агрегированных данных при наборах в 1874–1914 гг.

Ростовые группы	Интервалы, вершки		Интервалы, см		Середина интервала, см
	от	до	от	до	
I	$34^{4}/_{8}$	$34^{4}/_{8}$	153,4	153,4	153,4
II	$34^{5}/_{8}$	$35^{4}/_{8}$	153,9	157,8	155,9
III	$35^{5}/_{8}$	$36^{4}/_{8}$	158,4	162,2	160,3
IV	$36^{5}/_{8}$	$37^{4}/_{8}$	162,8	166,7	164,7
V	$37^{5}/_{8}$	$38^{4}/_{8}$	167,2	171,1	169,2
VI	$38^{5}/_{8}$	$39^{4}/_{8}$	171,7	175,6	173,6
VII	$39^{5}/_{8}$	$40^{4}/_{8}$	176,1	180,0	178,1
VIII	$40^{5}/_{8}$	$41^{4}/_{8}$	180,6	184,5	182,5
IX	$41^{5}/_{8}$	$42^{4}/_{8}$	185,0	188,9	187,0
X	$42^{5}/_{8}$	$43^{4}/_{8}$	189,5	193,4	191,4
XI	$43^{5}/_{8}$	$44^{4}/_{8}$	193,9	197,8	195,9

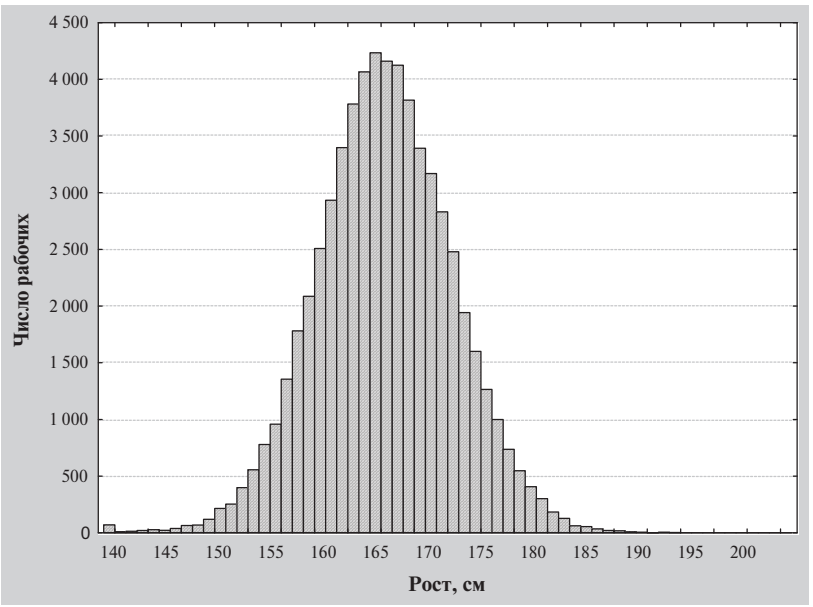
Источники: Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за [1858–1912] год. СПб.; Пг., 1861–1916.

Проведенный анализ позволяет сделать два вывода: (1) чиновники, осуществлявшие прием новобранцев, не имели важных стимулов искажать рост, вследствие этого причинами неточности могли быть халатность и неаккуратность; (2) точность измерений роста в воинских присутствиях контролировалась в вышестоящих организациях и в частях, куда призывники прибывали для службы; повторные измерения давали обнадеживающие результаты. Нам остается теперь оценить точность измерения роста.

4.10 в. Проверка точности сведений о росте

Распределение новобранцев и рабочих по росту. Массовые данные о росте, если они достаточно точные, при нанесении на график (по оси абсцисс — величины роста, а по оси ординат — число людей такого роста), должны давать распределение, которое называется в статистике нормальным. На рис. 4.1 представлено распределение 62 050 российских рабочих старше 17 лет по росту; измерение производили в 1880-е гг. квалифицированные земские врачи, совершенно не заинтересованные в искажении роста. Такой график представляет собой симметричную одновершинную пирамиду, или колокол. Левая и правая части такого распределения симметричны, граница между ними проходит по средней арифметической, равной по абсолютной величине моде и медиане. Наиболее часто встречаются значения признака, близкие к средней арифметической, другие варианты признака по мере удаления от средней встречаются все реже[36]. В примере с рабочими средняя арифметическая равна 164,7 см, медиана — 164,5 и мода — 164 см, левая и правая половины распределения почти симметричны, так как коэффициент асимметрии близок к нулю — –0,13.

Рис. 4.1. **Гистограмма распределения 62 050 рабочих по росту в 1880-е гг. (в возрасте старше 17 лет)**

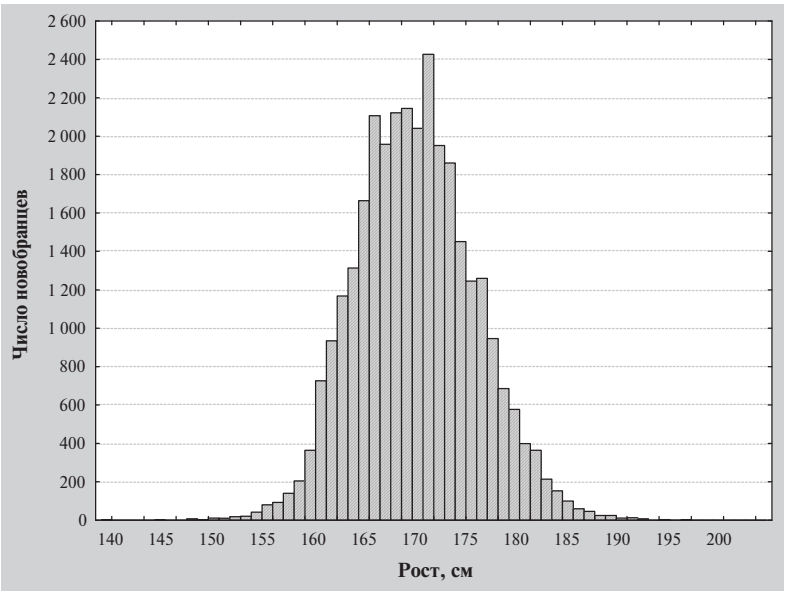


Источники: Составлено на основании источников, указанных в Приложении 1.

Разумеется, эта наша гистограмма — не идеал нормального распределения, но оно и в действительности почти не встречается из-за неточности измерений и неоднородности сведений, в частности, наша выборка неоднородна по социальному положению (она включает лиц всех сословий), по образованию (образованные, малообразованные и неграмотные) и по возрасту (все рабочие в возрасте от 18 до 80 лет). Но и при таком несовершенном по гомогенности составе мы получили распределение, близкое к нормальному, и достаточно высокая степень этого сходства свидетельствует об относительной точности измерений.

Близким к нормальному является также распределение по росту 30 997 новобранцев, рожденных в конце XIX в., но призванных на службу уже в советское время, в 1920-е гг., когда ростовой ценз отсутствовал (см. рис. 4.2).

Рис. 4.2. **Гистограмма распределения 30 997 новобранцев по росту в конце XIX — начале XX в. (в возрасте старше 17 лет).**

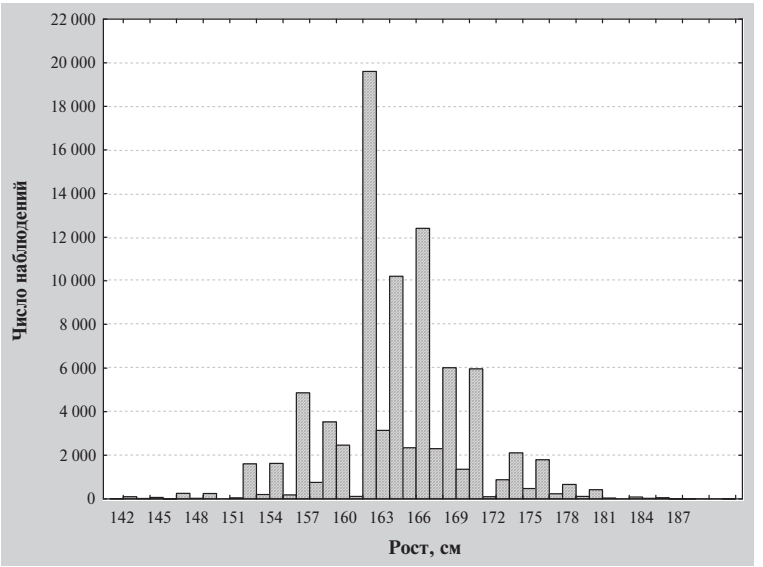


Источники: Составлено по данным источников, указанных в Приложении 1.

В данном случае мода (170 см) немного отличается от средней арифметической (168,8 см) и медианы (169,0 см). Это указывает на то, что при измерении призывников наблюдалось округление и аккумуляция: лиц, чей реальный рост немного ниже или выше 170 см, в формуляр записывали как имеющих 170 см. Левая и правая половины распределения почти симметричны (коэффициент асимметрии равен 0,11). Как и в предыдущем случае, отклонение от идеального нормального распределения объясняется неоднородностью и некоторой неточностью измерений.

По-другому выглядит гистограмма распределения 87 668 человек по росту в XVIII в. Правая половина распределения от отметки 160 см напоминает нормальное распределение, а левая половина, где фиксируются лица ростом менее 160 см (по причине существования ростового ценза), выглядит усеченной и не симметричной правой половине (см. рис. 4.3). Гистограмма показывает: в XVIII в. чиновники сильно округляли и аккумулировали данные, оканчивающиеся на ноль и пять.

Рис. 4.3. **Гистограмма распределения 87 668 новобранцев по росту в XVIII в. (в возрасте старше 17 лет)**



Источники: Составлено по данным источников, указанных в Приложении 1.

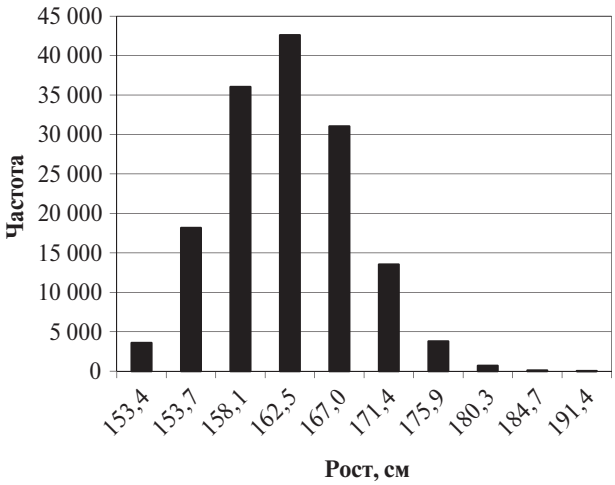
Наконец, проверим точность измерения и одновременно качество разбивки призывников на интервальные группы по росту в суммарных сведениях за 1874–1913 гг. Если чиновники измерили и записали рост правильно и свели новобранцев в группы достаточно точно, то распределение по росту должно быть близко к нормальному (с учетом, конечно, усечения распределения вследствие ростового ценза). Гистограммы суммированных данных убеждают: по всем губерниям и за все годы наблюдалось близкое к нормальному распределение рекрутов по росту, как это видно на примере 1874 г. (см. рис. 4.4). Отсюда следует: измерение и агрегирование первичных данных в 1874–1913 гг. проходило достаточно удовлетворительно и не приводило к сколько-нибудь существенному искажению среднего роста.

Таким образом, распределения рекрутов по росту близки к нормальному, что свидетельствует об удовлетворительной точности измерения для всего изучаемого периода. Об этом же говорят следующие факты: лица из привилегированных сословий были более рослыми, чем из податных, грамотные — выше неграмотных, православные — выше мусульман, прибалтийские народы и немцы — выше русских. Именно так описывают современники различия в росте между различными социальными группами и народами, и это соответствует аксиоме из биологии человека: лучшие условия жизни обеспечивают более высокий рост.

За XIX — начало XX в. мы располагаем несколькими источниками о росте, которые дают нам: (1) индивидуальные цензурированные, или усеченные (вследствие существования ростового ценза) данные о росте новобранцев за весь изучаемый период, (2) индивидуальные нецензурированные сведения о рабочих за XIX в., (3) индивидуальные нецензурированные данные о лицах, поступивших на службу после отмены ростового ценза в 1918 г., (4) агрегированные цензурированные сведения о всех призванных в армию в 1874–1914 гг. Анализ показал:

различия в среднем пятилетнем росте по показаниям разных источников не имеют систематической ошибки, чаще всего не превышают стандартные ошибки выборки, находясь в границах доверительного интервала.

Рис. 4.4. **Гистограмма распределения новобранцев по росту в призыв 1874 г.**



Источники: Подсчитано по данным источников, указанных в Приложении 1.

4.10 г. Рост новобранцев, принятых в разные рода войск

Призывники в зависимости от роста назначались служить в тот или иной род войск они. Ростом от 175 см и выше направлялись в гвардию и гренадеры, самые низкорослые — в пехоту. В нашей информационной базе, особенно за XVIII в., относительно много сведений о новобранцах, взятых во флот и артиллерию. Сравнение показывает: мужчины, направляемые в эти два рода войск, по росту и возрасту мало отличались между собой и от тех, кого направляли в другие рода войск, в том числе пехоту (табл. 4.18).

Таблица 4.18

Средний рост и возраст рекрутов, взятых на службу во флот и артиллерию в 1780–1790-е гг. и 1801–1855 гг.

Род войск	Средний рост, вершков	Средний возраст, лет	Число рекрутов
Пензенская губерния			
Морской флот, 1795 г.	164,5	21.32	2715
Артиллерия, 1795 г.	164,5	21,16	1016
Пермская губерния			
Морской флот, 1795 г.	164,5	21,49	799
Артиллерия, 1795 г.	163,4	22,76	37
Морской флот, 1796 г.	162,2	22,10	30
Артиллерия, 1796 г.	163,4	24,53	247

Таблица 4.18 (окончание)

Род войск	Средний рост, вершков	Средний возраст, лет	Число рекрутов
Казанская губерния			
Морской флот, 1795 г.	166,7	23,14	42
Артиллерия, 1795 г.	166,7	23,26	41
Морской флот, 1796 г.	165,0	24,60	23
Артиллерия, 1796 г.	165,0	24,70	23
Орловская губерния			
Морской флот, 1794 г.	163,9	22,35	1 520
Артиллерия, 1788–1789 гг.	163,4	25,72	71
Морской флот, 1795 г.	164,5	23,28	373
Артиллерия, 1796 г.	165,0	22,40	954
Курская губерния			
Морской флот, 1797 г.	164,5	21,90	2 018
Артиллерия, 1788–1789 гг.	163,9	27,24	46
Россия, 1801–1855 гг.			
Морской флот	164,5	23,50	30 514
Артиллерия	163,9	22,40	4 572
Другие рода войск	164,5	23,00	35 086

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

4.11. Качество сведений о возрасте

В XVIII в. армии требовались мужчины преимущественно в возрасте от 17 до 35 лет включительно (в 1757–1765 гг. — от 20 до 35 лет). В начале XIX в. нижний возрастной предел повышается до 18 лет, а по Рекрутскому уставу 1831 г. — до 20 лет. В 1874 г. нижняя граница повысилась почти на год, поскольку вплоть до 1913 г. в армию поступали мужчины, имевшие к 1 января призывного года 20 лет (с 1893 г. — достигшие 20 лет к 1 октября призывного года), и небольшое число лиц более старшего возраста, получивших прежде отсрочки по определенным в законе условиям. Поскольку наборы производились, как правило, с 15 октября до 15 ноября, после уборки урожая, то до 1913 г. большинству новобранцев к моменту поступления на службу призыва исполнился 21 год. В 1913 г. возрастной ценз понижается на один год. 20-летний возрастной ценз действовал до начала 1925 г. В 1925–1935 гг. возрастной ценз равнялся 21 году к 1 января года призыва, с 1936 г. — 19 лет, с 1967 г. — 18 лет ко дню призыва[37] (табл. 4.19).

Таблица 4.19

Возрастной ценз при призыве в российскую армию в 1730–1967 гг.

	1730 г.	1741 г.	1757 г.	1766 г.	1825 г.	1832 г.	1874 г.	1913 г.	1925 г.	1936 г.	1967 г.
Возрастной ценз, лет	15–30	17–35	20–35	17–35	18–35	20–35	21	20	21	19	18

Источники: Источники указаны в примечании к табл. 4.16.

В результате изменений возрастного ценза средний возраст рекрутов до 1873 г. был выше, чем после введения всеобщей воинской повинности, на **2–3 года** (табл. 4.20). Снижение возрастного ценза приводило к незначительному уменьшению среднего роста призывников, так как большинство мужчин в то время росли до 22 лет, а те, кто очень плохо питался, — до 25–27 лет[38].

Таблица 4.20

Средний возраст новобранцев, рожденных в 1701–1900 гг., лет

Годы рождения	Возраст	Число рекрутов	Годы рождения	Возраст	Число рекрутов
1701–1710	26,3	1 626	1801–1810	22,4	19 215
1711–1720	22,4	5 034	1811–1820	24,4	6 293
1721–1730	23,2	2 795	1821–1830	24,1	7 833
1731–1740	22,7	8 766	1831–1840	22,5	5 534
1741–1750	24,1	5 786	1841–1850	22,6	11 479
В среднем	23,7			23,2	
1751–1760	27,5	8 032	1851–1860	21,3	5 794
1761–1770	25,3	13 270	1861–1870	21,1	1 544
1771–1780	23,0	16 647	1871–1880	21,2	2 418
1781–1790	23,2	13 532	1881–1890	21,2	2 161
1791–1800	21,2	12 175	1891–1900	20,1	3 864
В среднем	24,0			21,0	

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

В XVIII в. возрастной ценз в целом соблюдался, хотя в ряде случаев — тоже по закону — делались исключения: рослые и здоровые принимались до достижения 17–18 лет; при большей потребности в солдатах и отсутствии лиц, отвечающих цензу, брались лица моложе или старше установленных лет. В нашей выборке по XVIII в. призывников, не отвечавших возрастному цензу, насчитывалось менее 7%. Самой многочисленной возрастной группой среди них являлись 20-летние — 17,6%. На долю лиц в возрасте 18–22 лет приходилось свыше половины — 50,8%. В XIX — начале XX в. при наборе в армию возрастной ценз строго соблюдался.

В базе данных, кроме новобранцев, широко представлены рабочие. Возрастная структура всех 271 520 лиц мужского пола показана в табл. 4.21.

Таблица 4.21

Возрастной состав мужчин в информационной базе, 1695–1920 гг.

Возраст, лет	Число данных	%	Возраст, лет	Число данных	%
5	16	0,01	44	640	0,24
6	10	0,00	45	1 533	0,56
7	27	0,01	46	623	0,23
8	53	0,02	47	752	0,28
9	141	0,05	48	853	0,31
10	581	0,21	49	507	0,19

Таблица 4.21 (окончание)

Возраст, лет	Число данных	%	Возраст, лет	Число данных	%
11	1 125	0,41	50	1 328	0,49
12	1 984	0,73	51	284	0,10
13	2 361	0,87	52	549	0,20
14	3 407	1,25	53	389	0,14
15	3 779	1,39	54	268	0,10
16	4 605	1,70	55	758	0,28
17	6 417	2,36	56	319	0,12
18	15 155	5,58	57	287	0,11
19	15 586	5,74	58	319	0,12
20	32 349	11,91	59	178	0,07
21	32 062	11,81	60	668	0,25
22	39 563	14,57	61	111	0,04
23	14 206	5,23	62	174	0,06
24	10 486	3,86	63	154	0,06
25	14 045	5,17	64	98	0,04
26	7 516	2,77	65	191	0,07
27	7 133	2,63	66	69	0,03
28	6 962	2,56	67	46	0,02
29	4 651	1,71	68	50	0,02
30	7 377	2,72	69	28	0,01
31	2 524	0,93	70	75	0,03
32	3 587	1,32	71	10	0,00
33	3 468	1,28	72	13	0,00
34	2 490	0,92	73	9	0,00
35	3 591	1,32	74	8	0,00
36	1 909	0,70	75	8	0,00
37	1 986	0,73	76	3	0,00
38	2 069	0,76	77	5	0,00
39	1 524	0,56	78	5	0,00
40	2 776	1,02	80	3	0,00
41	662	0,24	82	2	0,00
42	1 179	0,43	85	1	0,00
43	839	0,31	87	1	0,00
			Итого	271 520	100

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

На долю 18–35-летних приходится 82%, на долю лиц младше 18 и старше 35 лет — по 9%. Наблюдений о лицах в возрасте 5–9 лет и 66–87 лет недостаточно, но интервал от 10 до 65 лет представлен удовлетворительно. Возрастная структура мужчин в информационной базе и в стране в целом существенно различаются. Во всем населении больше детей и лиц зрелого и пожилого возраста, поскольку в армию призывались молодые мужчины преимущественно от 18 до 35 лет от роду, а рабочие в основном являлись физически зрелыми и здоровыми людьми. Детский труд в промышленности использовался в существенно меньших масштабах, чем труд взрослых. Достоинство нашей информационной базы состоит в том,

что доля лиц от 24 лет и старше, когда удлинение тела полностью прекращается, весьма значительна — 35,5% в XVIII в. и 35,9% в XIX – начале XX в. Насколько правильно фиксировался возраст? Инструкции требовали его проверки по материалам ревизий, регулярно проводившихся с 1719 г., или метрическим книгам, которые приходские священники более или менее регулярно вели с 1730-х гг. Чиновники соблюдали инструкцию, хотя работа с документами была обременительной. Уже в первых формулярных списках 1730-х гг. возраст рекрутов удостоверялся выпиской из окладной книги по ревизии 1719 г.[39]

С начала XIX в. точность учета возраста возросла благодаря проверке его по документам (метрикам, ревизским сказкам, окладным и обывательским книгам, посемейным спискам и др.). В случае их отсутствия возраст определялся устным опросом самого новобранца и сдатчиков — представителей общины, а в сомнительных случаях оценивался медицинской комиссией по наружному виду[40]. Как во время переписей, так и во время опросов люди при указании лет предпочитали цифры, оканчивавшиеся на 0 или 5, в результате возникала так называемая проблема возрастной аккумуляции[41], как это обычно бывает в традиционных обществах с низким уровнем грамотности.

Начальство воинских частей, куда поступали призывники, следило, чтобы они соответствовали законным требованиям к их физической годности. В ситуации, когда возраст имел значение, он тщательно проверялся, и существенно исказить его было практически невозможно. Но аккумуляция безусловно существовала, поэтому следует отдавать предпочтение пятилетним и десятилетним средним: для них проблема, как правило, автоматически снимается[42].

Итак, точность данных о росте и возрасте новобранцев — главнейших для нашей темы признаках, не являлась идеальной. Но уже в XVIII в. она находилась на уровне, позволявшие использовать антропометрические сведения в научном анализе и получать на их основе объективную картину динамики среднего роста россиян. Неточность выборочных средних контролируется посредством стандартных ошибок средних, и она, как правило, не превышает той величины, которая бы могла затруднить интерпретацию данных. Неточность в оценке роста и возраста в существенной степени нейтрализуется при переходе от ежегодных средних к многолетним средним.

4.12. Вариация роста мужчин в зависимости от социально-демографических признаков

Как установлено в исторической антропометрии, рост людей зависит от многих социально-демографических признаков: от возраста, социального статуса, семейного положения, образования, профессии, конфессиональной и национальной принадлежности, места рождения и жительства и других. Если состав призывников в выборках в отдельные годы (пятилетия, десятилетия и периоды) существенно отличается от нормальной структуры популяции, то выборочные средние могут отражать не столько изменение среднего роста, сколько структурные колебания в наших выборках. Отсюда возникает необходимость выяснить, во-первых, какие социально-демографические признаки российских новобранцев в наибольшей степени воздействовали на их рост, и, во-вторых, оценить однородность выборок, относящихся к разных временны́м отрезкам.

4.12 а. Возраст и рост

Военные врачи, в 1860–1880-е гг. изучавшие влияние воинской службы на рост, установили: с 20 до 26 лет включительно рост увеличивался на 0,6–4,5 см, в том числе в течение первого года службы — на 0,6–2,0 см[43], так как условия жизни, в особенности питание, для многих в армии были лучше, чем в деревне. У тех, кто не попадал в армию, рост в течение 20–26 лет повышался в среднем на 0,5 см. В нашем распоряжении имеются данные о лицах мужского пола в возрасте от 5 до 87 лет. Они позволяют получить представление о вариации роста в зависимости от возраста у мужчин призывного контингента (табл. 4.22).

Таблица 4.22

Изменение среднего роста мужчин 1701–1900 гг. рождения в зависимости от возраста*

Возраст	1701–1750 гг.			1751–1800 гг.			1801–1860 гг.			1861–1900 гг.		
	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ
18	161,7	886	4,9	160,5	7 631	5,2	163,1	2 941	5,2	161,6	3 333	6,7
19	163,1	738	4,5	160,9	7 600	5,4	164,0	2 984	5,4	164,2	3 630	6,1
20	163,5	6 796	3,7	162,4	9 767	4,9	164,5	6 899	5,5	164,9	4 574	5,9
21	164,2	1 958	3,8	162,1	4 137	5,4	165,0	9 768	5,6	165,6	7 381	5,7
22	164,2	2 774	4,0	162,6	5 398	5,4	165,1	12 516	5,7	165,4	1 724	6,0
23	164,4	1 967	4,2	162,5	3 702	5,5	164,7	6 764	5,7	164,5	189	5,9
24	164,6	1 158	4,4	162,5	2 930	5,6	164,7	5 954	5,9	166,2	93	5,9
25	164,6	3 154	4,2	163,0	4 619	5,3	164,7	5 914	5,9	165,1	151	5,8
26	164,7	709	4,3	163,1	1 838	5,5	164,7	4 683	5,9	165,0	118	5,5
27	164,4	694	4,4	162,6	2 161	5,4	165,1	4 053	5,9	163,9	106	6,2
24+	164,6	8 893	4,4	162,7	25 423	5,7	165,0	61 634	6,0	165,0	1 006	6,0

Примечание: * n — число наблюдений, σ — стандартное отклонение.
Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Удлинение тела прекращалось в основном к 21–22 годам; к 27 годам прибавка роста равнялась лишь 0,5 см. В интервале от 18 до 22 лет включительно рост существенно увеличивался: у родившихся в 1701–1750 гг. — на 2,6 см, в 1751–1800 гг. — на 2,1 см. Разумеется, после 21–22 лет не могло происходить и уменьшения роста, как можно подумать на основе табл. 4.22. Наблюдаемое укорочение тела — следствие изменения состава выборок, так как наши данные отражают влияние на рост не только возраста, но и таких важных факторов, как год рождения, социальный статус, образование, семейное состояние, этническая принадлежность, место проживания. Устранение воздействия этих признаков с помощью уравнения множественной регрессии показывает, что и у родившихся в XIX в. прибавка роста после 21 года равнялась 0,28 см (табл. 4.23).

Таблица 4.23

Ростовая дифференциация в зависимости от возраста в XIX в. по результатам множественного регрессионного анализа

Возраст	Рост, см
18 лет	160,29
19 лет	161,48
20 лет	161,93
21 год	161,94
22 года	161,95
23 года	162,04
старше 23 лет	162,10

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Отсюда следуют два важных для дальнейшего анализа вывода: (1) при анализе динамики роста необходимо стандартизировать выборки по возрасту, (2) в XIX в. физическое развитие ускорилось и к 21 году основные потенции роста мужчин являлись почти исчерпанными.

4.12 б. Социальный статус и рост

Между мужчинами разного социального статуса наблюдалась статистически значимая вариация по росту (табл. 4.24).

Таблица 4.24

Изменчивость роста мужчин в зависимости от социального положения в XVIII–XIX вв. (в возрасте 18 лет и старше)*

Социальная группа	1701–1750 гг.			1751–1800 гг.			1801–1860 гг.			1861–1900 гг.		
	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ
Вольноотпущенники	–	–	–	–	–	–	165,7	166	5,3	–	–	–
Государственные крестьяне	164,4	606	5,7	161,5	12 784	5,8	164,5	14 230	5,5	–	–	–
Дворовые	164,5	240	4,3	164,5	501	5,3	165,8	2 242	6,1	–	–	–
Духовенство	163,0	51	6,7	163,7	217	6,3	170,6	22	6,3	–	–	–
Колонисты	–	–	–	–	–	–	–	–	–	167,1	64	5,2
Крестьяне**	164,2	13 984	4,0	164,8	7 474	4,8	165,0	60 280	5,9	164,5	22 721	6,1
Мещане, цеховые и купцы	164,1	534	4,4	162,9	1 354	5,9	165,6	5 896	6,1	165,3	1 446	6,3
Нижние воинские чины	163,7	135	3,7	160,2	175	7,7	165,3	6 413	5,5	165,2	180	5,9
Однодворцы				162,8	3 522	4,7	163,8	1 332	5,3	–	–	–
Помещичьи крестьяне	163,7	6 738	4,2	161,5	33 055	5,3	164,3	9 675	5,7	–	–	–
Почетные граждане	–	–	–	–	–	–	–	–	–	166,1	36	6,1
Свободные хлебопашцы	–	–	–	–	–	–	164,8	94	5,8	–	–	–
Удельные крестьяне	163,7	418	4,5	162,1	1 788	5,7	164,3	735	5,5	–	–	–

Таблица 4.24 (окончание)

Социальная группа	1701–1750 гг.			1751–1800 гг.			1801–1860 гг.			1861–1900 гг.		
	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ
Чиновники	–	–	–	–	–	–	165,9	34	7,7	167,1	77	6,5
Экономические крестьяне	163,4	1 282	4,6	162,7	2 685	5,6	164,6	430	5,8	–	–	–
«Ясачные люди»	–	–	–	162,6	54	6,0	163,1	1 497	5,5	–	–	–
Прочие	165,8	24	–	166,5	49	–	–	460	–	–	144	–
В среднем	164,0		4,2	162,1		5,5	164,9		5,8	164,5		6,2

Примечания: * n — число наблюдений, σ — стандартное отклонение.

** Крестьяне разных категорий, без точной идентификации; кроме идентифицированных.

Источник: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Различия в росте мужчин, принадлежавших к разным социальным группам, достигали внушительной величины: в 1701–1750 гг. — 2,8 см, в 1751–1800 гг. — 6,3 см, в 1801–1860 гг. — 7,5 см, в 1861–1900 гг. — 2,6 см. В действительности разница в 1701–1750 и 1860–1900 гг. больше, но в нашей базе данных отсутствуют сведения о самых привилегированных стратах, так как они в армию на общих основаниях не призывались и потому не измерялись. А те, которые становились солдатами или рабочими, относились к деклассированной части своего сословия. Наличие статистически значимой зависимости между ростом и социальным статусом делает необходимым при анализе динамики роста за отдельные периоды учитывать колебания в социальной структуре лиц, входящих в выборки.

4.12 в. Семейное положение и рост

Парные группировки показывают, что между лицами разного семейного состояния имелась вариация по росту: среди всех мужчин в бракоспособном возрасте холостые в массе уступали в росте женатым и чаще всего вдовцам: преимущество женатых составляло в 1701–1800 гг. 0,3 см, в 1801–1900 гг. — 0,2 см; среди рабочих в XIX в. — 1,2 см (табл. 4.25).

Таблица 4.25

Вариация среднего роста мужчин 1701–1900 гг. рождения (в возрасте 18 лет и старше) в зависимости от семейного состояния*

Семейное состояние	Все мужчины старше 17 лет						Рабочие старше 17 лет		
	1701–1800 гг.			1801–1900 гг.			1801–1900 гг.		
	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ
Холостые	163,3	15 609	4,38	162,9	40 033	6,14	164,1	894	6,40
Женатые	163,6	16 355	4,68	163,1	33 639	5,87	165,3	1 814	6,07
Вдовцы	164,0	441	5,24	162,5	940	5,77	165,4	68	5,65

Примечание: * n — число наблюдений, σ — стандартное отклонение.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Почему женатые и вдовцы имели немного более высокий рост, чем холостые? Можно предложить следующее объяснение. В российской деревне браки были ранними и почти всеобщими — неженатыми оставались только инвали-

ды — 4–5% всего населения[44]. В XIX в. средний возраст невест равнялся 20–22, а женихов — 23–25 годам[45]. В брак раньше других вступали физически созревшие и здоровые мужчины, а за признак зрелости принимался прежде всего рост. На лиц с какими-либо физическими недостатками, в том числе низкорослых, существовал меньший спрос на брачном рынке; они вступали в брак позже высокорослых и часто женились на бедных девушках или вдовах.

4.12 г. Образование и рост

Между мужчинами, имеющими различное образование, имелись существенные различия в росте (табл. 4.26).

Таблица 4.26

Изменчивость роста мужчин в зависимости от образования в XVIII — начале XX в. (в возрасте 18 лет и старше)*

Лет обучения	1761–1800 гг.			1801–1860 гг.			1861–1900 гг.			1901–1920 гг.		
	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ
0	163,0	1 168	5,6	164,5	61 326	5,8	163,6	9 606	6,2	166,4	26	4,5
1 (грамотные)	164,5	41	5,5	165,6	21 511	5,3	164,5	1 529	6,2	168,6	542	5,5
2	–	–	–	–	–	–	165,1	12 266	6,0	169,0	1 508	5,6
3	–	–	–	–	–	–	166,1	1 010	5,7	168,8	4 420	5,4
4	–	–	–	–	–	–	167,4	55	4,1	168,7	8 974	5,4
5–7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	168,9	10 089	5,5
8–10	–	–	–	–	–	–	168,1	79	7,3	168,9	3 572	6,0
11–13	–	–	–	–	–	–	–	–	–	169,5	1 127	5,4
14–15	–	–	–	–	–	–	–	–	–	169,9	167	6,1
В среднем	163,1		5,6	164,8		5,8	164,6		6,2	168,8		5,5

Примечание * n — число наблюдений, σ — стандартное отклонение.
Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Парные группировки показывают: грамотные выше неграмотных в 1761–1800 г. на 1,5 см, в 1801–1860 гг. — на 1,1 см, в 1861–1900 гг. — на 1,5 см, в 1901–1920 гг. — на 2,5 см. При этом длина тела возрастала с повышением уровня образования: лица со средним (полным и неполным) образованием весьма чувствительно превосходили неграмотных — на 3,5–4,5 см. Ростовая дифференциация по образованию и ростовая дифференциация по социальному статусу очень близки, что неудивительно: в сословном обществе образование находилось в тесной связи с социальным положением, являясь привилегией высших социальных страт. При равном возрасте, социальном статусе, семейном состоянии и месте проживания грамотные превосходили неграмотных в XVIII в. на 1,53 см, а в XIX в. — на 0,99 см — человек получал своеобразную ростовую премию за образование. Наличие зависимости между ростом и образованием требует учета грамотности входивших в выборки лиц.

4.12 д. Профессия и рост

Люди разных профессий также различались по росту (табл. 4.27).

В 1701–1750 гг. ремесленники и мелкие торговцы превосходили хлебопашцев на 0,1 см, в 1751–1800 гг. работники умственного труда были

Таблица 4.27

Изменчивость роста мужчин в зависимости от профессии в XVIII–XIX вв. (в возрасте 18 лет и старше)*

Профессиональная группа	1701–1750 гг.			1751–1800 гг.			1801–1860 гг.			1861–1900 гг.		
	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ
Неквалифицированные рабочие	–	–	–	–	–	–	165,7	211	5,8	165,8	384	5,6
Квалифицированные рабочие	–	–	–	–	–	–	165,0	47 458	6,0	164,0	17 447	6,3
Хлебопашцы	164,0	23 287	4,2	162,1	61 883	5,5	164,7	52 918	5,6	165,7	6 026	5,6
Нижние воинские чины	–	–	–	–	–	–	165,7	56	5,9	–	–	–
Мелкие торговцы и ремесленники	164,1	534	4,7	162,9	1 351	5,8	165,4	2 649	6,0	165,6	256	5,4
Работники умственного труда	–	–	–	163,8	228	6,3	167,9	62	7,4	166,7	573	5,6
В среднем	164,0		4,2	162,1		5,5	164,9		5,8	164,5		6,2

Примечание: * n — число наблюдений, σ — стандартное отклонение.
Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

выше хлебопашцев на 1,7 см, в 1801–1860 гг. — на 3,2 см, в 1861–1900 гг. — выше квалифицированных рабочих на 2,7 см. Этого следовало ожидать, поскольку в сословном обществе профессия, как и образование, человека находились в тесной связи с его сословной принадлежностью. Однако если оценить профессиональную вариацию по росту в чистом виде, устранив методом множественной регрессии воздействие возраста, социального статуса, грамотности и семейного состояния, то оказывается, что дифференциация роста по профессиям отсутствует. Это можно интерпретировать следующим образом: профессия отражает влияние социального статуса и образования и при наличии данных об этих признаках ее учитывать необязательно.

Чеканщики. 1890 г. Фото

4.12 е. Конфессия, этническая принадлежность и рост

Между людьми, принадлежавшими к различным конфессиям и этносам, наблюдалась существенная и статистически значимая дифференциация по росту (табл. 4.28 и 4.29)

Таблица 4.28

Вариация мужчин по росту в зависимости от вероисповедания в XVIII–XIX вв. (в возрасте 18 лет и старше)*

Конфессиональная группа	1760–1800 гг.			1801–1860 гг.			1861–1900 гг.		
	см	n	σ	см	n	σ	см	n	σ
Мусульмане	161,4	16	6,3	163,6	821	5,6	162,7	6	4,3
Иудеи	–	–	–	–	–	–	162,8	45	5,0
Православные	161,6	2 525	6,4	164,9	97 423	5,8	164,5	22 825	6,1
Католики	–	–	–	–	–	–	165,2	47	6,4
Протестанты	–	–	–	166,0	219	5,9	165,5	1 439	5,7
Старообрядцы	–	–	–	165,8	34	5,4	166,0	57	5,5
В среднем	161,6		6,4	164,9		5,8	164,5		6,2

Примечание: * n — число наблюдений, σ — стандартное отклонение.
Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Таблица 4.29

Дифференциация мужчин по росту в зависимости от национальности во второй половине XVIII — начале XX в. (в возрасте 18 лет и старше)*

	1801–1860 гг.			1901–1920 гг.		
	см	n	σ	см	n	σ
Евреи	165,0	62	6,0	167,1	469	5,7
Карелы	163,5	17	5,7	169,5	46	5,1
Марийцы	163,5	134	5,6	165,7	23	5,3
Мордвины	163,2	24	3,7	168,1	98	5,7
Немцы	165,9	206	5,7	–	–	–
Новокрещенные	162,5	658	5,0	–	–	–
Поляки	164,9	53	6,0	170,6	57	5,9
Русские	–	–	–	168,7	23 462	5,4
«Русские»**	164,9	93 268	5,9	–	–	–
Татары	163,3	504	5,6	166,3	261	5,3
Удмурты	163,0	235	5,6	163,5	24	5,0
Украинцы	164,6	215	5,5	170,2	5 039	5,7
Чуваши	163,3	382	5,0	166,5	93	5,0
«Ясачные люди»	163,2	1 125	5,6	–	–	–
В среднем	164,8	–	–	168,9	–	–

Примечания: * n — число наблюдений, σ — стандартное отклонение.
** Русские, украинцы и белорусы.
Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Как видим, дифференциация мужчин по росту в зависимости от конфессии и национальности примерно совпадает, что естественно. Вероисповедание связано с этнической принадлежностью: в нашей информационной базе мусульмане чаще всего являлись татарами и башкирами, католики — поляками, протестанты — немцами и финнами, иудеи — евреями, православные — русскими, украинцами и белорусами, или славянами, старообрядцы — русскими, язычники — чувашами, марийцами и удмуртами; новокрещенные и ясачные люди — нерусскими.

Ввиду сильной зависимости между ростом и национальной принадлежностью последнюю желательно учитывать. К сожалению, сделать это невозможно из-за недостатка соответствующей информации. Но, как ни парадоксально, этот пробел не отразится на точности наших расчетов средних вследствие малочисленности новобранцев нерусской национальности в нашей информационной базе.

4.12ж. Место жительства и рост

Между уроженцами разных губерний также существовали статистически значимые различия в росте (табл. 4.30).

Таблица 4.30

Вариация мужчин по росту в зависимости от губернии рождения в XVIII — начале XX в. (в возрасте 21 года)

Губерния	Рост, см	Губерния	Рост, см	Губерния	Рост, см	Губерния	Рост, см
Амурская	165,7	Иркутская	164,9	Оренбургская	163,1	Таврическая	164,6
Архангельская	163,6	Кавказские	164,5	Орловская	163,4	Тамбовская	163,1
Астраханская	164,8	Казанская	162,5	Пензенская	163,5	Тверская	163,5
Бессарабская	164,4	Калужская	163,2	Пермская	164,1	Терская	165,1
Виленская	163,2	Киевская	164,7	Подольская	164,5	Тобольская	164,2
Витебская	164,2	Ковенская	163,7	Полтавская	165,3	Томская	165,0
Владимирская	163,6	Костромская	163,0	Приморская	165,7	Тульская	163,2
Вологодская	162,9	Кубанская	165,9	Псковская	164,2	Уфимская	162,9
Волынская	164,1	Курляндская	166,2	Рязанская	163,1	Харьковская	164,2
Воронежская	164,3	Курская	164,4	С.-Петербургская	164,3	Херсонская	165,3
Вятская	163,0	Лифляндская	166,9	Самарская	164,0	Черниговская	163,9
Гродненская	163,7	Минская	163,5	Саратовская	163,9	Черноморская	165,8
Дагестанская	165,2	Могилевская	163,5	Семипалатинская	164,1	Эстляндская	167,2
Донская	165,6	Московская	163,9	Семиреченская	166,7	Якутская	164,0
Екатеринославская	165,0	Нижегородская	164,4	Симбирская	163,6	Ярославская	163,3
Енисейская	164,9	Новгородская	163,8	Смоленская	163,4	В среднем	164,3
Забайкальская	165,7	Олонецкая	162,3	Ставропольская	165,6		

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Посев. 1900-е гг. Фото

Географически рост мужчин варьировал достаточно широко. Как показывают данные о росте всех новобранцев, призванных в 1874–1913 гг., средние находились в диапазоне 4,9 см — от 162,3 см в Олонецкой губернии до 167,2 см в Эстляндской. Причем важным фактором и этой достаточно широкой амплитуды являются национальные различия: самые рослые — эстонцы и латыши — проживали в Прибалтике, а самые низкорослые — карелы, башкиры, татары, чуваши, удмурты, мордвины — в Олонецкой, Казанской и Уфимской губерниях. Если ограничиться однородными в национальном отношении губерниями, то географические различия в росте оказываются намного меньше. В табл. 4.31 приведены региональные различия в росте. Вариация региональных средних, естественно, меньше, чем губернских. На основе самых полных данных о росте всех лиц, призванных в 1874–1913 гг., региональные средние находились в интервале 3,8 см — от 162,9 см в Приуралье до 166,7 см в Прибалтике. Крайние значения принадлежали регионам, заселенным преимущественно или в существенной степени нерусскими народами. Если исключить Прибалтику и Предкавказье, то в остальных районах, заселенных главным образом русскими, украинцами и белорусами, максимальный диапазон колебаний сократится до 2,3 см.

Таблица 4.31

Изменчивость роста мужчин в XVIII — начале XX в. в зависимости от района рождения (в возрасте 18 лет и старше)

Районы	Рост, см	Районы	Рост, см	Районы	Рост, см
Север	163,0	Юго-Восток	165,2	Сибирь	164,7
Северо-Запад	164,1	Новороссия	164,8	Дальний Восток	165,7
Центрально-промышленный	163,6	Украинский	164,5	Кавказ	164,5
Центрально-земледельческий	163,6	Западный	163,6	Казахстан	164,6
Поволжье	163,8	Прибалтика	166,7	Средняя Азия	166,7
Приуралье	162,9	Предкавказье	165,5	В среднем	164,3

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Место рождения или место жительства можно оценивать также и под углом зрения рождения/проживания в городе или деревне. Как показывает множественный регрессионный анализ, при устранении воздействия других факторов, горожане имели преимущество в росте в XVIII в. — 0,97 см, в XIX в. — 0,49 см. Однако влияние городского/сельского проживания дублируется социальным статусом и образованием, и поэтому им можно пренебречь.

Таким образом, для получения однородных и сопоставимых данных о росте за весь исследуемый период, XVIII — начало XX в., достаточно стандартизировать состав выборок по шести факторам — ростовому цензу, году рождения, возрасту, социальному статусу, грамотности и месту проживания.

Примечания

1. Столетие Военного министерства, 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. /Сост. А. К. Ильенко. СПб., 1902. С. 61–62, 88.
2. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 5. С. 219.
3. С 1831 г. Россия разделяется на две полосы, и наборы проводятся поочередно то с одной, то с другой; таких частных наборов с каждой полосы насчитывается 25: Столетие Военного министерства, 1802–1902. Т. 4. Ч. 3. Кн. I. Отд. 2. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск с 1855 по 1902 год/Сост. В. В. Шепетильников. СПб., 1914. С. 318–322.
4. *Редигер А. Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы. 2-е изд. СПб, 1892. Ч. 1. С. 145.
5. Суммарные сведения о росте и социально-демографических характеристиках всех призывников за 1874–1893 гг. опубликованы в: Столетие Военного министерства, 1802–1902. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. СПб., 1907, 1914. С. 178–210; Т. 4. Ч. 3. Кн. 1. Отд. 2. Комплектование войск с 1855 по 1902 год/Сост. В. В. Шепетильников. СПб., 1914. С. 136–175, 300; за 1874–1906 гг.: Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за [1874–1913] год. СПб; Пг., 1861–1910; за 1907–1912 гг.: Отчеты главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел за [1907–1912] год. СПб., 1908–1914. В опубликованных материалах содержатся пропуски и неточности, поэтому в настоящем исследовании использованы данные, хранящиеся в РГИА, ф. 1292 (Управление по делам о воинской повинности Министерства внутренних дел).
6. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Изд. 3-е. СПб., 2003. Т. 1. С. 116, 130.
7. *Редигер А. Ф.* Комплектование. 2-е изд. Ч. 1. С. 82.
8. Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. Приложение 5.
9. Там же. С. 207.
10. *Редигер А. Ф.* Комплектование. 2-е изд. Ч. 1. С. 82.
11. РГИА, Ф. 1553 (Ревизия сенаторов С. С. Кушникова и П. А. Санти Казанской губернии, 1819–1820 гг.), оп. 1, д. 124, л. 407. О наборах в Казанской губернии (правила о наборе рекрут). 1820 г.
12. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 88.
13. Известный американский психолог и врач У. Х. Шелдон выдвинул биологическое объяснение девиации: характер поведения людей до некоторой степени обусловлен особенностями их телосложения: люди, отличающиеся силой и стройностью, так называемые мезоморфы, наиболее предрасположены к девиантному поведению: *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. С. 204.
14. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 229–232.
15. *Головин Н. Н.* Россия в первой мировой войне. М., 2006. С. 40.
16. О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской. СПб., 1861; *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 222, 235.
17. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 128–140.
18. *Редигер А. Ф.* Комплектование. 2-е изд. Ч. 1. С. 119–121.
19. РГАВМФ, ф. 283 (Инспекторский департамент Морского министерства), оп. 3, д. 4047, л. 348 об.
20. *Миронов Б. Н.* История в цифрах: (Математика в исторических исследованиях). Л., 1991. С. 80, 82, 86.
21. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 78–79.
22. ПСЗ-I, т. 14, № 10786 (1757 г.); ПСЗ-II, т. 6, № 4677 (1831 г.).

23. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. М., 1925. № 62. Ст. 463. С. 850–882; Там же. М., 1928. № 51. Ст. 51. С. 970–1020; Там же. М., 1930. № 40. Ст. 424. С. 721–770; Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938 г. — 1961 г. М., 1961. С. 351–365; Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: 1962–1967. Т. 1. М., 1968. С. 625–650.
24. ПСЗ-I. Т. 22. № 16681 (1788 г.).
25. *Редигер А. Ф.* Комплектование. 2-е изд. Ч. 1. С. 160. *Горяинов С.* Уставы о воинской повинности. Изд. 2-е. СПб., 1884.
26. С 1776 г. врач входил в состав каждого уездного воинского присутствия наряду с предводителями дворянства данного и ближайшего уезда, городничим и военным приемщиком: ГАСО, ф. 75 (Саратовское губернское рекрутское присутствие), оп. 1, д. 1, л. 8–8 об.
27. АВИМАИВиВС, ф. 2, оп. Командное отд., 1776–1778 гг., д. 787, л. 4–528. Наборы в Вятской и Пермской губерниях.
28. АВИМАИВиВС, ф. 2, оп. Командное отд., д. 787, л. 78–79, 457.
29. Столетие Военного министерства. Т. 8. Ч. 2. С. 154; Т. 8. Ч. 4. С. 234–237.
30. Военной и Адмиралтейской коллегиям сделать образцовые меры — ростомеры, обить их жестью и «припечатав по концам печатями» разослать во все губернии и провинции, где производятся наборы, — требовало Генеральное учреждение 1766 г. Указание было выполнено: Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. С. 125–126.
31. АВИМАИВиВС, ф. 2, оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстер, д. 1789, л. 119, 122, 155, 339–341, 455–457. О рекрутах. 1769 г.
32. ПСЗ-I, т. 17, № 12748 (1766 г.). Глава 1, § 8.
33. Положение о приеме рекрут, препровождении и содержании их в запасных рекрутских депо. СПб., 1808.
34. РГАВМФ, ф. 203, оп. 1, д. 599. 1816 г., л. 46–47.
35. Индивидуальные сведения: РГАВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 4017, л. 252–283; ф. 283, оп. 3, д. 4047, л. 315–348, 414–440; ф. 283, оп. 3, д. 4095 а, л. 54–59,128–169, 172–175, 180–181, 198–202, 208–210; ГАСО, ф. 103, оп. 1, д. 68, л. 1–45. Суммарно-интервальные данные: РГИА, ф. 1292, оп. 7, д. 74, л. 372–380; РГАВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 4047, л.461.
36. Математические методы в исторических исследованиях/И. Д. Ковальченко (ред.). М., 1972. С. 69–101.
37. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. № 62. Ст. 463. С. 850–882; Там же. 1928. № 51. Ст. 51. С. 970–1020; Там же. 1930. № 40. Ст. 424. С. 721–770; Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938 г. — 1961 г. М., 1961. С. 351–365; Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: 1962–1967, Т. 1. М., 1968. С. 625–650.
38. У солдат, особо плохо питавшихся дома, рост в армии мог увеличиться на 4–5 см: *Ковалев-Рунский.* Отчет о выборе рекрут в гвардейский экипаж в 1869 году//Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1871. Вып. 12. С. 130–131; *Геннинг К. А.* Материалы к изучению влияния военной службы на физическое развитие нижних чинов. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1895. С. 1–11, 40–42.
39. АВИМАИВиВС, ф. 2 (Канцелярия главной артиллерии и фортификации), оп. Сборный, д. 2848, л. 315–347. Возраст со слов и по окладной книге в некоторых случаях расходится на 1 и очень редко — на 2 года, если принять, что ревизия прошла для всех в один год и месяц.
40. РГИА, ф. 1292, оп. 4, д. 565, л. 22. Об исполнении призыва новобранцев в 1887 г. по Эриванской губ.
41. О возрастной аккумуляции см.: Демографический энциклопедический словарь/Д. И. Валентей (гл. ред.). М., 1985. С. 14.
42. О возрастной аккумуляции см.: *Миронов Б. Н.* Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной историографии//Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Декабрь. Серия 2. История. Вып. 4. С. 75–78.
43. *Ковалев-Рунский.* Отчет о выборе. С. 130–131; *Геннинг К. А.* Материалы. С. 1–11, 40–42.
44. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 172.
45. Там же. С. 167–169.

5

БИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XVIII В. И ЕГО ФАКТОРЫ

«Нельзя не заметить, что со времен возведения на престол Романовых, от Михаила Федоровича до Николая I, правительство у нас всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно. Вот что и составляет силу нашего самодержавия».

А. С. Пушкин. ПСС: В 10 т. Т. 7. Л., 1978. С. 437.

5.1. Изменение среднего роста мужчин в XVIII в.

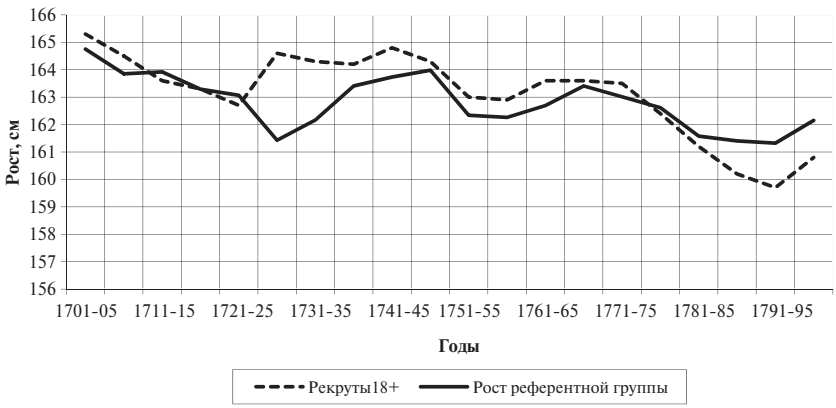
XVIII век — один из самых блистательных в истории России. Громкие победы над Швецией и Турцией позволили ей укрепиться на берегах Балтийского и Черного морей, присоединить Польшу, Прибалтику и Крым, обеспечили ранг великой державы. Россия установила тесные экономические и культурные контакты с Западом и быстро модернизировалась. Были созданы не только сильная регулярная армия и флот, но также и отечественная промышленность, развивались искусство, наука и просвещение, быстро увеличивались обороты внешней и внутренней торговли, коммерциализировалась экономика, наблюдался значительный экономический прогресс. Некоторые исследователи даже полагают, что по величине национального дохода на человека Россия на рубеже XVIII–XIX вв. приблизилась к Британии[1]. Об успехах много написано. Вопрос же о материальном положении населения до сих пор не привлекал достойного темы внимания. Сопровождались ли победы повышением благосостояния народа или, наоборот, происходили за его счет — вот вопрос, на который я попытаюсь ответить в этой главе, опираясь на сведения о биостатусе (рис. 5.1 и табл. 5.1).

В табл. 5.1 приведен дефинитивный рост (когда его увеличение прекращается), или длина тела, рекрутов в возрасте 25 лет и старше и оценка среднего роста мужчин референтной группы[2]. Напомню: средняя длина тела новобранцев — их *фактический средний рост*; длина тела стандартного (референтного) мужчины — *оценка* роста всех мужчин определенного стандарта, из которых производился набор. При анализе *динамики* роста я буду опираться на данные о референтной группе, так как они лучше отражают его действительные изменения.

По пятилетиям изменение роста новобранцев и мужского населения происходило в целом согласованно; асинхронность в шести пятилетиях находилась в границах, определяемых стандартной ошибкой средней. Однако по *абсолютной*

величине средняя длина тела референтной группы и рекрутов существенно различались, и это обусловливалось изменением ростового ценза и состава призывников. Формально ценз был постоянным, а фактически власти понижали и повышали его семь раз и на довольно чувствительную величину, что скрывало истинную динамику среднего роста. Например, понижение ценза для когорт 1736–1740 гг. рождения, призванных в армию в 1751–1760 гг., привело к понижению среднего роста новобранцев, скрыв начавшееся на самом деле в 1730-е гг. увеличение роста и, следовательно, восстановление уровня жизни жителей.

Рис. 5.1. **Рост российских мужчин, родившихся в 1701–1800 гг. (в см)**



Источники: Составлено на основании источников, указанных в Приложении 1.

Как видно из табл. 5.1 (стлб. 5), в 1701–1730 гг. средний рост мужчин референтной группы уменьшился со 164,8 до 161,4 см — на 3,4 см. В следующие 20 лет, 1731–1750 гг., произошло удлинение тела на 2,6 см, но уровень конца XVII в. достичь не удалось. Затем 45 лет, 1751–1795 гг., рост понижался, с короткой остановкой в 1761–1770 гг. — в это десятилетие он увеличился на 1,1 см. За 1751–1795 г. рост уменьшился на 2,7 см — с 164 до 161,3 см, а по сравнению с 1701–1710 гг. — на 3,2 см. Во второй половине 1790-х гг. произошло удлинение тела на 0,9 см. Таким образом, в течение XVIII в. наблюдались циклические колебания роста, однако негативный тренд доминировал, в результате мужчины, рожденные в конце века, на 3,2 см уступали родившимся в 1701–1710 гг.

Основываясь на антропометрических данных, можно сделать следующие выводы. В XVIII в. уровень жизни населения в 13 пятилетиях понижался: в 1701–1730, 1751–1760, 1771–1795 гг. — и лишь в семи пятилетиях: в 1731–1750, 1761–1770 и 1796–1800 гг. — повышался. Тенденция снижения явно преобладала. В отдельные царствования картина рисуется следующая. При Петре I рост понизился на 1,7 см, в эпоху дворцовых переворотов, 1725–1730 гг., — тоже на 1,7 см, при Елизавете — на 1,1 см и при Екатерине II — на 1 см. Следовательно, наиболее интенсивно и существенно благосостояние понижалось в эпоху дворцовых переворотов и при Петре I. Удлинение тела наблюдалось при Анне Иоанновне — на 2 см и при Павле — на 0,9 см. Самый благоприятный для россиян период приходился на 1730–1750 гг. — 10 лет царствования Анны и первое десятилетие правления Елизаветы.

Таблица 5.1

Средний рост мужского населения России 1701–1800 годов рождения (в см)

Годы рождения	Годы призыва	Число рекрутов	Средний рост рекрутов, см*	Фактический ростовой ценз, см	Средний рост референтной группы, см**	Стандартная ошибка среднего роста мужчин, см***
1	2	3	4	5	6	7
1701–1705	1726–1730	307	165,3	157,8	164,8	0,69
1706–1710	1731–1735	1 319	164,6	157,8	163,9	0,74
1711–1715	1736–1740	2 758	164,6	157,8	163,9	0,71
1716–1720	1741–1745	2 276	164,6	157,8	163,3	0,71
1721–1725	1746–1750	2 059	165,7	157,8	163,1	0,73
1726–1730	1751–1755	736	164,6	160,0	161,4	0,89
1731–1735	1756–1760	3 719	164,5	160,0	162,2	0,70
1736–1740	1761–1765	5 047	165,1	157,8	163,4	1,32
1741–1745	1766–1770	2 018	164,7	157,8	163,7	0,72
1746–1750	1771–1775	3 768	163,9	157,8	164,0	0,70
1751–1755	1776–1780	3 368	162,5	157,8	162,3	0,71
1756–1760	1781–1785	4 664	162,7	157,8	162,3	0,67
1761–1765	1786–1790	5 812	163,6	157,8	162,7	0,69
1766–1770	1791–1795	7 458	164,3	156,7	163,4	0,68
1771–1775	1796–1800	10 143	162,8	157,8	163,0	0,68
1776–1780	1801–1805	6 504	161,7	157,8	162,6	0,69
1781–1785	1806–1810	5 467	160,9	160,0	161,6	0,72
1786–1790	1811–1815	8 065	161,0	160,0	161,4	0,63
1791–1795	1816–1820	7 633	161,6	142,2	161,3	0,68
1796–1800	1821–1825	4 542	163,6	142,2	162,2	0,69

Примечания: * В возрасте 25 лет и старше.

** Оценка среднего роста методом максимального правдоподобия; референтная группа — крестьяне в возрасте старше 23 лет, живущие в деревне, неграмотные, родившиеся в 1701–1705 гг.

***Стандартная ошибка среднего роста мужчин референтной группы при доверительной вероятности 0,95.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1

В отдельных регионах изменения среднего роста мужчин происходили синхронно (табл. 7.2 в Главе 7). Однако интенсивность согласованных колебаний в каждом регионе в отдельные периоды была различной и зависела от социально-экономической ситуации в этом регионе (подробнее см. в Главе 7).

5.2. Факторы динамики биологического статуса населения в XVIII в.

Рассмотрим факторы, обусловившие изменения биостатуса. Следует сразу отклонить гипотезу о серьезном влиянии эпидемиологической среды, так как в течение изучаемого времени она оставалась стабильной. С точки зрения частоты и интенсивности эпидемий, 1731–1750 гг. и 1796–1800 гг., когда биостатус повышался, не отличались в лучшую сторону от 1701–1730 гг. и 1751–1795 гг., когда он пони-

жался[3]. В течение XVIII — первой половины XIX в. не заметно также синхронности в колебаниях смертности, существенно зависимой от эпидемической обстановки, и биостатуса. В 1738–1744 гг. общий коэффициент смертности равнялся для сельского населения 41‰, для городского — 54‰, в 1779–1783 гг. — соответственно 30 и 41‰, в 1807–1815 гг. — 37 и 51‰, в 1840–1850 гг. — 39 и 50‰[4]. Поскольку эпидемиологические условия более или менее постоянны, то изменения роста у мужчин должны объясняться сдвигами в питании и в расходе энергии на работу и другие потребности. Прямых сведений о потреблении крестьянства и городского сословия за XVIII в. мы не имеем, поэтому обратимся к косвенным — к производству сельскохозяйственной продукции, ценам, повинностям и налогам.

5.2 а. Сельскохозяйственное производство

За 1696–1796 гг. в Европейской России крестьяне расчистили от леса миллионы гектаров (только на территории в границах 1696 г. введено в сельскохозяйственный оборот около 21,4 млн га), благодаря чему доля пашни, лугов и пастбищ в общей площади земли повысилась с 24,4 до 32,5% (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Структура угодий в Европейской России в XVIII в.

Годы	Население, млн	Площадь земли, тыс. га	Пашня, тыс. га	Луга и пастбища, тыс. га	Лес,тыс. га	Урожайность (в «самах»)*
1 696	13,0	405 091	31 976	67 068	213 416	3,4
1 725	16,2	418 219	41 848	66 296	213 958	4,0
1 763	23,5	423 128	53 865	63 308	205 890	4,4
1 796	38,2	485 465	81 359	76 650	217 322	3,2

Примечание: * «Сам» — показатель, получаемый от деления собранного зерна на количество посеянного.
Источники: Индова Е. И. Урожаи в Центральной России за 150 лет: (Вторая половина XVII–XVIII вв.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965 г. М., 1970. С. 141–155; *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 52 (в годы между ревизиями численность населения интерполирована); *Клочков М. В.* Очерки подушной переписи при Петре Великом//Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Январь. С. 150; *Цветков М. А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М., 1957. С. 110–114.

Площадь собственно *пашни* увеличилась в 2,5 раза, в то время как число жителей — в 2,9 раза[5]. Можно было бы говорить о мальтузианском кризисе, если бы посевы не росли быстрее, чем размеры пашни, благодаря переходу от двуполья к трехполью и от залежной системы к паровой. За 1763–1796 гг. в Европейской России площадь пашни возросла в 1,5 раза, а посевов только за 20 лет, в 1780–1800 гг., — в 1,6 раза[6]. Однако усиленная распашка имела два негативных последствия для земледельцев. Во-первых, *значительное возрастание трудовых затрат*, так как рост посевов не сопровождался серьезными техническими нововведениями, существенно повышавшими эффективность труда[7]. Во-вторых, *снижение плодородия пашни и урожайности* в зоне старого заселения ввиду уменьшения парового клина, сокращения залежи, включения в сельскохозяйственный оборот земель худшего качества и недостаточного удобрения.

Маковский К. Е. Сенокос. 1873 г. Частн. собр.

До 1760-х гг. сборы хлебов росли не только ввиду увеличения пашни, но и за счет повышения урожайности: в 1696–1763 гг. пашня выросла в 1,7 раза, урожайность с 1710-х по 1770-е гг. — в 1,5 раза, сборы хлебов — в 2,6 раза, в то время как население возросло в 1,8 раза (табл. 5.2 и 5.3). Но последняя треть XVIII в. отмечена падением урожайности в основных земледельческих районах примерно с сам-4,4 до сам-3,3 или на треть (табл. 5.3) [8].

Таблица 5.3

Урожайность основных хлебов в Центральной части Европейской России в XVIII в. по десятилетиям (в «самах»)

	1710-е гг.	1720-е гг.	1730-е гг.	1740-е гг.	1750-е гг.	1770-е гг.	1780-е гг.	1790-е гг.
Рожь	2,9	3,6	3,2	4,3	3,7	4,2	3,3	3,1
Пшеница	3,9	3,7	3,9	3,6	3,3	4,3	3,2	3,0
Овес	2,7	4,1	3,3	3,8	3,5	4,8	3,4	3,6
Ячмень	3,9	4,5	4,0	3,7	4,3	4,2	3,5	3,1
В среднем*	3,0	3,9	3,4	4,0	3,6	4,4	3,4	3,3

Примечание: *Средний урожай получен путем взвешивания урожайности четырех культур по их доле в посевах.

Источники: Подсчитано по: *Индова Е. И.* Урожаи. С. 141–155; *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 337–340.

Снижение урожайности объясняется также неблагоприятными метеорологическими условиями: на большей части Европейской России зафиксирована повышенная частота негативных для урожая природных явлений — суровых зим, сильных ветров, продолжительных осадков и т. п. [9] Средние годовые температуры,

имеющие прямое отношение к продолжительности вегетационного периода и количеству осадков, понизились (как свидетельствует самый ранний и длинный ряд измерений по С.-Петербургу) почти на градус по Цельсию (см. рис. 5.2), параллельно с этим наблюдалось понижение урожайности (табл. 5.4).

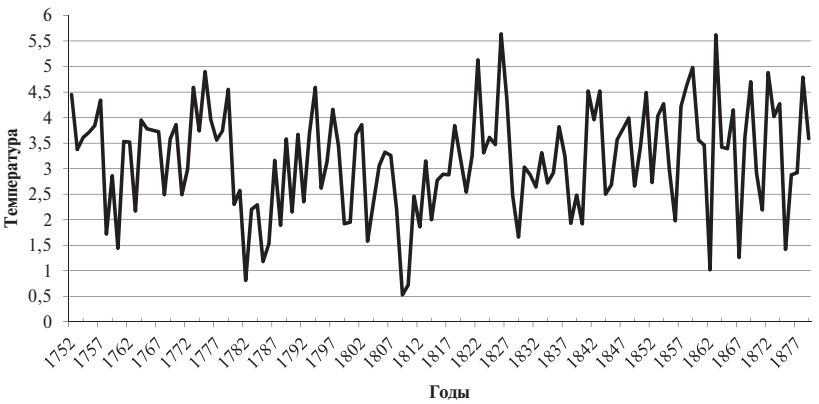
Таблица 5.4

Климат и урожаи в России в 1752–1879 гг.

Годы	Средняя годовая температура*	Годы	Урожаи ржи,сам
		1740–1749	4,3
1752–1760	3,26	1750–1759	3,7
1761–1775	3,54	1760–1769	4,7
1776–1782	3,07	1770–1779	4,2
1783–1794	2,69	1780–1789	3,3
1795–1810	2,61	1795–1810	3,2
1811–1826	3,25	1811–1826	3,3
1827–1863	3,32	1827–1863	3,4
1864–1879	3,40	1864–1879	3,6

Примечание: * В С.-Петербурге, по Цельсию.
Источники: Вильд Г. О температуре воздуха в Российской империи. СПб., 1882. Вып. 2. С. 289–291; *Индова Е. И.* Урожаи. С. 141–155.

Рис. 5.2. **Среднегодовая температура в С.-Петербурге в 1752–1879 гг. (по Цельсию)**



Источник: Вильд Г. О температуре воздуха в Российской империи. Вып. 2. С. 289–291.

Вследствие падения урожайности сбор хлебов стал отставать от увеличения посевов, что и могло послужить дополнительным фактором понижения биологического статуса народа. Важно также отметить, что длительное похолодание потребовало дополнительных расходов на поддержание температуры тела и жилища.

Для полноты картины следует учесть потребление зерновых. Кроме удовлетворения продовольственной потребности крестьян, зерно шло на продовольственное обеспечение армии и городских жителей, на экспорт и винокурение. Численность регулярной армии с 1712 г. по 1796 г. возросла со 180 тыс. до 496 тыс.[10] Судя по питейным доходам и ценам (за 1732–1794 гг. питейные сборы возросли в 12 раз, цены на водку — в 3 раза[11], население — в 1,9 раза), винокурение в XVIII в.

увеличилось примерно в 4 раза, а на человека — в 2 раза. Это подтверждается и прямыми данными: производство водки в 25 великороссийских губерниях с 1749 г. по 1801 г. возросло в 5,4 раза (с 1,7 млн до 9,2 млн ведер), а число жителей — в 2,2 раза, с 1775 г. по 1801 г. производство — в 3,2 раза (с 2,9 млн до 9,2 млн ведер в год)[12], население — в 1,6 раза[13]. Винокурение и соответственно расход хлеба на него росли быстрее числа жителей. Процент горожан в 1737–1800 гг. уменьшился с 11–13 до 8,4[14], но одновременно с этим в городах переставали заниматься сельским хозяйством, поэтому спрос на хлеб повышался. Экспорт собственно русского хлеба, т. е. выращенного на территории страны в границах 1696 г., возрос с 3,7 тыс. тонн в 1701–1761 гг. до 42,9 тыс. тонн в 1791–1800 гг.[15] Таким образом, потребности армии, винокурения, городов и экспорта в хлебе в течение века возрастали. На их удовлетворение уходило в конце XVIII в. около 2,4% чистого сбора хлеба.

Второй источник продуктов питания — животноводство. По имеющейся информации, численность скота постепенно сокращалась[16] вследствие уменьшения кормовой базы: площадь лугов и пастбищ в 1696–1763 гг. сократилась на 6%, а в 1763–1796 гг. увеличилась всего на 21% (табл. 5.2), тогда как население — на 63%. Продуктивность скота не росла. Отсюда можно предположить: потребление мясомолочных продуктов на человека в XVIII в. сокращалось.

Итак, производство зерновых — основного продукта питания в XVIII в. — возрастало, по-видимому, параллельно с числом жителей, но сопровождалось повышением трудовых затрат со стороны земледельцев без надлежащего улучшения питания с количественной и с качественной стороны. Поскольку земледелец сам выращивал зерновые, то возникает вопрос: почему крестьянин продавал необходимый для питания хлеб?

5.2 б. Увеличение налогов и повинностей

Причина дефицита в продовольствии для крестьянства состояла в следующих обстоятельствах: существенную долю своей сельскохозяйственной продукции крестьяне всех категорий продавали, чтобы заплатить налоги и ренту; владельческий крепостной часть рабочего времени тратил на обработку помещичьих полей, продукция с которых шла на продажу. Государство и помещики являлись главными побудителями выхода крестьянина на рынок. Анализ динамики налогов и ренты показывает это со всей очевидностью (табл. 5.5, 5.6 и 5.7, рис. 5.3).

Таблица 5.5

Изменение тяжести прямых налогов и ренты разных категорий крестьян и городского податного населения в XVIII в. (в номинальных коп. на ревизскую/мужскую душу)*

Годы	Помещичьи крестьяне		Государственные и удельные крестьяне		Городское податное население, налог в коп.	Цена 10 пудов ржи, коп.	Налоги и повинности на м. д.в кг ржи	
	налог, коп.	оброк, коп.**	налог, коп.	оброк, коп.**			Помещичьи крестьяне	Государственные и удельные крестьяне
1701–1710	27,0	40,0	27,0	40,0	73	43	255	255
1711–1720	–	50,0	–	–	–	83	–	–
1721–1730	72,0	70,0	72,0	40,0	120	126	185	146

Таблица 5.5 (окончание)

Годы	Помещичьи крестьяне		Государственные и удельные крестьяне		Городское податное население, налог в коп.	Цена 10 пудов ржи, коп.	Налоги и повинности на м. д.в кг ржи	
	налог, коп.	оброк, коп.**	налог, коп.	оброк, коп.**			Помещичьи крестьяне	Государственные и удельные крестьяне
1731–1740	70,7	90,0	70,7	40,4	121,2	109	241	167
1741–1750	67,3	120,0	67,3	40,8	122,4	123	249	144
1751–1760	71,4	160,0	71,4	40,8	122,4	94	403	196
1761–1770	71,4	200,0	71,4	122,4	138,7	176	253	180
1771–1780	71,4	350,0	71,4	204,0	155,0	205	337	220
1781–1790	71,4	500,0	71,4	285,6	122,4	341	274	171
1791–1800	100,2	700,0	100,2	411,7	186,7	441	297	190

Примечания: * С 1736 по 1794 г. при уплате подушной подати со всех категорий плательщиков и оброчной подати с государственных и удельных крестьян дополнительно взималось 2% на покрытие накладных расходов.

** В деньгах и натурой.

Источники: Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию»: (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М.,1965. С. 208, 269; *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 489; *Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 36-37, 46-47; *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство. С. 156–157; *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1. С. 52–53, 59, 82–83, 584–585; *Тихонов Ю. А.* Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974. С. 294, 298; *Руковский И. П.* Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862. С. 5–51; *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов. С. 122–123.

Таблица 5.6

Изменение тяжести прямых налогов и ренты разных категорий крестьян и мещан в XVIII в. (в коп. серебром на ревизскую/мужскую душу*)

Годы	Помещичьи крестьяне		Государственные и удельные крестьяне		Городское податное население, налог, коп.	Цена 10 пудов ржи, коп.**	Индекс потребительских цен***	Курс номинального рубля****
	налог, коп.	оброк, коп.	налог, коп.	оброк, коп.*				
1701–1710	37,0	54,8	37,0	54,8	100,0	59	100	137
1711–1720	–	57,0	–	–	–	95	120	114
1721–1730	82,1	79,8	82,1	45,6	136,8	144	146	114
1731–1740	81,3	103,5	81,3	46,5	139,4	125	157	115
1741–1750	77,4	138,0	77,4	46,9	140,8	141	161	115
1751–1760	82,1	184,0	82,1	46,9	140,8	108	183	115
1761–1770	74,3	208,0	74,3	127,3	144,3	183	189	104
1771–1780	70,7	346,5	70,7	202,0	153,5	203	210	99
1781–1790	67,8	475,0	67,8	271,3	116,3	324	267	95
1791–1800	72,1	504,0	72,1	296,4	134,4	318	306	72

Примечания: * За эталон принят серебряный рубль в 18 г чистого серебра.

** Розничные цены в граммах серебра в городах.

*** С.-Петербург, 1701–1710 гг. =100.

**** Курс номинального рубля на С.-Петербургской бирже.

Источники: См. в примечании к табл. 5.5. Индекс потребительских цен см.: табл. 9.5 в Главе 9.

Таблица 5.7

Прямые налоги и повинности крестьян и мещан в 1701–1800 гг. на ревизскую/мужскую душу

Годы	Налоги и повинности на м. д. в сер. коп.			Индекс налогов и повинностей, 1701–1710 гг. =100		
	Помещичьи крестьяне	Государственные и удельные крестьяне	Городское податное население	Помещичьи крестьяне	Государственные и удельные крестьяне	Городское податное население
1701–1710	91,8	91,8	100,0	100	100	100
1711–1720	–	–	–	–	–	–
1721–1730	161,9	127,7	136,8	176	139	137
1731–1740	184,8	127,8	139,4	201	139	139
1741–1750	215,4	124,3	140,8	235	135	141
1751–1760	266,1	129,0	140,8	290	141	141
1761–1770	282,3	201,6	144,3	308	220	144
1771–1780	417,2	272,6	153,5	454	297	154
1781–1790	542,8	339,2	116,3	591	369	116
1791–1800	576,1	368,5	134,4	628	401	134

Источники: См. примечание к табл. 5.5.

Из табл. 5.5–5.7 видно, что величина налогов и повинностей увеличилась для всех податных сословий, но в разной степени[17]. Более всего пострадали помещичьи крестьяне. Только уплачиваемые ими прямые налоги и повинности в денежной форме за столетие выросли номинально в 12 раз, в постоянной серебряной валюте — в 6,3 раза, даже с поправкой на общее повышение цен — примерно в 2 раза на душу. После мощного пугачевского движения 1773–1775 гг. прямые налоги в последней четверти века снижались, но оброки продолжали расти и вместе с ними общее бремя платежей. Повинности барщинных и оброчных крестьян росли синхронно, барщина изменялась параллельно с денежной рентой.

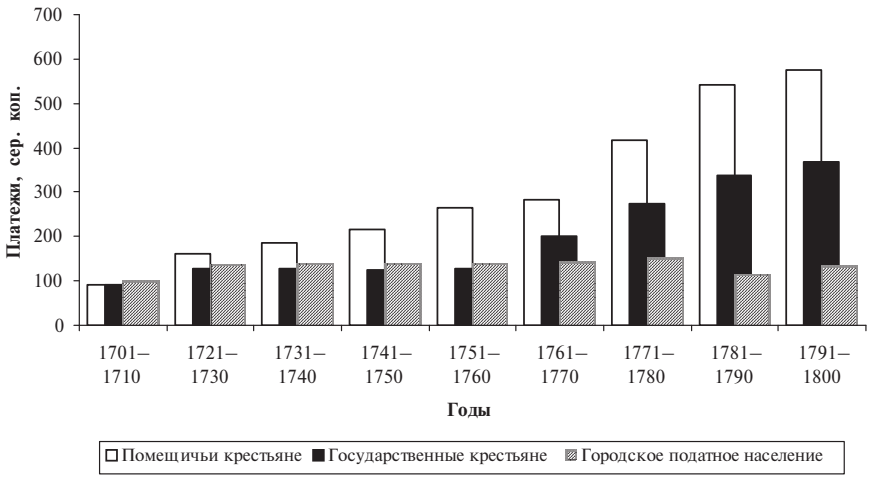
Прямые налоги и повинности у государственных и удельных крестьян в начале века были примерно такими же, как и у помещичьих, после податной реформы 1718 г. стали меньше, и разрыв в течение столетия вырос в ущерб последним. За столетие денежные платежи государственных и удельных крестьян номинально выросли в 7,6 раза, в постоянной серебряной валюте — в 4 раза, с учетом повышения общего индекса цен — примерно в 1,3 раза на душу. В результате к концу века податное бремя у государственных и удельных крестьян стало примерно в полтора раза ниже, чем у владельческих (2 : 1,3).

У податных сословий города платежи государству в денежной форме за столетие возросли в меньшей степени, чем у земледельцев: номинально — в 2,6 раза, в постоянной валюте — в 1,3 раза, но в постоянных ценах уменьшились почти в 2 раза. Таким образом, посадские, мещане и цеховые страдали скорее от повышения цен, чем налогов и повинностей, так как значительную часть продуктов питания им приходилось (в отличие от крестьян) покупать на рынке. Цены же на продовольствие росли быстрее, чем на промышленные изделия.

Оценить тяжесть прямых и косвенных налогов для всего податного населения можно также с помощью бюджетной статистики (табл. 5.8).

Трутовский К. А. Сбор недоимок на селе. 1886 г.
Государственный музей изобразит. искусств республики Татарстан. Казань

Рис. 5.3. **Прямые налоги и повинности податного населения России на ревизскую/мужскую душу в XVIII в.**



Источники: Табл. 5.7.

Величина государственных налогов на человека, с учетом косвенного обложения (таможенные пошлины, налог на алкоголь, соль и др.), для всех податных сословий достигла максимума в 1787 г. — 220% от 1724 г., после чего стала уменьшаться, но и в конце века на 63% превосходила начальный уровень. Цены росли намного быстрее налогов, поэтому можно предположить, что реальное бремя налогов за столетие понизилось. Однако, кроме налогов, податные сословия несли многочисленные натуральные и денежные повинности, реальная тяжесть которых повышалась. Именно необходимость платить налоги, нести повинности и покупать товары, не производимые в собственном хозяйстве,

вынуждали земледельцев всех категорий продавать продукты, необходимые для их собственного потребления, и это отрицательно сказывалось на их биостатусе.

Таблица 5.8

Прямые и косвенные налоги на мужскую душу в XVIII в. (коп. сер.*)

Год	Прямые, коп.	Косвенные, коп.	Итого, коп.	Индекс**	Год	Прямые, коп.	Косвенные, коп.	Итого, коп.	Индекс**
1724	59	47	106	100	1772	103	76	179	169
1725	–	–	125	118	1773	96	72	168	158
1734	–	–	103	97	1777	96	102	198	187
1749	48	40	88	83	1782	100	87	187	176
1751	49	54	103	97	1783	100	90	190	179
1758	44	77	121	114	1785	127	97	224	211
1765	85	77	162	153	1787	135	98	233	220
1769	79	76	155	146	1789	114	71	185	175
1770	94	80	174	164	1792	103	57	160	151
1771	100	79	179	169	1795	102	71	173	163

Примечания: * За эталон принят серебряный рубль в 18 г чистого серебра.
** 1724 г. =100.
Источник: Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-century Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1985. P. 347.

Для оценки реальной тяжести налогов принято учитывать колебания курса денег и хлебных цен, рассчитывать хлебный эквивалент для налогов и повинностей. Однако применение этих инструментов нередко дает сбои, особенно для полунатурального крестьянского хозяйства (в его доходах и расходах натуральная часть даже в 1880–1890-е гг. составляла 59%[18]): не всякое повышение цен на сельскохозяйственные продукты вело к росту доходов, понижению бремени налогов и служило благом, а падение цен означало понижение доходов, повышение тяжести налогов и являлось злом. Для крестьянина важнее была не высота хлебных цен, а причина их изменения и то, сколько хлеба и других продуктов оказывалось в его распоряжении после урожая. Если цены росли по причине недорода, то это не компенсировало снижения урожайности, доходы в денежной форме уменьшались, соответственно бремя платежей возрастало. Если цены росли под влиянием экономической конъюнктуры, то при возможности сбыта хлеба доходы также увеличивались, соответственно тяжесть платежей падала. Если цены понижались вследствие хороших урожаев, то хороший сбор хлеба с лихвой это компенсировал, доходы росли, бремя платежей уменьшалось. Если же цены устремлялись вниз в связи с конъюнктурой, а урожаи были посредственными, а тем более — плохими, тяжесть налогов и повинностей росла, и земледелец испытывал большие затруднения. Например, в 1760-е гг. из-за резкого повышения хлебных цен зерновой эквивалент платежей понизился у помещичьих крестьян на 60%, у государственных и удельных — на 8% (табл. 5.5). И на этом основании можно подумать:

тяжесть налогов и оброков понизилась. В действительности бремя платежей увеличилось, так как рост цен произошел под воздействием серии неурожаев, что привело к сильному уменьшению произведенной в крестьянском хозяйстве продукции, которое не компенсировалось повышением цен. Аналогичная ситуация наблюдалась в 1720-е и 1780-е гг. Напротив, в 1750-е гг. из-за понижения хлебных цен зерновой эквивалент платежей повысился у помещичьих крестьян на 60%, а у государственных — на 36%, и на этом основании можно предположить: тяжесть налогов и оброков возросла. На самом деле реальное бремя платежей уменьшилось, ибо понижение цен произошло под влиянием экономической конъюнктуры на фоне средних и хороших урожаев. В начале XVIII в. хлебные цены (по причине изоляции российского рынка от европейского) находились на чрезвычайно низком уровне, поэтому хлебный эквивалент платежей был чрезвычайно высок и преувеличивал их реальное бремя.

В связи с обсуждаемой проблемой взаимосвязи бремени платежей и цен на сельскохозяйственные продукты уместно вспомнить фундаментальный труд о взаимодействии урожаев и хлебных цен, написанный ведущими русскими экономистами в 1897 г. Обобщив материалы за последнюю треть XIX в., они пришли к следующим выводам. Крестьянскому хозяйству хорошие урожаи всегда выгоднее, чем средние и плохие, независимо от уровня хлебных цен. Положение крестьянского хозяйства зависело не столько от колебаний цен, сколько от величины урожая: при хорошем урожае крестьяне благоденствовали, при плохом — бедствовали. Комбинация хороших урожаев и низких хлебных цен создавала оптимальные условия по двум причинам. Во-первых, это низкая товарность крестьянского хозяйства, которое более 70% произведенного хлеба потребляло в собственном хозяйстве на питание и корм скоту. Деньги на уплату налогов крестьяне получали главным образом от промыслов, продажи продуктов скотоводства и огородничества и только примерно на 10% — от продажи хлеба. Во-вторых, уровень потребления крестьян был низким и постоянным; они работали не ради прибыли, а ради пропитания и удовлетворения своих скромных потребностей. Напротив, помещичьему хозяйству, работающему на рынок, комбинация хороших урожаев и высоких хлебных цен либо высоких цен и низких урожаев приносила больше дохода. Свое заключение авторы считали возможным распространить и на дореформенную эпоху, так как крестьянское хозяйство до 1861 г. оставалось по сути полунатуральным.

Мой анализ подтверждает выводы знаменитого труда. Хлебным эквивалентом для оценки тяжести платежей следует пользоваться очень осторожно, всегда учитывая урожай, реальную величину излишков хлеба в крестьянском хозяйстве, а также то, по каким ценам земледельцы реально продавали свою продукцию. Дело в том, что крестьяне продавали хлеб торговцам по мелкооптовым ценам (они были в среднем на 10–15% ниже розничных), при этом чаще всего после сбора урожая — осенью, когда цены опускались до годового минимума (за исключением неурожайных лет) и разница между розничными и мелко-оптовыми ценами достигала 20–30% и больше. Следует также принимать во внимание следующий факт: в XVIII — первой половине XIX в. цены изменялись весьма значительно не только из-за экономической конъюнктуры, но и по причине частых пертурбаций в денежной системе, инфляции и понижения содержания драгоценного металла в монете. Однако неграмотные

на 94% селяне еще в середине XIX в. слабо понимали перипетии денежного обращения и колебания лажа на металлические деньги, плохо ориентировались в конъюнктуре рынка и часто проигрывали там, где компетентный торговец выигрывал. Вот интересное свидетельство крестьянина Ф. Д. Бобкова: «В этом году (1844) с 1 июля были переименованы деньги (имелась в виду денежная реформа Е.Ф. Канкрина. — *Б.М.*) и за 3 руб. 50 коп. ассигнациями стали давать 1 рубль серебром. Брат мой нанялся в работники на шесть недель за 28 руб. (ассигнациями. — *Б.М.*) в селе Иваново. Когда по окончании срока работы брат принес 8 руб. (серебром. — *Б.М.*), отец стал упрекать его, что он проработал лето за 8 руб. "Мне что за дело, что там печатают, — говорил он. — Ты порядился за 28 руб., ну и давай их"»[19]. Из-за недостатка финансовых знаний крестьяне не могли воспользоваться ни общим, ни сезонным повышением цен на сельскохозяйственные товары в свою пользу, как это предполагают расчеты, переводящие налоги и повинности в постоянную валюту или ржаной эквивалент. Даже грамотному купцу или помещику трудно было приспособиться к быстрым и неожиданным изменениям цен на рынке. Крестьянину же, очевидно, приходилось тратить на платежи больше денег, чем действительно требовалось, а выручать за свои продукты меньше, чем они реально стоили. После 1812–1815 гг. темпы инфляции замедлились, а после денежной реформы Е. Ф. Канкрина 1839–1843 гг. стали минимальными: к 1895 г. (год денежной реформы С. Ю. Витте), т. е. за 52 года бумажный рубль обесценился всего на треть, благодаря чему колебания хлебных цен сгладились. В стабильных рыночных условиях крестьянин легче ориентировался на рынке, и это должно было положительно сказываться на его благосостоянии.

Шибанов М. Празднество свадебного договора. 1777 г. ГТГ

5.2 в. Биостатус у различных сословных групп

Сравнение средней длины тела у представителей различных социальных групп подтверждает выводы, сделанные на основе анализа динамики налогов и ренты (табл. 5.9).

Таблица 5.9

Средний рост рекрутов 1701–1800 гг. рождения в возрасте старше 17 лет по сословным группам*

Социальная группа	1701–1730 гг.			1731–1750 гг.			1751–1790 гг.			1791–1800 гг.			Изменение роста, см****
	рост, см	n	ст. ош., см	рост, см	n	ст. ош., см	рост, см	n	ст. ош., см	рост, см	n	ст. ош., см	
Дворовые	164,5	224	0,15	–	–	–	164,4	466	0,12	165,2	35	0,65	0,7
Удельные крестьяне	163,7	347	0,12	164,0	71	0,30	162,3	1 679	0,07	159,6	109	0,34	–4,1
Помещичьи крестьяне	163,7	6 008	0,03	164,4	730	0,10	162,0	26 341	0,02	159,5	6 714	0,03	–4,2
Государственные крестьяне**	161,8	260	0,17	166,4	346	0,14	162,2	9 393	0,03	159,7	3 391	0,05	–2,1
Крестьяне разных категорий***	163,5	13 107	0,03	164,3	14 448	0,10	162,5	50 024	0,02	160,1	11 840	0,03	–3,4
Мещане	163,5	280	0,13	165,3	66	0,29	163,4	1 031	0,09	161,3	308	0,18	–2,2
Военные	163,7	134	0,16	–	–	–	163,5	65	0,44	–	–	–	–0,2
Духовенство	165,0	30	0,47	160,2	21	0,87	163,7	216	0,22	–	–	–	–1,3

Примечания: * n — число человек; ст. ош. — стандартная ошибка выборочной средней.

** Государственные и близкие им категории: ясачные, экономические, однодворцы, малороссийские казаки и др.

*** Крестьяне разных категорий, без точной идентификации.

**** С 1701–1730 по 1791–1800 гг., у военных и духовенства с 1701–1730 по 1751–1790 гг.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Судя по приведенным данным, среди податных сословных групп больше всего понизился биостатус помещичьих и удельных крестьян, поскольку с 1701–1730 по 1791–1800 гг. их рост уменьшился в максимальной степени — на 4,1–4,2 см, затем в ряду пострадавших шли государственные крестьяне и мещане: их тело укоротилось на 2,1 и 2,2 см, далее — духовенство и нижние воинские чины — на 1,3 и 0,2. Биостатус дворовых до 1790 г. понижался, но очень несущественно, а в 1790-е гг. превзошел уровень начала XVIII в.; по росту они превосходили все категории крестьян и мещан. О выходцах из дворянства сведений для надежных выводов недостаточно.

Дифференциация по длине тела среди различных категорий крестьян показывает, что еще в первой четверти XVIII в., т. е. до введения подушной подати, положение помещичьих и удельных крестьян было предпочтительнее государственных (они превосходили последних на 1,9 см), а в конце XVIII в. мало уступало ему. Но постепенно положение всех категорий выравнивалось, и в конце XVIII в. их биостатусы практически не различались, за исключением дворовых. Мещане

пострадали в XVIII в. меньше любой категории крестьян и всех их в целом: если в 1701–1730 гг. они немного уступали в росте крестьянам, то в 1791–1800 гг. имели превосходство в 1,2–1,7 см.

Таким образом, в результате всех перемен к концу XVIII в. биостатус у разных категорий крестьян понизился и в то же время выровнялся вследствие более существенного ухудшения положения удельных и помещичьих крестьян сравнительно с государственными. Из-за неравномерного увеличения бремени платежей и повинностей биостатус городского сословия стал выше, чем у крестьян любой категории. Вопреки распространенному мнению, уровень жизни помещичьих крестьян до введения подушной подати был выше, чем государственных и удельных, и даже в конце XVIII в. мало уступал ему.

К сожалению, дворяне, служившие в армии офицерами, не измерялись: считалось, что эта процедура унижала их достоинство, поэтому мы не имеем сведений об их росте. Штатное духовенство и чиновничество в армию не призывались. Богатое купечество от службы откупалось. По этой причине мы располагаем сведениями о длине тела немногочисленных и деклассированных представителей привилегированных групп. Биостатус у последних за столетие понизился меньше, чем у податных сословий, значит, даже деклассированные элементы дворян и духовенства пострадали меньше.

5.2 г. Войны и реформы

Итак, пресс налогов и повинностей служил важнейшим фактором понижения благосостояния народа. Что же служило побудительным мотивом у государства и помещиков для его усиления или ослабления? Годы, когда позитивная или негативная тенденция в изменении уровня жизни сменялась на противоположную, весьма показательны и подсказывают нам ответ на поставленный вопрос. Прежде всего, отметим: из семи пятилетий, когда наступало повышение биостатуса, четыре приходились на начало нового царствования — 1731–1735, 1741–1745, 1761–1765 и 1796–1800 гг. Вряд ли это случайность. Всякий раз восшествие на престол нового императора сопровождалось уменьшением налогового бремени, по крайней мере в первые годы царствования, благодаря прощению недоимок, понижению прямых и косвенных налогов и временному ослаблению нажима государственного аппарата на податное население в вопросе сбора налогов, и это также являлось существенной уступкой[20].

Екатерина I при вступлении на престол в 1725 г. уменьшила подушную подать с 74 до 70 коп или на 5%. Петр II отменил сбор подушной подати за майскую треть 1728 г., Анна Иоанновна — за майскую треть 1730 г. и, кроме того, за первую половину 1735 г. (по случаю пятой годовщины царствования) — всего подарила подданным около 4 млн руб. В 1740 г. Бирон по случаю установления своего правления сократил подушный налог с 70 до 53 коп, или на 24%. Елизавета Петровна при вступлении на престол понизила подушную подать на 10 коп. или на 14% (в 1746 г. прежний размер был восстановлен), а в 1752 г. по случаю десятой годовщины своего царствования простила все недоимки, накопившиеся за 1724–1747 гг. Петр III не успел облагодетельствовать подданных ввиду краткости царствования и тяжелого финансового положения страны в момент его воцарения из-за активного участия в Семилетней войне. По той же причине Екатерина II в момент восшествия на престол ограничилась понижением цен на соль

с 50 до 30 коп., зато в 1787 г. по случаю 25-й годовщины своего царствования списала недоимки, накопившиеся к 1776 г. Павел I простил все недоимки при вступлении на престол, Александр I — в 1812 г. по случаю изгнания Наполеона из России, Николай I — при восшествии на престол[21].

Наиболее благоприятные в XVIII в. для податного населения годы приходились на так называемый период дворцовых переворотов, 1725–1762 гг. В борьбе за власть непосредственно участвовал не народ, а армия, точнее гвардейцы. И хотя армия являлась профессиональной, тем не менее не теряла связи с народом, поскольку солдаты рекрутировались из податных сословий, офицеры и гвардейцы — из дворянства. Мнение не только армии, но и народа имело значение для претендентов и стоящих за ними придворных групп поддержки. Поэтому они почти всегда при очередном дворцовом перевороте принимали популистские меры, масштабы которых зависели от возможностей момента, и никогда не раздражали народ увеличением поборов. Кроме того, в эпоху дворцовых переворотов элита думала не столько о продолжении петровских преобразований и модернизации страны, сколько о том, как удержать, усилить или захватить власть; интриги поглощали силы. Вследствие этого реформы остановились, флот разрушался, строительство новой столицы затормозилось, крупные войны не велись. Однако вместе с этим прекратились и огромные расходы на преобразование армии и страны, истощавшие казну и народ и являвшиеся главными факторами понижения благосостояния в первой четверти XVIII в.

В 1701–1730 гг., когда произошло первое серьезное понижение уровня жизни, Россия вела со Швецией тяжелую и изнурительную войну за Прибалтику, закончившуюся в 1721 г. победой и Ништадтским миром. В перерывах между сражениями на Западе Россия воевала также с Турцией (1710–1713) и Персией (1722–1723), и одновременно с этим в стране проходили серьезные политические, экономические, социальные, культурные, административные реформы. Продолжительные войны, создание регулярной армии и флота, строительство столицы, сооружение каналов, дорог и заводов, преобразование управления требовали от государства, по чьей инициативе это происходило, огромных средств. Казна получала их за счет увеличения налогов, эксплуатации государственных регалий (монетной, соляной, питейной и др.) и выпуска неполноценных денег (так называемой порчи монеты) в 1701–1724 гг.

Государственные доходы за счет прямых и косвенных налогов, регалий, разного рода пошлин и сборов составили в 1701 г. 3 млн руб., в 1724 г. — 8,5 и в 1730 г. — 9,4 млн руб., номинально возросли в 3,1 раза, в постоянной валюте — в 2,5 раза[22]. Однако при переводе налоговых сборов на душу населения и с учетом роста цен как прямые, так и косвенные налоги, *собираемые деньгами*, не увеличились. Для оценки реального бремени налогов следует принять во внимание и значительные натуральные государственные повинности — воинскую, поставку лошадей и подвод для перевозки военных грузов, рубку леса для постройки кораблей, работу по сооружению дорог, крепостей, городов и т. п., хотя выразить их бремя в денежной форме невозможно. С учетом натуральных повинностей общее налоговое бремя, вероятно, возросло, ибо перевод на деньги только рекрутской повинности повышал прямой налог на 23%[23].

Для обеспечения вновь созданной регулярной армии и флота кадрами в практику вошли рекрутские наборы, за 1699–1730 гг. под ружье было взято

около 388 тыс. человек[24] — по 12 тыс. ежегодно, что составляло около 2% трудоспособных мужчин в год и, несомненно, являлось чувствительной потерей работников для гражданской экономики (табл. 5.10).

Таблица 5.10

Бремя воинской повинности в России в 1699–1800 гг.

Годы	Призвано рекрутов		Население Европейской России, тыс. чел.	Доля рекрутов,%		Цена одного рекрута, руб.*	Цена всех рекрутов, руб.*	Рекрутская повинность на м. д.	
	всего	в год		в населении	среди мужчин в возрасте 18–60 лет			руб. сер.	пуд. ржи
1699–1710	170 750	14 229	14 210	0,10	2,4	21	298 809	0,04	0,9
1711–1720	85 001	8 500	14 731	0,06	1,4	29	246 500	0,03	0,4
1721–1730	132 678	13 268	15 661	0,08	2,0	27	358 236	0,05	0,4
1731–1740	248 941	24 894	16 650	0,15	3,6	96	2 389 824	0,29	2,7
1741–1750	145 149	14 515	17 834	0,08	2,0	115	1 669 225	0,19	1,5
1751–1760	239 288	23 929	20 420	0,12	2,8	115	2 751 835	0,27	2,9
1761–1770	160 217	16 022	23 381	0,07	1,7	104	1 666 288	0,14	0,8
1771–1780	269 068	26 907	25 497	0,11	2,5	241	6 484 587	0,51	2,5
1781–1790	509 123	50 912	28 120	0,18	4,4	450	22 910 400	1,63	4,8
1791–1800	311 351	31 135	36 230	0,09	2,1	359	11 177 465	0,62	1,4
1699–1750	782 519	15 048	15 817	0,10	2,3	57	857 736	0,11	1,2
1751–1800	1 249 759	24 995	31 244	0,08	1,9	254	6 348 730	0,41	2,5
1699–1800	2 032 278	19 924	21 273	0,09	2,3	156	3 108 144	0,29	1,8

Примечание: * В сер. руб. 1764 г. в 18 г чистого серебра.

Источники: Подсчитано по: Столетие Военного министерства. 1802–1902: В 13 т. СПб., 1902–1914. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. С. 121–122, 150–152; То же. Отд. 2. С. 131–132, Приложение, с. 40; Тоже. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 207; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке: Очерки. М., 1958. С. 33–39; *Кабузан В. М.* Народонаселение России. С. 164–165 (численность населения на середину десятилетия получена методом интерполяции по среднегодовым темпам прироста населения между ревизиями). Цены на рожь даны в табл. 5.6.

Если перевести натуральную воинскую повинность на деньги по цене за рекрута, то можем приблизительно оценить тяжесть воинской повинности. С 1707 г. некоторые социальные группы получили право откупиться от повинности за 15 руб. за одного человека, и эта ставка не изменялась вплоть до 1734 г., хотя хлебные цены за 1707–1734 г. повысились более чем в 2,5 раза. В 1734 г. цена новобранца поднялась до 100 руб., в 1766 г. — 120 руб., в 1776 г. — 360 руб., в 1783 г. — 500 руб. (в текущей валюте)[25]. Зная число призванных на службу, определим цену всего набора в год, а, разделив ее на численность мужского населения страны в этом году, найдем денежное выражение воинской повинности на мужскую душу. Расчет по описанной процедуре показал: в 1701–1730 гг. воинская повинность стоила сравнительно немного — 4 коп. — в 17,5 раза меньше 70-копеечной подушной подати[26]. Но такой результат — следствие того, что цена новобранца до 1734 г. была явно занижена, а сведениями о цене взрослого здорового крепостного мужчины, примерно соответствовавшей цене рекрута, я не располагаю. О значении военных расходов во время Северной войны говорит следующий факт: в бюджете на их долю приходилось в отдельные годы XVIII в. минимум

76% и максимум 96%[27]. В конце Северной войны народ, по свидетельству многих современников, стонал от военных тягостей, дороговизны и разорения. Уменьшение роста мужчин с 1701–1705 гг. по 1726–1730 гг. на 3,4 см действительно свидетельствует о серьезном ухудшении положения народа.

С окончанием военных действий и смертью неутомимого императора в 1725 г. наступило облегчение, но не сразу, а примерно через 5 лет. С 1731–1735 гг. благосостояние народа стало постепенно повышаться, но и за 20 лет не достигло довоенного достатка. В 1751–1755 гг. возобновилось падение уровня жизни, продолжавшееся 45 лет (с перерывом в 1761–1770 гг.), и оно в существенной степени также обусловливалось войнами. В эти годы Россия вела несколько войн: с Пруссией (1757–1762), с Турцией (1768–1774, 1786–1791), с Польшей (1768–1772, 1792 и 1794–1795), со Швецией (1788–1790). Военные расходы на армию и флот в 1763–1796 гг. поглотили 67% доходов государственного бюджета[28]. Самая трудная война с Турцией по финансовым затратам и людским потерям превосходила Северную войну. Только убитых насчитывалось 215 тыс. — в 2,2 раза больше, чем во время Северной войны[29]. Наборы в армию становились все обременительнее и в 1780-е гг. достигли апогея, когда в солдаты ежегодно уходило около 4,4% взрослых мужчин, а воинская повинность стала в 2,3 раза тяжелее подушного налога. В серебряных деньгах бремя воинской повинности в 1780-е гг. сравнительно с 1699–1730 гг. возросло в 41 раз! И даже в переводе на зерно рекрутчина в 1780-е гг. стала тяжелой: она обходилась по 4,8 пуда ржи на мужскую душу ежегодно — в 5,3 раза дороже, чем в начале XVIII в. (табл. 5.10).

В 1769 г., уже во время первой войны с Турцией (1768–1774), Екатерина II вынужденно обратилась к внешним займам, ставшими спутниками российских финансов вплоть до настоящего времени, и выпускам ассигнаций, расстроивших в конечном итоге денежное обращение страны — к 1800 г. курс ассигнационного рубля упал до 66,3 коп. серебром, а государственный долг (с учетом выпуска ассигнаций) составлял в 1796 г. 216 млн руб. ассигнациями, в 3,9 раза превышая доходную часть бюджета[30]. Наконец, военные трофеи в виде новых территорий, в особенности Северное Причерноморье, поначалу требовали серьезных инвестиций со стороны государства в инфраструктуру, оборону, заселение и освоение. Вторая важная причина, побуждавшая государство увеличивать налоги, состояла в том, что верховная власть именно в годы падения уровня жизни проводила структурные реформы в стране. Выше упоминалось о реформах Петра I. Реформаторство Екатерины II было не менее значительным и интенсивным, и оно также поглотило много средств[31].

5.2 д. Вестернизация и борьба помещиков и государства за доходы от крестьян

Вестернизация, начавшаяся в России на рубеже XVII–XVIII вв., побуждала дворянство изменить традиционный русский стиль жизни, для чего требовались большие деньги. Отсюда стремление повысить свои доходы, которое подогревалось выгодной экономической конъюнктурой, сложившейся в России в результате революции цен. С 1703–1710 гг. по 1791–1800 гг. уровень цен (в постоянной валюте) в С.-Петербурге увеличился в 3,1 раза (табл. 9.5 в Главе 9), хлебных цен — в 5,7 раза (в том числе за 1760–1799 гг. — 2,7 раза)[32]. Феноменальный рост цен не обусловливался ни экономическим кризисом, ни перенаселением. Он вызывался тем, что российские цены, бывшие в начале XVIII в. приблизительно в 7 раз

ниже западноевропейских, в течение века нивелировались с мировыми, по причине вхождения России в европейский рынок в качестве важного поставщика сырьевых товаров, прежде всего хлеба, пеньки, льна, пушнины, но также и железа. По сравнению с 1690–1699 гг. обороты внешней торговли к 1726 г. в золоте возросли в 2,5 раза, к 1791–1800 гг. — в 26,5 раза, ее роль в общем товарообороте страны повысилась: через нее проходило в 1724 г. приблизительно 25%, а в 1800 г. — 41% совокупной товарной массы страны[33]. Подтягивание российских цен к мировым и начавшийся бурный рост российского экспорта сельскохозяйственных товаров в 1760-е гг. после провозглашения свободы хлебного экспорта (до той поры экспорт хлеба ограничивался и ставился в зависимость от уровня цен) создавали чрезвычайно благоприятную экономическую конъюнктуру, прежде всего для помещиков. В погоне за деньгами они либо расширяли свою собственную запашку и увеличивали барщину для удовлетворения своей потребности в рабочей силе, либо повышали оброки со своих крестьян, вынуждая последних расширять посевы или заниматься неземледельческими промыслами.

Помещичье крестьянство (7057 тыс. обоего пола в 1719 г. и 19585 тыс. в 1795 г., соответственно 51,5 и 57,3% всего населения)[34] служило общим источником доходов для дворянства и казны, естественно конкурировавших между собой за долю этих доходов. Петр I нашел компромисс — доходы делились примерно поровну. Но при преемниках Петра верховная власть попала в сильную зависимость от дворянства и постепенно почти полностью уступила ему свою долю. Доля помещичьих крестьян в государственных доходах от налогов составляла в 1721–1730 гг. 50%, в 1751–1760 гг. — 30,4%, в 1791–1800 гг. — 12,1%. Это произошло в результате того, что помещичья рента росла быстрее налогов, обгоняя цены (табл. 5.7). После Петра I государство под давлением дворянства и крестьянства повышало налоги сравнительно редко и в случае крайней необходимости. Вследствие роста цен государственный бюджет потерял огромные средства — 367,3 млн руб., в переводе на серебро 329,9 млн руб. Их присвоили и истратили помещики на личное потребление (табл. 5.11).

Беггров К. П. Садовая улица. С.-Петербург. 1820-е гг. Литография

Таблица 5.11

Потери государственного казначейства от разницы в росте прямых налогов и цен в XVIII в.

Годы	Число лет в периоде	Среднегодовое число крепостных, тыс.	Подушный налог с р. д., коп в год	Номинальная сумма налога, причитавшаяся казне за период, тыс. руб.	Индекс номинальных хлебных цен (1701–1725=100)	Доход от подушной подати, если бы она изменялась пропорционально росту хлебных цен	Потери казначейства, тыс. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8
1725–1744	20	3 193	70	44 700	132	59 004	14 304
1745–1762	18	3 781	70	47 646	126	60 034	12 388
1763–1782	20	4 402	70	61 620	241	148 504	86 884
1783–1794	12	5 105	70	42 888	471	202 002	159 114
1795–1797	3	5 617	100	16 851	620	73 135	56 284
1798–1800	3	5 617	126	21 231	505	59 570	38 339
Всего	76			234 936		602 249	367 313

Источники: Подсчитано по данным табл. 5.5.

Потери казны оценивались следующим образом: (1) подсчитывалась сумма налога с помещичьих крестьян, которую в интервале от одной ревизии до другой *должно* получить казначейство за счет подушных сборов по существующему окладу (табл. 5.11, стлб. 5); (2) определялась сумма, которую в те же периоды *могло* получить казначейство от подушного налога, если бы оклад изменялся пропорционально повышению хлебных цен (стлб. 7); (3) находилась разница между тем, что *могло* получить казначейство, и тем, что оно *должно* было получить. Это и есть искомая величина потерь казны от роста хлебных цен (стлб. 8) — 367,3 млн номинальных рублей или 329,9 млн руб. серебром (стлб. 9) или 97,7 млн руб. в постоянные цены первой четверти XVIII в. (стлб. 10). Иначе говоря, казна, мало повышая налоги, создавала для помещиков возможность увеличивать ренту, не опасаясь протеста со стороны крестьян: для них не имело значения, кому платить — казне или помещикам. Последние этим воспользовались, поднимая ренту до предельного уровня и более быстрыми темпами, чем росли цены.

Для получения представления о реальной величине присвоенных помещиками и потерянных казной и обществом сумм следовало бы сопоставлять их с национальным доходом. К сожалению, определить последний в XVIII — первой половине XIX в. с приемлемой точностью невозможно из-за отсутствия соответствующих сведений[35]. Ориентиром могут служить данные о товарной продукции в первой половине XVIII в. Товарооборот по внутренней торговле можно вычислить по величине пошлины, равной 5% от продажной цены товара, собираемой до отмены внутренних таможен в 1753 г. Полученные цифры должны быть увеличены на сумму экспортных товаров, облагаемых особой пошлиной, и на сумму казенных монопольных товаров (водка, соль и табак), не облагаемых никакой пошлиной. Величина товарооборота Европейской России без Прибалтики, где существовал особый режим для торговли, достигала в текущих ценах 17 млн руб. серебром в 1724 г.

и 27,9 млн руб. в 1753 г.[36] Товарность зернового производства на рубеже XVIII и XIX вв. оценивается в 12–15% от чистого сбора и 9–12% от валового сбора[37]. Товарность прочих сельскохозяйственных товаров в одних случаях была выше (лен, пенька), в других ниже (молоко, овощи, фрукты). Товарность кустарного, ремесленного и мануфактурного производства приближалась к 100%, но доля несельскохозяйственных товаров в общей товарной массе вряд ли превышала 10%, так как доля горожан во второй половине XVIII в. составляла менее 10%[38]. Поскольку товарность сельского хозяйства во второй половине XVIII в. росла[39], можно предположить: в середине XVIII в. она не превышала 9% от валового сбора сельскохозяйственной продукции. Значит, валовой продукт российского сельского хозяйства (без Прибалтики и Сибири) в 1753 г. мог равняться не более 310 млн руб. серебром. Соответственно валовой продукт всего народного хозяйства не превышал 341 млн руб. [310 + (310 x 0.10)], на человека — 17,76 руб. серебром. Для XVIII в. основные средства производства играли второстепенную роль по сравнению с затратами живого труда, особенно в сельском хозяйстве, поэтому затратами на амортизацию и ремонт можно пренебречь. Тогда валовой национальный доход будет мало отличаться от валового внутреннего продукта. Таким образом, в 1725–1800 гг. 70 тыс. помещиков присвоили 330 млн руб. серебром общественных средств — сумму, примерно эквивалентную среднегодовому национальному доходу страны на середину XVIII в.

Дворянство претендовало также на государственных и бывших церковных крестьян. И здесь верховная власть сделала уступки, передав около 1 млн государственных крестьян в собственность помещикам, что принесло значительные потери казне за счет ренты, уплывшей из казны в карманы помещиков[40]. Притязания дворянства на бывших церковных крестьян (1626 тыс. обоего пола в 1719 г. и 2610 тыс. в 1795 г.) верховная власть отвергла, и доходы с них (окончательно секуляризация осуществлена в 1764 г.) позволили правительству латать прорехи в государственном бюджете.

5.3. Итоги

XVIII в. отмечен понижением уровня жизни, а если быть совершенно корректным — снижением потребления у преобладающего большинства россиян, вследствие чего их базисные потребности стали удовлетворяться хуже. Пострадали прежде всего крестьяне и низшие страты горожан. Возможно, материальное положение духовенства (1,5% во всем населении) было несколько лучше, чем демонстрируют наши данные о длине тела тех, кто оказался в армии, поскольку в нее, как правило, рекрутировались лица из обедневшего и деклассированного духовенства, оставшиеся без работы по своей профессии или без перспективы ее получить. Но, как показало исследование Г. Фриза[41], духовенство отнюдь не процветало. У подавляющей части белого духовенства, служившего в сельских приходах, благосостояние едва ли могло повыситься, если у паствы оно упало. Из-за секуляризации монастырской собственности церковь лишилась доходов и не могла оказывать материальную поддержку нуждающимся приходам. Маловероятно, чтобы положение малочисленного слоя предпринимателей, так называемого гильдейского купечества, чья доля в населении равнялась менее 0,1%, ухудшилось. В выигрыше оказалось, вероятно, дворянство — около 2% жителей, и особенно помещики. Однако даже если материальное положение всех привилегированных слоев, составлявших 3,5% жителей страны, улучшилось, то у остальных 96,5% оно понизилось.

Негативная в целом динамика благосостояния в XVIII в. происходила при следующих экономических обстоятельствах: (1) сильное повышение цен, включая хлебные; (2) возрастание спроса на хлеб на внутреннем и внешнем рынках, (3) снижение урожайности во второй половине XVIII в. примерно на треть под воздействием главным образом похолодания климата, (4) рост посевных площадей, особенно в последней трети XVIII в. ради получения зерна и других сельскохозяйственных продуктов на экспорт и для компенсации падения урожайности, (5) резкое увеличение общей суммы налогов и повинностей на душу населения. В целом все указанные тенденции негативно сказывались на положении крестьянства и мещанства, их жизнь становилась тяжелее, работать приходилось больше. Воспользоваться благоприятной экономической конъюнктурой они не могли, так как не понимали законов денежного обращения, слабо ориентировались в рыночных джунглях и потому проигрывали там, где при наличии коммерческой компетенции могли бы выиграть.

Важным фактором, повлиявшим на снижение биостатуса россиян, стало длительное похолодание: средние годовые температуры, имеющие прямое отношение к продолжительности вегетационного периода и количеству осадков, во второй половине XVIII в. понизились почти на градус по Цельсию. Это не только вызвало падение урожайности, но и потребовало от людей дополнительных расходов на поддержание температуры тела и жилища.

Как это ни парадоксально, понижение уровня потребления в XVIII в. происходило в условиях бурного экономического роста, когда сельское хозяйство, промышленность и торговля довольно успешно развивались, на фоне структурных реформ и значительного культурного прогресса. Кризис потребления обусловливался не мальтузианским кризисом, а повышением налогов и повинностей, которые ухудшили материальное положение простого народа и привели к увеличению продолжительности и интенсивности труда. Рост платежей в пользу государства был связан с войнами за выход России к Балтийскому и Черному морям, за статус великой державы и с реформами, проводимыми верховной властью ради преодоления отставания от западноевропейских стран. Возрастание повинностей в пользу помещиков определялось их стремлением иметь средства для комфортабельной и расточительной жизни по западноевропейским стандартам. При Петре I тяготы войны и модернизации более или менее равномерно распределялись между всеми социальными классами, национальный доход обслуживал потребности всего общества, вследствие чего снижение благосостояния минимизировалось. Прибавочная стоимость, создаваемая владельческими крестьянами, а это более половины всех жителей страны, в первой четверти XVIII в. разделялась между государством и помещиками поровну. Но постепенно она стала почти монопольным достоянием помещиков, узурпировавшими в конце XVIII в. 88% ее величины. Елизавета и Екатерина II переложили издержки

Скородумов Г. И. Ямщик. 1784 г. Офорт. ГЭ

по модернизации страны почти исключительно на плечи крестьянства, принесли его интересы в жертву государственным потребностям и дворянству, которое в основном и присвоило плоды экономического прогресса и вестернизации. Другими словами, после смерти великого императора дворяне, а точнее 70 тыс. помещиков, приватизировали 57% жителей страны. Вследствие этого народ понес серьезный материальный ущерб — его жизненный уровень за 50 лет правления двух императриц понизился сильнее, чем при Петре I.

Российские мужчины, рожденные на рубеже XVII — XVIII вв. и призванные в армию в 1720-е гг., были выше французских, но ниже британских, немецких, австро-венгерских, шведских и американских. По имеющимся в настоящее время данным можно предположить: во второй половине XVIII в. всюду в Европе длина тела у населения понижалась, хотя и в разной степени[42], а Россия находилась среди лидеров декселерации (табл. 5.12).

Таблица 5.12

Средний рост мужского населения в некоторых европейских странах в конце XVIII в.

Страна	Годы рождения	Годы призыва	Средний рост, см	Возраст
Россия	1780-е	1806–1815	161,5	23+
Вюртемберг	1780-е	1806–1815	166,8	24+
Швеция	1780-е	1802–1811	166,6	21+
Бавария	1780-е	1802–1811	166,2	21
Англия	1780-е	1803–1812	166,1	20–23
Италия (Северная)	1780-е	1802–1811	165,9	21
Саксония	1780-е	1802–1811	165,9	21
Польша (Галиция)	1780-е	1802–1811	162,5	21
Нидерланды	1795–1804	1815–1824	164,5	20
Венгрия	1780-е	1802–1811	164,1	21
Франция	1784–1792	1805–1813	163,7	20–21
Бельгия	1790-е	1812–1821	163,7	21
Австрия	1780-е	1802–1811	163,5	21
Моравия	1780-е	1802–1811	163,2	21
Богемия	1780-е	1802–1811	162,5	21

*Источник: A'Hearn B. R*emapping Italy's Path to the 19th Century: Anthropometric Signposts//Journal of European Economic History. 2006. Vol. 35. No. 2. Россия: см. также табл. 5.1.

Поэтому в смысле снижения потребления Россия XVIII в. шла в ногу с Европой, хотя причины, вызвавшие это общеевропейское явление, в чем-то совпадали — вся Европа вела изнурительные войны, в чем-то нет. Британия инвестировала сэкономленные на потреблении средства в промышленную революцию, остальные западноевропейские страны к ней готовились, находясь в стадии протоиндустриализации; все испытывали экономический прогресс. Россия тоже экономически быстро развивалась и модернизировалась во всех отношениях, но на других основаниях — она переживала апогей крепостничества, своего рода второе закрепощение. Ценой экономии на удовлетворении базисных потребностей огромного большинства населения, что воспринималось им

Лепренс Ж. Б. Охтенская молочница. 1765 г. Офорт. ГЭ

как понижение благосостояния, Россия расширила и укрепила свои границы и стала великой державой в военном отношении, Британия превращалась в мастерскую мира, а другие западноевропейские страны готовились проводить промышленную революцию. За величие — военное или экономическое — пришлось заплатить высокую цену. Однако это не было бесполезной тратой материальных и человеческих ресурсов. Выйдя на берега Балтийского и Черного морей, приобретя значительные территории и укрепив за собой все колонизованное прежде, Россия, несомненно, увеличила свое национальное богатство за счет природного капитала, который принес дивиденды, правда, будущим поколениям. Без статуса великой державы, без мощной армии и флота Россия не смогла бы ни приобрести, ни удержать за собой свои огромные природные богатства. В силу этого большие инвестиции в оборону за счет, к сожалению, жизненного уровня народа нельзя считать напрасными, хотя, возможно, они оказались чрезмерными. На 1796 г. внешний (41,4 млн руб.) и внутренний долг государства (82,5 млн руб.) в сумме равнялся 123,9 млн руб. ассигнациями, по курсу 1796 г. — 98 млн руб. серебром[43] — в 3,4 раза меньше огромной по тем временам суммы — 330 млн руб. сер., присвоенной помещиками в результате приватизации 57% населения. Государственный долг — это издержки войны и модернизации. Отсюда следует: если бы Елизавета Петровна и Екатерина II смогли противостоять вожделениям дворянства и сохранили бы пятидесятипроцентную долю государства в прибавочной стоимости, производимой трудом помещичьих крестьян, то этих средств хватило бы и на все проведенные мероприятия по модернизации страны, и на осуществление активной внешней политики без ущерба для благосостояния народа. Однако возникает вопрос: захотело бы дворянство быть лидером модернизации — нередко с риском дли жизни и собственности! — без серьезных материальных стимулов?

Примечания

1. *Blanchard I.* Russia's 'Age of Silver': Precious-metal Production and Economic Growth in the Eighteenth Century. London and New York: Routledge, 1989. P. 281–283.
2. Средний рост мужчин референтной группы, или стандартизированного состава, — т. е. *одинакового* возраста, социального статуса, места жительства и образования. Матримониальный статус контролировать не будем. Из-за недостатка сведений о семейном состоянии 26 332 рекрутов наша информационная база при оценке роли этого признака (методом множественной регрессии) сократится на 26 332 человек, вследствие чего результаты оценки влияния семейного положения и других признаков на длину тела будут менее надежными и точными. Поскольку вклад семейного положения был незначительным, то при его учете мы приобретем меньше, чем потеряем. О стандартизации состава выборок методом множественной регрессии см. в Главе 2.3.
3. *Kahan A.* Natural Calamities and their Effect upon the Food Supply in Russia//Jahrbüher der Geschichte Osteuropas. 1968. Bd. 16. S. 353–377.
4. *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 250. Демографическая статистика XVIII — первой половины XIX в. неточна, занижает уровень смертности, но тенденции в изменении смертности показывает удовлетворительно.
5. *Цветков М. А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957. С. 110–118, 133. На территории России в границах 1696 г. население к 1796 г. увеличилось в 2.2 раза.
6. *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет. М.,1973. С. 103–112; *Водарский Я. Е., Иваньков П. А.* Распаханность земель Европейской России в первой половине XVIII в.//Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов н/Д, 1980. С. 69–70; *Миронов Б. Н.* Причины роста хлебных цен в России XVIII в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1979 г. Киев, 1979. С. 116; *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство. С. 327–334; *Цветков М. А.* Изменение лесистости. С. 110–118, 133.
7. *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство. С. 343–353.
8. По расчету Е. И. Индовой, на землях дворцовых крестьян средняя урожайность в 1760-е гг. составила 4,6 сам, что представляется завышенной оценкой, либо относящейся только к дворцовым имениям. Поэтому в таблице 5.3 данные за 1760-е гг. не включены. По наблюдениям С. Л. Хока, в XVIII — начале XIX в. урожайность по официальным данным занижалась на 30% (*Хок С. Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 37).
9. *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 62–91, 504.
10. Военно-статистический сборник/Н. Н. Обручев (ред.). Вып. 4. Россия. СПб., 1871. Отд. 2. С. 40.
11. *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 159; *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 167.
12. *Корсак А.* О винокурении//Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. СПб., 1865. Т. 3. С. 153, 288–289; *Троицкий С. М.* Финансовая политика. С. 160. Ведро водки вмещало 13,6 литра.
13. *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в.: (По материалам ревизий). М., 1963. С. 164–165.
14. *Миронов Б. Н.* Русский город. С. 241.
15. *Миронов Б. Н.* Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII — начале XIX в.//Исторические записки. 1974. Т. 93. С. 168–169.
16. *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство. С. 389–401.
17. *Троицкий С. М.* Финансовая политика. С. 267–268. Налоговое бремя в 1720 — середине 1740-х гг. было стабильным, затем началось увеличение косвенных налогов, которое не дало ожидавшегося приращения доходов, и тогда вновь обратились к повышению прямых налогов.
18. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 36. См. также: *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. С. 161, 171.
19. *Бобков Ф. Д.* Из записок бывшего крепостного человека//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006. С. 580.
20. *Троицкий С. М.* Финансовая политика. С. 134–144; *Чечулин Н. Д.* Очерки. С. 143–144.

21. *Руковский И. П.* Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862. С. 6–7, 185, 192, 195, 198–200; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIII. С. 116, 118.
22. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра/Б. Б. Кафенгауз, Н. И. Павленко (ред.). М., 1954. С. 391.
23. *Kahan A.* The Plow. P. 348.
24. В литературе имеются и несколько другие цифры. Однако общей картины они не меняют: Очерки истории СССР. С. 347.
25. Подсчитано по: Столетие Военного министерства. 1802–1902: В 13 т. СПб., 1902–1914. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1/Сост. А. К. Ильенко. С. 61, 62, 123, 150. Цены на рекрутов и крепостных росли параллельно вместе с увеличением оброков: *Семевский В. И.* Крестьяне. Т. 1. 172–173.
26. Разумеется, перевод рекрутской повинности в деньги не может учесть всего материального ущерба, наносимого крестьянскому хозяйству, и психологической травмы, которую получал новобранец и его родственники, воспринимавшие уход на воинскую службу как *смерть*: *Шангина И. И.* Русский народ: Будни и праздники. СПб., 2003. С. 441.
27. Очерки истории СССР. С. 383.
28. *Чечулин Н. Д.* Очерки. С. 199–200, 256–257.
29. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII — XX веков: Историко-статистическое исследование. М., 1960. С. 54–58, 261–270, 340.
30. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. 1. С. 415–418; *Чечулин Н. Д.* Очерки. С. 256–257.
31. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 213–214.
32. *Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 169–175. См. в Главе 9 таблицу 9.6.
33. Там же. С. 110–113.
34. *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения. С. 59–118.
35. Существующие оценки слишком произвольны, чтобы заслуживать доверия: *Вайнштейн А. Л.* Народный доход России и СССР (история, методология исчисления, динамика//Вайнштейн А. Л. Избранные труды: В 2 кн. М., 2000. С. 283–292; *Blanchard I.* Russia's 'Age of Silver'. P. 281–283, 348–355.
36. *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 159–160.
37. *Яцунский В. К.* Социально-экономическая история России XVII–XIX вв. М., 1973. С. 104; *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 96–98, 340.
38. *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы. С. 241.
39. *Рубиншейн Н. Л.* Сельское хозяйство. С. 311–316, 401–411.
40. *Семевский В. И.* (1) Пожалование населенных имений в царствование Екатерины II: очерк из истории частной земельной собственности в России. СПб., 1906. С. 1–71; (2) Пожалование населенных имений при императоре Павле//Русская мысль. 1882. № 12. С. 153–192.
41. *Freeze G. L.* The Russian Levities: Parish Clergy in the Eighteenth Century, Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1977. P. 144–146.
42. *Costa D. L., Steckel R. H.* Long-Term Trends in Health, Welfare, and Economic Growth in the United States//Health and Welfare during Industrialization/R. H. Steckel, R. Floud (eds.). Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997. P. 50–52; *Floud R., Harris B.* Health, Height, and Welfare: Britain, 1700–1980//Health and Welfare during Industrialization. P. 100–105; *Komlos J.* (1) Height and Social Status in Eighteenth-Century Germany//Journal of Interdisciplinary History. Vol. XX. No. 4. Spring 1990. P. 607–621; (2) Nutrition and Economic Development in the Eighteenth-Century Habsburg Monarchy. P. 57, 75–76; *Sandberg L. G., Steckel R. H.* Height and Economic History: The Swedish Case//Annals of Human Biology. 1987. Vol. 14. P. 101–110; *Sandberg L. G.* Soldier, Soldier, What Made You Grow so Tall? A Study of Height, Health, and Nutrition in Sweden, 1720–1881//Economy and History. 1980. Vol. 23. P. 91–105; *Sokoloff K. L.* The Heights of Americans in Three Centuries: Some Economic and Demographic Implications//The Biological Standard of Living on Three Continents: Further Explorations in Anthropometric History/Komlos J. (ed.). Boulder: Westview Press, 1995. P. 136; *Weir D. R.* Economic Welfare and Physical Well-Being in France, 1750–1990//Health and Welfare during Industrialization. P. 174–177.
43. *Бржеский Н.* Государственные долги России: историко-статистическое исследование. СПб., 1884. С. 233–234.

6

БИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XIX — НАЧАЛЕ XX В. И ЕГО ФАКТОРЫ

«Два новых факта в особенности поражают наблюдателя русской деревни за последние годы – подъем благосостояния и поразительно быстрый рост новой общественности».

Евгений Трубецкой, декабрь 1913 г. Русская мысль. 1913. Декабрь. С. 1.

6.1. Изменение среднего роста и веса мужчин и женщин в XIX — начале XX в.

Антропометрическая информация за XIX — начало XX в. более разнообразна, чем за XVIII в. Мы располагаем следующими группами данных: (а) индивидуальными цензурированными, или усеченными, вследствие существования ростового ценза, данными о росте, или длине тела, новобранцев, (б) нецензурированными сведениями о росте рабочих и новобранцев, призванных на службу после отмены ростового ценза в 1918 г., (в) суммарными цензурированными данными о росте всех новобранцев, призванных в армию в 1874–1914 гг.

6.1 а. Динамика среднего роста мужчин

Общую картину изменения роста у мужчин за 120 лет по разным оценкам отражают рис. 6.1 и табл. 6.1.

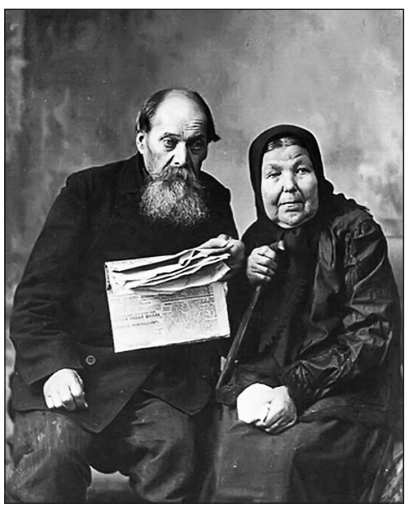
Разные источники и оценки дают в принципе похожую картину: они свидетельствуют об увеличении роста в России XIX — начала XX в. как доминирующей тенденции. Весьма важно, что при стандартизации данных за отдельные пятилетия по ростовому цензу, возрасту, социальному статусу, грамотности, месту проживания у новобранцев и рабочих обнаруживается похожая динамика роста. В том и другом случае референтной группой являются неграмотные крестьяне в возрасте старше 23 лет, проживающие в деревне и занимающиеся земледелием, так как именно такими характеристиками обладал типичный новобранец имперского периода.

Как видно из табл. 6.1 и рис. 6.1, до середины XIX в. действовала начавшаяся в 1796–1800 гг. повышательная тенденция: средний рост мужчин референтной группы увеличивался почти непрерывно, за исключением родившихся только в одно пятилетие, 1821–1825 гг., с 162,2 до 165,0 см — на 2,8 см, достигнув уровня начала XVIII в. Затем наступил 10-летний период понижения длины тела,

1856–1865 гг., в течение которого она уменьшилась на 1,3 см. Во второй половине 1860-х гг. наступил длительный период увеличения роста, продолжавшийся до Первой мировой войны. Лишь дважды, в 1891–1895 гг. и в 1901–1905 гг., он уменьшался. За 50 лет, 1866–1915 гг., рост увеличился на 4,5 см — с 164,5 до 169,0 см, а по сравнению с концом XVIII в. — на 8,7 см. Таким образом, в 1796–1915 гг. наблюдалось систематическое повышение длины тела, благодаря чему мужчины, рожденные в 1911–1915 гг., стали на 4,2 см выше рожденных в 1701–1710 гг. Последствия кризиса биостатуса в XVIII в. оказались преодоленными и достигнут значительный прогресс. Прорыв в уровне благосостояния произошел после Великих реформ, только после вступления России в эпоху рыночной экономики.

Рис. 6.1. **Рост российских мужчин, родившихся в 1801–1920 гг. (в см)**

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.



Московские мещане. 1902 г. Фото

Увеличение длины тела в 1901–1914 гг. нельзя объяснить так называемым догоняющим развитием (см. Главу 2.2), так как биостатус советских людей в 1921–1935 гг. понижался как в городе, так и в деревне: средний рост горожан с 1911–1913 гг. по 1931–1935 гг. уменьшился со 169,2 см до 167,4 см, а селян — с 169,1 до 166,9 см[1]. Вследствие этого люди, отставшие в царское время в своем физическом развитии, не могли наверстать упущенное в годы советской власти. Об этом же свидетельствует и динамика размеров новорожденных в Москве: с 1911–1915 гг. по 1936–1940 гг. рост новорожденных уменьшился с 53 до 51 см (в том числе в 1916–1930 гг. практически не изменялся), а вес — с 3641 до 3425 грамм[2].

6.1. Изменение среднего роста и веса мужчин и женщин в XIX — начале XX в.

Таблица 6.1

Средний рост мужского населения России 1801–1915 годов рождения

Годы рождения	Годы призыва	Число наблюдений		Фактический ростовой ценз, см	Рост новобранцев и рабочих, см	Рост референтной группы, см*	Стандартная ошибка средней, см**
		индивидуальных	суммарных				
1801–1805	1826–1830	6 977	–	155,6	164,0	162,4	0,15
1806–1810	1831–1835	12 281	–	155,6	163,9	162,9	0,15
1811–1815	1836–1840	3 417	–	157,8	164,6	163,5	0,20
1816–1820	1841–1845	3 682	–	155,6	165,6	165,0	0,20
1821–1825	1846–1850	4 984	–	155,6	165,0	163,9	0,20
1826–1830	1851–1855	6 418	–	155,6	164,7	164,0	0,15
1831–1835	1856–1860	7 238	–	155,6	164,5	164,2	0,15
1836–1840	1861–1865	5 871	–	155,6	164,6	164,7	0,15
1841–1845	1866–1870	9 885	–	155,6	165,1	164,8	0,15
1846–1850	1871–1875	15 600	–	155,6	165,4	164,9	0,05
1851–1855	1876–1880	15 808	519 535	153,4	165,8	165,2	0,02
1856–1860	1881–1885	11 346	1 069 756	153,4	164,6	164,1	0,02
1861–1865	1886–1890	12 996	1 090 178	153,4	164,4	163,9	0,02
1866–1870	1891–1895	2 327	1 247 094	153,4	165,1	164,7	0,02
1871–1875	1896–1900	1 729	1 332 388	153,4	166,5	166,4	0,01
1876–1880	1901–1905	1 612	1 444 557	153,4	167,0	166,9	0,01
1881–1885	1906–1910	1 198	1 920 601	153,4	167,4	167,3	0,01
1886–1890	1911–1915	982	2 163 123	153,4	167,6	167,6	0,01
1891–1895	1916–1920	2 897	850 701	153,4	165,3	166,4	0,01
1896–1900	1921–1925	1 069	830	153,4	165,7	166,9	0,31
1901–1905	1926–1930	387	12 549	–	166,8	166,8***	0,15
1906–1910	1931–1935	533	10 511	–	168,0	168,0***	0,15
1911–1915	1936–1940	20 162	–	–	169,0	169,0***	0,05

Примечания: * Оценка среднего роста методом максимального правдоподобия по уравнению регрессии. Референтной группой являются неграмотные крестьяне в возрасте старше 23 лет, проживающие в деревне, родившиеся в 1801–1805 гг.

** Стандартная ошибка среднего роста мужчин референтной группы.

*** Выборочные средние по индивидуальным и суммарным данным.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

У различных социальных групп колебания длины тела проходили синхронно, хотя и с разной интенсивностью (табл. 6.2).

С 1791–1800 гг. по 1900–1917 гг. рост (по выборочным данным без стандартизации) в большей степени увеличился у непривилегированных групп — у крестьян на 8,6 см и мещан — на 7,6 см, и в меньшей степени у привилегированных — дворян, чиновников, купцов, разночинцев — на 3,3 см. У нижних воинских чинов рост увеличился лишь на 1,3 см. Различия в длине тела мужчин, принадлежавших к разным социальным группам, достигли своего максимума в первой половине XIX в., в период расцвета сословной системы (табл. 6.3).

Таблица 6.2

Изменение среднего роста мужского населения 1791–1917 гг. годов рождения в возрасте старше 17 лет по сословным группам (по выборочным данным, в см)*

Социальная группа	1791–1800 гг.			1901–1917 гг.			Изменение роста, см
	Рост, см	Число человек	Ст. ош., см*	Рост, см	Число человек	Ст. ош., см*	
Крестьяне всех категорий	160,1	11 841	0,05	168,7	7 031	0,04	8,6
Мещане	161,3	308	0,35	168,9**	14 267	0,03	7,6
Нижние воинские чины	165,4***	3 949	0,58	167,4	28	0,53	2,0
Дворяне, чиновники, купцы, разночинцы	166,0	15	2,00	169,3	24	0,05	3,3

Примечания: * Ст. ош. — стандартная ошибка средней.

** Мещане и рабочие.

*** 1791–1850 гг.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Таблица 6.3

Средний рост мужчин 1801–1860 годов рождения в возрасте старше 17 лет в зависимости от социального положения

Социальная группа	Рост, см	Число человек	Стандартное отклонение, см	Стандартная ошибка, см
Однодворцы	163,8	1 332	5,30	0,08
Помещичьи крестьяне	164,3	9 675	5,65	0,03
Удельные крестьяне	164,3	735	5,52	0,10
Государственные крестьяне	164,5	12 179	5,53	0,03
Экономические крестьяне	164,6	430	5,84	0,14
Свободные хлебопашцы	164,8	94	5,75	0,30
Мещане и цеховые	165,2	1 432	6,51	0,09
Нижние воинские чины	165,2	524	5,87	0,33
Вольноотпущенники	165,8	165	5,25	0,21
Дворовые	165,9	2 229	6,11	0,07
Почетные граждане и купцы	166,6	49	6,23	0,54
Дворяне, чиновники и офицеры	167,5	140	6,41	0,37

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Ранжировав социальные группы по росту, получим их иерархию по социальному статусу и материальному положению, соответствующую стандартам сословного общества первой половины XIX в.: внизу — крестьяне разных категорий, вверху — привилегированные группы. При рассмотрении данных табл. 6.3 следует принять во внимание, что по большим социальным группам — помещичьим, удельным и государственным крестьянам, однодворцам, дворовым и мещанам — информации много, и выводы о степени различий в их росте статистически достоверны. Но по привилегированным группам данных

Затачивание ложек. Нижегородская губ. 1900-е гг. Фото

слишком мало (например, по почетным гражданам и купцам — 49 наблюдений, свободным хлебопашцам — 94, дворянам, чиновникам и офицерам — 140) для репрезентативных выводов. На дворянство при приеме в армию ростовой ценз не распространялся. Штатное духовенство и чиновничество в армию не призывались. Богатые купцы и почетные граждане от службы откупались. Вследствие этого мы располагаем антропометрическими сведениями о немногочисленных и, как правило, обедневших представителях привилегированных групп, опустившихся до рабочих или солдат. Тем не менее, разница в росте между самыми низкорослыми однодворцами и самыми рослыми — дворянами, чиновниками и офицерами достигала внушительной величины 3,7 см. Поскольку рекрутами и рабочими становились деклассированные представители привилегированных сословий, различие в длине тела между ними и податными социальными

Сапожный ряд у Каменного моста. 1900 г. Фото

группами в действительности больше того, которое показывают наши расчеты. Вопреки распространенному представлению, материальное положение дворовых не являлось особо тяжелым: в XVIII — первой половине XIX в. по биостатусу они превосходили все категории податного населения. Это объяснялось тем, что дворовые рекрутировались из наиболее развитых физически детей, они получали надежное обеспечение от своих господ в виде пайка и денег и при этом работали меньше крестьян. «Барин потребовал выбора и присылки в услужение более красивых и ловких девушек и парней»,— вспоминал бывший дворовый Ф.Д. Бобков. Согласно последнему, работали дворовые много меньше деревенских крестьян, а питались лучше[3]. По сведениям другого крестьянского мемуариста, И.М. Кабешта, дворовые его помещика в первой половине XIX в. получали ежемесячно по 2 пуда ржаной муки, 1 пуду крупы и рублю денег (на рубль можно было купить около трех пудов ржи), имели крышу над головой, огород и корову и не надрывались на работе; в старости норма выдачи уменьшалась до полутора пудов муки, 30 фунтов крупы и рубля денег; дети получали вполовину меньше[4]. Примерно такой же паек получали дворовые и по сообщению Бобкова[5].

6.1 б. Динамика среднего веса у мужчин

Проанализируем теперь изменение веса у мужчин (табл. 6.4 и 6.5). Сведения за XIX в. относятся к рабочим и крестьянам, измеренных врачами во время санитарных обследований центрально-промышленных губерний в 1880–1890-х гг., а за XX в. — к новобранцам, призванным в армию уже в советское время.

Таблица 6.4

Средний вес мужчин, рожденных в 1811–1915 гг., в возрасте старше 26 лет

Годы рождения	Вес, кг	Число наблюдений	Среднее квадратическое отклонение, кг	Стандартная ошибка средней, кг
1811–1815	58,0	25	8,16	1,63
1811–1820	59,4	87	9,30	1,18
1821–1825	59,0	169	6,72	0,52
1826–1830	60,0	262	7,24	0,45
1831–1835	60,0	440	7,67	0,37
1836–1840	60,0	528	7,79	0,34
1846–1850	60,0	1 199	6,81	0,20
1851–1855	59,0	1 635	6,38	0,16
1856–1860	59,0	760	6,47	0,23
1861–1865	61,0	310	6,92	0,39
1866–1870	60,0	222	7,02	0,47
1871–1895	–	–	–	–
1896–1900	63,0	42	10,97	1,69
1901–1905	–	–	–	–
1906–1910	65,0	84	6,84	0,75
1911–1915	65,0	123	6,97	0,63

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Таблица 6.5

Средний вес мужчин, рожденных в 1856–1915 гг., в возрасте от 15 до 24 лет*

Годы рождения	Возраст																			
	15 лет		16 лет		17 лет		18 лет		19 лет		20 лет		21 год		22 года		23 года		24 года	
	вес, кг	n	вес, кг	n	вес, кг	n	вес, кг	n	вес, кг	n	вес, кг	n	вес, кг	n	вес, кг	n	вес, кг	n	вес, кг	n
1856–1860	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	58,6	160	58,3	282
1861–1865	–	–	–	–	–	–	54,4	255	56,0	433	57,0	504	57,4	378	57,8	353	58,2	201	–	–
1866–1870	39,1	541	43,8	491	49,4	490	51,7	216	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	62,5	16
1876–1880	39,3	123	44,7	125	50,3	136	53,8	158	56,9	99	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1896–1900	–	–	–	–	–	–	–	–	58,7	934	57,0	39	–	–	–	–	–	–	–	–
1901–1905	–	–	–	–	–	–	–	–	57,1	64	59,5	76	63,1	65	62,7	128	63,8	14	63,3	10
1906–1910	48,4	16	49,3	50	53,7	100	56,4	161	–	–	–	–	–	–	–	–	67,2	131	66,7	63
1911–1915	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	66,2	3 356	67,6	15 859	66,3	342	65,2	200

*Примечание:** Пропуски означают отсутствие сведений.

Источники: см. Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Это нецензурированные данные, не нуждающиеся в поправке на усечение. В XIX в. увеличение веса мужчин в основном завершалось к моменту достижения полной физической зрелости — к 27 годам, затем до 40 лет происходила незначительная прибавка, после чего вес начинал уменьшаться, сначала едва заметно, а с 50 лет — более существенно[6]. Основываясь на этом, рассчитаем средний вес мужчин в возрасте старше 26 лет и по отдельным возрастам — от 15 до 24 лет.

Сведения о весе подтверждают наблюдения, сделанные по ростовым данным: для XIX — начала XX в. характерна позитивная динамика биостатуса, прерванная в 1851–1870 гг. и возобновленная с 1870-х гг.

6.1 в. Изменение среднего роста женщин

Обратимся теперь к женщинам. Данные касаются преимущественно русских неграмотных крестьянок из сельской местности, благодаря чему они являются достаточно однородными и не нуждаются в стандартизации по пятилетиям. Поскольку у женщин повышение роста в основном завершалось к 17 годам[7], то определим его величину в возрасте от 17 лет и старше (табл. 6.6).

Таблица 6.6

Средний рост мужчин и женщин 1811–1880 годов рождения в возрасте старше 17 лет

Годы рождения	Рост мужчин, см	Рост женщин, см	Число наблюдений	Среднее квадратичное отклонение, см	Стандартная ошибка средней, см
1811–1815	163,5	149,5	25	5,86	1,17
1816–1820	165,0	150,9	60	6,38	0,82
1821–1825	163,9	152,9	216	5,54	0,38
1826–1830	164,0	152,8	376	5,28	0,27
1831–1835	164,2	152,4	908	5,33	0,18
1836–1840	164,7	153,2	1 242	5,29	0,15
1841–1845	164,8	153,3	2 053	5,47	0,12
1846–1850	164,9	153,4	2 398	5,48	0,11
1851–1855	165,2	153,2	3 630	5,48	0,09
1856–1860	164,1	153,1	4 713	5,43	0,08
1861–1865	163,9	152,9	5 930	5,36	0,07
1866–1870	164,7	152,8	747	5,27	0,19
1871–1875	166,4	154,5	312	4,96	0,28
1876–1880	166,9	153,3	187	4,68	0,34

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Как видим, в XIX в. биостатус у женщин, как и мужчин, имел позитивную тенденцию, хотя изменения происходили не всегда синхронно. Судя по антропометрическим показателям, женщины сравнительно с мужчинами чаще и более

интенсивно испытывали депривацию. Это подтверждает существование значительного гендерного неравенства в доступе к материальным благам. Гендерная разница в росте колебалась от 11,0 до 14,1 см и для большей части изучаемого периода находилась в границах 11–12 см в пользу мужчин.

6.2. Факторы динамики биологического статуса населения в XIX — начале XX в.

Годы, когда происходило падение уровня жизни, красноречиво говорят о его социально-экономической подоплеке. Период 1821–1825 гг. отмечен максимальным падением хлебных цен и, значит, доходов от продажи сельскохозяйственных продуктов, в том числе за границу. В 1856–1865 гг. разразился финансовый кризис, вызванный Крымской войной; тогда же происходила перестройка экономики и политической системы государства. На 1891–1895 гг. приходился сильный неурожай 1891–1892 гг., на 1901–1905 гг. — война с Японией и Первая русская революция. Словом, снижение благосостояния происходило в трудные в социально-экономическом отношении для страны годы, которых, к счастью, было меньше, чем благоприятных.

Основываясь на данных о биостатусе, можно сделать следующий вывод: в 1801–1915 гг. жизненный уровень россиян понижался лишь в пяти пятилетиях — 1821–1825, 1856–1865, 1891–1895 и 1901–1905 гг., а в остальных 19 пятилетиях он повышался. Позитивная тенденция преобладала. В дореформенное время уровень жизни повышался медленнее, чем в пореформенное, а в период подготовки и первые годы проведения Великих реформ он даже понизился. Отсюда следует: в последние 60 лет существования крепостничества доходы крестьянства росли, а вместе с ними и благосостояние; отмена крепостного права принесла крестьянству ощутимые выгоды в экономическом отношении. Проверим эти выводы на других данных.

Крестьянские девушки. Орловск. губ. 1911 г. Фото

6.2 а. О точности официальной урожайной статистики

Прямой информации о потреблении продуктов за первую половину XIX в. крайне мало, поэтому приходится обращаться к их производству. Начнем с хлеба — главного продукта питания в то время. Наиболее компетентные российские статистики дореформенного времени полагали, что накануне отмены крепостного права сельское хозяйство производило зерновых по 3 четверти на человека в год, включая сюда корм скоту и птице. Это примерно соответствовало солдатскому довольствию в 32 кг муки в месяц и с учетом припека давало до 1,5 кг ржаного хлеба на едока ежедневно[8] (табл. 6.7).

Таблица 6.7

Чистые сборы зерновых в России в первой половине XIX в. по оценкам разных исследователей (в четвертях на душу населения)

Автор расчета	1802–1811 гг.	1812–1830 гг.	1834–1840 гг.	1841–1850 гг.	1851–1860 гг.	1857–1863 гг.
В.П. Андросов	–	2,8	–	–	–	–
Е.Ф. Зябловский	3,0	2,4	–	–	–	–
Д.И. Протопопов	–	–	2,3–2,5	–	–	–
П.И. Кеппен	–	–	2,3–2,5	—	–	–
Л.В. Тенгоборский	–	–	–	3,0	–	–
И.И. Вильсон	–	–	–	3,0	–	3,3
И.Д. Ковальченко	3,0	2,5	–	2,6	2,4	–
В.К. Яцунский	2,9	–	–	–	–	3,3
А.С. Нифонтов	–	–	–	–	2,4	–

Источники: Андросов В.П. Хозяйственная статистика. С. 81–82; *Вильсон И.И.* Объяснения. С. 108–113; *Зябловский Е.Ф.* (1) Статистическое описание. Ч. 4. С. 19–23; (2) Российская статистика. СПб., 1832. Ч. 2. С. 11; Кеппен П.И. О потреблении хлеба. С. 413; *Ковальченко И.Д.* Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. // История СССР. 1959. № 1. С. 77–83; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М., 1974. С. 141; Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб.,1851. С. 13–15; *Тенгоборский Л.В.* О производительных силах Т. 1. С. 196–202; *Протопопов Д.И.* О хлебной торговле. С. 97; *Яцунский В.К.* Изменение в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России / В.К. Яцунский (ред.). М., 1961. С. 128–131.

При таком объеме производства оставалось достаточно зерна для удовлетворения потребностей в продовольствии городов, армии, а также винокурения и экспорта. В 1920-е гг. известный статистик П.И. Попов, возглавлявший в то время Центральное статистическое управление, оценивал расчеты хлебного баланса страны в 1840–1850-м гг. как удовлетворительные[9]. В 1959 г. И.Д. Ковальченко подверг этот вывод сомнению. По его расчетам, «в 50-х годах (XIX в. — *Б.М.*) чистые сборы хлебов на душу населения по 36 губерниям Европейской России были на 13,5% ниже, чем в начале века. При этом в 40-х годах уровень земледелия был таким же, как в начале века». По его мнению, феодально-крепостническая система хозяйства вступила в период кризиса, который «в целом может быть датирован примерно 30–50-ми годами XIX в. Наибольшей глубины достиг он

в 50-х годах. В это время социально-экономические противоречия достигли своей предельной остроты, что и обусловило падение крепостного права»[10]. Это построение заключало противоречие: кризис датируется 1830–1850-ми гг., а снижение производства наступило лишь в 1850-е гг. Кроме того, у автора мало сведений за 1810-е гг. (по 16 губерниям из 49) и за 1820-е гг. (по 10 губерниям), а за 1830-е гг. они и вовсе отсутствовали.

В.К. Яцунский в 1959–1961 гг. оспорил выводы И.Д. Ковальченко, обвинив его в некритическом использовании губернаторских отчетов, и сделал собственные расчеты объема зернового производства на 1857–1863 гг. Средние сборы по России у него оказались такими же, как у Вильсона[11]. Сравнив их с данными за 1802–1811 г., Яцунский заключил: душевые сборы зерновых за полвека увеличились на 7,3%, значит, дореформенное сельское хозяйство медленно прогрессировало. Уже после смерти Яцунского Ковальченко выпустил в 1967 г. книгу; в ней он воспроизвел аргументы, высказанные ранее, не комментируя замечания своего оппонента[12]. Однако именно тезис о социально-экономическом кризисе николаевской России нашел поддержку в советской историографии, поскольку в то время исследователи настойчиво искали доказательства существования революционной ситуации накануне отмены крепостного права.

В опубликованной 1974 г. книге А.С. Нифонтов, с одной стороны, поддержал Ковальченко в его позитивно-некритическом отношении к губернаторским отчетам и в оценке величины земледельческой продукции в 1850-е гг., но, с другой стороны, подверг сомнению тезис И.Д. Ковальченко о кризисе 1850-х гг. Используя те же отчеты, он показал, что 1850-е гг. разделялись на две половины — до и после 1856 г., т. е. до и после Крымской войны. В 1851–1856 гг. наблюдался спад в сельском хозяйстве, а 1856–1860 гг. — подъем, в ходе которого начальный уровень 1851–1855 гг. сельское хозяйство превзошло, значит, в годы апогея так называемой революционной ситуации сельское хозяйство прогрессировало. По мнению Нифонтова, Ковальченко недооценил также и величину товарного зерна, поэтому на самом деле сельскохозяйственных продуктов производилось больше, чем тот предполагал. Несмотря на это, утверждал Нифонтов, в 1850-е гг. хлебофуражный баланс по России в целом сводился с дефицитом в 4% от валового сбора зерновых[13]. Книга Нифонтова шла вразрез с официальной точкой зрения на 1850-е гг. как годы революционной ситуации, и тем не менее она не вызвала ни дискуссии, ни возражений.

Итак, медленный прогресс (Вильсон, Яцунский) или регресс (Ковальченко, Нифонтов) — вот суть двух взглядов на положение российского земледелия в первой половине XIX в. Чем вызваны расхождения, и кто, в конце концов, прав? Если принимать во внимание все имеющиеся на настоящий момент сведения, то нельзя говорить ни о понижении, ни об увеличении производства сельскохозяйственных продуктов в первой половине XIX в. — следует констатировать существование колебаний вокруг среднего уровня. Тенденция просматривается, если ограничиться сравнением валовой продукции сельского хозяйства в начальной и конечной точках изучаемого периода, в 1800-е и 1850-е гг. Расчеты Ковальченко и Нифонтова свидетельствуют о понижении, а Вильсона и Яцунского — о повышении сборов зерновых на душу населения. Расхождения обусловливаются различиями в оценках точности статистических материалов, содержащихся в губернаторских отчетах.

По единодушному мнению специалистов XIX в., губернаторские отчеты занижали урожайность и, значит, сборы зерновых на величины от 10% до 30%[14]. Процедура сбора сведений о посевах и урожае хлебов по всей России в принципе не могла дать точной информации, а в действительности занижала реальные урожаи. Защитник официальной статистики А.С. Нифонтов, пытавшийся в своей книге представить сбор урожайных сведений как объективную, обоснованную и четко определенную процедуру, признает, что точной инструкции вообще не существовало, а в имевшихся узаконениях на этот счет не указывались принципиальные параметры процедуры — как измерять посевы, как, когда, где и в каком числе селений для каждого уезда делать пробные умолоты для определения величины урожая, наконец, как определять сбор зерновых. На практике оценка посева и сбора хлебов осуществлялась следующим образом. В октябре, после жатвы, по инициативе коронных властей в нескольких селениях каждого уезда производились пробные умолоты. На их основе устанавливалась урожайность зерновых в текущем году в «самах» (число «самов» показывало, во сколько раз сбор превосходил посев) для всего уезда. Никакого научного или просто обоснованного подхода к выбору селений и их числа не существовало. Между тем российские уезды занимали огромную площадь и урожайность в разных частях уезда, в отдельных селениях, у крестьян и помещиков существенно различалась. Далее предводители дворянства, палаты государственных имуществ и удельные конторы собирали информацию о собранном хлебе в помещичьей, государственной и удельной деревне и представляли их в губернские комиссии для продовольствия, где они суммировались. Основываясь на пробных умолотах и общем сборе хлеба, комиссии определяли величину посева путем деления величины сбора на урожайность. Специальные органы и лица, ответственные за сбор урожайных сведений, отсутствовали. Сложное и тонкое дело оценки урожая отдавалось на усмотрение местных коронных властей, а фактически находилось в компетенции сельских выборных, крестьян и помещиков — ведь именно они выполняли пробные умолоты и определяли величину собранного хлеба. Занижение сбора хлебов достигалось также и преуменьшением посевов, так как при желании занизить сбор хлебов — это самый легкий способ. Если величину урожайности, сообщаемую земледельцами, в какой-то мере может проверить каждый сведущий в сельском хозяйстве человек, то проконтролировать величину указываемого посева без помощи землемера в принципе невозможно. Между тем измерение посевных площадей впервые осуществили только в 1880-е гг., причем весьма ориентировочно: точная оценка посевов в масштабе России требует огромных затрат времени и средств.

Нужно быть полным идеалистом и совершенно не знать психологии крестьян и помещиков, чтобы утверждать: «Данные официальной статистики урожаев не требуют особых поправок»[15]. Для крестьян представлялось насущной потребностью, более того — делом чести обмануть местных чиновников[16], в нашем случае — занизить как урожай, так посевы и сбор хлеба в целом. И крестьяне, и помещики из-за опасения дополнительных поборов зерна и фуража стремились занизить величину сбора[17]. Кроме того, наблюдалась и элементарная халатность и некомпетентность. Крестьянин И.В. Васильев, считавшийся образцовым волостным писарем в государственной деревне Пошехонского уезда Ярославской губернии в 1840–1850-е гг., так описывает составление статистической отчетно-

сти: «Я тогда был еще молод, в силах и не прочь был заняться более полезным, чем лицевой стороной канцелярии, пособрать на местах статистических сведений и проч., да времени недоставало. Поэтому громады разных сведений: о народонаселении, скоте, посевах и урожаях и пр. писались из головы, кто как сумеет соврать, только бы остатки предшествующего года были те же, да счет по столбцам ведомостей продольный и поперечный сходился по проверочной прокладке»[18].

Напомним, даже сельскохозяйственная перепись не дает точных сведений о посевах и урожаях. Крестьянство, сообщая о себе любую информацию, стремилось преуменьшить все показатели своего благосостояния. Поэтому вполне закономерно, что в 1979 г. Б.Г. Литвак, подвергший оптимистический вывод А.С. Нифонтова относительно губернаторской статистики скрупулезной проверке, пришел к неутешительному выводу: источниковедческий анализ Нифонтова являлся поверхностным и необъективным, вследствие чего точность урожайной статистики по губернаторским отчетам им преувеличена. Как доказал Литвак, все цифры о посевах и урожаях, так же как и о численности скота, отличались сомнительной достоверностью, причем самой низкой сравнительно с другими[19].

Зная о практике сбора урожайной статистики и о склонности и потребности земледельцев ее занижать, петербургские и московские экономисты 1840–1850-х гг. вносили соответствующие поправки. Делали они это не из-за желания поддержать официальную версию о благосостоянии населения и процветании николаевской России, как полагал Нифонтов[20] (в большинстве своем ученые середины XIX в. в явной или скрытой форме являлись противниками крепостного права), а чтобы увязать разнообразные статистические данные в единую непротиворечивую систему. Они справедливо полагали: Россия как страна, в которой рынок играл важную роль в регулировании хозяйственной жизни в 1840–1850-е гг., не могла в значительных количествах экспортировать хлеб или переводить его на спирт, если бы его недостаточно производилось[21]. Иными словами, они применяли метод проверки урожайности по конечному потреблению, вошедшему в практику через 80 лет под названием балансового метода, основываясь на простой идее — не может быть произведено хлеба меньше, чем его потреблено[22]. И.И. Вильсон, известный русский ученый и одновременно чиновник, автор «Объяснений к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России», выдержавшему в 1850–1860-х гг. четыре издания, считал необходимым увеличить официальные цифры сбора озимых на 21% и яровых — на 16%, для всех хлебов — на 17%[23]. Эту коррекцию для черноземных губерний В.К. Яцунский посчитал чрезмерной и ограничился поправкой в 7,4%[24].

В первые 20 лет после крестьянской реформы процедура сбора урожайных сведений не претерпела изменений, соответственно осталась невысокой и их точность. Как и в первой половине XIX в., эксперты из числа чиновников неизменно отмечали низкое качество урожайной статистики. Вот заключение Комитета министров от 17 мая 1819 г. о генеральной таблице посева и урожая хлеба по России в 1811–1819 гг., составленной по донесениям губернаторов: «Сведения, на которых она основана, быв взяты *со слов крестьян и объявлений помещиков*, конечно, верными почитаться не могут. <...> Урожай везде показан несравненно *меньше*, нежели действительно бывает оный в натуре (курсив мой. — *Б.М.*)»[25]. Через 50 лет, в 1869 г., Комитет министров пришел к аналогичному выводу: из

губернаторских отчетов следует вообще устранить статистическое приложение вследствие недостоверности содержащихся в них сведений[26]. Еще через 32 года, в 1901 г., эксперты Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения сделали следующее заключение относительно урожайной статистики: «Данные о площади посева и об урожае хлебов представляются мало достоверными, поэтому и выводы представляются довольно шаткими»[27]. Известный экономист В.И. Покровский отмечал в 1902 г.: «В том, что официальные цифры урожаев ниже действительных, сходятся все исследователи русского земледелия; но как велика разница — еще никем не выяснено. В настоящем случае существенно, что преуменьшение урожаев в официальных материалах имело место всегда, и что лишь за последнее пятилетие (1893–1897 гг. — *Б.М.*) оно не так значительно, как прежде»[28]. Другой известный земский статистик М.Ф. Щербина отмечал в 1880-е гг.: «Наша официальная статистика обязана низким качеством материалов тому обстоятельству, что установление первоначальных статистических сведений производится лицами, не заинтересованными в деле и в большинстве случаев не только не компетентными, просто-таки не имеющими никаких представлений о статистике, каковы волостные писаря, низшие полицейские чины, писцы разного рода учреждений и пр. Такие исполнители мало того, что не имеют ничего общего со статистикой, но и тяготятся статистическими работами, как совершенно излишней для них обузой, будучи нередко, за обилием прямых своих обязанностей, не в состоянии просто-таки физически выполнить удовлетворительно чуждые им работы. В результате получается непонимание статистических программ, плохое и недобросовестное заполнение их, совершенно нелепые или искаженные сведения, неточные или вымышленные, “взятые, по выражению волостных писарей, с потолка” цифры и т. п.»[29].

В 1880-х гг. произошла, наконец, реформа урожайной статистики — переход к выборочному учету сборов и посевов *посредством корреспондентов*. С 1880 г. Статистический отдел Департамента земледелия и сельской промышленности стал собирать необходимую информацию от добровольных корреспондентов из числа крестьян и частных землевладельцев. С 1883 г. ЦСК наладил сбор сведений через волостную администрацию: в каждую волость для обязательного заполнения посылались вопросные бланки о посевах, сборе и урожае — по шесть для крестьян и для частных землевладельцев. Из поступивших материалов выводились средние цифры посева и сбора для каждого хлеба. Но для получения данных о сборе хлебов по губерниям и стране в целом необходимо знать величину посевных площадей, однако сведения о них стали регулярно собираться ЦСК только начиная с 1881 г., разумеется, очень приблизительные.

А.Ф. Фортунатов — крупнейший знаток сельскохозяйственной статистики России XIX в., установил: в 1883–1889 гг. урожаи ржи в губернаторских отчетах были на 6,9% ниже, чем по материалам ЦСК[30]. Цифры Департамента земледелия об урожаях ржи за 1883 г. по 49 губерниям превышали данные ЦСК на 20%[31], а за 1883–1915 гг. для всех зерновых — на 5–7%[32]. По сведениям земской статистики за 1883–1889 гг. в 124 уездах, урожаи на крестьянских землях были на 7,1%, а на частновладельческих — на 19% выше, чем в расчетах ЦСК[33]. Если за критерий точности урожайности взять 10–15-процентное отклонение от подлинного уровня, то, как выяснил Д.Н. Иванцов, даже в 1885–1912 гг. толь-

ко средние многолетние урожаи хлебов по материалам ЦСК, Департамента земледелия и земств заслуживают доверия, а *погодные* же колебания его не вызывают[34]. К таким же примерно выводам пришла Н.М. Виноградова, тщательно изучившая процедуру сбора урожайных данных Департаментом земледелия, ЦСК и земствами в 1883–1915 гг. и ее влияние на точность учета. По ее расчету, департаментские сведения в большей степени основывались на ответах землевладельцев, чем крестьян. Ввиду недостаточности числа наблюдений для точной оценки урожайности, Департамент земледелия был вынужден постоянно дополнять их данными ЦСК. В силу этого урожайная статистика Департамента, по мнению эксперта, не представляла собой оригинального источника, и анализировать ее специально не имело смысла[35]. Действительно, в 1890-е гг. Департамент сельского хозяйства получил только 5–6 тыс. анкет из 10 496 волостей Европейской России, т. е. примерно из половины всех волостей[36], в то время как ЦСК в 2 раза больше.

ЦСК, согласно инструкции, собирал сведения через добровольных корреспондентов отдельно для крестьян и землевладельцев посредством анкетного опроса 12 человек из каждой группы на волость. Виноградова предположила, что землевладельцы в соответствии с инструкцией давали свои показания индивидуально, а вместо крестьян анкеты заполняли волостные писари, основываясь на своих субъективных критериях, или, по крайней мере, они корректировали показания крестьян в соответствии со своими представлениями о величине среднего в волости урожая. Вследствие этого материалы ЦСК за 1883–1915 гг. отражали, скорее всего, средние урожаи в волости по оценке писарей, которых Виноградова считала надежными экспертами. Поскольку в пользу такого заключения «прямых и решающих доводов нет», автор приводит два косвенных аргумента: (1) традицию сбора урожайных сведений через волостные правления и (2) критику поступивших данных за 1883 г. со стороны ЦСК, отметившего «однообразие ответов для всех вопросных листков для целой волости, видимо, писанных одной рукой писаря»[37]. Предположение об участии сельской администрации в определении урожая представляется правильным. В 1883 г. доля грамотных крестьян мужского пола в возрасте старше 9 лет составляла всего 30%[38], но даже элементарно грамотный крестьянин едва ли мог правильно заполнить анкету. Кроме того, точное измерение урожая не только не было в обычае среди крестьян, но даже многим казалось грехом, так как Божий дар оценивать нельзя. Эти обстоятельства вынуждали писарей лично заполнять анкеты и таким способом участвовать в определении величины урожая. Традиция сбора урожайной информации могла иметь положительное значение лишь в том случае, если дело *традиционно выполнялось удовлетворительно*. Земства собирали урожайные сведения аналогичным образом — с помощью как сельской администрации (волостными правлениями и сельскими старостами), так и посредством добровольных корреспондентов (а) об урожаях на собственных землях, (б) об урожаях у соседей и (в) о среднем урожае в волости. Земства, однако, отдавали предпочтение добровольным корреспондентам. Из 34 земских губерний 11 начали сбор информации в 1885–1890 гг., еще 17 — в следующее десятилетие, оставшиеся — с 1901 г. На примере 9 земских губерний Виноградова установила: корреспонденты урожаи в собственных хозяйствах оценивали в среднем на 6,5% выше, чем у соседей или в среднем по волости (амплитуда колебаний 4–21%);

в одной — Уфимской — губернии, наоборот,— на 15,4% ниже[39]. На примере других 8 губерний эксперт обнаружила занижение урожаев сельской администрацией на 10,4% сравнительно со сведениями добровольных корреспондентов (амплитуда колебаний 1–17%), а в Орловской губернии в 1905–1910 гг. — даже на 31% ниже[40].

Сравнивая данные ЦСК и земств, Виноградова установила: *годовые изменения* урожаев по материалам земств и ЦСК происходили согласованно, так как коэффициент корреляции погодных губернских урожаев по обоим источникам равен 0,84—0,99. Что касается урожаев, то цифры ЦСК чаще всего уступали земским — в среднем по 16 губерниям за разные годы на 6,3%. При этом различия по отдельным губерниям варьировали в пределах от –2% до +31,1%, в 4 случаях комитетские цифры были на 1–2% выше земских и в одном случае совпали. Как указано выше, почти такую же разницу зафиксировал для 1883–1889 гг. Фортунатов — 7,1%. *Принимая земские сведения за истинные,* Виноградова заключила: «Если признать, что корреспондентские данные вообще могут быть несколько повышенными, то из всех приведенных данных вытекает, по-видимому, с достаточной убедительностью, что данные ЦСК *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности»,* не пояснив, что значит «очень близко»[41].

Однако земская статистика не являлась идеальной: крестьяне никому не сообщали точной информации о себе, а во многих случаях они ею просто не владели, например о посеве вследствие чересполосицы. Известный земский статистик Ф.М. Щербина, чьи исследования крестьянских хозяйств Воронежской губернии в 1890–1890-е гг. были признаны образцовыми, столкнулся при сборе сведений с труднопреодолимыми препятствиями. Во-первых, усилия статистиков не встречали понимания у крестьян: «Малороссы и сектанты видели в переписях недобрые признаки, указывающие на участие в деле чуть ли не антихриста и во всяком случае нечистой силы». В глухих деревнях перепись считали «нечистым делом. Старухи старались вкладывать кресты в ящики тех столов, на которых писали регистраторы. Отмечали мелом на скамейках на полу, иногда даже на спине или подошве сапога у регистраторов крестики, читали молитвы, производили заклинания и т. п.»[42]. Во-вторых, для качественного сбора сельскохозяйственной информации не хватало персонала и средств. В той же Воронежской губернии перепись происходила по преимуществу с конца марта по середину июня, т. е. в самую рабочую пору. Каждый регистратор описывал в день по 59 хозяйств. Работая по 16–18 часов в день, на перепись одного хозяйства оставалось всего около 16 минут. За такое время провести качественное описание, т. е. проверить сведения, сообщаемые крестьянами, крайне затруднительно, если вообще возможно[43].

Если же все-таки признать земскую статистику идеально точной, то, согласно Виноградовой, данные ЦСК занижали урожаи в среднем на 6,3%. Этот вывод подтвержден в 1917 г. оценкой Особого совещания по продовольствию достоверности урожайности на крестьянских землях в 1909–1913 гг. по 9–26 губерниям. Согласно ей, урожаи на крестьянских землях по материалам ЦСК были на 6,2% ниже, чем по сведениям земств[44]. Суммируем выводы Виноградовой. Урожайность в губернаторских отчетах в конце XIX — начале XX в. была ниже: по крайней мере, на 6,9%, чем в материалах ЦСК, на 12,9%, чем по данным Департамента земледелия, и на 13–14%, чем по земским сведениям.

Информация о посевах, собираемая в пореформенное время ЦСК через волостные правления и помещиков, также считалась современниками сомнительной. Например, Д.И. Иванцов находил ее вообще недостоверной и непригодной для анализа[45]. Проверить ее точность можно для 1916 г. путем сравнения с данными сельскохозяйственной переписи (табл. 6.8).

Таблица 6.8

Посевная площадь по сведениям ЦСК и сельскохозяйственной переписи 1916 г. (данные переписи=100)*

Регион	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	4 хлеба	Гречиха	Горох	Бобовые	Второст. хлеба	Картофель
Северный	95,1	**11,9**	106,5	**33,1**	82,0	–	209,5	–	**144,7**	69,2
Северно-земледельческий	123,5	90,4	97,1	109,2	115,8	60,6	86,4	471,4	85,4	112,8
Петроградская губерния	**134,5**	16,6	76,2	103,0	111,0	24,9	89,5	56,4	66,0	83,1
Прибалтийский	94,6	72,6	98,7	80,9	89,1	60,8	187,5	495,5	158,2	102,3
Западный	106,0	92,7	78,1	92,5	98,4	83,3	95,6	93,1	85,8	114,1
Центрально-промышлен.	127,8	105,7	95,8	**118,3**	**122,0**	110,1	151,5	97,1	105,7	111,9
Прикамский	109,9	82,2	98,4	109,5	106,8	77,0	107,5	95,3	87,6	85,6
Приуральский	110,4	99,8	108,6	89,4	100,4	106,2	106,2	39,9	103,6	**611,9**
Центрально-земледельч.	102,8	95,9	**118,8**	95,3	100,0	90,5	193,4	111,7	102,8	107,6
Юго-западный	101,9	105,6	110,8	111,0	106,8	80,7	139,3	114,3	101,1	74,1
Малороссийский	100,8	**111,6**	113,3	106,5	107,0	81,3	185,5	115,6	88,1	159,1
Новороссийско-Донской	89,2	104,4	99,5	110,9	101,3	66,0	**236,4**	175,8	86,3	138,2
Юго-восточный	102,8	92,3	88,3	100,9	97,5	97,3	110,3	115,2	96,7	112,5
Нижне-волжский	82,4	71,4	**66,8**	21,0	**75,1**	81,1	**66,8**	**33,4**	**53,0**	**39,3**
Ставропольская губерния	**82,0**	87,2	89,3	99,1	105,0	17,4	–	76,4	91,9	89,4
45 губерний**	106,0	98,7	99,0	102,2	103,0	84,8	121,9	108,9	92,7	111,6

*Примечания:** Полужирным выделены максимальные расхождения.

** Нет данных по Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской и Курляндской губерниям.

Источники: Производство, перевозки и потребление хлебов в России. Пг., 1917. Вып. 1. С. X; Вып. 2. С. VII–VIII.

Как видим, посевы по сведениям переписи и ЦСК различались по всем хлебам весьма существенно, иногда в 6,1 раза (картофель в Приуральском регионе). В целом по четырем главным хлебам различие составило 3% в пользу ЦСК, а по второстепенным хлебам 7,3% в пользу переписи[46]. Небольшое в целом расхождение по 45 губерниям отнюдь не является показателем высокой точности данных ЦСК, а объясняется взаимным погашением больших искажений в ту или другую сторону. Поскольку 1916-й год, как военный, является весьма специфическим, трудно надеяться, что перепись дала точные результаты. Поэтому распространение полученных по 1916 г. выводов на весь изучаемый период представляется крайне рискованным. Нельзя даже сделать вывод о направлении искажений в регионе, так как по одним хлебам посевы преувеличивались, а по другим — преуменьшались.

Еще менее обнадеживает проверка точности сборов хлебов, проведенная ЦСУ в 1920-е гг. Столкнувшись с фактом якобы дефицита хлеба при его фактическом избытке, государственная статистика стала применять *балансовый метод* проверки по потреблению. Суть процедуры сводилась к учету всех потребителей зерновых (семенные фонды, экспорт, армия, промышленность и личные нужды) по фактическому потреблению, о чем имелась соответствующая информация. Оказалось, что итоги валовых сборов по материалам ЦСК за 1906–1914 гг. были занижены примерно на 19,3%, в том числе на 9% по урожайности и на 10% по посевам. В годы продразверстки и продналога, 1918–1924 гг., когда у крестьян, несомненно, появились дополнительные причины для занижения сборов хлебов, урожаи стали преуменьшаться минимум на 30–32%, а посевы — на 16%, валовые сборы в целом — на 51–59%[47]. Другими словами, по расчету ЦСУ, даже более или менее удовлетворительные данные ЦСК в дореволюционное время занижали урожайность на 9–10%, примерно на столько же — величину посевов, а валовые сборы в целом — на 19–20%. Поэтому Госплан некоторое время приводил в своих изданиях величину предвоенных урожаев с надбавкой в 19%. Тогда же ЦСУ оценило точность сельскохозяйственной статистики 1920-х гг. Эксперты обнаружили у крестьян синдром «прибеднения», под влиянием которого при опросах они занижали сельскохозяйственные сведения: посевы — на 22–23%, урожайность — на 4% при высоких урожаях и на 38% при низких, поголовье крупного рогатого скота — на 1–5%, овец и коз — на 6–10%, свиней — на 20–27% (по расчетам на 1925–1927 гг.). Основываясь на этих результатах, ученые разработали «коэффициенты недоучета», использовавшиеся при обработке поступавшей от населения информации[48]. В западной историографии большинство исследователей при определении сбора хлеба в довоенное время используют поправку: одни — в 19%[49], другие — в 10%[50], третьи — в 7%[51].

Весомые, основанные на транспортной статистике, аргументы в пользу занижения ЦСК урожайности и сборов хлебов приведены М.А. Давыдовым. Он резонно полагает, что если земледельцы и выборная волостная администрация, как правило, тоже из крестьян, систематически прибеднялись, то, значит, имели для этого мотивы. Они, по мнению правительственного агронома К.П. Рудзита, сводились к стремлению крестьянина «всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния»[52]. Мнение Рудзита подтверждается М.Ф. Щербиной[53], также обнаружившим в ходе земских переписей 1880–1890-х гг. сильное недоверие крестьян к лицам, собирающим сельскохозяйственные сведения: «Бывали случаи, когда крестьяне сознательно и намеренно скрывали существование того или иного промысла, в особенности бывшие государственные крестьяне, между которыми старики еще помнили ошибку, допущенную в этом отношении кадастровыми комиссиями»[54]. Речь идет о проведенных чиновниками Министерства государственных имуществ в 1850-е гг. кадастровых работах, нанесших вред крестьянам. Опираясь на их устные объяснения, комиссия завысила доходы от промыслов, вследствие чего повинности были повышены. Как видим, коллективная память крестьян хранила информацию об этом случае в течение почти 40 лет, передавая ее из уст в уста, благодаря чему она превратилась в своего рода легенду.

Оценивая точность любой статистики, в том числе сельскохозяйственной, нужно помнить: она не бывает абсолютно точной; данные, отклоняющиеся

от действительного уровня в пределах 10–20%, приемлемы для научного анализа. При современном учете, неизмеримо более совершенном, чем 100–200 лет назад, точной информации также нет. Согласно расчетам О. Моргенштерна, в США статистические данные, разрабатываемые двумя главными центрами сельскохозяйственной статистики, Бюро цензов и Министерством сельского хозяйства, в 1950-е гг. отличались друг от друга по уборочной площади основных культур от +0,6 до –26,4%, по сбору — от +6,0 до –13,4%[55].

Занижение российской статистикой величины сбора хлебов подходит под понятие *теневой экономики*, под которой подразумеваются не учитываемые официальной статистикой производство, потребление, обмен и распределение материальных благ. Как утверждают специалисты, теневая экономика в том или ином виде присутствует во всех странах и сопутствует человечеству на протяжении веков. Во второй половине 1990-х гг. в развитых странах теневая экономика была эквивалентна в среднем 12% ВВП, в странах с переходной экономикой — 23%, а в развивающихся — 39% ВВП. Теневой сектор в России оценивался в 1990–1991 гг. в 10–11%, в 1993 г. — 27% ВВП, в 1996 г. — 46%, в 2003 г. — 20–25%[56]. Урожайная статистика в XIX — начале XX в. занижала сбор хлебов в стране примерно настолько, насколько теневая экономика в современной России занижает ВВП.

Таким образом, все имеющиеся источники и расчеты говорят в унисон: официальная статистика, будь то государственная или земская, преуменьшали действительные урожаи. Расхождения между экспертами касаются лишь величины искажения. Попробуем по-новому оценить точность урожайной статистики, проведя эксперимент, который можно назвать критическим, своего рода — *experimentum crucis*. На 1901–1913 гг. мы располагаем *фактическими* данными как о производстве по материалам ЦСК, так и о расходовании зерновых и картофеля на все нужды, кроме фуража,— на потребление крестьян и горожан по бюджетным обследованиям, на экспорт, винокурение, армию и на семена по сведениям официальной статистики. Потребности на фураж являются самыми неопределенными: «При сравнительной скудости материала о кормовых нормах, их возможно установить лишь в общих грубых чертах»[57]. В литературе используются самые разнообразные фуражные нормы — от 65 кг до 190 кг зерна в год на весь скот и птицу в переводе на душу. В последнем, оптимальном для скота случае, это означало: в течение года каждая лошадь без различия возраста потребляла по 90 кг, корова — по 70 кг, овцы, козы, свиньи и другой мелкий скот и птица — по 30 кг зерна[58] (будем называть эту фуражную норму — нормой Лосицкого, по имени известного статистика, применившего ее при расчете хлебного баланса России на 1917 г.). Расчет хлебного баланса при использовании фуражной нормы Лосицкого приведен в табл. 6.10, а его итоги — в табл. 6.9.

Согласно полученным результатам, в 1901–1913 гг. сбор зерновых и картофеля по материалам ЦСК являлся недостаточным для удовлетворения всех фактически удовлетворяемых потребностей населения, если принять фуражные нормы Лосицкого. Если учесть только корм для лошадей, то дефицит составит 13,7% в 1901–1910 гг. и 7,4% в 1909–1913 гг. Если же учесть фураж для всего скота, то дефицит увеличится до 27,1% и 19,7% соответственно. Отсюда следует: при фуражных нормах Лосицкого официальная статистика преуменьшала сборы хлебов на 20–27%[59]. Естественно предположить: поскольку точность информации после 1880-х гг. повысилась, то занижение объема сельскохозяйственного производства до 1880-х гг. было еще бóльшим.

Таблица 6.9

Преуменьшение производства зерновых и картофеля в 50 губерниях Европейской России в 1901–1913 гг. по официальным сведениям ЦСК

	Единица измерения	1901–1910 гг.	1909–1913 гг.
Валовой сбор, официальные данные	млн тонн	58,93	68,60
Всего на продовольствие, семена и фураж *для лошадей* по норме Лосицкого	млн тонн	67,01	73,65
Дефицит зерновых и картофеля по фуражной норме *для лошадей* по Лосицкому	млн тонн	8,08	5,05
То же в %	%	13,70	7,36
Всего на продовольствие, семена и фураж *для всего скота* по норме Лосицкого	млн тонн	74,91	82,10
Дефицит зерновых и картофеля по фуражной норме *для всего скота* по Лосицкому	млн тонн	15,98	13,50
То же в%	%	27,1	19,7

Источник: см. в табл. 6.10.

Таблица 6.10

Оценка степени преуменьшения производства зерновых и картофеля в 50 губерниях Европейской России в 1901–1913 гг. по официальным сведениям ЦСК

	Единица измерения	1901–1910 гг.	1909–1913 гг.
Население сельское	млн	92,84	100,41
Население городское	млн	15,27	17,65
Население сельское и городское	млн	108,11	118,06
Фактическое потребление зерновых и картофеля горожанами, на д.н. в год	кг	267,30	267,30
Продовольствие для города	млн тонн	4,08	4,72
Фактическое потребление зерновых и картофеля крестьянами, на д.н. в год	кг	298,40	298,40
Продовольствие для деревни	млн тонн	27,70	29,96
Экспорт	млн тонн	10,02	11,87
Провиант и фураж для армии	млн тонн	0,88	1,00
Винокурение	млн тонн	1,07	1,27
Всего потреблялось зерновых и картофеля в год без фуража и семян	млн тонн	43,76	48,82
Норма фуража на лошадь по Лосицкому, в переводе на душу всего населения	кг	90,00	90,00
Фураж для всех лошадей по норме Лосицкого	млн тонн	9,73	10,63
Итого на продовольствие всего населения и на фураж для лошадей по норме Лосицкого	млн тонн	53,49	59,45
На семена по официальным сведениям	млн тонн	13,52	14,20
Всего на продовольствие, семена и фураж для лошадей по норме Лосицкого	млн тонн	67,01	73,65
Валовой сбор по официальным сведениям	млн тонн	58,93	68,60
Дефицит зерновых и картофеля по фуражной норме для лошадей по Лосицкому	млн тонн	8,08	5,05

Таблица 6.10 (окончание)

	Единица измерения	1901–1910 гг.	1909–1913 гг.
Дефицит зерновых и картофеля по фуражной норме для лошадей по Лосицкому	%	13,70	7,36
Фуражная норма для всего скота по Лосицкому, в переводе на душу всего населения	кг	190,00	190,00
Фураж для всего скота по нормам Лосицкого, в переводе на душу всего населения	млн тонн	17,64	19,08
Всего на продовольствие, семена и фураж для всего скота по норме Лосицкого	млн тонн	74,91	82,10
Дефицит зерновых и картофеля по фуражной норме для всего скота по Лосицкому	млн тонн	15,98	13,50
Дефицит зерновых и картофеля по фуражной норме для всего скота по Лосицкому	%	27,12	19,68

Источники: Подсчитано по: **Население:** *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 25–29, 44–47, 98 (численность городского населения в интервале между 1897 и 1914 гг. интерполирована по среднегодовым темпам прироста процента городского населения). **Валовые и чистые сборы хлебов и нормы посева:** Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Пг., 1915. С. 32–33, 180–181, 338; Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / Н.П. Огановский, Н.Д. Кондратьев (ред.). М., 1923. С. 160–179; Статистический ежегодник России 1912 г. СПб., 1913. Отд. X. С. 1. **Урожайность в «самах»:** по сведениям о сборе хлебов, площади посева за соответствующие годы и норм высева на десятину и веса четверти хлебов в 1890-е гг. из: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903 (далее — Материалы Комиссии 1901 г.). Ч. 1. С. 177; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1902. Т. 1. С. 144–149. **Потребность в семенах** определена по валовому сбору и урожайности в «самах». **Экспорт хлеба:** Сельское хозяйство России в XX веке. С. 300–306; Сборник статистико-экономических сведений. Год восьмой. С. 338, 340–342. **Винокурение:** Ежегодник МФ на [1900–1916] год. СПб., 1901–1917; Казенная продажа вина. СПб., 1900. С. 57 (1865–1898 гг.); Статистический временник Российской империи. Вып. 1. СПб., 1866. Отд. 2. С. 35–38, 41–44 (1862–64 гг.). **Потребление армии: Бескровный Л.Г.** (1) Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 40–44, 546–548; (2) Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 10–15, 210; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство. С. 214, 310; *Попов П.И.* Хлебофуражный баланс. С. 7–14. **Питание горожан и крестьян:** *Кабо Р.М.* Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований). М., 1918. С. 12, 52–59; *Клепиков С.А.* Питание русского крестьянства. Ч. 1. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920. Ч. 1. С. 14, 21–24. **Потребление фуража** в переводе на д.н. в год: Урожай хлебов в России в 1917 году. С. 24–26.

В соответствии с решаемой задачей — составить оптимальный хлебный баланс страны — Лосицкий в своем расчете использовал завышенные нормы корма, рекомендуемые зоотехниками, следовать которым крестьянин не имел возможности. «Небогатому крестьянину не следует покупать даже задешево такой лошади, которая была избалована хорошим уходом, потому что она, перейдя сразу на худой уход и содержание, легко может сильно и вдруг ослабнуть до того, что станет негодною к работе. Ему следует выбрать лошадь, привыкшую уже к простому крестьянскому уходу,— читаем в одном руководстве. — В холодное время года, когда лошадь без работы, можно не давать ей зернового корма совсем, а держать ее днем на овсяной или пшеничной соломе, вечером давать помойный корм, а на ночь — ржаную солому или плохое сено или мешанину из того и другого»[60]. Лошадей можно кормить практически всем, кроме рыбы и мяса: зерновыми, картофелем, отрубями, сеном,

соломой, кукурузой, конскими бобами, свекловичной патокой, пивной дробиной (гущей), бардой, мясной мукой, льняным семенем, корнеплодами (морковь, свекла и др.), земляной грушей (топинамбуром), диффузионными остатками (жом), жмыхами из всех масличных культур, а также помоями (остатками от пищи крестьян). В лесной зоне и на Севере (Архангельская, Олонецкая, Вологодская губ.) суррогатами сена являются сушеные листья (в виде тонких ветвей) и даже мелкий хворост (толщиной до 0,5 см). Крестьяне для лошадей заготавливают веники из березы, осины, вяза, липы, ивы, ольхи, кормят листьями орешника, клена, ясеня, рябины и используют торфо-моховую смесь[61]. Крупный рогатый и мелкий скот крестьяне кормили зерном только при наличии его избытков. Как правило, в теплое время года («летом») скот находился на подножном корме, в холодное («зимнее») — питался соломой, мякиной, сеном[62].

Если крестьяне не следовали оптимальным фуражным нормам и расходовали на корм скоту и птице в год до 65 кг зерна в переводе на душу населения, то сведения ЦСК о сборе хлебов занижали действительные сборы не менее чем на 10%. При расчете производства зерновых и картофеля на человека требуются данные о числе жителей. Если урожаи официальная статистика занижала, то численность населения в пореформенное время завышала (главным образом вследствие двойного счета мигрантов) на 5–10%[63]. По этой причине сборы хлебов на человека дополнительно преуменьшались еще на 5–10%.

Таким образом, для получения более или менее адекватных показателей о сборе хлебов данные ЦСК за 1880–1913 гг., после реформы урожайной статистики, следует увеличить минимум на 10%, а сведения губернаторских отчетов до 1880-х гг. — на еще бóльшую величину. Но для простоты расчета хлебного баланса для всего изучаемого периода, 1801–1913 гг., примем единую десятипроцентную поправку.

6.2 б. Производство продуктов питания: 1801–1860 гг.

Перехожу к расчету хлебного баланса для дореформенного периода, составленного таким образом, чтобы ответить на вопрос, насколько сельское хозяйство удовлетворяло потребности населения в хлебе (табл. 6.11 и 6.12). Сведения касаются *Европейской* России без Польши, Финляндии и предкавказских губерний. Оценка была бы более корректной, если бы относилась ко *всей* России, однако для этого отсутствуют необходимые сведения.

Валовые сборы хлебов и с 1840-х гг. — картофеля определены по губернаторским отчетам и, чтобы хотя бы отчасти компенсировать занижение сборов, *увеличены на 10%*. Урожайность в «самах» подсчитана на основе погодной урожайности за 1801–1860 гг., приведенной в работе В.Г. Михайловского[64]. Потребность в семенах определена делением валовых сборов хлебов и картофеля по губернаторским отчетам (без поправок) на урожайность в «самах». Чистые сборы хлебов подсчитаны как разность между валовыми сборами хлебов и картофеля (с 10% поправкой) и потребностью в семенах. При пересчете картофеля в зерно принимается поправочный коэффициент: 1 четверть зерна равна 3 четвертям картофеля.

Сведения об экспорте хлеба взяты из книги В.И. Покровского. Они охватывают только главные хлеба — рожь, пшеницу, овес и ячмень, поэтому их пришлось увеличить на 6% — на долю второстепенных хлебов и муки в экспорте 1850-х гг. [65]

Количество зерна, потребляемое армией на провиант и фураж, определено, исходя из численности вооруженных сил, числа лошадей, норм потребления хле-

ба солдатами (3 четверти на едока в год) и овса лошадьми (примерно 8 четвертей на лошадь в год)[66]. Наш расчет относится к 50 губерниям. Поскольку около 40% армии дислоцировалось за их пределами и снабжалось местным продовольствием, общая потребность армии в зерне для всей России уменьшена на 40%[67].

О расходе зерна и картофеля на винокурение в 1850-е гг. имеются прямые данные[68]. За 1819–1826 и 1846–1859 гг. мы располагаем данными только о потребленной водке[69]; количество израсходованного хлеба вычислено, основываясь на эмпирической закономерности — на ведро водки требовалось около 1 пуда зерна[70]. Значительное количество ячменя шло на изготовление солода для пивоварения. Нам известны сведения об этом только для пореформенного времени: на производство пива уходило до 15% от всего хлеба, потребляемого винокурением и пивоварением[71]. По этой пропорции и определено примерное количество ячменя, израсходованного на солод в дореформенное время. Отсутствующие данные за некоторые годы получены путем интерполяции.

Оценка спроса на зерно со стороны армии, винокурения и пивоварения является ориентировочной. Однако, как оказалось, общие расходы хлеба на эти нужды являлись столь небольшими, что даже значительные погрешности не могут серьезно повлиять на общие выводы о хлебном балансе страны.

Общее число жителей берется на середину десятилетнего интервала, т. е. на 1805, 1815, 1825, 1835, 1845, 1855 гг., по сведениям ревизского учета, а о городском и сельском населении — по результатам административно-полицейского учета с применением интерполяции на основе среднегодовых темпов их прироста[72].

Нормы потребления хлеба и фуража рассчитаны по материалам кадастровых комиссий МГИ 1850-х гг., установивших категории работников, долю их в населении и нормы потребления ими хлеба[73] и фуража[74]. В среднем в год на душу мужского пола — 258 кг, женского — 216 кг, для обоих полов — 237 кг в год; на одну лошадь — 8 четвериков овса или в переводе на душу около 50 кг (табл. 6.11).

Таблица 6.11

Категории работников в деревне и нормы потребления ими хлеба в 1850-е гг.

Категория едоков	Пол едоков	Возраст едоков	Доля в населении,%	Норма хлеба, кг
Неработники	м	0–13	38	143
	ж	0–11	32	143
Полуработники	м	14–17	8	285
	ж	12–15	9	214
Работники	м	18–59	47	356
	ж	16–49	45	285
Полуработники	м	60–64	3	285
	ж	50–54	4	214
Неработники	м	65+	4	143
	ж	55+	10	143
Итого	м		100	258
	ж		100	216

Источники: О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской. Ярославская губерния. С. 82–85; Общий свод. Т. 1. С. 64–67; Материалы для статистики России. Вып. 1. С. 2, 17–18; Хозяйственно-статистические материалы. Вып. 2. Ведомость 4.

Эти нормы мало изменились в пореформенное время. Министерство земледелия и государственных имуществ и Центральный статистический комитет (далее — ЦСК) до 1892 г. за норму на едока принимали 12,12 пуд. (199 кг) зерна и картофеля в переводе на зерно, с 1892 г. — 13 пуд. (213 кг)[75]. По расчетам известного экономиста А.А. Кауфмана, на питание в начале XX в. в России уходило в 12 пуд. на едока, в Германии — 14,2, во Франции — 12,3, в Англии — 9,4, в США — 7,2 пуд.[76]

Как показывает расчет (табл. 6.12), чистые сборы зерновых и картофеля уменьшались сравнительно с предыдущим десятилетием дважды — в 1821–1830 и 1851–1860 гг. [77] Именно в эти десятилетия происходило сокращение хлеба, оставленного для продовольствия, и именно у мужчин, рожденных в эти десятилетия, длина тела понижалась. Количество хлеба для продовольствия тесно коррелировало с урожайностью, но слабо зависело от спроса.

Таблица 6.12

Оценка потребления хлеба и картофеля населением в 50 губерниях Европейской России в 1801–1860 гг.

	Единица измерения	**1800-е гг.**	**1810-е гг.**	**1820-е гг.**	**1830-е гг.**	**1840-е гг.**	**1850-е гг.**
Валовой сбор	млн тонн	19,90	22,34	20,29	22,66	26,43	26,64
Урожайность	«сам»	3,31	3,33	3,21	3,24	3,38	3,34
Семена	млн тонн	6,01	6,71	6,32	6,99	7,82	7,98
Валовой сбор с 10% поправкой	млн тонн	21,89	24,57	22,32	24,93	29,07	29,3
Чистый сбор	млн тонн	15,88	17,86	16,00	17,93	21,25	21,33
Продовольствие и фураж для городов	млн тонн	1,20	1,27	1,27	1,38	1,45	1,53
Провиант и фураж для армии	млн тонн	0,24	0,22	0,26	0,25	0,30	0,34
Винокурение	млн тонн	0,70	0,70	0,54	0,60	0,67	0,74
Экспорт	млн тонн	0,22	0,34	0,30	0,41	0,68	1,00
Товарный хлеб	млн тонн	2,36	2,53	2,37	2,64	3,10	3,61
Товарный хлеб в валовом сборе	%	10,8	10,3	10,6	10,6	10,7	12,3
Продовольствие и фураж для деревни	млн тонн	13,52	15,33	13,63	15,29	18,15	17,72
Население сельское	млн чел.	35,4	39,7	42,1	45,8	48,0	50,8
Население городское	млн чел.	3,9	4,2	4,2	4,5	4,7	5,0
Хлеб и фураж для деревни на д. н.	кг	382	386	324	334	378	349
Норма хлеба на питание, на д.н.	кг	237	237	237	237	237	237
Норма зерна на фураж лошадям, на д.н.	кг	50	50	50	50	50	50
Норма зерна на корм для птицы и сдачи в запасные хлебные магазины, на д.н.	кг	18	18	18	18	18	18

Таблица 6.12 (окончание)

	Единица измерения	1800-е гг.	1810-е гг.	1820-е гг.	1830-е гг.	1840-е гг.	1850-е гг.
Норма хлеба и фуража, на д.н.	кг	305	305	305	305	305	305
Индекс удовлетворения хлебом	287 кг=100	133	135	113	116	132	122
Индекс удовлетворения хлебом и фуражом	305 кг=100	125	127	106	110	124	114

Источники: **Население:** *Кабузан В.М.* Народонаселение России. ССС. 164–165; *Рашин А.Г.* Население России. С. 25–29, 44–47, 98; Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. С. 182–183. **Сбор хлебов:** см. источники к табл. 6.7. **Урожайность:** *Михайловский В.Г.* Урожаи в России. С. 4–5; **Экспорт хлеба:** Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли России / В.И. Покровский (ред.). СПб., 1902. Т. 1. С. 2–6. **Винокурение:** Казенная продажа вина. С. 57, Приложение, с. 15, 17, 21, 40 (1819–1859 гг.); *Нифонтов А.С.* Зерновое производство. С. 209–210. **Потребление армии:** *Бескровный Л.Г.* (1) Армия и флот в XIX веке. С. 40–44, 546–548; (2) Армия и флот России в начале XX в. С. 10–15, 210; Военно-статистический сборник. Вып. 4. Отд. 2, С. 40, 46, 53, 158–160. См. также: *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство. С. 97; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство. С. 143; *Попов П.И.* Хлебофуражный баланс России. С. 8–14; *Вильсон И.И.* Объяснения. 4-е изд. С. 75–128.

В течение всей первой половины XIX в. потребности в хлебе удовлетворялись примерно в одинаковой степени в соответствии с продовольственной нормой. Это позволяет предположить — хлеба производилось столько, сколько требовалось, а погода корректировала величину его сбора. С учетом картофеля, который крестьяне только с 1840-х гг. стали в значительном количестве разводить по инициативе коронных властей, общие потребности в продовольствии, скорее всего, стали удовлетворяться в лучшей степени, чем в 1820–1830-е гг.: в 1850-е гг. на картофель приходилось около 10% общего сбора зерновых и картофеля, что на 3,2% повысило продовольственный потенциал крестьянского хозяйства. Земледельцам в это время, за исключением неурожайных лет, хватало произведенных продуктов для удовлетворения своих потребностей. Остававшийся избыток зерна шел на продажу; на вырученные деньги покупались необходимые продукты и промышленные товары.

В пользу этого вывода свидетельствуют и антропометрические данные: как установлено выше, длина тела у крестьян в первой половине XIX в. систематически увеличивалась, и это было возможно исключительно при условии улучшения питания. Можно сколько угодно сомневаться по поводу того, надежна официальная статистика или нет, занижали крестьяне урожаи или завышали, но бесспорно одно — питание не могло улучшиться, если бы сельское хозяйство деградировало. Мы также ясно видим: рост мужчин понизился именно в тех двух десятилетиях, 1820-е и 1850-е гг., когда сборы хлебов уменьшились.

Хлеб являлся главным продуктом питания, хотя, конечно, не хлебом единым был жив человек. К сожалению, статистика об обеспеченности скотом, также весьма ориентировочная и заниженная, появляется только в 1850-е гг. Согласно ей, в 1859–1864 гг. в среднем по Европейской России на 100 сельских жителей приходилось 34,4 головы крупного рогатого скота[78], а на хозяйство — 2,9[79]. Практически в каждом крестьянском хозяйстве имелась взрослая корова, которая доилась от 25 до 30 недель в году и давала за это время не более 850 литров[80], значит, в день — 4–5 литров молока. Крестьяне имели довольно много

овец — 71,9 на 100 человек, 6 — на хозяйство; но в рассматриваемое время овцы держались главным образом ради шерсти, а не мяса. Разведение свиней и коз не получило в России распространения — на 100 жителей приходилось лишь по 15,4 свиньи и 2,3 козы, а на хозяйство — соответственно по 1,3 и 0,2[81]. Имеющиеся сведения за 1845—1871 гг. показывают: численность скота изменялась без явно выраженной тенденции (табл. 6.13)[82].

Таблица 6.13

Численность скота в Европейской России в 1845–1871 гг. (тыс. голов)

Год	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи
1845	22 076	–	–
1851	20 962	37 627	8 594
1856	21 351	40 705	8 806
1861	20 708	42 479	9 092
1866	21 634	44 263	9 313
1871	21 604	44 841	9 404

Источники: Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу [1-е изд., 1851]. С. 61; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 201–214; Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. С. 16.

6.2 в. Производство продуктов питания: 1861–1913 гг.

В пореформенное время, даже согласно официальной статистике, валовые сборы зерновых и картофеля на душу возросли с 459 кг в 1860-е гг. до 569 кг в 1909–1913 гг. Само по себе увеличение зернового производства не говорит о росте потребления хлеба, так как может сопровождаться повышением расхода хлеба на непродовольственные нужды и экспорт. Поэтому определим количество зерновых и картофеля, шедших непосредственно на потребление деревни[83] (табл. 6.14). Согласно моим расчетам, в 1860–1880 гг. потребление крестьянством зерновых и картофеля снизилось с 320 до 317 кг на душу — на 1%, в 1880-е гг. было стабильным, а в 1890–1913 гг. выросло с 317 до 405 кг — на 28%[84]. Даже в 1861–1880 гг. сборы хлебов удовлетворяли потребности крестьянства в питании, скота и птицы — в корме. Ввиду недостатка информации по всей империи, сделанный расчет относится только к 50 губерниям Европейской России. Между тем плодородные предкавказские губернии — Кубанская, Ставропольская, Терская, Черноморская, а также и западносибирские — Енисейская, Тобольская и Томская, обладали значительными хлебными излишками, шедшими на экспорт и в местности, испытывавшие дефицит хлеба[85].

Таблица 6.14

Оценка потребления хлеба и картофеля населением в 50 губерниях Европейской России в 1860–1913 гг.

	Единица измерения	1860-е гг.	1870-е гг.	1880-е гг.	1890-е гг.	1901–1910 гг.	1909–1913 гг.
Валовой сбор*	млн тонн	28,59	32,85	38,43	46,97	58,93	68,6
Урожайность	«сам»	3,38	3,67	4,14	4,76	4,36	4,83

Таблица 6.14 (окончание)

	Единица измерения	1860-е гг.	1870-е гг.	1880-е гг.	1890-е гг.	1901–1910 гг.	1909–1913 гг.
Семена	млн тонн	8,46	8,95	9,28	9,87	13,52	14,20
Средний валовой сбор (с 10%-поправкой)	млн тонн	31,45	36,14	42,27	51,67	64,82	75,46
Чистый сбор	млн тонн	22,99	27,18	32,99	41,8	51,30	61,26
Продовольствие и фураж для горожан, на д.н.	кг	296	284	287	296	293	293
в т.ч. продовольствие, на д.н.	кг	237	237	237	237	237	237
в т.ч. фураж, корм и пр., на д.н.	кг	59	47	50	59	56	56
Продовольствие и фураж для города	млн тонн	1,87	2,21	2,86	3,46	4,47	4,63
Экспорт	млн тонн	1,55	3,69	5,51	6,49	10,02	11,87
Провиант и фураж для армии	млн тонн	0,64	0,64	0,64	0,72	0,88	1,00
Винокурение	млн тонн	1,02	1,15	1,24	1,35	1,07	1,27
Товарный хлеб	млн тонн	5,08	7,69	10,25	12,02	16,44	18,77
Товарный хлеб к валовому сбору	%	16,2	21,3	24,2	23,3	25,4	24,9
Продовольствие и фураж для деревни	млн тонн	17,91	19,49	22,74	29,78	34,87	42,49
Население сельское	млн	55,999	61,56	71,76	79,708	92,84	100,41
Население городское	млн	6,315	7,775	9,965	11,674	15,272	17,65
Продовольствие и фураж для деревни на д. н.	кг	320	317	317	374	376	405
Норма хлеба на душу сельского населения	кг	237	237	237	237	237	237
Норма фуража на душу сельского населения	кг	50	50	50	50	50	50
Норма корма птице и в хлебные магазины	кг	18	18	18	18	18	18
Норма хлеба и фуража на душу сельского населения	кг	305	305	305	305	305	305
Индекс удовлетворения хлебом сельского населения	237 кг=100	135	134	134	158	165	178
Индекс удовлетворения хлебом и фуражом сельского населения	305 кг=100	105	104	104	122	123	133
Рост мужского населения	см	164,1	166,5	167,3	166,7	167,4	168

Примечание: * За 1861–1900 гг. — по материалам губернаторских отчетов, за 1901–1913 г. — ЦСК.
Источники: Подсчитано по: **Население**: *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. С. 25–29, 44–47, 89. **Валовые и чистые сборы хлебов и нормы посева**: Комиссия 1901 г. Ч. 1. С. 176–177; *Нифонтов А.С.* Зер-

новое производство. С. 183, 198, 214, 266–267, 310, 284; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Пг., 1915. С. 32–33, 180–181, 338; Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / Н.П. Огановский, Н. Д. Кондратьев (ред.). М., 1923. С. 160–179; Статистический ежегодник России 1912 г. СПб., 1913. Отд. X. С. 1. **Урожайность в самах** за 1861–1900 гг. определена по данным из: *Нифонтов А.С.* Зерновое производство. С. 143, 183, 198, 211, 266, 270, 279, 310; за 1901–1913 гг. — по данным о сборе хлебов, площади посева за соответствующие годы и норм высева на десятину за 1890-е гг. из: Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 177. **Потребность в семенах** вычислена по валовому сбору и урожайности в «самах». **Экспорт хлеба:** Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли Т. 1. С. 2–6; Сельское хозяйство России в XX веке. С. 300–306; Сборник статистико-экономических сведений. Год восьмой. С. 338, 340–342. **Винокурение:** Ежегодник МФ на [1869–1916] год. Вып. 1–46. СПб., 1869–1917; Казенная продажа вина. СПб., 1900. С. 57 (1865–1898 гг.); Статистический временник Российской империи. Вып. 1. СПб., 1866. Отд. 2. С. 35–38, 41–44 (1862–64 гг.). **Потребление армии:** *Бескровный Л.Г.* (1) Русская армия и флот в XIX веке. С. 40–44, 546–548; (2) Армия и флот России в начале XX в. С. 10–15, 210; Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. Отд. 2, С. 40. См. также: *Вильсон И.И.* Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу. 4-е изд. С. 75–128; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство. С. 214, 310; *Попов П.И.* Хлебофуражный баланс. С. 7–14.

По официальным материалам местной коронной администрации, численность скота на душу сельского населения в пореформенное время сокращалась: с 1864–1869 гг. по 1913 г. число лошадей уменьшилось в 1,43, крупного рогатого скота — в 1,37 раза, мелкого — в 2,1 раза, всего скота в 1,47 раза (табл. 6.15).

Таблица 6.15

Численность крестьянского скота в 50 губерниях Европейской России в 1864–1916 гг. *

Скот	1864–1869 гг.	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1913 г.	1916 г.
Лошадей, тыс. голов	15 499	15 031	16 544	17 965	16 539	19 075	22 126
Лошадей на 1000 душ населения, голов	248	258	237	230	181	174	253
Крупный рогатый скот, тыс. голов	20 966	19 996	21 140	22 679	26 600	26 863	39 028
Крупный рогатый скот на 1000 душ населения, голов	335	343	303	290	291	244	447
Мелкий скот, тыс. голов	54 954	49 580	48 743	47 932	49 489	45 681	80 364
Мелкий скот на 1000 душ населения, голов	879	852	688	614	542	418	920
Мелкий и крупный скот в переводе на крупный, тыс. голов	26 461	24 954	26 014	27 472	31 549	31 431	47 064
Мелкий и крупный скот в переводе на крупный на 1000 душ населения, голов	423	428	372	351	345	286	539

Примечание: * Крупный рогатый скот — только коровы; мелкий скот — овцы, козы и свиньи; 10 голов мелкого скота принимаются за 1 голову крупного.

Источники: Подсчитано по: Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. С. 16; Материалы 1901 г. Ч. 1. С. 201–214; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пг., 1916. С. 238–239; То же. Год десятый. Пг., 1917. С. 235–236; Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. М., 1921. С. 184–185; *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. С. 46, 95.

Однако официальные данные преуменьшают численность скота в еще большей степени, чем сборы хлебов. Первая сельскохозяйственная перепись 1916 г., проведенная в условиях войны, когда поголовье скота, несомненно, сократилось сравнительно с довоенным[86] (в том числе вследствие реквизиции около 2,6 млн лошадей и волов для нужд армии[87]), обнаружила удивительный факт: лошадей было на 16% больше, крупного рогатого скота — на 45%, мелкого — на 83% больше,

чем в 1913 г.[88] Абсолютная численность скота в 1913 г. занижена, по крайней мере, на 50%, а на 1000 человек — на 88%. Выборочная перепись 1917 г. дала примерно такие же результаты[89]. При этом вряд ли крестьянство сообщило переписчикам в 1916–1917 гг. точные сведения. К аналогичным выводам пришел А.Л. Вайнштейн. Сравнивая данные ЦСК и сельскохозяйственных переписей 1916 г., он обнаружил расхождения между ними по крупному рогатому скоту — на 41,5%, по мелкому рогатому скоту — на 68,8%, по свиньям — на 89,2% в пользу переписи. Земские данные также превосходили показатели ЦСК (правда, информация имеется лишь по трем губерниям) — соответственно на 37,8, 40,9 и 70%. Следовательно, если за эталон взять перепись, то земская статистика занижала численность скота: крупного рогатого — на 3,7% (41,5–37,8), мелкого рогатого — на 27,1% (68,0–40,9), свиней — на 19,2% (89,2–70,0). Материалы ветеринарного управления, по мнению А.Л. Вайнштейна, также непригодны для определения абсолютной численности продуктивного скота, а военно-конских переписей — для оценки числа лошадей[90].

Примем во внимание, что мы учитываем скот в 50 губерниях Европейской России, в то время как особенно быстрое увеличение поголовья скота в пореформенное время наблюдалось на окраинах — в Сибири, Предкавказье, Закавказье, Средней Азии. Об этом говорят следующие расчеты: в 1914 г. в империи без Польши и Финляндии было забито на мясо 19,9 млн голов крупного и мелкого скота, при этом на долю окраин приходилось 29% произведенного мяса и только 20% населения[91]. Из-за неточности статистики животноводства оценки производства мясомолочной продукции — весьма ориентировочны. Но, на мой взгляд, значительный и постепенно растущий экспорт скота, мяса и молочных продуктов говорит в пользу того, что дефицита мясомолочной продукции в пореформенное время не наблюдалось. В 1851–1855 гг. из России экспортировано 139 тыс., в 1871–1875 гг. — 1 116 тыс., в 1891–1895 гг. — 323, в 1909–1913 гг. — 113 тыс. голов крупного и мелкого скота, а мяса в 1876–1880 гг. — 1 376 тонн, в 1891—1895 гг. — 3 931, в 1909–1913 гг. — 14 645 тонн[92]. В денежном выражении в 1851–1855 гг. экспорт скота и мяса (1 160 тыс. руб. золотом) превосходил импорт (159 тыс. руб. золотом) на 1 млн руб., а в 1909–1913 гг. — на 7,769 млн руб. золотом (табл. 6.16).

Таблица 6.16

Экспорт и импорт скота, мяса, рыбы, животного сала и молочной продукции в 1909–1913 гг. в Российской империи без Финляндии

Продукты	Единица измерения	Экспорт	Импорт	Баланс	Единица измерения	Экспорт	Импорт	Баланс
Живой скот	тыс. штук	233,8	839,2	–605,4	Тыс. руб.	1 788,8	11 568,3	–9 779,5
Домашняя птица живая	тыс. штук	9 294,6	110,7	9 183,9	Тыс. руб.	8 244,2	74	8 170,2
Битая птица	тыс. пуд.	779,9	0	779,9	Тыс. руб.	5 637,2	0	5 637,2
Дичь битая	тыс. пуд.	81,3	56,6	24,7	Тыс. руб.	516,5	266,2	250,3
Мясо	тыс. пуд.	900,9	694,5	206,4	Тыс. руб.	6 470,1	3 079,4	3 390,7
Молочные продукты	тыс. пуд.	5 089,7	1 079,1	4 010,6	Тыс. руб.	64 296,4	3 008,7	61 287,7
Сало животное	тыс. пуд.	32,7	2 823,6	–2 790,9	Тыс. руб.	2 823,6	13 293,8	–10 470,2
Рыба	тыс. пуд.	2 152,4	21 379,5	–19 227,1	Тыс. руб.	4 417,5	33 001,7	–28 584,2
Итого					Тыс. руб.	94 194,3	64 292,1	29 902,2

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. С. 328–331, 338–339.

С 1856 по 1913 г. число жителей в империи без Финляндии умножилось с 69,6 до 168,8 млн или в 2,42 раза[93], а чистый экспорт скота и мяса — в 7,8 раза. Поскольку экспорт обгонял прирост населения, можно предположить, что и производство мяса в России росло быстрее населения благодаря увеличению поголовья скота и его продуктивности[94].

О недооценке поголовья скота свидетельствует и следующий факт. По расчету Ветеринарного управления МВД, сделанного на основании численности скота, в Европейской России в 1912–1913 гг. крестьянство потребляло 0,3 пуд. (4,9 кг), во всей империи — 0,35 пуд. (5,7 кг) мяса в год на душу[95], а по материалам, полученным экспедиционным, анкетным путем и из приходо-расходных книг,— 1,1–1,36 пуд. (18,0–22,3 кг)[96], т. е. в 3,8 раза больше.

Важным подспорьем в питании служили дичь, рыба, птица, мед, грибы, овощи и фрукты, но точными данными об этом не располагаем. Больше всего рыбы давало Каспийское море — две трети всей товарной рыбы: в 1860-е гг. там вылавливалось около 12 млн пуд. (в том числе белуги — 475 тыс. пуд., осетров — 405, севрюги — 665, стерляди — 51, осетровой икры — 139 тыс. пуд.). Весь мурманско-беломорский улов определялся в 600 тыс. пуд., в том числе 150 млн штук сельдей и 250 тыс. пуд. трески[97]. В пореформенное время слышались жалобы на сокращение улова рыбы[98]. Однако в действительности он значительно возрос. Например, в бассейне Каспийского моря в 1860–1900 гг. — в 3 раза. Число рыбопромышленных заведений с 1800 по 1890 г. увеличилось с 5 до 367, а рыбаков — с нескольких сотен до 30 тыс. на Каспийском и до 70 тыс. на Азовском море. Жалобы на сокращение лова объяснялись перемещением промысла рыбы с верховьев рек в низовья, затем — в устья, наконец,— в море, ростом числа ловцов (вследствие чего отдельный рыбак стал вылавливать рыбы меньше или с большим напряжением), а также удорожанием рыбы ввиду усиления потребления. Уменьшение улова наблюдалось только на отдельных участках рек и в отношении некоторых пород рыб[99]. По ориентировочным расчетам, в 1913 г. ежегодная добыча *товарной*, т. е. добываемой для продажи, рыбы в 50 губерниях Европейской

Соломаткин Л. И. Окрестности села Измайлово (Грибники). 1882 г.
Национальный музей Грузии

Рыбная ловля на Волге. 1890-е гг. Фото

России составляла около 42 млн пуд. Общий улов, с учетом рыбы, добываемой для личного потребления, по-видимому, был примерно в 2 раза больше, так как на рубеже XIX–XX вв. общая добыча оценивалась в 70 млн пуд.[100] Следовательно, учитывая увеличение улова, в 1913 г. для продажи и личных нужд вылавливалось более 70 млн пуд. или более 10 кг на душу населения; в Сибири — в 2 раза больше — более 20 кг. На рыбных промыслах работало 296 тыс. человек[101].

Результаты промысловой охоты только в девяти европейских (Архангельской, Вологодской, Вятской, Казанской, Новгородской, Олонецкой, Пермской, Тверской, Ярославской) и шести сибирских губерниях (Амурской, Енисейской, Забайкальской, Приморской, Тобольской и Томской) в 1913 г. ориентировочно составили 3,6 млн штук дикой птицы (рябчиков, тетеревов, глухарей, уток, гусей и т.д.), в том числе в 10 губерниях Европейской России 2,7 млн[102]. Сбор меда в 1910 г. в 50 губерниях Европейской России оценивался в 1 549 тыс. пуд. — по 218 г. на душу[103]. По материалам переписи 1920 г. 75% крестьянских хозяйств держали кур, уток и гусей, в среднем по 6 на двор[104]; вероятно, до войны и революции 1917 г. птицы держали больше.

Таким образом, основываясь на приблизительной официальной статистике, можно сделать следующее заключение: сельское хозяйство как до, так и после Великих реформ удовлетворяло потребности населения в продовольствии. Но следует ли из этого, что уровень жизни широких народных масс действительно повысился? Ответить на этот вопрос помогут показатели тяжести налогов и повинностей. Если производство продуктов на душу было стабильным или увеличивалось, то величина продовольственных запасов, остававшихся для личного потребления крестьян, зависела именно от величины налогов и повинностей, ибо прежде всего ради получения средств для их уплаты продавали крестьяне произведенные в их хозяйстве продукты. Следовательно, если бремя платежей постепенно уменьшалось, то базисные потребности со временем удовлетворялись лучше, если, наоборот, платежи росли, то — хуже.

6.2 г. Доходы, налоги и повинности крестьян в 1801–1860 гг.

Государственные и удельные крестьяне

На долю государственных и удельных крестьян в 1795 г. приходилось 40% всего крестьянства и 36% от всего населения, а в 1857 г. — соответственно 52,8 и 43,9%[105].

Прямой подушный налог до 1860 г. являлся единым для большинства крестьянства[106], а оброчная подать для государственных и удельных крестьян с 1798 г. стала дифференцированной. Губернии — сообразно высоте хлебных цен и доходности земель — разделились на четыре податные разряда, и для каждого из них устанавливалась соответствующая величина повинностей. С 1824 г. в 16 губерниях (включая четыре сибирские) разряд повысился, следовательно, тяжесть налогов увеличилась[107] (табл. 6.17).

Таблица 6.17

Численность государственных и удельных крестьян мужского пола по губерниям в 1795, 1815, 1833, 1857 гг. и податной разряд губернии

Губерния	Численность крестьян (тыс. чел.)				Разряд губернии**	
	1795 г.	1815 г.	1833 г.	1857 г.	1798—1823 гг.	1824—1860 гг.
Архангельская	82 997	78 994	89 735	103 494	IV	IV
Астраханская	31 912*	11 852	17 803	42 090	II	II
Белостокская	—	44 415	53 944	47 843	III	III
Виленская	116 457	152 234	231 771	229 089	III	III
Витебская	58 168	53 696	81 209	77 697	IV	IV
Владимирская	142 729	145 042	170 018	184 643	I	I
Вологодская	189 238	199 793	240 784	296 718	III	**II**
Волынская	125 062	51 686	130 861	210 432	III	III
Воронежская	271 842	335 629	458 560	586 662	I	I
Вятская	438 073	510 169	659 326	894 281	I	I
Гродненская	9 806	59 474	100 821	99 509	III	III
Екатеринославская	120 374	156 464	221 435	262 048	III	**II**
Иркутская	192 582	257 861	135 238	361 141	IV	**III**
Казанская	319 140	370 238	458 613	557 517	I	I
Калужская	63 466	73 708	98 056	110 702	I	I
Киевская	49 826	109 171	142 922	167 945	III	**II**
Костромская	111 122	118 336	139 162	152 852	I	I
Курляндская	80 047	66 261	82 014	84 977	III	III
Курская	287 281	282 428	351 854	435 410	I	I
Лифляндская	47 915	61 604	80 803	84 866	III	III
Минская	53 041	62 692	90 012	87 976	III	III
Могилевская	14 094	27 761	40 215	42 162	III	III
Московская	135 975	141 855	131 956	207 034	II	**I**
Нижегородская	102 319	121 568	154 548	178 117	I	I
Новгородская	122 645	132 503	171 814	190 600	IV	**III**
Олонецкая	85 403	89 619	99 719	111 995	IV	IV
Оренбургская	177 259	293 192	413 774	542 240	III	**II**

Таблица 6.17 (окончание)

Губерния	Численность крестьян (тыс. чел.)				Разряд губернии**	
	1795 г.	1815 г.	1833 г.	1857 г.	1798—1823 гг.	1824—1860 гг.
Орловская	144 897	165 878	223 905	269 113	I	I
Пензенская	136 107	167 257	198 947	239 062	I	I
Пермская	206 499	313 317	405 288	617 869	IV	**II**
Подольская	42 680	71 701	114 302	197 001	III	III
Полтавская	351 998	346 497	390 836	462 288	III	III
Псковская	85 150	94 961	105 171	111 657	III	III
Рязанская	113 462	134 000	181 779	224 223	I	I
С.-Петербургская	47 522	55 244	70 785	79 610	III	**I**
Саратовская	139 050	262 461	411 963	584 811	I	I
Симбирская	185 790	224 690	288 873	377 866	I	I
Смоленская	85 861	75 694	92 837	94 950	II	II
Ставропольская	–	345 955	56 700	86 828	II	II
Таврическая	99 651	175 099	207 781	249 476	III	**II**
Тамбовская	230 273	280 766	345 882	431 439	I	I
Тверская	154 995	179 602	218 907	253 311	II	**I**
Тобольская	178 927	255 600	306 432	384 761	IV	**III**
Томская	147 215	206 668	277 813	366 494	IV	**III**
Тульская	58 277	64 472	78 870	95 233	I	I
Харьковская	266 626	310 920	382 022	435 894	III	**IV**
Херсонская	54 797	96 428	181 379	221 605	III	**II**
Черниговская	227 713	232 485	282 530	320 985	III	III
Эстляндская	4 128	8 455	13 585	10 175	III	III
Ярославская	84 087	95 121	110 461	122 118	I	I

Примечания: * Вместе со Ставропольской губернией.

** Полужирным выделены губернии, чей податной разряд в 1824 г. изменился.

Источник: Руковский И.П. Историко-статистические сведения. С. 32–36; *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения. С. 114–115, 176–177.

В 1810–1815 гг. оброчная подать с государственных крестьян дважды повышалась. Увеличение налогов затронуло и удельных крестьян, но в меньшей степени, вследствие чего в 1810–1823 гг. они несли меньшее податное бремя. В 1824 г. удельные оклады в губерниях I и IV класса сравнялись с казенным, а в губерниях II и III класса оставались по-прежнему ниже. Полное выравнивание податей для двух категорий крестьян произошло в 1839–1843 гг. в связи с переходом от подушного к поземельному сбору налогов[108]. Таким образом, до 1810 г. и в 1842–1860 гг. налоговое бремя у удельных крестьян было одинаковым с казенными, в 1810–1823 гг. — на 24% ниже, в 1824–1840 гг. — на 10% ниже. Чтобы определить реальную тяжесть налогового бремени, прежде переведем налоги и повинности в серебряные деньги (табл. 6.18).

Таблица 6.18

Налоги с государственных, удельных крестьян и мещан в России в 1771–1860 гг. в годы их изменения (на ревизскую/мужскую душу в коп.)*

Годы	В номинальных копейках						В серебряных копейках**					
	Подушный налог с крестьян	Оброчная подать с крестьян по разрядам губерний				Налог и оброк с мещан	Подушный налог с крестьян	Оброчная подать с крестьян по разрядам губерний				Налог и оброк с мещан
		I	II	III	IV			I	II	III	IV	
1771–1780	71,5	200	200	200	200	120	70	197	197	197	197	118
1781–1790	71,5	285	285	285	285	120	68	272	272	272	272	115
1791 — первая половина 1794	71,5	306	306	306	306	160	54	228	228	228	228	120
Вторая половина 1794	102	306	306	306	306	200	73	228	228	228	228	150
1795–1797	102	306	306	306	306	200	76	227	227	227	227	148
1798–1809	126	510	459	408	357	250	83	334	301	267	234	164
1810–1811***	200	800	700	600	550	500	52	207	181	155	142	130
1810–1811****	200	610	559	508	457	–	52	158	145	132	118	–
1812–1815***	300	1000	900	800	750	800	68	226	203	181	170	181
1812–1815****	300	825	700	650	600	—	68	186	158	147	136	—
1816–1840***	330	1 000	900	800	750	830	85	257	231	206	193	213
1816–1823****	330	825	700	650	600	–	85	213	181	168	155	–
1824–1840****	330	1 000	800	750	600	–	90	272	218	204	163	–
1841–1858	–	–	–	–	–	–	95	286	258	229	215	238
1859–1860	–	–	–	–	–	–	95	300	271	241	215	238

Примечания: * С 1736 по 1794 г. при уплате подушной подати со всех категорий плательщиков и оброчной подати с государственных и удельных крестьян дополнительно взималось 2% на покрытие накладных расходов.

** Курс текущего (номинального) рубля до 1840 г. относительно серебряного рубля в 405 долей (18 г), с 1841 г. — золотого рубля в 26,136 доли (1,1614 г) чистого золота.

*** Подати с казенных крестьян.

**** Подати с удельных крестьян.

Источник: Подсчитано по: *Руковский И.П.* Историко-статистические сведения. Табл. 1, 2, 5–7.

Теперь оценим динамику платежей по десятилетиям в среднем по России. В табл. 6.19 приведены данные о платежах казенных и удельных крестьян в текущей (стлб. 2) и серебряной/золотой валюте (стлб. 5). Бросается в глаза скачкообразный рост платежей в текущей валюте. Правительство увеличивало налоги и повинности не постепенно, а через большие интервалы времени, но резко, чтобы компенсировать снижение реальной ценности налоговых поступлений ввиду постоянной и значительной инфляции. Платежи крестьян в постоянной валюте (стлб. 7) достигли максимума в 1801–1810 гг.; в последующем они то повышались, то понижались, но постоянно были ниже, чем в 1801–1810 гг.

Таблица 6.19

Платежи государственных, удельных крестьян и мещан в 1781–1860 гг. на душу мужского пола

Годы	Налог и оброк в номинальных коп.		Курс текущего рубля	Налог и оброк в серебряных коп.		Индекс платежей с крестьян			Индекс платежей с мещан		
	Крестьяне	Мещане		Крестьяне	Мещане	в сер. коп.	индекс хлеб. цен	в постоянных ценах	в сер. коп.	индекс потреб. цен**	в постоянных ценах
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1781–1790	356	120	95,5	340	115	100	100	100	100	100	100
1791–1800	447	201	71,8	321	144	94	116	81	125	114	110
1801–1810	604	275	61,6	372	169	109	135	81	147	141	104
1811–1820*	1 168	785	24,5	286	192	84	120	70	167	127	131
1821–1830*	1 235	830	26,5	327	220	96	104	92	191	112	171
1831–1840*	1245	830	27,6	344	229	101	136	74	199	132	151
1841–1850	363	243	98,1	356	238	105	130	81	207	141	147
1851–1860	377	250	95,2	359	238	106	162	65	207	153	135

Примечания: * Только государственные крестьяне.

** Индекс потребительских цен в Петербурге.

Источники: Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 36–37, 46–47. См. также примечание к табл. 5.6;. 6.17; 6.18; 9.5.

При переводе платежей в хлебный эквивалент общая картина динамики налогов и повинностей не изменилась (табл. 6.19, стлб. 9). С конца XVIII в. тяжесть платежей у государственных и удельных крестьян имела тенденцию уменьшаться, только ее максимум сместился на 1780-е гг. В 1820-х гг., вследствие сильного падения хлебных цен, а для удельных крестьян также и ввиду повышения оброчной подати, бремя платежей в денежном выражении временно выросло, оставаясь, однако, ниже уровня 1780-х гг. В последующие 30 лет бремя платежей продолжало падать и достигло минимума в 1850-е гг. — на 35% меньше, чем в 1780-х гг. для обеих категорий крестьян.

В нашем расчете не учтены земская, рекрутская, постойная и дорожная повинности, выполнявшиеся крестьянами. Однако не учтены и доходы крестьянского хозяйства от усадебной земли, животноводства, лесов, общинной собственности (они назывались мирскими оброчными статьями), рыболовства, охоты, собирательства, женского рукоделия, которые, как правило, компенсировали недоучет перечисленных платежей, так как величина последних была сравнительно с оброками незначительной. По расчету Комитета по устройству земских повинностей, в 1849 г. постойная, подводная и дорожная повинности, единые для всех категорий крестьян, в денежном выражении равнялись 61,75 коп. сер., земские — 32,1 коп. сер., все вместе — 93,9 коп. сер. на мужскую душу — 2,1% от общего дохода[109]. Между тем только доход от огородов на усадебной земле давал не менее рубля на мужскую душу в год, одна корова приносила дохода в год около 7 руб., коза — 1,5 руб., овца — 0,5 руб. и свинья — 2,1 руб.[110] Например,

в Костромской губернии в 1850-е гг. средний доход от огородов на мужскую душу составлял 3,35 руб., от лесов — 0,24 руб., от общинной собственности — 0,1 руб., от сенокосов и выгонов — 7,1 руб., всего — 10,8 руб.[111], а постойная, подводная, дорожная (0,49 руб.) и земские повинности (0,46 руб.) равнялись вместе лишь 0,95 руб. на мужскую душу[112]. Во Владимирской губернии перечисленные доходы давали в сумме 7,1 руб., а дополнительные повинности требовали 0,99 руб.[113], в Нижегородской губернии — соответственно 8,12 и руб. и 1,57 руб., кроме того, животноводство приносило в год 4,34 руб. на мужскую душу[114].

Что касается воинской повинности, то за 60 лет, в 1801–1860 гг., в армию было призвано 4,3 млн рекрутов, в среднем 71,6 тыс. в год, или 4,4% среднегодовой численности мужчин в трудоспособном возрасте от 18 до 60 лет включительно[115], а за весь XVIII в. — соответственно 2,03 млн и 2,3%[116] (табл. 6.20).

Таблица 6.20

Бремя воинской повинности в России в 1781–1860 гг.

Годы	Призвано рекрутов		Население Европейской России, тыс. чел.*	Доля рекрутов,%		Цена одного рекрута, руб.**	Среднегодовая цена всех рекрутов, руб.**	Рекрутская повинность в год на м.д.	
	всего	в год		в населении	среди мужчин в возрасте 18—60 лет			руб. сер.**	пудов ржи
1781–1790	509 123	50 912	28 120	0,18	4,4	450	22 910 400	1,63	5,0
1791–1800	311 351	31 135	36 230	0,09	2,1	359	11 177 465	0,62	1,9
1801–1810	501 483	50 148	39 335	0,13	3,1	308	15 445 584	0,79	2,3
1811–1820	1 059 233	105 923	43 888	0,24	5,8	245	25 951 135	1,18	3,9
1821–1830	446 611	44 661	46 244	0,10	2,3	265	11 835 165	0,51	2,0
1831–1840	655 916	65 592	50 284	0,13	3,1	275	18 037 800	0,72	1,8
1841–1850	807 033	80 703	52 736	0,15	3,7	485	39 140 955	1,48	4,2
1851–1860	824 487	82 449	55 815	0,15	3,6	485	39 987 765	1,43	3,7

Примечания: * Среднегодовая численность населения по десятилетиям получена методом интерполяции по среднегодовым темпам прироста населения между ревизиями.

** В сер. руб. 1764 г.

Источники: Подсчитано по: Столетие Военного министерства. 1802–1902: В 13 т. СПб., 1902–1914. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. С. 121–122, 150–152; То же. Отд. 2. С. 131–132, Приложение, с. 40; То же. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 207; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 69–80; *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. С. 164–165.

Из сделанных расчетов следует: тяжесть рекрутской повинности существенно изменялась по десятилетиям и зависела от частоты и величины призывов, а последние в свою очередь — от политической и военной конъюнктуры. В XVIII — первой половине XIX в. максимального значения повинность достигала в 1780-е гг. в связи с русско-турецкой войной, в 1810-е гг. — в связи с Отечественной войной 1812 г., в 1840-е гг. — в связи с революционными событиями в Европе, в 1850-е гг. — в связи с Крымской войной. Если перевести натуральную воинскую повинность на деньги по цене за рекрута или на хлеб по цене ржи, то окажется: в XIX в. (до 1874 г.) она была в целом тяжелее, чем в XVIII в. В 1810–1820-е гг. в ряде местностей Европейской России разрешалось рекрутскую

повинность выполнять деньгами по 1000 руб. ассигнациями за одного рекрута, а в Сибири — по 2000 руб.[117] Новый Рекрутский устав 1831 г. узаконил замену натуральной повинности деньгами по 1000 руб. за рекрута[118]. В 1840–1860-е гг. вошли в официальное употребление рекрутские квитанции, которые мог купить каждый военнообязанный и при очередном наборе откупиться от службы[119]. Квитанция стоила 485 руб. сер.[120] Средняя цена рекрута в 1751–1800 гг. равнялась около 254 руб. сер, в 1801–1860-е гг. — 363 руб. Зная число призванных на службу, легко определить цену всего набора в год и, разделив ее на численность мужского пола в соответствующем году, найти денежное выражение рекрутской повинности на мужскую душу в этом году. Расчет по описанной процедуре показал: в 1751–1800 гг. воинская повинность стоила населению примерно 0,41 руб., в 1851–1860 гг. — 1,31 руб. сер. на мужскую душу в год, т. е. увеличилась в серебряных деньгах в 3,2 раза, а в переводе на рожь — в 1,5 раза. Однако если мы включим цену воинской повинности в общую сумму налогов, то реальная тяжесть платежей все равно будет отставать от роста доходов казенных и удельных крестьян.

Снижение тяжести налогов и повинностей в первой половине XIX в., в условиях стабильного сельскохозяйственного производства, приводило к следующему результату: продовольственные остатки у государственных и удельных крестьян для личного пользования увеличивались, и, значит, базисные условия их жизни, включая питание, улучшались. Превышение доходов над расходами являлось основой для повышения их благосостояния. Подчеркнем, этот вывод не учитывает неземледельческих доходов крестьян, существенно возросших в рассматриваемое время.

Помещичьи крестьяне

В советской историографии бытовало мнение: в дореформенное время положение удельных и государственных крестьян было «несколько лучше», чем помещичьих, но они также страдали от малоземелья и оброков, которые со временем становились все выше и непосильнее[121]. Однако этот вывод не подкреплялся экономическим анализом, а основывался исключительно на данных о повышении номинальных платежей без учета инфляции, хлебных цен и доходности крестьянского хозяйства.

Определить тяжесть налогов и ренты (оброка и барщины) для помещичьих крестьян из-за огромного разнообразия владельческих повинностей намного сложнее. Имеется немало работ, содержащих сведения о барщине и оброке в отдельных имениях, но все это частный иллюстративный материал[122]. Обратимся к попыткам общей оценки величины ренты. В 1850-е гг. доля оброчных крестьян равнялась около 18,5%, барщинных — 44,5% и 37% исполняли смешанную повинность[123]. Рассмотрим сначала динамику оброков. По мнению И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова, в первой половине XIX в. происходило относительное и абсолютное обнищание крестьянства, так как повинности росли быстрее их доходов, а основное бремя обложения падало на середняков и бедняков[124]. П.Г. Рындзюнский бросил тень сомнения на эти выводы. Согласно его расчетам, увеличение платежей «в какой-то мере» соотносилось с ростом доходности крестьянского хозяйства, а раскладка повинностей внутри общины носила прогрессивный характер — на богатых ложилась бóльшая часть оброчных платежей[125]. Напротив, Н.М. Дружинин полностью поддержал выводы Ковальченко и Милова[126], а В.А. Федоров их слегка откорректировал: персонально богатый крестьянин, по его мнению, дей-

ствительно платил существенно больше бедняка и середняка, но, тем не менее, именно последние несли основную тяжесть оброчных платежей[127].

В первой половине XIX в. налоги и повинности помещичьих крестьян номинально неизбежно возросли вследствие инфляции и повышения цен. Вопрос в другом — соотносились ли платежи с доходами? На мой взгляд, ни один из сторонников тезиса об обнищании крестьянства не привел полных и достоверных данных о доходах крестьян. Исследователи оперируют сведениями об урожаях и посевах, скоте, заработках крестьян от промыслов, забывая, что имеющаяся статистика, как доказано выше, существенно занижала объем сельскохозяйственного производства — главного источника доходов большинства крестьян. Вероятно, промысловые заработки также преуменьшались крестьянами, поскольку они всегда все свои доходы занижали. Рассмотрим в качестве примера ключевую таблицу из работ Ковальченко и Милова, доказывающую, по их мнению, тезис об обнищании оброчных помещичьих крестьян. В нее мною добавлена только последняя строка — чистый доход на мужскую душу, остававшийся у крестьян после полной уплаты оброка (табл. 6.21).

Таблица 6.21

Соотношение доходов и платежей у оброчных помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний в конце XVIII и середине XIX в. (руб. серебром на мужскую душу)

Доходы и оброки	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	конец XVIII в.	середина XIX в.	рост, %	конец XVIII в.	середина XIX в.	рост, %	конец XVIII в.	середина XIX в.	рост, %	конец XVIIIв.	середина XIX в.	рост, %
Сбор хлебов и картофеля на м.д., чтв.	5,44	6,05	11,2	7,07	9,23	30,6	10,86	11,44	5,3	10,11	10,9	7,8
Цена ржи, руб. за чтв.	3,56	3,8	6,7	4	4,5	12,5	1,82	2,39	31,3	2	2,58	29
Цена овса, руб. за чтв.	1,98	2,59	30,8	2,09	2,22	6,2	1,25	1,7	36	1,49	1,82	22,1
Доход от земледелия на м.д., руб.	15	17,5	16,7	22	30,5	38,6	20	29	45	20,2	23,5	16,3
Заработок промыслового работника, руб.	32	66	106,3	14	30	114,3	7	15	114,3	15	30	100
Занято промыслами, тыс. чел.	23,5	66,8	184,3	27,9	48,9	75,3	16	24,5	53,1	15,3	44,7	192,2
Доход от промыслов на м.д., руб.	8,0	21,8	172,5	2,8	9,9	253,6	1,1	3,8	245,5	2,7	9	233,3
Доход от земледелия и промыслов на м.д., руб.	23,0	39,3	70,9	24,8	40,4	62,9	21,1	32,8	55,5	22,9	32,5	41,9
Оброк на м.д., руб.	4,8	11,4	137,5	4,5	13,1	191,1	4,0	12,5	212,5	4,5	11,8	162,2
Оброк с м.д. в переводе на рожь, чтв.	1,35	3,0	122,2	1,13	2,91	157,5	2,19	5,23	138,8	2,25	4,57	103,1
Оброк в процентах к общему доходу	20,9	29,0		18,1	32,4		19,0	38,1		19,7	36,3	
Чистый доход на м.д.	18,2	27,9	53,3	20,3	27,3	34,5	17,1	20,3	18,7	18,4	20,7	12,5

Источники: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство. С. 293; *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII — первой половины XIX в. // История СССР. 1966. № 4. С. 67. Исправлена опечатка или неточность в подсчетах авторов для Орловской губернии.

Табл. 6.21 составлена путем весьма приблизительных расчетов. Данные о сборе хлебов взяты из губернаторских отчетов за 1785–1796 гг. и 1850-е гг. Если за 1851–1860 гг. есть данные по всем десяти годам, то за XVIII в. по Московской губернии они охватывают только 1795 г., по Рязанской — три года, по Тверской — четыре, по Орловской — пять лет. В основном сборы хлебов относятся к 1780-м гг. и не к помещичьим крестьянам, а ко всем категориям крестьян и помещикам, вместе взятым, поскольку дифференцированной информации нет[128]. Следовательно, они отражают состояние земледелия не в помещичьей деревне, а во всем сельском хозяйстве губерний в 1780-х гг. и потому несколько завышают сборы хлебов крестьян, так как включают помещичий хлеб (это замечание в равной степени относится и к 1850-м гг.). Доля помещичьих посевов составляла 38% всех посевов в оброчной и барщинной помещичьей деревне в целом. Впрочем, ради сравнимости результатов таким же способом определялся сбор хлебов и картофеля для крестьянства и в 1850-е гг. К счастью, это не могло существенно повлиять на полученные выводы: ведь мы оцениваем доход лишь *оброчных* крестьян, а не всех помещичьих крестьян, а в оброчных имениях и в XVIII — первой половине XIX в. практически всю пахотную землю помещики передали в пользование крестьянам[129]. Но если бы речь шла о всем крестьянстве, то и в этом случае доля помещичьего хлеба в общем сборе хлебов в губернии составляла 22% [(100 – 42) * 38 : 100], ибо государственные и удельные крестьяне вносили в губернские сборы зерновых и картофеля вклад, равный примерно их доле среди крестьянства — 42%[130]. Это подтверждается следующим расчетом. В 1861–1870 гг. в 50 губерниях Европейской России на долю частных землевладельцев, состоявших преимущественно, но не только, из дворян-помещиков, приходилось лишь 24% общих сборов[131]. До реформы посевы помещиков были меньше, чем после нее, на величину, примерно равную отрезке земли у помещичьих крестьян (около 18%)[132]. Кроме того, существовало частное землевладение купцов, мещан, крестьян и других социальных групп. В силу этого доля помещиков в сборе хлебов в 1850-е гг. была около 22%. Следовательно, и завышение доходов от земледелия у всех помещичьих крестьян по *официальным* сведениям о сборе хлебов в целом не могло превосходить 22%. Поскольку сбор хлебов *официальной* статистикой также занижался примерно на 20–30% (см. раздел 6.2 а выше), мы не преувеличиваем, а скорее немного занижаем доход помещичьих крестьян от земледелия.

Для расчета душевых показателей численность населения взята по ревизиям 1795 г. и 1857 г., поэтому относится не к середине временны́х интервалов. Ввиду этого средний сбор на душу преуменьшен, например, за 1785–1796 гг. он занижен на 5%, так как за 5 лет, 1791–1795 гг., число жителей возросло примерно на 5,2%[133].

К каким конкретно годам относятся цены на рожь и овес на конец XVIII в., не указывается. На середину XIX в. авторы взяли цены за 1847–1853 гг. вместо 1851–1860 гг., вследствие чего доход от земледелия на середину XIX в. оказался заниженным примерно на 17%, так как средние цены на рожь в 1847–1853 гг. были на 14%, а на овес на 21% ниже, чем средние цены в 1851–1860 гг. [134]

Данных о числе промысловых помещичьих крестьян и о доходах от промыслов вообще нет. Число последних в 1850-е гг. определяется по доле таковых среди государственных крестьян, а в конце XVIII в. — для Тверской и Рязанской губерний путем экстраполяции сведений по казенным крестьянам за 1828 г. и в 1850-е гг., в Московской — по числу взятых паспортов на рубеже XVIII–XIX вв.,

а для Орловской — по аналогии с Московской. Информация о промысловых доходах в государственной деревне имеется только по Московской губернии и относится не к началу 1850-х гг., как указывают авторы[135], а к концу 1840-х гг. [136], значит, их преуменьшает, поскольку в 1850-е гг. число отходников увеличивалось. По остальным губерниям доходы вычисляются ориентировочно на основе весьма примерных данных о заработной плате отходников. Как видим, величина промысловых доходов помещичьих крестьян имеет предположительный характер, в особенности для конца XVIII в.

Определение величины оброка также вызывает много вопросов, особенно по XVIII в. По Московской губернии, со ссылкой на книгу Л.В. Милова, оброк на конец XVIII в. принимается в 4 руб. сер. на мужскую душу[137]. Но в указанной работе содержатся данные об оброках только за 1769–1773 гг. — 1,9 руб., а за 1790-е гг. приводится информация только по Нижегородской губернии — 9,3 руб. асс. (6,1 руб. сер.), с оговоркой, что другой нет[138]. По нечерноземным губерниям за 1780-е гг. сообщается величина оброка в Костромской (4,3 руб. асс.) и Вологодской (3,9 руб. асс.) губерниях. По-видимому, оброк по Московской губернии в 4,8 руб. относится к 1780-м гг. и получен путем экстраполяции, но неизвестно каким образом. По Орловской губернии у Милова сведения только за 1770-е гг. — в среднем по четырем уездам оброк равнялся 4,5 руб.[139] Между тем, при расчете на конец XVIII в. оброк принят в 4 руб. — меньшим, чем он был за 20 лет до этого, хотя в других губерниях он увеличился примерно на рубль — до 5,5 руб.[140] По Тверской губернии приводятся данные на конец 1770-х — начало 1780-х гг. (3 руб.) и начало 1800-х гг. (9,3 руб. асс.) и затем безо всякого объяснения принимается, что в конце XVIII в. «средний размер оброка составлял 5–6 руб. асс., или 4,5 руб. сер.»[141], хотя 5–6 руб. асс. в 1790-е гг. равноценны 3,9 руб. сер. (так как средний курс ассигнаций в эти годы упал до 0,712), а арифметическая средняя оброков за 1770 — начало 1800-х гг. равняется 5,2 руб. сер. По Рязанской губернии принят оброк по сведениям Ковальченко в Скопинском уезде в 1780–1782 гг., равный 6,2 руб. асс.[142] В книге Милова имеются данные об оброке в Егорьевском уезде в 1780-е гг. — 5,5 руб. асс.[143], в книге Ковальченко средний оброк по 6 уездам в 1780-е гг. составил 5,8 руб. сер.[144] Однако в расчет включен оброк в 4,5 руб. Как видим, ключевые для расчета данные об оброках также получены путем косвенных оценок, причем для трех губерний относятся к 1780-м гг., а для Тверской — к 1770-м гг. Между тем хлебные цены для подсчета дохода от земледелия принимаются за 1796–1800 гг., когда они поднялись на 59% сравнительно с 1770-ми гг. и на 11% сравнительно с 1780-ми гг. [145]

Итак, принципиальный расчет о соотношении доходов и оброков помещичьих крестьян не только ориентировочен, он проведен таким образом, чтобы завысить доходы помещичьих крестьян на конец XVIII в. и преуменьшить их на середину XIX в. Следствием этого и стал вывод о понижении благосостояния крестьянства. Однако даже этот несовершенный расчет открывает удивительный факт, полностью опровергающий утверждение авторов об обеднении крестьян,— после уплаты оброка у них в 1850-х гг. оставалось на душу больше денег, чем в 1780-е гг.: в Московской губернии — на 52%, в Тверской — на 34%, в Орловской — на 21% и Рязанской — на 9%. Где промыслы более развиты, там на бóльшую величину повысились доходы крестьян, и там выше был уровень их жизни. Иначе говоря, в последние семьдесят лет существования крепостного

права никакого абсолютного *обнищания* помещичьих крестьян не наблюдалось. Если же внести минимальные поправки в эти расчеты (точно идентифицировать годы, к которым относится информация, синхронизировать данные о населении, ценах и оброках, включить в расчет прямой подушный налог)[146], то не обнаружится и относительного обеднения, т. е. увеличения доли платежей в доходах (табл. 6.22).

Таблица 6.22

Доходы и платежи у оброчных помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний в 1780-х и 1850-х гг. (в руб. серебром на мужскую душу)

Доходы и платежи	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	1780-е гг.	1850-е гг.	изменение,%	1780-е гг.	1850-е гг.	изменение,%	1780-е гг.	1850-е гг.	изменение,%	1780-е гг.	1850-е гг.	изменение,%
Сбор хлебов и картофеля на м.д., пуд.	40,46	43,56	8	54,83	67,84	24	80,90	83,51	3	75,57	79,57	5
Цена ржи, руб. за пуд	0,334	0,481	44	0,380	0,450	18	0,233	0,346	48	0,276	0,346	25
Цена овса, руб. за пуд	0,337	0,560	66	0,295	0,439	49	0,206	0,379	84	0,233	0,386	66
Доход от земледелия на м.д., руб.	13,56	22,29	64	19,01	30,23	59	18,03	29,97	66	19,58	28,77	47
Заработок промыслового работника, руб.	32,00	66,00	106	14,00	30,00	114	7,00	15,00	114	15,00	30,00	100
Занято промыслами, тыс. чел.	23,50	66,80	184	27,90	48,90	75	16,00	24,50	53	15,30	44,70	192
Доход от промыслов на м.д., руб.	8,00	21,80	173	2,80	9,90	254	1,10	3,80	245	2,70	9,00	233
Доход от земледелия и промыслов на м.д., руб.	21,56	44,09	104	21,81	40,13	84	19,13	33,77	77	22,28	37,77	70
Оброк на м.д., руб.	4,80	11,40	138	5,20	13,10	152	5,50	12,50	127	5,80	11,80	103
Налог на м.д., руб.	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40
Оброк и налог на м.д., руб.	5,48	12,35	125	5,88	14,05	139	6,18	13,45	118	6,48	12,75	97
Оброк к общему доходу,%	22,26	25,86	4	23,84	32,64	9	28,75	37,01	8	26,03	31,24	5
Налог к общему доходу,%	3,15	2,15	–1	3,12	2,37	–1	3,55	2,81	–1	3,05	2,52	–1
Оброк и налог к общему доходу,%	25,41	28,01	3	26,96	35,01	8	32,31	39,82	8	29,08	33,76	5
Чистый доход на м.д., руб.	16,08	31,74	97	15,93	26,08	64	13,95	20,32	46	15,80	25,02	58

Источники: табл. 6.21; *Миронов Б.Н.* Хлебные цены. С. 68–71, 241–244, 262–263.

Как следует из табл. 6.22, чистый доход помещичьих крестьян на мужскую душу после оплаты основных повинностей (подушных и оброка) с 1780-х (точки наибольшего падения благосостояния крестьянства в XVIII в.) до 1850-х гг. (точки максимального его повышения в дореформенный период) увеличился в целом для четырех губерний в 1,66 раза, в том числе: в Московской — в 1,97 раза, в Тверской — в 1,64 раза, в Орловской — в 1,46 раза и в Рязанской губернии — в 1,58 раза. Оброк и подушный налог поглощали около 29% крестьянских доходов в конце XVIII в. и 34% в середине XIX в. В действительности меньше, так как

доход от земледелия подсчитан по официальной статистике о сборах хлебов, занижавшей их на 15–20%. Это особенно важно для аграрных губерний — Орловской и Рязанской. Если внести 20% поправку на преуменьшение доходов от земледелия, то общие доходы крестьянского двора возрастут, соответственно платежи в процентах к общему доходу понизятся, и ни в одной из четырех губерний не будут превышать 34%, а в среднем для четырех губерний составят в 1780-е гг. 25%, в 1850-е гг. — 30%. Это умеренное обложение налогами и повинностями. Обычно, исходя из трехдневной барщины[147], полагают: только рента поглощала как минимум 50% крестьянских доходов. У меня же получается, что все платежи поглощали около 30%. Правда, в этом расчете не учтены земские, рекрутская, подводная, дорожная и постойная повинности. Однако не учтены и доходы крестьянского хозяйства от животноводства, огородов, охоты, рыболовства, собирательства, женского рукоделия, которые с лихвой компенсировали недоучет перечисленных платежей по причине их незначительности. Как указывалось выше, в 1849 г. все неучтенные повинности, кроме рекрутской, в денежном выражении составляли 0,94 руб. сер., воинская — около 1,09 руб. на душу, а доход только от животноводства превышал 4 руб.

Итак, доля платежей в доходах крестьян в дореформенный период увеличилась незначительно — в среднем для четырех губерний лишь на 5%, что может объясняться ошибками выборок. Тезис об относительном обеднении крестьянства также не находит твердого подтверждения.

Табл. 6.21 и 6.22 дают возможность оценить значение принципиальных экономических факторов для благосостояния помещичьих крестьян. В целом по четырем губерниям в первой половине XIX в. доход только *от земледелия* увеличился в 1,59 раза (всюду главным образом за счет роста цен, а не производства: 83% против 17%), а доход *от промыслов* — в 2,26 раза, *общий* доход — в 1,84 раза. Доходы от промыслов росли быстрее, чем от земледелия, и тем не менее вклад земледелия в доход всюду был бóльшим, чем от промыслов: в целом по четырем губерниям — 71% против 29%. Причина в том, что в абсолютном выражении земледелие приносило больше дохода даже в Московской губернии, где вклад промыслов в доход являлся наибольшим среди четырех губерний — 49%.

Оброки в среднем по четырем губерниям возросли номинально (в руб. сер.) в 2,3 раза, а реально, при переводе на зерно,— в 1,56 раза; повышение хлебных цен компенсировало около 40% их прироста (табл. 6.23).

Подушный налог в целом для четырех губерний номинально увеличился в 1,4 раза, но в натуральном исчислении бремя государственных налогов уменьшилось на 5%, так как хлебные цены выросли в большей степени, чем налоги. В результате общее бремя платежей номинально повысилось в 2,2 раза, но реально, благодаря повышению хлебных цен,— в 1,49 раза. Таким образом, если платежи и доходы перевести в зерно, то ситуация для крестьян получается еще благоприятнее. Рост хлебных цен, повышение доходности крестьянского хозяйства за счет промыслов и земледелия и понижение реальной тяжести прямых государственных налогов — вот три главных фактора, обеспечивших улучшение жизни крестьян в первой половине XIX в. Значение этих положительных факторов перевесило негативное влияние возрастания ренты, вследствие чего общие доходы крестьян на душу существенно увеличились, а их отношение к платежам изменилось мало.

Таблица 6.23

Доходы и платежи оброчных помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний в 1780-х и 1850-х гг. (в пудах ржи и овса на мужскую душу)

Доходы и платежи	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	1780-е гг.	1850-е гг.	изме-не-ние, %	1780-е гг.	1850-е гг.	изменение, %	1780-е гг.	1850-е гг.	изменение, %	1780-е гг.	1850-е гг.	изменение, %
Сбор хлебов и картофеля на м.д., пуд.	40,46	43,56	8	54,83	67,84	24	80,9	83,51	3	75,57	79,57	5
Доход от промыслов на м.д., пуд.	23,84	41,88	76	8,29	22,27	169	5,00	10,48	110	10,61	24,59	132
Доход от земледелия и промыслов на м.д., пуд.	64,30	85,44	33	63,13	90,11	43	85,91	93,99	9	86,18	104,16	21
Оброк с м.д., пуд.	14,31	21,90	53	15,40	29,47	91	25,01	34,48	38	22,80	32,24	41
Налог с м.д., пуд.	2,03	1,83	–10	2,01	2,14	6	3,09	2,62	–15	2,67	2,60	–3
Оброк и налог с м.д., пуд.	16,34	23,73	45	17,41	31,61	82	28,10	37,10	32	25,47	34,84	37
Оброк и налог к общему доходу,%	25,41	27,77	2	27,58	35,08	8	32,71	39,47	7	29,55	33,45	4
Чистый доход на м.д., пуд.	47,96	61,72	29	45,72	58,50	28	57,81	56,89	–2	60,71	69,32	14

Источник: табл. 6.21.

Крестьяне поздравляют барыню с Пасхой. 1890-е гг. Фото

Обратимся к барщинным крестьянам (доля чисто барщинных крестьян составляла в 1850-е гг. около 45%, в более раннее время — несколько меньше)[148]. Если полагаться на расчеты Ковальченко, касающиеся девяти крупных имений черноземной полосы, то окажется, что в пяти из них ситуация складывалась неблагоприятно для крестьян (причем в одном имении, Петровском, только в 1856–1860 гг.): барская запашка росла быстрее, чем надельная земля, а в четырех — удачно: наделы увеличивались в большей или равной степени, чем барская запашка[149]. Но самих по себе данных о величине барской и крестьянской запашки недостаточно для суждения об изменении тяжести барщины: сокращение надела не всегда означало снижение сбора хлебов, а возрастание барской запашки необязательно вело к повышению барщины. Наделы и барская запашка на душу в отдельных имениях колебались столь существенно — соответственно от 1,8 до 3,6 дес. и от 1,1 до 2,7 дес., что создавалась возможность для любых комбинаций. Необходимо по каждому имению знать качество земли, величину пара и залежи, урожайность, число барщинных дней, интенсивность работы на помещичьей и крестьянской земле. Но такая информация отсутствует. Кроме того, как показал С.Л. Хок в своем микроанализе Петровского имения Тамбовской губернии, в крупных имениях помещик и его приказчики не знали точного размера земли, находившейся в крестьянском пользовании, по причине чересполосицы, вследствие чего у крестьян фактически было на 5—10% больше земли, чем за ними числилось. По его расчету, в Петровском имении в первой половине XIX в. не наблюдалось уменьшения крестьянских наделов, как полагал И. Д. Ковальченко[150].

Девять имений — слишком маленькая выборка для надежного заключения о всей России: согласно закону больших чисел, только в массовых сведениях о помещичьей и крестьянской запашке можно обнаружить закономерности. Такими данными мы располагаем за 1842–1860 гг. (табл. 6.24).

Таблица 6.24

Посевы у помещиков и их крестьян в 1842–1860 гг. (в тыс. четвертей в год)*

Район	1842–1850 гг.			1851–1860 гг.			1842–1850 гг.	1851–1860 гг.
	Помещичьи	Крестьянские	Итого	Помещичьи	Крестьянские	Итого	Помещичьи, %	Помещичьи, %
Северо-Западный	401	1 358	1 759	310	1 280	1 590	22,8	19,5
Центрально-нечерноземный	4 893	6 014	10 907	4 884	6 054	10 938	44,9	44,7
Центрально-черноземный	4 304	4 683	8 987	4 228	4 781	9 009	47,9	46,9
Средне-Волжский	1 005	1 394	2 399	1 020	1 343	2 363	**41,9**	**43,2**
Нижне-Волжский	618	1 056	1 674	652	1 055	1 707	**36,9**	**38,2**
Прибалтийский	495	662	1 157	467	692	1 159	42,8	40,3
Западный	2 214	3 348	5 562	2 012	2 963	4 975	**39,8**	**40,4**
Юго-Западный	1 808	2 133	3 941	1 735	1 834	3 569	**45,9**	**48,6**
Украинский Левобережный	1 164	1 145	2 309	1 321	1 322	2 643	50,4	50,0

Таблица 6.24 (окончание)

Район	1842–1850 гг.			1851–1860 гг.			1842–1850 гг.	1851–1860 гг.
	Помещичьи	Крестьянские	Итого	Помещичьи	Крестьянские	Итого	Помещичьи,%	Помещичьи,%
Южный Степной	572	570	1 142	613	615	1 228	50,1	49,9
Приуральский	129	591	720	103	750	853	17,9	12,1
Северный	31	185	216	44	218	262	**14,4**	**16,8**
Европейская Россия	15 261	24 639	39 900	15 025	24 651	39 676	38,2	37,9

Примечание: * Полужирным выделены районы, где доля помещичьей запашки возросла.

Источник: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство. С. 83. Смоленская губерния присоединена к Центрально-нечерноземному району.

В целом по 48 губерниям Европейской России доля барской запашки сократилась на 0,3%, значит, тяжесть барщины за 20 лет практически не изменилась. В 5 из 12 районов барская запашка возросла, в 7 — уменьшилась. Но изменения столь незначительны (максимальный прирост 2,7% в Юго-Западном районе, максимальное сокращение 5,8% в Приуральском), что, учитывая приблизительность исходной информации, нет надежных оснований для заключения о наличии какой-либо тенденции в динамике барщины. Резоннее сделать другой вывод: барщина за 20 лет не изменилась, и в таком случае доходы крестьян от надельной земли возросли благодаря росту хлебных цен и снижению реальной тяжести подушного налога на 6%, о чем шла речь выше. Значит, и уровень жизни барщинных крестьян повысился. Впрочем, трудно было ожидать, чтобы благосостояние одной большой категории крестьян, оброчных, росло, а другой, барщинных,— понижалось.

Платежи и доходы государственных крестьян

Теперь оценим соотношение доходов и платежей у государственных и удельных крестьян. Если в табл. 6.22 помещичью ренту заменить государственной, то расчет будет приблизительно отражать положение государственных и удельных крестьян на конец XVIII в. и середину XIX в., потому что доходы от земледелия и доходы от промыслов в табл. 6.22 относятся ко всем крестьянам (табл. 6.25).

Как показывают расчеты, приведенные в табл. 6.25, положение казенных и удельных крестьян было намного предпочтительнее. В целом для четырех губерний их доходы и налоги выросли в такой же степени, как и у помещичьих, но оброки — всего на 5% (у помещичьих — на 130%). Ввиду этого бремя платежей номинально увеличилось всего на 12%, а в переводе на зерно сократилось на 15%. Тяжесть платежей понизилась на 6% — с 16% до 10%. Чистый доход повысился в 2 раза. *Следовательно, в первой половине XIX в. положение государственных и удельных крестьян улучшилось не только абсолютно, но и относительно, так как отношение платежей к доходам уменьшилось.* Как и у помещичьих крестьян, главным фактором этого стало повышение хлебных цен, рост доходности крестьянского хозяйства от промыслов и земледелия и понижение реальной тяжести

налогов и повинностей. Разительно различие в норме обложения — у казенных и удельных крестьян она составляла в конце XVIII в. всего 16% от всех доходов, а у помещичьих — 28%, т. е. в 1,75 раза выше, в середине XIX в. — соответственно 10% и 34%, т. е. в 3,4 раза выше. Понятно, почему помещичьи крестьяне всегда стремились перейти в казенное управление.

Таблица 6.25

Соотношение доходов и платежей у казенных и удельных крестьян в 1780-х и 1850-х гг. (в руб. серебром на мужскую душу)

Доходы и платежи	Московская губерния			Тверская губерния			Орловская губерния			Рязанская губерния		
	1780-е гг.	1850-е гг.	изменение,%	1780-е гг.	1850-е гг.	изменение,%	1780-е гг.	1850-е гг.	изменение,%	1780-е гг.	1850-е гг.	изменение,%
Доход от земледелия	13,56	22,29	64	19,01	30,23	59	18,03	29,97	66	19,58	28,77	47
Доход от промыслов	8,00	21,80	173	2,80	9,90	254	1,10	3,80	245	2,70	9,00	233
Доход от земледелия и промыслов	21,56	44,09	104	21,81	40,13	84	19,13	33,77	77	22,28	37,77	70
Оброк	2,72	2,86	5	2,72	2,86	5	2,72	2,86	5	2,72	2,86	5
Подушный налог	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40	0,68	0,95	40
Оброк и налог	3,40	3,81	12	3,40	3,81	12	3,40	3,81	12	3,40	3,81	12
Оброк и налог в переводе на рожь, чтв.	1,16	0,90	–22	1	0,95	–5	1,63	1,24	–24	1,38	1,24	–10
Оброк в процентах к общему доходу	12,61	6,49	–6	12,47	7,13	–5	14,22	8,47	–6	12,21	7,57	–5
Оброк и налог в процентах к общему доходу	15,77	8,64	–7	15,59	9,49	–6	17,77	11,28	–6	15,26	10,09	–5
Чистый доход на м.д., руб.	18,16	40,28	122	18,41	36,32	97	15,73	29,96	90	18,88	33,96	80

Источники: табл. 6.17, 6.18, 6.21 и 6.22.

Полученная картина, вероятно, близка к действительной. На 1849–1858 гг. мы располагаем довольно точными расчетами доходности и платежей государственных крестьян в пяти центрально-нечерноземных губерниях, выполненных специальными правительственными комиссиями уравнения денежных сборов с государственных крестьян (табл. 6.26).

Эксперты, входившие в комиссии, провели тщательные полевые исследования и получили результаты, в принципе подтвердившие мои расчеты для государственных и удельных крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний в табл. 6.25. Главные доходы от земледелия и промыслов учтены во всех пяти губерниях, а доходы от леса — в трех, от общинной собственности — в двух и от скота — в одной губернии. Ради сопоставимости в суммарный доход (табл. 6.26, стлб. 7) по тем губерниям, по которым отсутствуют сведения, включены доходы по минимуму в других губерниях, например, по Московской доход от леса учтен в минимальном размере по Костромской губернии (0,24 руб.), мирские доходы (0,05 руб.) и от скотоводства (4,34 руб.) — по Нижегородской.

Особенно интересно сравнить данные по Московской губернии, входящей в оба расчета. Итоги почти совпали: доходы от земледелия составили соответственно 22,9 руб. и 22,3 руб. на мужскую душу, от промыслов — 22,3 и 23,6 руб., общие доходы — 44,1 и 45,9 руб.; расхождение в 4% следует признать статистически несущественным.

Нижегородская комиссия сопоставила учтенные доходы и расходы государственных крестьян по всем десяти уездам губернии в 1853–1856 гг. и обнаружила: после уплаты всех налогов и после удовлетворения всех потребностей крестьян в пище, одежде, жилище и т.д. по отнюдь не голодным нормам того времени, в восьми уездах имелся избыток средств: от 5 коп. на мужскую душу в Макарьевском до 6,2 руб. в Лукояновском; в двух уездах зафиксирован дефицит: 1,1 руб. или 4% годового дохода в Горбатовском и 2 руб. или 7% годового дохода в Ардатовском уезде. В среднем по губернии доходы превосходили расходы на 2 руб. сер.[151] Заметим, расходы учтены по максимуму, а доходы занижены: не приняты во внимание собирательство, охота, рыболовство, женское рукоделие. Кроме того, крестьянское хозяйство было весьма эластичным и всегда могло сократить свои расходы или увеличить свои доходы на 4–7%.

Таблица 6.26

Доходы и платежи государственных крестьян Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской и Ярославской губерний в 1849–1858 гг.

Губернии	Доходы на м.д., руб.*						Платежи на м.д., руб.**					Платежи на м.д. в%	
	с/х	промыслы	лес	мирские	скот	итого	налог	оброк	земские	натуральные	итого	к доходу от с/х и промыслов	ко всему доходу
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Владимирская	32,82	14,91	1,08	*0,05*	*4,34*	53,20	0,95	3,77	0,56	0,44	5,72	12,0	10,8
Костромская	34,47	12,79	*0,24*	0,07	*4,34*	51,91	0,95	3,68	0,47	0,49	5,59	11,8	10,8
Московская	22,31	23,68	*0,24*	*0,05*	*4,34*	50,62	0,95	3,59	0,72	1,86	7,12	15,5	14,1
Нижегородская	32,40	11,09	1,52	0,05	4,34	49,40	0,95	3,60	0,46	1,11	6,12	14,1	12,4
Ярославская	30,42	19,16	0,24	*0,05*	*4,34*	54,21	0,95	3,58	0,48	0,56	5,57	11,2	10,3
В среднем	30,48	16,33	0,66	0,05	4,34	51,86	0,95	3,64	0,54	0,89	6,02	12,9	11,6

Примечания: * Доход, выделенный курсивом, является экстраполяцией.

** На 1849 г.

Источники: Подсчитано мною по: **Доходы** в 1849–1858 гг.: — Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Государственных имуществ. СПб., 1858. Вып. 1. С. 2, 30, 55 (Московская губ.); Там же. Вып. 2. СПб., 1859. С. 12, 23, 177, 182, 185, 191, 203 (Ярославская губ.); Там же. Вып. 4. СПб., 1861. Отдел В. С. 43, 63, 107 (Костромская губ.); Там же. Вып. 5. СПб., 1871. Отдел В. С. 7, 45, 47, 70 (Владимирская губ.); Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян. Вып. 2. СПб., 1857. С. 2, 18, 29, 30, 37, 40 (Нижегородская губ.). **Налоги** в 1849 г.: РГИА, ф. 869 (Милютины), д. 789. Таблицы к статистическому атласу, составленному в МВД. 1850 г., л. 22, 27.

Трудовой эквивалент платежей крестьянства накануне отмены крепостного права

Можно оценить бремя налогов и повинностей, лежавшее на крестьянстве в канун отмены крепостного права, еще одним путем — определив, сколько рабочих дней требовалось для того, чтобы заработать деньги, достаточные для уплаты всех платежей.

В научной литературе о крепостном праве, начиная с классической работы В.И. Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» и кончая современными работами, сложилось представление, что средняя норма барщины на тягло, включавшее одного мужчину и одну женщину, обычно составляла три дня в неделю, в черноземных губерниях — четыре дня, причем как для мужчин, так и для женщин. Трехдневная или четырехдневная барщина понимается буквально: в году 52 недели, значит, при трехдневной барщине в году 156 барщинных дней (52 × 3), при четырехдневной — 208 дней (52 х 4). Очень редко делалась поправка на праздники, в которые работать запрещалось. Исследователи, учитывавшие праздники, ежегодную работу на помещика уменьшали до 135–140 дней при трехдневной и до 200 дней при четырехдневной барщине, как для мужчин, так и для женщин[152]. Однако материалы губернских дворянских комитетов и Редакционных комиссий, готовивших отмену крепостного права, со всей определенностью говорят о другом: реальная барщина была намного меньше.

Губернские дворянские комитеты доставили в Редакционные комиссии сведения о барщине и оброке по всем 44 губерниям Европейской России, где имелись крепостные. Как оказалось, в среднем в год барщина равнялась 140 дням на тягло. Историки толкуют эти данные следующим образом: в целом на тягло барщина составляла 280 дней, т. е. 140 для мужчины и 140 для женщины, поскольку тягло включало одного мужчину и одну женщину[153]. Между тем и помещики, и губернские комитеты имели в виду *общее число рабочих дней*, приходившееся на одно тягло в год при крепостном праве. Следовательно, трехдневная барщина означала: один работник, безразлично — мужчина или женщина, отбывал 70 дней в году. Члены губернских комитетов, вызванные в столицу, представили расчет убытков, которые понесут помещики, если отмена крепостного права пройдет на условиях, предложенных Редакционными комиссиями. Из этого расчета следует: при крепостном праве тягло, т. е. два работника, давало 140 рабочих дней в год, а Редакционные комиссии установили для разных губерний компенсацию за барщину от 60 до 95 рабочих дней с тягла, в среднем 77 дней[154]. После длительных дискуссий Редакционные комиссии в конечном итоге установили единую для всей России норму компенсационных рабочих дней за барщину, ставшую законом: за высший душевой надел крестьяне обязаны отрабатывать 70 рабочих дней в год — 40 мужских и 30 женских[155].

Можно ли допустить, что Редакционные комиссии в ущерб помещикам уменьшили реальную норму отработки в 2 раза — со 140 до 70 дней в год?! Барщина в 140 дней в год являлась номинальной и не фиксированной, а 70 рабочих дней по закону — реальными и фиксированными, поэтому помещики, поторговавшись, проглотили решение комиссий. Между помещиком и крестьянами шла постоянная борьба за барщинные дни, и выбить 140 рабочих дней в год с одного тягла было совершенно невозможно. Во-первых, мешала непогода:

дожди, морозы, засухи и пр., когда работа останавливалась. Во-вторых, существенно сокращали число барщинных дней праздники, ибо закон запрещал работать не только в государственные и общецерковные праздники (их насчитывалось в 1850-е гг. 31), но и в местные народные, так называемые бытовые праздники, (их насчитывалось примерно 18, и они не учитывались при определении величины барщины в 140 дней), а также болезни и важные семейные события, освобождавшие от барщины,— крестины, свадьба, похороны и др.[156] В 1825–1855 гг. в помещичьей деревне Украины, Белоруссии и Польши правительство ввело инвентари, твердо фиксировавшие крестьянские повинности в пользу владельцев. Как показали расчеты по западным губерниям, крестьяне работали на помещиков 68 дней в году, но эти работы при надлежащем присмотре могли быть выполнены и в 25 дней[157].

Фактическое число полных барщинных рабочих дней можно оценить путем перевода оброка в барщину по стоимости одного рабочего дня — этим приемом пользовались и помещики, и Редакционные комиссии. Например, во Владимирской губернии около 1860 г. среднее число барщинных дней с тягла составляло 140 дней в год, средний годовой оброк — 23,3 руб. сер., а плата за один рабочий день с лошадью и инвентарем работника — 0,32 руб. сер. Отсюда следует: реальная цена оброка равнялась 73 рабочим дням (23,3/0,32). Примем размеры оброка и барщины равновеликими величинами, только выражающими помещичью эксплуатацию разными способами — в первом случае в деньгах, во втором — в рабочих днях. Тогда 140 номинальных барщинных дней реально означали 73 рабочих дня в год. В целом по 44 губерниям — по сведениям самих помещиков! — среднее число барщинных дней с тягла равнялось 140 дням в год, средний годовой оброк — 26 руб. сер., а плата за один рабочий день — 0,30 руб. сер. Следовательно, реальная цена оброка равнялась 87 рабочим дням (26/0,30) на тягло или 44 дня на одного взрослого работника мужского и женского пола. Это на 17 дней, или на 20% больше, чем установили Редакционные комиссии за высший надел, что естественно: наделы уменьшены, соответственно и компенсация за них в виде отработочных дней и оброков — тоже. Например, отрезка земли у крестьян в Черноземном центре составляла 16,3%, а в Северо-Западном районе — 27,7%, средний платеж на душу мужского пола сократился соответственно на 12,8% и 24,1%[158].

Таким образом, накануне отмены крепостного права реальная цена повинностей, возлагавшихся на владельческих крестьян в пользу помещиков, была эквивалентна 87 полным рабочим дням с тягла в год или на одного взрослого работника — 44 дням, поглощая примерно 12% общего годового бюджета времени (44/365) или 17% от годового бюджета рабочего времени (44/264), т. е. за вычетом воскресений и всех праздников. Следует признать: норма помещичьей эксплуатации взрослых работников (мужчин 18–59 и женщин 16–54 лет, иногда 16–49) являлась умеренной. А все лица женского пола младше 16 и мужского пола младше 18 лет, а также трудоспособные мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет от помещичьих повинностей полностью освобождались. Между тем в крестьянской семье все трудоспособные лица, начиная с детей в возрасте 5–6 лет, либо помогали по дому, либо работали в хозяйстве.

Помещичьи крестьяне платили еще государственные налоги и несли натуральные государственные повинности. Какова их реальная величина? По офици-

альным сведениям, в 1849 г. в среднем по 44 губерниям Европейской России все денежные платежи (включая земские повинности) помещичьих крестьян в пользу государства достигали 1,47 руб. сер. на душу мужского пола, натуральные повинности без рекрутской (постойная, подводная и дорожная) в переводе на деньги — 62 коп. сер.[159], рекрутская повинность — примерно 1,43 руб. сер. в год (табл. 6.20). Все — денежные и натуральные — государственные повинности равнялись 3,52 руб. сер. на душу мужского населения, в переводе на рабочее время — 12 рабочих дней в год на тягло (3,52/0,30) или 6 дней на одного взрослого работника мужского и женского пола. Значит, на покрытие государственных повинностей уходило всего около 1,6% от общего годового бюджета времени (6/365) или 2,3% (6/264) от годового бюджета рабочего времени взрослого работника. Норму государственной эксплуатации, если налоги считать государственной эксплуатацией, следует также признать умеренной.

Все платежи владельческих крестьян в пользу помещика и государства (с учетом рекрутской повинности) составляли 29,52 (26,0 + 3,52) руб. сер. с тягла, и они эквивалентны округленно 99 рабочим дням в год на двух взрослых работников мужского и женского пола (29,52:0,30) или 50 дням на одного взрослого работника — 14% общего годового бюджета времени или 19% от годового бюджета рабочего времени.

Положение государственных крестьян было намного предпочтительнее, чем помещичьих[160]. В 1849 г. в среднем по 44 губерниям они платили оброчную подать (эквивалент оброка у помещичьих крестьян) казне — 3,56 руб. сер., обременены подушной податью и государственными натуральными повинностями наравне с помещичьими крестьянами на сумму в 3,52 руб. сер. на душу мужского пола[161]. Общая величина всех платежей составит 7,08 руб. на тягло в год, что эквивалентно 24 рабочим дням на тягло (7,08/0,30) или 12 дням на взрослого работника, требуя лишь 3,2% общего годового бюджета времени (12/365) или 4,5% от годового бюджета рабочего времени (12/264).

Удельные крестьяне по своему положению приближались к государственным крестьянам, и все расчеты, сделанные для последних, можно распространить и на них.

В западноевропейских странах государственные налоги были тяжелее, и их покрытие требовало больше рабочего времени, чем в России. В 1830–1850-е гг., по мнению А. Гастгаузена, «ни в одной стране нет такого малого прямого налога»[162]. Сделанные расчеты, конечно, лишь приближенно характеризуют положение крестьян. Они имеют два главных недостатка: (1) оплата рабочего дня женщин принята такой же, как у мужчин, хотя на практике женский труд оплачивался на 30–50% ниже, чем мужской, так как мужчина выполнял более тяжелые работы и часто работал с лошадью; (2) не учтен труд детей, молодежи и стариков, принимавших активное участие в крестьянском хозяйстве. Первый недостаток преуменьшал тяжесть налогов и повинностей в рабочих днях, падавших на тягло, на 15–25% (за счет завышенной оценки стоимости работы женщин), в то время как второй недостаток расчета — ее преувеличивал на 50–100% (по расчету Б.Г. Литвака, учет всех рабочих сил хозяйства понижал тяжесть налогов и повинностей на одного работника в 1,5–2 раза[163]). Отсюда следует: мой расчет, во всяком случае, не приукрасил положение крестьян, и нет оснований думать, что в первой половине XIX в. они были переобременены рентой и налогами.

6.2 д. Доходы, налоги и повинности в 1861–1913 гг.

Переплатили ли бывшие помещичьи крестьяне за землю?

Вплоть до настоящего времени широко распространено мнение, согласно которому отмена крепостного права произошла на невыгодных для крестьян условиях. Серьезный вклад в развитие идеи о грабительском характере крестьянской реформы внесли народники, а также либералы, социал-демократы и даже правые (по разным, правда, мотивам). Социальные ученые в своем большинстве искренне поддерживали своими трудами революционных демократов и народников. В советской историографии эта точка зрения стала аксиоматической, поскольку она удовлетворяла идеологическую потребность доказать закономерность и неизбежность революции[164]. На самом деле жизнь крестьян улучшалась, и этому способствовали три принципиальных фактора: получение в результате крестьянской реформы достаточных наделов, умеренный выкуп за полученную землю и уменьшение налогового бремени в пореформенное время.

По расчетам А.А. Кауфмана и Л.В. Ходского, около 28% от общего числа крестьян (в большинстве помещичьи) получили недостаточное количество земли, а 72% имели наделы, достаточные для удовлетворения их базисных потребностей[165]. Средний размер надельной земли на мужскую душу равнялся у бывших помещичьих крестьян 3,4 дес., у удельных — 4,9, у государственных — 5,7 дес.; отрезка земли составляла у первых около 18%, у вторых –1,7%, а последние сохранили всю землю[166]. По крайней мере, 640 тыс. крестьян, так называемых дарственников, добровольно согласились получить ¼ высшего надела для соответствующей местности (в среднем около десятины) без выкупа, поскольку это полностью освобождало их от уплаты выкупных платежей[167]. Если бы они приобрели землю на общих основаниях, то крестьяне в целом получили бы от помещиков почти на 2 млн десятин больше, и отрезка уменьшилась бы до 12–13%. Да и отрезка, вероятно, далеко не всегда являлась принудительной для крестьян. Американский историк А. Уайлдмен на основе анализа 22 выкупных сделок в Саратовской губернии в 1861–1863 гг. обнаружил удивительный факт: в большинстве случаев крестьяне сами просили сократить надел, охотно соглашаясь на этот шаг по двум причинам. Во-первых, отрезка вела к почти пропорциональному уменьшению выкупной суммы. Во-вторых, крестьяне очень боялись именно денежной повинности, хорошо зная, как трудно им добывать деньги. Недоимка по выкупу, опасались они, может привести к самому страшному для них — утрате земельного надела. Крестьяне, доказывает Уайлдмен, очень искусно торговались с помещиками и государством о параметрах выкупной сделки и добивались выгодных — в их понимании! — условий[168]. Кстати, именно поэтому в пореформенное время недоимка по выкупным платежам была незначительна, а по прямому налогу — велика.

В ходе крестьянской реформы исчезли очень большие и очень маленькие наделы и произошло массовое их выравнивание вокруг максимального надела, исчисленного для конкретной местности и указанного в Положении 19 февраля[169]; большинство крестьян получили наделы, обеспечивавшие их стабильное существование, благодаря чему они и остались в деревне. В результате создались условия для развития самообеспечивающегося крестьянского семейного хозяйства, хорошо описанного в трудах А.В. Чаянова и его школы, которое постепенно, особенно после Столыпинской реформы, эволюционировало в семейную ферму.

Выкупали землю крестьяне отнюдь не по грабительским ценам, как часто пишут историки. Удельные крестьяне (3,93% всего крестьянства)[170] получили почти всю землю, находившуюся в их пользовании (в ходе реформы их наделы уменьшились лишь на 1,7%), в собственность в обязательном порядке; в выкуп обращены платившиеся ими ранее поземельные платежи. Государственные крестьяне (48,86%) получили все земли, находившиеся в их пользовании, в бессрочное владение тоже в обязательном порядке; в выкуп обращены платившиеся ранее поземельные платежи, изменяемые через 20 лет. Условия освобождения помещичьих крестьян (47,21%) менее благоприятны, хотя и не настолько, как часто изображается в историографии[171]. Принято считать, основываясь на известной работе А.Е. Лосицкого: по выкупным платежам крестьяне заплатили в среднем за десятину 26,87 руб. при ее рыночной цене в среднем по России за 1854–1858 гг. в 16,86 руб. и за 1863–1872 гг. — в 20,08 руб. (здесь и далее — цены земли в сельской местности)[172], следовательно, на 59% или на 34% больше (в зависимости от того, какие цены брать для сравнения), чем она в действительности стоила (табл. 6.27).

Таблица 6.27

Рыночные и выкупные цены надельной земли по разным оценкам

Губернии	Площадь надельной земли, тыс. дес.	Рыночная цена надельной земли в млн руб. по ценам		Установленная выкупная цена надельной земли в млн руб. на 1.01.1863	Цена десятины в руб. по ценам			Выкупная цена десятины		
		1854–1858 гг.	1863–1872 гг.		1854–1858 гг.	1863–1872 гг. Лосицкий	1863–1872 гг. Хок	Фактически, руб.	1863–1872 гг. =100 Лосицкий	1863–1872 гг. =100 Хок
Нечерноземные	12 286	155	180	342	12,62	14,65	38,51	27,84	190	72
Черноземные	9 841	219	284	342	22,25	28,86	48,96	34,75	120	71
Западные	10 141	170	184	183	16,76	18,14	36,74	18,05	99	49
Итого	32 268	544	648	867	16,86	20,08	31,77	26,87	134	85

Источник: Лосицкий А.Е. Выкупная операция. СПб., 1906. С. 16, Приложение, Табл. 1; *Hoch St.L.* Did Russia's Emancipated Serfs. P. 262.

Ст. Хок подверг сомнению эти расчеты. По его мнению, средняя рыночная цена десятины земли, исчисленная Лосицким, оказалась заниженной по двум причинам. Во-первых, она относилась ко всем земельным сделкам, а среди них преобладали продажи участков земли площадью более 500 десятин, стоившие в 3,8 раза дешевле, чем участки менее 25 десятин,— более ухоженные, плодородные и расположенные в удобных местах. Во-вторых, цены земли заимствовались из нотариальных актов, где цены, во избежание 4% налога со сделки, существенно занижались. По мнению Хока, в расчет следует взять те цены, по которым крестьяне приобрели землю на вольном рынке в 1863–1872 гг. Эта земля, купленная ими, как правило, в индивидуальном порядке и в частную собственность, состояла на 60–73% из участков менее 25 десятин и на 27–40% из участков в 25–500 десятин; участки же более 500 десятин не приобретались. Если среднюю

рыночную цену десятины определить по этой структуре покупок, то она будет стоить не 20,87 руб., как высчитал Лосицкий, а 31,77 руб. В таком случае выкупленная крестьянами к 1906 г. земля стоила 1070 млн руб., а они заплатили за нее 867 млн руб., т. е. на 19% меньше ее рыночной стоимости в момент начала выкупной операции, в 1860-е гг. [173]

Расчеты Лосицкого преуменьшают выгоды помещиков[174], но и с расчетами Хока трудно полностью согласиться. Он не принял во внимание, что надельные земли выкупались крестьянами не единолично, а целыми общинами или селениями, поэтому не мелкими, а средними участками. Средняя величина выкупаемой земли на одну общину составляла 231 десятину (198 десятин в нечерноземных и 296 десятин в черноземных губерниях)[175], и тогда средняя рыночная цена десятины в участках размером от 190 до 300 десятин, купленных крестьянами в 1862–1873 гг., составит 21,45 руб. и будет не только ниже принятой Хоком (31,77 руб.), но и меньше выкупной (26,87 руб.) на 25%.

Однако до 1907 г. закон запрещал продажу и покупку надельной земли на вольном рынке, и она *не имела рыночной цены*. А если бы надельную землю разрешалось покупать и продавать, то она стоила бы меньше, чем частновладельческая, находившаяся в обороте в 1863–1872 гг., по двум причинам: крестьянский надел по причине чересполосицы был раздроблен на несколько мелких участков; земледелец был связан круговой ответственностью в платежах и обязательным севооборотом с однообщинниками. Когда в 1907–1910 гг. разрешили рыночный оборот надельной земли, ее десятина стоила дешево — 64 руб., в то время как земля, принадлежавшая мещанам,— 113 руб., купцам — 118 руб. и дворянам — 121 руб.[176] Таким образом, если брать цены 1854–1858 гг. или 1863–1872 гг., крестьяне за надельную землю переплатили.

Второй принципиальный момент в расчетах выгодности выкупной сделки — на какую дату брать рыночные цены земли, ибо выкупная оценка надельной земли, установленная к 1863 г., до отмены выкупа в 1906 г. не изменялась[177]. В 1883 г., как раз посередине периода, на который растянулся выкуп, для 8,1 млн бывших помещичьих крестьян правительство уменьшило платежи на 27%. В связи с этим в 39 губерниях Европейской России, где они проживали, чиновники определили цену принадлежавших им 23 млн десятин надельной земли двумя способами: (а) по выкупной оценке (капитализирование выкупного платежа из 6% годовых) и (б) по оценке банков (земельно-кредитных учреждений), принявших в расчет рыночные цены 1879 г. [178] В 20 губерниях (в большинстве нечерноземных и в малонаселенных) выкупная оценка была выше банковской, а в 19 черноземных губерниях — ниже. В целом по 39 губерниям выкупная цена равнялась 29,84 руб. за десятину, а банковская — 34,81 руб. на 4,97 руб., или на 16,6% выше[179] (табл. 6.28). По этому расчету крестьяне уже к 1879 г. выиграли от выкупной операции, так как заплатили меньше, чем стоила надельная земля на рынке по ценам 1879 г.: на 16,6% меньше до понижения и на 48% после понижения на 27% годового оклада выкупных платежей с 1883 г.

Аналогичный расчет на 1907 г. показывает: крестьяне заплатили за надельную землю в 2,4 раза меньше, чем она стоила в 1907–1910 гг., принимая выкупную стоимость десятины надельной земли за 26,87 руб., а рыночную цену надельной земли в 1907–1910 гг.,— за 64 руб.[180] Правда, вместе с ростом земельных цен повышались цены на все товары; и реальный выигрыш или проигрыш крестьян от

выкупной операции зависел от того, насколько выросли цены на землю, на сельскохозяйственные и на промышленные товары. Кроме того, оптимальная оценка успешности выкупной операции будет сделана в том случае, если учитывать те цены, по которым крестьяне реально выкупали землю. К сожалению, такой информацией о земельных ценах мы не располагаем. Но известно: с 1854–1858 гг. по 1903–1905 гг. земельные цены выросли в 7,33 раза[181], общий индекс цен — в 1,26 раза, цены на сельскохозяйственные продукты — в 1,38 раза, а на промышленные товары понизились на 28%[182]. Поскольку земельные цены существенно обгоняли цены на все другие товары, хлебные цены обгоняли промышленные, действительный выигрыш от выкупной операции к 1906 г. был больше, чем показывают приведенные расчеты.

Таблица 6.28

Выкупная и банковская цена земли, годовой оклад выкупных платежей у бывших помещичьих крестьян и оброчная подать с десятины надельной земли у бывших государственных крестьян в 1881–1883 гг.

Губерния	Население	Надельная земля, дес.	Цены на землю, руб. за десятину			Годовой оклад выкупных платежей бывших помещичьих крестьян, коп. за десятину		Оброчная подать бывших государственных крестьян, коп. за десятину		
			Выкупная	Банковская	Разница	до понижения	после понижения	Минимум	Максимум	Средняя
Астраханская	6 984	51 232	10,00	4,13	5,87	60	42	—	—	—
Витебская	16 156	55 869	19,59	15,46	4,13	117	94	—	—	—
Владимирская	336 545	1 109 131	30,50	33,21	–2,71	183	145	45	136	91
Вологодская	112 645	484 566	22,00	18,81	3,19	132	102	27	85	56
Воронежская	220 063	464 154	37,67	67,30	–29,63	226	177	54	117	86
Вятская	19 996	51 558	28,50	20,06	8,44	171	113	50	84	67
Донская	155 538	319 273	30,33	34,06	–3,73	182	134	—	—	—
Екатеринославская	133 036	293 729	31,00	36,76	–5,76	186	153	47	57	52
Казанская	78 554	217 318	30,67	38,50	–7,83	184	139	59	97	78
Калужская	324 904	944 800	32,50	26,91	5,59	195	134	56	147	102
Костромская	300 828	1 255 739	23,83	14,01	9,82	143	100	46	126	86
Курская	335 539	612 785	42,50	84,66	–42,16	255	200	59	140	100
Могилевская	107 295	370 521	20,83	13,01	7,82	125	97	—	—	—
Московская	293 624	802 264	41,17	39,47	1,70	247	156	71	173	122
Нижегородская	354 103	1 043 182	31,33	25,84	5,49	188	139	52	140	96
Новгородская	214 992	983 769	20,50	6,70	13,80	123	71	30	84	57
Олонецкая	5 479	33 712	12,83	6,00	6,83	77	6	—	—	13
Оренбургская	11 384	49 359	16,83	4,85	11,98	101	83	21	28	25
Орловская	400 028	925 977	36,17	67,18	–31,01	217	171	61	134	98
Пензенская	253 148	580 285	35,00	46,73	–11,73	210	166	73	137	105

Таблица 6.28 (окончание)

Губерния	Население	Надельная земля, дес.	Цены на землю, руб. за десятину			Годовой оклад выкупных платежей бывших помещичьих крестьян, коп. за десятину		Оброчная подать бывших государственных крестьян, коп. за десятину		
			Выкупная	Банковская	Разница	до понижения	после понижения	Минимум	Максимум	Средняя
Пермская	188 359	1 071 134	11,83	4,61	7,22	71	50	34	72	53
Полтавская	368 807	478 562	36,57	47,43	–10,86	214	176	55	129	92
Псковская	215 793	813 141	21,83	16,66	5,17	131	81	26	100	63
Рязанская	437 687	948 271	38,50	75,02	–36,52	231	171	59	154	107
Самарская	65 451	230 800	23,67	16,45	7,22	142	116	25	61	43
С.-Петербургская	153 550	603 354	26,17	16,68	9,49	157	87	44	172	108
Саратовская	231 050	693 066	27,83	37,33	–9,50	167	137	45	87	66
Симбирская	188 367	480 846	33,83	37,80	–3,97	203	166	63	180	122
Смоленская	377 003	1 300 088	26,83	27,33	–0,50	161	94	47	89	68
Ставропольская	2 302	19 651	16,33	10,70	5,63	113	85	—	—	—
Таврическая	16 112	63 090	18,83	22,64	–3,81	89	80	30	60	45
Тамбовская	389 286	795 306	37,00	72,36	–35,36	222	173	56	125	91
Тверская	869 121	1 311 522	27,50	18,59	8,91	165	107	52	143	98
Тульская	421 431	928 418	40,50	75,59	–35,09	243	198	60	153	107
Уфимская	53 209	161 966	24,50	11,29	13,21	147	114	31	73	52
Харьковская	236 616	436 685	36,83	45,83	–9,00	221	176	78	121	100
Херсонская	161 020	391 419	29,17	32,56	–3,39	175	146	39	63	51
Черниговская	310 514	721 931	26,50	27,52	–1,02	159	104	51	126	89
Ярославская	242 466	869 115	32,50	24,74	7,76	195	158	50	172	111
В среднем			29,84*	34,81*	–4,97*	179*	131*	48	114	81

Примечание: * Средняя по России взвешена на величине надельной земли в губерниях.

Источник: Подсчитано по: Статистический временник Российской империи. Серия 3. Вып. 5. СПб., 1885. С. 1–128.

Кроме выкупных платежей (867 млн руб.), крестьяне заплатили еще 703 млн руб. процентов, вследствие чего десятина надельной земли обошлась им в 48,5 руб.. Однако и в этом случае они в конечном итоге выиграли, заплатив за десятину надельной земли в 1,3 раза меньше, чем она стоила в 1907–1910 гг. (48,5 против 64 руб.). При этом в течение 45 лет, 1861–1906 гг., надельная земля кормила, поила и одевала крестьян, и в начале XX в. она превратилась в огромный капитал в буржуазном смысле, способный при надлежащем его использовании обеспечить благополучие земледельцев.

Таким образом, наше представление о выгодности выкупной операции зависит от того, какие земельные цены учитывать и за какие годы. Выкупная оценка надельной земли в 1860–1870-е гг. в большинстве случаев была выше ее потенциальной стоимости на рынке, но с 1880-х гг., особенно после понижения на 27%

выкупной суммы,— стала ниже. Выгоды для крестьян от выкупной операции со временем увеличивались вместе со стремительным повышением земельных цен, обогнавших за 1861–1910 г. общий индекс цен в 5,8 раза. Вследствие инфляции (общий индекс цен с 1858–1863 по 1905–1909 гг. повысился в 1,33 раза) тяжесть выкупных платежей постепенно снижалась, а реальная ценность надельной земли возрастала. В конечном итоге бывшие помещичьи (и тем более другие категории крестьян) выиграли от выкупной операции, несмотря на завышение стоимости надельной земли и платеж 6% годовых за полученный от государства ипотечный кредит (вместо обычных 4% на земельные ссуды).

Уменьшение налогового бремени в пореформенное время

Важнейшим фактором повышения жизненного уровня крестьян и рабочих служила налоговая политика правительства. Прямые налоги с зарплаты не платились, а обремененность налогами крестьянства падала, так как в пореформенное время в налоговой политике произошло три важных перемены.

Во-первых, к платежу прямых налогов правительство привлекло социальные группы, прежде от них освобожденные: дворян и чиновников, казаков и некоторые национальные меньшинства. В то время как в дореформенное время прямые налоги платили только крестьяне и мещане (подушную подать), а купцы — гильдейские пошлины[183].

Во-вторых, с 1860-х гг. российская налоговая система стала переходить с подушного принципа на подоходный, в результате чего *тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения*. По расчету, сделанному в Министерстве финансов в 1859 г., «высшие классы», или неподатные сословия, обеспечивали поступление в казну 17% доходов (главным образом за счет косвенных налогов), а «низшие классы», или податные сословия — 76%. Монетная, горная и другие регалии, а также государственное имущество приносили 7% государственных доходов. В 1887 г., по расчету известного финансиста Н.П. Яснопольского, эти источники доходов соотносились как 38:55:7 (для сравнения: в Великобритании это соотношение составляло 52:40:8, во Франции — 49:30:21, в Пруссии — 30:29:41). Из общей суммы собственно налогов (без регалий) на высшие классы в 1859 г. приходилось 18%, на низшие — 82%, а в 1887 г. соответственно — 41% и 59%. Другими словами, тяжесть налогов для высших классов увеличилась почти в 2,3 раза[184]. Эта тенденция в дальнейшем усиливалась.

В-третьих, в налоговой системе значение косвенного обложения повышалось. Благодаря этому податное бремя еще более сместилось с крестьянства на относительно зажиточные городские слои, так как косвенные налоги ложились главным образом на горожанина[185]. Спички, нефть, табак, сахар и даже водка потреблялись в большей степени в городе. Например, питейный доход с сельского населения в 1901 г. дал в государственный бюджет 143,9 млн руб.[186] из 476,3 млн руб. общего питейного дохода этого года[187], т. е. 30,2%; в 1912 г. соответственно — 256,3 млн руб.[188] из 953 млн руб.[189], т. е. 26,9%. В целом в 1912 г. на душу крестьяне платили в 8,7 раз меньше косвенных налогов, чем горожане (табл. 6.39). Вопреки распространенному представлению[190], норма обложения косвенными налогами крестьян в пореформенное время существенно понизилась.

Отсюда, конечно, не следует, что деревня платила налогов меньше, чем город. Для ответа на вопрос, чье налоговое бремя тяжелее, необходимо знать платеже-

способность горожан и селян, а также и остаток средств после уплаты налогов. Скорее всего, для состоятельных горожан, только и плативших прямые налоги (с заработной платы они не взимались), они являлись менее обременительными, ибо их доходы в абсолютном значении были намного выше, чем у крестьян. Этот вопрос требует специального изучения. Однако смещение податного бремени с бедных на зажиточные слои и повышение значения косвенного обложения имело два следствия: на покрытие прямых налогов в пореформенный период крестьяне стали расходовать меньше, а на поддержание биостатуса — больше. Проверим эти гипотезы, сравнив тяжесть прямых налогов в канун отмены крепостного права и в конце XIX — начале XX в. Соответствующие данные для 1850-х гг. приведены выше, а для пореформенного времени воспользуемся обобщением опубликованных бюджетных обследований последней четверти XIX в. Сводка включает сведения о 70 хозяйствах крестьян-кустарей и о 1717 хозяйствах крестьян-земледельцев (в них всего проживало 14 244 человек обоего пола) и охватывает 13 губерний Европейской России[191]. Натуральная часть бюджета (на нее приходилось в доходной части 45%, а в расходной — 46%) выражена в деньгах по соответствующим ценам (табл. 6.29 и 6.30).

Таблица 6.29

Доходы на одно хозяйство по результатам бюджетных обследований в 1877–1900 гг. в 13 губерниях Европейской России

Губерния	Годы	Число хозяйств	Число душ	Тип хозяйства	Доходы, руб.				
					земледелие	скотоводство	промыслы	прочие	всего
Новгородская	1879–1880	5	29	кустари	66	24	165		255
Вятская	1880–1883	17	157	кустари	317	60	301	5	683
Пермская	1880	18	110	кустари	58	24	248		330
Нижегородская	1877–1880	14	101	кустари	99	–	197	7	303
Саратовская	1883	1	5	земледельцы	318	40	–	–	358
Воронежская	1885–1890	263	2 147	земледельцы	263	115	114	107	599
	1880	1	6	кустари	43	–	270	–	313
Тульская	1881	6	52	земледельцы	251	17	202	–	470
	1879–1882	5	44	кустари	149	22	550	–	721
Владимирская	1880	2	11	кустари	99		118	–	217
Ярославская	1879	2	13	кустари	148	3	245	–	396
Тверская	1894	1	5	земледельцы	117	17	29	–	163
	1879–1894	4	33	кустари	150	16	133	–	299
Калужская	1896	1313	10 670	земледельцы	240	76	77	5,1	398,1
	1879	2	13	кустари	102	7	191	–	300
Херсонская	1880–1900	126	823	земледельцы	366	15	48	–	429
	1880	1	7	кустари	–	–	–	–	–
Кубанская	1901	7	54	земледельцы	372	130	65	21	588

Таблица 6.29 (окончание)

Губерния	Годы	Число хозяйств	Число душ	Тип хозяйства	Доходы, руб.				
					земледелие	скотоводство	промыслы	прочие	всего
В среднем на хозяйство				земледельцы	253,3	77,5	80,9	20,4	432,2
				кустари	146,2	25,2	254,6	2,6	428,9
				все	249,1	75,4	87,7	19,7	431,9
В среднем на душу населения				земледельцы	31,6	9,7	10,1	2,5	53,9
				кустари	21,0	3,6	36,5	0,4	61,5
				все	31,3	9,5	11,0	2,5	54,3

Источники: Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 35–39; Ч. 3. С. 14, 39–41, 132–134.

Таблица 6.30

Расходы на одно хозяйство по результатам бюджетных обследований в 1877–1900 гг. в 13 губерниях Европейской России

Губерния	Тип хозяйства	Расходы, руб.							Баланс
		пища	одежда	жилище	хозяйство	повинности	прочие	всего	
Новгородская	кустари	113	80	12	42	14	10	271	–16
Вятская	кустари	344	77	18	145	21	13	618	65
Пермская	кустари	236	39	24	9	12		320	10
Нижегородская	кустари	184	38	12	16	46	0,4	296,4	6,6
Саратовская	земледельцы	182	8	13	125	30		358	0
Воронежская	земледельцы	169	49	32	205	26	34	515	84
	кустари	172	80	3	11	19	5	290	23
Тульская	земледельцы	254	94	10	53	41	19	471	–1
	кустари	320	99	26	74	23	96	638	83
Владимирская	кустари	163	34	1		33		231	–14
Ярославская	кустари	244	60	22	30	41	3	400	–4
Тверская	земледельцы	47	19	1	63	30	3	163	0
	кустари	162	26	2	80	23	2,2	295	3,8
Калужская	земледельцы	175	28	23	160	25	5,2	416	–18,1
	кустари	192	73	16	3	17	0	301	1
Херсонская	земледельцы	172	111	12	153	16	16	480	–51
	кустари	233	110	30	37			410	
Кубанская	земледельцы	234	60	14	211	11	57	587	1
В среднем на хозяйство	земледельцы	174,3	37,7	23,5	166,1	24,5	10,7	436,6	–4,4
	кустари	244,1	58,1	17,4	55,2	24,2	11,1	410,1	18,5
	все	177,0	38,5	23,2	161,8	24,5	10,7	435,7	–3,8
В среднем на душу населения	земледельцы	21,8	4,7	2,9	20,7	3,1	1,3	54,5	–0,6
	кустари	35,0	8,3	2,5	7,9	3,5	1,6	58,8	2,7
	все	22,2	4,8	2,9	20,3	3,1	1,3	54,7	–0,4

Источники: см. в табл. 6.29.

Бюджетные данные по 13 губерниям следует признать репрезентативными: в 1901 г. средний доход от сельского хозяйства по 50 губерниям Европейской России равнялся 30,3 руб. на душу[192], а в нашей выборке — 31,3 руб. или лишь на 3% больше, от промыслов — соответственно 12 руб.[193] и 11 руб. или на 9% больше. Теперь сравним, как изменилось соотношение доходов и платежей к концу XIX в. (табл. 6.31).

Таблица 6.31

Тяжесть прямых налогов для крестьянства Европейской России в 1850-е и 1877–1900 гг. (доходы и повинности на душу населения в руб. золотом)

1850-е гг.				1877–1901 гг.			
Крестьяне	Доход, руб.	Повинности		Крестьяне	Доход, руб.	Повинности	
		руб.	в% к доходу			руб.	в% к доходу
Казенные и удельные, 8 губерний	23,22	2,60	11,2	Земледельцы, 7 губерний	53,93	3,12	5,8
Помещичьи, 4 губернии	21,41	6,58	30,7	Кустари, 11 губерний	61,55	3,44	5,6
В среднем для 12 губерний	22,62	3,93	17,4	В среднем для всех хозяйств	54,20	3,01	5,6

Источники: Подсчитано по данным табл. 6.22, 6.26, 6.29, 6.30.

В 1850-е гг. у удельных крестьян нечерноземных (Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской, Тверской и Ярославской) и двух черноземных губерний (Орловской и Рязанской) налоги и повинности (без косвенных налогов) поглощали 11,2% дохода, а у помещичьих крестьян (Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний) — 30,7%, в среднем для всех — 17,4% доходов[194], в то время как в конце XIX в. у всех крестьян в целом — лишь 5,8% доходов. Даже у бывших казенных и удельных крестьян с низкой нормой обложения бремя повинностей к концу XIX в. понизилось почти в 2 раза. Однако после крестьянской реформы у бывших государственных и удельных крестьян повинности в абсолютном значении увеличились (с 2,60 до 3,07 руб.), а уменьшение их тяжести (относительно доходов) произошло за счет повышения доходов, в том числе вследствие роста хлебных цен. У бывших помещичьих крестьян платежи сократились не только абсолютно (с 6,58 до 3,07 руб.), но и относительно доходов, главным образом благодаря отмене владельческих повинностей и замене их более легкими государственными платежами. В ходе Великих реформ все категории крестьян унифицировались в правовом и фискальном отношениях, при этом максимально выиграли именно помещичьи крестьяне, как наиболее угнетенные до реформ.

Налоги и платежи уменьшались дважды: в 1860-е гг., при переходе на выкуп, и в 1882 г., вследствие понижения выкупных платежей. В ходе реформы наделы помещичьих крестьян сократились примерно на 18% и платежи на душу — немногим меньше на столько же, так как они устанавливались в соответствии с величиной надела. До перехода на выкуп крестьяне отрабатывали барщину или платили оброк; оба вида повинностей понизились, особенно существенно барщина, но, конечно, не в 3–5 раз, как полагал, например, Б.Г. Литвак[195]. С 1 июля 1882 г. выкупные платежи уменьшились на 27%, соответственно их годовой оклад на двор —

с 15,31 до 11,22 руб. или на 4,09 руб.[196] В крестьянских бюджетах после 1881 г. на хозяйство приходилось 24,5 руб. всех платежей в год, значит, до понижения выкупа — 28,59 руб. В таком случае после перехода на выкуп и до 1881 г. все прямые налоги и повинности поглощали примерно 6,6% общего дохода крестьянского хозяйства, а после 1881 г. — 5,7%. Таким образом, хотя сокращение выкупных платежей оказалось в абсолютном значении довольно значительным, не оно стало главной причиной падения тяжести налогообложения, а переход на выкуп.

При всей ориентировочности сделанных расчетов очевидно: в пореформенное время норма обложения крестьян прямыми налогами и повинностями (без косвенных налогов и пошлин) уменьшилась. Однако понизилось и общее бремя обязательных платежей у крестьянства. В 1850-е гг. в расчете на душу прямые налоги и повинности поглощали 20,5% доходов крестьянства, косвенные налоги — 15,8%, пошлины — 2,3%[197], все платежи — 38,6%. В 1900–1901 г. прямые и косвенные налоги, а также все платежи (включая выкупные и арендные за вненадельную землю) равнялись 8,71 руб., доход от сельского хозяйства в год — 30,35 руб.[198], от промыслов — 8,28 руб.[199], общий доход — 38,63 руб. на душу в год[200]. На покрытие всех налогов и платежей в 1901 г. уходило 22,5% доходов — на 16,1% меньше, чем накануне эмансипации. Согласно А.М. Анфимову, за 1901–1912 гг. бремя налогов и платежей относительно доходов крестьян только от сельского хозяйства понизилось еще на 5% — с 28,68% до 23,70%. Однако в своем расчете тяжести налогов и платежей автор, исходя из своих исследовательских задач, учитывал не только налоги, но и платежи крестьян, не носившие налоговый характер, например, страховые и платежи в частные банки, арендную плату и т.п. Кроме того, он не принял во внимание промысловые доходы крестьян. Если учесть только налоговые платежи и промысловые доходы, то налоговая нагрузка составит от 8,19% по сведениям крестьянских бюджетов до 12,86% по официальным всероссийским данным — не более 10,5% от всего дохода крестьянского хозяйства, как полагает А.Л. Вайнштейн. Понижение бремени налогов стало возможным благодаря росту доходности сельского хозяйства: с 1900 по 1912 г. с 30,35 до 42,96 руб. на душу. При этом остаток чистого дохода, за вычетом налогов и платежей, на душу сельского населения возрос на 51% — с 21,65 до 32,78 руб.[201]

Таким образом, налоговый пресс на крестьянство в пореформенное время уменьшился, а чистый остаток после оплаты налогов возрос. Комиссия по исследованию благосостояния крестьян констатировала в 1903 г.: «Нельзя не остановить внимания на сравнительной незначительности расхода на повинности, тяжестью коих часто объясняется неблагоприятное положение крестьянского хозяйства. Обозрение бюджетов приводит, напротив, к заключению, что повинности в крестьянском бюджете играют роль далеко не преимущественную и что центр тяжести расходного бюджета лежит на издержках на пищу и хозяйство»[202].

В расчетах тяжести налогообложения крестьянства, сделанных как в дореволюционной, так и в советской историографии, допускалось три натяжки: (1) не в полной мере учитывались доходы крестьян (из-за невозможности полного учета), (2) выкупные платежи за землю принимались за налог, (3) все пошлины (канцелярские, судебные, гербовые и т.д.) и акцизные сборы с цены товаров приравнивались к прямым налогам без учета их факультативности.

В начале XX в. земледелие давало крестьянам менее половины дохода, промыслы по разным оценкам — 22–28%[203], доходы от скотоводства, огородничества,

пчеловодства, рыболовства, собирательства, общинной собственности по бюджетным данным — 22% (табл. 6.29). Учесть дополнительные доходы практически невозможно: крестьяне их скрывали, в то время как величина повинностей являлась величиной официальной и, как правило, всем известной и потому соответствовала действительности.

Выкупные платежи за полученную крестьянами землю в результате реформы 1860-х гг. не могут считаться налогом, так как шли на покрытие кредита, полученного крестьянами от государства, за купленную землю. Как ни оценивать справедливость выкупа, его нельзя считать налогом ни по существу, ни по форме. Это все равно, что в настоящее время принимать за налог платеж за купленную в кредит землю или квартиру. При переводе на выкуп крестьяне, согласившиеся на четверть полного надела, получали ее бесплатно (таковых насчитывалось около 640 тыс.). Выкупные платежи стали обязательными с 1881 г. Несмотря на это, крестьяне могли в любое время отказаться от выкупных платежей при условии отказа от надельной земли. На долю выкупных платежей в налоговых поступлениях в бюджет в 1885–1905 гг. приходилось от 8 до 16%[204].

Косвенные налоги, в отличие от прямых, носят факультативный характер. Конечно, керосин, ситец, чай, сахар стали в начале XX в. предметами первой необходимости, и без них было не обойтись. А как быть с водкой и табаком, дававшими 62,1% всех косвенных налогов?! Многие пошлины (почтовые, телеграфные, судебные и др.) представляли собой плату за определенные действия и услуги со стороны государственных органов — их некорректно относить к налогам. Их следует вычесть из общей суммы всех пошлин, а это немалые деньги — 8,6% от общей суммы прямых и косвенных налогов в 1855 г. и 11% в 1913 г. [205]

Все указанные натяжки приводят к преувеличению тяжести налогов в России, которые, несмотря на это, по мировым стандартам нельзя признать чрезмерно тяжелыми (табл. 6.32).

Таблица 6.32

Налоговое бремя в процентах к национальному доходу в 11 странах в 1913–1914 гг.

Страны	Тяжесть налогового бремени
Япония	18,2
Австрия	16,9
Франция	13,8
Канада	13,0
Германия	11,8
Великобритания	11,4
Италия	10,8
Австралия	10,4
Россия	9,5
США	6,5
Индия	4,4

Источники: Микеладзе П.В. Тяжесть обложения в иностранных государствах в 1913 и 1925–26 гг. // Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах: (Очерки по теории и методологии вопроса). М., 1928. С. 150–152. Национальный доход по данным: *Грегори П.* Экономический рост. С. 237.

Согласно П.В. Микеладзе, в России бремя налогов в 1913–1914 гг. было весьма умеренным, находилось на более низком уровне, чем в большинстве развитых стран. В литературе фигурируют разные данные об уровне обложения, что обусловлено прежде всего различными оценками национального дохода. Например, по расчету А.Л. Вайнштейна, норма обложения для России в 1913 г. равнялась 13,5% — явно завышенная цифра, вызванная занижением чистого национального дохода на душу (83,3 руб.)[206]. Микеладзе принял национальный доход за 101,4 руб. — это ближе к наиболее точной оценке П. Грегори — 118,5 руб.[207] Если за основу взять расчеты Грегори, то норма обложения в России понизится до 9,5%, и тогда лишь в США и Индии она будет ниже. То же наблюдалось и в дореформенное время.

6.2 е. Недоимки

Часто наличие недоимок рассматривается исследователями в качестве аргумента тяжелого положения податного населения. Однако это — ненадежный критерий. Недоимки являлись обязательным спутником крестьянской и мещанской жизни XVIII — начала XX в.[208] по простой причине: крестьяне и мещане не торопились платить подати даже тогда, когда они располагали средствами для этого. Во-первых, казенные недоимки регулярно прощались верховной властью в XVIII — первой половине XIX в. То же продолжалось и в пореформенное время: за 1862–1906 гг. только крестьянам их было прощено на 58,5 млн руб., или 3,8% от общей суммы выплат крестьян за эти годы[209]. Почти всегда новый монарх при вступлении на престол полностью или в значительной степени прощал накопившиеся долги, о чем население прекрасно знало. «Накопившиеся недоимки во многих губерниях составляют очень крупные суммы,— указывал А. Гакстгаузен, имея в виду 1830–1840-е гг. — Будут ли когда-либо собраны эти недоимки, достигающие по всей стране многих сотен миллионов рублей? Конечно, нет»[210].

Во-вторых, наличие недоимок препятствовало повышению налогов и повинностей, так как всегда выдвигалось налогоплательщиками как доказательство напряженности их средств и, самое важное, принималось властями во внимание. В 1809 г. Департамент уделов решил повысить оброк с удельных крестьян, надеясь на их добровольное согласие, поскольку они находились в существенно лучшем положении сравнительно с казенными крестьянами (последним только что увеличили оброки), не говоря уже о помещичьих. Однако земледельцы не стали добровольно повышать оброки, мотивируя отказ наличием недоимок. Пришлось это делать принудительно, принимая во внимание недоимочность: у селений со значительными долгами сохранялись старые оклады, а для не имевших недоимок — устанавливались новые, повышенные. Со временем удельная администрация повысила оброки у всех, но недоимщики получили отсрочку[211]. Подобный взгляд на соотношение повинностей и недоимок разделяли все категории крестьян и их патроны. Не имея других надежных критериев для оценки благосостояния, управители и владельцы при повышении окладов учитывали недоимки. Конечно, всегда имелись несостоятельные крестьяне, но также всегда под личиной неплатежеспособных скрывалось много лиц, способных вовремя платить налоги и повинности. Вообще, по свидетельству осведомленных современников, и крестьянин, и рабочий предпочитали прибедняться, а не выставлять напоказ свое благополучие[212]. Эта тактика

использовалась в течение всего периода империи и даже в советское время и приносила свои плоды. Вспомним, например, петицию, подготовленную для представления Николаю II 9 января 1905 г. Просители представляют себя в ней беспомощными, убогими, обездоленными, несчастными. Они сироты, как в челобитных XVII–XVIII вв., соответственно они обращаются к государю на ты. Альтернатива удовлетворению их просьб — голодная смерть. Но сироты предъявили императору совершенно неожиданные для людей, находящихся на краю гибели, политические требования: созвать Учредительное собрание путем всеобщего тайного голосования, немедленно объявить демократические свободы, учредить ответственное перед народом правительство и т.п. и даже отделить церковь от государства[213].

На 1849 г. имеется ценная информация о налогах, повинностях и недоимках казенных, помещичьих крестьян и мещан по 44 губерниям Европейской России (табл. 6.33).

Таблица 6.33

Платежи и недоимки казенных, помещичьих крестьян и мещан в 1849 г. (в коп. сер. на мужскую душу)

Губернии	Натуральные повинности*	Казенные крестьяне			Помещичьи крестьяне			Мещане		
		Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу	Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу	Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу
Архангельская	81	456	0	0,0	244	3	1,2	297	6	2,0
Астраханская	35	349	0	0,0	174	4	2,3	240	0	0,0
Виленская	56	259	34	13,1	292	16	5,5	303	51	16,8
Витебская	22	212	76	35,8	220	53	24,1	268	118	44,0
Владимирская	44	477	0	0,0	192	3	1,6	280	2	0,7
Вологодская	37	421	0	0,0	168	0	0,0	259	0	0,0
Волынская	25	203	28	13,8	195	4	2,1	262	97	37,0
Воронежская	41	447	14	3,1	178	4	2,2	267	18	6,7
Вятская	42	452	0	0,0	165	0	0,0	256	0	0,0
Гродненская	69	252	11	4,4	273	6	2,2	268	73	27,2
Екатеринославская	66	441	26	5,9	206	12	5,8	255	5	2,0
Казанская	23	445	11	2,5	159	0	0,0	268	1	0,4
Калужская	80	481	67	13,9	210	3	1,4	262	37	14,1
Киевская	41	246	6	2,4	235	0	0,0	267	16	6,0
Ковенская	108	329	52	15,8	343	28	8,2	315	79	25,1
Костромская	49	464	0	0,0	188	2	1,1	270	8	3,0
Курляндская	124	263	3	1,1	312	6	1,9	271	41	15,1
Курская	26	443	0	0,0	168	3	1,8	268	13	4,9
Минская	36	221	34	15,4	239	6	2,5	278	29	10,4
Могилевская	39	190	40	21,1	229	46	20,1	266	119	44,7
Московская	186	617	1	0,2	355	0	0,0	298	0	0,0
Нижегородская	111	516	0	0,0	252	3	1,2	274	4	1,5

Таблица 6.33 (окончание)

Губернии	Натуральные повинности*	Казенные крестьяне			Помещичьи крестьяне			Мещане		
		Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу	Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу	Оклад**	Недоимки	Недоимки в % к окладу
Новгородская	322	688	3	0,4	468	8	1,7	275	13	4,7
Олонецкая	41	417	0	0,0	200	0	0,0	291	0	0,0
Оренбургская	33	421	0	0,0	168	2	1,2	262	5	1,9
Орловская	34	442	21	4,8	162	2	1,2	259	27	10,4
Пензенская	37	459	30	6,5	164	2	1,2	257	13	5,1
Пермская	95	486	2	0,4	227	0	0,0	265	4	1,5
Подольская	29	189	0	0,0	212	0	0,0	253	33	13,0
Полтавская	22	271	0	0,0	203	17	8,4	255	4	1,6
Псковская	115	496	73	14,7	270	26	9,6	285	24	8,4
Рязанская	43	435	54	12,4	168	4	2,4	256	38	14,8
С.-Петербургская	410	892	17	1,9	614	9	1,5	330	25	7,6
Саратовская	37	452	12	2,7	164	4	2,4	260	4	1,5
Симбирская	–	–	–	–	129	0	0,0	260	4	1,5
Смоленская	41	422	54	12,8	169	17	10,1	259	28	10,8
Таврическая	127	349	3	0,9	271	5	1,8	173	3	1,7
Тамбовская	30	442	66	14,9	158	15	9,5	259	12	4,6
Тверская	95	510	6	1,2	227	2	0,9	264	5	1,9
Тульская	21	434	97	22,4	159	6	3,8	268	31	11,6
Харьковская	50	492	50	10,2	224	18	8,0	263	0	0,0
Херсонская	157	560	27	4,8	312	22	7,1	263	0	0,0
Черниговская	59	334	2	0,6	257	0	0,0	267	9	3,4
Ярославская	56	462	0	0,0	198	0	0,0	275	2	0,7

Примечания: * Натуральные повинности одинаковы для всех категорий крестьян; переведены в денежную форму.

** Денежные и натуральные повинности.

Источник: РГИА, ф. 869 (Милютины), оп. 1, д. 789. Таблицы к Статистическому атласу, составленному в Министерстве внутренних дел. 1850 г. Л. 22–27. В Симбирской губернии казенные крестьяне не проживали; в Лифляндской и Эстляндской существовала особая система налогов, по Бессарабской губернии отсутствуют сведения.

Как показывает корреляционный анализ, зависимости между величиной платежей и недоимочностью (отношением недоимок к сумме платежей) нет. Для помещичьих крестьян и мещан коэффициенты корреляции невелики и статистически незначимы (соответственно 0,01 и 0,12); для казенных крестьян коэффициент получился статистически значимым, но незначительным по величине и отрицательным: –0,34. Это свидетельствует о парадоксальной обратной связи между недоимками и платежами: недоимка в тех губерниях меньше, где налоги и повинности выше.

В пореформенное время недоимки также росли быстро и систематически: в 1875 г. только казенные недоимки достигли 29,1 млн руб. или 22% к среднему годо-

вому окладу, в 1880 г. — соответственно 48,3 млн руб. и 36%, в 1900 г. — 118,7 млн руб. и 119%[214]. Эти цифры использовались экономистами, публицистами и чиновниками как доказательство «надорванной платежеспособности», обеднения и кризиса деревни[215]. Есть, однако, странности в распределении недоимок между различными категориями крестьянства и в аккуратности уплаты разных платежей. К началу XX в. больше всего недоимок накопилось у бывших удельных крестьян — 152% от оклада, затем у бывших государственных — 143% от оклада, наконец, у бывших помещичьих — 96% оклада[216], т. е. недоимка у последних была в 1,5 раза меньше, хотя они освобождались от крепостного права на самых тяжелых, сравнительно с другими категориями крестьянства условиях. Бывшие помещичьи крестьяне до снижения выкупных платежей на 27% в 1883 г. платили за десятину надельной земли в 2,85 раза больше, чем бывшие государственные крестьяне, а с 1883 г. — в 2,1 раза (табл. 6.28). Вторая несообразность: крестьяне довольно исправно платили выкупные платежи: средние ежегодные недоимки по выкупным платежам за землю в последние 20 лет их существования, с 1885–1889 по 1900–1904 гг., уменьшились даже у бывших помещичьих крестьян с 2,5 млн до 1,3 млн[217] — в 1,9 раза. Получается: с одной стороны, исправнее всего платили подати самые необеспеченные и хуже всего — наиболее состоятельные категории крестьянства, с другой — для выкупа земли находились деньги, а для уплаты налогов — нет.

Понижение выкупных платежей в 1883 г. произошло под влиянием недоимок, накопившихся на 22,2 млн руб. — 81,5% от оклада 1882 г., равного 27,2 млн руб.[218] Правительство пыталось бороться с неуплатой разными, в том числе жесткими мерами, но безуспешно. Отдача крестьян в заработки оказалась слишком обременительной для коронной администрации. Продажа имущества разоряла хозяйства. Крестьяне заявляли о непосильности выкупных платежей, отказывались платить налоги. Публицисты, экономисты и чиновники также почти в один голос говорили о несоответствии повинностей надельной земле, о пауперизации деревни и предлагали снижение налогов[219]. Но это не соответствовало действительности. Как мы видели, доходы крестьян увеличивались, а налоговое бремя снижалось, следовательно, жизнь улучшалась. Это подтверждается и антропометрическими данными: средний рост у взрослых мужчин, рожденных в 1876–1880 гг., был на 3 см выше, чем у рожденных в 1861–1865 гг. (табл. 6.1). Тем не менее, крестьяне убедили образованное общество и правительство в том, что их положение невыносимо, и добились понижения платежей.

Приведенные факты показывают: недоимочность вряд ли можно считать надежным показателем благосостояния[220]. Недоимки — это своеобразная защита, оружие, эффективно использовавшееся крестьянами (как, впрочем, и другими податными категориями населения) в борьбе против увеличения налогов и повинностей. Случай с недоимками служит отличной иллюстрацией того, как крестьяне использовали власть и интеллигенцию в своих интересах: через интеллигенцию пытались влиять на власть, а действия властей использовали, чтобы влиять на интеллигенцию. Таким способом они добивались от властей уступок, а от интеллигенции — постоянного внимания к своим чаяниям, потребностям и нуждам.

6.2ж. Смещение центра населенности на Юг

Повышению уровня жизни в XIX в. способствовало расширение территории страны и обеспечение безопасности ее южных и западных границ в XVIII в.,

во что были вложены огромные средства и людские ресурсы. Утверждение на берегах Черного моря укрепило южные границы и покончило с набегами крымских татар, которые захватывали в плен тысячи русских и продавали их в рабство в Стамбуле[221]. Екатерина II жаловалась Вольтеру: татары «ежегодно заносили в Россию чуму и голод, истребляли и забирали в плен по 20 000 человек в год»[222].

Безопасные границы создали благоприятные возможности для хозяйственной колонизации плодородного Юга. Вплоть до середины XVI в. вся южная плодородная черноземная половина Русской равнины представляла собой безлюдную степь — «дикое поле»; крайне слабо были заселены Заволжье и Сибирь, где русские практически не проживали. По необходимости они сосредоточивались на Севере и в нечерноземной части Русской равнины, так как Казанское, Астраханское и Крымское ханства парализовали колонизационное движение на Юг и Восток. С середины XVI в., после победы над Казанским и Астраханским ханствами, начались миграция из районов старого заселения в Черноземный центр, Камский край, Поволжье и Приуралье. Но в XVI–XVII вв. переселения в Черноземье и Поволжье случались еще редко, и только с 1780-х гг., после присоединения Крыма, благодаря безопасности южных рубежей России миграция в Новороссию, Нижнее Поволжье и Приуралье стала массовой. Именно она обеспечила постепенное перемещение центра русской населенности с Севера на Юг. В целом за 1678–1915 гг. 60,6% всех мигрантов поселились в Новороссии, Поволжье, Приуралье, Черноземном центре и на Северном Кавказе; 39,4% — в Сибири, преимущественно в южных, плодородных ее частях. Табл. 6.34 дает представление о количестве переселенцев по различным направлениям миграций.

Таблица 6.34

Численность переселенцев по районам вселения в 1678–1915 гг. (в тыс. чел.)

Район поселения	1678–1740 гг.	1740–1782 гг.	1782–1858 гг.	1870–1896 гг.	1897–1915 гг.	1678–1915 гг.
Черноземный центр	260	370	–	–	–	630
Сибирь	90	–	517	926	3 520	5 053
Новороссия	–	135	1 510	1 045	333	3 023
Поволжье и Приуралье	–	270	968	358	80	1 676
Северный Кавказ	–	–	565	1 687	296	2 448
Итого	350	775	3 560	4 016	4 229	12 930

Источники: Брук С.И., Кабузан В.М. Миграция населения в России в XVIII — начале XX века // История СССР. 1984. № 4. С. 41–59.

Общее число переселенцев за 237 лет, 1678–1915 гг., определяется в 12,8 млн человек, в том числе за 180 лет, 1678–1858 гг.,— 4,7 млн и за 57 лет, 1858–1915 гг.,— 8,2 млн. В среднем в год мигрировали в 1678–1858 гг. 26 тыс. человек, в 1858–1915 гг. — 144 тыс. человек. До начала XVIII в. ⅔ россиян проживало в северной и лесной зонах, в течение XVIII в. вследствие переселений с Севера на Юг бóльшая часть населения стала проживать в более благоприятных для земледелия лесостепной и степной зонах, а к 1914 г. там сосредоточилось почти ⅔ жителей Европейской России[223]. Перемещение центра хозяйственной

деятельности на Юг чрезвычайно способствовало увеличению экономического потенциала страны, главным источником которого являлось сельское хозяйство (табл. 6.35 и 6.36).

Таблица 6.35

Распределение губерний и населения Европейской России по природным зонам в 1719, 1795, 1856 и 1914 гг.

Зона и губерния	Площадь, тыс. кв. км.	Население обоего пола, тыс. чел.			
		1719 г.	1795 г.	1856 г.	1914 г.
Северная	1 942,3	1 898,3	3 612,1	6 599,9	12 518,5
Архангельская	844,5	151,0	181,8	263,6	483,5
Вологодская	402,1	410,2	585,2	929,6	1 751,6
Вятская	153,7	283,0	927,5	2 051,9	3 996,7
Костромская	84,0	629,4	814,6	1 056,6	1 822,6
Олонецкая	127,8	152,5	197,5	285,9	456,6
Пермская	330,2	272,3	905,5	2 012,3	4 007,5
Лесная	922,9	5 883,7	13 068,3	18 044,0	37 735,4
Виленская	41,9		999,4	840,4	2 075,9
Витебская	44,0		733,8	748,5	1 953,1
Владимирская	48,7	898,8	920,9	1 221,7	2 027,0
Гродненская	38,6		645,4	827,2	2 048,2
Калужская	30,9	502,4	767,6	1 006,7	1 476,6
Ковенская	40,2			982,6	1 857,1
Курляндская	27,0		414,1	537,9	798,3
Лифляндская	45,5	555,9*	541,6	863,0	1 744,0
Минская	91,2		870,7	983,1	3 035,8
Могилевская	48,0		788,9	873,9	2 465,6
Московская	33,3	770,3	962,2	1 580,4	3 591,3
Нижегородская	51,3	592,5	846,5	1 216,1	2 066,8
Новгородская	118,5	—	626,2	812,5	1 671,5
Псковская	43,2	253,3	627,9	697,0	1 425,1
С.-Петербургская	44,6	702,0**	390,2	1 080,4	3 136,5
Смоленская	56,0	444,8	955,8	1 084,5	2 163,6
Тверская	64,7	495,7	994,4	1 466,2	2 394,1
Эстляндская	19,7	—	215,2	293,6	507,2
Ярославская	35,5	668,0	767,6	928,4	1 297,7
Лесостепная	1 007,6	6 490,7	15 924,2	25 979,7	54 964,9
Волынская	71,7		1 136,9	1 498,4	4 189,0
Воронежская	65,9	236,1	896,5	1 840,1	3 630,9
Казанская	63,7	663,1	829,0	1 482,1	2 867,0
Киевская	51,0		1 177,6	1 805,0	4 792,5
Курская	46,5	724,6	1 186,4	1 836,9	3 256,6
Орловская	46,7	706,5	1 001,7	1 445,9	2 761,7
Пензенская	38,8	404,6	694,9	1 136,0	1 911,6

Таблица 6.35 (окончание)

Зона и губерния	Площадь, тыс. кв. км.	Население обоего пола, тыс. чел.			
		1719 г.	1795 г.	1856 г.	1914 г.
Подольская	42,0		1 160,8	1 730,5	4 057,3
Полтавская	49,9	1 406,4***	1 345,6	1 753,1	3 792,1
Рязанская	41,9	505,2	904,7	1 394,1	2 773,9
Самарская	151,0	–	–	1 479,1	3 800,8
Саратовская	84,5	11,0****	762,8****	1 622,1	3 099,2
Симбирская	49,5	469,8	840,9	1 118,6	2 067,8
Тамбовская	66,6	468,6	1 039,2	1 808,2	3 530,0
Тульская	31,0	481,8	899,1	1 125,5	1 886,2
Харьковская	54,5	412,9	989,7	1 502,1	3 416,8
Черниговская	52,4	—	1 058,3	1 401,9	3 131,5
Южная степная	1 175,0	385,9	2 328,0	7 777,5	28 106,0
Астраханская	235,8	93,5	229,0	414,5	1 315,9
Бессарабская	44,4			990,3	2 657,3
Донская	164,5	58,0	298,5	871,1	3 876,0
Екатеринославская	63,4	17,3	486,8	1 039,6	3 455,5
Кубанская	94,9			0,0	2 984,5
Оренбургская	189,7	217,0*****	760,6*****	1 919,6*****	2 170,8
Ставропольская	54,3			604,1	1 329,0
Таврическая	60,4		259,3	659,5	2 059,3
Терская	72,9				1 261,2
Уфимская	122,0	–	–	–	3 099,2
Херсонская	70,8		293,8	1 083,9	3 744,6
Черноморская	1,8			194,9	152,7

Примечания: * Вместе с Эстляндской и Выборгской губ.
** Вместе с Новгородской губ.
***Вместе с Черниговской губ.
**** Вместе с Самарской губ.
***** Вместе с Уфимской губ.
Источники: Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 56–58; *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 152; *Кабузан В.М.* (1) Изменения в размещении населения. С. 107–115; (2) Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. С. 159–165; Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год. СПб., 1858. С. 201–207; Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. С. 1–62; *Цветков М.А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М., 1957. С. 111–115.

Колонизация в южном направлении увеличивала не только общий земельный фонд, но и степень его использования, так как по мере передвижения границы на юг доля земли, пригодной для земледелия и скотоводства, возрастала. В Северной зоне доля пашни и лугов даже в 1914 г. составляла всего 9%, в то время как в Лесной зоне уже в 1696 г. — 25,6, в Лесостепной — 54,8 и Южной степной — 41,1%. В XVIII–XIX вв. площадь пашни и лугов возрастала главным образом за счет освоенных территорий Лесостепной и Степной зон. Благодаря экспансии и колонизации *процент окультуренной земли* с 1696 по 1887 г. повысился почти в 2 раза — с 24,4 до 45,9% (табл. 6.37).

Таблица 6.36

Площадь природных зон Европейской России и распределение населения между ними в 1678, 1719, 1795, 1856 и 1914 гг.

Зона	Площадь, в %					Население, в %				
	1678 г.	1719 г.	1795 г.	1856 г.	1914 г.	1678 г.	1719 г.	1795 г.	1856 г.	1914 г.
Северная	46,4	43,9	41,8	39,8	38,5	12,8	13,0	10,3	11,3	9,4
Лесная	12,1	14,7	19,8	18,9	18,3	57,0	40,1	37,4	31,0	28,3
Лесостепная	20,9	19,8	21,6	20,7	20,0	27,9	44,3	45,6	44,7	41,2
Южная степная	20,6	21,6	16,8	20,6	23,3	2,3	2,6	6,7	13,0	21,1
Россия	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источники: см. примечания к табл. 6.35.

Таблица 6.37

Структура угодий Европейской России по природным зонам в 1696, 1796 и 1887 гг. (в %)

Зона	Пашня			Луга, пастбища			Лес			Неудобные земли		
	1696 г.	1796 г.	1887 г.	1696 г.	1796 г.	1887 г.	1696 г.	1796 г.	1887 г.	1696 г.	1796 г.	1887 г.
Северная	1,8	4,3	6,7	1,3	1,9	9,1	74,9	71,7	65,3	22,0	22,1	18,9
Лесная	21,7	28,2	27,4	3,9	8,0	22,2	60,3	47,3	36,8	14,1	16,5	13,6
Лесостепь	19,9	36,6	60,0	34,9	27,9	18,1	28,8	20,9	14,8	16,4	14,6	7,1
Степь	1,6	5,6	32,7	39,5	37,7	32,8	23,3	16,1	10,5	35,6	40,6	24,0
Россия	7,9	16,7	27,3	16,5	15,8	18,6	52,7	44,8	37,4	22,9	22,7	16,7

Источник: Цветков М.А. Изменение лесистости. С. 110–118.

К 1914 г. культурная площадь в Европейской России увеличилась, по разным расчетам, на 2,1–6%, и ее доля составила от 48% до 52%[224]. И хотя Россия попрежнему уступала по проценту *окультуренной* земли большинству стран Западной Европы, где он составлял в конце XIX в. около 60—70%, исключая Норвегию, Швецию и Финляндию[225], достижение даже 48% освоения земельного фонда Европейской России стало возможным главным образом вследствие освоения территории в благоприятных для земледелия регионах.

Но самое существенное состоит в том, что продвижение на Юг уменьшало издержки производства и повышало эффективность общественного труда (табл. 6.38).

На протяжении XVIII — начала XX в. эффективность труда в районах земледельческой колонизации была в 2–3,6 раза выше, чем на территориях старого заселения, где удобрения стали понемногу входить в практику еще в XVI в., а в течение XIX в. их применение там стало повсеместным, в то время как в регионах колонизации удобрения даже в начале XX в. не вошли прочно в сельскохозяйственную практику[226].

Таким образом, позитивный экономический эффект от смещения центра населения на Юг оказался огромным благодаря и более мягкому климату, и более высокому плодородию почвы, и экономии на одежде, жилище и питании. Можно сказать, страна сделала в XVIII в. колоссальные инвестиции в колонизацию и укрепление границ, и они сторицей вернулись в XIX в.

Таблица 6.38

Региональные различия в производительности труда в зерновом производстве без применения машин и удобрений в Европейской России XVIII–XX вв.

Показатели	Районы старого заселения						Районы колонизации			
	Север	Северо-Запад	Нечерн. центр	Белорусско-Литовский	Правобережная Украина	Левобережная Украина	Черн. центр	Поволжье	Северный Кавказ	Новороссия
Урожайность зерновых, ц/га, 1860-е гг.	6,1	5,6	5,9	4,8	5,6	4,5	6,3	4,9	5,2	3,6
Урожайность зерновых, ц/га, 1900–1910 гг.	7,6	7,0	7,0	6,9	11,0	8,3	8,2	6,7	8,7	7,5
Затраты труда на 100 га, чел.-дни*	4 920	3 590	3 030	3 020	2 800	2 800	2 309	1 645	1 580	1 430
Отношение затрат труда в регионе к минимальным по России	344	251	212	211	196	196	161	115	110	100
Отношение урожайности в 1860-е гг. к затратам труда**	0,124	0,156	0,195	0,159	0,200	0,161	0,273	0,298	0,329	0,252
Отношение региональной производительности труда к минимальной по России, 1860-е гг. (0,124=100)	100	126	157	128	161	130	220	240	265	203
То же, 1901–1910 гг.	100	127	149	148	255	192	230	262	357	333

Примечания: * По результатам исторических экспериментов.

** Производительность труда.

Источники: Естественноисторическое районирование СССР: Труды Комиссии по естественноисторическому районированию СССР / С.Г. Струмилин (ред.). М.; Л., 1947. Т. 1. С. 353; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 155–177; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. С. 8–62; Сельскохозяйственный промысел в России. Пг., 1914. С. 103.

6.2з. Социально-экономическая политика верховной власти

Помещичьи крестьяне

С конца XVIII в. правительство стало делать более решительные попытки по ограничению власти помещиков и возвращению крестьянам некоторых утраченных прав. Павел I в 1797 г. своим манифестом ограничил барщину тремя днями в неделю. В 1803 г. указ о вольных хлебопашцах разрешил помещикам отпускать на волю целые деревни по договору со своими крестьянами. В 1842 г. этот указ был дополнен так называемым законом об обязанных крестьянах, разрешавшим помещикам по согласованию с крестьянами передавать им в вечное пользование землю за установленные по обоюдному согласию повинности; при этом крестьяне получали личную свободу, но вся земля и вотчинная полиция оставались в руках помещиков.

Указы 1802, 1804, 1808, 1827, 1833 и 1841 гг. ограничили определенными условиями право помещиков продавать и дарить своих крепостных и ссылать в Сибирь. В 1847 г. помещичьи крестьяне получили право перейти в государственные крестьяне в том случае, если помещичье имение продавалось на аукционе за долги. Образованное в 1837 г. Министерство государственных имуществ (МГИ) к 1861 г. выкупило у помещиков 178 имений с переводом крестьян в разряд государственных[227].

Права частной собственности у крестьян в XVIII в. были ограничены, даже сравнительно с XVII в.: по закону они не имели права покупать и продавать землю, вступать в подряды и откупа, заниматься торговлей и промышленностью, не могли обязываться векселями, вступать в поручительства. Эти запрещения, правда, обходились (крестьяне совершали, например, гражданские сделки на имя подставных лиц), но все равно серьезно сдерживали развитие прав собственности. Государственные крестьяне сравнительно с помещичьими крестьянами имели одно серьезное преимущество: сохранили право собственности на движимое имущество. Однако с конца XVIII в. и в этой сфере происходили изменения. Указы 1798, 1799 и 1812 гг. возвратили всем категориям крестьян право заниматься торговой деятельностью, указы 1818 и 1824 гг. — также и промышленной деятельностью. В 1827 г. крестьянам разрешили иметь собственные дома в городах, кроме столиц, а в 1848 г. и в столицах. В 1801 г. казенные крестьяне и вольноотпущенники получили право покупать землю. В 1848 г., 47 лет спустя, и помещичьи крестьяне получили право покупать землю с согласия помещиков и на их имя[228].

Широко распространено в специальной литературе и учебниках мнение, что крестьянам по закону запрещалось подавать жалобы на помещиков[229]. На самом деле прямого запрещения не существовало. Крестьяне об этом знали и обращались во все инстанции вплоть до императора, причем, начиная с Александра I, коронные власти стали снисходительнее смотреть на жалобы и лучше на них реагировать[230]. Подача прошения рассматривалась крестьянами уже как выход из-под власти помещика: они прекращали ему подчиняться и платить повинности. В ответ на жалобу обычно создавалась комиссия, куда входили губернский и уездный предводители дворянства и несколько помещиков, пользующихся репутацией образцовых хозяев, иногда губернатор или назначенный им чиновник. Комиссия определяла тяжесть повинностей и качество управления имением, принимая за критерий средний размер повинностей и строгости *в конкретной местности*. В случае, если поместный уровень его превосходил, душевладельцу вменялось в обязанность его понизить; если помещик упорствовал, имение отбиралось в опеку[231].

Помещичий патернализм. В XVIII — первой половине XIX в. помещичий патернализм оставался важным элементом деревенской жизни[232]. Еще Уложение 1649 г. возложило обязанность заботиться о холопах, когда они попадали в тяжелую ситуацию, на их владельцев. В XVIII в. это правило распространилось на помещичьих крестьян[233]. С конца XVIII в. государство стало более активно вмешиваться в отношения между крепостными и их владельцами. В Свод законов 1832 г. и последующие его издания 1842 г. и 1857 г. вошли нормы, обязывающие помещика заботиться о продовольствии крестьян во время голода и помогать в несчастных случаях, удерживая их от нищенства. За каждого, уличенного в нищенстве, с владельца взыскивался большой штраф[234]. С 1761 г. по указанию правительства помещики на случай неурожая создали хлебные запасы[235], а с 1799 г. устроили хлебные запасные магазины и выдавали из них ссуды в годы неурожаев[236]. То же делалось в удельной и государственной деревне. Продовольственная помощь, оказываемая под эгидой государства всем категориям крестьян, регулировалась законом[237] и продолжалась в пореформенное время. Она смягчала последствия неурожаев, хотя по ограниченности ее размеров не могла их полностью устранить[238]. В дореформенное время помещичий патернализм приобретал новые формы: просвещение

(создание общих и сельскохозяйственных школ, борьба с пьянством) и разнообразная рационализаторская деятельность (внедрение травосеяния, новых видов удобрений и усовершенствованной земледельческой техники), оказывавшая влияние и на крестьянское хозяйство[239]. Известный деятель в области сельского хозяйства первой половины XIX в., П.М. Преображенский, считал помещиков-рационализаторов «двигателями» и «пробудителями» мертвых сил земли, внесшими существенный вклад в развитие народного благосостояния[240].

Вотчинная власть помещиков в XVIII в. слабо регулировалась законом. Известны немногочисленные случаи их привлечения к ответственности за дурное обращение со своими крестьянами. В XIX в. и в этом отношении произошли важные перемены. «Свод законов» 1832 г. урегулировал порядок наказания, а «Свод законов» 1845 г. четко определил компетенцию помещичьего суда и смягчил наказания крестьян. Несмотря на это, некоторые помещики все равно превышали свои права. Когда это происходило, коронная администрация, согласно указам 1817 и 1826 гг., привлекала их к суду или брала их имения в опеку. Имеющаяся информация, несмотря на ее неполноту, позволяет предположить: число душевладельцев, привлеченных к суду и осужденных за злоупотребление властью, было достаточно велико. Например, за 12 лет, в 1834–1845 гг. коронная администрация привлекла к суду 2838 человек, из них осуждено 630. В 1836, 1851–1853 гг. в среднем в каждом году в опеке находилось 212 имений. Интересно отметить, что преследование государством помещиков за злоупотребление властью и крестьян за неповиновение своим владельцам находилось примерно на одном уровне: за указанные правонарушения в 1834–1845 гг. по всей России было осуждено 0,13% крестьян и 0,13% помещиков от общего числа тех и других в стране[241].

Отмена крепостного права в помещичьей деревне. С момента обнародования Манифеста 1861 г. помещичьи крестьяне переставали рассматриваться как собственность помещиков — запрещалось их продавать, переселять и т.п., они приобрели ряд личных прав — свободу вступления в брак, самостоятельное заключение гражданских сделок и ведение судебных дел, беспрепятственное занятие промышленностью и торговлей, возможность отлучаться с места своего жи-

Нищие на привале. 1900-е гг. Фото

тельства, поступать в любые учебные заведения, переходить в другие состояния. По закону реализация провозглашенных личных прав ставилась в зависимость от решения общины, а для отдельного крестьянина, не являвшегося главой домохозяйства,— и от решения главы семьи. Крестьяне официально получили право самоуправления, которым фактически обладали до реформы.

Условия отмены крепостного права учитывали интересы не только помещиков, но и крестьян. Последние сразу переводились в разряд временнообязанных и получали личные права. Условия выкупа земли устанавливались уставной грамотой — добровольным соглашением с помещиками в соответствии с правилами, содержащимися в Положении 19 февраля 1861 г. При переводе на выкуп крестьяне получали от государства 75–80% выкупной ссуды, выплачиваемой помещику единовременно государством[242], которую они обязывались погасить в течение 49 лет по 6% ежегодно (так называемые выкупные платежи, как правило, были меньше прежних оброчных платежей, уплачиваемых помещику при крепостном праве). Остальные 20–25% выкупной ссуды крестьяне вносили единовременно[243], но только в случае достижения соглашения с помещиком. К 1881 г. на выкуп перешли 78% крестьян, в том числе только 35% добровольно. Следовательно, 65% (из перешедших на выкуп) заключили выкупную сделку по требованию помещиков, вследствие чего последние потеряли право на получение 20–25% выкупной ссуды от своих крестьян[244]. С 1883 г. все временнообязанные крестьяне переводились на обязательный выкуп; величина платежей понижена в среднем на 27% годового оклада; недоимки прощены, а подушная подать заменена поземельным налогом[245]. Кроме того, правительство, вопреки явному неудовольствию помещиков, отказалось от пересмотра величины выкупных платежей, предусматриваемого Положением 19 февраля[246].

Попечительство над удельными и казенными крестьянами

Условия жизни у удельных крестьян были предпочтительнее, чем у помещичьих. До конца XVIII в. на удельных крестьян их владельцы смотрели почти исключительно с точки зрения фискальных выгод, хотя изредка наблюдалось и попечительство (открытие школ, больниц и богаделен)[247]. После учреждения в 1797 г. специального Удельного ведомства масштабы помощи постепенно увеличивались. Принимались меры по совершенствованию налогообложения: выравниванию тяжести платежей в различных местностях, установлению соответствия между доходом и повинностями, с 1830 г. платежи с душ переложены на землю. Крестьяне обеспечивались землей и продовольствием в случае неурожая, создавались продовольственные запасы и вводились общественные запашки. Разнообразными средствами стимулировалось развитие сельского хозяйства. В 1797 г. образована Практическая школа земледелия, в 1833 г. — Земледельческое училище для обучения крестьянских детей. С 1839 г. создавались образцовые усадьбы для передачи передового опыта, выставки. С 1830-х гг. внедрялись посевы картофеля и травосеяние. Поощрялось распространение огородничества, садоводства, пчеловодства; крестьяне снабжались улучшенными породами скота и семенами высоких сортов растений. Удельная администрация поддерживала развитие крестьянских промыслов, обучала ремеслам, с 1840 г. стала открывать ремесленные училища[248], помогала найти работу нуждающимся, боролась с ростовщичеством путем создания сельских банков[249], заботилась о сбыте хлеба посредством созда-

ния торговых хлебных компаний, ввела страхование[250]. Не было забыто и здравоохранение: введено оспопрививание; удельные имения имели штатных врачей, ветеринаров, повивальных бабок, создавались временные и постоянные больницы[251]. Значительные усилия направлялись на повышение грамотности. Первые удельные школы появились в 1807 г., но из-за противодействия со стороны крестьян бóльшая их часть в скором времени закрылась. В 1828 г. удельное ведомство стало систематически открывать школы и поощрять создание частных, в результате к 1863 г. функционировало 376 удельных училищ с числом учащихся 11 394 и 1 185 частных школ с 26 370 учащимися, в числе которых была 9561 девочка[252]. Хотя попечительство не отличалось большим размахом, оно оказывало некоторое влияние на улучшение жизни удельных крестьян.

Положение *казенных крестьян* в течение XVIII в. в целом ухудшалось, хотя их права не подверглись таким ограничениям, как владельческих, а их администрация не приобрела таких широких прав в отношении суда, наказаний, ссылки и отдачи в рекруты, которыми располагали помещики. В глазах помещичьих крепостных, положение государственных крестьян было предпочтительнее, и они мечтали о переходе под юрисдикцию казны. Государственная деревня до конца XVIII в. для правительства являлась, прежде всего, источником финансовых средств. Ситуация изменилась после издания в 1797 г. указа о волостном правлении, предусматривавшего всестороннюю помощь крестьянам. Скажем об этом подробнее, ибо эта деятельность государства в советской историографии принижалась или вообще замалчивалась.

Именно с конца XVIII в. можно говорить о политике попечительства в отношении казенных крестьян, под которой имеются в виду меры по развитию сельского хозяйства и устройству запасных хлебных магазинов, по наделению землей и расселению малоземельных сел, меры против пожаров, наводнений, болезней, скотских падежей, нищенства, а также забота о сиротах и больных, агрономическая помощь, финансовые ссуды, открытие школ[253]. На новый уровень попечительство поднялось после реформы П.Д. Киселева в 1837–1839 гг. Она улучшила положение государственных крестьян в юридическом, хозяйственном, судебном, административном и культурном отношениях, расширила их права самоуправления. Крестьяне по закону приобрели право выбирать место жительства, состояние, род занятий, поступать в любое учебное заведение, подавать прошения даже на высочайшее имя, вступать в гражданские сделки[254]. МГИ в течение 1837–1866 гг. проделало огромную работу. Более 200 тыс. безземельных получили надел и денежное пособие, малоземельным прирезано 3,4 млн десятин земли из расчета 5,5 десятин на ревизскую душу, из густонаселенных губерний переселено около 262 тыс. крестьян[255], земельный фонд был равномерно перераспределен, проведен кадастр, повинности переложены с душ на землю и промыслы, нивелированы натуральные повинности в разных местностях, проведены важные агротехнические мероприятия. В Литве, Белоруссии и Правобережной Украине правительство ликвидировало барщину, запретило сдачу государственных имений в аренду частным лицам и осуществило перевод крестьян на денежный оброк, замененный впоследствии земельно-промысловым сбором[256].

МГИ проводило мелиоративные работы[257], занималось разведением картофеля, кукурузы, табака, сахарной свеклы, кормовых трав и других технических растений, поощряло развитие пчеловодства, шелководства, рыболовства, садо-

водства (посредством образцовых питомников)[258] и животноводства (посредством заведения племенных стад крупного рогатого скота, лошадей и овец)[259]. Оно принимало меры по благоустройству селений и обеспечению противопожарной безопасности[260]. Большую работу проделало министерство по изучению России в сельскохозяйственном отношении посредством сбора соответствующих материалов от губернаторов, корреспондентов и с помощью экспедиций. Много было сделано и по пропаганде агрономических знаний с помощью газет и журналов (важнейшие — «Земледельческая газета» с 1834 г. и «Журнал МГИ» с 1841 г), руководств и наставлений по сельскому хозяйству — за 1841–1863 гг. опубликовано около 100 названий, за 1864–1887 гг. — 60[261].

Большое внимание уделяло МГИ проблеме народного продовольствия. К 1834 г. в ведомстве государственных крестьян имелось 10 240 запасных хлебных магазинов, располагавших 6,3 млн четвертей хлеба (по 3,3 пуд. на душу); к 1866 г. хлебные запасы возросли до 16,3 млн четвертей (по 5,3 пуд. на душу)[262]. С 1834 г. начал функционировать фонд продовольственного капитала: в 1839–1842 гг. он оценивался в 6,1 млн руб., а в 1866 г. — 14,2 млн руб. — в среднем по 58 коп. на душу (средняя по России цена пуда ржи в 1866 г. равнялась 56 коп)[263].

В 1839 г. началось устройство кредитных учреждений — вспомогательных и сберегательных касс, выдававших ссуды крестьянам из 6% годовых, в том числе и под ручательство мирских сходов. В 1865 г. число касс в казенных селениях достигло 4631, их оборотный капитал — 12,3 млн руб.; размер выданных ссуд — 10,3 млн руб.[264]

В 1839 г. очередной порядок отправления рекрутской повинности у казенных крестьян администрация заменила жеребьевым: все мужчины в возрасте около 20 лет тянули жребий, который и определял, кто должен поступить на службу. Крестьяне, однажды вытянувшие счастливый жребий, навсегда освобождались от рекрутства и могли полностью собою располагать. Этим устранялась возможность произвола при назначении рекрутов, уменьшалось число случаев разлучения мужей с женами, и сама собой упразднялась несчастная группа солдаток[265].

В государственной деревне создана сеть школ, богаделен, врачебных и ветеринарных пунктов, агрономических ферм, выставок и образцовых хозяйств, упорядочено продовольственное дело[266]. В 1837 г. по всему ведомству государственных крестьян насчитывалось 60 школ с 1880 учащимися, а в 1865 г. — соответственно 7869 и 280 тыс. В 1844 г. в сельские училища стали допускаться девочки, и в 1865 г. их там обучалось 16 579, а в начальных школах грамоты — 28 151. Специально для мусульман открылись 904 школы, где обучалось 26 314 мальчиков и 12 052 девочек[267]. Поскольку число государственных крестьян за 1833–1866 гг. увеличилось в 1,3 раза (с 18,4 до 24,3 млн), то число учащихся на 1000 человек возросло в 90 раз. В 1844 г. вступило в строй первое писарское училище на 120 учащихся, к 1863 г. — еще 4, благодаря чему волостные правления стали обеспечиваться более грамотными кадрами[268].

Наряду с общим развивалось специальное сельскохозяйственное образование. МГИ создало сеть сельскохозяйственных учебных заведений — начальных, средних и высших. Полный курс в низших сельскохозяйственных школах в 1844–1853 гг. окончили 547 человек, в 1854–1869 гг. — 825, в 1870–1881 гг. — 1065. Этот вид заведений получил особенное развитие в 1880-е гг.: уже в 1887 г. их насчитывалось 18, где ежегодно обучалось 379 учащихся. Земледельческих училищ

с 4-летним курсом обучения, считавшимися средними учебными заведениями, насчитывалось в 1841 г. — 5, в 1848 г. — 8; в них обучалось от 688 до 858 учеников ежегодно. За 1852–1857 гг. их окончило 1064 человека[269]. Еще большее развитие сельскохозяйственное образование получило после эмансипации. В 1848 г. открылся Горыгорецкий земледельческий институт, дававший высшее образование,— к 1865 г. его окончили 569 человек (в 1866 г. он переведен в С.-Петербург). В 1857 г. учреждена Петровская земледельческая академия под Москвой[270].

МГИ уделяло большое внимание пропаганде передового сельскохозяйственного опыта. С этой целью создавались учебные фермы — рассадники рационального хозяйства среди крестьян. На них заводились плодопеременные системы полеводства, травосеяние, передовое огородничество и скотоводство, усовершенствованные орудия труда и пр. В 1843 г. устроены первые две сельскохозяйственные выставки, к 1862 г. их число увеличилось до 13, в 1887 г. — до 25. Всего за 1843–1887 гг. действовало 588 выставок в 54 губерниях. На них лишь в 1843–1853 гг. представили свои достижения более 12,8 тыс. человек, в том числе более 9,5 тыс. государственных крестьян[271].

При содействии МГИ получили развитие сельскохозяйственные общества. Их цель — довести до правительства сведения о нуждах сельского хозяйства. В 1830–1840-е гг. возникло около 20 обществ. После Великих реформ они стали расти, как грибы (к 1887 г. — 134)[272]. С 1848 г. стали проводиться местные сельскохозяйственные съезды; до 1866 г. их прошло 13, в 1871–1875 гг. — 97[273]. В 1823 г. открылся С.-Петербургский ботанический сад, в 1859 г. — Сельскохозяйственный музей[274].

Следует признать: многие мероприятия просветительского направления (выставки, общества, фермы и др.) не имели серьезного влияния в крепостное время, так как встречали мало интереса не только со стороны крестьян, но даже со стороны помещиков, обгоняя их потребности. «Министерство стояло далеко впереди своих современников»[275]. Более того, мероприятия, проводившиеся, естественно, за счет сборов с крестьян, встречали с их стороны сопротивление: даже на обучение своих детей они смотрели как «на стеснительную повинность, от которой всеми силами старались отделаться»[276]. После Великих реформ положение радикально изменилось.

Важное место в деятельности МГИ занимали охрана здоровья и общественное призрение. До 1837 г. во всех селениях государственных крестьян имелось лишь 5 больниц и 10 врачей, оспопрививание находилось в крайне неудовлетворительном состоянии. К 1866 г. в строй вошли 269 больниц, в которых работало 170 врачей, 1278 фельдшеров, 71 ученая повивальная бабка и 3726 обученных оспопрививателей с 490 помощниками (всего 5735 медработников). Кроме того, функционировало около 1200 сельских аптечек. В относительных показателях: одна больница приходилась на 90 тыс., 1 больничная койка на 4350 человек, один медработник — на 4,2 тыс. государственных крестьян[277]. Для сравнения: в 1910 г. в 34 земских губерниях насчитывалось 3802 земских врача, 2078 больниц (на 43,3 тыс. коек) — в среднем одна больница на 25 тыс. человек[278]. Значит, обеспеченность местами в больницах (если среднее число коек в больницах за 1866–1910 гг. не изменилось) увеличилась примерно в 3,6 раза. В СССР в 1989 г. одна больница приходилась на 12 тыс. человек, 1 больничная койка на 75 человек, а один медик со средним и высшим образованием (без фармацевтов) — на 62 че-

ловека, т. е. обеспеченность местами в больницах была в 58 раз, а медперсоналом — в 68 раз лучше, чем в 1866 г. [279] МГИ создавало богадельни для безродных крестьян (в 1866 г. в них призревалось 2734 человека) и приюты для сирот (в 1866 г. в них содержалось 4846 детей)[280].

В пореформенное время многогранная работа по попечительству над всеми крестьянами перешла в руки земств, справлявшихся с ней несравненно лучше[281]. Эта деятельность достаточно хорошо изучена, потому что в советской историографии земства считались прогрессивными организациями. Однако и до Великой реформы политика попечительства оказала заметное влияние на благосостояние государственных крестьян.

Освобождение удельных крестьян от частновладельческого и государственного крепостничества в основных чертах произошло в 1863 г., а казенных крестьян от государственного крепостничества — в 1866 г., причем на лучших условиях, чем помещичьих крестьян. Удельные крестьяне в 1863 г. сразу переведены на обязательный выкуп, сохранив в собственности все земли, бывшие в их пользовании. Они обязывались в течение 49 лет выполнять прежние платежи без пересмотра, а за выкупную операцию вносить ежегодно сумму, равную 6% от величины годового оклада. В 1866 г. казенные крестьяне получили в постоянное пользование все земли, бывшие в их пользовании, за оброчные подати, которые могли быть пересмотрены только через 20 лет. В 1887 г. земледельцы переводятся на обязательный выкуп, наделы переходят в их собственность. За это в течение 44 лет крестьяне должны уплачивать неизменные платежи — как минимум на 20% ниже, чем у бывших помещичьих крестьян, хотя у последних с 1883 г. выкупные платежи понизились на 27%[282].

Ввиду необходимости выплачивать выкупные платежи государству зависимость от него всех категорий крестьян в экономическом отношении сохранилась, однако со временем она ослабевала. В 1874 г. рекрутство заменяется всеобщей воинской повинностью, в 1895 г. вводятся в действие новые па-

Благотворительная раздача вещей. С.-Петербург. 1900-е гг. Фото

спортные правила, значительно облегчившие передвижение крестьянства; в два приема, в 1899 и 1903 гг., отменяется круговая порука, в 1907 г. ликвидируются выкупные платежи[283].

Деревня после крестьянской реформы

В пореформенное время экономическая политика становится более четкой, последовательной и эффективной[284]. Уменьшение налогового бремени, интенсивное железнодорожное строительство, изменение тарифной системы, поощрение экспорта, государственное регулирование хлебных цен и развитие промышленности, особенно в сельской местности — все эти меры способствовали повышению доходов крестьянства.

В предыдущих параграфах доказано: налоговое бремя крестьян в течение XIX — начала XX в. понижалось. Эта благоприятная для них тенденция явилась в значительной мере результатом правительственной политики, направленной на привлечение к уплате налогов привилегированных слоев и на более равномерное распределение повинностей между всеми социальными группами. Попытки распространить налоги на дворян начались в 1797 г. Павел I возложил на дворян добровольную обязанность содержать судебно-административные учреждения и строить казармы в губерниях за счет сборов с дворянских имений. Общую сумму издержек на местное управление разверстали между помещиками пропорционально числу принадлежавших им крепостных. Но в 1806 г. Александр I отменил сбор и переложил его на крестьян. В 1812 г. в связи с войной правительство ввело процентный сбор с доходов от недвижимости на все население, включая и дворянство. Помещики платили прогрессивный подоходный налог от 1% до 10% с добровольно объявленного дохода. В декабре 1819 г. сбор отменили. До XVIII в. дворяне, имевшие недвижимость в городах, а также и помещики в деревнях, по решению местного начальства, вносили деньги наряду со всеми другими сословиями на покрытие расходов на общественные, или земские, потребности: содержание дорог, почт и др. Этот фактически налог собирался без твердых правил. Однако в XVIII в. дворяне были от них освобождены. В 1805 г. земские сборы под названием земских повинностей правительство поставило на строго юридические основания и сначала распространило их на помещиков, проживавших в новороссийских губерниях, а в 1853 г. — на всех.

Налоговые реформы 1860-х гг. привели к тому, что введение любых новых налогов в стране стало касаться дворян в равной степени с другими сословиями. С 1863 г. дворяне стали платить новый государственный налог с городской недвижимости, с 1872 г. — государственные земские повинности (при этом доля налогов с помещиков составила около 35% от общей суммы налогов, в то время как доля всего дворянства в населении страны — лишь 1,3%). Как указывалось, с 1860-х гг. российская налоговая система стала переходить с подушного принципа на подоходный, ввиду чего тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои. В 1859 г. из общей суммы собственно налогов на высшие классы в приходилось 18%, на низшие — 82%, а в 1887 г. соответственно — 41% и 59%[285]. Эта тенденция в дальнейшем усиливалась[286]. По моим расчетам, на душу в 1912 гг. с крестьян взималось налогов и платежей примерно в 10,8 раза меньше, чем с горожан,— 6,17 руб. против 66,93 руб. (табл. 6.39).

Таблица 6.39

Налоги и сборы с крестьян и горожан в 50 губерниях Европейской России в 1912 г.

Налоги и сборы	Все население		Крестьяне		Горожане		Соотношение платежей горожан и крестьян
	%	Руб. на д.н.	%	Руб. на д.н.	%	Руб. на д.н.	
Прямые	100	1,31	86,8	1,33	13,2	7,28	5,5
в т.ч. казенные	100	0,12	86,8	0,116	13,2	2,88	24,7
в т.ч. земские и мирские	100	1,22	86,8	1,22	13,2	4,40	3,6
Обложение водки	100	5,16	86,8	2,27	13,2	22,91	10,1
Косвенные	100	2,02	86,8	0,97	13,2	8,47	8,7
Таможенные	100	2,05	86,8	0,97	13,2	8,66	8,9
Пошлины	100	1,25	86,8	0,24	13,2	7,41	30,9
Промысловый	100	1,02	86,8	0,38	13,2	4,93	13,0
Всего	100	12,80	86,8	6,17	13,2	66,93	10,8
Вненадельная аренда	100	2,35	86,8	3,53	13,2		
Итого	100	15,15	86,8	9,70	13,2	66,93	6,9

Источники: Подсчитано по: *Вайнштейн А.Л.* Избранные труды. Кн. 1. С. 83–86 (**платежи** крестьянства); Ежегодник России: 1912 г. СПб., 1913. Отд. I. С. 47, 50, 53, 55, 57, 59, 61 (**население**); Ежегодник Министерства финасов. Выпуск 1912 года. Пг., 1914. С. 62–63, 94–95, 112, 124–125, 128, 133, 143, 145 (**государственные налоги**); Доходы и расходы земств 40 губерний по сметам на 1912 год. СПб., 1914. С. XXIV, XXIX; Отчет о денежных оборотах городских касс за 1901 год. СПб., 1904. С. 64–65 (**местные городские налоги за 1901 г.**); Свод сведений о поступлении и взимании казенных и общественных окладных сборов за 1910–1912 гг. СПб., 1915. С. XXIII.

Табл. 6.39 содержит оценки величины налогов и сборов по отдельным статьям на душу *крестьян*, принадлежащие известному экономисту А.Л. Вайнштейну, а на душу всего населения — по моему расчету, в котором использовалась методика Вайнштейна. Опираясь на них, определены платежи горожан на душу и бремя налогов для крестьян и горожан. Сравнительно с горожанами, крестьяне платили прямых налогов (с учетом вненадельной аренды) в 5,5 раза меньше, косвенных (вместе с алкоголем) — в 9,7 раза меньше, по всем налогам и платежам, имевшим налоговый характер,— в 10,8 раза меньше. В отечественной историографии принято арендные платежи с крестьян относить к числу налогов, что, вообще говоря, неверно. Но даже если отнести аренду к налогам, все равно крестьяне на душу платили налогов в 6,9 раз меньше, чем горожане.

Вайнштейн разделил доход от продажи водки (обложение водки) между городом и деревней по месту ее продажи (из-за отсутствия сведений о ее потреблении горожанами и крестьянами). Однако в городах покупали в большом количестве алкоголь также и крестьяне, причем не только постоянно там живущие (45% всех горожан в 1897 г.)[287], но также отходники и те, кто приезжал на городские базары и ярмарки из деревень. Поэтому в действительности крестьяне-земледельцы, проживающие в деревне, потребляли больше алкоголя, чем следует из расчетов Вайнштейна, но все же никак не больше, чем горожане. Если принять, что крестьяне покупали водки на душу населения столько же, сколько горожане, то расходы на водку у тех и других будут 5,15 руб. на душу. Соответственно сумма налогов и сборов на душу населения составит у горожан — 41,9 руб., а у крестьян 12,6 руб. с надельной арендой и 9,1 руб. без аренды. Тогда сравнительно с горожа-

нами, крестьяне платили всех налогов (с учетом вненадельной аренды) в 3,3 раза меньше, а по всем налогам и платежам, имевшим налоговый характер,— в 4,6 раза меньше.

Появление железных дорог сначала повлекло за собой сокращение издержек провоза сельскохозяйственных товаров из мест производства в места потребления, а затем — выравнивание цен в портах и на внутренних рынках за счет повышения местных цен на продукты земледелия. Вследствие большого значения сельскохозяйственного вывоза местные цены продуктов формировались под решающим влиянием мировых и экспортных цен: местная цена равнялась экспортной цене за вычетом издержек провоза до ближайшего порта[288]. Повышение местных цен за счет снижения издержек по перевозке, без всяких усилий и затрат со стороны земледельцев привело к росту их доходов. При этом пострадали только хлебные спекулянты.

Благоприятный тренд повышения местных цен усиливала принципиально новая тарифная политика, введенная в 1889 г. Она основывалась на дифференциации ставок в зависимости от расстояния (с увеличением расстояния ставки уменьшались), от назначения хлеба для внутреннего или экспортного сбыта (поставки на экспорт и в крупные промышленные и торговые центры получали тарифные преимущества) и от направления движения хлебных грузов (одни направления перевозок поощрялись, другие блокировались)[289]. Давая привилегии периферийным, отдаленным районам с низкими хлебными ценами, новые тарифы способствовали вовлечению отдаленных губерний в мировой и внутренний рынок и выравниванию экспортных и местных цен за счет повышения последних, что также повышало доходы земледельцев внутренних, в особенности отдаленных от портов, губерний. Прежняя равномерная тарифная схема давала преимущества регионам, расположенным вблизи портов,— прибалтийским, польским, украинским, белорусским и причерноморским великороссийским губерниям. Специальным образом составленные экспортные тарифы поощряли развитие переработки зерна в более дорогую и пользующуюся бóльшим спросом за границей муку.

Повышению местных хлебных цен и, следовательно, росту доходов земледельцев способствовало их государственное регулирование посредством таких экономических мер, как создание хлебного запаса, закупка хлеба для армии не у торговых посредников, а у непосредственных производителей — помещиков и крестьян (на долю последних приходилось около трети всех поставок), развитие ссудных операций под хлеб со стороны Государственного банка, частных коммерческих банков и железных дорог (по рекомендации и с разрешения казны), взимание поземельных налогов и земских страховых сборов с крестьян хлебом в некоторых губерниях с особенно низкими ценами, поощрение вывоза сибирского хлеба через Архангельск благодаря строительству железнодорожной линии Пермь–Котлас и созданию челябинской тарифной формулы. Регулирование цен имело еще одно позитивное следствие — расширение внутреннего потребления хлеба, поддерживавшего местные цены[290].

После длительной и упорной борьбы российская торговая делегация заключила в 1894 г. на приемлемых условиях новый торговый договор с Германией, обеспечивший более 28% всего хлебного экспорта России[291].

Наконец, развитие промышленности, в особенности в сельской местности, и железнодорожное строительство создали тысячи рабочих мест для крестьян,

страдавших от аграрного перенаселения: к 1900 г. избыток рабочей силы в деревне, по разным оценкам, составлял от 9 до 56% от общего числа работников[292].

Таким образом, политика правительства обеспечила не только интенсивное экономическое развитие России, но и повышение благосостояния народа.

6.3. Прогресс в медицине и санитарии

Медицина, санитария и гигиена в принципе являются важными факторами повышения биостатуса. Однако заметный прогресс в медицинском обслуживании и санитарно-гигиенических условиях существования населения обнаружился только с 1880-х гг., а средняя длина тела и вес почти непрерывно увеличивались с конца XVIII в. до начала XX в., особенно заметно в пореформенный период. Однако следствие — увеличение длины тела не может предшествовать причине — снижению смертности и улучшению гигиены.

Борьба с инфекционными заболеваниями всегда ведется по трем направлениям: нейтрализация источника инфекции, пресечение путей передачи возбудителя и повышение невосприимчивости населения к инфекции. Главное средство обезвреживания источника инфекции — изоляция, госпитализация и лечение больного. Передача инфекции прерывается путем соблюдения правил личной гигиены, санитарного благоустройства жилищ, упорядочивания водоснабжения, удаления и обезвреживания нечистот и отбросов, выполнения санитарных правил при транспортировке и обработке пищевых продуктов, а также путем борьбы с мухами. По ряду причин трудно разорвать механизм передачи инфекции при заболеваниях дыхательных путей. Невосприимчивость к инфекциям повышается посредством иммунизации, положительно зарекомендовавшей себя в борьбе с оспой, дифтерией, коклюшем, столбняком, бешенством, чумой, сибирской язвой и другими болезнями. Для профилактики дизентерии, скарлатины, вирусного гепатита и других болезней эффективной вакцины не существует до сих пор[293].

В каком состоянии находилась борьба с инфекционными заболеваниями в пореформенной России? Важнейший способ нейтрализация источника инфек-

Загорский Н. П. У земской лечебницы. 1886 г. ГТГ

ции — изоляция больного, имел весьма ограниченное значение, так как материальные и кадровые возможности российских больниц даже в конце XIX — начале XX в. были невелики. В 1881 г. во всех больницах гражданского ведомства в 50 губерниях Европейской России имелось лишь 44 549 коек или 5,8 на 10 000 жителей, в 1913 г. соответственно — 227 868 и 15,9 (для сравнения: в СССР на 1985 г. обеспеченность больничными койками была в 8,2 раза выше, чем в 1913 г.). Ввиду этого даже в 1913 г. 80% больных тифом оставались вне больничного лечения[294]. Число врачей на 10 000 человек за 1881–1912 г. увеличилось с 0,5 до 1,5, но и в 1912 г. один врач приходился на 6,7 тыс. жителей, а 72% врачей проживали в городах и только 28% — в деревне[295]. Прогресс в совершенствовании врачебной помощи стал заметен с 1880-х гг. До введения земств в 50 губерниях Европейской России действовало 350 больниц Приказа общественного призрения с 11,5 тыс. коек (примерно 5,3 койки на 10 тыс. человек)[296]. В 1870 г. только в уездах 34 земских губерний имелось 530 врачебных участков и 1350 самостоятельных фельдшерских пунктов, работало 613 врачей, по 0,13 на 10 000 жителей, число больничных коек составляло 1,5 на 10 000 (в 1850-е гг. — 0,2), а один врачебный участок обслуживал в среднем 95 тыс. человек[297].

Для блокирования возбудителя инфекции использовались почти исключительно средства личной гигиены и санитарная обработка предметов обихода, одежды и белья. Прочие дорогостоящие способы борьбы с инфекцией (водопровод, канализация и др.) получили распространение лишь в крупных городах. К сожалению, средства гигиены имели значение только в борьбе с инфекционными болезнями, передающимися контактно-бытовым или трансмиссивным путем (через укус вшей, блох, комаров). К первому типу инфекционных болезней относятся дизентерия, брюшной тиф, полиомиелит, вирусный гепатит, холера. Ко второму — сыпной и возвратный тиф, чума, малярия, лихорадки. Возбудители огромного числа инфекционных заболеваний (гриппа, воспаления легких, кори, натуральной и ветряной оспы, дифтерии, коклюша, скарлатины, туберкулеза и других) передаются воздушно-капельным путем, т. е. главным образом через воздух, и в этом случае передача инфекции через предметы обихода, загрязненные выделениями больного, имеет второстепенное значение. В борьбе с этими болезнями личная гигиена не имеет первостепенного значения, так же как и в отношении большинства кожно-венерических болезней. Среди всех инфекционных заболеваний доля таких, в профилактике которых личная гигиена имела значение, составляла около половины, в 1908–1910 гг. – 54,3%[298].

В пореформенное время с помощью вакцинации боролись только с оспой; в 1881 г. прививки были сделаны 45% новорожденных, в 1910 г. — 78%. Однако ввиду неполного охвата населения прививками, а возможно, и невысокого качества вакцинации, смертность от оспы оставалась большой: в 1901–1910 гг. от оспы умерло 414 тыс. чел.[299] Против остальных болезней вакцины в России начала XX в. еще не существовало, а эффективной защиты против дизентерии и скарлатины нет до сих пор. С 1880-х гг. с помощью прививок стали бороться также с бешенством, но смертность от этого заболевания сравнительно невелика.

Санитарное просвещение крестьян началось в 1870-е гг., но только в начале XX в. оно приобрело значительный размах под руководством санитарных попечительств: издание листовок и брошюр, народные чтения и беседы со световыми картинами, передвижные выставки[300].

Пелевин И. А. Первенец. 1888 г. ГРМ

Борьба с инфекционными и паразитарными заболеваниями словом и делом приносила плоды. Их доля среди всех зарегистрированных болезней в 1885–1887 гг. (за более раннее время источники не позволяют рассчитать долю смертей от инфекционно-паразитарных заболеваний) составляла в России 28,7%, а в 1908–1912 гг. — 24,5%[301]. За 23 года эта доля упала на 4,2%. О влиянии прогресса медицины и гигиены на уменьшение смертности от острых заразных заболеваний (оспы, скарлатины, дифтерии, кори, коклюша и тифов) можно судить по изменению доли умерших от этих заболеваний: с 1891–1895 гг. до 1911–1914 гг., когда только и наблюдалось устойчивое снижение смертности, она сократилась с 18,4 до 11,5% — на 6,9%[302]. 4,2% и 6,9% — это и есть реальный, но, несомненно, скромный вклад улучшения медицинского обслуживания, санитарной пропаганды и личной гигиены в уменьшение заболеваемости и смертности.

В западноевропейских странах борьба за здоровье населения началась раньше, проходила с большим размахом и дала лучшие результаты. Например, в Англии и Уэльсе доля умерших от всех инфекционных и паразитарных заболеваний с 1848–1854 гг. до 1901 г. упала с 59,4% до 50,0%[303], а доля новорожденных мальчиков, умерших от этих заболеваний, с 1861 по 1921 г. — с 23,0% до 10,9%[304]. Коэффициент общей смертности с 1850-х гг. по 1900-е гг. понизился с 34,1 до 28,7 промилле, а средняя продолжительность жизни увеличилась с 42 лет до 53,5 года[305]. Несмотря на значительные успехи в санитарно-медицинской сфере, средняя длина тела британских мужчин, рожденных между 1840–1859 гг. и 1860–1879 гг., не изменилась, а между 1880–1899 и 1900–1919 гг. уменьшилась на 3 см (табл. 6.40).

Таблица 6.40

Средний рост (в см) взрослых мужчин Великобритании и США, рожденных в 1800–1919 гг.

	1800–1819 гг.	**1820–1839 гг.**	**1840–1859 гг.**	**1860–1879 гг.**	**1880–1899 гг.**	**1900–1919 гг.**
Великобритания	171,0	173,0	172,0	172,0	174,0	171,0
США	172,9	172,9	171,3	170,4	169,5	171,7

Источники: Costa D.L., Steckel R.H. Long-Term Trends in Health, Welfare, and Economic Growth in the United States // Health and Welfare during Industrialization / R.H Steckel, R. Floud (eds.). Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997. P. 72; *Floud R.* Height, Weight and Body Mass of the British Population since 1820. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 1998 (NBER Working Paper Series on Historical Factors in Long Run Growth. Historical Paper 108).

В США доля смертей от инфекционных заболеваний с 1856–1860 гг. по 1891–1895 гг. упала с 49,7 по 33,7%, коэффициент общей смертности с 1850-х гг. по 1900-е гг. — с 19,5 до 15,8 промилле, а средняя продолжительность жизни возросла с 40 до 50 лет[306]. В то же время средняя длина тела американских мужчин

во второй половине XIX в. уменьшилась. Пример Великобритании и США наглядно показывает: прогресс в медицине и санитарии не обеспечивает автоматически увеличение длины тела и повышение биостатуса населения.

Наконец, если бы улучшение санитарно-гигиенических навыков являлось главной причиной удлинения тела, но при этом сопровождалось ухудшением жизненных условий (прежде всего питания), то это имело бы два следствия. Во-первых, повышение роста у мужчин и женщин попало бы в прямую зависимость от географического расположения губернии, в которой они проживали,— чем восточнее губерния, тем хуже там санитарно-гигиенические условия и ниже рост людей, и наоборот — чем западнее губерния, тем лучше там санитарно-гигиенические условия и выше рост людей. Во-вторых, увеличение длины тела при голодании сопровождалось бы развитием дистрофии и снижением индекса массы тела. В действительности происходило все наоборот. Как показывает корреляционный анализ, между местоположением губернии и удлинением тела ее новобранцев, рожденных в интервале между 1851–1855 гг. и 1892–1897 гг., зависимость вообще отсутствовала: коэффициент корреляции составил — 0,01. В пореформенное время, как показано выше, увеличивался и рост, и вес, а индекс массы тела находился в норме.

Таким образом, успехи медицины и гигиены в пореформенной России, несомненно, наблюдались. Но они были ограничены во времени, 1881–1913 гг., и недостаточны, чтобы произвести такие фундаментальные изменения в здоровье и санитарных условиях жизни, которые бы привели к значительному удлинению тела (на 5 см). К тому же улучшение антропометрических показателей началось с конца XVIII в. — задолго до того, как прогресс в медицине стал приносить свои плоды.

6.4. Итоги

Весь XIX и начало XX в. в России отмечены положительной в целом динамикой биостатуса населения, о чем свидетельствует существенное увеличение веса и среднего дефинитивного роста у мужчин, рожденных в 1911–1915 гг., по сравнению с теми, кто родился в 1791–1795 гг.,— на 7,7 см, а также и у женщин — на 3,8 см (с 1811–1815 гг. по 1876–1880 гг.). Позитивная тенденция объяснялась рядом факторов: (1) возрастанием душевого производства основных продуктов питания как до, так и особенно после Великих реформ; (2) повышением доходности крестьянского хозяйства от промыслов и земледелия, особенно в пореформенное время; (3) уменьшением реальной тяжести налогов и повинностей, особенно существенным после Великих реформ (в России норма обложения была весьма умеренной — ниже, чем в большинстве развитых стран); (4) увеличением хлебных цен в условиях стабильности денежного обращения начиная с 1815 г.; (5) огромным положительным экономическим эффектом от смещения населения на Юг благодаря более мягкому климату и высокому плодородию почвы, экономии на одежде, жилище и питании, прекращению набегов крымских татар, захватывавших в плен тысячи российских подданных; (6) экономической политикой правительства, способствовавшей не только интенсивному экономическому развитию России, но и повышению благосостояния; (7) повышением грамотности населения, феноменальным для родившихся в 1901–1915 гг.

Полученные результаты позволяют иначе посмотреть на ряд спорных вопросов экономической и социальной истории России XIX — начала XX в. В первой половине XIX в. ни крестьянское, ни помещичье хозяйство не испытывали упадка, вследствие этого отмена крепостничества обусловливалась, скорее всего, не экономическими факторами, а возросшим самосознанием крестьянства, боязнью волнений, гуманитарными, военными и политическими соображениями, как полагал, например, П.Б. Струве и вслед за ним — ряд западных историков, специально занимавшихся этой проблемой[307].

Сведения о биостатусе, поддержанные данными о сельскохозяйственном производстве, доходах и платежах, а также о питании, смертности и здоровье (см. Главу 8), позволяют сделать вывод: в пореформенное время уровень жизни падал в четырех пятилетиях: 1856–1865, 1891–1895, 1901–1905 гг., а в восьми — повышался. Понижение в 1856–1865 гг. обусловливалось Крымской войной 1853–1855 гг., породившей острый финансовый и экономический кризис и принесшей большие человеческие потери. В отчете военного министра Н.О. Сухозанета за 1856 г. высказывалась просьба об отмене рекрутских наборов до 1860 г. ввиду крайнего истощения крестьянства. Чрезвычайные наборы и призывы людей в течение двух лет, с ноября 1853 по ноябрь 1855 года, уменьшили рабочее население по среднему исчислению на 10%, а в местах, где свирепствовали холера и тиф,— на 20 и более процентов[308]. Кризис, вызванный Крымской войной, плавно перешел в социально-экономическую перестройку российского общества, особенно интенсивно проходившую во время Великих реформ 1860–1870-х гг., но начавшуюся, по крайней мере, за 5 лет до объявления в феврале 1861 г. манифеста об освобождении помещичьих крестьян, т. е. сразу после окончания войны, когда 30 марта 1856 г. император Александр II в речи перед представителями московского дворянства заявил о необходимости отменить крепостное право. Всем стало ясно: отмена крепостного права состоится, и все начали к ней готовиться. Основываясь на данных о биостатусе, можно полагать, что перестройка, начатая речью императора, завершилась в основных чертах в 1870-х гг., когда благосостояние населения превзошло дореформенный уровень. Позитивная тенденция действовала до Первой мировой войны, дважды прерываясь — в 1891–1895 гг. по причине неурожая и в 1901–1905 гг. в связи с Русско-японской войной и революцией.

Подчеркнем: только после вступления России в эпоху рыночной экономики после Великих реформ произошел прорыв в уровне благосостояния. Улучшение жизни по времени совпало с мировым аграрным кризисом 1870–1880-х гг., особенно сильно затронувшим Россию в 1880-е гг. [309] Возможно, аграрный кризис послужил фактором, затормозившим, но не прекратившим восстановление биостатуса.

Международное сопоставление длины тела показывает: Россия развивалась вполне согласованно с другими европейскими странами. В конце XIX в. русские (так же как белорусы и украинцы) были выше поляков, итальянцев, испанцев, португальцев, венгров и французов, но уступали народам других развитых стран, за исключением японцев. Наиболее высоким ростом отличались представители северно-европейских народов, а также канадцы и американцы, превосходившие русских примерно на 7 см[310]. Рейтинг России по биостатусу населения остался примерно на прежнем уровне, так как во всех развитых странах благосостояние также повысилось.

Примечания

1. Эти цифры получены на основе обработки 48 тыс. индивидуальных данных: *Миронов Б.Н.* Когда в России жилось хорошо // Родина. 2008. № 6, 7, 8. По данным измерений, выполненных московскими антропологами в 1975 г., средняя длина тела 4 043 мужчин, рожденных в 1916–1935 гг. в 18 областных городах Российской Федерации, оставалась неизменной и равнялась 167 см: *Зенкевич П.И., Алмазова Н.Я.* Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // *Куршакова Ю.С.* и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 68–69.
2. *Миронов Б.Н.* Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 573.
3. *Бобков Ф.Д.* Из записок бывшего крепостного человека // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М., 2006. С. 587, 590, 593. Сведения относятся к 1840-м гг.
4. *Кабештов И.М.* Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным // Воспоминания русских крестьян. С. 457, 463, 472. Только паек выдавался по 1,5 кг хлеба на человека в день.
5. *Бобков Ф.Д.* Из записок. С. 600, 618.
6. *Эрисман Ф.Ф.* Физическое развитие фабричных рабочих Центральной России // *Куркин П.И.* Физическое развитие рабочего. М., 1925. С. 27, 31, 33, 41, 74, 82.
7. Там же.
8. Две четверти озимого, 0,20 четверти ярового хлеба на человека и 2,5 четверти на каждую лошадь в год: *Вильсон И.И.* Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 4-е изд. СПб., 1869. С. 106–107; *Андросов В.П.* Хозяйственная статистика России. М., 1827. С. 81–82; *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи: В 5 ч. 2-е изд. СПб., 1815. Ч. 4. С. 17–23; *Кеппен П.И.* О потреблении хлеба в России // Журнал Министерства внутренних дел. 1840. № 6. С. 413; *Протопопов Д.И.* О хлебной торговле в России // Журнал Министерства государственных имуществ. 1842. Кн. 3. С. 97; *Тенгоборский Л.В.* О производительных силах России. М., 1854. Ч. 1. С. 196–202. Овес в значительном количестве использовался в крестьянском рационе, поэтому он не должен учитываться только как фуражная культура.
9. *Попов П.И.* Хлебофуражный баланс: 1840–1924 гг. // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 7–14.
10. *Ковальченко И.Д.* Динамика уровня. С. 77, 80.
11. *Яцунский В.К.* (1) Генезис капитализма в сельском хозяйстве России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961; (2) Изменение в размещении земледелия. С. 128–131.
12. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 378–385.
13. *Нифонтов А.С.* Зерновое производство. С. 141, 143.
14. *Тенгоборский Л.В.* О производительных силах России. Ч. 1. С. 196–202; *Вильсон И.И.* Объяснения. С. 75–87; *Фортунатов А.Ф.* Урожаи ржи в Европейской России. М., 1893. С. 45–60. По мнению Хока, официальная статистика занижала реальные урожаи минимум на 30%; в Черноземном центре «урожаи сопоставимы с урожаями, наблюдавшимися во многих странах Европы в конце XVIII — начале XIX в.»: *Хок С.Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 37. Зябловский полагал, что в 1802–1811 гг. официальная статистика занижала фактические урожаи, по крайней мере, в 2 раза: *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Ч. 4. С. 23.
15. *Нифонтов А.С.* Зерновое производство. С. 34–39, 69.
16. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. С. 440.
17. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко-экономический очерк). М., 1957. С. 458; *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX–начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 230–254.
18. *Васильев И.В.* Мои воспоминания // Воспоминания русских крестьян. С. 432.
19. *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 142–186.
20. *Нифонтов А. С.* Зерновое производство. С. 61–62.
21. *Кеппен П.И.* О потреблении хлеба в России. С. 413; *Протопопов Д.И.* О хлебной торговле. С. 97; *Вильсон И.И.* Объяснения. С. 75–77; *Тенгоборский Л.В.* О производительных силах. Ч. 1. С. 196–202; См. также: *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР: В 2 т. М., 1952. Т. 1. Докапиталистические формации. С. 516–517.

22. *Струмилин С.Г.* О балансовом методе в урожайной статистике // *Струмилин С.Г.* Статистика и экономика. М., 1979. С. 232–238.
23. *Вильсон И.И.* Объяснения. С. 75–87, 108–109.
24. *Яцунский В.К.* Изменение в размещении земледелия. С. 131.
25. Материалы по вопросу об обеспечении продовольствием: Исторический обзор правительственных распоряжений по народному продовольствию в России: В 2 ч. СПб., 1860. Ч. 1. С. 7–8.
26. *Дятлова Н.П.* Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения: Материалы научной конференции архивистов Ленинграда 4–6 февраля 1964 г. / В.В. Бедин (ред.). Л., 1964. С. 231.
27. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года Комиссии: В 3 ч. СПб., 1903. Ч. 3. С. 195 (далее: Материалы комиссии 1901 г.). Речь идет о губернаторских отчетах.
28. Сборник статистических сведений по истории внешней торговли. Т. 1. С. 7.
29. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии: Статистические материалы подворной переписи по губернии и Обзор материалов, способов по собиранию их и приемов по разработке / А.Ф. Щербина (сост.). Воронеж, 1897. С. 187–188.
30. *Фортунатов А.Ф.* Урожаи ржи. С. 46.
31. Там же. С. 48.
32. *Обухов В.М.* Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России / В.Г. Громан (ред.). Л., 1927. Ч. 1. С. 1. Показания Департамента земледелия и ЦСК коррелировали друг с другом: *Грасс Л.И.* Страхование сельскохозяйственных посевов от неурожая. Казань, 1892. С. 85–90.
33. *Фортунатов А.Ф.* Урожаи ржи. С. 56–57.
34. *Иванцов Д.Н.* К критике русской урожайной статистики: Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг., 1915. С. 146–149.
35. *Виноградова Н.М.* Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925. № 10–12. С. 39–43.
36. 1896 год в сельскохозяйственном отношении по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1896. Вып. 4. С. XLIII–XLIV; Статистический ежегодник России 1905 г. СПб., 1906. С. 1–17.
37. *Виноградова Н.М.* Русская урожайная статистика (1925). С. 38–39.
38. *Миронов Б.Н.* История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С. 82.
39. *Виноградова Н.М.* Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926. № 1–6. С. 76, 88.
40. Там же. С. 77, 82, 88.
41. Там же. С. 90, 91.
42. Сводный сборник по 12 уездам. С. 133.
43. Там же. С. 1, 228, 230.
44. Производство, перевозки и потребление хлебов в России / Е.Е. Яшунов, П. Румянцев (ред.): В 2 вып. Пг., 1917. Вып. 1. С. XII.
45. *Иванцов Д.Н.* К критике. С. 27.
46. Производство, перевозки и потребление хлебов в России. Вып. 2. С. VII. В вып. 1 приводятся немного отличные оценки точности урожайности.
47. *Струмилин С.Г.* О балансовом методе в урожайной статистике. С. 235.
48. *Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009. С. 21–27.
49. *Jasny N.* Soviet Economists of the Twenties: Names to be Remembered. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 26–28.
50. *Falkus M.E.* 1968. Russia's National Income, 1913: A Revaluation // Economica. No 35. 1968. P. 65.
51. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.) Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 111, 115; *Wheatcroft St.* The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics // Soviet Studies. 1974. Vol. 26. No 2. P. 157–180.
52. *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок. С. 230–254.
53. Сводный сборник по 12 уездам. С. 133.
54. Там же. С. 117.
55. *Моргенштерн О.* О точности экономико-статистических наблюдений. М.,1968. С. 190–203.
56. <http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/EKONOMIKA_TENEVAYA.html> (просмотр 25.10.2010); *Радаев В.* Теневая экономика России: изменение контуров — Pro et Contra, 1999. Т. 4, №1. С. 5–24; Теневая экономика: экономический и социальный аспекты / И.Ю. Жилина, Л.М. Тимофеев (ред.). М., 1999. С. 67–91; *Грозовский Б.* В тени российской экономики — Forbes.ru. <http://www.forbes.ru/ekonomika-opinion/finansy/55507-tenevaya-rossiya> (просмотр 16.03.2011).
57. Урожай хлебов в России в 1917 году: Валовой и чистый сбор, продовольственные и кормовые потребности, местные избытки и недостатки главных хлебов / А.Е. Лосицкий (ред.). М., 1918. С. 24.
58. Там же. С. 24–26.

59. Урожайность в «самах» для определения потребности в семенах я вычислил по данным о сборе хлебов и картофеля, площади посева за соответствующие годы и о нормах высева на десятину за 1890-е гг. из «Материалов Комиссии 1901 г. ». Ч. 1. С. 177. Рассчитанная мною урожайность немного ниже, чем у Михайловского: его подсчет относится только к зерновым и включает 60 губерний (50 губерний Европейской России, Польшу и земли Уральского казачьего войска, где урожайность была выше): *Михайловский В.Г.* Урожаи в России 1801–1914 гг. // Бюллетень ЦСУ. 1921. № 50. С. 4–5. Но это практически не влияет на результат. Если семенной фонд оценить по данным Михайловского, то дефицит зерновых составляет 25% в 1901–1910 гг. и 16% в 1909–1913 гг.
60. Лошадь в крестьянском хозяйстве: Советы о том, как лучше выбрать и купить лошадь для крестьянского обихода; как лучше содержать лошадь и ухаживать за ней. М., 1903. С. 39, 48.
61. Там же. С. 39–48; *Богданов Е.А.* Кормление лошадей суррогатами овса и сена. 2-е изд. М., 1919. С. 96–10.
62. Исследование современного состояния скотоводства в России: В 4 вып. М., 1884–1893. Вып. 1. М., 1884. С. Г26, Г38–39; Д88–99; Вып. 2. М., 1885. С. Г4–Г6, Г98–Г99, Г37–Г38.
63. Согласно В.Г. Михайловскому, А.Л. Вайнштейну и С.А. Новосельскому,— на 5%, по С.Н. Прокоповичу,— на 9.6%: *Вайнштейн А.Л.* Избранные труды: В 2 кн. М., 2000. Кн. 1. С. 86; *Новосельский С.А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год: В 2 ч. Пг., 1916. Ч. 2. С. 16.
64. *Михайловский В.Г.* Урожаи в России. С. 4–5. Без учета 6,3% поправки, вносимой Михайловским.
65. Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли Т. 1. С. 2–6.
66. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 14, 15, 456–462; Военно-статистический сборник / Н.Н. Обручев (ред.). Вып. 4. Россия. СПб., 1871. Отдел 2. С. 40, 46, 53, 158–160.
67. Например, в 1860-е гг. из 15 военных округов шесть находились за пределами 50 губерний Европейской России: Финляндский, Варшавский, Кавказский, Туркестанский, Западносибирский и Восточносибирский, в которых размещалось 40% российской армии: Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. Отд. 2. С. 103; *Золотарев А.М.* Записки военной статистики. СПб., 1885. С. 339.
68. *Нифонтов А.С.* Зерновое производство. С. 209–210.
69. Казенная продажа вина. Изд. Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900. Приложения. С. 15, 17, 21, 40, 43, 56–57.
70. Подсчитано по: Казенная продажа вина. С. 56–57.
71. «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 54. СПб., 1899. С. 293; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1900 года. СПб., 1901. С. 672–673; Там же. Вып. 1906/7 года. СПб., 1907. С. 394–395. Из пуда ячменя изготавливалось 0,8 пуд. солода, из пуда солода — 5,8 ведра пива.
72. *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. С. 164–165; *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 25–29, 44–47; Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год. СПб., 1858. С. 254, 262; Статистические таблицы Российской империи / А. Бушен (ред.). СПб., 1863. Вып. 2. С. 182–183; Статистический временник Российской империи. Вып. 1. СПб., 1866. Отд. 1. С. 30–31; Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 10. СПб., 1875. Отд. 1. С. 18.
73. О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской. СПб., 1861. Ярославская губерния. С. 82–85; Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян. Вып. 2. СПб., 1857. С. 2. Доля каждой категории в населении откорректирована по материалам переписи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: В 2 т. СПб.,1905. Т. 1. С. 64–67. Некоторые комиссии применяли несколько другое разделение женщин на возрастные группы, относя к полным работникам женщин в возрасте от 16 до 54 лет, а к полуработникам — в возрасте 55–59 лет, но это мало влияет на среднюю норму потребления.
74. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. Вып. 1. СПб., 1858. С. 2, 17–18; Хозяйственно-статистические материалы. Вып. 2, Ведомость IV.
75. Временник ЦСК МВД. 1894. №34. С. 2; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 72; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство. С. 185, 270, 285.
76. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 65–70.
77. Во втором издании цифры чистого сбора зерновых и картофеля незначительно отличаются от приведенных в первом издании книги вследствие унификации методики расчета хлебного баланса для до- и пореформенного периода.
78. *Вильсон И.И.* Объяснения. С. 348–349.
79. Средняя крестьянская семья в 1850-е гг. включала 8,4 человек: *Миронов Б.Н.* Социальная история. Т. 1. С. 221.

80. 850–875 литров в год давали помещичьи коровы в 1870–1880-е гг.: Исследование современного состояния скотоводства в России. М., 1884. С. Д–34; *Ковалевский В.И.*, *Левитский И.О.* Статистический очерк молочного хозяйства в северной и средней полосах Европейской России. СПб., 1879. Приложение; *Калантар А.А.* Животноводство // Россия в конце XIX века / В.И. Ковалевский (ред.). СПб., 1900. С. 183. Удои крестьянских коров в первой половине XIX в. не могли быть бóльшими.
81. *Вильсон И.И.* Объяснения. 4-е изд. С. 346–347.
82. *Тенгоборский Л.В.* О производительных силах России. Ч. 1. С. 271–273.
83. Расчет хлебного баланса для 1861–1913 гг. отличался от его расчета для 1801–1860 гг. двумя особенностями: (1) экспорт зерновых за 1861–1900 гг. охватывал только рожь, пшеницу, овес и ячмень и не учитывал зерно из предкавказских и сибирских губерний; (2) из зерна, шедшего на нужды армии, не исключалась та ее часть, которая потреблялась войсками, находившимися за пределами 50 губерний. Как и в 1801–1860 гг., численность населения на середину десятилетнего интервала определена путем интерполяции; картофель переведен в зерновые по соотношению три к одному.
84. Для расчета величины семенного фонда использовались данные об урожайности в «самах» из книги Нифонтова. Михайловский, оценивший, как и Нифонтов, динамику урожайности в «самах» за 1801–1914 гг. по сведениям губернаторских отчетов, дает несколько другие цифры: 1860-е гг. — 3,48, 1870-е гг. — 3,68, 1880-е гг. — 4,02, 1880-е гг. — 4,02 и 1890-е гг. — 4,47 «сам»: *Михайловский В.Г.* Урожаи в России. С. 4–5. Но расхождения не велики и потому не влияют сколько-нибудь существенно на величину чистого сбора зерновых.
85. Материалы к пересмотру договора России с Германией и другими иностранными государствами: Перевозки по русским железным дорогам. Ч. 1. Распределение перевозок хлебных грузов по губерниям и областям, по портам и пограничным пунктам. СПб., 1914. С. 16–18.
86. В Представлении министра земледелия А.А. Бобринского в Совет министров о влиянии войны на состояние сельского хозяйства от 10 октября 1916 г. указывалось на «почти поголовное истребление скота в губерниях, занятых неприятелем, а также значительное уменьшение количества рогатого скота во внутренних губерниях»: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы: В 3 ч. Ч. 3. Сельское хозяйство и крестьянство / А.М. Анфимов (отв. ред.). Л., 1967. С. 24.
87. *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны, 1914 — февраль 1917. М., 1962. С. 196.
88. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. М., 1921. С. 184–185. Перепись 1916 г. не учла Ковенскую и Курляндскую губернии. Информация о скотоводстве в этих губерниях взята за 1914 г.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 235–236.
89. Сельское хозяйство России в XX веке. С. 260–263. Данные переписи 1916 г. и земских обследований также похожи: Там же. С. 220–239.
90. *Вайнштейн А.Л.* Из истории дореволюционной статистики животноводства // Очерки по истории статистики СССР / Т.В. Рябушкин (ред.). М., 1960. С. 106–112.
91. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 242–245.
92. Сборник статистических сведений. Т. 1. С. 158–159; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Пг., 1915. С. 324–325. С появлением холодильников в конце XIX в. экспорт живого скота стал сокращаться, а мяса возрастал. Существовал и импорт мяса, но его размеры в 7–10 раз уступали экспорту.
93. *Рашин А.Г.* Население России. С. 26; Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год. С. 255.
94. По ориентировочной и преувеличенной оценке, в конце XIX в. в Европейской России потреблялось около 36 кг мяса, 14 кг рыбы: *Гримм О.А.* Рыболовство и рыбоводство // Россия в конце XIX века. С. 200. Это примерно соответствовало потреблению горожан, но было намного больше, чем съедали крестьяне (табл. 8.10).
95. Статистические материалы по вопросу потребления мяса в Российской империи в 1913 году. Пг., 1915.
96. *Клепиков С.А.* Питание русского крестьянина. М., 1920. С. 4.
97. *Ливрон В.* Статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1874. С. 81, 83, 91.
98. «В настоящее время внутренние воды обезрыблены, а побережное и озерное рыболовство дает в полтора раза меньший улов, чем 15–20 лет назад»: *Кистяковский В.В.* Учебник экономической географии: Россия сравнительно с важнейшими государствами мира. СПб.; Киев, 1911. С. 121.
99. *Гримм О.А.* Рыболовство. С. 200–204.
100. Там же. С. 201.

101. Сельское хозяйство России в XX веке. С. 296.
102. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. С. 318–319. Отсутствующие данные за 1913 г. брались за смежные годы. В 1860-е гг. только из Вологодской губернии доставлялось в столицы около 600 тыс. пар рябчиков ежегодно: *Ливрон В.* Статистическое обозрение. С. 97.
103. Сельское хозяйство России в XX веке. С. 284–287.
104. Там же. С. 271–273.
105. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 114–115, 176–177.
106. *Руковский И.П.* Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862. С. 5–16.
107. Там же. С. 17–40; *Неупокоев В.И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX века. М., 1987. С. 95–155.
108. История уделов за столетие их существования. 1797–1897: В 2 т. СПб., 1901. Т. 2. Ч. 1. С. 79–90; См. также: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: В 2 т. М., 1946, 1958. Т. 1. С. 46–52.
109. РГИА, ф. 869 (Милютины), оп. 1, д. 789. Таблицы к Статистическому атласу, составленному в Министерстве внутренних дел. 1850 г. Л. 22, 27.
110. Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян. Вып. 2. СПб., 1857. С. 42–43. Данные по Нижегородской губернии, но они отражали доходность животноводства в центрально-нечерноземных губерниях.
111. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Государственных имуществ: В 5 вып. СПб., 1858—1871. Вып. 4. Отдел В. С. 43, 83, 107.
112. РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 789. Л. 22, 27.
113. Материалы для статистики России. Вып. 5. Отдел В. С. 45; РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 789. Л. 22, 27.
114. Хозяйственно-статистические материалы. Вып. 2. С. 43; РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 789. Л. 22, 27.
115. Доля мужчин в возрасте 18—60 лет во всем населении в 1897 г. равнялась 24,14%: Общий свод. Т. 1. С. 56–59. В 1860-е гг. она составила 26.12%: *Буняковский В.Я.* Опыт о законах смертности в России и о распределении православного народонаселения по возрастам. СПб., 1865. С. 120, 124.
116. Без населения Украины, до 1795 г. освобожденного от рекрутской повинности: Столетие Военного министерства. 1802–1902: В 13 т. СПб., 1902—1914. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд.1. С. 130.
117. Там же. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд.1. С. 45. С. 53, 56.
118. Там же. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 34.
119. Военно-статистический сборник. Вып. 4. Отд. 2. С. 4–5.
120. Казна, нанимавшая охотника, платила ему 300 руб., остальные деньги шли на обмундирование, будущую пенсию и на оплату налога до следующей ревизии: Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. Отд. 2. С. 4–5; «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 39. СПб., 1897. С. 458.
121. *Дружинин Н.М.* (1) Кризис феодально-крепостнического строя // История СССР с древнейших времен до наших дней: В двух сериях, в 12 т. Б.А. Рыбаков (гл. ред.). М., 1967–1968. Первая серия. Т. 4. С. 244–245; (2) Государственные крестьяне. Т. 1. С. 46–51, 196–207, 328–345; Т. 2. 1958. С. 192.
122. Их результаты обобщены в работах: *Дружинин Н.М.* (1) Государственные крестьяне. Т. 1. С. 6–17; (2) Избранные труды: Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 264–286; *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство. С. 4–17; *Рындзюнский П.Г.* Хозяйственная жизнь и общественные отношения крепостной России первой половины XIX в. // История СССР с древнейших времен. Первая серия. Т. 4. С. 43–45; *Федоров В.А.* Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974. С. 4–13.
123. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство. С. 66–67.
124. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII — первой половине XIX в. // История СССР. 1966. № 4. С. 55–80; *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство. С. 288–296.
125. *Рындзюнский П.Г.* Об определении интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII — первой половине XIX в. (о статье И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова) // История СССР. 1966. № 6. С. 52–53.
126. *Дружинин Н.М.* Кризис. С. 238–244.
127. *Федоров В.А.* Помещичьи крестьяне. С. 225–249.
128. Авторы не сообщают, за какие годы у них данные о посевах и урожаях, но они заимствованы из книги Рубинштейна, где годы указаны: *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство. С. 444–448.
129. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 1. С. 35–36, 47–48, 69; *Федоров В.А.* Помещичьи крестьяне. С. 49.

130. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении. С. 175–177.
131. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 176–177.
132. Отрезка составила 18% у помещичьих, 1,7% у удельных; государственные крестьяне сохранили всю землю; в среднем для всех крестьян отрезка достигала 9% дореформенных наделов.
133. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении. С. 95–118.
134. *Миронов Б.Н.* Хлебные цены. С. 232–243.
135. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Об интенсивности. С. 76–77.
136. Материалы для статистики России. Вып. 1. С. 1.
137. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Об интенсивности. С. 77.
138. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию: (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965. С. 271–304.
139. Там же. С. 290.
140. *Семевский В.И.* Крестьяне. Т. 1. С. XIII.
141. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Об интенсивности. С. 77.
142. Там же. С. 77.
143. *Милов Л.В.* Исследование. С. 282–283.
144. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство. С. 290.
145. *Миронов Б.Н.* Хлебные цены. С. 54.
146. Доход от всех яровых определен по цене овса, а озимых — по цене ржи; четверть (объемная хлебная мера) переведена в пуды в пропорции: четверть ржи весит 8,9 пуд., четверть овса — 5,7 пуд. Данные о ценах в: *Миронов Б.Н.* Хлебные цены. С. 68–71, 241–244, 262–263.
147. *Ружицкая И. В.* Инвентаризация крестьянских повинностей при Николае I (1825–1855): планы и реальность // Экономическая история: Обозрение. Вып. 10. М., 2005. С. 170–172.
148. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство. С. 62–63, 66–67.
149. Там же. С. 102–103.
150. *Хок С.Л.* Крепостное право. С. 30–31. При учете количества земли еще одно затруднение состоит в смешении казенной и хозяйственной десятины, различавшиеся по площади на 27%. Например, по расчету Хока, в Петровском имении в 1859 г. на крестьянское тягло (мужской и женский работник) приходилось 6,6 десятины крестьянской и помещичьей земли, а по сведениям Ковальченко, на мужскую душу — 5,3 дес. Расхождение в 25% объясняется, вероятно, тем, что Хок имеет в виду казенную десятину в 1,1 га, а Ковальченко — хозяйственную в 1,4 га. Только в таком случае разница в запашке на тягло по оценке обоих исследователей будет одинаковой — соответственно 7,3 га и 7,4 га: *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство. С. 102.
151. Хозяйственно-статистические материалы. Вып. 2. С. 48–49.
152. *Семевский В.И.* Крестьяне. Т. 1. 63; *Литвак Б.Г.* Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр 1861–1895 гг. М., 1972. С. 321; *Федоров В.А.* Помещичьи крестьяне. С. 227.
153. *Федоров В.А.* Помещичьи крестьяне. С. 227; *Литвак Б.Г.* Русская деревня. С. 320–321.
154. *Скребицкий А.И.* Крестьянское дело в царствование императора Александра II: Материалы для истории освобождения крестьян. В 4 т. Бонн на Рейне, 1865/66. Т. 3. С. 1296–1297.
155. Положение 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М., 1916. Гл. 3. Ст. 189.
156. *Миронов Б.Н.* Социальная история. Т. 2. С. 306–307.
157. *Ружицкая И.В.* Инвентаризация. С. 170–172.
158. *Литвак Б.Г.* Русская деревня. С. 279, 318; *Кащенко С.Г.* Освобождение крестьян на Северо-Западе России: Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. М.; СПб., 2009. С. 369, 372–373.
159. РГИА, ф. 869 (Милютины), оп. 1, д. 789. Таблицы к статистическому атласу, л. 23, 27.
160. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении. С. 164–165.
161. РГИА, ф. 869 (Милютины), оп. 1, д. 789. Таблицы к статистическому атласу, л. 22, 27.
162. *Гакстгаузен А.* Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. 451.
163. *Литвак Б.Г.* Русская деревня. С. 139–144.
164. См. обстоятельный, объективный и компетентный анализ историографии крепостного права и его отмены: *Коновалов В.С.* Проблемы крепостного права в отечественной и зарубежной историографии (Обзор) // Реформа 1861 г. в истории России: К 150-летию отмены крепостного права. М., 2011. С. 280–344. См. также в настоящей работе § 1.1.
165. *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. Ч. 1. Земельные отношения и земельная политика. М., 1908. С. 53; *Ходский Л.В.* Земля и землевладелец: Экономическое и статистическое исследование. СПб., 1891. Т. 2. С. 243.

166. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 1. С. 590, 595.
167. *Бурдина О.Н.* Крестьяне-дарственники в России: 1861–1907. М., 1996. С. 158–159, 188–192; *Wildman A.K.* The Defining Moment: Land Charters and the Post-emancipation Agrarian Settlement in Russia, 1861–1863. Pittsburgh, PA: Center for Russian and East European Studies, University of Pittsburgh, 1996. P. 20–24.
168. *Wildman A.K.* The Defining Moment. P. 25–26, 47–48. Конечно, анализ 22 выкупных сделок не является достаточным для распространения вывода о добровольности отрезки на всю Россию. Но российские эксперты по крестьянской реформе игнорируют, насколько мне известно, эту правдоподобную гипотезу, хотя Уальдмен опубликовал свое исследование еще в 1996 г. Большакова — наш известный эксперт по зарубежной русистике, по крайней мере, трижды обстоятельно писала о его книге: *Большакова О.В.* (1) Отмена крепостного права в России: Англоязычная историография 60–90-х годов // Реферативный журнал: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. 1999. Вып. 4. С. 19–20; (2) Власть и политика в России XIX — начала XX века: Американская историография. М., 2008. С. 220–221; (3) Между двумя юбилеями: англоязычная историография отмены крепостного права // Российская история. 2011. № 4. С. 21–22. Большакова же подготовила пространный реферат книги: Реформа 1861 г. в истории России: К 150-летию отмены крепостного права. М., 2011. С. 268–274.
169. *Кащенко С.Г.* Освобождение крестьян. С. 371; *Hoch S.L.* Did Russia's Emancipated Serfs Pay Too Much for Too Little Land? Statistical Anomalies and Long-Tailed Distribution // Slavic Review. 2004. Vol. 63. No. 2. P. 269–274.
170. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении. С. 175–176.
171. См., например: *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе: 1861—1880 гг. М., 1978. С. 79–80, 99, 124–133; История СССР с древнейших времен. Первая серия. Т. 5. С. 81, 296–297.
172. *Лосицкий А.Е.* Выкупная операция. СПб., 1906. С. 16.
173. *Hoch S.L.* Did Russia's Emancipated Serfs Pay? P. 261.
174. Известный экономист пореформенного времени В. И. Покровский в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Т. 38. СПб., 1903. С. 325) сообщил без указания на источник: «Цены на землю в России за последние полвека поднялись значительно. Перед освобождением крестьян десятина земли, поступавшая в крестьянский надел, оценивалась в нечерноземной полосе в 25–35 руб., в черноземной — в 35–50 руб.».
175. Подсчитано по: Статистический временник Российской империи. Серия 3. Вып. 5. СПб., 1885.
176. *Святловский В.В.* Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., 1911. С. 137.
177. Первоначально предполагалось, что у временнообязанных крестьян, не перешедших на выкуп и плативших бывшим владельцам оброк, через 20 лет должна производиться «переоброчка», т. е. повышение оброка. Но в 1881 г. статус временнообязанных отменили, всех крестьян перевели на выкуп, а величину выкупных платежей уменьшили на 27%.
178. Оценка произведена губернскими земствами для земских губерний и Губернскими по крестьянским делам присутствиями — для неземских в 1881–1883 гг.
179. В обоих случаях подсчитана средняя взвешенная цена по: Статистический временник Рос. империи. Серия 3. Вып. 5. С. 114–128.
180. *Святловский В.В.* Мобилизация. С. 81, 137.
181. Там же. С. 82–83.
182. Индекс цен в Петербурге: *Струмилин С. Г.* История черной металлургии. Т. 1. Феодальный период (1500–1860 гг.). М., 1954. С. 514–515. Петербургские цены хорошо отражали динамику российских цен: *Первушин С.А.* Хозяйственная конъюнктура: Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М.,1925. С. 157, 322–325.
183. Из привилегированных сословий лишь помещики привлечены к уплате незначительных губернских земских сборов в 1853 г. См. подробнее: *Миронов Б.Н.* Социальная история. Т. 1. С. 94–95; *Шацилло М.К.* Эволюция налоговой системы России в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник 2002. М., 2003. С. 345–383; *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К.* История налогов в России: IX — начало XX в. М., 2006. С. 222–231.
184. *Яснопольский Н.П.* О географическом распределении государственных доходов и расходов в России: Опыт финансово-статистического исследования. Киев, 1890. Ч. 1. С. 27–31.
185. *Шацилло М.К.* Эволюция. С. 376.
186. *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881–1904 гг. М., 1984. С. 110–111.
187. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1912 года. СПб., 1912. С. 296, 323.
188. *Петров Ю.А.* Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. // Экономическая история. Ежегодник 2002. С. 390, 406; *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К.* История налогов в России. С. 249–262.

189. Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. XII-й отдел. С. 15.
190. *Хромов П.А.* Экономическое развитие. С. 380–381.
191. В пореформенное время, до 1901 г., земские статистики обследовали 7270 хозяйств (*Кореневская Н.Н.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954. С. 116, 140–153). Но надежные сведения о доходах и расходах имелись только для 1788 хозяйств, в том числе для 1717 земледельческих. Эти данные и были обработаны в Комиссии 1901 г.
192. *Анфимов А.М.* Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901–1912 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964. С. 502.
193. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 219.
194. В тех случаях, когда доходы из второстепенных источников (животноводство, лес, общинная собственность и др.) неизвестны, доходы от земледелия и промыслов мною увеличены на 10% — соответственно доле дополнительных доходов по бюджетным данным за 1877–1901 гг.
195. *Литвак Б.Г.* Русская деревня. С. 320–321. Столь значительное сокращение барщинной повинности в Черноземном центре, в 3–5 раз, получилось потому, что Литвак определял годовую барщину в дореформенное время в 200 дней для каждого работника мужского и женского пола, хотя на самом деле она была меньше.
196. Статистический Временник Российской империи. Серия 3. Вып. 5. С. 110–111.
197. *Шацилло М.К.* Эволюция. С. 358.
198. *Анфимов А.М.* (1) Налоги. С. 489–505; (2) Экономическое положение. С. 110–111.
199. Комиссия 1901 г. доход от неземледельческих занятий оценила в 12 руб. на душу населения (Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 219), а Вайнштейн на 1912 г. — в 8,28 руб. (*Вайнштейн А.Л.* Избранные труды. Кн. 1. С. 84). Чтобы избежать преувеличения, примем 8,28 руб.
200. *Анфимов А.М.* Налоги. С. 502.
201. Там же; *Вайнштейн А.Л.* Избранные труды. Кн. 1. С. 82–84, 89.
202. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 134.
203. *Анфимов А.М.* Экономическое положение. С. 110–111; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 219.
204. Ежегодник Министерства финансов. Вып. XVII. СПб., 1886. С. 66; Там же. Вып. 1899 года. СПб., 1900. С. 46; Там же. Вып. 1906/7 года. СПб., 1907. С. 40.
205. *Шацилло М.К.* Эволюция. С. 358; *Петров Ю.А.* Налоги. С. 390.
206. *Вайнштейн А.Л.* Избранные труды. Т. 1. С. 168.
207. *Грегори П.* Экономический рост. С. 237.
208. *Чечулин Н.Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 142–144; *Руковский И.П.* Историко-статистические сведения. С. 183–213.
209. *Кованько П.* Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция 1861–1907 гг.). Киев, 1914. Приложение № 4, табл. 4 и приложение 5, табл. 1.
210. *Гакстгаузен А.* Исследование. Т. 1. С. 451.
211. История уделов. Т. 2. Ч. 1. С. 80–87. См. также: Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 235; *Руковский И.П.* Историко-статистические сведения. С. 205, 208.
212. «Крестьяне при проезде помещика, как бы состоятельны они не были, притворяются всегда бедными и нуждающимися во всем»: *Кабештов И.М.* Моя жизнь и воспоминания. С. 545. См. также: *Field D.* Peasants and Propagandists in the Russian Movement to the People of 1874 // Journal of Modern History. 1987. Vol. 59, No. 3. September; *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006. С. 22–23, 53.
213. Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917 / В.Г. Тюкавкин (ред.). М., 1990. С. 281–284.
214. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 290–291.
215. *Шванебах П.Х.* Наше податное дело. СПб., 1903. С. 145–147, 168–169; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 235.
216. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 251.
217. *Кованько П.* Реформа 19 февраля 1861 года. Приложение № 4, табл. 4 и приложение 5, табл. 1.
218. Посчитано по: Отчет Государственного банка по выкупной операции с открытия выкупа по 1 января 1892 г. СПб., 1892. Прил. 21, 22. С. 34–35, 46.
219. *Дружинин Н.М.* Избранные произведения. С. 287–319.
220. С этим согласны Дж. Симмс, Г. М. Гамбург, П. Грегори, Ст. Хок: *Simms J.Y., Jr.* The Crisis of Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View // Slavic Review. 1977. Vol. 36, No. 3. P. 385; *Hamburg G.M.* The Crisis in Russian Agriculture: A Comment // Slavic Review. 1978. Vol. 37, No. 3. P. 485; *Грегори П.* Экономический рост Российской империи. С. 35; *Хок С.Л.* Мальтус: рост населения и уровень жизни // Отечественная история. 1996. № 2. С. 29–33. Интересные соображения и данные на этот счет приводит М.А. Давыдов в своей публичной лекции «Голодный экспорт» в истории Российской Империи. Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2012/06/26/hunger/(просмотр 30 июня 2012 г.).

221. *Inalcik H.* Servile Labor in the Ottoman Empire // The Mutual Effects of the Islamic and Judo-Christian Worlds: The East European Pattern / A. Ascher et al. (eds.). New York: Brooklyn College Press, 1979. P. 39–40; *Fisher A.* Muscovy and the Black Sea Trade // Canadian-American Slavic Studies. 1972. Vol. 6. No. 4. P. 582, 593.
222. Россия XVIII в. глазами иностранцев / Ю.А. Лимонов (ред.). Л., 1989. С. 409.
223. *Северная зона* включала тундру, лесотундру и таежные леса, *лесная зона* — смешанные и широколиственные леса, *лесостепная зона* — леса вперемежку со степями, *южная степная зона* — преимущественно степи.
224. Первый расчет (48% культурной площади) произведен по: *Цветков М.А.* Изменение лесистости. С. 110–118; Сельское хозяйство России в XX веке. С. 76–77. Доля пашни (29,2%) определена по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. в 30 губерниях, общая площадь угодий и доля леса (35,2%) — по данным Цветкова; площадь неудобной земли (16,7%) — по обследованию ЦСК в 1887 г., а площадь лугов вычислена как остаток между общей площадью угодий и известными видами угодий (100% — 29,2% — 35,2% — 16,7% = 18,9%). Второй расчет (52% культурной площади) по сведениям выборочной (10%) сельскохозяйственной переписи населения 1922 г.: с 1887 по 1922 г. по Европейской России без территорий, отделившихся от России, и Крайнего Севера доля пашни возросла примерно на 5%, лугов и пастбищ — на 1% за счет соответствующего сокращения доли лесов и неудобной земли (Сборник статистических сведений по СССР. 1918–1923. Труды ЦСУ. Т. 18. М., 1924. С. 98). Вероятно, главные перемены в структуре угодий произошли между 1887 г. и 1915 г.
225. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пг., 1916. С. 2–3; *Кистяковский В.В.* Учебник экономической географии. С. 39–40.
226. Расчеты выполнены в 1933–1937 гг. в ходе исторических экспериментов, в точности имитировавших земледелие наших предков в тот период, когда они применяли трехполье и не использовали машины и удобрение. Расчеты показывают зависимость издержек (при трехполье без применения машин и удобрений) от природных условий *в чистом виде* для всего изучаемого периода, так как эти условия во второй половине XVIII — начале XX в. практически не изменялись. Сопоставление неизменных издержек с фактической урожайностью, которая со временем изменялась, позволяет оценить региональные различия в эффективности труда *в динамике*.
227. *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990. С. 122–204; *Moon D.* Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom 1825–1855. Basingstoke and London: Macmillan, 1992.
228. *Миронов Б.Н.* Социальная история. Т. 1. С. 392.
229. История СССР с древнейших времен. Первая серия. Т. 3. С. 432; Источниковедение истории СССР / И.Д. Ковальченко (ред.). М., 1973. С. 194.
230. *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения. С. 270–275; *Игнатович И.И.* Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века. М., 1963. С. 436–465.
231. *Игнатович И.И.* Крестьянское движение. С. 459.
232. *Семевский В.И.* Крестьяне. Т. 1. С. 379–393.
233. Там же. С. 263–273, 379–393.
234. Свод законов, изд. 1857 г. Т. 9. Свод законов о состоянии людей в государстве. Ст. 1103, 1105.
235. ПСЗ-I. 1761. № 11203.
236. ПСЗ-I. 1799. № 19203. См. также: *Игнатович И.И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 13–32.
237. Свод законов, изд. 1832 г. Т. 13. Ч. 1. Устав об обеспечении народного продовольствия.
238. Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию России. СПб., 1892, 1893. Ч. 1, 2; Материалы по вопросу об обеспечении продовольствия. Исторический обзор правительственных распоряжений по народному продовольствию в России. СПб., 1859, 1860. Ч. 1, 2.
239. Обстоятельный анализ масштабов и значения рационализаторской деятельности помещиков в последней трети XVIII — первой половине XIX в. в Центральном Нечерноземье см.: *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-черноземные губернии). М., 2002. 61–76, 188–190, 320–383.
240. *Преображенский П.М.* О значении сельского хозяина в быту государственном // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1847. № 11. С. 111–112.
241. Подсчитано по: *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях. С. 179–197; Русская старина. 1870. Т. 1. С. 448–450. В 1838 г. в опеке состояло 203 помещичьих имения, в том числе 140 — за жестокое обращение с крестьянами, остальные — за «мотовство» и «распутство»: *Романов Б. А.* Эпизод из хозяйственной жизни крепостной вотчины 19-го века: (По документам архива Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних

дел) // Архив истории труда в России. Кн. 1. Пг., 1921. С. 124–126. См. также: *Игнатович И.И.* Помещичьи крестьяне. С. 57–68.

242. 80% выкупной ссуды при получении крестьянами по уставной грамоте полного земельного надела, 75% — при получении уменьшенного надела. Но деньги помещики получали не наличными, а пятипроцентными государственными банковыми билетами и выкупными свидетельствами (за вычетом долга кредитным учреждениям), принимавшимися казначействами в уплату по платежам.
243. Фактически дополнительный платеж взимался не всегда и главным образом в рассрочку на 3–10 лет.
244. *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1954. С. 199–201, 233.
245. Статистический временник Российской империи. Серия 3. Вып. 5. СПб., 1885. С. 110; Замена подушного налога государственной оброчной податью (комбинацией поземельного налога и арендной платы) растянулась на 1883–1906 гг.
246. *Ходский Л.В.* (1) Временно-обязанные крестьяне // «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 13. СПб., 1892. С. 365–367; (2) Выкупная операция // Там же. Т. 14. СПб., 1892. С. 513–517.
247. История уделов. Т. 2. Ч. 1. С. 73–75.
248. Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 417–418, 420, 424—425. В 1843 г. училищ насчитывалось 16, в 1852 г. — 19 — по одному на каждую удельную контору. За 1840–1861 гг. их окончили 1055 человек. В 1845 г. учреждено два хозяйственных училища для крестьянских девочек на 40 человек.
249. Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 343. За 1843–1863 гг. в удельных имениях число банков увеличилось с 43 до 129, сумма займов — с 197,6 до 848,8 тыс. руб., вклады — с 5,7 до 280,5 тыс. руб.
250. Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 338. За 1840–1858 гг. число застрахованных домов возросло с 26 тыс. до 219,8 тыс.
251. Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 360. Первая больница устроена в 1830 г. в Петербурге, к 1861 г. насчитывалось 8 больниц на 176 мест.
252. Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 397.
253. Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ, 1837–1887: В 5 ч. СПб., 1888. Ч. 4. Отд. 1. С. 5–28; *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне. Т. 1. С. 56–66; *Козлов С.А.* Аграрные традиции. С. 361–365.
254. *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне. Т. 1. С. 628–632.
255. *Милюков П.Н.* Крестьяне: История крестьян в России до освобождения (1861 г.) // «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 32. СПб., 1895. С. 693–695. Другие цифры (231 226 переселенцев) указаны в книге: Историческое обозрение. Ч. 2. Отд. 2. С. 35.
256. *Милюков П.Н.* Крестьяне С. 693–695; Историческое обозрение. Ч. 2. Отдел 2. С. 97–148.
257. Историческое обозрение. Ч. 4. Отд. 1. С. 221–240.
258. Там же. Ч. 4. Отд. 1. С. 251–272.
259. Там же. Ч. 4. Отд. 1. С. 309–368.
260. Там же. Ч. 2. Отд. 1. С. 91–92.
261. Там же. Ч. 4. Отд. 1. Приложение А. С. 3–13.
262. Там же. Ч. 2. Отд. 1. С. 86, 89.
263. *Миронов Б.Н.* Хлебные цены. С. 244–252.
264. Историческое обозрение. Ч. 2. Отд. 1. С. 96–97.
265. Там же. Ч. 2. Отд. 1. С. 98–102.
266. Там же. Ч. 2. Отдел 1; Ч. 4. Отд. 1.
267. Там же. Ч. 2. Отд. 1. С. 50, 64, 66, 69.
268. Там же. Ч. 2. Отд. 1. С. 60.
269. Там же. Ч. 4. Отд. 1. С. 128, 131, 132.
270. Там же. Ч. 4. Отд. 1. С. 91, 141–142; Приложение. Табл. 5. С. 22–27.
271. Там же. Ч. 4. Отд. 1. С. 196, 199–201.
272. Там же. Ч. 4. Отд. 1. С. 38, 42.
273. Там же. Ч. 4. Отд. 1. С. 214–215.
274. Там же. Ч. 4. Отд. 1. С. 182, 190.
275. Там же. Ч. 4. Отд. 1. С. 32.
276. Там же. Ч. 2. Отд. 1. С. 63, 65; Ч. 4. Отд. 1. С. 32, 63–65, 131.
277. Там же. Ч. 2. Отд. 1. С. 78–79. В расчетах соотношения медперсонала и больниц с численностью государственных крестьян на 1866 г. в книге допущена опечатка: одна лечебница на 721 499 человек и медик — на 101 516 человек.
278. *Трутовский В.Е.* Современное земство. Пг., 1914. С. 88; *Веселовский Б.Б.* Земство и земская реформа. М., 1918. С. 38. См. также: *Мирский М.Б.* Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 304, 311.

279. Охрана здоровья в СССР: Статистический сборник. М., 1990. С. 7, 81, 113, 114.
280. Историческое обозрение. Ч. 2. Отд. 1. С. 82, 83.
281. Деятельность земств достаточно подробно освещена: см.: *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет: В 4 т. М., 1909; Земское самоуправление в России 1864–1918: В 2 кн. / Н.Г. Королева (отв. ред.). М., 2005.
282. *Ходский Л.В.* Выкупная операция. С. 513–517.
283. *Миронов Б.Н.* Социальная история. Т. 1. С. 391.
284. *Шепелев Л.Е.* (1) Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблема торгово-промышленной политики. Л., 1981; (2) Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987; (3) Торгово-промышленная политика царизма в середине XIX в. (1840–1860-е годы) // Английская набережная, 4: Сборник С.-Петербургского науч. общества историков и архивистов. СПб., 2004. С. 191–280.
285. *Яснопольский Н.П.* О географическом распределении. Ч. 1. С. 27–31.
286. *Шацилло М.К.* Эволюция налоговой системы России в XIX в. С. 376.
287. *Миронов Б.Н.* Социальная история. Т. 1. С. 322.
288. *Миронов Б.Н.* Хлебные цены. С. 59–62, 159–168.
289. *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: Очерки правительственной политики). Л., 1978. С. 77–95. См. также: Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. Таллинн; М., 1994. Т. 1. С. 204–207, 244.
290. *Китанина Т.М.* Хлебная торговля. С. 170–243.
291. Сборник сведений по истории. Т. 1. С. 9, 47.
292. Материалы к вопросу об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР / Л.И. Лубны-Герцык (ред.). М., 1926. С. 159, 364 (относительное аграрное перенаселение оценивается в 56% от общего числа рабочих рук в 1914 г.); *Рындзюнский П.Г.* К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX–XX вв. // Социально-экономическое развитие России / С.Л. Тихвинский (ред.). М., 1986. С. 155–171 (22%). См. также: *Иванов Е.П.* Отечественная историография аграрного перенаселения // Вопросы истории. 1971. № 12. С. 31–42; *Маслов П.П.* Перенаселение русской деревни. М.; Л., 1930; *Тюкавкин В.Г.* Аграрное перенаселение в России в эпоху империализма // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.) / И.Д. Ковальченко (ред.). Таллинн, 1986. С. 214–225. Аналитическую сводку мнений см.: *Волков В.В.* К вопросу об аграрном перенаселении в России в конце XIX — начале XX в. (к 110-летию начала работы «Комиссии “Центра”» // Клио. 2012. № 1 (61). С. 61–68.
293. *Безденежных И. С.* Эпидемиология. 4-е изд. М., 1981. С. 63, 71, 211.
294. *Рашин А.Г.* Население России. С. 209.
295. Сборник сведений по Европейской России за 1882 год. СПб., 1884. С. 66–67; Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1912 год. СПб., 1914. С. VI. В СССР на 1985 г. врачей насчитывалось в 28 раз больше — 42 на 10 000: Охрана здоровья в СССР: Статистический сборник. М., 1990. С. 114.
296. Россия в конце XIX века. С. 918.
297. *Веселовский Б.Б.* Земство. С. 20; *Френкель З.Г.* Очерки земского врачебно-санитарного дела (по данным работ, произведенных для Дрезденской и Всероссийской гигиенических выставок). СПб., 1913. С. 119–122.
298. Подсчитано по: *Новосельский С.А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. СПб., 1916. С. 83–84.
299. *Рашин А.Г.* Население России. С. 209.
300. *Мирский М.Б.* Медицина России. С. 329–333.
301. В 1885–1887 гг. среди 30 313 тыс. заболевших 8693 тыс. страдали инфекционными заболеваниями, а в 1909–1912 гг. — соответственно 34 851 и 85 468 тыс.: Отчет Медицинского департамента за [1885–1887] год. СПб., 1887–1889; Отчет о состоянии народного здравия за [1909–1912] год. СПб., 1911–1914.
302. *Новосельский С.А.* Обзор главнейших данных. С. 70.
303. *Kunitz St.J.* Mortality since Malthus. P. 286; *Миронов Б.Н.* Социальная история. Т. 2. С. 379, 381.
304. В 1861 г. — 23,0%, в 1881 г. — 20,9%, в 1901 г. — 16,5%, в 1921 г. — 10,9%: *Вишневский А.Г.* Избранные демографические труды: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 64.
305. *Миронов Б.Н.* Социальная история. Т. 2. С. 379, 381.
306. *Kunitz St.J.* Mortality since Malthus. P. 286; *Миронов Б.Н.* Социальная история. Т. 2. С. 379, 381.
307. *Струве П.Б.* Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России XVIII и XIX в. СПб., 1913. С. 154–159.
308. Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 3. Кн. 1. Отд. 2. С. 20–21.
309. *Мендельсон Л.А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. М., 1959. Т. 2. С. 144–173.
310. Международные сравнения в настоящей монографии см.: табл. 5.12 и 11.4.

7

ГЕОГРАФИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XVIII — НАЧАЛЕ XX В.

7.1. Изменение роста по регионам в 1701–1915 гг.

Для такой огромной по территории страны, как Россия, исключительно важно выяснить динамику биостатуса населения по районам и — по возможности — по отдельным губерниям. Во-первых, региональные данные позволят нам ответить на принципиально важный для России вопрос: какие регионы преуспевали больше, какие меньше; а учитывая, что отдельные этносы заселяли территории компактно и имели существенную социально-экономическую и культурную специфику, то и оценить степень регионального неравенства и меру «эксплуатации» центром национальных окраин. Во-вторых, поскольку имперский период Россия развивалась как единая социально-экономическая система, в стране формировался единый всероссийский рынок, то закономерен вопрос: сказывалось ли это на согласованности в изменении благосостояния по районам, приводило к конвергенции в них уровня жизни или нет?

В настоящей главе в фокусе внимания — географическое распределение губерний и регионов по росту мужчин, в них проживающих (далее я буду называть это географией роста, или длины тела). Для удобства анализа проведено районирование России по среднему росту на основе данных о новобранцах, призванных в армию в 1874–1913 гг.[1] Оно будет использоваться для всего периода империи, так как отличалось устойчивостью даже в период высокой социальной мобильности в 1917–1974 гг.[2] Районирование по росту в основном совпадает с общим экономическим районированием, но есть три исключения. Костромская губерния, традиционно входящая в Нечерноземный центр, попала в Северный район, потому что мужчины там, как и на Севере, ниже, чем в любой из губерний Нечерноземного центра, Казанская губерния по обычному экономическому районированию входит в Поволжье, но в нашем случае оказалась в Приуралье: ее жители (из-за этнического состава) мало отличаются по росту от населения Вятской, Оренбургской и Уфимской губерний. Наконец,

Пермская губерния по средней величине роста у мужчин ближе к сибирским, чем к уральским губерниям. Мужчины Левобережной и Правобережной Украины имели примерно одинаковый рост, и поэтому все украинские губернии объединены в один регион (табл. 7.1).

Таблица 7.1

Состав районов России по среднему росту мужского населения в губерниях

Север	Центр. землед.	**Приуралье**	**Новороссия**	**Сибирь**	Казахстан
Архангельская	Воронежская	Вятская	Бессарабская	Енисейская	Акмолинская
Вологодская	Калужская	Казанская	Екатеринославская	Забайкальская	Семипалатинская
Костромская	Курская	Оренбургская	Таврическая	Иркутская	**Кавказ**
Олонецкая	Орловская	Уфимская	Херсонская	Пермская	Бакинская
Северо-Запад	Рязанская	**Предкавказье**	**Прибалтика**	Тобольская	Батумская
Новгородская	Тамбовская	Дагестанская	Курляндская	Томская	Елисаветградская
Петербургская	Тульская	Кубанская	Лифляндская	Якутская	Карсская
Псковская		Ставропольская	Эстляндская	**Дальний Восток**	Кутаисская
Волжский	**Центр. пром.**	Терская	**Западный**		Тифлисская
Пензенская	Владимирская	Черноморская	Виленская	Амурская	Эриванская
Самарская	Московская	**Украинский**	Витебская	Камчатская	**Средняя Азия**
Саратовская	Нижегородская	Волынская	Гродненская	Приморская	Семиреченская
Симбирская	Смоленская	Киевская	Ковенская	Сахалинская	
Юго-Восточный	Тверская	Подольская	Минская		
Астраханская	Ярославская	Полтавская	Могилевская		
Донская		Харьковская			
		Черниговская			

Число наблюдений по отдельным регионам намного меньше, чем в целом по России. Поэтому и оценки среднего регионального роста за XVIII — первую половину XIX в., когда данных мало, носят ориентировочный характер, во-первых, из-за самого факта их недостатка, во-вторых, из-за невозможности по причине дефицита сведений стандартизировать состав выборок по всем признакам, за исключением ростового ценза, возраста и года рождения. Для получения по возможности объективной картины региональной динамики биологического статуса цензурированные и нецензурированные данные объединены в единую информационную базу по каждому региону следующим образом. Сначала определили средний региональный рост методом максимального правдоподобия по уравнению множественной регрессии в отдельности для индивидуальных цензурированных и индивидуальных нецензурируемых данных. Затем на их основе подсчитали средний рост в регионе путем взвешивания региональных средних на числе цензурированных и нецензурируемых наблюдений.

Для 1853–1892 гг. использованы агрегированные сведения. При расчете уравнений регрессии контролировалось три фактора — ростовой ценз, возраст и год рождения. При анализе *динамики* роста по регионам мы будем опираться на длину тела референтной группы. Итоги расчетов отражены в табл. 7.2[3] и на рис. 7.1.

Таблица 7.2

Оценка среднего роста (см) мужчин референтной группы в России по районам в 1701–1915 гг. (в годы рождения)*

Годы рождения	Приуралье	Север	Центр.земл.	Центр.пром.*	Поволжье	Северо-Запад	Запад	Юго-Восток	Украина	Прибалтика	Новороссия	Предкавказье	Сибирь
1701–1705	–	163,0	163,8	163,8	–	165,4	–	–	–	–	–	–	–
1706–1710	159,8	162,9	162,5	163,1	–	166,4	–	–	–	–	–	–	–
1711–1715	158,0	162,8	162,1	163,5	–	160,3	–	–	–	–	–	–	–
1716–1720	–	160,8	161,8	163,2	–	162,8	–	–	–	–	–	–	–
1721–1725	–	163,6	161,1	162,5	–	160,6	–	–	–	–	–	–	–
1726–1730	159,9	160,0	161,7	165,6	–	158,4	–	–	–	–	–	–	–
1731–1735	162,1	160,4	162,8	167,7	–	160,9	–	–	–	–	–	–	–
1736–1740	163,6	162,0	163,6	163,6	–	161,2	–	–	–	–	–	–	–
1741–1745	161,2	162,3	161,2	163,9	163,0	162,9	–	–	–	–	–	–	–
1746–1750	161,9	161,9	163,0	163,7	163,1	162,9	–	–	163,0	–	–	–	
1751–1755	160,4	159,4	160,0	162,4	162,6	160,8	–	–	163,5	–	–	–	160,6
1756–1760	160,6	159,4	160,2	162,0	160,9	161,9	–	–	165,3	–	–	–	161,1
1761–1765	162,1	159,6	161,6	161,4	162,0		–	–	166,9	–	–	–	163,0
1766–1770	162,7	160,6	162,1	162,0	161,1		–	–	166,3	–	–	–	162,4
1771–1775	162,8	161,7	161,9	161,0	157,4	162,4	–	–	163,6	–	163,4	–	161,5
1776–1780	163,8	160,7	161,2	161,3	–	160,0		163,0	163,3	–	161,7	–	160,7
1781–1785	158,4	162,1	160,3	160,0	–	158,9	–	–	161,2	–	160,5	160,4	–
1786–1790	157,8	161,2	159,6	158,4	–	164,2	163,7	162,1	163,3	–	161,3	161,7	–
1791–1795	156,8	160,8	159,5	–	160,2	–	163,6		160,7	–	163,1	163,0	–
1796–1800	160,3	161,3	161,1	164,6	163,9	–	164,3	160,4	160,1	164,7	163,4	—	–
1801–1805	162,2	164,4	163,3	164,6	162,5	163,8	163,0	162,7	161,3	–	165,1	—	–
1806–1810	162,2	164,7	165,0	165,0	163,4	165,4	164,4	163,6	164,6	–	166,1	—	–
1811–1815	161,4	163,5	165,6	164,1	162,0	165,3	164,5	–	165,5	167,3	164,6	—	–
1816–1820	163,1	164,6	165,7	165,0	163,0	165,6	165,6	–	167,0	167,2	164,6	165,3	–
1821–1825	162,0	164,2	164,0	164,8	163,8	164,9	166,4	–	166,0	167,9	—	166,6	–
1826–1830	161,7	164,4	165,3	164,9	164,0	164,3	164,7	–	166,6	–	165,2	164,8	–
1831–1835	162,0	164,2	166,2	165,0	164,1	163,8	165,4	–	166,7	–	166,3	166,4	–
1836–1840	162,5	163,6	164,9	165,1	164,4	164,8	165,5	–	167,6	–	–	167,7	–
1841–1845	163,0	163,7	164,5	165,2	165,4	164,9	166,8	–	166,9	–	–	165,9	163,2
1846–1850	163,5	164,6	165,0	165,3	165,6	165,0	165,7	–	167,0	–	167,4	166,8	–
1851–1855	163,0	164,8	163,9	165,1	164,3	164,4	166,6	165,9	165,0	166,6	166,5	166,5	164,2
1856–1860	161,9	162,8	163,7	163,6	163,7	164,1	163,4	165,9	164,7	166,8	165,6	166,3	164,6
1861–1865	161,7	162,6	163,1	163,4	163,1	164,1	163,9	164,6	164,4	167,1	165,2	166,0	164,4
1866–1870	163,2	163,7	164,0	164,1	164,0	165,1	164,4	166,8	165,3	167,5	166,0	166,5	166,4
1871–1875	165,6	164,6	165,4	165,6	166,3	166,8	165,9	167,6	166,7	169,0	167,0	168,5	167,6

Таблица 7.2 (окончание)

Годы рождения	Приуралье	Север	Центр.земл.	Центр.пром.*	Поволжье	Северо-Запад	Запад	Юго-Восток	Украина	Прибалтика	Новороссия	Предкавказье	Сибирь
1876–1880	165,9	165,4	166,2	166,1	166,6	166,9	166,2	168,1	167,3	169,9	167,9	169,1	167,5
1881–1885	166,2	166,4	166,7	166,9	167,1	167,5	166,9	168,5	167,6	170,4	167,8	169,1	168,0
1886–1890	166,2	166,5	167,0	167,2	167,5	167,5	167,1	168,9	168,1	170,4	168,4	169,2	168,1
1891–1895	166,6	166,9	166,1	166,4	167,0	167,0	167,8	167,7	168,0	170,6	165,9	167,9	167,5
1896–1900	167,0	168,8	167,1	166,4	166,4	168,5	167,9	–	169,4	171,7	165,8	–	169,0
1901–1905	164,6	165,9	168,2	165,5	167,2	164,6	167,8	–	168,3	171,0	165,6	–	167,4
1906–1910	165,1	166,1	167,6	165,8	167,9	164,8	167,2	–	169,3	169,3	167,6	169,3	170,8
1911–1915	168,0	168,0	169,0	168,9	167,6	168,8	169,4	169,6	170,0	171,6	169,0	170,3	167,9

Примечание: * Референтной группой являются мужчины в возрасте 21 года, рожденные в 1701–1705 гг.
Источник: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

7.1 а. Согласованность в изменении роста мужчин по районам

Как хорошо видно по графику, изменения среднего роста в регионах в XVIII в. проходили не всегда согласованно. Но со временем синхронность увеличивалась, различия между ними уменьшались. Степень согласованности в динамике среднего 5-летнего роста по районам оценим с помощью коэффициента линейной корреляции Пирсона[4] (табл. 7.3).

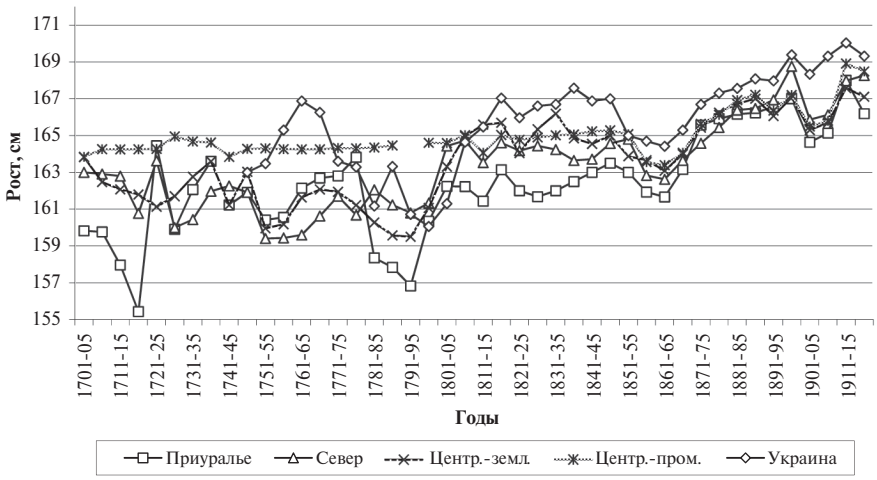
Таблица 7.3

Коэффициенты корреляции между изменениями среднего пятилетнего роста мужчин в регионах и между изменениями среднего пятилетнего роста в Европейской России в целом и каждом регионе в 1701–1800 и 1801–1915 гг.

	Россия	Приуралье	Север	Цент. земл.	Центр. пром.	Поволжье	Северо-Запад
Европейская Россия	**1,00**	0,91	0,79	0,84	0,84	0,93	0,74
Приуралье	*0,53*	**1,00**	0,88	0,74	0,88	0,88	0,88
Север	0,91	*0,72*	**1,00**	0,79	0,87	0,75	0,80
Центр.-земледельческий	*0,86*	*0,79*	*0,80*	**1,00**	0,80	0,76	0,64
Центр.-промышленный	*0,68*	*–0,27*	*0,41*	*0,28*	**1,00**	0,80	0,83
Поволжье	*0,31*	*–0,62*	*–0,02*	*–0,06*	0,89	**1,00**	0,64
Северо-Запад	*0,87*	*0,62*	0,88	*0,78*	0,43	0,00	**1,00**
Ср. коэф. кор. 1701–1800 гг.	0,69	0,30	0,62	0,58	0,41	0,08	0,60
Ср. коэф. кор., 1801–1915 гг.	0,84	0,87	0,82	0,76	0,84	0,79	0,76

Примечание: Коэффициенты корреляции при доверительной вероятности 0,95. Курсивом выделены статистически незначимые коэффициенты. В нижней левой части таблицы (выделено полужирным шрифтом) показаны коэффициенты корреляции между шестью районами и Европейской Россией, за которые имеются данные в 1701–1800 гг., а в верхней правой части — в 1801–1915 гг.
Источник: табл. 7.2.

Рис. 7.1. **Динамика среднего роста мужчин референтной группы по районам России в 1701–1915 гг.**



Источник: табл. 7.2.

Средний коэффициент корреляции между изменениями роста в Европейской России и шести регионах для 1701–1800 гг. невысокий — лишь 0,60, но для 1801–1915 гг. он увеличился до 0,84. Согласованность в колебаниях среднего роста в регионах также повысилась. Причем, если в XVIII в. бóльшая часть коэффициентов корреляции не являлись статистически значимыми, то XIX — начале XX в. все оказались достоверными. В XVIII в. наибольшей автономностью отличались Урал и Поволжье, а максимальной согласованностью с другими регионами — Север, Северо-Запад и Земледельческий центр. Подключив к корреляционному анализу 7 периферийных районов, обнаруживаем: в 1801–1915 гг. везде длина тела изменялась синхронно, даже в отдаленной Сибири, и, следовательно, так называемые национальные окраины Европейской России в экономическом отношении достаточно органично включились в хозяйственную систему Российской империи на основе разделения труда (табл. 7.4).

Таблица 7.4

Коэффициенты корреляции между изменениями среднего пятилетнего роста в 13 районах в 1801–1915 гг. *

Район	Россия	Урал	Север	Цент. земл.	Центр. пром.	Поволжье	Северо-Запад	Запад	Юго-Восток	Украина	Прибалтика	Новороссия	Предкавказье	Сибирь
Россия	1,00	0,97	0,94	0,99	0,99	0,95	0,97	0,91	0,95	0,98	0,93	0,92	0,97	0,85
Приуралье	0,97	1,00	0,94	0,96	0,95	0,98	0,98	0,89	0,95	0,98	0,97	0,81	0,95	0,91
Север	0,94	0,94	1,00	0,93	0,97	0,92	0,91	0,97	0,89	0,95	0,91	0,78	0,86	0,78
Центр.-земл.	0,99	0,96	0,93	1,00	0,98	0,93	0,97	0,88	0,96	0,99	0,95	0,89	0,97	0,85
Центр.-пром.	0,99	0,95	0,97	0,98	1,00	0,93	0,95	0,95	0,93	0,97	0,92	0,89	0,94	0,80

Таблица 7.4 (окончание)

Район	Россия	Урал	Север	Цент. земл.	Центр. пром.	Поволжье	Северо-Запад	Запад	Юго-Восток	Украина	Прибалтика	Новороссия	Предкавказье	Сибирь
Поволжье	0,95	0,98	0,92	0,93	0,93	1,00	0,97	0,85	0,95	0,95	0,96	0,83	0,95	0,92
Северо-Запад	0,97	0,98	0,91	0,97	0,95	0,97	1,00	0,85	0,96	0,98	0,98	0,86	0,97	0,94
Запад	0,91	0,89	0,97	0,88	0,95	0,85	0,85	1,00	0,80	0,90	0,83	0,75	0,81	0,66
Юго-Восток	0,95	0,95	0,89	0,96	0,93	0,95	0,96	0,80	1,00	0,94	0,92	0,90	0,95	0,92
Украина	0,98	0,98	0,95	0,99	0,97	0,95	0,98	0,90	0,94	1,00	0,97	0,83	0,94	0,87
Прибалтика	0,93	0,97	0,91	0,95	0,92	0,96	0,98	0,83	0,92	0,97	1,00	0,77	0,93	0,92
Новороссия	0,92	0,81	0,78	0,89	0,89	0,83	0,86	0,75	0,90	0,83	0,77	1,00	0,93	0,74
Предкавказье	0,97	0,95	0,86	0,97	0,94	0,95	0,97	0,81	0,95	0,94	0,93	0,93	1,00	0,89
Сибирь	0,85	0,91	0,78	0,85	0,80	0,92	0,94	0,66	0,92	0,87	0,92	0,74	0,89	1,00
В среднем	0,95	0,95	0,91	0,95	0,94	0,93	0,95	0,86	0,93	0,95	0,92	0,85	0,93	0,86

Примечание: * При доверительной вероятности 0,95.
Источник: табл. 7.2.

Таблица 7.5

Средние коэффициенты корреляции между изменениями роста мужчин в губерниях в годы призыва, 1874–1913 гг. *

Губерния	Коэффициент корреляции	Губерния	Коэффициент корреляции	Губерния	Коэффициент корреляции
Архангельская	0,677	Курляндская	0,068	Самарская	0,392
Астраханская	0,626	Курская	0,677	Саратовская	0,365
Виленская	0,436	Лифляндская	0,557	Симбирская	0,554
Витебская	0,482	Минская	0,364	Смоленская	0,646
Владимирская	0,624	Могилевская	0,492	Ставропольская	0,388
Вологодская	0,624	Московская	0,425	Таврическая	0,506
Волынская	0,640	Нижегородская	0,695	Тамбовская	0,585
Воронежская	0,557	Новгородская	0,608	Тверская	0,539
Вятская	0,668	Олонецкая	0,099	Терская	0,417
Гродненская	0,378	Оренбургская	0,575	Тульская	0,690
Донская	0,498	Орловская	0,590	Уфимская	0,655
Екатеринославская	0,621	Пензенская	0,706	Харьковская	0,576
Казанская	0,687	Пермская	0,548	Херсонская	0,610
Калужская	0,531	Петербургская	0,604	Черниговская	0,583
Киевская	0,506	Подольская	0,537	Эстляндская	0,649
Ковенская	0,591	Полтавская	0,592	Ярославская	0,598
Костромская	0,591	Псковская	0,584		
Кубанская	0,433	Рязанская	0,520		

*Примечание:** Коэффициенты корреляции при доверительной вероятности 0,95.
Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Для новобранцев, призванных в 1874–1913 гг., мы имеем погодные губернские данные о длине тела. Их анализ обнаруживает умеренную согласованность в погодных колебаниях роста во всех губерниях, кроме двух (Курляндской и Олонецкой) — где наблюдалась полная асинхронность. В табл. 7.5 для каждой губернии приведены средние коэффициенты корреляции, показывающие тесноту связи между погодной вариацией длины тела в одной губернии и во всех остальных.

Таким образом, изменения роста мужчин в отдельных губерниях и регионах, при всем их своеобразии, подчинялись общим тенденциям — в XVIII в. он повсеместно понижался, в XIX — начале XX в. — повышался; направления колебаний в отдельные пятилетия и десятилетия также чаще всего совпадали. Однако полной согласованности не наблюдалось даже в XX в. Особенно существенно синхронность нарушалась в периоды войн и кризисов, последствия которых из-за громадности территории России затрагивали разные части империи в различной степени. Например, российские мужчины 1811–1815 годов рождения, как свидетельствует большинство индивидуальных сведений, имеющихся в моем распоряжении, в целом по стране стали на 0,6 см выше, чем рожденные в 1806–1810 гг. Но из 10 регионов только в четырех средний рост увеличился, а в шести — уменьшился. Отечественная война 1812 г. — во многих отношениях всероссийское бедствие, не затронула все регионы в одинаковой мере. Это хорошо видно по хлебным ценам. Рожь в среднем по стране в 1812 г. подорожала лишь на 18% сравнительно с 1811 г., а в 1813 г. цены вернулись к уровню 1811 г. При этом в 1812 г. повышение цен не коснулось Вятской, Пермской, Самарской, Уфимской, Волынской, Подольской и даже губерний Черноземного центра[5].

7.1 б. Степень различий в росте мужчин между регионами

Степень различий в региональных ростовых данных удобно оценить с помощью коэффициента вариации (отношение среднего квадратичного отклонения к средней арифметической, выраженное в процентах). Для районов, входивших в Европейскую Россию с конца XVII в., средний по 10 пятилетиям коэффициент в 1701–1750 гг. равнялся 0,82%, в 1751–1800 гг. — 0,96%, в 1801–1850 гг. — 0,70% и в 1851–1900 гг. — 0,40%, а для районов, находившихся в Европейской России в границах начала XIX в., в 1801–1850 гг. — 0,85% и в 1851–1900 гг. — 0,80% (табл. 7.6).

Как видим, на территории Европейской России в границах начала XVIII в. вариация среднего роста между районами уменьшилась, особенно заметно в пореформенный период, а на территории в границах начала XIX в. — осталась практически прежней. Следовательно, можно говорить о нивелировании ростовых региональных средних на территории, заселенной преимущественно русскими. Что же касается межэтнических различий в длине тела, то они остались примерно на прежнем уровне.

Какие районы больше выигрывали или проигрывали, когда благосостояние населения изменялось к лучшему или худшему? Чтобы ответить на этот вопрос, сравним колебания ростовых региональных средних в период падения уровня жизни, в XVIII в., и в периоды его повышения в конце XVIII — первой половине XIX в. и в пореформенное время[6] (табл. 7.7).

Таблица 7.6

Коэффициенты вариации среднего роста мужчин в Европейской России в 1701–1900 гг. по районам и пятилетиям,%*

Годы	А	Годы	А	Б
1701–1705	0,61	1801–1805	0,60	0,73
1706–1710	1,44	1806–1810	0,75	0,68
1711–1715	1,37	1811–1815	1,04	1,06
1716–1720	0,66	1816–1820	0,73	0,85
1721–1725	0,84	1821–1825	0,64	1,04
1726–1730	0,84	1826–1830	0,77	0,80
1731–1735	0,68	1831–1835	0,85	0,91
1736–1740	0,69	1836–1840	0,61	0,90
1741–1745	0,66	1841–1845	0,57	0,83
1746–1750	0,44	1846–1850	0,45	0,72
1701–1750	0,82	1801–1850	0,70	0,85
1751–1755	0,81	1701–1850	0,83	—
1756–1760	0,62	1851–1855	0,45	0,72
1761–1765	0,63	1856–1860	0,49	0,87
1766–1770	0,52	1861–1865	0,49	0,88
1771–1775	1,22	1866–1870	0,38	0,83
1776–1780	0,89	1871–1875	0,46	0,73
1781–1785	0,9	1876–1880	0,32	0,77
1786–1790	1,69	1881–1885	0,28	0,70
1791–1795	1,11	1886–1890	0,32	0,71
1796–1800	1,16	1891–1895	0,22	0,78
1751–1800	0,96	1896–1900	0,62	1,05
1701–1800	0,89	1851–1900	0,40	0,80
1751–1755	0,81			

Примечание: *А — на территории в границах начала XVIII в., Б — в границах начала XIX в.
Источник: Подсчитано по данным табл. 7.2

В первый продолжительный период падения биостатуса, 1701–1795 гг., менее среднего (за средний уровень принимаем положение в России в целом) пострадали Северо-Запад, затем Север, Поволжье и Приуралье (в трех последних значительную часть жителей составляли нерусские народы); более среднего — Земледельческий и Промышленный центры, заселенные почти исключительно русскими. Просматривается две закономерности. Во-первых, чем ближе регион к новой столице, С.-Петербургу, тем сильнее понизилось благосостояние его населения — Центрально-промышленный и Центрально-земледельческий районы; отдаленные и потому мало доступные для центральной власти Север, Поволжье и Приуралье пострадали в наименьшей степени. Во-вторых, районы со значительной долей нерусских пострадали меньше сравнительно с теми, где проживали исключительно русские, что находилось в русле национальной

политики правительства, опасавшегося сепаратизма среди нерусских сильнее, чем протестов со стороны русских. В XVIII в. Россия решала геополитические задачи выхода на берега Балтийского и Черного морей, и правительство, остро нуждавшееся в ресурсах, напрягало платежеспособные силы народа до максимального предела, сообразуясь, однако, с возможностями и опасностями подобной политики.

Таблица 7.7

Изменения среднего роста мужчин в России по районам в периоды понижения и повышения уровня жизни

Регионы	1701–1790 гг.		1796–1850 гг.		1851–1915 гг.	
	Индекс понижения роста, 1701–1705 гг. =100	Рейтинг района	Индекс увеличения роста, 1791–1795 гг. =100	Рейтинг района	Индекс увеличения роста, 1851–1855 гг. =100	Рейтинг района
Приуралье	98,1	4	104,0	12	103,1	13
Север	98,7	6	102,5	6	101,9	3
Центр. землед.	97,4	1	102,8	9	103,1	14
Центр. пром.	97,7	2	103,2	10	102,3	8
Поволжье	98,2	5	102,6	7	102,0	4
Северо-Запад	99,3	7	100,1	1	102,7	10
Запад	–	–	101,8	3	101,7	2
Юго-Восток	–	–	103,4	11	102,2	5
Украина	–	–	102,7	8	103,0	12
Прибалтика	–	–	101,2	2	103,0	11
Новороссия	–	–	104,3	14	101,5	1
Предкавказье	–	–	104,0	13	102,3	7
Сибирь	–	–	102,2	4	102,3	6
Россия	97,9	3	102,3	5	102,4	9

Источник: Подсчитано по данным табл. 7.2.

В первый период улучшения биостатуса, в 1796–1850 гг., больший или меньший выигрыш отдельного региона находился в зависимости главным образом от хозяйственной конъюнктуры в этом регионе. Экономическое развитие в первой половине XIX в. проходило под знаком растущего хлебного экспорта через черноморские порты и, можно предположить, чем сильнее вовлечен район в экспортную торговлю, тем больше он выиграл от благоприятной конъюнктуры. Поэтому в числе лидеров повышения биостатуса оказались Новороссия, Предкавказье, Юго-Восток, Земледельческий центр и Украина. Источником повышения благосостояния в Центрально-промышленном регионе в первой половине XIX в. послужило развитие фабричного и кустарного производства и торговли. Менее среднего выиграли Северо-Запад, Прибалтика и Западный регион по причине перемещения главных центров внешней торговли с Балтийского на Черное море. Дополнительной причиной попадания в группу аутсайдеров Западного региона, возможно, послужило то обстоятельство, что район сильно пострадал в период наполеоновских войн вследствие Континентальной блокады 1806–1814 гг., Отечественной войны 1812 г. и польского восстания 1830–1831 гг.

Во втором периоде повышения жизненного уровня, 1866–1915 гг., в числе лидеров оказались Черноземный центр, Приуралье, Украина, Прибалтика, Северо-запад, Промышленный центр, а среди аутсайдеров — Новороссия, Запад, Север, Поволжье, Юго-Восток и Предкавказье. В пореформенный период мотором быстрого экономического развития страны являлась промышленность, поэтому именно те регионы, где наиболее интенсивно происходила индустриальная революция, оказались в максимальном выигрыше. На первый взгляд парадоксальным выглядит нахождение Черноземного центра, всегда считавшегося аутсайдером, в числе лидеров улучшения биостатуса в пореформенной России. Для этого имелись веские основания. Условия отмены крепостного права в регионе были достаточно благоприятными. Хотя там и произошла отрезка земли на 16,3%, но и годовой оклад выкупных платежей понизился, причем в большей степени, чем произведена отрезка, — на 19–24% меньше годового оклада оброчных платежей. Барщина же на душу населения, по преувеличенной оценке Б. Г. Литвака, в результате реформы уменьшилась в 3–5 раз. В районе процент помещичьих крестьян — один из самых высоких среди великорусских районов — 46% от всех жителей. В силу этого облегчение налогового бремени должно было сказаться в Черноземном центре в наибольшей степени, учитывая высокий процент барщинных крестьян — накануне реформы более половины крестьян оставались на чистой барщине и около четверти на смешанной повинности[7]. Да и в торгово-промышленном отношении Черноземный центр не являлся самым отсталым. По оценке В. П. Семенова-Тян-Шанского на 1900 г. «по бойкости торгово-промышленной жизни полосу следует отнести к средним»[8]. В сельскохозяйственном отношении Черноземный центр находился по российским стандартам примерно на среднем уровне[9]. Но, конечно, главным фактором повышения благосостояния крестьянства Черноземного

Богданов-Бельский Н. К. Новые хозяева. 1913 г.
Алтайский краевой музей изобраз. и приклад. искусств

центра в пореформенное время послужило облегчение бремени налогов и повинностей (подробнее см. в Главе 6.2 г). По-видимому, рывок был совершен в 1901–1915 гг., так как на 1896–1900 гг. по степени улучшения биостатуса район находился не на первом, а на седьмом месте.

Дополнительная причина снижения темпов прироста длины тела у мужчин Предкавказья, Новороссии и Сибири состояла в усилении миграции в эти регионы из российских центральных губерний со средне- и низкорослым населением. Наконец, 1801–1915 гг. отмечены нивелированием региональных различий в длине тела за счет большего ее увеличения в районах с низкорослым и меньшего ее увеличения в районах с высокорослым населением. В Предкавказье, Новороссии и Сибири проживали более рослые мужчины, и это послужило дополнительным фактором замедления удлинения тела в этих районах. Нивелирование региональных ростовых различий обусловливалось выравниванием условий жизни в стране благодаря интеграции регионов в единую народнохозяйственную систему, что являлось важнейшей особенностью экономического развития России в имперский период[10].

Как видим, в каждый из периодов ухудшения и улучшения биостатуса в число лидеров и аутсайдеров попадали различные районы, заселенные как русскими, так и другими этносами, никакой сегрегации в отношении нерусских народов не наблюдалось. Динамика региональных показателей определялась экономическим профилем региона, особенностями его развития и экономической конъюнктурой в тот или иной период.

7.2. Факторы географии роста, смертности и воинского брака в середине XIX в.

Мы располагаем данными о длине тела всех 11,7 млн новобранцев, рожденных в 1853–1892 гг. и призванных на службу в 1874–1913 гг. по всем губерниям. Указанные годы обеспечены также разнообразными статистическими материалами о социально-экономическом состоянии 50 европейских губерний. Все это создает благоприятную возможность для выявления тех факторов, которые оказывали влияние на географию роста, а значит, и на географию благосостояния российского населения, с помощью многофакторного регрессионно-корреляционного анализа. Так как начало и конец изучаемого отрезка времени относятся к двум разным эпохам — к крепостнической и капиталистической, то анализ целесообразно провести по крайней мере дважды — для 1853–1860 гг. и 1883–1892 гг.

7.2 а. Отбор факторов

В число показателей биостатуса, кроме длины тела, включены воинский брак — число забракованных по состоянию здоровья и число получивших отсрочку «по невозмужанию» (т. е. потому что не достигли полной физической зрелости) — и коэффициент смертности. В регрессионно-корреляционном анализе они будут выполнять роль результирующих, или зависимых, переменных. Рождаемость, поскольку в течение XIX — начала XX в. она была для подавляющего числа жителей стихийной и нерегулируемой и практически не зависимой от благосостояния, целесообразно включить в число независимых, причинных переменных, или факто-

ров, воздействовавших на жизненный уровень. То же относится к естественному приросту населения, по крайней мере, наполовину обусловленному рождаемостью, а также и к брачности, мало зависевшей от благосостояния. В крестьянской культуре семья рассматривалась как категорический жизненный императив. Браки по экономическим причинам, например вследствие неурожая, могли откладываться на короткое время, но практически не отменялись, поэтому не женились только полные инвалиды — около 1% населения[11]. Рождаемость, естественный прирост и брачность целесообразно включить в число факторов благосостояния и по другой причине: в рассматриваемое время они в значительной степени объясняли наличие в семье работников, обремененность крестьянской семьи детьми и иждивенцами, что влияло на уровень жизни, а также и смертность, особенно младенческую и детскую.

Выбор факторов, объясняющих географическое распределение губерний по длине тела, основывается на качественном и количественном анализе. Поскольку средний рост, число забракованных новобранцев и смертность в нашем анализе выступают в качестве индикаторов благосостояния губернии, то в число факторов, его обусловливавших, я включил следующие переменные: состояние сельскохозяйственного производства (количество земли, скота, урожаи, сборы хлебов и картофеля, цены, зарплата и др.), доходы крестьян из разных источников (от сельского хозяйства, отходничества, работы по найму, промыслов), налоги и повинности. Для оценки тяжести налогов использовались недоимки, для оценки доходов — сбережения населения в государственных сберегательных кассах (самое популярное в России место хранения накоплений), а также потребление водки.

Я попытался принять во внимание и уровень развития торгово-промышленных и товарных отношений в губернии, от чего зависела возможность выгодной реализации сельскохозяйственных продуктов, нахождения дополнительного заработка в промышленности, торговле или промыслах. С этой целью использовались сведения о гербовом сборе с разного рода имущественных сделок и о торгово-промышленном обороте в губернии. Пропорциональный гербовый сбор уплачивался со всех имущественных сделок (контракты, долговые обязательства, покупка и продажа и т. п.) не менее чем на 50 руб., сообразно сумме сделки или акта, и потому величина сборов отражала интенсивность экономической жизни в губернии. От сбора ускользало значительное число сделок. Однако, по мнению экспертов того времени, величина сбора в губерниях, занижая число сделок, более или менее правильно отражала «относительное положение, которое занимали отдельные районы и губернии в общей картине экономической деятельности населения всех 50 губерний»[12].

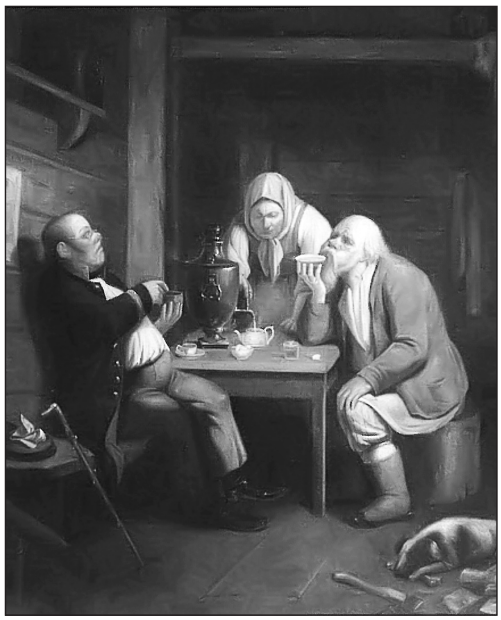
Расчет торгово-промышленного оборота в губернии на 1900 г. произведен в начале XX в. Министерством торговли и промышленности. Основная идея и общая схема принадлежали В. П. Семенову-Тян-Шанскому. В результате огромной работы, проделанной по учету деятельности 448 520 торговых и 41 940 промышленных предприятий в Европейской России, исследователи оценили уровень торгово-промышленного развития губерний и районов. Семенов-Тян-Шанский справедливо называл торгово-промышленный оборот на жителя показателем «бойкости экономической жизни» или «экономической силы района»[13].

Мальтузианская идея об отставании увеличения средств существования от роста численности населения как факторе понижения благосостояния была достаточно популярна в пореформенной России. Эта идея имеет сторонников и в настоящее время. Для проверки этой гипотезы я ввел в анализ несколько дополнительных факторов — плотность населения, соответствие земельных наделов рабочей силе и продовольственным потребностям, избыток или недостаток рабочих рук после удовлетворения всех производственных потребностей (сельское хозяйство, промышленность, промыслы) по губерниям. Оценка перенаселения — сложная и трудоемкая работа. К счастью, ее выполнила Комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 г. благосостояния крестьянства[14].

В ходе математико-статистического анализа индивидуальных данных установлено (в Главе 4): вариация в длине тела людей объяснялась социальным статусом, городским или сельским проживанием, грамотностью, семейным положением, профессией и этнической принадлежностью человека. Вследствие этого в анализ географии роста включим данные о социальной, этнической, конфессиональной, семейной, профессиональной и образовательной структуре жителей губерний. Заслуживает особого внимания и расовый состав населения, поскольку между расовой принадлежностью людей и длиной их тела есть статистически значимая связь. Расовый профиль губернии можно приблизительно определить по доле мусульман, буддистов, ламаистов и язычников, так как представители этих конфессий, как правило, принадлежали к смешанному расовому типу европеоидов и монголоидов. Однако в таком виде фактор будет отражать не только расовые различия в строении тела, но и этнокультурные различия, влиявшие на качество жизни. Чтобы учесть расовый фактор, сделаны также отдельные расчеты для всех 50 губерний и для 46 губерний, где проживали почти исключительно европеоиды-христиане (исключены Астраханская, Вятская, Казанская и Уфимская губернии, где доля славянского населения была самой низкой).

Постоянно следует иметь в виду: перечисленные факторы биостатуса воздействовали на длину тела людей не сами по себе, а как *заместители*, или *представители,* социально-экономических и культурных факторов — дохода, благосостояния, культуры, социального статуса, сведениями о которых на индивидуальном уровне мы не располагаем.

Таким образом, в качестве показателей благосостояния или *результирующих* переменных в анализе участвуют:



Михайлов А. С. Приезд станового пристава в избу сотского. 1858 г. ГРМ

(1) средний рост мужского населения в возрасте 21 года,

(2) воинский брак — число забракованных по состоянию здоровья и число получивших отсрочку «по невозмужанию»,

(3) коэффициент смертности.

В качестве *факторов*, оказывавших влияние на длину тела и здоровье населения, для середины XIX в. взяли следующие:

(1) Количество земли на душу населения в десятинах в 1860, 1880 и 1900 гг.

(2) Средняя урожайность на крестьянских землях в 1857–1863 гг. и 1881–1890 гг. в самах[15].

(3) Чистый сбор хлебов и картофеля в четвертях на душу населения в 1857–1863 гг. и 1881–1890 гг.

(4) Число скота на 1000 душ сельского населения в 1859–1864 гг. и 1890 г.: лошади, крупный рогатый скот и мелкий скот (овцы, козы и свиньи переведены в крупный в пропорции десять к одному).

(5) Цена пуда ржи в 1851–1860 гг. и 1881–1890 гг.

(6) Число занятых отхожими промыслами: на основе количества проданных билетов и паспортных бланков на право отхода и численности сельского населения вычислен процент занятых отходничеством в 1861–1870 гг. и 1881–1890 и 1900 гг.

(7) Зарплата сельскохозяйственного пешего работника-мужчины на хозяйском содержании в 1871–1880 и 1881–1890 гг.

(8) Доходы крестьянства от сельского хозяйства, промыслов, отходничества, работы по найму в 1857–1863 гг. и 1881–1890 гг.

(9) Уровень торгово-промышленного развития в 1863 г. и 1900 г. (по сведениям о торгово-промышленных оборотах, промышленности и ярмарочной торговли).

(10) Пропорциональный гербовый сбор на душу населения в 1861–1874 и 1888–1900 гг.

(11) Уровень урбанизации: процент городского населения в 1858 г. и 1897 г.

(12) Величина налогов и повинностей на душу населения в 1849 г. (оброк, подушная подать, земские и натуральные повинности в переводе на деньги — отдельно для помещичьих, государственных крестьян и мещан) и в 1881–1890 гг. (окладные казенные, земские и мирские сборы с надельных земель).

(13) Недоимки по уплате налогов в 1849 г. (отдельно для помещичьих, государственных крестьян и мещан) и в 1881–1890 гг., в руб. и в % к гос. окладу.

(14) Сбережения «работников» (крестьян и рабочих) в государственных сберегательных кассах в 1863–1865 и 1881–1900 гг.

(15) Потребление водки на душу населения в 1863–1870 и 1880–1890 гг.

(16) Избыток и недостаток хлеба и картофеля собственного производства в губернии в 1857–1863 гг. и в 1900 г.

(17) Аграрное перенаселение учтено тремя способами: как (а) плотность населения, (б) соответствие земельных наделов рабочей силе и продовольственным потребностям, (в) избыток или недостаток рабочих рук после удовлетворения всех потребностей в них в 1858 г. и 1900 г.

(18) Демографические процессы: (а) рождаемость, (б) естественный прирост, (в) брачность.

(19) Социальная структура населения как доля различных сословий в населении губернии в 1858 и 1897 гг.

(20) Семейная структура населения: (а) коэффициент брачности и (б) доля женатых новобранцев по результатам призыва в 1874–1883 гг. [16] и переписи 1897 г.

(21) Процент грамотных мужчин по материалам призыва в 1874–1883 гг. [17] и переписи 1897 г.

(22) Этнический профиль как доля русских, славянского населения (русских, украинцев и белорусов), православных, католиков, протестантов и других вероисповеданий в населении губерний в 1858 и 1897 гг.

(23) Расовый профиль как доля мусульман, буддистов, ламаистов и язычников в населении губернии.

(24) Процент помещичьих крестьян по губерниям в 1857 г.

Первые восемь факторов характеризуют степень развития сельского хозяйства и доходы крестьянства от земледелия, скотоводства и отхожих промыслов в губернии; 9–11-й факторы — общий уровень экономического развития; 12–13-й факторы — налоги и повинности, при этом 13-й (недоимки) измеряет тяжесть платежей. 14-й и 15-й факторы контролируют доходность крестьянства и обременительности платежей: если доходы растут, а платежи снижаются, то сбережения и расходы на алкоголь должны повышаться, и наоборот. 16-й (хлеб и картофель собственного производства) и 4-й (скот) факторы отражают качество питания. 17-й фактор оценивает степень аграрного перенаселения, а 18-й — его источник: высокий естественный прирост населения. 19-й и 20-й факторы показывают социальный и семейный профиль жителей губерний. 21-й (процент грамотных) отражает уровень общей культуры, оказывающий косвенное влияние на благосостояние: грамотный человек имеет возможность найти более выгодную работу, лучше распорядиться наличными средствами, более внимательно относится к своему здоровью, лучше информирован по всем вопросам, касающихся его жизни. 22-й фактор (этнический состав) учитывает особенности национальной культуры, которая оказывала прямое воздействие на длину тела через диету, отношение к здоровью, уход за детьми, гендерное неравенство, а также косвенно — через систему ценностей, религию, право, экономические и социальные отношения. 23-й фактор (расовый профиль) до некоторой степени принимает во внимание расовые особенности жителей губернии. 24-й фактор (доля помещичьих крестьян в губернии) позволяет оценить значение крепостного права для биостатуса крестьянства.

Исходные данные, в значительной части заимствованные из Статистического атласа Вильсона[18], рукописного атласа Милютина[19], из материалов Комиссии 1901 г. [20] и Первой всеобщей переписи населения 1897 г.[21], приведены в Приложениях 4 и 5 вместе с указанием источников.

7.2 б. География роста

Сначала рассчитаем корреляционную матрицу, включающую коэффициенты парной корреляции между длиной тела мужчин и всеми отобранными факторами, фрагмент которой представлен в табл. 7.8.

Основываясь на парных коэффициентах, выберем из нескольких независимых переменных, представляющих один и тот же фактор, наиболее чувствительную и включим ее в качестве кандидата в многофакторную модель. Затем построим несколько десятков многофакторных моделей, включающих все возможные наборы факторов, и определим величину множественных (они оценивают со-

Таблица 7.8

Коэффициенты парной корреляции (r) между ростом мужского населения и факторами, на него влияющими, в середине XIX в. в 49 губерниях Европейской России*

Факторы	r	Факторы	r
1. Призывники, получившие отсрочку, %	0,016	21. Торгово-промышленный оборот на д.н.	0,034
2. Забраковано новобранцев, %	–0,519	22. Потребление водки на д.н.	0,244
3. Получило отсрочку и забраковано, %	–0,349	23. Гербовый сбор на д.н.	0,189
4. Число отходников-крестьян, %	–0,120	24. Грамотность новобранцев, %	–0,057
5. Земельный надел на р.д.**	–0,144	25. Рождаемость, ‰	–0,120
6. Цена ржи за пуд	–0,161	26. Смертность, ‰	–0,144
7. Урожайность	–0,029	27. Естественный прирост населения, ‰	–0,161
8. Чистый сбор хлебов и картофеля на д.н.	–0,027	28. Брачность, ‰	–0,029
9. Избыток/недостаток хлеба местного производства	0,106	29. Женатые новобранцы, %	–0,027
10. Численность скота на д.н.	0,286	30. Плотность населения	0,109
11. Прямые налоги государственных крестьян на р.д.	0,122	31. Городское население, %	0,337
12. Недоимки государственных крестьян на р.д.	–0,041	32. Мещане и купцы, %	0,211
13. Недоимки государственных крестьян, %	–0,124	33. Крестьянство, %	–0,264
14. Оброк помещичьих крестьян на р.д.	0,034	34. Мусульмане, %	–0,114
15. Прямые налоги помещичьих крестьян на р.д.	0,203	35. Мусульмане, буддисты, язычники, %	–0,039
16. Недоимки помещичьих крестьян	0,232	36. Православное население, %	0,023
17. Недоимки помещичьих крестьян, %	0,209	37. Нехристианское население, %	–0,040
18. Прямые налоги мещан на р.д.	–0,111	38. Русское население, %	–0,262
19. Недоимки мещан на р.д.	–0,127	39. Помещичьи крестьяне по губерниям, %	0,138
20. Недоимки мещан, %	–0,131		

Примечание: * Без Уфимской губернии, образованной в 1865 г. Полужирным выделен статистически значимый коэффициент при доверительной вероятности 0,95. На р. д. — на ревизскую душу; на м. д. — на мужскую душу.
Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 4.

вместную роль всех учтенных факторов) и частных коэффициентов детерминации (они измеряют «чистое» влияние отдельных факторов). В многофакторную модель постепенно включаем либо из нее исключаем факторы, основываясь на величине коэффициента множественной детерминации[22] (табл. 7.9). Первый скорректированный множественный коэффициент детерминации (0,237) показывает долю межгубернской вариации роста, объясняемую степенью развития скотоводства и численностью русских, второй коэффициент (0,254) — долю межгрупповой вариации роста, объясняемую числом скота в губернии, процентом русского населения и недоимками, и т. п.

Совместное действие первых пяти факторов объясняет 42,9% вариации среднего мужского роста между губерниями. Добавление в модель шестого фактора (доля мусульман в губернии) увеличило множественный коэффициент детерминации лишь до 45,9% — на 3%, а прибавление следующих факторов приводило к ухудшению модели: коэффициенты множественной детерминации уменьшались, а частные коэффициенты корреляции становились статистически

Таблица 7.9

Коэффициенты множественной детерминации между ростом и важнейшими факторами в 50 губерниях Европейской России в середине XIX в.

Факторы	Множественный коэф. детерминации	Скорректированный множественный коэф. детерминации	F-критерий	Вероятность ошибочного заключения
1. Численность скота на д. н.				
2. Русские,%	0,268	0,237	8,606	0,001
3. Недоимки государственных крестьян,%	0,305	0,254	6,003	0,002
4. Городское население,%	0,385	0,324	6,264	0,001
5. Земельный надел	0,494	0,429	7,611	0,000
6. Мусульманское население,%	0,533	0,459	7,231	0,000
7. Отходничество	0,541	0,455	6,239	0,000
8. Естественный прирост населения	0,548	0,447	5,450	0,000
9. Брачность	0,557	0,442	4,880	0,000
10. Недостаток продовольствия местного производства	0,557	0,426	4,267	0,001
11. Цена ржи	0,557	0,409	3,766	0,002
12. Зарплата сельскохозяйственного рабочего	0,564	0,401	3,454	0,002

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 4.

незначимыми. Анализ всех возможных комбинаций факторов приводит к выводу, что в середине XIX в. шесть факторов (в порядке их вклада в межгубернскую вариацию длины тела): численность скота, доля русских, недоимки, процент горожан, величина земельного надела и доля мусульман в губернии — исчерпывали влияние всех учтенных нами факторов (табл. 7.10).

Таблица 7.10

Влияние важнейших факторов на вариацию роста мужчин между 50 губерниями Европейской России в середине XIX в.

Факторы	Частный коэф. корреляции	Частный коэф. детерминации	t-критерий	Вероятность ошибочного заключения
1. Численность скота на д. н.	0,561	0,314	4,172	0,000
2. Русские,%	–0,451	0,203	–3,116	0,003
3. Недоимки гос. крестьян,%	–0,449	0,201	–3,094	0,004
4. Городское население,%	0,387	0,150	2,585	0,014
5. Земельный надел	–0,377	0,142	–2,509	0,016
6. Мусульманское население,%	–0,278	0,077	–1,786	0,082

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 4.

Самое существенное влияние на географию роста оказывало сельскохозяйственное производство; оно представлено в модели двумя факторами — численностью скота и величиной земельного надела. Уровень развития сельского

хозяйства объясняет около 45% вариации среднего роста между губерниями (0,314 + 0,142). При этом между длиной тела людей и численностью скота существовала понятная прямая зависимость (чем лучше развито скотоводство в губернии, тем лучше питание и выше рост), а между величиной земельного надела и длиной тела — обратная (с уменьшением надела она увеличивалась, и наоборот). Объяснение парадокса в следующем: именно в многоземельных нечерноземных губерниях с недостаточной доходностью земледелия (вследствие невысокого естественного плодородия почвы, низкой эффективности труда и больших издержек производства из-за необходимости удобрять землю) население испытывало дефицит продовольствия, что отражалось на размерах тела.

Вторым по важности являлся этно-расовый профиль губернии, который представлен в модели долей русских и мусульман в губернии — на долю этого фактора приходилось до 28% географической вариации роста (0,203 + 0,077). Учитывая знак «минус» при частном коэффициенте корреляции, полученный результат можно интерпретировать следующим образом: чем выше в губернии доля русских и мусульман, тем меньше в ней длина тела мужчин, в ней проживающих, и наоборот. По индивидуальным измерениям мы знаем: губернии, где проживали татары, башкиры и калмыки (Астраханская, Казанская, Оренбургская, Уфимская), морфологически принадлежащие к азиатским расам, а также губернии со значительной численностью народностей, занимающих по своим морфологическим особенностям промежуточное положение между европейскими и азиатскими расами (Вятская, Казанская, Симбирская, Пермская), имели рост ниже среднего по России. Напротив, прибалтийские губернии, заселенные народами, относящимися к балтийской малой расе (по другой терминологии — к северной расовой группе европеоидов), отличающейся высоким ростом, имели высокорослое население[23]. Русские уступали по длине тела украинцам, белорусам и прибалтийским народам (табл. 7.11).

Таблица 7.11

Национальные различия в росте мужчин 1901–1920 гг. рождения*

Этнос	Рост, см	Этнос	Рост, см	Этнос	Рост, см
Удмурты	163,6	Чуваши	165,7	Русские	167,8
Коми	164,6	Евреи	165,9	Карелы	168,6
Башкиры	165,1	«Ясачные люди»	167,0	Белорусы	168,7
Марийцы	165,2	Другие народы	167,0	Молдаване	168,8
Татары	165,6	Мордвины	167,2	Украинцы	169,3
				Эстонцы, латыши и литовцы	170,4

Примечание: * При устранении влияния возраста, социального статуса, места проживания и образования.
Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Расовые и этнические особенности строения тела, сформировавшиеся в давние времена и отражавшие условия жизни той эпохи, не утратили своего значения вплоть до настоящего времени[24]. Для более точной оценки их влияния необходимы сведения о длине тела отдельных этносов по губерниям, которыми мы не располагаем.

Заметно воздействие налогового бремени на географию роста, о чем можно судить по тому, что недоимки объясняли около 20% межгубернской вариации длины тела. Знак «минус» при частном коэффициенте корреляции указывает на обратный характер зависимости: выше налоги — ниже средний рост в губернии. Наконец, статистически значимым оказался и уровень урбанизации, обусловливавший 15% географической вариации длины тела. Знак «плюс» при коэффициенте корреляции говорит о прямой связи: больше процент горожан — выше средний рост.

Вопреки общераспространенному мнению, крепостное право не являлось важнейшим фактором, негативно влиявшим на благосостояние крестьянства. Корреляционный анализ не обнаружил зависимости между долей владельческих крестьян в губернии и величиной их длины тела — парный коэффициент корреляции по 47 губерниям равнялся ничтожной величине — лишь 0,138. Тот же результат получается, если расчет сделать по 20 великороссийским губерниям — 0,031. Отсюда следует: представление о доминирующей роли крепостного права для уровня жизни крестьян в дореформенную эпоху требует пересмотра. Вследствие этого этот фактор исключен из дальнейшего анализа.

Корреляционный анализ не обнаружил зависимости и между семейным состоянием и средним ростом мужчин в губерниях потому, вероятно, что эта связь, как было выяснено на индивидуальных данных, не являлась существенной; женатые лишь на 0,1–0,3 см превосходили холостых, и обобщенные губернские сведения такую малую величину зафиксировать не смогли. Зато связь между социальным составом населения (социальный профиль губернии лучше всего представляла доля городских жителей) и длиной тела оказалась существенной.

Не выявлено заметной связи между длиной тела и коэффициентом рождаемости, смертности, естественного прироста в губерниях. Здесь, возможно, сказалась неточность демографической статистики середины XIX в., но более существенное значение могло иметь другое — в России в это время *повсеместно* действовала традиционная модель воспроизводства населения: ранняя, всеобщая и высокая, брачность, не регулируемая и предельно высокая рождаемость, не контролируемая и высокая смертность[25]. В этих обстоятельствах демографические показатели мало изменялись от губернии к губернии и вследствие этого слабо влияли на межгубернскую *вариацию* роста. Иными словами, в первой половине XIX в. сам по себе уровень жизни в существенной степени зависел от модели воспроизводства населения (при большом естественном приросте россияне не могли быть богатыми), но вариация благосостояния между губерниями в более существенной степени определялась другими факторами, так как демографический фактор являлся общим для всех них.

6-факторная модель объясняет межгубернскую вариацию длины тела примерно на 45,9% (табл. 7.12).

Весомая доля необъясненной межгубернской вариации в длине тела (около 54%), по-видимому, обусловлена недостаточной точностью исходных сведений, но главным образом — невозможностью найти для факторов географии роста адекватные показатели в статистической форме. Например, доля населения по конфессиям и языку, использованная для характеристики этнического и расового профиля губерний, не передает всей специфики национальной культуры или расовой принадлежности народов, в них проживавших. Почему? Во-первых,

этносы (например, татары, башкиры и чуваши), принадлежащие одной расовой группе, по своей культуре существенно различались между собой, а русские, численно преобладавшие везде, имели серьезные региональные отличия в культуре, диете и других признаках, влиявших на рост. Величина земельного надела весьма приблизительно отражает доход крестьянства от сельского хозяйства, а доля горожан в губернии — социальный профиль ее населения.

Таблица 7.12

Совокупное влияние шести важнейших факторов на вариацию роста мужчин между 50 губерниями Европейской России в середине XIX в.

Коэффициент множественной корреляции	0,730
Коэффициент множественной детерминации	0,533
Скорректированный коэффициент множественной детерминации	0,459
F-критерий	7,231
Вероятность ошибочного заключения	0,000

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 4.

Следует также иметь в виду: география длины тела объясняется многими факторами (всего в расчетах участвовало 18 факторов), а у нас всего 49 наблюдений (губерний). Огромная информация о социально-экономической и культурной среде, в которой происходило физическое развитие человека в середине XIX в., сконцентрирована лишь в 49 вариантах, значит, слишком усреднена и уплощена. Это препятствует ее адекватному анализу. Малочисленность наблюдений имеет отрицательный эффект и в другом отношении: если не принимать во внимание соотношение количества наблюдений и числа факторов, то модель, как показывает простой коэффициент множественной детерминации, объясняет более половины (53%) географической вариации среднего роста, в то время как скорректированный коэффициент множественной детерминации, учитывающий соотношение числа наблюдений и факторов, — менее половины (46%). По-видимому, более надежный результат получился бы при анализе поуездной информации, так как в 49 губерниях 487 уездов, следовательно, 487 вариантов. Но, к сожалению, такими данными мы не располагаем. Можно предложить такую содержательную интерпретацию полученных коэффициентов: чем лучше губерния развита в экономическом отношении, чем выше в ней уровень урбанизации, чем ниже процент русских и народностей, принадлежащих к смешанному расовому типу европеоидов и монголоидов, тем более рослым является население губернии и, следовательно, тем выше в губернии уровень жизни. Крепостное право само по себе не являлось важным фактором благосостояния крестьянства.

7.2 в. География смертности

Проанализируем теперь факторы, объясняющие географию смертности, используя ту же процедуру, которую мы применяли при изучении факторов географии роста (табл. 7.13). Уровень смертности обычно рассматривается в качестве показателя здоровья и благосостояния.

Таблица 7.13

Коэффициенты парной корреляции (r) между уровнем смертности и 20 факторами в 49 губерниях Европейской России в середине XIX в.*

Фактор	r	Фактор	r
Рост	–0,12	Грамотность новобранцев,%	0,12
Воинский брак	–0,04	Рождаемость,‰	0,65
Отходничество	0,25	Женатые новобранцы,%	0,57
Цена ржи	–0,37	Брачность‰	0,25
Чистый сбор зерновых и картофеля на д. н.	0,33	Городское сословие,%	–0,58
Численность скота на д. н.	–0,08	Крестьяне,%	0,40
Потребление водки на д. н.	0,34	Мусульмане,%	0,11
Зарплата сельскохозяйственных рабочих	–0,26	Православные,%	0,48
Налоги государственных крестьян на д. н.	0,34	Католики и протестанты,%	–0,51
Оброк помещичьих крестьян на р. д.**	–0,50	Не христиане,%	–0,13

Примечания: * Без Уфимской губернии, образованной в 1865 г. Полужирным выделены статистически значимые коэффициенты при доверительной вероятности 0,95.

** На ревизскую (мужскую) душу.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 4.

Анализ всех возможных комбинаций факторов приводит к выводу: в середине XIX в. рождаемость и доля русских в губернии являлись важнейшими — они объясняли географическую вариацию смертности на 73% (табл. 7.14 и 7.15).

Таблица 7.14

Влияние важнейших факторов на вариацию смертности между 50 губерниями Европейской России в середине XIX в.

	Частный коэффициент корреляции	Частный коэффициент детерминации	t-критерий	Вероятность ошибочного заключения
Рождаемость,‰	0,733	0,537	7,378	0,000
Русские,%	0,699	0,489	6,710	0,000

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 4.

Таблица 7.15

Совокупное влияние важнейших социально-экономических факторов на вариацию смертности между 50 губерниями Европейской России в середине XIX в.

Коэффициент множественной корреляции	0,858
Коэффициент множественной детерминации	0,736
Скорректированный коэффициент множественной детерминации	0,725
F-критерий	65,570
Вероятность ошибочного заключения	0,000

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 4.

Среди факторов географии смертности главная роль принадлежала рождаемости: высокая рождаемость имела следствием плохой уход за детьми, что в свою очередь сильно влияло на уровень детской и, значит, общей смертности. Кроме того, как показывает корреляционный анализ, уровень рождаемости в губернии в существенной степени зависел от доли проживавших в ней русских.

Мы не имели возможности учесть степень медицинского обслуживания в губерниях, который теоретически должен воздействовать на смертность, и, несмотря на это, получили хороший результат. Причин, на мой взгляд, две: решающую роль для вариации смертности между губерниями играла рождаемость; лечение в середине XIX для огромного большинства населения ограничивалось народной медициной, осуществлялось домашними средствами, силами знахарей и мало различалось от губернии к губернии.

Интерпретация итогов математико-статистического анализа географии смертности в середине XIX в. может быть такой: чем более традиционной является модель воспроизводства населения в губернии, тем выше там смертность.

7.2 г. География воинского брака

Показателем здоровья могут служить также данные о забракованных по состоянию здоровья новобранцах в губерниях. В табл. 7.16 приведены коэффициенты парной корреляции между процентом забракованных и всеми факторами, участвующими в анализе.

Анализ всех возможных комбинаций факторов привел к заключению: в середине XIX в. чистый сбор хлебов и картофеля, численность скота, доля нехристианского населения (евреев, мусульман и др.) и православных (в порядке важности) — исчерпывают действие всех учтенных факторов, другими словами, экономический и этнокультурный факторы оказались главными (табл. 7.17).

Зависимость между воинским браком, с одной стороны, и сбором хлебов и численностью скота — с другой, является *обратной*: в губерниях с более высоким развитием сельскохозяйственного производства доля забракованных ниже, и наоборот. Высокая обеспеченность продовольствием положительно сказывалась на здоровье людей. Как показывают результаты корреляционного анализа, губернии, где меньше браковалось новобранцев, почти во всех отношениях находились на более высоком уровне социально-экономического развития: в них выше грамотность и ниже смертность, в них разводилось много скота и собиралось больше хлеба и картофеля, мужчины в этих губерниях отличались высокорослостью. Одновременно в этих, более развитых, губерниях была ниже рождаемость и брачность, меньше распространено отходничество.

Напротив, между процентом православных и нехристианских жителей в губернии и воинским браком имелась существенная *прямая* связь — чем больше в губернии проживало русских, украинцев, белорусов, евреев, мусульман, буддистов и язычников, тем больше там число забракованных. На наш взгляд, объяснение этим закономерностям лежит в особенностях воспроизводства населения в России середины XIX в. Как показывает возрастная таблица смертности у 11 народов России на конец XIX в., практически во всех когортах наиболее высокая смертность наблюдалась у языческих, православных и мусульманских народов, что, по всей видимости, соответствовало и уровню здоровья у новобранцев соответствующих этносов (табл. 6.25).

Таблица 7.16

Коэффициенты парной корреляции (r) между воинским браком и 40 факторами в 49 губерниях Европейской России в середине XIX в.*

Фактор	r	Фактор	r
1. Рост новобранцев	**–0,519**	20. Недоимки помещичьих крестьян,%	–0,145
2. Получило отсрочку,%	**0,317**	21. Прямые налоги мещан на р. д.**	0,059
3. Число отходников-крестьян,%	0,211	22. Недоимки мещан на р. д.	–0,066
4. Надел на ревизскую душу, десятин	0,108	23. Недоимки мещан,%	–0,051
5. Цена ржи за пуд	0,032	24. Грамотность мужского населения,%	0,084
6. Урожайность	–0,158	25. Рождаемость,‰	–0,291
7. Чистый сбор хлебов и картофеля на д. н.	**–0,343**	26. Смертность,‰	–0,044
8. Избыток/недостаток хлеба на д. н.	–0,285	27. Естественный прирост населения,‰	–0,315
9. Численность скота на д. н.	**–0,312**	28. Брачность,‰	–0,156
10. Зарплата сельскохозяйственного рабочего	–0,206	29. Женатые новобранцы,%	–0,279
11. Торгово-промышленный оборот на д. н.	–0,025	30. Плотность населения	0,018
12. Потребление водки на д. н.	0,160	31. Городское население,%	0,165
13. Гербовый сбор на д. н.	0,171	34. Мещане и купцы,%	–0,026
14. Прямые налоги гос. крестьян на р. д.**	0,080	35. Крестьяне,%	0,076
15. Недоимки гос. крестьян на р. д.	–0,235	36. Мусульмане,%	0,058
16. Недоимки гос. крестьян,%	–0,174	37. Мусульмане, буддисты, язычники,%	0,058
17. Оброк помещичьих крестьян на р. д.	–0,253	38. Православное население,%	–0,019
18. Прямые налоги помещичьих крестьян на р. д.	0,062	39. Нехристианское население,%	0,060
19. Недоимки помещичьих крестьян на р. д.	–0,156	40. Русское население,%	–0,018

Примечания: * Без Уфимской губернии, образованной в 1865 г. Полужирным выделены статистически значимые коэффициенты при вероятности 0,95.

** На ревизскую (мужскую) душу.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 4.

Таблица 7.17

Влияние важнейших факторов на вариацию воинского брака между 50 губерниями Европейской России в середине XIX в.

Фактор	Частный коэф. корреляции	Частный коэф. детерминации	t-критерий	Вероятность ошибочного заключения
Численность скота на д. н.	–0,548	0,301	–4,146	0,000
Чистый сбор хлебов и картофеля на д. н.	–0,527	0,277	–3,918	0,000
Нехристианское население,%	0,511	0,261	3,759	0,001
Православное население,%	0,376	0,141	2,563	0,014

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 4.

Итоги математико-статистического анализа географии воинского брака можно интерпретировать следующим образом: чем ниже в губернии уровень развития сельского хозяйства и чем выше в ней доля русских, украинцев и белорусов, исповедовавших православие, а также татар, башкир и народов, исповедовавших ислам, буддизм и язычество, тем выше в ней величина воинского брака. Экономический и этнокультурный факторы являлись главными для географии воинского брака в конце XIX в., обусловливая его примерно на 43%; необъясненная часть вариации составляет около 57% (табл. 7.18).

Таблица 7.18

Совокупное влияние важнейших факторов на вариацию воинского брака между 49 губерниями Европейской России в середине XIX в.

Коэффициент множественной корреляции	0,694
Коэффициент множественной детерминации	0,481
Скорректированный коэффициент множественной детерминации	0,429
F-критерий	9,268
Вероятность ошибочного заключения	0,000

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 4.

7.3. Факторы географии роста, смертности и воинского брака в конце XIX в.

7.3 а. География роста

Обратимся теперь к концу XIX в. В табл. 7.19 приведены коэффициенты парной корреляции между средним мужским ростом и 29 факторами в 50 губерниях.

Основываясь на парных коэффициентах, мы выбрали наиболее информативные факторы и включили их в объяснительную модель. Затем из нескольких десятков моделей, включающих все возможные наборы факторов, нашли ту, которая наилучшим образом объясняет географическую вариацию длины тела. Оказалось: в конце XIX в. самыми важными являлись четыре фактора — тяжесть налогов, зарплата, земельный надел, грамотность (табл. 7.20).

Чем ниже налоги в губернии, чем выше зарплата сельскохозяйственных рабочих и выше грамотность, тем выше рост проживавших в ней мужчин. Зависимость между земельным наделом и ростом — обратная (с увеличением надела длина тела уменьшается). Как и в середине XIX в. и по той же причине: в многоземельных нечерноземных губерниях с низкой урожайностью и с недостаточной доходностью земледелия население испытывало дефицит продовольствия, что отражалось на размерах тела. Высота зарплаты обычно отражает уровень доходности земледелия: выше зарплата — больше доходы. Из четырех факторов значение грамотности было наименьшим, а остальных — примерно одинаковым (31–35%). Можно предложить следующую содержательную интерпретацию результатов математико-статистического анализа факторов

Таблица 7.19

Коэффициенты парной корреляции (r) между средним ростом и различными факторами в 50 губерниях Европейской России в конце XIX в.*

Фактор	r	Фактор	r
1. Избыток рабочих рук	0,329	16. Иммигранты в губернии,%	0,290
2. Торгово-промышленный оборот на д. н.	0,264	17. Эмигранты из губерний,%	0,045
3. Налоги на д. н.	**–0,430**	18. Городское население,%	**0,355**
4. Зарплата сельскохозяйственных рабочих	**0,528**	19. Хозяйства с наемными рабочими,%	**0,534**
5. Численность скота на д. н.	0,180	20. Дети до 1 года в населении губернии,%	–0,212
6. Доход от земледелия на д. н.	0,005	21. Холостые новобранцы,%	**0,396**
7. Отходничество	**–0,343**	22. Дворяне и чиновники,%	0,038
8. Доход от земледелия** и промыслов на д. н.	0,098	23. Духовенство,%	–0,414
9. Накопления на д. н.	–0,205	24. Купцы и почетные граждане,%	0,138
10. Потребление водки на д. н.	0,253	25. Мещане,%	0,152
11. Брачность,‰	–0,101	26. Крестьяне,%	–0,258
12. Естественный прирост населения,‰	0,001	27. Земельный надел на д. н.	–0,346
13. Русские,%	–0,412	28. Мусульмане,%	–0,193
14. Православные,%	–0,406	29. Мусульмане, буддисты, язычники,%	–0,160
15. Грамотность мужчин,%	0,513		

*Примечания:** Полужирным выделены статистически значимые коэффициенты.

** Валовой доход.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 5.

Таблица 7.20

Влияние важнейших факторов на вариацию среднего роста между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в.

Факторы	Частный коэф. корреляции	Частный коэф. детерминации	t-критерий	Вероятность ошибочного заключения
Налог на д. н.	–0,594	0,353	–4,958	0,000
Зарплата	0,570	0,324	4,649	0,000
Земельный надел на д. н.	–0,559	0,312	–4,517	0,000
Грамотность,%	0,308	0,095	2,173	0,035

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 5.

географии роста в конце XIX в.: чем выше в губернии налоги, ниже уровень сельскохозяйственного производства, ниже доходность земледелия и ниже грамотность, тем меньше длина тела ее жителей, и наоборот. Совместное действие четырех факторов объясняло межгубернскую вариацию среднего роста почти на 64% (табл. 7.21).

Таблица 7.21

Совокупное влияние важнейших факторов на вариацию среднего роста между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в.

Коэффициент множественной корреляции	0,818
Коэффициент множественной детерминации	0,669
Скорректированный коэффициент множественной детерминации	0,639
F-критерий	22,719
Вероятность ошибочного заключения	0,000

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 5.

7.3 б. География смертности

Переходим к анализу географии смертности в конце XIX в. (табл. 7.22).

Таблица 7.22

Коэффициенты парной корреляции (r) между уровнем смертности и 30 факторами в 50 губерниях Европейской России в конце XIX в.*

Фактор	r	Фактор	r
Избыток или недостаток рабочих рук	**–0,412**	Грамотность мужчин,%	**–0,383**
Торгово-промышленный оборот на д. н.	0,270	Иммигранты в губернии,%	0,311
Налоги на д. н.	**0,562**	Эмигранты из губерний,%	–0,303
Зарплата сельскохозяйственных рабочих	–0,002	Городское население,%	0,150
Численность скота на д. н.	0,181	Хозяйства с наемными рабочими,%	–0,266
Доход от земледелия на д. н.	0,252	Дети до 1 года в населении губернии,%	0,327
Отходничество	0,287	Холостые новобранцы,%	**–0,354**
Доход от земледелия и промыслов на д. н.	0,377	Дворяне и чиновники,%	0,017
Накопления на д. н.	0,081	Духовенство,%	0,320
Потребление водки на д. н.	**0,430**	Купцы и почетные граждане,%	**0,435**
Рождаемость,‰	**0,800**	Мещане,%	–0,128
Брачность,‰	**0,477**	Крестьяне,%	–0,163
Естественный прирост населения,‰	0,136	Земельный надел на д. н.	0,295
Русские,%	**0,454**	Мусульмане,%	0,180
Православные,%	**0,514**	Мусульмане, буддисты, язычники,%	0,204

Примечание: * Полужирным выделены статистически значимые коэффициенты.
Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 5.

Как и в случае анализа факторов географии роста, основываясь на парных коэффициентах, мы выбрали наиболее информативные факторы и включили их в объяснительную модель. Затем из нескольких десятков моделей, включающих все возможные наборы факторов, выбрали ту, которая наилучшим образом объясняет географическую вариацию длины тела. Оптимальная модель оказалась

очень простой и, на мой взгляд, убедительной: два фактора (уровень рождаемости и доля русских в губернии) объясняли 83% межгубернской вариации смертности (табл. 7.23 и 7.24).

Таблица 7.23

Влияние важнейших факторов на вариацию уровня смертности между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в.

Факторы	Частный коэффициент корреляции	Частный коэффициент детерминации	t-критерий	Вероятность ошибочного заключения
Рождаемость,‰	0,890	0,793	13,416	0,000
Русские,%	0,737	0,543	7,469	0,000

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 5.

Таблица 7.24

Совокупное влияние важнейших факторов на вариацию уровня смертности между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в.

Коэффициент множественной корреляции	0,914
Коэффициент множественной детерминации	0,836
Скорректированный коэффициент множественной детерминации	0,829
F-критерий	119,464
Вероятность ошибочного заключения	0,000

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 5.

Как видим, модель географии смертности в конце XIX в. оказалась такой же, как и в середине XIX в. Лишь доля объясненной вариации смертности увеличилась на 11%, благодаря тому, вероятно, что точность статистических данных за 50 лет повысилась, особенно показатели смертности. Высокая рождаемость оставалась главным фактором высокой смертности, и она была тем выше, чем более в губернии проживало русских. В табл. 7.25 приведены коэффициенты возрастной смертности 11 народов России в конце XIX в.[26] Они демонстрируют: практически во всех когортах наиболее высокая смертность наблюдалась у русских.

Таблица 7.25

Возрастная смертность лиц мужского пола у 11 народностей Европейской России в конце XIX в. (в промилле)

Возраст	Русские	Украинцы	Белорусы	Литовцы	Латыши	Эстонцы	Молдаване	Евреи	Татары	Башкиры	Чуваши	Россия в целом
0–1	461	272	261	233	206	214	199	257	312	271	329	298,0
1–2	117	87	97	66	56	52	101	97	89	97	86	100,3
2–3	65	54	62	35	35	34	38	50	57	57	52	57,8
3–4	41	35	43	24	26	22	27	28	42	42	44	38,6

Таблица 7.25 (окончание)

Возраст	Русские	Украинцы	Белорусы	Литовцы	Латыши	Эстонцы	Молдаване	Евреи	Татары	Башкиры	Чуваши	Россия в целом
4–5	29	24	13	17	19	17	22	23	30	30	36	28,1
5–9	14	12	13	9	10	9	12	9	16	11	16	12,9
10–14	5	6	5	4	4	5	6	5	5	4	6	5,4
15–19	6	6	5	5	5	5	7	5	5	4	6	5,8
20–24	8	8	8	7	6	8	8	5	9	7	10	7,6
25–29	8	7	7	7	6	7	6	7	8	6	10	8,2
30–34	9	7	7	6	5	7	7	7	8	7	9	8,7
35– 39	11	8	8	9	7	8	8	11	8	7	12	10,3
40–44	14	10	11	10	8	10	9	12	10	10	16	11,8
45–49	19	14	16	15	12	12	14	16	12	13	18	15,7
50–54	22	17	19	14	15	18	15	20	15	15	25	18,5
55–64	36	29	32	27	24	29	26	33	25	24	36	31,8
65–74	69	62	64	58	58	62	47	69	50	50	73	64,2
75–84	109	98	81	116	112	123	78	130	93	85	138	108,1
85–94	148	101	83	115	165	180	92	297	122	125	216	128,3
95–104	188	128	136	91	181	158	86	583	141	176	342	

Источник: Подсчитано по: *Птуха М. В.* Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века. Киев, 1928. С. 24. 52–53.

Интерпретация итогов математико-статистического анализа географии смертности в конце XIX в. такая же, как и в середине века: чем более традиционной являлась модель воспроизводства населения в губернии, тем выше там смертность.

Гулянье в деревне на праздник. 1900-е гг. Фото

7.3 в. География воинского брака

Связь между долей забракованных по состоянию здоровья новобранцев 1883–1892 годов рождения, призванных в 1904–1913 гг., и факторами, от которых эта доля зависела, отражена в табл. 7.26.

Таблица 7.26

Коэффициенты парной корреляции (r) между воинским браком и различными факторами в 50 губерниях Европейской России в конце XIX в.

Фактор	r	Фактор	r
1. Избыток рабочих рук	–0,093	16. Иммигранты в губернии,%	0,141
2. Торгово-промышленный оборот на д. н.	0,213	17. Эмигранты из губерний,%	0,063
3. Налоги на д. н.	0,014	18. Городское население,%	0,124
4. Зарплата сельскохозяйственных рабочих	–0,241	19. Хозяйства с наемными рабочими,%	0,042
5. Численность скота на д. н.	–0,064	20. Дети до 1 года в населении губернии,%	0,051
6. Доход от земледелия на д. н.	–0,046	21. Холостые новобранцы,%	–0,037
7. Отходничество	0,272	22. Дворяне и чиновники,%	0,091
8. Доход от земледелия и промыслов на д. н.	–0,027	23. Духовенство,%	0,227
9. Накопления на д. н.	–0,073	24. Купцы и почетные граждане,%	0,218
10. Потребление водки на д. н.	0,141	25. Мещане,%	–0,094
11. Брачность,‰	–0,082	26. Крестьяне,%	–0,014
12. Естественный прирост населения,‰	–0,243	27. Земельный надел на д. н.	0,077
13. Русские,%	0,053	28. Мусульмане,%	0,175
14. Православные,%	0,094	29. Мусульмане, буддисты, язычники,%	0,158
15. Грамотность мужчин,%	0,046		

Источник: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 5.

Корреляционный анализ не обнаружил ни одного статистического значимого фактора. Когда же из нескольких десятков моделей, включающих все возможные наборы факторов, выбрали наилучшую, то и ее объяснительная сила оказалась невысокой (табл. 7.27).

Таблица 7.27

Влияние важнейших факторов на вариацию воинского брака между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в.

Факторы	Частный коэффициент корреляции	Частный коэффициент детерминации	t-критерий	Вероятность ошибочного заключения
Естественный прирост	–0,476	0,226	–3,628	0,001
Русские,%	–0,386	0,149	–2,810	0,007
Православное население,%	0,403	0,163	2,956	0,005
Нехристианское население,%	0,395	0,156	2,887	0,006

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 5.

Все четыре фактора (естественный прирост, доля русских, православных и нехристианских жителей) объяснили лишь 19,5% межгубернской вариации воинского брака у новобранцев 1883–1892 годов рождения (табл. 7.28), в то время как для контингента 1853–1860 годов рождения — 43%.

Таблица 7.28

Совокупное влияние важнейших факторов на вариацию воинского брака между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в.

Коэффициент множественной корреляции	0,510
Коэффициент множественной детерминации	0,260
Скорректированный коэффициент множественной детерминации	0,195
F-критерий	3,959
Вероятность ошибочного заключения	0,008

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 5.

Интерпретация полученных результатов может быть следующей. Воинский брак в губернии тем больше, чем выше в ней доля православных и нехристианских жителей. Воинский брак у русских ниже, чем у других православных — украинцев и белорусов, поэтому между долей русских и воинским браком связь отрицательная, а между долей православных и воинским браком — положительная, несмотря на то, что среди православных на долю русских приходилось две трети. Самый низкий воинский брак наблюдался в губерниях с высоким естественным приростом населения.

Невысокая объяснительная сила модели воинского брака позволяет предположить: данные о нем на 1904–1913 гг. либо находились под влиянием каких-то неизвестных нам факторов, не включенных в объяснительную модель, либо требования к физической годности новобранцев варьировали по губерниям. Возможно, последний вариант имел место в пореформенной России. Хотя качество медицинского освидетельствования с 1874 г. улучшалось ввиду повышения компетентности врачей-экспертов, более строгих и четко сформулированных требований к здоровью, но из-за различной обеспеченности квалифицированным медицинским персоналом на местах требования не являлись одинаковыми во всех губерниях[27].

Сравним итоги анализа географии длины тела, смертности и воинского брака в середине и конце XIX в. (табл. 7.29).

Модель, объясняющая межгубернскую вариацию роста, в середине XIX в. включала экономические, социальные и этнокультурные факторы с преобладанием экономических, а в конце XIX в. — исключительно экономические, поскольку в пореформенное время грамотность стала рассматриваться как человеческий капитал, или как производственное вложение капитала в людей. Но даже если не соглашаться с таким подходом к грамотности, то следует учесть: ее роль в вариации длины тела между губерниями была невелика. Номенклатура факторов за 50 лет частично изменилась. Земельный надел и налогообложение (только в середине XIX в. в форме недоимок, а в конце XIX в. в форме налога) оставались важнейшими экономическими факторами. Но в конце XIX в. важное место заняли зарплата и грамотность, т. е. человеческий капитал, что

Таблица 7.29

Влияние важнейших факторов на географию роста, смертности и воинского брака в Европейской России в середине и конце XIX в.

	Середина XIX в., коэф. детерминации		Конец XIX в., коэф. детерминации
Факторы географии роста		**Факторы географии роста**	
Численность скота на д.н.	0,314	Зарплата	0,324
Недоимки гос. крестьян,%	0,201	Налог на д. н.	0,353
Земельный надел на д. н.	*0,142*	*Земельный надел на д. н.*	*0,312*
Городское население,%	0,150	Грамотность,%	0,095
Русские,%	0,203		
Мусульманское население,%	0,077		
	0,459**		0,639**
Факторы географии смертности		**Факторы географии смертности**	
Рождаемость,‰	*0,858*	*Рождаемость,‰*	*0,793*
Русские,%	*0,736*	*Русские,%*	*0,543*
	0,725**		0,829**
Факторы географии воинского брака		**Факторы географии воинского брака**	
Численность скота на д. н.	0,301	Естественный прирост населения	0,226
Чистый сбор хлебов и картофеля на д. н.	0,277	Русские,%	0,149
Нехристианское население,%	*0,261*	*Нехристианское население,%*	*0,156*
Православное население,%	*0,141*	*Православное население,%*	*0,163*
	0,429**		0,195**

Примечания: * Курсивом выделены общие для середины и конца XIX в. факторы.
** Коэффициент множественной детерминации
Источники: см. табл. 7.9–7.28.

знаменовало наступление капитализма. Этнокультурный фактор, столь важный в середине XIX в., стал статистически незначимым и даже формально вышел из объясняющей модели. Но вряд ли он полностью утратил свою роль. К сожалению, у нас нет достаточных и надежных сведений, чтобы учесть его прямое влияние. Кроме того, уровень грамотности находился в заметной связи с национальным профилем губерний: коэффициент парной корреляции между процентом грамотных и долей протестантов в губернии составил 0,803, и долей православных — 0,508, и долей мусульман — 0,257. Модель не только трансформировалась, но и упростилась и увеличила свою объяснительную силу: 4-факторная модель на конец XIX в. обусловливает 64% межгубернской вариации среднего роста мужчин — на 15% больше, чем 6-факторная модель в середине XIX в.

Каравай для свадьбы. 1900-е гг. Фото

Модель, объясняющая географию смертности, в пореформенное время осталась прежней: рождаемость являлась доминирующим фактором, чуть ли не монопольно контролирующим смертность. Отсюда следует: традиционный тип воспроизводства населения, со свойственными ему высокой брачностью, стихийной и высокой рождаемостью и огромной смертностью, к концу XIX в. не претерпел существенных изменений, хотя перемены и наметились в дореформенное время, в особенности в прибалтийских губерниях[28]. В течение всего имперского периода высокая рождаемость потому имела столь важное значение для смертности, что провоцировала плохой уход за детьми. Ни одно общество, ни одна самая развитая экономика не в состоянии прокормить огромное число детей (8–10), которых рожали российские женщины в XIX в., если бы дети не умирали тоже в огромном количестве. На первом году жизни в конце XIX века в Европейской России умирало почти 30% мальчиков, в том числе 35% у русских, а до 6 лет доживало соответственно 56% и 50% новорожденных[29]. Для середины XIX в. эти показатели еще хуже[30]. Это была какая-то адская машина: дети рождались, чтобы умереть, и, чем больше рождалось детей, тем больше умирало, а чем больше умирало, тем больше рождалось. Высокая рождаемость и смертность — две стороны одной медали, они стимулировали друг друга. Если бы детей рождалось меньше, они получали бы лучший уход и их, несомненно, меньше бы умирало. Не случайно существовала следующая закономерность: чем выше порядковый номер рождения (начиная с третьего ребенка), тем меньше у ребенка шансов выжить — верное свидетельство повышенной смертности в многодетных семьях[31]. Здесь речь идет не о прямой физиологической связи между рождаемостью и смертностью, а о такой зависимости, которая существовала опосредствованно, обусловливалась влиянием бытовых, культурных и социально-экономических факторов[32]. Высокая смертность в России являлась производной не только от низкой культуры и грамотности, недостатка медицинских знаний и бедности, она также определялась так называемой восточноевропейской моделью воспроизводства

(всеобщие ранние браки, высокая нерегулируемая рождаемость и высокая смертность). В западноевропейских странах, придерживавшихся иной, так называемой западной, модели воспроизводства населения (высокий процент целибата, позднее вступление в брак, умеренная рождаемость и смертность), уже в XVII–XVIII вв. общий коэффициент смертности составлял 25–28 промилле — меньше, чем в России, в середине XIX в., в существенной степени благодаря меньшей рождаемости — 28–32 промилле[33]. Благодаря этому матери могли выхаживать своих детей при том же уровне общей культуры, грамотности и медицинских знаний, которыми обладали в массе русские люди XIX в. Западная модель в XVIII–XIX вв. получила распространение среди католических и особенно протестантских жителей западных российских губерний, что способствовало там понижению брачности, рождаемости и, как следствия этого, смертности. В прибалтийских губерниях последняя была самой низкой среди всех регионов.

Модель воинского брака получилась менее удовлетворительной как для середины, так особенно и для конца XIX в., поскольку обусловливает менее половины вариации процента забракованных. В середине XIX в. воинский брак объяснялся преимущественно экономическими факторами, а в конце XIX в. — этнокультурными, хотя в том и другом случае этнокультурная компонента существенна: чем выше доля русских, украинцев, белорусов, а также представителей народов, исповедовавших ислам, буддизм и язычество в губернии, тем больше там воинского брака. Наличие такой закономерности объясняется тем, что в изучаемое время существовали национальные особенности ухода за детьми, от которого в существенной мере зависело здоровье детей — будущих новобранцев. По единодушному свидетельству врачей XIX — начала XX в., православные и нехристианские народы ухаживали за детьми хуже, чем прибалтийские народы и евреи. Кроме антисанитарных условий, важное значение имели степень заботы и обычаи вскармливания. «Грубоспартанское воспитание господствует в России в самых широких размерах до сих пор, — отмечал земский врач Е. А. Покровский в 1884 г. — Подобное отношение к детям вырабатывает такие качества, как выносливость, способность приспособляться к самым трудным условиям, терпение, покорность судьбе, закаленность, но вместе с тем имеет и такие негативные последствия, как огромную смертность, множество калек и инвалидов, а также то, что из младенчества в детство переходит много детей с плохим здоровьем»[34]. В православной деревне существовал обычай давать ребенку едва ли не с первых дней его жизни, кроме материнского молока, жеваный хлеб, кашу и т. п. добавки, причем не из-за отсутствия молока или других неодолимых препятствий, а просто по традиции, по причине незнания о его целительных свойствах[35]. Как теперь хорошо известно, материнское молоко содержит, кроме белков, жиров и углеводов, минеральные элементы, ферменты, гормоны, витамины, иммуноглобулины и антитела, благодаря чему защищает новорожденного от инфекции и аллергических заболеваний[36]. Дефицит материнского молока оказывал негативный эффект на здоровье младенцев, повышая заболеваемость и смертность. Мусульманские женщины, следуя Корану, обязательно кормили младенцев материнским молоком, благодаря чему они меньше болели[37].

7.4. Итоги

В имперский период Россия развивалась как единая социально-экономическая система, в стране формировался единый всероссийский рынок. Это сказывалось на согласованности в изменении благосостояния, приводило к конвергенции районов по уровню жизни, о чем убедительно говорит уменьшение различий в среднем росте мужчин между районами. Так называемые национальные окраины, за исключением Кавказа и Средней Азии, о которых нет массовых данных, в экономическом отношении были органично включены в Российскую империю[38]. Динамика среднего роста в регионах при всем своеобразии в отдельные пятилетия подчинялась общим тенденциям — в XVIII в. он повсеместно понижался, а в XIX — начале XX в. повышался; колебания в отдельные пятилетия и десятилетия также чаще всего совпадали. Отсюда следует: биостатус и уровень жизни в регионах и России в целом изменялись синхронно.

В каждый из периодов понижения и повышения благосостояния в числе лидеров и аутсайдеров оказывались различные районы, заселенные как русскими, так и другими этносами, никакой сегрегации в отношении нерусских народов не замечается. Нахождение регионов в группе победителей или проигравших зависело от их экономической специализации и экономической конъюнктуры, а не этнического состава.

Многофакторная регрессионная модель обнаружила следующую закономерность: чем развитее губерния в экономическом отношении, чем выше в ней процент горожан и ниже доля русских и народностей, принадлежащих к смешанному расовому типу европеоидов и монголоидов, тем выше там биостатус и, следовательно, благосостояние населения. Модель для середины XIX в. включала экономические, социальные и этнокультурные факторы с преобладанием экономических, а для конца XIX в. — исключительно экономические. Этнокультурный фактор, столь значимый в середине XIX в., утратил свою важную роль.

Примечания

1. Ради сопоставимости для всего изучаемого периода принято единое административное деление на 1913 г.
2. *Пурунджан А. Л.* Географическая изменчивость антропометрических признаков на территории СССР//Куршакова Ю. С. и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 108–116.
3. В 1-м издании в табл. VII.2 о длине тела жителей в Промышленном центре за 1706–1800 гг. допущены опечатки.
4. Чем выше по абсолютной величине коэффициенты корреляции, тем больше согласованности в изменении переменных, участвующих в анализе.
5. *Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 232, 235, 238.
6. Поскольку в некоторых регионах точки минимума и максимума биостатуса приходились на другие пятилетия, чем в среднем по России, то сравнивалась длина тела в периоды изменения тенденции для этого региона. Пропуски сведений о длине тела на начальное и конечное пятилетие периода заполнялись данными ближайших к ним пятилетий.
7. *Литвак Б. Г.* Русская деревня в реформе 1861 года. М., 1972. С. 148, 318, 320, 403; *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 169.

8. Торговля и промышленность Европейской России по районам: Общая часть и приложения/ В. П. Семенов-Тян-Шанский (ред.). СПб., 1904. С. 18.
9. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Т. 1. С. 314–315 (далее Материалы Комиссии 1901 г.).
10. *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981.
11. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. С. 161, 172.
12. Материалы Комиссии 1901 г. Т. 3. С. 251–252.
13. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Общая часть и приложения. С. III–V, 16–17, 20–21. Подробные результаты исследования опубликованы в 12 выпусках, каждый из которых посвящен отдельному району, в 1904 г.
14. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1–3.
15. *«Сам»* — число, показывающее, во сколько раз сбор зерновых превосходит посев.
16. Всеобщая воинская повинность в Российской империи за первое десятилетие 1874–1883 гг. / Сост. А. Сырнев. СПб., 1886. С. XXXV, LVI–LIX.
17. Всеобщая воинская повинность в Российской империи за первое десятилетие 1874–1883 гг. С. XXX–XXXI, LV.
18. *Вильсон И. И.* Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 4-е изд. СПб., 1869. С. 78, 110–111, 348–349.
19. РГИА, ф. 869 (Милютины), оп. 1, д. 789. Таблицы к Статистическому атласу (1850 г.), л. 1–40.
20. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 28–33, 76–79, 180–185, 221–227.
21. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 72, 82; Т. 2. С. 20, 37.
22. В программе Statistica 6 эта операция (метод пошаговой регрессии) выполняется автоматически в модуле «Множественная регрессия». В уравнение регрессии на основе F-критерия последовательно включаются факторы, пока уравнение не предложит удовлетворительного объяснения ситуации.
23. *Алексеева Т. И.* Антропологический облик русского народа//Русские/В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук (ред.). М., 2003. С. 68–72. См. также: Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным/В. В. Бунак (ред.)//Труды Института этнографии. Новая серия. 1965. Т. 88. С. 244.
24. *Брук С. И.* Население мира: Этно-демографический справочник. М., 1981. С. 100–107; *Анучин Д. Н.* Расы//«Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 51. СПб., 1899. С. 356–360; *Пурунджан А. Л.* Особенности строения тела основных этнических групп населения СССР//Дерябин В. Е., Пурунджан А. Л. Географические особенности строения тела населения СССР. М., 1990. С. 13–90; *Пурунджан А. Л.* Географическая изменчивость антропометрических признаков на территории СССР. С. 108–116.
25. *Вишневский А. Г.* Избранные демографические труды: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 31–34.
26. *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 52–97.
27. См. подробнее в Главе 8, § 7.
28. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 209–211.
29. *Птуха М. В.* Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века. Киев, 1928. С. 23, 52.
30. Воспроизводство населения СССР/А. Г. Вишневский, А. Г. Волков (ред.). М., 1983. С. 61.
31. *Томилин С. А.* К вопросу о плодовитости крестьянки и влиянии ее на детскую смертность//Советская демография за 70 лет/Т. В. Рябушкин (ред.). М., 1987. С. 107–109.
32. *Новосельский С. А.* О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью//Новосельский С. А. Демография и статистика: (Избранные произведения). М., 1978. С. 146–153.
33. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 379–381.
34. *Покровский Е. А.* Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России: Материалы для медико-антропологического исследования. М., 1884. С. 365, 370–371.

35. *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России// Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Пг., 1916. С. 66–67.
36. Справочник по детской диетике/И. М. Воронцов, А. В. Мазурин (ред.). 2-е изд. Л., 1980. С. 26–28, 39–40.
37. *Чеботаев Н. П.* Некоторые данные по статистике смертности и заболеваемости крестьянских детей Самарской губернии. СПб., 1901. С. 6.
38. Например, изменения биостатуса в Польше и Европейской России в 1844–1892 гг. были очень похожи: *Kopczyński M.* Agrarian Reforms, Agrarian Crisis and the Biological Standard of Living in Poland, 1844–1892//Economics and Human Biology. 2007. Vol. 5. P. 458–470.

8

ПИТАНИЕ, ЗДОРОВЬЕ И БИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

«Кто видал толстобрюхого хлебопашца или рядового солдата? Большое брюхо — плохой аттестат для рабочего».

А.А. Фет, 1864 г. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 206.

Работники и солдаты не любили толстых товарищей, – со знанием дела утверждал А.А. Фет[1]. Питание россиян в XVIII — начале XX в. изучено недостаточно, о чем свидетельствует малое число обобщающих работ[2]. До последнего времени этим вопросом занимались преимущественно этнографы со специфическим для них подходом к проблеме и в рамках своих задач накопили большой и полезный материал[3]. Их в первую очередь интересует, что и когда ели, кулинария, ритуалы и обычаи застолья, символическое значение отдельных продуктов. Этнографы не изучают калорийность пищи, соотношение в ней питательных веществ — белков, жиров и углеводов, соответствие потребления физиологическим нормам и характеру труда и влияние питания на здоровье. Между тем имеющиеся данные позволяют получить ответы и на эти вопросы, начиная с середины XIX в. Начнем с питания горожан. На их долю в населении страны приходилось в середине XIX в. около 9%, а в 1914 г. –15%[4].

8.1. Питание горожан в середине XIX в.

В 1840–1850-е гг. губернские статистические комитеты стали собирать и публиковать сведения о потреблении продовольственных продуктов в отдельных губерниях. Собранные данные не дифференцированы по социальным группам, что, однако, не лишает их значения. Во-первых, потребление некоторых продуктов питания (хлеб, соль и др.) мало эластично, в разных стратах городского общества оно различалось скорее качеством, чем количеством. Например, исследования конца XIX — начала XX в. не обнаружили кардинальных различий в потреблении хлеба, овощей, соли, растительного масла, фруктов различными экономическими группами горожан. Потребление хлеба и крупы отклонялось от статистической средней вверх на 7% у высшей группы и вниз — на 1% у низшей группы, потребление картофеля — вверх на 31% у высшей группы и вниз — на 4% у низшей группы, и т.д. (табл. 8.10). Во-вторых, средняя и верхняя страты общества

были малочисленны. В 1858 и 1897 г. на их долю приходилось всего около 12% городского населения[5]. Вследствие этого средние цифры приблизительно верно отражали потребление основной массы горожан, за исключением деликатесных продуктов.

Отметим особенность данных о душевом потреблении в середине XIX в.: они не являлись результатом прямого изучения питания в семьях, а получены расчетным путем: реализованный в городе продукт делился на число жителей (без регулярной армии, снабжаемой особым порядком). Поскольку точно учесть купленный товар и его покупателей довольно трудно (торговая статистика занижала оборот, в город постоянно приезжали и уезжали люди из других мест), данные о питании следует рассматривать как сугубо ориентировочные[6]. Очевидно, они *занижали действительное потребление* из-за преуменьшения товарооборота и по причине недоучета продуктов, полученных за счет охоты, рыбной ловли, собирательства, а также из подсобных хозяйств, имевшихся у большинства горожан: даже в столицах содержали скот, птицу и имели огороды[7]. Кроме того, о некоторых продуктах информации недостаточно. Если об овощах и фруктах мы имеем данные по 266 городам[8], молоке — по 97, мясе — по 101, водке — по 93, муке — по 28, то о рыбе — по 8, соли и масле — по 6, сахаре — по 3, яйцах и картофеле — всего по 2 городам.

Обобщение имеющихся сведений о потреблении горожан, а также данных о производстве и импорте отдельных продуктов дало следующие результаты (табл. 8.1 и 8.2).

Таблица 8.1

Мука, мясо и водка, купленные на рынке горожанами для личного потребления в 1840–1850-е гг. (в кг на душу населения в год)

Губерния*	Хлеб**	Мясо	Водка***	Губерния*	Хлеб**	Мясо	Водка***
Гродненская (5)	236	35	–	Пермская (11)	–	69	43
Донская (1)	–	79	–	Рязанская (13)	–	64	33
Калужская (13)	–	57	25	Самарская (7)	–	82	23
Киевская (1)	197	55	–	Тульская (12)	–	68	20
Ковенская (1)	253	29	–	Харьковская (16)	–	65	–
Лифляндская (8)	217	47	19	Ярославская (4)	260	48	19
Пензенская (9)	257	29	31	В среднем	240	59	25

Примечания: * В скобках указано число городов, по которым имеются сведения.

** В переводе на муку.

***В литрах.

Источники: Подсчитано по: Военно-статистическое обозрение Российской империи: В 17 т. СПб., 1848–1858. Т. 7. Ч. 2. Лифляндская губерния. 1853. С. 512–563; Т. 12. Ч. 4. Пензенская губерния. 1849. С. 77–95; Т. 5. Ч. 4. Самарская губерния. 1853. С. 145–146; Т. 3. Ч. 1. Санкт-Петербургская губерния. 1851. С. 358–360; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: В 25 т. СПб., 1859–1868. Т. 5. Земля Войска Донского. 1863. С. 509–510; Т. 4. Гродненская губерния. Ч. 2. 1863. С. 786–787, 847–848, 877; Т. 2. Ковенская губерния. 1861. С. 680; Материалы для статистики Российской империи, изданные при Статист. отд. Совета МВД. СПб., 1839. Т. 1. Отд. 3. С. 77, 163, 232; 1841. Т. 2. Отд. 3. С. 76, 177; *Фундуклей И. И.* Статистическое описание Киевской губернии. Ч. I. С. 360–361; РГИА, ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД), оп. 39, д. 36, 52, 56, 67.

Таблица 8.2

Потребление некоторых продуктов питания горожанами в 1840–1850-е гг. (в кг на душу населения в год)

Города	Масло растит.	Яйца, шт.	Сахар	Соль	Чай	Кофе	Картофель	Овощи, фрукты	Молоко	Рыба	Масло коровье
Киев	4,4	29	4,7	29	–	–	138	28	3	12,6	5,5
Петербург	17,0	62	–	18	–	–	–	–	30	4,1	3,0
Ростов (Яросл.)	4,3	–	3,5	26	0,78	0,043	–	–	–	14,5	1,1
Рыбинск	16,4	–	2,7	38	–	–	–	–	–	16,4	0,8
Углич	4,1	–	3,8	28	0,30	0,011	41	30	–	3,9	1,5
Ярославль	3,9	–	4,5	11	0,46	0,023	–	–	–	14,5	1,0
В среднем	8,4	46	3,8	25	0,51	0,026	90	29+16*	108**	11***	2,2

Примечания: * 29 кг овощей и фруктов продавалось на городских рынках крестьянами из соседних уездов, около 16 кг производилось самими горожанами в своих приусадебных хозяйствах.

** Производство молока на душу населения в год в городах в 1860-е гг.

*** Учтено потребление рыбы в г. Самаре (19 кг) и в г. Мокшан (8,1 кг) в год.

**** Производство молока на душу населения в год в 1860-е гг.

Источники: Подсчитано по: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. Т. 1. С. 77, 79, 92 (сахар, чай, кофе); *Янсон Ю. Э.* Сравнительная статистика России и западноевропейских государств: В 2 т. СПб., 1880. Т. 2. Отд. 1. С. 658 (молоко); *Нифонтов А. С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 200 (картофель); остальные источники указаны в примечании к табл. 8.1.

Прежде чем комментировать табл. 8.1 и 8.2, поясним, как они составлены. За исключением специально оговоренных случаев, данные показывают купленные на городских рынках продукты. По моим расчетам, в 1861–1865 гг. в 97 городах Владимирской, Воронежской, Костромской, Пензенской, Тверской, Харьковской и Ярославской губерний в среднем на душу городского населения надаивалось в хозяйствах горожан около 108 л молока[9]. Часть его перерабатывалась в масло, творог, сметану, сыр, но какая именно часть, неизвестно. Поэтому все полученное молоко учтем в потреблении как цельное, не переработанное[10]. В хозяйствах горожан производились и другие продукты: овощи, фрукты, картофель, мясо, птица, мед, яйца и др. Однако более или менее удовлетворительные сведения имеются только об овощах и фруктах. В 1856–1859 гг. городские власти 266 городов ее годовой объем оценили примерно в 65 коп. на душу. По ценам того времени это эквивалентно приблизительно одному пуду (16,38 кг) овощей и фруктов.

Из приведенных данных видно: в середине XIX в. существовала значительная вариация в потреблении продуктов в разных местностях. Однако не меньшая амплитуда наблюдалась и в начале XX в., причем для одной и той же экономической группы. Одна из причин этого состояла в том, что потребление отдельных продуктов находилось в компенсационных отношениях: если меньше ели хлеба, то больше — мяса, и наоборот, или меньше мяса — больше рыбы, много сахара — меньше меда, меньше молока — больше масла, и наоборот. Вследствие этого по калорийности питания регионы и города различались несущественно и меньше, чем с точки зрения потребления отдельных продуктов. Коэффициент межрегиональной вариации калорийности пищи равнялся 15%, а различия

в физиологических нормах калорийности питания в северных и южных регионах России достигали лишь 21%.

Оценивая калорийность питания, или энергию, получаемую человеком от потребления этих продуктов, нужно разложить их на белки, жиры и углеводы в соответствии с переводными коэффициентами, исчисленными в начале XX в., так как тогдашние и современные продукты несколько различались по составу[11] (табл. 8.3).

Таблица 8.3

Состав основных продуктов питания в России начала XX в. (содержание в 100 г продуктов, граммов)

Продукты	Белки	Жиры	Углеводы
Хлеб и крупы	10,57	1,96	65,63
Картофель	1,95	0,15	20,69
Овощи и фрукты	1,29	0,13	10,07
Сахар	–	–	96,28
Масло растительное	–	10,00	–
Мясные продукты	19,09	5,34	0,96
Рыба	16,00	10,73	3,12
Молоко	3,26	2,19	4,78
Молочные продукты	6,57	5,93	2,99
Масло животное	–	86,05	–
Яйца	19,47	18,78	8,54

Источник: Кабо Р. М. Потребление городского населения. С. 50–51.

В ряде случаев при установлении состава продуктов следует предварительно определить их чистый вес, исключив отходы, неизбежные при их переработке, принятые для картофеля в 40%, для мяса и рыбы — в 33% от общего веса; яйцо без скорлупы приравнивается 40 г. Затем с помощью установленных в физиологии питания коэффициентов усвояемости оценивается, какая доля от веса этих питательных веществ ассимилируется организмом человека: белков из растительной пищи усваивается 70%, из животной — 94%, жиров соответственно — 85% и 94%, углеводов — 90% и 98%. Наконец, вычисляется искомая величина калорийности пищи по следующим нормам: 1 г усвоенных белков растительного происхождения дает 3,96 ккал, белков животного происхождения — 4,23, жиров — 9,3, углеводов — 4,1 ккал[12].

Оценив по указанной методике калорийность питания «среднего» горожанина в середине XIX в., получаем, что потребление учтенных продуктов давало ему около 3 тыс. ккал (табл. 8.4).

Полученная цифра относится ко всему городскому населению, включавшему людей разного возраста, пола и материального достатка, имевших неодинаковые потребности и возможности их удовлетворения. Если потребление мужчин в возрасте 18–60 лет принять за 1, то у других половозрастных групп оно составит: женщины 16–55 лет, мужчины старше 60 и юноши 14–17 лет — 0,8; женщины старше 55 и девушки 14–16 лет — 0,6; дети в возрасте 7–13 лет — 0,55, в возрасте 1–6 лет — 0,3, до 1 года — 0,1[13]. Обычно в источниках приводятся данные о потреблении *на душу населения*, но все физиологические расчеты (о потребности

в энергии и т. п.) делаются для *взрослого мужчины*. Вследствие этого необходимо определить коэффициенты для перехода от абстрактной души к взрослому мужчине, к так называемому полному едоку. Для перехода от одного абстрактного человека к взрослому мужчине, учитывая половозрастной профиль населения, различие физиологических потребностей в энергии, во второй половине XIX — начале XX в. принимается коэффициент 1,4[14]. Это означает: взрослому мужчине в середине XIX в. требовалось энергии примерно на 40% больше, чем «среднестатистической» душе. Умножив среднедушевое суточное потребление (2988 ккал) на 1,4, получаем 4183 ккал, что примерно соответствует потреблению взрослого мужчины — это удобно для расчетов, которые, как правило, основываются на потребностях взрослого мужчины.

Таблица 8.4

Состав и калорийность продуктов, потребляемых горожанами в середине XIX в. (на душу населения)

Продукты	Потребление		Состав продуктов, г			Ккал в день	
	в год, кг	в день, г	белки	жиры	углеводы	всего	усвоено
Мука, крупа	240	658	69,4	12,9	431	2 165	1 885
Картофель	54*	148*	2,9	0,2	30,7	139	123
Овощи, фрукты	45	123	1,5	0,1	12,4	58	51
Молочные продукты	108**	296**	9,5	6,5	14,0	159	146
Мясо	44,2*	121,1*	23,1	6,4	1,1	162	152
Рыба	7,4	20,3	3,2	2,1	0,6	36	33
Масло коровье	2,1	5,8	–	4,9	–	45	42
Жиры	13	35	–	30,1	–	280	263
Масло растительное	8,3	23	–	23,0	–	214	201
Яйца	1,9*	5,2*	1,0	1,0	0,44	14	14
Сахар	3,6	9,9	–	–	9,4	39	38
Мед	4,7	12,9	–	–	10,0	42	40
Итого	532,2	1458	110,6	87,2	509,6	3 353	2 988

Примечания: * Чистый вес, без отходов.

** В пересчете на молоко: в год литров, в день миллилитров.

Источники: Подсчитано по данным табл. 8.1 и 8.3.

Выясним теперь, насколько это соответствовало физиологической норме. В начале XX в. суточная потребность в энергии у взрослого мужчины в возрасте 18–60 лет весом 65–70 кг при полном покое оценивалась в 1800 ккал, при относительном покое — 2300 ккал, при легком труде — 2500 ккал, при умеренном — 3500, при тяжелом — 4000, при очень тяжелом труде — 4500 ккал[15]. В середине XIX в. нормальный трудовой день у трудящихся, например у рабочих, продолжался 11–13 часов и был связан с физической работой, слабо обеспеченной механизацией[16]. Поэтому примем за суточную норму 4000 ккал, покрывающую потребность в энергии мужчины, занятого тяжелым физическим трудом. В году число рабочих дней, когда требовалось сильное напряжение, не превышало 290[17], в остальные,

Обед рабочих. Костр. губ. 1910 г. Фото

праздничные и выходные, дни предполагаем умеренный труд, когда потребность в энергии составляла около 3500 ккал. Отсюда следует: среднегодовая суточная потребность работающего мужчины равнялась 3898 ккал, значит, «средний» горожанин потреблял такое количество продуктов, которое обеспечивало его энергией для совершения тяжелой физической работы в течение рабочего дня круглый год.

Однако «средний» горожанин — это статистическая абстракция. Что можно сказать о реальном питании различных социальных групп? С этой целью, опираясь на сведения, собранные в ходе обследований начала XX в., о различии в потреблении отдельных продуктов низшей, средней и высшей стратами городского населения, рассчитаем примерное потребление продуктов различными экономическими группами в середине XIX в. (табл. 8.5).

Таблица 8.5

Потребление основных продуктов питания тремя экономическими группами горожан в 1840–1850-е гг. (на душу населения)

Продукты	Потребление в год, кг			Потребление в день, ккал.		
	низшая группа	средняя группа	высшая группа	низшая группа	средняя группа	высшая группа
Мука, крупа	238	256	256	1 870	2 011	2 011
Картофель	52	69	71	117	156	160
Овощи, фрукты	45	43	51	50	48	57
Молочные*	93	217	225	126	293	304
Мясные	38	80	92	131	273	316
Рыба	7	12	14	29	53	62
Масло коровье	1,2	8,5	9,6	24	174	197
Жиры	12	18	19	248	371	392
Масло растительное	8,2	8,5	10,2	184	191	229
Яйца**	36	109	132	11	33	38
Сахар	2,9	8,6	9,3	28	84	90

Таблица 8.5 (окончание)

Продукты	Потребление в год, кг			Потребление в день, ккал.		
	низшая группа	средняя группа	высшая группа	низшая группа	средняя группа	высшая группа
Мед	3,8	11,2	12,1	29	88	95
Соль	24	29	32	–	–	–
Итого	–	–	–	2 847	3 775	3 951

Примечания: * В пересчете на молоко.

** Штук.

Источники: Подсчитано по данным табл. 8.1 и 8.3.

Как показывают расчеты, с количественной стороны питание низшей, не говоря уже о средней и высшей группах, являлось достаточным, так как на взрослого мужчину в низшей группе приходилось в день около 3986 ккал (2847 х 1,4), в средней — 5285 ккал (3775 х 1,4), в высшей — 5531 ккал (3951 х 1,4). Для ответа на вопрос о достаточности или недостаточности питания с качественной стороны сопоставим научно обоснованные и действительные нормы потребления (табл. 8.6). Основываясь на данных табл. 8.5 и 8.6, можно заключить: *питание городского населения в середине XIX в. с энергетической точки зрения было удовлетворительным*.

Таблица 8.6

Состав потребления взрослого мужчины-горожанина в середине XIX в.

Питательные вещества	Дневная физиологическая норма*				Дневное потребление по группам					
					низшая		средняя		высшая	
	г	%	ккал	%	г	ккал**	г	ккал**	г	ккал**
Белки:	108	13,6	440	11,0	147	463	207	696	220	739
животные	54	6,8	228	5,7	45	178	96	387	108	428
растительные	54	6,8	212	5,3	102	285	111	309	112	311
Жиры	142	17,8	1 320	33,0	112	941	182	1547	201	1 698
Углеводы	546	68,6	2 240	56,0	699	2 583	825	3 042	837	3 094
Итого	796	100	4 000	100	958	3 987	1 214	5 285	1 258	5 531

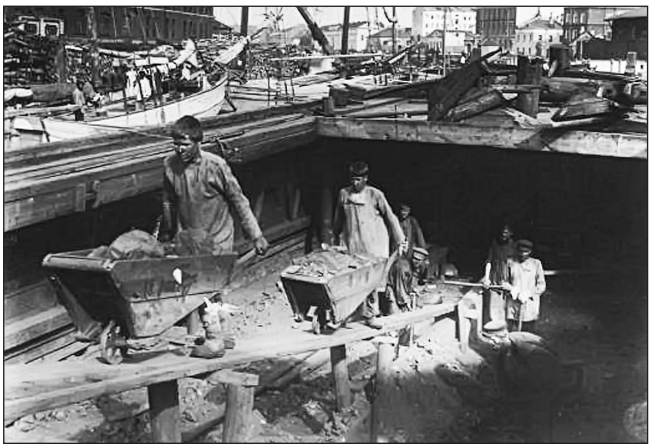
Примечания: * Для лиц физического труда.

** Усвоенных килокалорий.

Источники: Подсчитано по данным табл. 8.1 и 8.3.

Имеющиеся конкретные данные о питании в середине XIX в. это подтверждают. В 1850–1857 гг. С.-Петербургское мещанское общество кормило на кухне мещанской богадельни рабочих, нанятых для очистки площадей и тротуаров. На каждого рабочего в день отпускалось (фунты и золотники переведены в граммы): хлеба печеного — 1229 г, говядины или рыбы вареной и снетков — 231 г, масла постного — 13 г, масла топленого — 17 г, гороха — 205 г, муки для щей — 21 г, крупы гречневой для каши — 128 г, капусты — 246 г, картофеля — 283 г, лука — 188 г, грибов сухих — 34 г, соли — 26 г[18]. Все продукты давали рабочему 4584 ккал[19], что соответствовало суточной потребности взрослого мужчины, занятого тяжелым физическим трудом.

По мнению экспертов, в идеальном дневном рационе человека соотношение белков, жиров и углеводов по весу должно быть 14:18:69, по калориям — 11:33:56,



Разгрузка баржи. С.-Петербург. 1890 г. Фото

а в рационе человека физического труда соответственно 16:18:66 и 13:33:54, причем белки животного происхождения должны составлять не менее половины общего количества белков[20]. Как видно из данных табл. 8.7 и 8.8, во всех группах соотношение основных питательных веществ по весу и калориям было близко к идеальному. Только в пище низших страт горожан, по-видимому, недоставало белков животного происхождения и жиров. Возможно, дефицит белков и жиров получился вследствие недоучета потребления мяса из подсобного хозяйства горожан.

Таблица 8.7

Соотношение белков, жиров и углеводов по весу в продуктах, потреблявшихся горожанами в середине XIX в. (в%)

Питательные вещества	Низшая группа	Средняя группа	Высшая группа	Норма
Белки,	15	17	17	14
в том числе животные	5	8	9	7
Жиры	12	15	16	18
Углеводы	73	68	67	68
Итого	100	100	100	100

Источники: Подсчитано по данным табл. 8.1, 8.3.

Таблица 8.8

Соотношение белков, жиров и углеводов по калориям в продуктах, потреблявшихся горожанами в середине XIX в. (в%)

Питательные вещества	Низшая группа	Средняя группа	Высшая группа	Норма
Белки,	12	13	13	11
в том числе животные	5	7	8	6
Жиры	24	29	31	33
Углеводы	64	58	56	56
Итого	100	100	100	100

Источники: Подсчитано по данным табл. 8.1, 8.3.

Французский социолог Ф. Ле-Плэ (1806–1882), восемь раз посещавший Россию с целью изучения положения населения, оставил записки, в которых привел сравнительные данные о питании русских и зарубежных рабочих[21]. Они свидетельствуют о предпочтительном положении русских (табл. 8.9). К аналогичным выводам пришел известный немецкий исследователь А. Гакстгаузен, утверждавший: русские рабочие — самые благополучные в Европе[22].

Таблица 8.9

Потребление основных продуктов питания русскими и зарубежными рабочими в середине XIX в. (на душу в год, кг)

Продукты	Уральские кузнецы	Уральские плотники	Шведские кузнецы	Английские литейщики	Словацкие плавильщики	Французские плотники
	1844 г.	1844 г.	1845 г.	1850 г.	1846 г.	1856 г.
Хлеб	289,6	212,7	282,9	107,6	183,9	117,6
Жиры	3,14	4,6	14,6	8,4	8,0	3,6
Молоко	314,3	263,6	257,1	89,1	165,0	40,0
Сыр	–	–	–	3,4	1,4	1,8
Яйца	6,14	2,9	4,3	0,7	2,9	1,4
Мясо и рыба	40,7	37,3	60,0	34,3	27,3	27,6
Овощи, фрукты	109,1	136,4	105,3	53,3	138,6	59,7
Сахар и мед	8,0	8,3	32,1	24,4	5,0	6,5

Источник: Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press 1961. P. 317. Блюм перевел данные Ле-Плэ из семейного в душевое потребление.

8.2. Питание горожан в начале XX в.

О питании горожан в начале XX в. имеется более надежная информация. В 1900–1916 гг. было обследовано 13 594 семей (75,3 тыс. человек обоего пола) в Баку, Богородске (Московская губерния), Москве, Оренбурге, Петербурге, Саратове и Туле, принадлежавших к низшей, средней и высшей экономическим группам, по сведениям документов, регистрирующих доставку продуктов, и материалам опросов (табл. 8.10, 8.11).

Низшая группа включала ремесленников, мещан, рабочих, прислугу и других лиц наемного труда из непривилегированных сословий, средняя — служащих, мелких и средних чиновников, духовенство; высшая — средних и крупных фабрикантов, торговцев, землевладельцев, крупных чиновников, высший слой интеллигенции. Среднее потребление подсчитано, исходя из доли трех экономических групп в городском населении по переписи 1897 г.: низшая (мещане, казаки, крестьяне) — 88,1%, средняя (чиновники не из дворян, личные дворяне, духовенство, разночинцы) — 5,4%, высшая (потомственные дворяне, купцы, почетные граждане) — 6,5%[23]. Расчеты показывают: «средний» горожанин в начале XX в. съедал в день 1273 г различных продуктов, обеспечивавших его 2677 ккал. Следовательно, суточное потребление взрослого мужчины давало ему около 3748 ккал в день, при этом представители низшей экономической группы получали 3601 ккал, средней — 4698, высшей — 4830 ккал. По сравнению

Таблица 8.10

Потребление основных продуктов питания тремя экономическими группами городского населения в 1900–1916 гг. (на душу населения в год)

Продукты	Потребление по группам населения						
	низшая	средняя	высшая	в среднем	низшая	средняя	высшая
	килограмм				в процентах к средней		
	низшая	средняя	высшая	в среднем	низшая	средняя	высшая
Хлебные	233	243	251	235	99	103	107
Картофель	93	124	128	96,9	96	128	132
Овощи	45	43	52	45,4	99	95	115
Фрукты	4,8	4,2	6,0	4,8	100	88	125
Молочные,	49,3	117	119	57,4	86	204	207
в т. ч. молоко	48,1	113	116	55,9	86	202	208
Мясные	38,5	79,4	92,3	44,1	87	180	209
Рыбные	7,7	13,7	16,3	8,5	91	161	192
Масло коровье, жиры	12,6	24,2	27,5	14,2	89	170	194
Масло растительное	7,8	8,1	9,7	7,9	99	103	123
Яйца, шт.	59	180	217	76,0	78	237	286
Сахар	9,1	27,1	29,4	11,4	80	238	258
Соль	4,7	5,7	6,3	4,9	96	116	129
Водка*	–	–	–	9,7	–	–	–

Примечания: * В среднем по 50 губерниям Европейской России в 1913 г., литров.

Источники: Подсчитано по: *Кабо Р. М.* Потребление. С. 12, 52–59; Статистический ежегодник России. 1915 г. Пг., 1916. Отд. VIII. С. 17.

Таблица 8.11

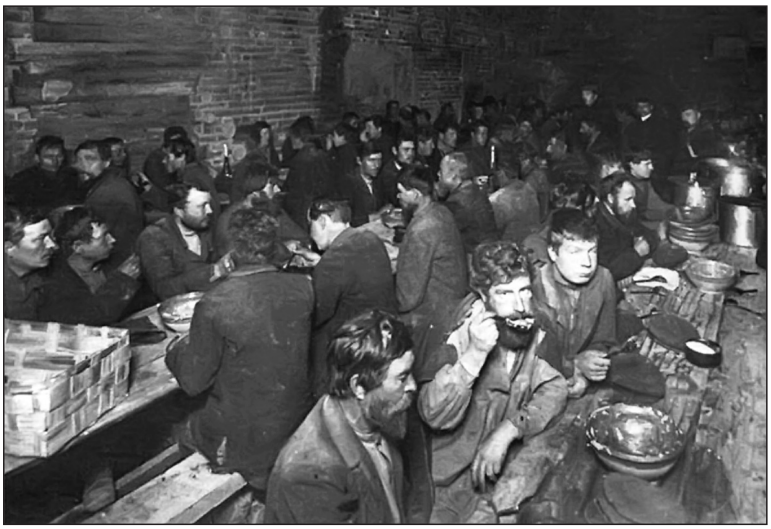
Состав и калорийность питания горожан в 1900–1916 гг. (на душу населения в день)

Продукты	Потребление, г	Состав продуктов, г			Ккал	
		белки	жиры	углеводы	всего	усвоенных
Хлебные	644	68,1	12,6	422,7	2 120	1 848
Картофель	159*	3,1	0,2	32,9	149	129
Овощи, фрукты	138	1,8	0,2	13,9	66	58
Молочные	157**	5,1	3,4	7,5	84	80
Мясные	81*	15,5	4,3	0,8	109	102
Рыбные	15,6*	2,5	1,7	0,5	28	27
Масло коровье	7,7	–	6,6	–	61	58
Жиры	9,3	–	8,0	–	74	70
Масло растительное	21,6	–	21,6	–	201	171
Яйца	8,3*	1,6	1,6	0,7	25	23
Сахар	31,2			30,0	123	111
Итого	1 272,7	97,7	60,2	509,0	3 040	2 677

Примечания: * Чистый вес.

** В пересчете на молоко.

Источник: Подсчитано по данным табл. 8.10.



Столовая для бедных. С.-Петербург. 1911 г. Фото

с серединой XIX в. средняя калорийность питания снизилась примерно на 10%. Хлеб покрывал около 70% энергозатрат, вместе с картофелем, овощами и фруктами — около 75% (табл. 8.12).

Однако с 1880-х гг. трудовые нагрузки постепенно сокращались. В 1850-е гг. рабочий год в большинстве случаев равнялся примерно 240 дням, а продолжительность «чистого» рабочего дня на промышленных предприятиях колебалась от 14 часов летом до 9 часов зимой, в среднем в год составляла 12 часов. С приходом индустриальной революции обнаружилась *тенденция* к сокращению и унификации числа праздничных дней на отдельных предприятиях, вследствие чего сначала среднее количество рабочих дней увеличилось к 1885 г. до 283, к 1904 г. — до 287,3 дня, но с 1905 г. под влиянием рабочего движения стало

Таблица 8.12

Структура потребления горожан мужского пола в 1900–1916 гг.

Питательные вещества	Дневная физиологическая норма		Дневное потребление по группам					
			низшая		средняя		высшая	
	г	ккал	г	ккал*	г	ккал*	г	ккал*
Белки:	108	440	131,2	399	171,2	554	209,3	698
животные	54	228	30,1	119	64,7	258	99,0	393
растительные	54	212	101,1	280	106,5	296	110,3	305
Жиры	142	1 320	77,4	634	133,1	1 141	157,5	1 330
Углеводы	546	2 240	694,8	2 568	816,6	3 004	756,1	2 801
Итого	796	4 000	903,4	3 601	1120,9	4 699	1122,9	4 829

Примечания: * Усвоенных ккал.

Источники: Подсчитано по данным табл. 8.10.

уменьшаться и в 1913 г. достигло 276,4 дня. Фактическое число рабочих дней, отрабатываемое отдельным человеком, было меньше: в 1885 г. — 264, в 1904 г. — 268, в 1913 г. — 257. Возрастание числа рабочих дней в 1861–1904 гг. компенсировалось сокращением продолжительности рабочего дня с 12,3 в 1850-е гг. до 11,7 часа в 1885 г., до 10,6 часа в 1904 г., до 10,2 часа в 1905 г. и до 10 часов в 1913 г. В результате годовой рабочий период формально составлял в 1850-е гг. примерно 2952 часа, в 1885 г. — 3311, в 1904 г. — 3045, в 1913 г. — 2764 часа, а фактически — соответственно 2880, 3089, 2841, 2570 часов[24], значит, к 1913 г. сравнительно с 1850-ми гг. стал на 8% меньше, а относительно 1885 г. — на 20%. Если принять также во внимание начавшийся в пореформенное время переход от ручного труда к машинному, требовавшему меньших энергетических затрат, то снижение калорийности питания соответствовало сокращению трудовых нагрузок. В таком случае говорить об ухудшении питания горожан на рубеже XIX–XX вв. по сравнению с серединой XIX в. нет оснований, что подтверждают конкретные исследования[25].

В начале XX в. соотношение белков, жиров и углеводов в высшей экономической группе горожан было близко к идеальному; в средней и особенно низшей группах недоставало жиров и животных белков при избытке углеводов (табл. 8.13 и 8.14).

Таблица 8.13

Доля белков, жиров и углеводов по весу в питании горожан в 1900–1916 гг. (в%)

Питательные вещества	Низшая группа	Средняя группа	Высшая группа	Норма
Белки,	15	15	19	14
в том числе животные	3	6	9	7
Жиры	8	12	14	18
Углеводы	77	73	67	68
Итого	100	100	100	100

Источники: Подсчитано по данным табл. 8.10.

Таблица 8.14

Соотношение белков, жиров и углеводов по калориям в питании горожан в 1900–1916 гг. (в%)

Питательные вещества	Низшая группа	Средняя группа	Высшая группа	Норма
Белки,	11	12	14	11
в том числе животные	3	5	8	6
Жиры	18	24	28	33
Углеводы	71	64	58	56
Итого	100	100	100	100

Источники: Подсчитано по данным табл. 8.10.

8.3. Питание крестьян в XVIII — первой половине XIX в.

Переходим теперь к анализу питания крестьян. Мы располагаем многочисленными данными относительно того, что они ели в XVIII–XIX вв., но очень мало имеем прямой информации о том, в каком количестве потребляли отдельные продукты и какова энергетическая ценность пищи.

По XVIII в. сведения о питании довольно ограничены. Они обобщены в ряде этнографических работ с учетом данных за XIX — начало XX в., особенно за 1840–1850-е гг., когда проводились массовые обследования корреспондентами Русского географического общества (РГО)[26]. Подобная экстраполяция в прошлое возможна: в течение XVIII — первой половины XIX в. сколько-нибудь существенных изменений в структуре пищи крестьян не произошло. Поэтому целесообразно рассмотреть сначала питание в середине XIX в. по массовым источникам, а потом уже вернуться к XVIII в.

В 1847 г. РГО опубликовало Этнографическую программу для описания местных обычаев, включавшую среди прочего пункты о наружности жителей и пище. Ответы на эти вопросы, поступившие главным образом в конце 1840–1850-е гг. от приходского духовенства, позволяют получить представление о питании и росте, или длине тела. Шестнадцать самых полных описаний (в 14 из них есть информация о питании) опубликованы[27], 191 — находятся в Архиве РГО[28]. Одновременно, в 1850–1860-е гг., Генеральный штаб двумя изданиями опубликовал географическое и статистическое описание 25 губерний России, одиннадцать из них также содержали сведения о питании[29].

Корреспонденты РГО оценивали рост крестьян в подавляющем числе случаев как средний, при этом констатировали силу и крепкое телосложение[30]. Наблюдательные авторы заметили связь между трудовыми нагрузками, питанием и телосложением. «Малороссияне, кои с младенчества (имеется в виду — с детства.— *Б. М.*) не были обременены тяжелыми, изнурительными работами, отличаются дородством, здоровьем и плотностью». Напротив, те, кто «изнурялся

Солнцев Ф. Г. Крестьянское семейство перед обедом. 1824 г. ГРМ

от детства физическими трудами» и страдал «от недостатка хорошей пищи», отличались «слабосилием»[31]. По наблюдениям экспертов, длина тела крестьян в конце 1840 — начале 1850-х гг. колебалась в диапазоне от 158 до 175 см, в среднем равнялась 164–165 см[32], и это соответствует среднему росту новобранцев, призванных в эти годы.

К сожалению, питание не оценивалось с точки зрения адекватности, качества или количества; корреспонденты только сообщали, что крестьяне ели в постные, скоромные и праздничные дни[33]. Вот типичное описание пищи крестьян Моложского уезда Ярославской губернии. «Ежедневная скоромная: щи из серой капусты, подбеленные молоком, черный хлеб, блины овсяные, пресные пироги с творогом, кислое молоко, картофель вареный. Ежедневная постная: щи из серой капусты, капуста белая с квасом, картофель вареный, иногда жареный в постном льняном масле, кашица из овсяной крупы и блины овсяные. Праздничная скоромная: щи с мясом, пирог ржаной с овсяной крупой, пресные пироги из ячной (ячменной. — *Б. М.*) муки, с творогом и овсяной крупою, молоко пресное, картофель жареный в сале, свиной жир с овсяным блином (это самый лакомый кусок), молочная овсяная каша, ячные оладьи. Праздничная постная: щи из белой капусты, пирог ржаной с овсяной купою, блины овсяные, картофель жареный в льняном масле, соленая и вяленая рыба, больше судак и севрюжина, каша»[34]. Автор явно забыл упомянуть о потреблении грибов, ягод, овощей, фруктов, яиц, птицы, дичи и очень мало говорит о рыбе. С некоторыми вариациями это описание повторяется при характеристике питания крестьян в других губерниях. Вот сведения о пище крестьян Каширского уезда Тульской губернии. «Ежедневная пища приготовляется из домашних припасов, а именно: в постные дни — из капусты, огурцов, картофеля, свеклы, редьки и луку с приправою из масла; каша ячменная или гречишная. В скоромные дни едят молоко, яйца, а иные сверх того — солонину, баранину и свинину. В праздники пища бывает лучше и разнообразнее: пироги у многих пекутся не из простой ржаной муки, а из домашней пшеничной; из этой же муки варится лапша мясная или молочная и мясная похлебка, в которую прибавляют пшено и картофель. Каша бывает молочная гречишная, с маслом. Холодное, которое, впрочем, бывает не у всех, из студня с огурцами и хреном. К горячему непременно подается часть какого-нибудь мяса. В постные праздники иные покупают свежую и соленую рыбу, а другие приготовляют лапшу или похлебку»[35].

Примерно так же питались украинские и белорусские крестьяне. «Ежедневная пища крестьян, за обедом — борщ, в скоромные дни со свиным салом, а в праздники с говядиной; в постные же дни с разными грибами или с конопляным маслом; потом кашица с салом или с коровьим молоком или с деревянным маслом; за полдником едят хлеб с салом, а в постные дни с луком и солеными огурцами; за ужином чаще всего едят картофель, жареный или вареный, с огурцами, приготовленными с капустой. В праздники к борщу варят лапшу с молоком или с говядиной, приготовляют жаркое, блины и пироги. Ко дню Пасхи *каждый* непременно печет две, три или четыре больших пасхи с крестом наверху, с пряными кореньями и помазанных яйцом; жарит также поросенка и колбасу; приготовляют сыр, масло, яйца и мед. *Хлеб всегда пекут из чистой ржаной просеянной муки*, а к праздникам лепешки. На поминовение приносят три книша (лепешки. — *Б. М.*), обыкновенно пшеничные, и кусок говядины»[36]. «К рожде-

ственским, светлым праздникам и осенью, к филипповскому заговенью, крестьяне, даже самые бедные, для своего стола режут овец, колют свиней и поросят. В остальное же время из мясной пищи употребляется одно только свиное соленое сало, и то больше в виде приправы к кушаньям. Обычный порядок пищи значительно изменяется во время обрядов: крестин, свадьбы, похорон и поминок. Тогда истребляется множество домашней птицы, мяса, сала и водки»[37].

Следует принять во внимание: когда корреспонденты говорят о праздничной пище, то имеются в виду не только религиозные, государственные, местные (приходские), семейные праздники, но также, как правило, и воскресенья. В словаре В. И. Даля: «Воскресенье — седьмой день недели, праздник»[38]. «Праздничный день или праздник — день, посвященный отдыху, не деловой, не работный, отсюда праздновать — быть праздным, не делать, не работать»[39]. Пословицы недвусмысленно говорят о том, что по воскресеньям ели как в праздники: «В воскресенье песни орет, а в понедельник кобылы ищет»; «Понедельник — похмелье; вторник — потворник; середа — пост; четверг — перевал; пятница — не работница; суббота — уборка; воскресенье — гулянье»[40]. Всего празднично-воскресных дней в году с учетом совпадения воскресений с праздниками насчитывалось примерно 95 в 1850-е гг., 105 — в 1870-е гг. и 123 — в 1900-е гг. (табл. 10.4 в Главе 10). Кроме того, крестьянин имел праздничный стол и во время семейных праздников у родственников и соседей.

Питание земледельцев зависело от достатка: «Бедные крестьяне почти целый год питаются постной пищей, разве в скоромные дни прибеливают свои щи и суп молоком»[41]. Но в крепостное время, вследствие слабого имущественного расслоения, серьезных различий в питании крестьян в пределах одного селения не наблюдалось. Зато существовали различия в питании крестьян различных категорий и разных селений. Крестьянин С. Д. Пурлевский отмечал в своих воспоминаниях: бедные крестьяне-земледельцы северо-западных губерний в начале XIX в. «кормились почти одним черным ржаным хлебом и серыми щами, горохом, толокном, да репой пареной; калач почитался редким лакомством, пряник — богатым

Праздничная трапеза. 1900-е гг. Фото

подарком». А крестьяне промысловых сел, отличавшиеся зажиточностью («промыслы доставляли нам средства не в пример лучше других мест»), «ели хорошо: в скоромный день холодное заливное (студень), вареный окорок, русские щи или лапша, жаркое — баранина или курица, часто готовился гусь, утка. Осенью молодые барашки почитались лучшим кушаньем»[42].

В течение дня за стол садились от трех до пяти раз. Время и частота приема пищи зависели от сезона, так как круг жизни определялся световым днем и сельскохозяйственными работами. «В будни, летом, крестьяне редко едят менее четырех раз в день, зимою же — обыкновенно три раза»[43]. «Крестьяне ложатся зимою часов в 10, а встают часов в пять, летом — с восходом солнца. Обедают в 6 часов утра, в 12 часов полдничают, а часов в 8 вечеряют»[44]. Летом, когда трудовой режим становился напряженным, четвертый раз ели между обедом и ужином, а иногда и пятый раз — между завтраком и обедом, поскольку интенсивная работа требовала восполнения затрат энергии. При четырехразовом питании плотный завтрак с восходом солнца, в 4–6 часов утра, — хлеб, каша, овощи, квас; обед — самая обильная трапеза в 10–12 часов включал два-три блюда, первое — обязательно щи или суп, зимой горячие, летом иногда — холодные, каша, овощи; в 16–17 часов полдник — квас, молоко, легкая закуска; ужинали при заходе солнца обычно тем, что осталось от обеда. В дни страды иногда обходились без горячей пищи: «Летом, в рабочую пору, горячей пищи почти не употребляют, а большею частью берут с собой на целые дни сырую или предварительно дома изготовленную»[45]. В разное время и в разных местностях названия трапезы были разными и не совпадали с современными названиями.

Меню не сильно варьировало от завтрака к ужину. «Горячий завтрак: гороховый, овсяной или калиновый кисель, гречневые блины, пареная репа; обеденная и вечерняя пища в будни: щи постные с забелкой, каша с маслом или молоком, иногда гречневые блины, оставшиеся от завтрака, пироги без начинки или с морковью, репою, капустою, толченым конопляным семенем[46], ватрушки, кислое молоко; в воскресные и праздничные дни: щи из говядины, свежей или соленой»[47].

Если обобщить имеющиеся сведения о питании русских, украинских и белорусских крестьян в XVIII — первой половине XIX вв.[48], то везде и всегда главное — щи (на Украине и в южных русских и белорусских губерниях — борщ) и каша (из разных круп, преимущественно гречи, овса, ячменя и проса), преобладание ржаного хлеба и растительной пищи (преимущественно капусты, огурцов, лука, в меньшей степени — редьки, гороха, фасоли, моркови, свеклы, брюквы, репы, хрена и чеснока). Овес являлся не только фуражной культурой, а в значительном количестве употреблялся в пищу везде, ячмень — на Севере. В 1840-е гг. вошел в употребление картофель, и его роль в питании постепенно увеличивалась; в ряде губерний в начале XX в. он потеснил на второе место кашу. Молоко, свежее и кислое, сметана и творог (у украинцев и белорусов — сыр)[49] употреблялись взрослыми преимущественно весной и летом, круглый год детьми и больными, при огромной географической вариации[50]. Употреблялось всеми преимущественно коровье молоко, а русскими южных губерний и Приуралья и украинцами — еще и овечье, в некоторых местностях — также и козье. Свежее молоко пили, им забеливали супы, жарили с ним яичницу, варили молочные каши. Квашеное молоко ели с хлебом и картошкой, из него делали творог и сыр.

На Украине из овечьего молока делали брынзу. Сливки и сметана использовались как приправа; из них, как и из цельного молока, сбивалось масло. Сметану в русской печи перетапливали в сливочное масло; при вторичном перетапливании получалось русское, или топленое, масло, которое, в отличие от сливочного, может долго храниться. На Севере и в Сибири молоко замораживали, настругивали тонкой стружкой и ели с лепешками, замороженное молоко запасали зимой, брали в дорогу, растапливая по мере необходимости.

Мясо (говядина, баранина, свинина, куры, утки, гуси, индейки), а у белорусов, украинцев и русских из южных губерний — колбаса[51] и яйца бывали на столе преимущественно в праздники, за исключением местностей, специализирующихся на производстве мяса[52]. Забой скота происходил в ноябре — декабре, с окончанием летнего выпаса. Поскольку свежее мясо не выдерживало длительного хранения, его солили, коптили и вялили, а зимой замораживали. В теплое время ели в основном солонину. Охотничий промысел был развит повсеместно. Но дичь в основном продавалась, потому что мясо многих птиц и животных (зайчатину, медвежатину, мясо голубей, лебедей, кабанов и других — в каждой местности по-разному) крестьяне в пищу не употребляли[53].

Животный жир и топленое масло[54] добавлялись в пищу в скоромные дни, а растительное масло из семян льна, конопли и проса — в постные. Жиром и маслом заправляли супы, мучные блюда (кисели, заварухи, затирки, саламату и т. п.), каши, поливали лук и картофель, макали в него лепешки, варили в нем изделия из теста. В северных и центральных губерниях предпочитали льняное масло, в южных — к югу от Москвы — конопляное; с середины XIX в. в Черноземье стали изготовлять подсолнечное масло. Горчичное, маковое, тыквенное масла использовались в качестве ароматических отдушек и приправы к мучным блюдам.

Распространено мнение, что мясо, молоко, яйца, ягоды крестьяне употребляли мало, так как продавали их на рынке: «Весь приплод от домашней скотины, яйца и рыба свежая и сушеная, грибы употребляются разве только в особенных торжественных случаях, обыкновенно же крестьянин продает всякую мелочь для приобретения соли, железа и других предметов или относит в корчму»[55]. Нередко об этом сообщают и корреспонденты РГО. На самом деле до появления широкой сети железных дорог и рефрижераторов сбывать мясо, молоко и яйца в городе на рынке могли только крестьяне, жившие поблизости от крупных городов, ибо в малых городах эта продукция производилась в достаточном количестве самими горожанами[56]. Бóльшую часть быстро портящейся продукции крестьяне должны были потреблять сами. Другое дело, что ее имелось не так много, особенно зимой, ранней весной и поздней осенью. Все же коровы доились и куры неслись круглый год, а даже бедное крестьянское хозяйство располагало хотя бы одной коровой, несколькими овцами и пятью — десятью курами[57].

Рыба регулярно, в праздники обязательно, хотя и в ограниченном количестве[58], употреблялась главным образом в сушеном, вяленом, квашеном, соленом виде, зимой — в замороженном, а в приморской зоне и местностях, находящихся вблизи больших рек и озер, она являлась основной пищей, ее ели много, в том числе свежую[59]. Мелкую рыбу, особенно снеток, сушили и в зимнее время с ней варили суп.

Фрукты и ягоды (яблоки, груши, вишни, черешня, сливы, смородина, крыжовник, рябина, черемуха) выращивались повсеместно, за исключением

Рыбалка подледная. Урал. 1900-е гг. Фото

холодных районов Севера; наиболее распространенными были яблони и вишни. Повсюду собирали дикие плоды и ягоды: смородину, клюкву, малину, чернику, бруснику, на севере — морошку, в Сибири — черемуху. Осенью запасали на зиму орехи (в лесной полосе — лещину, в тайге — кедровые орехи) — любимое угощение на всех вечерах и посиделках. Ягоды собиралось много; ее хватало и на продажу, и на уплату оброка[60]. Арбузы, дыни и тыквы в обилии ели в южных губерниях, в остальных они были редкостью. Ананасы и цитрусовые употреблялись только богатыми людьми в больших городах. Грибов собиралось много, употреблялись они в свежем, сушеном и консервированном виде. В Воронежской губернии «важнейшие из них: сморчки, грузди, полугрузди, черные и красные, волвенки, белянки, сыроежки, свинухи, говорушки, печерицы, масляники, опенки и некоторые другие»[61]. В Казанской губернии осенью солили «болотовики, масляники, рыжики, белянки, грузди, сыроежки, осиновики, коровяки (белые)»[62]. На Украине любили шампиньоны. Крестьянские летописцы Архангельской губернии часто упоминали об урожае ягод и грибов, что свидетельствует о важности собирательства: «1811 год. Осень теплая, рыжиков не было. 1812 год. Много ягод, рыжиков нету. 1819 год. Лето хорошее для грибов»[63].

Мед долгое время заменял сахар и использовался наряду с солью для консервирования; во второй половине XIX в. он постепенно вытеснялся сахаром[64].

Из безалкогольных напитков самый популярный — квас, приготавливавшийся из ржаного солода, свеклы, яблок или груш. В лесной полосе собирали сок березы, клена, сосны и употребляли в качестве освежающего напитка. Чай в XVIII в. являлся продуктом роскоши и употреблялся преимущественно дворянством[65], а в XIX в. стал входить в массовое потребление вместе с самоварами. «Главная потребность здешнего народа есть чай, — сообщает в 1849 г. корреспондент из с. Липицы Тульской губернии. — Некоторые крестьяне имеют свои самовары с чайными приборами, а у кого нет, ходят в харчевни. При всякой продаже или покупке выговаривается чай; при встрече с приятелем, в праздник и свободный час, здешний житель спешит напиться чаю. <...> Здесь не только взрослые,

но почти каждый мальчик и девочка знают, как взяться за чашку; чтобы показать, что чай для них не новость, даже дети искусно выплескивают из чашки оставшийся на дне мелкий чай и, допивая последнюю чашку чая с блюдечка, опрокидывают ее на стол в знак того, что больше не хотят»[66]. В первой половине XIX в. не в каждой деревне употребляли чай: с. Липицы, о котором шла речь выше, являлось многонаселенным, богатым, удачно расположенным — на оживленной старой московской дороге в 85 верстах от Тулы, поэтому чай был там популярен. Со временем чая везде стали пить больше. Корреспондент РГО из Самарской губернии сообщал в 1878 г.: «15 лет назад на селе 5 самоваров, а теперь их 32»[67].

Из алкогольных напитков предпочтение отдавалось браге (отдельные ее сорта назывались также пивом) и пиву домашнего приготовления, хмельному меду и водке; покупное вино и пиво не пользовались спросом[68]. Прямые данные о потреблении водки имеются только с конца XIX в. За остальные годы они носят ориентировочный характер и основываются для XVIII — начала XIX в. на питейном доходе и ценах водки, для 1819–1850 гг. — на изготовлении спирта в 29 великороссийских губерниях, а за 1850–1913 гг. — в 50 губерниях Европейской России. По приблизительным оценкам, потребление купленной водки составляло в 1790-е гг. — 12,3 л[69], в 1850 г. — 12,3 л[70], в 1900 г. — 6 л[71], в 1913 г. — 9,7 л[72]. Сколько выпивалось самогона, неизвестно, поэтому и цифры потребления алкоголя весьма приблизительны.

Стол существенно различался в обычные и праздничные, в скоромные и постные дни, которых насчитывалось около 180 в году; тогда запрещалось есть мясные, молочные продукты и животные жиры[73]. Сюда, кроме двух постных дней в неделю, среды и пятницы, входили и продолжительные посты, когда христианин должен был более строго, чем в среду и пятницу, ограничивать себя в пище[74]. В зависимости от строгости, в том числе и в отношении пищи, посты в русской православной церкви делятся на четыре категории: строжайший пост (употребление в пищу только хлеба, лука, кваса или воды), сухоядение (не употреблялось ничего приготовленного на огне, фактически употреблялась только сырая растительная пища), «ядение сварения» (разрешение растительной пищи в любом виде, в том числе приготовленной на огне) и ядение рыбы (запрещение мясной и молочной пищи). Кроме Великого поста, продолжавшегося 7 недель, имелись еще 15-дневный Успенский пост (1–15 августа по юлианскому календарю, или по старому стилю), 40-дневный Рождественский пост (15 ноября — 24 декабря) и переходящий и неопределенный по продолжительности (от 6 до 48 дней) Петровский пост (между маем и июлем). По строгости за Великим постом следовал Успенский, затем Петровский и Рождественский. Ослабление поста разрешалось больным, детям, престарелым и находящимся в особенных телесных трудах, например, армии во время походов[75]. Разрешение солдатам употреблять мясо во время походов Петр I выхлопотал у константинопольского патриарха еще в 1716 г. Католическая церковь, снисходительнее православной, давно отказалась от первоначальной строгости религиозных постов. Во время них католикам не запрещается употреблять рыбу, молоко, яйца и масло, и от поста по всяким уважительным причинам освобождается большее число лиц, чем среди православных. В протестантизме соблюдение постов являлось факультативным.

По свидетельству современников, ограничения на пищу во время поста православные соблюдали, в особенности простые люди. Богатые могли (хотя

далеко не все этим пользовались) разнообразить растительную или рыбную пищу таким образом, что запреты и не чувствовались: компот, картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох моченый, маковый хлеб, баранки, мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, бублики и сайки, изюм, пастила, постный сахар (лимонный, малиновый и т. п.), халва, гречневая каша с луком, постные пирожки с груздями, гречневые блины с луком, кутья с мармеладом, миндальное молоко с белым киселем, клюквенный кисель с ванилью, моченые яблоки, маринованные огурчики и т. д. могли заставить забыть о посте. Рестораны и кафе во время постов приноравливались к вкусам богатых посетителей, в них, как в монастырях, меню на первой и Страстной неделях ограничивалось одними грибными блюдами. Зато каков ассортимент: грибы, гретые с луком, капуста с грибами, грибы в тесте, галушки грибные, грибы холодные под хреном, грузди с маслом, грузди, гретые с соком. Кроме грибов, меню предлагало горох — мятый, битый, цеженый и кисель — ягодный, овсяный и гороховый с патокой и миндальным молоком. Подавался чай с изюмом и медом и сбитень. В остальные недели поста в числе рыбных блюд подавали «очень вкусную “прикрошку тельную” — нечто вроде котлет, затем — не менее лакомый “кавардак” — род окрошки из разных рыб, кашу из семги, визигу с хреном, стерляжий присол, схаб белужий паровой, щуки — колодку (целую рыбу. — *Б.М.*), рассольный сиг, уху карасевую на сковородке и т. д.»[76]. Однако состоятельных людей в России было очень мало. А простые люди в пост обыкновенно употребляли кашу, сваренную на воде, отварные горох и грибы, кислую капусту и квас, и потому пост вряд ли казался им приятным разнообразием.

Сказать, сколько людей соблюдали запреты на пищу в посты, невозможно: подобная статистика не велась. Петр I попытался в 1720 г. такой учет ввести. Сохранился отчет одного священника из Шлиссельбургского уезда от февраля 1721 г. Согласно ему, в Великий пост 1720 г. из 1042 прихожан постились около 60%, а не постились 40%[77]. Правда, в числе лиц, не соблюдавших запрета, находились военные, больные и другие, имевшие право на послабления. Общие же оценки говорят о том, что посты соблюдались. Например, Н. И. Костомаров, полагаясь на свидетельства современников, считал: в XVII в. «обычай свято сохранять посты наблюдался как бедными поселянами, так и царями, и боярами»[78]. Известный этнограф С. В. Максимов (1831–1901) утверждал на основании собственных наблюдений и материалов, присланных в Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева в 1898–1901 гг.: «Наш народ не только соблюдает посты во всей строгости церковного устава, но идет в этом отношении значительно далее, устанавливая сплошь и рядом свои постные дни, неизвестные церкви»[79].

В праздники, а также в дни рождения, свадьбы, похорон и на поминках стол, по возможности, отличался обилием и разнообразием; некоторые блюда (мясные, рыбные, блины и пироги, холодец и яичница) приготовлялись только в праздники. Хлеб исключительно домашнего приготовления выпекался обычно два раза в неделю, а в зажиточных хозяйствах — ежедневно[80]. Питание с качественной и количественной стороны сильно варьировало по сезонам года: наиболее обильным, разнообразным и свежим оно было поздним летом и осенью, ухудшалось зимой и ранней весной, самым плохим — поздней весной и ранним летом, когда запасы съедены, а новых продуктов еще нет.

«В большие праздники и в особенности на масляной количество съедаемой пищи удваивается. Но есть времена в году, когда крестьянин, даже исправный в хозяйстве, голодает; и самое голодное для народа время бесспорно Петров пост (между маем и июлем): в это время овощи еще не созрели, а заготовленная впрок капуста бывает на исходе, так что обыкновенным кушаньем в этот пост бывает квас с зеленым луком и огурцы, если они поспели»[81]. Вот как описывает необыкновенно тяжелую весну 1872 г. А. Н. Энгельгардт (1832–1893) — известный эксперт по крестьянским делам, сельский предприниматель и одновременно ученый-агрохимик, проживший в своем имении в Смоленской губернии 15 лет в ссылке (1872–1887): «Весною нынешнего года крестьянам пришлось совсем погибать. Ни хлебу, ни корму; всю солому с крыш потравили (отдали на корм скоту. — *Б. М.*), кислой капустой, у кого оставалась, овец кормили, даже семя льняное, у кого было оставлено для посева, все потравили. Каждый думал не столько о себе, сколько о скоте, как бы поддержать его до выгона на пастбище. В конце марта и начале апреля положение было ужасное»[82]. Конечно, не каждая весна отличалась подобной суровостью, однако весной и ранним летом питание крестьянина ухудшалось[83].

Существенно влиял на качество питания урожай. После неурожая питание становилось скудным как по меню, так и по количеству пищи. «В неурожайный год многие круглый год питаются одними овсяными блинами»[84], — сообщал корреспондент из Ярославской губернии. В Вологодской губернии ели головки клевера, лебеду, крапиву, белый болотный мох, вместо хлеба пекли головки полевого хвоща, льна, употребляли даже березовые опилки[85]. Поскольку в XVIII — первой половине XIX в. наблюдались сильные колебания урожаев, то столь же сильно изменялось и потребление.

С конца XVII в. и до середины XIX в. в питании преобладал ржаной хлеб — его суточное потребление крестьянами и работными людьми варьировало в широких пределах — от 0,74 до 3,0 кг, покрывая около 70–75% потребности в энергии[86]. Остальные 25–30% энергозатрат обеспечивались крупами, овощами, мясом, рыбой, маслом. Дневной рацион волжского бурлака во второй половине XVII в. при переводе на современные меры примерно включал: хлеба — 1616 г, мяса — 269 г, рыбы — 269 г, крупы — 269 г, молока — 108 г, капусты — 112 г, толокна — 17,5 г, постного масла — 13,4 г, животного масла — 13,4 г, лука — 17,5 г[87]. Суммарная энергетическая ценность продуктов — около 5300 тыс. ккал[88] — позволяла выполнять очень тяжелую физическую работу. По Адмиралтейскому регламенту, в первой половине XVIII в. больной в лазарете получал в день: хлеба — 615 г, крупы — 205 г, мяса — 307,5 г, масла — 29 г, соли — 21,3 г, пива — 1,2 л, водки — 120 мл[89]. Суммарная энергетическая ценность продуктов — около 3500 ккал[90]. В 1775 г примерный рацион рабочего на олонецких заводах включал: хлеб — 1450 г, крупу — 67 г, мясо — 204 г, рыбу — 404 г[91]. Суммарная энергетическая ценность учтенных продуктов — около 3900 ккал[92]. В расчете нет овощей, масла и молочных продуктов, которые обязательно потреблялись, но и энергии от упомянутых продуктов достаточно для выполнения тяжелой физической работы. Приведенные данные являются весьма ориентировочными и не отражают динамики потребления. Как мною установлено, в 1701–1795 гг. средний рост мужчин уменьшился на 3,5 см, а в 1796–1855 гг. увеличился на 4,5 см (табл. 11.1), что указывает на ухудшение питания в XVIII в. и его улучшение в первой половине XIX в.

Бурлаки. 1895 г. Фото

8.4. Питание крестьян в пореформенный период

В пореформенное время состав пищи крестьян остался в принципе таким же[93], как и в начале XX в.: «щи, каша, квас, хлеб, да изредка мясо — обычные блюда крестьянского стола; более или менее обилен и разнообразен стол в праздники и при семейных событиях»[94]. Как и в дореформенное время, важным подспорьем в питании служили дичь, рыба, птица, мед, грибы, овощи и фрукты, но сколько-нибудь точными сведениями мы об этом не располагаем[95]. Однако несколько важных изменений все же произошло. Региональная вариативность в питании стала более отчетливой, благодаря географическому разделению труда, обусловленному природной зональностью. Если в основе питания русских в центральных губерниях лежал ржаной хлеб, то на Севере — ячменный (рожь там не вызревала), а на Юге и Юго-Востоке — пшеничный; в отдельных местностях пекли ржано-пшеничный, или «серый». Свинина предпочиталась в Белоруссии и Украине, говядина — в Центре, оленина — на Севере, баранина — на Юге и Востоке. Рыба служила подспорьем везде, а в бассейнах крупных водоемов, в прибрежных местностях — основой питания. Овощи мало употреблялись на Севере, причем ограничивались луком, чесноком и хреном. В средней полосе овощное меню отличалось большим разнообразием с преобладанием картофеля и капусты, к нему на Юге добавлялись бахчевые и виноград. Картофель стал важнейшей пищевой культурой, заменив в некоторых местностях даже хлеб. Подсолнечное масло потеснило льняное и конопляное и стало главным из растительных масел. Вошли в широкое употребление чай и сахар. Питание в отдельные годы стало более стабильным, благодаря повышению урожайности и уменьшению ее колебаний в отдельные годы. В 1891–1892 гг. произошел последний в период империи крупный неурожай, приведший к голоданию сотен тысяч людей. Архангельский крестьянин Н. И. Заборский так отметил это печальное событие в летописи села: «1891–1892 годы был у нас неурожай хлеба, ели кору и мох. Народ мер, особенно дети. Хлеб можно было пекчи на противнях[96]. Скота тоже поели, и пало от худого, затхлого сена»[97].

Однако самое главное изменение пореформенного времени состояло в том, что потребление понемногу улучшалось, соответственно с ним и размеры тела. 372 эксперта, приглашенные в Комиссию для исследования «нынешнего положения сельского хозяйства в России» (далее — Комиссия 1872 г.) в 1872–1873 гг., ответили на 68-й вопрос анкеты о пище крестьян и сельскохозяйственных рабочих после крестьянской реформы (табл. 8.15).

Таблица 8.15

Результаты статистической обработки ответов на анкету Комиссии 1872 г. о питании крестьян и сельскохозяйственных рабочих после крестьянской реформы

Вопросы	Число ответов				% ответов			
	да	нет	как прежде	итого	да	нет	как прежде	Итого
68 а. Улучшилась ли пища крестьян?	149	34	189	372	40,1	9,1	50,8	100
68 в. Увеличилось ли потребление водки?	19	1	0	20	95	5	0	100
68 г. Улучшилась ли пища с/х рабочих?	104	0	14	118	88,1	0,0	11,9	100
68 д. Увеличилось ли потребление мяса рабочими?	84	0	11	95	88,4	0,0	11,6	100

Источник: Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. I. Отд. 1. С. 225–252; Приложения. VI. Ч. 1. С. 3–281; Ч. 2. С. 1–157.

Улучшение питания крестьян отметили 40,1% респондентов, некоторое ухудшение — 9,1% и 50,8% не заметили изменений, в частности не отметили роста потребления мяса. Позитивная тенденция более проявилась в центральных черноземных, украинских, а также в белорусских и прибалтийских губерниях. «Пища крестьян стала лучше: сало, баранина, домашняя птица в постоянном употреблении; зажиточные крестьяне начинают употреблять чай» (Воронежская губ.)[98]. «Пища крестьян вообще улучшилась. Молоко, творог, масло и сало они почти повсеместно употребляют сами» (Волынская губ.)[99]. «Потребление мяса крестьянами с начала шестидесятых годов значительно увеличилось. Плохой хозяин кормит двух свиней для своего продовольствия; для этой же цели и для овчин содержатся овцы, а зажиточные крестьяне нередко употребляют в пищу и мясо собственного рогатого скота. Молоко употребляется в летнее время ежедневно. Количество содержимого крестьянами скота удвоилось. Из покупных припасов в большом ходу соленая рыба» (Могилевская губ.)[100]. «В последние 15 лет пища работников улучшилась, и употребление мяса увеличилось; впрочем, употребляется больше рыба соленая» (Эстляндская губ.)[101]. «В некоторых местностях пища крестьян улучшается, и потребление мяса увеличивается, в других же этого улучшения не замечается» (Тверская губ.)[102]. «С развитием железных дорог потребление пшеничной муки заметно увеличилось, а ржаной — уменьшилось. Прежде мужик, отправляясь в дорогу пешком, брал с собой мешок с ржаным хлебом, а ныне, отправляясь по железной дороге, он из какого-то ложного стыда не ест ржаного хлеба в присутствии других, сидящих в вагоне, а ест белый, например сайку или булку», — заметил хлебный торговец Н. М. Полежаев[103]. «Крестьяне благодатной Курской губернии всегда имели однообразную, но здоровую пищу:

чистый ржаной хлеб, пшено, гречневую кашу, картофель, овощи, сало и постное масло. Пища их не изменилась» (Курская губ.)[104].

В центральных нечерноземных губерниях чаще отмечали стагнацию в потреблении. «Пища крестьян не улучшается и потребление мяса не только не увеличивается, но в иных местностях Смоленского и Рославльского уездов даже уменьшается, вследствие уменьшения производства скота. Вообще мяса употребляют очень мало; пища их большей частью растительная, грубая, хлеб в некоторых местностях пушной, с мякиной. Исключение представлял Юхновский уезд и часть Духовщинского и Смоленского уездов, в которых пища улучшается и потребление мяса увеличивается, отчасти вследствие улучшения заработков и большего развития артельных работ» (Смоленская губ.)[105]. «Пища крестьян не улучшается, и потребление мяса не увеличивается, а местами и уменьшается", — засвидетельствовал эксперт из поволжской Казанской губернии [106].

Качество питания варьировало в границах одной губернии или одного уезда, но разделения целых уездов или губерний на процветающие и депрессивные не наблюдалось. «В южных уездах пища сельского населения хороша и достаточна, довольно велико потребление мяса, хотя далеко не все имеют постоянные запасы мясной пищи. В северных и особенно северо-восточных уездах пища гораздо хуже и не улучшается, а напротив, скорее ухудшается: прежде скотоводство крестьян было больше, и они могли употреблять больше мяса; после отвода наделов и отрезки пастбищ мясо употребляется гораздо меньше. <...> Пища крестьян не улучшается, и потребление мяса не увеличивается, но так как скотоводство у крестьян очень велико, у них много рогатого скота, овец и свиней, то крестьяне осенью бьют баранов, а зимой свиней и заготовляют солонину и сало на год. Крестьяне среднего состояния осенью и зимой употребляют мясо почти каждый день. Весной и летом — только зажиточные, а остальные — сало, овощи, молочную и мучнистую пищу» (Самарская губ.)[107].

Повсеместно отмечено употребление чая, сахара, покупного пива; но, по мнению некоторых респондентов, это не идет на пользу земледельцам: «Обыкновенная пища крестьян состоит из хлеба, щей, молока, овощей. Потребности крестьян увеличились только в отношении чая, сахара, табака, водки, кожаной обуви и особенно лучшей одежды. Удовлетворение этих потребностей случается, впрочем, сплошь и рядом в ущерб удовлетворению более насущных» (Новгородская губ.)[108].

Именно водка поглощала дополнительные доходы крестьян, нередко указывали эксперты: «Потребление мяса не увеличивается, и пища крестьян не улучшилась — не от недостатка их, а больше от отсутствия экономии и пьянства» (Ярославская губ.)[109]. «Пища крестьян остается та же. Происходит это оттого, что крестьяне весь избыток от своих заработков изводят на вино, употребление которого постоянно увеличивается. Чем достаточнее крестьянин, тем более он тратит на водку» (Подольская губ.)[110]. Действительно, потребление водки после введения акцизной системы вместо откупной в 1863 г. возросло к 1872 г. с 10 до 12 л, а в отдельные годы колебалось в зависимости от урожая[111]. Православный человек, когда выпивал, как правило, закусывал[112]. И по этой причине рост потребления алкоголя вел к повышению калорийности пищи.

Сдвиги к лучшему произошли и в питании рабочих. 88,1% респондентов отметили его улучшение и лишь 11,9% не заметили изменений, причем трое

из них заявили, что пища как до, так и после реформы — достаточна и питательна. По заключению 84 экспертов, рабочие стали чаще есть мясо, и лишь 14 указали, что ни до, ни после реформы хозяева мясо не выдавали. Причины улучшений эксперты связывали с возрастанием требовательности со стороны рабочих. «Рабочие дома продовольствуются по-прежнему, и мясо употребляют разве только по праздникам, а при найме на хозяйских харчах становятся очень прихотливы и требовательны, выговаривают и мясо, и сало, а если на своих харчах, то употребляют чуть не один хлеб с квасом, да лук и овощи, какие подешевле» (Курская губ.)[113].

Таким образом, 88,1% респондентов констатировали улучшение питания у сельскохозяйственных рабочих, 40,1% — у крестьян, при этом лишь 9,1% информаторов отметили ухудшение диеты у крестьян, и ни один не сказал этого о рабочих. Приведенные данные позволяют заключить: во второй половине 1860-х — начале 1870-х гг. потребление в деревне стало изменяться к лучшему.

На современный взгляд, крестьянская пища XVIII–XIX вв. кажется бедной животными белками и фруктами, однообразной и, наверное, недостаточной — такой же она была и в западноевропейских странах в доиндустриальную эпоху[114]. Однако по утверждению А. Н. Энгельгардта, подход крестьян к питанию и пище отличался поразительным прагматизмом, тонким и точным расчетом и удовлетворял их потребности: «Хорошо едят (крестьяне. — *Б. М.*) только тогда, когда это стоит, т. е. только для того, чтобы хорошо работать. Люди точно знают, на какой пище сколько сработаешь, какая пища к какой работе подходит. Если при пище, состоящей из щей с солониной и гречневой каши с салом, вывезешь в известное время, положим, один куб земли, то при замене гречневой каши ячною вывезешь менее, примерно, куб без осьмушки, на картофеле — еще меньше, например, три четверти куба и т. д. Все это грабору (землекопу. — *Б. М.*), резчику дров, пильщику, совершенно точно известно, так что, зная цену харчей и работы, он может совершенно точно расчесть, какой ему харч выгоднее, — и рассчитывает. Это точно паровая машина. Свою машину он знает еще лучше, чем машинист паровую, знает, когда, сколько и каких дров следует положить, чтобы получить известный эффект. Точно так же и относительно того, какая пища для какой работы способнее: при косьбе, например, скажут вам, требуется пища прочная, которая бы, как выражается мужик, к земле тянула, потому что при косьбе нужно крепко стоять на ногах, как пень быть, так сказать, вбитым в землю каждый момент, когда делаешь взмах косой; наоборот, молотить лучше натощак, чтобы быть полегче»[115].

Энгельгард Александр Николаевич (1832-1893). Фото

Энгельгардт сделал попытку обобщить практику крестьянской диеты следующим образом.

1. «По-мужицкому, *кислота* есть *необходимейшая* составная часть пищи. Без кислого блюда для рабочего обед не в обед. Кислота составляет для рабочего человека чуть не бóльшую необходимость, чем мясо, и он скорее согласится есть щи со свиным салом, чем пресный суп с говядиной, если к нему не будет еще какого-нибудь кислого блюда.

Отсутствие кислоты в пище отражается и на количестве работы, и на здоровье, и даже на нравственном состоянии рабочих людей. Щи из кислой капусты — холодные или горячие — составляют основное блюдо в народной пище. Если нет кислой капусты, то она заменяется кислыми квашеными бураками (борщ). Если нет ни кислой капусты, ни квашеных бураков, вообще никаких квашеных овощей, как это иногда случается летом, то щи приготовляются из свежих овощей — свекольник, лебеда, крапива, щавель — и заквашиваются кислой сывороткой или кислыми сколотинами, получаемыми при изготовлении чухонского масла. Наконец, в случае крайности, щи заквашиваются особенно приготовленным сырым кислым квасом или заменяются кислой похлебкой с огуречным рассолом, квасом, сильно закисшим тестом, сухарями из кислого черного хлеба».

2. «Крестьяне различают пищу на *прочную и легкую,* с множеством градаций, конечно. Жить можно и на легкой пище, например: грибы, молоко, огородина, но для того, чтобы работать, нужно потреблять пищу прочную, а при тяжелых работах — земляные, резка, пилка, косьба, корчевка и т. п. — самую прочную, такую, чтобы, поевши, бросало на пойло, как выражаются мужики, чтобы захотелось напиться, так напиться, как пьет после сытного, прочного обеда здоровый работник, когда он приляжет губами к ведру с квасом и сразу вытянет чуть не полведра».

3. «Прочною пищей считается такая, которая содержит много питательных, но трудно перевариваемых веществ, которая переваривается медленно, долго остается в кишке, не скоро выпоражнивается, потому что раз кишка пуста, работать тяжелую работу нельзя и необходимо опять подъесть».

4. «Черный ржаной хлеб составляет главную составную часть пищи, но одного только хлеба для полной работы мало. Прочная пища должна состоять из щей с хорошей жирной солониной или соленой свининой (ветчиной — только не копченой) и гречневой каши с топленым маслом или салом. Если при этом есть стакан водки перед обедом и квас, чтобы запить эту прочную, крутую пищу, то пища будет образцовая, самая прочная, такая, при которой можно сделать максимум работы, вывезти наибольшее количество земли, нарезать наибольшее количество дров, выпилить наибольшее количество досок. Щи и каша — это основные блюда».

5. «Мужик главное значение в пище придает жиру. Чем жирнее пища, тем лучше: “маслом кашу не испортишь”, “попова каша с маслицем”. Пища хороша, если она жирна, сдобна, масляна. Щи хороши, когда так жирны, «что не продуешь», когда в них много навару, то есть жиру. Солонины, говядины или свинины в скоромные щи кладется немного — лишь бы только навару (жиру) было побольше, если говядина не жирна, то к ней прибавляют свиного сала».

6. «В постные дни солонина в щах заменяется снетком, который кладется только для вкуса, или горячие щи заменяются холодными, то есть кислой капустой с квасом, луком и постным маслом. Коровье масло или сало в каше заменяется постным маслом».

7. «Работающие люди вовсе не придают значения мясу, как питательному веществу; водку, например, предпочитают мясу во всех отношениях. Однако же тот же рабочий человек не согласится заменить молочную кислоту нормальной пищи (щи из кислой капусты. — *Б. М.*) водкой, не согласится заменить водкой жир или гречневую кашу»[116].

Сравнивая потребление крестьян и состоятельных и образованных людей, Энгельгардт обнаружил две модели потребления и отношения к питанию. Потребление крестьян — бедное по ассортименту и дешевое, оно сугубо рациональное, так как предназначено исключительно для получения энергии: в зависимости от того, какая предстояла работа — легкая или тяжелая, крестьяне ели мало или много, ту или другую пищу. Питание привилегированных слоев — избыточное, богатое по ассортименту, дорогое, а процесс потребления — развлечение: они ели, чтобы приятно провести время, развлечься, занять досуг. Их пища не подходила для людей, занятых тяжелым физическим трудом, ни с энергетической, ни с финансовой точки зрения — она давала недостаточно энергии и была недоступно дорогой. Крестьяне рассматривали питание как показатель социального статуса и культурной принадлежности, и давали ему моральную оценку. Расточительное, то есть потребление большее, чем требовалось для удовлетворения физиологических потребностей, считалось аморальным, так как его источником являлась эксплуатация работников[117].

Если сравним выводы А. Н. Энгельгардта с наблюдениями корреспондентов РГО о питании, то поймем: в России крестьяне всюду следовали именно тем правилам, которые он четко сформулировал. Именно крестьянская диета, выработанная многими поколениями, позволяла выжить в самых тяжелых условиях. Зимой, когда продуктов мало, крестьянин мог неделями лежать на печи, но не по лености, а потому что дремлющий или лежащий человек меньше расходовал энергии и ему мало хотелось есть. Напротив, в страду, когда требовалось много сил, крестьяне питались хорошо, как в праздник[118], ибо приходилось работать до изнеможения и «к концу уборки худели, старели, а некоторые скорее походили на тени»[119]. Без нужды, т. е. без потребности в энергии для работы, они никогда не переедали, зная: «Если харч в жир пошел, то ни одной бабе проходу не дали бы»[120]. Крестьянин регулировал питание сообразно потребностям в энергии, а затраты энергии — соответственно фактическому питанию. При низкой эффективности и потребительском отношении к труду — это самая оптимальная стратегия поведения.

Пятнадцать экспертов из семи губерний, приглашенных в Комиссию 1872 г., сообщили сведения о количестве продуктов, отпускаемых хозяевами рабочим (в скобках число респондентов), в том числе из: Псковской (1), Смоленской (1), Симбирской (1), Витебской (3), Гродненской (1), Минской (4), Могилевской (4). Все данные относятся к нечерноземным губерниям (за исключением Симбирской), при этом вариация рациона с количественной стороны незначительна: в день в среднем потреблялось около 3 фунтов (1,227 кг) печеного хлеба или эквивалентное количество муки, 3/4 фунта (0,307 кг) круп, 1/10 фунта постного масла (в постные дни) или 1/10 фунта сала (в скоромные дни), 40 г соли и по потребности кислой капусты, бураков и картофеля. Из 85 респондентов, упомянувших о потреблении рабочими мяса, 74,1% указали, что полфунта (205 г) мяса выдается в скоромные дни, 9,4% — в воскресные и праздничные, и лишь по мнению 16,5%, мяса в рационе нет[121]. Потребление указанного количества хлеба, круп и масла (или сала) дает 4776 усвоенных ккал, и это было достаточно для совершения тяжелой физической работы в течение дня. Семь респондентов отметили: в домашних условиях крестьяне питаются хуже, чем тогда, когда нанимаются на работу, главным образом потому, что дома не имеют в скоромные дни

мяса. П. Бобровский в описании Гродненской губернии в дореформенное время дает примерно те же нормы потребления крестьян, как и эксперты из белорусских губерний в 1872 г.: «Взрослый мужчина съедает в день 3 фунта хлеба и 2 кварты (кварта — 1,136 л. — *Б. М.*) пресной и 3 кварты кислой похлебки; женщина — 2 фунта хлеба и похлебки несколько меньше; на пятилетнего ребенка полагается 1,5 фунта хлеба»[122]. Даже без мяса калорийность питания будет адекватной потребности в энергии[123].

Массовые данные о питании крестьянства появляются с конца XIX в., главным образом за 1905–1913 гг.; они собраны в 13 губерниях Европейской России экспедиционным или анкетным методами в ходе бюджетных обследований 7381 хозяйства. Эти сведения позволяют оценить структуру и калорийность питания (табл. 8.16).

Таблица 8.16

Состав и калорийность питания крестьянства в 13 губерниях Европейской России в 1896–1915 гг. (потребление на душу населения)

Продукты	Потребление		Состав продуктов, г			Ккал	
	в год, кг	в день, г	белки	жиры	углеводы	всего	усвоено
Хлебные	254,7	698	73,8	13,7	458,1	2 298	2 003
Картофель	131,2*	359*	7,0	0,5	74,3	337	298
Овощи, фрукты	50,9*	139*	1,9	0,3	14,0	67	59
Молочные	152,5	418	27,5	24,8	12,5	398	376
Мясо	18,5*	51	9,7	2,7	0,4	67	64
Рыба	9,5*	26*	4,2	2,8	0,7	48	45
Масло коровье	1,15	3,2	–	2,8	–	26	24
Масло растительное	2,13	5,8	–	5,8	–	54	46
Яйца	0,98*	2,7*	0,5	0,5	0,2	8	7
Сахар	3,11	8,5	–	–	8,2	34	30
Итого	624,7	1 712,2	124,6	53,9	568,4	3 337	2 952

Примечание: * Чистый вес, без отходов.

Источник: Подсчитано по: *Клепиков С. А.* Питание русского крестьянства. Ч. 1. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920. С. 27, 35, 37.

Из данных табл. 8.16 следует, в 1896–1915 гг. крестьяне в целом получали в день 2952 ккал на душу, в переводе на взрослого мужчину (при поправочном коэффициенте 1,4) — 4133 ккал, что являлось достаточным для совершения тяжелой физической работы в течение дня *круглый* год. Известный эксперт по питанию начала XX в. С. А. Клепиков определяет калорийность питания взрослого крестьянина в 4501 ккал[124]. Причины расхождения в следующем. Автор считает необходимым принять для перевода потребления с души на взрослого едока мужского пола поправочный коэффициент в 1,4[125]. Однако в практической работе без всяких объяснений он использует коэффициенты от 1.4 до 1,51, чаще всего 1,5[126]. В моих расчетах для крестьянства использовался коэффициент 1,4 — это соответствует возрастной структуре крестьянства в начале XX в. и, кроме того, удобно для сравнения питания сельского и городского населения, для которого также принят коэффициент 1,4. Но при коэффициенте 1,4, естественно, получаются несколько

иные результаты, чем при коэффициенте 1,5. В этом первая и главная причина различий в оценках калорийности питания при переходе от души к взрослому мужчине, сделанных Клепиковым и мною, поскольку при коэффициенте 1,4 на взрослого мужчину приходилось 4133 ккал, при коэффициенте 1,5–4428. Вторая причина расхождений: у Клепикова при разложении продуктов на питательные вещества они объединены в 14 групп, а у меня — в 10 более крупных групп, как это было принято для горожан. Наконец, при вычислении калориметрических эквивалентов отдельным продуктам и питательным веществам в целях полной сопоставимости данных о потреблении городского и сельского населения я взял единые переводные коэффициенты, принятые для расчетов калорийности питания горожан.

Крестьяне, как и горожане, разделялось на экономические группы, существенно отличавшиеся с точки зрения потребления (табл. 8.17).

Таблица 8.17

Структура потребления взрослого мужчины-крестьянина по экономическим группам в 1896–1915 гг.

Питательные вещества	Физиологическая норма*		Дневное фактическое потребление							
			низшая группа		средняя группа		высшая группа		в среднем**	
	г	%	г	%	г	%	г	%	г	%
Белки,	108	14	77,1	15,5	115,8	16,7	161,5	18,2	124,6	16,7
в том числе животные	54	6,9	32,3	6,5	57,9	8,4	90,4	9,3	41,9	5,6
Жиры	142	18	43,6	8,8	75,0	10,8	109,6	12,4	53,9	7,2
Углеводы	546	69	375,6	75,7	501,3	72,4	615,6	69,4	568,4	76,1
Итого	796	100	496,3	100,0	692,10	100,0	886,7	100,0	746,9	100,0

Примечания: * Для лиц физического труда.

** В среднем по Европейской России.

Источник: Клепиков С. А. Питание русского крестьянства. Ч. 1. С. 14, 21–24.

Пища низшей группы была на 23% менее калорийной, а высшей — на 37% более калорийной сравнительно с пищей средней группы[127]. Взрослый мужчина из бедных крестьян располагал суточной нормой в 3182 ккал, из богатых — 5662, из середняков — 4500 ккал. Поскольку для совершения тяжелой крестьянской работы круглый год требуется 4000 ккал, то получается: потребление низшей экономической группы крестьян не обеспечивало их для этого достаточной энергией, а если обеспечивало, то за счет питания детей, женщин и стариков. По расчету Клепикова бедное крестьянство не испытывало депривации. Однако и по моим расчетам дефицита в потреблении низшей страты крестьянства не будет, если учесть, что крестьянин не работал все 365 дней в году в полную силу (как предполагалось в нашем расчете): только на праздничные и воскресные дни уходило 95 дней в середине XIX в. и 123 дня в начале XX в., да из-за непогоды пропадало около 135 дней в году (см. табл. 10.4).

В начале XX в. при большой нагрузке в *рабочие* дни (для таких 107 дней в году примем суточную потребность в 4500 ккал), при умеренной нагрузке в *непогоду* (для таких 135 дней примем суточную потребность в 3000 ккал) и при легкой нагрузке в *праздничные и воскресные* дни (для таких 123 дней примем суточную по-

требность в 2300 ккал) в течение всего года нужно 3204 ккал в день. По нашему расчету, низшая социальная группа потребляла 3182 ккал, т. е. немногим меньше требуемого. Таким образом, в количественном отношении питание крестьянства в начале XX в. можно считать достаточным. Однако с точки зрения современных диетологов в его рационе не хватало жиров и белков при избытке углеводов. Сбалансированность потребления наблюдалась у средних и богатых крестьян, но и им, с точки зрения физиологической нормы, недоставало жиров.

8.5. Вес и индекс массы тела

Сделанные наблюдения над питанием можно проверить на данных о весе или об индексе массы тела: индекс равен отношению веса, выраженного в килограммах, к квадрату роста, выраженного в метрах. Индекс менее 18 свидетельствует о недостаточном питании, в диапазоне от 18 до 24 — о нормальном питании и более 24 — об избыточном питании[128] (табл. 8.18).

Таблица 8.18

Вес, рост и индекс массы тела (ИМТ) у мужчин 1811–1920 гг. рождения (в возрасте старше 17 лет)

Годы рождения	n	Средний вес, кг	Средний рост, см	Индекс реальной зарплаты*	Индекс массы тела	Стандартное отклонение ИМТ	Стандартная ошибка ИМТ
1811–1820	87	59,1	164,8	84,5	21,8	2,964	0,318
1821–1830	431	59,5	165,0	87,0	21,8	2,223	0,107
1831–1840	968	60,3	165,0	96,1	22,2	2,322	0,075
1841–1850	2 017	60,1	165,2	99,1	22,0	1,919	0,043
1851–1860	3 479	59,1	164,9	101,7	21,7	1,692	0,029
1861–1870	3 091	57,4	163,7	88,6	21,4	1,847	0,033
1871–1880	719	57,9	164,4	87,5	21,4	2,043	0,076
1881–1890	24	62,3	167,3	72,1	22,3	2,478	0,506
1891–1900	3 258	64,4	168,1	88,0	22,8	1,838	0,032
1901–1910	895	62,2	167,3	93,8	22,2	2,555	0,085
1911–1920	29 894	66,5	168,9	97,7**	23,3	3,444	0,020

Примечания: * В С.-Петербурге, 1913 г. =100.

** 1911–1913 гг.

Источники: Рост и вес: подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1; индекс реальной зарплаты: табл. 9.5 в Главе 9.

Данные о весе за 1811–1880 гг. относятся к промышленным рабочим, которые по своему социальному происхождению в большинстве являлись крестьянами, а за 1881–1920 гг. — к новобранцам. Как следует из табл. 8.18, вес понижался у когорт 1841–1870 и 1901–1910 годов рождения; в эти же годы падал и индекс массы тела; у всех других когорт вес и индекс массы тела увеличивались. В целом с 1811–1820 гг. по 1911–1920 гг. прибавка в весе происходила более интенсивно, чем в росте, — соответственно 7,4 кг и 4,1 см, благодаря этому индекс массы тела повысился на два с половиной пункта — с 21,8 до 23,3. При этом даже в годы уменьшения веса индекс массы тела не опускался ниже 21,4. Промышленные рабочие, хотя и происходили из крестьян и были тесно связаны с деревней, все же

питались в значительной степени за счет своей зарплаты, поэтому перемены в биостатусе рабочих и крестьян могли временами и не совпадать. В 1860-е гг. реальная зарплата промышленных рабочих понизилась на 13,1%, сельскохозяйственных — повысилась на 50% (см. табл. 9.12 в Главе 9).

Теперь оценим, как изменялся вес в зависимости от роста (табл. 8.19).

Таблица 8.19

Рост, вес, индекс массы тела мужчин в призывном возрасте (18–35 лет) в России XIX — начала XX в.

Рост, см	Средний вес, кг	Число наблюдений	Стандартная ошибка среднего веса	Индекс массы тела
150	47,1	22	0,25	20,9
151	49,0	36	0,19	21,5
152	49,7	53	0,14	21,5
153	49,9	99	0,14	21,3
154	50,7	116	0,13	21,4
155	51,5	151	0,12	21,4
156	52,1	245	0,11	21,4
157	52,7	294	0,11	21,4
158	53,7	364	0,10	21,5
159	54,0	354	0,10	21,4
160	55,0	500	0,10	21,5
161	55,9	538	0,10	21,6
162	56,9	572	0,11	21,7
163	57,6	645	0,10	21,7
164	58,0	585	0,11	21,6
165	59,1	672	0,14	21,7
166	60,0	579	0,13	21,8
167	60,4	575	0,13	21,7
168	60,9	550	0,18	21,6
169	62,0	377	0,15	21,7
170	62,9	418	0,21	21,7
171	63,3	372	0,21	21,7
172	65,0	236	0,29	22,0
173	65,0	252	0,37	21,7
174	65,4	143	0,40	21,6
175	66,2	137	0,66	21,6
176	67,0	98	0,89	21,6
177	68,0	64	1,07	21,7
178	69,2	56	0,79	21,8
179	66,4	32	1,07	20,7
180	70,2	22	0,37	21,7
181	70,2	7	2,33	21,4
182	73,7	14	0,15	22,3
164,7*	58,5*	9264**		21,6*

Примечания: * В среднем для всех данных.

** Общее число наблюдений, включая лиц ниже 150 и выше 182 см.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Как видно из табл. 8.19, вес изменялся параллельно с ростом. Это, кстати, подтверждает и высокий и статистически значимый коэффициент корреляции Пирсона между ними, равный 0,871. Во всех ростовых группах индекс массы тела находился в зоне нормы, следовательно, питание было нормальным во всех возрастных группах. В интервале 161–170 см удлинение тела на 1 см увеличивало вес примерно на 0,7 кг.

У детей, подростков и юношей масса тела соответствовала норме: оптимальный индекс массы тела для детей несколько меньше, чем для взрослых, — 17–20[129] (табл. 8.20).

Таблица 8.20

Рост, вес, индекс массы тела мужского населения в разных возрастных группах в России XIX — начала XX в.

Возраст	Рост, см	Вес, кг	Число наблюдений	Стандартная ошибка среднего веса	Индекс массы тела
6–10	128,0	28,9	37	0,54	17,7
11–15	141,3	35,5	1 669	0,08	17,8
16–20	162,7	55,4	5 283	0,06	20,9
21+	164,7	59,5	7 517	0,04	21,9
18–35	164,7	58,5	9 264	0,04	21,6

Источник: подсчитано по данным табл. 8.19.

8.6. Питание привилегированных слоев населения

Как говорилось выше, питание людей из привилегированных сословий различалось по составу, качеству и количеству. Однако неверно думать, что оно всегда было достаточным, а тем более избыточным. Российские дворяне и чиновники в массе своей не отличались богатством. В 1858 г. в Европейской России насчитывалось 888,8 тыс. дворян обоего пола всех возрастов, из них 612 тыс. относились к потомственным. Личные (276,8 тыс.) и потомственные дворяне без земли и крепостных или с числом крепостных менее 20 ревизских душ (337,5 тыс.) принадлежали к низшей страте и составляли 69,1% всего благородного сословия. Ради поддержания престижа и видимости благополучия расходы на одежду и культурные потребности низшая страта старалась по возможности поддерживать на должном уровне, зато питалась очень скромно[130]. Картина П. А. Федотова «Завтрак аристократа» это наглядно иллюстрирует. Среди чиновников и дворян встречались, конечно, как заметил А. П. Чехов, и толстые, но тонких насчитывалось в несколько раз больше, поскольку генералов и богатых помещиков насчитывалось относительно немного. Из-за бедности почти половина чиновников не могла жениться, и, как хорошо показали русские писатели, находчиво уклонялась от матримониальных предложений. Акакий Акакиевич Башмачкин из «Шинели» Н. В. Гоголя, даже не будучи женатым, несколько лет копил деньги на покупку форменной шинели. Женатые же чиновники и даже мелкопоместные дворяне часто нуждались и не могли себе позволить ежедневно есть то, что им хотелось[131]. Это касалось 190 тыс. мелкопоместного российского дворянства и 103 тыс. чиновников XIV–IX классов и канцеляристов[132]. По причине много-

детности и бедности дворяне при любой возможности пытались устроить своих мальчиков на казенный счет в кадетские корпуса, а девочек — в пансионы. «Товарищи мои были люди малосостоятельные; за малым исключением — беднота, получавшая из дому своих отцов-офицеров незначительные суммы, — свидетельствовал воспитанник Петровского Полтавского кадетского корпуса, а затем Первого Павловского юнкерского училища — сын офицера, впоследствии крупный чиновник В. С. Кривенко (1854–1931). — Вместе с синенькими и красненькими "бумажками"(банкноты в 5 и 10 руб. — *Б. М.*) юнкер получал и письма, большей частью наставительного характера, на тему о необходимости экономии, так как "жалованье" у отца небольшое и другие дети подрастают. <...> Общее экономическое состояние родителей юнкеров было почти одинаковое, не особенно завидное. <...> Богатство, просто даже комфорт были так от нас далеки, что мы об этом даже не мечтали. Столичная роскошь казалась нам созданною для другой породы совсем чуждых нам людей, а не для бывших кадет и юнкеров, которым суждено весь век жить на скромное жалованье. Помню твердо — богатству мы не завидовали, у нас были другие, не материальные, но радостные приманки в жизни»[133].

Однако и в учебных заведениях на казенном коште питание не являлось достаточным. С. Т. Аксаков, учившийся в 1800-е гг. в Казанской гимназии, бывшей в то время закрытым учебным заведением, вспоминает: «Завтрак состоял в скоромные дни из стакана молока пополам с водою и булки, а в постные дни — из стакана сбитня с булкой; в таком же роде обед из трех блюд и ужин из двух. В спальнях держали двенадцать градусов тепла (по Реомюру, т. е. 15 градусов по Цельсию. — *Б. М.*), что, кажется, и теперь соблюдается во всех казенных учебных заведениях и что, по-моему, решительно вредно для здоровья детей. Нужно не менее четырнадцати градусов»[134].

В. С. Кривенко, проведший в кадетском корпусе семь лет, 1865–1872 гг., подтверждает плохое качество питания и «страдание» от голода и его обострявшего холода: «Кормили нас вообще очень плохо. На всю дневную пищу отпускалось на человека 12½ копеек. Надо было удивляться, как нас еще с голоду не уморили. <...> Утренний завтрак: булка, жидкая кашица, иногда сбитень; в мае

Маковский В. Е. Бюрократы. 1902 г. ГТГ

месяце — молоко». В 12 часов — кусок черного хлеба. На обед три блюда — суп, кусочек мяса с гарниром, слоеная лепешка, маленький кусочек масла. «Праздничный обед был один и тот же: борщ со сметаной, бифштекс и слоеные пироги с двумя вишневыми ягодками. В особенно торжественные дни подле каждого прибора клали "фунтики" с чем-то похожим на конфеты (дешевые сухие сладости. — *Б. М.*)». Чем кормили на ужин, Кривенко не сообщает. Состав и качество питания были удовлетворительными, но пищи было мало для удовлетворения «волчьего аппетита» подростков. От голода не страдали только несколько кадетов из богатых семей, получавших деньги от родителей[135]. Страдавшие «худосочием» кадеты весной «по назначению доктора ходили в лазарет пить настой из трав»[136].

В аналогичном положении находились девочки, учившиеся в институтах благородных девиц, в том числе и в Смольном институте в Петербурге. Е. Н. Водовозова (урожд. Цевловская, 1844–1923) оставила подробное описание питания в самом привилегированном в России Смольном институте в 1855–1861 гг. «Теперь даже трудно представить, какую спартанскую жизнь мы вели. <...> Кроме раннего вставания и холода воспитанниц удручал и голод, от которого они вечно страдали. Трудно представить, до чего малопитательна была наша пища. В завтрак нам давали маленький, тоненький ломтик черного хлеба, чуть-чуть смазанный маслом и посыпанный зеленым сыром. Иногда вместо зеленого сыра на хлебе лежал тонкий, как почтовый листик, кусок мяса, а на второе мы получали крошечную порцию молочной каши или макарон. В обед — суп без говядины, на второе — небольшой кусок поджаренной из супа говядины, на третье — драчена или пирожок со скоромным вареньем из брусники, черники или клюквы. Эта пища, хотя и довольно редко дурного качества, была чрезвычайно малопитательна, потому что порции были до невероятности миниатюрны. Утром и вечером полагалась одна кружка чаю и половина французской булки. И в других институтах того времени, сколько мне приходилось слышать, тоже плохо кормили, но, по крайней мере, давали вволю черного хлеба, а у нас и этого не было: понятно, что воспитанницы жестоко страдали от голода. Посты же окончательно изводили нас: миниатюрные порции, получаемые нами тогда, были еще менее питательны. Завтрак в посту обыкновенно состоял из шести маленьких картофелин (или из трех средней величины) с постным маслом, а на второе давали размазню с тем же маслом и габер-суп. В обед — суп с крупой, второе — отварная рыба или три — четыре поджаренных корюшки, а на третье — крошечный постный пирожок с брусничным вареньем. Мы постились не только в Рождественский и Великий посты, но каждую пятницу и среду. В это время воспитанницы чувствовали такой адский голод, что ложились спать со слезами, долго стонали и плакали в постелях, не будучи в состоянии уснуть от холода и мучительного голода. Этот голод в Великом посту однажды довел до того, что более половины институток было отправлено в лазарет. Наш доктор заявил, наконец, что у него нет мест для больных, и прямо говорил, что это от недостаточности питания. Зашумели об этом и в городе. Наряжена была комиссия из докторов, которые признали, что болезнь воспитанниц вызывается недостаточностью пищи и изнурительностью постов[137]. И последние были сокращены: в Великом посту стали поститься лишь в продолжение трех недель, а в Рождественском — не более двух, но по средам и пятницам постничали по-прежнему. Воспитанницам, имевшим родственников в Петербурге, приходилось меньше страдать от голода. Они просили приносить

им не конфеты, а хлеб и съестное, и получали деньги. После обеда “богачихи”, подкрепив себя пищею, полученною из дому, и заткнув уши пальцами, неистово долбят уроки. Голодные же бродят, как мухи в осенний день, решительно ничего не делают и слоняются из угла в угол или сидят кучками и разговаривают о том, как бы промыслить себе “кусок”, у кого бы для этого призанять деньжонок»[138].

В других заведениях наблюдалось то же самое. А. Н. Энгельгардт (урожд. Макарова, 1838–1903), жена А. Н. Энгельгардта, автора «Писем из деревни», написала в 1870 г. воспоминания о своем пребывании в московском Екатерининском институте в 1848–1855 гг., где подробно рассказывает о питании воспитанниц. «Пищу можно назвать удовлетворительной для неприхотливого желудка, если бы ее давали в достаточном количестве. <...> У нас все желудки подводились под один ранжир, и от этого многие воспитанницы страдали от голода. По утрам зимой давали две чашки чаю, а летом стакан молока с булкой. За обедом бывало три блюда: суп и щи, небольшой кусок говядины, различно приправленной, или котлета и какой-нибудь пирожок не особенно большого размера, или какая-нибудь каша. В 5 часов вечера воспитанницы получали по булке. В 8 часов ужин из двух блюд. Все это было приготовлено недурно, припасы были большею частью свежие, но порции были малы. Только квасу да черного хлеба давали сколько душе угодно, и иные наедались черным хлебом, но не все желудки могли его выносить и были лишены этого подспорья»[139]. В 1888 г. в письме к дочери Энгельгардт еще откровеннее писала о своих страданиях на почве голода: «Я росла <...> вечно голодная в самом буквальном физическом смысле этого слова. Я часто плакала от голода, *только от голода*, нестерпимого, больно рвущего все внутренности голода. Ощущения голодного человека мне вполне понятны. Я по целым годам никогда не была сыта, и от недостатка питания у меня, при моем железном организме, было самое хилое, самое чахлое детство. Я не росла все время, пока находилась в институте, и вечно бывала больна. <...> Мне казалось, что быть вполне сытой достаточно для счастья человека»[140].

Как сказано выше, на всю дневную пищу кадетов в 1865–1872 гг. отпускалось на человека 12,5 коп. Примерно столько же проедали в день институтки. В это же время обычный второй завтрак, или ланч, детей членов императорской фамилии в Петербурге стоил 1,2 руб., обед — 3 руб. и ужин — 2 руб.[141], всего минимум (поскольку не учтен первый завтрак и полдник между обедом и ужином) — 6,2 руб., или в 50 раз дороже, чем обходилось казне питание воспитанников закрытых учебных заведений. Первый завтрак утром состоял из кофе, чая или шоколада — по выбору, масла, ветчины, яиц и бекона, разных сортов хлеба (обыкновенного, сдобного, сладкого) и калачей, выпекавшихся на воде из Москвы-реки, доставлявшейся в особых цистернах. Второй завтрак в полдень включал холодные (икра, балыки, селедка и маленькие сандвичи) и горячие (сосиски в томатном соусе, горячая ветчина, каша и др.) закуски, два блюда в двух видах (яйца или рыба, мясо белое или черное с овощами) по выбору; в конце завтрака подавались компоты, фрукты и сыр. В пять часов пополудни — чай. В восемь часов вечера — обед. Он начинался с супа с пирожками или гренками с сыром. Затем шли рыба, жаркое (дичь или куры), овощи, сладкое, фрукты и кофе[142].

Как ни парадоксально, но болели воспитанницы, как и кадеты, сравнительно редко, а смертность была низкой, возможно потому, что лазарет, медицинский уход и санитария находились на хорошем уровне[143]. За 6 лет, 1848–1855 гг.,

в Смольном институте произошло три смерти, причем «это считалось необыкновенным случаем. Первая умерла от чахотки, а две другие умерли скоропостижно от какого-то острого воспаления и в промежуток трех недель»[144]. «Худосочные и золотушные»[145] от плохого питания кадеты болели также редко. В. С. Кривенко сообщает только об одном летальном случае: «“неохотник” до уроков кавказец З-ский ночью открыл форточку и в одной сорочке высунулся на мороз. Он достиг желаемого, “отдулся” от уроков, заболел и умер»[146].

В 1870-е гг. на питание воспитанников в учебных заведениях стали отпускать больше денег[147], и оно стало улучшаться. Т. Г. Морозова (1904–1997) вспоминает о питании в Харьковском институте благородных девиц в 1912–1917 гг. «Е. Н. Водовозова пишет, что институтки Смольного систематически голодали и что у них часто бывали голодные обмороки. Я совершенно не помню, в чем состояли наши завтраки, обеды и ужины — признак нормального питания. Помню лишь, что котлеты постоянно подавались недожаренными и от стола уносили целые блюда раздавленных красных котлет. Хлеб давался без ограничения. Из третьих блюд помню мороженое и пирожное, все усыпанное орехами. В 5 часов между обедом и ужином нам давали чай с маленькими круглыми булочками, еще теплыми и очень вкусными. Их пекли в собственной пекарне»[148]. Правда, следует принять во внимание: Морозова — дочь генерала, ее родители жили в Харькове, мать навещала ее каждое воскресенье, а каникулы она проводила дома[149]. Это, несомненно, повлияло на ее институтские впечатления.

Недостаточное питание в закрытых учебных заведениях позволяет предположить, что во многих семьях, относившихся к привилегированным слоям, оно тоже не являлось избыточным, иначе родители воспитанников, осведомленные о качестве их питания, присылали бы им деньги и не отдавали бы учиться туда других своих детей. Но сколько-нибудь значительные деньги получали немногие, следовательно, скорее всего, родители не могли им помочь, ибо сами испытывали

Воспитанницы Смольного института в танцевальных костюмах. 1900-е гг. Фото

материальные затруднения. При этом отцы при возможности пристраивали в заведения на казенный счет и других детей, например, два брата В. С. Кривенко учились в том же кадетском корпусе. Сам Кривенко домой не рвался: «Странное дело, несмотря на искреннюю любовь к родным у меня как-то мало щемило сердце по дому. Письма мои были тоже крайне бессодержательны и сухи»[150]. К сожалению, мы имеем мало сведений о домашнем питании дворянских детей: по-видимому, это не казалось мемуаристам важным. Кроме того, трудно предположить, что они стали бы писать о плохом питании в своем доме или в доме своих родственников и знакомых. Во время учебы Кривенко в каникулы посещал находившийся в Полтавском уезде дом товарища своего отца, помещика, майора в отставке Антоненко. В гостях в Рождественский пост его восхитил обильный и вкусный стол: суп с пирогами с капустой и горохом, пампушки, «кулиш», «затирки», караси, лини, каша пшенная и взвар; на десерт постные крендельки, баблики, коржики, варенье, пастила. «Вот бы в корпусе так кормили!» — думалось мемуаристу[151]. Но в свой второй приезд в июне он обнаружил: «Летом местные, больше все мелкопоместные “панки” жили совсем не так, как на святках. Тогда было разливанное море, танцы и постоянные гости. Теперь все сидели у себя по усадьбам, жались, никуда, кроме своего поля, не выезжали. Стол, даже у зажиточных Антоненко, был по сравнению со святочным, значительно менее разнообразен и обилен»[152]. Вот так деликатно пишет Кривенко об ухудшении питания в июне сравнительно с январем. Июнь и начало июля в деревне являлись трудной порой не только для крестьян, но и для помещиков.

Православное белое духовенство, вероятно, питалось в массе удовлетворительно. Дородность священников считалась их сословным признаком. Но объяснялось это не высокими доходами, а тем, что паства часто расплачивалась за совершение обрядов продуктами, да и подарки делала ими же[153]. Причту поневоле приходилось обильно питаться. «После обедни (на Пасху. — *Б. М.*) нас пригласили к священнику на чашку чаю, — вспоминал Кривенко. — Меня в доме отца Андрея заинтересовали целые груды паляниц, книшей, бубликов и лукошек с яйцами. Брат шепнул мне, что все это насбирали от прихожан»[154]. Питание духовенства за-

Духовенство. Саров. 1903 г. Фото

висело от положения крестьян: когда крестьяне беднели, оплата и подарки уменьшались; в неурожай сельский причт тоже бедствовал. Среди белого духовенства существовала строгая иерархия во всем, включая доходы. Последние, по обычаю, делились между священником, дьяконом и всеми причетниками в пропорции 4:2:1. Существенная часть скромных доходов доставалась священнику, а остальные члены причта довольствовались меньшим, по этой причине среди них дородные мужчины встречались редко. Белого духовенства в 1858 г. насчитывалось только 114,5 тыс., из них священников — 37,8 тыс. (33%), а численность всего черного и белого духовенства с членами их семей — около 567 тыс.[155]

Дореформенное гильдейское купечество по своему образу жизни напоминало духовенство, но отличалось состоятельностью: бедный человек мог быть священником, дворянином и даже аристократом, но не мог быть купцом — для этого требовался значительный капитал. Поэтому-то купцов насчитывалось чрезвычайно мало — 409,6 тыс. обоего пола — в 2,2 раза меньше, чем дворян, в 1858 г.[156]. Как правило, они страдали не от голода, а от избыточного питания. Но купцы не являлись сословием в истинном смысле этого слова: их статус не наследовался, они признавались купцами только до тех пор, пока уплачивали соответствующие немалые налоги с объявленного капитала. Преемственность же была невысокой: большинство купеческих фамилий возвышалось и падало в течение жизни одного-двух поколений вследствие частых банкротств и расточительства — разбогатевшие купцы стремились в роскоши если не превзойти, то не уступать богатым дворянам[157].

Численность всех привилегированных групп — дворянства, духовенства и купечества — накануне эмансипации, в 1858 г., составляла лишь 1,9 млн, или 3,2% всего населения Европейской России (59,2 млн). Но и среди них, судя по их доходам, избыточным питанием могли отличаться едва ли более чем 850 тыс. или 1,4% всех жителей страны. Встречались и богатые крестьяне, особенно среди помещичьих, которым их владельцы не давали свободы. Но их насчитывались на всю страну несколько тысяч. Следовательно, преобладающая часть людей (55%), относившихся формально к привилегированным слоям, но живших на ограниченные средства, на самом деле существовала скромно, вместе с огромным большинством россиян — крестьянством и мещанством. Именно поэтому рост людей из привилегированных и податных сословий изменялся согласованно.

В пореформенное время сословные перегородки постепенно разрушались, состоятельные люди консолидировались в среднем классе, включавшем так называемых цензовых граждан, получивших в 1864 г. избирательные права для выборов в земства, в 1870 г. — в городские думы, в 1906 г. — в Государственную Думу. Для получения избирательных прав требовалось отвечать имущественному цензу (отсюда и название цензовые граждане): либо обладать недвижимым имуществом, либо иметь торгово-промысловые свидетельства на право заниматься предпринимательской деятельностью, либо арендовать квартиру и уплачивать квартирный налог. Этот ценз выделил из населения высшую и среднюю имущественную группу, в которую входили буржуазия, помещики и люди умственного труда: врачи, юристы, преподаватели, техническая интеллигенция, лица свободных профессий, чиновники — именно они нанимали квартиры; рабочие и другой бедный люд снимали комнаты, углы, кровати. В 1907 г. число лиц, отвечавших имущественному цензу на право участия в выборах в Государственную Думу, в 50 губерниях Европейской России равнялось 1288 тыс.[158], эти же лица имели избирательные права

Ланч двух состоятельных дам. С.-Петербург. 1900-е гг. Фото

и для выборов в городские думы и земства. Поскольку избирательным правом пользовались только мужчины старше 25 лет, то процент среднего класса надо вычислять делением количества цензовых граждан не на все население, а на число мужчин в возрасте 25 лет и старше. Тогда доля цензовых граждан в 1906 г. составит около 5,8%. В это число входил не только средний, но и высший класс — около 135 тыс. семей, или 810 тыс. человек, около 1% всех жителей 50 губерний Европейской России (см. табл. 12.20). Следовательно, доля среднего класса равнялась около 4,8%. В расчет не вошли 490 тыс. крестьян-дворохозяев (сведения только по 45 губерниям), имевших в собственности землю: по условиям избирательного закона они не образовывали особого разряда избирателей и не входили в состав землевладельцев. По определению средний класс включает мелкую буржуазию, а крестьяне-собственники как раз и являлись мелкой сельской буржуазией. В таком случае доля среднего класса в 1907–1910 гг. могла достигать около 7,7%[159]. Питание и все жизненные условия существования среднего класса могли и в действительности изменялись не иначе, как и у всего населения страны в целом, ибо его доходы зависели от конъюнктуры и состояния сельского хозяйства и положения крестьянства. Поэтому биологический статус всех социальных групп в пореформенное время колебался столь же согласованно, как и в XVIII — первой половине XIX в.

Суммируем все имеющиеся в нашем распоряжении данные о питании. В 1801–1840 гг. потребление крестьянства улучшалось. В 1840-е гг. наступила стагнация. В 1850–1865 гг. в связи с Крымской войной и реформами потребление несколько ухудшилось. В 1866–1872 гг. ситуация стала изменяться к лучшему. Но настоящий перелом произошел в 1880-е гг., когда потребление превзошло самые высокие отметки первой половины XIX в., и в дальнейшем, вплоть до 1915 г., питание земледельцев улучшалось, за исключением четырех лет войны и революции, 1904–1907 гг. Это совпадает с наблюдениями над динамикой сельскохозяйственного производства.

Что касается горожан, то на протяжении пореформенного времени их питание можно назвать удовлетворительным, хотя в начале XX в. в связи с уменьшением трудовых нагрузок они стали потреблять на 10% меньше продуктов, чем

в середине XIX в. С точки зрения калорийности питание крестьянства превосходило питание горожан, но уступало ему по качеству. Потребление горожан включало больше продуктов животного происхождения и алкоголя. Меньшая калорийность питания горожан обусловливалась меньшей потребностью в энергии в силу иного характера городского труда и образа жизни.

Городское и сельское население внутри себя резко дифференцировалось по доходам и потреблению. Питание зажиточных слоев на протяжении второй половины XIX — начала XX в. можно считать избыточным, а средних слоев города и деревни отвечало стандартам своего времени и являлось достаточным для нормальной жизнедеятельности, хотя временами имелся дефицит рыбной, мясной и молочной пищи. Низшие слои города и деревни, как правило, удовлетворяли свои потребности по физиологической норме — калорийность питания находилась на границе нормы и дефицита, при сильном перекосе в сторону растительной пищи. Среди горожан на долю низших слоев приходилось около 88,1%, но они питались удовлетворительно как с количественной, так и с качественной стороны, причем независимо от урожая. Среди крестьян бедная прослойка достигала в середине XIX в. 24%[160], в 1912 г. — 31%, если к бедным отнести всех безлошадных и безземельных крестьян[161]. Они не только испытывали дефицит мясо-молочных продуктов, но находились в зоне риска: в годы неурожая они недоедали, а во время очень сильных неурожаев голодовки провоцировали массовые заболевания с летальными исходами[162], как случилось в неурожай 1891–1892 гг.[163]

Представляет интерес сравнение питания гражданского населения и солдат. В 1802–1871 гг. пища последних состояла главным образом из щей и каши в обед и каши на завтрак и ужин. Строевому солдату полагалось в год 356 кг муки (как правило, ржаной), 39 кг крупы, а также деньги на соль, масло, овощи и др. В году насчитывалось до 119 постных дней. С 1826 г. в рацион включено мясо, с 1842 г. — 37 фунтов (15,15 кг), с 1849 г. — 80 фунтов (32,76 кг) в год[164]. В 1871 г. мясное довольствие увеличилось до 147,4 кг. Вместо мяса солдатам обычно выдавали так называемые «приварочные деньги»[165]. Потребление «среднего» горожанина и крестьянина в середине XIX в. было, по всей видимости, качественнее солдатского, хотя в количественном отношении их рационы примерно равноценны, все они давали в день около 4000 ккал. Однако с 1870-х гг., после возрастания мясного довольствия армии, солдатское питание и по количеству, и по составу продуктов стало превосходить питание широких слоев горожан и крестьян[166]. После 1874 г. в дневной рацион новобранца входило в фунтах: хлеба печеного — 2, картофеля — 1, в обед на суп мяса — 0,75; далее в золотниках: овсяной крупы — 4, подправочной муки — 4, лука — 2, соли — 5, на кашу крупы пшенной — 32, сала говяжьего — 6, соли — 2, чая — ½, сахара — 6; перца и лаврового листа — по вкусу[167].

Таким образом, в течение XVIII — начала XX в. народная диетическая модель, сложившаяся в более раннее время, в которой преобладающие зерновые продукты сбалансированы с небольшим количеством овощей, картофеля, мяса и фруктов, сохранилась как в деревне, так и в городе. Осталась прежней и модель потребления у привилегированных слоев с преобладанием мясных, рыбных и молочных продуктов. Сохранилась и циклическая природа питания крестьянства: его качество изменялось по сезонам — пропорционально старым и новым запасам продо-

Проба пищи на маневрах. 1900-е гг. Фото

вольствия, и по годам — в соответствии с колебаниями урожаев, экономической и политической конъюнктуры. Однако цикличность потребления уменьшалась, а его качество повышалось. Новые позитивные тенденции обеспечивались возрастанием валового внутреннего продукта на человека, в том числе за счет прогресса в сельскохозяйственном производстве, и увеличением доходов крестьян. Важную роль в улучшении питания сыграло развитие транспорта: железные дороги связали отдельные регионы друг с другом и позволяли в случае неурожая в одних довольно быстро перемещать продовольствие из других, с хорошим урожаем, поскольку никогда неурожаи не охватывали всю империю разом. Благодаря развитию коммуникаций и коммерциализации экономики пища стала везде доступной, повсеместно вошли в широкое употребление новые продукты: одни (самые популярные из них — чай и сахар, менее важные — кофе, изюм, чернослив, миндаль, сыр, колбаса, вина, пиво, специи) только разнообразили диету, другие (картофель, пшеничный хлеб, подсолнечное масло) существенно улучшили ее; повсеместно в употребление вошли новые блюда. При наличии средств хорошо питаться можно было в любом пункте страны.

8.7. Воинский брак, здоровье и рост населения

За показатель здоровья мужчин обычно принимается доля забракованных рекрутов при приеме в армию. Этот индикатор может быть полезным при одном непременном условии, если требования к физической годности призывников и порядок их набора оставались постоянными. Радикальное изменение произошло в 1874 г. — вместо рекрутской системы введена всесословная воинская повинность, возрастной и ростовой цензы понизились[168]. Ввиду этого изучаемый отрезок времени, 1840–1913 гг., за который имеются суммарные данные о медицинском освидетельствовании всех российских новобранцев, целесообразно разделить на два периода — 1840–1873 гг. и 1874–1912 гг. Результаты медицинского обследования сведены в табл. 8.21. При их интерпретации следует принять во внимание: здоровье забракованных лиц в момент призыва являлось итогом их физического развития на протяжении всех лет предшествующей жизни, но осо-

бенно в младенчестве, поэтому при оценке здоровья следует в первую очередь брать во внимание годы рождения, а не измерения[169]. Чтобы легче отследить перемены в медицинских требованиях, указаны и годы призыва. При рекрутской системе в 1840–1873 гг. средний возраст новобранцев равнялся 23,2 года, в том числе 22% были старше 24 лет[170]. С 1874 г., после введения всеобщей воинской повинности, в армию призывались преимущественно ровесники — мужчины, которым к 1 октября призывного года исполнялся 21 год, а также небольшое число ранее получивших отсрочки; средний возраст равнялся 21,3 года (табл. 8.21).

Таблица 8.21

Результаты врачебного осмотра лиц, подлежавших призыву в армию, в 1840–1913 гг. (в среднем в год)

Годы рождения	Годы призыва	Обследовано, тыс.	Принято, тыс.	Забраковано, в том числе		
				всего, тыс.	всего,%	отсрочка,%
1817–1820	1839–1843	484,2	245,1	239,1	49,4	17,4
1821–1825	1844–1848	622,1	356,2	265,9	42,7	13,6
1826–1830	1849–1853	819,3	480,7	338,6	41,3	12,9
1831–1835	1854–1858	940,2	601,7	338,5	36,0	7,9
1841–1845	1864–1868	572,0	386,6	185,4	32,4	3,7
1846–1850	1869–1873	993,7	628,3	365,4	36,8	3,1
1851–1855	1874–1876	268,3	172,9	95,4	35,6	12,0
1856–1860	1877–1881	336,7	215,4	121,3	36,0	16,1
1861–1865	1882–1886	378,9	220,1	158,8	41,9	21,5
1866–1870	1887–1891	401,3	251,6	149,7	37,3	21,8
1871–1875	1892–1896	413,8	268,6	145,2	35,1	22,0
1876–1880	1897–1901	461,6	286,0	175,6	38,0	22,0
1881–1885	1902–1906	550,1	389,0	161,1	29,3	15,9
1886–1890	1907–1911	593,9	432,3	161,6	27,2	14,5
1891–1895	1912–1916	716,3	481,7	234,6	32,8	17,8

Примечание: *1816–1820 гг.

Источники: Составлено по: Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за [1902–1912] год. СПб; Пг., 1906–1914; Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за [1876–1895] год. СПб., 1878–1898; Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства за [1858–1912] год. СПб.; Пг., 1861–1916; Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. Отд. 2. С. 32–39; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 г. благосостояния сельского населения Ч. 1. СПб., 1903. С. 27–33; Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 200–208; Т. 4. Ч. 3. Кн. 1. Отд. 2. С. 136, 175, 300. В 1856–1862 гг. и в 1864 г. наборы не проводились.

Процент забракованных у рожденных в 1817–1845 и 1866–1890 гг. понижался, а у рожденных в 1846–1865 гг. повышался. Обратим особое внимание на получивших отсрочку по «невозмужанию» и недостатку роста, ибо именно эта категория новобранцев пострадала в детстве от недостаточного питания. Доля получивших отсрочку у рожденных в течение 1817–1850 гг. понизилась с 17,4% до 3,1%, а у рожденных в 1851–1855 гг. вдруг резко возросла — с 3,1% до 12% по сравнению с предыдущим пятилетием, что и послужило причиной увеличения общего процента забракованных у призванных в 1874–1876 гг. Главная причина этого скачка заключалась в следующем: средний возраст призывников с 1874 г. уменьшился

на два года ввиду понижения возрастного ценза, в то время как физическое развитие лиц мужского пола в XIX в. продолжалось до 24–25 лет. Вследствие этого и появилось значительное число «невозмужавших» мужчин, которые получили на этом основании отсрочку. Следовательно, увеличение доли забракованных среди рожденных в 1851–1855 гг. и призванных в 1874–1876 гг. обусловливалось, скорее всего, не ухудшением здоровья, а падением возрастного ценза.

Доля получивших отсрочку продолжала увеличиваться до 1861–1865 гг., а в 1866–1875 гг. оставалась на одном уровне. В 1880-е гг. ситуация радикально изменилась: доля получивших отсрочку существенно — на 4–5 пунктов понизилась, что засвидетельствовало начавшееся повышение уровня жизни. Эта благоприятная тенденция приостановилась в 1891–1895 гг. в связи с неурожаем и голодом в 1891–1892 гг., а затем возобновилась. Сравнение доли забракованных новобранцев (в особенности получивших отсрочку) и их среднего роста обнаруживает наличие обратной зависимости между ними: в 1817–1855 г. и 1866–1890 гг., когда брак уменьшался, тело удлинялось, а в 1856–1865 и 1891–1895 гг., когда брак увеличивался, — укорачивалось.

В течение XVIII в. качество освидетельствования рекрутов находилось на одном, довольно низком уровне, что объяснялось недостатком квалифицированных врачей и слабым развитием самой медицинской науки. С начала XIX в. положение стало изменяться к лучшему благодаря повышению квалификации врачей, привлекавшихся в призывные комиссии, увеличению их роли при приеме новобранцев и ужесточению требований к их физической годности. В 1806 г. вошло в употребление толково написанное медицинское наставление для врачей и чиновников, осуществлявших медицинское обследование рекрутов[171]. В 1831 г. вышло второе его издание, обновленное в соответствии с последними достижениями медицины. Кроме гражданских чиновников и врача, в рекрутское присутствие введен военный приемщик (офицер), заинтересованный в получении солдат с хорошими физическими качествами[172]. Особенно серьезные перемены произошли в конце 1860 — начале 1870-х гг., когда проходила подготовка к переходу на всесословную воинскую повинность и совершилась сама реформа. До 1874 г. мнение врачей о годности призывника не являлось обязательным, однако с ним, как правило, считались. С введением в 1874 г. перечня болезней, освобождавших от службы, к голосу врачей приемные комиссии стали по необходимости прислушиваться, ибо провести диагностику внутренних болезней по наружному виду чиновники не могли; требовался эксперт. Поэтому постепенно мнение врачей стало решающим и требования к здоровью повышались[173]. С 1876 г. врачи официально получили право заявлять свое мнение относительно годности освидетельствованных лиц; с 1883 г. обследования стали выполняться особенно тщательно[174]. Например, в 1883 г. в Правила освидетельствования здоровья призывников включили дополнительный пункт о размере груди: «Для признания свидетельствуемого способным к военной службе необходимо, чтобы окружность грудной клетки превышала половину роста не менее четверти вершка»[175]. Мужчин, предназначенных для службы во флоте, дополнительно взвешивали, оценивали их зрение, объем легких и другие физические качества. Все это могло привести к ужесточению требований к физической годности и увеличению числа забракованных, что мы и наблюдаем во время призывов в 1869–1886 гг.

Известный военный эксперт Н. Н. Головин утверждал обратное: требования к физической годности после введения всесословной воинской повинности в 1874 г. постепенно понижались: свыше половины лиц ежегодного призывного контингента, причем наиболее здоровой ее части, освобождались от службы по семейным льготам[176]. Ради получения необходимого числа солдат медицинским комиссиям приходилось сильно понижать требования к их физической годности. В доказательство этого тезиса Головин приводит следующие аргументы: в России по причине физической негодности от действительной службы в начале XX в. освобождались 17% лиц призывного возраста, в то время как в Австро-Венгрии — 50%, Германии — 37%, Италии — 27%, Франции — 21%[177]; при поступлении новобранцев в войска «огромное число» новобранцев забраковывалось из-за неспособности к службе, а в самой армии существовал высокий процент (4–5) естественной убыли нижних чинов по состоянию здоровья[178]. Действительно, при наборе в армию требования к росту и, возможно, к здоровью в России были ниже, чем в других европейских странах[179]. Однако динамика воинского брака в 1874–1886 гг. противоречит гипотезе Головина — с 1874 г. процент забракованных увеличивался, что говорит скорее в пользу ужесточения медицинских требований.

Обратимся к другим антропометрическим данным, характеризующим рабочих. Кистевая и становая сила возрастали у рожденных в первой половине XIX в., у рожденных в 1860-е гг. уменьшались, и, по крайней мере, у рожденных в 1880-х гг. увеличение силы возобновилось[180]. Мы также наблюдаем согласованность в колебаниях становой и кистевой силы, роста и веса (табл. 8.18 и 8.22).

Таблица 8.22

Кистевая и становая сила (в кг) у рабочих 1811–1910 гг. рождения (в возрасте старше 17 лет)

Годы рождения	Число рабочих	Кистевая сила	Стандартная ошибка	Число рабочих	Становая сила	Стандартная ошибка
1811–1820	40	40,3	1,838	36	110,3	6,101
1821–1830	214	45,9	0,933	183	128,8	2,440
1831–1840	631	50,2	0,577	524	139,6	1,554
1841–1850	1 378	53,6	0,405	1 136	146,7	1,040
1851–1860	2 349	54,6	0,330	1 867	145,2	0,769
1861–1870	2 158	46,3	0,320	1 181	134,4	0,918
1881–1890	7	62,9	14,582	–	–	–
1891–1900	14	72,7	12,320	–	–	–
1901–1910	28	71,7	7,310	276	153,2	1,920

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Окружность грудной клетки рабочих в дореформенное время варьировала не всегда согласованно с другими антропометрическими показателями. У когорт, рожденных в интервале от 1801–1810 гг. до 1871–1880 гг., она уменьшилась на 5,3 см и только начиная с когорты 1880-х гг. рождения обнаружилась тенденция к ее увеличению (табл. 8.23). Объяснение этому феномену я пока предложить не могу.

Таблица 8.23

Окружность грудной клетки рабочих 1801–1910 гг. рождения (в возрасте старше 23 лет)

Годы рождения	Число рабочих	Окружность грудной клетки, см	Стандартная ошибка
1801–1810	42	88,3	0,835
1811–1820	803	87,5	0,159
1821–1830	3 557	87,3	0,076
1831–1840	7 559	87,0	0,050
1841–1850	13 970	86,6	0,036
1851–1860	21 305	85,6	0,029
1861–1870	13 744	83,3	0,039
1871–1880	920	83,0	0,167
1881–1890	18	89,5	1,221
1891–1900	101	91,6	0,625
1901–1910	891	89,8	0,168

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

8.8. Смертность

Известно, что существует обратная связь между здоровьем и благосостоянием, с одной стороны, и смертностью — с другой, и прямая связь между здоровьем и благосостоянием, с одной стороны, и естественным приростом населения — с другой, поскольку в России XVIII–XIX вв. рождаемость была неконтролируемой и предельно высокой. К сожалению, имеющиеся данные о рождаемости и смертности не являются достаточно точными для тонкого статистического анализа.

Источником сведений о демографических событиях являются метрические книги. Но записи о рождениях и смертях могут «заговорить» лишь при наличии информации о числе жителей. Поэтому метрические книги должны всегда рассматриваться вместе со списками прихожан, содержавшихся в исповедных ведомостях или приходских списках. Ведение метрических книг и приходских списков для лиц православного вероисповедания началось в первой четверти XVIII в. С 1796 г. сводные ведомости по губерниям и России в целом, составлявшиеся и публиковавшиеся до 1867 г. Синодом, а затем вплоть до 1917 г. Центральным статистическим комитетом, постоянно используются историками и демографами. Источниковедческий анализ церковного учета населения на уровне епархий показал: он уступал по точности ревизскому, но, несмотря на это, может быть использован в научном анализе[181]. По мнению демографов, метрические ведомости, относящиеся к периоду до 1866 г., содержат серьезные изъяны, а за 1867–1916 гг. являются более или менее надежными в той их части, которые касаются 50 губерний Европейской России. Причина плохой репутации источника — их неполнота и неточность. По общему мнению, их неполнота обусловливалась тем, что приходские священники, ответственные за метрические

книги, плохо или вовсе не учитывали детей, умерших до крещения или в первые месяцы жизни (так называемую перинатальную, неонатальную и постнеонатальную смертность), мертворожденных, незаконнорожденных детей, старообрядцев и сектантов, а, кроме того, всех родившихся, умерших и вступивших в брак вне своего прихода. Обработка сведений в приходе за год осуществлялась недостаточно доброкачественно: священники, перегруженные многочисленными обязанностями, рассматривали эту работу как тяжелое и излишнее бремя. Дальнейшее обобщение данных в губернских статистических комитетах тоже нельзя назвать безупречным из-за малочисленного штата комитетов[182]. Насколько справедлива эта критика?

Проверка точности метрических ведомостей возможна на основании внутренней критики источника — на основе анализа достоверности той картины, которую дает метрический учет, а также путем сравнения естественного прироста населения по материалам церковной статистики и ревизий. Отдельные демографические показатели находятся друг с другом в достаточно строгом соотношении: коэффициент брачности зависит от возраста вступления в брак; при условии правильного учета, родившихся мальчиков должно быть всегда больше, чем девочек, на 4–6%; смертность у мужчин должна быть выше, чем у женщин; число браков и родившихся должно находиться в определенном соотношении и т. д. Естественный прирост на основе метрик и ревизского учета должен примерно совпадать. Говоря более конкретно:

(1) До 1860-х гг. рождаемость должна быть предельно высокой, так как брачность оставалась ранней и всеобщей, а первые признаки внутрисемейного регулирования числа детей в России проявились не ранее второй трети XIX в., более отчетливо — в пореформенной России, преимущественно в прибалтийских и западных губерниях[183]. По этой причине, а также ввиду постепенного снижения брачности, отсутствия каких-либо существенных сдвигов в здоровье, рождаемость в XVIII–XIX в. не должна быть меньше, чем в 1896–1897 гг. (53,1‰).

(2) Смертность обнаружила тенденцию к падению лишь в последней трети XIX в. под воздействием прогресса в медицине, повышения культуры и улучшения санитарного и медицинского обслуживания населения[184] и, следовательно, в XVIII–XIX вв. не могла быть ниже, чем в 1896–1897 гг., т. е. меньше 34,8‰.

(3) Согласно ревизскому учету, в 1833–1858 гг. доля мужчин во всем населении страны равнялась 49,4–49,5%, в 1897 г. — 49%[185]. В России мальчиков рождается стабильно больше, чем девочек, на 4–5%[186]. Основываясь на этом, можно полагать: при правильном метрическом учете мужская смертность должна превышать женскую более чем на 4–5%.

(4) Естественный прирост по метрическим и ревизским данным не должен существенно расходиться.

(5) Критерием точности метрического учета может служить также доля умерших младенцев до года и до 5 лет в общей численности умерших. По сведениям за 1896–1897 гг. гг. доля умерших до 5 лет равнялась 58%[187], в конце XIX в. она снижалась, следовательно, в XVIII–XIX в. должна быть выше 58%. Поскольку в метрических ведомостях давалось распределение умерших по возрастам, применение этого показателя покажет точность учета детской смертности и зависимой от нее общей смертности. Рассмотрим, как обстояли дела в действительности для всего православного населения (табл. 8.24).

Таблица 8.24

Проверка точности метрического учета населения в России в 1738–1900 гг. *

Показатели	Годы													
	1738–1748	**1779–1783**	**1796–1800**	**1801–1810**	**1811–1820**	**1821–1830**	**1831–1840**	**1841–1850**	**1851–1860**	**1861–1870**	**1871–1880**	**1881–1890**	**1891–1900**	**1896–1897**
Соотношение родившихся мальчиков и девочек (девочки=100)	149	118	116	112	110	109	105	105	105	104	104	105	105	105
Соотношение умерших мужчин и женщин (женщины=100)	137	111	108	108	106	104	102	102	104	102	103	105	106	108
Соотношение мужской и женской смертности (жен. смертн.=100)	1,31	1,11	1,11	1,13	1,11	1,11	1,09	1,08	1,11	1,09	1,10	1,10	1,11	1,12
Доля умерших до 5 лет среди всех умерших,%	24	29	40	45	47	49	51	51	57	56	57	58	59	58
Рождаемость,%	26,2	32,2	40,2	44,8	40,8	46,5	48,8	51,1	52,5	54,1	54,1	50,4	49,2	53,1
Смертность,%	18,3	18,2	22,7	27,8	27,1	30,0	36,0	40,4	39,5	40,9	40,9	35,5	34,2	34,8
Естественный прирост:														
по метрикам,%	7,9	14,0	17,5	17,0	13,7	16,5	12,8	10,7	13,0	13,2	13,2	14,9	15,0	18,3
по ревизиям и полицейским данным,%	6,3	10,3	8,3	8,3	8,9	9,4	5,4	5,4	5,9	8,0	13,6	14,3	14,4	–
различия, %	1,6	3,7	9,2	8,7	4,8	7,1	7,4	5,3	7,1	5,2	–0,4	0,6	0,6	–

*Примечание:** 1738–1870, 1896–1897 гг. — православное население всей России; 1871–1913 гг. — все население 50 губерний Европейской России.

Источники: РГИА, ф. 796 (Синод). Полный список 140 использованных дел см.: *Миронов Б. Н.* Русский город. С. 259–260; *Покровский В. И.* Влияние урожаев и хлебных цен на естественное движение населения//Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства/А. И. Чупров, А. С. Постников (ред.). СПб., 1897. Т. 2. С. 182; *Бессер А., Баллод К.* Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851–1890 годы. СПб., 1897. С. 78, 82; *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. СПб., 1916. С. 23–24, 27, 37, 47; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. С. 164–165.

Как видно из табл. 8.24, качество метрических сведений медленно повышалось и только в 1860-е гг. достигло, по-видимому, минимальной для научного анализа точности, поскольку все демографические показатели приблизились к уровню конца XIX в.[188] Следовательно, учет демографических событий, в особенности смертности, в XVIII — первой половине XIX в. являлся неполным[189]. В XVIII в. метрики и ревизские сказки давали примерно одинаковый темп естественного прироста, вследствие того что рождаемость и смертность одинаково сильно занижались в обоих источниках. В последующем рождения стали фиксироваться лучше, чем смерти, поэтому в 1796–1860 гг. естественный прирост по метрическим ведомостям был в 1,5–3 раза выше, чем по данным ревизий. Однако и в 1840–1900 г., когда метрический учет заметно улучшился, различия в темпах естественного прироста по ревизским или полицейским и метрическим источникам оставались значительными в пользу метрик. Поскольку рождаемость находилась на предельно высоком уровне, остается предположить: даже во вто-

рой половине XIX в. смертность регистрировалась не полностью, причем не только младенцев, а детей и взрослых.

Для оценки изменений в естественном приросте и смертности рискованно воспользоваться данными десяти ревизий: учет был приблизительным, причем степень неточности варьировала от ревизии к ревизии, и мы даже приблизительно не знаем ее величину (табл. 8.25).

Таблица 8.25

Среднегодовой прирост населения в межревизский период и доля прописных по ревизиям (население обоего пола в границах 1720-х гг.)

Год	Население, тыс. чел.	Среднегодовой прирост населения,%			Прописные и беглые,%
		Годы	А*	Б**	
1719	15738				24,69
1745	18283	1719–1745	0,58	0,66	1,51
1762	21174	1745–1762	0,87	0,94	6,40
1782	26616	1762–1782	1,15	1,01	1,76
1795	29222	1782–1795	0,72	0,61	1,38
1815	34032	1795–1815	0,77	0,82	5,17
1834	41641	1815–1834	1,07	0,99	0,74
1850	46208	1834–1850	0,65	0,64	0,41
1857	50927	1850–1857	1,40	0,66	1,70

Примечания: * А — *Кабузан В. М.* Крепостное население России в XVIII в. — 50-х годах XIX в. (численность, размещение, этнический состав). СПб., 2002. С. 27, 36–37, 42, 85, 140;
** Б — *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. С. 124–125, 165.

Доля лиц, не учтенных в момент проведения переписи (она колебалась от 0,41 до 24,69%[190]), подсчитана по числу тех, кого случайно обнаружили не записанными в сказки в период между ревизиями, и потому не может считаться действительным процентом уклонившихся от учета. Из-за недостаточно четкой организации ревизий представляет значительные трудности точное определение не только числа жителей, но даже даты, к которой оно относится. В книгах, опубликованных в 1963 и 2002 гг., В. М. Кабузан по-разному датирует вторую и восьмую ревизии, приводит несколько различающиеся численности населения и среднегодовые темпы его прироста, опираясь на более полные и точные сведения, обнаруженные им впоследствии. Все это говорит о том, что данные переписей только приблизительно верны, и точные расчеты на их основе затруднительны. Кроме того, некоторые ревизии проводились после демографических кризисов, вызванных войнами: в 1719 г. — в конце Северной войны 1700–1721 гг., в 1762 г. — в конце Семилетней войны 1756–1763 гг., в 1795 г. — после русско-турецкой войны 1787–1791 гг., в 1815 г. — после наполеоновских войн 1804–1814 гг., в 1857 г. после Крымской войны 1853–1856 гг. Наконец, даты ревизий не являются точными границами между благоприятными и трудными периодами в истории народа. С 1867 г. ежегодный метрический учет стал более надежным, хотя и не абсолютно точным[191], поэтому можно ожидать синхронности в изменениях демографических и антропометрических показателей (табл. 8.26).

Таблица 8.26

Демографические процессы в России в 1866–1913 гг. и средний дефинитивный рост мужского населения, рожденного в эти годы

Годы	Рождаемость,‰	Смертность,‰	Естественный прирост,‰	Средний рост мужского населения, см
1866–1870	49,7	37,4	12,3	164,5
1871–1875	51,2	37,1	14,1	166,2
1876–1880	49,5	35,7	13,8	166,7
1881–1885	50,5	36,4	14,1	167,1
1886–1890	50,2	34,5	15,7	167,4
1891–1895	48,9	36,2	12,7	166,4
1896–1900	49,5	32,1	17,4	166,9
1901–1905	47,7	31,0	16,7	166,8
1906–1910	45,8	29,5	16,3	168,0
1911–1913	43,9	27,1	16,8	169,1

Источники: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 154; Табл. 11.1 и 12.2. настоящего издания.

Действительно, в 1866–1913 гг. общая тенденция в динамике смертности и естественного прироста была позитивной — смертность понижалась, население увеличивалось. Это дает веское основание для двух выводов: в пореформенный период происходило повышение уровня жизни, несмотря на быстро возраставшую численность населения; угроза мальтузианского кризиса вследствие значительного аграрного перенаселения не являлась актуальной для России того времени[192]. Удлинение тела мужчин также свидетельствует о росте благосостояния. Однако согласованность в колебаниях смертности и длины тела наблюдается не всегда. Например, рост мужчин понижался дважды — у когорты 1891–1895 гг. рождения, в связи с неурожаем 1891–1892 гг., и у когорты 1901–1905 гг., в связи с Русско-японской войной и революцией. Рост смертности зафиксирован только в 1891–1895 гг., а в 1901–1905 гг. отмечены снижение и смертности, и рождаемости, и естественного прироста. Но это не должно удивлять: падение смертности имеет свои закономерности, не всегда связанные с уровнем жизни, поскольку в существенной степени обусловливается прогрессом медицины, улучшением медицинского обслуживания, развитием санитарии и повышением культуры населения. Все эти процессы интенсивно происходили в пореформенное время и, несомненно, внесли свой вклад в понижение смертности независимо от состояния экономики и благосостояния. Коэффициент обращаемости к профессиональной медицинской помощи (число зарегистрированных медицинским персоналом больных на 1000 человек) по неполным сведениям в России за 15 лет с 1897 по 1912 г. увеличился с 304 до 571[193] — в 1,9 раза, в том числе в земских губерниях — с 437 до 721, в неземских — с 202 до 433. Эти данные говорят, во-первых, о возросшем внимании людей, прежде всего крестьянства, к своему здоровью и, следовательно, к условиям жизни, и, во-вторых, о важности земской медицины в формировании самосохранительного поведения людей[194].

О прогрессе, достигнутом земствами в медицинском обслуживании в пореформенное время, можно судить по Самарской губернии. К концу XIX в.

медицинская помощь населению сложилась как система: стационарные и амбулаторные лечебные учреждения — больницы и приемные покои, бактериологические станции, санитарно-эпидемиологические организации, аптеки. Горожане получали в основном стационарную, а крестьяне — амбулаторную медицинскую помощь. Посещаемость лечебных учреждений достигала 1 млн в год — 51,7% от общего числа жителей губернии. Об успехах медицины свидетельствует и такой факт: смертность подкидышей, призреваемых земством, только за 1885–1896 гг. снизилась с 70% до 36%[195].

8.9 Итоги

В дореформенное время питание преобладающего числа крестьян следует признать адекватным потребностям, оно ухудшалось только в годы неурожаев. Во время Крымской войны, подготовки и проведения Великих реформ оно ухудшилось. Со второй половины 1860-х гг. и вплоть до 1914 г. потребление земледельцев устойчиво улучшалось и в количественном, и в качественном отношениях. Питание горожан на протяжении XIX — начала XX в. также можно считать удовлетворительным. Оно было более разнообразным и качественным по составу продуктов, чем питание крестьян, но уступало ему по калорийности. В потреблении горожан содержалось больше продуктов животного происхождения; чая, сахара, подсолнечного масла, пшеничного хлеба и алкоголя. Меньшая калорийность их питания обусловливалась меньшей потребностью в энергии в силу иного характера городского труда и образа жизни.

Массовые обследования здоровья учащихся в пореформенное время подтверждают вывод об улучшении питания. В начале XX в. Министерство народного просвещения обязало все начальные и средние учебные заведения ежегодно представлять ему результаты проводившихся медицинских осмотров учащихся. В программу последних входила оценка состояния их питания (как хорошего, среднего или плохого) на основе физических признаков (роста, веса и их соотношения, а также пропорциональности телосложения) и индивидуальных опросов. С 1905 г. эти сведения стали включаться в ежегодный всеподданнейший отчет министра народного просвещения. Чиновники группировали присланные материалы по начальным и средним учебным заведениям, а внутри группы — по отдельным видам учебных заведений (гимназии, реальные училища, ремесленные школы и т. п.). За 1905–1913 гг. было обследовано 8,2 млн детей или 26,3% всех учащихся, в том числе в школе, расположенной преимущественно в деревне, — соответственно 6,1 млн, или 21,8%, и в средней, расположенной в городе, — 2 млн, или 69,4%. Обобщение этих данных приведено в табл. 8.27 и 8.28.

По оценкам врачей, среди учащихся начальных учебных заведений питались удовлетворительно около половины (47,6%), хорошо — 28,4% и плохо — 26,0%; в средних учебных заведениях — соответственно 48,2; 38,6 и 13,2%. Учащиеся начальной школы питались хуже. Это различие объясняется социальной структурой учеников и местом их проживания (табл. 8.29).

Учащиеся начальной школы происходили на 56,3% из крестьян и казаков, на 34% — из мещан и ремесленников и лишь на 8% — из привилегированных сословий, а средней школы — соответственно 25,5; 32,1 и 39%. Весомая часть на-

чальных учебных заведений располагалась в деревне, а средние заведения — все в городе. В последних учились представители привилегированных и состоятельных слоев, что и нашло отражение в их более высоком биостатусе.

Таблица 8.27

Качество питания учащихся начальной школы в России в 1905–1913 гг.

Годы	Число учащихся	Осмотрено, человек	Качество питания			Качество питания		
			Хорошее, человек	Среднее, человек	Плохое, человек	Хорошее,%	Среднее,%	Плохое,%
1905	2 305 369	447 650	111 200	206 798	129 652	24,8	46,2	29,0
1906	2 015 082	589 778	150 003	264 274	175 501	25,4	44,8	29,8
1907	2 574 234	536 137	153 162	260 300	122 675	28,6	48,6	22,9
1908	3 415 946	573 413	155 967	271 779	145 667	27,2	47,4	25,4
1909	3 793 638	710 453	184 166	327 492	198 795	25,9	46,1	28,0
1910	2 467 875	707 952	183 121	336 286	188 545	25,9	47,5	26,6
1911	2 467 875	707 954	183 123	336 286	188 545	25,9	47,5	26,6
1912	4 366 197	855 641	228 489	395 519	231 633	26,7	46,2	27,1
1913	4 761 569	1 015 023	274 870	526 101	214 052	27,1	51,8	21,1
Итого	28 167 785	6 144 001	1 624 101	2 924 835	1 595 065	26,4*	47,6*	26,0*

Примечание: * В среднем.

Источник: Подсчитано по: Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за [1905–1913] год. СПб., 1907–1916. Таблицы.

Таблица 8.28

Качество питания учащихся средней школы в России в 1905–1913 гг.

Годы	Число учащихся	Осмотрено, человек	Качество питания			Качество питания		
			Хорошее, человек	Среднее, человек	Плохое, человек	Хорошее,%	Среднее,%	Плохое,%
1905	199 084	122 687	44 714	54 435	23 538	36,4	44,4	19,2
1906	236 240	124 864	41 750	65 019	18 095	33,4	52,1	14,5
1907	277 176	153 967	61 464	72 577	19 926	39,9	47,1	12,9
1908	308 503	193 407	77 260	89 764	26 383	39,9	46,4	13,6
1909	321 483	212 345	84 279	101 267	26 799	39,7	47,7	12,6
1910	345 492	245 073	97 170	116 629	31 274	39,6	47,6	12,8
1911	345 492	245 073	97 170	116 629	31 274	39,6	47,6	12,8
1912	425 622	341 156	129 497	168 947	42 712	38,0	49,5	12,5
1913	488 336	406 043	155 268	199 928	50 847	38,2	49,2	12,5
Итого	2 947 428	2 044 615	788 572	985 195	270 848	38,6*	48,2*	13,2*

Примечание: * В среднем.

Источники: указаны в примечании к табл. 8.27.

Таблица 8.29

Процентное соотношение учащихся, принадлежавших к разным слоям общества, в начальной и средней школе России в 1913 г.

Социальное происхождение	Средние учебные заведения			Начальные учебные заведения	
	мужские гимназии	женские гимназии	реальные училища	городские и уездные училища	ремесленные училища
Дворяне и чиновники	32,3	21,6	22,6	5,0	3,0
Почетные граждане и купцы	9,9	9,4	9,5	2,4	1,1
Духовенство	5,6	4,8	2,8	1,0	0,9
Мещане и цеховые	26,9	35,3	29,6	34,3	30,5
Крестьяне и казаки	22,0	25,5	32,2	55,5	62,9
Иностранцы	1,0	0,7	1,5	0,6	0,2
Другие	2,3	2,7	1,8	1,2	1,4
Итого	100	100	100	100	100

Источник: Подсчитано по: Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 год. СПб., 1916. Таблицы. С. 52–53, 80–81, 128–129, 160–161, 178–179, 220–221.

Из приведенных данных видно: в течение последних девяти предвоенных лет потребление улучшалось, так как доля хорошо и удовлетворительно питавшихся имела тенденцию увеличиваться, а плохо питавшихся — уменьшаться (табл. 8.30).

Таблица 8.30

Состояние питания учащихся в России в 1905–1913 гг.

Годы		Хорошее	Среднее	Плохое	Сумма баллов
Учащиеся начальных учебных заведений					
1905	%	24,8	46,2	29,0	
	баллы	124,0	92,4	–29,0	187
1906–1909	%	26,8	46,7	26,5	
	баллы	134,0	93,4	–26,5	201
1910–1913	%	26,4	48,3	25,4	
	баллы	132,0	96,6	–25,4	203
Учащиеся средних учебных заведений					
1905	%	36,4	44,4	19,2	
	баллы	182,0	88,8	–19,2	252
1906–1909	%	38,2	48,3	13,4	
	баллы	191,0	96,6	–13,4	274
1910–1913	%	38,9	48,5	12,6	
	баллы	194,5	97,0	–12,6	279
Учащиеся начальных и средних учебных заведений					
1905	%	27,3	45,8	26,9	
	баллы	136,5	91,6	–26,9	201
1906–1909	%	29,3	46,9	23,7	
	баллы	146,5	93,8	–23,7	217
1910–1913	%	29,8	48,5	21,6	
	баллы	149,0	97,0	–21,6	224

Источники: указаны в примечании к табл. 8.27.

Чтобы выразить качество питания с помощью одного показателя, проведем его балльную оценку: среднему питанию присвоим 2 балла, хорошему — на три балла больше, или 5 баллов, плохому — на три балла меньше среднего, или минус 1 балл. Качество питания выразит сумма произведений доли группы по питанию на число баллов, ей соответствующее. Максимальное число баллов — 500, если все дети питались хорошо (100% × 5), минимальное — минус 100, если все питались плохо (100% х –1); 200 баллов соответствуют среднему качеству, если все питались удовлетворительно (100% × 2). Например, балльная оценка питания учащихся начальной школы в 1905 г. равняется 187 {[(24,8 × 5) + (46,2 × 2) + (29,0 × –1)] = 187}. Она означает: качество питания учащихся начальной школы в 1905 г. было немного ниже среднего. Питание учащихся средней школы в 1910–1913 гг. соответствовало 279 баллам, т. е. оно находилось на уровне выше среднего.

Предложенная методика оценки качества питания позволяет более четко выразить произошедшие в 1905–1913 гг. изменения в питании. У всех категорий учащихся питание улучшалось на 23 балла (224–201), в том числе в начальной школе — на 16 (203–187) баллов, в средней школе — на 27 баллов (279–252). После 1905 г. в целом питание находилось *на уровне среднего, или удовлетворительного,* у учащихся начальной школы, т. е. у представителей низшего класса — крестьян, казаков, мещан и ремесленников, и *на уровне выше среднего* — у представителей среднего и высшего класса: дворян, почетных граждан, купцов и духовенства.

Имеющиеся данные позволяют выявить гендерные особенности питания, правда, только у части учащихся: раздельные сведения о питании девочек и мальчиков приведены только по некоторым городским начальным учебным заведениям, где учились дети привилегированных родителей с более высоким биостатусом. Оказалось: у девочек питание несколько хуже, чем у мальчиков, но все равно находилось на уровне выше среднего (табл. 8.31).

Таблица 8.31

Питание учащихся в России в 1905–1913 гг. в зависимости от пола

Годы		Хорошее	Среднее	Плохое	Сумма баллов	Хорошее	Среднее	Плохое	Сумма баллов
Мужской пол, начальная школа						*Мужской пол, средняя школа*			
1905–1913	%	42,1	41,9	15,9		40,8	47,6	11,6	
	баллы	210,5	83,8	–15,9	278	204,0	95,2	–11,6	288
Женский пол, начальная школа						*Женский пол, средняя школа*			
1905–1913	%	31,8	47,9	20,3		36,7	49,0	14,3	
	баллы	159	95,8	–20,3	235	183,5	98,0	–14,3	267

Источники: указаны в примечании к табл. 8.27.

Таким образом, согласно мнению врачей, питание учащихся и, можно предположить, всех детей в 1905–1913 гг. в целом являлось удовлетворительным. Однако примерно четверть детей, по-видимому, не имела полноценного питания; среди девочек эта доля выше, среди мальчиков — ниже. Низшая группа городского и сельского населения испытывала дефицит белков, в особенности животного происхождения, и жиров. Вероятно, эти особенности питания сказались на биостатусе детей. Но, вероятно, более серьезное значение имел тот факт, что в кре-

стьянской и мещанской среде приоритетом в доступе к продовольствию пользовались взрослые мужчины-работники, вследствие чего при недостатке продуктов страдали в первую очередь женщины и дети. Это и нашло отражение в наших данных о потреблении, особенно в тех, что относились к начальным школам, где свыше 90% учащихся происходили из крестьян, казаков, мещан и ремесленников. Следовательно, довольно существенная доля российских детей недоедала. Однако в начале XX в. подобное положение следует рассматривать как общемировое и общеевропейское явление, которое оказалось не изжитым и в современных развитых странах. Например, по официальным сведениям Министерства сельского хозяйства США, в 2004 г. 13,5 млн или 11,9% всех домашних хозяйств не имели достаточно средств для адекватного питания. В них проживало 38,2 млн американцев: 24,3 млн взрослых — 11,3% всего взрослого населения страны, и 13,9 млн детей — 19% всех американских детей. В первой половине XX в. ситуация была намного хуже: еще в 1960-е гг. в США среди части американцев существовал хронический голод, побудивший, например, президента Линдона Джонсона начать «войну с бедностью». В начале XXI в. это явление считается изжитым. Современный американский голодающий отличается от голодающего из стран третьего мира тем, что периоды, когда ему приходится обходиться без достаточной пищи, короче и случаются реже[196].

Наблюдения над питанием подтверждаются демографическими данными за 1866–1913 гг. (за более раннее время сведения недостаточно надежны): смертность падала, численность населения росла, что свидетельствовало о возрастании благосостояния.

С точки зрения воинского брака, изучаемые годы делятся на те же три периода — в первом и третьем, 1801–1855 гг. и 1866–1910 гг., происходило улучшение здоровья населения, увеличение его среднего роста, веса, силы благодаря повышению уровня жизни, а во втором, в 1856–1865 гг., — ухудшение здоровья, уменьшение роста, веса, силы вследствие его падения. Следовательно, биостатус, здоровье, питание и благосостояние россиян в XIX — начале XX в. претерпевали синхронные изменения. Вряд ли это случайно: понижение доходов приводило к недостаточному питанию, что, по мнению специалистов, является важнейшим фактором, отрицательно влияющим на здоровье, длину тела и вес человека. Под действием недоедания в организме развиваются патолого-физиологические процессы, у детей замедляется физическое развитие, а тело взрослых может даже стать короче[197].

Проведенный анализ позволяет объяснить жалобы на якобы «физическое вырождение народа», раздававшиеся в конце XIX — начале XX в.[198] Например, известный исследователь Д. Н. Жбанков писал в 1904 г.: «Здоровье и физическое развитие призываемых непрерывно и в очень значительной степени ухудшается по всей России. <...> Очевидно, хронические неурожаи и голодовки и постоянно ухудшающееся благосостояние сельского населения сильно отражаются на здоровье народа»[199]. Жалобы на здоровье крестьян основывались на сведениях о забракованных новобранцах, призванных в 1874–1880-х гг., и связывались с состоянием здоровья на момент призыва, в то время как в действительности они отражали состояние здоровья в более ранние годы младенчества и детства, т. е. за 20–25 лет до этого, — именно в тот перестроечный период, 1856–1865 гг., когда уровень жизни крестьянства временно понизился.

Крестьянин с сыновьями.
Рязанская губ. 1910

В 1897 г. известный меценат князь В. Н. Тенишев подготовил анкету о быте русских крестьян, включавшую 491 вопрос, создал Этнографическое бюро, куда в 1897–1900 г. поступили 1873 ответа на его анкету из 23 губерний[200]. В анкете есть раздел «Физические природные свойства крестьян». В ответах на два вопроса этого раздела корреспонденты сообщили массу сведений о длине тела, весе, силе, ловкости, выносливости, развитии органов чувств и т. п. Опубликованные к настоящему моменту материалы Этнографического бюро по пяти губерниям свидетельствуют о хорошем физическом развитии крестьян-земледельцев на рубеже XIX–XX вв. Как правило, они характеризуются как здоровые, сильные, крепкие, сухощавые, коренастые, выносливые, ростом 165–167 см, с хорошим слухом и зрением. «Зрение и слух развиты хорошо; первое сохраняется до преклонных лет, так что употребление очков в деревне большая редкость. Слух развит: крестьяне перекликаются на расстоянии двух верст; дети быстро перенимают мелодии с голоса. Выносливы. Крестьянин на спине переносит тяжести до пяти, иногда до шести пудов; женщины поднимают три — четыре пуда», «холод и жару переносят терпеливо, к физическому труду привычны и исполняют легко; телосложение правильное и крепкое». «Дряхлеют и делаются не способными к труду приблизительно в 65–70 лет»[201]. Напротив того, в промысловых местностях с развитым отходом на заработки встречаются указания на ухудшение здоровья крестьян[202]. «Зрение плохое, в 45–50 лет читают и пишут в очках, жару и холод переносят с трудом, к физическому труду не склонны, хотя на вид крепкий и мужественный народ, бóльшая часть крестьян имеет наемных работников-батраков. Тяжести поднимают сравнительно легко»[203]. Крестьяне, занимающиеся рогожным промыслом, «ростом низки и на вид болезненны и тщедушны» из-за дурных условий их труда. «Крестьяне, не работающие на рогожных фабриках, ростом выше, сложением крупнее, и выглядят свежее и здоровее. То же различие наблюдается и среди детей»[204]. Об отрицательном влиянии фабрики на здоровье крестьян много писали санитарные врачи[205]. Но отхожими промыслами в 1891–1900 гг. занималось около 8,6% крестьян обоего пола[206]. Следовательно, более 90% крестьян-земледельцев, по мнению современников, отличалось хорошим здоровьем.

Примечания

1. *Фет А. А.* Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство/Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева и С. В. Смирнова. М., 2001. С. 206.
2. *Зорин А. Н.* Питание//Зорин А. Н. и др. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 48–52; *Маресс Л. Н.* Пища народных масс//Русская мысль. 1893. № 10; *Миронов Б. Н.* «Сыт конь — богатырь, голоден — сирота»: Питание, здоровье и рост населения

в России второй половины XIX — начала XX века//Отечественная история. 2002. № 2. С. 30–43; *Привалова Т. В.* Быт российской деревни: Медико-санитарное состояние деревни европейской России: 60-е годы XIX в. — 20-е годы XX в. М., 2000. С. 41–67; *Шипилов А. В.* Русская культура питания в первой половине XVIII века//Вопросы истории. 2003. № 3. С. 146–152; *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1984; *Smith A. K.* Cabbage and Cuisine: Food in Russia before the Great Reforms. Ph. D. diss., University of Chicago, 2000.

3. *Бузин В. С.* Этнография русских. СПб., 2007. С. 248–273; *Липинская В. А.* (1) Пища и утварь// Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры/К. В. Чистов (ред.). М., 1987. С. 292–307; Народы Европейской части СССР: В 2 т. М., 1964. Т. 1/В. А. Александров и др. (ред.). С. 393–400, 677–680, 848–851; Т. 2/В. Н. Белицер (ред.). С. 69–71, 168–171, 253–259, 317–318, 354, 372, 391, 428, 462, 495, 534, 581, 612, 656–657, 720–722, 756–757, 812–813.
4. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. С. 315.
5. Подсчитано по: Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Т. 2. С. 267–283; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1. С. 172–175.
6. Методика расчета достаточно обстоятельно изложена в кн.: *Фундуклей И. И.* Статистическое описание Киевской губернии: В 3 ч. СПб., 1852. Ч. 1. С. 359–369.
7. В 1874–1878 гг. петербуржцы содержали по приблизительному расчету 3888 дойных коров: *Ковалевский В. И., Левитский И. О.* Статистический очерк молочного хозяйства. СПб., 1879. С. 80. Еще больше коров держали москвичи. Еще в первой четверти XIX в. «каждое летнее утро по улицам Москвы шествовал пастух с рожком, на звуки которого хозяйки выгоняли своих буренок и машек»: *Князьков С. А.* Быт дворянской Москвы конца XVIII и начала XIX века//Москва: Быт, XIV–XIX века/А. Р. Андреев (сост.). М., 2005. С. 197.
8. В окрестностях крупных городов, например Петербурга, существовал промысел разведения ягод, особенно малины и земляники, перевозка которых осуществлялась в особых экипажах на рессорах: Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России. Приложения. VI. СПб., 1873. Ч. 2. С. 122 (далее Доклад Комиссии 1872 г.).
9. Данные о количестве крупного рогатого скота взяты из: Памятная книжка Владимирской губернии на [1862–1865] год. Владимир, 1862–1865; Памятная книжка Костромской губернии на [1862–1865] год. Кострома, 1862–1865; Памятная книжка Пензенской губернии на [1862–1865] год. Пенза, 1862–1865; Памятная книжка Тверской губернии на [1862–1865] год. Тверь, 1862–1865; Памятная книжка Харьковской губернии на [1862–1865] год. Харьков, 1862–1865; Памятная книжка Ярославской губернии за 1862, 1863 и 1864 годы. Ярославль, 1865. Доля дойных коров принята в 90–93% (Исследование современного скотоводства в России. М., 1894. Вып. 1. С. Д. 34), удойность 1 коровы — в 100 ведер или 1200 литров в год: *Янсон Ю. Э.* Сравнительная статистика. Т. 2. С. 656–658.
10. Потребление молока в 50 губерниях Европейской России в 1870-е гг. оценивается в 2,13 ведра, или 27,6 л, масла в 0,33 кг на душу населения: *Ковалевский В. И., Левитский И. О.* Статистический очерк молочного хозяйства в северной и средней полосах Европейской России. СПб., 1879. С. 19. Это, безусловно, преуменьшенные данные, так как авторы занижают среднюю удойность коровы (определяя ее в 246–738 л в год) и число коров. На рубеже XIX–XX вв., когда поголовье коров сравнительно с 1870-ми гг. сократилось, потреблялось молока в среднем 152,5 л (табл. 8.16).
11. Отечественные и зарубежные исследователи конца XIX — начала XX в. предлагали несколько отличные друг от друга переводные коэффициенты, что совершенно естественно: одинаковые продукты в разных регионах страны, а тем более в разных странах различались по составу питательных веществ. Мы используем единые для городского и сельского населения переводные коэффициенты, выведенные в книге: *Кабо Р. М.* Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований). М., 1918. С. 50–61.
12. *Кабо Р. М.* Потребление. С. 51.
13. Состояние питания городского населения СССР: 1919–1924 гг.: (по данным периодических обследований питания населения, проводимых Отделом статистики потребления ЦСУ). М., 1926. С. 9.
14. Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. Нормы продовольствия сельского населения России. М., 1918. С. 13.
15. *Кабо Р. М.* Потребление. С. 20–22; *Клепиков С. А.* Питание русского крестьянства. Ч. 1. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920. С. 13–15; *Словцов Б. И.* Пищевые расклад-

ки. 2-е изд. СПб., 1919. С. 6–7; Состояние питания городского населения СССР 1919–1924 гг. М., 1926. С. 8, 9, 25.

16. *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897. С. 93; *Янжул И. И.* Фабричный быт Псковской губернии. СПб., 1884. С. 40–41; *Копанев А. И.* Население Петербурга в первой половине XIX в. М.; Л., 1957. С. 64, 66.
17. *Дементьев Е. М.* Фабрика. С. 60, 106–107; *Янжул И. И.* Фабричный быт. С. 49–50.
18. *Рудин С. Д.* К вопросу о норме питания лиц, занятых тяжелым физическим трудом//Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 408–409.
19. О калорийности отдельных продуктов см.: *Покровский А. А.* О питании. 2-е изд. М., 1968. С. 335–339.
20. Гигиена питания/К. С. Петровский (ред.): В 2 т. М., 1971. Т. I. С. 271.
21. *Le Play P. G. F.* Les ouvriers européens: In 6 vols. Paris, 1877. Vol. 2. P. 120–121, 160–161; Vol. 3. P. 18–19, 416–417; Vol. 4. P. 20–21; Vol. 5. P. 448–449.
22. *Гакстгаузен А.* Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. 97–98.
23. Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 172–175. В 1897 г. городское сословие состояло на 95% из мещан и цеховых и на 5% из почетных граждан и купцов: *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 116.
24. *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время//Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 243–286.
25. *Годыцкий-Цвирко Е. О.* Потребление главнейших продуктов петербургским населением в 1897 и 1901 гг. //Журнал охраны народного здравия. 1901. № 2–3; *Прокопович С. Н.* Бюджет петербургских рабочих. СПб., 1909; *Светлов С. Ф.* Петербургская жизнь в конце XIX столетия (1892 году). СПб., 1998; *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губернии. М., 1893. Дополнительную литературу о питании горожан и рабочих можно найти в библиографических указателях: *Жбанков Д. Н.* (1) Библиографический указатель по общественно-медицинской литературе. М., 1890; (2) Библиографический указатель по общественно-медицинской литературе за 1890–1905 гг. М., 1907.
26. *Липинская В. А.* Пища (XII–XX века)//Русские/В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук (ред.). М., 2003. С. 370–387; *Маслова Г. С.* Пища и хозяйственная утварь//Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР/П. И. Кушнер (ред.). М., 1960. С. 143–171; *Парникова А. С.* Пища, посуда, утварь//Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. С. 205–209; О питании горожан см.: *Пыляев М. И.* Как ели в старину//Пыляев М. И. Старое житье. Перепечатано в: Легенды старого Петербурга. М., 1992. С. 110–121; *Семенова Л. Н.* (1) Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). Л., 1998; (2) Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982; (3) Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1975; *Munro G. E.* Food in Catherinian St. Petersburg//Food in Russian History and Culture/M. Glants, J. Toomre (eds.). Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997. P. 31–48.
27. *Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. СПб., 1854. Вып. 2; *Архангельский А.* Село Давшино, Ярославской губ., Пошехонского уезда//Этнографический сборник. Вып. 2; *Бабарыкин В.* Сельцо Васильевское, Нижегородской губ., Нижегородского уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. СПб., 1853. Вып. 1; *Доброзраков М.* Село Ульяновка, Нижегородской губ., Лукояновского уезда//Этнографический сборник. Вып. 1; *Ивапица А.* Домашний быт малоросса, Полтавской губернии, Хорольского уезда//Этнографический сборник. Вып. 1; *Каниевский А. И.* Несколько заметок о народной пище в Золотоношенском уезде//Полтавские губернские ведомости. 1855. № 34; *Лебедев Н.* Быт крестьян Тверской губ., Тверского уезда//Этнографический сборник. Вып. 1; *Малыхин П.* Быт крестьян Воронежской губ., Нижнедевицкого уезда//Этнографический сборник. Вып. 1; *Морачевич І.* Село Кобылья, Волынской губ., Новоград-Волынского уезда//Этнографический сборник. Вып. 1; *Преображенский А.* Волость Покровско-Ситская, Ярославской губ., Моложского уезда//Этнографический сборник. Вып. 1; *Преображенский А.* Приход Станиловский на Сити, Ярославской губ., Моложского уезда//Этнографический сборник. Вып. 1; *Разумихин С.* Село Бобровки [Тверской губ., Ржевского уезда] и окружный его околоток//Этнографический сборник. Вып. 1; *Руднев А.* Село Голун и Новомихайловское, Тульской губ., Новосильского уезда//Этнографический сборник. Вып. 2; *Троицкий П.* Село Липицы и его окрестности, Тульской губ., Каширского уезда//Этнографический сборник. Вып. 2.
28. Список использованных этнографических описаний см. в Приложении 1 к настоящей монографии, Архив РГО. Подробное описание питания содержится в следующих делах: Разр. 14 (Казан-

ская губ.), оп. 1, д. 80 (1850-е гг.), 83 (1850-е гг.); Разр. 23 (Нижегородская губ.), оп. 1, д. 7 (1850 гг.), 82 (1849 г.); Разр. 25 (Олонецкая губ.), оп. 1, д. 62 (1850-е гг.), Разр. 30 (Подольская губ.), оп. 1, д. 23 (1864 г.), 32 (1848 г.); Разр. 31 (Полтавская губ.), оп. 1, д. 23.

29. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба: *Защук А.* Бессарабская область. СПб., 1862. Ч. 1. С. 462–464; *Бобровский П.* Гродненская губерния. СПб., 1863. Ч. 1. С. 816–817; *Лаптев М.* Казанская губерния. СПб., 1861. С. 212–213; *Попроцкий М.* Калужская губерния. СПб., 1864. Ч. 2. С. 181; *Афанасьев Д.* Ковенская губерния. СПб., 1861. С. 580–581; *Орановский А.* Курляндская губерния. СПб., 1862. С. 384; *Сталь.* Пензенская губерния. СПб., 1867. Ч. 2. С. 250; *Мозель Х.* Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 2. С. 572–573; *Баранович М.* Рязанская губерния. СПб., 1860. С. 397–399; *Шмидт А.* Херсонская губерния. СПб., 1863. Ч. 1. С. 504; *Домонтович М.* Черниговская губерния. СПб., 1865. С. 551.
30. *Бабарыкин В.* Сельцо Васильевское. С. 7; *Доброзраков М.* Село Ульяновка. С. 33, 35; *Преображенский А.* Волость Покровско-Ситская. С. 65, 66; *Преображенский А.* Приход Станиловский. С. 131; *Лебедев Н.* Быт крестьян Тверской губ. С. 175; *Малыхин П.* Быт крестьян Воронежской губ. С. 211, 213; *Разумихин С.* Село Бобровки. С. 235, 236; *Морачевич І.* Село Кобылья. С. 295; *Архангельский А.* Село Давшино. С. 1; *Троицкий П.* Село Липицы. С. 82; *Руднев А.* Село Голун. С. 98, 99; *Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян. С. 114, 115.
31. *Морачевич І.* Село Кобылья. С. 295–296.
32. *Бабарыкин В.* Сельцо Васильевское. С. 7; *Доброзраков М.* Село Ульяновка. С. 33; *Преображенский А.* Волость Покровско-Ситская. С. 65; *Разумихин С.* Село Бобровки. С. 235; *Морачевич І.* Село Кобылья. С. 300; *Архангельский А.* Село Давшино. С. 19–20; *Троицкий П.* Село Липицы. С. 86–87; *Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян. С. 114. Архив РГО: Разр. 15 (Калужская губ.), оп. 1, д. 46, л. 1–2, (1850 г.), д. 48, л. 1 (1850 г.), д. 57, л. 1 (1850 г); Разр. 15 (Костромская губ.), оп. 1, д. 19, л. 1 (1853 г.); Разр. 19 (Курская губ.), оп. 1, д. 21, л. 1 (1854 г.); Разр. 23 (Нижегородская губ.), оп. 1, д. 7, л. 1 (1850 г.), д. 64, л. 1 (1849 г.), д. 73, л. 1 (1849 г.), д. 120, л. 1 (1849 г.), д. 130, л. 1 (1854 г.), д. 134, л. 2 (1874 г.); Разр. 24 (Новгородская губ.), оп. 1, д. 3, л. 1 (1850-е гг.); Разр. 25 (Олонецкая губ.), оп. 1, д. 10, л. 1 (1854 г.), д. 22, л. 1 (1850-е гг.), д. 27, л. 1 (1854 г.); Разр. 26 (Оренбургская губ.), оп. 1, д. 16, л. 37–38 (1856 г.); Разр. 27 (Орловская губ.), оп. 1, д. 5, л. 1–2 (1850 г.); Разр. 28 (Пензенская губ.), оп. 1, д. 23, л. 1–2 (1853 г.); Разр. 31 (Полтавская губ.), оп. 1, д. 20, л. 1–2 (1852 г.); Разр. 32 (Псковская губ.), оп. 1, д. 1, л. 1–2, (1850-е гг.), д. 6, л. 1–2 (1848 г.), д. 13, л. 1 (1849 г.), д. 14, л. 1 (1849 г.), д. 15, л. 1 (1849 г.), д. 19, л. 1 (1851 г.); Разр. 34 (Самарская губ.), оп. 1, д. 24, л. 1 (1850-е гг.).
33. *Бабарыкин В.* Сельцо Васильевское. С. 11; *Доброзраков М.* Село Ульяновка. С. 40–41, 35; *Преображенский А.* Волость Покровско-Ситская. С. 78; *Преображенский А.* Приход Станиловский. С. 137–138; *Лебедев Н.* Быт крестьян Тверской губ. С. 183; *Малыхин П.* Быт крестьян Воронежской губ. С. 211–212; *Разумихин С.* Село Бобровки. С. 252–253; *Морачевич І.* Село Кобылья. С. 300; Архангельский А. Село Давшино. С. 19–20; *Троицкий П.* Село Липицы. С. 86–87; Руднев А. Село Голун. С. 102–103; *Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян. С. 138–142.
34. *Преображенский А.* Приход Станиловский. С. 157–158.
35. *Троицкий П.* Село Липицы. С. 86–87.
36. *Морачевич І.* Село Кобылья. С. 300.
37. *Домонтович М.* Черниговская губерния. СПб., 1865. С. 551.
38. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1903–1905. Т. 1. С. 248.
39. *Даль В. И.* Толковый словарь. Т. 3. С. 380–381.
40. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 924.
41. Архив РГО, Разр. 32 (Псковская губерния), оп. 1, д. 15, л. 8 (1849 г.).
42. *Пурлевский С. Д.* Воспоминания крепостного (1800–1868)//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М., 2006. С. 125. См. также: *Доброзраков М.* Село Ульяновка. С. 40.
43. *Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян. С. 141.
44. *Бобровский П.* Гродненская губерния. Т. 2. С. 817.
45. *Лаптев М.* Казанская губерния. С. 212–213.
46. Семена конопли, тыквы или мака толкли в ступе до получения жировой эмульсии, которую намазывали на хлеб и ели с лепешками.
47. Архив РГО, Разр. 14 (Казанская губ.), оп. 1, д. 83, л. 29–30 (1850-е гг.).
48. У неславянских народов в рационе также преобладали хлеб и растительная пища: см. о диете татар: Архив РГО, Разр. 14 (Казанская губ.), оп. 1, д. 91, л. 7–8 (1848 г.), литовцев: Разр. 17 (Ковенская губ.), оп. 1, д. 8, л. 31–32 (1887 г.), карел: Разр. 25 (Олонецкая губ.), оп. 1, д. 5 (1854 г.), 62 (1850-е гг.); молдаван: Разр. 30 (Подольская губ.), оп. 1, д. 23 (1864 г.), д. 32, л. 16–17 (1848 г.).
49. *Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян. С. 141.

50. Согласно Ю. Э. Янсону, в 1870-е гг. от 19 литров в Степном юге до 139 литров в Прибалтике, в среднем по России — 61 литр на душу населения: *Янсон Ю. Э.* Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Т. 2. С. 658. О потреблении молочных продуктов см.: *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 266–269.
51. *Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян. С. 141.
52. В 1850–1860-е гг. в Оренбургской губернии потреблялось более 70 кг, а в Черниговской — 10 кг мяса на душу населения в год: *Le Play P. G. F.* Les ouvriers européens: in 6 vols. Paris, 1877. Vol. 2. P. 204–205; *Домонтович М.* Черниговская губерния. С. 551–552.. О потреблении мяса см.: *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 260–266.
53. *Преображенский А.* Волость Покровско-Ситская. С. 78.
54. По некоторым оценкам, масла и жиров потреблялось в 1870-е гг. от 0,2 кг в Степном юге до 1,5 кг в Прибалтике, в среднем по России — 1,2 кг на душу населения в год: *Янсон Ю. Э.* Сравнительная статистика России. Т. 2. С. 658.
55. *Бобровский П.* Гродненская губерния. Т. 2. С. 817.
56. *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 201–208.
57. Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. I. Дополнения. СПб., 1873. С. 29–33.
58. Например, в Черниговской губернии в 1860-е гг. потребление рыбы оценивалось лишь в 5 кг на душу населения в год: *Домонтович М.* Черниговская губерния. С. 551–552. *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 269–274.
59. Архив РГО, Разр. 24 (Новгородская губ.), оп. 1, д. 11. Рыбная ловля на озере Ильмень (1849 г.), л. 1–16; Разр. 25 (Олонецкая губ.), оп. 1, д. 62. *Громов З.* Этнографическое описание Ребольского прихода, л. 7–12. (1850-е гг.).
60. «Оброк с девок, не вышедших замуж: холсты и по два фунта сушеной малины с каждой»: *Бобков Ф. Д.* Из записок бывшего крепостного человека//Воспоминания русских крестьян. С. 600. О потреблении фруктов см.: *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 274–278.
61. *Малыхин П.* Быт крестьян Воронежской губ. С. 211.
62. Архив РГО, Разд. 14 (Казанская губерния), оп. 1, д. 80, л. 15–16.
63. *Заборский Н. И.* [Летопись села Зачатье]//Воспоминания русских крестьян. С. 983–686, 696.
64. *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 254, 263, 267.
65. В конце XVIII в. на одного дворянина приходилось примерно 450 г чая в год: *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 246–247.
66. *Троицкий П.* Село Липицы. С. 87.
67. Архив РГО, Разр. 34 (Самарская губ.), оп. 1, д. 11 (1878 г.), л. 37.
68. В 1850-е гг. производилось пива по 1,5 л на душу населения в год: *Корсак А.* Пивоварение и медоварение//Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. СПб., 1865. Т. 3. С. 34. О потреблении напитков см.: *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 288–326.
69. *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 218.
70. Сведения о питейных сборах. СПб., 1860. Ч. 3. С. 35–36; *Дмитриев В. К.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 1911. С. 68–69, 116, 282.
71. Казенная продажа вина/Н. О. Осипов (ред.). СПб., 1900. С. 77. См. также: *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 295.
72. Статистический ежегодник России. 1915 г. Пг., 1916. Отд. IX. С. 17.
73. Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Посты; *Heretz L.* The Practice and Significance of Fasting in Russian Peasant Culture at the Turn of the Century Food in Russian History and Culture/M. Glants, J. Toomre (eds.). Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997. P. 67–82.
74. Во время постов всякое веселье и проявление жизнерадостности осуждалось; плотские удовольствия, светская музыка, пение, а также танцы запрещались.
75. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Посты.
76. *Пыляев М. И.* Старое житье. Очерки и рассказы. СПб., 1897. С. 11–12.
77. Описание Архива Александро-Невской лавры. Пг., 1916. Т. 3. С. 359–360.
78. *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 180.
79. *Максимов С. В.* Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995. С. 543.
80. *Бабарыкин В.* Сельцо Васильевское. С. 11.
81. *Баранович М.* Рязанская губерния. С. 399.
82. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1937. С. 68.
83. *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 59.

84. *Преображенский А.* Приход Станиловский. С. 138.
85. *Воронина Т. А.* Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области// Русский Север: Ареалы и культурные традиции/Т. А. Бернштам, К. В. Чистов (ред.). СПб., 1992. С. 80.
86. *Шипилов А. В.* Русская культура питания. С. 146–152. Сведения относятся к примерно 578 крестьянам, находившимся на месячине в десяти поместьях в 1706–1721 гг., и к работным людям первой половины XVIII в. и заимствованы автором из: Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М.; 1951; *Глаголева А. П.* Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957; *Заозерская Е. И.* Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947; *Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга; *Черкасова А.С.* Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985.
87. *Устюгов Н. В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957. С. 237.
88. *Шипилов А. В.* Русская культура питания. С. 149.
89. *Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга. С. 199.
90. *Шипилов А. В.* Русская культура питания. С. 149.
91. *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1967. С. 78–79.
92. *Шипилов А. В.* Русская культура питания. С. 149.
93. *Бинштok В. И., Каминский Л. С.* Народное питание и народное здравие. М.; Л., 1929; *Воронина Т. А.* Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области//Русский Север. С. 78–101; *Грязнов П. И.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. СПб., 1880. С. 142–156; *Ефимова И. В.* Уровень жизни и питание крестьян Тихвинского Полесья во второй половине XIX в.// Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII–XIX вв.) Межвузовский сборник научных статей. Сыктывкар, 1985. С. 102–112; *Крестовников А. Н.* Питание крестьян Костромской губернии по бюджетным исследованиям 1908–9 гг. Кострома, 1912. С. 1–47; *Кузнецов В.* Продовольственно-потребительские нормы крестьянского населения Олонецкой губернии//Труды подсекции статистики XI съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге. СПб., 1902. Доклады. С. 163–171; *Маресс Л. Н.* (1) Пища народных масс; (2) Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве//Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства/А. И. Чупров, А. С. Постников (ред.). СПб., 1897. Т. 1. С. 1–72; *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 4. Лит. Х.-Ф. Южные уезды Камышинский и Царицынский. Аткарск, 1902; *Покровский В. И.* К статистике потребления пищевых продуктов и прочих предметов первой необходимости// Журнал охраны народного здравия. 1905. № 7–8; *Привалова Т. В.* Быт российской деревни: Медико-санитарное состояние деревни европейской России: 60-е годы XIX в. — 20-е годы XX в./Данилов В. П. (ред.). М., 2000; *Рубцова М. А.* Этнографические материалы на страницах «Известий Архангельского общества изучения русского Севера» (1909–1917 гг.): Тематико-библиографический указатель//Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 256–261; *Савельев М. В.* Среднее дневное довольствие крестьянина в Землянском уезде//Вестник общественной гигиены. 1892. № 9; *Смородинцев А. И.* К вопросу о пище крестьян Екатеринбургского уезда// Записки Уральского медицинского общества. 1893. Вып. 2; *Хижняков В. В.* О питании сельскохозяйственных рабочих//Врач. 1900. № 17; *Щербина Ф. А.* Крестьянские бюджеты. Ч. 1, 2. Воронеж, 1900. Питание. Бюджеты крестьянских хозяйств.1887–1896 гг.; *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 251–356. Дополнительную литературу о питании можно найти в библиографических указателях: *Жбанков Д. Н.* (1) Библиографический указатель по общественно-медицинской литературе. М., 1890; (2) Библиографический указатель по общественно-медицинской литературе за 1890–1905 г. М., 1907. Особенно информативны статьи Л. Н. Маресса, Ф. А. Щербины и В. Кузнецова, основанные на полевых исследованиях, и книга Р. Смита и Д. Христиана.
94. *Минх А. Н.* Историко-географический словарь. С. 1178.
95. Некоторые статистические данные на этот счет приведены в настоящей работе в Главе 6.2 и табл. 6.16.
96. Имеется в виду, что хлеба было мало и к тому же плохого качества.
97. *Заборский Н. И.* [Летопись села Зачатье]. С. 698.
98. Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. I. Отд. 1. С. 238.
99. Там же. С. 245.
100. Там же. С. 247.
101. Там же. С. 252.
102. Там же. С. 225.
103. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 122.

104. Там же. С. 172.
105. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 226.
106. Там же. С. 231.
107. Там же. С. 232–233.
108. Там же. С. 225.
109. Там же. С. 229.
110. Там же. С. 243.
111. *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 295.
112. *Фет А. А.* Жизнь Степановки. С. 292.
113. Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. I. Отд. 1. С. 157.
114. *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 258–259. Авторы считают, что «питание в России XIX в. было хорошо сбалансированным, сочетая зерновые с небольшим количеством овощей, картофеля, мяса и фруктов» и достаточным, за исключением неурожайных лет (с. 287, 330).
115. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. С. 233–234.
116. Там же. С. 240–244.
117. Проблема потребления податного населения и привилегированных слоев населения рассмотрена в работах: *Frierson C. A.* Forced Hunger and Rational Restraint in the Russian Peasant Diet: One Populist's Vision//Food in Russian History and Culture/M. Glants, J. Toomre (eds.). Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997. P. 50–66; *Munro G. E.* Food in Catherinian St. Petersburg//Food in Russian History and Culture. P. 31–48.
118. *Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян. С. 141.
119. *Кабештов И. М.* Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным//Воспоминания русских крестьян. С. 547.
120. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. С. 232.
121. Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. I. Отд. I. С. 225–252.
122. *Бобровский П.* Гродненская губерния. Т. 2. С. 817.
123. Много сведений о питании в середине XIX в. содержится в работах: *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1984. P. 254, 263, 267; *Smith A. K.* Cabbage and Cuisine. См. также: *Хок С. Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 40–51; *Hoch St. L.* Famine, Disease, and Mortality Patterns in the Parish of Borshevka, Russia, 1830–1912//Population Studies. 1998. Vol. 52. P. 357–368. Р. Смит и Д. Христиан, А. Смит и Ст. Хок полагают, что питание крестьян и в дореформенное время было удовлетворительным.
124. *Клепиков С. А.* Питание русского крестьянства. Ч. 1. С. 12.
125. Там же. С. XXI.
126. Там же. С. 27, 35, 37.
127. Подсчитано нами по: *Клепиков С. А.* Питание русского крестьянства. Ч. 1. С. 14, 24.
128. Новое Положение о военно-врачебной экспертизе: Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2003. № 123. М., 2003. С. 122–123.
129. Методические указания по нормативам физического развития детей г. Москвы от рождения до 17 лет. М., 1972; Оценка основных антропометрических показателей и некоторых физиологических параметров у детей Северо-Запада: (Метод. рекомендации)/Е. И. Алешина и др. (сост.). СПб., 2000.
130. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 86–90.
131. *Домонтович М.* Черниговская губерния. С. 551. Желающим есть говядину приходилось ее покупать, а на это у мелкопоместных помещиков не было средств. Птицу и свинину они ели, вероятно, чаще.
132. В 1857 г. чиновников вместе с канцеляристами считалось 118,1 тыс.: *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 93.
133. *Кривенко В. С.* В Министерстве двора: Воспоминания/С. В. Куликов (ред.). СПб., 2006. С. 113.
134. *Аксаков С. Т.* Воспоминания//Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. Воспоминания. М., 1984. С. 319.
135. *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. С. 46, 49, 54–55.
136. Там же. С. 66.
137. Специальные исследования врачей показали вредность постов для детей: *Прозоров Г. Г.* О влиянии поста на вес и рост детей//Протоколы заседаний общества русских врачей в С.-Петербурге за 1874–1875 г. СПб., 1875. С. 219–226; *Шапиро Е. О.* (1) О влиянии Великого поста на вес учеников земской школы с. Колена//Врачебно-санитарная хроника Воронежской губ. 1898. Сентябрь;

(2) Влияние Рождественского поста на питание учеников земской школы с. Колена Новохоперского уезда//Врачебно-санитарная хроника Воронежской губ. 1899. Январь.

138. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни//Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 245–247.
139. *Энгельгардт А. Н.* Очерки институтской жизни былого времени//Институтки. С. 148–149.
140. Цит. по: *Мазовецкая Э.* Анна Энгельгардт. СПб., 2001. С. 20–21.
141. *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. С. 168.
142. Так описывает высочайший стол начальник канцелярии министра двора в начале XX в.: *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 217–221.
143. *Энгельгардт А. Н.* Очерки институтской жизни. С. 206; *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. С. 56–57.
144. *Энгельгардт А. Н.* Очерки институтской жизни. С. 208.
145. *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. С. 85.
146. Там же. С. 57.
147. Там же. С. 55.
148. *Морозова Т. Г.* В институте благородных девиц//Институтки. С. 399–400.
149. Там же. С. 400–401.
150. *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. С. 66.
151. Там же. С. 60–61.
152. Там же. С. 72.
153. *Ростиславов Д. И.* О православном белом и черном духовенстве в России: В 2 т. Лейпциг, 1866. Т. 1. С. 290–295.
154. *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. С. 63.
155. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 108–110.
156. Считая численность мужчин и женщин равной: *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 113–122.
157. Там же. С. 121.
158. Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную Думу третьего созыва. Статистический отчет Особого делопроизводства. СПб., 1911. С. VII–X.
159. Подробнее см.: *Миронов Б. Н.* Опора, буфер и гарант//Родина. 2001. № 4. С. 45–51.
160. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 127
161. Военно-конская перепись 1912 г. Пг., 1914. С. VI. См. также: *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 127–128; *Данилов В. П.* Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации//Исторические записки. М., 1956. Т. 55. С. 91; *Хрящева А. И.* Крестьянство в войне и революции//Вестник статистики. 1920. Сентябрь-декабрь. С. 32.
162. *Череванин Ф. А.* Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет, 1883–1923 гг. //Влияние неурожаев на народное хозяйство России/В. Г. Громов (ред.). М., 1927. С. 177–178; *Зайцев Вл.* Влияние колебаний урожаев на естественное движение населения//Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Ч. 2. С. 3–59. См. также: *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Кн. 1. От реформы к революции. М., 1966. С. 44–62.
163. *Сухоплюев И. К.* Неурожай и массовые заболевания голодающего населения//Русская мысль. 1906. № 3. С. 47. *Череванин Ф. А.* Влияние колебаний урожаев. С. 177–178.
164. Столетие Военного министерства. 1802–1902: В 13 т./Д. А. Скалон (ред.). Т. 8. Ч. 2. СПб., 1909. С. 154; Ч. 4. С. 237.
165. Военная Энциклопедия. СПб., 1911. Т. 9. С. 150–151.
166. *Армеев В.* Щи да каша — пища наша: Этюд о военно-полевой кухне//Родина. 2007. № 3. С. 103–108. В начале XX в. русский паек был богаче немецкого, французского и австрийского по мясу и хлебу, но русский хлеб был худшего качества. «Пища русского солдата была груба и обильна. Такой солдат мог победоносно воевать» (с. 106).
167. РГИА, ф. 232, оп. 1, д. 987, л. 32, 92. Фунт — 409,5 г, золотник — 4,26 г.
168. *Редигер А. Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1892. С. 167–175; Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия/Н. Н. Обручев (ред.). СПб., 1871. Отд. 2. С. 6.
169. *Корсаевская Т. В.* Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. Л., 1970. С. 116–120.
170. Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 3. Кн. 1. Отд. 2. С. 171–172.
171. ПСЗ-I. Т. 29. № 22282; Столетие Военного министерства. Т. 8. Ч. 1. С. 168–169.
172. ПСЗ-II. Т. 6. Отд. 1. № 4677; Столетие Военного министерства. Т. 8. Ч. 2. С. 152–153.
173. Столетие Военного министерства. Т. 8. Ч. 2. С. 154; Ч. 4. С. 234–237.
174. Столетие Военного министерства. Т. 8. Ч. 4. С. 234–237, 304, 322.

175. ЦГИА СПб, Ф. 232, оп. 1, д. 40, л. 8. Наставление присутствиям по воинской повинности, для руководства при освидетельствовании телосложения и здоровья лиц, призванных к исполнению сей повинности.
176. В России льготами пользовались 51% призывников, в Италии — 30%, Франции — 16%, Австрии — 4% и Германии — 2%: *Редигер А. Ф.* Комплектование. С. 129, 146.
177. В 1880-е гг. на службу не было принято по физической негодности в России — 12%, Франции — 23%, Италии — 27%, Германии — 42%, Австрии — 57%: *Редигер А. Ф.* Комплектование. С. 127.
178. *Головин Н. Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2006. С. 45–46.
179. *Редигер А. Ф.* Комплектование. С. 126–133, 158–165.
180. Следует иметь в виду, что измерение силы производилось в 1880-е гг., поэтому у рабочих в возрасте старше 50 лет, родившихся ранее 1835 г., ручная и становая сила была меньше, чем у более молодых, родившихся после 1835 г., вследствие возрастных изменений: максимальное развитие физической силы приходилось у мужчин на 24–35 лет, после 35 лет начиналось ее уменьшение, сначала медленно, а с 50 лет — быстрым темпом: *Эрисман Ф. Ф.* Физическое развитие фабричных рабочих Центральной России//Куркин П. И. Физическое развитие рабочего. М., 1925. С. 27, 31, 33, 41, 74, 82.
181. *Миронов Б. Н.* Исповедные ведомости — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII — первой половины XIX в.//Вспомогательные исторические дисциплины/В. А. Шишкин (ред.). Л., 1989. Т. 20. С. 102–117; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. С. 82–84.
182. *Бушен А.* Об устройстве источников статистики населения в России. СПб., 1864. С. 78–81; *Птуха М. В.* Очерки по истории статистики СССР. М., 1955. Т. 1. С. 366–369; *Смаковский А.* О смертности сельского населения Малороссии//Земский врач. 1891. № 32–33. С. 5–6; Статистический временник Российской империи. Вып. 1. СПб., 1866. С. XIX–XXI; *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 20–23.
183. *Вишневский А. Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России//Брачность, рождаемость, семья за три века/А. Г. Вишневский, И. С. Кон (ред.). М., 1979. С. 113–115; *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 181–190.
184. Воспроизводство населения СССР/А. Г. Вишневский, А. Г. Волков (ред.). М., 1983. С. 47–67; *Новосельский С. А.* Смертность. С. 180–187.
185. *Арсеньев К. И.* Исследования о численном соотношении полов в народонаселении России//Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч. 5. № 1. С. 5–47; Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. С. 182–183; Общий свод по империи. Т. 2. С. 160–163.
186. Народонаселение стран мира: Справочник/Б. Ц. Урланис (ред.). 2-е изд. М., 1978. С. 262.
187. По расчетам С. А. Новосельского даже 65%: *Новосельский С. А.* Смертность. С. 100–103.
188. Сведения о демографических процессах и численности приходского населения взяты из подлинных отчетов Синода за 1748–1870 гг. и поэтому несколько отличаются от данных, приведенных в статье В. И. Покровского.
189. *Владимиров В. Н., Плодунова В. В., Силина И. Г.* Метрические книги как источник по истории народонаселения Алтайского края//Компьютер и историческая демография. Барнаул, 2000. С. 137–164.
190. В более поздней книге автор определяет долю прописных по первой ревизии в 27%: *Кабузан В. М.* Крепостное население России в XVIII в. — 50-х годах XIX в. (численность, размещение, этнический состав). СПб., 2002. С. 28.
191. *Вишневский А. Г.* Оценка числа родившихся в Российской империи (1840–1913 годы)//Вишневский А. Г. Избранные демографические труды: В 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 243–248.
192. *Хок С. Л.* Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861–1914 годы//Отечественная история. 1996. № 2. С. 28–54.
193. Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи населению в России за 1903 год: Составлен Управлением Главного врачебного инспектора МВД. СПб., 1905. С. 17; То же за 1912 г. СПб. 1914. С. 10.
194. *Араловец Н. А.* Смертность городского населения России в 90-е годы XIX в. — 20-е годы XX в.: социально-экологический аспект//Историческая экология и историческая демография/Ю. А. Поляков (ред.). М., 2003. С. 115–125.
195. *Выборнова М. А.* Деятельность медицинских структур по обслуживанию населения российской провинции во второй половине XIX — начале XX века (на материалах Самарской губернии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.
196. Washington ProFile, 29 Апреля 2006 г.
197. *Вайсенберг С. А.* Влияние недоедания и болезней на физическое развитие детей//Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. № 3–4. С. 103–114; *Ивановский А. А.* Об изменении физических

признаков населения России под влиянием голодания//Наука на Украине. 1922. № 4. С. 23–25; *Штефко В. Г.* Влияние голодания на подрастающее поколение России. Симферополь, 1923. С. 42, 105–108; Гигиена питания. Т. 1. С. 223–224.

198. *Белоглазов М. М.* Вырождение населения Тамбовской губернии//Вестник общественной гигиены. 1905. Октябрь. С. 1511–1526; *Дедюлин С. А.* К вопросу о причинах физического вырождения русского народа (Составлено по отчетам Государственного Контроля в диаграммах и таблицах). Доклад высоч. утвержденному Обществу для содействия русской промышленности и торговле 25 марта 1899 г. СПб., 1900. С. 1–48; *Кенигсберг М. М.* Опыт медико-топографического исследования города Оренбурга. СПб., 1886. С. 1–46; *Обухов В. М.* Экономические причины смертности и вырождения крестьянского населения Воронежской губернии//Журнал Русского общества охранения народного здравия. 1895. № 11. С. 880–903. Аналогичные жалобы раздавались в конце XIX – начале XX в. и в Европе, в частности в Великобритании (см. в настоящей монографии с. 120–121).
199. *Жбанков Д. Н.* Физическое развитие призываемых к отбыванию воинской повинности//Медицинская беседа. Воронеж, 1904. № 7–8. С. 199.
200. Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии)/Авторы-составители Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993. С. 14, 23–24.
201. Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 34–35; Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева/Авт.-сост. И. И. Шангина. СПб., 2004–2006. Т. 1. Костромская губерния. С. 25–26, 71, 263, 308; Тверская губерния. С. 409, 416–417, 515; Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 547; Т. 3. Калужская губерния. С. 212, 342.
202. Русские крестьяне. Т. 1. Костромская губерния. С. 305; Тверская губерния. С. 503; Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 19; Ч. 2. С. 7.
203. Русские крестьяне. Т. 3. Калужская губерния. С. 367; Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 261.
204. Русские крестьяне. Т. 3. Калужская губерния. С. 563.
205. См. например: *Дементьев Е. М.* Фабрика. С. 234–249.
206. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии. Ч. 1. С. 226.

9

ЦЕНЫ И ЗАРПЛАТА В РОССИИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX В.

«Ни в одной стране заработная плата фабричных рабочих не достигает такой высоты, как в России».

Август Гакстгаузен, 1842–1848 гг.
Исследование внутренних отношений народной жизни. М., 1870. Т. 1. С. 97.

История заработной платы и цен в России изучена слабо, потому что долгое время серьезно не волновала ни экономистов, ни историков. В советское время общественную науку вполне удовлетворял априорный постулат марксистской политэкономии, согласно которому жизненный уровень трудящихся и при феодализме, и при капитализме, с X в. по 1917 г., т. е. в течение 1000 лет, понижался. Социальный заказ обществоведам состоял в том, чтобы собрать известное количество фактов, подкрепляющих эту идею, и они с ним успешно справились. Например, согласно известному советскому экономисту С. Г. Струмилину, в металлургической промышленности в 1647 г. реальная зарплата была в 18,4 раза (!!!), а в 1860 г. — в 2,46 раза выше, чем в 1913 г.[1] Западные исследователи интересовались этим сюжетом мало[2]. В результате мы до сих пор не знаем достоверно, как цены и зарплата изменялись за все время существования российского государства. Имеющиеся сведения разрозненны и относятся к отдельным хронологическим отрезкам — первой половине XVIII в., первой половине XIX в. и второй половине XIX — началу XX в.; полная неясность для второй половины XVIII в.[3] Не построен динамический ряд зарплаты хотя бы для одной категории рабочих за весь изучаемый период, а для XVIII — первой половины XIX в. даже по Петербургу и Москве — самым изученным городам России — мы располагаем лишь набором несистематизированных сведений.

В настоящей главе предпринимается первая попытка построить общий индекс цен и зарплаты в имперской России на основе петербургских данных.

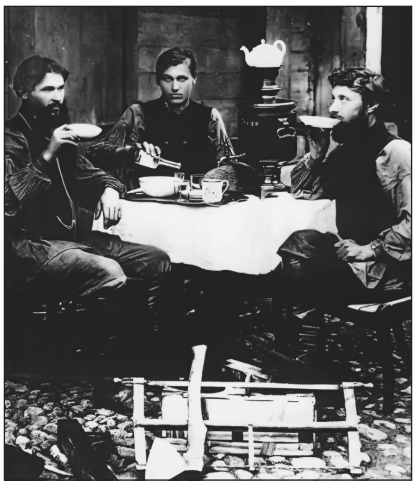
9.1. Источники и методика их обработки

Источниками сведений о ценах и зарплате в Петербурге послужили приходо-расходные книги, ведомости справочных цен и прейскуранты. Наибольшее число данных извлечено из приходо-расходных книг Комиссии о каменном в Москве

и С.-Петербурге строении за 1757–1800 гг. [4], Первого кадетского корпуса за 1732–1803 гг.[5], Кабинета его императорского величества[6] и личного фонда Томиловых и Шварцев[7]. Из справочных цен, регулярно собиравшихся полицией с 1707 г., лучше всего сохранились сведения о ценах на зерно, муку, крупу и фураж[8]. При недостатке информации за первую половину XVIII в. важным подспорьем является расчет средних шестилетних петербургских цен более чем 300 товаров за 1738–1743 гг., сделанный Коммерц-коллегией в 1744 г.[9] К разряду справочных относятся и таксы, устанавливаемые петербургской полицией с 1741 г. на мясо, мясные продукты и печеный хлеб. Расценка на мясо более или менее регулярно, а на печеный хлеб изредка печаталась в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1746–1777 гг.[10] С 1778 г. таксы перестали публиковаться, но газета регулярно сообщала подрядные цены на самые различные товары и на труд. С 1840 г. публикация таксы возобновилась в газете «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции». В 1832 г. Петербургская городская дума стала издавать прейскуранты от своего имени (номенклатура товаров первоначально включала 87 товаров; в 1853 г. она увеличилась почти до 200 и, кроме этого, прейскуранты включали сведения о поденной зарплате строителей). К сожалению, за период до 1853 г. удалось обнаружить комплекты прейскурантов только в Российской национальной библиотеке (далее РНБ) за 1832–1836 гг. [11] и за 1840 и 1845 гг. в газете «Посредник промышленности и торговли». Возможно, за другие годы прейскуранты не публиковались. Лишь за 1853–1917 гг. мы имеем весь комплект прейскурантов, сохранившийся в Российской национальной библиотеке[12]. Существенный вклад в информационную базу вносят Петербургские прейскуранты на экспортные и импортные товары за 1777–1804 гг. из Архива С.-Петербургского института истории РАН[13], за 1806–1857 гг. — из РНБ[14]. Отдельные прейскуранты обнаружены в Российском государственном историческом архиве и областных архивах. Сведения о ценах и заработной плате в исследуемое время публиковались время от времени и в других петербургских периодических изданиях[15].

При обращении к оплате труда, прежде всего, встает вопрос: какую категорию трудящихся изучать? Существует огромное число профессий, и почти одинаково интересно знать, как изменялась зарплата у чиновников, священников, рабочих, инженеров, военных, извозчиков, прислуги, служащих частных фирм. Однако построить надежный динамический ряд для зарплаты любой профессии — задача еще более трудная, чем получить ряд цен для какого-либо товара. Поэтому пришлось сузить исследовательскую задачу и вынужденно ограничиться одной профессией, которая отвечает следующим требованиям: является массовой и распространенной в течение всего изучаемого периода; ее представители получают типичную для многих лиц наемного труда зарплату, зависящую от конъюнктуры на рынке труда и колебаний цен; характер труда в этой профессии и его дифференциация по уровню квалификации не испытывает существенных трансформаций во времени и пространстве, тем самым удовлетворяет основному условию для проведения межвременны́х, межрегиональных и международных сравнений; зарплата в такой профессии с достаточной полнотой отражается в источниках. На статус такой *репрезентативной,* или *индикаторной,* профессии могут претендовать каменщики, штукатуры, маляры, столяры и другие строительные профессии, но, пожалуй, в наибольшей степени — плотники. Еще в 1825 г. в Петербурге 4763 из всех 7126 домов, или 66,8%, являлись деревянными[16], на 1900 г. —

9639 из 23 988, или 40,2%, и, кроме того, 1249, или 5,2%, сделаны из дерева и камня[17]. Все деревянные здания, естественно, построены плотниками.



Плотники за самоваром. 1870-е гг. Фото

Перепись 1900 г. зафиксировала 33 712 строительных рабочих, из которых 6427, или 19%, являлись плотниками[18]. Только прислуги и военных в столице насчитывалось больше. Но и плотники в Петербурге были разные — одни работали на государственных заводах, другие — на частных фабриках, третьи обслуживали дворцы и дома богатых людей, четвертые занимались строительством по найму или по принуждению как крепостные либо дворовые, отданные в наем. Поставленной исследовательской задаче более всего отвечают вольные плотники-строители, нанимавшиеся на сравнительно короткие сроки (в весенне-летнее или осенне-зимнее время) с поденной оплатой труда. В XVIII — первой половине XIX в. зарплата отличалась разнообразием: платили и натурой (жильем, пайком, земельными участками, строительными материалами и др.), и деньгами, и их комбинацией. Кроме того, число праздничных дней и продолжительность рабочего дня существенно варьировали по сезонам и зависели от нанимателя. Под влиянием указанных факторов *поденная оплата труда* отразит динамику зарплаты с наибольшей точностью.

Банк информации, созданный на основе перечисленных источников, позволяет получить непрерывные ряды цен для 40–88 товаров на протяжении 210 лет, с 1703 по 1913 г. Сразу оговоримся: ряды далеки от идеала по нескольким причинам. Качество товаров в течение 200 лет изменялось и в источниках не всегда указывалось, поэтому заключение о нем приходилось делать на основе сравнения цен одноименного товара разного качества за другие годы. Даже у зерновых продуктов качество колебалось от года к году в зависимости от урожая. При переводе объемных единиц (четверти, четверика, гарнца и др.) в пуды или килограммы приходилось принимать их вес за величину постоянную, хотя она варьировала по годам в зависимости от урожая и качества продукта. Кроме того, все зерновые постепенно повышали свое качество, благодаря чему зерно тяжелело, а объемные меры этого не учитывали. В результате четверть зерна — главная хлебная мера — стала в конце XIX в. на 10% тяжелее, чем в середине XVIII в. Цены на сельскохозяйственные товары колебались по месяцам, в годы неурожаев и эпизоотий весьма существенно, а во многих случаях нет сведений за все или даже большинство месяцев одного года. В пределах города существовало несколько сфер торговли — розничная, мелкооптовая, оптовая, экспортно-импортная, и в каждой из них цены одних и тех же товаров отличались: самые высокие — в розничной, самые низкие — в оптовой торговле; различия достигали 20% за один и тот же товар равного качества. Некоторые товары производитель сбывал самостоятельно в специально отведенном для этого месте, в определенное время и по самой низкой цене. Чаще всего они скупались

торговцами для последующей их реализации из своих лавок и складов, но кое-что перепадало и предприимчивым потребителям.

Среди данных встречаются все категории цен, так как в приходо-расходных книгах, как правило, фиксировались цены оптовых закупок, в справочных ведомостях — мелкооптовые и розничные цены, в таксах — розничные цены, в биржевых прейскурантах — цены в экспортной крупно-оптовой торговле. Полностью унифицировать все сведения невозможно. Но и преувеличивать степень погрешности при их агрегировании также не следует. Сравним цены принципиального для нас товара — говядины — по разным источникам (табл. 9.1).

Таблица 9.1

Сравнение данных о ценах пуда говядины в Петербурге из разных источников

Год	Месяц	Подрядные цены, коп.	Такса, коп.	Приходо-расходная книга Кадетского корпуса, коп.
1742	январь-декабрь	–	60–70	60
1746	январь-декабрь	–	50–180	72
1748	январь-декабрь	–	68–87	68
1750	январь	98	60–100	–
1752	январь-декабрь	70–80	68–80	75
1755	март	130–134	120–140	–
1756	апрель	80	50–140	–
1758	январь-декабрь	60–90	40–145	80
1759	январь	97	100–145	–
1762	январь	65–70	70–90	–
1765	январь-декабрь	—	65–103	73
1770	январь-декабрь	–	70–140	90
1771	январь-декабрь	–	70–150	95
1776	январь-декабрь	80–122	80–180	85–110
1771–1777	январь-декабрь	–	93–133	85–110

Источники: Санкт-Петербургские ведомости. 1742, 1746, 1748, 1750, 1752, 1755, 1758, 1759, 1762, 1765, 1770–1777; РГИА, ф. 13, оп. 2, д. 782, л. 4–14.

Как видим, подрядные примерно соответствовали ценам приходо-расходной книги Кадетского корпуса, и те и другие были, как правило, ниже, чем в таксах, так как подряд отражал цены в оптовой торговле, а такса — в розничной. Характерно, что в таксе цены указывались в коп. за *фунт*, а в подрядах и приходо-расходных книгах — в рублях за *пуд*, включавший 40 фунтов.

Годовые цены, когда возможно, выводились на основе месячных, среднедесятилетние — на основе годовых. И в том и в другом случае средние не учитывали количество проданного товара (не взвешивались, как говорят в статистике) из-за отсутствия таких сведений. Применительно к зерну, количество которого особенно существенно колебалось по сезонам и по отдельным годам, разница взвешенных и невзвешенных цен находилась в пределах 5%[19].

В течение 210 лет изменялись единицы измерения, что потребовало перевода всех мер в единую метрическую систему — в килограммы или литры, а при таком переводе неизбежны неточности. Существенные трудности создавали также частые

пертурбации в денежной системе России. Чтобы устранить их влияние, все цены до 1840 г. переводились в серебряный рубль 1764 г., содержавший 18 грамм чистого серебра, а с 1840 г. — в золотой рубль 1/10 империала, содержавший 1,1614 грамма чистого золота[20], по курсу на Петербургской бирже[21]. Методика построения динамического ряда цен отдельного товара такова — сначала учитывались сведения самого богатого источника, затем пробелы заполнялись данными из других источников. Как показал анализ хлебных цен, при объединении цен различных категорий в динамический ряд отдельные погрешности механически не суммируются и не взаимопогашаются; в совокупности они могут дать погрешность, до 10% от истинной цены[22]. Вследствие этого построенные динамические ряды не всегда в состоянии правильно зафиксировать небольшие (в пределах 10%) колебания цен, но при этом достаточно точно выявляют тенденции в их изменениях.

На основе динамических рядов цен для отдельных товаров построен индекс потребительских цен в Петербурге за 1703–1853 гг. и объединен в единый ряд с индексом потребительских цен за 1853–1913 гг., вычисленным в 1920-е гг. сотрудником Института экономических исследований Госплана СССР В.Л. Далматовым и приведенным в работах С.Г. Струмилина под названием бюджетного индекса[23]. Далматов, опираясь на цены 26 товаров[24] из «Ведомостей Санкт-Петербургской распорядительной думы о справочных ценах в С.-Петербурге» за 1853–1913 гг., построил три базисных субиндекса для: (1) продуктов питания, (2) жилища и (3) одежды и обуви; за базисную дату принят 1913 г. Субиндекс вычислялся как невзвешенная средняя арифметическая[25] индексов цен отдельных товаров.

В процедуре построения индекса потребительских цен принципиально важны два момента: (1) номенклатура товаров и (2) веса, или доли, отдельных товаров, принимаемые при его расчете. Я попытаюсь построить индекс цен только товаров, поскольку услугами рабочий пользовался очень редко, поэтому мой набор, как и набор В.Л. Далматова, включает только товары. В нашем случае индекс нужен для определения реальной зарплаты петербургских пролетариев и стоимости жизни, поэтому он должен учитывать товары, входящие в потребительскую корзину. Из большой их номенклатуры я выбрал 47 наиболее важных для рабочего товаров, имевших значение на протяжении всего изучаемого периода и к тому же хорошо представленных в источниках. Из них *двадцать* относятся к продуктам питания: 1) баранина, 2) водка, 3) говядина, 4) горох, 5) крупа гречневая, 6) масло коровье, 7) масло постное, 8) мед красный, 9) мука пшеничная, 10) мука ржаная, 11) пшеница, 12) рожь, 13) сало коровье, 14) свинина, 15) сельдь, 16) снетки, 17) соль, 18) чернослив (он мало употреблялся в пищу простым народом, но цены на него отражали цены фруктов), 19) яйца, 20) ячмень; *девятнадцать* к жилищу: 1) бумага, 2) воск, 3) гвозди, 4) деготь, 5) дрова, 6) железо, 7) канаты, 8) кирпичи, 9) масло конопляное, 10) медь, 11) мел, 12) мыло, 13) овес, 14) пенька, 15) поташ, 16) проволока железная, 17) свечи сальные, 18) свинец, 19) холст-хрящ; *восемь* к одежде и обуви: 1) башмаки мужские, 2) лен, 3) овчина, 4) полотно льняное тонкое, 5) сапоги мужские, 6) сукно сермяжное, 7) шерсть овечья, 8) юфть (мягкая кожа специальной выделки).

При расчете общего индекса потребительских цен за 1703–1853 гг. использовалась та же методика, которой следовал В.Л. Далматов при построении субиндексов за 1853–1913 гг. Сначала для всех 47 товаров подсчитан годовой базисный индекс цен на основе месячных или квартальных цен (за базисный год принят

1853 г.). Затем подсчитывался годовой субиндекс для товаров, входящих в три группы: питание — 20 товаров, жилище — 19 товаров, одежда — 8 товаров. Субиндекс вычислялся как невзвешенная средняя арифметическая индексов цен товаров. 1853 год являлся последним для моих субиндексов и первым для субиндексов Далматова, благодаря чему они легко соединились в единые динамические ряды с базисной датой 1913 г. Затем за каждый год субиндексы интегрировались в общий индекс путем их взвешивания на доле товаров базисного 1913 года по формуле средней арифметической (веса субиндексов: питание — 71%, жилище — 10%, одежда — 19%). В результате получался агрегатный базисный индекс цен этого года, взвешенный по весам базисного 1913 года. Следовательно, подобно Далматову, я рассчитал индекс потребительских цен с постоянными весами на уровне базисного 1913 года, так называемый *индекс цен Ласпейреса* (L)[26]. Наконец, вычислялся средний субиндекс и индекс цен по десятилетиям — на основе годовых индексов по формуле средней арифметической. Когда, как в нашем случае, период, покрываемый индексом, большой, то рекомендуется подсчитывать средний индекс по формуле геометрической средней[27]. Однако, как показал расчет (табл. 9.5), геометрическая и арифметическая средние столь мало различаются, что нет смысла отдавать предпочтение первой, поскольку в отечественной литературе используется, как правило, средняя арифметическая.

Построение общего индекса потребительских цен требует знания весов для субиндексов, которые я определил на основании бюджетов петербургских рабочих. Первые научные исследования их бюджетов проводились в 1907–1908 гг.[28] известным экономистом С. Н. Прокоповичем[29] и в 1911 г. — М. Давидовичем[30]. О бюджетах более раннего времени мы можем составить представление по данным о зарплате и по описаниям их потребления и условий жизни. На основе имеющихся сведений можно предположить: в течение XVIII–XIX вв. никаких

Щедровский И. С. Рынок в С.-Петербурге. 1840 г.
Гос. музей изобраз. искусств им. А. С. Пушкина

радикальных изменений потребление русских пролетариев не претерпело. Простота и элементарность бюджетов 1908–1911 гг. это подтверждает (табл. 9.2).

Таблица 9.2

Затраты петербургских рабочих на отдельные товары и услуги в 1907–1908 гг. на члена семьи в месяц

Статья расходов	В коп.		В%	
	семейные	одинокие	семейные	одинокие
Наем помещения	252	475	15	13
Отопление, освещение	65	34	4	1
Хозяйственные вещи	25	37	2	1
Питание	805	1 387	49	37
Табак, алкоголь	83	300	5	8
Одежда, обувь	201	512	12	14
Стирка, гигиена	54	130	3	3
Лечение	21	34	1	1
Культурно-просветительные потребности	54	172	3	5
Общественно-политические потребности	20	61	1	2
Религиозные потребности	4	7	0	0
Помощь родным	36	407	2	11
Прочие расходы	31	164	2	4
Итого	1651	3 720	100	100

Источник: Прокопович С. Н. Бюджеты. С. 9–17.

Данные табл. 9.2 показывают: 54% доходов у семейных и 45% у одиноких рабочих (одинокие могли иметь семьи, проживавшие в деревне) шли на питание (вместе с расходами на табак и алкоголь), 15–21% — на оплату квартиры и связанных с ее содержанием расходов, 15–17% — на одежду, обувь и белье; на удовлетворение духовных потребностей тратилось всего 5% дохода у семейных и 7% у одиноких рабочих; родственникам в деревню переводилось — соответственно 2% и 11% доходов. На лечение уходило очень мало денег — около 1% всех расходов, по той причине, что рабочие, как правило, являлись молодыми и здоровыми, а когда наступала старость, уезжали в деревню. Их малолетние дети часто также находились в деревне с женой или родственниками. Не зафиксированы расходы на транспорт и на уплату прямых налогов, так как рабочие жили вблизи работы или прямо на предприятиях и от налогов по закону освобождались. Примерно такая же структура бюджета существовала в XVIII в. и в первой половине XIX в. — самая весомая часть расходов шла на питание, состоявшего преимущественно из растительной пищи, затем — на жилище, одежду, обувь и совсем ничтожные — на удовлетворение духовных потребностей[31].

Бюджеты рабочих Петербурга, наиболее продвинутых в культурном отношении, и других крупных городов (Петербург — 1,6 млн без войск, Киев — 530 тыс. и Баку — 128 тыс. жителей в 1910 г.)[32] мало различались как по величине, так и по структуре (табл. 9.3).

Таблица 9.3

Расходы семейных рабочих в Петербурге, Баку, Киеве и Богородске в 1907–1912 гг. на члена семьи в месяц, в%

Расходы	Петербург, 1907–1908 гг.	Баку, 1909 г.	Киев, 1912 г.	Богородск, 1908–1909 гг.
Жилище, в том числе:	20,7	21,1	24,4	15,2
• квартирная плата	15,3	6,8	16,4	6,9
• отопление, освещение	3,9	12,2	5,9	8,2
• хозяйственные вещи	1,5	2,2	2,1	0,1
Питание	48,8	45,4	47,1	57,3
Табак, алкоголь	5,0	5,5	3,7	4,2
Одежда, обувь	12,2	13,6	13,3	10,1
Стирка, гигиена	3,3	3,3	2,9	2,0
Лечение	1,3	0,9	1,5	0,0
Все духовные потребности, в том числе:	4,7	3,6	4,2	1,3
• культурно-просветительные потребности	3,3	2,8	3,5	0,5
• общественно-политические потребности	1,2	0,5	0,5	0,0
• религиозные потребности	0,2	0,3	0,2	0,8
Помощь родным	2,2	3,1	0,3	2,2
Прочие расходы	1,9	3,4	2,9	7,8
Итого,%	100,0	100,0	100,0	100,0
Итого, руб.	16,5	16,2	13,0	7,4

Источники: Овсянников В. С. Довоенные бюджеты русских рабочих//Вопросы труда. 1925. № 9. С. 69.

Несущественные отличия в составе расходов объяснялись главным образом разницей в ценах на продовольствие: в столице они были в 1,5–2 раза выше, чем в Киеве и Баку. Более заметны и значимы различия в бюджетах крупных и малых городов, если о последних судить по Богородску — уездному городу Московской губернии с населением в 16 тыс. в 1910 г.: расходы на питание в нем на 10% больше, а на жилище, одежду и культурные нужды на столько же ниже. В период империи столица в культурном отношении и по укладу жизни обгоняла провинцию на 50 и более лет. Однако если из расходов петербургских рабочих 1907–1908 гг. исключить те, которых нет или почти нет у богородских — на квартирную плату, помощь родственникам и на культурные потребности, то они по своей структуре не отличаются от богородских. Структуру расходов петербуржцев в 1907–1908 гг. без натяжки можно принять за веса для расчета общего бюджетного индекса цен для всего изучаемого периода.

Я исключил из потребительской корзины рабочих расходы на помощь родным, удовлетворение духовных потребностей и на квартирную плату. Деньги, шедшие на помощь родственникам, расходовались последними примерно так же, как теми, кто ее оказывал. Учет расходов на культурно-просветительные, общественно-политические и религиозные потребности серьезно усложнит методику расчета, а коррекция будет крайне незначительной по причине мизерности таких расходов — 5,7% бюджета. Кроме того, сведений о таких расходах недостаточно, да и наша задача ограничивается построением индекса товарных цен. Два по-

следних соображения, а также тот факт, что многие рабочие жили в своих домах в пригородах, у родственников или в казармах с платой лишь за дрова и свет, побудили отказаться и от учета квартирной платы.

Оставшиеся расходы объединим в три группы — питание, жилище и гардероб. В статью «питание» входят расходы на пищу, табак, алкоголь и лечение, так как во время болезни бóльшая часть денег расходовалась на дополнительное питание, а само лечение состояло в употреблении водки или горячего молока. Статья «жилище» интегрирует все расходы на жилище и гигиену, кроме квартирной платы: отопление, освещение, ремонт, покупка мебели, посуды, керосина и, кроме того, на стирку, баню и парикмахерскую. Статья «гардероб» суммирует расходы на одежду, обувь и белье (табл. 9.4).

Таблица 9.4

Основные статьи расходной части бюджета петербургских рабочих в 1907–1908 гг. на члена семьи в месяц

Статья расхода	В коп.			В%		
	семейные	одинокие	в среднем	семейные	одинокие	в среднем
Питание, в том числе:	909,0	1721,0	1283,7	72,5	70,7	71,4
• пища	805,0	1387,0	1073,5	64,2	57,0	59,7
• табак, алкоголь	83,0	300,0	183,1	6,6	12,3	10,2
• лечение	21,0	34,0	27,0	1,7	1,4	1,5
Жилище, в том числе:	144,0	201,0	170,3	11,5	8,3	9,5
• отопление, освещение	65,0	34,0	50,7	5,2	1,4	2,8
• мебель и пр.	25,0	37,0	30,5	2,0	1,5	1,7
• стирка, гигиена	54,0	130,0	89,1	4,3	5,3	5,0
Гардероб	201,0	512,0	344,5	16,0	21,0	19,2
Итого	1 254,0	2 434,0	1 798,5	100,0	100,0	100,0

Источники: см. в примечании к табл. 9.2.

9.2. Динамика цен и зарплаты в С.-Петербурге в 1703–1913 гг.

На основании сделанных расчетов получаем общий индекс цен с двумя базовыми датами — 1913 г., обеспеченный самыми качественными данными, и 1703–1710 гг. (табл. 9.5 и рис. 9.1).

В имперский период общая тенденция в движении как петербургских цен, так и общероссийских была повышательная: за 210 лет, 1703–1913 гг., они выросли почти в 6,3 раза и испытали настоящую революцию, оказавшую серьезное воздействие на все стороны жизни. К сожалению, первое десятилетие существования Петербурга плохо обеспечено источниками, поэтому приходится прибегать к экстраполяции. Но поскольку за базу при построении индексов принят 1913 г., это не повлияло на общий результат. Понижение общего индекса цен наблюдалось только в трех из 20 десятилетий — в 1811–1830 и 1891–1900 гг., хотя цены на отдельные группы товаров падали чаще — 4 десятилетия на питание и жилище и 6 десятилетий на одежду и обувь. Рост цен проходил неравномерно: в 3,7 раза —

в первое столетие существования столицы, в 1703–1810 гг., и в 1,7 раза — в следующие сто лет. Революция цен свершилась в основном в XVIII в. Она объяснялась вступлением страны в мировой рынок и участием в международном разделении труда в качестве страны, экспортирующей сырье и импортирующей промышленные товары.

Таблица 9.5

Индексы цен и зарплаты плотников в С.-Петербурге в 1703–1913 гг.

Годы	Субиндексы цен			Общий индекс цен*		Индекс номинальной зарплаты	Индекс реальной зарплаты**	Общий индекс цен 1703–1710=100**	Индекс реальной зарплаты 1703–1710 =100**
	питание	жилище	гардероб	А	Б				
1703–1710	14,7	8,8	20	15,3	14,9	10,1	66,0	100	100
1713–1720	18,9	9,3	21,5	18,4	18,2	11,0	59,7	120	90
1721–1730	23,0	12,8	25,1	22,4	22,2	14,7	65,5	146	99
1731–1740	24,4	13,6	27,7	23,9	23,7	15,9	66,3	157	100
1741–1750	24,0	13,4	32,9	24,6	24,2	11,3	45,9	161	70
1751–1760	28,8	15,1	32,0	28,0	27,7	13,2	47,2	183	72
1761–1770	28,9	15,7	36,2	29,0	28,6	13,7	47,3	190	72
1771–1780	32,3	16,7	39,7	32,1	31,7	15,2	47,4	210	72
1781–1790	40,0	20,7	54,8	40,9	40,2	22,1	54,1	267	82
1791–1800	44,7	25,5	66,0	46,8	46,0	29,4	62,8	306	95
1801–1810	54,2	32,9	74,0	55,8	55,1	40,1	71,8	365	109
1811–1820	46,3	30,3	80,6	51,2	49,9	43,3	84,5	335	128
1821–1830	40,5	29,8	75,4	46,1	44,8	40,1	87,0	301	132
1831–1840	47,6	27,6	75,4	50,9	49,8	48,9	96,1	333	146
1841–1850	51,2	29,9	71,3	52,9	52,1	52,4	99,1	346	150
1851–1860	62,5	33,0	68,3	60,7	60,0	61,7	101,7	397	154
1861–1870	69,5	44,5	64,4	66,0	65,7	58,5	88,6	431	134
1871–1880	77,8	61,0	62,7	73,3	73,0	64,1	87,5	479	133
1881–1890	80,2	67,4	74,2	77,8	77,7	56,1	72,1	508	109
1891–1900	75,3	73,9	77,6	75,6	75,6	66,5	88,0	494	133
1901–1910	83,0	83,3	91,3	84,6	84,6	79,3	93,8	553	142
1911–1913	96,2	95,4	99,1	96,7	96,7	94,5	97,7	632	148
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0***	100.0	654	152

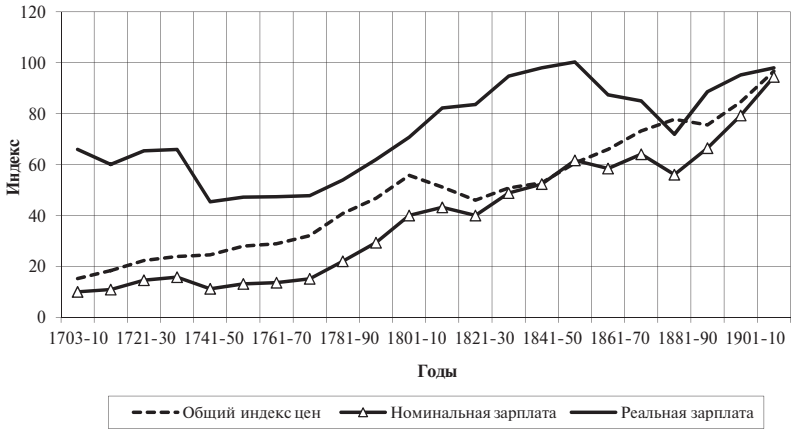
Примечания: *А — по формуле средней взвешенной арифметической, Б — по формуле средней взвешенной геометрической.

** При расчете использовался общий индекс цен, рассчитанный по формуле средней взвешенной арифметической.

*** Средняя номинальная поденная зарплата плотников в 1913 г. составляла 124,8 коп.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Рис 9.1. **Динамика цен и зарплаты в С.-Петербурге в 1703–1913 гг. (1913 г. =100)**



Источники: Табл. 9.5.

С началом российской революции цен европейский рынок и западноевропейская культура пришли в Россию и стали ее трансформировать на свой лад, и процесс этот также продолжается до сих пор. До XVIII в. глубина охвата России и других европейских стран различными социальными, экономическими, культурными и политическими процессами существенно различалась. Например, закрепощение населения в России, как нигде, было всеобъемлющим и глубоким; наоборот, урбанизация, индустриализация, распространение грамотности, секуляризация массового общественного сознания даже к 1917 г. не успели глубоко захватить российское общество. Ренессанс, Реформация, Контрреформация и научно-техническая революция XVII–XVIII вв. либо обошли Россию стороной, либо затронули ее поверхностно. Только в XVIII в. Россия по-настоящему присоединилась к остальной Европе и стала составлять вместе с ней единое культурное, экономическое и информационное пространство, испытывать те же процессы и явления, происходившие там, правда, все равно с известным опозданием и иной интенсивностью.

Синхронность в движении цен в России и на Западе может служить хорошим индикатором интенсивности контактов между ними. До XVIII в. в их динамике не наблюдалось никакой согласованности. Революция цен, постепенно охватывавшая Европу в XVI–XVII вв. с запада на восток, включая Прибалтику, Польшу, Скандинавские страны и Австрию, остановилась у российской границы. В результате асинхронного изменения цен в течение нескольких столетий на рубеже XVII–XVIII вв. индекс цен, выраженных в граммах серебра или золота, в России оказался примерно в 5–6 раз ниже, чем в ведущих западноевропейских странах,— вот реальный показатель уровня контактов. Экономические связи между Россией с Западом являлись совершенно недостаточными для включения страны в мировой рынок, а ведь они были намного интенсивнее, чем культурные контакты. Отсюда очевидно, как мало общалась Россия с остальной Европой до XVIII в. в экономическом, да и других отношениях также. Зато в следующем столетии в России наблюдался компенсационный рост. Повышение цен в XVIII — начале XIX в. оказалось более значительным, чем на Западе

за несколько предыдущих столетий, благодаря чему разрыв в ценах сократился до двукратного. В следующем столетии цены в России и остальной Европе колебались согласованно, разрыв между ними на рубеже XIX–XX вв. сократился до возможного минимума и составлял всего 20–30% — до величины транспортных издержек: твердое доказательство того, что Россия вполне интегрировалась в мировую экономику. Таким образом, согласованность в динамике российских и западноевропейских цен является тестом на интенсивность всех вообще связей между Россией и Западом: она свидетельствует о незначительности контактов до XVIII в., их бурном, компенсационном росте в XVIII в., об их успешном развитии вплоть до Первой мировой войны, о начале интеграции России в Европу с XVIII в. и о ее включенности в мировой рынок и мировой культурный процесс с XIX в.[33] Сравнение хлебных цен в России и Западной Европе хорошо этот процесс показывает (табл. 9.6).

Таблица 9.6

Соотношение цен на хлеб в России и Западной Европе в XVII–XIX вв.
(в граммах золота: цены в России = 100)

	1651–1700 гг.	1701–1750 гг.	1751–1800 гг.	1801–1850 гг.	1891–1910 гг.
Рожь	661	507	316	248	127
Овес	556	482	308	237	130
Пшеница	423	357	225	170	109
Ячмень	700	511	304	234	126
В среднем	585	464	288	222	123

Источники: Миронов Б. Н. (1) Революция цен. С. 54; (2) Хлебные цены. С. 111.

В течение XVIII в. цены трех групп товаров изменялись более или менее согласованно, но с начала XIX в. стала нарастать асинхронность. К 1913 г. по сравнению с 1801–1810 гг. цены увеличились на одежду, обувь и белье в 1,34 раза, на продукты питания — в 1,77 раза, а на лесные материалы, продукты их обработки и бортничества, товары кустарного производства, формировавших в основном группу товаров под условным названием «жилище», — воск, деготь, дрова, канаты, мыло, пенька, поташ, свечи — в 2,9 раза. Эти различия в росте цен, скорее всего, объясняются тем, что до начала XIX в. производительность труда в разных отраслях народного хозяйства изменялась достаточно равномерно, а с приходом промышленной революции — сильно асинхронно. Одежда, обувь и белье к 1913 г. стали производиться в основном на фабриках и доставляться потребителю на паровом транспорте, вследствие чего подешевели. Производство же продовольствия было затронуто технологической революцией намного слабее, чем промышленность, соответственно и производительность труда там повысилась в меньшей степени. Но благодаря железным дорогам и пароходам доставка тяжелых сельскохозяйственных товаров существенно подешевела. Вследствие этого цены на сельскохозяйственные товары выросли больше, чем на промышленные, но скромнее, чем на лесные и кустарные. Изготовление последних почти не испытало промышленной революции, а их транспортировка, в особенности леса и дров, которые по-прежнему в основном сплавлялись по рекам, — лишь в слабой степени. Поэтому производительность труда в этой

отрасли повысилась в минимальной степени. Отсюда и максимальный рост цен на эти товары. Динамика цен на отдельные товары, таким образом, проливает дополнительный свет на важные перемены в характере труда в разных отраслях народного хозяйства.

В контексте проблемы благосостояния кардинальное значение имеет влияние цен на заработную плату. Как видно из табл. 9.5, номинально зарплата плотников за 210 лет повысилась почти в 9,4 раза, а реально, с поправкой на инфляцию, — всего в 1,5 раза. Если говорить о *динамике*, то в самом общем виде можно сказать: почти 40 лет, 1703–1740 гг., реальная зарплата в целом находилась на уровне начала XVIII в. В 1740-е гг. она понизилась на 30%. и на этой отметке держалась 30 лет, до 1770-е гг. С 1780-х гг. происходило повышение зарплаты, но и в 1791–1800 гг. она приблизилась, но все же немногим не достигла уровня 1703–1710 гг.

В первой половине XIX в., вплоть до Крымской войны, реальная зарплата росла и в 1850-е гг. в 1,5 раза превысила уровень 1703–1710 гг. Затем в течение трех десятилетий, 1861–1890 гг., она понизилась в 1,4 раза, почти приблизившись к отметке начала XVIII в., но в последующие годы, вплоть до 1914 г., вновь выросла в 1,4 раза.

В итоге реальная зарплата в XVIII в. колебалась, но почти всегда была ниже начальной отметки; только в 1801–1810 гг. она возвратилась к уровню 1703–1710 гг. и в течение всей первой половины XIX в. превышала его на 25–54%. В пореформенное время зарплата была ниже, чем в середине XIX в., и только к 1913 г. достигла уровня середины XIX в. — кануна Великих реформ. Колебания зарплаты, антропометрических показателей и качества питания проходили достаточно согласованно.

Наполним сухие цифры индекса цен и зарплаты конкретным содержанием и ответим на вопрос, что можно было купить на среднюю зарплату рабочего? В табл. 9.7 и рис. 9.2 включены цены немногих важнейших товаров, составлявших основу потребления в изучаемое время. Как видим, в 1913 г. на зарплату плотника можно купить всех товаров, кроме молока, больше, чем в XVIII веке, а сравнительно с 1853 г. продуктов растительного происхождения: муки, крупы, масла постного, меда, сахара, а также яиц — больше, а продуктов животного происхождения: говядины и масла коровьего, и, кроме того, рыбы и водки — меньше. Напомню, сахар в XVIII и первой половине XIX в. являлся роскошью (вместо него трудовой народ употреблял мед), а сухие снетки широко использовались для приготовления супа.

Таким образом, в 1913 г. сравнительно с 1850-ми гг. дорогих продуктов, богатых животными белками, можно было купить меньше, а дешевых хлебных продуктов — больше. Это объясняет, почему в рационе крестьян, проживавших в деревне, и горожан в пореформенное время доля хлебных продуктов несколько увеличилась, а мясных и молочных на столько же сократилась: относительное подорожание продуктов животноводства изменило структуру потребления, тем более что люди, занятые физическим трудом, хлеб предпочитали мясной и молочной пище. Если вес всех продуктов, которые можно купить на зарплату, принять за ее покупательную силу в отношении продовольственных товаров, тогда получается: в 1913 г. реальное значение зарплаты в 2 раза весомее, чем в 1711–1714 гг., на треть больше, чем в 1801–1810 гг., и практически равно уровню 1850-х гг.

Таблица 9.7

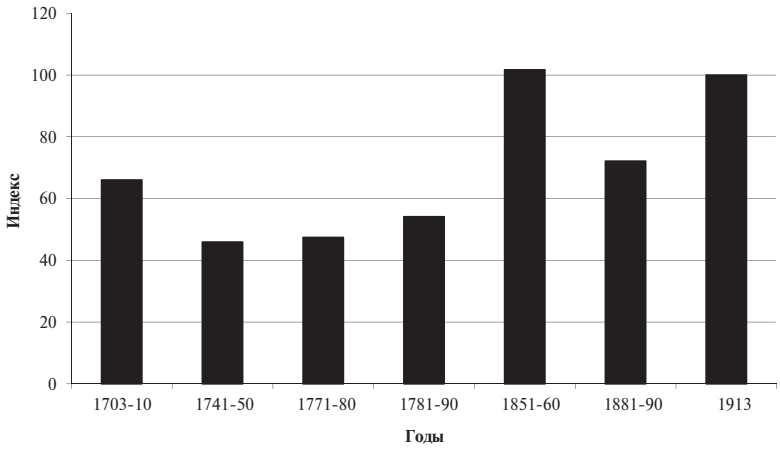
Покупательная способность средней месячной зарплаты плотника в С.-Петербурге в 1711–1913 гг. *

Товар	Единица измерения	1711–1714 гг.	1761–1770 гг.	1801–1810 гг.	1853 г.	1913 г.
Мука ржаная	кг	156	237	489	644	763
Мука пшеничная	кг	72	110	236	324	373
Крупа гречневая	кг	128	194	280	501	516
Говядина	кг	122	107	157	152	135
Масло постное	кг	48	52	114	141	145
Масло коровье	кг	31	33	74	78	37
Молоко	литр	490	185	—	217	182
Мед	кг	62	27	81	99	144
Сахар	кг	7	10	18	41	129
Снетки	кг	65	61	172	149	77
Рыба	кг	77	53	–	117	92
Яйца*	кг	71	51	50	42	88
Водка	литр	33	22	100	76	70
Итого продуктов	кг	1 362	1 142	1 771	2 580	2 752
Сапоги	пара	9	5	13	11	17
Башмаки	пара	9	10	24	20	31
Полотно льняное	метр	61	55	116	176	101
Сукно сермяжное	метр	43	43	–	117	96

Примечание: * Вес десяти яиц принят за 600 грамм.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Рис. 9.2. **Покупательная сила зарплаты плотника в С.-Петербурге в 1703–1913 гг. (продовольственные товары, 1913 г. =100)**

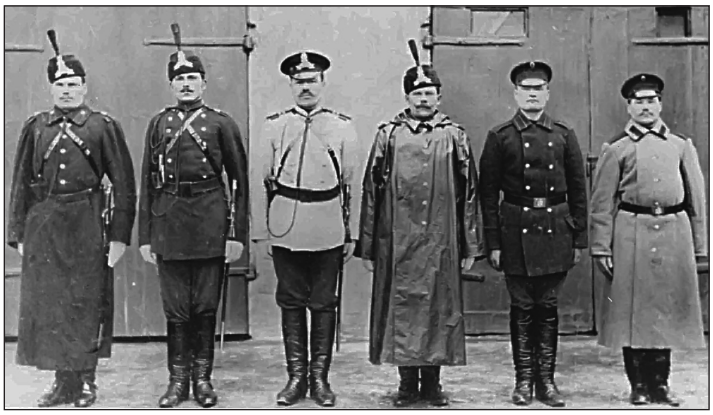


Источники: Табл. 9.7

Насколько выводы, полученные на примере плотников, можно распространить на других работников наемного труда, другими словами, как соотносилась зарплата плотников и представителей других профессий? В целом за 1853–1910 гг. средняя поденная зарплата плотника средней квалификации составляла 106 коп., а шести важнейших строительных профессий — плотника, каменщика, маляра, слесаря, столяра и штукатура — 117 коп., или на 10% больше, а чернорабочего — 71 коп., или на 33% меньше[34]. Средняя зарплата в промышленности чаще всего определялась помесячно, а исследователями вычислялась погодно. Для перевода на поденную оплату необходимо знать число рабочих дней (в месяце и году). По моим ориентировочным подсчетам, в 1885 г. оно равнялось приблизительно 264, в 1904 г. — 268, в 1913 г. — 257[35]. Исходя из среднегодовых заработков[36], можно предположить: в 1885–1913 гг. средняя поденная оплата петербургских *вольнонаемных* фабрично-заводских рабочих была на 18–26% ниже, чем у плотников-строителей, а у чернорабочих в промышленности — на 15% меньше, чем в строительстве. Однако по годам и, в особенности, по десятилетиям оплата труда в строительстве и промышленности изменялась достаточно синхронно: с 1720–1729 по 1911–1913 гг. у первых номинально выросла в 5,5 раза, у вторых — в 6,4 раза. Это объясняется тем, что *поденная* оплата быстро реагировала на экономическую конъюнктуру, в то время как фиксированная зарплата у постоянных рабочих — с опозданием по отношению к инфляции. Кроме того, на протяжении всего периода империи Петербург бурно развивался, в городе существовал повышенный спрос на строителей, что поддерживало их зарплату на более высоком уровне сравнительно с другими категориями рабочих. Таким образом, в XVIII — начале XX в. реальная зарплата у плотников-строителей была на 15–26% выше, чем у других категорий рабочих, но ее изменения у всех происходили синхронно. Следовательно, выводы, полученные на основе анализа зарплаты петербургских плотников, в принципе могут быть распространены на всех вольнонаемных рабочих.

Казенные рабочие, сравнительно с теми, кто работал на частных предприятиях, обладали рядом привилегий — пенсиями, медицинским обслуживанием, пайком; обеспечивались жильем, землей, дровами и продуктами питания по льготным расценкам; имели возможность содержать подсобное хозяйство и скот, что служило важным подспорьем в питании. В случае ухудшения условий труда и жизни они апеллировали к властям, и их требования, как правило, находили понимание.

Однако рабочие — это далеко не все работники наемного труда и тем более не все жители Петербурга. В 1857 г., накануне Великих реформ 1860-х гг., число всех людей, работавших временно или постоянно по найму, достигало 200 тыс. — 40% от всех жителей столицы (495 тыс.). Из них около 50 тыс. являлись строителями и лишь 19 тыс. — промышленными рабочими. Заработки у перечисленных категорий и плотников различались не принципиально. Кроме того, дворовые крестьяне (56,5 тыс.), канцеляристы, церковнослужители (псаломщики, звонари, чтецы и пр.), солдаты и унтер-офицеры (41 тыс.), с точки зрения питания, одежды и жилищных условий, мало отличались от квалифицированных рабочих. Положение мещан (48,3 тыс.) и цеховых (10,8 тыс.) было лучше, но не принципиально. И только классные чиновники (около 30 тыс.), купцы (9,7 тыс.), иностранцы (11,8 тыс.), священники, не служащие помещики, офицеры — всего 50–60 тыс. чел., или 10–12% горожан[37], имели более высокие жизненные стандарты.



Петербургские городовые. 1900-е гг. Фото

В пореформенную эпоху социальная структура столичного населения изменилась и к 1900 г. приняла следующий вид: 631 тыс., или 50,6% общей численности (1248 тыс.), составляли лица, занятые в промышленности, на транспорте и в торговле, и члены их семей, из них 442 тыс. — собственно рабочие, в том числе 260 тыс. — фабрично-заводские[38]. Все они имели зарплаты, сопоставимые с плотницкими. Буржуазия (7,8%) и менеджеры (1,8%), лица свободных профессий (5,3%), рантье (3,2), чиновники (5,3%), офицеры и священники (0,6%) — всего около 24% всех жителей[39] получали более высокие доходы.

Революция цен имела серьезные последствия, сказавшись прежде всего на доходах трудящихся Петербурга. Анализ динамики реальной зарплаты приводит к сенсационным выводам. В «золотом» XVIII в. рабочие люди жили хуже, чем в «железном» XIX в. и «серебряном» начале XX в. Всю первую половину XIX в. — во время так называемого кризиса крепостничества — зарплата непрерывно росла и своего максимума достигла в 1850-е гг. г. — накануне отмены крепостного права и других буржуазных реформ. В это время она была на 67% выше, чем в 1703–1710 гг. С приходом в страну капитализма зарплата пошла вниз и в точке наибольшего падения, в 1880-е гг., упала на треть. С 1890-х гг., в период так называемого кризиса самодержавия, или системного кризиса, как до сих пор этот период характеризуется во многих учебниках истории, зарплата повышалась и к 1913 г. вновь, как в 1850-е гг., достигла своего максимума за весь период империи, превысив уровень 1703–1710 гг. на 67%. Таким образом, накануне Первой мировой войны, после первого этапа строительства капитализма покупательная сила средней зарплаты в Петербурге достигла дореформенного, т. е. крепостнического уровня.

9.3. Динамика цен и зарплаты в России в XVIII — начале XX в.

Можно ли распространить выводы о динамике реальной заработной платы в столице на всю Россию? Хотя положение рабочего класса являлось важнейшей и популярнейшей темой советской историографии, последняя не дала четкого ответа на вопрос, как изменялась его реальная зарплата, ни в XVIII в., ни в первой

половине XIX в., ни даже в пореформенный период в целом. В то же время аксиомой почти всех работ о рабочем классе был тезис об ухудшении его положения в период империи. Попробуем обобщить имеющуюся литературу и получить ответ на поставленный вопрос.

По подсчетам С. Г. Струмилина, номинальная зарплата металлургов России с 1726 по 1860 г. постоянно увеличивалась и к 1860 г. возросла в 2,81 раза, а реальная, в переводе на хлеб, непрерывно уменьшалась и к 1860 г. упала в 1,5 раза[40]. Однако, если учесть изменение индекса потребительских цен, реальная зарплата в XVIII в. понизилась почти в 3 раза, но в первой половине XIX она росла и к 1860 г. достигла уровня первой четверти XVIII в. (табл. 9.8).

Таблица 9.8

Заработная плата рабочих в черной металлургии (в руб. сер.)

Годы	Номинальная годовая плата	Номинальная поденная плата	Годы	Индекс хлебных цен	Индекс потребительских цен*	Реальная зарплата**	Индекс реальной зарплаты
1713–1720	–	–	1713–1720	100	100	–	–
1726	27,2	0,109	1721–1730	146	123	22,1	100
1766	25,3	0,101	1761–1770	177	157	16,1	73
1791–1800	20,1	0,080	1791–1800	380	252	7,9	36
1829	28,6	0,114	1821–1830	334	248	11,5	52
1847	42,2	0,169	1841–1850	437	312	13,5	61
1860	76,5	0,306	1851–1860	508	337	22,7	103

Примечания: * В С.-Петербурге.

**По индексу потребительских цен в С.-Петербурге.

Источники: Герман И. Ф. Сочинение о сибирских рудниках и заводах. Ч. 2. СПб., 1798. С. 19–23, 49–58; *Кривоногов В. Я.* Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. Свердловск, 1959. С. 104–105; *Миронов Б. Н.* Хлебные цены. С. 54–55, 112; *Панкратова А. М.* Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). М., 1963. С. 457; *Струмилин С. Г.* История черной металлургии. Т. 1. С. 385, 388–389.

Металлурги. 1880-е гг. Фото

Компетентный российский экономист М. И. Туган-Барановский в ходе тщательного анализа выяснил: в текстильной промышленности Нечерноземного центра с начала XIX в. и до отмены крепостного права реальная зарплата существенно выросла, благодаря чему «николаевская эпоха являлась временем сравнительно высокой заработной платы»[41]. Автор, правда, не согласился с А. Гакстгаузеном, утверждавшим: «Нет страны, где бы заработная плата относительно стоимости предметов первой необходимости была так высока, как в России»[42], хотя и признал факт сравнительной высоты зарплаты российских рабочих. С 1860-х и до середины 1880-х гг., по расчетам Туган-Барановского, произошло ее понижение на 20–30%, а вторая половина 1880-х и 1890-е гг. отмечены примерно таким же повышением[43].

Другой знаток положения трудящихся в XVIII–XIX вв., В. И. Семевский, показал: реальная зарплата текстильщиков, занятых на тех же самых фабриках, в 1880-е гг. была на 80% выше, чем в 1800-е гг., когда они относились к категории посессионных. В этот период повысилась также и реальная оплата вольнонаемного труда, правда, в меньшей степени[44]. Семевский же установил, что реальная зарплата рабочих на сибирских золотых промыслах в 1880-е гг. повысилась сравнительно с 1840-ми гг.[45] Таким образом, как по моим расчетам, так и по подсчетам известных дореволюционных экспертов, реальная зарплата рабочих в дореформенное время росла, в 1860 — начале 1880-х гг. снижалась, а затем вновь стала увеличиваться. Такой же выглядит ее пореформенная динамика в оценке известного экономиста С. А. Первушина[46].

О положении пролетариев в последние 25 лет существования империи мы имеем достаточно источников для надежных выводов. В Костромской, Московской и Владимирской губерниях номинальная зарплата в 1913 гг. возросла на 40–56%[47], а реальная — на 10–20% сравнительно с первой половиной 1880-х гг. Увеличение замечено с конца 1880-х гг.[48] Годовая заработная плата рабочих, находившихся под надзором фабричной инспекции, с 1897 по 1913 г. выросла с 187 до 264 руб. — на 41%[49], а индекс петербургских потребительских цен — на 27%, значит, реальная зарплата поднялась за 16 лет на 11%, причем во всех отраслях и во всех губерниях, в Петербурге несколько больше, чем в провинции (табл. 9.9).

Таблица 9.9

Средняя годовая заработная плата рабочих России на предприятиях с числом рабочих более пятнадцати в 1897–1913 гг.

Производство и фабричный округ	Число рабочих, тыс.		Средняя годовая зарплата, руб.			
	1897 г.	1913 г. **	1897 г.	1900 г.	1908 г.	1913 г.
Обработка хлопка	294,0*	550,9	155,1	164,6	214,3	215,0
Обработка шерсти	134,6*	124,4	158,7	168,1	227,1	210,0
Обработка шелка	37,1*	25,9	137,3	155,4	194,9	208,0
Обработка льна	50,3*	96,0	133,2	130,4	169,3	192,0
Смешанное производство	27,4**	29,5	—	214,2	267,4	209,0

Таблица 9.9 (окончание)

Производство и фабричный округ	Число рабочих, тыс.		Средняя годовая зарплата, руб.			
	1897 г.	1913 г. **	1897 г.	1900 г.	1908 г.	1913 г.
Бумажное и полиграфическое	46,1	62,6	122,0	204,3	298,8	261,0
Обработка дерева	75,1	62,7	194,0	207,6	226,4	249,0
Обработка металлов	214,3	293,1	282,0	338,2	377,7	402,0
Обработка минеральных веществ	143,3	106,1	174,0	204,2	217,1	261,0
Обработка животных продуктов	63,1	31,2	193,0	190,8	244,0	303,0
Обработка пищевых и вкусовых веществ	85,9	173,4	173,0	181,5	219,3	189,0
Химическое	20,7	77,5	222,0	251,4	320,1	249,0
Итого	1 191,9	1 633,3	187,0	207,0	249,5	264,0
Петербургский округ	245,1***	366,4	–	273,0***	322,9	339,3
Московский округ	473,0***	653,4	–	175,3***	209,8	219,0
Варшавский округ	191,9***	233,6	–	223,9***	298,6	302,4
Киевский округ	125,3***	137,7	–	127,2***	179,6	196,9
Поволжский округ	68,9***	80,9	–	211,7***	199,7	231,6
Харьковский округ	118,1***	185,4	–	191,7***	256,7	286,3
Итого	1 222,3	1 657,4	–	202,9	244,7	263,6

Примечания: * На всех предприятиях.

** По своду отчетов фабричных инспекторов.

*** 1901 г.

Источник: Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих. С. 103–104, 108–109.

Переходим к оплате труда в сельском хозяйстве. Вырабатывая условия отмены крепостного права, губернские редакционные комиссии в 1850-е гг. оценили среднюю поденную плату сельскохозяйственного рабочего в 30 коп. для всей Европейской России[50]. Однако такой высоты оплата труда достигала только *в степных и прибалтийских губерниях в летнюю пору*; в остальных местностях она в летний период была ниже: Новгородской — 16, Минской и Симбирской — 18 коп., Самарской — 19 коп., Витебской — 20, Владимирской и Гродненской — 23, Тверской — 25, Костромской — 27, Курляндской — 38 коп., Херсонской — 40 коп.[51] В первые 10 лет после отмены крепостного права зарплата стала быстро расти. В 1870-е гг. в 50 губерниях Европейской России она равнялась 49,5 коп., следовательно, сравнительно с 1850-ми гг. поднялась номинально на 65%. Причем основной прирост приходился на 1860-е гг., о чем говорит следующий расчет: на конец 1860-х — начало 1870-х гг. имеются сведения по 40 губерниям о годовой плате (при получении содержания от хозяина, или «на хозяйских харчах»), которая в 1870-е гг. по этим же 40 губерниям увеличилась с 50 до 55 руб. или на 10%[52]. Отсюда следует: в 1860-е гг. зарплата рабочих реально возросла примерно на 50%. В 1880-е гг. она понизилась на 4%, а в 1890-е гг. повысилась на 6%, в 1901–1914 гг. — еще на 30%. Таким образом, реальная плата батраков в 1860-е гг. сравнительно с 1850-ми гг. поднялась в 1,5 раза, затем на 30 лет, в 1870–1890-е гг., практически законсервировалась, в 1901–1914 гг. возросла в 1,3 раза, а в целом за пореформенное время — почти удвоилась (табл. 9.10).

Таблица 9.10

Средняя поденная оплата сельскохозяйственного рабочего в России в 1871–1914 гг. (в коп.)*

Район	Поденная плата весной и летом			Поденная плата весной, летом, осенью		
	1871–1880 гг.	1881–1890 гг.	1891–1900 гг.	1891–1900 гг.	1901–1910 гг.	1911–1914 гг.
Север и Северо-Запад	55	57	62,0	63,7	76,5	103,5
Приуральский	44,5	41,5	44,0	48,2	62,7	76,8
Приволжский	43,5	44,3	42,4	45,4	60,7	73,3
Центрально-земледельческий	39	43,5	45,0	49,9	63,2	79,2
Центрально-промышленный	49	55	60,0	63,6	78,7	102,4
Прибалтийский	60,5	62,5	65,0	66,7	82,2	119,1
Белорусско-Литовский	42,5	44,5	45,0	46,6	61,6	89,9
Левобережная Украина	40	42	40,0	52,8	68,1	94,5
Правобережная Украина	42	43,5	44,5	42,9	51,4	69,4
Новороссийский	73,7	69,2	67,0	69,5	85,1	103,8
50 губерний	49,5	50,5	52,0	55,0	69,1	92,0
Базисный индекс номинальной поденной платы в 50 губерниях (1871–1880 гг. = 100)	100	102	105	–	–	–
Базисный индекс номинальной поденной платы в 50 губерниях (1891–1900 гг. = 100)	–	–	–	100	126	167
Базисный индекс потребительских цен (1871–1880 гг. = 100)	100	106	103	103	115	132
Базисный индекс потребительских цен (1891–1900 гг. = 100)	–	–	–	100	112	128
Базисный индекс реальной поденной платы в 50 губерниях (1871–1880 гг. = 100)	100	96	102	–	–	–
Базисный индекс реальной поденной платы в 50 губерниях (1891–1900 гг. = 100)	–	–	–	100	113	130
Базисный индекс реальной поденной платы в 50 губерниях (1871–1880 гг. = 100)	100	96	102	102	115	133

Примечание: * Денежная плата пешему взрослому рабочему-мужчине на своем содержании.

Источники: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 г. благосостояния сельского населения. СПб., 1903. Ч. 1. С. 233–237; *Дроздов И. Г.* Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л., 1930. С. 44–47.

Как видим, движение заработной платы у сельскохозяйственных и промышленных рабочих в пореформенное время не отличалось согласованностью: в 1860-е гг. у первых она выросла, а у вторых понизилась, в 1870-е гг. у первых — росла, у вторых — снижалась, но с 1890-х гг. колебания стали синхронными. Следующее отличие состояло в том, что зарплата у промышленных рабочих в целом за 53 пореформенных года практически не изменилась, а у сельскохозяйственных увеличилась к 1914 г. почти в 2 раза сравнительно с 1850-ми гг.

Почему динамика оплаты труда в промышленности и сельском хозяйстве отличалась своеобразием и почему антропометрические показатели рабочих, несмотря на понижение реальной зарплаты в 1860–1870-е гг., улучшились? На первый

вопрос, на мой взгляд, правильно ответил М. И. Туган-Барановский. По его мнению, после отмены крепостного права в деревне появились лишние руки (вследствие разрушения старинных бытовых условий русского хозяйственного строя, деградации кустарных промыслов под влиянием крупных фабрик, имущественной дифференциации крестьянства, уменьшения земельной обеспеченности и исчезновения во многих местностях подсобных заработков), искавшие применения в промышленности. Однако до середины 1880-х гг. спрос на труд со стороны крупной промышленности отставал от предложения, а затем стал его обгонять, соответственно сначала реальная зарплата падала, а затем повышалась[53]. Действительно, ввиду возрастания численности крестьян избыток рабочей силы в деревне достигал по преувеличенным оценкам современников к 1901 г. — 23 млн, к 1914 г. — 32 млн или 52% и 56% от всего наличного числа работников в деревне[54]. По этой причине они активно искали работу на стороне, о чем говорит рост числа отходников на 100 душ обоего пола с 1861–1870 гг. по 1906–1910 гг. в 4,3 раза — с 1,4 до 6 (табл. 9.11).

Стекольщики. С.-Петербург. 1913 г. Фото

Доля отходников среди трудоспособного населения деревни возросла с 2,8 до 12% (принимая, что процент работников среди крестьян в возрасте 18–59 лет равнялся около 51%)[55]. Если увеличение числа рабочих отражает спрос на труд, а рост числа отходников — ее предложение, то в 1799–1859 гг. существовал спрос на рабочих, но его удовлетворение сдерживалось крепостным правом и слабым развитием отходничества. Соответственно реальная зарплата росла и постепенно стала высокой. Спрос на труд со стороны промышленности в 1861–1870 гг. упал, а затем начал медленно расти, причем в 1870–1880-е гг. средние темпы прироста числа пролетариев были меньше, чем в любом десятилетии первой половины XIX в., в то время как предложение рабочей силы росло, особенно в 1870-е гг. Соответственно реальная зарплата понижалась. Со второй половины 1880-х гг. спрос на труд стал повышаться, и своего апогея достиг в 1890-е гг. Правда, и предложение со стороны крестьянства возрастало, поэтому и рост зарплаты был умеренным. В 1901–1913 гг. спрос на рабочую силу оставался высоким, соответственно увеличение зарплаты за 13 лет оказалось наибольшим, чем за любое десятилетие XIX в., кроме 1810-х гг., вследствие существенного сокращения предложения труда (табл. 9.11). Важным фактором роста зарплаты явилась также революция 1905–1907 гг.[56]

Оплата труда в сельском хозяйстве имела свою специфику, хотя также определялась соотношением спроса и предложения. Почему в 1860-е гг. зарплата сильно возросла? Ввиду отмены частновладельческого крепостного права значительная часть крестьянства (к 1 января 1863 г. 68,6%)[57] перешла на выкуп, и помещики, лишившись рабочих рук, вынужденно прибегли к услугам наемных работников.

Это и привело к росту цен на труд[58]. Увеличение зарплаты варьировало по губерниям: в глухих местностях, где отсутствовали крупные города и промышленные предприятия, оно оказалось минимальным[59]; и наоборот, вблизи больших городов и дорог, где существовал спрос на труд со стороны промышленности и/или имелась возможность найти другие дополнительные заработки, рост зарплаты был максимальным[60]. И чем выше был спрос, тем больше поднялась зарплата[61].

Таблица 9.11

Число рабочих, занятых в крупной промышленности, и число взятых паспортов на 100 душ обоего пола в 50 губерниях Европейской России в 1770–1913 гг.

Годы	Среднегодовое число рабочих, тыс.	Интервал	Средний темп роста числа рабочих,%	Паспортов на 100 душ населения	Средний темп роста числа паспортов,%
1770	70,0*	–	–	–	–
1799	81,7*	1770–1799	0,53	–	–
1804	95,2*	1799–1804	3,11	–	–
1811–1820	167,7*	1804–1815	5,05	–	–
1821–1830	208,0*	1815–1825	2,18	–	–
1831–1840	338,3*	1825–1835	4,98	–	–
1841–1850	485,0*	1835–1845	3,67	–	–
1851–1860	521,8*	1845–1855	0,73	–	–
1861–1870	451,9*	1855–1865	–1,45	–	–
1861–1870	799,7**	–	–	1,4	–
1871–1880	945,6**	1865–1875	1,69	2,7	6,79
1881–1890	1 160,1**	1875–1885	2,07	3,0	1,06
1891–1900	1 637,6**	1885–1895	3,51	5,3	5,86
1900–1913***	2 564,3**	1895–1907	3,81	6,0	1,04

Примечания: * Фабрично-заводская промышленность.

** Фабрично-заводская и горнозаводская промышленность.

*** Вся Россия.

Источники: Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России: Статистико-экономические очерки. М., 1940. С. 23, 127; *Яцунский В. К.* Крупная промышленность России в 1790–1860 гг. //Очерки экономической истории России первой половины XIX в./М. К. Рожкова (ред.). М., 1959. С. 166; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии. Ч. 1. С. 222–227; *Минц Л. Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925. С. 16–24.

Динамика зарплаты у сельскохозяйственных и промышленных рабочих в 1870–1890-е гг. обусловливалась общей причиной — значительным предложением труда со стороны крестьян ввиду быстрого увеличения населения. Но если в промышленности зарплата упала, то сельском хозяйстве осталась практически без изменения. Следствием этого стало выравнивание в пореформенные годы зарплаты в городе и деревне, в промышленности и сельском хозяйстве, так же как и в различных губерниях. Свобода передвижения, массовые миграции, развитие коммуникаций, беспрепятственная циркуляция коммерческой информации, возникновение бирж труда способствовали тому, что крестьяне знали о величине зарплаты на разных работах в различных отраслях и научились защищать свои интересы. При выполнении сельскохозяйственных работ они не соглашались на зарплату, если она существенно уступала той, которую предлагали промыш-

ленность, транспорт, сфера услуг или сельское хозяйство в других местностях[62]. До отмены крепостного права труд в сельском хозяйстве (из-за слабого на него спроса) оплачивался намного хуже, чем в промышленности, даже на предприятиях, расположенных в сельской местности. К сожалению, общероссийских данных на этот счет нет, поэтому приходится ограничиться отдельными губерниями. В Ярославской и Нижегородской губерниях в 1850-е гг. батрак на хозяйском содержания зарабатывал за 6,5 весенне-летних месяцев, с 23 апреля по 8 ноября (юлианского стиля), около 18 руб. серебром, а строительные рабочие (штукатуры, маляры, каменщики, печники) за 5,5 месяцев, с мая до половины сентября), работавшие в ближайших городах губернии, — 24 руб.[63], в переводе на месяц — в 1,6 раза больше. В Московской губернии фабричный рабочий в год зарабатывал 75 руб., батрак в деревне 50 руб.[64] — в 1,5 раза меньше, во Владимирской годовая зарплата строительных рабочих равнялась 55 руб., сельскохозяйственных — 30 руб.[65], или в 1,8 раза ниже, в Самарской — соответственно 26 руб. и 35 руб., или в 1,3 раза меньше[66]. В последующем различия в оплате труда стали нивелироваться. Сведем собранные данные в табл. 9.12.

Таблица 9.12

Средняя поденная оплата промышленного и сельскохозяйственного рабочего в Европейской России в 1850–1913 гг. (в номинальных копейках)

	1850-е гг.	1870-е гг.	1880-е гг.	1890-е гг.	1900-е гг.	1911–1913 гг.
Сельскохозяйственного рабочего, мужского пола	23,5*	52,4	53,4	55	69,1	92
Сельскохозяйственного рабочего, женского пола	15	33	35,3	36,3	44,7	55,8
Промышленного рабочего, оба пола	77**	80**	70**	68–77	86	99–113
Промышленного рабочего, мужского пола	83	86	76	79	93	114
Промышленного рабочего, женского пола	42	43	38	39	46	57

Примечания: * По 11 губерниям: Витебской, Владимирской, Гродненской, Костромской, Курляндской, Минской, Новгородской, Самарской, Симбирской, Тверской, Херсонской.

** Оценка по индексу номинальной зарплаты рабочих в С.-Петербурге; за базу отсчета принята номинальная зарплата рабочих в Европейской России в 1890-е гг.

Источники: Струмилин С. Г. Динамика поденной платы за 1882–1916 гг. //*Струмилин С. Г.* Избранные произведения: В 5 т. М., 1963. Т. 3. С. 276; *Рашин А. Г.* Формирование промышленного пролетариата. С. 202. См. также сноску 52 и примечания к табл. 9.10 и 9.11.

В 1850-е зарплата у мужчин, занятых в промышленности, была примерно в 3,5 раза выше, чем у занятых в сельском хозяйстве, в конце XIX в. — 1,4 раза, в 1911–1913 гг. — 1,2 раза. Еще более существенно сократилось различие в оплате женского труда в сельском хозяйстве — с 2,8 раза в 1850-е гг. до 2% в 1911–1913 гг.[67] При всей ориентировочности исходных данных, можно уверенно сказать: дифференциация в оплате труда в промышленности и сельском хозяйстве и между женщинами и мужчинами существенно уменьшилась. Именно в силу этого динамика оплаты труда в промышленности и сельском хозяйстве оказалась существенно иной — в индустрии она возросла лишь в 1,37 раза, а в аграрном секторе — в 3,9 раза[68].

Петербургские молочницы. 1900-е гг. Фото

Теперь ответим и на второй вопрос: почему антропометрические показатели у мужчин и женщин, в том числе и фабрично-заводских рабочих, несмотря на понижение реальной зарплаты в 1860–1880-е гг., улучшились? Напомним: средний рост мужчин с 1866–1870 по 1911–1915 гг. увеличился на 4,3 см, а вес — на 5 кг (табл. 6.1 и 6.4 в Главе 6). Наемным трудом в России занималось относительно немного людей. По переписи 1897 г. во всем населении России в возрасте 15 лет и старше на долю лиц, для которых наемный труд являлся *главным* занятием, приходилось всего 11,8%, в том числе на долю занятых в промышленности — 4,2%, в сельском хозяйстве — 3,5%, в остальных отраслях — 4,1%[69]. Разумеется, имелось еще немалое число лиц, продававших свой труд ради побочного, дополнительного заработка, но считать их наемными рабочими вряд ли корректно[70]. В советской историографии, следовавшей примеру В. И. Ленина, существовала тенденция переоценивать силу пролетариата, поэтому его численность, как правило, завышалась. Например, А. Г. Рашин насчитал в 1860 г. 3960 тыс., а в 1913 г. — 17 815 тыс. лиц наемного труда[71]. Принимая долю лиц в возрасте 15 лет и старше во всем населении по переписи 1897 г. за 61,55%[72], процент рабочих составил в 1860 г. 8,8, а в 1913 г. — 18,1 (табл. 9.13).

На самом деле доля рабочих в 1860 г. и 1913 г. была, вероятно, несколько ниже, чем следует из табл. 9.13. Но даже эти завышенные цифры говорят о том, что пролетариат в пореформенной России не отличался многочисленностью. Так как доходы крестьянства в пореформенное время существенно выросли (см. в Главе 6.2 г), а его доля в населении изменилась мало и в 1897 г. равнялась 86%, то средние антропометрические показатели всех жителей могли улучшиться, даже если у рабочих они ухудшились. Однако и у последних, как мы видели, рост, вес и сила имели тенденцию также увеличиваться в пореформенное время (см. в Главе 6.1), что могло произойти только при условии повышения благосостояния и качества питания. А поскольку реальная зарплата в 1861–1880 гг. падала, а в остальные годы, хотя и росла, оставалась ниже, чем в середине XIX в., то приходится предположить: рабочие, даже переставшие заниматься сельскохозяйственным трудом, оставались тесно связаны с деревней и потому пользовались доходами от сельского хозяйства, которые, как мы знаем (см. Главу 6), со временем возрастали. Так оно на самом деле и было.

Таблица 9.13

Численность лиц наемного труда в России по отраслям в 1860, 1897 и 1913 гг.

Отрасли хозяйства	1860 г.		1897 г.		1913 г.	
	Тыс. чел.	Доля в самодеятельном населении,%	Тыс. чел.	Доля в самодеятельном населении,%	Тыс. чел.	Доля в самодеятельном населении,%
Промышленность	1 600	3,6	43 16,4*	5,6*	6 100	6,2
Транспорт	510	1,1			1 315	1,3
Строительство	350	0,8			1 500	1,5
Сельское хозяйство	700	1,6	2 722,6	3,5	4 500	4,6
Прочие отрасли, включая сферу услуг	800	1,8	2 112,6	2,7	4 065	4,1
Итого рабочих	3 960	8,9	9 151,6	11,8	17 480**	17,7
Население	72 810		125 640		160 187	
Самодеятельное население***	44 815		77 332		98 595	

Примечания: * В промышленности, на транспорте и строительстве в целом.

** У А. Г. Рашина ошибочно 17 815 тыс.

*** Лица обоего пола в возрасте 15 лет и старше.

Источники: Численность и состав рабочих в России. Т. 1. С. I–XX; *Рашин А. Г.* (1) Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки. М., 1958. С. 172; (2) Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 26; Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. С. 58; Общий свод. Т. 1. С. 56–58.

До отмены крепостного права преобладающее большинство вольнонаемных рабочих даже в столицах еще не порвали с сельским хозяйством, не говоря уже о тех, кто трудился на вотчинных и посессионных фабриках и заводах. В 1840–1850-е гг.,

Рабочие Москвы на экскурсии. 1913 г. Фото

если судить по Москве и городам Московской губернии — самой развитой в промышленном отношении губернии Европейской России, — рабочие на фабриках, заводах и в ремесленных заведениях состояли более чем на 90% из крестьян, тесно связанных с сельским хозяйством[73]. После крестьянской реформы эта связь ослабла, но оставалась существенной вплоть до 1917 г. Раскрестьянивание рабочих проходило постепенно. Согласно профессиональной переписи 1918 г., 20,9% рабочих, занятых в промышленности, имели до революции землю и вели свое хозяйство при помощи членов своей семьи, 20,9% обладали землей, но сами хозяйством не занимались[74], и огромное число располагало подсобным хозяйством по месту работы. В целом в 1918 г. 52,2% фабрично-заводских рабочих не порвали отношений с сельским хозяйством. В действительности больше, так как в момент проведения переписи значительная часть, из имевших землю в деревне, ушла с производства под влиянием голода и войны. Если в середине XIX в. около 90%, а в 1918 г. — 52,2% из них были тесно связаны с сельским хозяйством, то в 1860–1880-е гг. таких должно насчитываться намного больше 52%. Известное обследование фабрики «Э. Циндель» в Москве в 1898 г. показало: рабочих, не имевших никаких связей с деревней, насчитывалось всего 10,8%, остальные либо сами вели хозяйство (11,9%), либо посредством родственников (61,4), либо сдавали землю в аренду (12,3); 3,6% имели постройки в деревне[75]. Среди 60 574 крестьян мужского пола, работавших на фабриках Владимирской губернии в 1897 г., уходили на полевые работы немногие, а имели земельный надел в деревне 72,2%[76].

9.4. Итоги

Таким образом, динамика реальной зарплаты петербургских рабочих в 1703–1913 гг. отражает ее изменения у всего российского пролетариата. Эта согласованность является следствием того, что в России во второй половине XVIII в. сформировался всероссийский рынок, в рамках которого цены и зарплаты в отдельных губерниях и районах колебались достаточно согласованно, хотя по абсолютной величине могли существенно различаться[77]. В XVIII в. реальная зарплата промышленных рабочих была ниже, чем в начале века, но начиная с конца XVIII в. и до 1913 г. действовала позитивная тенденция (в циклической форме), что способствовало повышению их биостатуса. После Великих реформ на фоне позитивного тренда происходило также сокращение продолжительности рабочего дня и года, улучшение жилищно-бытовых условий, медицинского обслуживания и страхового обеспечения[78]. К этому следует добавить: за это время фабричное законодательство прошло путь от отрывочных законодательных актов к завершенному, системному Уставу о промышленном труде 1913 г.[79], потенциально способному значительно облегчить положение рабочих, если бы Первая мировая война этому не помешала[80].

Еще в 1979 г. Ю. И. Кирьянов в противоречии с господствующей в то время точкой зрения пришел к заключению: «Жизненный уровень рабочего класса имел все же тенденцию к повышению. <...> Реальная зарплата отдельных отрядов и категорий рабочих России несколько повысилась, в известной мере улучшилось питание рабочих, жилищно-бытовые условия. К этому следует добавить некоторое улучшение медицинского обслуживания и страхового обеспечения. Все эти процессы происходили на фоне сокращения в большинстве отраслей производства продолжительности рабочего дня и года»[81]. В последние годы эта

оценка нашла подтверждение в ряде исследований, выполненных на основании скрупулезного изучения новых архивных источников[82]. Как ни парадоксально это звучит, но согласно расчетам С. Г. Струмилина, в 1913 г. российские рабочие по величине реальной заработной платы превосходили своих западных коллег и уступали только самым обеспеченным в мире рабочим США, да и то лишь на 15%[83] (подробнее в табл. 12.23 в Главе 12). Зарплата сельскохозяйственных рабочих в отличие от промышленных в пореформенное время имела более четко выраженную тенденцию к повышению, но самое главное — росла существенно быстрее: с 1850-х по 1911–1913 гг. у первых — в 3,9 раза, у вторых — в 1,4 раза, вследствие чего к 1913 г. различия между ними составили лишь около 15%. Это способствовало повышению жизненного уровня крестьян, значительная доля которых получала дополнительные доходы от продажи своего труда за пределами деревни — в 1861–1870 гг. они взяли 12,9 млн кратковременных билетов и паспортных бланков, в 1891–1900 г. — 71,4 млн, в 1906–1910 гг. — около 80 млн[84].

Колебания реальной зарплаты и антропометрических показателей совпадали не всегда, что совершенно естественно: доход и зарплата пролетария — не одно и то же. Рабочие как казенных, так и частных предприятий имели разнообразные доплаты. Например, в начале XX в. расходы предпринимателей на пайки, жилище, страхование и медицинскую помощь и другое составляли довольно значительную величину — 8,3% денежной платы[85].

Тем не менее, в колебаниях зарплаты рабочих (как промышленных, так и сельскохозяйственных) и антропометрических показателей просматриваются сходные тенденции: с начала и до конца XVIII в. — понижение, затем до середины XIX в. — повышение, в 1870–1880-е гг. — стагнация, с 1890-х и до 1914 г. — увеличение.

Примечания

1. *Струмилин С. Г.* Оплата труда в России//Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1967. С. 56, 96–97.
2. *Мерль Ст.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе: Ожидания и реальность//Отечественная история. 1998. № 1. С. 97–117; *Gregory P. R.* Russian Living Standards during the Industrialization Era, 1885–1913//Review of Income and Wealth. 1980. Vol. 26. P. 87–103.
3. *Башуцкий А. П.* Панорама Санкт-Петербурга. СПб., 1834. Ч. 2, кн. 2. С. 175; *Вирст Ф. Г.* Рассуждение о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией России. СПб., 1807; *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1794 (Переиздание: СПб., 1996. С. 426, 431, 434, 437–441, 445, 447); Документы о кирпичном производстве XVII–XVIII вв.//Материалы по истории СССР. Т. 5. М., 1957. С. 254–269; *Заблоцкий-Десятовский А. П.* (1) Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836. С. 219–222; (2) Таблицы к статистическим сведениям о Санкт-Петербурге. СПб., 1836. Табл. 63–74, 81–92; *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М. 1958; *Копанев А. И.* Население Петербурга в первой половине XIX века. М.; Л., 1957. С. 70–85, 119–126; *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957; *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях: 1703–1782. СПб., 1884. С. 312–314, 436–438, 528; *Рыкачев А. М.* Цены на хлеб и на труд в Петербурге за 58 лет. СПб., 1911; *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия до 1858 года. СПб., 1859. Ч. 3. С. 502–505; *Семенова Л. Н.* (1) Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. (2) Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л.; 1982; (3) Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). Л., 1998; *Столпянский П. Н.* (1) Жизнь и быт Петербургской фабрики за 210 лет. 1704–1912. Л., 1925. С. 20–21; (2) Из истории производств в С.-Петербурге за 18-й век и первую четверть 19 в.//Архив истории труда в России. Кн. 2. СПб., 1921. С. 86–104; *Чулков М. Д.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах: В 7 т. М., 1788. Т. 6. Кн. 2. С. 367–372; Т. 7. Кн. 1, таблица 11; *Шретер Е.* О распределении известной суммы на годовой прожиток//Труды Вольного экономического общества. 1772. Ч. 21, 22.

4. РГИА, ф. 1310 (Комиссия о каменном строении в Петербурге и Москве), оп. 1, д. 63, л. 1–105.
5. РГИА, ф. 13 (Департамент министра коммерции), оп. 2, д. 782. Цены в Петербурге в 1732–1803 гг. по сведениям приходорасходных книг Первого кадетского корпуса (л. 4–14).
6. РГИА, ф. 468 (Кабинет е. и.в.), оп. 41, д. 1 и др.; Книга приходорасходных комнатных денег императрицы Екатерины I (1723–1725 гг.)//Русский архив. Т. 1. 1874. № 3. Стлб. 513–567; *Платонов С. Ф.* Книга расходная С.-Петербургского комиссариатства Соляного правления 1725 г. // Летопись занятий Археографической комиссии. 1926. Вып. 1/31. СПб., 1927. С. 276–285.
7. РГИА, ф. 1086 (Томиловы и Шварцы), оп. 1, д. 1140.
8. *Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 190–291.
9. ПСЗ-I, т. 45. СПб., 1830. Общее дополнение к тарифам. С. 4–6.
10. Санкт-Петербургские ведомости. 1746–1765, 1768–1777.
11. «Ведомость, учиненная в С.-Петербургской городской думе из поданных от рядских старост сведений, по каким ценам покупались разные нужнейшие припасы российские в С.-Петербурге на пристанях, площадях и рынке в [1832, 1834, 1835, 1836] году». Данные о ценах внесены в напечатанные бланки вручную пером. Комплект прейскурантов находится только в Основном русском фонде Российской национальной библиотеки; за 1833 г. комплект утрачен.
12. Ведомости (недельные, месячные и третные) Санкт-Петербургской распорядительной думы о справочных ценах в С.-Петербурге на все вообще припасы и материалы. 1853–1917. СПб., 1853–1917.
13. Архив С.-Петербургского института истории РАН, ф. 36 (Воронцовы), оп. 1, д. 1156.
14. Санкт-Петербургский прейскурант, изданный от государственной Коммерц-Коллегии. СПб., 1806–1814, 1816–1824, 1830–1857.
15. Биржевые ведомости. СПб.,1861–1879; Ведомости (недельные, месячные и третные) Санкт-Петербургской распорядительной думы о справочных ценах в С.-Петербурге на все вообще припасы и материалы. 1853–1917. СПб., 1853–1917; Ведомости С.-Петербургской городской полиции. СПб., 1839–1873; Коммерческая газета. СПб., 1825–1860; Посредник промышленности и торговли. СПб., 1840–1855; Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1728–1917; Санкт-Петербургские коммерческие ведомости. СПб., 1802–1810; Северная почта. СПб., 1809–1819; Северная пчела. СПб., 1825–1864.
16. *Штер.* Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб., 1829. С. 68–69.
17. Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 6.
18. Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901–1902 гг. СПб., 1905. С. 31, 34.
19. *Миронов Б. Н.* Хлебные цены. С. 29.
20. *Зварич В. В.* Нумизматический словарь. 3-е изд. Львов, 1979. С. 78, 146–149.
21. Подробно проблемы перевода мер в единую метрическую систему, а цен — в единую золотую валюту рассмотрены в книге: *Миронов Б. Н.* Хлебные цены. С. 35–41.
22. Там же. С. 31.
23. *Струмилин С. Г.* Очерки. С. 81–82, 380; (2) История черной металлургии в СССР. Т. 1. Феодальный период (1500–1860 гг.). М., 1954. С. 514–515. В. Л. Далматов на основе прейскурантов построил на 1803, 1823, 1833 и 1843 гг. также и индексы оптовых петербургских цен, которые, естественно, отличаются от бюджетных индексов: *Струмилин С. Г.* Очерки. С. 380.
24. К сожалению, С. Г. Струмилин не указывает, какие товары вошли в субиндексы.
25. Формально индексы отдельных товаров не взвешивались, но фактически получалось скрытое взвешивание: цены всех товаров принимались равными, значит, всем товарам по умолчанию приписывались равные веса.
26. $L = \sum p_1 q_0 / \sum p_0 q_0$, где p_0 — субиндексы на базисную дату, 1913 г.; p_1 — субиндексы на любой год в интервале от 1713 г. до 1912 г. q_0 — веса субиндексов на базисную дату 1913 г.

О построении индекса потребительских цен см.: *Ефимова М. Р., Бычкова С. Г.* Социальная статистика. М., 2004. С. 330–349; *Кевеш П.* Теория индексов и практика экономического анализа. М., 1990. С. 238; *Миллс Ф.* Статистические методы. М., 1958. С. 424–488.

27. *Миллс Ф.* Статистические методы. С. 440–449, 458–459.
28. Это были первые в России настоящие бюджетные исследования рабочих; более ранние исследования касались крестьян.
29. *Прокопович С. Н.* Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909. От имени Русского технического общества разослали несколько тысяч анкет; возвратилось 1016, из них подвергнуть статистической обработке было возможно 632 анкеты. Для расчета средних душевых расчетов использовались 307 бюджетов семейных рабочих и 263 одиноких.
30. *Давидович М.* Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах//Записки имп. Русского технического общества. 1912. Январь-март.
31. *Семенова Л. Н.* (1) Рабочие Петербурга; (2) Очерки истории быта; (3) Быт и население Санкт-Петербурга; *Китанина Т. М.* Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг.: Промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение. Л., 1991. С. 195–251; История рабочих Ленинграда. Т. 1. 1703 — февраль 1917/В. С. Дякин (ред.). Л., 1972. Т. 1. С. 31–45, 100–118, 141–148, 185–190, 342–354, 398–412.

32. Города России в 1910 году. С. 3, 190, 528, 891.
33. Подробнее см.: *Миронов Б. Н.* (1) Революция цен в России XVIII в.//Вопросы истории. 1971. № 11. С. 49–61; (2) Хлебные цены. С. 45–49, 111–113, 169–188. Приведенный в табл. 9.6 расчет носит сугубо ориентировочный характер, так как индекс цен в Западной Европе подсчитан на основе динамики цен лишь в 12 городах — Лондоне, Амстердаме, Берлине, Лейпциге, Аугсбурге, Париже, Страсбурге, Гренобле, Мадриде, Толедо, Генуе и Нью-Йорке. В России второй половины XVII в. учтено движение цен в 15 городах, в XVIII — начале XX вв. — движение цен в 50 губерниях (*Миронов Б. Н.* Хлебные цены. С. 131–133). В настоящее время участники двух крупных международных проектов: (1) «The Global Price and Income History Group», University of California — Davis (USA), руководитель проф. Л. А. Абад (Leticia Arroyo Abad) и П. Линдерт (Piter Lindert) и (2) «The Integration of European Market and the Welfare of Europeans», European University Institute (Florence), руководитель проф. Дж. Федерико (Giovanni Federico) — готовят две большие базы данных по истории европейских цен. Когда работа будет завершена, можно будет более корректно оценить различие в уровне цен в Западной Европе и России.
34. *Рыкачев А. М.* Цены на хлеб. С. 201.
35. *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время//Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 251.
36. История рабочих Ленинграда. Т. 1. С. 136–137, 185–186, 344–345, 399.
37. Очерки истории Ленинграда: В 4 т. Т. 1. Период феодализма (1703–1861 гг.)/М. П. Вяткин (ред.). М.; Л., 1955. С. 506–549.
38. Очерки истории Ленинграда.Т. 2. Период капитализма: Вторая половина XIX века/Б. М. Кочаков (ред.). М.; Л., 1957. С. 183.
39. Там же. С. 183; Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901–1902 гг. С. 28–42.
40. *Струмилин С. Г.* История черной металлургии. С. 388.
41. *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историческое развитие русской фабрики в XIX в. 3-е изд. М., 1922. С. 163. Н. М. Арсентьев на данных по Замосковному горному округу подтвердил вывод Туган-Барановского о существенном росте (в 2–3 раза) зарплаты в 1801–1820 гг., но предположил, что в последующие 30 лет она не изменялась. К сожалению, автор не учел изменение цен и курса рубля, поэтому не смог адекватно оценить изменение реального уровня жизни рабочих, справедливо отмечая, что это сделать крайне затруднительно по причине сложного состава доходов рабочих, являвшихся одновременно и крестьянами: *Арсентьев Н. М.* Экономическое положение рабочих Замосковного горного округа в первой половине XIX в.//Металлургическая промышленность России XVIII–XX веков/Н. М. Арсентьев (ред.). Саранск; Екатеринбург, 2007. С. 279–327.
42. *Гакстгаузен А.* Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. 97–98.
43. *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика. С. 160, 330–337.
44. *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Изд. 2-е. СПб., 1903. Т. 1. С. 574–576. При оценке зарплаты Семевский учитывал динамику хлебных цен.
45. *Семевский В. И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах: историческое исследование. Т. 1. От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. СПб.; М., 1898. С. LXI–LXXV.
46. *Первушин С. А.* Хозяйственная конъюнктура: Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 203–205.
47. *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979. С. 150.
48. Там же. С. 122, 128–130.
49. Там же. С. 104.
50. Поденная плата пешего взрослого рабочего мужского пола: *Скребницкий А.* Крестьянское дело в царствование императора Александра II: Материалы для истории освобождения крестьян. Бонн на Рейне, 1865/1866. Т. 3. С. 1294–1295.
51. Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. Приложения. I. Свод сведений о современном положении сельскохозяйственной промышленности вообще. С. 137–140, 145 (далее: Доклад Комиссии 1873 г.); *Крживолоцкий Я.* Костромская губерния. СПб., 1861. С. 304–305; Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. Вып. 1. СПб., 1858. С. 88, 105–106; То же. Вып. 3. СПб., 1861. С. 83, 119; То же. Вып. 5. СПб., 1871. Приложения. С. 51 М; *Липинский.* Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч. 2. С. 335; *Русов А.* О найме рабочих в Херсонскую губернию в 1855 году//Сборник Херсонского земства. 1890. № 1. С. 64–69.
52. Подсчитано по: Доклад Комиссии 1873 г. Приложения. I. С. 94–152.
53. *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика. С. 335.
54. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии. Ч. 1. С. 249; Ежегодник Министерства финансов на 1914 год. Пг., 1914. С. 3. Исследователи оценивают уровень перенаселения от 9% до 56% от числа взрослого населения: литература вопроса указана в Главе 6, сноска 292.
55. Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 56–66; *Янсон Ю. Э.* Срав-

нительная статистика России и западноевропейских государств. Ч. 1. Территория и население. СПб., 1876. С. 62–63.
56. *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих. С. 125.
57. Отмена крепостного права: Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы: 1861–1862. М.; Л., 1950. С. 282.
58. Доклад комиссии 1873 г. Приложения. I. С. 134, 139.
59. Там же. С. 100, 101 (в Калужской губернии женщины поступали в услужение на зимние месяцы за одно только питание).
60. Там же. С. 137 (Волынская губерния).
61. Там же. Приложения. I. С. 121 (Тульская губерния).
62. *Варб Е.* Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и законодательстве: Общественно-юридические очерки. М., 1899. С. 80–115. Е. Варб — псевдоним Я. Ф. Браве.
63. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1859. Вып. 2. С. 150–151, 168–169; Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян. СПб., 1857. Вып. 1. С. 138.
64. Материалы для статистики России. Вып. 1. С. 52–53.
65. Там же. Вып. 5. Приложения. С. 51, 65–66.
66. Там же. Вып. 3. С. 83, 119.
67. С. Г. Струмилин за 1882–1913 гг. дает несколько иные оценки среднего поденного заработка сельскохозяйственного рабочего: 1882–1890 гг. — 55,9 коп., 1891–1900 г. — 56,8 коп., 1901–1910 гг. — 70,4 коп. и 1911–1913 гг. — 87,9 коп.: *Струмилин С. Г.* Динамика поденной платы за 1882–1916 гг. //Струмилин С. Г. Избранные произведения: В 5 т. М., 1963. С. 276.
68. Средний заработок женщин в промышленности (1914 г.) был в 2 раза, а в сельском хозяйстве (в 1882–1913 гг.) — в 1,6 раза ниже, чем у мужчин. Согласно переписи 1897 г., доля женщин, занятых во всей промышленности, равнялась 15%. В фабрично-заводской промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, доля женщин была больше: 1887 г. — 24,4%, 1895 г. — 25,8%, 1901 г. — 26,1%, в 1913 г. — 26%: *Рашин А. Г.* Формирование промышленного пролетариата. С. 185–194, 200–202.
69. Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. /В. В. Степанов (ред.). В 2 т. СПб., 1906. Т. 1. С. XVI–XX.
70. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. /В. В. Степанов (ред.). СПб., 1905. С. V.
71. Суммирование приводимых Рашиным данных по отраслям дает 17 480 тыс.
72. Общий свод. Т. 1. С. 56–58.
73. Подсчитано по: *Казанцев Б. Н.* Рабочие Москвы и Московской губернии в середине XIX века (40–50-е годы). М., 1976. С. 71–74. Данные по Москве на 1848 г.
74. *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса. С. 573.
75. *Шестаков П. М.* Рабочие на мануфактуре товарищества «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1900. С. 26, 39. Поименный опрос 1417 рабочих.
76. Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. Ч. 2. Специальная (Таблицы и Приложения). 1894–1897. Владимир, 1899. С. 203.
77. *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 243–247.
78 .*Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих. С. 104, 270–271.
79. Устав о промышленном труде (извлечение). Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/ustav.htm.
80. *Gorshkov B.* Towards a Comprehensive Law: Tsarist Factory Labor Legislation in European Context, 1830–1914//Russia in the European Context, 1789–1914: A Member of the Family/S. P. McCaffray, M. Melancon (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 65.
81. *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень. С. 104, 270–271.
82. *Маркевич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005; *Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В.* «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010. На некоторых российских предприятиях, практиковавших передовой менеджерский капитализм, заработки рабочих росли быстрее, чем в среднем по промышленности: *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых: 1797–1917 гг. М., 2004. С. 240.
83. *Струмилин С. Г.* Очерки. С. 95–96.
84. Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии. Ч. 1. С. 226; *Минц Л. Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925. С. 16–24.
85. *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР: В 2 т. Нью-Йорк, 1952. Т. 2. С. 77.

10

СОВРЕМЕННИКИ О БЛАГОСОСТОЯНИИ НАСЕЛЕНИЯ

«Нет убедительности в поношениях,
и нет истины, где нет любви».

А. С. Пушкин. ПСС: В 10 т. Т. 7. Л., 1978. С. 246.

10.1. А. Н. Радищев и А. С. Пушкин
О БЛАГОСОСТОЯНИИ КРЕСТЬЯН

В 1790 г. Н. А. Радищев опубликовал свое знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву». Крепостных он изобразил абсолютно бесправными: «...помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет», а их положение — неимоверно тяжелым: «се жребий заклепанного в узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме»[1]. Крестьяне даже пожизненную солдатчину предпочитали крепостной неволе[2]. У многих кровь в жилах стынет, когда они в первый раз знакомятся с «Путешествием». Произведение Радищева, забытое в XIX в.[3], очень хорошо известно в современной России, благодаря тому, что оно почти сто лет входит в обязательную школьную программу по литературе. Большинство людей, не связанных с историографией профессионально, до сих пор именно по Радищеву представляют себе жизнь русских крепостных, причем не только в момент написания «Путешествия», в конце XVIII в., а в течение всего 250-летнего периода существования института крепостничества.

Радищев А. Н. *Неизвестный художник* XVIII в.

Через 45 лет, в 1833–1835 гг., А. С. Пушкин, написал Радищеву ответ, назвав его «Путешествием из Москвы в Петербург»[4]. Это произведение не только школьникам и студентам, но и многим профессиональным историкам

неизвестно. Следуя маршрутом Радищева, но в обратном направлении, Пушкин дает интересный комментарий наблюдениям и рассуждениям своего предшественника. Мы остановимся только на тех аспектах, которые непосредственно касаются нашей темы — благосостояния крестьянства.

Пушкин с первых строчек вступает в спор с Радищевым. Последний начинает свое повествование жалобой на плохую дорогу вследствие непролазной грязи, Пушкин — с похвалы новой московской дороге, назвав ее «великолепным шоссе»[5]. Оба автора правы — за 43 года дорога изменилась радикально.

«Радищев в главе "Черная Грязь" говорит о браках поневоле и горько порицает самовластие господ». Пушкин соглашается, но лишь отчасти, указывая: «... неволя браков давнее зло» и свойственно не только крепостным, но всем сословиям: «несчастье жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа». В пушкинском смысле правильно сказать — не только в России, а во всех странах того времени, не исключая западноевропейских. Вместе с тем поэт справедливо замечает: «... недавно правительство обратило внимание на лета вступающих в супружество: это уже шаг к улучшению»[6]. Он имеет в виду указ 1830 г. о повышении брачного возраста на три года — для невест до 16 лет, для женихов — до 18 лет[7]. Это действительно был прогресс и с медицинской, и с правовой точек зрения: чем выше возраст брачащихся, тем меньше они подчиняются воле и, следовательно, произволу родителей.

В главе «Городня» Радищев описывает горькие проводы крестьян в армию, сопровождаемые плачем, осуждая продажу новобранцев и другие злоупотребления при отправлении воинской повинности. Пушкин резонно возражает: «Продажа рекрут была в то время (в 1790 г. — *Б. М.*) запрещена, но производилась еще под рукою (незаконно. — *Б. М.*). Рекрутство наше тяжело; лицемерить нечего. Но может ли государство обойтись без постоянного войска?» Кроме того, армия, принимая из среды крестьян «вредных негодяев, людей, заслуживших тяжкое наказание, воров и пьяниц обнищалых», делает из них «полезных членов обществу»; помещики берегут от рекрутства «трудолюбивых, добрых отцов семейства»[8]. Добавим, плач, сопровождавший проводы новобранцев, объяснялся не столько тяжестью воинской службы, сколько тем, что уход на воинскую службу воспринимался как *смерть:* человек, как думали сам рекрут и провожавшие родственники и соседи, навсегда, как при похоронах, покидал свое родное гнездо[9]. Именно поэтому в первой половине XIX в. вся деревня провожала переселенцев плачем, как рекрутов[10], а после введения всесословной воинской повинности, сократившей время службы до 3–5 лет, плач вышел из обряда проводов новобранцев[11].

С негодованием рассказывает Радищев (глава «Медное») о продаже крепостных, как обыденном явлении. Здесь Пушкин полностью соглашается: «...картина ужасная тем, что она правдоподобна»[12]. Еще одно злоупотребление помещиков, так называемая месячина — отнятие у крестьян земли и превращение их в постоянных работников, вызвала у Радищева искренний гнев (глава «Вышний Волочек»). Он рассказывает, как с помощью месячины один помещик привел «в цветущее состояние» свое имение, стал богатым, а крестьян превратил в жалких пролетариев, лишенных земли и скота. Пушкин рассказывает другую историю: помещика, который ввел месячину, крестьяне убили, а усадьбу его сожгли[13]. Месячина практиковалась крайне редко и во времена Радищева, и в первой половине XIX в.[14] Она не была экономически эффективна для помещика, как пишет

об этом Радищев, а упрямцев ожидала судьба пушкинского помещика, убитого его крепостными.

Глава «Пешки», посвященная положению крестьян, вызвала у Пушкина живой и пространный отклик. «В Пешках (на станции, ныне уничтоженной), — пишет он, — Радищев тужит о судьбе русского крестьянина, не употребляющего сахара. Но замечательно описание русской избы (следует длинная цитата из Радищева. — *Б. М.*): “Четыре стены, до половины покрыты так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок (4,5 см. — *Б. М.*), по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; горшка два или три (счастливая изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода”». Далее следует обширный комментарий поэта: «Наружный вид русской избы мало переменился со времен Мейерберга (1662 г. — *Б. М.*) <...> Однако произошли улучшения, по крайней мере, на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют comfort. Очевидно, что Радищев начертал карикатуру; но упоминает о бане и о квасе, как о необходимостях русского быта. Это уже признак довольства. Замечательно и то, что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствия сею чертою: *и начала сажать хлебы в печь*»[15]. Пушкин забыл также упомянуть о *горящей свече*, которая являлась признаком состоятельности и употреблялась только состоятельными людьми.

Далее, зная, что Радищев был поклонником французского Просвещения[16] и пять лет учился в Лейпциге, Пушкин сравнивает положение русских и западноевропейских крестьян и рабочих. «Фонвизин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Верю. Вспомним описание Лабриера: “По полям рассеяны какие-то дикие животные, самцы и самки, черные с лицами землистого цвета, сожженные солнцем, склонившиеся к земле, которую они роют и ковыряют с непреодолимым упорством; у них как будто членораздельная речь, а когда они выпрямляются на ногах, то мы видим человеческое лицо; и действительно, это — люди. На ночь они удаляются в свои логовища, где питаются черным хлебом, водой и кореньями; они избавляют других людей от труда сеять, обрабатывать и собирать для пропитания, и заслуживают того, чтобы не терпеть недостатка в хлебе, который сами сеют“[17]. Слова госпожи Севинье[18] еще сильнее тем, что она говорит без негодования и горечи, а просто рассказывает, что видит и к чему привыкла. Судьба французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника...»[19].

«Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! <...> И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления,

Кипренский О. А.С. Пушкин. 1827 г. ГТГ

но происходит в строгих пределах закона. <...> У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен (кроме как в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев). Помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу... Злоупотреблений везде много; уголовные дела везде ужасны»[20].

Имеющаяся статистика о доходах британцев полностью подтверждает эти наблюдения А.С. Пушкина. В первой половине XIX в. в Великобритании состоятельное население платило подоходный доход, пролетарии налогов не платили, а бедные получали пособие. В 1856–1857 гг., по сведениям добровольных показаний о доходах для взимания подоходного дохода, 10% самых богатых имели средний доход в 1919,1 фунта стерлингов, а 10% наименее состоятельных — 85,2 фунта. Соотношение доходов самых богатых и самых бедных[21] — только среди платящих налоги! — равнялось 22,5, в том числе в Ирландии — 19,4 (табл. 10.1).

Таблица 10.1

Распределение домохозяйств по величине годового дохода в Великобритании, 1856–1857 гг.

Доход, фунтов стерлингов	Число семей				Суммарный доход		
	Великобритания	Ирландия	Итого	%	Великобритания	Ирландия	Итого
50–99	20 348	1 422	21 770	7,91	1 515 926	105 939,0	1 621 865,0
100–150	120 650	7 380	128 030	46,54	15 020 925	918 810,0	15 939 735,0
150–200	40 086	2 254	42 340	15,39	6 995 007	393 323,0	7 388 330,0
200–300	32 665	2 204	34 869	12,68	8 149 918	549 898,0	8 699 816,0
300–400	15 006	85	15 991	5,81	5 244 597	344 257,5	5 588 854,5
400–500	7 407	536	7 943	2,89	3 329 447	240 932,0	3 570 379,0
500–600	5 471	370	5 841	2,12	3 006 315	203 315,0	3 209 630,0
600–700	3 105	209	3 314	1,20	2 016 698	135 745,5	2 152 443,5
700–800	2 066	141	2 207	0,80	1 548 467	105 679,5	1 654 146,5
800–900	1 745	116	1 861	0,68	1 482 378	98 542,0	1 580 920,0
900–1000	816	54	870	0,32	774 792	51 273,0	826 065,0
1 000–2 000	5 423	318	5 741	2,09	8 131 789	476 841,0	8 608 630,0
2 000–3 000	1 568	89	1 657	0,60	3 919 216	222 455,5	4 141 671,5
3 000–4 000	773	43	816	0,30	2 705 114	150 478,5	2 855 592,5

Таблица 10.1 (окончание)

Доход, фунтов стерлингов	Число семей				Суммарный доход		
	Великобритания	Ирландия	Итого	%	Великобритания	Ирландия	Итого
4 000–5 000	450	16	466	0,17	2 024 775	71 992,0	2 096 767,0
5 000–10 000	811	30	841	0,31	6 082 095	224 985,0	6 307 080,0
10 000–50 000	444	21	465	0,17	13 098 000	619 500,0	13 717 500,0
50 000–100 000	46	1	47	0,02	3 450 000	75 000,0	3 525 000,0
Итого	258 880	16 189	275 069	100,0	88 495 459	4 988 966,5	93 484 425,5

Источник: Подсчитано по: *Кольб Г. Ф.* Руководство к сравнительной статистике. СПб., 1862. С. 33–34.

Следовательно, даже среди состоятельных людей существовало огромное имущественное неравенство. Однако необходимо учесть доходы действительно бедных людей, т. е. тех, кто существовал на низкую зарплату или мизерное пособие по бедности, — их насчитывалось 4,8 млн человек (свыше 1 млн семей), или 17% из 28,3 млн населения страны[22]. Средний доход беднейшей группы можно оценить по средней годовой зарплате сельскохозяйственного рабочего в 1850-е гг. — 10 шиллингов в неделю или 26 фунтов стерлингов в год[23]. Если средний доход высших 10% британцев составлял 1919,1 фунта в год, низших 10% — 26 фунтов, то их отношение (децильный коэффициент) достигало 74. Наблюдения Пушкина относятся к 1830-м гг., а наша статистика к 1856–1857 гг. Однако через 20 лет после заметок поэта ситуация с имущественным неравенством в Великобритании еще более ухудшилась.

«Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и сметливости и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. <...> В России нет человека, который бы не имел своего *собственного жилища*. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения. Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно: должны еще пройти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества»[24].

Таким образом, с точки зрения Пушкина, наблюдения Радищева большей частью верны, но они отражали скорее *злоупотребления, чем правила*. И в этом Пушкин прав. Месячина, продажа в рекруты, каждодневная жизнь «под батогами, под кошками, в кандалах, в погребе, нагим, босым, голодным, жаждущим, при всегдашнем поругании»[25] — все это считалось злоупотреблениями и преследовалось по закону. Точно так же, как и работа по воскресеньям (о чем пишет Радищев в главе «Любань»)[26] — она воспрещалась не только церковными и гражданскими законами, но и обычным правом. Не мог крестьянин работать в одиночку — при чересполосном общинном землевладении это практически невозможно.

Помещичьи крестьяне, как и государственные, не были «мертвы в законе»: каждодневная жизнь тех и других, как правило, проходила в рамках *обычного права*; те и другие в гражданских делах между собой и в мелких уголовных делах судились своим судом также по обычному праву, и только за серьезные уголовные преступления представали перед официальным судом. Обычное право защищало крестьян лучше, чем закон — вот о чем постоянно забывают историки.

Оброк в три рубля с души, о котором Радищев пишет как о большом[27], на самом деле был невелик: средний оброк в России 1780-х гг. равнялся 5 руб. с души[28]. Радищеву, как и современному человеку, казалось признаком бедности, что крестьяне не употребляли сахара, считая его «боярским кушаньем»[29]. В 1780-е гг. сахар всеми считался роскошью, так как очень дорого стоил. Вот петербургские цены 1780-х гг. за пуд: сахар — 11,00 руб.[30], черная икра — 6,15, мед — 3,4, говядина — 1,1, рожь — 0,52 руб.[31] Сахар стоил дороже икры — почти в 2 раза, меда — в 3,2 раза, говядины — в 10 раз, ржи — в 21,2 раза.

Но самое главное, наблюдения Радищева относятся к концу 1780-х гг., когда благосостояние крестьян, как показано в Главе 5 настоящей монографии, находилось на самом низком за весь период империи уровне. При известном преувеличении, Радищев это и зафиксировал. А Пушкин писал о 1830-х гг., когда их положение существенно улучшилось сравнительно с концом XVIII в. Таким образом, как это ни парадоксально, противоречия между авторами не столь существенны, как кажется на первый взгляд. Следует также иметь в виду: и мнение Радищева, и мнение Пушкина основаны почти исключительно на личных впечатлениях, а потому, в принципе, не могут быть объективными. Английский писатель и священник В. Тук (1744–1820), служивший в последней четверти XVIII в. в Кронштадте и Петербурге пастором в английской колонии (кстати, хорошо владевший русским языком), писал в своих записках в 1799 г., почти одновременно с Радищевым, о материальном благополучии русских крестьян[32], а прусский посол в России в начале 1840-гг., почти одновременно с Пушкиным, — о крайней степени их бедности[33].

10.2. Крестьянские мемуаристы

Наши выводы о позитивной динамике уровня жизни населения, в первую очередь крестьянства, в XIX — начале XX в. основаны на массовых статистических данных, охватывавших всю страну периода империи. Трудно мобилизовать столько нарративных источников, чтобы они могли рассказать обо всей стране за 117 лет, да и обобщение их в рамках одной монографии вряд ли возможно. Тем не менее, интересно привлечь к анализу мнения людей, знавших деревню не понаслышке

В 2006 г. под одной обложкой изданы наиболее содержательные из известных воспоминаний крестьян конца XVIII — первой половины XIX в., Но их, к сожалению, ввиду почти поголовной неграмотности, написано очень мало, а сохранилось еще меньше[34] — восемь авторов из помещичьих крестьян, два — из государственных. Воспоминания дают возможность увидеть деревню глазами тех, кто своими трудами и предприимчивостью возвысился до богатства и почетного общественного положения. Каналом восходящей социальной мобильности у двух мемуаристов явилась гражданская служба. Л. А. Травину (1732–1818) из крепостных удалось попасть на гражданскую службу и к 54 годам получить права личного

дворянина, купить землю и крепостных, определить двух сыновей в гвардию[35]. Государственный крестьянин И. В. Васильев (1822–1893) пробился в чиновники Министерства государственных имуществ. Остальным путь наверх обеспечило предпринимательство. Трудно сомневаться, что эти люди отличались умом и наблюдательностью, имели большой жизненный опыт. Попытаемся обобщить их наблюдения, памятуя: ¾ из них относятся к владельческим крестьянам.

Первый по важности вывод состоит в том, что и в крепостное время крестьянин собственными усилиями мог достичь благосостояния и достаточно высокого социального статуса. Его четко сформулировал М. Е. Николаев (1825 — после 1892): «Есть пословица “От трудов праведных не наживешь палат каменных”, т. е. другими словами: честным трудом не разбогатеешь. <...> За свою долгую жизнь я убедился в другом: праведным честным трудом, при хорошей жизни (аккуратности, бережливости, трезвости) и для себя можно нажить обеспечение, чтобы не только не нуждаться в чужой помощи, но и самому быть опорой родных и близких; и потомство свое, которому ты дал жизнь, наградить и тем избавить от чужой заботы и тяжкой нужды, в которой часто понапрасну теряется много сил; и на доброе дело что-нибудь уделить»[36].

По свидетельству мемуаристов, с конца XVIII в. и до начала XX в. уровень жизни крестьянства повышался. Крепостной С. Д. Пурлевский (1800–1868), сопоставляя цены на продукты 1800-х и 1860-х гг. и отмечая дешевизну первых, замечает: «При виде цен продовольствия за шестьдесят лет и сравнивая их с ценами настоящего времени, можно думать, что тогда люди были в лучшем довольстве. Утвердительно скажу: нет. В народе тогда было больше нужды»[37]. По заверению М. Е. Николаева, «все господа, которые владели нами, были очень хорошие люди: крестьян не отягощали ни оброками, ни барщиною, а потому крестьянам жилось хорошо»[38]. Бывший дворовый Ф. Д. Бобков (1831–1898), побывав на родине, которую не видел 18 лет, в 1875 г. записал в дневнике: «Летом побывал в своей родной деревне. <...> Да, много перемен. Некоторые господа, вследствие своей лени и праздной жизни, обеднели, а мужички, благодаря своей энергии, наслаждаются теперь жизнью»[39]. Не встречается упоминаний о голодовках, а когда сообщаются сведения о питании, то оно характеризуется как удовлетворительное. Как дворовые, так и переселенцы в 1840-е гг. во время следования и по прибытии к месту поселения получали от помещика в месяц паек по 25 кг муки и 8 кг крупы на человека[40], равный солдатскому — 1 кг муки и 110 г крупы в день[41]. Вероятно, это являлось общепринятой в России нормой: примерно такой же паек получала мать мемуариста Травина от своего псковского помещика за сто лет до этого, в 1741 г., — около 50 кг муки в месяц на себя и 8-летнего сына[42].

Таким образом, не только отдельные, выдающиеся личности могли изменить свою жизнь к лучшему, но благосостояние всех крестьян со временем возрастало. Как же это им удавалось? Первое и самое главное — они настойчиво боролись за свои интересы, сопротивлялись повышению оброка и барщины, выступали против притеснений как со стороны своих помещиков, так и коронной бюрократии, используя широкий спектр средств — изредка открыто бунтовали, чаще мирно хлопотали, роптали, просили, жаловались, прибеднялись, убегали, уклонялись от повинностей, а женщины еще и кликушествовали. О последнем, специфически женском средстве борьбы, как менее известном, скажем немного подробнее. Как пишет А. Я. Артынов (1813–1896): «Эти кликуши каждый праздник, во время

херувимского пения, бесились своеобразно и обдуманно выкликали по именам тех, кто их испортил, или врали что-либо на своих домашних»[43]. Зачем они это делали? Как выяснено в исследовании американского историка К. Воробец, крестьянки таким способом защищались от стресса, вызванного угрозой унижения и потери престижа в семье и деревне. Кликушество на время освобождало их от стресса, так как приносило сочувствие со стороны окружающих и, самое главное, изменяло их личные обстоятельства: одни, кто испытал чудесное исцеление в церкви, становились объектом коллективной памяти и гордости, пользовались большим уважением и приобретали более высокий социальный статус; другие, дав выход своим эмоциональным стрессам, получали статус страдалиц, также дававший преимущества. Целительные церемонии, или изгнание бесов, приводили к выздоровлению, поскольку участие кликуш в ритуалах, при которых они находились в центре внимания, снимало стресс[44].

Как отмечали все мемуаристы, помещики были разные — хорошие и плохие, добрые и злые, жестокие и милосердные. Однако в большинстве случаев они считались с интересами крестьян, чтобы добиться их лояльности, без чего ни оброков, ни барщины получить с них не могли. Неповиновение или бунт можно было прекратить с помощью воинской команды, однако это сопровождалось разрушениями, убытками, наказаниями и ссылками, что не способствовало процветанию вотчины. «Крестьян своих барин не разорял и по-своему заботился о них, соблюдая свои интересы», — отметила дворовая А. Г. Хрущова (1786–1872)[45]. Крепостной И. М. Кабештов (1827 — не позднее 1918) привел пример, с его точки зрения, образцовых отношений: «Они, Волконские, всегда были добрыми и даже гуманными со своими крепостными крестьянами. По их распоряжению крестьяне обязаны были на барщине работать не более трех дней в неделю; воскресные и праздничные работы, безусловно, воспрещались; Пасха праздновалась целую неделю. Кандидатов в бурмистры выбирали сами крестьяне, управляющий только утверждал одного из кандидатов; управляющие могли наказывать крестьян только по доказанной вине, не более 25 ударами розог; одно лицо могло быть наказано два раза по 25 ударов, при третьей вине наказание усиливалось до 50 ударов, всякое наказание записывалось в журнал; при четвертой вине виновный записывался в особый журнал и о нем должно быть донесено с описанием вины в главную петербургскую контору. Большею частью таких виновных высылали в другие имения, а иногда, смотря по вине, отдавали в солдаты. <...> Крестьяне Волконских были лучшими в уезде, как по трудолюбию, расторопности и честности, а потому также и по благосостоянию. Им завидовали и на них указывали как на образцовых хозяев». Как можно заключить, умеренные, находившиеся в рамках закона повинности и строгость не осуждались крестьянами, а считались нормой. Тот же Кабештов описывает и другой, идеальный, с его точки зрения, случай отношений, когда «крестьяне видели в нем (помещике. — *Б. М.*) скорее отца, нежели барина, были зажиточны, но что всего удивительнее — любили и слушались его, а это была редкость. В то время было общее мнение, — как только барин распустит бразды правления, то крестьяне начинают делать ему всякие пакости: тащить его имущество, рубить лес, делать потравы в хлебах и покосе»[46].

Второй фактор повышения уровня жизни крестьян, по мнению мемуаристов, состоял в попечительстве помещиков. Когда крестьяне попадали в трудные обстоятельства, то по закону и фактически получали помощь: после неурожая —

продовольствие, после падежа скота — скот, после пожара — лес[47]. По словам Кабештова, «разные основательные просьбы о вспомоществовании хлебом, деньгами, лесом для постройки домов почти всегда удовлетворялись»[48]. Богатые и сильные помещики защищали своих крепостных от коронной администрации, падкой на взятки. «Князь защищал своих крестьян и не тяготил оброком. Земские крючки носу не показывали», — пишет мемуарист Пурлевский о князе П. И. Репнине[49]. О другом, саратовском, помещике — П. А. Чихачеве — сообщает Кабештов: «Местные власти Балашовского и Сердобского уездов, исправники и становые, его боялись, и ни один из них не подъезжал к его дому с колокольчиком, а снимал его с дуги за полверсты. Да и другие власти тоже относились к нему с уважением и некоторым подобострастием»[50]. Поэтому и крепостные Чихачева не страдали от притеснений коронных чиновников.

Помещики всячески поддерживали предпринимательство своих крестьян, так как имели в этом свой интерес — большой оброк. Они позволяли им торговать по всей стране, держать крепостных, содержать фабрики и заводы, покупать на свое имя землю и получать с нее доход[51]. Артынов сообщает: далекие предки его родственников «в петровские времена приобрели землю на правом берегу реки Таракановки (в Петербурге. — *Б. М.*). Потомки их в настоящее время (1880-е гг.) имеют там свою огородную землю и занимаются огородным промыслом»[52]. Значит, крепостные и их потомки почти 200 лет владели весьма доходной землей в Петербурге, и помещик ее не отнял ни при крепостном праве, ни в ходе его отмены, поскольку обычай был против такой экспроприации. Во время путешествия по России в 1843 г. А. Гакстгаузен остановился в одной деревне (23 двора и 82 мужские души) Ярославского уезда. Крестьяне выкупились на волю, заплатив своему помещику, князю Козловскому, за землю, находящееся на ней имущество и свою личную свободу 50 тыс. руб. ассигнациями. По этому поводу Гакстгаузен воскликнул: «Удивительная это вещь — русское крепостное право! По закону князю Козловскому принадлежала не только вся земля и мужики с их семьями, но и все их имущество, а, следовательно, и те 50 тысяч рублей, которые они ему заплатили. Почему же, однако, он не взял прямо себе эти деньги и не оставил крестьян в той же крепостной зависимости? Никакой закон не помешал бы ему в этом. Но обычай запрещает поступать таким образом, а обычай сильнее всяких законов!»[53]

Пурлевский повествует, как во время общественной службы бурмистром в 1820-е гг. его инициативы, направленные на развитие образования и здравоохранения в вотчине, находили моральную и материальную поддержку у его помещика, но не у крестьян, посчитавших учение барщиной. Бурмистру удалось открыть в селе школу, домашнюю аптеку, лечебный пункт, пригласить туда на работу врача и все это «благодаря помещикам, без малейшей тягости для общества»[54].

Помещики и община сдерживали имущественное расслоение среди крестьян. По свидетельству Н. Н. Шипова (1802 — после 1881), в его вотчине, как и почти всюду, оброк выплачивался не индивидуально, а всей общиной, при этом львиная его часть падала «на богатых и зажиточных плательщиков», например, в 1820-е гг. при среднем оброке в 100 руб. асс. его отец платил 5000 руб., а самый богатый — 10 тыс. руб.[55] Крестьяне в массе не проявляли стремления к образованию, вследствие чего в деревне возникали «затруднения при сборе расписок за неграмотных в получении паспортов: их приходилось искать получателям по полям с платою

за отрыв от работы»[56]. Слабая дифференциация в имущественном и культурном отношениях поддерживала благосостояние на невысоком, но стабильном уровне. Артынов заметил: «На праздник Рождества был обычай свозить взрослых девиц в село из разных селений. <...> Хоровод собирался весьма велик. Тогда (1830-е гг. — *Б. М.*) не стеснялись, что не у всех были особенно нарядные костюмы: у кого какой был, в том и шла гулять девица. Богатые и бедные гуляли вместе без зависти и были вполне довольны каждая своим нарядом. Тогда было не то, что ныне (1880-е гг. — *Б. М.*): за неимением хорошей одежды не сидит дома, как ныне. Теперь какая одежда на богатой, такую стараются иметь средние и даже бедные, не думая, что это сопряжено с разорением отца»[57].

По словам волостного писаря Васильева, среди государственных крестьян действовало правило давать местным коронным чиновникам рекомендации, обязательные для продвижения по государственной службе. Например, чтобы в 1840-е гг. окружному начальнику получить должность чиновника особых поручений при Палате государственных имуществ Ярославской губернии, следовало «заручиться одобрительными приговорами от волости (где он служил. — *Б. М.*) и отдельных сельских обществ всех трех уездов» — Пошехонского, Рыбинского и Мологского[58]. Вероятно, такие рекомендации можно было получить обманным путем. Однако маловероятно, чтобы крестьяне давали рекомендации ненавистным чиновникам, их притеснявшим.

По свидетельству мемуаристов, немало имелось помещиков, злоупотреблявших насилием и отличавшихся жестоким обращением с крепостными[59]. Правда, в большинстве случаев об этом говорились в отношении не своего господина, а других — сами мемуаристы, как правило, отмечали доброе к себе отношение со стороны своих владельцев. Может быть, благодаря этому им и удалось выкупиться на волю и выбиться в люди. Если жесткость помещика находилась в признаваемых общественным мнением рамках, с нею мирились, так как в то время и помещики, и «старики», или крестьянские патриархи, по утверждению Васильева, считали розги полезными и необходимыми для поддержания порядка в деревне. «Признаюсь, я и сам, молодой еще тогда (1840-е гг. — *Б. М.*) был сторонником розог, считал их необходимостью, да и как не считать было при всеобщей распространенности обычая. Тогда секли отцы детей, мужья жен, начальники подчиненных»[60]. В то же время мемуаристы отмечают: помещики, плохо обращавшиеся с крепостными, имели дурную славу и не пользовались уважением не только у них, но и у дворян и по этой причине скрывали эксцессы[61]. Когда же помещики распускались, то предел их самодурству ставили сами крестьяне. Все мемуаристы привели примеры самосуда, включая покушения на жизнь господ[62]. Типичный случай зафиксировал Бобков: «Генерал фон Менгден любил очень сечь людей. Наконец все люди его остервенились. В один день, когда он пришел в конюшню смотреть, как будут сечь повара, человек 12 дворовых набросились на него, связали и стали сечь. Он стал умолять освободить его от наказания. Его отпустили, когда он дал слово, а затем и подписку, что с этого дня он никого наказывать не будет. Об этом случае он никому не говорил и больше уже не сек»[63]. Ряд случаев злоупотреблений и борьбы с ними привел Пурлевский. «Барин (Иван Иванович. — *Б. М.*) своих крестьян обирал да порол за дело и без дела, пока те, наконец, взбеленились и полезли на стену. Иван Иванович видит, что дело плохо, и поладил с мужиками: выкатил им два бочонка водки, побожился, что впредь

не обидит» и слово сдержал. Другой барин, Лев Петрович, «вынуждал всех молоденьких крестьянок чередоваться у него ночным дежурством. Крестьяне вышли из терпения и через близких барину псарей объявили, что им невмоготу и что если грех будет продолжаться, то найдут на него свою расправу. Сначала Лев Петрович было погорячился, хотел всех передрать, но раздумал, что нет под рукой надежных людей и, чего доброго, самому достанется, как был пример в Переяславском уезде, где мужики, втихомолку добравшись до барина с барыней, оставили их еле живых. Ночные дежурства прекратились». Перечислив и другие случаи злоупотребления властью, мемуарист заключает «Однако и то скажу, *это — злоупотребления* (курсив мой. — *Б. М.*), но из помещиков много было умных, полезных и заслуживающих уважения господ»[64].

Если самим крестьянам не удавалось остановить злоупотребления, они апеллировали к коронным властям и добивались осуждения помещика. Как сообщает Хрущева, по жалобе крепостных за жестокое обращение с ними власти сослали любимского помещика П. Панова в 1832 г. в Сибирь[65]. Бобков засвидетельствовал, что в 1852 г. московский комендант «Пичулин был выслан из Москвы за жестокое обращение с людьми. У него была привычка каждый раз, когда с него снимали сапоги, толкать носком сапога в лицо»[66].

В необходимых случаях крестьяне апеллировали к церковным властям и получали от них защиту. По свидетельству Травина, в 1765 г. за него вступился епископ Псковский и Рижский Иннокентий по ходатайству родственника Травина, служившего архиерейским певчим[67]. Вообще, как показывают воспоминания, крестьянская инициатива могла преодолеть многие препятствия. Выборы причта по закону прекратились в конце XVIII в., однако крестьяне добивались назначения угодного им священника, если действующий их не удовлетворял. Целых шесть лет земледельцы с. Угодичи «просили» архиепископа Ярославского Евгения заменить священника, являвшегося ему родней (sic!), и, в конце концов, владыка в 1849 г. удовлетворил их желание[68].

Мемуаристы в один голос отмечали: в дореформенное время крестьяне в массе своей были лояльны существующему режиму и поддерживали его, отличались религиозностью, преданностью церкви, патриотизмом и глубоким монархизмом; их отрицательное отношение к декабристам объяснялось негативным отношением к бунту, поднятому ими против императора[69]. Но легитимность режима возможна лишь тогда, когда он удовлетворяет потребности, желания и надежды населения. Следовательно, лояльность косвенно свидетельствует о том, что положение крестьян, по крайней мере с их точки зрения, являлось удовлетворительным. Васильев признается: «Я, как и все крестьянство, любовь к царю всосал с молоком матери»[70]. В летописи государственного крестьянина Н. И. Заборского под 1819 г. записано: «28 июля император Александр Павлович со свитой проезжал из Петербурга в Архангельск. <...> Народ наш встретил его с восторгом. <...> И так мы, северные жители, соизволили смотреть нашего государя, кроткого и простого, и разбившего Наполеона, взявшего Париж. Ура, ура, ура!» Аналогичная запись под 1858 г.: «По деревням (Александр II со свитой. — *Б. М.*) проехали тихо, и народ видел хорошо монарха: снимали шапки, женщины махали платками, но многие плакали от радости. <...> Лошади были под коляской монарха нашей деревни, управлял передом наш крестьянин, который мне, маленькому, про все это рассказывал, а я теперь записал. Да и старые записи тоже это подтверждают»[71].

По словам Бобкова, при известии о смерти Николая I «все были унылы и молчаливы. Я ходил в Рождественскую церковь. Во время чтения манифеста все плакали. Затем начался обряд присяги. Было слышно, что каждый присягал искренне, от всего сердца, выражая полную преданность и готовность положить жизнь за царя и отечество. Все искренне молились и возносили желание к Богу о благополучном царствовании вступившего на престол императора». В 1881 г. мемуарист специально приехал в Петербург «поклониться праху Царя-мученика в Петропавловскую крепость. Я долго плакал на его могиле»[72].

Шипов в 1858 г., оказавшись в Нижнем Новгороде на ярмарке, засвидетельствовал, как народ принимал приехавшего Александра II с супругой: «Народу было несметное количество. Прислушиваясь к толкам и разговорам мужичков, я видел, что эти простые люди пламенно желали хоть одним глазом взглянуть на обожаемого монарха. <...> Радость на всех лицах и воодушевление были поистине трогательны и умилительны. Когда государь вышел с пристани на берег и сел в карету, то оказалось, что от тесноты народной не было возможности ехать: народ на руках нес экипаж до самого собора, что в кремле»[73].

В далеком архангельском селе крестьянин записывает под 1812 год: «Этот год нам памятный в русском народе: случились великие события. Жатва изобильна, давно такой не помнили — как бы только жить да радоваться; изобилие и ягод. А между тем не весел был православный народ, у всякого тяжело было на сердце, потому что грянула туча, вторглись несметные полчища Наполеоновы, взяли у нас Москву белокаменную. Народ призывают в ополчение, у нас многие охотно отправились поколотить французов»[74]. Во время Крымской войны в Москве «шла специально написанная на тему текущих событий пьеса. Семьи провожают идущих на войну рекрут и плачут, а помещик воодушевляет их и обещает разные льготы. Все кричат, что готовы умереть за Царя и Отечество. Многие из зрителей плакали». Говоря о настроениях в городе, Бобков отмечает: «Молодежь рвется на войну»[75].

Отмена крепостного права исподволь готовилась укреплением законности в коронном управлении[76] и смягчением нравов, затронувшим помещиков. Кабештов продемонстрировал на примере помещика Чихачева, как под влиянием духа времени жестокий крепостник становился гуманнее: «Его необузданная вспыльчивость, строгие наказания розгами не только крестьян, но и крестьянок и частые злоупотребления нагайкой по делу и без дела делали его несимпатичным и даже опасным. С каждым возвращением из-за границы он привозил новую нагайку — тоньше прежней и пускал ее в дело реже, но все-таки она несколько времени ходила по многим спинам, и только в половине 50-х годов была окончательно заброшена. <...> Он уменьшил строгости и по мере уменьшения их становился добрее и внимательнее к нуждам крестьян и еще более начал улучшать хозяйство»[77].

Важная роль в отмене крепостничества принадлежала пробуждению у крестьян чувства собственного достоинства, на почве которого возникало недовольство своим приниженным положением[78]. Воспоминания это подтверждают. Пурлевский признался: «Прежде, когда не тяготились мои понятия крепостным правом, желания мои ограничивались тем, чтобы стать в уровень с почетными людьми села из зажиточных или, по крайней мере, не уронить памяти отца и деда. Но после того события, как насильственно был увеличен наш платеж

(в 1820 г. — *Б. М.*), власть помещика и унизительное рабство целого общества тяжело дали себя почувствовать»[79].

Дневник Бобкова подробно зафиксировал, как росло в нем чувство собственного достоинства. Обучившись в раннем детстве грамоте, он стал усердным читателем. В четырнадцатилетнем возрасте он записал: «Я думал про себя, что я не хочу быть простым мужиком. Я хотел быть приказчиком на фабрике». Через два года, в 1847 г., его взяли дворовым в Москву, он горько сетовал: «Кликали меня Федькой. Мне это было очень неприятно. В деревне ко мне приходили из других деревень с просьбой прочитать и написать письма, угощали меня, ухаживали за мной, звали Федором Дмитриевичем, а здесь — деревенский чурбан, Федька». Через год, в 1848 г., он с удовлетворением записал, что за усердную службу «мне был подарен жилет и галстук, и меня стали звать Федором, а не Федькой». В 1848–1856 гг. Бобков много читает, барыня разрешает ему посещать театр, он прислуживает на обедах известных литераторов и артистов, слышит их разговоры и много размышляет. В 1856 г. он записывает: «Меня оскорбила статья, в которой автор утверждал, что “лакейство и все дворовые начали огрызаться. Это уже становится невыносимым. Хотя бы поскорее освободили нас от этих тунеядцев”. У меня роились мысли и возникали вопросы. Кто же другой, как не сами помещики, создали этот класс людей и приучили их к тунеядству. Разве кто из дворовых мог жить, как хотел. Живут так, как велят. Отрывают внезапно от земли и делают дворовым, обучая столярному, башмачному или музыкальному искусству, не спрашивая, чему он желает обучаться. Каждый, не любя свои занятия, жил изо дня в день, не заботясь о будущем. Да и думать о будущем нельзя, потому что всякую минуту можно попасть в солдаты или быть сосланным в Сибирь. <...> Теперь каждое повышение тона барыни и ее сына вгоняло меня в краску. Мне думается, что и на меня смотрят как на тунеядца и на дармоеда». Так стал думать человек, которого барыня «чуть ли не каждый день в театр отпускает и позволяет зарабатывать копейку службою в двух домах». После получения свободы Бобков с грустью констатирует: все знакомые его дворовые остались на прежнем месте, перейдя, как и он, в вольнонаемные лакеи. Наконец, в 1865 г. он решился начать самостоятельную жизнь и поступил на должность помощника начальника станции на железной дороге; впоследствии, занявшись подрядами, он стал купцом первой гильдии[80].

10.3. Комиссия 1872–1873 гг. для исследования нынешнего положения сельского хозяйства

Имеется два массовых опроса о положении крестьянства, проведенных в 1872–1873 гг. высочайше учрежденной Комиссией для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России под председательством министра внутренних дел П. А. Валуева (далее Комиссия 1872 г.) и в 1902 г. высочайше учрежденным Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством министра финансов С. Ю. Витте (далее Совещание 1902 г.).

Комиссия 1872 г. собрала в 1872 г. письменные сведения от 958 представителей местной администрации, священников, торговцев, землевладельцев[81], проживающих в 41 губернии Европейской России[82], из них 181 эксперту предлагалось

высказаться по всем вопросам анкеты, включавшей 268 пунктов[83]; остальным — по отдельным пунктам. Для нас особый интерес представляют ответы на 14 вопросов:

2. Улучшилось ли в последнее десятилетие ведение хозяйства у частных владельцев?

4. Улучшилось ли в последнее десятилетие ведение хозяйства у крестьян?

8. Какие причины повлияли на упадок крестьянского хозяйства?

28. Увеличиваются ли случаи приобретения крестьянами земли в собственность?

31. Какие существуют цены на землю?

49. Обеспечивает ли надел существование крестьян и лежащие на них повинности при надлежащем с их стороны хозяйстве и достаточном удобрении полей?

62. Увеличилось или уменьшилось в последнее десятилетие и насколько число рабочих дней в зависимости от праздников?

68. Заметно ли какое-либо улучшение в быте крестьян? Улучшились ли их пища и одежда?

69. Какое влияние на быт крестьян оказывают семейные разделы?

70–75. Какое влияние на крестьянское хозяйство оказывает передельная община и круговая порука?

83. Как велики годовые заработки сельского рабочего?

86. Как велики платежи, раскладываемые на земли владельцев всех сословий?

91. Как велики платежи, взимаемые специально с крестьян лично?

139. Увеличивается ли или уменьшается количество рогатого скота у крестьян?

Результаты статистической обработки ответов приведены в табл. 10.1. Прежде чем их комментировать, необходимо сделать несколько пояснений. Все эксперты свои мнения основывали на личном опыте и относили его к конкретной местности, хорошо им известной — губернии, уезду, волости, отдельному имению или селению. «Я владею имениями в двух губерниях — Черниговской и Полтавской. Местность, с которой я более знаком, потому что живу в ней летом, — это часть Прилукского уезда Полтавской губернии», — начал свои ответы князь П. А. Кочубей. «Мне ближе всего известен Клинский уезд Московской губернии», — отметил великий химик Д. И. Менделеев. «Мои замечания будут касаться хорошо мне знакомой Херсонской губернии», — ограничил свою компетенцию херсонский губернатор Н. С. Абаза[84]. Каждый ответ эксперта по одному вопросу учитывается один раз, независимо от того, имел ли он в виду одно, несколько или много имений.

Ответы разделены на три варианта: (+) показывает позитивную динамику явления (хозяйство или пища улучшались, благосостояние, цены, зарплата повышались, численность скота увеличивалась); (–) — динамика негативная, (=) — изменения не зафиксировано. Например, в отношении земельного надела (+) означает достаточность надела, а (–) — недостаточность; в отношении платежей (+) — тяжелы/велики, (–) — не тяжелы/не велики. Не учитывались случаи, когда вопрос имел в виду изменение, а оно в ответе не отмечалось. Например, если респондент говорил, что праздников много, но не сравнивал существующее число праздников с дореформенным, его сведения в анализ не включались.

При ответе на одни вопросы эксперты нередко входили в обсуждение смежных, затрагивая фактически несколько проблем. Например, при ответе на 4-й вопрос (Улучшилось ли в последнее десятилетие ведение хозяйства у крестьян?)

нередко оценивалась также динамика общего благосостояния крестьянства, поэтому этот вопрос в табл. 10.2 фигурирует в двух вариантах: улучшилось ли хозяйство и повысилось ли благосостояние? Ответ на 68-й вопрос имеет три варианта для крестьян (изменение в потреблении пищи, одежды и водки) и один вариант для сельскохозяйственных рабочих. Напротив, проблема общины обсуждалась в ответах на 6 вопросов — с 70-го по 75-й, при этом отдельно для общинных и подворных губерний.

Таблица 10.2

Результаты статистической обработки ответов на анкету Комиссии 1872 г.

Вопросы	Число ответов				% ответов			
	+	–	=	Итого	+	–	=	Итого
2. Улучшилось ли в последнее десятилетие ведение хозяйства у частных владельцев?	56	38	36	130	43,1	29,2	27,7	100
4. Повысилось ли благосостояние крестьян	24	11	3	38	63,2	28,9	7,9	100
4 а. Улучшилось ли хозяйство крестьян?	71	27	31	129	55,0	20,9	24,0	100
28. Увеличиваются ли случаи приобретения земли крестьянами в собственность?	18	1	0	19	94,7	5,3	0	100
31. Повысились ли цены на землю?	42	1	5	48	87,5	2,1	10,4	100
49. Достаточен ли земельный надел?	14	8	0	22	63,6	36,4	0	100
62. Увеличилось ли число праздников?	42	0	8	50	84,0	0	16,0	100
68 а. Улучшилась ли пища крестьян?	149	34	189	372	40,1	9,1	50,8	100
68 б. Улучшились ли одежда, обувь, жилище и т. п. у крестьян?	298	0	69	367	81,2	0	18,8	100
68 в. Увеличилось ли потребление водки?	19	1	0	20	95	5	0	100
68 г. Улучшилась ли пища с/х рабочих?	104	0	14	118	88,1	0	11,9	100
69. Семейные разделы имеют пагубные последствияв материальном и нравственном отношениях?	289	41	30	360	80,3	11,4	8,3	100
83. Увеличились ли заработки с/х рабочих?	28	0	0	28	100,0	0	0	100
70–75. Община — помеха развитию крестьянского хозяйства в общинных губерниях?	138	30	104	272	50,7	11,0	38,3	100
70–75. Община — помеха развитию крестьянского хозяйства в подворных губерниях?	35	0	0	35	100,0	0	0	100
86. Тяжелы ли платежи крестьян?	20	15	0	35	57,1	42,9		100
139. Увеличилось ли число рогатого скота?	11	23	13	47	23,4	48,9	27,7	100

Источник: Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. VI. Стенографические ответы лиц, приглашенных в Комиссию. СПб., 1873. Ч. 1, 2; Приложения. I. Свод сведений о современном положении сельскохозяйственной промышленности вообще. С. 94–256.

По мнению экспертов, приглашенных в Комиссию 1872 г., в целом положение крестьян в 1860-е — начале 1870-х гг. сравнительно с дореформенным улучшилось. Почти две трети респондентов (63.2%) засвидетельствовали повышение благосостояния. «В Саратовской губернии благосостояние крестьян замечательно улучшилось»[85]. «Крестьяне в продолжение последнего десятилетия значительно поправились в своем положении, за исключением редких местностей, которые бедны своим плодородием. Улучшение быта замечается в том, что редкий из хозяев не имеет своего плуга, чего прежде не было, а потому также имеет нужное

количество скота. Хлеба собирают столько, что не только хватает его до нового, но еще продают достаточно на свои потребности: в уплату оброка и других податей» (Волынская губ.)[86]. «С отменой барщины и с ведением наемно-рабочего хозяйства, благосостояние сельского населения, в особенности крестьян-хозяев, увеличилось» (Ковенская губ.)[87].

Рост жизненного уровня эксперты иллюстрировали многими фактами: крестьяне стали качественнее питаться, одеваться, осовременивали свой быт, стали покупать землю. Улучшение питания отметили 51% респондентов, а батраков — 88,1% (подробнее о питании см. в Главе 9 настоящей монографии). Прогрессивные сдвиги в материальном быте отмечены 81,2% респондентов, и ни один не заявил о его ухудшении. «Быт крестьян заметно улучшается, потому что они стали одеваться чище, чаще бывают в городах, лучше и вкуснее едят, заводят лучшую упряжь и проч.» (Ярославская губ.)[88]. В начале 1850-х гг. корреспондент Русского географического общества, учитель гимназии П. Малыхин поражался жизни воронежских земледельцев: «Жилище поселянина — деревянная, большей частью курная изба. Внутренность ее от всегдашнего дыма бывает закопчена чрезвычайно, так как сажа нарастает толстым слоем. В этой дымной атмосфере люди живут большими семействами, очень счастливо, и до того свыкаются со своею жизнью, что мало тяготятся ею и не заботятся об улучшении своих жилищ. Но надобно иметь большую привычку и весьма крепкую голову, чтобы переносить духоту этих нечистых и неопрятных обиталищ, особенно зимою, когда к людям присоединяются на жительство разные домашние животные, в предохранение от холода»[89]. Двадцать лет спустя эксперты из той же Воронежской губернии показали: «Курные избы выводятся, дома содержатся чище, для освещения употребляется керосин, а некоторыми и стеариновые свечи. Крестьяне носят сапоги и ситцевые рубахи, женщины не носят больше плат (платьев. — *Б. М.*), а ситцевые юбки. Пьянство уменьшилось»[90].

Позитивные сдвиги отмечены повсеместно. «Прежде всего, лаптей не видать, крестьяне ходят в сапогах, женщины в башмаках и в черных хорошего сукна, иногда бархатных пальто» (Саратовская губ.)[91]. «Иконы во всех избах появились только со времени освобождения крестьян» (Могилевская губ.). «У зажиточных хозяев утвари больше прежнего. У многих даже небогатых крестьян завелись постели» (Волынская губ.). «В некоторых деревнях встречается более удобное и опрятное

Крестьянские девушки. 1910-е гг. Фото

устройство жилых помещений и печи снабжены дымовыми трубами» (Ковенская губ.)[92]. «Можно судить об улучшении быта по возводимым, почти непрерывно, новым постройкам» (Волынская губ.)[93]. «На Юге быт рабочих улучшился. Хотя Херсонская губерния не так богата, как Полтавская и Курская, где замечается большее улучшение. В Петербургской губ. крестьяне стараются щеголять (перестают, например, носить лапти), но в пище их мало улучшений» (Херсонская, С.-Петербургская губ.)[94].

18 респондентов (10% опрошенных) в качестве факта, подтверждающего рост благосостояния, отметили покупку земли. «Крестьяне охотно покупают землю в личную собственность» (Пензенская, Рязанская губ.)[95]. «В последнее время заметно стремление крестьян к приобретению земель, и очень значительное количество помещичьих земель куплено исключительно крестьянским сословием» (Нижегородская губ.)[96]. «Крестьяне очень часто покупают земли, даже в большом количестве» (Виленская губ.)[97].

Однако не везде наблюдались позитивные сдвиги. Как видно из табл. 10.2, 28,9% респондентов отметили понижение благосостояния и еще 7,9% не зафиксировали его повышения, причем в некоторых случаях разнонаправленность перемен констатировали одни и те же респонденты. «Образ жизни крестьян Курской и Харьковской губерний стал видимо лучше: одеваются лучше, едят мясо, хотя и немного, но все-таки более прежнего; в Воронежской в настоящее время жизнь крестьян стала заметно хуже»[98]. «Быт государственных крестьян мало изменился и благосостояние их осталось на прежнем уровне; но уровень помещичьих крестьян в общем итоге понизился» (Тульская, Орловская губ.). «Быт государственных крестьян далеко лучше бывших помещичьих, потому что у первых больше земли и меньше платежей. Государственные крестьяне оказываются более бережливыми, и потому земля покупается преимущественно ими, бывшими помещичьими — очень редко» (Курская губ.)[99]. «В большей части уездов Черниговской губернии быт крестьян улучшается; но в северных уездах, Мглинском и Суражском, положение крестьян плохое; <...> быт населения не улучшился»[100]. Подводя итоги, Комиссия 1872 г. отметила географию сдвигов: в северо-западных, юго-западных и южных черноземных губерниях быт и хозяйство крестьян «значительно улучшились», в малороссийских губерниях — «скорее заметно направление к улучшению», в центральных нечерноземных губерниях «быт крестьян не улучшился или улучшился мало, хозяйство же или осталось на прежнем состоянии, или значительно ухудшилось»[101].

Из 73 человек, прямо ответивших на вопрос о причинах упадка крестьянского хозяйства и понижения благосостояния там, где это произошло, 42,5% указали на семейные разделы, 17,8% — на общину, 13,7% — на круговую поруку, 13,7% — на пьянство, 6,8% — на безначалие и 5,5% — на низкий уровень агротехники ввиду недостатка скота, истощения почв и т. п.[102]. «Раздробления хозяйств доводят крестьян до нищеты» (Московская, Тамбовская, Костромская губ.)[103]. «Причины упадка нужно искать не в новых только неудобствах и затруднениях, но и в бывшем, издавна существующем порядке вещей, который был менее вреден при прежних условиях. Эти причины заключаются в общинном пользовании землей и круговой поруке» (Петербургская, Черниговская губ.)[104]. «Причины упадка хозяйств: повсеместное сильное пьянство, частые разделы, круговая порука» (Ярославская губ.). «Кроме разделов, распущенность нравов и пьянство,

происходящие более всего от безначалия, затем частые пожары и падежи скота, случающиеся от беспорядка, — все вместе привело крестьян к их теперешнему упадку» (Воронежская, Тамбовская губ.)[105].

Ввиду острой дискуссии по вопросам о семейных разделах и общине, Комиссия 1872 г. дополнительно опросила 360 человек. Причины разделов, по мнению экспертов, можно свести в шесть примерно равноценных по числу ответов групп: (1) семейные ссоры, (2) иллюзорная надежда избегнуть рекрутской повинности, (3) желание освободиться от власти главы семьи, а иногда его деспотизма, (4) стремление устроить свою жизнь самостоятельно, работать на пользу только своей жены и детей, (5) легкость получения земельного надела при разделе, (6) попустительство местного начальства, допускающего разделы без законных оснований. По вопросу влияния разделов на крестьянское хозяйство эксперты разделились на три группы: (1) самая многочисленная — 80,3% — полагала: «они производят самые пагубные действия как в материальном, так и нравственном отношениях», (2) 11,4% признали: «разделы составляют зло неизбежное и временное», (3) 8,3% респондентов утверждали: «семейные разделы полезны как в нравственном, так и в экономическом отношениях», «прекращаются ссоры, уменьшается праздность и пьянство, усиливается хозяйственная деятельность отделившихся членов, крестьянин делается более трудолюбив и бережлив, больше заботится об улучшении хозяйства»[106].

Весьма интересные результаты дает обработка ответов по вопросу о роли передельной общины. В губерниях с господством общины 50,7% респондентов высказалось против общины, считая ее серьезнейшим препятствием для развития сельского хозяйства; по мнению меньшинства (11%), она устраивает крестьян и не мешает развитию сельского хозяйства; а 38,2% респондентов не имели четкого представления о преимуществах общинного и подворного землевладения и принимали общину как данность. В украинских, белорусских и прибалтийских губерниях, где преобладало подворное владение, сторонников общины не нашлось, 39,8% высказались в пользу подворного землевладения, а остальные 60,2% вообще не высказались о преимуществах разных форм землевладения, поскольку для них только подворная форма была известной и приемлемой. «В нашем сельском быту вряд ли можно что-либо признать более желательным, чем образование класса зажиточных землевладельцев (из крестьян. — *Б. М.*), которые бы послужили связующим звеном между помещиками и крестьянами» (Симбирская губ.)[107]. «Общинное владение удобней для пастьбы скота. Переделы полей ведут к расстройству хозяйства, так как препятствуют старательной обработке и удобрению земли, и пользование участковое в этом случае полезнее» (Рязанская губ.). «Как общинное, так и участковое пользование землей имеют свои выгоды и неудобства. Выгоды общинного: (1) в исправном отбывании повинностей, пока подать не разложена крестьянами на землю, (2) в удобстве пастьбы скота на толоке (на общинных землях, находящихся под паром. — *Б. М.*), особенно в маловодных землях и больших селениях, (3) вновь подрастающие поколения не так страдают от нерадения родителей. Выгоды участкового владения: (1) старание хорошо обработать и удобрить свою землю, в уверенности, что земля эта не отойдет к другому, (2) во всякое время можно начинать пахать свою землю, что для удобства пастьбы ему запрещают при общинном пользовании. <...> При участковом владении урожайность земель должна подняться в значительной степени, но зато

нерадивые крестьяне, а некоторые и по несчастью, обнищали бы и попали в вечные работники» (Воронежская гиб.). «... Надобно жить среди народа и видеть, как нравственно возвышается, какою отличается твердостью, самостоятельностью, бережливостью и трудолюбием тот хозяин, который имеет собственный лоскут земли и который знает, что его земля есть наследие его потомства и притом он может заложить ее при нужде или при чаянии какой-нибудь выгоды. Общинники — это постояльцы, собственники — это владельцы, но между постояльцами и собственниками громадная разница» (Таврическая губ.)[108].

Уже в 1873 г. большинство землевладельцев, земских деятелей, но лишь незначительное число крестьян признавали превосходство подворного над общинно-передельным землевладением, сознавая вместе с тем преимущества последнего для крестьян. По наблюдениям экспертов, преобладающее число русских земледельцев пока еще не мыслило своей жизни без общины и плохо представляло сущность подворного владения. Однако айсберг общинного землевладения начал таять. 18 респондентов отметили массовые индивидуальные покупки земли в собственность, шесть — *стремление* купить землю, часто сдерживаемое страхом перед общественным мнением, не склонным еще поддерживать такие желания[109]. «Хотя стремление крестьян к участковому владению заметно, но у них нет желания выйти из общины. Покупая участки на стороне, они остаются на своих местах, объясняя это тем, что на миру жить лучше, а там, пожалуй, ограбят» (Тульская, Орловская губ.)[110].

Противоречивость изменений, происходивших в первое десятилетие после отмены крепостничества, замечалась в губерниях, в разных уездах одной губернии, в отдельных селениях одного уезда и волости и даже в пределах одного селения вследствие начавшегося расслоения крестьянства. «В Полтавской губернии крестьяне получили лучшую землю в надел; вместе с тем многие отказались от надела и получили одни усадьбы. Те и другие крестьяне резко отличаются по своему благосостоянию: крестьяне с наделом положительно богатеют, хозяйство у них идет хорошо. Это доказывается тем, что они увеличивают скотоводство, нанимают земли не из копны, а за деньги в больших имениях. Недоимок не бывает, пьянство уменьшается, а не увеличивается. Совершенно другое положение тех крестьян, которые остались с усадьбами: они ничего не имеют, и между ними развилось сильное пьянство, хозяйства у них нет никакого»[111]. «Некоторые, впрочем, немногие, крестьяне обогатились, — но что всего важнее — это совершенное почти исчезновение среднего положения крестьян; теперь мы видим в деревнях богатых крестьян и весьма бедных, но среднего состояния очень мало. Третья часть крестьян не имеет лошадей. Это нужно приписать распространению пьянства» (Рязанская губ.)[112].

По утверждению многих экспертов, наблюдавшееся увеличение потребления водки свидетельствовало о повышении доходов у земледельцев. «Потребление водки усиливается, что может служить признаком возрастающего благосостояния поселян» (Бессарабская губ.)[113]. «Чем больше заработки, тем больше выпивается водки. Вообще же пьянство не увеличивается, а, напротив, у многих крестьян начинает проявляться стремление к бережливости и улучшению своего быта» (Киевская губ.)[114]. «Крестьяне стали как будто побогаче против прежнего; имеют больше средств пьянствовать» (Курская губ.)[115]. Действительно, потребление водки после введения в 1863 г. акцизной системы вместо откупной поднялось с 10 литров в 1863 г. до 12 литров в 1871 г., хотя в отдельные годы

Карнеев А. Е. Зарок не пить (Общество трезвости). 1860 г. Частн. собр.

колебалось в зависимости от урожая[116]. В дальнейшем расходы на водку продолжали расти, хотя потребление ее уменьшалось, подтверждая закономерность, открытую А. А. Фетом (известный поэт оказался превосходным сельским хозяином и публицистом): потребление водки подобно «вентилятору» — поглощает избыточные, с точки зрения крестьян, доходы (табл. 10.3). Фет полагал: потребление водки в 1860-е гг. было умеренным и меньшим, чем на Западе; «пьянство нисколько не составляет отличительной черты нашего крестьянина». Настоящих алкоголиков в России мало, причем «сравнительное большинство беспросыпных пьяниц — заштатные чиновники, писаря и бывшие дворовые». Поэтому, по мнению Фета, косвенные налоги в России целесообразнее прямых: «государство, желающее развития земледелия и вынужденное прибегать к возрастающим налогам, никакими усилиями не соберет ту сумму, которую ему дает «громадный, безнедоимочный косвенный налог»[117].

Некоторые эксперты признаком повышения жизненного уровня считали уменьшение числа рабочих и соответствующее увеличение праздничных дней: «Материальные средства сельского населения за последнее время увеличились: они лучше одеваются, больше гуляют и больше пьют водки. По-видимому, крестьяне вполне довольны. Ежели бы этого не было, то они не позволили бы себе праздновать все возможные и невозможные праздники и даже пятницы (в нашей местности считается грехом пахать в этот день)» (Курская губ.)[118]. Рост числа праздников после эмансипации среди православного крестьянства признали 84% экспертов. Этот факт представлялся чрезвычайно важным вопросом, поэтому Комиссия дополнительно опросила 364 человека, в том числе земцев, волостных старшин, мировых посредников и крестьян, и собрала по этому вопросу внушительную коллекцию сведений (результаты опроса приведены в табл. 10.4).

Таблица 10.3

Цены, потребление и расходы населения на водку в России в 1851–1910 гг.

Год	Население	Производство водки		Цена, коп. за ведро*	Расход на водку, коп.**	Питейный доход		Индекс		
		тыс. ведер	на д. н. ведер			тыс. руб.	на д. н., коп.	расхода наводку**	питейного сбора**	
1851–1860	71 495	62 800	0,88	300	264	–	–	120	–	–
1863	74 263	–	0,81	272	220	138 095	186	100	–	100
1863–1865	74 704	–	0,81	–	–	123 031	165	—	100	89
1866–1870	81 270	68 023	0,84	315	264	136 521	168	120	102	90
1871–1875	87 994	78 237	0,89	370	329	183 266	208	150	126	112
1876–1880	93 946	76 892	0,82	405	332	207 758	221	151	134	119
1881–1885	104 549	81 773	0,78	–	–	240 417	230	–	139	124
1886–1890	114 761	80 388	0,70	–	–	260 463	227	–	138	122
1891–1895	121 467	73 999	0,61	–	–	274 268	226	–	137	121
1896–1900	128 631	79 212	0,62	725	450	298 135	232	204	141	125
1901–1905	139 175	82 558	0,59	781	461	501 999	361	209	219	194
1906–1910	153 159	106 821	0,70	822	575	719 913	470	262	285	253

Примечания: * Оптовая цена со складов в 1851–1860 и 1863 г. в 18 великороссийских губерниях; в 1866–1880 гг. — в 50 европейских губерниях; в 1896–1910 гг. — в империи без Финляндии. Ведро содержало 12,3 литра.

** На душу населения.

Источники: Подсчитано по: *Население* империи без Финляндии в 1800–1916 гг.: Статистический ежегодник России. 1916 г. М., 1918. Вып. 1. С. 85; *Производство водки: Корсак А.* О винокурении//Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. СПб., 1865. Т. 3. С. 311, 324–325 (1851–1860, 1863 гг.); Казенная продажа вина/Н. О. Осипов (ред.). СПб., 1900. Приложение. С. 56 (1866–1898 гг.); Ежегодник Министерства финансов на [1903–1912] год. СПб., 1904–1912 (1890–1910 гг.); *Цены: Корсак А.* О винокурении. Т. 3. С. 346, 473 (1851–1860, 1863 гг.); Ежегодник Министерства финансов на [1869–1912] год. Вып. 1–41. СПб., 1869–1912; *Акциз*: Питейные доходы: Казенная продажа вина. Приложения. С. 74; *Питейные доходы*: Казенная продажа вина. Приложения. С. 77 (1863–1894 гг.); Ежегодник Министерства финансов на [1903–1912] год. СПб., 1904–1912 (1890–1910 гг.).

Таблица 10.4

Общий баланс рабочих и нерабочих дней в году в крестьянском хозяйстве в середине XIX — начале XX в.

	1850-е гг.		Начало 1870-х гг.		1902 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Число рабочих дней	135	37	125	34	107	29
Общее число нерабочих дней,	230	63	240	66	258	71
в том числе праздничных	95	26	105	29	123	34

Источник: Миронов Б. Н. Социальная история. Т. 2. С. 308.

Как видим, в среднем за десять лет прирост составил десять дней — каждый год добавлялось по одному праздничному и, следовательно, нерабочему дню. «Теперь у крестьян, конечно, гораздо более времени, чем было при крепостном праве, но зато и число соблюдаемых ими праздников также значительно увеличилось». Эксперты указали, как возникали новые праздники. «Празднуют такие праздники, которых не найти ни в одном календаре, например, день Паликопы, в который, по предрассудку крестьян, нельзя ни косить, ни вязать хлеб, потому что сложенная в этот день копна непременно сгорит» (Киевская. Подольская, Волынская губ.). «В день обновления Цареграда, который приходится в самую рабочую пору, нельзя работать, потому что праздник царя над градом» (Воронежская, Тамбовская губ.)[119]. «Прогульные дни в нашей местности значительно увеличились вследствие курьезных постановлений некоторых сельских сходов. Например, в с. Онуфреме, в июле месяце, когда так необходимы полевые работы, сход постановил не работать в течение 10 дней по случаю того, что крестьяне приносили в село образ св. Николая Можайского, находящийся в волоколамском соборе: кто работал в это время, подвергался известному штрафу» (Московская губ.)[120]. «В Подольской губернии крестьяне, кроме православных праздников, празднуют часто и католические». То же наблюдалось в Минской губернии. «Если у меня местный праздник, — жалуется землевладелец, — то все крестьяне лежащих вокруг меня местностей не работают. После переселения латышей, которые стали праздновать свои праздники, у меня стали происходить столкновения с рабочими, начавшими праздновать также и праздники латышей. “Если латыши празднуют, то отчего же нам не праздновать?” — говорят они. — Кроме того, наши крестьяне по средам и пятницам не выезжают пахать». «Понедельник сделался теперь, в особенности у мастеровых, совершенно праздничным днем, так что они начинают работать уже со вторника» (Тульская губ.)[121]. «Кроме существующих праздников, они сочиняют и свои собственные, например, запрещают работать в день государыни цесаревны, потому что это царский день и штрафуют очень строго» (Московская, Тамбовская, Костромская губ.)[122].

Суходольский П. А. Полдень в деревне. 1864 г. ГРМ

Возрастание числа праздников происходило повсеместно и вполне стихийно, вопреки постановлениям коронных властей. «Число праздников и прогульных дней значительно увеличилось. Прежде хозяева и управляющие знали число праздников, а теперь нельзя и уследить за этим, потому что в каждой деревне два-три приходских праздника в году; каждый продолжается по 3–4 дня» (Ярославская, Костромская губ.). «В Волоколамском уезде делались все усилия для того, чтобы уменьшить число праздничных дней; были даже распоряжения от губернского начальства; исправники рассылали циркуляры, в которых говорилось, чтобы не запрещать односельцам работать в праздничные дни. Но ничего из этого не вышло. Крестьяне согласились между собой наложить запрещение работать в праздники и строго штрафуют тех, которые в таковые работают»[123]. «Бóльшая часть вновь созданных праздников бывает в течение летнего времени, с 23 апреля по 23 октября» (Витебская губ.)[124].

Эксперты проводили удручающие их параллели с протестантами. «Громадное количество праздников и празднуемых преимущественно в летнюю и осеннюю пору, когда всюду работ масса, а работать часто некому, отзывается крайне разорительно. Нередко ценные хлеба под пекло жгучего солнца высыпаются, а рабочие празднуют самими ими сочиненные праздники. Живущие рядом с нами сельчанами немецкие колонисты празднуют на 20 или 30 дней праздников менее, чем наши сельчане, а это в крестьянском быту отзывается убыточно для целой семьи до 50 руб. в год»[125] (Екатеринославская губ.). «Работники протестантского вероисповедания работают в году 300 дней и празднуют около 65 (со включением воскресных дней); католики же, староверы и православные работают обыкновенно только около 260 дней. Вследствие этого лютеране получают плату на 10–20% выше против рабочих других вероисповеданий» (Курляндская губ.). То же в Лифляндской и Эстляндской губерниях[126].

Мнения о причинах роста числа праздников сводились по сути к одному: земледельцы ни до, ни после эмансипации не имели стимула работать, так как потребности их очень скромны. Но в крепостное время к труду их побуждали помещики, а с получением свободы этот стимул исчез, зато добавилось давление духовенства, заинтересованного в праздниках по соображениям дополнительного дохода в праздничные дни. «В настоящее время в рабочем люде заметно уменьшение труда: если крестьянин удовлетворен в минутных своих желаниях, то уже не трудится. В особенности это заметно в женщинах» (Тамбовская, Воронежская, Московская губ.). «Кроме общих праздников, каждый поселок имеет несколько местных праздников, установленных издавна, вследствие пожаров, градобития, падежей скота и других местных причин. Таких праздников в летнее время особенно много. До освобождения крестьян помещики не допускали крестьян праздновать такие праздники более одного дня. В настоящее же время, при увеличении вообще пьянства между крестьянами, эти праздники служат им предлогом, чтобы бросить работу и предаться пьянству и веселью, в продолжение нескольких дней. Есть такие крестьяне, которые подобные праздники празднуют в течение целой недели» (Костромская губ.). «Крестьяне, вообще говоря, готовы работать и по воскресеньям, после обедни, и в те праздничные дни, которым они не придают особенного значения, но против этого восстает духовенство, которое требует в воскресенье и праздники полного застоя работ и следит за тем, чтобы волостные старшины за сим наблюдали, так что крестьяне иной раз и рады бы

поработать для успеха и сбережения времени, но боятся кары, а потому, не зная что делать и не имея никаких развлечений, сходятся у кабака» (Смоленская губ.). «Итог рабочего времени, безусловно, значительно уменьшился, так что это причиняет ужасный вред хозяйству. Причины этого явления весьма важны: крестьяне прежде исполняли барщину по известному побуждению, которого в настоящее время не существует. <...> Я считаю основательными все сведения, которые по поводу праздников имеет Комиссия относительно влияния духовенства» (Подольская губ.)[127].

Многие эксперты отмечали: крестьяне буквально искали предлоги, чтобы уклониться от работы, но при этом не просто бездельничали, а пьянствовали: «В праздники корчмы бывают переполнены, в церкви же встречаешь только баб и детей. Народ, не зная цены времени, положительно изленился и хватается за всякий предлог, чтобы предаться пьянству и праздности» (Минская, Могилевская губ.)[128].

Где же земледельцы брали средства для веселого времяпрепровождения, если они стали меньше работать, но при этом лучше питались, одевались и больше пили водки? Ответ может быть только один — у них повысился жизненный уровень. И действительно, две трети респондентов признали этот факт. В чем же состояли источники роста благосостояния? Прежде всего, в получении свободы распоряжаться своим временем и в снижении налогов и повинностей[129]. «Зажиточность крестьян, вследствие большей свободы располагать своим временем и трудом, увеличилась», — сообщил А. Н. Аксаков, крупный землевладелец Пензенской, Самарской, Симбирской и Уфимской губерний. «Хозяйство у крестьян положительно улучшилось и быстро улучшается, потому что выкупные платежи с наделов, которые раздавались им щедрою рукой, в сравнении с платежами крестьян русских губерний, бывают часто ничтожны» (Минская, Могилевская губ.)[130]. Кстати говоря, на достаточность земельных наделов указали 63,5% респондентов. «С упразднением крепостного права крестьяне приобрели в полную собственность свое время, производительное употребление которого и помимо их собственного хозяйства может доставлять им значительные заработки, поэтому улучшение их быта может происходить не только при отсутствии улучшений в их хозяйствах, но и при их упадке. В северо-западной части Черниговской губернии крестьянское хозяйство, по моему впечатлению, не улучшается, хотя быт крестьян и улучшился: приемы хозяйства остались те же, земледельческие орудия и скот по-прежнему плохи»[131].

Важный фактор роста благосостояния — повышение эффективности труда: земледельцы стали меньше, но эффективнее работать на себя, полностью компенсировав уменьшение числа рабочих дней в году. «Со времени освобождения крестьян труд их сделался производительнее, а хозяйство их улучшается. <...> Трудолюбие стало развиваться»[132]. 55% респондентов отметили улучшения в хозяйстве крестьян: улучшение качества обработки земли, применение молотилок, увеличение запашек за счет покупки и аренды земли. «При самых тщательных наблюдениях, даже при некотором скептицизме при исследовании, нельзя не признать, что положение крестьян поднялось. Способы ведения хозяйства у крестьян также улучшились: крестьяне стали больше заботиться о своей собственности, начали лучше обрабатывать почву, лучше отделывать хлеб», — засвидетельствовал известный исследователь В. И. Чаславский, который по поручению Русского

географического общества и Вольного экономического общества в 1871 г. изучал положение сельского хозяйства в шести центральных, черноземных и нечерноземных губерниях, а в 1872 г., по поручению Министерства государственных имуществ, — в шести приволжских губерниях, в обоих случаях — экспедиционным способом[133]. «Где особенно заметно улучшение — это в крестьянских хозяйствах. Они видимо почувствовали свою самостоятельность. Почти нет клочка земли, который оставался бы невозделанным, как прежде» (Гродненская губ.)[134]. Респонденты отмечали улучшения, особенно заметные у тех крестьян, которые стали собственниками. «Где крестьяне становятся собственниками, там они сейчас же улучшают свое хозяйство и вводят те улучшения, которые существуют у помещиков» (Екатеринославская губ., Прибалтика)[135].

Таким образом, рост числа праздников следует интерпретировать следующим образом: основные потребности крестьян удовлетворялись при меньшем числе рабочих дней, благодаря повышению эффективности труда и уменьшению налогового бремени. В случаях, когда они по-настоящему, остро нуждались в средствах, они работали в праздники, причем это говорилось о земледельцах тех губерний, из которых слышались потоки жалоб на их стремление гулять и пьянствовать. «Тамбовские крестьяне, напротив, работают в праздники и притом очень охотно»[136]. «Крестьяне работают довольно усердно, кроме воскресных дней и праздников. В первое время действительно было много праздников, но ныне большинство крестьян совершенно сроднились с мыслью, что и в обыкновенные праздники можно работать» (Черниговская, Полтавская губ.)[137]. «Число рабочих дней едва ли увеличилось, хотя в некоторые праздники крестьяне охотно берутся за труд. Прилежание крестьян к труду, в праздничные дни, не всегда встречает сочувствие со стороны местного приходского духовенства» (Черниговская губ.)[138]. «Число храмовых праздников увеличилось дня на два или три. Во время же работ, не терпящих отлагательства: сенокоса, жатвы, посева и уборки хлеба, — крестьяне [несмотря на праздник] исполняют работы охотно не только на своих [наделах], но и по найму у земледельцев в течение 16 часов в сутки» (Новгородская губ.)[139]. «С прошлого года (1871 г.) крестьяне некоторых деревень Кашинского уезда работают по воскресеньям, и их не штрафуют» (Тверская губ.); то же замечено в Смоленской и Тульской губерниях. В Тамбовской губернии в Козловском и Елатомском уездах число рабочих дней сократилось, в Моршанском и Спасском — увеличилось, в Кирсановском — не изменилось; в одной части Тамбовского уезда возросло, а в другой — понизилось[140].

Все эксперты в качестве фактора повышения благосостояния указывали на рост заработков (100%). «Быт рабочих заметно улучшился в последнее время от возвышения наемной платы рабочим; они требуют и имеют лучшую пищу и хорошо одеваются; жен своих в батраки не пускают, а предоставляют им свое домашнее хозяйство, сами зарабатывают достаточно для удовлетворения потребностей их домашнего быта» (Эстляндская губ.)[141]. «Положение трудолюбивых работников совершенно удовлетворительно, так как рабочая плата в Ковенской губернии весьма достаточна»[142]. «Это довольство обусловливается, во-первых, тем, что помещики очень много земли отдают крестьянам за деньги и исполу, из которой пока они имеют хорошую выручку, и, во-вторых, тем, что кругом имеют хорошие заработки, чему немало способствуют железные дороги» (Курская

губ.)[143]. «Надел вполне обеспечивает как существование крестьян, так и отбытие ими всех денежных повинностей» (Воронежская, Курская губ.)[144].

Комиссия 1872 г. опросила 236 экспертов и собрала внушительную коллекцию сведений о зарплате сельскохозяйственных рабочих в 40 губерниях. Их обобщение приводит к выводу: в начале 1870-х гг. средняя зарплата пешего поденного работника на своих харчах равнялась 45 коп, в то время как в 1850-е гг. в 50 губерниях — 30 коп., т. е. за 10 лет она возросла примерно в 1,5 раза[145]. Несколько экспертов сделали самостоятельные расчеты: в 1860–1872 гг. в Минской губернии зарплата увеличилась в 2,5 раза, в Гродненской и Витебской — вдвое, в Курляндской за 1857–1872 гг. — в 1,5 раза, в Бессарабской губернии за вторую половину 1860-х гг. — «на треть, в некоторых местах даже вдвое», в Тверской губернии за 1869–1872 гг. — в 1,5 раза[146].

Респонденты из землевладельцев приписывали повышение качества жизни хорошей школе, которую бывшие крепостные прошли у них во времена крепостного права, а также добрым отношениям между крестьянами и землевладельцами после эмансипации: «Замечательно то обстоятельство, что в бывших барщинных имениях, в которых при крепостном праве помещики держали хозяйство в строгом порядке, быт крестьян преимущественно улучшился и улучшается; между такими крестьянами более людей умелых на всякую работу, — меньше загулов и больше заметно заботы об улучшении своего благосостояния» (Ярославская губ.). «В помещичьих имениях, где были водворены хорошие порядки, где люди с хорошим поведением уважались, там крестьяне весьма улучшили свое положение. И в самих отношениях крестьян к помещикам заметно улучшение, <...> хотя не следует умолчать, что случаются и обратные проявления, чему причиною неразвитость, а наиболее пагубное пьянство. Я как мировой посредник могу засвидетельствовать, что теперь потравы и своевольства гораздо меньше, чем они были в первую пору по освобождении крестьян от крепостной зависимости. Отношение крестьян к помещикам приобретает вид взаимных одолжений, услуг и т. п. Крестьяне с доверием обращаются к помещикам и за советом, и с разными просьбами в разных случаях, присущих сельскому быту. Есть случаи выбора даже в уполномоченные при покупках и продажах сельских произведений. Например, узнав, что соседний помещик продал свой хлеб, они просят и их хлеб включить в ту же продажу» (Воронежская губ.)[147].

Таким образом, в 1860-х — начале 1870-х гг. в российской деревне наблюдались заметные изменения к лучшему. В своем Заключении Комиссия имела все основания заявить: «Благодетельное влияние преобразования везде обнаруживается более или менее явно, более или менее решительно, более или менее прочно. Хозяйственный быт сельского населения во многих местностях заметно улучшился: оно свободно располагает своим трудом; цена этого труда значительно возвысилась, возвысилась цена сельских произведений и еще более значительно возросли во всех плодородных местностях цены на землю. В частных землевладельческих хозяйствах ослабевают признаки и следы пережитого или отчасти еще переживаемого кризиса. В местностях, где климатические и почвенные условия благоприятны, производительность оживилась, усилилась и уже вступила на путь развития, согласованного с новыми формами земледельческого труда и приложения к нему технических знаний и денежных капиталов»[148]. Картина не была, да и не могла быть единообразной, учитывая разнообразие

условий жизни на огромной территории. В отдельных местностях преобладали негативные тенденции: 20,9% респондентов отметили ослабление крестьянского хозяйства, 28,9% — понижение его благосостояния, 36,4% — недостаточность земельного надела. Зафиксировано также сокращение поголовья крупного рогатого скота, что согласуется со стагнацией качества питания в некоторых местностях. В Заключении и это было отмечено: «Но на обширном пространстве России, при разнообразии местных условий и разностепенном влиянии прежних и новых форм хозяйственного быта, естественно должны обнаружиться и действительно обнаруживаются рядом с вышеуказанными благоприятными явлениями, и другие явления противоположного свойства. Есть местности, где не только не заметно улучшения, но заметен упадок в крестьянском хозяйстве. На нем тяжело отзывается в неплодородных губерниях, в местах, где по густоте населения крестьянам могли быть отведены только тесные наделы, и при недостатке удобных близких заработков бремя податных повинностей, лежащих на сельском населении»[149]. Однако *две трети экспертов прямо признали: после эмансипации жизнь крестьян улучшилась.*

Интересно отметить, что успехи помещичьих хозяйств, по мнению экспертов, оказались более скромными, но все же и здесь позитивные оценки превалировали. 43,1% экспертов (из 130 ответивших на соответствующий вопрос) это засвидетельствовали. Вот несколько красноречивых примеров. «У помещиков в последнее время ведение хозяйства улучшается, но только у тех, которые были в состоянии выдержать кризис переходного положения» (Ярославская губ.). «Положение крупных землевладельцев, может быть, улучшилось в финансовом положении; но я думаю, что есть упадок в сфере мелкой и средней собственности» (Самарская, Симбирская губ.)[150]. «За последние 10 лет помещичье хозяйство положительно улучшилось; сейчас (сразу. — *Б. М.*) после уничтожения крепостного права ведение хозяйства сделалось невозможным, но когда вновь стали хозяйничать, то хозяйство устроилось на более расчетливых основаниях» (Саратовская губ.)[151]. «В последнее десятилетие ведение хозяйства у частных землевладельцев значительно улучшилось, потому что применены новые способы культуры, которые прежде не существовали в крае. Например, введены улучшенные земледельческие орудия и машины, удобрение и новые севообороты; обработка земли стала выше, чем прежде. В этом отношении сельское хозяйство сделало в Киевской губернии большие успехи»[152].

37,7% экспертов отметили стагнацию. «Случаи улучшения хозяйств есть, зато такие хозяйства уменьшились в своем объеме; а есть случаи и совершенного уничтожения хозяйства» (Пензенская, Саратовская губ.). «Успехи хозяйства у частных землевладельцев за последние десять лет мало заметны, потому что с прекращением обязательного труда все сельские работы значительно вздорожали» (Эстляндская губ)[153].

В то же время 29,2% респондентов заявили о трудностях, переживаемых помещиками. «У частных землевладельцев хлебопашество брошено почти повсеместно» (Костромская губ.)[154]. «Крестьянские хозяйства улучшились, помещичьи разорились» (Минская губ.). «Со времени уничтожения крепостного права обработка земли ухудшилась; из этого произошло то, что бóльшая часть имений обнищала» (Нижегородская губ.). «Помещичье хозяйство пришло в упадок» (Смоленская губ.)[155]. Известный земский деятель и помещик Новгородской

и Псковской губерний А. И. Васильчиков доказывал несостоятельность жалоб помещиков на отсутствие доходов от земли с помощью следующего аргумента. Многим землевладельцам, жалующимся на бездоходность, он предлагал продать ему убыточные имения. Но они в ответ запросили цены, намного превосходящие те, которые существовали 10–20 лет назад. Из этого Васильчиков делает вывод: «положение сельского хозяйства улучшилось, ибо возвышение ценности имущества всегда указывает на улучшение его доходности». Крестьяне же соглашаются отдать в аренду свою надельную землю только в том случае, если арендатор соглашается уплачивать все платежи, другими словами, если будет выкупать за крестьянина его землю. Отсюда делается вывод: надельная земля дает существенный доход, поскольку выкупные платежи составляют более половины всех платежей[156]. Правота Васильчикова подтверждается действительным ростом цен на землю: из 48 экспертов, затронувших вопрос о ценах на землю, 42 засвидетельствовали их повышение, 5 — постоянство и только один — снижение (табл. 10.2). Почти повсеместное увеличение цен на землю имеет принципиальное значение: цены растут лишь тогда, когда повышаются доходы от сельскохозяйственной деятельности.

Васильчикова поддержал землевладелец Харьковской губернии А. К. Сиверс: «Я не думаю, что сельское хозяйство находится в столь мрачном состоянии, как многие его описывают, и чтобы дурные стороны были преимущественно последствием совершившихся реформ. Упадок сельского хозяйства происходит оттого, что мы сами весьма мало им раньше занимались, а если мы занимаемся теперь, то это именно вследствие реформ, побудивших нас заняться делом. <...> Нельзя отрицать, что после уничтожения крепостного права многое улучшилось»[157].

Картина, создаваемая экспертами, выглядит парадоксальной. Благосостояние крестьян растет параллельно с уменьшением рабочего времени; появившиеся средства они расходуют нерационально — спускают на водку и щегольство, проявляя лень и беспечность. «По своему неразвитию крестьяне не пользуются как следует имеющимися у них под руками средствами и, вместо того чтобы прочно улучшать свой быт, они, имея необходимое, предпочитают свободное за тем время, ничего не делать, а излишек и даже подчас больше пропивать в кабаках» (Курская губ.)[158]. «Уничтожение крепостных отношений, при значительном увеличении средств, не произвело никакого почти изменения в потребностях крестьянской жизни» (Киевская губ.). «Удовлетворение потребностей (в пище, одежде и т. п. — *Б. М.*) случается сплошь и рядом в ущерб удовлетворению более насущных нужд. <...> Роскошь в нарядах доходит до безобразия. Не редки примеры, что крестьянин опустошал свой двор и амбар, чтобы купить жене платье в 100 руб. и себя нарядить в городское платье. <...> Увеличение потребностей отнюдь не служит доказательством увеличения благосостояния в крестьянской среде»[159]. С другой стороны, респонденты говорят о том, что крестьянин действует только под давлением необходимости или по принуждению «Литовский работник стоит еще на такой степени развития, что работает только тогда, когда заставляет его к этому нужда» (Ковенская губ.)[160]. «Обыкновенно приписывают упадок благосостояния этих уездов (Мглинского и Суражского. — *Б. М.*) непроизводительности почвы, но это не основательно, так как до введения крестьянской реформы и земских учреждений население этой местности существовало на той же земле и не терпело особой нужды. Если увеличились налоги, то почти в той же мере уве-

личились заработки сельского населения, а также цены на сельскохозяйственные продукты, которые служат главным подспорьем сельскому населению той местности для добывания денег. Я полагаю, что одна из самых главных причин такого положения заключается в совершенном бездействии администрации по своевременному взысканию повинностей» (Черниговская губ.)[161].

По мнению многих респондентов, крестьянам свойственны лень, беспечность и склонность к пьянству. Такие заключения делались без учета их мотивации. А. А. Фет, занимавшийся предпринимательством как раз в 1861 — начале 1870-х гг., убедительно опроверг эти мнения. Он считает: крестьянин был рациональным и умным хозяином, но в своем экономическом поведении руководствовался другими сравнительно с образованными землевладельцами правилами. Позволю длинные цитаты из Фета, лучше которого, на мой взгляд, никто о политической экономии крестьянского хозяйства не сказал. «Практика, как бы назло теории, указывает на два рядом уживающихся рода промышленности (экономической деятельности. — *Б. М.*) — *коммерческий* и *крестьянский*. В первом труд ценится непомерно высоко, во втором — ни во что. Такое положение дела вытекает из существенных условий нашей промышленной (экономической. — *Б. М.*) жизни, этого не хотят или не умеют понять наши регламентаторы, и подобный недосмотр часто приводит к напрасной трате капитала в ущерб делу. Так, например, громадное конопляное производство стало исключительной монополией крестьян, главной опорой их благосостояния, тогда как при вольнонаемном труде оно не мыслимо. <...> Дуализм нашего народного хозяйства требует крайнего к себе внимания и не дозволяет успокаиваться кабинетными выкладками насчет известных мер, что-де одному выгодно, стало быть, и всем выгодно. <...> Две меры и двое весов для одного и того же дела в руках различных производителей»[162].

«Крестьянин почерпнул свой быт не из академий, трактатов и теорий, а из тысячелетней практики, и потому быт его является таким органическим целым, стройности и целесообразности которого может позавидовать любое учреждение. В исправном крестьянском хозяйстве всех предметов как раз столько, сколько необходимо для поддержки хозяйства — ни более, ни менее. При меньшем их количестве пришлось бы нуждаться, а при большем одному хозяину-труженику за ними не усмотреть. <...> Не глумиться надо над крестьянином, а учиться у него. Начиная с одежды и кончая рабочими орудиями, попробуйте изменить что-либо в среде той непогоды и бездорожицы, в которой крестьянин вечно вращается, и пуститесь лично с ним конкурировать, тогда скоро поймете значение сермяги, дуги, чересседельня и т. д. <...> Если же вы настойчиво решитесь конкурировать, то хоть потрудитесь счесть, во что вам обошлась конкуренция. Выкормленная дома свинина не может обойтись менее 4 руб. за пуд, а в Орле нынешней зимой на базаре она была дешевле 2 руб. 50 коп. Вы никогда не поравняетесь производительностью с крестьянским хозяйством уже на одном основании стихов Кольцова, в которых пахарь говорит сивке: “Мы сам-друг с тобою, Слуга и хозяин”. Еще меньше можно равняться с крестьянином в искусстве уменьшать круг потребностей. <...> Предметы, соблазняющие вас на каждом шагу, ему для личного потребления даром не нужны. Крестьянин, заведший часы и цепочку, уже перестал быть крестьянином. Он должен надеть жилет, без которого часов положить некуда. Сказанное подтверждается тем, что до сих пор крестьянин-пахарь, умеющий держать лишнюю копейку, если не купит земли, то вклеивает

деньги в дугу или зарывает под печку. Что в более искусственной среде побуждения мнимых потребностей громадны, не требует доказательств. Сколько жертв непосильной работы, сколько мошенничества и казнокрадства из-за каких-нибудь женских нарядов и т. п. предметов тщеславия. <...> Подобных побуждений к обогащению для крестьянина не существует. <...> Трудиться, подобно русскому крестьянину, — не легко, и неудивительно, что он предпочитает ограничить свои потребности до крайности, хотя случаи к заработкам ищут его на каждом шагу. Между тем у крестьянина свой вентилятор — водка: она поглощает избыточные, с точки зрения крестьян, доходы. Поэтому если бы не существовало потребности в водке, то трудовые усилия крестьян уменьшились бы ровно на ту сумму, какая идет на алкоголь»[163].

Так, образно и эмоционально, основываясь на личном опыте, сформулировал практик А. А. Фет политэкономию трудового потребительского крестьянского хозяйства. Его полностью поддержали ученый-агрохимик А. Н. Энгельгардт[164], известный русский агроном и администратор А. С. Ермолов[165], а через 50 лет, в 1923 г., А. В. Чаянов уже строго научно, обобщая наблюдения многих русских экономистов и агрономов (так называемой организационно-производственной школы)[166], создал теорию трудового крестьянского хозяйства, которая, в сущности, конгениально повторяет Фета. Чаянов сформулировал следующие его принципы:

Семейно-трудовое хозяйство — целостный хозяйственный организм, имеющий свои собственные закономерности, отличающие его от капиталистического предприятия.

Оно нацелено не на получение прибыли, а на доставление средств существования хозяйствующей семье путем использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы, в том числе посредством равномерного распределения работ в течение года.

Оно основано не на наемном, а на личном труде членов хозяйства, совмещающих в своем лице хозяина и работника.

В нем нормы напряжения труда, или степень самоэксплуатации, существенно ниже полного использования труда: у мужчин от 37 до 96%, у женщин — от 15 до 55, у полуработников — от 8 до 40%[167].

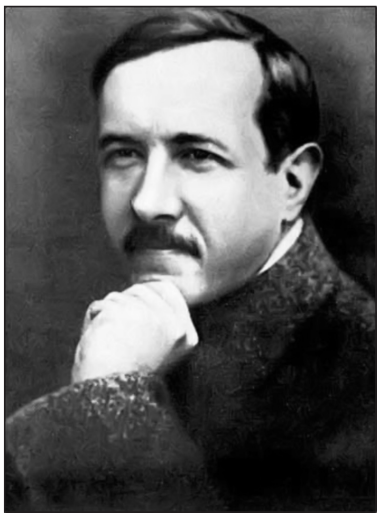
Главный фактор степени самоэксплуатации — давление потребительских запросов семей: чем сильнее давление, тем бóльшую энергию развивает работник.

Степень самоэксплуатации сдерживается тягостью самого труда: уровень самоэксплуатации устанавливается соотношением между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягости труда.

Рост самоэксплуатации останавливается, когда тягостность последней (предельной) затраты труда будет равняться субъективной оценке полезности, получаемой от этой последней (предельной) затраты труда, так как всякое дальнейшее возрастание самоэксплуатации будет казаться субъективно невыгодным.

«Всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда семьи со степенью удовлетворения ее потребностей».

Семейно-трудовое хозяйство обладает большей устойчивостью, выживаемостью, чем хозяйство, основанное на наемном труде, поскольку способно мириться с временным понижением продажных цен, а также склонно выплачивать более высокие арендные платы, чем капиталистические предприниматели[168].



Чаянов Александр Васильевич (1888–1937). Фото

Итак, А. А. Фет и А. В. Чаянов убедительно объяснили: хозяйственное поведение крестьян отличалось высокой степенью целесообразности и рациональности, его парадоксы — следствия другой стратегии, других жизненных целей и средств их достижения, казавшихся парадоксальными только людям с иной — буржуазной — рациональностью. В условиях увеличившихся доходов, подаренных эмансипацией, с точки зрения крестьянской рациональности самым оптимальным представлялось уменьшить трудовые нагрузки, или самоэксплуатацию, посвятить больше времени отдыху и веселью, но это интеллигентным землевладельцам казалось беззаботностью, ленью и пьянством. В жизни земледельца праздник занимал важное место: он освобождал от земных забот и обременительных обязанностей, делал человека свободным и всем другим людям равным. Праздники представляли для сельского жителя единственное развлечение и возможность встретиться с соседями, чтобы поделиться своими впечатлениями и знаниями и приобрести новые, расширив кругозор. При такой жизненной позиции, чем больше праздников, тем лучше казалась жизнь. Праздники не считались потерей времени: во время них не только веселились, пели и плясали, не только человечески общались, что, вообще говоря, немаловажно. За праздничным столом крепилась солидарность, обсуждались дела, разрешались конфликты и снимались противоречия. Алкоголь поднимал настроение, поэтому, как говорила пословица, «всякая душа празднику рада»[169]. Вряд ли буржуазные предприниматели, следовавшие принципу время — деньги, были счастливее крестьян, живших по принципу время — праздник. Из сказанного следует важный вывод: увеличение числа праздников, расходов на алкоголь и косвенных налогов свидетельствовало о повышении уровня жизни.

Насколько мнение 1139 респондентов можно считать объективным? Среди респондентов преобладали землевладельцы (34,5%); заметное место принадлежало волостным старшинам и крестьянам (10%), земским деятелям (8,3%), управляющим имениями (7,2%), губернским и уездным предводителям дворянства (5,4%) (табл. 10.5).

Поскольку губернаторы, предводители дворянства, земские деятели, многие управляющие имениями и мировые посредники являлись одновременно и землевладельцами, то можно сказать, почти на 63% мнение Комиссии 1872 г. формировалось землевладельцами. Групповые интересы землевладельцев в момент опроса состояли в том, чтобы сигнализировать правительству: требуется помощь, так как эмансипация поставила их в тяжелое положение, а крестьян — в более выгодное (и это было правдой!). Такая тенденция в их ответах действительно просматривается. Однако мнения других социальных групп совпадали с выводами землевладельцев, и объективные данные показывают то же: небольшое снижение биостатуса у россиян закончилось в первые годы после эмансипации, а со второй

Таблица 10.5

Состав участников Комиссии 1872 г.

	Эксперты по всем вопросам*		Эксперты по частным вопросам**		Итого	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Губернаторы	11	6,1	45	4,7	56	4,9
Предводители дворянства	25	13,8	37	3,9	62	5,4
Председатели и члены земских управ	11	6,1	83	8,7	94	8,3
Землевладельцы	110	60,8	283	29,5	393	34,5
Управляющие имениями	6	3,3	76	7,9	82	7,2
Специалисты по сельскому хозяйству	9	5,0	13	1,4	22	1,9
Хлебные торговцы	1	0,6	8	0,8	9	0,8
Волостные старшины	2	1,1	94	9,8	96	8,4
Крестьяне	1	0,6	17	1,8	18	1,6
Скотопромышленники	2	1,1	–	–	2	0,2
Ветеринары	3	1,7	–	–	3	0,3
Священники	–	–	21	2,2	21	1,8
Мировые посредники	–	–	27	2,8	27	2,4
Другие	–	–	254	26,5	254	22,3
Итого	181	100	958	100	1 139	100

Примечания: * Устные ответы на анкеты.

** Письменные ответы на частные вопросы.

Источники: Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. VI. Ч. 2. С. 159–167; Приложения. I. Свод сведений о современном положении сельскохозяйственной промышленности вообще. Отд. 1. С. 153–160, 201–252; Доклад Комиссии 1872 г. Доклад. Журналы. С. 1–3.

половины 1860-х гг. началось его повышение (см. Главу 6). Как видим, респонденты как люди практические, а не ученые, все двенадцать пореформенных лет объединили в один период и объективно отразили общее направление динамики. Однако более наблюдательные заметили и переход от ухудшения к улучшению. «Сначала, со времени введения положения о выкупе, вообще сельское хозяйство несколько пошатнулось, но затем оно начинает улучшаться» (Тульская губ.)[170]. «Хозяйство крупных и средних землевладельцев со времени освобождения крестьян в первые годы затруднялось и колебалось, а теперь, без сомнения, идет к улучшению» (Черниговская губ.)[171].

Интересно сравнить мнения практиков и ученых — четырех профессоров, привлеченных в качестве экспертов. Выдающийся русский ученый Д. И. Менделеев, профессор С.-Петербургского университета, весьма лаконично и неопределенно поделился своими впечатлениями о Клинском уезде Московской губернии, где у него находилась усадьба: «Крестьяне мало улучшают свое хозяйство, на что причин множество и, вероятно, главные из них всем известны, потому что общи для большинства русских крестьян», — уклонился он от прямого ответа на вопрос. — «Но при рациональном ведении хозяйства и бедная земля Московской губернии может давать доход, в особенности от леса и скотоводства». Ученый утверждает: землевладельцы получают доход, а их жалобы на его отсутствие объяс-

няются неправильной калькуляцией, о чем свидетельствует рост цен на землю — если бы не было дохода, цены не росли. Несмотря на это, Менделеев предлагает переселить крестьян из малоплодородной Московской губернии в местности, где имеется избыток плодородной земли[172].

По наблюдениям известного агронома А. В. Советова, тоже профессора С.-Петербургского университета, имевшего в о том же Клинском уезде усадьбу, земледелие в принципе не может давать высоких дивидендов, жалобы землевладельцев на низкие доходы объясняются тем, что сейчас в России предприимчивые люди стремятся заработать быстро и много — с «угаром и азартом бросаются на рискованные предприятия в надежде получить высокие проценты». Когда ажиотаж пройдет, будут «довольствоваться меньшей прибылью, и капиталы обратятся к земле». Говоря о крестьянстве, он заметил: «Общинное хозяйство ни на шаг не подвинулось вперед за 25 лет», в то время как хозяйства крестьян, которые приобрели землю в личную собственность, достигли известного прогресса и «действительно обещают много хорошего в будущем», благодаря их склонности к нововведениям. «В этом отдельном владении крестьян я вижу задаток будущего русского сельского хозяйства», — резюмирует он свое мнение об общинном и подворном землевладении. — «Улучшения в сельском быту крестьян я нахожу заметными. Это свидетельствует самое простое наблюдение: 20 лет назад я встречал почти всюду лапти, но в настоящее время их нет — они заменены сапогами»[173].

Известный экономист Ю. Э. Янсон, профессор Земледельческого института, в своих оценках имел в виду юго-западный регион России. По его мнению, «в Волынской и Подольской губерниях крестьянское хозяйство значительно лучше, нежели в других местностях России; например, они употребляют минеральное удобрение». Но в крае есть местность, называемая Полесьем, где «крестьянское хозяйство находится в безотрадном положении», потому что почва малоплодородная, песчаная и болотистая, леса вырублены, внеземледельческих заработков почти нет[174]. Янсон рекомендует развитие сельскохозяйственного кредита и переселение земледельцев из Полесья в губернии с плодородными землями.

Наконец, известный агроном И. А. Стебут, профессор Петровской земледельческой и Лесной академий, знакомый, по его словам, со всей Россией, утверждал: «Настоящее состояние нашей сельскохозяйственной промышленности страдает вследствие малой производительности труда. У нас на производство сельскохозяйственных продуктов тратится слишком много труда, а получается мало пользы, оттого что состояние сельскохозяйственной техники чрезвычайно низко. Оно низко отчасти потому, что слишком велики пространства, которые у нас засеваются». Выход, по его мнению, состоит в интродукции товарных культур, развитии травосеяния и скотоводства, в проведении мелиоративных работ и переселении крестьян в плодородные губернии[175].

Как известно, крестьяне всегда прибеднялись, занижали истинные размеры своего хозяйства, скрывали доходы, уменьшали урожайность и численность скота. Но, по мнению известного публициста, общественного деятеля и крупного землевладельца А. И. Васильчикова, не только крестьяне, но и помещики страдают тем же недостатком: «Я позволю себе выразить сомнение, чтобы можно было путем собрания сведений от частных лиц и самих хозяев

по таким общим вопросам, как положение и степень благосостояния сельского хозяйства, дойти до положительного заключения. Мне всегда казалось, что все мы, сельские хозяева, как землевладельцы, так и земледельцы (и я не исключаю самого себя), что *все мы склонны представлять наше положение хуже, чем оно есть в действительности*. Это как-то вошло в наши нравы. Всем известно, что сельский хозяин постоянно заявляет неудовольствия и жалобы: когда идет дождичек, он жалуется на излишнюю сырость, когда погода ясная — на засуху. Можно сказать, что не только людям, но и Богу трудно на нас угодить (курсив мой. — *Б. М.*)»[176]. Между прочим, никто Васильчикова не опроверг — с правдой не спорят, надо полагать.

Несмотря на склонность к негативным оценкам, и известные ученые, и практические работники все-таки пришли к общему выводу о позитивных сдвигах в деревне в 1860-е гг. И это дало Комиссии право положительно оценить первые результаты Великих реформ и с оптимизмом смотреть в будущее. По ее оценкам, за 1862–1872 гг. население России возросло на 3,3% (с 61 до 63 млн только за 1862–1867 гг.)[177], государственные доходы — в 1,6 раза, экспорт — в 2,2 раза, импорт — в 2,75 раза. По темпам роста этих показателей Россия обгоняла Англию, Францию и Австрию: государственные доходы Англии возросли на 4%, Франции — на 8%, Австрии — на 29%; экспорт — соответственно на 53% (1861–1870 гг.), на 6% (1860–1869 гг.) и 60%, импорт во Франции — на 46%, в Австрии — в 2 раза. «Законы международной конкуренции на всемирном рынке подчиняют нас необходимости не только далее и далее усиливать нашу производительность, но и не замедлять направленных к тому стараний. Мы должны иметь в виду не только соперничество европейских государств, но и постоянно и быстро усиливающееся соперничество заокеанских стран. Тем настоятельнее изыскание и принятие тех мер, которые могли бы способствовать успехам нашего сельского хозяйства в самом обширном его значении»[178].

В заключение приведем оценку первого пореформенного десятилетия, данную А. А. Фетом — он хозяйствовал как раз в 1862 — начале 1870-х гг. и оказался удачливым сельским предпринимателем. В 1860 г. он купил хутор Степановку в Орловской губернии, включавший 200 десятин черноземной земли и недостроенный дом. За 10 лет без какой-либо посторонней помощи, а только благодаря упорному труду, Фет создал высокодоходное хозяйство, основанное на наемном труде, и стал одним из богатейших и уважаемых помещиков Орловской губернии. В 1862–1871 гг. он напечатал в журналах три цикла очерков. В них он делился своим опытом предпринимательства и наблюдениями, стремясь «сохранить за записками характер фотографии» и «говорить только о том, чему мы лично были свидетелями или что слышали из достоверных уст»[179].

«Наша жизненная среда совершенно видоизменилась к лучшему, — утверждал Фет, — но ее новый характер еще не успел окончательно определиться»[180]. «Что касается до развития общего уровня крестьянского благосостояния, то возгласы об упадке его неосновательны. Нет причин для его понижения, и есть тысячи для его возвышения. <...> Прибегнем к сравнению этого уровня до и после освобождения. Куда девались раскрытые, развалившиеся задворки и избы? Избы пошли на задворки, а на место развалившихся коптелок стоят новые, отлично крытые избы, нередко с трубами. Пригласите сотню-другую крестьянских подвод насыпать хлеб и потрудитесь взглянуть на лошадей и упряжь. Есть ли у вас

(Фет имеет в виду землевладельцев. — *Б. М.*) на дворе хоть одна рабочая лошадь в таком виде и теле? И быть не может. Ваша лошадь зимует дома на соломе, а вы даете крестьянину кормить свою овсом. <...> До освобождения *побираться* было зимою для многих селений нормальным обычаем. Теперь как редкое исключение, ходят погорелые да потехи — набирают невероятные возы зернового и печеного хлеба. В неурожай 67-го года мучительно перебивались, но не побирались. Вышло из обычая[181]. До освобождения верхнюю одежду мужиков и баб составляли кафтан и зипун. Кроме того, во всяком дворе был общий полушубок, попадавший на плечи выходившего надолго на мороз. Тулуп был вещью неизвестной. Теперь не только у мужика, у всякой бабы свой полушубок — большей частью дубленый. У одной трети крестьян тулупы. Всюду появились сапоги. Вместо прежней пакли на шее возчиков во время извозов ситцевый или шерстяной платок, а не то шарф. На ярмарке ни одной кички или замашной рубахи (сшитой из грубой и жесткой посконной ткани. — *Б. М.*), — все ситцевые платки и рубашки. Куда девался замеченный французским путешественником особый род безруких детей? Улицы в деревнях кишат салазками и леднями (вырубленными изо льда. — *Б. М.*), на которых сидят не безруки, а одетые и обутые дети. Мы долго бы могли проводить нашу параллель и прибавить, что розданный нами в 67-м году вспомогательный капитал нуждающимся в нынешнем (1871 г. — *Б. М.*), несмотря на упадок цены на хлеб, почти весь с процентом и благодарностью возвращен крестьянами и при сборе его не продано из их имущества ни одной курицы. На чем же основаны возгласы, будто благосостояние крестьян упало с освобождения? Этого быть не могло и на деле, слава Богу, нет»[182]. Между прочим, Фет точно зафиксировал начало его повышения — 1863–1864 гг., после того как стали заключаться уставные грамоты, и крестьяне поверили в свое право на землю. «Вера в поземельную собственность, проникнувшая, наконец, в крестьян, превратила личное поземельное владение в любимую мечту и высший идеал зажиточного и более развитого крестьянина. <...> Когда крестьянин не верил в свое право на землю, он, как умел, охранял только результаты своего труда, то есть растущие на земле произрастения, — увечил и убивал гуся на своей капусте, лошадь на своем поле; теперь, кроме продукта, он бережет и свое право на землю. Как ни были съедены и стоптаны его луга или жнива — попробуйте запустить на них вашу скотину: она мгновенно будет загнана, и вы неминуемо заплатите законный штраф»[183].

10.4. Неурожай 1891–1892 гг. и общественность

В 1891–1892 гг. в России случился сильный неурожай. Из 50 губерний Европейской России пострадали 21 или 42% и из 97 губерний и областей России — 27 или 30%. Сбор хлебов в 1891 г. в Европейской России оказался на 29% ниже многолетней нормы[184], а в масштабе империи — примерно на 21%. Недобор зерна равнялся его ежегодному экспорту. С чисто количественной стороны запрещение вывоза обеспечивало страну недостающим хлебом. Однако российская инфраструктура того времени не позволяла решить проблему быстро и безболезненно. Положение усугублялось другими негативными обстоятельствами: в 1891–1892 гг., как всегда во время неурожаев, понизилась зарплата, уменьшились все доходы земледельцев и выросли цены[185]. Несмотря на меры помощи, принятые правительством[186]

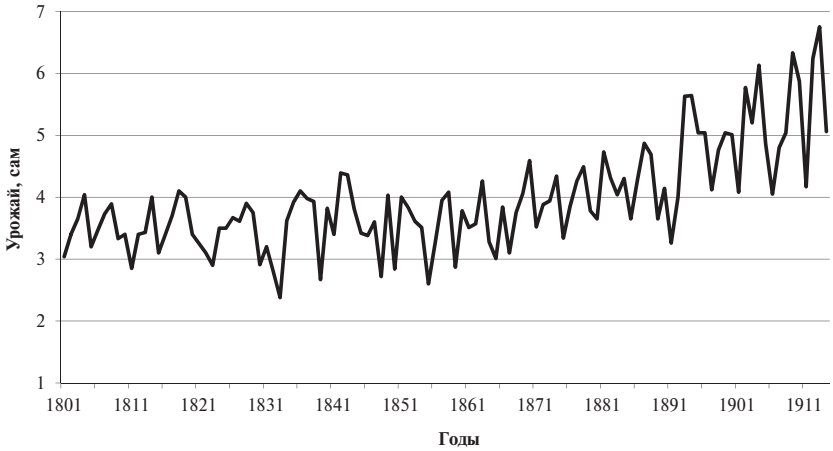
и общественностью[187], неурожай, как утверждалось в прессе, породил голод миллионов крестьян, погубивший до 500 тыс. человек. Эта цифра была получена некорректным путем — весь прирост смертности в 1892 г. сравнительно с 1891 г. отнесен на счет неурожая[188]. Между тем только от холеры в 1892 г. погибли по крайней мере 300,3 тыс. человек[189]. Относить же умерших от болезни на счет неурожая и голода — неправильно. В 1890-е гг. эту страшную болезнь еще не умели лечить, не знали, что ее носителями являлись лица, переболевшие холерой или находившиеся в контакте с больными, вследствие чего карантинные мероприятия оказывались зачастую неэффективными. Но самое главное — люди плохо соблюдали правила личной гигиены и санитарно-гигиенические предписания, касающиеся организации водоснабжения и канализации. Ибо пути передачи инфекции — это, прежде всего, водный, затем контактно-бытовой, пищевой и, наконец, посредством мух. Не случайно холеру называют болезнью грязных рук[190].

В 1801–1891 гг. отмечено 18 лет с урожайностью ниже, чем в 1891 г.: 1801, 1805, 1811, 1815, 1821, 1822, 1823, 1830, 1831, 1832, 1833, 1839, 1848, 1850, 1855, 1859, 1865, 1867 гг., причем все эти годы приходились на дореформенное время и 1860-е гг.; после отмены крепостного права урожаи ни разу не опускались ниже сам-3 — уровня, признаваемого современниками как неурожайный (см. рис. 10.1).

Демографические показатели 1891–1892 гг., естественно, оказались плохими. Как известно, неурожай сказывается на демографических процессах того же и особенно следующего года. Смертность в 1892 г. была на 4‰ больше, чем в 1891 г., и достигала 41‰; рождаемость — на 4,6‰ ниже, чем в 1891 г., но все-таки очень высокой — 50,6‰. Как ни парадоксально, брачность в 1892 г. сравнительно с 1891 г. повысилась на 0,3‰. В течение XIX в. мы встречаем немало лет с более низкой рождаемостью и брачностью и с такой же или более высокой смертностью, чем в 1891 г., но в пореформенное время, 1867–1890 гг., подобная смертность наблюдалась лишь в 1872 и 1881 гг.[191] (см. рис. 10.2).

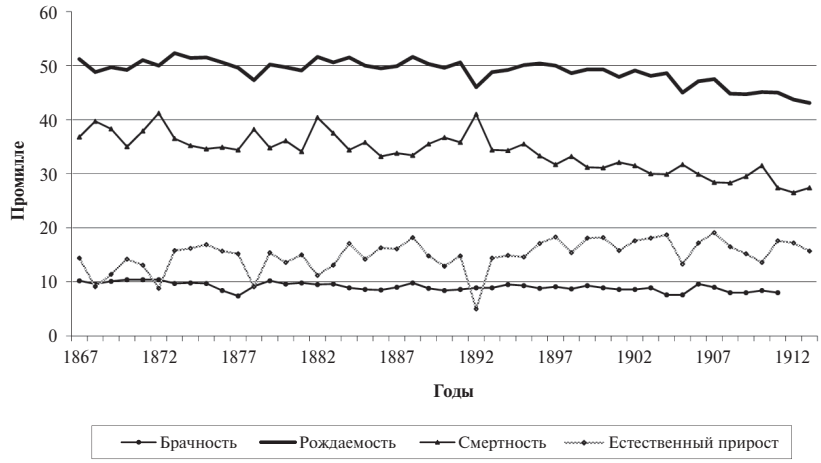
Голодающие на привале. 1892 г. Фото

Рис. 10.1. **Урожаи в России в 1801–1914 гг., «сам»**



Источник: Михайловский В. Г. Урожаи в России 1901–1914 гг. //Бюллетень Центрального статистического управления. 1921. № 50.

Рис. 10.2. **Демографические процессы в Европейской России в 1867–1913 гг.**



Источник: Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России//Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. СПб., 1916. С. 36–37.

Несомненно, неурожай 1891 г. явился самым серьезным испытанием за весь XIX в., но все же пресса игнорировала позитивную динамику урожайности и смертности в пореформенное время, недооценила деятельность коронной администрации и явно педалировала тезис о его феноменально тяжелых последствиях как результате антикрестьянской аграрной политики[192]. Между тем изучение реализации правительственных программ помощи голодающим, предпринятое Р. Роббинсом, привело к неожиданному выводу — государственная кампания по борьбе с голодом по своей эффективности оказалась вполне сопоставимой с достаточно успешными действиями британской администрации в Индии

Пынеев К. В. В далекий путь (По миру). 1892 г. Ставропольский краевой музей изобразит. искусств

и Ирландии несколько лет спустя и даже превосходила их по ряду показателей. Кампания 1891–1892 гг. была крупнейшей в истории России, она представляла собой комплекс мероприятий, включавший в себя не только распределение продовольствия, но и снижение железнодорожных тарифов, программу общественных работ, помощь крестьянским хозяйствам семенным зерном и пр. Роббинс не отрицает большой работы земств по борьбе с голодом, однако указывает, что в этот момент земства действовали как государственные, а не общественные организации, они выполняли предписания центральной власти и финансировались ею. По его мнению, в целом правительство сумело справиться с проблемами неурожая, режим доказал свою жизнеспособность и обнаружил серьезные резервы для собственного усиления. Важнейшим уроком, который преподал голод 1891–1892 гг., являлось осознание необходимости сотрудничества между государством и обществом, однако этот урок, по мнению автора, обе противостоящие стороны быстро забыли[193]. Коронная бюрократия обвинила земства в расточительности и преувеличении масштабов бедствия 1891–1892 гг. и в 1900 г. отстраняла их от заведования продовольственным делом[194]. Земства обвиняли правительство в неспособности решить продовольственный вопрос.

10. 5. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг.

В течение трех с лишним лет (22 января 1902 г.— 30 марта 1905 г.) работало высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности[195]. Формально правительство создало его для получения *объективной* картины состояния сельского хозяйства. С этой целью оно обязало Особое совещание собрать надлежащие сведения через губернские и уездные комитеты: первые работали под председательством губернаторов, вторые — уездных предводителей дворянства. Было образовано 83 губернских и 535 уездных и окружных комитетов, включавших в общей сложности 13 490 лиц. В состав комитетов входили обязательные члены (в губернских комитетах около половины, в уездных — пятая часть) и приглашенные (без ограничения) — около 81% всех участников совещаний в 49 губерниях Европейской России[196]. В губернских комитетах администрация играла бóльшую роль, чем в уездных. Социальный профиль комитетов отражен в табл. 10.6.

При его анализе следует иметь в виду, что одни и те же лица могли принадлежать одновременно к двум и более группам: чиновники или земцы часто являлись помещиками, крестьяне — земцами; общественное положение 1535 участ-

ников неизвестно. Первое место в комитетах принадлежало чиновникам по назначению (28,3%), второе — помещикам (26,4), третье — лицам, занимавшим выборные должности в земствах — 19,5%, четвертое — крестьянам (16,2%), пятое — представителям сельскохозяйственных обществ, специалистам по сельскому хозяйству (агрономам, землемерам и т. п.), членам городских дум, лицам свободных профессий и предпринимателям (9,6%). Известно, что в земских уездных собраниях по Положению 1890 г. дворянам-помещикам принадлежало около половины мест, крестьянам — 31%, прочим группам — 19%[197]. Многие земские гласные (25–30%) состояли на государственной службе[198]. Следовательно, *ведущее место в комитетах принадлежало дворянам-землевладельцам*, занимавшимся сельским хозяйством, находившимся на земской или государственной службе, и заключения комитетов основывались главным образом на их сведениях.

Таблица 10.6

Состав губернских и уездных комитетов Совещания 1902 г.

	Губернские комитеты				Уездные комитеты			
	49 губерний Европейской России		Другие местности		49 губерний Европейской России		Другие местности	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Чиновники	646	29,6	385	60,8	2 128	25,8	164	23,9
Дворяне-землевладельцы	803	36,8	149	23,5	2 140	26,0	5	0,7
Земцы	496	22,7	–	–	1 799	21,8	–	–
Крестьяне	48	2,2	15	2,4	1 375	16,7	467	68,2
Другие	192	8,8	84	13,3	800	9,7	49	7,2
Итого	2 185	100	633	100	8 242	100	685	100
Неизвестно	131	–	32	–	1 535	–	47	–
Всего	2 316	–	665	–	9 777	–	732	–

Источник: Общий обзор трудов местных комитетов/С. И. Шидловский (сост.). СПб., 1905. С. 9.

Обширная программа Совещания 1902 г. касалась исключительно хозяйственных вопросов, входивших в компетенцию земств по Положению о земских учреждениях[199]. Однако «комитеты, — указывал С. Ю. Витте во всеподданнейшем докладе о результатах работы Совещания, — пользуясь предоставленным им правом ответить на общий вопрос о нуждах сельскохозяйственной промышленности, вошли в обсуждение крестьянского дела по своему почину»[200]. Дискурс о судьбе деревни проходил в терминах упадка, обеднения и оскудения, хотя доказательств долговременного снижения ее благосостояния местными комитетами не приводилось, кроме одного: «Министр внутренних дел [Д. С. Сипягин. — *Б. М.*] во всеподданнейшем докладе по поводу неурожая 1901 г. констатировал: “Неурожай 1901 г. <...> засвидетельствовал общее понижение уровня хозяйственной зажиточности крестьянского населения”»[201]. На самом деле Сипягин имел в виду не длительный кризис, продолжавшийся 40 лет пореформенного времени, а лишь 1890-е гг., в особенности 1891–1892 гг., когда произошел сильнейший неурожай с серьезными последствиями. Поскольку *тезис об упадке деревни признавался участниками как само собой разумеющийся, или по умолчанию*, задача Совещания

1902 г., как ее понимало преобладающее число экспертов, сводилась к тому, чтобы оценить степень упадка и наметить меры его преодоления. После дискуссии по этим вопросам местные комитеты большинством голосов могли принять заключения. Уездные комитеты в основном закончили работу к началу 1903 г., а губернские — к весне 1903 г.; собранные материалы представили в Петербург, где их напечатали в течение 1903 г. В обобщенном виде материалы опубликованы как «Своды трудов местных комитетов» в течение 1904 г.[202] Результаты статистической обработки заключений местных комитетов по принципиальным вопросам отражены в табл. 10.7.

Таблица 10.7

Заключения местных комитетов, участвовавших в работе Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г.

Заключения местных комитетов	Число заключений комитетов			
	За	Против	Не голосовали	Итого
1	2	3	4	5
Земство — лучший орган для проведения экономических и культурных мероприятий	36	0	358	394
Расширить компетенцию земств	97	0	297	394
Удовлетворить политические требования*	31	0	363	394
Ввести мелкую всесословную земскую единицу	91	0	303	394
Уменьшить прямые налоги ввиду их обременительности	28	0	503	531
Отменить или уменьшить косвенные налоги	51	0	480	531
Ввести подоходный налог	49	0	482	531
Отменить выкупные платежи	47	8	476	531
Облегчить выкупные платежи	57	0	474	531
Уменьшить мирские повинности ввиду их обременительности	10	0	521	531
Освободить крестьян от мирских расходов государственного характера	71	0	460	531
Привлечь к платежу мирских расходов все сословия	25	0	506	531
Возместить сельским обществам потери от введения винной монополии	34	0	497	531
Отчислить часть питейного дохода на местные нужды	63	0	468	531
Передать государственный поземельный налог земству	18	1	375	394
Увеличить средства земств ввиду их недостатка	12	0	382	394
Расширить источники земского налогообложения	114	0	280	394
Оказать государственную финансовую помощь земствам	21	0	373	394
Освободить земства от расходов общегосударственного характера	24	0	370	394
Отменить закон о предельном земском обложении	49	0	345	394
Ввести земства во всех губерниях	53	0	84	137
Поддержать развитие сельскохозяйственных союзов	146	0	385	531
Бороться с малоземельем — главной причиной упадка крестьянского хозяйства	24	4	503	531

Таблица 10.7 (окончание)

Заключения местных комитетов	Число заключений комитетов			
	За	Против	Не голосовали	Итого
1	2	3	4	5
Увеличить государственное покровительство земледелию	35	0	496	531
Поддержать переселения крестьян	234	38	259	531
Поднять культурный уровень народа путем развития начальной школы,	411	1	119	531
в том числе ввести всеобщее народное образование	108	0	423	531
Отменить законом неофициальные праздничные дни	30	0	501	531
Упразднить передельную сельскую общину	94	47	272	413
Разрешить отдельному крестьянину выходить из общины без ее согласия	63	17	333	413
Разрешить отчуждаемость надельных земель	76	7	330	413
Устранить сословную обособленность крестьян	103	10	418	531
Отменить телесные наказания для крестьян	47	0	484	531
Упразднить сословный (волостной) крестьянский суд	71	1	459	531
Реформировать волостной суд	41	3	487	531

Примечание: * Свобода отношений земств между собой, создание объединенного органа земской деятельности, проведение общеземских съездов, передача на обсуждение земских собраний законопроектов, касающихся местных интересов, введение народного представительства.

Источники: Земельное обложение. С. 37–39, 42–43, 71–75, 96–101, 117–120; Косвенные налоги/ Ф. Я. Несмелов (сост). СПб., 1904. С. 128–130, 191–200; Финансовая политика и таможенное покровительство/Б. Ф. Брандт (сост.). СПб., 1904. С. 137–154; Земство/С. И. Шидловский (сост.). СПб., 1904. С. 17–20, 36–40, 52–55, 81–83, 103–107; Крестьянское землепользование/А. А. Риттих (сост.). СПб., 1904. С. 69–77, 1053–108; Крестьянский правопорядок/А. А. Риттих (сост.). СПб., 1904. С. 345–367; Просвещение/Н. Л. Петерсон (сост.). СПб., 1904. С. 41–51; Землевладение/И. В. Сосновский (сост.). СПб., 1904. С. 24–25, 45–48.

Во 2-м столбце табл. 10.7 указано число уездных местных комитетов, проголосовавших за данное предложение, в 3-м столбце — против, в 4-м столбце — воздержавшихся и не голосовавших, в 5-м столбце — общее число местных комитетов. При решении вопросов, касавшихся общероссийских проблем, за базу для расчета процентов принимался 531 местный комитет в 49 губерниях (в том числе 38 губернских), при решении земских вопросов — 394 комитета в 34 земских губерниях (в том числе 34 губернских), при решении проблем неземских губерний — 117 комитетов в 15 неземских губерниях (в том числе 15 губернских), при решении проблем передельной общины — 413 комитетов в 38 губерниях с преобладанием общинного землепользования (в том числе 38 губернских)[203] (табл. 10.8).

По необходимости уездные и губернские комитеты принимались в расчетах как равноценные. Если по какому-нибудь земскому вопросу давал заключение комитет из неземской губернии, то оно исключалось из расчета; соответственно если по какому-нибудь вопросу общинного землевладения давал заключение комитет из губернии с подворным землевладением, то и оно исключалось из расчета. Подобная методика расчета диктуется характером принятия решений в местных комитетах. На первом заседании уездный комитет знакомился с присланной

Таблица 10.8

Доля общинных земель в 1877 г. и число уездов по губерниям

Губерния	% общинных земель	Число уездов	Губерния	% общинных земель	Число уездов	Губерния	% общинных земель	Число уездов
Архангельская	79,3	9	Костромская*	96,7	12	Рязанская*	93,2	12
Астраханская	100	5	Курляндская	0	10	Самарская*	97,1	7
Бессарабская*	82,7	8	Курская*	59,6	15	С.- Петербургская*	96,7	8
Виленская	0	7	Лифляндская	0	9	Саратовская*	96,8	10
Витебская	37,9	11	Минская	3,1	9	Симбирская*	98,5	8
Владимирская*	97,4	13	Могилевская	83,8	11	Смоленская*	95,9	12
Вологодская*	97,9	10	Московская*	99,5	13	Таврическая*	79	8
Волынская	21,1	12	Нижегородская*	96,7	11	Тамбовская*	98,6	12
Воронежская*	95,8	12	Новгородская*	96,3	11	Тверская*	96	12
Вятская*	98,6	11	Олонецкая*	94,1	7	Тульская*	88,4	12
Гродненская	2,2	9	Оренбургская	99,2	5	Уфимская*	97,6	6
Донская	80,9	9	Орловская*	82	12	Харьковская*	95,3	11
Екатеринославская*	94,4	8	Пензенская*	95	10	Херсонская*	88,8	6
Казанская*	99,9	12	Пермская*	93,6	12	Черниговская*	51,5	15
Калужская*	98,1	11	Подольская	5,4	12	Эстляндская	0	4
Киевская	16,7	12	Полтавская*	15,1	15	Ярославская*	96,4	10
Ковенская	0	7	Псковская*	98,8	8	В среднем	80,1	501

Примечание: * Земские губернии.

Источник: Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1906. С. 20–23 (Область Войска Донского на 1905 г.).

из Петербурга программой, оценивал характер и объем предстоящей работы, на демократических началах вырабатывал свою собственную программу деятельности (она обычно отличалась от стандартной) и в соответствии с ней распределял между членами обязанности по написанию докладов по отдельным вопросам. Иногда для подготовки доклада создавалась специальная комиссия, например комиссия по крестьянскому делу, по земским финансам, по вопросам народного образования (всего действовало около 300 комиссий). После того как комиссии подготовили доклады, комитет в полном составе обсуждал их и принимал по ним большинством голосов то или иное заключение, отправлявшееся затем в губернский комитет. Последний подобно уездному комитету, с одной стороны, сам по существу рассматривал вопросы программы, с другой — обсуждал и обобщал уездные заключения. Вследствие принятого порядка комитеты редко принимали заключения по вопросам, не являвшимся актуальными для конкретного уезда или губернии. Например, проблема будущего общинного землевладения не волновала комитеты 14 губерний (Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Бессараб-

ской, Киевской, Волынской, Подольской, Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской), где преобладало подворное землевладение, а проблема земских финансов оставила индифферентными комитеты неземских губерний.

Как учитывать комитеты, отказавшиеся от принятия заключения? Существует четыре варианта: (1) учитывать как самостоятельное решение, (2) распределить их голоса между «за» и «против» поровну, или пополам, (3) не учитывать, (4) распределить их голоса между «за» и «против» пропорционально проголосовавшим комитетам. Как видно на примере с обработкой заключений местных комитетов по вопросу судьбы общины, результаты получаются различными: по третьей и четвертой методикам упразднение общины не поддержали 66,7% комитетов, по второй — 55,7% и по первой — 22,8% комитетов (табл. 10.9). Если мы будем считать проценты, принимая в расчет только комитеты, принявшие заключения (методика 3), то всех не проголосовавших мы не просто исключим из анализа, а припишем им решения по аналогии с проголосовавшими, так как все не проголосовавшие комитеты разделятся между сторонниками и противниками решения данной проблемы в той пропорции, как и в проголосовавших комитетах. Именно поэтому методики 3 и 4 дают одинаковый итог — 66,7%. Если не голосовавших распределить между «за» и «против» поровну (методика 2), то будет усилено то заключение, за которое проголосовало меньшинство. Если не голосовавших учитывать самостоятельно (методика 1), то у них и будет всегда преимущество. Какому же варианту отдать предпочтение?

Таблица 10.9

Результаты статистической обработки заключений местных комитетов по вопросу об упразднении передельной общины в зависимости от методики расчета

Варианты расчета	Упразднить общину? (число комитетов)				Упразднить общину? (% комитетов)			
	За	Против	Не голосовали	Итого	За	Против	Не голосовали	Итого
1. Учитывать не голосовавших	94	47	272	413	22,8	11,4	65,9	100
2. Распределить не голосовавших между «за» и «против» поровну	230	183	0	413	55,7	44,3	0	100
3. Не учитывать не голосовавших	94	47	0	141	66,7	33,3	0	100
4. Распределить не голосовавших между «за» и «против» пропорционально проголосовавшим	275	138	0	413	66,6	33,4	0	100

Существовали три главные причины для непринятия заключения комитетами, или воздержания от голосования: (а) отсутствие консенсуса, так как там не сформировалось внушительное большинство для принятия заключения (наиболее частый случай), (б) индифферентность к проблеме, ввиду недостатка

информации, неактуальности вопроса (более редкий случай, поскольку губернии с подворным землевладением из расчета исключались), (в) заключение на голосование председателем комитета не ставилось[204]. Во всех трех случаях не голосовавшие комитеты правильнее распределить поровну между «за» и «против». При отсутствии консенсуса мнения разделялись примерно поровну, что и служило причиной воздержания от голосования. При индифферентности следует поступать так же: люди при голосовании по безразличным для них вопросам обычно распределяются между «за» и «против» примерно поровну[205]. Председатели комитетов обычно не ставили заключение на голосование тогда, когда напряжение в комитетах, вследствие отсутствия доминирующей точки зрения, достигало опасной черты. Разумеется, мы никогда не узнаем точного распределения голосов, а можем только приблизительно судить об этом. Но, на наш взгляд, более правильный результат дает методика 2, когда не голосовавшие комитеты распределяются поровну между «за» и «против», а наименее верный — методика 1, учитывающая воздержание от голосования как третье самостоятельное решение[206]. Тщательный анализ материалов местных комитетов привел А. А. Чупрова к выводу: «Большинство комитетов более или менее определенно стали на сторону противников общины; но весьма значительное меньшинство решительно заявило себя сторонником этой формы землевладения; а немалое число отказалось подвести итоги выгодным и невыгодным сторонам общинного строя и не высказалось категорически ни за, ни против общины»[207]. В пользу методики 2 говорит и следующий факт. В 1872–1873 гг., когда вопрос об общинном землевладении ставился перед экспертами в категорической форме и уклониться от ответа было крайне затруднительно, 50,7% экспертов в общинных губерниях отдали предпочтение подворному землевладению, в то время как в 1902–1903 гг. по методике 1 против общины высказалось бы лишь 11,4%. Учитывая рост негативного отношения к общине в пореформенное время, трудно допустить, что число ее сторонников за 30 лет увеличилось, а не уменьшилось (табл. 10.2).

Итоги статистической обработки заключений комитетов по методике 2 приведены в табл. 10.10. Основываясь на ее данных, мы можем сделать следующие выводы об отношении местных комитетов к важнейшим проблемам деревни в начале XX в. Главная причина ухудшения положения крестьян, по мнению местных комитетов, крылась в финансовой политике правительства: «Сопоставляя факт общего падения благосостояния и чрезмерной задолженности податного сословия с непрерывным ростом государственного бюджета за последние 20 лет, нельзя не придти к заключению, что фиск использовал все платежеспособные силы крестьянского населения, но напряг их в явный ущерб сельскому хозяйству: земля не может окупить платежей, падающих на нее и на лиц, возделывающих ее. Отсюда следует необходимость реформы податной системы»[208]. Переобремененность платежами и необходимость податной реформы — лейтмотив заключений всех комитетов, специально принявших решение по данному вопросу[209]. «Кроме непосредственного истощения народного благосостояния налоговая тягость действует на население деморализующим образом, укрепляя сознание бесплодности экономических усилий, влекущее за собой крайнее их ослабление, беспечную и безрасчетную растрату даже необходимого минимума средств. Отсюда огромная и не уменьшающаяся цифра питейного дохода»[210].

Таблица 10.10

Результаты статистической обработки заключений местных комитетов Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. по методике 2

Заключения местных комитетов	% заключений комитетов		
	За	Против	Итого
1	2	3	4
Земство — лучший орган для проведения экономических и культурных мероприятий	54,6	45,4	100
Расширить компетенцию земств	62,3	37,7	100
Удовлетворить политические требования	53,9	46,1	100
Ввести мелкую всесословную земскую единицу	61,5	38,5	100
Уменьшить прямые налоги ввиду их обременительности	52,6	47,4	100
Отменить или уменьшение косвенные налоги	54,8	45,2	100
Ввести подоходный налог	54,6	45,4	100
Отменить выкупные платежи	53,7	46,3	100
Облегчить выкупные платежи	55,4	44,6	100
Уменьшить мирские повинности ввиду их обременительности	50,9	49,1	100
Освободить крестьян от мирских расходов государственного характера	56,7	43,3	100
Привлечь к платежу мирских расходов все сословия	52,4	47,6	100
Возместить сельским обществам потери от введения винной монополии	53,2	46,8	100
Отчислить часть питейного дохода на местные нужды	55,9	44,1	100
Передать государственный поземельный налог земству	52,2	47,8	100
Увеличить средства земств ввиду их недостатка	51,5	48,5	100
Расширить источники земского налогообложения	64,5	35,5	100
Оказать государственную финансовую помощь земствам	52,7	47,3	100
Освободить земства от расходов общегосударственного характера	53,0	47,0	100
Отменить закон о предельном земском обложении	56,2	43,8	100
Ввести земства в неземских губерниях	69,3	30,7	100
Поддержать развитие сельскохозяйственных союзов	63,7	36,3	100
Бороться с малоземельем — главной причиной упадка крест. хозяйства	51,9	48,1	100
Увеличить государственное покровительство земледелию	53,3	46,7	100
Поддержать переселения крестьян	68,5	31,5	100
Поднять культурный уровень народа путем развития начальной школы,	88,6	11,4	100
в том числе ввести всеобщее народное образование	60,2	39,8	100
Отменить законом неофициальные праздничные дни	52,8	47,2	100
Упразднить передельную сельскую общину	55,7	44,3	100
Разрешить отдельному крестьянину выходить из общины без ее согласия	55,6	44,4	100
Разрешить отчуждаемость надельных земель	58,4	41,6	100
Устранить сословную обособленность крестьян	58,8	41,2	100
Отменить телесные наказания для крестьян	54,4	45,6	100
Упразднить сословный (волостной) крестьянский суд	56,6	43,4	100
Реформировать волостной суд	53,6	46,4	100

Источники: см. примечание к табл. 10.7.

Местные комитеты подвергли острой критике налоговую политику правительства. Большинство придерживалось точки зрения об отсутствии соответствия между налогами и доходами и, чтобы доказать этот тезис, включало в налоги все, что уплачивалось непосредственно крестьянством на государственные и общественные нужды: государственный поземельный налог, выкупные платежи, земские, мирские, натуральные повинности, платежи по обязательному страхованию. Непосильность налогов доказывалась возрастанием недоимок. По мнению меньшинства, *выкупные платежи являлись ипотечным долгом* крестьян правительству и поэтому не должны включаться в общую сумму налогов. Возражения большинства сводились к тому, что в выкупных платежах нет, якобы, трех признаков ипотечного долга — добровольного соглашения сторон, имущественной обеспеченности долга и периодичности его погашения; указывалось также на завышенность первоначальной оценки земли и почти полное погашение крестьянами стоимости земли уже заплаченными взносами. На этом основании большинство предлагало отменить или, по крайней мере, уменьшить выкупные платежи. Против такой меры выступило восемь уездных комитетов, признававших их платежами по долгу [211], и они были правы: переход государственных и удельных крестьян на выкуп произошел при полном их согласии, так как они получили почти всю землю, бывшую в их пользовании, за платежи, не превышавшие тех, которые они уплачивали до реформы. Переход помещичьих крестьян на выкуп в первые 20 лет проходил почти в половине случаев добровольно в результате полюбовного подписания уставной грамоты с помещиками. К 1 января 1863 г. последние представили мировым посредникам 95,3 тыс. уставных грамот, охватывавших около 90% временнообязанных крестьян, к тому времени из них 42% были уже подписаны и, следовательно, ими одобрены[212]. В случае выкупной операции в качестве обеспеченности ипотечного кредита выступала сама надельная земля и другое имущество земледельцев. Выкупные платежи вносились ежегодно, следовательно, долг погашался периодически. До 1883 г. земля выкупалась по ценам выше рыночных, но с 1883 г., после понижения выкупных платежей, — по ценам ниже рыночных. К 1903 г. крестьяне еще не расплатились полностью с долгом, но в целом выиграли от выкупной операции (см. подробнее Глава 6.2 г). Почти половина земледельцев — 43,9%, включавшая бывших государственных и удельных крестьян, с самого начала выкупала землю по ценам ниже рыночных. Отсюда следует: *выкупные платежи правильнее считать ипотечным долгом* крестьян правительству, а не прямым налогом.

Подавляющее число комитетов осуждало переложение основного бремени с прямых на косвенные налоги, указывая на ненормальность положения в России, где, в отличие от западноевропейских государств, основным источником бюджета служили косвенные налоги, государственные регалии и имущества: на рубеже XIX–XX вв. доля прямых налогов в сумме обыкновенных доходов составляла лишь 17% (в 1880-е гг. — 24%), доля косвенных налогов — более 50%. Большинство местных комитетов предлагало ввести наиболее рациональный способ обложения, с их точки зрения, — прямой прогрессивно-подоходный налог[213]. Меньшинство высказалось в поддержку существующей налоговой политики, приводя следующие аргументы. Косвенные налоги существуют везде, даже в Англии почти четверть бюджета покрывается акцизом на алкоголь. Они ложатся преимущественно на более зажиточных горожан, причем равномернее

прямых, их удобнее собирать без недоимок. Налоговая система с преобладанием косвенных налогов есть необходимая историческая эволюция, переходная ступень к прямому подоходному налогу. «Наше оскудение происходит не по вине финансовой политики, а главным образом от недостаточной производительности земледельческого труда, и всякого рода указания на тягость налогового бремени стоят в зависимости не от размера тех или иных платежей, а от степени производительности и доходности хозяйства. Положение, что государственная политика действует на экономическую жизнь населения неблагоприятно, требует большей обоснованности, и толки о понижении народного благосостояния представляются преувеличенными»[214].

С точки зрения меньшинства, быстрый рост потребления водки, чая, пива, вина, сахара, табака, спичек, керосина, тканей и других товаров, обложенных акцизом[215], противоречил заявлениям об ухудшении положения крестьянства. «Раньше питье чая было доступно только для состоятельных классов. В настоящее время эта привычка широко проникает в народ: она уже укоренилась среди городских жителей и прививается постепенно в деревне, где на нее смотрят как на некоторую роскошь». Потребление пива выросло, и почти в каждой селе открылась пивная[216]. «Мнение, что в крестьянском хозяйстве все сводится к дефициту, находится в противоречии с усиленным переходом за последнее время земли от помещиков к крестьянам, все возрастающим потреблением вина, повышением арендных цен на землю и увеличением затруднений в ведении батрачного хозяйства. <...> Обременительность некоторых взиманий получается только потому, что земледельческая культура находится в слабой степени развития, и потому доходность земли крайне низка. Если же к государству предъявляются требования о содействии развитию сельского хозяйства, то в руках его должны сосредоточиться для этого и крупные средства, поэтому правильнее желать увеличения источников общегосударственной доходности, чем их сокращения»[217]. На эти возражения большинство отвечало: недоборы по прямым налогам при вполне благоприятном поступлении косвенных служат более «надежным показателем неблагополучного экономического положения населения», так как акцизом облагаются предметы, без которых человек обойтись не может, а следовательно, «уплата косвенных налогов истощает средства плательщиков». Именно по этой причине накопление недоимок может рассматриваться как следствие несоответствия окладных платежей действительной платежеспособности земледельцев. В 24 записках из 13 губерний, касающихся общего экономического положения крестьян, высказывалось мнение о его неудовлетворительности, в смысле несоответствия возможностей потребностям. Главными аргументами в пользу такого заключения выдвигались: возрастание доли дворов без скота и с малым его числом, рост недоимок. Вместе с тем многие информанты засвидетельствовали: потребности и доходы крестьян росли, они стали лучше одеваться и питаться, хотя в 1890-е гг. несколько неурожаев отрицательно повлияли на их положение[218].

Большинство местных комитетов подвергло критике экономическую политику правительства за неправильное, с их точки зрения, понимание приоритетов: «Необходимо, чтобы односторонняя финансовая политика, покровительствующая по преимуществу фабрично-заводской промышленности и часто оставляющая без удовлетворения многие назревшие нужды сельского хозяйства, была заменена политикой покровительства всем отраслям нашей отечественной про-

Орловский А. О. Пляска русских крестьян 1820 г. ГЭ

мышленности, в полном соответствии с их сравнительным значением в народном хозяйстве, причем сельскохозяйственная промышленность, как наиболее важная по размерам своего производства и по числу народонаселения, посвящающего ей свой труд, должна быть поставлена на первое место»[219].

Двенадцать комитетов критиковали правительство за несправедливое распределение налогов между регионами: «Центральная России несет наибольшее бремя налогов, между тем как расходы из государственных средств производятся более всего на окраинах, что является одной из главных причин оскудения центра»[220]. «Окраины высасывают богатства центра. Страна превращается в воронку: благосостояние отдельных ее частей тем ниже, чем дальше они от периферии, чем ближе они к центру»[221]. Отлив жизненных сил и материальных средств к окраинам и промышленным районам создал в сердце России особое угнетенное положение, особенно в среде дворянского землевладения[222]. В отношении своем к окраинам Россия составляет совершенную противоположность другим странам. Все государства расширяют свои владения для вполне определенных целей: или вновь присоединяемая территория может дать новый источник обложения и доходности для метрополии, или же она нужна как новый рынок для сбыта продуктов, но так или иначе колонии и присоединенные территории у всех государств питают метрополию и служат богатым источником дохода для нее. В этом отношении ярким примером может служить Англия. В России же наоборот: нет такой окраины, которая бы не стоила ей огромных сумм. Даже Финляндия и та стоит правительству немало денег, а уже об азиатских владениях и говорить нечего[223]. Россию по ее отношению к своим окраинам можно сравнить с «матерью, выкармливающею своих детищ собственной грудью»[224]. Окраины поставлены в особо привилегированное положение не только в отношении расходования в них общегосударственных средств. Фабрично-заводская промышленность развивается преимущественно на окраинах или в столицах[225]. Сбыту сельско-

хозяйственных продуктов из окраин также оказывается всякое покровительство и содействие установлением дифференцированных тарифов, повлекших за собой крайне тягостную для старо-культурного земледельческого центра конкуренцию. Обилие свежих земель, легкость и дешевизна производства в связи с выгодным тарифом дали окраинам возможность выбрасывать на рынок хлеб по низким ценам в прямой ущерб коренным областям России[226]. Еще 11 комитетов идею о «неравноправном отношении» центра и окраин выразили в другой форме: «Насущные местные потребности населения не получают своего справедливого удовлетворения»[227]. «Налоги, особенно прямые, даже меньше, чем в западных государствах, но беда в том, что только малая их часть идет на удовлетворение местных потребностей, бóльшая же часть идет на войско, флот, проценты по займам и т. п. общегосударственные надобности»[228].

Но самой суровой критике (в 301 докладе) подверглось правительство за политику в сфере земских финансов. Государственные расходы достигли 2 млрд руб. в год, а «земский бюджет, расходуемый на непосредственные нужды населения, не превышает 80–85 млн, не составляя даже 5% общегосударственного»[229]. Почти единодушно «комитеты указывали на крайнюю напряженность земских бюджетов, на отсутствие у земств достаточных средств для удовлетворения местных культурно-экономических потребностей населения» и предлагали разные способы увеличения их доходов: передача государственного поземельного налога земству, предоставление новых источников дохода, прямая финансовая помощь земству со стороны правительства, освобождение земств от расходов общегосударственного характера, отмена закона от 12 июля 1900 г. о предельности земского обложения (допускающего превышение сметы расходов следующего года не более чем на 3% сравнительно с предыдущим), отчисление части питейного дохода на местные нужды (табл. 10.10).

В объяснении причин обеднения деревни важное место отводилось малоземелью. Многие комитеты сходились в общем заключении «о недостаточности надельного землевладения для обеспечения главнейших потребностей крестьян при современных условиях и приемах крестьянского сельского хозяйства»[230]. Требование борьбы с малоземельем всегда являлось важным инструментом в борьбе земцев за крестьянскую поддержку. В феврале 1905 г. земцы-конституционалисты предложили включить требование дополнительного наделения крестьян землей путем обязательного выкупа частновладельческих земель в аграрную программу (общеземский съезд в апреле 1905 г. сделал это)[231]. Однако лишь 24 комитета считали малоземелье причиной бедности, из них лишь 11 комитетов, а из числа отдельных лиц — преимущественно представители крестьян считали его основной причиной оскудения деревни и видели все спасение в масштабном росте надельного землевладения. Большинство же корень зла усматривало в низком уровне производительности крестьянского хозяйства[232]. «Парцелляция всего частного землевладения в пользу крестьянского только немногим и ненадолго увеличила бы среднее наделение двора и не предохранит крестьян при современном жалком положении их хозяйства от голода и разорения»[233], что, кстати говоря, подтвердила национализация земли, произошедшая после Октябрьской революции.

В качестве важнейшей причины бедности земледельца признавалась его культурная отсталость, «почему единственным действительным средством для

подъема сельскохозяйственной промышленности, а вместе с нею и народного благосостояния представляется просвещение, о котором необходимо озаботиться прежде всего»[234]. Ни по одному вопросу не было представлено столько записок и докладов — 492, в том числе 37 коллективных[235]. За поднятие культурного уровня деревни ратовали 411 местных комитетов, в том числе 108 высказались за введение всеобщего народного образования[236].

Многие участники Совещания 1902 г., как и в 1872 г., отметили в качестве причины, препятствующей прогрессу деревни, увеличение числа праздничных дней в последние десятилетия, связывая это с низкой культурой земледельцев. «В настоящее время крестьяне празднуют от 125 и более дней в году. Особенно выделяются Бессарабия и Юго-западный край, где православные охотно присоединяются к чествованию еще католических и даже еврейских праздников. Большинство населения совершенно утратило христианское понимание праздников как времени, посвященного молитве и необходимому отдыху. К тому же значительное их число создано народной фантазией и почитается по обычаю, преданию или из суеверного страха»[237]. Сельское духовенство, заинтересованное в получении дохода, возобновляет иногда прежние престольные дни, упраздненные вместе со старыми храмами, а также устраивает мирские молебны по случаю эпидемических болезней, засух и т. п. бедствий[238]. «Сами сельские общества ревниво охраняют святость таких дней, "заказав" (воспретив) работу в память пожара, градобития и т. п. несчастий. Они употребляют даже известное насилие над своими членами, которые не желают подчиняться решению большинства, и штрафуют ослушников обыкновенно известным количеством водки. Случается, что превратное понятие о праздниках побуждает низшие административно-полицейские власти воспрещать в эти дни работу и даже привлекать виновных к уголовной ответственности»[239]. По общему мнению, праздники способствуют увеличению пьянства. 30 комитетов высказались за законодательную отмену так называемых местных, или приходских, праздников, не санкционированных церковью и государством[240]. Обобщение сведений, сообщенных участниками Совещания 1902 г., приводит к выводу: за тридцать лет, 1873–1902 гг., число праздничных дней возросло на 18 и составило в среднем по Европейской России 123 дня (табл. 10.4).

Правовая отсталость крестьян также фигурировала в числе факторов, мешающих экономическому прогрессу. «Всевозможные проступки и преступления против собственности: самовольные захваты земли, порубки, потравы, увоз чужих копен и расхищение чужих скирд, поджоги, конокрадство и проч. стали обыденным явлением (в некоторых местностях количество таких нарушений увеличилось за последнее десятилетие почти вдвое)». Только в казенных лесах Европейской России с 1894 по 1900 г. зафиксировано порубок и похищено леса на 1,848 млн руб.[241] «Отдельным лицам приходится нередко откупаться от заведомых воров, открыто вымогающих деньги под угрозою тех или других преступлений до "красного петуха" включительно». Причины — в низком культурном и экономическом уровне сельского крестьянского населения, в «крайнем невежестве, спутанности понятий о собственности и правопорядке в самых элементарных его проявлениях»[242].

Наконец, в качестве решающей причины бедности большинство участников признало крестьянский правопорядок, высказавшись за его изменение в трех

принципиальных пунктах: (1) устранение обособленности крестьян в порядке управления путем ограничения прерогатив сельских сходов заведованием землями и угодьями, состоящими в общем пользовании, и посредством передачи прочих функций сходов в ведение выборных общесословных организаций; (2) устранение правовой обособленности крестьян в гражданских и уголовных делах путем замены волостного суда общим, а обычного права — официальным, (3) замена общинного землевладения подворным, но без каких-либо принудительных мер, а лишь путем отказа от искусственной поддержки общины и предоставления желающим права свободного из нее выхода[243].

Как указывалось выше, в губерниях с подворным землевладением вопрос о передельной общине не обсуждался: и крестьянство, и землевладельцы в этих губерниях давно сделали выбор в пользу подворного землевладения. В 10 губерниях, где имелись оба вида землевладения, лишь незначительное меньшинство комитетов высказалось за общину. Среди общинных губерний только в девяти (Архангельской, Владимирской, Вологодской, Вятской, Московской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Тверской)[244] большинство комитетов высказалось за сохранение передельной общины. В этом списке оказались Московская, Тамбовская и Тверская губернии, где было особенно сильным воздействие либералов, отстаивавших общину по политическим соображениям. Если к сторонникам подворного землевладения прибавить поборников свободного выхода из общины и отчуждаемости надельных земель, то окажется: около 60% участников Совещания хотели радикально преобразовать крестьянский правопорядок. Причем большинство желало достичь этой цели мирным, эволюционным путем, без применения принудительных мер, поддерживая желающих выделиться из общины[245]. Только 52 комитета выступали за отмену общины законодательным порядком или полное запрещение переделов.

Подвергнув острой критике экономическую и социальную политику правительства, местные комитеты предложили программу реформ: введение подоходного налога, отмену выкупных платежей, перемещение финансовых потоков от периферии к центральным губерниям и от столиц к провинции, изменение приоритетов экономической политики, преимущественное покровительство сельскому хозяйству, переход от общинного к подворному землевладению, устранение социальной и правовой обособленности крестьянства. Но самое главное, местные комитеты высказали твердое убеждение, что лишь земства могут реализовать предложенную программу. По существу, вопрос был поставлен так: *Отечество в опасности и спасти его могут только земства!!!*[246] Именно земство, говоря словами самих участников Совещания, является «лучшим выразителем местных нужд и лучшим исполнителем мероприятий, вызванных угнетенным экономическим положением сельскохозяйственного населения» по нескольким причинам: (1) имеет 35-летний опыт руководства местным хозяйством, (2) «представляет выборный орган, составленный из представителей населения», а «начертание и проведение каких-либо крупных и коренных реформ едва ли возможно без деятельного участия живых сил народа», (3) хорошо понимает местные нужды, (4) «представляет единственное поприще, в котором усилия отдельных лиц могут быть направлены на общую пользу и объединены в общей совместной работе»[247]. 36 местных комитетов так и сформулировали свое заключение: «Земство является лучшим органом как для проведения в жизнь просветительских и экономических

мероприятий в целях поднятия сельскохозяйственной промышленности, так и для указания местных польз и нужд»[248].

Но чтобы земства могли стать проводником новой политики, необходимо провести политическую реформу — расширить прерогативы земств, сделать их более демократическими по составу и увеличить их финансовые средства. Преобладающее число комитетов земских губерний высказались «за расширение прав земства, большее доверие к его деятельности (со стороны правительства. — *Б. М.*) и бóльшую свободу, самостоятельность и устойчивость земства в области хозяйственного самоуправления, причем в некоторых случаях пожелания эти формулировались в виде возвращения к Положению о земских учреждениях 1864 года или пересмотра Положения 1890 года», ограничивавшего компетенцию земства и способствовавшего усилению административного контроля над ними. Местные комитеты предлагали разрешить «общение между земствами, возможность делиться взаимным опытом и принимать сообща некоторые мероприятия, ведущиеся ныне каждым земством отдельно», расширить представительство в земствах крестьянства и, наконец, создать всесословную мелкую земскую единицу[249]. «В расширении прав земства найдет лучшее свое проявление та самодеятельность, которая составляет главную основу поднятия сельскохозяйственной промышленности»[250]. Комитеты земских губерний были единодушны: «Истинное выяснение местных нужд и целесообразность мероприятий, принимаемых для их удовлетворения, могут быть обеспечены лишь при условии широкого привлечения к этому делу местных общественных сил, участие которых необходимо и для непосредственного ведения дел на местах»[251].

Таким образом, Совещание 1902 г. стало рупором либерально настроенных земцев и землевладельцев, превративших Совещание в арену борьбы с правительственной политикой. Особенно внушительную поддержку получили либералы по вопросам расширения компетенции земств, увеличения земских финансов и уравнения прав крестьян с другими сословиями, за что высказалось более половины участников уездных комитетов.

Если мы сопоставим работу Комиссии 1872 г. и Совещания 1902 г., то обнаружим важные различия. В 1872–1873 гг. обсуждались почти исключительно экономические вопросы, в 1902–1905 гг. к ним добавились социальные, причем те и другие в ходе дискуссии принимали политическую окраску. В 1872–1873 гг. обсуждение, несмотря на различие взглядов, носило спокойный, академический характер. Совещание 1902 г. было до крайности политизировано. В 31 уездном комитете хотя бы косвенно коснулись политических тем: свободы сношений земств между собой, создания объединенного органа земской деятельности, проведения общеземских съездов, передачи на обсуждение земских собраний законопроектов, касающихся местных интересов[252]. В ряде докладов говорилось о желательности политических преобразований, о создании той или иной формы народного представительства[253]. Звучала прямая критика правительственного курса, например, в выступлениях Н. А. Хомякова, Н. Н. Ковалевского, и более осторожная — в докладах других участников[254]. В 1903 г., когда началось подведение итогов в губернских комитетах, в Московской, Тамбовской, Тверской и Харьковской губерниях, где либералы были особенно сильны, их председатели (в соответствии с инструкцией Министерства внутренних дел) сняли с обсуждения ряд острых вопросов, поступивших из уездных комитетов[255]. По обвинению

в противоправительственной агитации несколько членов комитетов лишились полномочий. В Тамбовском и Тульском губернских комитетах значительное число членов отказались участвовать в дальнейших работах, ссылаясь на давление председателя. В Московском губернском комитете произошел раскол: большинство отвергло предложение либерального меньшинства, покинувшего собрание в знак протеста[256].

Политизации работы комитетов в 1902–1903 гг. способствовали демократичность, открытость, публичность их заседаний (на заседания Комиссии 1872 г. публика не допускалась) и долго сдерживаемая, неутоленная потребность образованных людей участвовать в политической жизни страны. 482 уездных комитета 49 губерний Европейской России в течение августа — декабря 1902 г. провели в среднем по 3–4 общих заседания, наиболее активные — по 15–20, всего свыше 1800 заседаний. Губернские комитеты провели в два раза больше заседаний — в среднем по 7, всего — свыше 350 заседаний. В этот расчет не вошли заседания подготовительных комиссий и частных совещаний, созданных при местных комитетах. Уездные комитеты обсудили более 1700 докладов, губернские — свыше 300, затронувших не менее 8 тыс. вопросов[257]. В тех губерниях, где не существовало земств, в комитетах обсуждались приговоры сельских обществ, прошения крестьян, сельских правлений и сельскохозяйственных обществ, что говорит о либеральных настроениях в самой коронной бюрократии на местах — ведь она могла не проявлять самодеятельности, выходящей за рамки требуемого из столицы. Таким образом, 12,5 тыс. человек — членов местных комитетов — в течение пяти месяцев в уездных и восьми месяцев в губернских активно и бескорыстно работали в качестве народных представителей[258]. Это были своего рода протопарламенты, или предпарламенты, в каждом уездном городе. Среднее число членов в губернском комитете Европейской России составляло 47, в уездном — 21[259]. «Опрос комитетов уже в настоящее время имеет огромное общественное значение, практического влияния которого невозможно отрицать. <...> В огромном большинстве члены комитетов вышли из заседаний иными людьми, чем вошли: более осведомленными, более развитыми и воспитанными в общественном смысле», — так подвел итог работе Совещания 1902 г. П.Н. Милюков[260].

Феноменальная активность комитетов ясно указывала: общественность созрела для участия в государственном управлении, в России появился довольно многочисленный (конечно, в абсолютном, а не в относительном смысле) слой людей, жаждавший «большего контроля и гласности в общественном деле, равенства и справедливости в экономических и правовых отношениях различных классов, стремящийся к возможно широкому привлечению к делу общественных сил и развитию самодеятельности»[261], другими словами, стремящийся к активной политической работе. Земцы прямо заявляли: «Земские учреждения заслужили того, чтобы их считать необходимыми органами государственного строя, они доказали своею работой свою жизнеспособность и без них едва ли мыслимо осторожное разумное движение всей жизни нашего отечества вперед, движение в порядке, с соблюдением всех лучших заветов русской земли»[262].

Задумывая Совещание, либеральная бюрократия хотела оказать давление на верховную власть и подвигнуть ее на изменение аграрной политики, а в итоге получила 618 предпарламентов, громко заявивших о политических претензиях общественности. Не случайно правый публицист В.П. Мещерский в «Гражда-

нине» называл подобные требования «декларациями маленького конвента», а их сторонников — «земскими Мирабо», которые желали, «чтобы правительство озаботилось не улучшением крестьянского материального быта, а переделкою (усовершенствованием!!!) самого крестьянина настолько, чтобы он мог сделаться всесословным орудием борьбы в общей жизни государства»[263]. Как ни удивительно, но материалы местных комитетов были тщательно и совершенно адекватно проанализированы чиновниками Совещания 1902 г., и эти обобщения вместе с первичными источниками опубликованы еще до Манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего гражданские свободы[264].

Важная причина политизации работы местных комитетов заключалась также в том, что во второй половине 1890-х гг., после заявления императора о «бессмысленных мечтаниях» на приеме в Зимнем дворце 17 января 1895 г., земства и правительство вступили в новую полосу конфронтации. «Политика правительства, полная недоверия к общественной самодеятельности, — отмечал один из руководителей земского либерального движения Д. Н. Шипов, — побуждала все образованное общество, всех участвовавших в общественной работе сплачиваться, порождала во всех слоях населения недовольство, раздражение и отрицательное отношение к государственному строю»[265]. С 1866 по 1900 гг. рядом законодательных и нормативных актов правительство поставило компетенцию земств в строгие рамки местных хозяйственных проблем, контроль коронной администрации усилился, попытки контактов между земствами и создания общеземских органов пресечены, финансовые средства урезаны. С конца XIX в. участились случаи неутверждения председателей и членов земских управ коронной администрацией. Недоверчивое, а иногда и враждебное отношение к земствам Николая II усиливало антиземский тонус правительства. Указом от 12 июня 1900 г. земства отстранялись от заведования продовольственным делом, а размеры земского обложения ставились в узкие пределы. Это послужило последней каплей — отношения земств с коронной администрацией обострились до последней степени. Земские либералы начали борьбу. В 1902 г. они основали в Штутгарте журнал «Освобождение» (под ред. П. Б. Струве) и опубликовали в нем программу, предусматривавшую политические свободы и представительный орган с законодательными правами[266]. Ходатайства земств слились в один голос накануне созыва в 1902 г. Совещания. Земцы дружно потребовали реформ[267]. В 1903 г. возник «Союз освобождения», институциализированный в следующем году на учредительном съезде в Петербурге. В 1903 г. другая группа земских либералов, тесно связанная с первой, основала вторую организацию — «Союз земцев-конституционалистов» — с той же программой[268].

На этот период активности земских либералов и пришлось начало работы Совещания 1902 г. По стечению обстоятельств, стремление либеральной общественности донести свою критику аграрной политики правительства и свои требования до верховной власти нашло поддержку у либеральной бюрократии, которая инициировала Совещание 1902 г. и захватила в нем руководящее влияние и инициативу. Руководимая С. Ю. Витте либерально-бюрократическая группировка в верхах так же, как и земские либералы, стремилась изменить аграрную политику правительства. План Витте состоял в том, чтобы сначала утвердить свою руководящую роль в аграрной политике, а затем добиться пересмотра аграрного курса, *используя либеральную общественность как средство давления на консерва-*

тивную группировку в правительстве и саму верховную власть[269]. Именно поэтому Витте и его сторонники превратили Совещание 1902 г. в центр притяжения либеральных сил и дали им возможность подвергнуть жесткой критике аграрную политику[270]. Получив такой подарок, земская общественность приняла самое активное участие в работе Совещания, преследуя, разумеется, свои собственные цели и далеко выйдя за рамки, предначертанные ей Витте.

Программа, опубликованная в журнале «Освобождение», получила поддержку в комитетах Совещания 1902 г., где позиции либералов были сильны. Главными пунктами в ней являлись: расширение компетенции земств, создание общероссийской земской организации и увеличение финансов. Переводя эвфемизмы на ясный политический язык,— либералы требовали от правительства власти и денег для активной политической деятельности. Вследствие этого и в местных комитетах земцы настаивали на том, чтобы государство дало земствам больше власти и одновременно расширило их финансовую базу, так как слабые финансы подрывали возможности активной земской деятельности. Острота критики финансовой политики правительства на Совещании объяснялась просто: финансовая проблема официально разрешалась для обсуждения в местных комитетах и легко политизировалась, давая широкую возможность для популистских политических заявлений. Порицание финансово-экономической деятельности правительства вызывало понимание у частных землевладельцев и крестьян: покровительственная политика в отношении русской промышленности вызывала у первых ревность и раздражение, перенос государством налогового бремени на деревню тормозил повышение доходности крестьянства и землевладельцев, а земские доходы напрямую от них зависели. Земские деятели прекрасно понимали, что «рубль, отнятый у мужика, отнимался вместе с тем и у его соседа-землевладельца, а рубль, попавший в карман крестьянина, увеличивал богатство его соседа-землевладельца, что рубли, отнимаемые из кармана крестьянина, ослабляли земские финансы и больно били по социально-экономической политике земств»[271]. Ходатайствуя о сокращении государственного бюджета и росте земского, либералы надеялись получить поддержку большинства землевладельцев и крестьян.

Пропагандировать программу реформ и добиваться ее реализации всегда максимально удобно в условиях кризиса, независимо от того, реальный он или воображаемый. Если дела в экономике, прежде всего в деревне, идут хорошо — зачем нужны политические реформы? Другое дело, если народ беднеет и вымирает. По политическим соображениям либерально-демократическая общественность всячески педалировала проблему обеднения крестьянства и упадка сельского хозяйства. Внушая мысль, что Отечество в опасности, и возлагая вину за это на неправильную социально-экономическую политику правительства, земские либералы ставили вопрос о необходимости ее коренного изменения, а значит, о политических реформах, поскольку без них радикально трансформировать политику невозможно. «Нельзя начинать бороться с комарами, не устранив предварительно вампиров. <...> Сельскохозяйственная промышленность страны не может быть сколько-нибудь заметно улучшена без устранения главных причин, которые привели к настоящему положению деревни»,— заявил в своем докладе член Харьковского комитета Н. Н. Ковалевский[272], и все прекрасно понимали: «вампиры» — это чиновники, а «главные причины» — самодержавие. В данном

случае земцы воспользовались парадигмой кризиса, уже сформулированной в либерально-демократической литературе, и удачно применили ее на практике. Доказательства, приводимые в пользу парадигмы на Совещании 1902 г., объективно были несостоятельными, но только не для тех, кто в парадигму верил. Докладчики подробно останавливались на несоответствии налогов платежным средствам населения и доходности земли, подтверждая свои выводы подробными расчетами крестьянского бюджета, количеством падающих на надельные земли различного вида налогов и т. п. Однако в их расчетах фигурировали официальные сведения о сборах хлебов, занижающие его на 20%, официальные данные о скоте, преуменьшавшие его численность едва ли не вполовину, выкупные платежи принимались за налог, хотя на самом деле они являлись ипотечным долгом. Опубликованные в 1877–1900 г. бюджеты крестьянских хозяйств ясно показали, что они имели в целом положительный баланс доходов и расходов даже при учете выкупных платежей и страховых взносов[273]. Рост числа праздничных дней, потребления товаров, обложенных акцизом, в том числе расходов на алкоголь в 1,5 раза за 1863–1900 гг.[274], повышение за 1861–1900 гг. средней длины тела крестьян на 3 см, а веса — на 3 кг (табл. 6.1 и 6.4 в Главе 6), увеличение вкладов в банки — все эти объективные факты вступали в противоречие с заявлениями об упадке и обеднении как ведущей тенденции пореформенного развития деревни.

Но получение объективной картины состояния деревни беспокоило в основном правительственные круги. Либерально-демократическую и научную общественность волновали политические проблемы: создание представительного учреждения, участие во власти и раздел государственного финансового пирога — и она целеустремленно направляла свои усилия в этом направлении. Вопрос о соответствии между представлениями о крестьянстве и сельском хозяйстве и объективными данными мало ее тревожил: общественность искренне верила в кризис и пауперизацию деревни, но, самое важное, и все общество ее разделяло и на этом основании требовало политических реформ: « [Русское общественное] мнение — так как оно высказано комитетами — уже теперь есть также и сила. Оно может спокойно и уверенно ждать, пока жизнь сделает за него то, чего оно само сделать не может — устранить тлетворное действие сил, ему противоположных. Тогда очередь будет за живыми силами земской России. И опыт уездных и земских комитетов ручается, что своей очереди земская Россия не пропустит даром и не повторит ошибок, столь для нее ясных теперь и так наглядно для всех сводящихся к одной основной: к отрицанию великого начала самодеятельности и самоуправления», — заявил П.Н. Милюков[275].

Итак, либерально-демократическая общественность весьма удачно воспользовалась Совещанием 1902 г. для пропаганды своей программы и демонстрации несостоятельности политики правительства. Главным аргументом в этом противостоянии являлся тезис о кризисе деревни и обеднении крестьянства как следствии этой политики. В 618 комитетах по всей России громко прозвучал голос либеральной оппозиции — это была проба сил накануне революции 1905–1907 гг. PR-кампания в целом прошла успешно. Следуя призыву своих лидеров: всю силу, всю энергию истратить на создание атмосферы общего недовольства и протеста[276], земские либералы в основном добились своих целей. Им удалось убедить всю страну, что деревня находится в тяжелом положении, а общество хочет изменения правительственного курса.

Поскольку обстановка в стране накалялась, в том числе и под влиянием работы 618 комитетов Совещания 1902 г., правительство поспешило до окончания его работы и публикации всех трудов[277] отреагировать на его предложения. 26 февраля 1903 г. Николай II издал Манифест. В нем намечались принципиальные преобразования: отмена круговой поруки[278] и облегчение отдельным крестьянам выхода из общины, но при сохранении неприкосновенности общинного строя, где он существовал. Правительство оказалось консервативнее земцев и землевладельцев. Но, как это ни парадоксально, оно *приняло во внимание мнение самого русского крестьянства, которое в преобладающем большинстве поддерживало общину и не доверяло земствам*[279].

Ответ земской оппозиции на действия правительства не заставил себя ждать. В начале 1904 г., накануне общеземского съезда, до завершения официальной публикации трудов Совещания, используя рукописные материалы трети местных комитетов, она издала свою сводку под многозначительным названием «Нужды деревни» с предисловием П. Н. Милюкова[280]. В книге дело представлялось таким образом, что сельская Россия, т. е. огромное большинство населения страны, предъявила требование правительству реформировать деревню, без чего спасти ее от упадка невозможно. С. Ю. Витте мог бы торжествовать: цель достигнута — общественность требует реформ. Однако либеральная общественность на этом не остановилась. В ноябре 1904 г. она провела в столице общеземский съезд, принявший программу политических реформ: народное представительство с законодательными правами, гражданские свободы, равноправие сословий и расширение прерогатив земств и городских дум[281]. Джинн революции вышел из бутылки, и вернуть его назад без удовлетворения его требований уже не представлялось возможным.

10.6. Комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний

Параллельно с Совещанием 1902 г. работала Комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России, учрежденная 16 ноября 1901 г. (далее Комиссия центра), где между либеральными земцами и консервативной бюрократией также произошло столкновение, ярко обнаружившее расхождение в их групповых интересах и в представлениях о положении деревни. Комиссия центра дает наглядный пример того, как высшая бюрократия стала использовать научные исследования для обоснования своей политики. После неурожая 1891–1892 гг. в обществе и прессе стал обсуждаться вопрос об упадке Черноземного центра, более всего пострадавшего от неурожая. В печати получила распространение следующая точка зрения: поскольку именно понижение хлебных цен в первой половине 1890-х гг. спровоцировало кризис, правительство должно поддержать сельское хозяйство вместо того, чтобы однобоко покровительствовать развитию промышленности. Под воздействием этих дебатов министр финансов С. Ю. Витте инициировал проведение ведущими русскими учеными крупного исследования о влиянии урожаев и хлебных цен на российскую экономику[282]. Авторский коллектив быстро и успешно выполнил

работу, и в 1897 г. книга увидела свет. В ней доказывалось: российскому сельскому хозяйству в целом благоприятствуют не высокие хлебные цены, а высокие урожаи и низкие хлебные цены[283]. Виттевский протекционистский курс, таким образом, получил серьезную поддержку со стороны науки[284].

В 1897–1898 гг. неурожай вновь затронул ряд черноземных губерний[285], и голоса об упадке стали раздаваться еще громче, особенно из дворянской среды. В ответ в 1897 г. С. Ю. Витте поручил изучить вопрос о положении Черноземного центра специально созданному совещанию, поручив руководство крупному чиновнику Министерства внутренних дел И. А. Звегинцеву и управляющему отделом сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ А. Д. Поленову. Двухлетняя работа совещания Звегинцева — Поленова завершилась изданием «Трудов»[286]. Оценивая итоги аграрного развития за 35-летний период, 1861–1895 гг., совещание пришло к следующему выводу: признаки застоя или даже упадка обнаружились с начала 1890-х гг. в связи с неурожаями только в девяти центрально-черноземных губерниях, в то время как бóльшая часть страны находилась в относительно благополучном состоянии; в особенно трудном положении находились помещики вследствие невыгодных для них условий отмены крепостного права. Витте, размышлявший в это время о пересмотре аграрного курса правительства, остался недоволен сделанными выводами. Зачем пересматривать всю аграрную политику, если сельское хозяйство развивается более или менее успешно и требуется помощь одному району, да и то главным образом помещикам? Для доказательства необходимости пересмотра аграрной политики министр финансов Витте нуждался в серьезном обосновании, поэтому выводы Совещания Звягинцева — Поленова были признаны неудовлетворительными, правда, на другом основании: они якобы базировались на официальной сельскохозяйственной статистике, не вызывавшей особого доверия, и относились преимущественно к 1884–1898 гг. Витте создал Комиссию центра во главе со своим заместителем В. Н. Коковцовым, а к участию в ней наряду с видными чиновниками привлекли экспертов и земских деятелей — им, как и в Совещании 1902 г., отводилась роль ударной силы по старому правительственному курсу[287].

Задача комиссии определялась таким образом: собрать статистические материалы, всесторонне характеризующие развитие сельского хозяйства после отмены крепостного права в 50 губерниях Европейской России за 40 лет, с 1861 по 1900 г. В исследовательской работе участвовало свыше ста специалистов[288]. В течение двух лет через Департамент окладных сборов Министерства финансов эксперты собрали, обработали и в октябре 1903 г. напечатали самую полную сводку большей частью неопубликованных сведений ведомственной и, частично, земской статистики. Первая часть труда включала данные о состоянии крестьянского хозяйства в каждой из 50 губерний, сгруппированных в 12 районов, за 1861–1900 гг. по 26 аспектам: население (численность, брачность, рождаемость, смертность, естественный прирост), переселения, призыв в армию и воинский брак, бюджеты, потребление водки, движение вкладов в сберегательных кассах, посевные площади, размер земельного надела, степень соответствия земельного надела рабочему составу и продовольственным потребностям, движение земельной собственности путем купли-продажи, покупка земли при содействии крестьянского поземельного банка, аренда, посев и сбор хлебов, хлебные цены, доходность надельной

земли по земско-статистическим исследованиям, численность скота, заработки в местных и отхожих промыслах, количество проданных паспортных бланков на право заниматься отходничеством, заработок у местных землевладельцев, зарплата сельскохозяйственных рабочих, избыток или недостаток местных рабочих, поступление окладных сборов и пропорционального гербового сбора, движение залогов по Государственному дворянскому земельному банку. Во второй части труда статистические данные представлялись в графической форме, в третьей — содержался обзор источников, обобщение статистического материала и выводы.

Комиссия центра не только собрала уникальные материалы, но применила интересную и оригинальную методику их обработки — свидетельство того, что в ее составе работали профессиональные статистики. Комиссия поставила двоякую цель — оценить средний уровень благосостояния на 1900 г. и средний темп его изменения за 1861–1900 гг. Для этого *на 1900 г.* все 50 губерний по каждому из 24 показателей получили ранг, или рейтинг, от 1 до 50, следовательно, каждая губерния имела 24 ранга. Затем каждому показателю присваивался вес от 1 до 4 соответственно его вкладу в благосостояние крестьян. На основе ранга и веса каждого показателя для каждой губернии рассчитывался средний сложный ранг по совокупности всех 24 показателей — суммарный *показатель уровня благосостояния губернии*. Он вычислялся в двух вариантах: по первому участвовали 24 признака, по второму — 20 (у десяти из них изменялся вес). По первому варианту суммарный показатель варьировал от 15,26 в Орловской губернии до 34,63 в Донской области, по второму — от 13,93 в Орловской до 34,71 в Таврической (Донская область шла третьей с показателем 32,52). Как видим, оба варианта расчета дали примерно одинаковые результаты. Губернии, имевшие суммарный показатель ниже среднего по 50 губерниям, относились к неблагополучным, а имевшие выше среднего — к благополучным. В свою очередь те и другие ранжированы на семь групп в соответствии со своим рангом.

Аналогичным образом достигалась вторая цель. Для 50 губерний вычислялся средний темп изменений по всем 24 показателям за 1861–1900 гг., в соответствии с которым губерния получила ранг (от 1 до 50). На основе 24 рангов определялся суммарный ранг динамики благосостояния для каждой губернии. Каждому показателю динамики присвоен вес от 1 до 4 соответственно его вкладу в благосостояние крестьян. На основе ранга и веса каждого показателя рассчитывался средний сложный ранг по совокупности всех 24 показателей — суммарный *показатель динамики благосостояния губернии*. Губернии с темпом развития выше среднероссийского отнесены к благополучным, чье благосостояние улучшалось, а с темпом ниже среднего — к неблагополучным, чье благосостояние ухудшалось, и в зависимости от ранга ранжированы на семь групп по степени успешности развития[289].

В результате анализа Комиссия центра пришла к выводу: «Неблагополучный центр» из девяти губерний, установленный Комиссией Звегинцева–Поленова по данным первой половины 1890-х гг., в начале 1900-х гг. расширился до 18 губерний[290]. Откуда следовало общее заключение «о крайне неудовлетворительном состоянии земледельческого промысла в большинстве земледельческих районов и о менее успешном развитии или даже упадке благосостояния в этой обширной области сравнительно с другими. <...> Основная причина не вполне благоприятного положения нашего крестьянства в земледельческих местностях кроется в относительном малоземелье, т. е. в таком положении вещей, при котором все

количество состоящих у крестьян земель, как собственных, так и арендуемых, может доставить занятие только меньшей части рабочего крестьянского населения, а добываемые с этих земель средства оказываются недостаточными для удовлетворения всех крестьянских нужд»[291]. Если положение неудовлетворительно только в 18 губерниях, значит, в 32, т. е. в большинстве губерний Европейской России, оно удовлетворительно. Но и заключение Комиссии относительно 18 губерний нельзя признать вполне корректным. Методика, примененная экспертами, позволяла только *ранжировать губернии по уровню благосостояния в 1900 г. и темпам развития за 1861–1900 гг.* и таким способом найти менее и более успешные губернии, а также определить 18 губерний, оказавшихся в худших экономических условиях. Но аналитикам не удалось установить, *повысилось или понизилось благосостояние крестьян* ни в отдельных, ни в 18 губерниях, ни во всей России в целом. Для такого вывода следовало: (а) оценить его уровень отдельно в 1860-е гг. и в 1890-е гг. в каждой из 50 губерний с помощью суммарного показателя и (б) сравнить величину этого показателя на начальную и конечную дату. Те губернии, где суммарный показатель с 1861–1870 по 1891–1900 гг. понизился, можно было бы отнести к деградирующим, а те, где повысился, — к процветающим. Сопоставление суммарного показателя для всех 50 губерний в 1860-е и 1890-е гг. обнаружило бы, какая тенденция — повышения или падения благосостояния доминировала. Не сделав этого, Комиссия не имела достаточных оснований для *корректного вердикта о динамике уровня жизни крестьянства,* а тем не менее вынесла его, подменив благосостояние динамикой развития.

Дефицит и неточность сведений, сверхкритическое отношение к имеющимся данным и самое главное — нахождение в плену парадигмы кризиса и упадка помешали экспертам Комиссии центра сделать адекватные выводы из собранного ими материала. Здесь мы имеем уникальные примеры когнитивного диссонанса (подробнее об этом см. в Заключении монографии). По принципиальному вопросу урожайности на крестьянских землях эксперты установили ее существенный рост в пореформенное время — на 38,7% у озимых и 37% у яровых хлебов: «Если исходить из отмеченного повышения урожайности, то пришлось бы признать: убыль в площади посевов с избытком вознаградилась более обильным сбором хлебов». Однако они отклонили саму мысль о возможности столь существенного роста урожайности на том лишь основании, что «во многих местностях замечается выпаханность и истощенность крестьянской надельной земли, доказываемые постоянно повторяющимися с начала 1890-х гг. крупными неурожаями». Эксперты объявили увеличение урожайности фиктивным, вызванным исключительно «совершенствованием сведений о сборе хлебов в последнем десятилетии сравнительно с предшествующим временем»[292], не приведя, однако, никаких доказательств ни относительно истощения надельной земли, ни насчет улучшения качества урожайной статистики. То же видим и в других случаях, когда показатели обнаружили позитивную динамику. Два примера.

При оценке вкладов и сбережений, сделанных крестьянами, эксперты обнаружили значительный рост тех и других в 1880–1900 гг., что свидетельствовало о повышении уровня жизни. Однако, поскольку этот факт противоречил парадигме кризиса, они интерпретировали его иначе: якобы в 1880-е гг. из-за недостатка сберегательных касс крестьяне не имели возможности хранить деньги в банке, поэтому весь рост сбережений объясняется исключительно появлением такой

возможности в 1890-е гг.: «Для этого вывода (об увеличении сбережений. — *Б. М.*) необходимо было бы сопоставить сумму сбережений, имеющуюся налицо ныне, с тою суммою, которую прежде население сохраняло у себя дома, для чего, однако, никаких данных не имеется»[293]. Как видим, аналитики предпочли допустить наличие сбережений у крестьян до 1890 г., лишь бы не признать факт их возрастания в 1890-е гг. (о банковских вкладах крестьян см. табл. 11.9).

Второй пример. Комиссия установила: с 1861–1870 по 1891–1900 гг. количество ежегодно выдаваемых паспортов (в переводе на годовые) на тысячу человек увеличилось с 13,9 до 53,1, т. е. в 3,82 раза, причем по темпам роста числа отходников лидировали черноземные и северные губернии. Этот факт, безусловно, свидетельствовал о существенном повышении дохода крестьян от промысловой деятельности, компенсировавший уменьшение дохода от земельных наделов на человека. Но важное явление диверсификации доходов оценивается экспертами в рамках парадигмы упадка: «Живущее в среднеземледельческих, северных и средне-волжских губерниях население менее обеспечено, сравнительно с населением других местностей, средствами, добываемыми в месте приписки, вследствие чего оно вынуждено пополнять недостаток этих средств заработками на стороне»[294]. Факт усиления промысловой деятельности оценили негативно.

Комиссия центра, состоявшая из 14 чиновников министерств финансов, земледелия, внутренних дел и уделов, а также 18 земских деятелей, собралась на заключительное заседание 10–24 октября 1903 г. для подведения итогов и обсуждения представленной земцами записки[295]. Однако вместо того, чтобы всесторонне обсудить собранные Комиссией центра материалы и сделать на их основе объективное заключение по главному вопросу повестки дня (наблюдался ли в течение 40 лет упадок благосостояния крестьянства и в какой степени он коснулся центральных российских губерний), на заседаниях проходили по большей части политические дискуссии в рамках парадигмы кризиса и обеднения. В Записке в концентрированном виде был выражен взгляд либеральной общественности на современное положение России. За 40 лет, прошедших после отмены крепостного права, социально-экономические условия жизни крестьян принципиально переменились: натуральное хозяйство превращалось в денежное. Но крестьяне оказались неприспособленными к новым условиям, отсюда «факт оскудения». Выход либералы видели не в облегчении экономических условий, а в изменении «внутреннего соотношения между крестьянином и окружающими его тяжелыми условиями осложнившейся жизни». Бессмысленно применять чисто экономические меры — нужно преобразовать основы правового и социального положения крестьян, реформировать их правопорядок, ограничить власть земских начальников, отменить телесные наказания, поднять образование, облегчить выход из общины и переход к подворному землевладению[296]. Своим предшественником в подобной постановке вопроса земцы назвали С. Ю. Витте. Несмотря на это, они не могли удержаться от критики его финансово-экономического курса, которая почти слово в слово напоминала выступления их коллег в местных комитетах Совещания 1902 г. В заключение общественные деятели коснулись земских учреждений, в частности выдвинули политические для того времени требования, уже звучавшие в местных комитетах, — разрешить проведение региональных, т. е. межгубернских, земских съездов и передавать разработанные правительством законопроекты, касающиеся местной хозяйственной жизни, на экспертизу земским собраниям.

Подмена объективного анализа проблемы кризиса и обеднения политической дискуссией ясно обнаружила цель земских деятелей, принимавших участие в Комиссии центра (как, впрочем, и в Совещании 1902 г.) — дискредитировать правительственный курс, выдвинуть политические требования, мобилизовать оппозиционные силы. Как писал Мещерский, земские представители «привезли с собой коллективную декларацию, из содержания которой оказалось, что они прибыли в комиссию не с ответами на заданные вопросы, но с вопросами, по которым они требовали ответа от правительства»[297].

В ходе обсуждения принципиальные выводы и предложения Записки земцев были отвергнуты. При определении причин неблагоприятного положения центральных губерний к согласию не пришли даже бюрократы. Члены «Комиссии» согласились: «Упадок, по-видимому, должен быть поставлен в тесную связь со всей совокупностью явлений экономической жизни населения, причем выяснение степени воздействия каждого отдельного фактора не представляется возможным». Для центральных губерний был выделен только один специфический признак — преимущественно земледельческий характер экономики[298]. После того как В. Н. Коковцов потребовал держаться установленных рамок, политические дискуссии прекратились. Комиссия перешла к заключительной части — рекомендации мер по преодолению кризиса, высказав пожелания о необходимости финансовой помощи земствам, о расширении переселений, развитии кустарной промышленности, сокращении выкупных платежей и т. п. — все эти предложения уже звучали на Совещании 1902 г. С научной точки зрения, Комиссия центра не справилась с поставленной задачей — не ответила на главный вопрос о динамике благосостояния[299]. Однако политические последствия ее деятельности оказались весьма значительными. Во-первых, выводы Комиссии стали использоваться либеральной бюрократией в борьбе за изменение аграрного курса правительства; во-вторых, ее работа привлекала пристальное внимание прессы. Либералы получили дополнительный шанс заявить на всю страну о неспособности правительства к диалогу с общественностью и его нежелании проводить реформы, без которых кризис будет только усугубляться[300]. Народническое «Русское богатство» писало: «Судьба, постигшая заявление земцев, — нечто поучительное... Можно пожелать, чтобы данный урок был оценен по достоинству теми сферами, которых он ближе всего касается». Здесь явно читался намек на бесполезность диалога с властью и на необходимость перехода к решительным практическим действиям. Правые «Московские ведомости» парировали: «Земцы предложили крестьянину книгу вместо хлеба»[301]. В. П. Мещерский в «Гражданине» писал, что «земские Мирабо «уехали с опущенными носами» потому, что председатель Комиссии В. Н. Коковцов «посадил каждого отдельно и всех вместе на *свое место*, а к себе на нос никого не пустил»[302]. Успех «Комиссии центра» он видел в выдвижении на первый план вопросов экономических, не получивших якобы ответа в записке земцев[303].

10.7. Общественность против самодержавия

Анализ материалов Совещания 1902 г. и Комиссии центра 1901 г. приводит к выводу: общественность далеко не всегда адекватно понимала проходившие в стране социально-экономические процессы, в своих оценках часто проявляла субъекти-

визм, приносила объективность в жертву своим политическим интересам, правда, скорее всего не намеренно, а по убеждению (во всяком случае, преобладающее число оппозиционно настроенной интеллигенции искренне верило в кризис, упадок, обеднение крестьянства и искренне стремилось исправить положение). Большинство экспертов Комиссии 1901 г. и особенно Совещания 1902 г. смотрело на настоящее с осуждением, предрекая бури и кризис в будущем, если правительство не изменит курс. Тут нечему удивляться. В конце XIX в., по мнению одного из активных деятелей Совещания 1902 г., впоследствии видного октябриста С. И. Шидловского, «между правительством и обществом произошел конфликт, ставящий обе стороны в положение воюющих, <...> вся жизнь страны приняла характер упорной борьбы между двумя сторонами»[304]. А на войне, как на войне, все средства для победы хороши[305]. И наивно было бы ожидать, чтобы элита либеральной, не говоря уже о радикальной общественности, ради достижения своих бесспорно благородных целей — ради установления демократического строя, гражданского общества и правового государства — не применила всех доступных средств, включая манипуляцию массовым сознанием, дезинформацию, прессинг колеблющихся, PR-кампании, также использовавшихся ее политическими противниками. Даже террор против самодержавия поддерживался либералами, да и являлся преимущественно орудием борьбы интеллигенции, по крайней мере до Первой русской революции[306]. «Мы не принадлежим к числу людей, из лицемерия или недомыслия клеймящих событие 1-го марта (убийство Александра II. — *Б. М.*) и позорящих его виновников. Мы не боимся открыто сказать то, что втайне известно всей искренней и мыслящей России, а именно, что деятели 1-го марта принадлежат к лучшим русским людям»[307]. При этом либералы через свой журнал откровенно подталкивали молодежь к террористической деятельности против правительства, прославляя активистов террора, указывая на его неизбежность и целесообразность: «Нужно, наконец, сказать во всеуслышание, с торжественной отчетливостью, что весь ужас, весь исторический трагизм, все значение политических убийств, совершенных и свершаемых русскими революционерами, состоит в том, что убийцами являются *лучшие люди нации, носители высочайших нравственных качеств и чрезвычайных умственных дарований*. <...> Политические убийства — зло, с полной неизбежностью вытекающее из самодержавия. Самодержавие нельзя мирно поддерживать в нашей стране: самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями. Вот о чем должна была бы говорить наша печать. Безустанно она должна повторять обществу и правительству: вы не хотите политических убийств и революционных насилий, так покончите же скорее с их источником — самодержавием. <...> Разве не есть гражданская война та настойчивая борьба, которую самодержавное правительство всеми средствами ведет с деятельностью, направленной на постепенное изменение русского государственного строя мирными и большей частью даже формально легальными действиями? <...> Самодержавие всей своей политикой заявляет, что оно склонится только перед физическим насилием революции. Абсолютно-реакционное, оно само воспитывает страну к революции»[308].

Аналогичным образом понимал борьбу с самодержавием и «вождь пролетариата». В 1901 г. В. И. Ленин в статье «С чего начать» заявил: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо

в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях»[309]. Р. Пайпс точно подметил: «Ленин, для которого политика была всегда только войной классов, мыслил в терминах Клаузевица: целью политики, так же, как и целью военной стратегии, он считал не примирение с противником, но его полное уничижение. <...> Ленин понимал “классовую борьбу” буквально, то есть как войну гражданскую — войну, при которой все средства хороши, если они приводят к стратегическому уничтожению и истреблению противника»[310].

Близкую к либеральной интеллигенции позицию занимала прогрессивная буржуазия. Стандартный тезис советской историографии о «контрреволюционности» российской буржуазии[311] в постсоветское время подвергнут справедливой критике[312]. Новые исследования доказали, что прогрессивные промышленники до 1905 г. примыкали к либеральной части общества, требовавшей политических свобод, парламентаризма и конституционного строя. Вместе с либералами они надеялись создать единую оппозицию самодержавию и с ее помощью прийти к власти. В выборе средств для достижения этой цели промышленники не церемонились и охотно давали деньги на революцию. По ориентировочным и далеко не полным подсчетам, более двухсот предпринимателей вложили в революционное дело миллионы рублей. Наиболее радикальные из них заходили еще дальше — они закрывали в 1905 г. фабрики и заводы, чтобы создать массовое рабочее движение и с помощью его вырвать у правительства уступки и реформы[313]. После революции 1905–1907 гг. четко прослеживается стремление предпринимателей создать собственную партию, которое было реализовано лишь в 1912 г., когда возникла Партия прогрессистов. Программа партии мало отличалась от кадетской: аграрная реформа с принудительным отчуждением частновладельческих земель, расширение рабочего законодательства, повышение роли Государственной думы и Государственного совета в системе государственной власти, создание ответственного перед Думой правительства, демократизация местного самоуправления[314].

Но, пожалуй, самое парадоксальное открытие современной историографии — de facto пролиберальная позиция Русской православной церкви. Исследователь истории церкви М. А. Бабкин убедительно доказал: с рубежа XIX–XX вв. вплоть до начала Февральской революции представителями высшей иерархии РПЦ проводилась деятельность, направленная на ограничение участия императора в церковном управлении и на «отдаление» церкви от государства. В то же время духовенство едва ли не демонстративно уклонялось от разработки богословского взгляда на царскую власть. В целом оно придерживалось «рациональных» оценок, дававшихся царской власти юристами, политологами и историками. Даже по таким принципиальным вопросам, как церковные полномочия императора и так называемые священные права помазанника Божьего (является ли миропомазание государя церковным таинством или нет), среди иерархов РПЦ не наблюдалось единства. Меры, предпринимавшиеся представителями епископата в предреволюционные годы, направлялись на «десакрализацию» власти российского самодержца. Они сводились к укоренению в сознании паствы представлений о царе не как о духовно-харизматическом «лидере» народа и «Божием установлении» (помазаннике), а как о мирянине, находящемся во главе государства. Духовенство (в частности, члены Синода РПЦ) стремилось обосновать, что между царской властью и какой-либо иной формой правления нет, по сути, никаких

принципиальных отличий: всякая, мол, власть — «от Бога». После нескольких безуспешных попыток добиться высочайшего разрешения на созыв Поместного собора представители архиерейского корпуса стали связывать надежды на «освобождение», «раскрепощение» Церкви от императорского контроля с возможностью смены формы государственной власти в России в пользу «любой» формы правления. Стремясь увеличить свою власть за счет умаления прав верховной власти в области церковного управления, видные представители высшего духовенства работали, по существу, на революцию. И само «освободительное движение» (в первую очередь — в лице левых и центристских партий) добивалось в принципе аналогичного: ограничения власти царя в пользу «народного представительства». В целом духовенство с начала XX в. постепенно становилось в оппозицию к царской власти, стремясь освободиться от государственного надзора и опеки, стремясь получить возможность самоуправления и самоустроения. Основным мотивом соответствующих действий священнослужителей являлось стремление разрешить многовековую проблему «священства-царства» в свою пользу[315].

Отдадим должное лидерам либералов — они прекрасно сознавали силу общественного мнения: «*И в самодержавной России почти всегда решающее значение в историческом ходе вещей принадлежало общественному мнению* (курсив мой. — *Б. М.*). Общественное мнение расшатало самодержавие Годунова и "смута", т. е. то же общественное мнение, возвела на престол Романовых. Общественное мнение в XVIII веке низвергало немецких временщиков и возносило русских; общественное мнение низложило глупого немца Петра III и возвело на престол умную немку Екатерину II; общественное мнение одобрило ссылку Сперанского и не поддержало декабристов; общественное мнение дало могущественную опору реформам Александра II; общественное мнение вознесло Каткова в 1863–1864 г. и низложило Дмитрия Толстого в 1880 г.; общественное мнение объявило в 1877 г. войну Турции. <...> Ни Александр III, ни граф Дмитрий Толстой не были чудотворцами реакции 80-х годов. Реакцию эту создало само общественное мнение, когда ему бросилась в голову кровь Александра II. <...> И мы не видим, почему общественное мнение России XX века станет поддерживать самодержавие петербургских министров»[316]. Либералы не упускали ни одного случая, открывающего возможность обострить или создать конфликт между общественностью и самодержавным режимом[317]. Если бы они этого не делали, то победа, которой они добились в 1905 г., вряд ли стала возможной.

Курсов и учебников по проведению PR в конце XIX — начале XX в. в России еще не было написано, но кое-какая литература на этот счет существовала, и профессиональные политики ее знали. Например, книга французского социолога Г. Лебона «Психология народов и масс», переведенная на русский в 1896 г. и пользовавшаяся в России большой популярностью среди людей, имевших отношение к политике[318]. Автор рекомендовал политическим лидерам, «когда дело идет о том, чтобы заставить душу толпы проникнуться какими-нибудь идеями или верованиями», использовать три средства: утверждение, повторение, заражение. «Простое утверждение, не подкрепленное никакими рассуждениями и доказательствами, служит одним из самых верных средств для того, чтобы заставить какую-нибудь идею проникнуть в душу толпы. <...> Утверждение лишь тогда лишь оказывает действие, когда оно повторяется часто и, если возможно, в одних и тех же выражениях. Посредством повторения идея водворяется в умах до такой степени прочно,

что в конце концов она уже принимается как доказанная истина, врезается в самые глубокие области бессознательного, где именно и вырабатываются двигатели наших поступков. <...> После того, как какое-нибудь утверждение повторялось уже достаточное число раз, на сцену выступает могущественный фактор — зараза. В толпе идеи, чувства, эмоции, верования — все получает такую же могущественную силу заразы, какой обладают некоторые микробы. <...> Мнения и верования распространяются в толпе именно путем заразы, а не путем рассуждений, и верования толпы всех эпох возникали посредством такого же точно механизма — утверждения, повторения, зараза. <...> Зараза, действующая вначале только в народных слоях, постепенно переходит в высшие слои общества»[319]. Как видим, либеральная общественность использовала именно рекомендованные Лебоном средства и достигла искомого результата: идеи упадка/обеднения и необходимости радикальных реформ глубоко проникли в массовое сознание снизу доверху.

К сожалению, до сих пор при изучении политических процессов в прошлом сравнительно мало уделяется внимания деятельности, направленной на привлечение людей на свою сторону, по завоеванию общественного мнения — тому, что называется пиар, или паблик рилейшнз (далее PR)[320]. Как известно, ядро PR-деятельности заключается в воздействии на процесс формирования общественного мнения с целью (1) убедить людей изменить свое отношение к проблеме или организации, (2) кристаллизовать несведущее или неразвитое мнение, (3) усилить существующее мнение[321]. PR как специальной дисциплине лишь немногим более 100 лет, однако у PR-деятельности древние корни. Во все времена те, кто стоял у власти, всегда понимали значение убеждения при работе с общественным мнением. В 1660-е гг. католическая церковь под руководством папы Григория XV основала институт пропаганды с целью «распространения истинной веры»[322]. В России PR-деятельность также зафиксирована с древних времен[323]. Например, введению опричнины предшествовала профессионально проведенная Иваном Грозным PR-кампания по дискредитации бояр и оправданию разгрома оппозиции. В декабре 1564 г. царь со своим ближайшим окружением покинул Москву, поселился в Александровой слободе и отправил в столицу два послания. В первом, адресованном духовенству и служилым людям, бояре обвинялись в предательстве, церковники — в пособничестве боярам. Во втором царь заверял посадских людей, что государев «гнев» и «опала» на них не распространяется. По настоянию посадских к царю была направлена депутация с мольбой вернуться в Москву. Грозный согласился, но поставил условие — безусловная поддержка его в разгроме бояр. Народ принял ультиматум и тем развязал Грозному руки. В начале 1565 г. царь возвратился в Москву и ввел опричнину[324].

Мощные PR-кампании сопровождали восшествие на престол всех царей и императоров, в особенности тех, чьи права на престол являлись сомнительными. Характерен случай с Борисом Годуновым. Не имея законных прав на престол, он хотел быть избран на царство Земским собором, так как только одобрение всей землей придавало легитимность его царствованию. До открытия собора он занимался активной PR-деятельностью для привлечения народа на свою сторону. Его сестра, вдова умершего царя Федора Ивановича, «призывала к себе тайно сотников и пятидесятников стрелецких, деньгами и льстивыми обещаниями склоняла их убеждать войско и горожан, чтобы не выбирали на царство никого, кроме Бориса. Сам Борис Годунов приобретал приверженцев с помощью мона-

хов, разосланных из всех монастырей в разные города, с помощью вдов и сирот, благодарных ему за решение своих тяжб, с помощью людей знатных, которых он снабжал деньгами, обещая дать и больше, когда будет избран в государи». Земский собор избрал Бориса. Но бояре настаивали, чтобы Годунов целовал крест на ограничивающей его власть грамоте. Не желая этого делать, Борис вместе с патриархом и другими своими сторонниками повели дело так, чтобы народ принудил бояр выбрать его без договора. Дважды организовался крестный ход московского народа в Новодевичий монастырь, где жил Годунов. После первого отказа Бориса от престола патриарх при всем народе пообещал, что в случае вторичного отказа отлучит Бориса от церкви, сам станет простым монахом и запретит службу по всем церквам. Борис, таким образом, ставился в безвыходное положение и вынужден был уступить давлению. Во время венчания Годунов, принимая благословение от патриарха, громко, чтобы все слышали, сказал ему: «Отче, великий патриарх Иов! Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека!» — и, тряся ворот своей рубашки, продолжал: «И эту последнюю рубашку разделю со всеми!»[325] Годунов в торжественную для себя минуту был настолько счастлив и так хотел понравиться народу, что взял на себя совершенно невыполнимое обязательство, очень напоминающее не исполненную клятву Б.Н. Ельцина, российского президента в 1991 г., — лечь на рельсы, если повысятся цены (а когда они в 1992 г. повысились на 2600%, забыть о своем обещании).

Весьма удачно проводила свои PR-кампании Екатерина II, вынужденная постоянно искать поддержки общественного мнения по причине незаконного восшествия на престол. Прекрасно сознавая свою от него зависимость, она уделяла много внимания установлению доверительных отношений с общественностью. Политическая стратегия, как императрица сформулировала ее своему статс-секретарю В.С. Попову, сводилась к следующему — осторожное выяснение общественных настроений и мнений («мысли просвещенной части народа») и действие в соответствии с ними[326]. Политику Екатерины по привлечению на свою сторону общественного мнения В.О. Ключевский описал следующим образом: «В цепи отношений, связующих власть с обществом, не было одного важного звена. Это звено — народное убеждение, совместное дело власти и общества, слагающееся, с одной стороны, из сознания общего блага, с другой — из умения внушить это сознание и уверить в своей решимости и способности удовлетворить потребностям, удовлетворяющим общее благо. <...> Продолжая попытку Петра, Екатерина в эту сторону, прежде всего, направила свои усилия. Но, обращаясь к разуму народа, Екатерина будила в нем и чувства, которые способны были еще сильнее склонить на сторону законодателя». Анализируя предпринятые ею PR-кампании, приходится удивляться способностям императрицы: она действовала так, будто ее направляла опытная рука PR-технолога или она следовала рецептам из современных учебников по PR. «Так предпринята была Екатериной кампания, целью которой было завоевать народное доверие и сочувствие. Эта кампания велась выходами, поездками, разговорами, учащенным присутствием на заседаниях Сената, более всего указами и манифестами. Начиная с манифеста 28 июня 1762 г. о воцарении при всяком удобном случае — в указах о взяточничестве, о разделении Сената на департаменты, в манифесте о заговорщиках, в рескриптах русским послам и губернаторам, даже в частных беседах — настойчиво заявлялось о происхождении нового правительства, о его

намерениях и заботах, о том, как оно понимает свои задачи и свое отношение к народу. Прежде всего, предстояло выяснить источники приобретенной власти. Новое правительство было горячо приветствовано общественным мнением, и общественное мнение было провозглашено законным политическим фактором, органом народного голоса, его приветствие, скрепленное присягой, формальным актом народного избрания»[327].

Вопреки расхожему представлению о равнодушии верховной власти России к общественному мнению, она всегда им интересовалась и пыталась на него воздействовать. Со времен Алексея Михайловича государи являлись усердными читателями сначала зарубежной, а со времени Екатерины II и отечественной прессы — она, несмотря на цензуру, обеспечивала читателя информацией о состоянии дел в стране и общественном мнении. В пореформенное время двор и правительство внимательнейшим образом следили за малейшими колебаниями общественного мнения, о чем поведал вел. кн. Александр Михайлович: «Министерство уделов откладывало постройку железной дороги по южному побережью Крыма, чтобы наша левая печать не усмотрела в этом желания вывозить из императорских имений фрукты, и последние приходилось продавать на месте за минимальную цену. Такое же приблизительно положение наблюдалось и с доходами от вкладов в иностранных банках. Министру двора было категорически запрещено вкладывать деньги в какие бы то ни было иностранные или же русские частные предприятия, чтобы не дать пищу разговорам о том, что Государь Император заинтересован в той или иной отрасли промышленности»[328]. Да и само правительство стало использовать прессу для влияния на общественное мнение, в том числе само организовывало газеты. С. Ю. Витте использовал общественное мнение и прессу для давления на Николая II, а его высокопоставленные противники — против него[329]. Состояние отношений с обществом принималось правительством во внимание и предпринимались усилия для изменения вектора этих отношений с отрицательного на положительный. Не дремала и общественность. Завоевание общественного мнения с помощью четкого, продуманного и убедительного общения с властями, поддержание общественных связей и убеждение людей лежали в основе ее борьбы за власть[330].

Утверждение «виртуальных фактов», создание искусственной «действительности» стало частью русской общественной жизни в начале XX в., а PR-кампании стали неотъемлемым элементом общественных отношений и систематически использовались для манипуляции общественным мнением. Вел. кн. Александр Михайлович в своих воспоминаниях заметил: «Начиная со дня смерти Александра III в 1894 году три силы приняли участие во внутренней борьбе за власть в России: монарх, царская фамилия и адепты революционного подполья (к ним он относил также всю либерально-демократическую общественность. — *Б. М.*). Симпатии же остального 150-миллионного русского народа делились между этими двумя лагерями, между престолом и анархией, и находились в зависимости от искусства каждой из боровшихся сторон заручиться поддержкой народных масс»[331]. Деятельность Комиссии центра 1901–1903 гг. и Совещания 1902–1905 гг. дает нам замечательные примеры PR-деятельности ради достижения политических целей.

Примечания

1. *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1970. С. 189.
2. Там же. С. 175.
3. «Влияние его (А. Н. Радищева. — *Б. М.*) было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли ее»: *Пушкин А. С.* Александр Радищев//Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Л., 1978. С. 246.
4. *Пушкин А. С.* Путешествие из Москвы в Петербург//Полное собрание сочинений. Т. 7. С. 184–209.
5. *Радищев А. Н.* Путешествие. С. 45; *Пушкин А. С.* Путешествие. С. 185.
6. *Радищев А. Н.* Путешествие. С. 190; *Пушкин А. С.* Путешествие. С. 197–198.
7. ПСЗ-I. Т. 19. № 14229. С. 1063.
8. *Радищев А. Н.* Путешествие. С. 174, 179–180; *Пушкин А. С.* Путешествие. С. 201–203.
9. *Шангина И. И.* Русский народ: Будни и праздники. СПб., 2003. С. 441.
10. *Кабештов И. М.* Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006. С. 553.
11. *Шангина И. И.* Русский народ. С. 444–445; *Кормина Ж. В.* Проводы в армию в пореформенной России: Опыт этнографического анализа. М., 2005. С. 231–239.
12. *Радищев А. Н.* Путешествие. С. 160–164; *Пушкин А. С.* Путешествие. С. 205.
13. *Радищев А. Н.* Путешествие. С. 135–138; *Пушкин А. С.* Путешествие. С. 208–210.
14. *Игнатович И. И.* Месячина в России в первой половине XIX в.//Историк-марксист. 1927. № 3.
15. Пушкин не упомянул, что крестьянка, как специально отметил Радищев, чтобы подчеркнуть ее бедность, пекла хлеб, состоявший из трех четвертей мякины (отходов молотьбы) и одной части несеяной муки. Однако в Псковской губернии употребляли так называемый пушной хлеб, смешанный с мякиной, независимо от урожая и благосостояния: Архив РГО, Разр. 32 (Псковская губерния), оп. 1, д. 1 (1850-е гг.), 6 (1848 г.), 19 (1851 г.), 34 (1848).
16. «В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидерота и Реналя, но все в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале»: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Л., 1978. С. 245.
17. Пушкин приводит цитату из книги французского писателя Жана де Лабрюйера (1645–1696) «Характеры или нравы нашего времени», впервые опубликованной в 1686 г.
18. Пушкин имеет в виду Мари де Совинье (1626–1696) — французскую писательницу, автора многотомной книги «Письма к дочери», впервые опубликованной в 1726 г.
19. *Пушкин А. С.* Александр Радищев. С. 199.
20. Там же. С. 199–200.
21. Подробнее о децильном коэффициенте неравенства см. в Главе 12.4 в.
22. *Кольб Г. Ф.* Руководство. С. 1, 3, 33–34.
23. *Mulhall, M. G.* Dictionary of Statistics. London: G. Routledge & sons, 1892. P. 579.
24. *Пушкин А. С.* Путешествие. С. 199.
25. *Радищев А. Н.* Путешествие. С. 175.
26. Там же. С. 46–48.
27. Там же. С. 47.
28. *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1. С. 52–53, 59, 82–83, 584–585.
29. *Радищев А. Н.* Путешествие. С. 188.
30. В год публикации «Путешествия» Радищева в 1790 г. пуд сахара стоил 16,38 руб. или 1 руб. за кг.
31. Архив С.-Петербургского института истории РАН, ф. 36 (Воронцовы), оп. 1, д. 1156. 1781–1790 гг.
32. *Tooke W.* View of the Russian Empire during the Reign of Catherine the Second to the Close of the Present Century: In 3 vol. London, 1799. Vol. 2. P. 348–349.
33. Цит. по: *Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press 1961. P. 469.
34. *Кошелев В. А.* Повесть о том, как один мужик...//Воспоминания русских крестьян. С. 8.
35. *Травин Л. А.* Божиим милосердием облагодетельствованного Леонтия Автономова сына Травина, уроженца из бедного состояния родителей, происшедшего в достоинство благородства, бывшие с 1741 г. в жизни его обстоятельства и приключения, для сведения и пользы собственно потомкам его описанные им самим//Воспоминания русских крестьян. С. 66, 77, 90.
36. *Николаев М. Е.* Мои воспоминания//Воспоминания русских крестьян. С. 580.
37. *Пурлевский С. Д.* Воспоминания крепостного (1800–1868)//Воспоминания русских крестьян. С. 125.

38. *Николаев М. Е.* Мои воспоминания. С 668.
39. *Бобков Ф. Д.* Из записок бывшего крепостного человека//Воспоминания русских крестьян. С. 645.
40. *Кабештов И. М.* Моя жизнь. С. 457, 463, 552, 554; *Бобков Ф. Д.* Из записок. С. 589–590.
41. Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 9. С. 150–151.
42. *Травин Л. А.* Божиим милосердием. С. 32. По наблюдениям Хока, взрослые дворовые из имения Петровское, принадлежавшего Гагариным, в первой половине XIX в. получали по два пуда ржаной муки и 4,1 кг крупы в месяц: *Хок С. Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 23.
43. *Артынов А. Я.* Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда//Воспоминания русских крестьян. С. 321–322; См. также: *Кабештов И. М.* Моя жизнь. С. 548–549.
44. *Worobec Ch.* Possessed: Women, Witches, and Demons in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001; *Воробец К.* Кликушество в имперской России. Нестор. 2007. № 11: Смена парадигм: Современная русистика. СПб., 2007. С. 279–303.
45. *Хрущева А. Г.* Воспоминания//Воспоминания русских крестьян. С. 105.
46. *Кабештов И. М.* Моя жизнь. С. 453, 512.
47. *Хрущева А Г.* Воспоминания. С. 106; *Заборский Н. И.* [Летопись села Зачатье]//Воспоминания русских крестьян. С. 682, 689.
48. *Кабештов И. М.* Моя жизнь. С. 534, 550–551.
49. *Пурлевский С. Д.* Воспоминания. С. 108–109.
50. *Кабештов И. М.* Моя жизнь. С. 550–551.
51. *Шипов Н. Н.* История моей жизни и моих странствий//Воспоминания русских крестьян. С. 156–175.
52. *Артынов А. Я.* Воспоминания. С. 304.
53. *Гакстгаузен А.* Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. 63. В ходе составления уставных грамот и перехода на выкуп у некоторых помещиков возник соблазн присвоить себе купленную крестьянами на их имя землю, но закон и коронная администрация встали на сторону крестьян; то же наблюдалось и в удельной деревне: *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе: 1861–1880 гг. М., 1978. С. 50–54, 90–91.
54. *Пурлевский С. Д.* Воспоминания. С. 152–153.
55. *Шипов Н. Н.* История моей жизни. С. 170.
56. *Васильев И. В.* Мои воспоминания//Воспоминания русских крестьян. С. 446.
57. *Артынов А. Я.* Воспоминания. С. 301.
58. *Васильев И. В.* Мои воспоминания. С. 421.
59. *Кабештов И. М.* Моя жизнь. С. 455, 457, 465–466, 546, 548; *Бобков Ф. Д.* Из записок. С. 575–655. 602, 608, 612, 615, 620, 636.
60. *Васильев И. В.* Мои воспоминания. С. 429, 430.
61. *Кабештов И. М.* Моя жизнь. С. 467–468; *Бобков Ф. Д.* Из записок. С. 608.
62. *Кабештов И. М.* Моя жизнь. С. 466–467; *Бобков Ф. Д.* Из записок. С. 608. Об убийствах помещиков см.: *Семевский В. И.* Крестьяне. Т. 1. С. 412–418.
63. *Бобков Ф. Д.* Из записок. С. 608.
64. *Пурлевский С. Д.* Воспоминания. С. 135–139.
65. *Хрущева А. Г.* Воспоминания. С. 96–97.
66. *Бобков Ф. Д.* Из записок бывшего. С. 602.
67. *Травин Л. А.* Божиим милосердием. С. 54–55.
68. *Артынов А. Я.* Воспоминания. С. 387–388.
69. *Васильев И. В.* Мои воспоминания. С. 436.
70. Там же. С. 435.
71. *Заборский Н. И.* [Летопись села Зачатье]. С. 685, 693.
72. *Бобков Ф. Д.* Из записок бывшего. С. 608–609, 654.
73. *Шипов Н. Н.* История моей жизни. С. 251.
74. *Заборский Н. И.* [Летопись села Зачатье]. С. 683.
75. *Бобков Ф. Д.* Из записок бывшего. С. 610.
76. *Васильев И. В.* Мои воспоминания. С. 429–430.
77. *Кабештов И. М.* Моя жизнь. С. 548, 551.
78. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. С. 405, 407.
79. *Пурлевский С. Д.* Воспоминания. С. 145.
80. *Бобков Ф. Д.* Из записок. С. 587, 593, 595, 618, 637–639, 650, 659, 666.

81. Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. СПб., 1873. Доклад. С. 1–3 (далее: Доклад комиссии 1872 г.)
82. За пределами опроса оказалось 9 губерний, принадлежащих Северному, Юго-Восточному и Уральскому регионам: Архангельская, Астраханская, Вологодская, Донская, Олонецкая, Оренбургская, Пермская, Уфимская и С.-Петербургская.
83. Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. VI. Стенографические ответы лиц, приглашенных в Комиссию. СПб., 1873. Ч. 1. Программа вопросов.
84. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 3; Ч. 2. С. 106, 144.
85. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 143.
86. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 103–104.
87. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 248–249.
88. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 40.
89. *Малыхин П.* Быт крестьян Воронежской губ., Нижнедевицкого уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. СПб., 1853. Вып. 1. С. 208.
90. Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. I. Отд. 1. С. 238.
91. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 143.
92. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 245, 247–249.
93. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 103–104.
94. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 184.
95. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 240.
96. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 6.
97. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 34.
98. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 144.
99. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 204, 224.
100. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 3.
101. Там же. Доклад. Журналы. С. 7.
102. Это отмечено и в Заключении Комиссии: Доклад Комиссии 1872 г. Доклад. Журналы. С. 7.
103. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 25.
104. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 16, 122.
105. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 37, 123.
106. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 253–256.
107. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 172.
108. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 180, 185, 187.
109. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 73, 77, 211, 225, 242, Ч. 2. С. 47.
110. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 205.
111. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 146.
112. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 236.
113. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 243.
114. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 244.
115. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 24.
116. *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1984. P. 295. Потребление водки существенно варьировало в различных частях империи. Но среднее потребление в 50 губерниях и во всей империи отличалось не существенно — соответственно 6,9 л и 7,3 л в 1901–1910 гг.
117. *Фет А. А.* Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство/Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева и С. В. Смирнова. М., 2001. С. 290, 292, 295.
118. Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. VI. Ч. 2. С. 69.
119. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 40, 256.
120. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 153.
121. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 60.
122. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 19, 24, 45, 60, 90.
123. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 24.
124. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 24, 192, 222.
125. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 207.
126. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 223–224.
127. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 104, 148, 206, 221.
128. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 45.
129. См. об этом подробно в Главе 6.2 г.

130. Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. VI. Ч. 1. С. 90.
131. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 16.
132. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 100.
133. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 80. См. также: Там же. С. 16 (Самарская); С. 75 (Полтавская); С. 95 (Гродненская губ.).
134. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 95.
135. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 66. См. также: Там же. С. 72. О росте производительности труда в крестьянском хозяйстве пореформенного времени см.: *В. В.* [Воронцов В. П.] Прогрессивные тенденции в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892.
136. Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. VI. Ч. 1. С. 24.
137. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 5.
138. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 92.
139. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 120.
140. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 202, 204, 209, 211.
141. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 73.
142. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 249.
143. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 69.
144. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 39, 60.
145. Подробнее см. в Главе 9 настоящей работы, табл. 9.10.
146. Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. I. Отдел 1. Виды пользования землей. С. 97, 107, 126, 134, 137, 139, 140, 143, 144, 145.
147. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 40, 73–74.
148. Там же. Доклад. Журналы Комиссии. С. 40.
149. Там же. Доклад. Журналы Комиссии. С. 40–41.
150. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 12, 232.
151. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 142. Та же мысль: С. 124.
152. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 28.
153. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 72, 194.
154. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 63.
155. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 63, 106, 155, 210.
156. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 196–197.
157. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 86–87.
158. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 69.
159. Там же. Приложения. I. Отд. 1. С. 225, 244.
160. Там же Приложения. I. Отд. 1. С. 249.
161. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 3.
162. *Фет А. А.* Жизнь Степановки. С. 277–278.
163. Там же. С. 286–288.
164. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 12 писем, 1872–1887. М., 1937.
165. *Ермолов А. С.* Всенародная агрономия. М., 1996. С. 183–208.
166. *Овчинцева Л. А.* Русские экономисты-аграрники начала XX века о хозяйственной мотивации крестьян//Из истории экономической мысли и народного хозяйства России/Н. К. Фигурновская (ред.). М., 1993. Вып. 1. Ч. 1. С. 87–98.
167. Исследование бюджета времени крестьян Воронежской губернии в 1923 г. (опрошен 71 человек) показало, что на производственный труд летом глава семьи тратил около 11 часов, хозяйка — 8 часов, зимой — соответственно 2 и 4 часа: *Струмилин С. Г.* Бюджет времени русского крестьянина//*Струмилин С. Г.* Избранные произведения: В 5 т. Т. 3. Проблемы экономики труда. М., 1963. С. 169–170.
168. *Чаянов А. В.* Организация крестьянского хозяйства//Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 199–200, 238, 241, 244.
169. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 821.
170. Доклад Комиссии 1872 г. Приложения. VI. Ч. 2. С. 94.
171. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 16. Та же мысль: Ч. 1. С. 232 (Черниговская губ.), Ч. 2. С. 94 (Тульская губ.).
172. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 106–107.
173. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 108–109.
174. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 138.
175. Там же. Приложения. VI. Ч. 2. С. 140.

176. Там же. Приложения. VI. Ч. 1. С. 196–197.
177. С 1863 по 1872 г. на 8.3%: *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 44, 46.
178. Доклад Комиссии 1872 г. Доклад. Журналы Комиссии. С. 53.
179. *Фет А. А.* Жизнь Степановки. С. 276.
180. Там же. С. 244, 276.
181. Обычай собирать милостыню во время неурожая, или «ходить в кусочки», продолжал существовать в других местностях, например в Смоленской губернии: *А. Г.* Записки южнорусского крестьянина//Устои. 1882. № 2. С. 140; *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. С. 15–16.
182. *Фет А. А.* Жизнь Степановки. С. 283–284. См. также: С. 201–202.
183. Там же. С. 201.
184. *Обухов В. М.* Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России/В. Г. Громан (ред.). Л., 1927. Ч. 1. С. 2–3, 32–33.
185. *Череванин Ф. А.* Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет, 1883–1923 гг. //Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Ч. 1. С. 167–178.
186. *Бечаснов П.* Статистические данные по выдаче ссуд на обсеменение и продовольствие населению, пострадавшему от неурожая в 1891–92 гг. (Временник ЦСК МВД. 1894. № 28); Материалы по продовольственному вопросу. Отд. 3. Материалы для обзора деятельности местных учреждений по поводу неурожая 1891 г. (Сборник Саратовского земства. 1891, II); *Сазонов Г. П.* Обзор деятельности земств по народному продовольствию (1865–1892): В 2 т. СПб., 1893.
187. *Короленко В. Г.* В голодный год: Наблюдения, размышления и заметки. 3-е изд. СПб., 1897; *Толстой Л. Н.* О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. М., 1892.
188. *Анфимов А. М.* Продовольственный долг как показатель экономического положения крестьян дореволюционной России (конец XIX — начало XX в.)//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Т. 4. М., 1960. С. 294; *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. М., 1956. Т. 1. С. 58.
189. *Оницканский М. С.* О распространении холеры в России. СПб., 1911. С. 1–2.
190. *Безденежных И. С.* Эпидемиология. 4-е изд. М., 1981. С. 148–158.
191. *Покровский В. И.* Влияние урожаев и хлебных цен на естественное движение населения//Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства/А. И. Чупров, А. С. Постников (ред.). СПб., 1897. Т. 2. С. 182; *Бессер А., Баллод К.* Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851–1890 годы. СПб., 1897. С. 78, 82.
192. Материалы по продовольственному вопросу. Отд. 4. Взгляды текущей литературы по поводу неурожая 1891 г. //Сборник Саратовского земства. 1892. I.
193. *Robbins R. G., Jr.* Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis. New York: Columbia University Press, 1975. Отметим, что работа была опубликована в 1975 г., более 24 лет назад, но отклика в отечественной историографии не получила. Другой зарубежный автор считает, что царское правительство более эффективно боролось с голодом 1891–1892 гг., чем советское правительство с голодом 1947 г.: *Ellman M.* The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines//Cambridge Journal of Economics. September, 2000; *Эллман М.* Голод в СССР в 1947 г. в свете проблемы «доступа к продовольствию»//Экономическая история. Ежегодник. 2005. М., 2005. С. 320–363.
194. Земское самоуправление в России: 1864–1918: В 2 кн. Кн. 1. 1864–1904/Н. Г. Королева (ред.). М., 2005. С. 284.
195. Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности: 1902–1904. СПб., 1904. С. 1, 55; Приложение 2.
196. Общий обзор трудов местных комитетов. С. 7.
197. Советская историческая энциклопедия: В 16 т. Т. 5. М., 1964. Стлб. 679–680.
198. Земское самоуправление в России 1864–1918. Кн. 1. С. 266.
199. Пункты программы занятий Высочайше учрежденного особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, сообщенные на заключение местных комитетов//Перечень докладов, помещенных в трудах местных комитетов/С. Ю. Лопатин (сост.). СПб., 1905. С. 193–195.
200. *Витте С. Ю.* Записка по крестьянскому делу. СПб., 1904. С. 4.
201. Цит. по: Земельное обложение/С. И. Шидловский (сост.). СПб., 1904. С. 1–2.
202. См.: Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности: 1902–1904. СПб., 1904. С. 1, 55; Приложение 2.
203. Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 11.

204. *Милюков П. Н.* Введение. Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: В 2 т./Издание Н. Н. Львова и А. А. Стаховича при участии газеты «Право». СПб., 1904. Т. 1. С. 27–37.
205. Согласно теории вероятности, при индифферентности и наличии только двух равноценных вариантов («за» и «против») оба варианта имеют примерно одинаковую вероятность быть избранными комитетами, как в случае вероятности выпадения «орла» и «решки» при подбрасывании монеты.
206. Вопрос о том, как интерпретировать мнение не проголосовавших комитетов, встал уже на самом Совещании: *Симонова М. С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 192.
207. *Чупров А. А.* Общинное землевладение//Нужды деревни. Т. 2. С. 124–125.
208. Цит. по: Земельное обложение. С. 1–2.
209. Земельное обложение. С. 1–2, 37–39.
210. Общий обзор трудов местных комитетов. С. 215.
211. Там же. С. 51–56.
212. *Дружинин Н. М.* Русская деревня. С. 49. О том, сколько всего выкупных сделок совершено при согласии крестьян, сведений пока не имеется.
213. Общий обзор трудов местных комитетов. С. 213–214.
214. Там же. С. 216–217.
215. Финансовая политика. С. 25–31.
216. Косвенные налоги. С. 79, 64.
217. Общий обзор трудов местных комитетов. С. 217.
218. Сельскохозяйственная техника/В. В. Бирюкович (сост.). СПб., 1903. С. 39–44; Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной статистики (далее ТМК). Вятская губерния. СПб., 1903. С. 50–60, 711–712; Костромская губерния. СПб., 1903. С. 156–174, 252–257, 264–274, 296–300, 420–436; Московская губерния. СПб., 1903. С. 26–32, 60–62; Нижегородская губерния. СПб., 1903. С. 44–45, 57, 292–295, 468–471, 545–551; Новгородская губерния. СПб., 1903. С. 484–496; Орловская губерния. СПб., 1903. С. 142–189; Полтавская губерния. СПб., 1903. С. 525–541; Саратовская губерния. СПб. 1903. С. 163–177, 326–335; Тамбовская губерния. СПб., 1903. С. 31–43, 126–127; Тверская губерния. СПб., 1903. С. 162–172; Тульская губерния. СПб., 1903. С. 170–231; Уфимская губерния. СПб., 1903. С. 74–83; Харьковская губерния. СПб., 1903. С. 94–106.
219. Финансовая политика. С. 136.
220. ТМК. Тверская губерния. СПб., 1903. С. 35.
221. ТМК. Симбирская губерния. СПб., 1903. С. 521.
222. ТМК. Воронежская губерния. СПб., 1903. С. 58.
223. ТМК. Харьковская губерния. СПб., 1903. С. 459.
224. ТМК. Тульская губерния. СПб., 1903. С. 80.
225. ТМК. Курская губерния. СПб., 1903. С. 791; Псковская губерния. СПб., 1903. С. 65; Калужская губерния. СПб., 1903. С. 80; Смоленская губерния. СПб., 1903. Ч. 2. С. 238.
226. ТМК. Тамбовская губерния. СПб., 1903. С. 299; Рязанская губерния. СПб., 1903. С. 348; Калужская губерния. С. 75; Финансовая политика. С. 19–23; Общий обзор трудов местных комитетов. С. 208–209.
227. Финансовая политика. С. 139.
228. Общий обзор трудов местных комитетов. С. 208.
229. Там же. С. 208; Финансовая политика. С. 14–19.
230. Землевладение. С. 24–25; Общий обзор трудов местных комитетов. С. 37.
231. *Симонова М. С.* Кризис. С. 218.
232. См. например: *Баранов В. Л.* О причинах упадка крестьянского хозяйства в Сарапульском уезде// Вятская губерния. СПб., 1903. С. 638–640; *Кедров Н. И.* К вопросу о причинах упадка экономического благосостояния крестьян Хвалынского уезда//Саратовская губерния. СПб., 1903. С. 634; *Миронович І.* О причинах упадка крестьянского хозяйства//Киевская губерния. СПб., 1903. С. 543; *Плещеев Ф. И.* О причинах упадка крестьянского хозяйства//Екатеринославская губерния. СПб., 1903. С. 101; *Устинов М. М.* О малоземелье как одном из фактов обеднения крестьян//Тамбовская губерния. СПб., 1903. С. 374–378.
233. Общий обзор трудов местных комитетов. С. 41.
234. Там же. С. 79.
235. Просвещение. С. 1–40.
236. Там же. С. 42.
237. Косвенные налоги. С. 164; Просвещение. С. 12–14.
238. ТМК. Рязанская губерния. С. 387–390.

239. ТМК. Бессарабская губерния. С. 72, 73; Московская губерния. С. 585.
240. Просвещение. С. 51.
241. Общий обзор трудов местных комитетов. С. 131.
242. Там же. С. 120; Земельные захваты и межевое дело/С. И. Шидловский (сост.). СПб., 1904. С. 3–21.
243. Принципиальные вопросы по крестьянскому делу с ответами местных сельскохозяйственных комитетов. СПб., 1904. С. 1–19; Крестьянский правопорядок. С. 1–13.
244. В Архангельской и Пензенской губерниях только по одному уездному комитету приняли заключение в пользу общины, остальные решений не принимали.
245. Совещание решило, что большинство комитетов высказалось против общины: Принципиальные вопросы по крестьянскому делу. С. 14–15; Крестьянский правопорядок. С. 2.
246. *Милюков П. Н.* Введение. С. 40.
247. Общий обзор трудов местных комитетов. С. 223–225.
248. Земство. С. 17–18.
249. Общий обзор трудов местных комитетов. С. 228–230; Земство. С. 17–20, 36–40, 81–90.
250. Там же. С. 223–225.
251. Там же. С. 223.
252. Земство. С. 52–56.
253. *Гессен В. М.* Основы правопорядка//Нужды деревни. Т. 1. С. 83–84.
254. *Милюков П. Н.* Введение. С. 25–26.
255. Там же. С. 27–37.
256. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 180–182; *Милюков П. Н.* Введение. С. 35–36.
257. По всей империи прошло свыше 2,5 тыс. заседаний уездных комитетов: Общий обзор трудов местных комитетов. С. 14–15.
258. Равнодушие проявили не более двух десятков из 618 уездных комитетов, ограничившись почти что формальной отпиской на присланную программу или вовсе не приславших свои отзывы: *Милюков П. Н.* Введение. Т. 1. С. 9–10.
259. Число членов губернских комитетов в империи варьировало от 7 в Семиреченском до 89 в Курляндском, а в уездных — от 4 в Мезенском до 100 с лишним в Московском: Общий обзор трудов местных комитетов. С. 7–8.
260. *Милюков П. Н.* Введение. Т. 1. С. 39.
261. Общий обзор трудов местных комитетов. С. 224.
262. Там же. С. 225.
263. Гражданин. 1903. 26 октября. № 86. С. 19.
264. Правда, в предисловии к «Нуждам деревни» отмечается, что 58-томная публикация трудов местных комитетов страдает «неполнотой и существенными сокращениями»: Нужды деревни. Т. 1. С. I–II. Но никаких фактов не приводится.
265. *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 131–134.
266. От русских конституционалистов//Освобождение». 1903. № 1. 18 июня 1902. С. 7–12.
267. Земское самоуправление. Кн. 1. С. 348–353; *Леонтович В. В.* История либерализма в России: 1762–1914. М., 1995. С. 332–356, 360–369.
268. В октябре 1905 г. из этих организаций сформировалась партия конституционных демократов.
269. *Симонова М. С.* Кризис. С. 25. Кроме того, на Совещании Витте стремился отстоять основы своей экономической политики и парализовать оппозицию дворянских аграриев: *Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства, 1892–1914 гг.: Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997. С. 113–115, 166–168.
270. *Симонова М. С.* Кризис. С. 192.
271. *Харизоменов С. А.* Экономическая деятельность земства. Саратов, 1888. С. 29.
272. *Ковалевский Н. Н.* Возрастающее оскудение деревни: причины этого явления и меры к его устранению//Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 46. Харьковская губерния. СПб., 1903. С. 67.
273. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 г. благосостояния сельского населения средне-земледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России: В 3 ч. СПб., 1903. Ч. 1. С. 35–39 (далее: Материалы Комиссии 1901 г.).
274. *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt. P. 295. С 1885 г. по 1913 г. в расчете на душу населения и в постоянных ценах, производство потребительских товаров, по расчетам известного экономиста В. Е. Варзара, возросло в 1,7 раза, а оборот внутренней торговли в империи, по расчету С. Г. Струмилина, — тоже в 1,7: Струмилин С. Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 444 (оборот

торговли); Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 82 (индекс цен в С.-Петербурге); Статистический ежегодник России 1916 г. М., 1918. С. 85 (население); Маслов П. П. Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М. 1955. С. 459.

275. *Милюков П. Н.* Введение. С. 40.
276. Голос из земств//Освобождение. 1902. № 12. С. 190–191; Что же нам делать?//Освобождение. 1902. № 13. С. 207–208; *Струве П. Б.* Либерализм и т. н. «революционные направления»//Освобождение. 1903. № 7. С. 104–105; Мирная оппозиция или революционная борьба//Там же. С. 106–108; Студенты об университетском движении//Освобождение. 1903. № 14. С. 239–241; К очередным вопросам//Освобождение. 1903. № 17. С. 289–292; *Леонтович В. В.* История либерализма в России. С. 365.
277. «Труды местных комитетов» в 58 томах изданы в 1903 г. (общий объем 1593 печатных листа или 25 488 стр.), «Своды трудов местных комитетов» в 27 томах — в 1904 г. и «Общий обзор трудов местных комитетов» — в 1905 г. (общий объем 425 печатных листов): Общий обзор трудов местных комитетов. С. 16, 18. Кроме того, 448 экземпляров полного собрания трудов были разосланы видным чиновникам и 1280 экземпляров «Сводов трудов» — менее важным чиновникам и земствам.
278. Закон об отмене круговой поруки был издан 12 марта 1903 г.
279. Земское самоуправление. Кн. 1. С. 291–292.
280. Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: В 2 т. СПб., 1904.
281. *Симонова М. С.* Кризис. С. 218.
282. *Дякин В. С.* Витте и двухтомник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства»//Монополии и экономическая политика в конце XIX — начале XX века: К проблеме исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции/В. И. Бовыкин (ред.). Л., 1987. С. 106–127. См. также: *Симонова М. С.* Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX — начале XX в.//Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 241–242.
283. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства/А. И. Чупров, А. С. Постников (ред.). СПб., 1897. Т. 1. С. I–LVIII.
284. В 1897 г. по просьбе С. Ю. Витте к Николаю II обратился Д. И. Менделеев с обстоятельным письмом, в котором доказывалось, что покровительство промышленности не противоречит интересам российских аграриев, а содействует повышению уровня сельского хозяйства: *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблема торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 219–221.
285. Средний урожай озимой ржи по черноземной полосе составил в 1891 г. 3 четверти, в 1897 г. — 4, в 1898 г. — 5,25: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1902. С. 124–125. Средний вес четверти ржи равен 8,825 пуда или 144,6 кг: Там же. С. 149.
286. Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний: Труды Особого совещания 1899–1901 гг. /А. Д. Поленов (сост.). М., 1901.
287. Политический аспект работы Комиссии центра всесторонне проанализирован в книге: *Симонова М. С.* Кризис. С. 132–148.
288. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. IV.
289. Там же. Ч. 2. Приложение. С. 1–4. Таблицы к комбинационным графикам.
290. Как заявил впоследствии на заседании Особого совещания председатель Комиссии центра В. Н. Коковцов, к Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Тульской добавилось еще 9 губерний: Донская, Казанская, Нижегородская, Оренбургская, Полтавская, Самарская, Уфимская, Харьковская и Черниговская. Комиссия нашла, что признаки застоя или даже упадка обнаружились с начала 1890-х гг. в связи с неурожаями, и предложила ряд мер, имеющих целью улучшить ситуацию: Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности: 1902–1904. С. 48–49.
291. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 280.
292. Там же. Ч. 3. С. 198–199.
293. Там же. Ч. 3. С. 143.
294. Там же. Ч. 3. С. 225.
295. Содержание Записки земцев и ход ее обсуждения всесторонне проанализированы в книге: *Симонова М. С.* Кризис. С. 134–139.
296. Цит. по: *Симонова М. С.* Кризис. С. 134.
297. Гражданин. 1903. 2 ноября. № 88. С. 17.
298. *Симонова М. С.* Кризис. С. 139.

299. Выводы Комиссия центра нашли отражение в заключительном докладе С. Ю. Витте: Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности: 1902–1904. С. 48–49.
300. Эта мысль являлась лейтмотивом многих публикаций о Совещании 1902–1905 гг. в журнале «Освобождение» за 1903 г., см. например, № 11, 14, 16, 17, 20/21.
301. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. С. 187–188.
302. Гражданин. 1903. 30 октября. № 87. С. 19.
303. О реакции прессы на работу Комиссии центра см.: *Симонова М. С.* Кризис. С. 138, 143–145.
304. *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 5–6, 8.
305. Освобождение. 1903. № 13. С. 207–208.
306. Освобождение. 1903. № 20/21. С. 361; Там же. № 23. С. 409–411.
307. Литература «всеподданнейших увещаний»//Освобождение. 1903. № 20/21. С. 361 (статья публиковалась от редакции журнала).
308. Кто притупляет общественное сознание?//Освобождение. № 23. 1903. С. 409–411 (редакционная статья). Как радикальная интеллигенция в 1882–1913 гг., от С. Степняка-Кравчинского до Б. Савинкова, создавала коллективный миф о герое-террористе, жертвующем собой во имя светлого будущего, и как этот миф функционировал, обстоятельно изучено в кн: *Могильнер М. Б.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999.
309. *Ленин В. И.* ПСС. 5-е изд. Т. 5. М. 1967. С. 7.
310. *Пайпс Р.* Русская революция: В 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 67.
311. *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны: (1914–1917). Л., 1967. С. 29–44; *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад: Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967; *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд. М., 1970.
312. *Вишневски Э. (1)* Либеральная оппозиция накануне Первой мировой войны. М., 1994; (2) Капитал и власть в России: Политическая деятельность прогрессивных предпринимателей в начале XX века. М., 2006; *Писарькова Л. Ф.* Московская городская дума: 1863–1917. М., 1998. С. 246–248; *Петров Ю. А.* (1) Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; (2) Московское предпринимательство в контексте экономической и политической истории России: Вторая половина XIX — начало XX в.//Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: Вторая половина XIX — начала XX века/Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова (ред.). М., 2007. С. 165–169.
313. *Вишневски Э.* Капитал и власть в России. С. 296–298.
314. *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция накануне Первой мировой войны.
315. *Бабкин М. А.* (1) Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007; (2) Священство и царство (Россия начала XX в. — 1918 г.): Исследования и материалы. М., 2011. С. 593–607; Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви)/Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. 2-е изд. М., 2008.
316. Освобождение. 18 апреля 1903 г. № 20/21. С. 347 (Редакционная статья).
317. *Леонтович В. В.* История либерализма в России. С. 365.
318. А. Лебедев в Предисловии к изданию 1995 г., правда, без ссылки на источники, указывает: «Книги Г. Лебона были обязательным атрибутом библиотек членов императорской фамилии, министров и, конечно, революционеров» (*Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 5). Однако, например, в библиотеке В. И. Ленина в Кремле книга не зафиксирована: Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961. Р. Пайпс утверждает, что «Ленинская тактика революции требовала управления толпой. Трудно сказать, инстинктивно или намеренно, но он (Ленин. — *Б. М.*) следовал теории поведения толпы, сформулированной впервые Г. Лебоном ("Психология толпы") в 1895 г. Ленин хорошо понимал основы массовой психологии»: *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. С. 70, 71.
319. *Лебон Г.* Психология народов и масс. С. 239–244.
320. *Сайтел Ф. П.* Современные паблик рилейшнз. М., 2002. С. 11.
321. Там же. С. 58. Так называемый «черный» PR, под которым подразумевается распространение информации, создающей видимость деятельности, искажение и затемнение фактов, даже прямая ложь, считаются отклонением от истинных целей PR-деятельности. Там же. С. 6.
322. Там же. С. 27.
323. *Мединский В. Р.* Особенности национального пиара: PRавдивая история Руси от Рюрика до Петра. М., 2011.

324. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1960. Кн. 3. С. 550–553.
325. Там же. Кн. 4. С. 346–357.
326. Письмо В. С. Попова императору Александру об императрице Екатерине II и ее правительственных приемах//Екатерина II: Искусство управлять/Сост. А. Б. Каменский. М. 2008. С. 471–472. См. также: Лаппо-Данилевский А. Очерк внутренней политики имп. Екатерины II. СПб., 1898. С. 43–44. Попов исполнял должность статс-секретаря в 1792–1796 гг.
327. *Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. Т. 5. С. 347–349.
328. *Романов А. М.* Книга воспоминаний. М., 1991. С. 131.
329. *Лихоманов А. В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997; *Ганелин Р. Ш.* (1) «Битва документов» в среде царской бюрократии: 1899–1901 гг. //Вспомогательные исторические дисциплины/В. А. Шишкин (ред.). Т. 17. Л., 1985. С. 214–248; (2) С. Ю. Витте — первый председатель Совета министров Российской империи в воспоминаниях А. А. Спасского-Одынца//Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов/Л. Е. Шепелев (ред.). СПб., 1997. С. 331, 325–342; *Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства. С. 92–113; *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 308–321; *Wagner W. G.* Ideology, Identity, and the Emergence of a Middle Class//Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia/E. W. Clowes et al. (eds.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 149–163.
330. Подробнее см.: *Миронов Б. Н.* Социальная история. Глава X «Общество, государство, общественное мнение: становление гражданского общества».
331. *Романов А. М.* Книга воспоминаний. С. 113.

11

РЕЗУЛЬТАТЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПЕРИОД ИМПЕРИИ

«Упадок старого, вызванный ростом нового и молодого, — это признак здоровья» .

Хосе Ортега-и-Гассет. Восстание масс. М., 2005. С. 123.

11.1. Изменения уровня жизни населения в России и за рубежом в XVIII — начале XX в.

Одна из главных целей моего исследования состояла в том, чтобы оценить динамику благосостояния россиян в 1701–1917 гг. В течение всего периода империи, начиная с петровских преобразований и заканчивая николаевскими структурными реформами начала XX в., Россия модернизировалась как в широком смысле этого слова — развивалась в соответствии с современными требованиями и вкусами, господствующими в Европе, так и в узком смысле — в ходе индустриализации, урбанизации и экономического прогресса общество из традиционного, аграрного, превращалось в современное, гражданское, усваивало ценности рыночной экономики, частной собственности, демократии и правового государства.

Благосостояние народа следует рассматривать в качестве важнейшего показателя успешности модернизации. Если оно систематически повышалось, значит, реформы, по крайней мере в социально-экономическом отношении, были плодотворными, эффективными, отвечали насущным потребностям большинства населения. Если материальное состояние граждан улучшалось, то весьма проблематично говорить и о кризисе самодержавия, и о так называемом общем, или системном, кризисе российского социума в целом, ибо повышение благосостояния — не только экономическая, но также социальная, культурная и политическая категория. В случае повышения уровня жизни становятся неубедительными утверждения о том, что обнищание народа являлось важнейшим фактором российских революций начала XX в. По-другому следует объяснять причины участия интеллигенции и широких народных масс в революционном движении. Словом, благосостояние населения может служить важным критерием при оценке и общего развития России в имперский период, и политики правящих верхов, и адекватности революционного движения общественным потребностям.

Как следует из проведенного в монографии анализа, который опирается на обширный комплекс сведений о социально-экономическом развитии страны, уровень жизни россиян в период империи претерпел серьезные изменения. В его динамике, судя по среднему росту мужчин референтной группы, в 1701–1915 гг., можно выделить шесть больших периодов снижения и повышения (рис. 11.1 и табл. 11.1).

Таблица 11.1

Рост новобранцев в возрасте 18 лет и старше и дефинитивный рост мужчин референтной группы в Европейской России, родившихся в 1701—1915 гг. (в см)

Годы рождения	Рост новобранцев	Рост референтной группы*	Годы рождения	Рост новобранцев	Рост референтной группы*
1701–05	165,3	164,8	1811–15	164,6	163,5
1706–10	164,5	163,9	1816–20	165,6	165,0
1711–15	163,6	163,9	1821–25	165,0	163,9
1716–20	163,3	163,3	1826–30	164,7	164,0
1721–25	162,7	163,1	1831–35	164,5	164,2
1726–30	164,6	161,4	1836–40	164,6	164,7
1731–35	164,3	162,2	1841–15	165,1	164,8
1736–40	164,2	163,4	1846–50	165,4	164,9
1741–45	164,8	163,7	1851–55	165,8	165,0
1746–50	164,3	164,0	1856–60	164,6	163,9
1751–55	163,0	162,3	1861–65	164,4	163,7
1756–60	162,9	162,3	1866–70	165,1	164,5
1761–65	163,6	162,7	1871–75	166,5	166,2
1766–70	163,6	163,4	1876–80	167,0	166,7
1771–75	163,5	163,0	1881–85	167,4	167,1
1776–80	162,4	162,6	1886–90	167,6	167,4
1781–85	161,2	161,6	1891–95	165,3	166,4
1786–90	160,2	161,4	1896–00	165,7	166,9
1791–95	159,7	161,3	1901–05	166,8	166,8**
1796–00	160,8	162,2	1906–10	168,0	168,0**
1801–05	164,0	162,4	1911–15	169,0	169,0**
1806–10	163,9	162,9			

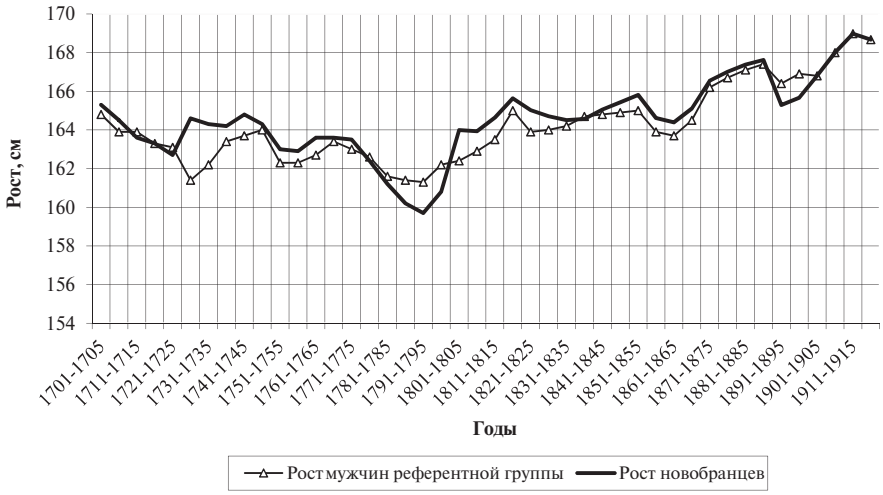
Примечания: *Оценка среднего роста методом максимального правдоподобия по уравнению регрессии. Референтной группой являются неграмотные, мужчины, крестьяне в возрасте старше 23 лет, проживающие в деревне.

**Выборочная средняя индивидуальных и суммарных данных.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

(1) В первом периоде, 1701–1730 гг., уровень жизни понижался, (2) во втором, 1731–1750 гг., — повышался, (3) в третьем, 1751–1795 гг., — падал, (4) в четвертом, 1796–1855 гг., — рос, (5) в пятом, 1856–1865 гг., — снижался, (6) в шестом, 1866–1915 гг., — увеличивался. Общая протяженность трех больших периодов понижения благосостояния составила 85 лет из 215 лет, а трех больших периодов его повышения — 130 лет. За 215 лет мужчины стали выше на 4,2 см (со 164,8 до 169 см), примерно на столько же подросли и женщины. Однако все увеличение среднего

Рис. 11.1. **Рост новобранцев в возрасте 18 лет и старше и дефинитивный рост мужчин референтной группы в Европейской России, родившихся в 1701–1915 гг. (в см)**



Источники: табл. 11.1.

роста сравнительно с 1701–1705 гг. приходилось на последние 70 лет, 1846–1915 гг., имперского периода, а в XVIII — первой половине XIX в. наблюдались его циклические колебания. Снижение длины тела при Петре I было в значительной мере преодолено при Анне Иоанновне и в первой половине царствования Елизаветы Петровны. Последующее сильное уменьшение роста во второй половине елизаветинского и в екатерининское царствование было с лихвой преодолено при Павле I и Александре I. В результате к середине XIX в., в канун Великих реформ, длина тела лишь на 0,2 см была выше, чем в 1701–1705 гг. Таким образом, *только со вступлением России в эпоху рыночной экономики после Великих реформ произошел прорыв в благосостоянии населения*[1].

Важно отметить следующий факт: динамика биостатуса по «сырым» выборочным сведениям и по данным о длине тела референтной группы (т. е. с учетом ростового ценза и изменяющегося состава выборок) получается в принципе такой же. Этот результат математико-статистически доказывает как надежность нашей информационной базы, так и полученных на основе ее анализа выводов. Сложная методика расчета среднего роста референтной группы, использованная в монографии, выполняла контролирующую и корректирующую роль. Разумеется, проделанная работа ни в коей мере не является напрасной. Оценка биостатуса по референтной группе более точная, и именно она создает уверенность: обнаруженные тенденции в изменении благосостояния объективно существовали, их нельзя объяснить специфическим составом нашей информационной базы.

География уровня жизни. В имперский период Россия развивалась как единая социально-экономическая система благодаря возникновению во второй половине XVIII в. единого всероссийского рынка. Это сказывалось на согласованности в изменении материального положения населения в отдельных районах и вело к их конвергенции: в XVIII в. оно повсеместно понижалось, в XIX — начале XX в. — повышалось; его колебания в отдельные пятилетия и десятилетия также

чаще всего совпадали, причем со временем синхронность увеличивалась, а региональные различия уменьшались. Коэффициент вариации между средней длиной тела в шести великороссийских районах уменьшился с 0,82 в 1701–1750 гг. до 0,46 в 1851–1915 гг. Средний коэффициент корреляции между колебаниями роста в тех же регионах в 1701–1800 гг. равнялся 0,69, а в 1801–1920 гг. — 0,84. Подключив к анализу 7 периферийных районов, обнаружим, что в 1801–1915 гг. везде, даже в Сибири, длина тела мужчин изменялась согласованно, о чем свидетельствует высокий коэффициент корреляции — 0,85–0,95. Значит, так называемые национальные окраины, за исключением Кавказа и Средней Азии, экономически были включены в империю (табл. 7.3–7.6).

Дифференциация биостатуса по сословиям. Судя по длине тела, в течение всего периода империи биостатус отдельных социальных групп изменялся достаточно синхронно, хотя и различался темпами, отражая разные условия, в которых протекала их жизнь (табл. 11.2).

Таблица 11.2

Средний рост (см) мужского населения 1701–1917 гг. рождения в возрасте старше 17 лет по сословным группам

Социальная группа	1701–1730 гг.	1731–1750 гг.	1751–1790 гг.	1791–1800 гг.	1851–1860 гг.	1901–1917 гг.
Крестьяне всех категорий	163,5	164,3	162,5	160,1	165,1	168,7
Мещане	163,5	165,3	163,4	161,3	165,7	168,9*
Военные	163,7	–	163,5	163,5	165,5	167,4
Дворяне, чиновники	166,7	–	165,6	165,4	166,1	169,3

Примечания: * Мещане и рабочие.

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Как видно из приведенных данных, различия в росте мужчин, принадлежавших к разным социальным группам, достигли своего максимума в конце XVIII в., в период расцвета сословной системы, когда они составляли внушительную величину — 5,3 см. Поскольку наши сведения о привилегированных социальных группах для дореформенного времени относятся в основном к деклассированным элементам, можно предположить, что в действительности различия в длине тела между привилегированным и податным населением были больше. Об этом говорит более значительная разница в росте учащихся из различных сословий, достигавшая 4,5–7,5 см (табл. 11.3).

Дворянские дети в возрасте 10–14 лет превосходили длиной тела детей духовенства на 0,2–0,6 см, крестьян — на 1,4–2,7 см, рабочих — на 1,8–2,6 см, мещан — на 4,5–7,5 см. Примерно такую же разницу в росте у представителей разных сословий обнаружил Н. В. Зак среди 4249 учащихся московских средних учебных заведений в 1889–1890 гг. Но, по его сведениям, самыми рослыми оказались купеческие дети, 0,2–0,3 см уступали им дворянские, а наименьший рост, как и в Перми, наблюдался у крестьянских и мещанских детей[2]. И эта существенная разница в биостатусе представителей различных сословий не исчезала к моменту достижения полной физической зрелости.

Таблица 11.3

Различия в росте (в см) 1706 учащихся Вятской и Пермской губерний в 1879–1881 гг. по сословиям

Возраст (лет)	Дворянские дети превосходят в росте детей из:			
	духовенства	крестьян	рабочих	мещан
10	0,5	2,7	1,8	7,5
11	–	1,4	2,6	5,2
12	0,4	1,8	1,9	4,6
13	0,2	–	–	4,5
14	0,6	–	–	7,2

Источник: Рума Р. Н. Антропометрические исследования: Материалы для определения физического развития учащихся//Сборник, изд. Медицинского департамента Пермского земства. Пермь, 1881. Т. 3. С. 44–45.

Сравним крайние варианты. Самыми низкорослыми в России XIX в. были подкидыши — питомцы воспитательных домов, брошенные своими матерями, в основном крестьянками, мещанками и солдатками, незаконнорожденные. При достижении физической зрелости их средний рост равнялся 162,5 см. Самыми высокорослыми являлись представители династии Романовых — самого богатого рода имперской России. По расчетам великого князя Александра Михайловича, «средний рост представителей династии был шесть футов с лишком (более 182,9 см. — *Б. М.*)»[3]. Среди них были и великаны, вроде Петра I, — 203 см. Даже «низкорослый» Николай II, имевший 170,2 см, был на 5 см выше среднего роста своих ровесников в России[4]. Разница в длине тела между подкидышами и Романовыми составляла более 20 см!

В пореформенное время сословная принадлежность стала терять значение надежного маркера при оценке материального и социального положения человека в обществе, на первое место вышел доход, имущество и капитал. Соответственно различия в росте между представителями сословий утрачивали прежнюю четкость.

Николай II на маневрах. 1900-е гг. Фото.
Николай II (170 см) в центре и вел. кн. Николай Николаевич мл. справа (198 см)

Питание и здоровье. В течение XVIII в. потребление крестьянства и мещанства ухудшалось и становилось недостаточным, из-за чего биостатус россиян понижался. С конца XVIII в. оно стало улучшаться и к середине XIX в. достигло удовлетворительного уровня, за исключением неурожайных лет. Накануне и сразу после отмены крепостного права потребление крестьян ухудшилось, но через 10 лет ситуация изменилась, и в дальнейшем, вплоть до 1914 г., наблюдался устойчивый прогресс и в количественном, и в качественном отношениях. Что касается горожан, то на протяжении XIX — начала XX в. они уступали селянам по калорийности, но превосходили их по качеству потребления. В пище горожан было больше продуктов животного происхождения; они также больше потребляли алкоголя. Меньшая калорийность питания горожан была обусловлена меньшей потребностью в энергии в силу иного характера городского труда и образа жизни.

Выводы относительно потребления подтверждаются демографическими данными за 1866–1913 гг. (за более раннее время сведения недостаточно надежны). Общая тенденция в изменении смертности и естественного прироста была позитивной — смертность понижалась, естественный прирост увеличивался, что свидетельствует о повышении уровня жизни.

С точки зрения воинского брака, 1801–1914 гг. делятся на три периода — в первом и третьем, 1801–1855 гг. и 1866–1914 гг., происходило улучшение здоровья населения, увеличение его среднего роста, веса, силы, а во втором, в 1856–1865 гг., все указанные процессы имели негативный тренд. И вряд ли это случайно: питание, здоровье антропометрические показатели и благосостояние в принципе изменяются синхронно. Питание является важнейшим фактором, влияющим на здоровье, длину тела и вес человека в период физического созревания. Под действием недоедания в организме развиваются патолого-физиологические процессы, у детей замедляется рост, а у взрослых он может даже уменьшиться[5].

Заработная плата и биостатус. Реальная зарплата петербургских рабочих в XVIII — начале XX в. отражала материальное положение всех российских рабочих. Это следствие существования в России со второй половины XVIII в. всероссийского рынка, в рамках которого цены и зарплаты в отдельных регионах изменялись достаточно согласованно, хотя их уровни могли существенно различаться. Колебания реальной зарплаты и антропометрических показателей совпадали не всегда: рост и вес человека отражают все фактическое потребление, а реальная зарплата — доход от продажи рабочей силы, причем, как правило, часть, получаемую в денежной форме. Профессиональные рабочие тратили деньги не только на удовлетворение базисных потребностей и жили не только на зарплату. В XVIII — первой половине XIX в. они получали разнообразные доплаты от владельцев предприятий в виде жилья, хлеба, леса, огорода, иногда на государственных предприятиях получали медицинскую помощь и пенсии. В течение всего имперского периода большинство рабочих были материально связаны с деревней. Тем не менее в динамике зарплаты и антропометрических показателей в большинстве случаев просматриваются все-таки одинаковые тенденции: с начала и до конца XVIII в. — понижение, с 1790-х до 1850-х гг. — повышение, с 1890-х гг. до 1913 г. — новое повышение.

Россия и мир. Что же происходило в XVIII — начале XX в. в остальном мире? Сравнительный анализ показывает: в России и Европе изменения среднего роста новобранцев происходили большей частью согласованно. Он понижался

в XVIII в., увеличивался в XIX — первой половине XX в. (за исключением Италии, где в первой половине XIX в. длина тела понизилась). В неевропейских странах ситуация, как правило, была иной. В США в XVIII в. средний рост населения увеличивался. В отличие от Европы между 1800 и 1850 гг. длина тела уменьшилась в США, Аргентине и Японии и в 1850–1900 гг. — в Мексике (табл. 11.4 и рис. 11.2).

Таблица 11.4

Средний рост (см) новобранцев 1700–1950 гг. рождения в 18 странах

Страна	1700 г.	1750 г.	1800 г.	1850 г.	1900 г.	1950 г.
Россия	165	164	162	165	167	172
Австралия	–	–	–	173	–	174
Аргентина	–	–	170	169	169	171
Великобритания	166	165	163	165	169	174
Венгрия	–	166	165	–	–	171
Германия	–	166	166	166	169	176
Индия	–	–	–		164	164
Испания	–	–	–	162	164	168
Италия	–	–	165	163	165	170
Китай	–	–	–		168	167
Мексика	–	163	–	164	163	165
Нидерланды	–	–	164	166	170	178
Португалия	–	–	–	–	165	–
США	172	174	174	172	173	177
Франция	–	164	164	165	167	172
Чехословакия	–	–	–	–	168	–
Швеция	169	168	167	168	173	178
Япония	157	157	157	155	157	160

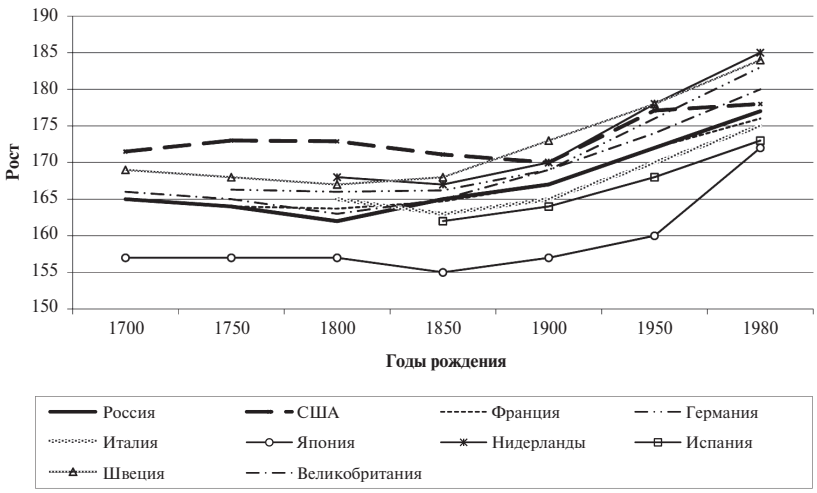
Источники: Health and Welfare during Industrialization/R. Steckel, R. Floud (eds.). Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997. P. 424; *Fogel R.* The Escape from Hunger and Premature Death, 1700–2100: Europe, America, and the Third World. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. P. 13; *Komlos J.* Nutrition and Economic Development in Eighteenth-Century Habsburg Monarchy: An Anthropometric History. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 75–76; *Миронов Б. Н.* Экономическая биология человека//Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 141–150.

Рис. 11.2 создает впечатление: на большей части Европы длина тела населения изменялась синхронно. Но это иллюзия, порожденная использованием ростовых данных с интервалом в 50 лет: 1700, 1750, 1800 гг. и т. д. Если сравнить колебания длины тела по пятилетиям, а тем более по отдельным годам, например за 1853–1892 гг., то согласованность невысока. В России и европейских странах была одинаковой только общая тенденция, что совершенно естественно: в каждой стране много особенного в условиях жизни, поэтому и вариация роста в отдельные годы и пятилетия отличалась своеобразием.

Таким образом, до промышленной революции Россия, с точки зрения биостатуса и, вероятно, общего благосостояния народа в европейском масштабе, не отличалась существенно от Англии и других западноевропейских стран, поскольку средний дефинитивный рост мужчин в Европе XVIII — первой половины XIX в.

находился в границах 162–166 см. И в XIX — начале XX в. Россия не покидала свою историческую колею — страны средней по уровню социально-экономического развития, иногда несколько отдаляясь от середины в ту или другую сторону.

Рис. 11.2. **Рост новобранцев 1700–1980 гг. рождения по странам (в см)**



Источник: Табл. 11.4.

Рассмотрим изменения в биостатусе отдельно для XVIII в. и для XIX — начала XX в.

11.2. Социально-экономические итоги XVIII в.

XVIII в. отмечен в целом негативной динамикой в длине тела россиян: с 1701–1705 гг. до 1791–1795 гг. средний дефинитивный рост мужчин референтной группы уменьшился на 3,5 см, и лишь в последнее пятилетие века он увеличился на 0,9 см (табл. 11.1). Понижение биостатуса происходило при следующих экономических обстоятельствах: (1) существенное повышение всех цен; (2) увеличение спроса на хлеб на внутреннем и внешнем рынках, (3) снижение урожайности во второй половине XVIII в. примерно на треть, (4) быстрое расширение посевных площадей, особенно в последней трети XVIII в. ради получения зерна и других сельскохозяйственных продуктов на экспорт и для компенсации снижения урожайности, (5) значительное повышение оброка и барщины, не компенсированное снижением государственных налогов. В целом все указанные тенденции негативно сказывались на благосостоянии крестьянства и мещанства, их жизнь становилась тяжелее, работать приходилось больше. Неграмотные в массе крестьяне слабо понимали перипетии денежного обращения и колебания курса бумажных и металлических денег, плохо ориентировались в конъюнктуре рынка и часто проигрывали там, где при наличии коммерческой компетенции могли бы выиграть. Вследствие этого им, вероятно, приходилось тратить на платежи больше денег, чем это действительно было нужно, а выручать за свои продукты меньше, чем они реально стоили.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют свежим взглядом посмотреть на некоторые спорные вопросы экономической и социальной истории России XVIII в. Они подтверждают вывод исследователей, предполагавших, что петровская модернизация сопровождалась понижением уровня жизни. Однако не до такой степени, как утверждал, например, П. Н. Милюков: «Политический рост государства опередил его экономическое развитие. <...> Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы»[6]. Россия отнюдь не разорилась. Вряд ли можно говорить даже об обеднении большинства населения, ибо хуже стали удовлетворяться базисные потребности, а имущество и доходы значительной части россиян, не говоря даже о дворянстве и купечестве, по крайней мере, не уменьшились. К тому же динамика уровня жизни носила циклический характер, снижения сменялись повышением.

Податная реформа 1718–1724 гг., вопреки широко распространенному в литературе мнению, привела к уменьшению общего налогового бремени, если иметь в виду денежные и натуральные повинности в совокупности. Это подтверждается, в частности, тем, что биостатус населения в 1730–1750 гг., спустя несколько лет после реформы, вырос. Поскольку подушный налог примерно на 29% превысил денежную часть прежних налогов, понижение общего налогового бремени произошло благодаря отмене тяжелых натуральных сборов[7].

В течение 20 лет, в 1730–1750 гг., биостатус податных сословий улучшался. Это говорит о том, что в годы правления Анны Иоанновны, а также в первые десять лет правления Елизаветы Петровны произошло повышение уровня жизни: он приблизился к показателям рубежа XVII–XVIII вв. Позитивно сказалась не только налоговая, но и другие петровские реформы, направленные на развитие торговли, промышленности, транспорта, образования. В 1725 г. подушная подать была убавлена на 5% (4 коп.), в 1740 г. — на 24% (17 коп.), в 1742–1743 гг. — на 14% (10 коп.), власти были снисходительнее, сравнительно с петровским временем, при сборе недоимок, несколько раз их прощали. Значительную выгоду крестьяне и посадские получили от естественного прироста, так как между 1-й и 2-й ревизиями, за 1719–1744 гг., их численность выросла на 1363 тыс. душ, в то время как налог собирался по числу душ, установленных по первой ревизии. Ослабление налогового бремени произошло не только под влиянием массовых протестов самого податного населения, но и благодаря требованиям дворян, недовольных ростом государственных налогов[8].

Данные о биостатусе россиян подтверждают обусловленность пугачевского восстания 1773–1775 гг. ухудшением материального положения крестьян и посадских, которое произошло вследствие усиления финансового нажима на них со стороны помещиков и государства. После подавления восстания темпы увеличения ренты, прямых и косвенных государственных налогов (уплачиваемых в денежной форме) у всех категорий крестьян уменьшались, а у мещан в последней четверти столетия понизилась и тяжесть платежей (табл. 5.7). Несмотря на это, уровень жизни податных сословий продолжал снижаться вследствие войн, похолодания климата и реформ. Две тяжелые русско-турецкие войны, 1768–1774 и 1787–1792 гг., привели к повышению натуральных повинностей, прежде всего рекрутской: если в 1730–1740-е гг. в среднем в год в армию забирали 24,1 тыс., в 1750–1770-е гг. — 21,7 тыс., то в 1780-е гг. —

45 тыс. и в 1790-е гг. — 38,8 тыс.[9] Наборы стали столь чувствительными, что, несмотря на большой естественный прирост населения, коронным властям в 1780–1790-е гг. приходилось понижать ростовые цензы, чтобы собрать необходимое число солдат.

Важная причина падения благосостояния в последней четверти XVIII в. состояла в снижении урожайности на треть (табл. 5.3), вызванном интенсивной разработкой земли без надлежащего удобрения, уменьшением парового или залежного клина, вовлечением в оборот менее плодородных земель, но главным образом — неблагоприятными метеорологическими условиями: на большей части Европейской России зафиксирована повышенная частота неблагоприятных для урожая природных явлений — суровых зим, сильных ветров, продолжительных осадков и т. п. Средние годовые температуры, имеющие прямое отношение к продолжительности вегетационного периода и осадкам, понизились почти на градус (табл. 5.4). Но похолодание вызвало не только падение урожайности, но и дополнительные расходы энергии со стороны людей на поддержание температуры тела и жилища. Возросшие затраты энергии на работу и поддержание температуры тела не сопровождались соответствующим улучшением питания, что отрицательно сказалось на биостатусе населения.

Екатерининское царствование отмечено возобновлением реформаторской деятельности, затронувшей все стороны жизни, в том числе государственный аппарат, и вызвавшей серьезный рост государственных расходов. Присоединение значительной территории на Юге также первоначально потребовало больших вложений в строительство дорог и городов, в создание черноморского флота, в управление. Напуганное пугачевским восстанием правительство не решалось повышать прямые налоги, зато усилило косвенное обложение, а для покрытия экстраординарных расходов стало практиковать неумеренный выпуск ассигнаций, расстроивший денежное обращение. Инфляция отрицательно сказывалась на благосостоянии всех слоев населения, но особенно мещанства и ремесленников (так как цены на продовольствие увеличивались быстрее, чем цены на промышленные товары), а также мелких чиновников, работных людей и других категорий, живших на жалованье и зарплату.

Итак, жизненный уровень податных сословий наиболее существенно падал при Екатерине II, менее чувствительно — при Елизавете Петровне и Петре I и, вопреки распространенному мнению, повышался при Анне Иоанновне. Эти выводы должны скорректировать наши представления о политике верховной власти в различные периоды и об издержках модернизации и реформ в XVIII в.

Как это ни парадоксально, понижение биостатуса происходило на фоне значительного прогресса во всех сферах жизни и было обусловлено не экономическим кризисом, а ростом налогов и повинностей, что ухудшило материальное положение простого народа и привело к увеличению продолжительности и интенсивности труда. Повышение платежей в пользу государства было связано с войнами, которые вела Россия за выход к Балтийскому и Черному морям, за статус великой державы, и с реформами, проводившимися верховной властью с целью преодоления отставания от западноевропейских стран. Рост ренты определялся стремлением помещиков иметь средства для комфортабельной и часто расточительной жизни. Прибавочная стоимость, создаваемая владельческими крестьянами, — в то время более половины всех жителей страны, в первой четверти XVIII в.

разделялась примерно поровну между государством и помещиками. Но постепенно стала почти монопольным достоянием последних, в конце XVIII в. узурпировавших до 88% ее величины. После смерти Петра I дворяне, а точнее 70 тыс. помещиков, приватизировали 57% населения. Их алчность накануне пугачевского восстания достигла столь высокой степени, что провоцировала крестьян на крайние меры сопротивления. В 1764–1769 гг., за пять лет, только в Московской губернии, где проживало 31% всех помещичьих крестьян[10], были убиты 30 владельцев и совершено 5 покушений на убийство[11]. Основываясь на соотношении числа крепостных и убийств/покушений в Московской губернии, можно предположить: во всей стране могло быть совершено 97 убийств и 16 покушений на убийство, всего 113 нападений — примерно по 23 в год. По сведениям МВД, в 1835–1854 гг., за двадцать лет, во всей стране зафиксировано 152 убийства помещиков и управляющих и 62 покушения на их жизнь[12], всего 214 нападений — по 11 в год. Значит, накануне пугачевщины на жизнь помещиков покушались примерно в 2 раза чаще, чем накануне отмены крепостного права.

В XVIII в. повсюду в Европе происходило понижение биостатуса населения, поэтому Россия «шла в ногу» с Европой, хотя причины, вызвавшие это общеевропейское явление, были различны. Британия переживала промышленную революцию, остальные западноевропейские страны к ней готовились, находясь в стадии протоиндустриализации; все испытывали экономический прогресс. Россия тоже экономически развивалась и модернизировалась во всех отношениях, но на другом основании — она переживала апогей крепостничества, своего рода второе закрепощение. Удовлетворение базисных потребностей населения всюду ухудшилось, благодаря чему Россия получила средства для того, чтобы стать великой европейской державой и мощной империей, Британия — для превращения в мастерскую мира, а другие западноевропейские страны — для проведения промышленной революции. За величие — военное или экономическое — пришлось заплатить высокую цену. Таким образом, мировой опыт показывает: экономический прогресс может сопровождаться снижением благосостояния или, по крайней мере, биологического статуса населения, когда он происходит в условиях интенсивного государственного строительства, войн и реформ, поглощающих значительные ресурсы, и возрастающего неравенства в распределении доходов между различными социальными стратами.

Вместе с тем к концу XVIII в. Россия, несомненно, стала богаче по сравнению с тем, чем она была на рубеже XVII–XVIII вв. За столетие была создана промышленность, возникли новые города, выросла внутренняя и внешняя торговля, увеличилось сельскохозяйственное производство, построены новые дороги и каналы, появился торговый флот, открылись новые учебные заведения, включая университет. Страна приобрела новые и закрепила за собой приобретенные раньше огромные природные ресурсы, несомненно, являющимися богатством страны и ее народа. Благодаря созданию мощной армии и флота Россия прочно закрепилась на берегах Балтийского и Черного морей, а ее имидж великой державы способствовал безопасности и неприкосновенности ее рубежей и, значит, мирному созидательному труду ее граждан. Достаточно сказать, что прекратились набеги крымских татар, вплоть до 1770-х гг. захватывавших в плен и продававших их в рабство десятки тысяч российских подданных.

11.3. Социально-экономические итоги XIX — начала XX в.

Весь XIX в. и начало XX в. в России, судя по антропометрическим данным, отмечены позитивной в целом динамикой уровня жизни россиян: за 115 лет, 1796–1915 гг., средний дефинитивный рост мужчин увеличился на 7,7 см, вес только за 1811–1915 гг. — на 7 кг, дефинитивный рост женщин за 1811–1875 гг. — на 5 см (табл. 6.1, 6.4 и 6.6). Положительные сдвиги объяснялись рядом факторов: (1) увеличением душевого производства основных продуктов питания как до, так и особенно после Великих реформ; (2) повышением доходности крестьянского хозяйства от промыслов и земледелия, особенно в пореформенное время; (3) уменьшением реальной тяжести налогов и повинностей, особенно существенным после Великих реформ; заслуживает внимания тот факт, что в России норма обложения налогами была весьма умеренной — ниже, чем в большинстве развитых стран; (4) повышением хлебных цен в условиях стабильности денежного обращения начиная с 1815 г.; (5) смещением населения на Юг, где, благодаря более мягкому климату и высокому плодородию почвы, а также экономии на одежде, жилище и питании, эффективность хозяйственной деятельности была намного выше, чем в районах старого заселения; (6) экономической и социальной политикой правительства, обеспечивавшей интенсивное экономическое развитие России и социальную защиту непривилегированных слоев; (7) повышением культуры населения, в особенности в пореформенное время, когда наблюдалось феноменальное увеличение грамотности и благодаря ей эффективности труда и соответственно — заработков и доходов.

Полученные результаты позволяют пересмотреть взгляды на экономическое, социальное и политическое развитие России XIX — начала XX в. В отечественной историографии утвердилась точка зрения, согласно которой положение крестьянства и работных людей в дореформенное время непрерывно ухудшалось, их эксплуатация росла, а крепостная система хозяйства с 1830-х гг. вступила в состояние упадка. Кризис якобы проявлялся в снижении производства, пауперизации и вымирании крестьянства, а также в увеличении числа крестьянских волнений, и именно он в первую очередь вынудил правительство отменить крепостное право сверху. Сведения о биостатусе, подкрепленные данными о повинностях, сельскохозяйственном производстве и питании, показывают совершенно другое: уровень жизни крестьянства с конца XVIII в. и вплоть до середины 1850-х гг. повышался. Кроме того, ни крестьянское, ни помещичье хозяйство не испытывали упадка. Они развивались, правда, лишь в той степени, чтобы удовлетворить скромные базисные потребности огромного большинства населения. Именно этим можно объяснить тот факт, что две трети помещиков возражали против отмены крепостничества, проявляя упорство, вряд ли возможное, если бы крепостное хозяйство находилось в состоянии экономического кризиса и им нечего было терять. Поэтому причины эмансипации следует искать не в кризисе крепостного права, не в усилении народных волнений и не в пауперизации и вымирании крестьянства, а в экономической целесообразности, в развитии самосознания крестьянства, в страхе потенциальных волнений, но главное — в гуманитарных, военных и политических соображениях. Не исчерпав всех экономических возможностей крепостного права и не доводя его до состояния полного внутреннего разложения, верховная власть под воздействием требований со стороны либе-

ральной общественности и самого крестьянства, а также в силу острой государственной потребности в модернизации и в более глубоком усвоении европейских культурных, политических и социальных стандартов упраздняет институт крепостничества. Великие реформы по своему смыслу и содержанию подвели итоги прошлому и настоящему, извлекли уроки из опыта Австрии, Пруссии и других германских государств и создали возможность для постепенной трансформации страны в правовое государство с рыночной экономикой[13].

Существование так называемой революционной ситуации 1859–1861 гг. не подтверждается проведенным в книге анализом. Существенное повышение жизненного уровня крестьян и мещан в дореформенный период выбивает краеугольный камень из построений сторонников данной концепции, потому что кризис низов — необходимое, с их точки зрения, условие революционной ситуации — возникает на почве обострения выше обычного нужды и бедствий трудящихся. Не случайно всю первую половину XIX в. накал протестных движений среди государственных и удельных крестьян был низким и стабильным, а среди помещичьих — невысоким, а в 1850-е гг. стал снижаться[14]. Кризис верхов без интенсивного крестьянского движения также является искусственной конструкцией. Сказанное в равной мере относится и к так называемой второй революционной ситуации, 1879–1881 гг. Что касается третьей, 1901–1904 гг.[15], то обострения нужды и бедствий трудящихся выше обычного в это время также не наблюдалось, исключая 1904 г. ввиду начавшейся Русско-японской войны.

Важнейшим фактором, обусловившим повышение благосостояния в дореформенное время, стала социальная политика самодержавия, направленная на ограничение права помещиков эксплуатировать крепостных, инициированная Павлом I и продолженная Александром I и Николаем I. Однако, как указано выше, и в XVIII в. не происходило непрерывного, линейного снижения уровня жизни, как принято думать. Способность крепостничества удовлетворять базисные потребности населения являлась важным условием его длительного существования. В этом нет апологии, а лишь подтверждение следующего факта: все социальные институты держатся не столько на произволе и насилии, сколько на функциональной целесообразности. Нет сомнений в том, что крепостное право способствовало формированию командной экономики, политического абсолютизма, авторитарных отношений в обществе и семье, сдерживало развитие городов, буржуазии, частной собственности, личных и политических свобод, затрудняло социальную мобильность. В то же время крепостничество было реакцией социума на экономическую отсталость, ответом на вызов среды и трудных обстоятельств, в которых проходила жизнь народа. Все заинтересованные стороны — государство, крестьянство и дворянство получали определенные выгоды от института. Государство использовало его как инструмент для решения насущных государственных проблем — для комплектования армии и поддержания общественного порядка, для удержания жителей в местах постоянного жительства и обеспечения социального контроля над деревней с помощью десятков тысяч бесплатных полицейских в лице помещиков, для получения средств на покрытие государственных расходов. Крестьяне получали скромные, но стабильные средства к жизни, защиту и возможность устраивать свою жизнь на основе народных и общинных традиций. Для дворян, как тех, кто имел крепостных, так и тех, кто ими не обладал, а жил государственной службой, крепостное право являлось источником материальных благ для жизни по европейским стандартам.

Переселенцы в Сибири. 1890 г. Фото

Повышение уровня жизни в первой половине XIX в. было подготовлено расширением территории страны и обеспечением безопасности ее южных и западных границ в XVIII в., во что были вложены огромные средства и людские ресурсы. Безопасные границы создали возможности для хозяйственной колонизации плодородного Юга. Вплоть до середины XVII в. вся плодородная черноземная половина Русской равнины представляла собой безлюдную степь — «дикое поле»; крайне редко были заселены Заволжье и Сибирь. До начала XVIII в. ⅔ населения проживало в северной и лесной зонах, в течение XIX в., вследствие переселений с севера на юг, бóльшая часть россиян стала проживать в лесостепной и степной зонах, а к 1914 г. там сосредоточилось почти ⅔ жителей Европейской России. Вследствие более благоприятных для земледелия условий продуктивность его в районах новой колонизации в середине XIX в. была в 2,0–2,7 раза выше, а в начале XX в. — в 2,3–3,6 раза выше, чем в районах старого заселения (табл. 6.36). Перемещение центра хозяйственной деятельности на Юг чрезвычайно способствовало увеличению экономического потенциала страны, главным источником которого являлось сельское хозяйство. Снижение потребления в XVIII в., за счет чего были получены огромные средства на колонизацию и укрепление обороны, можно рассматривать как *инвестиции в благосостояние народа XIX–XX вв.* Переводя дискурс в экономические термины, Россия в XVIII в. увеличила свое национальное богатство за счет присоединенных земель, являвшихся, без сомнения, природным капиталом. В XIX–XX вв. эти земли возвращали сторицей затраты на их приобретение и освоение. На рубеже XX–XXI вв. природный капитал России составлял 40% ее национального богатства[16]. Он оценивался в 720 трлн руб., что при тогдашнем курсе 30 руб. за доллар равнялось 24 трлн долларов, а в расчете на одного резидента — 4,8 млн руб. или 160 тыс. долларов — в 15,1 раза больше, чем в США[17]. В XIX — начале XX в. доля природного капитала в национальном богатстве была еще выше благодаря меньшей величине производственного и человеческого капитала. Без статуса великой державы, без мощной армии и флота Россия не смогла бы удержать за собой свои огромные природные богатства, так как претендентов на них было достаточно. Поэтому большие инвестиции в оборону за счет, к сожалению, потребления имели оправдания.

Еще больше дискуссий вызывает социально-экономическое развитие пореформенной России. На этот счет существуют три точки зрения. Значительное число российских историков полагают, что вследствие тяжелых условий отмены крепостного права (выкуп свободы и земли по ценам, превышавшим рыночные, сохранение пережитков крепостничества) российская деревня, а вместе с ней и все общество сразу после эмансипации вступили в затяжной социально-экономический кризис, продолжавшийся до Октябрьской революции 1917 г. и породивший ее. Общий, или системный, кризис усугублялся индустриализацией, проходившей за счет падения благосостояния крестьян и рабочих. Большинство западных историков до недавнего времени также разделяло эту точку зрения. Однако в последнее время высказаны и другие мнения. Одни считают, что эмансипация сразу привела к улучшению положения крестьянства. По мнению других, кризис, вызванный структурными реформами общества и экономики, существовал в 1860–1870-е гг., но в 1880-е или 1890-е гг. он закончился, после чего Россия вступила в период быстрого экономического роста[18].

Мой анализ поддерживают мнение оптимистов, но вносит небольшие коррективы: уровень жизни понижался примерно лишь 10 лет, в 1856–1865 гг.; из них пять приходились на дореформенное время и пять на пореформенное. Если бы улучшение в положении крестьянства (90% населения в 1861 г.) наступило сразу после эмансипации, то мы должны были бы наблюдать немедленное после освобождения повышение биостатуса. Однако пять лет после начала реформы падение благосостояния продолжалось и еще 10 лет ушло на преодоление этого снижения. Значит, кризис и его преодоление растянулись примерно на 20 лет. Отсюда следует, что падение уровня жизни, в первую очередь крестьянства, было связано с Крымской войной 1853–1855 гг., породившей острый финансовый и экономический кризис и принесшей большие человеческие жертвы. Перестройка, начатая речью Александра II, благополучно завершилась в основных чертах в 1870-х гг., когда благосостояние вернулось к дореформенным показателям, и в дальнейшем продолжало расти (хотя и в циклическом режиме) вплоть до начала Первой мировой войны.

Вывод о повышении уровня жизни, полученный на основе антропометрических сведений, поддерживается данными о питании и сельскохозяйственном производстве, доходах и платежах, смертности и рождаемости, здоровье и культуре. В XVI — первой половине XIX в. благосостояние народа то росло, то падало, и только в пореформенное время оно, наконец, вышло на новый, более высокий рубеж, превзойдя самые высокие показатели за всю предшествующую историю России. Это стало возможным благодаря, прежде всего, значительному экономическому прогрессу. Национальный доход за 52 года увеличился в 3,84 раза, а на человека — в 1,63 раза. Душевой прирост объема производства составлял 85% от среднеевропейского. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только среднеевропейских, но и «среднезападных» — валовой национальный продукт увеличивался на 3,3% ежегодно. С 1881–1885 гг. по 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3,4 до 5,3%[19], по ключевым экономическим показателям она значительно приблизилась к ведущим странам Запада[20]. Из великих держав лишь в США темпы были выше — 3,5%[21]. Несмотря даже на очень большой естественный прирост населения (самый высокий среди всех европейских стран), душевой валовой внутренний продукт увеличивался быстрее, чем в самых больших экономиках мира, а среди западных стран быстрее, чем в Великобритании и Италии (табл. 11.5).

Таблица 11.5

Соотношение валового внутреннего продукта (ВВП) в России и некоторых странах мира, в %

	1820 г.		1870 г.		1913 г.	
	ВВП	ВВП на душу нас.	ВВП	ВВП на душу нас.	ВВП	ВВП на душу нас.
Россия	100	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Россия/Китай	16,5	114,8	42,1	177,9	96,3	269,6
Россия/Индия	83,8	129,3	62	176,9	113,8	221,1
Россия/Япония	182,1	103,0	329,1	128,0	324,1	107,3
Россия/Италия	167,6	61,7	200,0	62,9	243,3	68,0
Россия/Франция	98,2	56,0	116,0	50,3	160,8	42,6
Россия/Германия	143,3	65,1	117,1	51,8	97,9	40,8
Россия/Великобритания	104,1	40,4	83,4	29,5	103,5	30,2
Россия/США	301,6	54,8	85,0	38,6	44,9	28,1
Россия/8 стран	154,4	78,1	141,8	89,5	155,5	101,0

Источник: Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001. P. 261, 264.

В пореформенное время не только промышленность, но и сельское хозяйство, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало так же быстро, как в Европе в целом, адекватно обеспечивая крестьян продовольствием, о чем говорят данные о продукции, оставленной для домашнего потребления (табл. 11.6). Между 1886–1890 и 1911–1913 гг. стоимость зерна, оставленного крестьянами для собственного потребления, в постоянных ценах на душу населения выросла на 34%.

Таблица 11.6

Сельскохозяйственная продукция, не поступившая на рынок, 1886–1913 гг. (в ценах 1913 г.)

	Годы	1886–1890	1891–1895	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1913
Население	млн чел.	114,8	121,6	128,4	139,2	153,2	167,7
Зерновые продукты	млн руб.	1098,0	1369,0	1648,0	2045,0	2033,0	2654,0
	руб. на д. н.	9,6	11,3	12,8	14,7	13,3	15,8
Мясные продукты	млн руб.	465,0	470,0	560,0	579,0	615,0	700,0
	руб. на д. н.	4,1	3,9	4,4	4,2	4,0	4,2
Технические культуры	млн руб.	129,0	157,0	191,0	189,0	221,0	239,0
	руб. на д. н.	1,1	1,3	1,5	1,4	1,4	1,4
Молочные продукты	млн руб.	725,0	754,0	899,0	920,0	1017,0	1120,0
	руб. на д. н.	6,3	6,2	7,0	6,6	6,6	6,7
Остальные продукты	млн руб.	628,0	716,0	864,0	978,0	1018,0	1235,0
	руб. на д. н.	5,5	5,9	6,7	7,0	6,6	7,4
Всего	млн руб.	3045,0	3466,0	4162,0	4711,0	4904,0	5948,0
	руб. на д. н.	26,5	28,5	32,4	33,8	32,0	35,5

Источник: Подсчитано по: *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 36, 37, 138.

Успешная, а не провальная Столыпинская аграрная реформа, устраняя институциональные помехи для прогресса сельского хозяйства в виде общины, чересполосицы, принудительного севооборота, создавала самые благоприятные условия для его ускорения[22]. В империи валовое производство сельскохозяйственной продукции с началом Столыпинской реформы стало расти более высокими темпами — в 1906–1910 гг. сравнительно с 1901–1905 гг. — на 8%, в 1911–1913 гг. сравнительно с 1906–1910 гг. — на 19% (в 1911–1915 гг. сравнительно с 1906–1910 гг. — на 12%). Характерно, что темпы роста сельского хозяйства на окраинах были существенно выше, чем в 50 губерниях Европейской России, в значительной степени благодаря переселениям, являвшимся, как известно, важнейшей целью реформы: с 1901–1905 по 1909–1913 гг. объем сельскохозяйственного производства в 50 губерниях увеличился на 15%, а в империи — на 28% (табл. 11.7).

Таблица 11.7

Среднегодовой сбор главнейших полевых культур в Российской империи (без Финляндии) по пятилетиям в 1901–1913 гг., млн пудов

	1901–1905 гг.	1906–1910 гг.	1911–1913 гг.	1911–1915 гг. *	1909–1913 гг.
50 губерний Европейской России	4 371	4 481	5 165	5 127	5 043
Цепной индекс	100	103	115	114	113
Империя	5 517	5 963	7 080	6 672	7 070
Цепной индекс	100	108	119	112	119

Примечание: *1914–1915 гг. без Польши.

Источники: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 8. СПб., 1915. С. 32–33, 58–63; Там же. Год 10. СПб., 1917. С. 33–35, 59–65.

В литературе фигурируют данные, введенные в научный оборот, как кажется, В. П. Даниловым, согласно которым среднегодовой прирост продукции сельского хозяйства России с началом проведения Столыпинской реформы якобы стал снижаться: по 50 губерниям в 1901–1905 гг. он равнялся 4,2%, в 1909–1913 гг. –1,4%. Этот расчет, используемый как бесспорное доказательство провала реформы[23], не верен и при оценке эффективности Столыпинской реформы на него полагаться нельзя (табл. 11.8).

Во-первых, за 1909–1913 гг. среднегодовой прирост равен 2,7% (а не 1,4%). Во-вторых, как известно, указ о реформе был принят 9 ноября 1906 г., и она могла начаться в лучшем случае в 1907 г. Если взять интервал 1901–1906 гг., то среднегодовой прирост за эти годы составит 0,3%, т. е. будет в 9 раза меньше, чем в 1909–1913 гг. Однако главная ошибка расчета в другом — сборы хлебов колеблются по годам в зависимости от погоды, поэтому для оценки динамики урожаев следует сравнивать не погодные их колебания, а средние пятилетние — в 1901–1905, 1906–1910, 1911–1915 гг. За 1914–1915 гг. из-за войны нет сведений по Польше, поэтому сбор за 1911–1915 гг. искусственно занижен. Несмотря на это, средний пятилетний сбор хлебов в 1901–1915 гг. увеличивался возрастающими темпами: с 1901–1905 по 1906–1910 гг. по 50 губерниям он

Таблица 11.8

Ежегодный сбор главнейших полевых культур в Российской империи (без Финляндии) в 1901–1913 гг., млн пудов

Год	50 губерний	Империя
1901	3545,7	4565,5
1902	4729,8	5921,9
1903	4393,1	5515,7
1904	4998,5	5990,5
1905	4187,0	5588,6
1906	3604,2	4900,2
1907	4146,5	5229,4
1908	4201,4	5698,1
1909	5194,4	6754,4
1910	5256,5	6882,5
1911	4372,0	5692,7
1912	5392,1	7190,8
1913	5774,5	7643,7

Источник: табл. 11.8.

увеличился на 3%, с 1906–1910 по 1911–1915 гг. — на 14%, по империи — соответственно — на 8% и 12% (12% без Польши, с Польшей был бы более 14%). «Именно сельскохозяйственные успехи России позволили этой великой стране преодолеть финансовые трудности, вызванные войной 1904 года и политическими событиями 1905 года, и именно они позволят России в будущем пойти на необходимые жертвы, чтобы освоить гигантские территории и защитить свои границы», — резюмировал французский экономист Э. Терри свой экономический обзор России в 1914 г., накануне Первой мировой войны[24].

Несостоятельным является и постулат о «крахе» Столыпинской реформы после 1910 г. ввиду уменьшения числа ходатайства о землеустройстве, поданных в Землеустроительные комиссии. На самом деле, как выяснил М.А. Давыдов, в 1907–1911 гг. было подано 2633,5 тыс. ходатайств, а в 1912–1915 гг. — 3540,9 тыс., т.е. на 34, 5% больше (несмотря на войну!)[25].

О повышении уровня жизни народа, в первую очередь крестьянства, свидетельствуют также следующие факты.

(1) Увеличение с 1863 г. по 1906–1910 гг. расходов на алкоголь в 2,6 раза на человека (табл. 10.3).

(2) Повышение с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах — в 1,7 раза[26]. (за более раннее время сведений не имеется). Например, потребление сахара увеличилось с 1884/1885 г. по 1913/1914 г. — в 2,2 раза, а с 1862/63 г. — в 15 раз (с 0,5 кг до 15 кг)[27].

(3) Рост с 1850-х по 1911–1913 гг. реальной поденной платы сельскохозяйственного рабочего 3,8 раза, промышленных рабочих — в 1,4 раза (табл. 9.12).

Хоровод. 1900-е гг. Фото

(4) Уменьшение числа рабочих дней в году у крестьян со 135 в 1850-е гг. до 107 в 1902 г. (табл. 10.4), у пролетариев числа рабочих часов в год с 2952 в 1850-е до 2570 в 1913 г.[28]

(5) Массовая скупка земли крестьянами. За 1862–1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн дес. земли, заплатив за нее огромные деньги — 971 млн руб.[29], — это в 28 раз больше, чем все недоимки, накопившиеся за ними к 1910 г. (на 35 млн руб.)[30]. Купленная земля относительно надельной составляла 6,8% в 1877 г., 14,5% в 1887 г. и 21,6% в 1910 г., а относительно всей частновладельческой земли — соответственно 6,2%, 13,1% и 25%. Причем почти половина (46%) земли была куплена крестьянскими обществами и товариществами[31]. Нищие и пауперы землю, как известно, не покупают.

(6) Увеличение вкладов россиян в государственных сберегательных кассах — самом популярном банке в России. Кассы были созданы указом от 16 октября 1862 г. В 1863 г. начали действовать первые две кассы в Петербурге и Москве, обслуживавшие 140 тыс. вкладчиков. В 1913 г. в империи насчитывалось 8552 кассы (в том числе 6437 в 50 губерниях Европейской России) и 9 млн вкладчиков[32]. Кассы имелись во всех городах и почтовых отделениях, на крупных промышленных предприятиях (в 1910 г. — на 101) и спорадически в сельской местности (в 1910 г. в 138 из почти 11 тыс. волостей)[33]. Кассы являлись народным банком: они принимали вклады, начиная с 25 коп.; доля мелких вкладчиков, имевших на счете менее 25 руб. (25 руб. — примерно средняя месячная зарплата российского промышленного рабочего в начале XX в.), увеличилась с 1865–1869 по 1909–1913 гг. почти в 4 раза (с 10% до 39%), а доля женщин — в 3,3 раза (с 13% до 43%). В 50 губерниях Европейской России с 1865–1869 гг. по 1909–1913 гг. число вкладчиков увеличилось в 159 раз, на 1000 жителей — в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика — в 2,7 раза, с учетом инфляции — в 1,7 раза, величина вклада на одного жителя страны — в 228 раза, с учетом инфляции — в 145 раз (табл. 11.9).

Вкладчики касс делились на профессиональные группы, среди которых выделялись «работники». К последним относились лица, занятые в земледелии и промышленности, т. е. в огромном большинстве крестьяне и рабочие[34]. Их доля

среди клиентов банков увеличилась с 9% в 1865–1869 гг. до 33% в 1909–1913 гг., а доля во вкладах — соответственно с 11% до 33%. В 1913 г. число вкладчиков-«работников» достигло 7,6 млн, среди них на долю женщин приходилось около 43%, а мужчин — 57%. Если принять, что мужчины представляли целую семью, то получается: только в сберегательных кассах хранили деньги около 4,3 млн семей, обнимавших до 26 млн человек (поскольку в среднем семья включала 6 человек)[35], т. е. 21% жителей Европейской России. Сберегательные кассы хранили лишь меньшую часть накоплений «работников»: многие крестьяне держали деньги в кубышке; кроме сберегательных касс, имелись и другие кредитные учреждения. Приведенные данные (с учетом умеренной имущественной дифференциации) со всей очевидностью свидетельствуют о том, что благосостояние народа в пореформенное время повышалось, одновременно росла и их общая культура, ибо хранение средств в банке — это, безусловно, признак культурного развития.

Таблица 11.9

Вклады в государственные сберегательные кассы в 50 губерниях Европейской России в 1865–1913 гг.

	1865–1869 гг.	1881–1885 гг.	1900–1904 гг.	1909–1913 гг. *	Отношение 1909–1913 гг. к 1865–1869 гг. (1865–1869=100)	
					Номинально	Реально**
Число вкладчиков, тыс.	42	131	3710	6 605	159	–
Сумма вкладов, млн руб.	2,8	12,7	787,2	1 234,9	436	277
Число вкладчиков на 1000 жителей	0,7	1,7	35,6	54,3	82	–
Величина вклада на 1 жителя, руб.	0,04	0,16	7,47	10,24	228	145
Величина вклада на 1 вкладчика, руб.	68	96	212	187	2,7	1,7
Доля работников среди всех вкладчиков,% ***	9	18	27	33	–	–
Доля вкладов, принадлежащих работникам,% ***	11	17	23	33	–	–
Доля женщин среди вкладчиков,% ***	13	36	42	43	–	–
Доля вкладов менее 25 руб., % ***	10	36	36	39	–	–
Индекс цен, 1913=100	59	77	80	93	1,6	–

Примечания: *1909–1911, 1913 гг.

** С поправкой на инфляцию.

*** За 1900–1904 и 1909–1913 гг. сведения по империи.

Источники: Подсчитано по: *Население: Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 46–47. *Статистика сберегательных касс*: Статистика городских сберегательных касс/Обработал И. И. Кауфман. СПб., 1875. С. 2, 10, 35, 37, 67, 69, 98–101; Статистический ежегодник России за [1905, 1910–1914] год. СПб.; Петроград, 1906–1915; Ежегодник Министерства финансов на [1881–1885, 1900–1904, 1909–1913] год. СПб., 1883–1915. *Индекс цен: Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории. С. 83.

С 1990 г. Организация Объединенных Наций для оценки уровня жизни населения использует так называемый индекс человеческого развития (ИЧР). Он включает три частных индекса: (х) — индекс здоровья, или ожидаемой про-

должительности жизни при рождении; (y) — индекс образования, оцениваемый по проценту грамотности среди лиц старше 15 лет (с весом в $^2/_3$) и по доле обучающихся в начальной, средней и высшей школе среди детей и молодежи в возрасте от 6 до 24 лет (с весом в 1/3); (z) — индекс дохода, определяемый по валовому внутреннему продукту (ВВП) на душу населения.

Для первых двух из частных индексов установлены фиксированные минимальные и максимальные значения: продолжительность предстоящей жизни при рождении — 25 и 85 лет; грамотность взрослых — 0% и 100%, совокупная доля учащихся среди детей и молодежи — 0% и 100%. Минимальные и максимальные значения для ВВП по паритету покупательной способности, будучи зависимы от национальных и мировых цен, курса доллара и даты расчета, со временем изменяются. Я принимаю 80 и 30 000 долларов США в ценах 1989 г.[36], потому что имеющиеся сравнимые данные о ВВП России и США за 1860–1913 гг. выражены в долларах США в ценах 1989 г. В 2000-е гг. за минимальное и максимальное значение ВВП на душу населения исследователи стали принимать, как правило, 100 и 40 000 долларов, а с 2010 г., когда методика, расчета ИЧР несколько усовершенствовалась — 163 и 108 211 долларов[37]. Однако незначительные колебания ВВП практически не влияют на результат: индекс дохода России в 1851–1913 гг. при изменении крайних значений (с 80 на 163 доллара и с 30 000 на 108 211 долларов) ВВП остается практически таким же.

Каждый частный индекс принимает значение от 0 до 1. ИЧР равен их среднему арифметическому (с 2010 г. стали использовать среднюю геометрическую) и соответственно тоже находится в интервале от 0 до 1. Индекс со значением больше 0,900 считается очень высоким, от 0,800 до 0,899 — высоким, от 0,500 до 0,799 — средним и менее 0,500 — низким. На рубеже XX–XXI вв. в промышленно развитых странах ИЧР был равен 0,92, в развивающихся странах — 0,64, в странах Восточной Европы — 0,76, в мире в целом — 0,701, в России по разным оценкам — от 0,688 до 0,747 (а накануне распада СССР, в 1990–1991 гг., — 0,848)[38].

Частные индексы рассчитываются по простым формулам, но приводить их нет смысла: в настоящее время расчет ИЧР для любой страны можно произвести с помощью онлайн Human Development Index Calculator[39]. Автоматический калькулятор позволяет получить ИЧР при любых значениях средней продолжительности жизни, грамотности, доли учащихся и ВВП, а также проводить ранжирование стран мира по значению ИЧР. С течением времени методика вычисления ИЧР совершенствуется, изменяются максимальные и минимальные значения для субиндексов, вводятся новые переменные, принимаются разные базовые календарные даты (годы) для расчета паритета покупательной способности ВВП и т. п.[40]

Расчет индексов продолжительности жизни и образования не представляет трудностей. Для расчета частного индекса дохода требуются сведения о ВВП в России, а также о минимальном и максимальном ВВП в мире. Для России 1860–1913 гг. имеются только оценки чистого национального дохода, который меньше ВВП на величину амортизации основных фондов — примерно на 20%, например в США в 1897–1901 гг. — на 19%, 1912–1916 гг. — на 18%, в 1930 г. — на 20%, в 1970 г. — на 22%, в 1990 г. — на 24%[41]. Основываясь на этом соотношении (100: 120), переведем национальный доход России в ВВП в рублях 1913 г., затем

в долларах США 1913 г. (1 доллар = 1,9434 руб.)[42] и, наконец, в долларах США 1989 г. по дефлятору для ВВП (1913 г. = 14,37)[43] и подсчитаем индекс дохода[44].

Исходные данные для расчета индексов представлены в табл. 11.10. ИЧР после Великих реформ существенно увеличился — с 0,171 до 0,308, хотя все еще оставался очень низким — в два раза ниже, чем в современных развивающихся странах. В 2010 г. подобный ИЧР имели беднейшие страны Африки — Сомали, Чад, Мозамбик[45].

Таблица 11.10

Индекс человеческого развития в России в 1851–1914 гг. (без Финляндии)

Годы	Население, млн	ВВП на душу населения*		Образование**			Средняя продолжительность жизни		Индекс человеческого развития
		Дол.	Индекс	Грамотность,%	Учащиеся,%	Индекс	Лет	Индекс	
1851–1860	73,5	701,0	0,381	14	1,4	0,098	27,1	0,035	0,171
1861–1870	78,4	675,9	0,374	17	1,9	0,120	27,9	0,048	0,181
1871–1880	91,7	666,4	0,372	19	2,3	0,134	28,8	0,063	0,190
1881–1890	110,6	679,9	0,375	22	2,5	0,155	29,7	0,078	0,203
1891–1900	125,8	790,7	0,402	28	3,5	0,198	31,2	0,103	0,234
1901–1910	147,6	928,1	0,430	33	5,5	0,250	32,9	0,132	0,271
1913	171,0	1036,0	0,449	40	7,9	0,293	36,0	0,183	0,308

Примечания: * В долларах США 1989 г.

** Без Польши и Финляндии.

Источник: Подсчитано по: **ВВП:** *Грегори П.* Экономический рост. С. 22, 232–237; **Образование:** *Миронов Б. Н.* (1) История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С. 82, 146; (2) Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках//Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 111–125; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вторая половина XIX в.)/А. И. Пискунов (ред.). М., 1991. С. 518, 525, 527, 529, 531; **Продолжительность жизни:** Воспроизводство населения СССР/А. Г. Вишневский, А. Г. Волков (ред.). М., 1983. С. 61; Демографическая модернизация России: 1900–2000/А. Г. Вишневский (ред.). М., 2006. С. 292.

Расчет по другим методикам дает несколько различающиеся результаты, но общая тенденция остается одинаковой — в пореформенное время ИЧР непрерывно возрастал[46]. Например, Н. Графтс оценил ИЧР России на 1913 г. как 0,345, что близко к моему расчету[47]. Увеличение ИЧР однозначно свидетельствует о повышении благосостояния россиян в пореформенный период.

Данные о динамике уровня жизни бросают новый свет на принципиальные события отечественной истории начала XX в. — на Русско-японскую, Первую мировую войны и революции. Несмотря на неудачную Русско-японскую войну и промышленную депрессию, биостатус крестьянства в 1901–1905 гг. сравнительно с 1896–1900 гг. практически не изменился, а относительно 1850-х или 1860-х гг. существенно повысился. Нет поэтому оснований считать важнейшей причиной революции 1905–1907 гг. снижение благосостояния крестьянства после отмены крепостного права, как это принято в историографии. Причи-

ны первой русской революции лежали в большей степени в политической, чем в экономической сфере.

Первая русская революция готовилась и организовывалась либерально-демократической общественностью. Именно оппозиция создала в стране атмосферу экономического и политического кризиса и подготовила почву для революции[48]. В сентябре 1904 г. в Париже прошла конференция оппозиционных и революционных партий, на которой «Союз освобождения», социал-демократы, бундовцы, эсеры, польские и финские националисты намечали совместные действия по свержению самодержавия: пропагандистскую кампанию по дискредитации самодержавия, возбуждение стачек и беспорядков, не исключались и террористические акты[49]. Интересно, что проведение конференции спонсировалось через ее организатора — финского сепаратиста К. Цилliакуса — японской разведкой[50]. Кроме конференции, японцы финансировали закупки оружия для революционеров и издание социал-демократической газеты «Вперед»[51]. Цель — содействовать революционному движению, подрывавшему в условиях русско-японской войны боевой дух российской армии и способствовавшему развитию антивоенных и антиправительственных настроений в обществе. Намеченная программа постепенно реализовывалась. Были организованы студенческие демонстрации в Петербурге и Москве, по стране прошла кампания банкетов и собраний, приуроченных к 40-летию судебных уставов, на которых принимались резолюции в поддержку Учредительного собрания[52]. Освобожденцы, социал-демократы и эсеры установили контакты с Г. А. Гапоном и другими руководителями «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», убедили их внести политические требования в готовившуюся петицию к царю — созыв Учредительного собрания, прекращение войны, отделение церкви от государства и прочее, придавшие ей революционный характер и исключавшие возможность принятия ее царем[53]. Во время шествия 9 января большевики выступили с лозунгом «Долой самодержавие» и несли красные флаги. Эсеры по ходу шествия устраивали беспорядки, рвали телеграфные провода и рубили столбы, строили баррикады, громили оружейные магазины и вооружали народ[54]. С очевидной целью спровоцировать столкновение и вызвать стихийный бунт, они подтолкнули шедшую к Зимнему дворцу толпу приблизиться к охранявшим его солдатам на расстояние, когда по воинскому уставу следовало после предупредительных выстрелов открыть огонь на поражение. Трагические события 9 января всколыхнули всю страну. Земства, городские думы, общественные организации осуждали правительство и поддерживали морально и финансово радикальные политические движения.

Плакат, осуждающий расстрел 9 января 1905 г. в С.-Петербурге

Возникли студенческие беспорядки; развернулось рабочее движение, достигшее своей кульминации во Всероссийской политической стачке в октябре 1905 г. Под ее влиянием Николай II даровал России конституцию, т. е. политические права и свободы, законодательную Государственную думу и почти всеобщее избирательное право для мужчин[55].

Связи революционного движения с интеллигенцией, бюрократией и буржуазией либеральной ориентации стали обстоятельно изучаться в постсоветской историографии. Исследователи выяснили: роль общественности в организации революционных событий ранее недооценивалась. Например, выступления рабочих в Москве в сентябре 1905 г., послужившие толчком и прологом октябрьской всеобщей политической стачки, не являлись стихийными, как считалось прежде, а организованы либеральной оппозицией и финансировались либеральной московской буржуазией[56]. С. Ю. Витте в 1903–1905 гг. возглавлял общество вспомоществования студентам Петербургского университета и финансировал его деятельность, связанную с революционным движением, возможно, не догадываясь об этом[57]. Он же устроил встречу рабочего Ушакова с великим князем Николаем Николаевичем с целью сделать его сторонником Манифеста, а последний в свою очередь подтолкнул Николая II на подписание Манифеста[58].

Не поддерживают данные о динамике биостатуса и распространенное в советской историографии положение о назревании революционного кризиса в предвоенные годы под влиянием обнищания крестьян и рабочих. В 1906–1914 гг., судя по увеличению на 1,7 см дефинитивной длины тела, наблюдалось повышение биостатуса крестьян, чему способствовали хорошие урожаи, промышленный подъем и благоприятные для земледельцев правительственные меры: отмена выкупных платежей и введение льготных правил для получения ссуд из Крестьянского поземельного банка для покупки земли (1906–1907 гг.), Столыпинская реформа и массовое переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток (только за 1906–1910 гг. переселилось свыше 2,5 млн), увеличение зарплаты у рабочих.

Итак, в пореформенное время Россия несомненно переживала интенсивный экономический рост, благотворно сказавшийся на благосостоянии ее населения. Его темпы в 1861–1913 гг. были сопоставимы с европейскими, хотя отставали от американских. При этом индустриализация сопровождалась ростом уровня

Репин И. Е. Манифестация 17 октября 1905 г. ГРМ

жизни крестьянства, значит, происходила не в ущерб ему. Повышение грамотности и средней продолжительности жизни обеспечивалось увеличением расходов и инвестиций в человеческий капитал: только за 1885–1913 гг. расходы центрального правительства и местных властей на образование и здравоохранение возросли с 54 до 410 млн руб., а инвестиции — с 1 до 8 млн руб.[59] Государство активно финансировало железнодорожное строительство. При этом возникший в 1760-е гг. государственный долг возрастал умеренными темпами сравнительно с другими странами. На 1914 г. госдолг равнялся 8,8 млрд руб., или 36% от ВВП; 35% госдолга составляли железнодорожные долги[60]. В 1907 г. на обслуживание долга уходило в России 19% государственных доходов (во Франции — 31%, Италии и Японии — 30%, в Австро-Венгрии 22%, Англии — 19%, Германии — 5%, США — 3%)[61].

Для интенсивного экономического роста имелись главные предпосылки — экономика России стала рыночной: экономические решения принимались индивидуально (бизнесменами, торговцами, сельскохозяйственными производителями); цены устанавливались в результате стандартных рыночных механизмов[62]. Современные западные исследователи все более склоняются к мысли, что специфика экономического роста в позднеимперской России преувеличивалась. Спонтанное развитие, основанное на рыночной стихии и потребительском спросе, наблюдалось как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Если в легкой индустрии рынок всегда играл ключевую роль, то прогресс в тяжелой индустрии, в особенности в новом Южном промышленном районе, в большей степени, чем прежде принято было думать, также обусловливался рыночной конъюнктурой, а не действиями правительства[63]. Дж. Грант показал, что роль государства, даже в таком, казалось бы, зависимом от него предприятии, как Путиловский завод, в историографии преувеличивалась: на самом деле акционерная корпорация действовала и развивалась на рыночных принципах так же, как и любое крупное предприятие в Европе и США. Несмотря на различия в правовой сфере и политической системе с западными государствами, подчеркивает Грант, именно рыночные отношения определяли деятельность компании и в России — самодержавие не препятствовало ее процветанию[64].

11.4. Издержки, или побочные продукты, процесса модернизации

В настоящее время некоторые историки, перепутав моду с объяснительной ценностью модернизационной парадигмы, и по причине слабого знакомства с мировой литературой списали ее в архив, объявив устаревшей. На самом деле, слухи о смерти концепции оказались сильно преувеличенными. Похоронные мотивы звучат по трем причинам: трактовки модернизации порой грешат схематизмом, сводят описание процесса к взаимодействию абстрактных категорий; нередко в исторических исследованиях процесс модернизации трактуется односторонне, лишь как движение в сторону рыночной экономики и ценностей либеральной демократии; историки, работающие в рамках модернизационной парадигмы, часто ориентируются на модернизационные исследования классической поры, т. е. полувековой давности. Однако за последние 50 лет концепция развивалась и в своем современном виде существенно отличается от того, чем была в момент

своей наибольшей популярности в 1960-е гг. Неомодернизационная перспектива, разработанная прежде всего в США, Великобритании, ФРГ, Франции и России, придала ей новый импульс. И. В. Побережников убедительно продемонстрировал эффективность ее применения при исследовании развития России не только в эпоху перехода от традиции к современности, но также и от модерна к постмодерну, в частности при изучении общественно-политической и экономической трансформации, начавшейся в стране с конца 1980-х гг. Теория модернизации оказалась более прагматической и работоспособной по сравнению с другими влиятельными макротеориями — общественно-экономических формаций и цивилизаций[65]. И, на мой взгляд, она лучше, чем марксистская, мальтузианская и неомальтузианская концепции, объясняет как историческую динамику России XVIII — начала XX в., так происхождение и непосредственные причины русских революций 1905 г. и 1917 г. Как ни удивительно, но так называемые «кадетские концепции» русской революции и русского исторического процесса созданы в парадигме, близкой к модернизационной, задолго до появления в науке теории модернизации[66].

Как известно, теория модернизации предназначена для объяснения трансформации традиционного аграрного общества в современное индустриальное — именно того процесса, который происходил в России в имперский период. Согласно теории, модернизация привела к появлению индустриальных технологий и соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих управлять процессом развития общества. Главными признаками модерна являются индустриальное производство, правовое государство, гражданское общество и рациональный автономный индивид. Процесс трансформации социума шел по всем линиям одновременно или разновременно. В частности, суть политической модернизации состояла в переходе от абсолютизма к конституционной государственности и в передаче политической власти от традиционалистской к модернистской элите. Эта трансформация могла быть мирной, если старая правящая элита поддерживала и реализовывала на практике модернистский проект, или насильственной, революционной, если она упорно цеплялась за прошлое, не сотрудничала и не шла на компромисс с контрэлитой.

Модернизационная концепция развития России и происхождения революций была сформулирована в моей книге «Социальная история» и ряде статей. Согласно ей, социально-экономический и политический строй, сложившийся в России в результате Великих реформ 1860–1870-х гг. и реформы 1905 г. (в его основе лежали частная собственность, рыночная экономика, развивавшиеся гражданское общество и правовое государство), обеспечивал хорошие возможности для всестороннего прогресса России. Для полного успеха нужны были только время и мир — это сознавали не только такие видные российские государственные деятели, как, например, С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, но просто здравомыслящие и умные люди. Известный нумизмат и археолог И. И. Толстой записал в своем дневнике 26 января 1907 г.: «Очевидно, что несмотря на самохвальство разных кадетов и товарищей, требуется, для того, чтобы переварить и попривыкнуть к новому строю, прежде всего время, а затем и опыт: то, что немцы называют *Lehrgeld*; русским необходимо будет уплатить, прежде чем они поймут, что все обещания различных партий — звук пустой и что общественное благо приобретается только шаг за шагом. Ведь у нас даже образованные и раз-

витые люди еще верят в политические и социальные рецепты, и только горький опыт, и то не сразу, может научить их, что совершенных форм нет и что в мире существует только сравнительное благополучие, а абсолютное недостижимо. Тогда и станет всем разумным людям ясно, что есть вещи, из-за которых не стоит бесноваться, жертвовать собою и другими, но что есть и такие, на которых следует настаивать, чтобы сделать жизнь сносною и раскрыть широко двери прогрессу. Оппозиционная Дума *guand-même* (тем не менее. — *Б. М.*) заставит бедную Россию мучиться еще лишнее время. Досадно и жаль!»[67] Однако мирное развитие страны прервали Русско-японская война и Первая русская революция 1905 г., а затем Первая мировая война и Вторая русская революция 1917 г. Тяготы последней оказались столь значительными, что российскому обществу, переживавшему процесс модернизации, не удалось с ними справиться.

В настоящей монографии позитивные сдвиги в экономической, политической и социальной сферах эмпирически подтверждены оригинальными расчетами на новом массовом, в том числе статистическом, материале. Индекс человеческого развития вырос с 0,171 до 0,308, свидетельствуя о всесторонности прогресса в пореформенной России. Имущественное неравенство накануне революций было умеренным и не таким значительным, как принято думать. Российская интеллигенция создала гражданское общество, способное бросить вызов государству. Жизненный уровень россиян с конца XVIII в. и до начала Первой мировой войны имел позитивную динамику. Парадигма обнищания и системного кризиса не соответствовала российским реалиям — она была сконструирована оппозиционной российской общественностью в борьбе за умы народных масс и превращена в главный аргумент в войне с монархией за власть.

Во избежание недоразумений и неверных толкований вывода о позитивной динамике уровня жизни подчеркну: из моих расчетов не следует, что россияне, прежде всего крестьянство, в пореформенное время благоденствовали или даже жили зажиточно. Они жили по-прежнему небогато, по современным стандартам потребления, можно сказать, бедно, как, впрочем, и большинство жителей других европейских стран, уступая лишь наиболее развитым из них. Применительно к XVIII в. это показал В. И. Семевский[68], для первой половины XIX в. А. Гакстгаузен[69], Ле Плей и Дж. Блюм[70], а также Ст. Л. Хок[71]. Согласно расчетам С. Г. Струмилина, в 1913 г. российские рабочие по величине реальной заработной платы превосходили своих западных коллег и уступали только самым обеспеченным в мире рабочим США, да и то лишь на 15%[72] (подробнее табл. 12.23).

Лично мне трудно считать «влачащими жалкое существование» тех, кто владел домом и хозяйственными постройками, приблизительно 14 га земли на двор из 8 человек, двумя лошадьми (или лошадью и волом), 2–3 головами крупного рогатого скота, 5–6 головами мелкого скота и птицей — таково имущество типичного хозяйства помещичьих крестьян (39% населения страны) в 1860 г., накануне отмены крепостного права, в среднем для Европейской России. Удельные крестьяне (3,9% населения) владели землей по 23 га на двор, а государственные (40% населения) — по 29 га на двор (из 8 душ обоего пола) и бóльшим числом скота; естественно, их материальное положение было лучше[73]. После эмансипации величина надела и число скота постепенно уменьшались (вследствие прироста населения), но все равно оставалось значительным. В 1916 г. (согласно сельскохозяйственной переписи) в Европейской России в среднем на крестьянский двор

из 5,3 чел. (без учета членов семьи, находившихся в армии) приходилось 9–10 га земли, 1–2 лошади, 2,3 головы крупного рогатого скота, 5 голов мелкого скота и птица[74]. При этом доходы на душу населения возросли, благодаря неземледельческим занятиям и снижению налогов. Даже хозяйства тех крестьян, которых в советской историографии относили к бедным, имели 5 га посева и 2,8 га прочей удобной земли, лошадь, корову, мелкий рогатый скот и птицу[75]. Напомним, что согласно переписи 1897 г. в России доля крестьянства в населении составляла 86%, доля лиц, имеющих главным источником дохода наемный труд, — всего около 12%. Разумеется, в деревне были и настоящие бедняки, к которым условно можно отнести крестьян без земли и скота, но их было относительно немного. В 1917 г. в Европейской России доля безземельных хозяйств составляла 8,1%, без всякого скота — 13,5% всех хозяйств; в Сибири безземельных не было, а без скота — 6,1%[76]. Напомним: в 2008–2010 гг. доля бедных в современных странах Запада, включая США, оценивается в 14–15% самодеятельного населения в возрасте 18–64 лет[77].

Низкое потребление, или низкое благосостояние, которое мы принимаем за критерий стратификации, являлось не следствием бедности как таковой, а результатом неэффективного использования имевшегося значительного имущества. Если бы крестьяне работали в полную меру своих сил, используя все рабочее время, их уровень жизни был бы, несомненно, более высоким. Однако даже в начале XX в. в крестьянском хозяйстве норма напряжения труда, или, по выражению А. В. Чаянова, «степень самоэксплуатации», или доля рабочих дней в году, не превышала 50%[78]. Например, в течение всего года число рабочих дней, затрачиваемых в своем хозяйстве (без промыслов) одним работником (в переводе на мужчину), в нечерноземных уездах Тамбовской губернии равнялось 83,6 дня, в черноземных уездах — 73,9 дня, в четырех уездах Смоленской губернии — от 70,1 до 102,5 дня; в Волоколамском уезде Московской губернии занятость сельскохозяйственными работами в течение года ограничивалась 104 днями, промыслами — 30 днями, в Старобельском уезде Харьковской губернии — соответственно 86 и 16 днями, в Вологодском уезде — 90 и 66 днями[79].

Как известно, улучшение условий жизни рассматривается в теории модернизации в качестве главного критерия ее успешности[80]. Поскольку в период империи благосостояние народа росло, модернизацию следует признать успешной, несмотря на все издержки. Возникает неизбежный вопрос: как неоспоримые успехи страны совместить с увеличением в эти годы недовольства и оппозиции режиму со стороны либерально-демократической общественности[81], с широким развитием рабочего, крестьянского и всякого рода протестных движений[82], в конечном итоге приведших к революции 1917 г.?

11.4 а. Повышение социальной напряженности

Как показывает мировой опыт, в модернизации, даже успешной, заключено немало подводных камней, проблем и опасностей для социума. Модернизация требует больших издержек, ведет к лишениям и испытаниям для отдельных сегментов населения и целых социальных групп, не приносит равномерного благополучия сразу и всем. Процесс не всегда устойчив, чреват сбоями и откатами назад. Периоды активной деятельности по совершенствованию социальных структур и институтов сменяются периодами усталости или самоуспокоенности, сопрово-

ждаемыми лишь слабыми попытками обновления. «Осовременивание» различных сфер общественного организма может осуществляться далеко не синхронно, порой за счет других, что должно приводить к противоречиям, напряженностям, несоответствиям между ними. В ходе модернизации возникает дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, разделяемыми разными социальными группами. Модернизация способствует обострению национального вопроса в многонациональных государствах. Все это имеет одно неизбежное следствие — увеличение социальной напряженности и конфликтности в обществе. Причем, как ни парадоксально, существует прямая связь между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью; чем успешнее модернизация, тем, как правило, выше конфликтность[83].

Россия не стала исключением. Российская модернизация проходила под флагом европеизации, а точнее — вестернизации. Начиная с XVIII в. человек, семья, экономика, общество и государство в целом развивались от патриархальности к модерну во взаимной обусловленности, благодаря секуляризации индивидуального и массового сознания, рационализации социальных и политических отношений, коммерциализации экономики, централизации и интеграции управления. Однако социальные, экономические и культурные изменения затрагивали разные регионы и этносы, город и деревню, а также различные социальные группы в разной степени. Например, отмена крепостного права была благом для большинства крестьян, но злом — для большинства помещиков, на почве чего отношения между ними становились более напряженными. Сельское хозяйство развивалось медленнее промышленности, вследствие чего диспропорция между ними увеличивалась: с 1900 по 1913 г. чистый прирост производства (с учетом инфляции) в первом секторе составил 33,8%, а во втором — 62,7%[84]. Развитие буржуазных отношений стимулировало возникновение антикапиталистического этоса среди всех слоев населения. Среди интеллигенции разных политических ориентаций были распространены антибуржуазные настроения. Она опасалась, что капитализм уничтожает традиционные ценности и высокую мораль, усиливает эксплуатацию, разрушает социальный уклад в деревне, порождает класс корыстных стяжателей, лишенных культуры и гуманности[85]. Столыпинская реформа была прогрессивной и буржуазной по сути, но ее проведение обострило социальные отношения в деревне и усилило антибуржуазные настроения среди большинства крестьян, недовольных разрушением общинного строя. Модернизация способствовала превращению сословий в классы — и это был прогрессивный процесс. Однако многие люди предпочитали сохранение сословной структуры. Дворянство — ради сохранения своих привилегий; купечество — из-за страха потерять лицо, смешавшись с массой мелких лавочников и ремесленников; духовенство — потому что опасалось конкуренции, а крестьянство полагало: в любых бессословных организациях оно все равно окажется внизу. Становление классовой структуры на первых стадиях усиливало социальную рознь. Вестернизация затронула верхние страты общества в несравненно большей степени, чем нижние, западные регионы (и соответственно этносы, в них проживающие) сильнее восточных, город больше деревни, столицы интенсивнее остальных городов. Наблюдались побочные разрушительные последствия процесса модернизации в форме повышения социальной и межэтнической напряженности, девиантности, конфликтности, насилия, преступности и т. д. Все это приводило

к серьезным противоречиям и конфликтам между городом и деревней, разными отраслями производства (аграриями и промышленниками), социальными слоями, территориальными, профессиональными, этническими сообществами и, конечно же, делало процесс модернизации болезненным и трудным.

Негативным последствием модернизации в России стал социально-культурный раскол общества: оно буквально раскололось на образованное меньшинство, принявшее вестернизацию, и народ, который в своем быту в большинстве своем продолжал придерживаться традиционных ценностей допетровской Руси. В свою очередь и тонкое европеизированное меньшинство не было единым с точки зрения системы ценностей, политических ориентаций и социальных идеалов. Оно раскололось на либералов, радикалов, консерваторов и охранителей, предлагавших различные модели решения социальных, экономических и политических проблем, стоявших перед Россией. В результате конфликтность и социальная фрагментарность общества со временем усиливались[86].

Самые благодетельные структурные реформы имели противоречивые последствия и не встречали всеобщего одобрения. Отмена крепостного права вызвала недовольство как помещиков, так и крестьян, хотя проведена была компетентно и предельно аккуратно[87]. Необходимая Столыпинская реформа не нашла поддержки у большей части крестьянства и породила новые противоречия в деревне: между приверженцами общины и теми, кто хотел из нее выйти (полюбовно ее покинуло лишь 27% крестьян)[88]. Политическая реформа 1905 г., которой так жаждала общественность, ее не удовлетворила и оставила равнодушным подавляющее число крестьян и рабочих. С первого созыва Государственной думы либеральная оппозиция предъявила непомерные требования к монарху и правительству, вела себя деструктивно, спровоцировав роспуск Думы и изменение избирательного закона. Государство и земства поощряли развитие грамотности, но чем образованнее становился народ, тем сильнее росли его запросы и тем нетерпимее он относился к низким доходам, социальной дискриминации, несправедливости и неравенству[89].

Индустриализация, проводимая при поддержке правительства, плодила недовольных среди аграриев, желавших, чтобы финансовый дождь лился на них, а не на промышленников; она сопровождалась высокой степенью концентрации производства, в результате чего политическое значение рабочих — самой криминализированной, политизированной и недовольной части населения — стало намного превышать их долю в населении. Урбанизация создавала социальную напряженность как в городе (между горожанами и мигрантами), так и в деревне (между отходниками и остававшимися дома, между молодым и старшим поколениями). Попытки фабричной администрации добиться роста производительности труда посредством усиления трудовой дисциплины не нашли понимания у рабочих, спровоцировав их на выступления против введения нового трудового распорядка и последовавшего за ним усиления контроля. Ломка стереотипов в массовом сознании рабочих, не привыкших ежедневно с равным напряжением трудиться, создавала огромное социальное напряжение, порождала конфликты и агрессию. Вопреки ожиданиям, в начале XX в. обнаружилась тенденция к понижению трудовой дисциплины: в 1901–1904 гг. в среднем на одного рабочего приходилось как минимум 2,22 нарушения в год, а в 1910–1913 гг. — 2,50. Отсюда проистекала необходимость со стороны предпринимателей расходовать значительные средства на содержание органов надзора за рабочими, что увеличивало

издержки производств. Если бы общественность более активно сотрудничала с правительством и фабричной инспекцией в деле воспитания российских рабочих и предпринимателей в духе современной трудовой морали, а не использовала тех и других для решения своих политических задач, то это несомненно принесло бы больше пользы рабочим и всему обществу[90].

Российское общество в 1861–1914 гг. развивалось по сценарию, как будто специально написанному для него создателями *теории социального конфликта*, — конфликт стал неотъемлемой частью общественной жизни, а вражда различных социальных групп, борьба за групповые интересы, насилие ради их достижения — нормой[91]. В этом противостоянии целью являлась нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника. Как писал В. И. Ленин в 1900 г. на страницах газеты «Искра»: «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров, к которой потянется все, что есть в России живого и честного»[92]. Аналогичным образом думали либералы. В их журнале «Освобождение» в 1903 г. утверждалось: «Самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями»[93]. А на войне, как на войне, все средства для победы хороши. И если бы противники режима не использовали всех доступных приемов и методов, включая манипуляцию массовым сознанием, дезинформацию, прессинг колеблющихся, PR-кампании и даже террор — все, что применяли его сторонники, то это бы свидетельствовало об их непрофессионализме и незрелости самого политического процесса.

За социальными конфликтами скрывалась борьба за ценности и за монополию осуществлять *символическое насилие*. Интеллигенция идентифицировала себя в качестве самой прогрессивной социальной группы, которая самоотверженно и бескорыстно борется за политические и социальные реформы, обеспечивающие счастье народа, в первую очередь — крестьян как бедных и отсталых, униженных и оскорбленных, нуждающихся в поддержке, представительстве, защите и руководстве[94]. Одна часть интеллигенции и созданные ею политические партии либерально-демократического направления, прежде всего кадеты, считали, что роль представителя и руководителя народа принадлежит им. Другая же часть интеллигенции и ее партии социалистического направления (прежде всего эсеры и большевики) выдвигали на эту роль себя и «передовой рабочий класс». Культурная и политическая дискриминация крестьян служила способом самоидентификации и самоутверждения интеллигенции и средством установления контроля над ними, оправдывала ее претензии на роль руководителя их жизнью и помогала материализовать свои политические интересы. Аналогичным образом идентифицировали себя монархия и правящий класс.

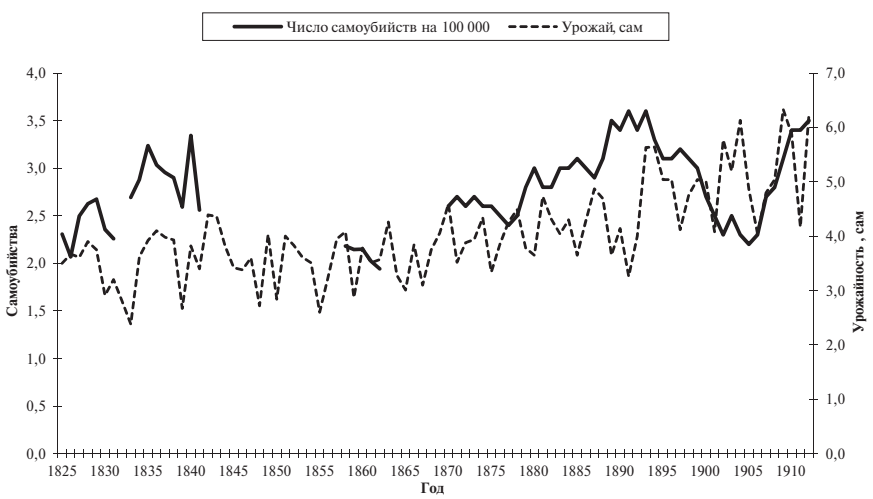
Конфликт между группами способствует укреплению внутригрупповой солидарности и, следовательно, сохранению группы. В силу этого общественные лидеры часто *сознательно прибегают к поискам внутреннего и внешнего врага и разжигают мнимый конфликт*. Для правящего класса таким врагом являлась либеральная интеллигенция, для интеллигенции — монархия. Великий князь Александр Михайлович так выразил эту мысль: «Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров

и других общественных деятелей, живших щедротами империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах»[95].

11.4 б. Увеличение числа самоубийств, убийств и общей преступности

Самоубийства. Социальные исследователи в качестве критериев общественного благополучия используют данные о девиантном поведении, в первую очередь о самоубийствах и убийствах[96]. И здесь мы сталкиваемая как будто с парадоксом. Во второй половине XIX — начале XX в. Россия по числу самоубийств на 100 тыс. человек среди 15 европейских стран, США и Японии находилась на предпоследнем месте, немного превосходя Испанию и в 8–10 раз уступая находившимся на первом месте Дании и Швейцарии[97]. Как это объяснить, если считать Россию самой бедной и несчастной страной в Европе? Сравнение погодных колебаний самоубийств и урожаев[98] не обнаруживает между ними логически обоснованной зависимости (рис. 11.3). В ряде случаев падение урожайности сопровождалось увеличением самоубийств — 1831, 1871, 1880, 1885, 1891, 1897, 1902 гг., но еще больше случаев, когда они изменялись синхронно — 1825–1840, 1893, 1899–1912 гг. Коэффициент корреляции (+0,308) свидетельствует о *слабой и прямой* связи между самоубийствами и урожаями, от которых зависело текущее благосостояние не только крестьянства, но и всей страны. Если бы экономический фактор играл решающую роль в суицидальном поведении, то корреляция была бы существенной и обратной (урожаи растут, число самоубийств падает).

Рис. 11.3. **Самоубийства и урожаи в Европейской России, 1819–1912 гг.**



Источники: Умершие насильственно и внезапно в Российской империи в 1870–1874 гг. СПб., 1882; То же. В 1875–1887 гг. СПб., 1894; То же. В 1888–1893 гг. СПб., 1897; Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи населению в России за [1904–1914] год. СПб.; Пг., 1906–1916; *Новосельский С. А.* Очерк статистики самоубийств. С. 623.

Мое предположение находит подтверждение в том, что суицидальность росла только среди городского населения, в то время как в деревне после незначительного подъема в 1880 — первой половине 1890-х гг. она пошла на убыль и в начале XX в. была ниже, чем в 1870–1874 гг. Причем большинство самоубийств в среде крестьянства происходило на почве пьянства (табл. 11.11).

Таблица 11.11

Число самоубийств среди городского и сельского населения в России, 1870–1910 гг. (на 100 тыс человек)

Годы	Городское население	Сельское население	Итого
1870–1874	6,4	2,2	2,6
1875–1887	6,9	2,3	2,8
1888–1893	9,4	2,4	3,3
1901–1905	6,7	1,7	2,3
1906–1910	7,8	2,0	2,8

Источники указаны в примечании к Рис. 11.3.

Отсюда можно предположить: неудовлетворенность своим положением испытывали главным образом горожане, а не крестьяне, в особенности жители столиц и крупных городов, где суицидальность была существенно выше, чем в среднем по России: в Петербурге — примерно в 4–6 раз, в Москве в 3–4 раза, а в Одессе (1902–1908 гг.) — даже в 5–10 раз. При этом и среди городских жителей крестьяне, составлявшие 45% населения в 1897 г., совершали наименьшее число самоубийств — в 3–4 раза реже, чем дворяне, в 1,5–2 раза реже, чем купцы и почетные граждане[99] (табл. 11.12).

Таблица 11.12

Число самоубийств и покушений на самоубийство на 100 тыс. человек по сословиям в С.-Петербурге и Москве в конце XIX в.

Социальная группа	С.-Петербург, 1881–1900 гг.	Москва, 1870–1885 гг.
Крестьяне	8	10
Духовенство	14	10
Мещане, цеховые	15	12*
Иностранцы	16	33
Купцы и почетные граждане	18	14
Дворяне потомственные и личные	25	27

Примечание: * 1870–1879 гг.

Источники: Пономарев Н. В. Самоубийство в Западной Европе и в России, в связи с развитием умопомешательства//Сборник сочинений по судебной медицине, изд. Медицинским департаментом. СПб., 1880. Т. 3. 1880. С. 72–73; *Розанов П. Г.* О самоубийстве. М., 1891. С. 142–143; *Тереховко Ф. К.* К вопросу о самоубийстве в С.-Петербурге за двадцатилетний период (1881–1900 гг.). Гатчина, 1903. С. 80–81, 84.

Не замечается сильной обратной связи между материальным положением и склонностью к самоубийствам. Согласно антропометрическим данным, в 1901–1917 гг. сословия по степени удовлетворения базисных потребностей человека ранжировались так: дворяне и чиновники (169,3 см), купцы и почетные граждане

(169,1 см), мещане (168,9 см), крестьяне (168,7 см). Преобладание среди суицидентов представителей привилегированных сословий и иностранцев позволяет предположить: не элементарная материальная нужда была главной причиной, толкавшей людей к решению уйти из жизни, а скорее *относительная депривация*. Об этом же говорит их профессия: наибольшей суицидальностью отличались в порядке уменьшения — проститутки, лица умственного труда, наемные работники, рабочие, ремесленники, военнослужащие, крестьяне[100].

Выяснение мотивов на основании оставленных посмертных записок и полицейских расследований за 1905–1909 гг. показывает: экономический фактор (безработица, нужда) обусловливал лишь около 26% всех самоубийств в городе (табл. 11.13).

Таблица 11.13

Факторы самоубийств среди городского населения России в 1905–1909 гг.

Факторы	Число самоубийств	%
Социально-экономические	1 192	26
Общественно-политические	764	17
Болезненные состояния	763	17
Романтические причины	799	18
Семейные отношения	451	10
Служебные отношения	307	7
Школьные проблемы для учащихся	237	5
Итого	4 513	100

Источники: Жбанков Д. Н. Современные самоубийства//Современный мир. 1910. № 3. С. 29 (более 60% самоубийств, причины которых неизвестны, в классификацию включены не были); *Новосельский С. А.* Самоубийства в Ленинграде//Статистический бюллетень. Ленинградское обл. отделение статистики. 1930. № 24. С. 69–70.

Указывая на роль материального фактора, исследователи имели в виду именно относительную депривацию — что хорошо для крестьянина, то плохо для дворянина, и подчеркивали значение степени неравенства[101]. Понижение числа самоубийств во время войн и революций, несущих, как правило, трудности и лишения, также доказывает: материальный фактор не был решающим в суицидальном поведении[102].

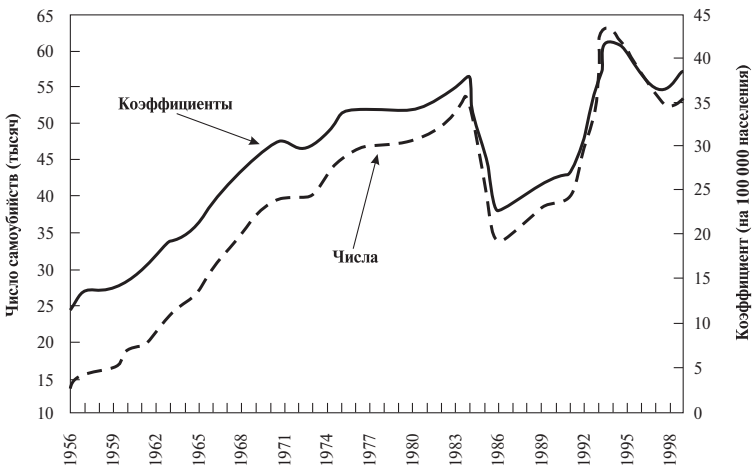
В советской России связь между изменением материального положения и числа самоубийств, как и в имперской России, также была очень слабой. Во время Первой мировой войны, если судить по Петрограду, Москве и Одессе, коэффициент самоубийств снизился в 2,8–3 раза[103]. После войны стал расти и в 1923–1926 гг. в целом по стране превзошел довоенные показатели в 1,5 раза (3,7 против 5,6 на 100 тыс.), что можно было бы связать с послевоенными материальными трудностями. Однако в самые тяжелые в материальном отношении годы, со второй половины 1920-х гг. до начала 1950-х гг., коэффициент самоубийств для страны в целом имел, вероятно, нисходящий тренд, так как в 1956–1960 гг. был примерно в 2 раза ниже, чем в 1923–1926 гг.[104] Как и в дореволюционное время, в деревне уровень самоубийств снижался, а в городе увеличивался — монотонный повышательный тренд городских суицидов нарушали два резких подъема, в 1937 и 1947 гг., и заметный спад во время Второй мировой войны. В течение

Дворцовая площадь 2.08.1914 г.:
В ожидании манифеста о вступлении России в войну. Фото

следующих 28 лет, 1956–1984 гг., несмотря на увеличение благосостояния, коэффициент самоубийств вырос более чем в 15 раз — до 38,8. В первые два года перестройки резко упал — в 1,7 раза, а с 1986 г. снова стал быстро расти (рис. 11.4).

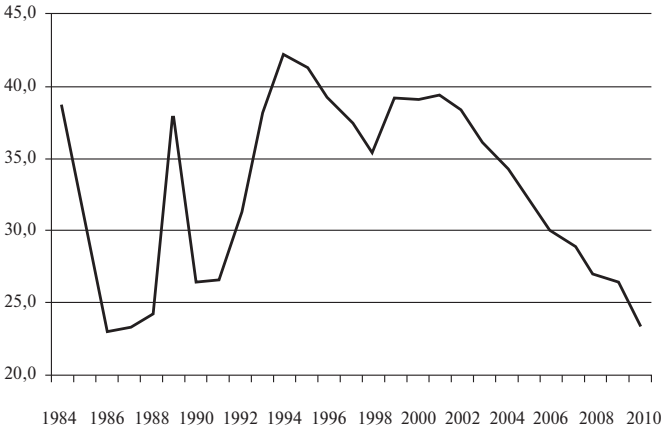
Только со вторым пришествием капитализма в постсоветской России обнаружилась связь между экономической конъюнктурой и числом самоубийств (рис. 11.5). С конца 1980-х гг. коэффициент самоубийств снова стал медленно расти и резко взлетел вверх в 1992–1994 гг., в момент колоссальной инфляции и резкого падения благосостояния. После небольшого снижения в 1996–1998 гг., под влиянием дефолта, произошел новый рост самоубийств, и только с 2001 г. наступило устойчивое снижение их числа, продолжавшееся до 2010 г.

Рис. 11.4. **Самоубийства в России в 1956–1999 гг.**



Источник: Богоявленский Д.Д. Российские самоубийства и российские реформы//население и общество. 2001. № 52. С. 76–86.

Рис. 11.5. **Самоубийства в России в 1980–2010 гг. (число самоубийств на 100 тыс. населения)**



Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Убийства. Рассмотрим теперь динамику числа убийств. В первые 20 лет после крестьянской реформы число убийств на 100 тыс. населения уменьшалось. Но в следующее 25 лет, начиная со второй половины 1880-х гг., наблюдалось сильное увеличение числа убийств — в 2,8 раза к 1906–1908 гг., что в первую очередь было связано с ростом террора, революционного движения и карательных мероприятий (табл. 11.14).

Таблица 11.14

Число убийств, зафиксированных полицией в 1846–1913 гг. (в среднем в год)

	1846–1857 гг.	**1874–1883 гг.**	**1884–1893 гг.**	**1899–1905 гг.**	**1906–1908 гг.**	**1909–1913 гг.**
Убийства, тысяч	4,2	3,8	5,2	19,8	35,0	32,6
Убийства на 100 тыс. населения	7,1	5,9	8,8	15,0	24,6	19,6

Источник: Миронов Б. Н. Социальная история. Т. 2. С. 90.

Только за 1901–1910 гг. от революционного террора пострадало около 17 тыс. человек, среди них около половины государственных служащих[105]. На террор правительство отвечало репрессиями. За участие в восстаниях, погромах и бунтах в 1901–1912 гг. было казнено по приговорам военно-окружных и военно-полевых судов около 4352 человек. Карательные отряды повесили и расстреляли в 1905–1906 гг. около 6 тыс. человек и в 1906–1911 гг. — более 5 тыс. В восстаниях, погромах и бунтах было убито и ранено приблизительно 88 тыс.[106] Напомню, вдохновителем и организатором террора против государства выступала оппозиционная интеллигенция. Общественность преклонялась перед террористами, а они чувствовали себя героями, смотрели на террор как на подвиг или религиозную жертву. По словам лидера эсеров В. М. Чернова, в России политический террор существовал «как система, как партийно-организованный метод борьбы против самодержавия»[107].

Таким образом, тесной связи между числом убийств, с одной стороны, и экономическим положением и хозяйственной конъюнктурой — с другой, в России XIX — начала XX в. мы также не наблюдаем. Не было ее и в советское время. Зато с приходом капитализма в постсоветской России, как и в случае с самоубийствами, связь стала очевидной[108].

11.4 в. Девиантное поведение, благосостояние населения и революции

Во второй половине XIX и начале XX в. сравнительно с первой половиной XIX в. замечен сильный рост общественного движения, нередко приобретавшего протестную, а временами агрессивную и революционную форму. Протестовали все — крестьяне и рабочие, духовенство и дворянство, но в наибольшей степени интеллигенция. Как правило, в историографии это интерпретируется как показатель тяжелого, невыносимого положения, доведенных до отчаяния трудящихся, в поддержку которых выступала интеллигенция. Однако материальное положение крестьян и рабочих постепенно улучшалось. В чем же тогда дело? Рост протеста при повышении благосостояния, на мой взгляд, хорошо объясняют теории девиации, потому что все протестные движения можно отнести к девиантному поведению — протестующие не согласны с официально утверждаемыми целями жизни, со средствами их достижения или в целом с существующими порядками. Теории аномии, социальной дезорганизации и напряжения, на мой взгляд, наилучшим образом объясняют всплеск протестного/отклоняющегося поведения в пореформенное время.

Великие реформы 1860-х гг., коренным образом изменившие условия существования и правила поведения, *во-первых,* породили дезориентацию, так как социальные нормы стали противоречивыми, утратили прежнюю ясность (теория аномии). *Во-вторых*, социальный контроль над человеком со стороны сословных организаций, таких как сельская община, мещанское, купеческое или дворянское общества, уменьшался, и сами эти организации распадались, утрачивали влияние; прежде устойчивые социальные связи становились противоречивыми и разрушались, вследствие чего социальный порядок ослабевал (теория дезорганизации). *В-третьих*, возникло невиданное прежде по масштабам противоречие, или напряжение, между потребностями людей и реальными возможностями их удовлетворения (теория напряжения)[109]. Это напряжение со временем увеличивалось по мере роста индивидуализма, личной свободы, гражданских прав и культуры. Именно дезориентация, или разрегулированность, дезорганизация и увеличение напряженности в обществе способствовали росту протестного/отклоняющегося поведения.

Степень распространения девиации в обществе до некоторой степени отражает преступность, поскольку включает основные формы отклоняющегося поведения. Рассмотрим российскую преступность за последние два столетия под углом зрения девиации[110] (рис. 11.6). И до 1917 г., и в советское время между преступностью и благосостоянием отсутствовала логическая по здравому смыслу связь — когда материальная жизнь улучшалась, преступность не снижалась, как можно было надеяться, а росла, хотя бывали моменты, когда именно в годы падения уровня жизни преступность росла.

Профессиональный и социальный состав правонарушителей позволяет до некоторой степени оценить степень неудовлетворенности жизнью отдельных социальных групп. В конце XIX — начале XX в., с точки зрения криминогенности представителей различных профессий (отношение доли лиц данной профессии

в общем числе осужденных к доле лиц данной профессии во всем населении), на первом месте были рабочие (11,2), на втором — лица свободных профессий и чиновники (2,3), на третьем — торговцы (1,9), на четвертом — промышленники и ремесленники (0,9), на пятом — крестьяне-землепашцы (0,6). На долю 3,2 млн рабочих приходилось около 30% всех осужденных. Рабочие, в подавляющем числе крестьяне по сословной принадлежности, были в 19 раз более криминогенными, чем крестьяне-хлебопашцы, жившие в деревне[111]. Бóльшая преступность свободных профессий, торговцев и предпринимателей, в массе более состоятельных, чем крестьяне, свидетельствует о том, что бедность, хотя и являлась криминогенным фактором, сама по себе не оказывала решающего влияния на увеличение преступности. В этом отношении весьма красноречивы также данные о преступности по сословиям. С точки зрения криминогенности (отношение доли представителей сословной группы в общем числе осужденных к доле лиц этой группы в населении), в 1858–1897 гг. первое место принадлежало купцам (2,0), второе — мещанам и ремесленникам (1,7), третье — дворянам и чиновникам (1,5), четвертое — крестьянам (0,9), пятое — духовенству (0,3–0,4). Крестьянство уступало по криминогенности всем сословиям, кроме духовенства. После эмансипации влияние материального фактора на преступность возросло, но в другом смысле. Не бедность, а стремление разбогатеть любыми способами, не исключая и криминальных, часто служило мотивом преступления. Повышение роли богатства в системе ценностей, возможность посредством его сразу и радикально изменить свою жизнь к лучшему вводило многих небедных людей в искушение решить материальные проблемы преступным путем[112].

Вероятно, само по себе благосостояние не являлось главным фактором, обусловливавшим уровень криминогенности в обществе. Зато очевидно другое: преступность имела тенденцию уменьшаться в периоды усиления социального контроля со стороны общественных и государственных структур и ограничения личных свобод и, наоборот, увеличиваться, когда контроль ослабевал и свободы становилось больше. В России XIX–XX вв., как и всюду в мире, наблюдался устойчивый и, как правило, необратимый рост преступности: достигнув определенного рубежа, она стабилизировалась, но не снижалась. Были два исключения — царствование Николая I и сталинская эпоха, в обоих случаях преступность возвратилась к показателям конца XVIII в. — времени расцвета крепостничества. Значительное увеличение преступности происходило трижды: после Великих реформ 1860-х гг. — в 2,7 раза (1851–1860 гг. в сравнении с 1883–1889 гг.), после революции 1917 г. — в 3 раза (1911–1913 гг. в сравнении с 1921–1924 гг.), после реформ конца 1980-х — начала 1990-х гг. — в 2,6 раза (1981–1985 гг. в сравнении с 2006–2010 гг.). Как видим, изменение преступности происходило скачками — в годы либеральных реформ она повышалась, а в консервативные годы стабилизировалась или медленно росла.

Если преступность (так же как самоубийства и убийства) отражает недовольство, фрустрацию и агрессию[113], то следует признать: в конце XIX — начале XX в. интеллигенция и рабочие являлись самыми неудовлетворенными социальными группами. Их агрессия обусловливалась специфическими условиями их существования и особенностями менталитета[114]. Высокая преступность рабочих объяснялась их маргинальным статусом: оторвавшись от привычных условий жизни и принятых стандартов поведения в деревне, освободившись от контроля семьи и общины, они тяжело адаптировались к фабричной и городской жизни, чувство-

вали себя отчужденными, что и служило источником криминального поведения и негативных психических состояний.

Причина недовольства интеллигенции была иной — она была не удовлетворена не столько своим материальным положением, сколько недостаточным, на ее взгляд, влиянием на проходившие в стране социальные и политические процессы. Как справедливо пишет В. Г. Хорос: «Русский образованный человек во второй половине XIX в. имел больше возможностей участвовать в общественной деятельности и пропагандировать свои идеи, чем раньше. Но все же и *он ощущал себя в положении маргинала* (курсив мой. — *Б. М.*), постоянно сталкивавшегося с непониманием и сопротивлением окружающей среды, прежде всего власти. Это пробуждало в нем ожесточение, доктринерство, не располагало к конкретной практической работе»[115]. В начале XX в. наиболее активная часть интеллигенции, часто называемая общественностью, была уверена, что вполне созрела для активного участия в государственном управлении. Как утверждал либерально мыслящий ученый Ф. И. Вернадский: «Русские граждане, взрослые мыслящие мужи, способные к государственному строительству», хотели легально заниматься политикой[116]. Об этом свидетельствует «Записка», опубликованная в январе 1905 г., после Кровавого воскресения, подписанная 1762 преподавателями российских университетов — практически всем преподавательским корпусом. В ней высказывалось требование привлечь выборных представителей к участию в законодательной власти и контроле над коронной администрацией[117].

В социологии признается, что успешное развитие цивилизации невозможно без свободы, неизбежно сопряженной с отклоняющимся поведением, в том числе и криминального характера. В этом смысле само существование девиантности сви-

Рис. 11.6. **Число преступлений и осужденных в России, 1803–2009 гг. (на 100 тыс. населения)**

Примечание: * 1803–1913 гг. — Европейская Россия; 1961–2010 гг. — Российская Федерация; осужденные в 1922–1959 гг. — СССР, в 1930–1934 гг. — Российская Федерация.

Источники: Гилинский Я. И. Девиантология. С. 218, 223; *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 85; *Иншаков С. М.* Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования. Просмотр 6.01.2011: <http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov (10–04–10).htm>.

детельствует о наличии известного пространства свободы в обществе. По словам Э. Дюркгейма: «Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях прямо подготавливает эти изменения. <...> Сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит. <...> В отличие от ходячих представлений, преступник не кажется нам совершенно непригодным для общества существом, своего рода паразитическим элементом, чуждым и враждебным организмом, введенным в среду общества. Напротив, он играет определенную роль в социальной жизни. И само преступление уже нельзя понимать как зло, которое необходимо подавлять всеми возможными средствами. Если преступность падает заметно ниже среднего уровня, нам не с чем поздравить себя,— ибо мы можем быть уверены в том, что такой кажущийся прогресс связан с определенной социальной дезорганизацией. Так число нападений никогда не бывает столь низким, как во время нужды»[118]. Действительно, самая низкая преступность в России за последние двести лет наблюдалась в последние годы сталинского режима — может быть, в самый мрачный период отечественной истории, и поздравлять россиян с этим было бы неуместным. Чтобы общество развивалось и существовала возможность для самовыражения и самореализации, в нем в равной степени должна существовать возможность как для конструктивного, так и для деструктивного деяния относительно традиции. Не случайно, наверное, увеличение преступности (деструктивного поведения) в пореформенной России сопровождалось экономическим подъемом, развитием изобретательства и творческой активности (конструктивного поведения). В 1861–1900 гг. сравнительно с 1825–1855 гг. преступность (если о ней судить по числу осужденных — наиболее точному показателю) возросла в 2,7 раза, но и число запатентованных изобретений — в 13,2 раза (с 17 до 224 в год)[119].

Таким образом, эскалация протестных движений во второй половине XIX — начале XX в. свидетельствовала не о понижении уровня жизни и не о кризисе социума или государства (в смысле его неспособности эффективно управлять страной), как часто полагают историки. Рост протеста явился результатом прогрессивных социальных изменений в обществе: предоставления экономической и гражданской свободы огромной массе прежде бесправных людей, утверждения идей законности, пробуждения чувства личности и стремления отстоять свое достоинство, невероятного прежде увеличения потребностей и ожиданий. Сказанное хорошо иллюстрирует история мирового суда, введенного в практику в 1866 г. и создавшего реальную возможность получения судебной защиты. С учреждением доступного, дешевого, быстрого на решение мирового суда туда стали обращаться десятки тысяч простых людей с такими обидами, на которые прежде и не помышляли жаловаться в суд, причем не столько из-за трудности найти там защиту или из-за страха перед официальным судом, сколько потому, что часто не считали правонарушениями такие деяния, как несправедливые наказания работодателем, мелкие обиды, оскорбления, побои. Все, кто прежде чувствовали себя бесправными и молча сносили обиду и угнетение, пошли туда искать защиты, утверждать свое достоинство и право на уважение: жены жаловались на жестокое обращение мужей, просили развода или выдачи вида на жительство отдельно от мужей, рабочие выносили в суд трудовые споры, жаловались на несправедливое отношение к ним предпринимателей и требовали их наказания и т. д. В мировых судах по всей стране в 1884–1888 гг. рассматривалось 1036 тыс. дел в год, в 1909–1913 гг.—

1567 тыс. — около 57% всех уголовных дел и 90% всех мелких уголовных дел. Увеличение преступности среди молодежи и женщин также находилось, хотя бы отчасти, в связи с их борьбой за свое достоинство и стремлением освободиться от контроля глав семей и мужчин. С 1834 по 1913 г. доля несовершеннолетних среди правонарушителей возросла с 7 до 21%, женщин — с 11 до 15%[120].

Усиление социальных, политических и экономических протестных движений проходило под решающим влиянием либерально-радикальной интеллигенции — именно она выступала лидером, организатором и непременным их участником, что являлось закономерным следствием ее маргинальности в позднеимперской России. Само определение интеллигенции как специфической социальной группы, идентифицировавшей себя через оппозицию с капитализмом и самодержавием, отрицавшей господствующие в обществе цели и средства их достижения и предлагавшей свои[121], говорит о ее маргинальности. В терминах теории девиации Р. Мертона, типичного русского интеллигента следует назвать девиантом-бунтарем. Интеллигентов, если судить по числу лиц с высшим и средним образованием, насчитывалось в 1897 г. в Европейской России лишь 774,6 тыс. (1,61% самодеятельного населения)[122]. В. Г. Хорос считает активными участниками протестных движений также люмпенов (463,5 тыс. в 1897 г.), появившихся в значительном числе в результате «выпадения из системы ценностей, существующих классовых, сословных или групповых структур, дававших человеку не только фиксированный социальный статус, но и определенную культурную ориентацию»[123]. Вместе это давало довольно значительное число лиц, склонных к протестному поведению.

11.5. Итоги

Быстрые прогрессивные социальные изменения в пореформенной России имели как позитивные, так и негативные последствия. В полном соответствии с теориями девиации, в традиционном российском социуме до Великих реформ 1860-х гг. (где люди привязаны крепостным правом к месту жительства и своим общинам, городская жизнь мало развита, существовал строгий социальный контроль, социальная структура жестко иерархизирована, вертикальная социальная мобильность низка, общинные связи доминировали и общественные цели преобладали над личными) *наблюдалась низкая девиация*. Напротив, в пореформенную эпоху, т. е. в переходный период от традиционного к индустриальному обществу (когда вертикальная и горизонтальная социальная мобильность населения на порядок возросла, урбанизация пришла на смену дезурбанизации — в 1742–1856 гг. доля горожан понизилась с 13% до 9%, а к 1914 г. возросла до 15%[124] — социальный контроль со стороны общественных организаций и государства слабел, общественные связи заменяли связи соседские и общинные, индивидуализм приходил на смену коллективизму, гражданские права и личный успех у многих людей заняли центральное место в их системе ценностей, граждане стали располагать большой свободой и инициативой, рыночная экономика вытесняла командную) *девиация существенно (в 2,7 раза) выросла*. Две аналогичные волны повышения девиации по тем же причинам имели место и в XX в. — в ходе структурных реформ, проведенных большевиками в 1917–1924 гг. (в 3 раза), и в 1985–2010 гг. (в 2,6 раза), в ходе новых структурных реформ, фактически возвративших страну к дореволюционному экономическому и политическому режиму.

Повышение девиации свидетельствовало о росте социальной напряженности в обществе, но порождаемые ею социальные конфликты ошибочно считать признаками кризиса, отсталости и несовершенства российской социально-политической системы — они были неизбежны и в некотором смысле даже полезны для ее нормального функционирования: само ее равновесие достигалось за счет противоборства конфликтующих групп.

Достигнутые в пореформенной России успехи позволяют сделать важные выводы.

(1) Дискурс о кризисе позднеимперской России с его акцентом на негативных результатах политики верховной власти не соответствует исторической реальности.

(2) Самодержавие (монархия) или, говоря шире, авторитарная власть совместимы с прогрессом на определенном этапе развития страны.

(3) Успехи модернизации и прогрессивные изменения не исключают революции.

(4) Русские революции не имели объективных предпосылок *в марксистско-ленинском смысле;* они являлись в первую очередь политическим и культурным переворотом; их причины надо искать не в провале, а в успехах модернизации, в трудностях перехода от традиции к модерну, в политических практиках, в особенностях политического дискурса[125].

Эти выводы подробно обоснованы в моей книге «Социальная история»[126] и нашли полное подтверждение в настоящей монографии. В течение всего периода империи в России происходила модернизация с национальными особенностями, но по европейскому эталону. И хотя процесс не завершился — к 1917 г. российское общество не соответствовало в полной мере ни одному из критериев современного общества, — успехи, достигнутые в условиях самодержавного режима, очевидны и неоспоримы. История европейских стран в новое и новейшее время дает аналогичные примеры успешных преобразований именно при авторитарных режимах. Например, во Франции, Германии и Австро-Венгрии удачные реформы были проведены королевской властью, а периоды демократии, сменявшие периоды господства авторитаризма, нередко оказывались связанными с катастрофической инфляцией и началом деструктивных процессов в экономике (эпоха Великой французской революции; Германия после Первой мировой войны; Австрия, Венгрия и Польша после распада монархии Габсбургов). Похожим образом развивались события в Испании, Португалии, странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии[127].

Российские самодержцы поддерживали, а некоторые и с энтузиазмом проводили культурные, социальные, экономические и военные реформы[128]. Они даже содействовали зарождению гражданского общества, утверждая первые в стране добровольные общественные организации, как Вольное экономическое общество или Русское географическое общество[129]. Но самодержцы почти всегда были против тех реформ, которые вели к ограничению их полномочий, не только из-за любви к власти, но и из-за желания сохранить свободу рук для быстрого и эффективного принятия решений при проведении реформ[130] и ввиду недостатка в российском обществе вплоть до 1917 г. людей, способных к правильной законодательной работе. Как говорил автор нового третьеиюньского 1907 г. положения о выборах в Государственную Думу товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский,

«главная задача времени создать Думу уравновешенную и государственную, а для этого приходилось вылавливать из современного общества чуть ли не по крупинке тех немногих лиц и начала, которые были бы способны к этому делу»[131].

Примечания

1. Увеличение длины тела в 1901–1914 гг. нельзя объяснить так называемым догоняющим развитием, так как биостатус советских людей в 1921–1935 гг. понижался как в городе, так и в деревне. Подробнее см. в Главе 6.1.
2. *Зак Н. В.* Физическое развитие детей в среднеучебных заведениях г. Москвы: Материалы для оценки санитарного состояния учащихся. I. Рост и окружность груди. М., 1892. С. 42, 53, 57, 60, 61, 69, 86, 93–98, 100, 103.
3. *Романов А. М.* Книга воспоминаний. М., 1991. С. 38.
4. Там же. С. 143.
5. *Вайсенберг С. А.* Влияние недоедания и болезней на физическое развитие детей//Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. № 3–4. С. 103–114; *Ивановский А. А.* Об изменении физических признаков населения России под влиянием голодания//Наука на Украине. 1922. № 4. С. 23–25; *Штефко В. Г.* Влияние голодания на подрастающее поколение России. Симферополь, 1923. С. 42, 105–108; Гигиена питания. Т. 1. М., 1971. Т. I. С. 223–224.
6. *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2–е изд. СПб., 1905. С. 546.
7. По мнению С.Г. Струмилина, «налоговая реформа (1718–1724 гг. — Б.М.) была своевременно задумана и оказалась достаточно эффективной не только в интересах казны, но и в интересах большинства налогоплательщиков»: *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1967. С. 310. Его поддержал И.А. Булыгин, показав, что подушная подать оказалась на 27,5% легче, чем совокупность предыдущих поборов в денежном выражении: *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 158–159.
8. *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 114–144.
9. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке: Очерки. М., 1958. С. 23–29, 333–38, 294–299.
10. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971. С. 83–93.
11. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 1. С. 414.
12. *Милюков П.Н.* Крестьяне: История крестьян в России до освобождения (1861 г.) // «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 32. СПб., 1895. С. 691.
13. См. подробнее: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. С. 413–415.
14. *Литвак Б.Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. С. 10.
15. *Корелин А.П., Тютюкин С.В.* Революционная ситуация начала XX в. в России // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 5–6.
16. Национальное богатство — это совокупная стоимость всех экономических активов (нефинансовых и финансовых), находящихся в собственности резидентов данной страны, за вычетом их финансовых обязательств как резидентам, так и нерезидентам; включает природный, или естественный, капитал (стоимость всех минеральных, растительных и животных ресурсов), человеческий и производственный капитал.
17. *Симчера В.М.* Развитие экономики России за 100 лет, 1900–2000: Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006. С. 73.
18. Историографию вопроса см. в Главе 1.
19. Industrialization and Foreign Trade. Geneva: League of Nations, Economic, Financial and Transit Department, 1945. P. 13; *Rather S., Soltow J.H., Sylla R.* The Evolution of the American Economy: The Evolution of the American Economy: Growth, Welfare, and Decision Making. New York: Basic Books, 1979. P. 385.
20. *Петров Ю.А.* Российская экономика в начале XX века // Россия в начале XX века / А.Н. Яковлев (ред.). М., 2002. С. 168–223.
21. *Грегори П.* Экономический рост. С. 61–62.
22. *Белянин Д. Н.* Переселения крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы//Российская история. 2011. № 1. С. 86–95; *Давыдов М. А.* (1) Всероссийский рынок. С. 686–812; (2) Статистика землеустройства в ходе Столыпинской агарной реформы//Российская история. 2011. № 1. С. 56–72; *Кабанов В. В.* А был ли крах Столыпинской аграрной реформы?//Россия сельская: XIX — начало XX века/А. П. Корелин (ред.). М., 2004. С. 309–330; *Корелин А. П.* Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России//Российская история. 2011. № 1. С. 42–51; *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 479–484; *Мэйси Д. А.* Аграрные реформы Столыпина как процесс: Центр, периферия, крестьяне и децентрализация//Россия сельская: XIX — начало XX века/А. П. Корелин (ред.). М., 2004. С. 151–284; *Тюкавкин В. Г.* Великорусское крестьянство

и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001; *Шевелева О. В.* Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и Столыпинская аграрная реформа в годы I мировой войны: (По материалам Тульской губернии). Тула, 2008; *Ascher A.* P.A. Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001; *Macey D.A.J.* (1) Government and Peasant in Russia, 1861–1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms. Dekalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1987; (2) Government Actions and Peasant Reactions during the Stolypin Reforms//New Perspectives in Modern Russian History: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990/Robert B. McKean (ed.). New York: St. Martin's Press, 1992; *Moon D.* Late Imperial Peasants//Late Imperial Russia. Problems and Prospects. Essays in Honor of R. B. McKean/I.D Thatcher (ed.). Manchester: Manchester University Press, 2005. P. 120–145; *Mosse W. E.* An Economic History of Russia 1856–1914. London; New York: I. B. Tauris, 1996. P. 271–284; *Waldron P.* Between Two Revolutions: Stolypin and the Politics of Renewal in Russia. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1998. Однако в историографии по-прежнему имеется немало исследователей, негативно оценивавших Столыпинскую реформу: *Саккоротти Л.* П. А. Столыпин. Жизнь за царя. Катанзаро, 2002. С. 8, 43, 195; *Сенявский А. С.* Проблемы модернизации России в XX в: Диалектика реформизма и революционности//Россия в XX в.: Реформы и революции/Г. Н. Севостьянов (ред.). Т. 1. М., 2002. С. 54–67; *Jones A.* Late Imperial Russia; *McKean R. B.* The Constitutional Monarchy in Russia, 1906–17//Regime and Society in Twentieth-century Russia: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995/I. D. Thatcher (ed.). New York: St. Martin's Press, 1999, pp. 46–47; *Pallot J.* Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Response to Stolypin Project of Rural Transformation. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1999.

23. *Данилов В. П.* Аграрная реформа и аграрные революции в России//Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия/Т. Шанин (сост.). М., 1992. С 317; *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 337.
24. *Тэри Э.* Россия в 1914 г.: Экономический обзор. Paris: Ymca-Press, 1986. С. 90.
25. *Давыдов М. А.* Статистика землеустройства. С. 56–72.
26. *Струмилин С. Г.* Статистика и экономика. М., 1979. С. 444; Статистический ежегодник России 1916 г. М., 1918. С. 85; *Маслов П. П.* Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М., 1955. С. 459.
27. Ежегодник Министерства финансов на 1869 год. СПб., 1869. С. Отдел 3. С. 71; То же. Вып. XVII. СПб., 1888. С. 701; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10. Пг., 1917. С. 224.
28. *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время//Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 277.
29. Подсчитано по следующей методике — определена площадь всей купленной крестьянами земли и средняя цена десятины (около 40 руб.) за 1863–1910 гг. по данным: *Святловский В. В.* Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., 1911. С. 81, 133–134, 137.
30. Ежегодник МФ. Вып. 1911 года. СПб., 1911. С. 256–257.
31. *Святловский В. В.* Мобилизация. С. 133–137; Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1895. С. 35; Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 11–17.
32. Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. С. 90–93.
33. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1912 года. СПб., 1912. С. 400.
34. До 1896 г. выделялись следующие профессиональные группы: работники; ремесленники и лица, занимающиеся торговлей; находящиеся в домашнем услужении; служащие гражданские и военные; нижние чины военные и морские; лица свободных занятий; лица, живущие доходами; с 1896 г. — землевладение; земледелие и сельские промыслы; городские промыслы; работа на фабриках и рудниках; услужение; торговля; духовное звание; военная служба; гражданская служба; частная служба; прочие занятия.
35. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 221.
36. *Камерон Р.* Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001. С. 14–15. 80 долларов ВВП на душу населения в беднейших странах мира, Чад и Мозамбик, а 30 тыс. долларов в богатейшей стране мира — Швейцарии.
37. См. в Интернете: Википедия, Индекс человеческого развития.
38. *Симчера В. М.* Развитие экономики. С. 72.
39. Просмотр 30.09.2011 http://hdr.undp.org/en/statistics/data/calculator/.
40. *Давыдов А. А.* Развитие человека в России: долгосрочный прогноз//Социологические исследования. 2011. № 7. С. 71.
41. Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. Washington DC: U. S. Department of Commerce, 1975. Vol. 1. P. 224; Statistical Abstract of the United States. 1992. 112th ed. Washington DC: U. S. Bureau of the Census, 1992. P. 431.
42. *Easton H. T.* Tate's Modern Cambist: A Manual of Foreign Exchanges and Bullion with the Monetary Systems of the World and Foreign Weights and Measures. 24th ed. London: Effingham Wilson, 1908. P. 100–102.

43. Historical Statistics of the United States. Vol. 1. P. 197, 199, 224; Statistical Abstract of the United States. 1992. P. 469, 481.
44. Моя оценка ВВП на д. н. для России 1913 г. незначительно отличается от расчета Мельянцева и Селищева — 1000–1200 долларов в международных долларах по паритету покупательной способности 1988 г.: *Мельянцев В. А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: уровни, темпы и факторы экономического развития//Восток. 1991. № 6. С. 68; *Селищев А. С.* Макроэкономика. 2-е изд. СПб., 2002. С. 423. Следует отметить, что если ВВП на д. н. очень низок, как в нашем случае, то изменения ВВП в границах 20% мало влияют на величину частного индекса дохода и весь ИЧР. По современному обзорному исследованию мирового ВВП, в России в 1913 году ВВП на душу населения, исчисленный в международных долларах 1990 года, равнялся 1488 дол. на д. н.: <http://www.ggdc.net/MADDISON/oriindex.htm> http://www.ggdc.net/MADDISON/oriindex.htm (просмотр 1.10.2011). При таком ВВП индекс дохода равен 0,449 и ИЧР — 0,330.
45. Просмотр 30.09.2011 http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info.
46. В 1-м издании монографии частный индекс по образованию подсчитан на основе только процента грамотных, а во 2-м издании — опираясь также и на долю обучающихся в начальной, средней и высшей школе среди детей и молодежи в возрасте от 6 до 24 лет. Вследствие этого субиндекс образования немного уменьшился, соответственно понизилась и величина ИЧР.
47. *Grafts N. F. R.* (1) The Human Development Index 1870–1999: Some Revised Estimates//European Review of Economic History. 2002. Vol. 6. P. 395–405; (2) The Human Development Index and Changes in Standards of Living: Some Historical Comparisons//European Review of Economic History. 1997. Vol. 1. P. 299–322.
48. *Леонов С. В.* «Разруха в головах»: К характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901–1917 гг.)//Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 4. Ментальность в эпоху потрясений//А. А. Горский (ред.). М., 2003. С. 95–172; *Пайпс Р.* Русская революция: В 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 60–61; *Galai Sh.* The Liberation Movement in Russia, 1900–1905. Cambridge, Mass., 1970. Советская историография весьма скромно оценивала вклад либеральной интеллигенции в дело революции: *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 319–327.
49. *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 1. С. 60–61.
50. *Copeland W. R.* The Uneasy Alliance: Collaboration between the Finish Opposition and the Russian Underground, 1899–1904. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1973. P. 153. Коупленд утверждает, что освобожденцы знали, кто финансировал проведение конференции, а Милюков это отрицает: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 1. С. 243.
51. *Павлов Д. Б., Петров С. А.* Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904–1905 гг.)//Вопросы истории. 1990. № 6. С. 5–71; *Павлов Д. Б.* Японские деньги и первая русская революция. М., 2011; *Фельштинский Ю. Г.* Как добывались деньги для революции//Вопросы истории. 1998. №. 9. С. 48–49.
52. В 34 городах России прошло более 120 банкетов и собраний; в них, по ориентировочной оценке Шацилло, приняло участие около 50 тыс. чел.: *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм. С. 294.
53. *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 1. С. 32–35; *Потолов С. И.* (1) Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905–1907 гг. «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга»// Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций. 1861–февраль 1917. СПб., 1997. С. 530–541; (2) Георгий Гапон и либералы (новые документы)//Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 96–104.
54. *Гапон Г.* История моей жизни. Л., 1926. С. 93; *Гончаров В.* Январские дни 1905 г. в Петербурге//Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 154; Доклад директора Департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9 января//Красная летопись. 1922. № 1. С. 336; *Невский В.* Январские дни в Петербурге//Красная летопись. 1922. № 1. С. 36.
55. Объясняя свое согласие на подписание Манифеста 17 октября, Николай II прекрасно понимал, что «обязательства проводить всякий закон через Государственную думу — это в сущности и есть конституция» (Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 167–168. В советской историографии роль либеральной общественности в событиях 1904–1905 гг. недооценивалась: *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 1. С. 9, 13–61; *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 70–72.
56. *Островский А. В.* Сентябрьские события 1905 г. в Москве//Политическая история России первой четверти XX века: Памяти проф. Виталия Ивановича Старцева/Б. Д. Гальперина (отв. ред. и отв. сост.). СПб., 2006. С. 136–145.
57. *Островский А. В.* К истории общества вспомоществования студентам Петербургского университета// Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 6/С. Г. Тишкин (ред.). Л., 1989. С. 168–174.
58. *Островский А. В.* С. Ю. Витте, М. А. Ушаков: К истории Манифеста 17 октября 1905 г. //Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева/А. Н. Цамутали (ред.). СПб., 1999. С. 364–374.
59. *Грегори П.* Экономический рост. С. 146, 147, 155.
60. ВВП можно оценить примерно в 24,3 млрд руб., принимая, что он на 20% больше чистого национального дохода: *Грегори П.* Экономический рост. С. 236–237; Статистический ежегодник России: 1914 г. Пг., 1915. Отд. XII. С. 26 (госдолг).

61. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1907. Доп. том 2. С. XXXIV.
62. *Грегори П.* Экономический рост. С. 11–138, 248; *Gatrell P.* The Tsarist Economy: 1850–1917. London: Batsford, 1986. P. 231–234.
63. *Маккей Дж.* Развитие экономики и региональное предпринимательство в последний период Российской империи//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы Международного коллоквиума историков/В. С. Дякин (ред.). СПб., 1992. С. 210–223; *McKay J.* (1) Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization: 1885–1913. Chicago: The University of Chicago Press, 1970; (2) Entrepreneurship and the Emergence of the Russian Petroleum Industry: 1813–1983// Research in Economic History. 1983. Vol. 8. P. 47–91; (3) Baku Oil and Transcaucasian Pipelines, 1883–1891: A Study in Tsarist Economic Policy//Slavic Review. 1984. Vol. 43. P. 605–623.
64. *Grant J. A.* (1) Big Business in Russia: The Putilov Company in Late Imperial Russia, 1868–1917. Pittsburgh, Pa: University of Pittsburgh Press, 1999. P. 5, 136–151. Эти наблюдения подтвердил и анализ военной промышленности: *Grant J. A.* Rulers, Guns and Money: The Global Arms Trade in the Age of Imperialism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007.
65. *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.
66. Советская историография февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов/В. П. Наумов (ред.). М., 1979. С. 252–280.
67. *Толстой И. И.* Дневник: В 2 т./Б. В. Ананьич (сост.). СПб., 2010. Т. 1. 1906–1909. С. 220.
68. *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 1. С. 53–54, 60–61, 82–83, 85, 98–99, 1903. См. также: *Семевский В. И.* (1) Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в.//Устои. 1882. № 1, 2; (2) Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1, 2.
69. *Гакстгаузен А.* Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. 97.
70. *Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press 1961. P. 317, 469–470.
71. *Хок С. Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 33, 47.
72. *Струмилин С. Г.* Очерки. С. 95–96.
73. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года Комиссии: В 3 ч. СПб., 1903.Ч. 1. С. 38, 78–79, 210.
74. Статистический сборник за 1913–1917 гг. В 2 вып. М., 1921. Вып. 1. С. 178, 184–185, 192–193.
75. *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1926. С. 79–80.
76. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. С. 208–209, 232–233.
77. *DeNavas-Walt C., Proctor P. D., Smith J. C.* U. S. Income, Poverty, and Health Insurance Coverage in the United States: 2010//Census Bureau, Current Population Reports, P60–239, U. S. Government Printing Office, Washington, DC, 2011. P. 16.
78. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 237.
79. *Челинцев А. Н.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства//Антология социально-экономической мысли в России: 20–30-е годы XX века. М., 2001. С. 24; *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. С. 236.
80. *Tiryakian E.* The Changing Centers of Modernity//Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt/E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor (eds.). Boulder (CO): Westview, 1985. P. 131–147.
81. Здесь и далее имеется в виду вся оппозиционно настроенная интеллигенция, включая либеральную и радикальную, поскольку по многим вопросам, включая отношение к правительству и самодержавию, между разными течениями было много общего: *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция накануне Первой мировой войны. М., 1994; *Селезнев Ф. А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917). Н.-Новгород, 2006. С. 163–164.
82. *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003. С. 263–497.
83. Некоторые современные историки также видят предпосылки революции в слишком быстрой модернизации экономики, не сопровождавшейся адекватными изменениями в менталитете: *Коротаев В. И.* Революция 1917 г.: авантюра или закономерность?//Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998. С. 16; *Колоницкий Б. И.* «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции//1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов междунар. науч. конф., состоявшейся 4–5 февр. 1997 г. в Москве/П. В. Волобуев (ред.). М., 1997. С. 116; *Зориков А. Н.* Криминальная обстановка как результат и фактор социальной мобильности России в начале XX в.// Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль/П. В. Волобуев (ред.). М., 1997. С. 5–6.
84. Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913/С. Н. Прокопович (ред.). М., 1918. С. 69.
85. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 317–325.

86. Там же. С. 264–270, 289–291. На трудности модернизации и порождаемых ею проблемах неоднократно указывали исследователи: *Гетрелл П.* Экономическое и социальное развитие России в начале XX в.//Реформы или революция? С. 182–187; *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне, 1917–1933. М., 2001; *Саккоротти Л.* П. А. Столыпин. Жизнь за царя. Катанзаро, 2002; *Gaudin C.* Ruling Peasants Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2007; *Gatrell P.* The Tsarist Economy. P. 1–28, 231–234; *Haimson L.* (1) The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on Eve of War and Revolution (revisited)//Slavic Review. 2000. Vol. 59. No. 4. P. 848–875; (2) Russia's revolutionary experience, 1905–1917: Two essays. New York: Columbia University Press, 2005; *Kort M.* The Soviet colossus: History and aftermath. Armonk, N. Y.; L., 2001; *Kotsonis Y.* «No Place to Go»: Taxation and State Transformation in Late Imperial and Early Soviet Russia//The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76. P. 531–577.
87. *Миронов Б. Н.* (1) Мудрая реформа или побочное дитя?: Полтора века без крепостного права// Родина. 2011. № 3. С. 2–9; (2) Отмена крепостного права как пример образцовой российской реформы//Экономическая политика. 2011. № 3, 4.
88. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 481–484.
89. При этом грамотность одного из самых беспокойных социальных элементов — рабочих, была выше среднего по стране уровня, а у мужчин и росла быстрее. В 1897 г. среди всего населения было 43% грамотных мужчин, а среди рабочих — 60%, среди женщин — соответственно 18% и 35%, в 1917–1918 гг., среди мужчин — 58% и 79%, а среди женщин –29% и 44%. За 1897–1917 гг. среди всего населения грамотность увеличилась на 15% у мужчин и на 11% у женщин, а среди рабочих — соответственно — на 19% и 9%: *Миронов Б. Н.* История в цифрах. С. 82; Рабочий класс России от зарождения до начала XX в./Волин М. С., Иванова Н. А., Преображенский А. А. и др./Ю. И. Кирьянов, М. С. Волин (ред.). 2-е изд. М., 1989. С. 49, Рабочий класс России: 1907 — февраль 1917/В. А. Лаверычев и др. (ред.) М., 1982. С. 249.
90. *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу...». С. 243–286. См. также: *Haimson L.* The Problem of Political and Social Stability; *Hogan H.* The Reorganization of Work Processes in the St. Petersburg Metalworking Industry. 1901–1914. Russian Review. 1983. V. 42. P. 163–190.
91. *Boulding K. E.* Conflict and Defense: A General Theory. New York: Harper, 1963.
92. *Ленин В. И.* ПСС. 5-е изд. Т. 4. М., 1967. С. 376–377.
93. Освобождение 1903, № 13. С. 207–209; № 23. С. 409.
94. *Хорос В. Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 97–98.
95. *Романов А. М.* Книга воспоминаний. С. 162–163.
96. *Воронин Г. Л.* Объективные и субъективные показатели общественного благополучия//Социологический журнал. 2009. № 3. С. 41–54.
97. *Лихачев А. В.* Самоубийство в Западной Европе и России: Опыт сравнительно-статистического исследования. СПб., 1882. С. 177–181; *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 416; *Новосельский С. А.* Очерк статистики самоубийств//Гигиена и санитария. 1910. № 9. Т. 1. С. 623.
98. *Михайловский В. Г.* Урожаи в России 1801–1914 гг. //Бюллетень ЦСУ. 1921. № 50. С. 4.
99. *Гордон Г. И.* Современные самоубийства//Русская мысль. 1912. № 5. С. 83–87; *Новосельский С. А.* Очерк статистики самоубийств. С. 626; *Огронович В. Н.* К вопросу о самоубийстве// Вестник психологии. 1912. Т. IX. С. 70; *Островский И. П.* К вопросу о самоубийстве в Одессе за пятилетие 1903–1908 гг. по данным станции скорой медицинской помощи. Одесса, 1908. С. 56–57; *Тарновский Е. Н.* Сведения о самоубийствах в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие//Проблемы преступности. М.; Л., 1926. С. 209–211.
100. *Тереховко Ф. К.* К вопросу о самоубийстве. С. 90–91; *Пономарев Н. В.* Самоубийство. С. 82–83, 92.
101. *Бехтерев В. М.* О причинах самоубийства и о возможной борьбе с ним//Вестник знания. 1912. № 2. С. 136.
102. Там же. С. 139; *Жбанков Д. Н.* О самоубийствах в последние годы//Русское богатство. 1909. № 4. С. 29.
103. *Тарновский Е. Н.* Сведения о самоубийствах. С. 192–193.
104. В 1923–1926 гг. — 5,6 на 100 тыс.
105. *Geifman A.* Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia: 1894–1917. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. P. 21.
106. Энциклопедический словарь Русского библиографического ин-та Гранат. М., 1922. Т. 36. Ч. 5. 655–659.
107. *Чернов В. М.* Рождение революционной России (Февральская революция). Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934. С. 39. В антиправительственных кругах сложилась четкая террористическая идеология и родился своеобразный «Миф о Герое», давший сторонникам политического насилия моральную санкцию на убийство: *Могильнер М. Б.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 10. Либеральная пресса отмечала, что терроризм вызван к жизни общественно-политической ситуацией, и признавала боевиков «героями»: *Портнягина Н. А.* Политический терроризм в восприятии русской либеральной журналистики в начале XX века//Вестник славянских культур. № 5–6. М.,

2002. С. 71. Число жертв революционного насилия даже превосходило число казненных революционеров: с 1905 г. по май 1909 г. террористы убили 2691 человека, а казнено было 2390 революционеров: *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 222.

108. *Гилинский Я. И.* Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002. С. 56, 66.
109. Там же. С. 99–154.
110. Там же. С. 222; *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 85; Иншаков С. М. Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования. <http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov (10–04–10).htm> (просмотр 6.01.2011).http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov (10–04–10).htm
111. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 95.
112. Там же.
113. *Гилинский Я. И.* Криминология. С. 67–68; *Смидович С. Г.* Самоубийства в зеркале статистики//Социологические исследования. 1990. № 4.1990. С. 74–79.
114. *Huret R.* All in the Family Again? Political Historians and the Challenge of Social History//Journal of Policy History. 2009. Vol. 21. No. 3. P. 239–263.
115. *Хорос В. Г.* Русская история. С. 108.
116. *Трубецкая О. Н.* Князь С. Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 73.
117. *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 76–77. Подробнее о стремлении интеллигенции заниматься общественными делами и политикой см. § 5 и § 7 в Главе 10.
118. *Дюркгейм Э.* Норма и патология//Социология преступности: (Современные буржуазные теории)/Б. С. Никифоров (ред.). М., 1966. С. 44–45.
119. *Ревинский Д. О.* Патентование изобретений в России (1812–1870 гг.)//Экономическая история. Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 347.
120. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 94.
121. *Хорос В. Г.* Русская история. С. 96–98.
122. *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 646, 655.
123. *Хорос В. Г.* Русская история. С. 116.
124. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 315.
125. Отказ от социально-экономических объяснений происхождения революции в пользу политических, идеологических и культурных — такова основная методологическая тенденция в изучении русской революции: *Большакова О. В.* Русская революция глазами трех поколений американских историков (Обзор)//1917 год: Россия революционная. 2-е изд. М., 2009. С. 23–31; *Дэвид-Фокс М.* Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России// Американская русистика: Вехи историографии последних лет: Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 5–47; *Миронов Б. Н.* Пришел ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика»//Отечественная история. 2003. № 3. С. 135–146; *Шевырин В. М.* Революция 1917 года: переосмысление в зарубежной историографии (Обзор)//1917 год: Россия революционная. С. 33–64; *David-Fox M., Holquist P., Martin A. M.* From the Editors: Post-Post Historiography, or the Trends of the «Naughts»//Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5. No. 4. P. 645–650. Историки старшего поколения, всегда отдававшие приоритет политическому объяснению, до некоторой степени взяли реванш у социальных историков. Но и они не стали возражать против соединения политической, социальной и культурной истории: *Malia M. E.* History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World/Ed. and with foreword T. Emmons. New Haven: Yale University Press, 2006. Социальные историки легко признали ценность культурно-исторического подхода: *Suny R. G.* Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and its Critics//Russian Review. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 165–182; (2) Toward a Social History of the October Revolution//The Structure of Soviet History: Essays and Documents/R. G. Suny (ed.). New York: Oxford University Press, 2003. P. 6–21.
126. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 291–304.
127. *Травин Д., Маргария О.* Европейская модернизация: В 2 кн. СПб., 2004. Кн. 1. С. 91.
128. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 211–230.
129. *Брэдли Дж.* Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в позднеимперской России//Российская история. 2011. № 2. С. 3–26; *Bradley J.* Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. P. 254–265.
130. Так считал Николай II, притормозивший распространение земского самоуправления на Западный край: *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 153.
131. *Крыжановский С. Е.* Заметки русского консерватора//Вопросы истории. 1997. № 3. С. 128.

12

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ПРИЧИНАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

«Если бы мы и правительство умели и хотели сговариваться, не болтались бы мы теперь по чужим домам».

А. В. Тыркова-Вильямс. Политический роман в письмах. Иерусалим, 2004. С. 313.

Изучение русской, как и любой другой, революции происходит на трех уровнях. Макроуровень — анализ условий или предпосылок революции — их иногда называют также глубинными причинами. Мезоуровень — анализ факторов и причин, непосредственно порождающих революцию. Наконец, микроуровень (его иногда называют событийным) — конкретно-исторический анализ всей массы фактов и обстоятельств, касающихся революции. Предмет исследования на третьем уровне велик, и невозможно даже перечислить все, что в него входит, так как он включает революционный процесс во всем многообразии явлений и событий: взаимодействие и борьбу партий, общественных организаций, социальных групп, а также партийную жизнь, деятельность средств массовой информации, в частности агитацию и пропаганду (сегодня это называется политическим пиаром), настроения, страхи, слухи и многое другое[1]. В микроанализе все важно — и какая стояла погода 25 февраля 1917 г., и имелся ли на шинели великого князя Кирилла Владимировича, приведшего к Таврическому дворцу Гвардейский экипаж 2 марта 1917 г., красный бант, и как загримировался В. И. Ленин, когда он направлялся из конспиративной квартиры в Смольный, и т. п. Событийный анализ ведется обычно в жанре нарратива — рассказать, как все было, или в жанре повседневности[2].

Три уровня анализа революции примерно соответствуют изучению долговременных, среднесрочных и краткосрочных факторов революции[3]. Каждый важен и интересен по-своему. Полная картина получается, когда анализ идет на всех уровнях. Как удачно выразился Б. В. Никитин (служивший при Временном правительстве в марте-июле 1917 г. начальником контрразведки Петроградского военного округа, а затем начальником разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба): «Только в спокойном состоянии, только далекий историк увидит и приведет в систему причины происшедшего (революции 1917 г. — *Б. М.*). Их не найти в одном только прошлом, сознательно закрывая глаза на 1917 год, так же как нельзя в злой воле и ошибках отдельных групп и лиц этого года искать полного объяснения истории России»[4].

Однако революция — столь сложное и многогранное явление, источники о ней — столь обильны и разнообразны, а литература, можно сказать, необозрима, что одному исследователю не удается проанализировать революционное движение на всех трех уровнях и создать полную и всеобъемлющую картину произошедшего[5]. Причем, чем ближе к «почве», тем сведений и акторов больше, а шансов охватить все происходящее — меньше. Свой анализ я вынужден ограничить преимущественно первым и отчасти вторым уровнем. При этом и здесь мой предмет ограничен — меня, прежде всего, интересует воздействие модернизации на девиантность, социальную напряженность и развитие революционного процесса, а также влияние благосостояния, социальной и имущественной дифференциации, социальной и культурной фрагментации общества, демографических и социально-экономических процессов, политических и экономических реформ, развития гражданского общества и дискурса по перечисленным вопросам на возникновение революционной ситуации и ее трансформацию в революцию[6].

Предпосылки создают возможность для свершения революции, готовят революционную ситуацию, а непосредственные причины превращают возможность в реальность. Одни исследователи дифференцируют предпосылки и причины и анализируют их в единой теоретической парадигме; другие — различают и изучают в различных парадигмах, третьи — акцентируют внимание на объяснении непосредственных причин, не интересуясь предпосылками. Анализ на макро- и мезоуровне обычно опирается на политологические и социологические концепции и является междисциплинарным, потому что обстоятельства, факторы и причины, обусловливающие революционный процесс, имеют политический, социальный, экономический, психологический, демографический, экологический, военный характер.

В современной академической литературе о социально-политических революциях при объяснении их предпосылок и причин используются марксистский, мальтузианский, модернизационный и институциональный подходы, а также психосоциальная, структурная, политическая и экономическая концепции, в зависимости от того, какой фактор считается относительно более важным. Предлагаются и другие объяснения революции 1917 г: циклическое (А. С. Ахиезер, А. Л. Янов, В. В. Ильин, А. С. Панарин)[7], психологические в разных вариантах — психиатрическое, психоаналитическое и социально-фрейдистское (П. А. Сорокин, В. П. Булдаков)[8], пассионарное (в духе теории этногенеза Л. В. Гумилева) и синергетическое — Хаос против Космоса, гомоэнергетическое истощение этнического ядра империи (В. Д. Соловей)[9]. Популярны также, условно говоря, культурологические объяснения — извращение российского мессианизма и коллизии византийского, монгольского и европейского начал русской истории (В. К. Кантор)[10], «манихейский тип русской цивилизации» и эволюция ментальности (И. Г. Яковенко, А. А. Пелипенко)[11], социокультурный раскол общества, порождающий маятниковые колебания между полярностями (А. С. Ахиезер)[12], саморазрушение имперской системы по причине разложения идеи «симфонии» священства и царства (В. П. Булдаков), оскудение и превращение в формальность православной веры (В. М. Лавров), разрушение православного мировоззрения и мировосприятия, забвение национальных корней, отказ от всемирной миссии православной Российской империи нести веру urbi et orbi (А. Н. Боханов)[13]. Некоторые авторы используют в своем анализе сразу нескольких концепций.

Получил распространение и лингвистический подход в изучении революции. Как это ни парадоксально, последовательное использование лингвистической парадигмы уводит исследование в сторону от решения кардинальных проблем революции. Если исторические факты рассматривать только с точки зрения их репрезентации субъектами истории и историками, если усилия историков концентрировать или сводить к анализу лингвистических «протоколов», в которых эти факты отразились, игнорируя проблему самих фактов, то это заводит исследование в тупик. Да, мир прошлого дан историку в языке и благодаря языку, наши представления о прошлом (его «репрезентации») зависят от нашего языка, от того, в каких терминах и в каких ментальных парадигмах и смысловых полях мы описываем прошлое, как мы его обсуждаем и представляем (т. е. от дискурсивных механизмов). Однако это не снимает вопроса об объективности исторических фактов. Если игнорировать объективную сущность того, что мы репрезентируем с помощью дискурса, то историческая наука превращается в схоластику. Но и в схоластике дискурс по вопросу: сколько чертей уместится на кончике иголки? — имеет смысл только в том случае, если те, кто в нем участвует, уверены в существовании Бога и чертей. К счастью, исследователи языка революции не являются ортодоксами лингвистической парадигмы, и поэтому рассматривают тексты не только как репрезентацию репрезентаций современников, как плоды их дискурсивных практик, но и как отражение исторической реальности — настроений, общественных отношений, политических намерений участников революционных процессов и т. п.[14]

Классификация подходов и концепций всегда субъективна, так как зависит от критерия, положенного в ее основу, а критерий — от методологических пристрастий автора. Но при всей своей условности она помогает систематизировать точки зрения и тем самым облегчает анализ историографии. В советское время классификация основывалась на классовом подходе — марксистская, буржуазная, мелкобуржуазная или большевистская, эсеровская, меньшевистская, кадетская[15]. В современной социологии революции, по мнению В. Б. Шепелевой, принято выделять (в зависимости от того или иного видения причин, целей, обязательных параметров революции) четыре направления: абстрактно-натуралистическое, политико-правовое, социально-структурное и социально-психологическое[16]. Известный современный польский социолог П. Штомка сводит теории революции в четыре группы: бихевиористские, психосоциальные, структурные, политические[17]. Историки предлагают свои классификации. Американский историк Дж. Биллингтон насчитал шесть точек зрения на Российскую революцию[18]. Другой американец М. Малия сводит различные интерпретации русской революции в три модели — либеральную (основные представители П. Н. Милюков, Х. Ситон-Уатсон, Л. Шапиро и М. Флоринский), консервативную, или циклическую (основные представители К. Бринтон и Н. Тимашев) и марксистскую[19]. Английский историк П. Дьюкс выявил девять аналитических подходов[20].

Прежде чем перейти к анализу концепций революции, сделаю две оговорки. Во-первых, я воздержусь от рассмотрения концепций, не поддающихся эмпирической проверке, по крайней мере на настоящем уровне знаний. Например, я затрудняюсь оценить гомоэнергетическое истощение этнического ядра империи или степень «симфонизма» священства и царства. Не знаю, как можно доказать или опровергнуть, что произошло извращение российского мессианизма или что коллизия византийских, монгольских и европейских основ русской истории

достигла критического уровня. Сторонники синергетического подхода пока не предложили четких критериев для нахождения точек и зоны бифуркации или аттрактора. Все эти концепции в большей или меньшей степени рассмотрены в других работах; к ним я и отсылаю читателя[21].

Во-вторых, в историографии существует два взгляда на революционные события 1917 года. Согласно первому, в России произошли две революции — в феврале и в октябре. По второй версии февральские и октябрьские перевороты являлись двумя последовательными стадиями или этапами одной революции. Версия единой революции высказана давно. Ее разделяли многие представители кадетов и социалистических партий. Например, редактор кадетской газеты «Речь» И. В. Гессен утверждал: Февраль — чреват Октябрем, «ради которого стихия Февраля разразилась настоящим праздником»[22]. Ее придерживались большинство большевистских теоретиков до 1924 г., ибо концепция перманентной революции, разработанная Л. Д. Троцким[23], и концепция перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (два звена одной цепи), предложенная В. И. Лениным, при известных отличиях между ними, оценивали февральские и октябрьские события 1917 г. как единый процесс[24]. Концепция двух революций восходит к дискуссии 1924 г. по поводу «Уроков Октября» Л. Д. Троцкого, но окончательно сформировалась в первой половине 1930-х гг. и стала официальной при советской власти[25]. Именование октябрьского переворота Великой Октябрьской социалистической революцией имело пропагандистский эффект и политический смысл — подчеркнуть величие ее творцов, уникальность и всемирно-историческое значение самого события. В настоящее время все больше российских и зарубежных исследователей склоняются к мысли, что февральские и октябрьские события 1917 г. являются двумя этапами одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г., моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение — к 1920 г., окончанию Гражданской войны[26]. И это представляется вполне резонным. Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно и правительство являлось *временным*, и парламент — *предпарламентом*. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным — большевикам удалось его разогнать[27]. Возвращение к концепции единой революции вполне оправдано и в сравнительно-исторической перспективе. Революционные события в Нидерландах в 1566–1579 гг., продолжавшиеся 13 лет, разделяются на четыре этапа, а не на четыре революции. Английская революция XVII в. (известная также как Английская гражданская война), длившаяся 18 лет, 1642–1660 гг., также делится историками на этапы или войны, а не на революции. Наконец, в истории Великой французской революции, 1789–1799 гг., историки выделяют четыре этапа, а не четыре революции, хотя взятие Бастилии, установление якобинской диктатуры, термидорианский переворот и переворот 18 брюмера могли бы претендовать на статус отдельной революции.

12.1. Марксистско-ленинская концепция революции

Огромное большинство работ, опубликованных в советский период, написано в марксистско-ленинской парадигме. Поскольку тогда она являлась норма-

тивной, то вольнодумство было возможно в весьма ограниченных пределах. Парадигма остается влиятельной и в постсоветской историографии, несмотря на утрату монополии[28]. В некоторых работах она сохранилась в девственной чистоте, в других — в несколько осовремененном виде, в том числе в учебной литературе. Ушли из употребления многие одиозные классовые оценки событий, ослабли или сошли на нет славословия в адрес одних действующих лиц и поношения в адрес других, но основная аналитическая схема во многих работах мало изменилась — Российская империя накануне Первой мировой войны находилась в системном глобальном кризисе, который привел к революции. Главные источники кризиса — запаздывающие и половинчатые реформы, не поспевающие за жизнью, и отсталая архаическая политическая система, т. е. противоречия между социально-экономической и политической структурами социума[29]. Ленинизм умер. Да здравствует ленинизм! В силу этого анализ марксистско-ленинской, или большевистской, концепции революции остается актуальным, и пока парадигма не будет окончательно преодолена, прогресс в историографии революции будет ограничиваться заполнением «белых пятен» или нюансировкой известного. В данном параграфе я ограничусь анализом марксистско-ленинской, или большевистской, концепции революции; марксистско-меньшевистская, эсеровская и другие марксистские или неомарксистские интерпретации остаются за пределами моего обзора

До сих пор широко распространено мнение, что если империя погибла, значит, она находилась в состоянии глобального системного кризиса в предшествующий период, а революция являлась необходимой, закономерной и благодетельной. Логично, но не всегда правильно. Разрушиться и погибнуть государство может и без кризиса, например в результате войны, если соперник намного сильнее. Кризис далеко не всегда является признаком несостоятельности какого-либо режима в политическом, социальном и экономическом смыслах. Он может быть временным и преходящим, как кризис подросткового возраста у человека, и свидетельствовать о прогрессивном развитии, а не об упадке.

Согласно марксистско-ленинской концепции, главная и единственная предпосылка, или глубинная причина, российских революций начала XX в. состояла в конфликте между растущими производительными силами и сложившейся системой социальных отношений и учреждений. Обострение на этой объективной почве экономических, политических и иных противоречий, особенно же классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми, и привело к революции. В «Советской исторической энциклопедии» происхождение первой русской революции объясняется следующим образом: «Неизбежность революции 1905–1907 гг. была обусловлена всем ходом социально-экономического и политического развития пореформенной России. К началу XX в. созрел острейший конфликт между капиталистическими производственными отношениями, которые господствовали в промышленности и все глубже внедрялись в сельское хозяйство, и многочисленными пережитками крепостничества, концентрированным выражением которых были помещичье землевладение и царское самодержавие. Империализм резко обострил все классовые и национальные противоречия в стране, усилил разительное несоответствие между “самым отсталым землевладением”, “дикой деревней” и новейшими формами промышленно-финансового капитализма. <...> Узость внутреннего рынка, огромное относительное аграрное

перенаселение, отвлечение значительной части национального дохода на паразитические "нужды" дворянства и содержание военно-полицейско-чиновничьего аппарата тормозили технический прогресс, вели к усилению экономической зависимости России от иностранного капитала, увековечивали варварские формы капитализма, действовавшего в значительной степени еще методами первоначального накопления. Союз реакционных помещиков с верхушкой буржуазии делал капиталистическое развитие России особенно мучительным, разорительным для трудящихся масс»[30]. Аналогичным образом объясняется и Февральская революция: «Противоречие между потребностями общественно-экономического развития России и невероятно устаревшей социально-политической системой в годы войны достигло крайней остроты»[31].

Современные исследователи марксистской ориентации эти положения творчески повторяют: «Революции в России в начале XX в. были обусловлены комплексом причин объективного и субъективного характера. <...> В стране обострялись противоречия между полуфеодальными структурами (самодержавие, сословный строй, помещичье землевладение и др.) и новейшими формами организации промышленности и финансового капитала. Традиционная духовная отчужденность социальных низов и элитарных слоев общества достигла пиковых значений. В этих условиях революционная ликвидация застарелых пережитков феодализма составляла объективно главную задачу всех прогрессивных сил общества»[32].

Таким образом, позднеимперская Россия находилась в состоянии глобального системного кризиса, вызванного тем, что быстрое экономическое развитие по капиталистическому пути требовало адекватных социальных и политических реформ, а они не проводились. В результате этого возникло пресловутое несоответствие производительных сил и производственных отношений. Политическая и социальная структура общества устарели и, самое важное, не поддавались трансформации без революции. Старая элита была недееспособна; население нищало, а огромное неравенство усугубляло проблему бедности; царизм не желал никаких реформ, а те, которые под давлением революционного движения проводились, стремился ликвидировать или, по крайней мере, затормозить их реализацию. Первая мировая война послужила только последним толчком, чтобы уничтожить прогнивший снизу доверху режим[33].

Однако анализ, проведенный в данной монографии, а также и в моей книге «Социальная история России периода империи», обнаруживает несостоятельность марксистского объяснения происхождения революции. В действительности социальная и политическая система общества достаточно успешно модернизировались, главным образом под влиянием структурных реформ сверху. Остановлюсь только на четырех принципиальных тезисах марксистской парадигмы, пятый — огромное неравенство, усугублявшее проблему бедности, будет рассмотрен в специальном параграфе.

12.1 а. Практика против теории

Центральный тезис марксистской парадигмы о несоответствии производительных сил и производственных отношений абсолютно не состоятелен. Экономика России по темпам роста в 1880–1913 гг. занимала одно из первых мест в мире, из великих держав уступая только США. Промышленность на основе частной собственности

развивалась особенно быстро и имела огромные резервы, о чем говорит тот факт, что по производительности труда она уступала передовым капиталистическим странам в 3–4 раза. В сельском хозяйстве «феодальное» помещичье хозяйство имело более высокие урожаи и меньшие издержки производства сравнительно с «передовыми» крестьянскими хозяйствами. Упразднение помещичьего земледелия — «главного препятствия прогресса» — грозило упадком земледельческого производства. Известный русский агроном и администратор А. С. Ермолов попытался оценить вероятные экономические результаты безвозмездной передачи всей помещичьей земли в руки крестьян в 1906 г. В этом случае, по его расчету, не только страна в целом, но и, как это ни парадоксально, крестьяне проиграют, так как получат дохода с дарованной земли меньше, чем зарабатывали за ее обработку, когда она принадлежала помещикам, в качестве сельскохозяйственных рабочих. Причины — низкая производительность, высокие издержки и низкая доходность крестьянской земли сравнительно с помещичьей[34]. История советского сельского хозяйства полностью подтвердила этот прогноз. Урожайность зерновых 1913 г., равная 8,7 центнера с гектара, была превышена только через 45 лет, в 1956–1960 гг.; производство хлеба, мяса и других продуктов питания на душу населения — в 1950–1960-е гг.[35] До 1914 г. Россия в огромном количестве экспортировала сельскохозяйственную продукцию, в то время как в 1920-е гг. вывоз почти сошел на нет, а с 1970-х гг. начался импорт, достигший к концу советской эпохи огромных размеров: в 1985–1986 гг. импорт зерновых в 3,6 раза превысил экспорт 1909–1913 гг.

Социальная и политическая структура общества устарели и не поддавались трансформации без революции. Социальная структура общества в пореформенное время претерпела коренную, но мирную трансформацию. Благодаря реформам 1860-х гг. сословия стали постепенно утрачивать свои специфические привилегии, сближаться друг с другом в правовом положении и постепенно трансформироваться в классы[36] и профессиональные группы. Дворяне-помещики сливались в одну социально-профессиональную группу с частными землевладельцами, дворяне-чиновники — с чиновниками-недворянами, прочие категории личного и потомственного дворянства — с профессиональной интеллигенцией; происходило также «обуржуазивание» дворянства и «оземеливание» буржуазии. Духовенство эволюционировало от сословия в сторону профессиональной группы духовных пастырей. Городское сословие превращалось в предпринимателей, интеллигенцию и рабочих, крестьянство — в фермеров и рабочих. Решающее значение в превращении сословий в классы и профессиональные группы имели, с одной стороны, юридическая и фактическая ликвидация привилегий дворянства, с другой — ликвидация правовой неполноценности податных сословий. С отменой крепостного права в 1861 г. все категории крестьян и городских обывателей сравнялись по своим правам, а дворянство утратило свою главную привилегию — монопольное право на владение крепостными. После введения земских учреждений в 1864 г. все сословия получили право формировать органы местного самоуправления на уездном и губернском уровнях. Городская реформа 1870 г. превратила городское сословное самоуправление во всесословное самоуправление. В результате судебной реформы в 1864 г. сословные суды упразднялись, и все граждане попадали под юрисдикцию единых для всех общесословных судов. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. ликвидировало принципиальное

различие между привилегированными и податными сословиями: представители всех сословий, включая дворянство, стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности. Другие важные реформы, происшедшие в последней трети XIX — начале XX в. (отмена подушной подати и круговой поруки среди сельских и городских обывателей, включение дворянства в число налогоплательщиков, отмена паспортного режима, отмена выкупных платежей за землю, получение права на выход из общины в 1907 г., наконец, введение представительного учреждения и обретение гражданских прав всем населением в 1905 г.), привели к тому, что к 1917 г. все сословия *юридически* утратили свои специфические сословные права. Вертикальная социальная мобильность существенно возросла, поддерживая преобразование социальной структуры из сословной в классово-профессиональную.

Политическая система России в пореформенное время успешно трансформировалась. В 1860–1870-е гг. возникли всесословные органы местного самоуправления. После принятия новых Основных законов в 1906 г., которые фактически являлись конституцией, и создания парламента страна превратилась в *дуалистическую правовую монархию* и в течение последнего десятилетия существования империи государственность являлась *де-юре правовой*, поскольку официально произошел переход к конституционному понятию закона, население получило конституцию, парламент и гражданские права. В России в главных чертах сформировалось правовое государство с его атрибутами — верховенством закона, административной юстицией и разделением властей — и инструментальной основой в виде бюрократии, действующей по законам административного права, согласно формальным и рациональным правилам, что в политической социологии считается признаком легального господства.

Обнищание народа после Великих реформ — фальшивый миф. На самом деле, как показано в монографии, уровень жизни широких народных масс, несмотря на циклические колебания, имел позитивную тенденцию — медленно, но верно увеличиваться, благодаря общей благоприятной экономической ситуации в стране, взвешенной и достаточно благоразумной социально-экономической политике правительства[37].

Классовая борьба не являлась доминирующей формой социальных конфликтов применительно к России начала XX в. Правильнее говорить о конфликте групповых, а не классовых интересов, о чем свидетельствуют отнюдь не классовые разногласия между партиями (например, левые кадеты и правые социалисты по ряду вопросов были ближе друг к другу, чем большевики и меньшевики) и социальный состав основных партий. «Застрельщиком» революции являлся не пролетариат, а интеллигенция. «Гегемония пролетариата», т. е. руководство трудящимися, осуществляемая рабочим классом, — марксистский теоретический конструкт, не подтвержденный практикой борьбы. Белые воротнички находились в авангарде протестных движений и руководили всеми партиями. Во время выборов в Государственную думу избиратели дифференцировались между политическими партиями не по классовому признаку[38]. Выбор своей партии также не определялся в решающей степени социальной принадлежностью[39]. «Господская» партия Союз 17 октября в 1905–1907 гг. на 24% состояла из крестьян и мещан по социальному происхождению, на 14% из чиновников ниже X класса и на 4% из священнослужителей по роду занятий[40]. В «крестьянской» партии эсеров крестьяне находи-

лись в меньшинстве, рабочие преобладали, на долю интеллигенции приходилось более 10%; в 1917 г. среди 39 членов руководства имелось всего 2 рабочих и 1 крестьянин. Социальную базу правых монархических партий составляли крестьяне и деклассированные элементы города, но руководили ею дворяне и интеллигенты. Кадетская партия — «политический штаб российской буржуазии» — состоял почти исключительно из «белых воротничков», в ее руководстве преобладали профессура и юристы. «Пролетарская» партия большевиков рекрутировалась на две трети из рабочих, но включала много представителей работников умственного труда — в 1905–1907 гг. около трети, в 1917 г. — до 10%[41]. Руководили партией интеллигенты, и почти вся пропагандистская работа осуществлялась ими. Среди активных участников вооруженного восстания в Петрограде значительный процент составляли белые воротнички. Главным финансовым источником партии являлись не членские взносы рабочих, а экспроприации, субсидии от буржуазии, отчасти иностранные деньги. Рабочие распределялись между разными просоциалистическими партиями примерно равномерно[42].

12.1 б. Кризис низов

Непосредственные причины революций, согласно ленинской концепции, сводились к кризису «верхов» — их неспособности управлять страной, обострению выше обычного нужды и бедствий широких народных масс, «низов», на почве чего происходило значительное повышение их активности и обострение классовой борьбы[43]. Как показывают современные исследования, и недовольство «снизу» и несостоятельность «верхов» до февраля 1917 г. сильно преувеличены. Во время любой войны происходит снижение уровня жизни. Однако во время Первой мировой войны, вплоть до февральских революционных событий 1917 г., понижение благосостояния можно считать умеренным. Не столь существенно, как принято думать, уменьшилась реальная зарплата рабочих. В 1914–1916 гг., по расчетам выдающегося русского экономиста и общественного деятеля С. Н. Прокоповича[44], она выросла на 9% и только с 1917 г. стала снижаться. С точки же зрения С. Г. Струмилина, реальная зарплата стала снижаться с 1914 г., но и в этом случае в 1916 г. она была лишь на 9% ниже, чем в 1913 г., зато за один революционный 1917 год упала на 10%[45]. Катастрофическое падение зарплаты произошло после прихода к власти большевиков, в 1918 г. (табл. 12.1).

Таблица 12.1

Изменение реальной зарплаты российских рабочих в 1913–1918 гг.

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Струмилин	100	99	94	91	82	39
Прокопович	100	100	106	109	99	41

Источники: Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР: В 2 т. Нью Йорк, 1952. Т. 2. С. 77–78; *Струмилин С. Г.* Избранные произведения: В 5 т. М., 1963. Т. 1. С. 190–196; Т. 3. С. 378, 382, 386.

Причина расхождений в оценках Прокоповича и Струмилина состоит в следующем: первый более полно учитывал, кроме зарплаты, пайки, расходы предпринимателей на жилище, страхование и медицинскую помощь, составлявшие довольно значительную величину — 8,3% денежной платы[46].

В Петрограде до 1918 г. также не наблюдалось серьезного падения реальной зарплаты рабочих. Например, на Обуховском заводе зарплата колебалась от 160 до 400 руб., составляя в среднем 300 руб. в месяц (в зависимости от разряда), что было выше прожиточного минимума. «В феврале 1917 г. по распоряжению Морского ведомства среди рабочих проведено анкетирование о минимальном бюджете семьи. Анализ этих анкет определил среднюю стоимость содержания семейства из трех человек в 169 руб. (в месяц), из которых 29 руб. шли на жилье, 42 руб. — на одежду и обувь, остальные 98 руб. — на питание». Месячные зарплаты с начала войны по февраль 1917 г. росли на Обуховском заводе быстрее цен и с избытком компенсировали инфляцию[47]. Статистический анализ не обнаружил зависимости между числом стачек и помесячными колебаниями зарплаты ни в Петрограде, ни в Москве в июле 1914 — феврале 1917 г., зафиксировав лишь слабую связь с колебаниями розничных цен на черный хлеб[48].

Однако рабочие составляли незначительную долю всех жителей страны. Уровень жизни большинства жителей страны во время войны все-таки понизился, как об этом говорит уменьшение длины тела и веса у когорты, родившейся в годы Первой мировой войны: у мужчин-горожан на 0,7 см (с 169,2 до 168,5 см) и на 0,6 см у крестьян (с 169,1 до 168,5 см) (табл. XII.2).

Таблица 12.2

Средний рост, вес и индекс массы тела новобранцев 1910–1917 гг. рождения

Годы рождения	Число новобранцев	Рост, см	Вес, кг	Индекс массы тела
1910–1913	14 974	169,1	67,0	23,4
1914–1917	9 539	168,4	65,7	23,2

Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Поскольку рост человека — показатель не всех доходов, а только той их части, которая идет на удовлетворение базисных потребностей, то его понижение в годы Первой мировой войны означало, что базисные потребности рабочих и всех горожан стали удовлетворяться хуже. Даже *незначительное* падение биостатуса означало, что реальные доходы понизились, так как расходы на питание сокращались в последнюю очередь, после того как расходы на одежду, обувь, мебель, утварь, развлечения и другие менее острые потребности уменьшены. Однако бедствия войны не достигли еще масштабов, наблюдавшихся, например, в годы Северной (1700–1721), русско-турецких (1768–1774 и 1787–1792) или Крымской (1853–1855) войн, когда рост уменьшился существеннее — соответственно на 1,5, 2,1 и 1,2 см. Учитывая тяжесть войны и большое число мобилизованных — 12,9 млн к 1 сентября 1917 г., следовало ожидать более сильного падения биостатуса у крестьян. Это не случилось благодаря незначительному сокращению сельскохозяйственного производства, большой помощи семьям военнослужащим, призванным в армию, со стороны государства, а также увеличению запасов хлеба на личные нужды у земледельцев по причине сокращения ими продажи хлеба на рынке.

Сбор зерновых в российском масштабе в 1914–1917 гг. вполне удовлетворял потребности населения, благодаря запрещению экспорта, поглощавшего в мирное время около 15% чистого сбора хлебов[49]. Валовая продукция сельского хозяй-

ства в 1914–1916 гг. находилась на уровне удачного для крестьян 1913 г. и только в 1917 г. сократилась, и то лишь на 8%[50]. Объем промышленного производства за 1914–1916 гг. возрос на 9,4%, число рабочих — на 13%, производительность труда — на 3,1%. Объем железнодорожных перевозок также рос вплоть до 1917 г. Рецессия в народном хозяйстве началась после февраля и особенно июля 1917 г.[51] На 1 сентября 1917 г. в сельской местности пайками обеспечивалось 33,4 млн человек, а за все время войны коронная администрация выдала их на огромную по тем временам сумму — 2,7 млрд руб., по 20,4 руб. на душу сельского населения. На эти деньги в 1916 г. можно было купить 253 кг ржи в Одессе, 222 кг в Петрограде и 224 кг в Орле[52]. Горожане, менее пострадавшие от мобилизаций, получили за время войны пайков на 254 млн руб. по 8,8 руб. на горожанина[53].

По компетентному мнению В. И. Бинштока и Л. С. Каминского, высказанному уже при советской власти, в 1929 г., питание в городах во время войны «несколько ухудшилось, но потребление даже в 1916 г. по имеющимся сведениям (Москва, Тула, Оренбург, Саратов) нужно считать количественно достаточным. <...> Питание в деревне, по-видимому, резким изменениям во время войны не подвергалось». Во время войны уменьшилась брачность и рождаемость, что естественно в связи с мобилизацией мужчин, но смертность находилась на довоенном уровне, а заболеваемость остроинфекционными болезнями в течение первых двух лет войны не усилилась[54]. Это согласуется с расчетами Н. Д. Кондратьева, согласно которым в производящих хлеб губерниях потребление хлеба крестьянами во время войны даже увеличилось по причине роста доходов, сокращения потребления алкоголя и уменьшения продажи хлеба на рынке, особенно после 17 августа 1915 г., когда закупочные цены стали регулироваться государством[55].

Продовольственный кризис, первые признаки которого проявились в конце 1916 — январе 1917 г., так же как и перебои в снабжении Петрограда хлебом, начавшиеся в феврале 1917 г., обусловливались не недостатком в стране продовольствия, а беспорядками на железнодорожном транспорте, усугубленными суровой зимой, снежными заносами и намеренным саботажем[56]. Правительство в начале войны создало инфраструктуру для мобилизации местных ресурсов с использованием земств, передав им часть государственных полномочий по регулированию железнодорожного транспорта. По причине дороговизны, опасения продовольственного кризиса и падения авторитета центральной власти земства стали использовать свои новые полномочия для удержания хлеба в пределах своих губерний. В результате местнического использования железных дорог земскими заготовительными органами границы губерний были блокированы, вследствие чего возникли трудности с обеспечением продовольствия столиц и крупных городов.

В Европейской России зарегистрировано *удивительно мало* для военного времени волнений на продовольственной почве — 684 в 1915 г. и 510 за январь — май 1916 г. Львиная доля волнений происходила в крупных городах. В 1915 г. только в Петрограде и Москве произошло 41% всех волнений, а в 1916 г. — 56%. Преимущественно там же происходили сравнительно немногочисленные погромы хлебных лавок: в Петрограде в 1915 г. — лишь 15, за январь-июнь 1916 г. — 15, в июне-декабре 1916 г. — 38, январе-феврале 1917 г. — 10[57]. Деревня и провинция, особенно в хлебопроизводящих губерниях, серьезного продовольственного кризиса не испытывали. Например, в Самарской губернии до февраля 1917 г. в горо-

Очередь за мясом. Петроград. 1915 г. Фото

дах и деревнях губернии не наблюдалось никаких признаков голода. За все время войны произошло семь незначительных выступлений на почве дороговизны и алчности торговцев: пять в городах в 1915 г. и два в сельской местности в 1916 г.[58] В городах губерний, ввозящих хлеб, например Тверской, положение было несколько хуже, но тоже далеко не критическим; беспорядки провоцировали скорее слухи и ожидания мятежа и погрома, чем действительные продовольственные трудности[59]. Так называемые «бабьи бунты», отмеченные в ряде губерний в 1916 г., устраивались исключительно солдатками на почве дороговизны и злоупотреблений торговцев и не могут служить доказательством продовольственного кризиса. Об этом же говорит и тот факт, что волнения происходили и в промышленных, и сельскохозяйственных, в том числе и плодородных сибирских губерниях[60]. Настоящий продовольственный кризис в городах наступил только при Временном правительстве[61]. И вполне резонно предположить: земства своим хлебно-железнодорожным эгоизмом и так называемые «губернаторские войны» по причине запрещения вывоза хлеба из губерний способствовали возникновению продовольственного кризиса в промышленных центрах, закончившегося кризисом политическим[62].

Зима, декабрь 1916 — февраль 1917 г., выдалась суровой. Средняя температура трех зимних месяцев в Петрограде опустилась на 1,8 градуса ниже нормы, в Москве — на 2,1, а в феврале — соответственно на 6,1 и 7,1 градуса. В феврале в Петрограде температура падала до 29, в Москве — до 30 градусов. Холодным выше нормы был и март. Одновременно с этим в столице и прилегающей к ней территории в феврале выпало снега на 40% выше нормы, в марте — на 76%[63]. По этой причине происходили срывы поставок хлеба, дров и угля (табл. 12.3 и 12.4).

Есть свидетельства, что не только органы общественного самоуправления, но и ряд либеральных чиновников коронной администрации намеренно допустили просчеты в деле снабжения столицы продуктами с целью обострить в городе продовольственный кризис. По свидетельству А. С. Путилова (помощника на-

чальника Канцелярии Совета министров), управляющий делами Особого совещания по продовольствию Н. А. Гаврилов и его подчиненные были связаны с «оппозиционными кругами» и вместе с ними сознательно вели продовольственное дело с таким расчетом, чтобы «непременно вызвать на этой почве недовольство широких масс рабочего населения»[64]. По мнению некоторых исследователей, непосредственным организатором блокады поставок хлеба являлся активный участник заговора против Николая II, Ю. В. Ломоносов, один из руководителей Министерства путей сообщения перед Первой мировой войной[65].

Таблица 12.3

Температура в Петрограде и Москве в 1916–1917 гг. (градусов по Цельсию)

Месяц	Год	Петроград				Москва			
		Средняя	Макс.	Мин.	Норма	Средняя	Макс.	Мин.	Норма
Декабрь	1916	–4,0	4,0	–17,0	–6,4	–7,3	1,0	–17,0	–8,1
Январь	1917	–10,8	–2,0	–25,0	–9,3	–11,1	–27,0	2,0	–11
Февраль	1917	–14,5	2,0	–29,0	–8,4	–16,7	–30,0	2	–9,6
В среднем		–9,8	1,3	–23,7	–8,0	–11,7	–18,7	–4,3	–9,6
Март	1917	–11,1	2,0	–27,0	–4,7	–9,2	4,0	–24,0	–4,7
Октябрь	1917	7,2	16,0	–2,0	4,5	6,8	20,0	–4,0	4,4
Ноябрь	1917	0,8	7,0	–10,0	–1,5	0,3	10,0	–15,0	–2,3

Источник: Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. М., 1921. С. 244–245, 250–253.

Таблица 12.4

Месячная сумма осадков в Петрограде и Москве в 1916–1917 гг. (мм)

Месяц	Год	Петроград		Москва	
		Средняя	Норма	Средняя	Норма
Декабрь	1916	27,0	30,0	32,0	40,0
Январь	1917	27,0	25,0	16,0	30,0
Февраль	1917	28,0	20,0	14,0	20,0
В среднем		27,3	25,0	20,7	30,0
Март	1917	44,0	25,0	21,0	30,0
Октябрь	1917	60,0	45,0	35,0	35,0
Ноябрь	1917	36,0	35,0	49,0	40,0

Источник: Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. С. 260–261, 267, 269.

По утверждению начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева, объективные трудности со снабжением хлебом в Петрограде в последней декаде февраля 1917 г., с одной стороны, но главным образом намеренно пущенные слухи о надвигающемся голоде, отсутствии хлеба в столице и скором введении карточек — с другой, привели к тому, что горожане стали закупать в большом количестве хлеб впрок, вследствие чего у хлебных лавок выстроились длинные очереди. Этому также способствовало присутствие в столице около 570 тыс. беженцев из прифронтовых регионов, которые не учитывались должным образом и потому не получали хлебных карточек[66].

Так, на почве возникшего дефицита одного продукта — хлеба, вспыхнули локальные беспорядки неполитического характера, быстро переросшие в политические благодаря активности деятелей Центрального военно-промышленного комитета, бросивших в рабочие массы политические лозунги. Между тем «запас муки для продовольствия Петрограда был достаточный, и, кроме того, ежедневно в Петроград доставлялось достаточное количество вагонов с мукой. Таким образом, слухи о надвигающемся голоде и отсутствии хлеба были провокационными — с целью вызвать крупные волнения и беспорядки, что в действительности и удалось»[67]. Мнение Глобачева подтверждают петроградский градоначальник А. П. Балк и командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов. По оценкам первого, имеющегося хлеба хватало на 22 дня. По утверждению второго: «Ни о каком голоде, даже о недоедании питерских рабочих в феврале 1917 года и речи не могло быть — на 23 февраля запасов города хватило бы на 10–12 дней и хлеб все время поступал в столицу»[68]. Жизнь в Петрограде даже 25 октября проходила в режиме, близком к нормальному[69].

Таким образом, положение россиян во время войны в России безусловно ухудшилось, возникли серьезные проблемы на транспорте, в управлении фронтом и тылом. Однако не до такой степени, чтобы породить революционную ситуацию. В 1916 г. снабжение армии оружием и боеприпасами наладилось, в частности снарядный голод удовлетворен, и это обеспечило успех Брусиловского прорыва летом 1916 г. В дальнейшем войска не ощущали недостатка в вооружении[70]. К 1917 г. на русском фронте дела обстояли не хуже, чем на западном, и поэтому мало кто сомневался, что Россия продержится до конца войны. Тыл по объективным показателям находился если не в хорошем, то и не в критическом состоянии. Но все познается в сравнении. Сравним тяготы войны в России и других воюющих странах.

12.1 в. Положение населения в России и других воюющих странах

Абсолютное число мобилизованных в России являлось наибольшим среди всех воевавших стран, но их *доля* ко всему населению, благодаря большой его численности, — наименьшей — всего около 10%, тогда как в Германии — 20%, в Австро-Венгрии –19, во Франции — 20, Англии — 18, Италии — 16. При этом на каждую тысячу мобилизованных у России приходилось убитых и умерших 115, тогда как у Германии — 154, Австрии — 122, Франции — 168, Англии — 125 и т. д.). Боевые потери русской армии убитыми в боях соответствовали таковым потерям Центрального блока. Россия вела войну с гораздо меньшим напряжением сил, чем ее противники и союзники. Даже с учетом значительных санитарных потерь и умерших в плену общие потери являлись для России несравненно менее чувствительны, чем для других стран[71].

Пожалуй, только Россия не испытывала серьезных проблем с продовольствием[72]. Во всех воюющих странах положение с продовольствием было гораздо хуже, чем в России, в том числе во Франции и в Англии, не говоря уже о Германии и Австро-Венгрии. В Германии действовала трудовая повинность для мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. Карточная система на хлеб введена 31 января 1915 г. и к концу 1916 г. распространена по всей стране и на все важнейшие продукты народного питания — картофель, мясо, молоко, жиры, сахар. Городская норма потребления хлеба составляла 200–225 г на человека в день, мяса — 250 г в неде-

лю. В 1917 г. норма хлеба понизилась до 170 г., или 1600 г печёного хлеба в неделю, масла и жиров — до 60–90 г в неделю; молоко получали только дети и больные. Немыслимого состава «военный хлеб» образца 1917 г. примерно соответствовал хлебу блокадного Ленинграда в 1942 г. как по качеству, так и по количеству. В 1917 г. потребление мяса и жиров сократилось до одной пятой довоенного. Введенная с началом войны государственная хлебная монополия в 1916 г. переросла в принудительную продовольственную разверстку. Весь хлеб сверх нормы потребления, равной 9 кг хлеба в месяц на душу сельского населения, подлежал обязательной сдаче государству. Для лучшего контроля над продразверсткой на всех производителей заведены производственные карточки. Несмотря на государственное регулирование, цены на рынке обгоняли заработную плату, вследствие чего реальная зарплата работников наемного труда понижалась. До войны пищевое потребление немцев составляло в среднем 3500 ккал в день, в 1916–1917 гг. опустилось ниже 2000 ккал, в том числе осенью 1916 г. паек давал 1344 ккал, летом 1917 г. — 1100 ккал[73].

17 августа 1915 г. — почти на год позже Германии, правительство России установило твердые цены на хлеб, обязательные при государственной закупке для армии, а 10 октября 1916 г. распространило их на все торговые сделки. Осенью 1916 г. в 31 губернии Европейской России введено подобие продразверстки (на конец 1916 г. ее выполнили на 86%). Летом 1916 г. — на полтора года позже, чем в Германии, стихийно, решениями местных властей, в городах 34 губерний возникла карточная система и к концу года действовала в городах 45 губерний и в некоторых сельских местностях без санкционирования центральной властью. Нормированию подлежали сахар и хлеб (при этом нормы в несколько раз больше, чем в Германии)[74]. В Москве карточная система на хлеб была введена только 6 марта 1917 г., а с июня 1917 г. — на крупу, рис, макароны и вермишель. В Петрограде накануне февральских событий нормировалась продажа хлеба: на человека 1,5 фунта (615 г) хлеба хорошего качества, а рабочим и военным — по 2 фунта (820 г). С декабря 1917 г. в обеих столицах большинство продуктов питания распределялось по карточкам[75]. Лишь при советской власти, в 1918 г., карточная система стала единой для всей страны, в 1919 г. введена повсеместная и полноценная продразверстка на хлеб, а с 1920 г. — на все продукты[76]. Как указывалось выше, реальная зарплата российских пролетариев стала снижаться летом 1917 г.[77] При этом, несмотря на тяжелейшие условия жизни, число стачечников на 1000 человек работающих в Германии в 1916 г. было в 69 раз меньше, чем в России[78].

Карточки на хлеб. Москва. Август 1917 г.

Тяжелая ситуация сложилась во Франции. Немцы захватили территорию, дававшую в 1913 г. 75% продукции каменного угля и кокса, 84% чугуна, 63% стали, 60% продукции металлообрабатывающей промышленности и т. д., разрушили 3256 городов и селений, око-

ло 8 тыс. километров железных дорог. Посевная площадь зерновых культур в стране сократилась к 1917 г. на треть, а сбор важнейших продовольственных культур — на 30–50%. В связи с повышением цен на продукты питания были таксированы цены на предметы первой необходимости и стали производиться реквизиции зерна и муки. Карточная система на ряд продуктов питания введена уже в 1915 году. В 1917 г. государство объявило монополию на хлебопродукты, а закупку и распределение их возложило на созданное при министерстве продовольствия центральное хлебное бюро. Кроме того, в дополнение к введенной ранее карточной системе, Франция прибегла к сокращению потребления продуктов трудящимися, ограничив потребление мяса путем установления постных дней (три дня в неделю).

Мобилизация охватила свыше 60% мужской части сельского населения и около половины рабочих. На предприятиях оборонной промышленности власти учредили обязательный арбитраж и отменили право на стачку. В начале 1917 г. революционное брожение охватило 87 пехотных и артиллерийских полков и 23 стрелковых батальона. Солдаты отказывались идти в окопы, устраивали митинги, предъявляли правительству революционные требования. Однако с помощью жестких мер властям удалось вывести страну из кризиса к осени 1917 г. Власти изолировали фронт от тыла, беспощадно усмирили восставшие полки вооруженной силой. Мятежных солдат предали военно-полевым судам, которые вынесли сотни смертных приговоров. Под видом массовых отпусков командование удалило с фронта десятки тысяч «неблагонадежных» солдат. На рабочие организации и на пацифистов обрушился град репрессий. Усилилась милитаризация труда. При малейших признаках недовольства и неповиновения рабочие отправлялись на фронт. Несмотря на это, стачечное движение росло, не достигнув, однако, российских масштабов[79].

Таким образом, по объективным показателям ситуация в России выглядела предпочтительнее, чем в других воюющих странах, особенно в Германии и Франции[80]. Вследствие этого и «объективных предпосылок» для революционного движения, разложения армии и развала в России было меньше. Не случайно В. И. Ленин, выступая 9 января 1917 г. в Цюрихе на собрании молодых швейцарских социал-демократов, сказал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»[81]. Значит, за 8 недель до падения монархии 46-летний вождь пролетариата не видел революционной ситуации в России и не ожидал революции по крайней мере в ближайшие десять лет. Известный монархист И. Л. Солоневич, как политический репортер крупнейшей газеты России — суворинского «Нового времени», являлся профессиональным свидетелем событий 1916–1917 гг. Он также утверждал: «И для нас, репортеров, так сказать, профессиональных всезнаек, революция была как гром среди совершенно ясного неба. Для левых она была манной, но тоже с совершенно ясного неба»[82].

Как известно, бизнес является самым чутким барометром не только экономической, но и политической конъюнктуры. В преддверии Первой мировой войны 12 июля 1914 г. (здесь и далее по юлианскому календарю) на российских биржах наблюдалась паника. 16 июля 1914 г. торговля ценными бумагами временно приостановлена, а 19 июля 1914 г. прекращена. Однако возникли внебиржевые торги, так называемые «частные биржи». Официально фондовый отдел Петербургской биржи вновь открылся 24 января 1917 г. и действовал около

месяца. 27 февраля биржевые сделки снова приостановлены, а 3 марта 1917 г. биржа окончательно закрылась. С 1 по 24 февраля 1917 г. резких колебаний цен на русские фонды, акции и облигации и вексельного курса не наблюдалось. С 24 февраля по 3 марта произошло небольшое и временное падение котировок некоторых ценных бумаг. Курс рубля оставался стабильным[83]. «Торгово-промышленная газета» от 24 февраля 1917 г. сообщала о Лондонской бирже: «Общее настроение биржи спокойное»[84], а от 7 марта 1917 г. (25 февраля — 7 марта газета не выходила): «Общее настроение биржи твердое, но спокойное. С русскими ценностями отмечается улучшение»[85]. В Москве объем торговли ценными бумагами после 24 февраля 1917 г. упал, но цены русских фондов, акций и облигаций, так же как и вексельный курс, не изменились. Официальное открытие биржи за месяц до февральских событий, ее нормальное функционирование вплоть до их начала и устойчивость цен на русские фонды, акции, облигации и вексельного курса — все это свидетельствует о том, что российский и зарубежный бизнес не чувствовал глубокого экономического кризиса, не боялся революции, слухи о готовящемся перевороте и сам факт свержения монархии воспринимал спокойно. Напрашивается предположение — не потому ли, что все находилось под контролем?

Из вышеизложенного следует: при политической стабильности «продержаться» до окончания войны Россия смогла бы. Не случайно на 1917 г. русское командование планировало решительные наступательные операции. Однако массовые выступления в феврале 1917 г., охватившие преимущественно столицы и немногочисленные промышленные центры, разрушили эти планы. С большой вероятностью можно предположить, что беспорядки были спровоцированы оппозицией, которая воспользовалась моментом, чтобы вывести народ на улицы и свергнуть монархию.

Как ни парадоксально, но и большевистский переворот поначалу не вызвал на биржах паники. Накануне своего закрытия, 28 октября 1917 г., «Торгово-промышленная газета» сообщала: «Несмотря на известия из России, настроение [Лондонской] биржи благоприятное; с английскими фондами весьма крепко. С русскими ценностями при открытии слабо, но затем отметилось улучшение». В первые несколько дней снизился оборот ценными бумагами, но их цены не изменились, хотя обменный курс рубля на доллар с 23 октября по 4 ноября 1917 г. понизился в 2 раза[86]. Бизнес отреагировал спокойно, так как не верил в успех большевистского переворота. Но вскоре всякая биржевая деятельность в России прекратилась, и русские фонды за границей потеряли всякую ценность.

12.2. Мальтузианская концепция революции

По иронии судьбы современные российские мальтузианцы и неомальтузианцы, в отличие от своих предшественников, всегда бывших оппонентами марксистов, разделяют марксистско-ленинскую точку зрения на пореформенное развитие России и происхождение революций, но за одним исключением — они видят главную предпосылку революции в противоречии не между производительными силами и производственными отношениями, а между производительными силами и потребностями людей в пище. По их мнению, социально-экономический кризис — это, прежде всего, демографический кризис, вызванный опережающим темпом роста числа жителей сравнительно с ресурсами. Главных причин

периодического обострения нужды и бедности две — высокая рождаемость (по причине ее стихийности, или нерегулируемости) и закон падающей производительности земли[87]. Под их влиянием возникает экзистенциальный кризис. Он приводит к социальной напряженности в обществе, к голоду, эпидемиям, войнам, массовым миграциям или революциям, которые восстанавливают баланс между числом жителей и наличными ресурсами. По мнению современных мальтузианцев, главная причина русских революций начала XX в. тоже состояла в экзистенциальном кризисе: крестьяне и рабочие буквально беднели, голодали и вымирали. Истоки кризиса восходили к первой половине XIX в. и связаны с быстрым ростом населения и стагнацией сельского хозяйства, основанного на подневольном труде. Кризис усугубился половинчатой реформой 1861 г., освободившей крепостных с недостаточными наделами и сохранившей феодальное землевладение помещиков. Помещики в погоне за прибылью вывозили свой хлеб за границу, обрекая крестьянство на голод и лишения, а политика государства этому способствовала. В сущности, именно «голодный экспорт» стал непосредственной причиной недопотребления и экзистенциального кризиса. Аграрное перенаселение, демографический взрыв, экологический кризис не имели бы мальтузианского эффекта, если бы не экспорт зерна. В качестве аргументов в пользу существования кризиса приводятся крестьянские волнения и недоимки, малоземелье и социальное расслоение, голодовки, болезни и стагнация сельского хозяйства. Таким путем современное мальтузианство соединяется с марксизмом[88]. В этом симбиозе есть принципиальное противоречие. Если все беды России происходили от высокого естественного прироста населения, то пережитки крепостничества, политика правительства и другие социально-экономические факторы не должны иметь того значения, которое им придается. Если дело в политике власти, не сумевшей обеспечить адекватное развитие сельского хозяйства, то высокие темпы естественного прироста не могли стать решающим фактором революции. Не случайно мальтузианцы и марксисты всегда являлись непримиримыми критиками друг друга.

Принципиальная слабость мальтузианской интерпретации истории России в целом и революций в частности состоит в том, что страна никогда не испытывала дефицита земли во *всероссийском масштабе*, следовательно, не могла попасть в мальтузианскую ловушку. Границы России были открыты; огромные пространства и постоянная колонизация обеспечивали потребности в сельскохозяйственных угодьях и, следовательно, в продовольствии. Число жителей, способных прокормиться на данной территории при распашке всех пригодных для обработки земель, при средней для данного периода урожайности и потреблении по минимальной возможной норме (так называемая емкость экологической ниши), никогда не достигала опасной черты. Даже в 1914 г. плотность населения на территории Российской империи без тундры, тайги и сухих степей Казахстана и Средней Азии составляла менее 16 человек на 1 кв. км, в то время как при трехпольной системе земледелия на 1 км^2 могло прокормиться от 18 до 40 человек (подсчитано по данным табл. 6.35–6.37). Кроме того, крестьяне использовали свою пахотную землю очень расточительно. Расчеты показывают, что в начале XX в. в Европейской России 40% крестьянской пашни находилось под паром, залежами и подсеками, в то время как в Германии — 5–6%. Если у крестьян количество пара довести до 10% пахотной площади, как это наблюдалось у многих

землевладельцев, а также у крестьян Бессарабской и Таврической губерний, то их посевы бы увеличились на 29% и проблема малоземелья была бы снята. Урожайность на надельных и частновладельческих землях различалась примерно на 20% в пользу последних[89]. При этом большой разницы в способах ведения хозяйства между крестьянами и землевладельцами не замечалось, вследствие чего повышение крестьянских урожаев на 20% было вполне достижимой задачей без каких-либо чрезвычайных мер. Это увеличило бы крестьянские доходы на величину, бóльшую, чем сумма всех прямых налогов с крестьян[90].

Весьма существенно, что с середины XVI в. колонизация происходила в южном и восточном направлениях, вследствие чего центр населенности смещался на Юго-Восток, в те регионы, где плодородие почвы выше и условия для сельскохозяйственного производства — лучше. Продвижение на Юг уменьшало издержки производства и повышало производительность труда, которая в районах земледельческой колонизации была (благодаря более высокому естественному плодородию почвы) в 2–4 раза выше, чем в районах старого заселения. Можно даже сказать, что быстрый прирост числа жителей стал благом для России: он позволил освоить огромные территории и стать великой державой с точки зрения числа жителей, ресурсов, военной и экономической мощи. Без 35-кратного увеличения населения и 8-кратного территории за 1550–1913 гг. Россия осталась бы небольшой и отсталой европейской страной, каковой она и являлась в действительности до XVI в., и никаких серьезных достижений в области литературы, искусства, науки и технологии ожидать от нее не приходилось бы; трудно было рассчитывать и на высокий уровень жизни ее граждан[91].

12.2 а. Экономическая теория и «голодный экспорт»

Коренной недостаток мальтузианского объяснения экзистенциального кризиса в пореформенной России состоит в том, что «голодный экспорт» хлеба противоречит фундаментальным экономическим законам рыночного хозяйства. Согласно последним, товар продается тем, кто предлагает за него наиболее выгодную цену. В условиях рыночного хозяйства хлеб из внутренних регионов мог идти на экспорт только в том случае, если не находил спроса на внутреннем рынке по соответствующей цене. Если бы в России существовал неудовлетворенный спрос на хлеб, то внутренние цены поднялись бы выше мировых, и русский хлеб не шел бы за границу, а оставался в стране, поскольку речь идет о предмете первой необходимости, обладающем минимальной эластичностью потребления и спроса. На экспорт уходил лишь избыток хлеба, не находившего спроса на внутреннем рынке. Как писал крупнейший эксперт в данном вопросе В. И. Покровский в 1902 г.: «К концу семидесятых годов (XIX в. — Б. М.) уже были проведены все важнейшие пути хлебных грузов, и дальнейший рост внешней торговли хлебом становится в полную зависимость от урожая. <...> Рожь есть основной продукт народного питания в России, почему за границу может уходить лишь незначительная часть ее сбора, остающаяся по удовлетворении продовольственных нужд»[92]. В 1920-е гг. другой известный экономист — А. Н. Челинцев, глубоко изучивший вопрос о роли внутреннего и внешнего рынка для русского хлеба в 1880–1910 гг., пришел к аналогичному выводу: «При достигнутом уровне производительности сельского хозяйства часть его продуктов могла продаваться лишь за пределами России»[93]. В случае неурожая внутренний рынок предлагает цены даже более высокие, чем внешний, вследствие

чего вывоз хлеба за пределы страны лишается экономического смысла, да и правительство нередко в годы неурожая повышало пошлины или вообще запрещало экспорт, как это, например, случилось в 1891 г. Как оказалось, искусственное ограничение экспорта в годы неурожаев имело негативные последствия. Например, запрещение хлебного экспорта в 1891–1892 гг. не привело к снижению хлебных цен на внутреннем рынке, но имело результатом вытеснение России с немецкого и английского рынков, ввиду чего произошло падение российских хлебных цен и соответственно доходов земледельцев[94]. Таким образом, идея «голодного экспорта», даже если бы российские министры финансов ее разделяли, с точки зрения законов рыночной экономики не могла быть реализована без искусственных мер, например, поощрительных пошлин и премий. Но подобные меры в XIX — начале XX в. не практиковались, так как требовали затрат, которые не компенсировались увеличением доходов от экспорта. Вывоз поощрялся двумя другими способами: установлением пониженных ставок для перевозки хлебных грузов к портам и «усердным взысканием податей»[95]. Но эти меры не могли подвигнуть крестьян продавать хлеб, необходимый для их собственных нужд. А торговцам, при недостатке хлеба в стране, оказывалось выгоднее продавать его на внутреннем рынке, чем на внешнем. Известный экономист А. Н. Гурьев иронизировал по поводу заявлений о якобы «голодном экспорте»: «Всем известно, что мы “не доедая” плодимся гораздо быстрее наций, наедающихся досыта. Очевидно, что мы приспособились к “недоеданию” в такой степени, что о вымирании населения и сокращении вследствие этого производства не может быть и речи. Если мы вывозим весьма большое количество хлеба, то единственно по той причине, что не можем продать его внутри страны. Допустим, что нам закрылась бы возможность вывоза; разве мы стали бы тогда “доедать”. Нисколько; сократилось бы производство, а население все-таки не имело бы “покупной способности” для потребления усиленной порции хлеба, как нет этой способности и теперь»[96].

Согласно убедительным расчетам М. А. Давыдова, глубоко изучившего проблему на материалах транспортной статистики 1889–1913 гг., тезис о «голодном» экспорте хлеба не подкрепляется эмпирически статистикой производства, экспорта и перевозок[97]. Во-первых, доля внешнего рынка, достигнув максимума в 1889–1893 гг. — около 22% от чистого сбора хлебов, в последующие годы имела тенденцию снижаться, опустившись до 15% в 1909–1913 гг.[98] Повышение доли экспортного хлеба в валовых его сборах, происходившее до 1890-х гг., свидетельствует не о нарастании экзистенциального кризиса в пореформенное время, а о том, что производство зерновых в стране в пореформенное время росло и продовольственные потребности в зерне удовлетворялись, но внутренний рынок не мог поглотить весь избыток произведенного хлеба. Во-вторых, 81,9% прироста вывозных перевозок всех хлебных грузов приходилось на семь степных губерний, имевших огромные избытки товарного хлеба, прежде всего ячменя и пшеницы, в то время как крестьянство потребляло преимущественно рожь[99]. Ограничение экспорта привело бы не к росту потребления хлеба в центральных регионах России, а к снижению производства и ударило бы по благосостоянию жителей этих семи губерний и всей страны в целом. Русский экспорт хлеба, как и современный экспорт нефти и газа, на самом деле был «сытым», а не «голодным».

В-третьих, в России на случай неурожая с конца XVIII в. существовала общегосударственная система продовольственной помощи, располагавшая огром-

ными запасами хлеба. Она работала более или менее удовлетворительно, хотя иногда, в годы *чрезвычайных* неурожаев, давала сбои, как случилось, например, в 1891–1892 гг.[100] Кроме того, крестьянство получало от государства огромную финансовую помощь во время недородов. Например, в неурожай 1891–1892 гг. правительство израсходовало на продовольственную помощь 172 млн руб. (на них куплено и роздано в ссуду 102,5 млн пудов хлеба), что составило 9% всех обыкновенных государственных расходов в эти два года и 28% от военных расходов[101]. В 1892–1894 гг. из этой суммы землепашцам простили и списали 102 млн руб., или 59% долга. Во время недорода 1906–1907 гг. помощь была еще больше — 192 млн руб., что позволило купить и раздать в ссуду 146,4 млн пудов хлеба. Всего за 1891–1912 гг. государственные расходы на продовольственную помощь крестьянам составили 488,1 млн руб., из которых они возвратили лишь около половины (57%) долга. Общая сумма долгов и пособий распределялась между губерниями прямо пропорционально плодородию почв и степени распространения в них общинной формы собственности на землю. На восемнадцать дотационных губерний, входивших в Черноземный центр, Среднее и Нижнее Поволжье, а также Приуралье, приходилось почти 90% общеимперского долга и свыше 80% общей продовольственной задолженности всей Европейской России[102].

Правительство защищало крестьян и от распродажи имущества, благодаря этому они крайне редко объявлялись банкротами за долги. Например, через Крестьянский банк в 1906–1915 гг. за долги предполагалось продать десятки тысяч десятин надельных земель на общую сумму около 1 млрд руб. Однако множество инструкций мешали банку возвращать просроченные ссуды или конфисковать заложенное имущество у должников. Случаи аукционных распродаж надельной земли за долги предавались широкой огласке, но только для острастки. Вскоре за ними следовали объявления о том, что конфискованы лишь несколько сотен участков. В громадном большинстве крестьянам и представителям администрации удавалось прибегнуть к различным патерналистским механизмам, позволявшим несостоятельным должникам сохранить за собой земли[103].

В-четвертых, землепашцы расходовали огромные деньги на водку даже в голодные годы: жители (не только крестьяне) лишь 12 из 90 губерний России всего за два неурожайных года, 1905–1906 гг., выпили водки на 259,7 млн руб. — сумму, превышающую стоимость почти всех кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов империи вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре, при Цусиме, Ляояне, Мукдене и в других местах сражений[104]. В 1907–1913 гг. казна получала в среднем в год 772,7 млн руб. дохода от казенной винной монополии — в 2,1 раза больше, чем все расходы на проведение Столыпинской аграрной реформы в эти годы, составившие 362,6 млн руб.[105]

Когда перед крестьянами вставала альтернатива — водка лично для себя или хлеб для семьи, то огромное их большинство выбирали хлеб, поскольку пагубное пристрастие к алкоголю являлось уделом немногочисленного маргинального слоя. По моим расчетам (табл. 10.3), с 1863 г. по 1906–1910 гг. общее душевое потребление алкоголя в 50 губерниях Европейской России уменьшилось на 16%, но душевые расходы на него увеличились в 2,6 раза вследствие роста цен, составив значительную цифру — 5,73 руб. в год, что в 1,8 раза превышало годовую величину всех налогов и повинностей на человека[106]. Если бы деревня голодала, она не могла бы тратить на алкоголь столь значительные и все возраставшие сред-

ства. Это стало возможным только благодаря повышению благосостояния. «Молодцы, донские казаки, — по-детски радовался И. А. Вышнеградский (министр финансов в 1887–1892 гг. — *Б. М.*), просматривая данные о поступлениях акциза на спирт из области Войска Донского. — Здорово в текущем году выпили»[107]. Радость министра была вполне уместной — и казна пополнилась, и казаки жить стали лучше. Вышнеградскому приписывается «человеконенавистнический» лозунг «Не доедим, а вывезем!»[108]. Его коллега по министерству финансов П. Х. Шванебах объясняет происхождение этой легенды: «Не могу забыть возгласа, вырвавшегося у него весной 1891 г., когда при надвигающемся неурожае он стал опасаться отлива золота: «Сами не будем есть, но будем вывозить». Юмор И. А. (Вышнеградского. — *Б. М.*) и его всегдашняя готовность для дела хоть самому лечь костьми несколько скрашивают жесткость этого изречения»[109]. У министра, озабоченного созданием золотого запаса для проведения денежной реформы, эти слова вырвались в сердцах, так как надвигавшийся неурожай мог разрушить многолетние усилия правительства и сорвать план введения золотого денежного обращения в России.

Таким образом, схема происхождения экзистенциального кризиса в позднеимперской России, которую отстаивают мальтузианцы, входит в противоречие с фактами — уменьшением смертности, большим естественным приростом населения, повышением благосостояния и грамотности, улучшением антропометрических показателей (длины тела и веса), увеличением расходов на алкоголь, быстрым ростом валового внутреннего продукта и прогрессом сельского хозяйства. Соответственно и реанимируемая ленинская по сути концепция революции 1917 г. с точки зрения теоретической, методической и источниковедческой также не выдерживает критики.

12.2 б. Причина революции: много едоков — мало хлеба

Что касается непосредственных причин Революции 1917 года, то, по мнению мальтузианцев, и Первая мировая война, и революция 1917 г. являлись совершенно неизбежными и необходимыми — требовалось уменьшить число потребителей дефицитного продовольствия. Революция, по сути, стала голодным бунтом в двояком смысле. Во-первых, она была инициирована голодным бунтом рабочих в Петрограде и, во-вторых, голодным бунтом солдат (крестьян в солдатских шинелях), страдавших от малоземелья и голода (до призыва) и враждебно относившихся к власти, не желавшей вторично экспроприировать частновладельческую землю и передать ее крестьянам. Три неразрешимые проблемы встали перед Россией в условиях большой войны: недостаток вооружений, обусловленный технологическим отставанием; недостаток финансов, вызванный народной нищетой и неспособностью землепашцев платить военные налоги; ненадежность армии как следствие крестьянского малоземелья, порождавшего бедность и глубокий социальный раскол в российском обществе. Конкретный механизм кризиса, породивший революцию, был типичным для военной экономики и включал три взаимосвязанных процесса: резкое падение авторитета власти в результате военных поражений; расстройство товарооборота вследствие чрезмерной эмиссии бумажных денег, нехватка продовольствия в городах и голодные бунты; и все возрастающая ненадежность войск — следствие глубокого социального раскола в обществе. Таким образом, мальтузианцы настаивают на «желудочно-стихий-

ном» характере февральских событий, все проявления недовольства выводят из недостатка земли и продовольствия, подчеркивают неизбежность революции и не допускают других сценариев развития событий[110].

Выше, при анализе ленинской концепции революции, мы выяснили, что даже в 1916 — начале 1917 г. продовольственный вопрос сам по себе не мог вызвать революционную ситуацию. Хлеба в стране на самом деле имелось достаточно. *Продовольственный кризис являлся виртуальным* — его породили провокационные слухи о надвигающемся голоде и введении карточек, намеренно распускаемые и муссируемые оппозицией с целью вызвать волнения и беспорядки. И уж во всяком случае кризис не обусловливался малоземельем: производимый в стране хлеб с лихвой удовлетворял все потребности в течение всего XIX — начала XX в. и во время Первой мировой войны также — сельскохозяйственное производство с 1913 по 1917 г. включительно сократилась лишь на 8%[111]. Проблема недостатка вооружения в течение 1916 г. была ликвидирована, фронт стабилизировался. Инфляция сопровождалась ростом оплаты труда, благодаря чему реальная зарплата к 1917 г. либо не снизилась вовсе, либо упала незначительно. Гарнизон Петрограда не голодал. Солдаты подняли бунт из-за нежелания идти на фронт и, вероятно, по причине тяжелых бытовых условий. Гарнизон состоял из учебных частей, которым перед отправкой на фронт предстояло в течение нескольких недель пройти общую военную подготовку. 160 тыс. солдат разместили в казармах, рассчитанных на 20 тыс.[112] Бытовые условия, несмотря на удовлетворительное питание, являлись тяжелыми и чисто физически и психологически трудно переносились людьми, только что пришедших из деревни, где привыкли к свободе и простору. Крестьянин, конечно, и в деревне не имел комфортабельного жилья, но все же так скученно, как солдаты, не жил. Средняя площадь крестьянской избы в центральных великороссийских губерниях на рубеже XIX–XX вв. составляла 25–30 кв. метров (включая печь 10–20% общей площади), на которых проживало 6–7 человек, по 4–5 кв. метра на человека[113]. Поздней осенью и зимой всей семье приходилось ютиться в избе вместе со скотом, но все же всегда имелась возможность разрядиться работой или прогулкой на свежем воздухе, чего солдат был лишен в казарме. О том, насколько важными для солдат являлись условия их содержания, свидетельствует анализ их писем к родным. Среди жалоб вплоть до октября 1916 г. на первом месте стояло недовольство жесткой дисциплиной и бытовыми условиями, и только в ноябре 1916 — феврале 1917 г. — войной, властями и «угнетателями»[114].

12.3. Структурно-демографическая концепция революции

Классическая мальтузианская теория, рассматривающая рост населения как непосредственную причину социально-экономических кризисов, не нашла эмпирического подтверждения не только в России, но и в мировом масштабе. Поэтому ей на смену пришла структурно-демографическая теория, которая модифицирует исходную посылку традиционного мальтузианства: увеличение числа жителей, не обеспеченных продовольствием, вызывает кризис государства не прямо, а косвенно, посредством воздействия на экономические, политические и социальные институты. Новизна такого подхода состоит в двух моментах: во-первых, посту-

лируется существование лага между кризисом внизу — потреблением народных масс, и кризисом наверху — в элите и государстве; во-вторых, конструируется механизм опосредованного воздействия экзистенциального кризиса на социальные институты (через дефицит государственных финансов, перепроизводство элиты и внутриэлитную конкуренцию, пауперизацию и недовольство крестьянства, возрастание доли молодежи, идеологические конфликты и т. п.). Сущность же концепции осталась прежней, мальтузианской — число жителей растет быстрее ресурсов. С точки зрения сторонников данной концепции, причины русской революции 1917 г. сводились к двум — к быстрому росту социального неравенства и перепроизводству элиты, аналогичному, по сути, общему перенаселению; собственно экзистенциальный кризис состоял в недостатке ресурсов для элиты, а не для народа. Недовольство элит в отличие от недовольства народа напрямую ведет к ослаблению и только в конечном итоге — к развалу государства, революциям и гражданским войнам[115].

12.3 а. Воспроизводство элиты в России

Проверим гипотезу о перепроизводстве российской элиты как главном факторе русских революций. Сторонники структурно-демографической теории относят к элите дворян, чиновников, духовенство, купцов, почетных граждан (тех, кого марксисты называют правящим, или господствующим, классом), а к контрэлите — деклассированных представителей старой элиты, новую буржуазию и значительную часть интеллигенции. Почетные граждане и купцы, по крайней мере до 1899 г.[116], включали в себя практически всю крупную и среднюю буржуазию (с 1863 г. ежегодный гильдейский сбор составлял для купцов 2-й гильдии 150 руб. (примерно годовой заработок промышленного рабочего), 1-й гильдии — 500 руб.; 3-я гильдия была ликвидирована), а также и значительную часть интеллектуальной элиты. Данные об изменении численности привилегированных страт не подтверждают гипотезу о перепроизводстве элиты: доля любой привилегированной группы в населении страны в 1719–1913 гг. уменьшалась, естественно, сократилась и суммарная их доля — с 4,6 до 2,5%, в том числе в пореформенное время — с 3,2 до 2,5% (табл. 12.5).

Для сравнения: в 1840-е гг. в Пруссии из 16,6 млн жителей дворян насчитывалось 0,75%, духовенства — 0,15%, в Австро-Венгрии из 37 млн населения дворяне составляли 2,0% и духовенство — 0,4%, во Франции из 38 млн жителей дворян и чиновников насчитывалось 3,5%, духовенства — 0,15%, купцов и фабрикантов — 0,7%, в Великобритании из 27,8 млн на долю дворянства приходилось 0,9%, гражданских, военных и морских чинов — 3,6%, духовных, правоведов и врачей — 1,8%, ученых — 1,8%[117]. Как видим, только в Пруссии относительная численность элиты была ниже, чем в России, по причине неполного учета лиц с высшим образованием, крупной буржуазии и чиновников (доля последних в 1861 г. составляла около 1,5%[118], и они лишь в незначительной степени принадлежали к дворянству). В середине XIX в. по валовому внутреннему продукту на человека Россия находилась примерно на уровне Австро-Венгрии, в 2 раза уступала Германии и Франции и в 3 раза Великобритании[119]. Таким образом, с точки зрения ресурсной базы у элиты, в середине XIX в. пять стран мало отличались друг от друга. Во второй половине XIX — начале XX в. численность элиты в западноевропейских странах увеличивалась быстрее, чем в России.

Таблица 12.5

Численность привилегированных слоев в Европейской России в 1719–1913 гг.

Социальные группы	Годы	1719	1795	1858	1897	1913
Дворянство потомственное	тыс. чел.	304	403	612	886	1 249
	%	2,0	1,1	1,0	1,0	1,0
Дворянство личное	тыс. чел.		317	322	487	687
	%		0,9	0,5	0,5	0,5
Духовенство	тыс. чел.	280	434	567	501	697
	%	1,9	1,2	1,0	0,5	0,5
Купечество	тыс. чел.	100	236	400	240	611*
	%	0,7	0,7	0,7	0,3	0,5
Почетные граждане	тыс. чел.			21	308	
	%			0,0	0,3	
Итого	тыс. чел.	684	1 390	1 877	2 422	3 244
	%	4,6	3,9	3,2	2,6	2,5
Население	тыс. чел.	14 878	35 597	59 206	93 186	128 864

*Примечание:** Общая численность купцов и почетных граждан на 1913 г. экстраполирована по среднегодовому темпу прироста за 1858–1897 гг.

Источник: Миронов Б. Н. Социальная история. Т. 1. С. 115, 129, 130.

Если российскую элиту идентифицировать на основании образования, то и в этом случае не приходится говорить о ее перепроизводстве относительно ресурсов. Доля людей с высшим образованием среди лиц в возрасте от 20 лет и старше составила в конце 1850-х гг. приблизительно 0,12%[120], в 1897 г. — 0,23%, в 1939 г. — 1,21%. Интерполяция по средним темпам возрастания доли лиц с высшим образованием за 1897–1939 гг. позволяет оценить процент интеллектуальной элиты на 1917 г. как 0,51[121] (табл. 12.6).

Таблица 12.6

Численность лиц с высшим и средним образованием в Европейской России в 1850-е, 1897, 1917 и 1939 гг. (среди лиц в возрасте 20 лет и старше)

	Конец 1850-х гг. *	**1897 г.**		**1917 г. ****	**1939 г.**	
	%	**тыс.**	**%**	**%**	**тыс.**	**%**
Население в возрасте 20 лет и старше	–	47 943,9	–	–	59 763,6	–
Число лиц с высшим образованием	0,12	111,3	0,23	0,51	720,2	1,21
Число лиц со средним образованием	0,78	663,3	1,38	3,49	8413,9	14,08
Число лиц с высшим и средним образованием	0,90	774,6	1,62	4,00	9134,1	15,28

Примечания: * Данные получены методом передвижки когорт по данным переписи 1897 г.

**Данные получены методом интерполяции по данным переписей 1897 г. и 1939 г.

Источники: Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 198 (далее: Общий свод); Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия/В. Б. Жиромская (сост.). СПб., 1999. С. 30, 104.

Как видим, доля лиц с высшим образованием в пореформенное время возросла лишь на 0,39%. Если же к элите отнести лиц не только с высшим, но и с полным средним образованием, то в 1861–1917 гг. их доля в населении возросла с 0,9 до 4%. Однако национальный доход на душу населения за это время увеличился в 3,84 раза[122], в стране проходила индустриализация и культурная революция, вследствие чего спрос на умственный труд со стороны сельского хозяйства, промышленности, транспорта, сферы услуг, а также учреждений церкви, государства, образования, культуры и суда также существенно вырос. О неудовлетворенном спросе на квалифицированный труд свидетельствует более быстрый рост заработной платы у белых воротничков сравнительно с рабочими. Например, с 1870-х гг. по 1911–1913 гг. номинальный средний годовой заработок фабрично-заводских рабочих поднялся примерно на 33% (табл. 9.12 в Главе 9), а учителей земских школ — на 188%[123]. Следовательно, в 1870-е гг. жалованье у учителей было в 1,4 раза ниже, чем у пролетариев, а в 1913 г. — в 1,5 раза выше.

Число жителей в России за 1863–1913 гг. возросло в 2,3 раза, а число работников квалифицированного умственного труда в сфере образования, медицины, культуры и науки — более чем в 8–10 раз (табл. 12.7).

Таблица 12.7

Изменение числа учреждений образования, культуры, медицины, учащихся и средств массовой информации в России, 1832–1913 гг. (без Польши и Финляндии)

	1832–1860-е гг.	1880–1890-е гг.	1913–1914 гг.
Число начальных школ, тыс.	17,2 (1856 г.)	131,2 (1894 г.)	119,4
Число средних школ, тыс.	0,116 (1856 г.)*	0,645 (1894 г.)	4,3
Число учащихся во всех учебных заведениях, тыс. чел.	1156 (1863 г.)	4013 (1894 г.)	9656
Число учителей, тыс. чел.	33,5 (1863 г.)**	–	280
Число массовых библиотек, тыс.	0,012 (1848 г.)	–	143,9
Число практикующих врачей (без зубных), тыс. чел.	–	7,2 (1885 г.)	23,2
Число среднего медицинского персонала, тыс. чел.	–	13,0 (1885 г.)	46,0
Число больниц, тыс.	0,350 (1850-е гг.)	–	5,3
Число наименований газет и журналов	204 (1840 г.)	667 (1890 г.)	2 915
Выпуск книг и брошюр, тыс. наименований	0,764 (1832 г.)	7,3 (1889 г.)	34,0
Число студентов вузов, тыс. чел.	8,5 (1860 г.)	25,6 (1894 г.)	127,4
Население, млн чел.	70 (1863 г.)	84 (1880 г.)	159 (1913 г.)

Примечания: * Без духовных семинарий, епархиальных училищ и военных учебных заведений.

** Оценка по соотношению числа учителей и учащихся в 1914 г.

Источники: Миронов Б. Н. Социальная история. Т. 2. С. 377, 385–387; Народное хозяйство СССР в 1958 году: Статистический ежегодник. М., 1959. С. 812, 831, 851, 882; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вторая половина XIX в.)/А. И. Пискунов (ред.). М., 1991. С. 521–531, 540; Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 году. СПб., 1915. С. 8–9, 112–113.

Большой спрос на квалифицированные кадры предъявляли судебные органы, земства и городские думы, введенные в результате реформ, а также средства мас-

совой информации, театры, издательства, банки и, конечно, промышленность[124]. По данным всеобщей переписи 1897 г., в империи без Польши насчитывалось около полумиллиона лиц, занятых квалифицированным умственным трудом, — чиновники, врачи, учителя, юристы, люди свободных профессий, инженеры[125]. Их число в 1897–1914 гг. стремительно росло: врачей — в 1,4 раза, чиновников — в 1,7 раза, учителей — в 2,4 раза. Быстрый рост экономики обеспечивал работой выпускников вузов, число которых за 1860–1913 гг., по ориентировочной оценке, возросло в 15 раз. Имеющиеся данные позволяют предположить, что спрос на умственный труд обгонял предложение.

Наибольшие сложности с трудоустройством в XIX в. встречало духовенство, так как количество штатных должностей регулировалось и ограничивалось государством. Например, в 1830 г. насчитывалось 430 безместных претендентов, закончивших духовные семинарии[126]. Однако в то же время в целом по империи имелось 5466 вакантных мест для православных священников и дьяконов. То же наблюдалось и в пореформенное время, вплоть до 1917 г.: в одних епархиях ощущался недостаток кадров, в других избыток. Число вакансий изменялось ежегодно. Иногда фактическая численность духовенства превышала штатное положение, но в итоге, как правило, вакансий было больше, чем претендентов. Например, на начало 1911 г. — последнего года, за который имеются всероссийские сведения, в империи по ведомству православного вероисповедания насчитывалось 2754 вакансии на должности священно- и церковнослужителей, что составляло 2,5% от общего числа мест. Существенный дефицит в кадрах наблюдался в епархиях Воронежской, Орловской, Черниговской и в Сибири, по 1–3 вакансии имелось в Астраханской, Варшавской, Холмской; не имелось свободных мест во Владимирской, Волынской, Калужской, Московской, Полоцкой. В бедных или отдаленных приходах должность оставалась незамещенной в течение 2–5 лет и более[127] (табл. 12.8).

Таблица 12.8

Штатные и вакантные должности в Российской империи по ведомству православного исповедания в 1910 г.

Епархия	По штату положено должностей			Вакантных должностей			Вакантных должностей,%		
	священнических	дьяконских	псаломщических	священнических	дьяконских	псаломщических	священнических	дьяконских	псаломщических
Воронежская	1 245	743	1 221	17	502	20	1,4	67,6	1,6
Орловская	1 080	561	1 058	8	267	5	0,7	47,6	0,5
Черниговская	1 084	272	1 071	25	202	4	2,3	74,3	0,4
Тобольская	455	200	497	25	97	32	5,5	48,5	6,4
Томская	787	141	776	33	18	21	4,2	12,8	2,7
Якутская	126	12	120	–	–	1	0,0	0,0	0,8
Империя	47 633	13 452	47 379	535	1 689	530	1,1	12,6	1,1

Источник: Подсчитано по: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1910 год. СПб., 1913. Табл. С. 24–27.

Потребность в образованных священнослужителях никогда не удавалось полностью удовлетворить. В 1909 г. не имели надлежащего образования 5,5% (2560 из 46 730) священников (1984 окончили только начальные светские учебные заведения, 576 имели домашнее образование) и 20,4% дьяконов (2997 из 14 670)[128].

Нет оснований для заключений об избытке квалифицированных кадров в сфере образования. Скорее можно говорить о дефиците кадров в университетах, вследствие чего получило широкое распространение совместительство и приходилось брать на работу в качестве нештатных преподавателей тех, кто не отвечал образовательному цензу (табл. 12.9).

Таблица 12.9

Численность профессорско-преподавательского состава в российских университетах в 1882–1914 гг. *

	1882 г. **	1891 г.	1901 г.	1905 г.	1908 г.	1914 г.
Профессора	366	475	570	614	583	657
Доценты и адъюнкты	119	0	9	9	4	9
Лекторы	31	44	29	38	36	83
Преподаватели	28	69	451	1	6	1 087
Приват-доценты	60	284	429	558	615	674
Итого	604	872	1 488	1 220	1 244	2 510
Вакансий на штатные должности	156	153	390	нет. свед.	нет. свед.	218
Число вакантных кафедр	нет. свед.	54	67	94	120	123

Примечания: * На 1 января.

** Штатные преподаватели.

Источник: Подсчитано по: Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1879–1881 год. СПб, 1883. С. 331–332; То же за 1890 год. СПб., 1894. Табл. С. 4–5, 11; То же за 1900 год. СПб., 1902. Табл. С. 6–7, 9, То же за 1905 год. СПб., 1907. Табл. С. 2–5; То же за 1908 год. СПб., 1910. Табл. С. 2–5; То же за 1913 год. СПб., 1916. Табл. С. 2–3, 4–5.

К 1 января 1914 г. в 10 российских университетах из 509 кафедр в 123 имелись вакансии профессоров и приват-доцентов и 20 кафедр вообще не были укомплектованы преподавателями. Когда в 1911 г. 130 профессоров и доцентов Московского университета подали в отставку в знак протеста против исключения из университета студентов за участие в волнениях по поводу смерти Льва Толстого, у администрации университета возникли серьезные кадровые проблемы, и она собирала преподавателей по всей России[129]. Избытка квалифицированных кадров не ощущалось и во всех других высших учебных заведениях[130].

Не проходится говорить об избытке квалифицированных кадров также и в средних учебных заведениях (табл. 12.10).

К 1 января 1914 г. в мужских гимназиях и прогимназиях России 2205 (45,7%) должностей бывали вакантными в течение года, из них 2098 по необходимости замещались внештатными, а на 107 мест вообще не удавалось найти подходящих преподавателей. Причем вакансии имелись во всех учебных округах, в том числе в С.-Петербургском (281 из 454 по штату) и Московском (436 из 837 по штату), но больше всего — в Кавказском учебном округе[131]. То же наблюдалось в реальных училищах.

Таблица 12.10

Число преподавательских вакансий в средних учебных заведениях, 1881–1913 гг.

Год	Число должностей в гимназиях и прогимназиях			Число должностей в реальных училищах		
	штатные	вакантные*	не замещенные**	штатные	вакантные*	не замещенные**
1881	нет свед.	116	28	нет свед.	158	63
1890	нет свед.	127	58	нет свед.	70	22
1900	нет свед.	193	60	нет свед.	82	22
1905	2 964	708	78	нет свед.	нет свед.	нет свед.
1908	3 238	1 293	109	нет свед.	нет свед.	нет свед.
1910 ***	3 420	1 510	106	нет свед.	нет свед.	нет свед.
1913 ***	4 825	2 098	107	нет свед.	нет свед.	нет свед.

Примечания: * Число вакансий в течение года.

** Осталось незамещенными на 1 января следующего года.

*** Только в мужских гимназиях.

Источник: Подсчитано по: Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1879–1881 год. С. 364–373, 392–395; То же за 1890 год. Табл. С. 18–23, 36–39, 11; То же за 1900 год. Табл. С. 18–25, 40–43, 9; То же за 1905 год. Табл. С. 48–49; То же за 1908 год. Табл. С. 48–49; То же за 1910 год. СПб., 1912. Табл. С. 48–49; То же за 1913 год. Табл. С. 48–49.

О недостатке учителей в начальной школе свидетельствует прием на работу лиц без необходимого образовательного ценза. Например, в империи к 1905 г. так называемых неправоправных учителей, не имеющих права на преподавание, насчитывалось 1338 (1,3%) из 102 471[132], в 1913 г. — 3058 (1,6%) из 190 494[133]. К 1910 г. среди 43 611 учителей работали без учительских свидетельств 4318 (9,9%)[134]. Особенно напряженным было положение в отдаленных губерниях, где всегда имелось много вакансий, остававшихся незаполненными, несмотря даже на надбавки к жалованью. Например, в городских школах Западносибирского учебного округа в 1914 г. доля неправоправных учителей достигала 73,2%. К тому же наблюдалась высокая текучесть кадров (в год 216 человек из 728, или 29,7%, оставили работу) — верное доказательство того, что за учительское место не держались, значит, безработицы не боялись[135]. В сфере образования недостаток квалифицированных кадров ощущался в течение всего пореформенного периода.

Таким образом, избытка элиты в позднеимперской России не существовало. Ресурсная база более или менее соответствовала численности элиты и ее благосостояние росло. Иначе и быть не могло, учитывая всеобщее повышение уровня жизни в стране. Понижение благосостояния элиты при его возрастании у населения в целом стало бы социально-экономическим нонсенсом не только в стране с рыночной, но даже в стране с традиционной аграрной экономикой.

Сторонники структурно-демографической концепции не учитывают социальную мобильность, приводившую в соответствие численность элиты с ресурсами. Привилегированные сословия были открыты не только на входе, но и на выходе. Благодаря этому новая элита, или контрэлита, не сосуществовала со старой, увеличивая общую численность элиты и усиливая давление на ограниченные ресурсы социума и государства. Новая элита буквально вытесняла старую, последняя деклассировалась, в результате численность элиты постоянно приспосабливалась к общественным потребностям и к ресурсной базе. В 1678 г. доля дворянства в населении России составляла 1,7%, в 1719 г. — 2%, в 1858 г. — 1,5%

и в 1897 г. — 1,5%; доля духовенства — соответственно 0,9%, 1,9%, 1% и 0,5%[136]. Статус потомственного дворянства номинально имело довольно значительное число деклассированных элементов. Они нигде не служили, не получили никакого образования, не имели собственности, лично сами занимались земледелием и по своему действительному положению являлись крестьянами. Все они фактически потеряли дворянское достоинство и дворянские претензии и вышли из состава элиты. По подсчету Министерства внутренних дел, таких потомственных дворян мужского пола, которые «лично сами занимались хлебопашеством», насчитывалось в 1846–1847 гг. 109,4 тыс. из 253,1 тыс.[137]

В пореформенное время процесс обновления дворянского сословия продолжался. В правах потомственного дворянства с 1875 по 1896 г. было утверждено 39 535 лиц, в том числе 32% — по чину и 68% — по ордену[138]. Однако и процесс деклассирования усилился. Это хорошо видно по данным об изменении доли неграмотных, происходивших из дворян и чиновников, в пореформенное время. Согласно первой всеобщей переписи, в 1897 г. в империи таковых в возрасте 10 лет и старше насчитывалось 12% мужского и 18,2% женского пола (табл. 12.11)

Таблица 12.11

Неграмотные лица дворянского происхождения в России по переписи 1897 г.

Возраст, лет	Годы рождения	Мужчины, человек	Женщины, человек	Оба пола, человек	Мужчины,%	Женщины,%	Оба пола,%
10–19	1878–1887	24 819	32 936	57 755	15,2	19,0	17,2
20–29	1868–1877	15 733	26 322	42 055	10,5	15,2	13,0
30–39	1858–1867	12 804	22 822	35 626	9,1	15,8	12,5
40–49	1848–1857	9 987	18 401	28 388	9,9	17,6	13,8
50–59	1838–1847	7 817	15 936	23 753	11,4	20,0	16,0
60+	1837+	11 780	23 007	34 787	17,5	25,4	22,0
Итого		82 940	139 424	222 364	12,0	18,2	15,3

Источник: Подсчитано по: Общий свод. Т. 1. С. 190.

Неграмотность — это надежный показатель деклассирования, так как со времени Петра Великого от дворянства в обязательном порядке требовалось знание грамоты. Основываясь на доле неграмотных, можно сказать, что в 1897 г. 15,3% дворян обоего пола фактически утратили свой дворянский статус (среди женщин неграмотных насчитывалось больше, значит, среди них деклассирование проходило интенсивнее). Посмотрим на годы рождения. У рожденных до 1858–1867 гг., т. е. до Великих реформ, доля неграмотных со временем постепенно уменьшалась: у родившихся до 1837 г. — 22%, у родившихся в 1838–1847 гг. — 16%, у родившихся в 1858–1867 гг. — 12,5%. У родившихся после Великих реформ, наоборот, доля неграмотных со временем повышалась: у родившихся в 1857–1858 гг. — 12,5%, у родившихся в 1868–1877 г. — 13%, у родившихся в 1878–1887 г. — 17,2%. Отсюда следует: под влиянием реформ деклассирование дворянства ускорилось. Даже среди детей чиновников — безусловно грамотных отцов — процент неграмотных в пореформенное время увеличился, значит, и процесс деклассирования усилился. К 1917 г. число деклассированных дворян неизбежно выросло.

Сравнение распределения неграмотных дворян между городом и деревней по годам рождения показывает: деклассированные дворяне оседали преимущественно в деревне, так как среди родившихся ранее 1837 г. таковых в деревне проживало 73,3%, а среди родившихся в 1878–1887 гг. — 89%, почти на 16% больше (табл. 12.12).

Таблица 12.12

Распределение неграмотных дворян между городом и деревней по переписи 1897 г., в%

Возраст	Год рождения	Город	Деревня	итого
10–19	1878–1887	11,0	89,0	100
20–29	1868–1877	16,7	83,3	100
30–39	1858–1867	18,1	81,9	100
40–49	1848–1857	20,2	79,8	100
50–59	1838–1847	23,4	76,6	100
60+	1837+	26,7	73,3	100

Источник: Подсчитано по: Общий свод. Т. 1. С. 190.

В Москве в 1882 г. лишь около 5% взрослых потомственных дворян опустились на дно общества, став бомжами, проститутками, прислугой[139]. В деревне деклассированных насчитывалось больше.

Наличие неграмотных среди духовенства также является показателем деклассирования, ибо все находившиеся на службе должны были быть грамотными. Если дети образованного родителя не имели никакого образования, они не могли занять даже церковно-служительскую должность, ибо и от пономаря требовалось знание грамоты. Следовательно, неграмотные неизбежно деклассировались. Среди духовенства в 1897 г. неграмотных было меньше, чем среди дворян, почти на 3 пункта (12,7% против 15,3%), и после Великих реформ увеличения неграмотности не наблюдалось: у родившихся в 1858–1867 гг. неграмотных насчитывалось 10,1%, а у родившихся в 1879–1887 гг. — 6,7%. Это позволяет предположить: в отличие от дворянства процесс деклассирования у духовенства в пореформенное время замедлился (табл. 12.13).

Таблица 12.13

Доля неграмотных лиц, происходивших из духовенства, в России в 1897 г.

Возраст	Год рождения	% неграмотных
10–19	1878–1887	6,7
20–29	1868–1877	6,4
30–39	1858–1867	10,1
40–49	1848–1857	15,3
50–59	1838–1847	19,6
60+	1837+	28,8
Итого	до 1888	12,7

Источник: Подсчитано по: Общий свод. Т. 1. С. 190.

В пореформенное время только у дворянства наблюдалось снижение грамотности; у всех остальных сословий, как показывают колебания доли грамотных среди различных возрастных групп, она росла (табл. 12.14). Отсюда следует: процесс социальной деградации в наибольшей степени затронул именно старую элиту.

Таблица 12.14

Доля неграмотных среди различных возрастных групп населения России по переписи 1897 г.

Возраст	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69
Год рождения	1878–1887	1868–1877	1858–1867	1848–1857	1838–1847	1828–1837
% неграмотных	54,5	55,1	60,5	66,8	73,5	77,6

Источник: Подсчитано по: Общий свод. Т. 1. С. XVI.

Подчеркнем, что деклассированное дворянство и духовенство уходили из элиты и в большинстве пополняли ряды не революционеров и оппозиционеров, а преступников и люмпенов в городе, крестьян и рабочих — в сельской местности. Они вовсе не укрепляли социальную базу революции.

Численность элиты изменялась не только под влиянием целенаправленной политики государства, ее число также и саморегулировалось благодаря механизму социальной мобильности. Это хорошо видно на примере духовенства. Когда уменьшался спрос на услуги духовенства, снижался престиж профессии или появлялись возможности хорошо трудоустроиться вне церкви, наблюдался отток духовенства из ведомства православного исповедания и возникал недостаток кадров. Например, в 1860-е гг., когда в связи с церковными реформами возник избыток священников, их дети отреагировали на это уходом из ведомства, создав дефицит кадров. Уменьшение спроса на услуги дьяконов вызвало их избыток сравнительно со штатным положением в 1860–1880-е гг., что привело к оттоку их детей из ведомства и возникновению недостатка дьяконов — к 1911 г. не хватало 12,6% от их штатного числа (табл. 12.15).

Таблица 12.15

Фактическая и штатная численность духовенства православного вероисповедания в России в 1835–1910 гг.

	1835 г.	1865 г.	1869 г.	1879 г.	1884 г.	1889 г.	1890 г.	1894 г.	1910 г. *
	Штатная численность								
Священников	34 479	36 765	38 103	36 583	34 313	37 266	40 129	41 684	47 633
Дьяконов	17 375	14 298	14 317	8 445	7 543	12 149	12 629	13 283	13 452
Причетников	69 284	62 289	65 583	47 992	39 088	41 587	43 935	44 418	47 379
Итого	121 138	113 352	118 003	93 020	80 944	91 002	96 693	99 385	108 464
	Против штатной численности более или менее**								
Священников	–3 016	+587	+157	–857	–411	–980	–1 076	–1 048	–535
Дьяконов	–2 450	+2 377	+3 122	+5349	+5 111	+1 001	+871	+641	–1 689
Причетников	–10 933	–2 158	–327	+946	–1 258	–269	–592	–1 444	–530
Итого	–16 399	+806	+2 952	+5 438	+3 442	–248	–797	–1 851	–2 754

Таблица 12.15 (окончание)

	1835 г.	1865 г.	1869 г.	1879 г.	1884 г.	1889 г.	1890 г.	1894 г.	1910 г. *
	Против штатной численности более или менее,%								
Священников	–8,7	+1,6	+0,4	–2,3	–1,2	–2,6	–2,7	–2,5	–1,1
Дьяконов	–14,1	+16,6	+21,8	+63,3	+67,8	+8,2	+6,9	+4,8	–12,6
Причетников	–15,8	–3,5	–0,5	+2,0	–3,2	–0,6	–1,3	–3,3	–1,1
Итого	–13,5	+0,7	+2,5	+5,8	+4,3	–0,3	–0,8	–1,9	–2,5

Примечания: * Подсчитано по данным в отдельных епархиях.

** За 1895–1909 гг. сведений о вакансиях в отчетах нет.

Источник: Подсчитано по: *Freeze G. L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. P. 100, 110, 152; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1866 год. СПб., 1867. Табл. С. 22–23; То же за 1870. СПб., 1871. Табл. С. 22–23; То же за 1880. СПб., 1882. Табл. С. 22–23; То же за 1885. СПб., 1887. Табл. С. 22–23; То же за 1890 и 1891. СПб., 1893. Табл. С. 20–21, 136–137; То же за 1894 и 1895. СПб., 1898. Табл.; То же за 1910. СПб., 1913. Табл. С. 26–27.

12.3 б. «Молодежная концепция» революции

Основатель структурно-демографической теории Дж. Голдстоун в качестве важнейшей причины революции предложил рассматривать омоложение населения. «Быстрый рост удельного веса молодежи, — утверждает он, — может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии[140], бросающие вызов старым формам власти. К тому же, поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи или карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие "молодежного бугра" (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15–24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с периодами политических кризисов. Большинство крупных революций — включая и революции XX в. в развивающихся странах — произошло там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры»[141]. Российские сторонники этой концепции полагают: молодежный фактор в Русской революции 1917 г. был «задействован по всем параметрам»[142]. Однако не приводят доказательств, кроме ссылки на революционную активность студенчества. Проверим адекватность «молодежной концепции» революции. С этой целью проанализируем изменение возрастной структуры россиян и выясним, имелся ли в ней в начале XX в. молодежный бугор.

Теоретически в стране с более высокими темпами роста населения действительно должно быть больше молодых и меньше пожилых людей. Однако увеличение доли молодых происходит в большей степени не за счет революционного возраста в 15–24 лет, а за счет лиц в возрасте 0–14 лет[143]. Многое зависит от конкретной ситуации, и не всегда более высокому естественному приросту соответствует более молодое население[144] (табл. 12.16).

Теперь рассмотрим российский вариант. Среднегодовой естественный прирост с 1861–1865 по 1911–1913 гг. увеличился с 1,42% до 1,68%. Сравнение возрастной структуры россиян в 1897 и 1920 гг. показывает, что эта прибавка не могла существенно повлиять на долю лиц в возрасте 15–24 лет (табл. 12.17).

Таблица 12.16

Естественный прирост и возрастная структура населения в 19 странах мира в 1950–1978 гг.

Страна	Естественный прирост в 1950–1978 гг.,%	0–14 лет,%	15–59 лет,%	Старше 60 лет,%	Медианный возраст, лет
Великобритания	0,4	24,0	55,8	20,2	34,4
Испания	1,0	27,6	58,0	14,4	29,7
Япония	1,1	24,3	64,0	11,7	30,5
США	1,3	24,5	60,5	15,0	29,4
СССР	1,4	28,9	59,2	11,9	29,3
Китай	2,0	33,4	58,0	8,6	23,5
Индия	2,1	42,1	53,0	4,9	19,6
Индонезия	2,3	43,7	52,3	4,0	17,4
Египет	2,4	40,7	53,8	5,5	19,4
Камерун	2,5	40,0	54,2	5,8	19,6
Иран	2,7	45,7	49,2	5,1	16,4
Нигерия	2,7	45,1	51,0	3,9	17,4
Бразилия	2,9	42,0	52,7	5,3	18,9
Колумбия	3,0	45,7	49,9	4,4	17,5
Куба	3,0	37,9	52,8	9,3	22,9
Пакистан	3,1	46,5	48,8	4,7	19,1
Мексика	3,4	45,9	48,7	5,4	16,7
Берег Слоновой Кости	3,5	44,6	51,8	3,6	18,5
Объединенные Арабские Эмираты	14,0	33,8	63,6	2,6	23,3

Источник: Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 140–158.

Таблица 12.17

Лица в возрасте 15–24 лет во взрослом населении страны (в возрасте от 15 лет и старше), в%

	Все население		Городское население		Сельское население	
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
Доля 15–24-летних мужчин	29,8	24,4	36,8	25,4	28,5	24,0
Доля 15–24-летних женщин	30,2	30,2	30,2	30,0	30,2	30,3
Доля 15–24-летних лиц обоего пола	30,0	27,8	33,8	28,0	29,3	27,7

Источники: Общий свод. Т. 1. С. 56–58; Статистический ежегодник 1918–1920 гг.: В 2 вып. М., 1921. Вып. 1. С. 38–61.

Согласно двум последовательным переписям, с 1897 по 1920 г. доля лиц в возрасте 15–24 лет во взрослом населении (в возрасте 15 лет и старше) уменьшилась с 30% до 27,8%, среди горожан — соответственно с 33,8 до 28%, среди сельских жителей — с 29,3 до 27,7%. Среди мужчин доля молодежи сократилась еще больше — на 5,4% вследствие военных потерь в Первую мировую и Гражданскую войну. Доля молодых женщин приблизительно показывает, *какой бы была доля мужчин, если бы не военные потери*. В 1920 г. сравнительно с 1897 г. во всем взрослом населении доля женщин в возрасте 15–24 лет осталась неизменной,

среди горожан на 0,2 уменьшилась, а среди селян, наоборот, на 0,1% увеличилась. Таким образом, никакого молодежного бугра и омоложения населения в интервале между 1896 г. и 1920 г. не наблюдалось, гипотезу «молодежной революции» приходится отклонить.

Итак, проверка гипотезы о перепроизводстве российской элиты и недостатке ресурсной базы для ее воспроизводства в мальтузианском смысле не подтверждается эмпирически. Не выдержала проверки фактами и «молодежная концепция» революции. Материальное неравенство в обществе начала XX в. было умеренным и также не могло быть главным фактором революции (подробнее об этом см. ниже в разделе, посвященном структурной концепции революции). В целом структурно-демографическая теория не дает удовлетворительного объяснения происхождения *русских* революций, и это не должно удивлять. Во-первых, Голдстоун считает невозможным создать общую теорию революции, предлагая ограничиться сопоставлением различных частных случаев, поиском в них общего и особенного. Во-вторых, Россия никогда не попадала в мальтузианскую ловушку. В-третьих, теория предназначена для анализа воздействия быстрого прироста населения на дестабилизацию ситуации в *доиндустриальных* обществах, а Россия в начале XX в. испытала промышленную революцию. Это, разумеется, не означает, что теория в принципе не верна. Она «работает», но при определенных условиях. Например, как показал Голдстоун, демографический фактор играл заметную роль в английской революции XVII в. «Молодежный бугор», по крайней мере, отчасти объясняет арабские революции 2010-х гг.[145]

Непосредственные причины революции не привлекают внимания сторонников структурно-демографической концепции революции. Будучи в большинстве представителями точных и естественных наук и приверженцами клиодинамики, они сконцентрировали свои усилия на изучении общих закономерностей социального развития и предпосылок революций.

12.4. Структурная концепция революция: высокий уровень неравенства в России

В марксистской, мальтузианской и структурно-демографической концепциях революции рост имущественного и социального неравенства в пореформенное время рассматривается как один из важных факторов революции. Структурная концепция видит в поляризации общества, разделенного на привилегированные и угнетенные социальные группы, и в нарастающем конфликте групповых интересов главную предпосылку революции. Когда существует высокий уровень неравенства, то революция может легко разразиться при ослаблении государственных структур, защищающих господство привилегированных групп, например вследствие неудачной войны[146]. Образчик такого объяснения русской революции дает Л. Хаймсон, утверждавший, что социальная поляризация поставила Россию на грань революции еще накануне Первой мировой войны[147].

Тезис о быстром увеличении неравенства в пореформенное время и чрезвычайно высоком его уровне в начале XX в. не подтверждается эмпирически. На самом деле степень неравенства среди крестьянства на рубеже XIX–XX вв., если ее оценивать наиболее адекватным способом — коэффициентом Джини по доходу на человека, была невысокой — 0,133–0,206, и к 1917 г. едва ли могла возрасти

сколько-нибудь значительно. В советской историографии степень расслоения вольно или невольно завышалась с целью доказать готовность позднеимперского российского общества к социалистической революции. Для доказательства этого использовались данные о землепользовании и числе скота. Этот критерий, пригодный для крепостной эпохи, утратил свою адекватность в пореформенное время, вследствие того, что значительная часть дохода стала получаться крестьянами за счет промысловой деятельности, найма на временную работу и других видов несельскохозяйственной активности. Но даже группировки по числу скота не подтверждают высоких темпов возрастания расслоения в 1880–1917 гг. По сведениям военно-конских переписей, в среднем по 50 губерниям Европейской России доля безлошадных дворов в 1882 г. составляла 26,9%, в 1888–1891 гг. — 27,8%, в 1893–1896 гг. — 32,2%, в 1899–1901 гг. — 29,3%, в 1912 г. — 29,3%, в 1917 г. — 28,8%[148]. Увеличение доли безлошадных в 1893–1896 гг. являлось результатом тяжелого неурожая 1891–1892 гг., последствия которого удалось полностью преодолеть через 10 лет.

Военно-конские переписи имели большой недостаток: они не учитывали волов, заменявших лошадей в юго-восточных, степных, украинских и других черноземных губерниях. В 1916 г. на долю волов приходилось 9,4% от общего числа лошадей и волов[149]. В более раннее время процент волов, вероятно, был выше, так как лошади (на треть более производительные животные) постепенно их заменяли. Игнорирование волов приводило к занижению процента хозяйств, не имевших рабочего скота («безлошадных»), что хорошо видно из следующих данных. В губерниях, где волы широко использовались, доля безлошадных намного выше сравнительно с теми, где они не применялись: в Донской губернии в 1893–1896 гг. насчитывалось 42,3% безлошадных дворов, а доля волов в общем числе рабочего скота составляла 45,9%, в новороссийских губерниях — соответственно 34,6% и 22,6%, в малороссийских губерниях — 45% и 15%[150]. Если бы в группировках по скоту волы учитывались, то хозяйств без рабочего скота насчитывалось бы существенно меньше. Однако динамику расслоения военно-конские переписи, вероятно, отражали более или менее правильно. Если это так, то приведенные данные показывают: доля безлошадных дворов незначительно колебалась с легкой тенденцией к увеличению — за 35 лет, 1882–1917 гг. она возросла лишь на 1,9%.

Большинство дореволюционных и западных исследователей, специально изучавших вопрос расслоения, пришли к выводу: крестьянство до самой революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношениях довольно однородной массой и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения[151]. Именно поэтому в 1897 г. во всей империи (без Финляндии) доля рабочих и прислуги, для которых работа по найму служила главным средством к существованию, составляла в самодеятельном населении империи[152] всего 10,9% (8432,3 тыс. из 77 332 тыс.)[153].

12.4 а. Самые бедные

Чтобы получить представление об уровне имущественного неравенства в стране, рассчитаем на 1901–1904 гг. децильный коэффициент дифференциации доходов. Он показывает, во сколько раз средний доход 10% самых богатых превышает средний доход 10% наименее обеспеченных граждан[154]. Децили — значения, раз-

деляющие совокупность на 10 равных по численности групп (по 10% в каждом). В нашем случае: первая — низшая по доходам группа, включает 10% жителей, чьи доходы ниже 1-го дециля; вторая — следующая, с бóльшими доходами группа, также включает 10% граждан, чьи доходы меньше 2-го дециля, и т. д., а десятая — высшая по доходам группа населения, включает 10% лиц, чьи доходы выше 9-го дециля. Соответственно будем называть первой децильной группой, или представителями первого дециля, те 10% россиян, которые являются самыми бедными и чьи доходы находятся в интервале от нуля до первого дециля. Вторая децильная группа — это следующие 10% граждан, чьи доходы находятся в интервале между первым и втором децилем; и т. д. Десятая децильная группа — самые богатые 10% лиц, чьи доходы выше девятой децили.

Беднейших людей в позднеимперской России следует искать среди люмпенизированных слоев, прислуги и рабочих, потому что у крестьян доходы в среднем были выше, чем у пролетариев. По результатам обследования в 1885–1901 гг. 278 крестьянских бюджетов, учитывавших не только денежные, но и натуральные доходы, их годовой доход по заниженной оценке в среднем равнялся 595 руб. на двор[155] или около 178 руб. на работника[156], а за вычетом расходов на производственные нужды — примерно 150 руб. в ценах 1901–1904 гг.[157]. Сравнивая доходы пролетариев и крестьян, следует иметь в виду несколько факторов, игнорирование которых приводит к преувеличению доходов рабочих и занижению доходов крестьян.

(1) Доходы крестьян преуменьшены, так как получены в ходе опросов, в то время как сведения о зарплате рабочих подтверждены документально предпринимателями, не имевшими мотивов их преуменьшать. По свидетельству Ф. А. Щербины, «в громаднейшем большинстве случаев крестьяне ожидали от переписей благоприятных последствий», т. е. уменьшения налогов или каких-либо льгот[158]. При таком настроении земледельцы были кровно заинтересованы в преуменьшении доходов и преувеличении расходов, что они и сделали, поскольку записей не имелось, и вся земская перепись велась, основываясь на их устных свидетельствах[159].

(2) Крестьяне жили в своих домах, и потому не платили квартирную плату, поглощавшую от 6,8% до 16,4% всех расходов рабочих[160].

(3) Цены на товары, покупавшиеся земледельцами и батраками, в деревне были, как правило, на 5–15% ниже, чем в ближайших к ней поселениях и городах, где размещалась промышленность[161]. Кроме того, около 30% пролетариев проживали преимущественно в крупных городах[162], где уровень цен был намного выше, чем в сельской местности.

(4) Семейная кооперация в крестьянском хозяйстве давала существенную экономию во всех расходах и позволяла землепашцам использовать имеющийся доход рациональнее, чем пролетариям. Практически все крестьяне жили семьями, в то время как большинство (58,5%) рабочих-мужчин и почти половина работниц (48,9%) жили одиночно и вне своей семьи[163]. Между тем расходы на человека у одиноких были существенно выше, чем у семейных, например в Петербурге в 2,3 раза (табл. 9.2), и не потому, что одинокие шиковали — жизнь им обходилась дороже.

(5) Землепашцы работали меньше, чем пролетарии. В начале XX в. году у первых насчитывалось примерно 107 полных рабочих дней (Табл. 10.4), у вторых — 287[164].

Перечисленные преимущества увеличивали доход крестьян на одного работника не менее чем на треть сравнительно с результатами опроса, зафиксированного бюджетными обследованиями, т. е. до 200 руб. При этом реально 200 руб. для крестьянина значили как минимум в 1,5 раза больше, чем для пролетария, живущего в городе. Благодаря преимуществам хозяйствования на собственной земле землепашцы неохотно покидали деревню и становились рабочими. Этим объясняется низкая миграция крестьян в город не только до 1861 г., но и после реформы. Доля горожан с 1857 по 1913 г. поднялась лишь на 5,3% — с 10,0 до 15,3%[165].

Годовые заработки городской прислуги в 1904 г. по империи (без Финляндии) находились в интервале от 81 до 165 руб.[166], у поденщиков и чернорабочих в 1904–1906 гг. — от 25 до 120 коп. в день[167], при переводе на годовой заработок — от 26 до 123 руб., в среднем — 74 руб.[168] Годовая оплата сельскохозяйственных рабочих в 1899–1900 г. варьировала от 40 до 90 руб., в среднем равнялась 65 руб.[169], у фабрично-заводских в 1901–1904 гг. — в интервале от 50 руб. у детей, 100 руб. у подростков, 125 руб. у женщин и до 250 руб. у взрослых мужчин[170]. Поскольку мы учитываем лиц с минимальными доходами, то в качестве зарплаты низшей страты промышленных рабочих примем 95 руб. в год — среднюю оплату женского и детского труда. На их долю в 1901–1904 гг. приходилось соответственно 27% и 10,7% всех пролетариев, занятых на предприятиях, подчиненной фабричной инспекции[171].

Доходы меньшие, чем у рабочих и прислуги, имели нищие, бродяги, странники, богомолки, лица, призреваемые в богадельнях, приютах, живущие на пособия благотворителей и находившиеся в заключении (последних насчитывалось около 96,5 тыс. обоего пола в 1897 г.[172] и 155 тыс. на 1 февраля 1917 г.[173]; но они в расчете децильного коэффициента участвовать не будут). Согласно переписи 1897 г., маргиналов без заключенных в империи насчитывалось около 715,7 тыс. чел. обоего пола, на 1901–1904 гг. их численность мною увеличена на 10% пропорционально приросту населения[174].

Представление о доходах этой беднейшей прослойки могут дать данные о стоимости содержания преступников в тюрьме. В 1903 г. обеспечение одного из 100,1 тыс. российских арестантов без «квартиры» и охраны обходилось обществу в 43,2 руб. (питание — 29,2 руб., одежда, белье, обувь, постельные принадлежности — 13,2 руб., лечение, религиозные и культурные потребности, мыло, стирка и т. п. — 0,8 руб.), с расходами на жилище и охрану — 161,3 руб. Содержание (без жилища и охраны) одного здорового нерчинского каторжанина обходилось государству дешевле — 38,6 руб., со всеми расходами — 137,8 руб. Один несовершеннолетний (от 10 до 17 лет), заключенный в исправительном заведении, стоил обществу (со всеми расходами) от 67,8 руб. до 383,8 руб. Дополнительно в среднем по 5,8 руб. в год арестанты зарабатывали личным трудом[175]. Таким образом, без учета расходов на жилье и охрану содержание одного заключенного в год требовало примерно 50 руб., с «квартирой» — около 70 руб. Но жилище для свободного человека стоило гораздо меньше, например, у рабочего на квартирную плату уходило минимум 6,8% от общей суммы расходов. Примем, что на оплату квартиры уходило 10% дохода. Тогда годовой «доход» беднейшей страты российского общества в 1901–1904 гг. мог составлять около 55 руб. в год.

Таким образом, в низшую по доходам 10-ю децильную группу войдут полностью: (1) маргинальные слои (0,93% самодеятельного населения), (2) сельскохозяйственные рабочие (3,53%), (3) поденщики и чернорабочие (1,45%), (4) про-

Тюремная камера. Сибирь 1900-е гг. Фото

мышленные рабочие (точнее, женский и детский их компоненты) заполнят оставшиеся 4,09% (10,00–0,93–3,53–1,45). Прислуга, как имевшая более значительные доходы, в беднейшую страту не попадает. Средний годовой доход 10% самодеятельного населения с минимальными доходами равнялся приблизительно 78 руб. (табл. 12.18).

Таблица 12.18

Расчет среднего дохода 10% беднейшего населения России в 1901–1904 гг.

Категория	Средний доход, руб.	Численность самодеятельного населения		Суммарный доход, тыс. руб.
		тыс. чел.	%	
Нищие, бродяги, призреваемые и т. п.	55	787,3	0,93	43 301,5
Сельскохозяйственные рабочие	65	2 995,1	3,53	194 681,5
Поденщики и чернорабочие	74	1 232,2	1,45	91 182,8
Промышленные рабочие (женщины и дети)	95	3 475,4	4,09	330 163,0
Все беднейшее население	77,7	8 490	10,00	659 328,8

Источник: Подсчитано по данным из источников, указанных в сносках 156–165.

12.4 б. Самые богатые

Оценим теперь доход 10% граждан, относящихся к наиболее состоятельным. Созданная в мае 1905 г. Комиссия по вопросу введения подоходного налога при Министерстве финансов собрала материалы о числе потенциальных налогоплательщиков в 1901–1904 гг. и 1909–1910 гг. [176] Комиссия установила минимум дохода для уплаты налога в 1000 руб.: все лица, чьи доходы (от земли, городских недвижимых имуществ, от торгово-промышленных капиталов, денежных капиталов или личного труда) превышали 1000 руб. в год, подлежали обложению. 1000 руб. — не слишком значительная сумма: она только в 4,7 раза превышала средний заработок российского фабрично-заводского рабочего в 1904 г. На рубеже XIX–XX вв. более 1000 руб. в год зарабатывали адвокаты, профессора, успешные журналисты, известные артисты, врачи (например, среднее жалованье земских врачей составляло 1200–1500 руб.)[177]. Годовое жалованье младшего офицера в 1901–1904 гг., правда, с учетом столовых и квартирных денег превышало 1000 руб. в год[178].

Данные Комиссии по вопросу введения подоходного налога давно используются исследователями, в том числе такими известными, как С. Н. Прокопович, А. Л. Вайнштейн и П. Грегори. Первый этим данным доверял. По мнению Вайнштейна, «в исчисления народного дохода вошло вряд ли более 15% дохода, созданного в материальной сфере производства», поэтому оценка Комиссии охватывала лишь самых богатых, сосредоточенных преимущественно в сфере услуг. Он также ошибочно заключил, что исчисление дохода охватило только 69 губерний[179]. На самом деле учтены 76 губерний империи, но в окраинных регионах (Сибирь, Кавказ и Средняя Азия) по некоторым источникам дохода не встречалось получателей доходов более 1000 руб.[180]

В. С. Дякин провел источниковедческий анализ материалов Комиссии и пришел к выводу: собранные данные вполне достоверны, за исключением численности получателей дохода от торгово-промышленных предприятий, заниженной почти втрое. Если с ним согласиться, то число предпринимателей, получавших доход свыше 1000 руб., следует увеличить в 3 раза, с 83,6 до 250,8 тыс. Тогда общее число получателей высокого дохода возрастет примерно с 404,7 до 571,9 тыс. человек или в 1,4 раза (поскольку Дякин не оспаривает число получателей дохода из других источников), а их суммарный доход — тоже в 1,4 раза, с 1724 до 2457 тыс. руб.[181] Однако с методикой подсчета, использованной Дякиным, трудно согласиться. Вот как он проверял число получателей дохода свыше 5000 руб. «При средней зарплате русских рабочих в начале XX в. порядка 200 руб. в год и при норме прибавочной стоимости около 100%, доход в 5000 руб. обеспечивали в принципе все предприятия, имевшие свыше 50 рабочих»[182]. К сожалению, Дякин не указывает, на каком основании он принимает норму эксплуатации за 100%. Если у К. Маркса, то у него это условный пример для Великобритании середины XIX в. Кроме того, согласно Марксу, норма прибавочной стоимости не является одинаковой для всех и всегда. Дякин распространил эту чисто условную норму на российскую экономику начала XX в. совершенно произвольно. Неверно также, даже оставаясь в рамках марксистской политической экономии, отождествлять прибавочную стоимость с чистой прибылью, так как часть прибавочной стоимости трансформируется в различные виды «затрат» — проценты по кредиту, ренту, надбавки к зарплате, налоги, разные сборы, отчисления и другие обязательные платежи в бюджет. Чистую прибыль также нельзя приравнивать к доходу предпринимателя, так как она используется для увеличения оборотных средств фирмы, для формирования фондов и резервов и для реинвестиций в производство. Таким образом, расчет числа получателей дохода более 1000 руб., произведенный Дякиным, является абстрактным и не может служить основанием для пересмотра выводов Комиссии.

Согласно расчету Комиссии по вопросу введения подоходного налога, в целом по империи (без Финляндии) в 1901–1904 гг. людей с доходом более 1000 руб. насчитывалось лишь 404,7 тыс[183]; их годовой доход составлял 1723,8 тыс. руб. Но расчет относился не к самодеятельному населению, а домохозяйствам, так как в семьях состоятельных людей ни дети до окончания учебного заведения, ни жены, как правило, не работали. В отличие от них в крестьянской и рабочей среде лица старше 14 лет работали все, да, кроме того, еще значительное число несовершеннолетних, моложе 14 лет. Например, в промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, в 1901–1904 гг. среди рабочих на долю

женщин приходилось 27,0%, а малолетних и подростков до 15 лет — 10,7%[184]. Следовательно, доход домохозяйства в высшей страте, как правило, приносил глава семьи, а в низшей страте складывался из заработков всех домочадцев в возрасте старше 14 лет. Вследствие этого для подсчета децильного коэффициента следует привести доходы верхней и нижней страт к общему знаменателю. К сожалению, массовых данных о совокупном доходе семей рабочих нет. Единственный способ решения проблемы сопоставимости — перевести доходы богатых с семьи на одного человека в возрасте старше 14 лет. Чтобы сделать это, надо знать половозрастной состав семей. В начале XX в. среди лиц с доходом более 1000 руб. около 14–17% принадлежали к дворянству, менее 12% — к крестьянству, свыше двух третей — к купцам, почетным гражданам, мещанам и ремесленникам[185]. Средняя городская семья по переписи 1897 г. включала 4,3 человека обоего пола, в том числе 2 ребенка до 15 лет. 27% семей являлись расширенными или составными, значит, включали других взрослых, кроме главы семьи и его жены, но имелось немало одиночек и неполных семей[186]. Из приведенных данных следует, что типичная городская семья состояла минимум из двух взрослых. При переходе от посемейного дохода к доходу на взрослого человека в качестве переводного коэффициента примем минимальную величину — 2. Тогда элитарная страта будет включать около 809,4 тыс. лиц старше 14 лет (404,7 х 2) с суммарным доходом в 1723,8 млн руб. и со средним доходом на одного человека в возрасте старше 14 лет 2130 руб. На ее долю в самодеятельном населении страны приходилось примерно 1%.

Второй компонент 10-й децильной группы включал 9% (10% — 1%) жителей, или 7681 тыс. человек. Их средний годовой доход находился в интервале от 95 до 500 руб., потому что верхняя граница среднего годового дохода лиц, входящих в 1-ю децильную группу, равнялась 95 руб., а элита начиналась с лиц, имевших на семью от 1000 руб., следовательно, на взрослого человека — от 500 руб.

Оценить более точно средний доход этих 9% населения можно следующим способом. Известен чистый национальный продукт (ЧНП) России. Наиболее точная его оценка принадлежит П. Грегори — 12 045,4 млн руб. в текущих ценах в среднем за 1901–1904 гг.[187] ЧНП является совокупным доходом общества, заработанным в течение года, и он более или менее соответствует сумме всех доходов населения в течение года до уплаты прямых и косвенных налогов. Если от ЧНП отнять подсчитанный нами суммарный доход 1-й низшей децильной группы (10% населения) и доход 1% богатейших граждан из 10-й децильной группы, то полученная величина будет соответствовать доходу 89% населения. Из него можно выделить ту часть, которая соответствует доходу 9% лиц (из десятой децильной группы), посредством расчета, отвечающего следующим критериям адекватности: (1) средний доход граждан, входящих в восемь децильных групп, со 2-й по 9-ю включительно, должен быть больше 1-го дециля, но меньше 9-го дециля; (2) средний доход 9% представителей высшей 10-й децильной группы должен быть меньше среднего дохода всей 10-й децильной группы, так как мы исключили из нее 1% самых богатых лиц; (3) значения смежных децилей должны отличаться более чем на 25–30%. Эти требования обусловлены тем, что значения децилей находятся в иерархических отношениях друг с другом — значение 1-го должно быть больше, чем 2-го, 2-го — больше, чем 3-го, и т. д. Фрагмент расчета представлен в табл. 12.19.

Таблица 12.19

Оценка доходов самодеятельного населения, входящего в 1-ю и во 2–9-ю децильные группы в 1901–1904 гг. *

1	Численность самодеятельного населения, млн	84,9	84,9	84,9	84,9	84,9	84,9
2	Численность населения, входящего в 1-ю и 10-ю децильные группы, тыс.	8 490,0	8 490,0	8 490,0	8 490,0	8 490,0	8 490,0
3	Численность элиты из 10-й децильной группы, тыс.	809,4	809,4	809,4	809,4	809,4	809,4
4	Число лиц, входящих в 9% десятой децильной группы, тыс.	7680,6	7 680,6	7 680,6	7 680,6	7 680,6	7 680,6
5	Численность населения, входящего во 2–9-ю децильные группы, тыс.	67 920,0	67 920,0	67 920,0	67 920,0	67 920,0	67 920,0
6	Суммарный годовой доход всего населения, млн руб.	12 316,0	12 316,0	12 316,0	12 316,0	12 316,0	12 316,0
7	Суммарный годовой доход элиты из 10-й децильной группы, млн руб.	1 723,8	1723,8	1 723,8	1 723,8	1 723,8	1 723,8
8	Суммарный годовой доход 1-й децильной группы, руб. на человека	659,3	659,3	659,3	659,3	659,3	659,3
9	Средний годовой доход 1-й децильной группы, руб. на человека	77,7	77,7	77,7	77,7	77,7	77,7
10	Верхняя граница среднего годового дохода лиц, входящих в 1-ю децильную группу, руб. на человека	95,0	95,0	95,0	95,0	95,0	95,0
11	Средний годовой доход населения, входящего во 2–9-ю децильные группы, руб. на человека	**94,0**	**95,0**	**100,0**	**110,0**	**131,0**	**132,0**
12	Суммарный годовой доход населения, входящего во 2–9-ю децильные группы, млн руб.	6 384,5	6 452,4	6 792,0	7 471,2	8 897,5	8 965,4
13	Суммарный годовой доход лиц, входящих в 9% десятой децильной группы, млн руб.	3 548,4	3 480,5	3 140,9	2 461,7	1 035,4	967,5
14	Средний годовой доход населения, входящего в 9% десятой децильной группы, руб. на человека	462,0	453,2	408,9	320,5	134,8	126,0
15	Суммарный годовой доход 10-й децильной группы, млн руб.	5272,2	5 204,3	4 864,7	4 185,5	2 759,2	2 691,3
16	Средний годовой доход 10-й децильной группы, руб. на человека	621,0	613,0	573,0	493,0	325,0	317,0
17	Дециль ный коэффициент	8,0	7,9	7,4	6,3	4,2	4,1
18	Соотношение среднего годового дохода 2–9-й децильных групп и 10-й децильной группы,%	121,0	122,3	128,8	141,7	168,7	170,0
19	Соотношение среднего годового дохода 9% лиц из 10-й децильной группы и 2–9-й децильных групп,%	491,5	477,0	408,9	291,4	102,9	95,4
20	Соотношение среднего годового дохода 10-й децильной группы и 9% лиц из этой группы,%	134,4	135,3	140,1	153,8	241,1	251,7

*Примечание:** Из-за округления показателей до одной десятой между данными могут быть небольшие несоответствия.

Источники: Грегори П. Экономический рост. С. 242; Опыт приблизительного исчисления народного дохода. С. XXXIV–XXXVI. Остальные данные см. в табл. 12.18.

В табл. 12.19 полужирным выделены параметры, рассчитанные по разным значениям среднего годового дохода населения, входящего во 2–9-ю децильные группы (11-я строка табл. 12.19). Из таблицы хорошо видно, что если средний доход 9% граждан из 10-й децильной группы (14-я строка), равен 462 руб., то средний доход населения, входящего во 2–9-е децильные группы (11-я строка), — 94 руб., т. е. становится меньше 95 руб. — того предела, ниже которого он опускаться не должен. Если же средний доход 9% граждан из 1-й децильной группы (14-я строка) падает до 126 руб., то он становится меньше среднего дохода 2–9-й децильных групп (132 руб., 11-я строка) — того предела, ниже которого он быть не должен. Следовательно, средний доход 9% граждан из 10-й децильной группы находился в пределах 126–462 руб. на душу самодеятельного населения, средний доход всей 10-й децильной группы — в интервале от 317 до 613 руб., а децильный коэффициент — в границах от 4,1 до 7,9. Наилучшим образом критериям адекватности отвечает расчет в шестом столбце табл. 12.19, где средний годовой доход 10-й децильной группы (16-я строка) равен 493 руб., 1-й децильной группы — 78 руб. на человека. В табл. 12.20 приведены результаты расчета среднего дохода 10% самых богатых людей.

Таблица 12.20

Расчет среднего годового дохода 10% богатейшего населения России в 1901–1904 гг.

Категория населения	Средний доход, руб.	Численность самодеятельного населения		Суммарный доход, млн руб.
		тыс.	%	
Лица с доходом 500 руб. и выше*	2 129,7	809,4	1,0	1 723,8
Лица с доходом менее 500 руб.*	320,5	7 680,6	9,0	2 461,7
10-я децильная группа	493,0	8 490,0	10,0	4 185,5
Чистый национальный продукт империи в 1901–1904 гг.				12 316,0

*Примечание:** На душу самодеятельного населения руб.

Источники: Грегори П. Экономический рост. С. 242; Опыт приблизительного исчисления народного дохода. С. XXXIV–XXXVI.

Повышение среднего годового дохода 10-й децильной группы с 493 руб. до максимально возможных 605 руб. (14-я строка табл. 12.19) увеличивает децильный коэффициент с 6,3 до 7,8 (17-я строка), а уменьшение дохода до минимально возможных 325 руб. понижает коэффициент до 4,2. Аналогичным образом рост среднего годового дохода 1-й децильной группы с 77,7 руб. до 100 руб. уменьшает децильный коэффициент до 6,1, а падение дохода до минимально возможной величины в 55 руб., равного доходу нищих, повышает коэффициент до 10,7.

12.4 в. Децильный коэффициент неравенства

Как показывает макроэкономический расчет: децильный коэффициент неравенства в России начала XX в. составлял примерно 6,3 и мог варьировать в границах 4,2–10,7. Лишь максимально возможная его величина могла представлять известную социальную опасность. В качестве иллюстрации российского уровня неравенства в начале XX в. рассмотрим, как распределялись доходы внутри двух больших профессиональных групп — духовенства и учителей.

Сведения о доходах 1295 причтов, включавших 20,7 тыс. белого духовенства обоего пола, Владимирской губернии в 1863 г., и о денежном жалованье 43,7 тыс. лиц, занятых в начальных церковных школах в 1906 г. [188] до некоторой степени отражают примерный уровень дифференциации доходов среди всего населения России, так как духовенство и учителя материально дифференцировались в меньшей степени, чем городское сословие и дворянство, но в большей степени, чем крестьянство. Нормативное различие в доходах между протоиереем, священником, дьяконом и псаломщиком находилось в пропорции 4:3:2:1[189]. Средний годовой доход 10% самых богатых причтов равнялся 1037 руб., а 10% самых бедных — менее 148 руб., децильный коэффициент — 7 (табл. 12.21).

Таблица 12.21

Распределение годовых доходов по причтам Владимирской епархии в 1863 г.

Доходы, руб.	Число причтов	%	Сумма дохода	%
100	209	16,1	20 900	5,7
100–199	305	23,6	45 750	12,4
200–299	305	23,6	76 250	20,7
300–399	216	16,7	75 600	20,5
400–499	121	9,3	54 450	14,8
500–599	60	4,6	33 000	8,9
600–699	37	2,9	24 050	6,5
700–799	19	1,5	14 250	3,9
800–899	10	0,8	8 500	2,3
900–999	6	0,5	5 700	1,5
1000+	7	0,5	10 500	2,8
Итого	1 295	100	368 950	100

Источник: РГИА, ф. 804 (Присутствие по делам православного духовенства), оп. 1, д. 60, л. 5.

Похожая картина в начальной школе. В 1906 г. среднее годовое жалованье 10% самых высокооплачиваемых лиц, занятых в начальной церковной школе, равнялось 348 руб., а 10% самых низкооплачиваемых — 50 руб.[190], децильный коэффициент — 7 (табл. 12.22).

Таблица 12.22

Распределение годового денежного жалованья среди учителей начальных церковных школ в 1906 г.

Жалованье, руб.	Число учителей	%	Сумма дохода	%
41–60	4 862	11,1	245 531	3,2
61–120	10 604	24,3	959 662	12,6
121–180	7 871	18,0	1 184 585,5	15,6
181–240	10 530	24,1	2 216 565	29,1
241–300	6 946	15,9	1 878 893	24,7
301–360	1 814	4,2	599 527	7,9
361–419	353	0,8	137 670	1,8

Таблица 12.22 (окончание)

Жалованье, руб.	Число учителей	%	Сумма дохода	%
420–470	278	0,6	123 710	1,6
480–599	285	0,7	153 757,5	2,0
600+	150	0,3	105 000	1,4
Итого	43 693	100	7 604 901	100

Источник: Подсчитано по: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1906 годы. СПб., 1910. Табл. С. 238.

Интересно отметить, что неравенство среди наиболее состоятельной части населения России в начале XX в. не имело явно выраженной тенденции возрастать. С 1901–1904 по 1909–1910 гг. доля доходов двух нижних групп по доходу увеличилась на 7,7%, а доля двух высших групп, наоборот, уменьшилась на 7%; доля двух средних групп почти не изменилась (табл. 12.23).

Таблица 12.23

Распределение населения с ежегодным доходом свыше 1000 руб. в 1901–1904 и 1909–1910 гг. по группам дохода

Группы населения по доходу (руб.)	1901–1904 гг.			1909–1910 гг.		
	Число лиц, тыс.	Сумма доходов		Число лиц, тыс.	Сумма доходов	
		млн руб.	%		млн руб.	%
1001–2000	220,5	317,2	18,4	396,5	553,5	20,9
2001–5000	120,9	343,5	19,9	216,1	662,8	25,1
5001–10 000	37,1	229,5	13,3	52,0	357,4	13,5
10 001–20 000	16,1	193,7	11,2	19,9	273,5	10,3
20 001–50 000	7,3	189,3	11,0	8,7	259,7	9,8
50 000+	2,8	450,5	26,1	3,5	537,8	20,3
Итого	404,7	1 723,7	100,0	696,7	2 644,7	100,0

Источник: Подсчитано по: Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906. С. XXXV; Подоходный налог: Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–10 году: Материалы к проекту положения о государственном подоходном налоге. СПб., 1910. С. 82–84.

Известный русский экономист С. Н. Прокопович сделал приблизительный расчет распределения национального дохода России на 1909–1913 гг. между трудовыми классами (на их долю пришлось 73,6% дохода), имущими классами (22,4%) и казной (4,0%). К первым он отнес людей, живущих исключительно личным трудом, но их долю в населении не определил. Грубо говоря, она составляла около 90% — 85% крестьян и 5% мещан[191]. Таким образом, 10% наиболее богатых россиян вместе с казной получали приблизительно 26,4% национального дохода, что удовлетворительно согласуется с результатами моих подсчетов.

В начале XX в. большинство западноевропейских стран по имущественному неравенству превосходили Россию. Например, в США децильный коэффициент в 1913–1917 гг. равнялся 16–18, в 1929 г. — 18,2, в 1950 г. — 16,0, в 1970 г. — 18,0[192]. Колоссальное имущественное неравенство существовало в Великобритании, где в 1850-е гг. децильный коэффициент достигал 22,5 для налогоплательщиков

и 74 для всего населения (табл. 10.1)[193]. В других европейских странах неравенство было ниже, чем в США и, особенно, в Великобритании, но выше, чем в России. В 1901–1904 гг. одному проценту россиян принадлежало около 14% национального дохода[194], а одному проценту американцев в 1913 г. — 15%. В 1913 г. 5% самых богатых получали в США около 25%[195], в Великобритании — 43%, в Пруссии — 30%, в Дании — 30%, в Норвегии — 27–32% национального дохода[196]. А в России в 1901–1904 гг. 10% самых богатых располагали 34% дохода. Необходимо также учитывать абсолютные значения доходов. Средний доход на человека у 1% самых богатых россиян в 1901–1904 гг. равнялся в текущей валюте 991 руб. (507 долларов США), а у американцев в 1900–1910 гг.— 8622 руб. (4412 долларов)[197], т. е. в 8,7 раза больше. Самые состоятельные англичане и американцы превосходили по богатству российского императора и великих князей.

По утверждению вел. кн. Александра Михайловича, Николай II «не мог бы состязаться в богатстве ни с Рокфеллерами, ни с Ротшильдами и ни с остальными архимиллионерами. <...> На личные нужды государя оставалось ежегодно около 200 тыс. руб., после того, как были выплачены ежегодные пенсии родственникам, содержание служащим, оплачены счета подрядчиков по многолетним ремонтам во дворцах, покрыт дефицит императорских театров и удовлетворены нужды благотворительности. <...> Образ жизни [императорской семьи] ни в какое сравнение с жизнью магнатов капитала идти не мог. Сомневаюсь, удовольствовались ли бы короли стали, автомобилей или же нефти такой скромной яхтой, которая принадлежала государю, и я убежден, что ни один глава какого-либо крупного предприятия не удалился бы от дел таким бедняком, каким был государь в день его отречения»[198].

Таким образом, имущественное неравенство в начале XX в. в России в целом находилось на более низком сравнительно с западными странами уровне[199]. Оно имело важную особенность: незначительное по западным стандартам богатство сосредоточивалось в руках лишь 1% жителей, а среди остальных 99% оно распределялось без кричащих контрастов. Поэтому предположение об огромном неравенстве доходов в позднеимперской России как главном факторе русской революции не подтверждается эмпирически. Если сравнивать бедного крестьянина с Романовыми, Шереметьевыми, Юсуповыми и иными подобными русскими аристократами, то неравенство, конечно, было громадным, хотя и намного меньшим, чем в современной России между богатыми и бедными, тем более между олигархами и остальными гражданами[200]. Если же сравнивать целые страты богатых и бедных, то различия следует признать умеренными. В 1907 г. Министерство финансов констатировало, что «крупные богатства у нас сосредоточены в руках сравнительно ограниченного контингента лиц, и в то же время ни в одной стране Западной Европы эти богатства не дают таких крупных доходов, как у нас»[201].

Сделанный вывод подтверждают результаты произведенной в 1917–1918 гг. конфискации имущества российских богачей. Экспроприация частных имений, завершившаяся к лету 1918 г.[202], увеличила фонд крестьянской земли в 36 губерниях Европейской России, где имелось значительное частное землевладение, лишь на 23%[203]. Конфискованная земля была разверстана уравнительно, поступив в распоряжение всех наличных крестьян. В переводе на душу прирезка земли оказалась намного меньше, чем ожидалось, — в среднем около 0,5 десятины (0,6 га)[204]. Землепашцы захватили также инвентарь (на 300–350 млн царских зол. руб.), скот

и другое имущество привилегированных частных владельцев. В 1917 г. по 47 губерниям последним принадлежало 4 млн из 154,6 млн голов скота. Его конфискация могла поднять поголовье крестьянского стада весьма незначительно: крупного рогатого — на 2,8%, мелкого — на 2,2%[205]. Сельскохозяйственные переписи 1917 и 1919 гг. этот расчет подтверждают: численность скота на душу населения в 1919 г. — после конфискаций — практически не изменилась[206]. В целом имущество и доходы крестьян (благодаря национализации земли, конфискации всего имущества привилегированных слоев, списанию долгов и освобождению от всех поземельных долгов, арендной платы и поземельного налога) могли возрасти на 20%[207]. Это не могло решить проблему бедности в долгосрочной перспективе.

Структуралисты пытаются объяснить предпосылки, готовящие революцию. Непосредственные причины революции остаются вне сферы их внимания, так как структурные сдвиги в социуме происходят медленно и постепенно, значит, в режиме, пользуясь термином Ф. Броделя, «долгого, или длительного, времени», а революции — быстро, в режиме «короткого времени».

12.5. Политические теории революции

Представители политической теории и генезис революции, и непосредственные причины усматривают главным образом в конфликтах между властями и элитами, внутри элит, между элитами и различными социальными группами. В основе конфликтов — *борьба за политическое господство,* что является непременным спутником общественной жизни любого государства, не исключая так называемых современных демократий, где переход власти от одной группировки к другой институциализирован и введен в цивилизованные процедуры. В данном случае речь идет не о классовой борьбе в марксистском смысле: столкновения имеют преимущественно политическую, а не социальную подоплеку. Например, во время Великой французской революции главным соперником дворянства выступал не нарождавшийся класс буржуазии, а просвещенные либеральные элиты из всех трех сословий. По причине острой борьбы групповых интересов во время революции часто встречается *ситуация двоевластия или многовластия,* когда различные группы вступают в острый политический конфликт, мобилизуют ресурсы в свою поддержку, но никто не может взять верх, вследствие чего борющиеся политические блоки находятся в переходной ситуации равновесия[208]. Борьба элиты и контрэлиты за власть, как и двоевластие, действительно являются характерными чертами русских революций начала XX в.[209]

Одни представители политической теории революции (к ним относится, например, известный американский исторический социолог Ч. Тилли) акцент делают на столкновении интересов различных социальных групп, противоречия между которыми обусловлены внутренними для данного социума причинами[210]. Другие обращают внимание на важную роль низкой социальной мобильности, блокирующей или существенно ограничивающей доступ к власти влиятельных социальных групп, в вызревании революционной ситуации. Традиционный механизм вертикальной мобильности, ставивший на первое место происхождение, а не таланты, не удовлетворял новые элиты, появлявшиеся в развивающемся буржуазном обществе. Согласно теории элит итальянского социолога В. Парето, революции происходят тогда, когда старая правящая элита обновляется чересчур медленно, вследствие чего в высших слоях накапливаются элементы, олицетво-

ряющие бессилие, разложение и упадок, а в низших скапливаются индивиды, превосходящие их своими достоинствами. Смысл революции состоит в обновлении состава правящей элиты и в восстановлении таким способом общественного равновесия[211]. С. В. Куликов, на мой взгляд, весьма удачно использовал теорию Парето при объяснении происхождения русской революции 1917 г.[212]

Третьи сторонники политической концепции особое значение придают государству, полагая, что оно относительно автономно от господствующего класса, а государственная бюрократия — самостоятельная социальная сила. Пока государственная власть сильна и легитимна в глазах большинства граждан, революционные процессы блокируются. Кризис и распад государства неминуемо ведут к революции и только после его восстановления и укрепления революция заканчивается. Решающая роль в возникновении революционной ситуации приписывается внешним факторам — конкуренции на мировой арене и военно-политическому давлению на относительно отсталые страны со стороны экономически более развитых соседей[213]. При этом конфликты между групповыми интересами внутри социума обостряются в условиях войны и усиления внешних угроз[214]. Эти выводы находят поддержку среди исследователей русских революций, почти единодушно убежденных: поражения в русско-японской войне и неудачи в Первой мировой войне спровоцировали русские революции.

Четвертая группа представителей политического направления (лидером этой группы признается Дж. Голдстоун) также связывает революции с кризисом государства, однако, по их мнению, к этому кризису приводят не столько политические противоречия и конфликт групповых интересов, сколько неадекватный ресурсам рост числа жителей, провоцирующий политические столкновения. Перенаселение усиливает конкуренцию во всех слоях общества (крестьян — за землю, рабочих — за работу, элиты — за должности), увеличивает спрос на товары, способствует росту цен и снижению эффективности налоговой системы, что ведет к расстройству государственных финансов и снижению покупательной способности жителей. В результате в обществе возрастает социальное напряжение и обостряются все противоречия. Все это в конечном счете приводит к серьезному кризису государства и в экстремальном варианте — там, где институты (к ним относятся законы, правила, нормы, а также традиции, верования и т. п.) не гибки — к революции[215]. Применительно к русским революциям начала XX в. данная концепция не работает, по нескольким причинам. Во-первых, общего перенаселения в масштабе страны не наблюдалось, а проблема избытка рабочих рук, существовавшая в некоторых местностях, решалась простым переселением и улучшением агротехники. Во-вторых, после принятия конституции в 1905 г. в России появилась возможность мирной смены власти в результате выборов. В-третьих, в пореформенное время в России наблюдалось повышение уровня жизни, финансовая система работала вполне удовлетворительно. Объяснение революции Голдстоуном кажется политическим только на первый взгляд. На самом деле, поскольку главная роль отводится перенаселению, это скорее неомальтузианская концепция революции. Ее анализ сделан в специальном параграфе.

12.5 а. PR как оружие в борьбе за власть

Соперничающие за власть стороны прилагали много усилий на то, чтобы повлиять на массовое сознание соответственно своим задачам и целям. И здесь

необходимо подчеркнуть важность политического пиара, или паблик рилейшнз (далее PR). Историки довольно часто пишут о роли пропаганды и агитации в революции, но редко изучают пиар как таковой[216]. Между пропагандой и политическим PR имеется принципиальное сходство — обе технологии стремятся воздействовать на ценности людей, управлять обществом посредством манипулирования массовым сознанием, ориентируясь на долговременный результат. Но есть и различия. Пропаганда — целенаправленное, принуждающее, безальтернативное воздействие на людей с целью манипулирования массовым сознанием. Политический пиар, по определению первого теоретика и выдающегося практика в этой области, Э. Бернейса, суть «сознательное и разумное манипулирование привычками и мнениями масс как элемента демократического государства», «усилия, направленные на то, чтобы убедить общество изменить свой подход или свои действия, а также усилия, направленные на то, чтобы гармонизировать деятельность организации в соответствии с интересами общественности и наоборот»[217]. Пропаганда может действовать в режиме монолога, в то время как пиар без общения с публикой и при отсутствии обратной связи становится как технология бесполезным, превращаясь по сути в пропаганду; пиарщик без диалога не может оценить эффективность усилий и планировать последующие шаги. Основным отличием пропаганды от пиара являются методы обработки массового сознания — в пропаганде превалируют жесткие, а в пиаре — гибкие методы, приспособленные к социальным условиям «открытого общества». Пропаганду в своей «классической» форме использует государственная машина при отсутствии политической конкуренции, в условиях авторитарного или тоталитарного режима. Но при демократии или хотя бы при режиме с элементами демократии, где в той или иной форме существует гражданское общество, где есть достаточно свободная пресса, действуют политические партии или хотя бы политически значимые социальные группы с разными интересами, пропаганда как жесткое, безальтернативное, принуждающее воздействие на умы становится неэффективной и поэтому вынуждена использовать технику пиара — идти на диалог с публикой со всеми вытекающими из этого демократическими последствиями. Теоретически пиар подразумевает прозрачность и открытость; пропаганда, при необходимости, скрывает факты. Однако практически так называемый серый пиар скрывает факты, а черный пиар их искажает, не уступая в искусстве фальсификации пропаганде. В условиях демократии происходит сближение пропаганды и пиара. Не случайно Бернейз считает возможным отождествить эти понятия, называя пиар «новой пропагандой».

Пиар как *специфическая* деятельность, как *профессия* появился в США в начале XX в. Накануне Первой мировой войны крупные корпорации стали создавать собственный аппарат связей с общественностью, поэтому с этого времени и можно говорить об институционализации паблик рилейшнз. В годы Первой мировой войны пиар получил широкое развитие и превратился в неотъемлемую часть американского образа жизни. В Россию пиар как профессиональная деятельность пришел через сто лет, в конце XX в., вместе с демократией. Однако это не означает, что до тех пор пиар не использовался в общественной жизни. Пиар-технологии применяли спонтанно, интуитивно с древнейших времен (см. Глава 10.7), но, как правило, не в чистом виде, а в сочетании с пропагандой и агитацией. Например, в годы Первой мировой войны правительство, земства

Красный крест: Плакат времен Первой мировой войны

и городские думы вели активную деятельность по продаже облигаций военного займа, повышению морального духа граждан, улучшению работы предприятий и учреждений, используя разнообразные средства воздействия на публику. Возьмем в качестве примера один из множества плакатов времен Первой мировой войны с призывом сделать пожертвование в пользу Красного Креста (рис. 12.1). Плакат имеет целью вызвать доверие и симпатию к организации, прославить Россию и ее доблестную армию, убедить людей в необходимости оказать материальную помощь раненым. Здесь элементы агитации, пропаганды и PR сочетаются настолько органично, что их трудно дифференцировать. Вследствие этого в дальнейшем, говоря о пиаре, я по умолчанию буду иметь в виду также пропаганду и агитацию.

В пореформенной России пропагандой занималось государство, а общественность могла воздействовать на массы только с помощью пиар-технологий, только в диалоговом режиме, путем терпеливой разъяснительной работы с использованием всех доступных средств массовой коммуникации — газет, журналов, листовок, книг, лекций, театра[218], кино, банкетов, церемоний (похорон, юбилеев), съездов, митингов, собраний, демонстраций, театрализованных представлений, символики[219]. Государство применяло практически тот же набор приемов при взаимодействии с обществом, но, кроме того, — государственные и церковные праздники и церемонии (коронование, канонизацию, военные парады, молебны, религиозные шествия).

Традиционными PR-приемами в политике являются: *создание положительного образа победителя и отрицательного образа проигравшего*; *ложная популярность* (создание видимости большой популярности ради увеличения престижа тех или иных групп, организаций и людей); *долгие переговоры* (способ поднять престиж тех или иных групп, организаций и людей посредством намеренного затягивания переговоров с целью продемонстрировать: те, кто их ведут, чрезвычайно озабочены интересами людей, которых они представляют); *ложная поддержка* (способ повышения престижа тех или иных групп, организаций и людей посредством создания видимости, что некие значимые организации или люди их поддерживают); *искусственное столкновение* (организация с помощью подставных лиц создает надуманный конфликт двух партий, групп или организаций с целью их дискредитации, ослабления или дезориентации); *выбор без выбора* (в прессе искусственно создается образ безвыходности ситуации с целью ее обострить, повысить социальную напряженность, указать на врага); *чрезмерный позитив* (в адрес человека, которого хотят дискредитировать, высказывается слишком много положительного, переходящего в похвальбу); *создание информационного повода* с целью привлечь внимание общественности к тем или иным группам, организациям, людям

и событиям или, наоборот, отвлечь от них; *создание события большого масштаба* (значение небольшого события чрезмерно раздувается либо намеренно создается «большое» событие, например, совершается террористический акт, организуется демонстрация, пишется открытое письмо правительству и т. п.) с самыми разнообразными целями: обострить ситуацию, повысить социальную напряженность, дискредитировать, дезориентировать, привлечь внимание к тем или иным группам, организациям, людям и событиям[220].

Политическая жизнь России пореформенной России, особенно в начале XX в., дает много примеров использования перечисленных приемов. Николай II в 1903 г. инициирует Саровские торжества для канонизации Серафима Саровского[221], совершает поездки по стране для встречи с подданными, делает им многочисленные подарки в праздники, произносит речи по важным политическим проблемам, открывает памятники, устраивает во всероссийском масштабе пышные празднества (например, по случаю 100-летия разгрома Наполеона, 200-летия Петербурга, 300-летия дома Романовых, в ознаменование очередной годовщины дома Романовых и т. п.). 11 и 13 февраля 1903 г. происходит знаменитый маскарад, на котором присутствует вся знать в чрезвычайно роскошных костюмах допетровского времени. Супруга императора не жалеет времени, чтобы представить себя перед обществом прилежной христианкой, всячески демонстрируя свою приверженность православию; занимается обширной благотворительной деятельностью (под ее покровительством состояло 33 благотворительных общества) и совершает другие PR-ходы, направленные на создание в народе благоприятного мнения о царствующей династии[222].

В свою очередь либеральная оппозиция в 1902–1904 гг. громко и пафосно участвует в работе 618 уездных и губернских комитетах, созданных при Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности с целью убедить русское общество, что деревня находится в тяжелейшем положении, а правительство не принимает необходимых мер. PR-кампания решает сразу две задачи — создает негативный образ самодержавия и правительства и позитивный героический образ интеллигенции, беззаветно сражающейся за благо народа (эта кампания подробно рассмотрена в Главе 10). Осенью 1904 г. либералы проводят по всей России банкетную кампанию — по случаю 40-летия введения судебных уставов с разрешения властей устраиваются банкеты. На них произносятся речи о необходимости введения свобод и конституции, принимаются резолюции, ходатайства о проведении политических реформ. Эффектным PR-ходом явилось Выборгское воззвание «Народу от народных представителей», составленное и подписанное 180 депутатами Государственной Думы в Выборге 9 июля 1906 г. через 2 дня после ее роспуска, с призывом не платить налоги, не ходить на военную службу и т. д.

Большое число резонансных PR-ходов совершалось либералами во время неурожаев — устраивался сбор пожертвований, создавались специальные общественные организации по изучению причин и последствий неурожая, вина за которые обычно сваливалась на правительство. Оппозиция превращала похороны своих героев в грандиозные политические демонстрации. Такими стали, например, похороны большевика Н. Э. Баумана 20 ноября 1905 года в Москве (большевики использовали их как повод для создания боевых дружин и подготовки восстания), похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта

1917 г. — самая крупная манифестация после февральских событий, похороны в Петрограде видных деятелей кадетской партии А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, убитых революционной матросней 7 января 1918 г., и другие.

Думская тактика либеральных партий строилась по законам политического пиара. Что стоит одна речь П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. в Государственной Думе «Глупость или измена». В ней он бездоказательно обвинил, а по сути оклеветал, Б. В. Штюрмера, премьера и одновременно министра иностранных дел, в государственной измене — подготовке сепаратного мира с Германией (Штюрмер даже возбудил против Милюкова преследование по суду за клевету[223]). Можно вспомнить раздутое прессой и оппозицией в 1915 г. беспочвенное обвинение военного министра В. А. Сухомлинова и полковника С. Н. Мясоедова в предательстве, приведшее первого к отставке и суду, а второго — к смертной казни. В случае с Мясоедовым наблюдалось поразительное единодушие, с которым власть и оппозиция встретили приговор: власть хотела свалить на полковника вину за военные неудачи, а оппозиция на его примере продемонстрировать разложение режима[224]. Дело Бейлиса в 1911–1913 гг., помимо прочего, — тоже PR-ход для возбуждения антисемитской кампании, с одной стороны, и осуждения российских властей во всемирном масштабе — с другой. Аналогично — еврейские[225] и немецкие погромы[226], борьба с «немецким засильем»[227], шпиономания и т. д. — все служило делу манипуляции массовым сознанием.

Американский историк М. Мелансон проанализировал представления русского образованного общества (о политике, правах человека, экономическом развитии, гражданском сознании, его взгляды на рабочий, крестьянский и женский вопросы, дискриминацию национальных меньшинств) по материалам ста различных российских газет 1910–1914 гг. (вне поля его зрения остались газеты социалистической ориентации). Автор обнаружил удивительное единство взглядов. Во-первых, вся пресса, включая праворадикальную, критически относилась к политике правительства и лично к монарху. Во-вторых, почти единодушно признавалось, что Россия — европейская страна и должна развиваться в соответствии с общеевропейскими моделями; идеи о «специфическом русском пути» и о «русской идее» популярностью не пользовались. Полученные результаты дают основание для важного вывода: образованному обществу удалось прийти к определенному внутреннему консенсусу относительно европейской идентичности России и необходимости ее развития по тому же пути, которым следуют развитые западные страны. По этим вопросам и социалистическая пресса в принципе придерживалась тех же взглядов, хотя по другим важным общественным проблемам единства не наблюдалось. Здесь наглядно проявилась, с одной стороны, ведущая роль прессы в формировании общественного мнения, с другой — влияние господствующей

Обложка сатирического журнала «Нагаечка». 1905. № 2

парадигмы, критически оценивавшей текущую ситуацию в России, на восприятие действительности русским образованным обществом[228].

Искусными пиарщиками проявили себя большевики, использовавшие все методы PR, но особенно часто и успешно — создание информационного повода; выбор без выбора; столкновение; создание положительного образа победителя и отрицательного образа проигравшего; создание события большого масштаба; провокация. Вот замечательное определение идеального революционера в качестве искусного пиарщика, как будто списанное Лениным из современного учебника по PR: «Идеалом социал-демократа должен быть *народный трибун*, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя и класса они ни касались, умеющий обобщить все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать *пред всеми* свои социалистические убеждения и свои демократические требования»[229]. Большевики провели ряд кампаний. Одни из них оказались успешными, другие — нет, например, активный бойкот I Государственной Думы в 1906 г.; использование избирательных собраний по выборам в II и III Думы как трибуны для обличения самодержавия; избирательная кампания по выборам в IV Думу (от рабочих курий избрались только большевики). В Думе большевики последовательно вели провокационную деятельность, имевшую целью создавать информационные поводы для обличения не только царизма, но и Думы. Большевистские депутаты делали запросы правительству по поводу какого-нибудь неприятного для него факта. Они подготовили три законопроекта, которые Дума в принципе не могла принять: о восьмичасовом рабочем дне, о социальном страховании пролетариев и о национальном равноправии. С началом Первой мировой войны большевики выступили с лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую, сразу отделив себя от всех других политических сил, что впоследствии помогло им привлечь солдат на свою сторону. Для достижения этой цели они разработали и проводили в жизнь конкретные меры: братание солдат на фронте; использование созданных войной трудностей для дискредитации царизма; отказ от голосования за военные кредиты; создание нелегальных организаций; революционные массовые выступления и многие другие. Стачки и забастовки большевики считали главными средствами воздействия на общественное мнение и правительство[230]. В отличие от них эсеры предпочитали террористические акты, рассматривая их как эффективные и эффектные PR-ходы, и добились блестящих результатов: чиновники трепетали, общественность рукоплескала, а террористы ходили в героях. С тем же намерением вызвать общественный резонанс они создали 9 января 1905 г. событие колоссального масштаба — спровоцировали расстрел мирной демонстрации рабочих, шедших с петицией к царю, что оказало огромное воздействие на все общество.

Таким образом, PR как технология, имеющая целью убедить общество изменить свой подход или свои действия, создать и внедрить в массовое сознание желательные образы тех или иных социальных групп, организаций и людей, активно использовалась как оппозицией, так и правительством и его сторонниками. Но оппозиция оказалась искусней и успешней и выиграла информационную войну. Это хорошо иллюстрирует следующий факт. В 1906 г. правительство создало Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати, с по-

мощью которого намеревалось воздействовать на прессу и снабжать население информацией, освещающей события с проправительственной точки зрения. Однако попытка воздействовать на общественное мнение оказалась неудачной. Официоз, издаваемый в форме ежедневного информационного бюллетеня, не пользовался спросом у газет, оказался невостребованным, так как содержавшаяся там информация, по словам руководителя бюро К. А. Военского, «не могла конкурировать с информацией, получаемой из других источников, часто пусть не точной, даже искаженной, но более привлекательной для журналистов и общественного мнения именно благодаря своей неофициальности, часто подаваемой как сведения, добытые тайными путями»[231]. Массового читателя интересовали сведения об острой политической борьбе, дворцовых интригах, противостоянии в кулуарах Государственной думы, финансовых махинациях и т. п. — обо всем том, о чем в официальной информации не упоминалось[232].

Печать являлась важнейшим, а нередко и единственным средством воздействия на массы со стороны оппозиционных политических сил. А. И. Рейтблат справедливо заметил: «Чтение внесло существенный вклад в подготовку революций»[233]. Ее роль, по словам В. И. Ленина, «не ограничивается одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»[234]. В условиях, когда пресса являлась главным средством общения с массами, подобную тактику следует признать правильной[235]. В 1890 г. в стране выходило 697 периодических изданий различного типа, в 1895 г. — 841, в 1900 г. — 1002. Среди них общественно-политические органы печати составляли соответственно 149, 171 и 202[236], т. е. на их долю приходилось около 20% наименований и, вероятно, тиража. В 1913 г. — по всем направлениям — выходило 1472 журнала и других периодических изданий, кроме газет, с годовым тиражом 116,5 млн экземпляров, и 859 газет с разовым тиражом 2,7 млн экземпляров[237]. Если между тиражом и числом наименований органов печати имелось определенное соотношение, то в 1913 г. годовой тираж журналов только *по общественно-политической проблематике* мог достигать 23 млн экземпляров, разовый тираж газет — 540 тыс. По числу экземпляров газет (разового тиража) на 1000 человек в 1890 г. Россия уступала США, Франции и Германии — в 21–23 раза, в 1913 г. — уступала США в 32 раза (21 против 677), т. е. в среднем в США на одну семью приходилось 4 газеты, в России — 1/8 газеты. По числу наименований журналов в 1913 г. Россия уступала США в 3,3 раза, Германии — в 4,5 раза[238]. Другими словами, в целом для всей страны объем русской прессы накануне войны был на порядок ниже, чем на Западе. Однако в России 1913–1914 гг. примерно 43% газет и журналов издавались в Петербурге и Москве, где проживало 2,1 и 1,7 млн соответственно — вместе лишь 2,4% населения империи[239]. И хотя часть тиражей расходилась по всей стране, значительная доля издаваемой прессы оставалась в столицах. Поэтому петербуржцы, москвичи и, вероятно, жители нескольких других крупных городов обеспечивались газетами и журналами, по-видимому, даже лучше, чем средний американец или немец.

С началом войны и в течение двух последующих лет число периодических изданий сокращалось. Но в 1917 г. наблюдался повсеместно в России их бурный рост, благодаря чему наименований газет и журналов в 1917 г. стало несколько

больше, чем в 1913 г., причем преимущественно за счет общественно-политической прессы[240]. В 1913–1914 гг. на Петербург приходилось около 35% всех журналов и 13% газет, издаваемых в России (без Польши и Финляндии) — всего около 27% всех периодических изданий, вместе с Москвой — 43%. В июле-августе 1917 г. суммарный тираж только ежедневных газет в Петрограде достигал приблизительно 2,2–2,4 млн экземпляров, в том числе на долю либеральных органов печати приходилось 67% тиража, эсеро-меньшевистских — 30% и большевистских — 3%[241]. Кроме того, благодаря отмене Временным правительством цензуры, было издано примерно 800 брошюр общим тиражом в 39,5 млн экземпляров по общественно-политической тематике преимущественно социалистической ориентации[242]. Таким образом, петроградская пресса в 1917 г. превзошла по мощи 1913 г., и это послужило важным фактором мобилизации масс на февральский переворот. Ослабление цензуры открыло широкий простор для критики правительства в газетах, которая координировалась либеральной оппозицией с помощью Прогрессивного блока, созданного в Государственной Думе в августе 1915 г.[243]

Политической элите с помощью прессы удавалось манипулировать настроениями народа: в 1914 г. и первой половине 1915 г. — разбудить в народе патриотизм, во второй половине 1915 г. и первой половине 1916 г. — вызвать «патриотическую тревогу» за судьбу страны, во второй половине 1916 г. — создать «образ внутреннего врага» в лице императорской четы, камарильи и правительства, наконец, в конце 1916 — начале 1917 г. — окончательно дискредитировать власть[244]. Левые столичные средства массовой информации через четыре месяца после Февраля стали создавать врага из «буржуев» — буржуазии и привилегированных в дореволюционное время слоев населения. Они стигматизировались как «инфернальная коварная и могущественная сила, стоящая на пути великого святого Воскрешения, обещанного Революцией»[245].

12.5 б. PR-кампании и рабочее и крестьянское движение во время войны

Помесячная динамика стачек хорошо иллюстрирует, как под влиянием PR-деятельности, включая пропаганду и агитацию, изменялось настроение, а вместе с ним и общественно-политическая активность рабочих в 1912–1917 гг.[246] (табл. 12.24).

С 1912 г. и до июля 1914 г. накал забастовочного движения нарастал, причем демонстративно-политические выступления преобладали. После объявления войны в августе 1914 г. градус протестов упал почти до нуля, что свидетельствовало не столько о «шовинистическом угаре», охвативших массы, сколько о доверии к монарху, «архиреакционным бюрократам» и «царским сатрапам» и о легитимности режима в целом. Если бы народ действительно ненавидел режим, то ни война, ни государственная пропаганда не смогли бы вызвать настоящего патриотического подъема, наблюдавшегося в стране в течение достаточно длительного времени. Между прочим, в начале XX в. при призыве на службу процент уклонявшихся от нее в России был одним из самых низких в Европе — 3, в то время как во Франции — 4,4, Австро-Венгрии — 7, в Германии — 10[247].

В 1915 и 1916 гг. число политических стачек оставалось низким, за некоторыми исключениями. Например, в августе и сентябре 1915 г. наблюдался всплеск

Таблица 12.24

Экономические и политические стачки российских рабочих по месяцам в 1912–1917 гг.

Месяц	Экономические					Политические					Всего
	1912	1913	1914	1915	1916	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Январь	20	44	52	14	128	1	100	312	6	38	389
Февраль	21	24	59	21	104	0	0	26	7	4	–
Март	28	32	66	20	61	0	3	349	6	46	2
Апрель	68	73	91	103	150	591	176	300	1	7	1
Май	132	146	343	149	153	492	281	672	13	1	3
Июнь	109	231	185	162	118	0	61	130	2	5	11
Июль	76	370	139	90	81	2	43	605	0	1	100
Август	115	96	7	26	97	0	2	2	50	7	140
Сентябрь	26	61	6	69	88	30	175	0	115	0	107
Октябрь	70	73	9	71	79	72	34	0	8	119	150
Ноябрь	46	169	8	48	51	99	154	5	6	15	–
Декабрь	21	51	4	46	57	13	5	0	1	0	–
Итого	732	1 370	969	819	1 167	1 300	1 034	2 401	215	243	–

Источники: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 год. С. LXV, LXVIII; Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. С. 151–155, 160–161, 164; Стачечное движение рабочих России в годы Первой мировой войны: Материалы официальной статистики за август 1914 — январь 1917 гг.: В 4 вып./Сост. С. С. Атапин, В. П. Желтова. М., 1988. Вып. 3–4. С. 486; *Минц И. И.* История Великого Октября: В 3 т. Т. 2. М., 1978. С. 710.

политической активности в связи с выборами рабочих в военно-промышленные комитеты и роспуском Государственной Думы, в январе 1915 г., в 1916 и 1917 г. по случаю юбилея «кровавого воскресенья», а в октябре 1915 г. и 1916 г. — Всероссийской политической стачки 1905 г. Напротив, экономические стачки в 1915 г. возобновились и постепенно нарастали, но и в 1916 г. их произошло на треть меньше, чем в 1913 г. И только в январе 1917 г., наблюдался резкий подъем забастовочного движения — произошло 389 стачек, в том числе 228 политических — почти столько же, сколько за весь 1916 г.[248] В феврале 1917 г. забастовки продолжали набирать силу, а с марта пошли на убыль.

Чем обусловлен подъем рабочего движения в январе и феврале 1917 г.? До конца 1916 г. все партии, за исключением большевиков и эсеров-интернационалистов, выступали против организации каких-либо массовых выступлений, как наносивших вред делу обороны. Но с конца 1916 г. они отказались от моратория и перешли к активным действиям, направленным на смену монарха и создание правительства общественного доверия ради более успешного продолжения войны. Причем самыми активными организаторами протестов стали «рабочие группы» Центрального и Петроградского военно-промышленных комитетов[249]. За ними стояла законспирированная группировка А. И. Гучкова, ставившая целью провести государственный переворот (подробнее об этом ниже). Несмотря на это, сила политического протеста рабочих даже в январе — феврале 1917 г. была существенно ниже, чем в 1905 г.[250] И лишь вследствие того, что почти все

политические демонстрации в стране переместились в Петроград и Москву[251], где концентрировалась политическая оппозиция монархии, они стали представлять опасность для режима. Таким образом, главный фактор всплеска рабочего движения в январе — феврале 1917 г. — возросшая политическая активность (пиар, пропаганда и агитация) оппозиции, решившейся на государственный переворот. Выступления пролетариев тщательно готовились оппозицией[252], ими явно манипулировали.

Нарастание недовольства не было повсеместным — оно наблюдалось лишь в столицах и нескольких промышленных центрах, где концентрировалась оппозиция и проводились массовые PR-кампании. За 1915 г. в 22 из 44 губерний, охваченных учетом, число стачек за год не превышало 10, а в 10 губерниях — 5. На три губернии — Петроградскую, Московскую и Владимирскую — пришлось 81% всех забастовщиков, в том числе на две первые — 53%. За 1916 г. в 24 из 45 губерний число стачек не превышало 5, а 74,4% всех забастовщиков приходилось на Петроградскую, Московскую, Владимирскую и Костромскую губернии, в том числе на первые две — 52,3%[253]. В январе 1917 г. лишь в 20 из 50 губерний Европейской России зафиксированы стачки. При этом 57% всех стачек и 75% политических стачек произошли в Петроградской и Московской губерниях, т. е. фактически в столицах[254], 97% политических демонстраций (32 из 33) — также в Петрограде и Москве[255]. В двух столицах накануне войны проживало около 3,8 млн человек, в 45 губерниях — около 120 млн, следовательно, Петроград и Москва с окрестностями, где происходило больше половины стачек, по накалу забастовочного движения превосходили средний российский уровень примерно в 18 раз [(57: (3,8: 120 х 100)], а по политическим стачкам — в 24 раза [(75: (3,8: 120 х 100)][256] (табл. 12.25).

Таблица 12.25

Число бастовавших рабочих по губерниям в 1915 — январе 1917 г.

Губерния	1915 г.		1916 г.		Январь 1917 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Петроградская	130 126	24,1	361 867	38,2	103 276	42,3
Московская	155 846	28,9	133 629	14,1	53 857	22,1
Владимирская	151 796	28,1	120 028	12,7	16 918	6,9
Костромская	26 622	4,9	89 394	9,4	8 464	3,5
Харьковская	5 970	1,1	42 593	4,5	14 887	6,1
Орловская	2 287	0,4	29 264	3,1	95	0,0
Тверская	6 993	1,3	30 206	3,2	2 335	1,0
Эстляндская	10 030	1,9	26 365	2,8	8 735	3,6
По 8 губерниям	489 670	90,8	833 346	87,9	208 567	85,4
По 45 губерниям	539 280	100,0	947 891	100,0	244 144	100,0

Источники: Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. С. 151, 161 (1915–1916 гг.); Стачечное движение рабочих России. Вып. 3–4. С. 482–483.

Крестьянское движение в годы войны вплоть до апреля 1917 г. находилось на уровне между слабым и умеренным по той причине, что проводить антиправительственные PR-кампании, включая агитацию и пропаганду, в деревне, особенно во время войны, было затруднительно и опасно (табл. 12.26).

Таблица 12.26

Число крестьянских выступлений в 1897–1916 гг. (без поджогов)

Годы	Число выступлений	
	Всего	В среднем в год
1897–1900	232	58
1901–1904	586	147
1905–1907	21 823	7 274
1908–1913	1 067	178
I–VI. 1914	90	–
VII–XII. 1914	265	355
1915	177	177
1916	294	294
I–26.II.1917	51	–
III–X.1917	4 256	–

Источники: Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.: Сборник документов/А. М. Анфимов (ред.). М., 1998. С. 12, 311–313; *Сенчакова Л. Т.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989. С. 254–255 (с поджогами 25823); *Мальцева Н. А.* О количестве крестьянских выступлений в период Столыпинской аграрной реформы (3 июня 1907 г. — 1 августа 1914 г.)//История СССР. 1965. № 1. С. 128–129 (с поджогами 1659); Крестьянское движение в России: Июнь 1914 — июль 1914 г.: Сб. документов/А. В. Шапкарин (ред.). М.; Л., 1965 (статистика выступлений приведена в статье Н. А. Мальцевой); Крестьянское движение в годы Первой мировой войны: Июль 1914 — февраль 1917 г.: Сб. документов/А. М. Анфимов (ред.). М.; Л., 1965. С. 513–514; *Минц И. И.* История ыВеликого Октября. Т. 1. С. 338–339, 724 (с поджогами 4275).

В 1915–1916 гг. во всей стране зафиксировано лишь 471 выступление крестьян, в среднем в год по 236. Это в 1,5 раза меньше, чем в 1914 г., и в 31 раз меньше, чем в 1905–1907 гг. [257] В январе-феврале 1917 г. произошло 51, в марте 1917 г. — 17 выступлений. Как-то не похоже на революционную ситуацию. Только с апреля 1917 г. число крестьянских выступлений стало расти, достигнув максимума в июле (1122), а затем пошло на спад. Всего за март-октябрь 1917 г. Главное управление по делам милиции отметило 4256 выступлений (с поджогами 4285), включая все формы «протеста» — покосы, порубки, обложение налогами помещичьей земли, снятие рабочих с работы и т. п. Но все равно это было по крайней мере на треть меньше, чем в в среднем в год за 1905–1907 гг., не говоря уже о 1905 г.

12. 6. Психосоциальные теории революции

12.6 а. Революция как патология: П. А. Сорокин

П. А. Сорокин сформулировал одно из психосоциальных объяснений: суть революции — в патологических и варварских действиях человека, свидетельствующих о полном разрыве с цивилизацией, дисциплиной, порядком и нравственностью. Патологическое поведение является реакцией на невыносимо тяжелые условия

жизни и перерождается в революцию, когда ослабевшая власть утрачивает способность поддерживать порядок силой[258]. Если концепция адекватна, логично ожидать увеличения числа преступников, суицидентов и психически больных в годы революции и предшествующих ей годах. Имеющиеся данные не подтверждают гипотезу.

Число осужденных общими судами на 100 тыс. составило в 1895–1899 гг. — 87, в 1900–1904 гг. — 86, в 1905–1907 гг. — 82, в 1908–1912 гг. — 104[259], т. е. в годы, предшествующие Первой русской революции и самой революции, уменьшилось. Похожая картина наблюдалась в годы Первой мировой войны (если судить по числу следствий, поскольку сведения об осужденных отсутствуют)[260] (табл. 12.27).

Таблица 12.27

Число следствий на 100 тыс. населения по восьми судебным округам в 1911–1916 гг. (1911=100)

Виды преступлений	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1911–1913 гг.	1914–1916 гг.
	Все население							
Государственные	100	90	75	77	72	49	88	66
Убийства	100	104	106	90	66	68	103	74
Телесные повреждения	100	106	113	78	37	35	106	50
Разбой и грабеж	100	99	95	72	33	42	98	49
Кражи	100	85	100	88	77	110	95	92
Поджоги	100	69	67	46	25	22	79	31
Прочие	100	107	104	92	72	75	104	79
Итого	**100**	**100**	**100**	**83**	**64**	**76**	**100**	**74**
	Сельское население							
Государственные	100	91	80	83	78	52	90	71
Убийства	100	103	106	89	63	63	103	72
Телесные повреждения	100	107	116	80	36	34	108	50
Разбой и грабеж	100	99	94	72	33	43	98	49
Кражи	100	99	99	86	74	107	99	89
Поджоги	100	80	78	54	29	27	86	37
Прочие	100	106	103	89	69	70	103	76
Итого	**100**	**100**	**99**	**81**	**60**	**71**	**100**	**71**
Сельское население,%	86	86	86	85	85	83	86	84
	Городское население							
Государственные	100	84	43	42	37	33	76	37
Убийства	100	110	108	94	82	91	106	89
Телесные повреждения	100	99	93	69	40	40	97	50
Разбой и грабеж	100	102	104	69	35	39	102	48
Кражи	100	–	105	96	97	123	103	105
Поджоги	–	–	–	–	–	–	–	–
Прочие	100	111	111	106	89	98	107	98
Итого	**100**	**102**	**106**	**94**	**84**	**103**	**103**	**94**
Городское население,%	14	14	14	15	15	17	14	16

Источники: Тарновский Е. Н. Война и движение преступности в 1911–1916 гг. //Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918. Т. 5. № 1–4. С. 98, 104, 109; *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М., 1930. С. 264–271.

В 1914–1916 гг., если судить по числу возникших следствий на 100 тыс. населения в восьми судебных округах, преступность была примерно на 26 процентных пунктов ниже, чем в 1911–1913 гг., в том числе в деревне — на 29, а в городе — на 6. В целом по стране снизилась частота совершения всех видов преступлений, а в городе незначительно (на 5 пунктов) возросло лишь число краж (на 100 тыс. населения). Вряд ли столь существенное уменьшение преступности можно объяснить только уходом миллионов здоровых мужчин в армию, ибо упала преступность женщин и детей, не подлежавших мобилизации[261]. Показательно существенное (на 34 пункта) сокращение числа государственных преступлений. В 1916 г. обнаружился небольшой рост преступности по сравнению с 1915 г. (в целом — на 12 пунктов, в деревне — на 11, а в городе — на 19 пунктов) за счет главным образом краж, разбоев и грабежей. Но уровень 1913 г. превзойти все равно не удалось: в 1916 г. в целом по стране преступность была на 24 пункта ниже, в деревне — на 28, а в городе — на 3 пункта ниже, чем в 1913 г. И это при том, что за время войны, к лету 1916 г. под влиянием массовых переселений призывавшихся в армию крестьян в города, доля городского населения увеличилась с 15,3% до 17,4%, или на 2,1%[262].

Сведения о преступности за 1917–1919 гг. не введены в научный оборот (возможно, они вообще не сохранились). Но данные за 1920–1924 гг. свидетельствуют о ее скачке после революции: число осужденных в 1921–1924 гг. относительно 1911–1913 гг. возросло в 3 раза — с 883 до 2964 на 100 тыс.[263] и превысило современный, в 2006–2009 гг., уровень преступности[264].

По уровню самоубийств в пореформенное время, как указывалось выше, Россия занимала предпоследнее место в Европе[265]. С 1870 по 1910 г. коэффициент самоубийств изменялся циклически при общей повышательной тенденции; пик приходился на 1891–1895 гг., затем произошло снижение. Важно отметить, что суицидальность росла только среди горожан, в то время как в деревне после незначительного подъема в 1880 — первой половине 1890-х гг. она понизилась и в начале XX в. вернулась к уровню 1819–1825 гг. В годы первой русской революции 1905–1906 гг. коэффициент самоубийств понизился и стал расти только с 1907 г., после ее окончания, достигнув максимума к 1913 г. (табл. 12.28).

Таблица 12.28

Коэффициент самоубийств в России в 1902–1912 гг.

Год	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912
Суицидов на 100 тыс. населения	2,3	2,5	2,3	2,2	2,3	2,7	2,8	3,1	3,4	3,4	4,4

Источники: Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи населению в России за [1904–1914] год. СПб.; Пг., 1906–1916.

Во время Первой мировой войны, если судить по Петрограду, Москве и Одессе, коэффициент самоубийств снизился в 2,8–3 раза[266], а с 1918 г. стал расти и в целом по стране в 1923–1926 гг. превзошел довоенный уровень в 1,5 раза (5,6 против 3,7 на 100 тыс.). Для сравнения, в 1989 г. коэффициент самоубийств в Российской Федерации был в 5,9 раза выше, чем в 1912 г. (25,8 на 100 тыс.), в 1994 г. — в 9,5 раза (41,8 на 100 тыс.), в 2008–2009 г. — в 6,6 раза (29 на 100 тыс.).[267] В 2000–2009 гг. по уровню самоубийств Россия занимала одно из первых мест в Европе.

Сведения о распространении психических расстройств также не подтверждают психосоциальную гипотезу происхождения русских революций. Представление об изменении их числа дают данные о пациентах психиатрических больниц (рис. 12.2). В 50 губерниях Европейской России с 1886 по 1913 г. число больных увеличилось в 5,2 раза (с 16 774 до 87 206), на 100 тыс. — в 3,4 раза (с 21 до 72). Однако в 1905–1907 гг. не наблюдалось взрывного роста числа пациентов. Страдавшие психическими расстройствами согласно переписи 1897 г. превышали по численности лечившихся в больницах в 2,6 раза. В 50 губерниях Европейской России с 1901 по 1914 г. число пациентов в клиниках росло, но по абсолютному значению оставалось незначительным. Если это число умножить на 2,6, то количество всех душевнобольных в стране могло составить 234 тыс. (187 на 100 тыс.). Это намного меньше, чем в любой европейской стране в конце XIX — начале XX в., и в 10–30 раз меньше, чем в советской и постсоветской России. В Российской Федерации в 1989 г. на учете в лечебно-профилактических учреждениях состояло 2656 тыс., или 1799 на 100 тыс. человек[268], а на 2010 г. — 6 млн, или 5598 на 100 тыс., т. е. в 10 раз и 30 раз больше, чем в 1913 г. Причем современная статистика не учитывает больных, проходящих лечение в частных психиатрических клиниках и центрах, которых создается в Российской Федерации с каждым годом все больше[269].

Учет лиц с психическими расстройствами во время войны не производился, многие больницы закрылись или перепрофилировались под школы, клубы, детские сады и ясли (может быть, не было нужды?). В мае 1919 г. решением Совнаркома содержание всех психиатрических больниц было принято на государственный бюджет, в них в тот момент насчитывалось лишь 16 тыс. человек[270].

Влияние революций на психическое здоровье активно обсуждалось в специальной литературе. Мнения разделились. С точки зрения одних, политические волнения не воздействовали ни на число, ни на течение психических расстройств, другие исследователи такую связь усматривали. Но проверить гипотезы на массовом эмпирическом материале из-за недостатка сведений невозможно. Дискуссия

Рис. 12.1. **Число пациентов в психиатрических клиниках России в 1896–1913 гг.**

Источники: Отчет о состоянии народного здравия за [1896–1914] год. СПб.; Пг., 1898–1916; Общий свод. Т. 2. С. 187–189.

по сути свелась к спекуляциям. Современный исследователь истории психиатрии констатирует: «Этиологическая связь между революционными событиями и развитием душевного расстройства не выявлена»[271]. Вопрос о влиянии распространения психических расстройств на развитие революционного движения даже не ставился — речь шла исключительно о воздействии революции на психику людей[272].

Таким образом, понижение числа преступлений и самоубийств и стагнация или незначительное увеличение числа психических расстройств во время войны и накануне революций не дает оснований связывать происхождение революционных событий с ростом числа людей, склонных к патологическому поведению.

12.6 б. Теория относительной депривации

Среди психосоциальных теорий наиболее популярна *теория относительной депривации***,** делающая акцент на психологической неудовлетворенности тем, что есть, и тем, что хочется и должно быть в соответствии с представлениями социальных групп и индивидов[273]. По убеждению французского политолога XIX в., А. де Токвиля, революции происходят тогда, когда наступает улучшение материального положения, уменьшаются репрессии, смягчаются ограничения, улучшается политическая ситуация[274]. Между прочим, и теория конфликта указывает на относительную депривацию как на важнейшую причину социального конфликта[275]. Именно *относительная депривация* наблюдалась в пореформенной России. Рост потребностей постоянно обгонял достигнутый уровень жизни. Все слои постоянно хотели больше того, что реально возможно было иметь при тогдашних экономических и финансовых ресурсах, низкой культуре и невысокой производительности труда. «Повышенные ожидания» замечены в крестьянской[276], рабочей среде[277] и у духовенства[278] и в наибольшей степени у белых воротничков. Благосостояние росло медленно, а ощущение необустроенности — быстро, оставляя все меньше возможностей для мирного урегулирования. С 1870-х по 1911–1913 гг. номинальный средний годовой заработок российских фабрично-заводских рабочих увеличился примерно на 33% (со 190 до 254 руб.), сельскохозяйственных — на 75% (с 57 до 100 руб.), учителей земских школ — на 188% (со 135 до 390 руб., с квартирой и отоплением от школы). Однако и в 1870-е гг., и в начале 1910-х гг. все жаловались на плохое материальное положение, особенно учителя, считавшие свой заработок крайне недостаточным для интеллигентного человека. Как ни парадоксально, еще в большей степени сетовали на материальное положение учителя гимназий, чье годовое жалованье в 1910 г. равнялось 2100 руб., т. е. в 5,4 раза выше, чем у земских учителей[279].

12.6 в. Относительная депривация: рабочее движение как зеркало русской революции — все и сразу

Влияние относительной депривации на протестное движение хорошо видно на примере промышленных рабочих. 1885–1913 гг. отмечены не только ростом зарплаты, но и сокращением времени труда и повышением социальной защищенности. В 1885 г. в среднем приходилось трудиться в год 3089 часов, в 1904 г. — 2842, в 1913 г. — 2570 часов, т. е. в течение одного поколения рабочее время сократилось на 20%[280]. Несмотря на это, протестное движение ширилось. Недовольство своим положением пролетарии выражали двумя главными способами — жалобами и стачками, число тех и других росло (табл. 12.29 и 12.30).

Таблица 12.29

Число стачек и рабочих, обратившихся в фабричную инспекцию с единоличными или коллективными просьбами и жалобами на предпринимателей в 1895–1914 гг.

Год	Число рабочих*	Число охваченных стачками предприятий		Число участников		Число жалоб			Число жалобщиков	
	тыс.	абс.	%**	тыс.	%**	тыс.	%***	законных,%	тыс.	%***
1895	1552,2	68	0,4	31,2	2	–	–	–	–	–
1896	1520,6	118	0,6	29,5	1,9	–	–	–	–	–
1897	1501,3	145	0,8	59,9	4	–	–	–	–	–
1898	1505,2	215	1,1	43,2	2,9	–	–	–	–	–
1899	651,2	189	0,9	57,5	8,8	–	–	–	–	–
1900	1699,4	125	0,73	29,4	1,7	–	–	–	–	–
1901	1710,7	164	0,96	32,2	1,9	19,1	1,1	58,5	70,6	4,1
1902	1711,8	123	0,72	36,7	2,1	19,9	1,2	51,8	82,2	4,8
1903	1766,9	550	3,21	86,8	4,9	18,3	1,0	48,9	71,6	4,1
1904	1746,0	68	0,4	24,9	1,4	19,5	1,1	69,7	62,9	3,5
1905	1772,7	13 995	93,2	2863,2	161,5	22,7	1,3	65,0	190,1	10,7
1906	1801,7	6 114	42,2	1108,4	61,5	19,7	1,1	61,1	191,6	10,6
1907	1889,7	3 573	23,8	740,1	39,2	25,3	1,3	31,9	180,8	9,5
1908	1882,9	892	5,9	176,1	9,4	25,2	1,3	45,7	128,7	6,8
1909	1886,3	340	2,3	64,2	3,4	24,1	1,3	47,9	91,3	4,8
1910	2005,3	222	1,4	46,6	2,3	25,1	1,2	36,8	88,5	4,4
1911	2051,2	466	2,8	105,1	5,1	26,0	1,3	43,8****	108	5,3
1912	2151,2	2 032	11,7	725,5	33,7	28,5	1,3	42,1****	154	7,2
1913	2319,6	2 404	13,4	887,1	38,2	27,3	1,2	41,8****	145,6	6,3
1914	1960,9	3 534	25,2	1337,5	68,2	20,2	1,0	43,0****	115,7	6,8

Примечания: * Число рабочих за 1895–1900 г. интерполировано по проценту участников.

** К числу предприятий.

*** К числу рабочих.

**** Интерполировано по проценту поводов для жалоб и просьб, признанных основательными либо полностью или частично удовлетворенных.

Источники: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. СПб., 1914. С. LV; То же за 1914 год. СПб., 1915. С. LXI, XLVII.

С 1901–1904 по 1912–1914 гг. среднее годовое число жалобщиков увеличивалось с 4,1 до 6,8%, а в годы революции 1905–1907 гг. достигло 10,3%. Поскольку жалобы носили исключительно экономический характер, то петиционное движение отражает меру неудовлетворения экономическими условиями жизни, и она, как видим, росла. Сходную картину дает анализ *экономических* стачек (табл. 12.30).

Таблица 12.30

Экономические и политические стачки российских рабочих в 1895–1916 гг. (в среднем в год)

		1895–1904 гг.	1905–1907 гг.	1908–1911 гг.	1912–1914 гг.	1915–1916 гг.
Число рабочих	тыс.	1 636,5	1 821,4	1 956,4	2 143,9	2 008,3
Экономические стачки*	абс.	177	4050	343	1079	886
	%**	100	51,3	71,6	40,6	80,0
Участники экономических стачек*	тыс.	43,1	864,2	69,7	304,1	483,3
	%***	2,6	47,4	3,6	14,2	24,1
Политические стачки	абс.	0	3844	137	1578	222
	%**	0	48,7	28,4	59,4	20,0
Участники политических стачек	тыс.	0	706,4	28,3	679,3	265,0
	%***	0	38,8	1,4	31,7	13,2
Участники политических стачек	%****	0	45,0	28,9	69,1	35,4
Общее число стачек	абс.	177	7 894	480	2 657	1 108
Общее число участников	тыс.	43,1	1 570,6	98,0	983,4	748,3
	%***	2,6	86,2	5,0	45,9	37,3

Примечания: * Определено как разница между общим числом стачек (забастовщиков) и политическими стачками (забастовщиками).

** К числу всех стачек.

*** К числу рабочих.

**** К общему числу забастовщиков.

Источники: Подсчитано по: *Варзар В. Е.* Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. С. 46–48; Свод отчетов фабричных инспекторов за1909 год. С. LII. То же за 1911 год. С. XCIII–XCIV; То же за 1913 год. С. LXXIX–LXXX; То же за 1914 год. С. LXVII, LXXI; Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. С. 37–38; 131, 139, 141, 149, 155, 159, 163.

С 1895–1904 гг. по 1912–1914 гг. процент участников экономических стачек поднялся на 11,6 пункта — с 2,6 до 14,2%, но в годы революции, 1905–1907 гг., в них участвовало около половины всех рабочих. Резкие скачки в общем числе забастовщиков в 1905–1908 и 1912–1914 гг. объясняются главным образом ростом политических стачек, провоцировавших пролетариев на экономические выступления.

Но самое неожиданное состояло в другом — рост числа как экономических, так и политических стачек происходил в годы подъема промышленности и зарплаты. При этом со стороны рабочих предъявлялись, как правило, завышенные требования, обгонявшие возможности экономики их удовлетворить. «Нет сомнения, что возрастание стачечного движения связано с общим благоприятным положением фабрично-заводской промышленности, <...> с весьма благоприятной конъюнктурой рынка»[281], — говорится в «Своде фабричных инспекторов за 1911 г.». То же отмечается в «Своде... за 1913 г. »: «Значительное увеличение в отчетном году количества забастовок экономического характера объясняется общим оживлением отечественной промышленности, вызвавшим у рабочих стремление учесть его в свою пользу и добиться уменьшения рабочего времени и других льгот, что и послужило причиной ряда забастовок преимущественно наступательного характера», т. е. ставивших целью не сохранить, а улучшить по-

ложение рабочих[282]. Эту особенность стачечного движения четко выразили еще в 1992 г., 20 лет назад, Л. И. Бородкин и Ю. И. Кирьянов: «Движение рабочих всей фабрично-заводской промышленности имело первопричиной более быстрый рост потребностей рабочих по сравнению с медленным изменением к лучшему их материального положения»[283].

В протестном движении рабочих в конце XIX — начале XX в. отметим наступательный, агрессивный стиль поведения. Их требования к предпринимателям непрерывно росли, что хорошо проявилось в уменьшении доли основательных, или законных, жалоб, т. е. соответствующих действовавшим в то время правилам и законам. В 1901–1904 гг. фабричные инспекторы признали 57% жалоб основательными, в 1905–1907 гг. — 53%, а в 1912–1914 гг. — 42%, или на 15 пунктов меньше, чем в 1901–1904 гг. (табл. 12.29).

Рост недовольства и агрессивности рабочих отразился в снижении на предприятиях трудовой дисциплины. Она, как показывают данные о штрафах за 1901–1914 гг., колебалась по годам, находясь в зависимости от экономической конъюнктуры и политической ситуации в стране, точно так же как забастовки и жалобы. Во время промышленного подъема, когда спрос на труд увеличивался и работу было найти нетрудно, дисциплина снижалась, и, наоборот, в годы экономического спада из-за страха потерять работу пролетарии становились дисциплинированнее и менее требовательными, наблюдалось уменьшение жалоб и претензий с их стороны[284]. В годы подъема освободительного движения, когда все противники монархии активизировали свои действия, привлекая пролетариев для поддержания своих политических требований, трудовая дисциплина резко падала, во время революции 1905–1907 гг. — до самой низкой отметки; наоборот, в годы политической стабилизации дисциплинированность повышалась. Но при всех колебаниях обнаруживается *тенденция к понижению уровня трудовой дисциплины*: в 1901–1904 гг. в среднем на одного рабочего приходилось 2,22 нарушения в год, а в 1910–1913 гг. — 2,50[285]. С точки зрения дисциплины, российский пролетарий уступал своим западноевропейским коллегам. Отсюда возникала необходимость со стороны предпринимателей расходовать значительные средства на содержание органов контроля, увеличивая тем самым издержки производства[286].

Российское рабочее движение по масштабу и интенсивности не уступало западноевропейскому и американскому даже в мирные годы и превосходило его в годы революции и войны. Обычно международные сравнения стачечного движения принимают во внимание только число стачек и забастовщиков. Но эти показатели не являются достаточными по трем причинам: (а) из-за различия в численности рабочих в отдельных странах, (б) ввиду игнорирования продолжительности стачек, (в) из-за специфики российской статистики забастовочного движения. Сведения о стачках в России касаются только частных фабричных заведений обрабатывающей промышленности, причем предприятия с численностью менее 20 человек учитывались выборочно[287]. Западноевропейская и американская статистика охватывала все предприятия (без различия их величины) и все отрасли, включая сельское хозяйство и сферу услуг, при этом в публикуемых сведениях стачки не дифференцируются по отраслям. Ввиду этого полной сопоставимости российской и зарубежной статистики забастовочного движения добиться невозможно. Чтобы оценить хотя бы интервал силы забастовочного движения на Западе, я сделал расчет двумя способами: соотнес число бастующих

(а) со всем самодеятельным населением и (б) с числом лиц, занятых в промышленности, строительстве и на транспорте (с целью исключить белых воротничков и лиц, занятых в сельском хозяйстве, поскольку служащие тогда бастовали редко, а в сельском хозяйстве было много фермеров). Соответствующие сведения о занятости по отраслям заимствованы из переписей; в интервале между переписями число работающих определялось, основываясь на среднегодовом приросте их численности между переписями. Первый расчет несколько занижал силу забастовочного движения собственно промышленных рабочих, а второй, наоборот, ее завышал, поскольку какая-то часть белых воротничков и особенно сельских рабочих в принципе участвовали в забастовках.

Для сравнительной оценки силы стачек я буду использовать два показателя — долю забастовщиков в общей численности пролетариев и потери рабочих дней на 1000 человек. Первый учитывает только размах забастовочного движения или степень вовлеченности в него рабочих; второй — также и его интенсивность, поэтому является комплексным показателем. Результаты расчетов представлены в табл. 12.31.

Таблица 12.31

Забастовочное движение в России (среди фабрично-заводских рабочих), Великобритании, Франции, Германии, Италии, Австрии и США (среди лиц наемного труда) в 1895–1921 гг.

Годы	Россия*	Россия**	Англия	Франция	Германия	Италия	Австрия	США
	Доля забастовщиков в общем числе рабочих/лиц наемного труда, %							
1895–1904	2,6	2,6	1,2	0,7	1,1	1,2	0,3	1,7
1905–1907	86,2	47,4	0,9	1,3	3,3	2,2	1,0	0,9
1908–1913	16,3	6,8	3,8	1,0	2,4	1,7	0,5	–
1914–1918	47,4	22,1	3,3	0,6	2,0	1,0	0,2	–
1919–1921	–	–	11,0	4,4	7,8	8,5	6,2	–
	Потери рабочих дней на 1000 рабочих							
1895–1904	152	152	328	118	158	–	–	–
1905–1907	6 107	3 359	148	253	550	–	–	–
1908–1913	661	470	787	150	373	–	–	–
1914–1918	2 042***	541***	285	46	46	52	–	–
1919–1921	–	–	2 547	703	862	1 234	315	–

Примечания: * Все стачки.

** Экономические стачки. Потери рабочих дней от экономических стачек определены по доле рабочих, участвовавших в экономических стачках (путем умножения общих потерь от всех, политических и экономических, стачек на процент участников в экономических стачках).

*** 1914–1916 гг.

Источники: Россия: Свод отчетов фабричных инспекторов за [1901–1914] год. СПб., 1903–1915; *Варзар В. Е.* (1) Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 гг. СПб., 1905. С. 39, 52; Приложение. С. 36; (2) Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. СПб., 1910. С. 33, 46–48; Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. М., 1921. С. 37–38; 131, 139, 141, 149, 155, 159, 163. *Европа*: Mitchell B. R. European Historical Statistics, 1750–1970. New York: Columbia University Press, 1976. P. 153—165, 173–177. *США*: Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970: In 2 pts. Washington DC: U. S. Department of Commerce, 1975. Pt. 1. P. 126–127, 153–163, 179.

Как видно из табл. 12.31, российские рабочие по сравнению с западными устраивали чаще и более продолжительные забастовки. Только стачки британских рабочих в 1895–1904 и 1908–1913 гг. отличались большей длительностью. Во время Первой мировой войны потери рабочих дней по причине забастовок в России оказались в 7 раз больше, чем Великобритании, в 44 раза больше, чем во Франции и Германии и в 39 раз больше, чем в Италии. Другими словами, и по вовлеченности, и по интенсивности забастовочное движение в России было сильнее. Кроме того, российское рабочее движение отличалось своего рода нервозностью: оно резко возрастало в годы социальной напряженности и столь же резко падало, когда она ослабевала. Принимая во внимание, что на Западе забастовочное движение вошло в норму экономической жизни раньше, чем в России, успехи российских пролетариев на ниве борьбы с капиталом и правительством следует признать феноменальными, и этому достижению они в существенной мере обязаны демократической русской интеллигенции.

Как это ни парадоксально, но в начале XX в. Россия превосходила учтенные западные страны, за исключением США, не только по забастовочному движению, но и по заработной плате. Отечественные историки, долгое время поглощенные доказательством наличия кризиса и обнищания в стране, забывали об одном важном обстоятельстве — российские рабочие не являлись самыми бедными в Европе. Причем это установил не кто иной, как С. Г. Струмилин, — самый авторитетный в марксистской экономической истории ученый. Его нельзя заподозрить в желании приукрасить положение российского пролетария. По «грубой» оценке Струмилина, в 1913 г. наиболее обеспеченные в мире рабочие США по реальной зарплате могли превосходить российских коллег лишь на 15%. Как доказано западными экономистами, реальная зарплата американских рабочих была в 1,5–3 раза выше, чем у пролетариев других западноевропейских стран. Если расчет Струмилина верен, то реальная зарплата промышленных рабочих в России — выше, чем в Бельгии, Франции и Германии, и примерно такая же, как в Англии (табл. 12.32). Основываясь на этих данных, можно предположить: для забастовочного движения у российских пролетариев имелось меньше экономических оснований, чем у их коллег в развитых европейских странах, но вопреки этому они напористо боролись с капиталом и правительством.

Таблица 12.32

Индекс реальной заработной платы промышленных рабочих в России, США, Англии, Германии, Франции и Бельгии в 1900, 1909—1911 и 1913 гг. (Россия = 100)

	Годовая оплата труда в 1900 г.	Почасовая оплата в 1909–1911 г.	Поденная оплата в 1913 г.
Россия	–	–	85
США	100	100	100
Англия	80	58,8	–
Германия	64	40,0	–
Франция	64	35,9	47,5
Бельгия	–	33,0	41,5

Источники: Кучинский Ю. Условия труда в капиталистических странах. М., 1954. С. 264 (1900 г.); *Маркузон Ф. Д.* Наемный труд на Западе. М., 1926. С. 57 (1909–1911 гг.); *Струмилин С. Г.* Очерки. С. 95–96 (1913 г.).

Еще одна особенность российского рабочего движения — высокая политизированность. На Западе пролетарии участвовали в стачках в основном ради защиты своих групповых экономических интересов; политикой занимались преимущественно профсоюзные боссы и политические партии, а граждане — только в свободное от работы время. Например, в США в 1895–1905 гг. политических забастовок вообще не наблюдалось: рабочих беспокоили зарплата, продолжительность трудового дня, работа профсоюзов и другие житейские дела (табл. 12.33).

Таблица 12.33

Причины забастовок в США в 1895–1905 гг.

Год	Число забастовок	Участников, тыс.	Причины забастовок, в %		
			Зарплата и рабочий день	Профессиональные	Прочие
1895	1 255	407	65	17	18
1896	1 066	249	51	28	21
1897	1 110	416	61	17	21
1898	1 098	263	59	21	20
1899	1 838	432	55	26	19
1900	1 839	568	51	23	27
1901	3 012	564	47	34	19
1902	3 240	692	50	32	18
1903	3 648	788	49	33	18
1904	2 419	574	39	40	21
1905	2 186	302	43	37	20

Источник: Historical Statistics of the United States. Pt. 1. P. 179.

В России борьба за экономические интересы сочеталась с политическим движением, причем как до, так и после принятия конституции, создания парламента и легализации деятельности политических партий в 1905 г. В 1905–1907 гг. доля политических стачек составила 48,7%, а в 1912–1914 гг. — 59,4% от всех стачек (табл. 12.29). Другими словами, *российские пролетарии занимались политикой в рабочее время*, хотя это несло большие убытки не только забастовщикам, но и предпринимателям. По подсчетам В. Е. Варзара, потери промышленности за 14 лет, 1895–1908 гг., составили 190,2 млн руб. (примерно 1,5% ВВП России за 1900 г.) за счет недовыпущенной продукции, а проигрыш пролетариев — 25,4 млн по причине уменьшения заработка[289].

Если экономические стачки могли быть и нередко являлись инициативой рабочих конкретного предприятия, то политические стачки, как правило, — результат пропаганды и агитации со стороны. Хорошо известно: все просоциалистические партии использовали рабочее движение для давления на правительство, и не пренебрегали этим средством и либералы. Именно поэтому мы видим всплеск забастовочного движения именно в те годы, когда противостояние правительства и оппозиции достигало высокой отметки — в 1905–1907 гг. и 1912–1914 гг. Вот, например, объяснение фабричными инспекторами поводов сугубо

политических забастовок, получивших название «демонстративно-политических», в 1912 г.: «Поводами демонстративно-политических забастовок в 1912 г. выставлялись: события на Ленских приисках, события на Нерчинской каторге, приговор над севастопольскими матросами, выборы в Государственную Думу, страховые законы 23 июня 1912 г. (рабочие не хотели делать взносы в больничные кассы. — *Б. М.*) и прочее. Участвовали в политических забастовках, как и следовало ожидать, главным образом, пролетарии С.-Петербурга и отчасти Москвы. Провинция проявляла значительно меньшую склонность к забастовкам этого рода»[290]. Перечисленные поводы забастовок и места их проведения красноречиво свидетельствуют о том, кто являлся их застрельщиком.

Таким образом, относительная депривация хорошо объясняет рост протестных движений в пореформенной России и особенно в период Первой мировой войны, когда депривация стала двойной, или прогрессирующей, — относительно претензий и относительно довоенного положения. Растущие ожидания натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в конечную победу, что оказалось особенно болезненным. Здесь мы встречаемся с примером, идеально подходящим под теорию революции «J-кривая» Дж. Дэвиса (подробнее о ней ниже)[291].

12.7. Институциональная концепция революции

В 2004 г. В. А. Мау и И. В. Стародубровская предложили и обосновали институциональную концепцию революции. Выдвигая на первое место экономические процессы, концепция, однако, учитывает также политические, социальные и культурно-психологические факторы[292]. Авторы исходят из институциональной теории. Согласно ей в основе социальных сдвигов лежат изменения общественных институтов — законов, правил, норм, а также традиций, верований и т. п. Основоположник теории Д. Норт определяет институты как «правила игры» в обществе: «институты представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом. <...> Они состоят из формальных писаных правил и обычно неписаных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их»[293]. Но в институциональной теории основной акцент делается на эволюционном развитии, так как институты изменяются долго, медленно и постепенно. Резкие, революционные скачки остаются на периферии анализа — революции рассматриваются как внешний фактор, способный в какой-то степени повлиять на развитие институтов, но не как внутреннее порождение самой институциональной системы в ее взаимодействии с другими факторами развития общества[294]. Мау и Стародубровская адаптируют институциональную теорию для объяснения революции.

Утверждение в обществе новых институтов всегда происходит долго, болезненно и противоречиво, так как в прежней структуре существуют институциональные отношения, препятствующие гибкому приспособлению социума к новым условиям. Они называются *встроенными ограничителями*. «Экономические ограничители — это такие экономические формы и отношения, которые либо совсем не способны реагировать на изменение экономических условий, либо реагируют на них совершенно неадекватно. Наиболее очевидные примеры — средневековая цеховая система в городах и общинные отношения в деревне»[295].

Социальные ограничители включают в себя различные формальные и неформальные механизмы, затрудняющие горизонтальную и вертикальную мобильность. Они препятствуют приведению в соответствие реального экономического и общественного положения и формального статуса индивидов и социальных групп, а также изменению статуса в соответствии с новыми экономическими возможностями и потребностями. Например, сословная система, крепостное право и его пережитки, гендерная дискриминация, юридические запреты на занятие гражданской и военной службой и т. п. *Политические* ограничители — это законы и обычаи, исключающие возможность «в рамках легальных политических механизмов сменить господствующий режим и его политический курс», с одной стороны, и «обеспечить политическое представительство новых экономически влиятельных кругов, дать им институциональные возможности защиты собственных интересов» — с другой. *Психологические* ограничители — стереотипы, оставшиеся от традиционного общества в экономической, политической, культурной и религиозной сферах, препятствующие трансформации старой культуры. Например, например, широко распространенные в массах представления о божественном происхождении монархии могут препятствовать снятию политических ограничителей и демократизации общества. Представления о греховности работы в праздники, ссуды под процент или стремления к прибыли могут блокировать развитие буржуазной трудовой этики, кредитных учреждений и предприятий капиталистического типа.

Преодоление ограничителей по общему правилу происходит в ходе реформ «сверху». Общество, вступившее в эпоху преобразования институциональной системы, становится социально и политически нестабильным, попадает в «зону риска». Если мирный эволюционный путь проходит успешно, с его окончанием общество выходит из «зоны риска». Если же нет, то происходит революция, разрушающая насильственным путем мешающие развитию ограничители и тем самым открывающая дорогу утверждению новой институциональной системы.

Революционная ситуация складывается постепенно. Как ни парадоксально, ей, как правило, предшествует длительное и бурное (по меркам своего времени) экономическое развитие и значительные структурные сдвиги в экономике и обществе. «Нет ничего более ошибочного, — заметил автор классического труда по истории революций К. Бринтон, — чем представлять себе старый режим угасающей тиранией, которая, катясь к своему финалу, доводит до предела деспотическое безразличие к протесту доведенных до крайности подданных»[296]. Мау и Стародубровская также подчеркивают, что *«революции не характерны для стабильного общества*, в котором отсутствуют динамичные изменения. Они неразрывно связаны с феноменом экономического роста. Причем предпосылки революций могут сформироваться не в любой момент, а лишь на особых переломных этапах», названных ими «кризисами экономического роста»[297]. Под экономическим ростом авторы имеют в виду не простое увеличение валового продукта, а существенное превышение темпов роста производства над темпами роста населения в долгосрочной перспективе[298]. Интересно, что согласно концепции Н. Д. Кондратьева, наибольшее число социальных потрясений приходится именно на периоды повышательной волны каждого большого экономического цикла[299].

Таким образом, именно *быстрый экономический рост* является *важнейшей предпосылкой революции,* и подобная зависимость «характерна практически для

всех стран, переживших полномасштабные революции» в период ранней модернизации»[300]. Нидерландской революции XVI в. предшествовал быстрый экономический рост, затронувший как промышленность, так и сельское хозяйство. В Англии с середины XVI в. и до начала революции и гражданской войны наблюдался значительный промышленный подъем. Во Франции активное преобразование сельского хозяйства начинается со второй половины XVIII в., а период с 1760 по 1790 г. характеризуется промышленным прогрессом и рассматривается как первая фаза промышленной революции. Германия в период, предшествующий революции 1848 г., переживала промышленный переворот и экономический рост. То же наблюдалось за пределами Европы (в Мексике, Иране и других странах). Предреволюционные режимы и здесь проводили сознательную политику активной индустриализации и ломки традиционных структур, опираясь в первую очередь на широкое привлечение иностранного капитала[301]. Обусловленность вызревания предпосылок революции быстрым экономическим развитием неоднократно подчеркивалась и другими исследователями[302]. В одной из своих ранних работ, ставшей классикой по проблемам модернизации, С. Хантингтон констатировал наличие «прямой связи между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью»[303]. Известный американский экономист и социолог М. Олсон считал быстрый экономический рост «важнейшим дестабилизирующим фактором», более того — «основной силой, ведущей к революции и социальной нестабильности»[304].

Зависимость между экономическим ростом и социальной нестабильностью в обществе обусловливается двумя причинами. Во-первых, динамичное экономическое развитие подрывает основы традиционной социальной структуры, ведет к масштабному перераспределению богатства и возникновению новых экономически значимых социальные сил. «Однако этот процесс наталкивался на традиционные социальные рамки и барьеры, не позволяющие привести стратификацию по статусу и доступу к власти в соответствие с новым распределением богатства. <...> Под давлением новых обстоятельств традиционная система постепенно трансформировалась, однако не отмирала полностью,— старые и новые элементы в ней сосуществовали и вступали в непримиримое противоречие. Наложение новой стратификации, возникшей в результате экономического развития, на традиционную статусную систему приводило к возникновению специфического феномена — предреволюционной фрагментации общества» — «резкому усложнению его социальной структуры, вызванному размыванием границ и размежеванием интересов в рамках традиционных классов и групп, а также возникновением новых социальных сил, не вписывающихся в прежнюю систему. <...> Фрагментация — это результат давления новых процессов, порождаемых динамичными экономическими изменениями, на встроенные ограничители в социальной структуре». Она охватывает все слои общества, но, прежде всего, элиту[305].

Во-вторых, экономический прогресс и вызываемая им фрагментация общества приводят к резкому ослаблению государственной власти в стране. «Власть постоянно испытывает давление несовместимых требований — различные социальные слои и элитные группы ждут от нее диаметрально противоположных действий. Чьи бы интересы она ни пыталась удовлетворить, это неизбежно вызывает все большее сопротивление остальных. Власть начинает метаться, то идя

на поводу у радикальных настроений, то пытаясь спрятаться в привычных рамках традиционной системы, то проявляя излишнюю жесткость, то соглашаясь на бессмысленные компромиссы. В результате режим становится еще более уязвимым, теряя свою базу и среди традиционных сторонников, и во вновь возникающих социальных слоях. Он вызывает всеобщее недовольство, хотя и по противоположным причинам»[306].

Однако социальная фрагментация общества и ослабление государства делают революцию возможной, но не обязательной. Например, Ч. Тилли только в Европе насчитал 707 революционных ситуаций за 500 лет (1492–1991 гг.), при этом настоящие социально-политические революции произошли несколько раз, хотя имелось немало примеров, когда правительство было свергнуто или временно лишено власти[307]. Требуются дополнительные факторы, превращающие революции в реальность. Это могут быть (1) крупное военное поражение или неудачная кровопролитная война, (2) суровый экономический кризис (ибо экономический рост имеет циклическую природу и никогда не проходит гладко), (3) сочетание того и другого, что точно сформулировал Дж. Дэвис: «В большинстве случаев революции происходят, когда длительный период поступательного экономического и социального развития сменяется коротким периодом резкого спада. На первом этапе решающее воздействие на умы людей данного общества неизбежно оказывает ожидание возможности и впредь удовлетворять растущие потребности. На втором этапе, когда реальность расходится с ожиданиями, на смену приходит чувство тревоги и разочарования»[308]. Двойная, или прогрессирующая, депривация — относительно претензий и относительно прежних реальных достижений — бывает особенно болезненной. Люди приобретали революционный настрой из-за опасения потерять то, чего им с таким трудом удалось достигнуть. Прогрессирующая депривация, считает Дэвис, являлась причиной всех великих революций в истории (так называемая теория «J-кривой»)[309].

Институциональная концепция революции отвергает марксистскую социологию истории с ее неизбежными межклассовыми войнами и революциями как локомотивами истории, делая акцент на автономности государства и государственной бюрократии в противовес взглядам К. Маркса на государство как на комитет по управлению делами правящего класса. Кроме того, в институциональной и марксистской концепциях есть и другие расхождения. В первом случае революция признается одним из возможных, но не самым главным способом решения социально-экономических проблем, во втором — единственным и совершенно необходимым. В институциональной концепции капиталистическое общество рассматривается как достаточно устойчивое, способное к саморазвитию, в марксистской — как социально нестабильное, чреватое революцией и в принципе не способное к радикальным реформам. Первая концепция признает возможность повышения благосостояния широких слоев населения при капитализме, вторая говорит о тенденции к обеднению трудящихся, усилению неравенства и эксплуатации. Единственное, пожалуй, что объединяет институциональную и марксистскую концепции революции — это системный взгляд на общество.

По мнению Мау и Стародубровской, Русская революция 1917 года по своим основным характеристикам не имеет принципиальных отличий от европейских революций более раннего времени. Вследствие большого значения экономического фактора в ее происхождении, революция является экономико-по-

литическим, а не чисто политическим процессом. Бесперспективно искать один универсальный фактор, объясняющий предреволюционный кризис, — будь то экономический или политический. Во время революционных ситуаций общество сталкивается с целым комплексом проблем, требующих кардинальных изменений в механизмах его функционирования. «Причины, ход и результаты революции 1917 года можно объяснить одновременным резким обострением трех групп противоречий. *Во-первых,* это противоречия, типичные для периода ранней индустриализации, они отражают сложности преобразований в огромной крестьянской стране и диктуют необходимость того или иного, но достаточно радикального, решения аграрного вопроса. *Во-вторых,* это противоречия догоняющей индустриализации в отсталой стране. Они требуют мобилизации финансовых ресурсов, активного перераспределения ресурсов из традиционных отраслей хозяйства в новые промышленные сектора экономики. Наконец, *в-третьих,* это противоречия, связанные с тем, что кризис ранней модернизации в России наложился на формирование предпосылок кризиса зрелого индустриального общества. И этот фактор в стране, достаточно далеко продвинувшейся по пути индустриализации, не мог не сказаться на формах предреволюционного кризиса»[310].

На мой взгляд, институциональная концепция удачно синтезирует все вышеперечисленные концепции революции и хорошо объясняет происхождение Русской революции 1917 г. Бурный экономический рост и всесторонняя трансформация российского социума создали высокий накал социальной напряженности в обществе и ввели страну в зону риска. Реформы «сверху» устраняли один за другим мешавшие модернизации ограничители, встроенные в традиционную институциональную систему (круговую поруку, мещанские общества и цехи, передельную общину, сословные ограничения социальной мобильности, монополию коронной бюрократии и монарха на власть, законы, ущемлявшие гражданские права и т. д.), и тем самым создавали возможность избежать революции. Поскольку смена институциональных систем — длительный, болезненный и противоречивый процесс, для выхода из зоны риска требовалось значительное время — хотя бы лет двадцать, как говорил П. А. Столыпин, социального покоя.

Но этому помешала война, нарушившая эволюционный путь развития. Тяготы войны, помноженные на безответственное поведение либеральных и революционных элит и ослабление государственной власти, оказались непереносимыми для общества. Страна погрузилась в революцию, проходившую в соответствии с классической моделью — кризис «старого режима»; установление власти «умеренных»; победа радикалов, создающих «царство террора и добродетели»; термидор, или контрреволюционный переворот, и постреволюционная диктатура.

12.8. Революции в ракурсе модернизационной парадигмы

Вопрос о социальных, экономических и политических последствиях российской модернизации я рассмотрел в главе 11, где было установлено: прогресс сопровождался негативными последствиями — дезорганизацией государственных и общественных структур и дезориентацией людей, ростом напряженности и конфликтности в социуме. Общество испытало так называемую *травму социальных изменений*, или *аномию успеха*. «Прогрессивные по своей сути изменения, имеющие позитивные результаты, обнаруживают свою негативную сторону

именно в силу того, что являются изменениями, что нарушают установившийся, стабильный порядок, прерывают непрерывность, нарушают равновесие, ставят под сомнение или лишают смысла прежние навыки и привычки»[311]. Положение усугублялось незавершенностью модернизации на тот момент, когда на страну обрушилось тяжелейшее испытание Первой мировой войной. Бремя войны, напомним, не выдержала даже такая во всех отношениях модернизированная страна, как Германия. Ввиду этого насущные болезненные российские общественные проблемы оказались не решенными. Вспомним эти проблемы.

Как и кому управлять страной? Вопрос о власти является главным во время любой революции. Политическое развитие страны после Великих реформ следует признать достаточно успешным. Российская государственность эволюционировала от самодержавия к конституционной монархии и в 1905–1906 гг. стала таковой. После 1905 г. появились свободная пресса, общественное мнение, политические партии, тысячи добровольных ассоциаций — все элементы гражданского общества[312]. В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам, и контроль за их исполнением посредством законодательных учреждений, прессы, общественного мнения, добровольных ассоциаций. Если в середине XIX в. последних насчитывалось несколько десятков, то накануне Первой мировой войны общее число (благотворительных, религиозных, студенческих, профсоюзных, клубов и других обществ) в империи без Польши и Финляндии превысило 51 тыс.: 19,7 тыс. православных церковно-приходских попечительств (в 1902 г.), 13 тыс. кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, 8,7 тыс. потребительских кооперативов, 4,7 тыс. сельскохозяйственных обществ, более 5 тыс. благотворительных обществ (4958 в 1898 г.) и сотни ассоциаций другой специализации, включавшие миллионы человек — только кооперативы всех видов охватывали около 9 млн членов. По мнению новейших исследователей, кооперативы являлись важным фактором формирования гражданского общества. И в обеих столицах, и в особенности в провинции кооператоры сыграли исключительную роль в подготовке и в осуществлении Февральского переворота и в самоорганизации органов власти на местах после него[313]. Во время войны, воспользовавшись слабостью правительства, либеральная оппозиция под лозунгом помощи жертвам войны создала массу новых общественных ассоциаций, в том числе всероссийского масштаба, что до войны запрещалось: Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, Всероссийский союз городов, объединенный Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов (Земгор), Центральный военно-промышленный комитет. В 1915 г. сеть этих тесно связанных организаций покрыла всю Россию[314]. За время войны число добровольных организаций, если ориентироваться на увеличение количества кооперативов (с 26,5 тыс. до 63–64 тыс.), существенно возросло. Даже в случае неизменности количества ассоциаций других видов, все равно к осени 1917 г. их общее число превысило 90 тыс., охватив до половины взрослых мужчин страны[315]. Набирали силу добровольные ассоциации буржуазии. Десятки биржевых обществ, съездов промышленников, обществ фабрикантов и заводчиков лоббировали региональные и отраслевые интересы предпринимателей перед государством и рабочими[316].

Политический процесс в пореформенный период претерпел кардинальные перемены. Исполнение его важнейших функций (социализации, рекрутирования элиты, коммуникации, артикуляции и агрегации интересов, определения и осуществления политического курса, вынесения судебных решений) перешло от разного рода коронных учреждений, традиционных институтов и органов сословного управления к средствам массовой информации, добровольным ассоциациям, парламенту, политическим партиям, школе всех уровней и литературе. Сдвиг в соотношении сил в пользу общественности вызвал, с одной стороны, опасение императора потерять свое доминирующее положение в управлении государством, с другой — желание общественности разделить с царем и правительством власть пропорционально фактическому соотношению сил. На этой почве между ними естественно возникло противостояние. В его основе лежала борьба за власть. Либерально-радикальная интеллигенция чувствовала в себе силы и знания вывести Россию из тяжелого положения, в котором, по ее мнению, находилась страна, поэтому претендовала на роль избавителя от недуга и, следовательно, на власть лечить, помогать и управлять. «Мы, как ответственная оппозиция, несомненно, стремились к власти и шли по пути к ней», — отвечал П. Н. Милюков 27 февраля 1917 г. на вопрос Н. Н. Суханова: «Какова позиция ваших кругов, Прогрессивного блока, Временного комитета Государственной думы? Предполагаете ли вы взять власть в свои руки»?[317] Однако претензии оказались чрезмерными. Как пророчески заметил И. И. Толстой в 1906 г.: «Мне кажется, что “кадеты” слишком много надеются на себя и очень мало надеются на народ; отсюда все их недомолвки и расшаркивания в ту сторону, где они боятся встретить слишком большой радикализм, могущий повредить им, не принесши пользы народу: они уверены, что они лучше знают, что нужно народу, чем он сам»[318].

Большие и неоспоримые успехи страны обусловили возникновение сильного гражданского общества, способного бросить вызов старой элите и государству. Именно в борьбе за власть между разными группами элит заключалась непосредственная причина революции: контрэлита в лице лидеров либерально-радикальной общественности хотела сама руководить модернизационным процессом и на революционной волне отнять власть у старой элиты — романовской династии и консервативной бюрократии. Верховная власть и правительство так именно и понимали цели оппозиции. По определению начальника канцелярии министра двора в 1900–1916 гг. А. А. Мосолова, «так называемая интеллигенция — люди, не достигшие власти, но чающие ее захвата. Для этой категории лиц прямой исход — революция. <...> Царь был убежден, что вся крамола — наносное явление, явившееся следствием властолюбивой интеллигенции»[319].

Милюков П.Н. (1859—1943). Фото

У стремления интеллигенции к власти имелась важная психологическая составляю-

щая — потребность в великой цели, пусть и иллюзорной, способной наполнить жизнь смыслом и красотой, позволявшей ощущать себя частью чего-то великого, героического и благородного. Как заметил известный петербургский писатель А. М. Мелихов: «Существование несчастного народа и страны в состоянии деградации выдвигало на передний план народных заступников, спасающих Россию от коллапса. При этом и народ изображался чистой жертвой и "заступники" состояли из одной лишь жертвенности, свободной от корыстных и суетных побуждений. Когда юный Пушкин верил в подобную сказку — в то, что человеческие страдания порождаются исключительно злобностью "тиранов", а не силами природы, в том числе и человеческой — он тоже призывал к тираноборчеству, но когда ему открылось, что проблема неизмеримо сложнее, он и написал: "зависеть от царя, зависеть от народа — не все ли нам равно?"»[320] Существовала и жажда мученичества. Как признавался известный революционный деятель В. А. Зайцев (1842–1882): «Мы были глубоко убеждены в том, что боремся за счастье всего человечества, и каждый из нас охотно пошел бы на эшафот и сложил свою голову за Молешотта и Дарвина»[321].

Оппоненты самодержавия, в большинстве своем, рассматривали сильное государство как политический идеал и как конкретный инструмент, с помощью которого можно покончить с отсталостью страны. Борьба шла в первую очередь по вопросу о том, как лучше использовать государство, чтобы сделать российскую жизнь райской[322]. Это представляется совершенно естественным и логичным, учитывая возросшую силу гражданского общества. Плохое в другом — два последних императора и общественность не проявили необходимых в данной ситуации терпимости, мудрости и дальновидности. И. И. Толстой заметил: «Милюков все-таки фанатик, влюбленный в собственный ум, и как таковому ему многое простится, но неужели наша интеллигенция так мало способна спокойно рассуждать, что повторит, по программе, все ошибки первой Думы? Немного побольше такта и немного меньше самообожания и самодовольства — и сами они удивились бы, чего можно достигнуть в России самыми простыми мерами, на которые, наверно, пошло бы и правительство: правда, прощай тогда мишурная слава смелых борцов за идеи и мучеников демократизма! Но зато какая славная страница в истории Родины!»[323] Политические уступки давались трудно. Однако монархия шла на них, хотя и неохотно, а иногда под дулом пистолета, провоцируя тем самым общественность на решительные, в том числе на террористические и революционные действия. Верховная власть предпочитала медленные, постепенные преобразования. Оппозиция же не хотела ждать, полагая, что это простые уловки. «У Февральской революции — глубокие корни, — полагал А. И. Солженицын. — Это — долгое взаимное ожесточение образованного общества и власти, которое делало невозможным никакие компромиссы, никакие конструктивные государственные выходы. И наибольшая ответственность — конечно, на власти: за крушение корабля — кто отвечает больше капитана?»[324] Однако один из лидеров кадетов В. А. Маклаков уже в эмиграции признал: в развязывании гражданской войны между властью и оппозицией «вина общественности, пожалуй, больше, чем власти»[325]. Другой известный деятель кадетской партии и, как ее называли, «единственный мужчина в кадетском ЦК», А. В. Тыркова-Вильямс, будучи уже в эмиграции, вину возлагала на обе стороны: «Если бы мы и правительство умели и хотели сговариваться, не болтались бы мы теперь по чужим домам. Но в интел-

лигенции была тупая гордость своей несговорчивостью, одержимость протопопа Аввакума сидела даже в лягушачье-холодном Милюкове. И он, как многия наши юристы, предпочитал произносить в Думе речи принципиальные, согласные с учебниками Листа и других сушеных профессоров, чем создавать в стране мирное, постепенное благополучие» [326].

Союз старой и новой элиты, оппозиции с верховной властью, по крайней мере — на время войны, являлся бы наиболее прагматичным и рациональным решением политического спора. Вопреки этому во время Первой мировой войны противостояние обострилось до крайности. Оппозиция, опасаясь, что победа армии, руководимой императором, укрепит монархию, и, будучи уверенной в своих силах и способности привести страну к победе, воспользовалась временным ослаблением царского правительства и свергла его. Однако Временному правительству не удалось остановить расширение и углубление кризиса и расползание революции. Произошел Октябрьский переворот (в его подготовке принимали участие и иностранные деньги [327]). За ним последовал выход из войны, вследствие чего все плоды победы достались бывшим союзникам. В ноябре 1918 г., через год после Октябрьского переворота, Антанта выиграла войну без России, а с Россией это, конечно, случилось бы раньше. Шесть, максимум десять месяцев терпения, и Россия оказалась бы в числе стран-победительниц, а победа в войне предотвратила бы революцию и гражданскую войну.

Новая элита оказалась плохим управленцем, не способным «оседлать революцию», в значительной степени потому, что стала заложницей своего прекраснодушного демократизма. А. В. Тыркова-Вильямс поставила совершенно правильный диагноз: «Слишком быстро стало выясняться, что кадеты не в силах справиться с выпавшей им исторической ролью. <...> Добросовестные, начитанные, от всего сердца преданные России кадеты, среди которых были люди очень неглупые, не справлялись со своей новой задачей, не сумели превратиться из оппозиции в правительство. Почему? Условия были исключительно неблагоприятные и совершенно неподходящие для кадетской психологии»[328]. Этот диагноз поддержал и обосновал Р. Пайпс: «Интеллигенция сильно недооценивала трудности управления Россией: согласно интеллигентским воззрениям, демократия представляла собой не результат терпеливой эволюции устоев и учреждений, но естественное для человека состояние, благотворному влиянию которого не дает проявиться царский деспотизм» [329]. Придя к власти, она не захотела, да, пожалуй, уже и не могла отказаться от своей программы и тактики, а когда попыталась, то потеряла доверие и поддержку демоса. Между тем, в условиях войны ставка на демократию как на главное средство решения накопившихся проблем являлась крупным просчетом. Правительства всех воюющих стран, включая Великобританию и Францию, отвечая на вызовы войны, усиливали государственное вмешательство во все сферы жизни, ограничивали демократические свободы, несмотря на сильное общественное недовольство и протесты. Напротив, Временное правительство вопреки здравому смыслу проводило реформы, направленные на демократизацию и либерализацию всех сфер жизни, в том числе децентрализацию и демократизацию местного управления, что привело Центр к почти полной потере способности управлять провинцией[330]. Вот перечень только наиболее важных реформ: самая широкая в российской истории политическая и воинско-уголовная амнистия (к концу марта из 155 тыс. заключенных в тюрь-

мах осталось около 30 тыс.), отмена смертной казни, гуманизация тюремного режима; ликвидация политического сыска, замена полиции милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; введение полной свободы слова, собраний и союзов, отмена цензуры; восстановление основных положений судебных уставов 1864 г., обновление состава судей, расширение прав суда присяжных, реформирование административной юстиции; демократизация городского самоуправления, административная реформа на местах (введение волостной всесословной земской единицы), легализация самоуправления рабочих в промышленности (фабзавкомы); санкционирование свободы совести, полное уравнение в правах всех вероисповеданий, разрешение на проведение I Всероссийского Поместного собора, восстановившего патриаршество и утвердившего епархиальное и приходское самоуправление; учреждение хлебной монополии, продразверстки и карточной системы, введение в практику подоходного налога (закон о нем принят еще в 1916 г.); санкционирование самоопределения Финляндии и Польши, провозглашение украинской, эстонской автономии, отмена дискриминации по национальному и вероисповедному признаку.

Последствия столь радикальных демократических реформ в условиях войны оказались катастрофическими. Результатом уголовной амнистии стал невиданный рост насилия и преступлений. Свобода превратилась в разнузданность, разрушавшую государственность. Как справедливо утверждает В. Ю. Черняев: «Демократия была дискредитирована как характером сложившейся власти, так и ее неспособностью создать четко работающий механизм государственного управления. Непосредственное народоправие оказалось утопией». Правительство «оказалось беззащитным перед солдатами, матросами и рабочими, когда в дни политических кризисов по призыву левых экстремистов те выходили с оружием в руках на улицы столицы и, опьяненные сознанием своей силы, требовали отставки отдельных министров или всего правительства»[331]. Новая национальная политика поставила под угрозу стратегическое и геополитическое положение страны. Повсеместное внедрение самоуправления привело общество в состояние хаоса, хозяйственная разруха — к ожесточению политической борьбы[332].

«За все время своего существования правительство больше занималось разрушением старого правопорядка, чем созданием чего-то нового взамен, — отметил Р. Пайпс. — Оно так и не создало новых учреждений, способных заменить те, что рухнули либо под собственным весом, либо под натиском с его стороны. Такое невнимание к администрированию и исполнению законов новые лидеры обосновывали верой в мудрость народа. Политические понятия, почерпнутые главным образом из литературных источников, приучили русскую интеллигенцию к восприятию демократии не как идеала, достигаемого кропотливой работой, а как некой реальности, которой мешает утвердиться лишь царское законоустройство. Они были убеждены — или, вернее, им пришлось убедить себя, — что для того, чтобы дать демократии проявиться, самое главное — отказаться от управления. <...> Управление страной, ведущей войну и охваченной революционной эйфорией, — сделалось невозможным из-за грубейших приемов, продиктованных доктринерскими представлениями о демократии, верой в мудрость народа и презрением к профессиональному чиновничеству и полиции»[333]. Во всех вопросах, включая продовольствие, земельные отношения, общее и местное управление, воинскую дисциплину, снабжение армии, Временное правительство не смогло

навязать гражданам свою волю, в одних случаях не пожелав, в других не сумев использовать силу. Вследствие этого ему не удалось решить главную задачу текущего момента — мобилизовать все ресурсы для победы над врагом. Советское правительство в аналогичных ситуациях, в годы Гражданской и Великой Отечественной войны, ради победы сворачивало демократические свободы, не останавливалось перед широчайшим применением насилия и в значительной степени благодаря этому обеспечило реализацию своего проекта.

Аграрный вопрос — важнейшая проблема, которую не сумели решить ни царское, ни Временное правительство. Именно она создавала колоссальное социальное напряжение в стране. Вследствие низкой производительности труда крестьянство страдало от малоземелья и требовало экспроприировать частновладельческую землю, принадлежавшую некрестьянам, и таким простым способом удовлетворить свои возросшие материальные потребности. Эти вожделения поощрялись важнейшими политическими партиями и отчасти самой верховной властью. Значительная помощь со стороны государства в форме так называемого «царева пайка», как именовали землепашцы разнообразные пособия и прощение недоимок, также поддерживала иждивенческие настроения и патерналистские надежды крестьян великороссийских губерний. Общая сумма долгов и пособий, составившая за 1891–1908 гг. около 500 млн руб., распределялась между губерниями *прямо пропорционально плодородию почв и степени распространения в них общинной формы собственности*. На восемнадцать дотационных губерний, входивших в Черноземный центр, Среднее и Нижнее Поволжье, а также Приуралье, приходилось почти 90% общеимперского долга и свыше 80% общей продовольственной задолженности всей Европейской России[334]. Однако, как доказала реализация «черного передела» в конце 1917–1918 гг., посредством захвата чужой собственности решить проблему малоземелья и низких доходов крестьян оказалось невозможным. В среднесрочной и тем более — долгосрочной — перспективе повышение благосостояния могла обеспечить только агротехническая революция, требовавшая, однако, времени и огромных средств. Но именно этот курс стало проводить царское правительство, приняв за основу своей политики с 1906 г. Столыпинскую аграрную реформу[335].

Рабочий вопрос — еще одна проблема, создававшая социальное напряжение в обществе. Пролетарии хотели и требовали более быстрого роста зарплаты, 8-часового рабочего дня и полного социального пакета — медицинской страховки, защиты от безработицы, травматизма и т.д., что в полной мере удовлетворить при существовавшем в то время уровне производительности труда было невозможно. Однако царское правительство вступило на путь улучшения положения рабочих правовым путем уже в 1830-е гг., почти одновременно с западными странами. Закон 1835 г. ввел письменный трудовой договор как юридическую основу трудоустройства. В 1845 г. вошел в силу закон, ограничивающий детский труд. В 1882 г. учреждена фабричная инспекция, взявшая под контроль взаимоотношения предпринимателей и пролетариев. В дальнейшем принят еще ряд законов, защищавших интересы последних: ограничение ночной работы детей и женщин (1882, 1885), направление средств от штрафов на улучшение быта рабочих (1885), ограничение трудового дня сначала 11,5 часами (1897), затем 10 часами (1906), введение материальной ответственности предпринимателей за увечье и института фабричных старост (1903), легализация забастовок и профсоюзного движения

(1905–1906), страхование от несчастных случаев и болезней (1903, 1912). Этот разумный и прагматичный путь в конечном итоге привел бы к облегчению положения рабочих и возникновению социального государства с рыночной экономикой, не сорви Первая мировая война этот процесс[336]. После февральских событий Временное правительство продолжило эту политику и в постановлении «О рабочих комитетах в промышленных предприятиях» законодательно признало за рабочими много новых прав, в том числе право на самоуправление в форме фабзавкомов. Благодаря этому у россиян стало больше прав, чем у западноевропейских пролетариев. Но они все равно остались недовольны, не соглашались на компромисс и требовали право на рабочий контроль, стремясь поставить заводскую администрацию в полную от них зависимость, подобную той, которую имели солдатские комитеты над офицерами. Это требование являлось совершенно неприемлемым для предпринимателей, а в условиях войны — безрассудным.

Национальный вопрос — следующая важнейшая проблема Российской империи начала XX в. Централизация и унификация управления, суда и законов, а также экономическая интеграция отдельных губерний в единый народнохозяйственный организм, как и везде, приходили в столкновение с ростом национального самосознания. Модернизация империи натолкнулась на национализм и сама по себе способствовала его росту. Национальные движения настаивали как минимум на культурной автономии, многие боролись за отделение от России, но требования выполнялись в ограниченной степени[337]. Правда, их полное удовлетворение привело бы к распаду России, что и случилось после Октября 1917 г. Однако ради сохранения единства государства, вероятно, следовало сделать больше уступок в национальном вопросе. Временное правительство попыталось наверстать упущенное. Однако в условиях войны парад суверенитетов поставил под угрозу стратегическое положение страны[338].

Социально-экономическое неравенство существовало и усиливало социальную напряженность в обществе. Как показано выше, степень его была умеренной, несколько большей, чем в советское время, и намного меньшей, чем в развитых европейских странах. Децильный коэффициент дифференциации в России начала XX в. равнялся примерно 6–7 и мог варьировать в границах 4,2–10,7 (подробнее см. главу 12.4). Однако не следует и недооценивать влияние этого фактора на социальную напряженность. Проблема состояла не столько в степени неравенства, сколько в том, что в конце XIX — начале XX в. и особенно в годы Первой мировой войны миллионы крестьян, ставших солдатами, увидели и осознали в полной мере существовавший в обществе, за пределами деревни, уровень неравенства, умеренный, если оценивать его объективно, но им, ориентированным на уравнительное распределение имущества, он казался огромным. Кроме того, неравенство в годы войны увеличилось: буржуазия разбогатела на военных поставках и проявляла безудержное мотовство и стремление к роскоши, в то время как народ испытывал депривацию. Это озлобляло городских рабочих и солдат, размещавшихся в городах, особенно в Петрограде и Москве. Травматическому воздействию в целом умеренного неравенства на крестьянство способствовал ряд факторов: повышение грамотности, информированности, расширение кругозора благодаря невиданным прежде масштабам миграции людей и призыва в армию после введения всесословной воинской повинности, знакомство с городом, где неравенство было на порядок выше, чем в деревне, и, конечно, революционная пропаганда. Как говорили

пословицы: «Городское теля (теленок. — *Б.М.*) мудреней деревенского пономаря». «Чужая сторона прибавит ума»[339]. Если в 1860-е гг. в отходничестве участвовали 1,3 млн крестьян в год, то в 1890-е гг. — 7,1, в 1906–1910 гг. — 9,5 млн в год[340]. Если в предвоенное время в армию ежегодно призывалось около 3,4% всего мужского населения (или 7,1% трудоспособных мужчин), то за 2,5 года, с июля 1914 по январь 1917 г., — соответственно 22,6% и 47,4% (всего 15,1 млн)[341].

Культурный раскол общества. Население страны, если несколько огрубить действительность, было расколото на две части в соответствии с местом жительства и социальной принадлежностью: крестьяне и городские низы, с одной стороны, дворянство, буржуазия и интеллигенция — с другой. Они говорили на разных языках — в прямом и переносном смысле. Это обнаружилось уже в конце XVIII в. После Великих реформ культурный раскол, с точки зрения одних исследодвателей, уменьшался, с точки зрения других — увеличивался[342]. А. Гакстгаузен, много лет изучавший Россию в ходе полевых исследований, или путешествий, имел все основания написать в 1847 г.: «С XVI столетия Россия значительно сблизилась с Западной Европой. В последние 140 лет в России сильно распространилась европейская цивилизация. Высшие классы получают западноевропейское воспитание и образование; все государственные учреждения заимствованы с Запада. Законодательство приняло не только характер, но и форму европейских законодательств; но все это отразилось только на высших классах. Западная цивилизация не проникла в нижние слои русского народа, в его нравы и обычаи, его семейная и общинная жизнь, его земледелие и способ поземельного владения сохранились вне всякого влияния иноземной культуры, законодательства и почти вне правительственного вмешательства. Но благодаря различию в образовании верхних и нижних слоев русского народа образованное сословие утратило всякое понимание сельских народных учреждений»[343].

Традиционная народная крестьянская культура была враждебна модернизации, она строилась на основе иных институтов, чем современное общество. Модерн диктовал принципы жизни, не совместимые с теми, которых в течение нескольких столетий придерживались крестьяне:

- не хранить нетронутым наследство от предков, а преобразовать его;
- не следовать слепо дорогой отцов, а искать другие пути;
- не видеть в прошлом образец для подражания, а видеть в нем объект для преобразования;
- не преклоняться перед властями предержащими, а смотреть на них как на управленцев, выбранных обществом;
- не подчиняться природе, а подчинять и эксплуатировать ее;
- не рассматривать личный опыт главным источником знания, а искать ответы в книге, написанной экспертом в данном деле;
- не надеяться на помощь родственников, соседей и властей предержащих, а полагаться в основном на самого себя;
- не следовать в своем поведении движениям души и сердца, а доверяться точному расчету.

Социальные и культурные противоречия между тонким европеизированным слоем населения и традиционным крестьянством создали огромное напряжение в обществе и стали важнейшей предпосылкой русских революций. О силе этого напряжения и ненависти народа к плодам и носителям модернизации свидетель-

ствует то, что Революция 1917 г. не ограничилась уничтожением основ старого режима, а разрушила также и возводившееся здание нового современного общества и стала во многих отношениях антимодернистской. *Большинство крестьян участвовали в революции во имя восстановления попранных ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни*[344]. «Русская революция враждебна культуре, она хочет вернуть к естественному состоянию народной жизни, в котором видит непосредственную правду и благостность», — констатировал Н.А. Бердяев[345]. В 1917–1918 гг. землепашцы намеренно сжигали сотни музеев и тысячи помещичьих усадеб, а также книги, ноты, музыкальные инструменты, произведения искусства, постельное белье, гобелены, фарфор — все, что символизировало европейскую культуру и напоминало о ее приверженцах. Однако социальные противоречия вплоть до Первой мировой войны удерживались в определенных границах. Введение обязательного начального обучения, уравнение всех граждан в правах, снятие ограничений на передвижения, вовлечение крестьян в активную хозяйственную деятельность и рыночные отношения в конечном итоге вели к преодолению культурного раскола[346] и, как показывает опыт других стран, этот раскол в конце концов преодолевался.

Низкий уровень жизни. Людей, недовольных своим материальным положением, во все времена и во всех странах достаточно много. И Россия, разумеется, не являлась исключением. В пореформенное время благосостояние значительной части поместного дворянства в результате отмены крепостного права и белого духовенства в результате церковных реформ понизилось. Однако вряд ли можно говорить о всеобщей деградации даже поместного дворянства и духовенства. С. Беккер приводит убедительные аргументы в пользу того, что тезис о тотальном упадке дворянства — миф. На самом деле, демонстрирует он, значительная часть довольно успешно адаптировалась к новым условиям жизни, хотя трансформация, как и всюду, проходила болезненно[347]. Второе привилегированное сословие — духовенство — всегда выражало неудовлетворение своим материальным положением и, следует признать, справедливо — получаемое им весьма скромное вознаграждение, хотя и росло, оставалось несоразмерным ни с его образованием, ни с его общественным положением, ни с его квалифицированным и нелегким трудом[348]. Что же касается других категорий населения, то хотя их материальное положение, как показано выше, улучшалось, потребности и запросы росли еще быстрее, и именно это служило фактором растущего недовольства в пореформенное время. С конца XIX в. мы встречаемся с новым отношением людей к проблеме благосостояния. Раньше большинство делало акцент на материальной стороне. Теперь акцент сместился на степень удовлетворенности жизнью с точки зрения широкого набора не только материальных, но и духовных потребностей. Это хорошо видно по рабочим. К этой категории населения приходится довольно часто обращаться по двум причинам: с одной стороны, есть источники, с другой — пролетарии играли весьма заметную роль в революционном движении, не соразмерную с его численностью.

Жалобы на материальные затруднения со стороны рабочих, как правило, обусловливались не полуголодным их существованием. Пролетариев, как и другие социальные группы, стал волновать не только уровень, но и качество жизни, их духовные потребности стали обгонять их возможности, так как даже в «простом» человеке росло чувство личности и самоуважения[349]. Они стали жало-

ваться не только на низкие заработки и длинный трудовой день, как до Великих реформ, но также на грубость мастеров и других представителей фабричной администрации, на применение физической силы и употребление мата, на сексуальные посягательства по отношению к работницам, на обращение к рабочим на «ты», на отношение к ним «как к детям», «рабам», «крепостным» или «вещам». В табл. 12.34 представлены данные о жалобах рабочих «на дурное обращение и побои» по классификации фабричной инспекции за 1901–1913 гг.

Таблица 12.34

Жалобы рабочих на «дурное обращение» в 1901–1913 гг.

	1901–1904 гг.	1905–1907 гг.	1908–1910 гг.	1911–1913 гг.
Число поводов в жалобах, тыс.	62,6	238,4	128,3	218,4
Жалобы на дурное обращение, тыс.	2,134	7,622	5,283	14,011
Жалобы на дурное обращение,%	3,4	3,2	4,1	6,4
в т. ч. обоснованных, тыс.	1,741	4,087	2,642	–
в т. ч. обоснованных,%	81,6	53,6	50,0	–
Число рабочих на конец года, тыс.	1 733,9	1 821,4	1 924,8	2 174,0
Доля пожаловавшихся рабочих,%	3,6	13,1	6,7	10,0
Номинальная годовая зарплата рабочих, руб.	201,0	218	232	248
Номинальная поденная оплата рабочих, коп.	139	146	145	178

Источник: Свод отчетов фабричных инспекторов за [1901–1913] год. СПб., 1903–1914.

Всего за 13 лет *число* жалоб «на дурное обращение» выросло абсолютно в 3,5 раза, а с учетом изменения численности рабочих (на 1000 человек) — в 2,8 раза; *доля* жалоб «на дурное обращение» в общем числе жалоб — почти в 2 раза (с 3,4% в 1901–1904 гг. до 6,4% в 1911–1913 гг.). И это несмотря на гуманизацию отношений между администрацией и рабочими! «Случаи побоев в настоящее время сравнительно редки, — свидетельствовал фабричный инспектор в 1911 г. — Ручная расправа отходит постепенно в область преданий»[350]. Доля обоснованных, по мнению фабричной инспекции, жалоб упала с 81,6% в 1901–1904 гг. до 50% в 1908–1910 гг. Отметим также, что рабочие обращались с теми же жалобами не только к фабричным инспекторам, но и в мировые суды. И в том и другом случае явно проявлялось стремление добиться уважения к себе как личности[351]. В 1903 г. рабочий П. Тимофеев писал в журнале «Русское богатство»: «Чувство неприкосновенности личности, чувство самоуважения не были в то время (15 лет назад. — *Б. М.*) так развиты в русском рабочем, как теперь. Тогда имело значение только одно — заработок. <...> Теперь вместе с хорошим заработком современный рабочий требует также и хорошего обращения; и достаточно мастеру замахнуться на рабочего рукой или толкнуть его, как мгновенно, как бы от электрического тока, вспыхивает вся мастерская, и пламя ее нередко зажигает весь завод. В летописях русской промышленности последнего времени найдется немало забастовок и бунтов, первоначальной причиной которых было оскорбление действием рабочего со стороны мастера»[352]. Действительно, пролетарии стали бороться за уважительное к себе отношение со стороны заводской администрации даже с помощью стачек! По причине «неудовольствия на личный

персонал заводоуправления» зафиксировано в среднем в год за 1895–1904 гг. 77 стачек, в 1905–1907 гг. — 131, в 1912–1914 гг. — 85, в них принимало участие — соответственно 41,0, 43,8 и 32,3 тыс. рабочих[353]. Примерно для трети этих стачек непосредственной причиной являлось «дурное обращение»[354].

Неудивительно поэтому, что изменение уровня жизни и протестного движения не были взаимообусловлены. В 1895–1913 гг. не существовало тесной зависимости между стачечным движением, с одной стороны, и экономической конъюнктурой и материальным положением рабочих — с другой. Кроме роста чувства личности, большую роль в их поведении играли особенности массового сознания, существенно лимитировавшие пределы влияния на них как экономического фактора, так и политических партий[355].

Как показали два массовых опроса, проведенные в 1872 и 1902 гг., мнения современников относительно положения деревни после отмены крепостного права разделились: одни полагали, что условия жизни крестьян после эмансипации улучшились, другие — ухудшились. Но самое парадоксальное в другом — все зафиксировали рост их потребностей и доходов, благодаря чему они стали лучше одеваться и питаться по сравнению с дореформенным временем[356]. Следовательно, по общему убеждению благосостояние народа в абсолютном смысле повысилось, но *степень улучшения не соответствовала ожиданиям* и отставало от потребностей, поэтому многим казалось — положение ухудшилось. А. А. Фет проницательно заметил: ощущение человека бедным или богатым и, значит, счастливым или несчастливым зависит от уровня потребностей и степени их удовлетворения. Поэтому «искусственное умственное развитие, раскрывающее целый мир новых потребностей и тем самым далеко опережающее материальные средства известной среды, неминуемо ведет к новым, небывалым страданиям, а затем и ко вражде с самою средою. <...> Считаю величайшим неразумием и жестокостью преднамеренно развивать в человеке новые потребности, не имея возможности дать ему и средства к их удовлетворению. Не то же ли это, что в безводной степи накормить неопытного человека селедкой, снять шапку и сказать: “Теперь, мой друг, я свое дело сделал, накормил тебя, а уж водицы поищи сам”»[357]. Степень недовольства умелой пропагандой можно дозировать — то разжигать до крайней степени, то понижать. И здесь в дело вступали мощные и удачные PR-кампании со стороны оппозиции.

Военные неудачи, на мой взгляд, следует выделить в особый фактор. Исторические социологи обнаружили важный факт: сдвиги в положении правящего класса пропорциональны военному успеху или поражению (так называемая модель войны-легитимности Р. Ханнемана). Победа сопровождается ростом патриотизма в стране, повышением престижа и легитимности правящего класса и государства, поражение, наоборот, — их падением. Требуется, как правило, победа или поражение в трех поочередных войнах, чтобы легитимность государства и правящего класса существенно изменилась. Стремление последнего начать внешний конфликт прямо пропорционально разности между желаемым уровнем его легитимности и ее текущим значением[358]. В России император олицетворял государство и правящий класс, поэтому несколько крупных поражений в двух войнах подряд в течение лишь 13 лет, 1904–1917 гг., сильно ударили по престижу не только государства, правящей элиты, но и самого монарха. Именно неудачная для России Первая мировая война расшатала власть, дисциплину и обще-

ственный порядок, породила материальные трудности, позволила выйти наружу социальным противоречиям, которые до войны, хотя и с большим трудом, удерживались в определенных границах. Война также дала возможность радикальным партиям спекулировать на трудностях и агитировать в пользу революции. Война стала также экологической катастрофой: она сорвала со своих мест миллионы людей, превратив империю «в океан беженцев», борющихся за выживание с более устроенной частью населения[359]. В современной отечественной и зарубежной историографии большинство историков сходятся во мнении, что именно Первая мировая война породила революцию в России или во всяком случае явилась важнейшей ее причиной и способствовала распаду империи[360]. В. И. Ленин говорил о войне как дирижере революции. П. Н. Милюков подчеркивал исключительное значение войны: «В ряду факторов, определивших собою *особую физиономию* второй революции, войне 1914–1918 гг. принадлежало, конечно, первое место. Многие и многие из явлений, которые принято считать специфически революционными, фактически предшествовали революции и созданы именно обстоятельствами военного времени»[361]. Кстати, неудачи в Русско-японской войне 1904–1905 гг. также способствовали созданию революционной ситуации в стране[362]. Можно согласиться с теми, кто полагает, что Октябрьская революция и вызванная ею Гражданская война лежат на совести противников победоносного завершения Первой мировой войны[363].

Таким образом, ни марксистская, ни мальтузианская (в классической или современной версии) интерпретации истоков и причин российских революций не подтверждаются эмпирически. Теория модернизации и институциональная концепция объясняют как происхождение русских революций 1905 г. и 1917 г., так и историческое развитие страны в период империи в целом намного убедительнее. В русских революциях мало уникального, и они не являются неизбежными и закономерными. Модернизация в России протекала неравномерно, в различной степени охватывая экономические, социальные, этнические, территориальные сегменты общества. Наблюдались побочные разрушительные последствия в форме роста социальной напряженности, девиантности, насилия, преступности и т. д. На этой основе возникали серьезные противоречия и конфликты между отраслями производства, социальными слоями, территориальными и национальными сообществами. Царский режим принимал все возможные меры, чтобы их решить, и в целом действовал в правильном направлении. При скромных экономических и финансовых ресурсах попытаться решить проблемы в шоковом режиме — быстро и радикально, как настаивала оппозиция, стало бы авантюрой.

Однако существовавшие социально-экономические проблемы служили лишь предпосылками революции[364]. Ее непосредственная причина и движущая сила — борьба за власть между разными группами элит. Лидером, вдохновителем и организатором революционных действий выступила либерально-радикальная интеллигенция, а народ был вовлечен в них умелой агитацией и пропагандой[365] по двум причинам: без народной поддержки общественность не имела сил низвергнуть монархию, удержаться у власти и обеспечить легитимность государственного переворота. В этом смысле революции обусловлены не столько социально-экономическими, сколько политическими факторами. Революции не являлись неизбежными, а произошли вследствие «роковых ошибок», допущенных властью и общественностью. «Война сделала революцию весьма вероятной, но только

человеческая глупость сделала ее неизбежной», — утверждал современник Февраля и видный историк М. Карпович[366]. Отсюда, однако, не следует, что народ являлся слепым орудием в руках циничных политиков. Нельзя вывести на улицы сотни тысяч людей против их воли, их нужно было убедить в необходимости этого шага. У крестьян и рабочих имелись свои групповые интересы, которые они успешно решали с помощью и либералов, и революционеров[367].

12.9. О стихийности революции

В современной литературе о социальных революциях, с точки зрения механизма революционного процесса, выделяют *конструктивистскую* и *структуралистскую* модели. Первая модель рассматривает революцию как следствие целенаправленных действий лидеров, революционных групп или масс. В «*конспиративном*» варианте конструктивистской модели революции являются результатом агитационной или организационной деятельности профессиональных оппозиционеров и революционеров. Им удается убедить и мобилизовать на революционные действия массы, которые вследствие этого становятся объектом целенаправленных манипуляций. Напротив, «*вулканический*» вариант первой модели большое значение придает стихийности действий масс, особенно остро ощущающих преследования, эксплуатацию, несправедливость, а также подчеркивает лавинообразный характер распространения революции, охватывающей все более широкие слои общества. Структуралистская модель рассматривает революцию как естественный результат формирования объективных социальных предпосылок, подготавливающих стихийное революционное выступление элит и масс. Однако в этом случае необходим своего рода спусковой крючок — либо ослабление аппарата насилия и репрессий, когда правящий класс проявляет слабость или неспособность к дальнейшему руководству (концепция *«кипящего котла»)*, либо наличие различных средств и разнообразных ресурсов (концепция *«найденного сокровища»*)[368]. Как с точки зрения механизма революционного процесса можно оценить Русскую революцию 1917 г.?

В настоящее время многие, а возможно, и большинство отечественных и зарубежных историков разделяют точку зрения о стихийности Февраля. При оценке каких-либо событий как стихийных или организованных следует учитывать значение слова «стихийный» — «осуществляющийся как естественный процесс без регулирующего воздействия людей, общества»[369]. Когда мы, например, говорим о стихийности крестьянского восстания, то подразумеваем следующее: восстание не имело правильной организации и руководства; его не готовили, т. е. участникам не промывали мозги, не склоняли к действию путем убеждения, просьбы, принуждения, уговора, подкупа, угрозы или другим способом; восставшие не имели четкой и ясной цели и плана, действовали инстинктивно, иррационально и спонтанно, напоминая корабль без руля и ветрил. Можно ли сказать, что сотни тысяч людей, вышедших на улицы Петрограда на всеобщую политическую забастовку в конце февраля, не побуждались и не подталкивались, не убеждались и не склонялись к этому, т. е. представляли собой корабль без руля и ветрил?! Думаю, никто не ответит утвердительно, даже те, кто уверен в стихийности переворота. «Уличные события внесли главную лепту в революцию и свержение царского строя. Но они все же не исчерпывают всю революцию», — замечает В. И. Старцев. Без

идеологической обработки массового сознания, в которой участвовали все оппозиционные силы, включая буржуазную печать, общественные организации и масонов, рабочие не решились бы выйти на улицы. «Все это — элементы организованности, создания предпосылок общенационального кризиса, общенародного недовольства»[370]. «Либералы, хотя и не делали на революцию единственную ставку, но принимали ее в расчет и в результате приложили свои усилия к ее победе», — признает Ф. А. Гайда, сторонник точки зрения стихийности[371]. Советские исследователи колебались от признания стихийности революции до утверждения о большом или решающем вкладе большевиков в февральских событиях: «Большевистская партия была единственной в России политической партией, которая, опираясь на революционный подъем народных масс, готовила российский и петроградский пролетариат к всеобщей стачке и вооруженному восстанию против царизма»[372].

Скоротечный, взрывной характер февральского переворота объясняется именно его долгой и тщательной подготовкой. Накануне событий оппозиции с помощью средств массовой информации удалось создать настолько отрицательный образ Николая II и Александры Федоровны, что у монархии практически не осталось защитников. В чем только не обвиняли императора — в глупости и тупости, в слабости и сексуальной развращенности[373], в наркомании и пьянстве, в неспособности действовать разумно и даже в государственной измене. Презрительные прозвища: «Николашка», «царь-дурак», «слабый царь», «большой господин маленького роста», «губошлеп», «сумасшедший», «кабатчик» и «пробочник» (за введение винной монополии), «царь-баба» и т. п. — ходили во всех слоях русского общества[374]. «К началу Первой мировой войны в политической пропаганде, в художественной литературе и фольклоре *были разработаны различные негативные образы царствующего монарха*; они нашли отражение в стихах, поговорках, частушках, карикатурах, анекдотах. Люди разного положения и разного уровня образования использовали эти образы при описании и интерпретации всевозможных кризисных ситуаций (курсив мой. — *Б. М.*)»[375]. Даже члены Дома Романовых не поддержали падающий престол. В Гражданскую войну ни один из вождей белого движения, включая сочувствующих монархии, не решился поднять монархического знамени из-за опасения потери широкой поддержки. Такое стало возможным только благодаря тому, что враждебность к монарху и его правительству культивировалась оппозицией в течение многих лет. Как говорит известная поговорка, если человека 100 раз назвать собакой, то он залает. Люди путем многократного повторения лозунгов постепенно приучаются себя вести в соответствии с ними. Промывка мозгов и черный пиар сделали свое дело — народ поверил в спасительность свержения монархии[376].

Знаменитая речь П. Н. Милюкова в Думе 1 ноября 1916 г. «Глупость или измена», как и речь поддержавшего его В. В. Шульгина, разошлись по стране в миллионах экземпляров, несмотря на запрещение для печати. «Не было министерства и штаба в тылу и на фронте, в котором не переписывались бы эти речи», — вспоминал Милюков[377]. Пропаганда внушала: народ — жертва обмана и предательства монархии. «И если то, что говорили шепотом, на ухо, стало общим криком всего народа и перешло на <...> улицу, <...> то в этом повинно само общество. Оно само революционизировало народ, подчас не останавливаясь перед прямой, а иногда и довольно грубой демагогией», — справедливо заметил известный

историк и участник событий Февраля 1917 г. С. П. Мельгунов[378]. Негативное отношение к царю и режиму складывалось главным образом под влиянием прессы. Например, среди крестьян коллективное (ввиду низкой грамотности) чтение газет, содержавших критику «темных сил» (1915–1916 гг.), возбуждало ненависть к царю настолько, что у них появлялось желание его убить[379]. Обличение «темных сил» нашло горячий отклик и у пролетариев, о чем говорит поток писем и телеграмм, направляемых ими в адрес Государственной думы, с одобрением ее антиправительственной позиции. Под мощным воздействием агитационно-пропагандистской работы либеральной и революционной оппозиции в конце 1916 — начале 1917 г. у рабочих произошла трансформация патриотически-оборонческих настроений в революционно-оборонческие: идеи свержения монархии, установления демократической республики и ответственного перед народом правительства стали господствующими[380]. Аналогичный процесс наблюдался и у солдат — патриотические настроения превращались в пораженческие, доверие к власти — в ненависть и желание ее сменить[381]. При этом смена настроений, рост недовольства и желание вмешаться и изменить ситуацию у народа и элиты происходили, как это демонстрируют О. С. Поршнева и И. Л. Архипов, синхронно: все социальные группы стали как бы сообщающимися сосудами[382]. Условия жизни создавали предпосылки для недовольства, оппозиция его раздувала и указывала как на врага, так и на спасителя. Враг до февраля 1917 г. был общий — монархия, но спасители каждой партией виделись разные.

Когда историки[383] и сами участники февральского переворота постфактум говорят о неожиданности и стихийности, то имеют в виду лишь то, что всеобщая политическая стачка нежданно-негаданно для всех, в том числе для тех, кто ее организовывал, превратилась в свержение самодержавия, в государственный переворот. Л. Д. Троцкий говорил: «Революция застала врасплох только в смысле момента»[384]. Начало революции 23 февраля не предвидели, но ее готовили и просто не знали, когда взорвется. «В последние встречи до февральских дней, — замечает в своих записках Н. Н. Суханов, — когда чувствовалась близость какой-то радикальной развязки, мы (в интеллигентских кружках. — *Б. М.*) неоднократно заводили речь о том, что можно сделать и что надлежит делать различным обще-

Братание солдат на фронте. 1917 г. Фото

ственным группам, какие мероприятия в Петербурге и в провинции необходимы были бы в первую голову в момент взрыва и после взрыва... Без надлежащей веры в серьезность своих разговоров, предположений и рассуждений в интеллигентских кружках, с участием Керенского, немало говорилось о “планах и схемах” переворота. Я совершенно определенно высказывал, что так или иначе Керенскому придется стать в центре событий»[385]. По компетентному мнению С. П. Мельгунова, «революционные штабы готовили массы к “грядущему выступлению”. Трудно поэтому уличное выступление 23 февраля, которое вливалось в нарастающую волну стачек, имевших всегда не только экономический, но и политический оттенок, назвать “самочинным”. Самочинность его заключалась лишь в том, что оно возникло без обсуждения “предварительного плана”, как утверждали донесения Охранного отделения 26 февраля»[386].

Троцкий посвятил стихийности целый параграф в своем исследовании, посвященном революции. В нем он убедительно доказывает: революция была подготовлена. «Кто руководил переворотом? Кто поднял на ноги рабочих? Кто вывел на улицу солдат? После победы эти вопросы стали предметом партийной борьбы. Проще всего они разрешались универсальной формулой: никто не руководил революцией, она произошла сама по себе. Теория “стихийности” пришлась как нельзя более по душе не только всем тем господам, которые вчера еще мирно администрировали, судили, обвиняли, защищали или командовали, а сегодня спешили породниться с революцией; но и многим профессиональным политикам, и бывшим революционерам, которые, проспав революцию, хотели думать, что они в этом отношении не отличались от всех остальных. <...> Либерализм полностью усыновляет теорию стихийности и безличности переворота». <...> Если большевистская партия не смогла обеспечить восставшим авторитетное руководство, то о других политических организациях нечего и говорить. Этим подкреплялось ходячее убеждение в стихийном характере Февральской революции. Тем не менее оно глубоко ошибочно или, в лучшем случае, бессодержательно. <...> Мистика стихийности ничего не объясняет»[387]. Троцкому вторит В. И. Ленин, указывая в 1921 г.: «Мы победили в России, и притом с такою легкостью потому, что подготовили нашу революцию во время империалистической войны»[388]. В ответе Троцкого на вопрос, кто руководил февральским восстанием — «сознательные и закаленные рабочие, воспитанные главным образом партией Ленина»[389] — нужно только к большевикам добавить эсеров и меньшевиков, кадетов и октябристов, прогрессистов и анархистов и даже немалое число монархистов — всех оппозиционеров, единодушных в вопросе устранения Николая II от власти.

Известный либеральный судебный деятель, товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии С. В. Завадский так подвел итог своим наблюдениям о стихийности февральских событий: «Принято говорить: движение началось стихийно, солдаты сами вышли на улицу. С этим я никак не могу согласиться. Да и что значит слово “стихийно”? “Самопроизвольное зарождение” еще меньше уместно в социологии, чем в естествознании. Оттого, что никто из революционных вождей с именем не мог привесить к движению свой ярлык, оно становится не безличным, а только безымянным»[390]. С точки зрения юриста, февральский переворот никак нельзя назвать стихийным, ибо народ распропагандировали и к нему морально подготовили, т. е. подстрекали. Не случайно, регистрируя события последних дней февраля, охранка отмечала: движение

«стихийно», т. е. не имеет планомерного руководства сверху; но тут же добавляла: «при общей распропагандированности» участников[391].

Однако подготовленное народное движение из всеобщей политической стачки с целью заставить Николая II отречься от престола превратилось в революцию, по всей видимости, стихийно, вопреки замыслу. По словам одного из лидеров эсеров В. М. Зензинова: «Никто не предчувствовал в этом движении веяния грядущей революции»[392]. В результате тщательного анализа февральских событий Мельгунов пришел к выводу: «Музыку заказывала» народная стихия, потому-то революции и называются революциями. «Взбаламученный океан революционных страстей» вел «утлую ладью» России в бездну еще более страшных испытаний и потрясений. Люди, которых вынес наверх поток «революционной лавы», оказались просто неспособны руководить огромной страной. «Не Дума руководила стихией, а стихия влекла за собой Временный комитет (Государственной думы. — *Б. М.*)». Масонской «дирижерской палочке» не удавалось управлять событиями[393]. Получилось как в известной легенде об ученике чародея: ученик вызвал наводнение, но остановить его не смог. В. А. Маклаков в своих воспоминаниях утверждает: кадетские вожди революции вообще «не боялись. Одни просто потому, что в ее возможность не верили; другие рассчитывали, что революцию можно было использовать против власти, а потом остановить в самом начале. А так как угроза революции могла заставить власть идти на уступки, то они эту карту продолжали играть, не отдавая себе отчета, что играли с огнем»[394].

Таким образом, насильственное отречение Николая II от престола, а в этом состоит суть Февраля, тщательно готовилось всеми без исключения политическими партиями и организациями, и в этом смысле февральские события нельзя считать стихийными[395]. Переворот можно сравнить с непредумышленным убийством. Убийца хотел попугать жертву, но, не рассчитав силу удара, убил ее. Покушение на убийство не было стихийным, оно тщательно готовилось. Но последствие преступления — смерть, оказалось неожиданным — всеобщая политическая забастовка 23–25 февраля 1917 г. превратилась в революцию. Следовательно, даже при отсутствии прямого заговора, имевшего целью свержение Николая II, февральские события нельзя назвать стихийными.

Однако есть многочисленные свидетельства современников и участников февральских событий об организации февральских событий. Например, как указывал А. Ф. Керенский в мемуарах, дворцовый переворот планировался на середину марта 1917 г. и готовился под руководством А. И. Гучкова[396]. О подготовленности февральских событий свидетельствовал последний царский петроградский градоначальник генерал А. П. Балк[397] и П. Н. Милюков: «Подготовка к революционной вспышке весьма деятельно велась — особенно с начала 1917 года, — в рабочей среде и в казармах петроградского гарнизона», — утверждал он. Предположительно — либо Министерством иностранных дел Германии через большевиков, либо российской полицией. По мнению Милюкова, направляющая рука чувствовалась и в организации самого переворота: «Руководящая рука, несомненно, была, только она исходила, очевидно, не от организованных левых политических партий». Но «закулисная работа по подготовке революции так и осталась за кулисами. <...> Здесь мы касаемся самого темного момента в истории русской революции. Будущий историк прольет свет и на эту сторону дела; современнику остаются только догадки»[398].

Глава партии октябристов и председатель Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) А. И. Гучков после эмиграции рассказывал, что осенью 1916 «родился замысел о дворцовом перевороте, в результате которого государь был бы вынужден подписать отречение с передачей престола законному наследнику. В этих пределах план очень быстро сложился. К этой группе двух инициаторов (Н. В. Некрасов и Гучков) присоединился по соглашению с Некрасовым М. И. Терещенко, и таким образом образовалась та группа, которая взяла на себя выполнение этого плана. <...> Примкнул к нашему кружку и князь Вяземский»[399]. Осенью 1916 года А. И. Гучков через свои связи в Военно-промышленных комитетах вовлек в заговор двух-трех командующих фронтами (во главе с Н. В. Рузским) и несколько чиновников Департамента железных дорог в Петрограде, а в последние дни перед Февральской революцией и начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева[400]. 9 февраля 1917 года в кабинете председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко состоялось совещание лидеров оппозиционных думских фракций. Присутствовали также приглашенные на него генерал Н. В. Рузский и полковник А. М. Крымов. Переворот согласно сделанным здесь наметкам должен был произойти не позже апреля 1917 года (на апрель было запланировано согласованное с союзниками по Антанте наступление — оно неизбежно вызвало бы подъем патриотизма и сделало переворот невозможным). План заговорщиков был прост (и воплотился в жизнь 1 марта): во время очередной поездки государя в Ставку в Могилев постараться задержать царский поезд (эта задача возлагалась на главнокомандующего Северным фронтом Н. В. Рузского) и, арестовав царя, заставить его отречься от престола[401]. «Я ни минуты не сомневался, — вспоминал тогдашний министр финансов П. Л. Барк, — что план убедить государя императора отречься был заранее разработан этими господами (А. И. Гучковым, Г. Е. Львовым и другими либералами. — *Б. М.*) и что командующие армиями, подготовленные низкой пропагандой, были готовы ко всем случайностям. Ответы этих генералов на телеграфный запрос (с просьбой отречься от престола в пользу сына. — *Б. М.*) в роковое число 1 марта (1917 г. — *Б. М.*) были результатом долгой и тщательной подготовки»[402].

Историки давно пытаются определить соотношения элементов организованности и стихийности в февральских событиях и найти непосредственных организаторов, если таковые имелись[403]. В советской историографии в 1930–1950-е гг. руководителями и организаторами свержения самодержавия считались большевики[404]. Благодаря исследованиям Э. Н. Буржалова, эта точка зрения была пересмотрена, и вновь возобладало мнение о стихийности Февраля, хотя автор все-таки допускал причастность большевиков, социалистов-интернационалистов, меньшевиков, «межрайонцев» и левых эсеров к организации забастовок и демонстраций в Петрограде[405]. Буржалова частично поддержал И. П. Лейберов, не отказываясь при этом от тезиса о лидирующей роли большевиков[406].

Американский историк М. Мелансон, решительно отвергая тезис о ее стихийности, также доказывает причастность к организации Февральской революцией левых эсеров и «межрайонцев»[407]. Впрочем, Л. Д. Троцкий, примкнувший после возвращения в Россию в мае 1917 г. к межрайонцам о руководящей роли однопартийцев в своей книге «История русской революции» ничего не говорит, а если бы знал, то вряд ли стал это скрывать[408].

Американский историк Ц. Хасегава также частично поддержал Бурджалова, согласившись, что уличные выступления питерского пролетариата, при всей их стихийности, организовывались и координировались эсерами и межрайонцами[409]. Вместе с тем он признал, что победу восстания обеспечили солдатский бунт и что Временный комитет Государственной думы объективно являлся революционным органом, хотя «субъективно <...> ставил перед собой задачу сдержать ход революции, а вовсе не ускорить его»[410].

М. М. Сафонов в результате скрупулезного анализа всей совокупности известных фактов пришел к выводу: события последних дней перед отречением Николая II и первых дней после Февральской революции следует рассматривать не как господство стихийности и хаоса, а как острую борьбу интересов различных группировок и личностей, пытавшихся извлечь для себя максимум выгоды из созданного ими же острого политического кризиса, который застал их не врасплох, а хорошо подготовленными[411].

В. Ю. Черняев считает: «Февральская революция включала в себя не только восстание в Петрограде, но и дворцовый переворот с целью смены монарха, подготовка которого началась еще в 1916 г., и решающую роль в нем сыграл М. В. Алексеев»[412]. Идею об организации в той или иной степени февральских событий поддерживают те, кто видит в них результат масонского заговора[413], а также зарубежные историки, объясняющие свержение самодержавия деятельностью социалистов, финансировавшейся Германией[414].

Петербургский исследователь А. Б. Николаев находит организаторов и руководителей Февраля среди членов IV Государственной думы и считает, что именно созданный ею Временный комитет Государственной думы (ВКГД) сыграл решающую роль, став центром революции и штабом восстания[415]. Но автор все-таки говорит о руководящей роли ВКГД после начала восстания, а не в организации его самого: «Государственная дума играла руководящую роль в Февральской революции, начиная с 27 февраля 1917 г., пройдя путь от попытки реализовать идею о создании ответственного министерства (правительства) до проведения мероприятий, направленных на захват власти, создания Временного правительства и свержения самодержавия. Весь комплекс мероприятий, проведенных Государственной думой и ее органами, характеризует превращение думских либералов из оппозиционеров в буржуазных революционеров”[416].

Гучков А.И. (1862—1936). Фото

С. В. Куликов, собрав и обобщив все (или почти все) известные на данный момент свидетельства участников февральских событий, на мой взгляд, убедительно доказывает, что если не решающую, то несомненно очень важную, роль в подготовке и осуществлении февральского переворота сыграла группа А. И. Гучкова, включавшая руководителей ЦВПК — левого кадета Н. В. Некрасова, прогрессистов А. А. Бубликова, А. И. Коновалова, М. М. Федорова и примыкавшего к прогрессистам М. И. Те-

Некрасов Н.В. (1879—1940). Фото

рещенко. Выступления пролетариев и солдат, обеспечившие победу и легитимность свержения монархии, долго и тщательно готовились — соответственно рабочей группой ЦВПК и его конспиративной «военной организацией»: от замысла, созревшего осенью 1915 г., до его реализации прошло полтора года. Февральский переворот произошел при финансовой поддержке Германии, Англии[417] и русской буржуазии. На его подготовку предпринимательская элита собрала по подписке десятки миллионов рублей. Рабочие провоцировались на забастовки намеренным закрытием предприятий; со стороны заводской администрации бастующие получали сочувствие и вознаграждение. Каждому солдату, вовлеченному в «военную организацию», ежедневно отпускалась из «революционного фонда» значительная сумма денег. Группа Гучкова видела свою цель в том, чтобы вызвать широкое недовольство, вывести народ на улицы, под давлением народа заставить Николая II отречься от престола и установить конституционную монархию английского образца — завуалированную форму парламентской республики. Революции не хотели, надеялись повторить 1905 г., когда мирная Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. заставила Николая II даровать стране конституцию[418]. Позволю длинную цитату: «Руководители ЦВПК не только стояли у истоков Февральской революции, но и пытались направлять ее ход. Заседания Бюро ЦВПК происходили 22, 24, 25 и 27 февраля 1917 г. Заговорщики явно рассчитывали использовать массовое движение для давления на Николая II, чтобы вынудить его добровольно отказаться от престола (по их мнению, отречение обязательно должно было выглядеть добровольным, дабы избежать гражданской войны). Директива о начале демонстраций исходила от руководителей ЦВПК. <...> ЦВПК инициировали восстание Волынского полка. ЦВПК представлял собой не только агитационный, но и организационный центр. Рассмотрение ключевых событий Февральской революции показывает, что она в известной степени стала результатом реализации плана государственного переворота, разработанного в окружении Гучкова и воплощенного ЦВПК и его Рабочей группой, хотя, бесспорно, свою роль играли и Дума, и социалисты, и масоны, и английские и германские агенты, наконец, человеческая стихия, проявившаяся в погромах хлебных лавок, винных погребов и т.д. При этом Гучков и его соратники вели дело именно к революции — «бескровной революции» или «анархически-стихийной революции». Февральскую революцию подготовили не подполь-

Бубликов А.А. (1875—1941). Фото

Коновалов А.И. (1875—1949). Фото

ные, а легальные структуры — ЦВПК и Рабочая группа, официально занимавшиеся помощью армии, по причине чего борьба царского правительства с их революционной деятельностью была крайне затруднена, внешне приобретая антипатриотический характер и лишь усиливая критическое отношение к власти со стороны общества. <...> Конечно, нельзя говорить о спланированности всех событий переворота в Петрограде. Однако в ходе Февральской революции, писал [А.И.] Спиридович (генерал, начальник дворцовой охраны.— *Б.М.*), осуществлялся давно задуманный план добиться реформы и отречения Государя»[419].

Исследования Куликова позволяют с большой вероятностью утверждать: падение царизма явилось не столько результатом стихийного движения снизу, сколько результатом революции сверху, хотя в Февральской революции участвовали думские деятели, буржуазия, социалисты, масоны[420], рабочие и солдаты; и она, несомненно, включала спонтанные проявления. Сам Гучков это признал по горячим следам, когда на состоявшемся 8 марта 1918 г. заседании ЦВПК заявил: в событиях последних дней «военно-промышленная организация приняла ту боевую вооруженную позицию, которую пришлось принять, чтобы выполнить нашу основную и заранее поставленную задачу — добиться победы»[421]. Агенты Охранного отделения также зафиксировали это в своих донесениях 25—26 февраля: «революционные круги стали реагировать на вторые сутки»; «наметился руководящий центр, откуда получались директивы». Указание агентов на Рабочую группу при ЦВПК как на подпольный замаскированный центр послужило основанием для ареста ее руководителей[422].

Вскоре, однако, стало ясно: поддержка революционеров и террористов имела негативные политические последствия; «оседлать» революцию не удалось, и февральские события 1917 г. нашли свое логическое продолжение в октябрьском перевороте. Как образно выразился Л.Д. Троцкий: «Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции»[423]. Уже первые после Февраля выборы (в городские думы в июле-августе 1917 г.) либералы, представленные кадетами — единственной оставшейся либеральной партией, проиграли — они получили 25,6% голосов в Петрограде, 12,9% — в губернских и 5,4% — в уездных городах[424]. А после того как ставка на военную акцию генерала Корнилова провалилась, кадеты потеряли всякое влияние на ход событий и в массовом сознании стали ассоциироваться с главными врагами революции. Октябрьский переворот и последовавшие за ним события полностью подтвердили прогноз Милюкова — начались репрессии, хаос и анархия[425]. Уже 28 ноября 1917 г. декретом Совнаркома кадетская партия объявлялась «партией врагов народа», а ее вожди подлежали аресту. Группе Гучкова теперь не имело смысла афишировать свои заслуги в насильственном свержении монархии, приведшем в конечном счете к большевистскому перевороту: как известно, у победы много родителей, а поражение — всегда сирота. Радикальные лидеры оппозиции

стали замалчивать или отрицать свою деятельность, направленную на свержение монархии, и говорить о стихийности февральских событий с намерением доказать легитимность Февральской революции и — что не менее важно — отвести от себя обвинения в косвенной причастности к свержению демократии и в установлении большевистского режима[426].

Результаты исследования А. Б. Николаева и С. В. Куликова не противоречат, а дополняют друг друга. Можно предположить: группа Гучкова подготовила и организовала выступление петербуржцев, а затем передала лидерство ВКГД, приняв самое активное участие в его деятельности. Гучков занимал ключевой пост председателя Военной комиссии ВКГД в решающие дни с 1-го по 3 марта 1917 г. А. И. Коновалов от прогрессистов и Н. В. Некрасов от кадетов стали членами ВКГД (последний состоял из 12 человек, по одному человеку от каждой фракции, кроме правых партий). Некрасов являлся также товарищем председателя Думы М. В. Родзянко, осуществлял контроль над телефонной сетью, так как изучил ее устройство заранее. М. М. Федоров был назначен членом Продовольственной комиссии ВКГД. А. А. Бубликов в должности комиссара от ВКГД над Министерство путей сообщения, т. е. заняв второй ключевой пост, сыграл важную роль в принуждении Николая II к отречению и в информировании страны о революции — 28 февраля он разослал по всем линиям железных дорог телеграмму о происшедшем перевороте в Петрограде. Он же практически руководил телефонной сетью, отдавая приказы о включении и выключении телефонных номеров. Гучков, Коновалов, Некрасов и Терещенко получили портфели ключевых министров — соответственно военного и морского, торговли и промышленности, путей сообщения, финансов — в первом Временном правительстве[427].

Итак, можно достаточно уверенно сказать: февральский переворот готовила вся оппозиция, непосредственно организовала группа Гучкова, а власть перешла к Государственной думе, действовавшей через ВКГД — орган с правительственными функциями. ВКГД разделил власть с Петроградским советом, в создании которого он принял активное участие. Главными факторами успеха революции являлись союз, заключенный между либерально-демократической и революционной общественностью, а также признание нового порядка значительной частью старой бюрократической элиты [428], давно разделявшей оппозиционные настроения[429]. В дневнике военного министра А. Н. Куропаткина имеется запись его разговора с министром финансов С. Ю. Витте, сделанная 1 января 1902 г., сразу после приема в Зимнем дворце: «Мы ходили по зале, где были собраны члены Государственного совета, министры, сенаторы. Там же стояли офицеры Кавалергардского полка. Показывая на толпу эту рукою, Витте сказал: “Уверяю вас, что все они за малым исключением, кроме офицеров, думают о конституции в России“. Потом он поправился и сказал, что он не так выразился, что надо принять, что 80% находившихся в зале недовольны правительством»[430]. Витте, вероятно,

Терещенко М.И. (1886—1956). Фото

Федоров М.М. (1859—1949). Фото

был не далек от истины. Кавалер высших российских орденов, гофмейстер, вице-президент имп. Академии художеств, министр народного просвещения в 1905–1906 гг. и одновременно крупный ученый граф И.И. Толстой писал своему сыну в январе 1907 г.: «Никто, я думаю, не сомневается, что весь строй Российской империи требует коренного изменения, и в этом согласны не только граждане, но и само правительство»[431]. А в декабре 1906 г. он записал в своем дневнике: «Шансы России выбраться из разрухи заключаются в том только, что населению беспорадки, убийства и грабежи надоедят настолько, что оно во что бы ни стало и прежде всего захочет порядка и спокойствия, но одновременно с этим правительство должно действовать не покладая рук непременно в демократическом направлении, единственно приличествующем нашей мужицкой родине, и притом не обращая внимания на то, что конституционно ли оно действует, или нет, лишь бы меры были ясно направлены на пользу “меньшой братии”, и притом чтобы мероприятия были этически оправдываемы»[432]. Несмотря на большой чин и высокое социальное положение, Толстой в глазах общественности имел репутацию честного и прогрессивно мыслящего чиновника; его даже причисляли к либералам. В краткий период пребывания в должности министра народного образования в 1905–1906 гг. он ввел родительские комитеты при гимназиях с правом следить за поведением учащихся и за общим порядком учебного заведения; вошел в Государственный совет с представлением об уничтожении ограничительных норм для приема евреев в учебные заведения и склонил его к принятию этого предложения.

Через 15 лет, в конце февраля 1917 г., уже не 80%, а, наверное, все 99% были недовольны правительством и царствующим монархом, включая тысячи офицеров столицы и Гвардейский экипаж, возглавляемый великим князем Кириллом Владимировичем, в обязанности которого входила охрана царской семьи, и даже жандармский дивизион — он пришел к Таврическому дворцу под звуки «Марсельезы» с развернутыми красными знаменами[433]. Апокалипсические настроения захватили всю интеллигенцию, не говоря уже о рабочих и солдатах, и даже церковь и высшее духовенство отвернулись от монархии. Как показал в своих исследованиях М.А. Бабкин, при начале революционных волнений в Петрограде в феврале 1917 г. Священный Синод смотрел на них безучастно, не предприняв никаких шагов по защите монархии. Поступавшие же в те дни к высшему органу церковного управления ходатайства видных сановников империи о необходимости поддержки царского престола остались неуслышанными. Члены Синода фактически признали революционную власть (Временное правительство, сформированное Временным комитетом Государственной думы) уже днем 2 марта, до отречения от престола Николая II»[434].

Таким образом, с точки зрения механизма революционного процесса, в Русской революции 1917 г. стихийность сочеталась с организацией: налицо были,

с одной стороны, социальные, экономические, политические и культурные предпосылки, подталкивающие массы к революционным действиям, хотя и не предопределившие их, с другой — энергичная и умелая организационная работа лидеров и стихийный лавинообразный характер распространения революции. Русская революция 1917 г. сочетала *конструктивистскую* и *структуралистскую* модели революционного процесса.

12.10. Итоги

В России после отмены крепостного права произошло настоящее экономическое чудо. Экономика стала рыночной: экономические решения принимались индивидуально (бизнесменами, торговцами, сельскохозяйственными производителями), цены устанавливались в результате действия стандартных рыночных механизмов. В 1861–1913 гг., за 52 года, национальный доход увеличился в 3,84 раза, а на человека — в 1,63 раза, индекс человеческого развития — с 0,171 до 0,308. Душевой прирост объема производства равнялся 85% от среднеевропейского. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только среднеевропейских, но и «среднезападных». Национальный доход возрастал на 3,3% ежегодно — это даже на 0,1 больше, чем в СССР в 1929–1941 гг. [435], и только на 0,2% меньше, чем в США, — стране с самыми высокими темпами развития в мире[436]. Развивались все отрасли народного хозяйства, хотя и в разной степени. Наибольшие успехи наблюдались в промышленности. Однако и сельское хозяйство, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало среднеевропейскими темпами. Но главное чудо состояло в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило повышение его благосостояния, другими словами, индустриализация сопровождалась ростом уровня жизни крестьян и рабочих (около 90% всех россиян в 1897 г.) и, значит, происходила на пользу народа, вопреки общепринятому представлению.

В пореформенный период был достигнут значительный прогресс не только в экономике, но во всех сферах жизни. В частности, кардинальные изменения претерпел политический процесс: исполнение его важнейших функций (социализации, рекрутирования элиты, коммуникации, артикуляции и агрегации интересов, определения и осуществления политического курса, вынесения судебных решений) перешло от разного рода коронных учреждений, традиционных институтов и органов сословного управления к средствам массовой информации, добровольным ассоциациям, парламенту, политическим партиям, школе всех уровней и литературе. В пореформенное время быстрыми темпами развивалось гражданское общество

Революции начала XX в. произошли не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х гг. вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что общество (вследствие особых обстоятельств, порожденных войной и ожесточенной борьбой за власть между элитами) не справилось с процессом перехода от традиции к модерну. Как и в других странах второго эшелона модернизации, ее ускоренное, а в ряде случаев и преждевременное, проведение потребовало больших издержек и даже жертв — например, со стороны помещиков, у которых государство принудительно экспроприировало землю, хотя и за компенсацию. Это привело к лишениям и испытаниям для отдельных групп россиян и не принесло равно-

мерного благополучия сразу и всем. Велики оказались и побочные негативные последствия модернизации — увеличение социальной и межэтнической напряженности, конфликтности, насилия, девиантности во всех ее проявлениях — от самоубийства до социального и политического протеста. Необыкновенный рост всякого рода протестных движений порождался, с одной стороны, дезориентацией, дезорганизацией и социальной напряженностью в обществе, с другой — полученной свободой, ослаблением социального контроля и возросшей социальной мобильностью, с третьей — несоответствием между потребностями людей и объективными возможностями экономики и общества их удовлетворить. *Конфликт традиции и современности можно назвать системным кризисом.* Однако такой кризис не имеет ничего общего с тем пониманием системного кризиса, которое доминировало в советской историографии и до сих пор широко бытует в современной литературе, — как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, не способную развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние граждан. «Упадок старого, вызванный ростом нового и молодого, — это признак здоровья»[437]. *Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца.* Он не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств — военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией.

На основе опыта российских революций 1905 г. и 1917 г. можно сформулировать некоторые общие положения относительно того, что превращает революцию из возможной в реальную.

Существование реальной оппозиции, готовой взять власть, при отсутствии реальной возможности для мирного перехода власти от одной политической силы к другой. Контрэлита не имеет реальных шансов прийти к власти мирным путем, без революции.

Передача власти от проигравших к победителям мирным легальным путем не стала политической традицией общества и не укоренилась в политическом сознании граждан.

Смена политических, хозяйственных и интеллектуальных элит в результате конкуренции и борьбы и ротация кадров на всех уровнях управления и во всех сферах жизни крайне затруднена.

Отсутствие или сдерживание легальных и реально действующих клапанов для выражения социального и политического недовольства в форме демонстраций, забастовок, собраний, а также и в свободных оппозиционных СМИ. Социальные конфликты часто не разряжаются, а подавляются.

Средний класс не чувствует себя хозяином жизни, его требования не рассматриваются властями как приоритетные, в силу чего он стремится разрушать существующий общественный порядок и построить новый. Революционная опасность со стороны белых воротничков несравненно реальнее и больше, чем со стороны синих.

Имущественное и социальное неравенство превышает социально безопасный уровень (последний в каждой стране специфичен). Русские революции начала XX в. произошли при сравнительно невысоком децильном коэффициенте

дифференциации, равном 6–7, так как русские были и остаются чрезвычайно чувствительны к вопросу имущественного равенства, полагая, что власти обязаны заботиться о справедливости. В то время как в США при децильном коэффициенте неравенства порядка 16–18 и в Великобритании при коэффициенте порядка 20–40 не наблюдалось даже намека на революционную ситуацию: там считалось, что бедный сам виноват в своих несчастиях.

Понижение, стагнация или даже такое повышение благосостояния, которое признается большинством как недостаточное. Важно не столько то, как сильно изменяется или каков уровень жизни, сколько то, как массовое сознание его оценивает.

Для революции одинаково важны как сильно недовольные и готовые к революционным действиям массы, так и энергичные умелые организаторы и лидеры. Не происходят они в условиях жестоких репрессий и крайних лишений, ибо в этом случае массы обречены на конформизм и пассивность. Даже по мнению К. Маркса, утверждавшего, что с развитием капитализма «возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации»[438], крайнее обнищание, чрезмерные страдания и эксплуатация пролетариата не приводят к революции, так как подавляют его общественное и революционное сознание[439]. Для революции необходимо также и наличие *ресурсов:* денег для организационных мероприятий, контактов со сторонниками и единомышленниками, времени и энергии для конспирации, развитых средств массовой коммуникации, хотя бы минимального пакета гражданских прав и свобод, наконец, поддержка со стороны авторитетных социальных групп и организаций. Словом, революция становится возможной при одновременном действии многих факторов.

Примечания

1. Свежая и интересная книга на тему слухов: Слухи в России XIX–XX веков: Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» истории/И. В. Нарский (ред.). Челябинск, 2011.
2. Интересные примеры такого исследования: *Гордеев П. Н.* 25 октября 1917 года в Петрограде: штрихи к портрету города в исторический день//Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды/А. Б. Николаев (ред.). СПб., 2010. С. 118–132; *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; *Ганелин Р. Ш.* (1) 24 февраля 1917 г. в Петрограде//Клио. 1998. № 2. С. 75–82; (2) 25 февраля 1917 г. в Петрограде//Вопросы истории. 1998. № 7. С. 94–100; (3) 26 февраля 1917 г. в Петрограде//Петербургская историческая школа: Альманах памяти В. И. Старцева/С. Н. Полторак (ред.). СПб., 1902. С. 196–234.
3. *Хаймсон Л.* Исторические корни Февральской революции//Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть/В. Ю. Черняев (ред.). СПб., 1994. С. 22; *Холмс Л.* Социальная история России, 1917–1941. Ростов н/Д, 1993. С. 25 (автор выделяет предпосылки, непосредственные факторы и ускорители революционного процесса).
4. *Никитин Б. В.* Роковые годы: (Новые показания участника). М., 2007. С. 282.
5. Обзор отечественной и зарубежной историографии: *Земцов Б. Н.* (1) Историография революции 1917 г. //Международный исторический журнал. 1999. № 2: <http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_9/Literature/Zemcov.htm#74>; (2) Революция 1917 гг.: социальные предпосылки. М., 1999; *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 20–56; *Смирнов Н. Н.* Российская революция 1917 года: традиции и новации// Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006: Реформы в России. XVI — начало XX в./Н. Плешков, М. Н. Толстой (ред.). СПб., 2006. С. 199–221; *Шепелева В. Б.* (1) Революциология: Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России (По материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск, 2005; (2) Россия, 1917–1920 гг. Проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии). Омск, 2009; *Kolonitskii B.* Russian Historiography of the 1917 Revolution:

New Challenges to Old Paradigms?//History and Memory. Bloomington, 2009. Vol. 21. No. 2. P. 34–59. Пространный обзор историографии революции в постсоветское время, к сожалению, часто необъективный, сопровождаемый неуместными и неуважительными в отношении исследователей комментариями, см.: *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 588–646.

6. Проблема предпосылок революции в отечественной и зарубежной историографии рассмотрена в указанных книгах Шепелевой.
7. *Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С.* Контрреформы в России: Циклы модернизации процесса. М., 1996; *Янов А. Л.* Тень Грозного царя: Загадки русской истории. М., 1997. С. 124–159.
8. *Сорокин П. А.* Социология революции//Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 266–294; *Булдаков В. П.* Красная смута; *Дьюкс П.* Октябрь в людских умах: от Фрейда к междисциплинарному взгляду на русскую революцию//1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов междунар. науч. конф., состоявшейся 21–22 окт. 1997 г. в Москве/С. В. Тютюкин (ред.). М., 1998. Критический анализ «психоментального» подхода см.: *Шепелева В. Б.* Россия, 1917–1920 гг. С. 355–365.
9. *Соловей В. Д.* Смысл, логика и форма русских революций. М., 2007. С. 20.
10. *Кантор В.* Русская классика, или Бытие России. М., 2005. С. 35–41, 53–54.
11. *Пелипенко А. А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. 2-е изд. М., 2011; *Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Культура как система. М., 1998.
12. *Ахиезер А. С.* Россия: Критика исторического опыта: В 2 т. Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 8–9, 2–22.
13. Февральская революция 1917 года в российской истории: «Круглый стол». Отечественная история. 2007. № 5. С. 4, 6–7, 9, 12–13, 15–16; *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 638.
14. *Колоницкий Б. И.* (1) Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001; (2) «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; *Figes O.* The Russian Revolution of 1917 and its Language in the Village//The Russian Revolution: The Essential Readings. London; Toronto, 2001; *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London: Yale University Press, 1999; *Raleigh D. J.* Languages of Power: How the Saratov Bolsheviks Imagined Their Enemies//Slavic Review. Vol. 57. No. 2. 1998. P. 320–322.
15. Советская историография февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов/В. П. Наумов (ред.). М., 1979.
16. *Шепелева В. Б.* (1) Революциология. С. 11–75; (2) Россия, 1917–1920 гг. С. 42–193.
17. *Штомпка П.* Социология: Анализ современного общества. М., 2005. С. 567
18. *Billington J. H.* Six Views of the Russian Revolution//World Politics. 1966. Vol. 18. No. 3.
19. *Малия М.* К пониманию русской революции. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. С. 9–30.
20. *Дьюкс П.* Девять точек зрения на Российскую революцию//Россия, 1917: Взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998.
21. *Шепелева В. Б. (1)* Революциология. С. 328–350, 367–374; (2) Россия, 1917–1920 гг. С. 194–294; *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 588–646; *Бородкин Л. И.* (1) Методологические аспекты исследования цивилизационной динамики: синергетический подход//Социальные трансформации в российской истории: Доклады международной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М., 2004. С. 26–41; (2) Синергетика и история: моделирование исторических процессов//История и Математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов/А. В. Коротаев и др. (ред.). М., 2007. С. 8–48; *Турчин П. В.* Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М., 2007; *Галкина Е., Колиненко Ю.* Поиски России в новой русской историософии//Пушкин: Русский журнал о книгах. 2009. № 3: <http://www.russ.ru/pushkin/Poiski-Rossii-v-novoj-russkoj-istoriosofii>.
22. *Гессен И. В.* В двух веках. Berlin: Speer and Schmidt, 1937. С. 356.
23. *Троцкий Л. Д.* История русской революции: В 2 т. М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 381–391.
24. См. в Интернете, Википедия «Теория перманентной революции» (просмотр 4.11.2011).
25. *Земцов Б. Н.* Историография революции.
26. *Заболотный Е. Б.* Революция 1917 года на Урале (Историография). Тюмень. 1995; *Коротаев В. И.* Революция 1917 г.: авантюра или закономерность?//Россия, 1917: взгляд сквозь годы. С. 16; Революции в России: спорное прошлое и неопределенные перспективы (Круглый стол к 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции)//Альтернативы. 1997. № 3. С. 5 (В. Т. Логинов); *Сенявский А. С.* Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века//Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования/М. В. Друзин (ред.). СПб., 2008. С. 513;

Соколов А. К. К революционному взрыву привело высокое социальное напряжение//Февральская революция 1917 года в российской истории. С. 5; *Fitzpatrick Sh.* The Russian Revolution. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. P. 4; *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis: 1914–1921 Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. P. 1–3, 6; и многие другие.

27. *Черняев В. Ю.* Демократические революции: право и власть//Революционный процесс и общественное сознание/Б. В. Ананьич (ред.). СПб., 2009. С. 150–175.
28. *Земцов Б. Н.* Историография революции; *Кагарлицкий Б. Ю.* Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009.
29. *Хлынина Т. П.* Образы российских революций в современной исследовательской и образовательной практике//Образование, просветительство и гражданское общество. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Адлер, 25–29 мая 2007 г.)/В. Н. Ратушняк (ред.). Краснодар, 2007.
30. Советская историческая энциклопедия: В 16 т. М., 1968. Т. 11. Стл. 959–962
31. Там же. Т. 14. С. 984–985.
32. История России в вопросах и ответах./С. А. Кислицын (сост.). 3-е изд. Ростов н/Д, 2011. С. 310; *Корзинин А. Л.* История России с древности до начала XXI века: Планы ответов на экзаменационные вопросы. СПб., 2008. С. 137–138, 159–160.
33. В марксистской парадигме написаны тысячи книг и статей о событиях 1917 г., потому что бóльшая их часть была опубликована советскими историками в течение 1917–1991 гг. К классическим марксистским работам можно отнести: *Бурджалов Э. Н.* (1) Вторая русская революция. Восстание в Петрограде, М., 1967; (2) Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия, М., 1971; *Минц И. И.* История Великого Октября: В 3 т. 2-е изд. М., 1977–1979. В них присутствует весь набор марксистско-ленинских клише о революции. См. также: *Бовыкин В. И.* Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988; *Волобуев П. В.* Исторические корни Октябрьской революции//Анатомия революции. С. 37–47; Россия, 1917 год: выбор исторического пути: («Круглый стол» историков Октября, 22–23 окт. 1988 г.)/П. В. Волобуев (ред.). М., 1989; *Иоффе Г. З.* Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; *Ковальченко И. Д.* Аграрное развитие России и революционный процесс//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы межд. коллоквиума историков/Д. Гайер и др. (ред.). СПб., 1992. С. 246–263; *Лаверычев В. Я.* Социально-экономическое развитие и революционный процесс//Там же. С. 234–245; *Пушкарева И. М.* Февральская революция 1917 года в России: проблемы историографии 90-х годов XX века//Россия в XX веке: Реформы и революция: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 241–266; Свержение самодержавия: Марксистская зарубежная историография Февральской буржуазно-демократической революции буржуазно-демократическая революция: Реферативный сб./А. А. Твердохлеб (ред.). М., 1977; Советская историография февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов/В. П. Наумов (ред.). М., 1979; Три революции в России и буржуазная историография/Б. И. Марушкин, Г. З. Иоффе, Н. В. Романовский. М., 1977; *Шевырин В. М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России (советская историография 70–80-х годов): Научно-аналитический обзор. М., 1987; *Городецкий Е. Н.* (1) Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х годов: Очерки. М., 1981, (2) Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930–1960-е годы: Очерки. М., 1982; *Соболев Г. Л.* Октябрьская революция в американской историографии, 1917–1970-е годы. Л., 1979.
34. *Ермолов А. С.* Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 35–60, 264–276.
35. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3–е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 401–406.
36. В данном случае под социальными классами я имею в виду большие социальные группы, отличающиеся богатством, властью, социальным престижем, образованием, стилем жизнью, но вместе с тем обладающие одинаковым социально-экономическим статусом. Классы открыты на входе и выходе; принадлежность человека к классу обусловливается его личными заслугами, а не происхождением.
37. См. также: *Фельдман М. А.* Оценки Февральской революции в России и на Урале в историографии последних двух десятилетий//Вопросы истории. 2009. № 2. С. 163–170.
38. Российский электорат в массе своей составлял представление о политической партии не путем изучения ее программных документов и соотнесения их со своими объективными социальными интересами, а скорее интуитивно, ориентируясь на лидера, мнение окружающих, под влиянием

прессы и т. п.: *Марченя П. П.* Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции//Россия и современный мир. 2008. № 4 (61). С. 82–99.

39. Однако Кирьянов полагает, что сословная принадлежность депутатов Государственной думы II–IV созывов в значительной степени влияла на их принадлежность к той или иной партии: *Кирьянов Ю. И.* Социокультурные факторы политического выбора в России начала XX в.//Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе: Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. С. 39–52.
40. *Павлов Д. Б.* Союз 17 Октября в 1905–1907 гг.: численность и социальный состав//Россия в XX веке: Историки мира спорят/И. Д. Ковальченко (ред.). М., 1994. С. 99–100.
41. *Киселев И. Н., Корелин А. П., Шелохаев В. В.* Политическая карта России в 1905–1907 гг.: количественный анализ//Россия и США на рубеже XIX–XX вв.: Математические методы в исторических исследованиях/Л. В. Милов (ред.). М., 1992. С. 114–141.
42. *Коенкер Д. П.* Рабочий класс в 1917 г.: социальная и политическая самоидентификация//Анатомия революции. С. 216.
43. Советская историческая энциклопедия. Т. 11. Стлб. 926–933; История СССР: XIX — начало XX в./И. А. Федосов (ред.). 2-е изд. М., 1987. С. 330; *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 1. С. 109–162.
44. В 1917 г. С. Н. Прокопович был председателем Главного экономического комитета и заместителем председателя Экономического совета при Временном правительстве; занимал пост министра торговли и промышленности в третьем составе Временного правительства и министра продовольствия — в четвертом составе.
45. По расчету И. П. Лейберова, заработная плата петербургских рабочих в 1916 г. составляла 90–95% от уровня начала 1913 г., в феврале 1917 г. — 75–80%: *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979. С. 20.
46. *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство. Т. 2. С. 77.
47. Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 9. С. 58–59.
48. *Лекомцев М. Г.* Формы борьбы рабочих в Центральном промышленном районе России и факторы экономического и политического развития в годы первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.)//Россия и США на рубеже XIX–XX вв. С. 142–154.
49. По сведениям Министерства продовольствия, в 50 губерниях Европейской России в 4 губерниях Северного Кавказа в 1914 г. избыток хлеба сравнительно с потребностями составил 508,6 млн пуд., в 1915 г. — 1319, в 1916 г. — 713,6 и в 1917 г. –463 млн пуд.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы: В 3 ч. Л., 1967. Ч. 3. Сельское хозяйство и крестьянство/А. М. Анфимов (отв. ред.). С. 156, 454. Известный русский экономист Г. Павловский полагал, что война прервала успешное развитие сельского хозяйства, а прекращение экспорта во время войны нанесло огромный урон сельскому хозяйству: *Pavlovsky G.* Agricultural Russia on the Eve of the Revolution. London: G. Routledge, 1930. P. 319–326.
50. *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство. Т. 1. С. 122, 321–322.
51. Там же. С. 122, 321–322. В советской историографии падение производства во время Первой мировой преувеличивалось: История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 1. Советская экономика 1917–1920 гг. /И. А. Гладков (ред.). М., 1976. С. 147, 170. Постсоветские исследователи приняли в основном расчеты Прокоповича: *Полетаев А. В.* Экономические кризисы в России в XX веке (статистическое исследование)//Истоки. Вып. 3. М., 2001. С. 215. Полетаев датирует начало экономического спада с середины 1916 г.
52. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 2. С. 60.
53. Россия в мировой войне 1914–1918 (в цифрах). М., 1925. С. 49, 51.
54. *Бинштоk В. И., Каминский Л. С.* Народное питание и народное здравие. М.; Л., 1929. С. 32, 34–35, 84.
55. *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 132.
56. *Борисов В. И.* Продовольственная политика на Юге России (август 1914 — март 1921). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1996; *Булатова Л. В.* Продовольственная политика царского и Временного правительств и ее реализация на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002; *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 347–349.
57. Рабочее движение в годы войны/Подготовил к печати М. Г. Флеер. М., 1925. С. 9 (По сведениям Департамента полиции); *Кирьянов Ю. И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России

(1914 — февраль 1917 г.)//Отечественная история. 1993. № 3. С. 8–9. Однако некоторым исследователям приведенные цифры волнений и погромов кажутся свидетельством голода: *Канищев В. В.* (1) Русский бунт — бессмысленный и беспощадный: Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1996. С. 47; (2) Можно ли измерить параметры «русского бунта»?//Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе: Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2001.

58. *Голубинов А. Я.* Продовольственный вопрос в российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии)//Вестник Самарского гос. ун-та. 2007. № 5/3 (55). С. 198. Не зафиксировано хлебных бунтов и в Калужской губернии: *Белова И. Б.* Первая мировая война и российская провинция: 1914 — февраль 1917 гг.: по материалам Калужской и Орловской губерний. Дисс. канд. ист. наук. Калуга, 2007. С. 230–234.
59. Тверской край в XX веке: Документы и материалы: В 4 вып./Е. И. Борисов (ред.). Вып. 2. Тверь, 1995. С. 113–117, 134–136; *Белова Т. В.* О социально-психологической характеристике стачечного движения в Верхнем Поволжье в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.)// Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развития культуры народа: В 3 ч. Кострома, 1994. Ч. 1. С. 62–64; *Белова И. Б.* Первая мировая война. С. 221–234.
60. *Сафонов Д. А.* Крестьянское движение на Южном Урале: 1855–1922 гг.: Хроника и историография. Оренбург, 1999. С. 194; *Engel B. A.* Not the Bread Alone: The Subsistence Riots in Russia during World War I//Journal of Modern History. 1997. Vol. 69. No. 4. P. 696–720.
61. *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция: продовольственный вопрос в России: 1914 — октябрь 1917 г. Л., 1985. С. 333–338; *Лейберов И. П., Рудаченко С. Д.* Революция и хлеб. М., 1990. С. 59–61; *Погребинский А. П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны//Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 37–60. См. также: *Букалова С. В.* Орловская губерния в годы первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 февраль 1917 года). Автореф. дис... канд. ист. наук. Орёл, 2005; *Машкова Н. Н.* Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны 1914–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004; *Меньшиков В. Н.* Экономическое и социокультурное развитие Тобольской губернии в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001; *Трошина Т. И.* Архангельск в годы Первой мировой войны: экономические и социально-культурные процессы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1999.
62. *Matsuzato K.* Interregional Conflicts and the Collapse of Tsarism: The Real Reason for the Food Crisis in Russia after the Autumn of 1916//Emerging Democracy in Late Imperial Russia: Case on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and State Council before and during World War I/M. Sch. Conroy (ed.). Niwot, Colo.: University Press of Colorado, 1998. P. 243–300; *Мацузато К.* Земства во время Первой мировой войны: Межрегиональные конфликты и падение царизма//Земский феномен: Политологический подход (авторы: В. Ф. Абрамов, К. Мацузато, А. А. Ярцев). К. Мацузато (ред.). Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2001. С. 144–198. См. также: *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция. С. 372–379.
63. В то же время непосредственно в февральские дни, с 22 по 26 февраля, температура стояла выше 0, а 25 февраля — +2.4 градуса и не наблюдалось никаких осадков, и погода «располагала к прогулкам на свежем воздухе»: *Гордеев П. Н.* 25 октября. С. 119.
64. Цитировано по: *Куликов С. В.* «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы//Нестор. 2007. № 11: Смена парадигм: Современная русистика. СПб., 2007. С. 176.
65. *Кинг Г., Вильсон П.* Романовы. Судьба царской династии. М., 2005. С. 111.
66. К началу февраля население Петрограда превысило 3 млн: *Смирнов Н. Н.* Российская революция. С. 204–205.
67. *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения//Вопросы истории. 2002. № 8–9. С. 61.
68. Цит. по: Истории России. XX век: 1894–1939/А. Б. Зубов (ред.). М., 2010. Т. 1. С. 371. В историографии высказывается мнение, что расчеты Балка и Хабалова не учитывают пребывание в столице 570 тыс. беженцев: *Смирнов Н. Н.* Российская революция. С. 204. В доказательство Смирнов ссылается на Гиппиус, которая в своем дневнике жаловалась на дефицит хлеба: *Гиппиус З. Н.* Живые лица: Стихи. Дневники: В 2 кн. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 282. Но вряд ли это свидетельство может быть достаточным.
69. *Гордеев П. Н.* 25 октября. С. 118–133.
70. *Катков Г. М.* Февральская революция. М., 2006. Глава 8. Штурм самодержавия.

71. Россия в мировой войне. С. 8–9, 21, 31, 88–93; История России: XX век: 1894–1939/А. Б. Зубов (ред.). М., 2009. Глава 4. См. также: *Волков С. М.* Забытая война http://swolkov.ru/publ/27.htm.
72. *Волков С. М.* Забытая война. См. также: *Катков Г. М.* Февральская революция. Глава 8. Штурм самодержавия.
73. *Эггерт З. К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 — октябрь 1917). М., 1957. С. 85, 86, 89, 373; Всемирная история: В 24 т. Т. 19. Первая мировая война/И. А. Алябьева и др. (ред.). Минск, 1997. С. 189–233.
74. *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция. С. 158–179, 202–209, 254–264.
75. *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов; Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка. Публикация В. Г. Бортневского и В. Ю. Черняева. Вступ. ст. и комм. В. Ю. Черняева//Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 28. В декабре 1916 г. суточные нормы потребления для солдат были впервые за годы войны снижены: *Протасов Л. Г.* Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978. С. 26*; Струмилин С. Г.* Динамика условий труда в СССР за 1917–1927 гг. //Струмилин С. Г. Избранные произведения: В 5 т. М., 1963. Т. 3. С 376.
76. *Ильюхов А. А.* Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М., 2007. С. 89–95; История социалистической экономики СССР. Т. 1. С. 385–387.
77. *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М., 1964. С. 121–219; История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях, в 12 томах. Вторая серия/Б. А. Рыбаков (гл. ред.). М., 1967. Т. 7. С. 38, 39; *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство. Т. 2. С. 78. По расчету С. Г. Струмилина, зарплата стала снижаться с 1914 г. и к началу 1918 г. упала на 18%: *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. Т. 1. С. 190–196; Т. 3. С. 378, 382, 386.
78. В 1916 г. в Германии число забастовщиков составляло 423 тыс. на 29,3 млн самодеятельного населения, в том числе 8,7 млн занятого в промышленности, строительстве и на транспорте, а в России — 957 тыс. на 2,1 млн рабочих, занятых на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции. Подсчитано по: *Mitchell B. R.* European Historical Statistics, 1750–1970. New York: Columbia University Press, 1976. P. 20, 156, 174; Статистический сборник за 1913–1917 гг. М., 1921. Вып. 1. С. 34–35, 38; 131, 141, 151, 161. Эггерт оценивает число забастовщиков среди рабочих Германии в 1916 г. в 124,2 тыс. (*Эггерт З. К.* Борьба классов и партий. С. 96). О забастовочном движении в годы Первой мировой войны см.: **Рабочий класс России**, 1907 — февр. 1917 г. /В. Я. Лаверычев (отв. ред.). М., 1982. С. 281–373; Стачечное движение рабочих России в годы Первой мировой войны: Материалы официальной статистики за август 1914 — январь 1917 гг.: В 4 вып./Сост. С. С. Атапин, В. П., Желтова. М., 1986–1988; *Кирьянов Ю. И.* Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.). М., 2005; *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты. С. 117–174. По данным И. И. Минца, в 1915 г. в России один стачечник приходился на 6 рабочих, в Англии — на 11 рабочих, во Франции — на 389, в Германии на 428, а в 1916 г. — соответственно на 3, 18, 85 и 46: *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 1. С. 299.
79. Всемирная история. Т. 19. Первая мировая война. С. 200–202. Тяжелое положение сложилось во всех воюющих странах, включая Австро-Венгрию, Италию и даже Англию: Там же. С. 189–233; *Шигалин Г. И.* Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 220–245.
80. *Бокарев Ю. П.* Российская экономика в мировой экономической системе (конец XIX — 30-е гг. XX в.)//Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд/В. А. Виноградов (ред.). М., 2001. С. 436–441.
81. *Ленин В. И.* ПСС. 5-е изд. Т. 30. М., 1969. С. 328.
82. *Солоневич И. Л.* Великая фальшивка Февраля//Бежин луг. 1992. № 1. В Интернете <http://lib.rus.ec/b/150740/read#t2>. Доступ 1.12.2011.
83. Торгово-промышленная газета. 12 января — 26 февраля 1917 г. № 12–46.
84. Там же. 24 февраля 1917 г. № 46. С. 4.
85. Там же. 7 марта 1917 г. С. 6.
86. Там же. 28 октября 1917 г. № 235. С. 4; *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. С. 177.
87. В современной трактовке — закон падающей производительности труда, примененного к участку земли с фиксированной площадью, или, более широко, закон убывающей производительности любого переменного ресурса при прочих фиксированных. Согласно ему, всякие новые инвестиции в землю дают меньший доход на единицу затрат.
88. *Нефедов С. А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 242–328.

89. Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1902. Вып. 1. С. 122. Об экологической нише: Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. С. 377.
90. *Бехтеев С. С.* Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему: В 3 т. СПб., 1902, 1906, 1911. Т. 2. С. 325–327.
91. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 20, 45, 49–50; *Баранский Н. Н.* Краткий курс экономической географии. Вып. 2. Общий обзор СССР в целом. М.; Л., 1931. С. 34–39.
92. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I/В. И. Покровский (ред.). СПб., 1902. С. 5, 21.
93. *Челинцев А. Н.* Сельскохозяйственная география России. Берлин, 1923. С. 607.
94. *Ермолов А. С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос: В 2 ч. Ч. 1. Продовольственное дело в прошлом и настоящем. СПб., 1909. С. 104–105.
95. *Шванебах П. Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 19–20.
96. *Гурьев А. Н.* Реформа денежного обращения: В 2 ч. Ч. 2. Вып. 2. Возражения по существу предложенной реформы. СПб., 1896. С. 526. П. Грегори считает идею «голодного экспорта» несостоятельной, кроме прочего, по той причине, что российское правительство не обладало в деревне достаточной властью, чтобы заставить крестьян принудительно отдавать произведенную ими продукцию: *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 35.
97. *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 230–309.
98. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. С. 6–7; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. 1917. С. 34–35, 330–331.
99. *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок. С. 170.
100. *Ермолов А. С.* Наши неурожаи. Ч. 1. С. 66–109; Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России. СПб., 1892, 1893. Ч. 1, 2; Материалы по вопросу об обеспечении народного продовольствия. СПб., 1859. Ч. 1–3; *Романович-Словатинский А. В.* Голода в России и меры правительства против них//Университетские известия (Киев). 1892, № 1; *Сазонов Г. П.* Обзор деятельности земств по народному продовольствию 1865–1892 гг. СПб., 1893. Т. 1, 2; *Сухоплюев И. К.* Критический обзор источников и литературных пособий по продовольственным вопросам. Чернигов, 1907.
101. *Ермолов А. А.* Наши неурожаи. Т. 1. С. 108–109; Россия в конце XIX века//В. И. Ковалевский (ред.). СПб., 1900. С. 768.
102. *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок. С. 264–265, 274–275, 290; *Ермолов А. С.* Наши неурожаи. Ч. 2. С. 2, 9, 32–33.
103. *Crisp O.* Peasant Land Tenure and Civil Rights Implications before 1906//Civil Rights in Imperial Russia/O. Crisp, L. Edmonson (eds). Oxford [England]: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1989. P. 58–59; *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006. С. 141, 151 (сноска 94).
104. *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок. С. 297.
105. 296,4 млн затратило государство (134,4 млн на землеустроительные работы, 162 млн — на переселение) и 66,2 млн — земства: Статистический ежегодник России 1915 г. СПб., 1916. Отд. XII, С. 14–15; *Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства, 1892–1914 гг.: Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997. С. 206–207.
106. Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3 ч. СПб., 1903. Ч. 1. С. 38–39 (Далее: Материалы комиссии 1901 г.).
107. *Глинский Б. Б.* Период твердой власти (исторические очерки)//Исторический вестник. 1912. № 8. С. 680.
108. *Егиазарова Н. А.* Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 59. См. также: *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: Очерки правительственной политики. М., 1978. С. 6, 161, 278; *Степанов В. Л.* Иван Алексеевич Вышнеградский//Отечественная история. 1993. № 4. С. 110.
109. *Шванебах П. Х.* Денежное преобразование. С. 21.
110. *Нефедов С. А.* (1) Демографически-структурный анализ. Глава 5; (2) Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция//Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 112–123.
111. *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство. Т. 1. С. 122.

112. *Мартынов Е. И.* Царская армия в февральском перевороте. М., 1927. С. 206. Бытовые условия солдат были плохими и в провинциальных тыловых гарнизонах, что служило дополнительным фактором недовольства солдат: *Ямщиков С. В.* Жизнь и быт солдат тыловых гарнизонов русской армии в годы Первой мировой войны: (На материалах Тверской губернии)//История российского быта: Материалы Четырнадцатой Всероссийской заочной научной конференции/С. Н. Полторак (ред.). СПб., 1999; *Асташев А. Б.* Деструктивное поведение солдат русской армии в Первой мировой войне как фактор утраты целостности России//Россия в новое время: единство и многообразие в историческом развитии/А. П. Логунов (ред.). М., 2000.
113. Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия/И. И. Шангина (ред.). СПб., 1999. С. 10–11. В середине XIX в. площадь избы (и число домочадцев) была несколько больше — в среднем около 30 кв. метров, поэтому площади на человека приходилось столько же: *Хок С. Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 53–55. В 2012 г. минимальная санитарная норма жилой площади в Российской Федерации составляла 6 кв. метров на одного человека. Учетная норма жилья (минимальный размер общей площади жилого помещения на человека, признаваемый за норму) варьировала по стране в пределах 9–12 кв. метров. Санитарная норма для заключенных в «зоне» — 2 кв. метра. Жилищные условия солдат в феврале 1917 г. были хуже, чем заключенных в тюрьме.
114. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты. С. 195, 208, 213. Автор провела контент-анализ солдатских писем критического содержания, задержанных военно-цензурной комиссией Казанского военного округа в 1915 — начале 1917 г. Писем немного (45 — в 1915 г., 86 — в январе-октябре 1916 г. и 58 — в ноябре 1916 — феврале 1917 г.), особенно учитывая большое число смысловых единиц (28–30), но значительно больше, чем использовалось ее предшественниками, например И. Давидяном: *Davidian I.* The Russian Soldier's Moral: From the Evidence the Tsarist Military Censorship//Facing Armageddon: The First World War Experience/H. Cecil, P. H. Liddle (eds.). London: Cooper, 1996. P. 539–544. К недостаткам базы данных можно отнести также и то, что мы имеем как бы выборку второй степени — из солдатских писем цензоры отобрали только критические. Несмотря на это, результаты анализа очень ценны. Они получены в результате комплексного, количественного и качественного, анализа содержания писем, благодаря чему мы имеем не впечатления, а реальное эмпирическое основание для высказанных автором суждений о представлениях солдат. См. также: *Маркевич А. М.* Солдатские письма в центральные Советы как источник для изучения общественных настроений в армии в 1917 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
115. *Турчин П. В.* Историческая динамика. С. 173–176, 257–259. См. также статьи Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева и С. Ю. Малкова в сборнике: О причинах русской революции/Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков (ред.). М., 2010.
116. С 1899 г. гильдейский сбор из основного вида промыслового налога был превращен в сбор за принадлежность к купеческому сословию и понижен до 50 руб. для купцов 1-й гильдии и до 20 руб. — 2-й гильдии. Плательщики промыслового налога не имели большого интереса покупать дополнительно купеческий патент.
117. *Брут А.* Учебная статистика или этнографико-статистическое обозрение пяти первоклассных держав Европы (до 1848 года) с краткою теорией статистики: В 6 кн. СПб., 1850–1853. Кн. III. С. 7; Кн. IV. С. 8; Кн. V. С. 14; Кн. VI. С. 12.
118. Военно-статистический сборник на 1868 год/Н. Н. Обручев (ред.). Вып. 1. Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия и прочие государства Германии. СПб., 1867. С. 224.
119. *Maddison A.* The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001. P. 261, 264.
120. К началу 1860-х гг. в России по подсчетам Лейкиной-Свирской, насчитывалось примерно 20 тыс. лиц с высшим образованием и немногим более 5 тыс. студентов университетов: *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 70.
121. Поскольку в 1917–1939 гг. число лиц со средним и высшим образованием росло более быстрыми и постепенно ускоряющимися темпами, чем в 1861–1917 гг., то данные на 1917 г. несколько завышают истинную долю элиты по образованию.
122. *Грегори П.* Экономический рост. С. 22.
123. *Зубков И. В.* Учительская интеллигенция России в конце XIX — начале XX в. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 9; *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979. С. 103–104, 108–109.
124. В 1897 г. в России насчитывалось 3296 ученых и литераторов, 4639 инженеров и технологов, 16 742 врача (без военных докторов), 15 237 художников, музыкантов и актеров: *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы: Опыт статистической характеристики сослов-

но-классового состава населения русского государства (На основании официальных и научных исследований). СПб., 1912. С. 89–90. В 1898 г. численность профессорско-преподавательского корпуса равнялась 2458 человек: *Иванов А. Е.* 1991. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 208–209.

125. *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. С. 61, 89–91.
126. *Freeze G. L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. P. 110, 152.
127. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1910. СПб, 1912. Табл. С. 24–27 (далее: Отчет обер-прокурора за ... год).
128. Отчет обер-прокурора за 1910 год. Табл. С. 24–27.
129. История Московского университета. В 2 т./М. Н. Тихомиров (ред.). Т. 1. М., 1955. С. 376–377, 540–541.
130. Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1905. СПб., 1907. Табл. С. 34; То же за 1908. СПб., 1910. Табл. С. 34; То же за 1913. СПб., 1916. Табл. С. 34 (далее: Отчет МНП за ... год).
131. Отчет МНП за 1913. Табл. С. 49.
132. Отчет МНП за 1905. Табл. С. 191.
133. Отчет МНП за 1913. Табл. С. 193.
134. Отчет обер-прокурора за 1908–1909 годы. СПб., 1911. Табл. С. 118.
135. *Чуркина Н. И.* Историческая география педагогического образования Западной Сибири//Пишем времена и случаи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ (Новосибирск, 25–26 апреля 2008 г.)/В. А. Зверев (ред.). Новосибирск, 2008. С. 252–253.
136. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 130.
137. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 43.
138. *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 25, 28.
139. *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 190.
140. Под этим термином имеются в виду группы и системы мировоззрения, в научном дискурсе называемые эзотерическими, оккультными и т. д. Они представляют собой неинституционализированные формы религиозности и находятся в идеологической оппозиции к традиционным религиям, а их представители занимают, как правило, маргинальное положение в обществе.
141. *Goldstone J. A.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 11–12.
142. *Гринин Л. Е.* и др. История, математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. С. 388. См. также: *Турчин П. В.* Историческая динамика. С. 173–176, 257–259.
143. *Сови А.* (1) Общая теория населения: В 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 195, 199; (2) Экономические трудности и преимущества роста населения//Проблемы народонаселения: О демографических проблемах стран Запада/Д. И. Валентей, В. В. Бодрова (ред.). М., 1977. С. 75.
144. *Брук С. И.* Население мира. С. 140–158.
145. *Коротаев А., Зинькина Ю.* Демографические корни египетской революции//Демоскоп Weekly. № 459–460. 21 марта — 3 апреля 2011.
146. *Штомпка П.* Социология. С. 568–569.
147. *Хаймсон Л.* Исторические корни. С. 20–36; *Haimson L.* The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917//Slavic Review. 1964. Vol. 23. No. 4. P. 619–643; 1965. Vol. 24. No. 1. P. 1–22; *Кантор В. К.* Русская классика. С. 52–53.
148. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 211; Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1895. С. 27; Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г. /А. И. Хрящева (ред.). М., 1922. С. 11; *Ковальченко И. Д.* Аграрное развитие России и революционный процесс//Реформы или революция? С. 258.
149. Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923. С. 262.
150. Доля безлошадных крестьян: Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 210–211. Доля волов в хозяйствах крестьянского типа в 1916 г.: Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. С. 184–191.
151. *Миронов Б. Н.* (1) Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности//Проблемы аграрной истории (XIX — 30-е годы XX в.)//В. Л. Янин (ред.). Минск, 1978. Ч. 2. С. 106–115; (2) Социальная история. Т. 1. С. 123–129; *Johnson R.* Family Life-cycles and Economic Stratification: A Case-study in Rural Russia//Journal of Social History. 1997. Vol. 30, N 3.

P. 705–731; *Jones A.* Late Imperial Russia. An Interpretation: Three Visions, Two Cultures, One Peasantry. Bern: Peter Lang, 1997. С. 321–344; Я. Коцонис подчеркивает производный характер концепции расслоения крестьянства от господствовавших идеологических схем: *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. С. 22–23, 48–62, 221, 279–280.

152. К самодеятельному населению (в соответствии с принятыми в конце XIX — начале XX в. критериями) отнесены лица обоего пола в возрасте от 15 лет и старше. Его численность на 1897 г. определена по итогам переписи 1897 г. (Общий свод. Т. 1. С. 56–59), а на 1901–1904 гг. увеличена на 9% до 85 065,2 тыс. пропорционально приросту всего населения с 1897 г. по 1901–1904 гг. (Статистический ежегодник России 1916 г. М., 1918. С. 85).
153. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. /В. В. Степанов (ред.). СПб., 1905. С. V–VII; Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: В 2 т./В. В. Степанов (ред.). СПб., 1906; Т. 1. С. VII–XII; Общий свод. Т. 2. С. 238–241, 296–297. В 50 губерниях Европейской России доля рабочих составляла 11,1% — 6401 тыс. из 57 430,2 тыс.: *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки. М., 1958. С. 182.
154. В специальной статистической литературе соотношение между средними доходами 10% самых богатых и бедных называется коэффициентом фондов, а собственно децильным коэффициентом называется отношение минимального дохода 10% самых богатых к максимальному доходу 10% самых бедных: *Ефимова М. П., Бычкова С. Г.* Социальная статистика. М., 2004. С. 237–238. Коэффициент фондов по абсолютному значению больше децильного коэффициента, но различие между ними, как правило, незначительно. Во избежание преуменьшения неравенства, с одной стороны, и ввиду отсутствия полных данных о распределении населения по доходам — с другой, я использую коэффициент фондов.
155. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 36–38. В сибирских губерниях в 1890–1897 гг. средний доход в 1005 хозяйствах равнялся 605 руб.
156. Доля работников в крестьянском хозяйстве в переводе на взрослого мужчину составляла 41%: Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии/Ф. А. Щербина (сост.). Воронеж, 1897. Приложение. Таблицы. Табл. 6. С. 36. Считая двух полуработников за одного работника, а работницу за 0,65 работника (на основе цен на рабочие руки в 1884–1900 гг.): Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1903. Вып. 2. С. 100–101. Для середины XIX в. см.: Материалы для статистики России, собираемые по ведомству МГИ. СПб., 1858. Вып. 1. С. 3–4.
157. По данным о 176,8 тыс. крестьянских хозяйств Воронежской губернии за 1884–1891 гг., производственные издержки составляли менее половины всех расходов по хозяйству: *Щербина Ф. А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. Ч. 2. С. 282–285. Вследствие этого только половина расходов на хозяйство была отнесена к издержкам производства и вычтена из дохода.
158. Сводный сборник. С. 132–133, 137–138.
159. Там же. С. 147.
160. См. табл. 9.3 в Главе 9.
161. *Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 34.
162. *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. С. 207, 213.
163. Численность и состав рабочих в России. С. XIII.
164. *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время//Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 247–248.
165. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 98.
166. Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 0453; Общий свод. Т. 2. С. 264.
167. *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1904–1914 гг. Л., 1976. С. 196.
168. В 1891–1900 гг. труд батрака оплачивался по 60 коп. в день или по 61,5 руб. в год (Материалы Комиссии 1901 г. Т. 1. С. 236–237). Отсюда следует, что число рабочих дней в году равнялось в среднем 102,5. Последняя цифра и принята за число рабочих дней в году для поденщиков.
169. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 237 (по 50 губ. За 1891–1900), с. 245 (по 19 губерниям за 1900 г.); *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень. С. 108. В 1890-е гг. поденный заработок промышленных рабочих был на 32% выше, чем у сельскохозяйственных (на своих харчах), в 1911–1913 гг. — на 15% (см. табл. 9.12 настоящего издания). См. также: Россия: 1913 год: Статистико-документальный справочник/А. П. Корелин (ред.). СПб., 1995. С. 311; *Струмилин С. Г.* Избранные произведения: В 5 т. Т. 3. М., 1963. С. 276–277, 288–289, 297.

170. Существовала большая дифференциация в заработках по регионам, губерниях, по полу и возрасту. На мелких предприятиях заработки ниже, чем на крупных: *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень. С. 192–206; *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса. С. 194–195; *Потолов С. И.* Рабочие Донбасса в XIX веке. М.; Л., 1963. С. 157. У женщин зарплата в 2 раза ниже, чем у мужчин, у подростков 15–17 лет — в 2,5–3,0 раза, у детей до 15 лет — в 4–5 раза ниже: *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. Т. 3. С. 321–322. Струмилин дает несколько различающиеся оценки величины зарплаты в разных своих работах. Сравните: *Струмилин С. Г.* (1) Очерки экономической истории России и СССР. М., 1967. С. 94; (2) Избранные произведения. Т. 3. С. 321–322.
171. *Рашин А. Г.* Формирование промышленного пролетариата в России: Статистико-экономические очерки. М., 1940. С. 133, 194, 213.
172. Общий свод. Т. 2. С. 240–241 (вместе с членами семей числом 704 человек).
173 *Люблинский П. И.* (1) Акты Временного правительства об амнистии//Право. 1917. № 9. С. 557–565; (2) Мартовская амнистия//Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 4.
174. Общий свод. Т. 2. С. 264, 292.
175. Отчет по Главному тюремному управлению за 1903 год. СПб., 1905. С. 15, 100, 119, 147, 159, 172–173, 236.
176. Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906.
177. *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. С. 90.
178. *Защук И. И.* Содержание офицеров и врачей: (Сборник выдержек из Свода военных постановлений, приказов, циркуляров и т. п.). СПб., 1913. В 1897 г. в армии и флоте насчитывалось 42 777 офицеров: *Корелин А. П.* Дворянство. С. 86.
179. *Вайнштейн А. Л.* Народный доход в России и СССР: (история, методология, исчисления, динамика//Вайнштейн А. Л. Избранные труды: В 2 кн. М., 2000. Кн. 2. С. 302–305.
180. Опыт исчисления народного дохода. С. 6–7, 34–35, 54–57.
181. Эта цифра и была принята в 1-м издании монографии при расчетах.
182. *Дякин В. С.* Структура имущих верхов России в конце XIX — начале XX в.: к постановке вопроса// Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002. С. 14. Вероятно, Дякин заимствовал норму прибавочной стоимости в 100% у К. Маркса, который использовал ее просто для примера в 1-м томе «Капитала», опубликованном еще в 1867 г.
183. Число лиц, обладавших весьма незначительным полным имущественным цензом для участия в выборах в Государственную Думу, земства и городские думы, в 1907 г. также невелико — лишь 276 тыс.: Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную Думу третьего созыва. Статистический отчет особого делопроизводства. СПб., 1911. С. 266; Россия: 1913 год. С. 266.
184. *Рашин А. Г.* Формирование промышленного пролетариата. С. 133, 194, 213.
185. *Дякин В. С.* Структура имущих верхов. С. 16–25.
186. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 232–236; Общий свод. Т. 1. 190–192.
187. *Грегори П.* Экономический рост. С. 242.
188. Помимо денежного жалованья, учителя могли получать квартиру и дрова.
189. Отчет обер-прокурора Синода за 1913. С. 179.
190. Учтено только денежное жалованье. Во многих случаях учителя получали от школы квартиру с отоплением. Учителя с низким жалованьем работали по совместительству, не на полную ставку.
191. Опыт исчисления народного дохода. С. 80–86. Расчеты Прокоповича были подвергнуты необоснованной, на мой взгляд, ревизии М. В. Колгановым, оценившим долю доходов имущих классов и казны в 47%: *Колганов М. В.* Национальный доход: (Очерки по истории и теории вопроса). М., 1959. С. 71, 76. Сословный состав населения в 1897 г.: дворяне и чиновники — 1,47%, духовенство — 0,54%, почетные граждане — 0,33%, купцы — 0,25%, мещане — 10,65%, крестьяне и казаки — 85,7%, инородцы и иностранные подданные — 0,72%: Общий свод. Т. 1. С. XIII.
192. Подсчитано мною по той же методике, которая использовалась при оценке децильного коэффициента для России: Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970: In 2 pts. Washington DC: U. S. Department of Commerce, 1975. Pt. 1. P. 302. Неравенство в 1913–1917 гг. было меньше, чем в 1929 г., но больше, чем в 1950 г. См. также: *Williamson J. G., Lindert P. H.* American In equality: A Macroeconomic History. New York etc.: Academic Press, 1980. P. 315–316.
193. Уровень неравенства в Великобритании был намного выше, чем в США и других европейских странах. По подсчетам П. Линдерта, в 1867 г. 10% самых богатых англичан получали 53,4% национального дохода: *Lindert P. H.* Unequal English Wealth since 1670//The Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94, Issue 6. December. P. 149.

194. Близкий результат — 15% — получил П. Грегори для 1905 г.: *Gregory P. R.* Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five–Year Plan. Princeton, NJ, 1994. P. 35.
195. Historical Statistics of the United States. Part 1. P. 302.
196. *Gregory P. R.* Before Command. P. 35. Данные по Дании на 1908 г., по Норвегии — на 1907 г.
197. США: Historical Statistics of the United States. Part 1. P. 8 (население), p. 231 (ЧНП на д. н.), 303 (распределение дохода).
198. *Романов А. М.* Книга воспоминаний. С. 130, 137. К 1 мая 1917 г. все сбережения семьи Николая II оценивались лишь в 12,5 млн руб., главным образом в процентных бумагах, хранившихся в берлинском банке Мендельсона: *Зимин И. В.* Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. М., 2011. С. 512.
199. В течение XX в. вплоть до 1990-х г. имущественное неравенство на Западе было больше, чем в России. В Советском Союзе в 1990 г. децильный коэффициент дифференциации равнялся 4–5 и только в постсоветской России поднялся до 15–17 (Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 1997. С. 142). По сведениям Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, в 2008 г. децильный коэффициент равнялся: в Германии, Дании и Швеции — 6, США — 14, России — 16, Мексике и Чили — 25, в Бразилии — 50. Наивысший уровень неравенства в ЮАР — 147: <http://ru.euronews.net/2011/12/05/trickle-down-forget-it/>.
200. Например, в 1998 г., по сведениям американского журнала «Форбс», пятеро самых богатых людей России (В. Потанин, Р. Вяхирев, М. Ходорковский, В. Алекперов и Б. Березовский) располагали годовым доходом большим, чем все 38,8 млн пенсионеров, и большим, чем 19,4 млн рабочих и служащих со средним заработком в 600 руб. в месяц (*Ефимова М. П., Бычкова С. Г.* Социальная статистика. С. 233). Децильный коэффициент — 14. Через 10 лет, в 2008 г., общее состояние 200 богатейших людей России оценивалось в 522 млрд долларов — это больше годового бюджета страны или годового фонда оплаты труда всех 70 млн трудоспособных граждан. 10% самых богатых присваивали 30% доходов, а 10% самых бедных — 1,9%. Децильный коэффициент — 16 (*Курдин К.* Вместо олигархов раскулачат население//Аргументы недели. 22 февраля 2012. № 7 (299). С. 6).
201. Цит. по: *Дякин В. С.* Был ли шанс у Столыпина? С. 12.
202. История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти: 1917–1927/Г. В. Шарапов (ред.). М., 1986. С. 51.
203. О земле. 1921: В 3 вып. Вып. 1. О прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М., 1921. С. 8–9.
204. *Книпович Б. Н.* Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920). М., 1920. С. 9.
205. Статистический сборник за 1913–1917 гг.: В 2 вып. М., 1921. Вып. 1. С. 185, 193, 210, 215.
206. Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г. М., 1922. Табл. С. 11.
207. История социалистической экономики СССР. Т. 1. С. 80–84.
208. *Штомпка П.* Социология. С. 570.
209. *Бэдкок С.* Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции//Отечественная история. 2007. № 4. С. 105; *Figes O.* People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York, N. Y.: Penguin Books, N. Y. 1998. P. 359–360.
210. *Tilly Ch.* European Revolutions, 1492–1992. Oxford, UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1993.
211. *Осипова Е. В.* Социология Вильфредо Парето: политический аспект. СПб., 2004; *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М., 2007. Объяснение революции как борьбы между элитами за власть широко используется в историографии: *Фюре Ф.* Постижение Французской революции. СПб., 1998; Дж. Харт общую черты российской, иранской, мексиканской и китайской революций видит в том, что «экономический рост породил новые социальные группы, важные с экономической и технологической точек зрения, но не имеющие доступа к власти»: *Hart J. M.* Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution. Berkley etc.: University of California Press, 1987. P. 11.
212. *Куликов С. В.* (1) «Революции неизменно идут сверху...». С. 117–185; (2) Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года//Российская история. 2012. № 1. С. 69–90.
213. *Skocpol T, Trimberger E. K.* Revolutions and the World-historical Development of Capitalism//*T. Skocpol.* Social Revolutions in the Modern World. Cambridge University Press, 1994. P. 66.
214. *Стародубровская И. В., Мау В. А.* Великие революции: От Кромвеля до Путина. 2-е изд. М., 2004. С. 31; *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

215. *Goldstone J. A.* The Comparative and Historical Study of Revolutions//Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies/J. A. Goldstone (ed.). 3rd ed. Belmont, CA: Wadsworth/Thomson Learning, 2003. P. 13–19. См. также: *Голдстоун Дж.* Теория революции, революции 1989–1991 годов и траектория развития «новой» России//Вопросы экономики. 2001. № 1.
216. *Мединский В. Р.* Особенности национального пиара: PRавдивая история Руси от Рюрика до Петра. М., 2011.
217. *Бернейс Э.* Пропаганда. М., 2010. Глава 1. Организуя хаос. Режим доступа: <http://propagandahistory.ru/books/Edvard-Berneys_Propaganda/2>.
218. Об использовании театра для политического пиара см.: *Свифт Э.* Культурное строительство или культурная разруха? (Некоторые аспекты театральной жизни Петрограда и Москвы в 1917 г.)// Анатомия революции. С. 394–405.
219. Об использовании символики и ритуалов для политического пиара см.: *Корнаков П. К.* (1) 1917 год в отражении вексиллологических источников: (По материалам Петрограда и действующей армии). Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1989; (2) Символика и ритуалы революции//Анатомия революции. С. 356–365; *Стайтс Р.* Русская революционная культура и ее место в истории культурных революций//Там же. С. 372–382.
220. *Кара-Мурза С. Г.* Власть манипуляции. М., 2007. С. 362–380.
221. Канонизация как PR см.: *Фриз Г. Л.* Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы межд. коллоквиума историков/Д. Гайер и др. (ред.). СПб., 1992. С. 31–42.
222. О различных PR-кампаниях монархии в период империи см.: *Уортман Р.* (1) Николай и образ самодержавия//Реформы или революция? С. 18–30; (2) Поездки Александра II по Российской империи//П. А. Зайончковский 1904–1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем/Л. Г. Захарова и др. (ред.). М., 1998. С. 220–237; (3) Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2002, 2004; (4) «Глас народа»: визуальная репрезентация российской монархии в эпоху эмансипации//Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 429–450; *Агеева О. Г.* Церемониалы рождения царских детей в век европеизации: от Петра I до Екатерины II//Российская реальность конца XVI — первой половины XIX в.: экономика, общественный быт, культура/Сб. статей к 80-летию Ю. А. Тихонова/Н. М. Рогожин (ред.). М., 2007. С. 210–238; *Захарова О. Ю.* (1) Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII — начала XX века: Коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы. М., 2003; (2) Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М., 2003. См. также: *Куликов С. В.* Дело Б. М. Ржевского//Из глубины времен. Вып. 14. СПб., 2010. С. 5–40 (на примере дела журналиста Б. М. Ржевского автор показывает влияние «черного PR» на механизм функционирования высшей исполнительной власти в начале XX в.); *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 308–321.
223. *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 342–387.
224. *Фуллер У.* Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
225. *Аманжолова Д. А.* Еврейские погромы в Российской империи: 1900–1916. М., 1998; *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005; Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / J. D. Klier, Sh. Lambroza (eds.). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992.
226. *Айрапетов О. Р.* Репетиция настоящего взрыва: Немецкий погром в Москве: бои на внешнем и внутреннем фронте//Родина. 2010. № 1; *Гатагова Л. С.* Москва во власти охлоса: (о погромах немцев в 1915 г.)//Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания. М., 2004. С. 119–124; *Деннингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 336–348; *Савинова НВ.* Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 20–23; *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. P. 32–39.
227. *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004; *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
228. *Melancon M.* Russia's Outlooks on the Present and Future, 1910–1914: What the Press Tells Us//Russia in the European Context, 1789–1914: A Member of the Family // S. P. McCaffray, M. S. Melancon (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 203–226.
229. *Ленин В. И.* ПСС. 5-е изд. Т. 6. М., 1967. С. 80–81.

230. Деятельность большевиков на ниве пиара достаточно хорошо изучена, правда, под другим углом зрения. См. например: История Коммунистической партии Советского Союза/Б. Н. Пономарев (руководитель). М., 1960. С. 102–116, 140–145, 174–183; *Медведев А. В.* Большевистская пропаганда и агитация в борьбе против эсеров за привлечение трудящегося крестьянства на сторону пролетариата в период от февраля к октябрю 1917 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1981; *Сумкина В. В.* Роль большевистской пропаганды и агитации в формировании политической армии революции 1905–1907 годов в России (на материалах Центрально-Промышленного района). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1985; *Щербак В. М.* Большевистская агитация и пропаганда. М., 1969; и др.
231. Цит. по: *Кельнер В. Е.* Создание и деятельность Осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати: 1906–1917 гг. //Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. 5/В. Р. Фирсов и др. (ред.). СПб., 2011. С. 240.
232. Там же.
233. *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 293.
234. *Ленин В. И.* ПСС. 5-е изд. Т. 5. М., 1967. С. 11.
235. *Есин Б. И.* Русская дореволюционная газета: 1702–1917: Краткий очерк. М., 1971. С. 73–74; *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты. С. 126–128.
236. Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917): Справочник/Авторы-составители М. С. Черепахов, Е. М. Фингерит. М., 1957. С. 8.
237. Народное образование, наука и культура в СССР: Статистический сборник. М., 1977. С. 410, 419; *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту. С. 277–293. Главная газета большевиков «Правда» в 1913 г. выходила разовым тиражом около 30 тыс. экз., в отдельные дни, преимущественно в воскресенья, — 40–42 тыс. экз., т. е. 1,5% общего тиража газет: *Есин Б. И.* Русская дореволюционная газета. С. 73–74. Предполагается, однако, что у пролетариев газета пользовалась популярностью: около 80–86% читающих рабочих обеих столиц поддерживали «Правду»: История политических партий России/[Думова Н. Г., Ерофеев Н. Д., Тютюкин С. В. и др.]/А. И. Зевелев (ред.). М., 1994. С. 283.
238. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 387.
239. Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. 1922 г. Пг., 1922. С. 2; Москва в цифрах 1917–1977 гг.: Статистический сборник. М., 1977. С. 9.
240. Грубая прикидка по данным: *Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никидюров М. М.* Библиография периодических изданий России. 1901–1916: В 3 т. Т. 1–3. Л., 1958–1960. Возможно, в Петрограде пресса оживилась уже в 1916 г. Во всяком случае, в 1915 г. было издано 434 наименований журналов, а в 1916 г. — 461. Санкт-Петербург: 1703–2003: Юбилейный статистический сборник/И. И. Елисеева, Е. И. Грибова (ред.).: В 3 вып. СПб., 2002. Вып. 2. С. 168, 170–171. См. также: *Белогурова Т. А.* Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 — март 1917 г.). Смоленск, 2006.
241. *Колоницкий Б. И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание//Анатомия революции. С. 189. Учет числа периодических изданий затруднен по причине частого изменения их названий. См. также: *Колоницкий Б. И.* Центры буржуазной печатной пропаганды в Петрограде и их крушение (март-окт. 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
242. Там же. Брошюр либеральной ориентации было издано 250 наименований, умеренно-социалистической — 500 и большевистской — более 50, тиражом — соответственно более 11 млн, 27 млн и 1,5 млн.
243. *Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф.* Российская государственность и Первая мировая война//1917 год в судьбах России и мира. С. 17.
244. *Архипов И. Л.* Российская политическая элита. С. 38–56.
245. *Колоницкий Б. И.* Антибуржуазная пропаганда. С. 201–202. Согласно свидетельству двух журналистов-современников, сразу после февральского переворота «печать заговорила необычным языком полной свободы, зная, пожалуй, только один предел — самоограничение». Однако не все газеты радостно приветствовали переворот, а через одну-две недели после него многие из них, в том числе все респектабельные, вернулись «к тем темам, к той фразеологии, которые были обычны до революции»: *Заславский Д. О., Канторович В. А.* Хроника февральской революции. Т. 1. 1917 г. Февраль-май. Пг., 1924. С. 69, 114. Отсюда следует, что для получения объективного представления о том, как сильно и быстро изменился язык и, следовательно, восприятие и отношение населения к происходящему, целесообразно провести контент-анализ газетных материалов разной партийной ориентации.

246. За 1915 — январь 1917 г. в опубликованных источниках и литературе фигурируют несколько отличные и даже противоречивые данные: Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. С. 151–155, 160–161, 164; Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 4, 19–20; Стачечное движение рабочих России в годы первой мировой войны. Вып. 3–4. С. 482–483, 486; *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 1. С. 301–302, 320; *Кирьянов Ю. И.* Социально-политический протест рабочих. С. 184–213. Причина, вероятно, в том, что сведения охватывают различное число отраслей промышленности и разную территорию. Кроме того, авторы используют разную методику подсчета: *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия. С. 25, 114; Стачечная борьба петроградского пролетариата в период Первой мировой войны (16 июля 1914–16 февраля 1917 г.)//История рабочего класса Ленинграда. Вып. 2. Л., 1963. С. 156–186. Я отдаю предпочтение официальным данным Министерства торговли и промышленности, опубликованным в: Стачечное движение рабочих России в годы первой мировой войны.
247. *Редигер А. Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы: В 2 ч. 4-е изд. СПб., 1913. Ч. 1. С. 235.
248. Стачечное движение рабочих. Вып. 3–4. С. 482–483, 486. По сведениям И. И. Минца, всего произошло 400 стачек, в том числе 229 политических: *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 1. С. 320.
249. *Кирьянов Ю. И.* Демонстрации рабочих в 1914 — феврале 1917 гг. //Рабочий класс капиталистической России: (Сборник обзоров)/Ю. И. Кирьянов, В. М. Шевырин (ред.). М., 1992. С. 91–96, 101–102.
250. Там же. С. 103. Число политических демонстраций за 1914–1917 гг. почти в 7 раза меньше, чем за 1901–1904 гг.
251. *Кирьянов Ю. И.* Демонстрации рабочих. С. 103.
252. Там же. С. 79–83, 89–91.
253. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. С. 151, 161
254. Стачечное движение рабочих России. Вып. 3–4. С. 482–483.
255. С 1 января по 23 февраля 1917 г.: *Кирьянов Ю. И.* Демонстрации рабочих. С. 104–105. См. Также: *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия. С. 25.
256. Ведущая роль Петрограда и Москвы давно отмечена историками: *Лейберов И. П.* Стачечная борьба петроградского пролетариата. С. 156–186; (2). На штурм самодержавия. С. 24–52; *Шацилло К. Ф.* Рабочее движение в годы Первой мировой войны//Рабочий класс России, 1907 — февр. 1917 г. /В. Я. Лаверычев (отв. ред.). М., 1982. С. 331.
257. Официальной сводной статистики крестьянских выступлений до 1917 г. наподобие той, которая велась фабричной инспекцией, нет. Советские историки немало потрудились, чтобы заполнить этот пробел. В результате их усилий мы имеем сводные данные о числе выступлений с 1796 по 1917 г. Однако оценки, принадлежащие разным авторам, сильно расходятся. Например, за 1908–1913 гг. Н. А. Мальцева по сведениям хроники насчитала 1145 выступлений, в том числе 345 поджогов, а С. М. Дубровский по опубликованной литературе — соответственно 17 872 и 3544 (*Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 518, 531). Различие — в 4,4 раза по выступлениям и в 42 раза по поджогам. За 1905–1907 гг. картина иная: Дубровский насчитал 7165 выступлений с поджогами (Там же. С. 43), а Л. Т. Сенчакова — 25 823, т. е. в 3,6 раза больше. Кроме разного объема привлеченных источников, большое значение имеет также методика подсчета (*Литвак Б. Г.* (1) Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967; (2) Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. М., 1989). Анализ оценок не входит в мою задачу — это большая и самостоятельная работа. Отдаю предпочтение данным Мальцевой, Сенчаковой и Анфимова.
258. *Сорокин П. А.* Социология революции//*Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 266–294. Близкую Сорокину точку зрения высказали П. В. Волобуев и В. П. Булдаков. Согласно ей революцию можно объяснить эскалацией социального психоза, который как зараза передается посредством механизма «заражения» от незначительной по численности группы психопатических лиц на огромную массу (до 20 млн) социально-неприкаянных людей — части солдат, беженцев, депортированных, безработных, люмпенов, пауперов, военнопленных и т. п.: *Волобуев П. В., Булдаков В. П.* Октябрьская революция: Новые подходы к изучению//Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 28–38. См. также: *Булдаков В. П.* Красная смута. Идея о феномене «заражения» высказана еще в конце XIX в. французским социологом Г. Лебоном (см. Глава 10.7 настоящего издания). Трактовка революции как бунта (см., например: *Канищев В. В.* (1) Русский бунт; (2) Можно ли измерить параметры «русского бунта»? С. 134–159) или смуты (см., например: *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия: Учебное пособие. М., 2009. С. 800) фактически сводит Русскую революцию 1917 г. к сиюминутному событию. Ибо смута — это «возмущенье,

восстание, мятеж, крамола, общее неповиновение, раздор между народом и властью» (*В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 4. С. 239); «мятеж, народное волнение» (Словарь русского языка: В 4 т./А. П. Евгеньева (ред.). 3-е изд. М., 1988. Т. 4. С. 159); «раздоры, ссоры, беспорядки» (*Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 20-е изд. М., 1989. С. 601).

259 *Ли Д. А.* Преступность как социальное явление. М., 1997. С. 121–122.

260. *Тарновский Е. Н.* Война и движение преступности в 1911–1916 гг. //Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918. Т. 5. № 1–4. С. 98, 104, 109. Более полные сведения, по мнению крупнейшего криминолога того времени, не сохранились: «Должна быть совершенно оставлена мысль о сравнении всей довоенной преступности в России с преступностью последующего времени как за годы войны, так и после революции 1917 г. Весь статистический материал 1914 г. погиб во время февральской революции 1917 г. Поступление статистических листков за 1915 и 1916 гг. происходило неправильно и неполно, а занятие части губерний германскими войсками совсем прекратило собирание соответствующих материалов. После февральской революции поступление листков стало совсем случайным. Период гражданской войны совершенно прекращает существование уголовной статистики, которая возрождается лишь в 1922 г. ». *Гернет М. Н.* Моральная статистика: (Уголовная статистика и статистика самоубийств): Пособие для статистиков и криминалистов: В 2 вып. М., 1927. Вып. 2. С. 87. По мнению Ерещенко, в Петрограде, начиная с декабря 1914 г. и по октябрь 1917 гг., число правонарушений росло: *Ерещенко Д. Ю.* (1) Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 23–31; (2) Преступность и социально-политический кризис в Петрограде в марте-октябре 1917 года//Клио. 2003. № 2 (21). С. 186–197. Однако приводимые данные носят фрагментарный характер и не взвешиваются на численности населения, которое, по ориентировочной оценке Н. Н. Смирнова, во время войны возросло за счет мигрантов и мобилизованных в армию в полтора раза и к началу февраля 1917 г. превысило (вместе с беженцами и солдатами гарнизона) 3 млн (*Смирнов Н. Н.* Российская революция. С. 205; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. 1922 г. Пг., 1922. С. 2). Это не позволяет принять безоговорочно сделанный Ерещенко вывод. Но даже если он прав, в столице существовала исключительная для России криминальная ситуация: *Мусаев В. И.* Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 201.

261. Однако в некоторых крупных городах (например, Москве, Петрограде и Киеве) преступность малолетних в 1913–1916 гг. выросла почти в 2 раза; при этом, вследствие изменения возрастного и полового состава населения, оставшегося в тылу, и структуры преступности, доля юных преступников возросла с 1913 по 1916 г. почти вдвое (в 1913 г. — 4,7%, в 1914 г. — 4,2%, в 1915 г. — 6,5%, в 1916 г. — 8,6%): *Куфаев В. И.* Юные правонарушители. М., 1925. С. 68; *Гернет М. Н.* Моральная статистика. Т. 2. С. 107.

262. Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916. С. 624–625.

263. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 85; *Лунеев В. В.* Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 56–57.

264. В 2006–2009 гг. число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. в 1,4 раза превзошло уровень 1911–1913 гг.

265. *Лихачев А. В.* Самоубийство. С. 177–181; *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 416; *Новосельский С. А.* Очерк статистики самоубийств. С. 623.

266. *Тарновский Е. Н.* Сведения о самоубийствах в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие//Проблемы преступности. М.; Л., 1926. С. 192–193; Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. 1. С. 101.

267. Просмотр 6.01.2011: <http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=1&idArt=1324>.

268. Охрана здоровья в СССР: Статистический сборник. М., 1990. С. 44, 46–47.

269. Просмотр 12.10.2010: <http://www.newsprom.ru/Obschestvo/131822768118098/Den_psihicheskogo_zdorovja_tjumency_perestali_bojatsja_psihiatrov.html>; <http://www.medizdat-press.ru/journals/archive/94/32768/36333>.

270. *Ястребов В. С.* Организация психиатрической помощи//Общая психиатрия/А. С. Тиганов (ред.). Просмотр 12.10.2011: <http://www.psychiatry.ru/book_show.php?booknumber=28&article_id=101>.

271. *Юрьева Л. Н.* История. Культура. Психические и поведенческие расстройства. Киев, 2002. С. 173

272. Там же. С. 191–193.

273. *Гарр Т. Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005. Книга известного американского социолога и политолога, написанная еще в 1960-е гг., представляет собой самое полное исследование влияния относительной депривации на развитие социального конфликта и превращения его в гражданскую войну и революцию.

274. *Штомпка П.* Социология. С. 563–564.
275. *Козер Л. А.* Функции социального конфликта. М, 2000.
276. *Burds J.* Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1998. P. 181–182.
277. *Володин А. Ю.* История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М., 2009. С. 147.
278. «Рост материального благосостояния не успевал за уровнем материальных притязаний священно- и церковнослужителей»: *Скутнев А. В.* Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009. С. 143.
279. *Миронов Б. Н.* Благосостояние. С. 670–671.
280. *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу». С. 277.
281. Свод Отчетов фабричных инспекторов за 1911 год. С. LXXXVII.
282. Свод Отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. С. LXXIV.
283. *Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И.* Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце начале XX в.//Россия и США на рубеже XIX–XX вв. С. 57.
284. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 год. СПб., 1910. С. 021.
285. *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу». С. 278. Закон 1886 г., поставивший штрафование и расходование штрафных денег под контроль фабричной инспекции, привел к тому, что подвергаться штрафам стали преимущественно злостные нарушители порядка, вследствие чего сведения о штрафах стали существенно — примерно в 5 раз — преуменьшать число нарушений дисциплины.
286. *Леонтьев В. В.* Об изучении положения рабочих: Приемы исследования и материалы. СПб., 1912.С. 54.
287. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 год. СПб., 1903. С. I–II.
288. Если забастовки, зафиксированные западной статистикой, относить только к фабрично-заводским рабочим, то сила забастовочного движения увеличится, однако все равно не достигнет российского уровня. См. также: *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия. С. 112; *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 2. С. 299; Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 55.
289. *Варзар В. Е.* Статистика стачек. С. 36–37.
290. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 год. СПб., 1913. С. LXXVIII.
291. *Davies J. C.* (1) Toward a Theory of Revolution//American Sociological Review. 1962. Vol. 27. February. P. 5–19; (2) When Men Revolt and Why. New York: Free Press, 1971.
292. *Стародубровская И. В., Мау В. А.* Великие революции: От Кромвеля до Путина. 2-е изд. М., 2004. С. 27–50, 65–68, 417–456.
293. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 19.
294. Там же. С. 116–118.
295. *Стародубровская И. В., Мау В. А.* Великие революции. С. 34.
296. *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N. Y: Vintage Books, 1965. P. 60.
297. *Стародубровская И. В., Мау В. А.* Великие революции. С. 418.
298. Там же. С. 65.
299. *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 225. См. также: *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 52–69; *Полетаев А. В., Савельева И. М.* «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. М., 2009. С. 13–161.
300. *Стародубровская И. В., Мау В. А.* Великие революции. С. 36.
301. Там же. С. 39–40.
302. *Хантингтон С. П.* Политический порядок; *Хорос В. Г.* Русская история. С. 14–18; *Eisenstadt S. N.* Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations. New York: Free Press, 1978; Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe/B. Grancelli (ed.). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995; *Davies J. C.* Toward a Theory of Revolution. P. 6.
303. *Huntington S. P.* Political Order in Changing Societies. Princeton: Yale University Press, 1968. P. 51.
304. *Olson M.* Rapid Growth as a Destabilizing Force//When Men Revolt and Why/J. C. Davies (ed.). 2nd ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 1997. P. 216.
305. *Стародубровская И. В., Мау В. А.* Великие революции. С. 42–43, 420.
306. Там же. С. 46.
307. *Tilly Ch.* European Revolutions. P. 243.

308. *Davies J. C.* Toward a Theory of Revolution//When Men Revolt and Why/C. Davies (ed.). New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1997. P. 136.
309. Ibid. P. 5–19; *Davies J. C.* When Men Revolt and Why. New York: Free Press, 1971.
310. *Стародубровская И. В., Мау В. А.* Великие революции. С. 100.
311. *Штомпка П.* Социология. С. 474, 491.
312. Укажу только несколько последних работ: *Брэдли Д.* Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в позднеимперской России//Российская история. 2011. № 2; Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: Вторая половина XIX — начало XX века/Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова (ред.). М., 2007; *Миронов Б. Н.* Историческая социология России. СПб., 2009. С. 391–432; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в./А. С. Туманова (ред.). М., 2011; *Селунская Н. Б., Тоштендаль Р.* Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. М., 2005; *Туманова А. С.* (1) Самодержавие и общественные организации в России: 1905–1917 годы. Тамбов, 2002; (2) Общественные организации и русская публика начала XX века. М., 2008. С. 289–293; *Bradley J.* Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society. Cambridge: Harvard University Press, 2009; *Haefner L.* The Temple of Idleness? Associations and the Public Sphere in Provincial Russia// Russia in the European Context. P. 151. См. также: *Шевырин В. М.* Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитичекий обзор. М., 2003.
313. *Лубков А. В.* Война. Революция. Кооперация. М., 1997. С. 173–174. К 1917 г. Россия занимала одно из первых мест в мире по уровню развития кооперативного движения.
314. *Вишневски Э.* Прогрессисты во время Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; *Голубин Р. В.* Военно-промышленные комитеты Нижегородской губернии: (Организация и хозяйственно-экономическая деятельность в годы Первой мировой войны). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2003; *Сомов С. А.* Особое совещание по обороне и буржуазия: Возникновение новой формы сотрудничества самодержавия и буржуазии (май-август 1915 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; *Тымчик С. В.* «Рабочая группа» Московского областного ВПК (1915–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; *Юрий М. Ф.* Буржуазные общественные организации в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: (Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Земгор, Центральный военно-промышленный комитет). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Черновцы, 1990.
315. Благотворительные учреждения Российской империи: В 3 т. СПб., 1900. Т. 1 (в книге нет общей нумерации страниц); *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России: 1860–1917 гг. М., 2009. С. 366, 380, 385; *Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М.* Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 8; *Ульянова Г. Н.* Благотворительная деятельность в Российской империи как реализация идеи «гражданской сферы»//Гражданская идентичность. С. 110, 118; Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год/В. В. Морачевский (ред.). Пг., 1916. С. 44. Некоторые исследователи (например А. В. Лубков) полагают, что именно потребительские кооперативы сыграли главную роль в реорганизации местного управления после Февраля.
316. *Барышников М. Н.* (1) Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998; (2) Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб., 2006; *Шепелев Л. Е.* (1) Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблема торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 213–217; (2) Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987. С. 74–117, 257–258.
317. *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 88. См. также: *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 371–380.
318. *Толстой И. И.* Дневник: В 2 т./Б. В. Ананьич (сост.). СПб., 2010. Т. 1. 1906–1909. С. 53.
319. *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. СПб, 1992. С. 174, 178–179.
320. *Мелихов А. М.* Борьба с ничтожностью: психология против экономики//Нева. 2010. № 12.
321. *Мелихов А. М.* Муза мести и печали//Нева. 2010. № 2. См также: *Могильнер М. Б.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999.
322. *Holquist P.* Making War. P. 14–15, 100–101.
323. *Толстой И. И.* Дневник. Т. 1. 1906–1909. С. 53 (запись в дневнике от 25.09.1906).
324. Интервью А. И. Солженицына журналу «Шпигель» (июль 2007), перепечатанное в газете «Известия». См. в Интернете: <http://www.izvestia.ru/person/article3106464/index.html>.

325. *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России: (Воспоминания). Приложение к «Иллюстрированной России». Париж, 1936. С. 603–604. «Пока была война с Самодержавием, либерализм мог идти с революционными партиями; но когда конституция была октроирована (от фр. *octroi* — пожалована. — *Б.М.*), Дума выбрана и кадетская партия Думой руководила, ее задачей должно было быть примирение с властью и защита России от революции. <...> Население могло бы немедленно почувствовать выгоды новых порядков; либерализм освободился бы от угождения своим прежним союзникам; конституционная монархия сделалась бы окончательной формой правления, а не переходным мостом к революции; началась бы эра назревших реформ. <...> Но либерализм, поскольку его представляли кадеты, поставил себе иную задачу. Сговора с властью он не захотел. Он добивался немедленной и полной победы над ней, требовал капитуляции перед собой и добился того, что власть приняла его вызов, перешла в наступление и кадетский либерализм победила». *Маклаков В. А.* Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006, с. 9, 15–17.
326. Политический роман в письмах: Из переписки А. В. Тырковой-Вильямс и В. А. Маклакова/ Публикация и вступ. статья О. Будницкого и примечания к письмам С. Горяинова//Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись/В. Хазан, И. Белобровцев, С. Доценко (ред.). Иерусалим; Таллин, 2004. С. 313.
327. Немецкая помощь большевикам оценивается по-разному — от 20 тыс. до 50 млн марок золотом, максимальная оценка эквивалентна 9 тоннам золота: *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. С. 84–86. См. также: *Емельянов Ю. Н.* Б. В. Никитин и его свидетельства о «роковом семнадцатом»//Никитин Б. В. Роковые годы. С. 5–36; *Земан З. А., Шарлау В.* Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991; *Земан З. А., Шарлау В.* Кредит на революцию: План Парвуса. М., 2007; *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. С. 210–226; *Ляндрес С.* (1) Немецкое финансовое участие в русской революции//Россия в 1914 г.: Новые подходы и взгляды. СПб., 1993. Вып. 1. С. 60–64; (2) Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. //Отечественная история. 1993. № 2. С. 128–143; *Мельгунов С. П.* Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989; *Сикорский Е. А.* Деньги на революцию: 1903–1920: Факты. Версии. Размышления. Смоленск, 2004. С. 203–282, 509; *Старцев В. И.* Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. 3-е изд. СПб., 2006; Germany and Revolution in Russia, 1915–1918: Documents from Archives of the German Foreign Ministry/Z. A. Zeman (ed.). London; New York: Oxford University Press, 1958. Однако не все считают, что участие немецких денег в революции доказано: *Соболев Г. Л.* Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002. С. 359–360; (2) К вопросу о «германском факторе» в февральских событиях 1917 г. в Петрограде//Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории России. СПб., 2008. С. 9–18.
328. Цит. по: *Думова Н. Г.* Кончилось ваше время [О поражении кадетской партии]. М., 1990. С. 39. См также: *Борман А.А* А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лювэн; Вашингтон, 1964. С. 127–129.
329. *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 1. С. 65.
330. *Бэдкок С.* Переписывая историю российской революции 1917 г. в провинции//Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112.
331. *Черняев В. Ю.* Гибель думской монархии. Временное правительство и его реформы//Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 677.
332. *Розенберг У.* Государство и проблема управления в Февральской революции//1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению/П. В. Волобуев (ред.). М., 1997; *Старцев В. И.* (1) Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; (2) Крах керенщины. Л., 1982; *Черняев В. Ю.* (1) Гибель думской монархии. С. 654–678; (2) Демократические революции. С. 132–176. См. также: *Малышева С. Ю.* Российское Временное правительство 1917 года: Отечественная историография 20-х — середины 60-х годов. Казань, 1999.
333. *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 1. С. 349–351.
334 *Ермолов А. С.* Наши неурожаи. Ч. 2. С. 2, 9, 32–33.
335. *Белянин Д. Н.* Переселения крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы//Российская история. 2011. № 1. С. 86–95; *Вильямс Ст.* Либеральные реформы при нелиберальном режиме: Создание частной собственности в России в 1906–1915 гг. М., 2009. С. 101–107; *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок. С. 686–812; *Кабанов В. В.* А был ли крах Столыпинской аграрной реформы?//Россия сельская: XIX — начало XX века/А. П. Корелин (ред.). М., 2004. С. 309–330; *Кабытов П. С.* П. А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. 2-е изд. М., 2007; *Мацузато К.* Столыпинская реформа и российская агротехническая революция//Отечественная

история. 1992. № 2; *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 479–484; *Мэйси Д. А.* Аграрные реформы Столыпина как процесс: Центр, периферия, крестьяне и децентрализация//Россия сельская. С. 151–284; *Рогалина Н. Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 13–58; *Шелохаев В. В.* Столыпинский тип модернизации России//Российская история. 2012. № 2. С. 18–36; *Ascher A.* P. A. Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001; *Janey G.* The Concept of Stolypin Land Reform//Slavic Review. 1964. Vol. 23. No. 2; *Macey D. A. J.* (1) Government and Peasant in Russia, 1861–1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms. Dekalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1987; (2) Government Actions and Peasant Reactions during the Stolypin Reforms//New Perspectives in Modern Russian History: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990/R. B. McKean (ed.). New York: St. Martin's Press, 1992; *Moon D.* Late Imperial Peasants // Late Imperial Russia. Problems and Prospects. Essays in Honor of R. B. McKean/I. D. Thatcher (ed.). Manchester: Manchester University Press, 2005. P. 120–145; *Mosse W. E.* An Economic History of Russia. P. 271–284; *Tokmakoff G.* Stolypin's Agrarrian Reform: An Appraisal//Slavic Review. 1971. Vol. 30; *Waldron P.* Between Two Revolutions: Stolypin and the Politics of Renewal in Russia. London, 1998; *Williams St. F.* Liberal Reform in an Illiberal Regime: The Creation of Private Property in Russia, 1906–1915. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, Stanford University, 2006. P. 2–11, 12–29. Однако в историографии по-прежнему имеется немало исследователей, негативно оценивающих Столыпинскую реформу: *Сенявский А. С.* Проблемы модернизации России в XX в: Диалектика реформизма и революционности//Россия в XX в.: Реформы и революции/Г. Н. Севостьянов (ред.). Т. 1. М., 2002. С. 54–67; *Jones A.* Late Imperial Russia; McKean R. B. The Constitutional Monarchy in Russia, 1906–17//Regime and Society in Twentieth-century Russia. P. 46–47; *Pallot J.* Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Response to Stolypin Project of Rural Transformation. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1999. О российской и зарубежной историографии Столыпинской реформы см.: *Рогалина Н. Л.* Столыпинская аграрная реформа: современная историографическая ситуация//Российская история. 2012. № 2. С. 154–163; *Большакова О. В.* Аграрные реформы П. А. Стопыпина в современной англоязычной историографии//Российская история. 2012. № 2. С. 164–172.

336. *Герасюнина Ю. Н.* Страхование рабочих от несчастных случаев в России в конце XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саранск, 2006; *Железкин В. Г.* Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма//Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1900–1917 гг.). Свердловск, 1991. С. 109–125; *Иванов Л. М.* Страховой закон 1912 года и его практическое применение//Отечественная история. 1995. № 5. С. 73–87; *Напалкова И. Г.* Ответственность предпринимателей за жизнедеятельность рабочих в дореволюционной России: трудовое законодательство, социально-экономические факторы, территориальные различия//Экономическая история. Ежегодник. 2009. М., 2010; *Степанов В. Л.* Социальное законодательство фон Бисмарка и законы о страховании рабочих в России//Отечественная история. 1997. № 2. С. 59–73; *Gorshkov B.* Towards a Comprehensive Law: Tsarist Factory Labor Legislation in European Context, 1830–1914//Russia in the European Context, 1789–1914: A Member of the Family/S. P. McCaffray, M. Melancon (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2005; *Pate A. K.* St. Petersburg Workers and Implementation of the Social Insurance Low of 1917//Russia in the European Context. P. 189–202; *Thatcher I. D.* Late Imperial Urban Workers//Late Imperial Russia: Problems and Prospects: Essays in Honor of R. B. McKean/I.D Thatcher (ed.). Manchester: Manchester University Press, 2005. P. 101–119.

337. *Crews R. D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006.

338. См.: *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М. 2004; *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 63–70.

339. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 325, 326.

340. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 226; *Минц Л. Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925. С. 16–24:

341. Россия в мировой войне. С. 18, 21.

342. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 292–295; *Jones A.* Late Imperial Russia. P. 269–273, 393–399; *Шанин Т.* Крестьянские войны в России, 1902–1922 годы. Выступление на аграрном семинаре памяти Виктора Петровича Данилова 4–5 марта 2005 г. //Крестьяноведение: Теория. История. Современность. М., 2006. С. 30–38; *Figes O.* (1) Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. New York: Metropolitan Books, 2002. Файджес наглядно продемонстрировал, как огромная лингвисти-

ческая пропасть между крестьянами и образованной частью населения повлияла на неприятие деревней демократических идей города и Февральской революции: *Figes O.* The Russian Revolution of 1917 and its Language. P. 73–103; *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution.

343. *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870. С. XVI–XVII.
344. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 296–298.
345. *Бердяев Н.* Духи русской революции//Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 283. Такую же цель — вернуться к более древнему общественному строю преследовали крестьянские движения во Франции XVII в.: *Mousmier R.* Peasant Uprising in Seventeenth-century France, Russia, and China. New York; Evanston: Harper and Row, 1970. P. 305–348.
346. *Горская Н. И.* Свободный крестьянин перед мировым и волостным судом (местная юстиция в 1860–1880-х гг.)//Российская история. 2011. № 1. С. 28–41; *Burbank J.* Russian Peasant Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2004; *Chulos K. J.* Converging Worlds: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917, DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003; *Gaudin C.* Ruling Peasants Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2007; *Melancon M.* (1) Russia's Outlooks; (2) The Lena Goldfields Massacre and the Crisis of the Late Tsarist State. College Station: College Station: Texas A&M University Press 2006; *Moon D.* Late Imperial Peasants. P. 120–145; *Pallot J.* Land Reform in Russia; *Pate A. K.* St. Petersburg Workers P. 189–202; *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2003.
347. *Беккер С.* Миф о русском дворянстве. С. 11–21, 307–317. Школа И. Д. Ковальченко показала, что в пореформенный период помещичье хозяйство развивалось в капиталистическом направлении и в его внутреннем строе преобладали буржуазные отношения: *Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Д., Селунская Н. Б.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы исследования. М., 1982. С. 127; *Ковальченко И. Д.* Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М., 2004. С. 413, 427. В других работах, напротив, подчеркиваются консервативные черты дворянства и его неспособность адаптироваться к новым обстоятельствам: *Баринова Е. П.* Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара, 2006; *Бибин М. А.* Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000.
348. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 1. С. 93, 97, 106–110.
349. В последние годы появились работы, подтверждающие вывод о росте *реальной* зарплаты рабочих по крайней мере с конца XIX в. Подробнее см. в Главе 9.
350. *Гвоздев С. [Клепиков А. К.].* Записки фабричного инспектора: (из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.). М., 1911. С. 119.
351. *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. С. 287–288. Проблеме самоидентификации рабочих большое внимание уделяют зарубежные русисты: *Нюбергер Дж.* Власть слова: Рабочие против хозяев в мировых судах//Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 — февраль 1917 г. /С. И. Потолов (ред.). СПб., 1997. С. 254–268; *Стейнберг М. Д.* Представление о «личности» в среде рабочих интеллигентов//Там же. 96–113; *Хаймсон Л.* (1) Исторические корни. С. 24; (2) К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX — начале XX в.: Роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией//Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997; (3) Меньшевизм и большевизм (1903–1917): Формирование менталитетов и политической культуры//Меньшевики в 1917 г.: В 3 т./3. Галили, А. Ненароков, Л. Хеймсон (ред.). М., 1994. Т. 1. С. 20–56.
352. *Тимофеев П.* Чем живет заводской рабочий//Антология социально-экономической мысли в России: Дореволюционный период/А. И. Кравченко (ред.). СПб., 2000. С. 775.
353. *Варзар В. Е.* (1) Статистические сведения о стачках. С. 52; Приложение. С. 36; (2) Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. СПб., 1910. С. 47; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. СПб., 1914. С. LXXIX; То же за 1914 год. СПб., 1915. С. LXXI.
354. В 1895–1904 гг. 29 из 77: *Варзар В. Е.* Статистические сведения о стачках. С. 52; Приложение. С. 36.
355. *Бовыкин В. И., Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И.* Стачечное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (опыт корреляционного анализа)//История СССР. 1986. № 6. С. 76; *Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И.* Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце начале XX в.//Россия и США на рубеже XIX–

XX вв. С. 62; *Хаймсон Л., Бриан Э.* Стачечное движение России во время Первой мировой войны: количественный анализ и интерпретация//Россия и США. С. 79–113; *Хаймсон Л., Петруша П.* Опыт математико-статистического исследования данных «Свода отчетов фабричных инспекторов» о стачках рабочих в России в 1912–1914 гг. //Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях/И. Д. Ковальченко (ред.). М., 1985. С. 112–137.

356. Подробнее см. в настоящей монографии в Главе 10, § 10.3 и 10,5.
357. *Фет А. А.* Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство/Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева и С. В. Смирнова. М., 2001. С. 195–196.
358. *Hanneman R. A., Collins R., Mordt G.* Discovering Theory Dynamics by Computer Simulation: Experiments on State Legitimacy and Imperialistic Capitalism//Sociological Methodology. 1995. Vol. 25. P. 1–46.
359. *Гетрелл П.* Экономическое и социальное развитие России в начале XX в.//Реформы или революция? С. 187; *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington: Indiana University Press, 2005. См. также: *Курцев А. Н.* Беженство//Россия и Первая мировая война: (Материалы международного научного коллоквиума)/Н. Н. Смирнов (ред.). СПб., 1999. С. 131; *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 27.
360. Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории/Ю. А. Писарев, В. Л. Мальков (ред.). М., 1994. С. 4; Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов/И. А. Анфертьев, Т. М. Булавкина, М. В. Стеганцев (сост.). М., 2006. С. 5; Февральская революция 1917 года в российской истории. С. 4, 8–9, 30; *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 55–31, 47–63; *Малия М.* Советская трагедия: История социализма в России, 1917–1911. М., 2002. С. 112–113; *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты. С. 260–265; *Хоскинг Дж.* Россия и русские: В 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 62–74; *Buldakov V., Koudryashev S., Bordiugov G.* A Nation at War: The Russian Experience//Facing Armageddon: The First World War Experience/H. Cecil, P. H. Liddle (eds.). London: Cooper, 1996. P. 539–553; *Figes O.* A People's Tragedy. P. 810; *Gatrell P.* Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, England: Pearson/Longman, 2005. P. 273–275; *Wade R. A.* The Russian Revolution, 1917. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 1–29; и другие работы.
361. *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 25.
362. *Ascher A.* The Revolution of 1905: Russia in Disarray. Stanford, USA: Stanford University Press, 1994; Russland 1905: Perspektiven auf die erste Russische Revolution/M. Aust, L. Steindorff (Hrsg.). Frankfurt am Main; New York: P. Lang, 2007.
363. События 1917 г. в художественно-публицистической форме обобщил А. И. Солженицын: *Солженицын А. И.* Размышления над Февральской революцией//Российская газета (Федеральный выпуск). 2007. 27 февраля. № 4303. См. в Интернете: <http://www.rg.ru/2007/02/27/solzhenicyn.html>.
364. Обзор новейшей (преимущественно за 1998–2005 гг.) отечественной и зарубежной литературы о социально-экономических предпосылках революции см.: *Беспалов С. В.* Социально-экономическое развитие России в конце XIX — начале XX века и проблемы предпосылок революции 1917 года//1917 год. Россия революционная. 2-е изд. М., 2009. С. 65–104; *Большакова О. В.* Русская революция глазами трех поколений американских историков (Обзор)//Там же. С. 6–32; *Коновалов В. С.* Крестьянство России в годы войны и революции//Там же. С. 105–152; *Шевырин В. М.* Революция 1917 года: переосмысление в зарубежной историографии (Обзор)//Там же. С. 33–64.
365. О роли пропаганды и агитации в революционизировании сознания и поведения рабочих, солдат и крестьян опубликованы десятки работ, к сожалению, в основном на примере большевиков: *Акимов Ф. И.* Большевики Украины в борьбе за солдатские массы (1914 — март 1917 гг.). Киев; Одесса, 1989; Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981; *Гакаев Ж. Ж.* (1) Большевики в борьбе за массы в годы первой мировой империалистической войны (1914 — март 1917 г.). Грозный, 1984; (2) Большевики в борьбе за солдатские гарнизоны в Октябрьской революции: (На материалах Дона и Сев. Кавказа). Грозный, 1987; *Семенникова Л. И.* Большевики Петрограда и Москвы в авангарде борьбы за власть Советов (сентябрь-октябрь 1917 г.). М., 1980; *Сикорский Е. А.* Большевики в борьбе за власть: теория и практика (1917–1920 гг.). Смоленск, 2001; и другие работы. В советское время написаны сотни диссертаций: *Лушин А. И.* Большевистская пропаганда и агитация среди многонационального крестьянства Среднего Поволжья в первые годы советской власти (октябрь 1917–1920 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1987; *Медведев А. В.* Большевистская пропаганда и агитация в борьбе против эсеров за привлечение трудящегося крестьянства на сторону пролетариата в период

от февраля к октябрю 1917 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1981; *Мельничук А. П.* Устная политическая агитация и пропаганда большевиков Украины в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции: (Февр.-окт. 1917 года): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. Уделяют внимание этой проблеме и зарубежные историки. По мнению Бурбанк, не вина, а беда крестьян, что их втянули в кровавый кошмар революционного междоусобия: *Burbank J.* Russian Peasant. P. 269. О манипуляции рабочими см.: *Thatcher I. D.* Late Imperial Urban Workers. P. 101–119; *McKean R. B.* The Constitutional Monarchy in Russia, 1906–17//Regime and Society in Twentieth-century Russia. P. 47–49; *Pate A. K.* St. Petersburg Workers. P. 189–202.

366. *Karpovich M.* Imperial Russia, 1801–1917. New York: H. Holt and Co., 1932. P. 95.
367. Роль рабочих, крестьян и солдат в революционных событиях 1917 г. обстоятельно изучена не только в многочисленных работах советских, но и зарубежных социальных историков: *Рабинович А. Е.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде. М., 1989; *Хаймсон Л.* Рабочее движение и историческое происхождение и характер Февральской революции//Реформы или революция? С. 131–145; *Fitzpatrick Sh.* The Russian Revolution; *Galili Z.* The Menshevik Leaders in the Russian Revolution: Social Realities and Political Strategies. Princeton NJ: Princeton University Press, 1989; *Koenker D. P.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981; *Koenker D. P., Rosenberg W. G.* Strikes and Revolutions in Russia, 1917. Princeton NJ: Princeton University Press, 1989; Party, State, and Society in the Russian Civil War: Exploration in Social History/D. P. Koenker, W. G. Rosenberg, R. G. Suny (eds.). Bloomington: Indiana University Press, 1989; *Mandel D.* The Petrograd Workers and the Old Regime; Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power. 2 vols. New York: St. Martin's Press, 1983; *Rabinovitch A.* The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. New York: W. W. Norton, 1976; *Raleigh D. J.* (1) Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov. 1917–1922. Princeton NJ: Princeton University Press, 2003; (2) Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1986; *Rosenberg W. G.* (1) Liberals in the Russian Revolution: Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton NJ: Princeton University Press, 1974; (2) Russian Labor and Bolshevik Power: Social Dimensions of Protest after October//The Russian Revolution: The Essential Readings/Martin A. Miller (ed.). Malden, MA: Blackwell Publishers, 2001. P. 149–179; *Smith S. A.* Red Petrograd: Revolutions at the Factories. New York: Cambridge University Press, 1983; *Suny R. G.* (1) Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and its Critics//Russian Revolution. 1994. Vol. 53. No 2. P. 165–182; (2) The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton NJ: Princeton University Press, 1972; (3) Towards a Social History of the October Revolution//The American Historical Review. 1983. Vol. 88. No. 1; *Wildman A.* The End of the Russian Imperial Army. Princeton NJ: Princeton University Press, 1980, 1987. 2 vols. Постмодернисты согласны, что роль народных масс была значительна, хотя отрицают неизбежность революция. См. например: *Kotkin St.* 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytical Frameworks//Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. No. 3. P. 397–398.
368. *Штомпка П.* Социология. С. 559–572.
369. Словарь русского языка/А. П. Евгеньева (ред.): В 4 т. 3-е изд. М., 1988. Т. 4. С. 267.
370. *Старцев В. И.* Стихийность и организованность в Февральском восстании 1917 г. в Петрограде//80 лет революции 1917 г. в России: Республиканская научная конференция. Санкт-Петербург, 11–12 марта 1997 г. /Г. Л. Соболев, В. И. Старцев (ред.). СПб., 1997. С. 25–26.
371. *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция. С. 377.
372. *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия. С. 108; *Знаменский О. Н.* Советские историки о соотношении стихийности и организованности в Февральской революции//Свержение самодержавия: Сб. статей/И. И. Минц (ред.). М., 1970. С. 283–285.
373. Обвинение в сексуальной развращенности особенно вредило репутации монарха в глазах простого народа: *Варфоломеев Ю. В.* Слухи о царской измене в контексте «политической порнографии» России накануне Февральской революции//Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения, вып. 2. С. 74–78; *Колоницкий Б. И.* К изучению механизмов десакрализации монархии: Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны//Историк и революция: Сб. статей к 70-летию Олега Николаевича Знаменского/Н. Н. Смирнов (ред.). СПб., 1999. С. 72–86; *Figes O.* A People's Tragedy. P. 353.
374. *Колоницкий Б. И.* (1) «Слабый царь» и «царь-дурак»: Николай II в антидинастических слухах эпохи Первой мировой войны//Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2008: Революционный терроризм и русская революция? В. Н. Плешков, М. Н. Толстой (ред.). СПб., 2008. С. 93–126; (2) Трагическая эротика. С. 194–240, 319–326,

352–374; *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты. С. 104–105; *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 109–112.

375. *Колоницкий Б. И.* «Слабый царь». С. 104. Интересно отметить, что при растущем неприятии личности Николая II монархическая традиция в России оставалась сильной: Харитонов В. Л. Февральская революция в России (попытка многомерного подхода)//Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 19. См. также: *Лобачева Г. В.* Самодержец и Россия: Образ царя в массовом сознании россиян. Саратов, 1999.
376. В современной историографии все больше внимания начинает уделяться пропагандистской машине. Например, взрыв патриотизма в начале войны Д. Хосткинг объясняет мощной пропагандистской кампанией, организованной именно российской прессой и энергичной активностью добровольцев: *Хоскинг Дж.* Россия и русские: В 2 кн. М., 2003. Т. 2. С. 58. Влияние пропаганды и революционного языка на сознание исследовано в ряде интересных работ: *Kenez P.* Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985; *Raleigh D.* Languages of the Power. P. 320–349. См. также: *Аннин Г. П.* Пропагандистская работа большевиков Центральной России после свержения царизма//Проблемы социально-политической истории Центрального Нечерноземья. Тверь, 1993; *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 83–86. В. И. Старцев, А. Б. Николаев и другие исследователи отмечают, какой огромный вклад в подготовку Февраля, в идеологическое воздействие на массы внесли периодическая печать, общественные организации и Государственная дума. Именно они способствовали созданию атмосферы всеобщей вражды к царю и царице, общенародного недовольства, что хотя бы на время объединяло различные классы и слои общества, придавало революции общенациональный характер. *Старцев В. И.* Стихийность и организованность. С. 22–26; *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. 2-е изд. СПб., 2005. С. 589–592.
377. *Милюков П. Н.* История второй русской революции. С. 35.
378. *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту: Заговоры перед революцией 1917 года. М., 2003. С. 38.
379. Метаморфозы массового сознания крестьян в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. обобщены в двух недавних монографиях: *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты. С. 68–116; *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 35–47, 179–220. См также: *Бухараев В. М., Люкшин Д. И.* Крестьяне России в 1917 г.: Пиррова победа общинной революции//1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция; *Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965; *Люкшин Д. И.* Вторая русская смута: Крестьянское измерение. М., 2006; *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Сухова О. А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008; *Телицын В. Л.* «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003; *Тютюкин С. В.* Первая мировая война и революционный процесс в России: (роль национально-патриотического фактора)//Первая мировая война: Пролог XX века/В. Л. Мальков (ред.). М., 1998; *Щербинина Т. Г.* Крестьянство и революция 1917 г.: Современные тенденции изучения//Жизнь в истории. К столетию со дня рождения И. М. Разгона/Э. И. Черняк (ред.). Томск, 2006.
380. Радикальные перемены в настроениях, представлениях и самоидентификации рабочих под влиянием пропаганды, экономической и политической конъюнктуры в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. обобщены в: *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты. С. 117–174; *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 31–35, 141–179. См. также: *Соболев Г. Л.* Пролетарский авангард в 1917 году: революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993. С. 27, 259; Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. Английский историк Х. Ян считает, что патриотические настроения были присущи рабочим в течение всей войны, но «патриотизм в простонародной среде не создал единой адекватной концепции, способной оправдать существующее государство или, тем более, саму войну»: *Ян Х. Ф.* Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война//Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 379–396; см. также: *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 374–377. Среди крестьянства патриотические настроения были сильны вплоть до февраля 1917 г.: *Белова И. Б.* Первая мировая война. С. 221–234; *Борщукова Е. Д.* Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

381. Социально-антропологический взгляд на солдатскую проблему см.: *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты. С. 191–214; *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 54–63, 220–266. «Человеку с ружьем» посвящено много работ, но в большинстве они касаются периода от февраля до начала 1918 г.: *Андреев А. М.* Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975; *Диунов М. Ю.* Тыловые гарнизоны русской армии в 1917 году: (По материалам губерний Верхнего Поволжья). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999; *Жилин А. П.* К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. //Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 127–165; *Ильюхов А. А.* Роль солдат в революции 1917 г., или кто «делал» революцию в Смоленской губернии//Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; *Капшуков С. Г.* Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны (1914 г. — март 1917 г.). М., 1957; *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победы Октября. Л., 1985; *Френкин М.* (1) Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии: Подготовка и проведение Октябрьского мятежа 1917–1918 гг. Иерусалим, 1982; (2) Русская армия и революция: 1917–1918. Мюнхен, 1978; *Цетлин Р. С.* В борьбе за солдатские массы (Большевики и их политические противники в тыловых военных округах Восточной России в мирный период развития революции). Казань, 1987; *Якупов Н. М.* Революция и мир: (Солдатские массы против империалистической войны: Март 1917 — март 1918 г.). М., 1980.
382. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты. С. 260–265; *Архипов И. Л.* Российская политическая элита в феврале 1917: Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С. 38–56.
383. «Начавшиеся в столице 23 февраля 1917 г. выступления рабочих носили “самопроизвольный” характер, поскольку ни одна рабочая организация или политическая партия не только не “назначила” на этот день революции, но и не предполагала, что намеченные на этот день митинги и манифестации положат начало Февральской революции»: *Соболев Г. Л.* Февральское восстание рабочих и солдат в Петрограде: психология коллективного поведения в экстремальных условиях//80 лет революции 1917 г. в России. С. 4. По мнению Н. Н. Смирнова, февральские события стали неожиданностью для всех, кто играл главные и второстепенные роли на российской политической сцене: *Смирнов Н. Н.* Российская революция. С. 202.
384. Цит. по: *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 25.
385. *Суханов Н. Н.* Записки революционера: В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 67.
386. *Мельгунов С. П.* Мартовские дни. С. 26–27.
387. *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 1. С. 157–158, 160, 164.
388. *Ленин В. И.* ПСС. 5-е изд. Т. 44. М., 1970. С. 29.
389. Там же. Т. 1. С. 166.
390. Цит. по: *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 1. С. 163.
391. Там же. Т. 1. С. 164.
392. *Мельгунов С. П.* Мартовские дни. С. 28–29.
393. Там же. С. 8. 25–29, 48.
394. *Маклаков В. А.* Вторая Государственная Дума: (Воспоминания современника). London: OPI, 1991. С. 351.
395. В марксистской историографии общим местом являлось утверждение, что партия большевиков систематически и последовательно готовила массы к революционному перевороту, и в то же время доказывалась стихийность Февраля, в отличие от Октября: История СССР: В 12 т. Т. 4/А. Л. Сидоров (ред.). М., 1968. С. 623–624, 629–630; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917. Л., 1967. С. 304.
396. *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 105–107.
397. Вот как описывает А. П. Балк в своем дневнике начало Февральской революции, 23 февраля, когда в международный день работниц в Петрограде была организована демонстрация: «В 10 часов утра стал получать по телефону сведения об оживленном движении на Литейном и Троицком мостах, а также по Литейной ул. и Невскому проспекту. Движение это необычное — *умышленное* (курсив мой. — *Б. М.*). Притягательные пункты: Знаменская площадь, Невский, Городская дума. В публике много дам, еще больше баб, учащейся молодежи и сравнительно с прежними выступлениями мало рабочих. <...> Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам, оживленно разговаривала, смеялась и часам к двум стали слышны заунывные подавленные голоса: хлеба, хлеба... И так продолжалось весь день всюду. Толпа как бы стонала: “хлеба, хлеба”. Причем лица оживленные, веселые и, по-видимому, довольные остроумной, как им казалось, выдумкой протеста. <...> Причина народного движения — непонятна. Ни Департамент полиции, ни Охранное отделение на мои запросы не могли указать мотивы выступления. <...> Не исключалась случай-

ность. Хорошая погода тоже сыграла роль (солнце, полное безветрие, легкий морозец. — *Б. М.*). Голода не было. Достать можно было все. К хвостам привыкли. Хлеб, вкусный и питательный, выдавался по полтора фунта (614 г. — *Б. М.*), рабочим и войскам — по два (819 г. — *Б. М.*). У многих была припасена мука, сухари. <...> Вопрос о наступающем голоде был раздут самой же публикой, к сожалению, не без участия интеллигенции, и получилась общая паника, вынесенная кем-то на улицу, а затем хождение и вопли: "хлеба, хлеба [!]"; очевидно, всем нравилось: было приятное занятие ставить полицию в глупое и смешное положение. И таким образом многие, вполне лояльные люди, а в особенности молодежь, бессознательно подготовляли кровавые события, разыгравшиеся в последующие дни...». Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка. С. 26–28.

398. *Милюков П. Н.* История второй русской революции. С. 37, 39.
399. А. И. Гучков рассказывает...//Вопросы истории». 1991. № 7/8. С. 205–206.
400. *Кобылин В. С.* Анатомия измены: Истоки антимонархического заговора. СПб, 2005.
401. *Старцев В. И.* Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 150. См. также: *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту: (Заговоры перед революцией 1917 г.), Париж, 1931; *Кобылин В. С.* Анатомия измены: Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев: истоки антимонархического заговора. 2-е изд. СПб., 2007.
402. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписки). СПб., 1999. С. 454.
403. Историографию данного вопроса см.: *Знаменский О. Н.* Советские историки. С. 283–295; *Ганелин Р. Ш.* О происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде//Проблемы всемирной истории. Сборник статей в честь А. А. Фурсенко/Б. В. Ананьич (ред.). СПб., 2000. С. 172–179; *Longley D. A.* Jakovlev's Question, or the Historiography of the Problem of Spontaneity and Leadership in the Russian Revolution of February 1917//Revolution in Russia: Reassessment of 1917. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992. P. 365–387.
404. *Знаменский О. Н.* Советские историки. С. 283–289.
405. *Бурджалов Э. Н.* (1) О тактике большевиков в марте-апреле 1917 г. //Вопросы истории. 1956. № 4. С. 38–56; (2) Вторая русская революция. Восстание в Петрограде.
406. *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия. С. 101–108.
407. *Melancon M.* Rethinking Russia's February Revolution: Anonymous Spontaneity or Socialist Agency? Pittsburgh, 2000. P. 30–36.
408. *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 1. С. 152–166 (Кто руководил Февральской революцией).
409. *Хасегава Ц.* Февральская революция: консенсус исследователей?//1917 г. в судьбах России и мира: Февральская революция. С. 9; *Hasegawa T.* February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle: University of Washington Press 1981. P. 133–134.
410. Цит. по: Буржуазная историография Февральской революции в России: Реферативный сборник. М., 1974. С. 305–306. См. также: *Хасегава Ц.* Февральская революция. С. 103–104; *Hasegawa T.* February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle: University of Washington Press 1981. P. 133–134, 584, 611–632.
411. *Сафонов М. М.* Ложь и правда об отречении Николая II//Между двух революций 1905–1917: Источники, исследования, историография. Нестор. № 3. СПб., 2005. С. 215–272.
412. *Черняев В. Ю.* Демократические революции. С. 153.
413. *Брачев В. С.* «Победоносный февраль» 1917 года: масонский след//Брачев В. С., Шубин А. В. Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007; *Кобылин В.* Анатомия измены: Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. СПб., 1998; *Платонов О. А.* Покушение на русское царство. М., 2004; *Старцев В. И.* Тайны русских масонов: Русское политическое масонство начала XX в. 3-е изд. СПб., 2001. С. 129; *Яковлев Н. Н.* 1 августа 1914. М., 1993; и другие работы.
414. *Катков Г. М.* Февральская революция; *Хереш Э.* Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2004; *Трауптман Й., Шиссер Г.* Русская рулетка: Немецкие деньги для русской революции. М., 2004; *Бьеркегрен Х.* Скандинавский транзит: Российские революционеры в Скандинавии: 1906–1917. М., 2007; *Земан З., Шарлау У.* Кредит на революцию.
415. *Николаев А. Б.* Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории. Рязань, 2002. С. 39–67, 247–250. Важная роль Государственной Думы в февральских событиях неоднократно отмечалась исследователями: Там же. С. 9–23. Однако именно Николаеву удалось наиболее убедительно доказать это в своей монографии: *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. 2-е изд. СПб., 2005.
416. *Николаев А. Б.* Революция и власть. С. 592.

417. *Хереш Э.* Купленная революция. С. 102–134; *Сикорский Е. А.* Деньги на революцию. С. 203–282.
418. *Куликов С. В.* (1) «Революции неизменно идут сверху...». С. 117–185; (2) Центральный военно-промышленный комитет. С. 69–90.
419. *Куликов С. В.* Центральный военно-промышленный комитет. С. 83–84.
420. В 1909–1910 гг., по мнению ряда исследователей, была создана масонская организация Верховный Совет Великого Востока народов России с целью координации натиска либералов и социалистов на власть. Во время войны Комитет согласовывал действия оппозиции, направленные на свержение монархии. По словам масонки Е. Д. Кусковой, «к Февральской революции ложами была покрыта вся Россия». А. Ф. Керенский состоял ее генеральным секретарем; в нее входили октябрист А. И. Гучков, левый кадет Н. В. Некрасов, прогрессисты А. И. Коновалов и М. А. Караулов, меньшевики Н. С. Чхеидзе и М. И. Скобелев (первый являлся председателем Петроградского Совета, второй — его заместителем) и многие другие влиятельные политики предреволюционной поры. По утверждению масона Н. Д. Кандаурова, накануне февральских событий ложи Совета составляли списки лиц, годных для новой администрации, и руководили революционным движением. В трех кабинетах Временного правительства масоны преобладали и определяли основное направление его политики. Верховный Совет руководствовался принципом надпартийной коалиции, что позволяло «найти равнодействующую для сотрудничества торгово-промышленных кругов и трудящихся на благо укрепления буржуазно-демократического строя и реформирования России»: *Черняев В. Ю.* Гибель думской монархии. С. 645, 652–654, 665. Самый полный обзор источников и точек зрения, высказанных по этой проблеме в исторической литературе: *Брачев В. С.* «Победоносный февраль» 1917 года: масонский след.
421. *Гучков А. И.* Речь военного и морского министра, председателя ЦВПК А. И. Гучкова//Отчет о торжественном заседании Центрального военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917. С. 17, 18.
422. *Мельгунов С. П.* Мартовские дни. С. 27.
423. *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 1. С. 24.
424. *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 2. С. 335, 562. В Петрограде выборы происходили 27 мая — 3 июня 1917 г.
425. Согласно одной гипотезе, Милюков впоследствии свое мнение о нецелесообразности использовать революционное движение масс в качестве рычага для достижения своих политических целей изменил. Об этом свидетельствует приписываемое ему письмо к видному деятелю кадетской партии П. Долгорукову, написанное в августе 1917 г. В нем Милюков признает намерение кадетов воспользоваться трудными военными обстоятельствами, чтобы захватить власть: «Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала войны, вы знаете также, что наша армия должна была перейти в наступление (весной 1917 года), результаты коего в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать свое согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть мое внутреннее состояние в настоящее время. История проклянет вождей, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю». Письмо, хранящееся в фонде Милюкова в Государственном архиве Российской Федерации, опубликовано: *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917 гг. М., 1990. С. 250. То же самое письмо было опубликовано в эмигрантском журнале «Вестник первопоходника» (1963. № 27) как письмо Милюкова кн. П. Долгорукову, и писателем Н. М. Коняевым (*Коняев Н. М.* Гибель красных моисеев: Начало террора: 1918 год. М., 2004. С. 43–45) как письмо Милюкова к И. В. Ревенко. Коняев нашел его в Архиве Федеральной службы безопасности г. С.-Петербурга: Дело «Каморры народной расправы». Т. 3, конверт с изъятыми у И. В. Ревенко письмами. Подлинность письма Милюкова у одних вызывает сомнения, другие, как и Поликарпов, считают его подлинным: *Лавров В. М.* Революцию спровоцировала война//Февральская революция 1917 года в российской истории. С. 4–5. Известный историк и очевидец революционных событий С. П. Мельгунов полагает, что Милюков «был в действительности очень далек от мысли о возможности близкой революции. Угроза “революции” для него была только средством воздействия на власти и отчасти на своих единомышленников, которые, по выражению информаторов Департамента полиции, испытывали непомерный страх перед революцией»: *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 г.). Париж, 1979. С. 80.
426. *Куликов С. В.* (1) «Революции неизменно идут сверху...». С. 162–163; (2) Центральный военно-промышленный комитет. С. 84.
427. *Николаев А. Б.* Государственная дума. С. 30–31, 35, 98, 163, 248, 252.

428. *Куликов С. В.* «Революции неизменно идут сверху...». С. 117–185.
429. Либеральный этос бюрократической элиты показан со всей очевидностью в кн.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
430. Цит. по: Кризис самодержавия в России: 1895–1917/В. С. Дякин (ред.). Л., 1984. С. 93.
431. *Ананьич Б. В.* И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007. С. 86.
432. *Толстой И. И.* Дневник. Т. 1. 1906–1909. С. 182.
433. *Мельгунов С. П.* Мартовские дни. С. 103–104; *Мартынов Е. И.* Царская армия. С. 134.
434. *Бабкин М. А.* (1) Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007; (2) Священство и царство (Россия начала XX в. — 1918 г.): Исследования и материалы. М., 2011. С. 593–607; Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви)/Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. 2-е изд. М., 2008.
435. *Селюнин В., Ханин Г.* Лукавая цифра//Новый мир, 1987. № 2. С. 190.
436. *Грегори П.* Экономический рост. С. 22–23, 61–62.
437. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2005. С. 123.
438. *Маркс К.* Капитал//Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 772–773.
439. *Волков Ю. Г.* и др. Социология. С. 464.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискурс о кризисе позднеимперской России

В русской общественной мысли в ходе длительного дискурса была сформулирована концепция, согласно которой Россия второй половины XIX — начала XX в. находилась в состоянии перманентного общего, или системного, кризиса. В марксистской историографии концепция нередко применялась к первой половине XIX в. и даже к XVIII в. Когда говорят о *системном кризисе*, то, как правило, имеют в виду несостоятельность и нежизнеспособность общественной системы в целом — в политическом, экономическом и социальном отношениях, несоответствие возможностей системы потребностям общества, неспособность совершенствоваться, приспосабливаясь к изменяющимся условиям жизни, и обеспечивать повышение благосостояние населения ввиду исчерпанности источников развития. Как утверждают сторонники концепции общего кризиса применительно к концу XIX — начала XX в.: «Самодержавный режим прогнил до такой степени, что оказался неспособным не только осуществить, но даже выработать план своего спасения»[1].

Концепция кризиса, несмотря на несоответствие фактам, удерживалась в историографии в качестве доминирующей более столетия и до сих пор у нее немало сторонников. Имеется чисто научная причина этой парадоксальной ситуации: концепция превратилась в научную *парадигму* в значении, придаваемом этому понятию в социологии знания, т. е. в своего рода теорию и способ поведения в науке, в образец решения исследовательских задач в соответствии с определенными правилами, в готовый и почти обязательный алгоритм исследования. Императивность парадигмы поддерживается общим мнением научного сообщества. Если исследователь идентифицирует себя с ним, он должен ее придерживаться, иначе будет в нем белой вороной, более того — рискует вообще быть исторгнутым из него. Поэтому парадигма обладает огромной силой инерции. В рамках парадигмы кризиса анализировалось развитие российского общества и происходило *конструирование социальной реальности*, ибо для преобладающего большинства историков, тем более для тех, кто специально не занимался соци-

ально-экономическим и политическим развитием России в конце XIX — начале XX в., парадигма являлась фоновым знанием, молчаливо принимаемым на веру как аксиома. «Разве не всем решительно было известно, — указывал в воспоминаниях крупный чиновник и известный общественный деятель начала XX в. В. И. Гурко, — что в диссертации на ученую степень немыслимо было проводить сколько-нибудь политические консервативные взгляды, а что для успеха необходимо было снабдить ее какой-нибудь критикой существующего строя, хотя бы указанием во вступительной части на те трудности, с которыми сопряжено в самодержавной России изучение какого бы то ни было вопроса, хотя бы дело шло об изучении строения комариного жала»[2].

Длительное существование в общественной мысли концепции кризиса обусловливалось также тем, что она *выполняла важные социальные функции*. В позднеимперский период она служила цели дискредитации самодержавия, оправдания существующего освободительного движения, политического террора и революции, цели мобилизации населения на борьбу за реформы и свержение монархии, тем самым способствовала развитию гражданского общества. Велика была роль парадигмы в вопросе позиционирования и идентификации интеллигенции как самой прогрессивной социальной группы российского общества, самоотверженно и бескорыстно борющейся за политические и социальные реформы, обеспечивающие счастье народа, в первую очередь — крестьян как бедных и отсталых, униженных и оскорбленных, нуждающихся в поддержке, представительстве, защите и руководстве. Одна часть интеллигенции и созданные ею политические партии либерально-демократического направления, прежде всего кадеты, считали, что роль представителя и руководителя крестьянства принадлежит им. Другая же часть интеллигенции и ее партии социалистического направления (прежде всего эсеры и большевики) выдвигали на эту роль себя и «передовой рабочий класс». Культурная и политическая дискриминация крестьян служила способом самоидентификации и самоутверждения интеллигенции и средством установления контроля над крестьянами, позволяла руководить их жизнью, направлять их поведение и помогала самой интеллигенции реализовать свои политические интересы.

В советское время парадигма кризиса служила целям оправдания прошлого освободительного движения, октябрьских революционных событий и всего, что за ними последовало, — гражданской войны, установления и существования советской власти, террора против «врагов народа». Между прочим, ту же функцию оправдания выполняли и мифологемы, долгое время являвшиеся парадигмой в изучении Великой французской революции, которые выводили ее происхождение из системного кризиса, чрезмерной эксплуатации и обнищания населения, чего на самом деле не было[3]. Концепция кризиса имела идеологическое значение, якобы подтверждая истинность марксизма, причем в его наиболее вульгарной, ленинско-сталинской интерпретации. Впрочем, и в форме мифологемы она соответствовала марксистскому взгляду на социально-экономическую историю, хорошо укладывалась в схему смены феодальной формации на капиталистическую, а капиталистической — на коммунистическую, и именно потому вошла в обобщающие работы и учебники по общей и экономической истории СССР. Историки, не разделявшие парадигму, были поставлены в тяжелое положение: опровергать парадигму означало стать в научном сообществе изгоем, защищать ее — идти против научной совести.

Когнитивный диссонанс: стереотипы как средство защиты от интеллектуального дискомфорта

Среди факторов, обусловливающих устойчивость исторических представлений, важное место принадлежит установкам, или стереотипам. Значение их двойственно. С одной стороны, они препятствуют утверждению неадекватных концепций в науке, с другой — мешают новым взглядам в нее проникнуть. Теория когнитивного диссонанса утверждает: факты игнорируются, если они противоречат установкам; люди стараются избегать информации, противоречащей или вступающей в диссонанс с их точкой зрения, отдавая предпочтение той, которая соответствует и поддерживает их собственные подходы, и таким образом сохраняют внутреннюю гармонию и психологический комфорт[4]. Всех нас долго убеждали в необходимости, неизбежности, закономерности и благодетельности русских революций; мы в это по-настоящему поверили и теперь воспринимаем как аксиому. А аксиома и есть установка, или стереотип. Она влияет на наше восприятие любой информации. Мы «регулируем» свое мышление, чтобы уменьшить противоречия в своей картине мира и минимизировать конфликт внутри себя. Стереотипы, таким образом, являются средством защиты от когнитивного диссонанса, т. е. от дискомфорта в мыслях и чувствах.

Своим студентам-историкам я предлагаю дать социальную интерпретацию какой-нибудь жанровой картины XIX — начала XX века. Вот несколько примеров. Их число легко умножить.

Александра Х., 3-й курс, 25.05.2009. «В картине А. И. Корзухина "Возвращение с сельской ярмарки" мы видим деревенских людей, идущих с сельской ярмарки. На первом плане художник изобразил трех мужиков, один из которых весел и как будто хвастается новыми сапогами, играя на балалайке; второй тоже выглядит радостным, а третий плетется в хвосте группы с опечаленным видом, смотря лишь себе под ноги. Три центральных персонажа картины — друзья, на первый взгляд. Но настоящие ли?

Корзухин А. И. Возвращение с сельской ярмарки. 1868 г. ГТГ

Те, кому ярмарка была выгодна, радуются своим покупкам или заработанным деньгам, совсем не обращая внимания на своего товарища, для которого мероприятие, очевидно, стало убыточным: он идет с грустным видом, повесив голову. Его приятели совершенно не замечают чужого горя и упиваются своим счастьем. Так автор ставит перед зрителем проблему настоящей дружбы. Из этого аспекта вытекает еще одна проблема: социального статуса и непреодолимой пропасти между представителями разных материальных групп. Веселые мужики, очевидно, кулаки или во всяком случае довольно богатые люди. Им не понять горя товарища хотя бы потому, что никогда не сталкивались с подобной проблемой».

Анна Х., 3-й курс, 8.05.2008. «На картине С. Я. Кишиневского ”Прошение” представлена сцена из повседневной жизни того времени. Простая крестьянская женщина приходит в некое сельское учреждение с прошением, которое должно быть подписано неким чиновником.

Женщина одета очень бедно. По всей ее внешности заметна усталость и некоторая разочарованность. Для человека уже нет надежды на лучшее будущее. Жизнь для этой женщины становится непосильной тяжестью, но она продолжает бороться не ради себя, а ради своих детей. Чиновник, подписывающий ее прошение, весьма безразличен к трудностям, которые испытывает женщина».

Кишиневский С. Я. Прошение. 1889 г. ГТГ

Юлия Х., 1-й курс, 16.04.2008. «В картине А. Л. Ржевской “Веселая минутка” видно, насколько сложен и тяжек труд русского крестьянина, и лишь на минутку забыта усталость. Безыскусственное веселье царит в убогой избе, и зимнее солнце яркими лучами освещает эту сцену: русский труженик пытается на мгновение уйти в забытье, подальше от насущных, жизненных проблем, которыми была наполнена жизнь крестьянства. На картине представлено как бы три возраста: малыш, подросток и старик. Все они принадлежат к одной социальной группе, к крестьянству. Находясь в хорошем расположении духа, они беспечно веселятся, стараясь забыться, уйти от своих житейских проблем. Каждым героем, изображенным на картине,

существующие жизненные реалии воспринимаются по-разному.

Старик-мастер полностью осознает свое трудное положение, и эта кратковременная "веселая минутка" — способ на мгновение забыть обо всем; его ученик и помощник еще совсем юн, но ему, очевидно, уже знаком тяжкий крестьянский труд. Единственный герой данной картины, который, вероятно, еще не посвящен в жизненные проблемы,— это маленький мальчик, который лихо отплясывает вместе с дедом. Однако очевидно, что через некоторое время и мальчика ожидает та же участь пахаря и труженика, что и его деда».

Ржевская А.Л. Веселая минутка. 1897 г. ГТГ

Увидеть в этих картинах нищету, безысходность, эксплуатацию, отчаяние можно только в том случае, если голова натренирована на соответствующее восприятие и наполнена соответствующими установками. Действительно, школьников до сих пор именно этому учат, и поэтому именно так они и думают[5]. Не случайно столь «глубокий» анализ картин сделали не худшие студенты, а скорее отличники, причем они рассчитывали на высокие оценки.

Картины в данном случае выступают в роли «пятен Роршаха», используемых в знаменитом психодиагностическом тесте швейцарского психолога Германа Роршаха. Испытуемому предлагается дать интерпретацию десяти симметричных относительно вертикальной оси чернильных клякс. Каждая такая фигура служит стимулом для свободных ассоциаций — испытуемый должен назвать любые возникающие у него слово, образ или идею. На основе сделанной интерпретации психолог делает заключение о личностных особенностях испытуемого. Тест основан на предположении: что́ индивид «видит» в кляксе, определяется особенностями его собственной личности[6].

Искаженное восприятие под влиянием стереотипов свойственно в одинаковой степени детям и взрослым, неграмотным и образованным, дилетантам и ученым. Напомню три замечательных по наглядности примера когнитивного диссонанса, рассмотренных в главе 10.6. В 1903 г. профессиональные экономисты и статистики, привлеченные в качестве экспертов в Комиссию по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения, установили по имеющимся статистическим данным существенный рост урожайности за 40 лет после отмены крепостного права — на 38,7% у озимых и 37% у яровых хлебов. Однако это входило в противоречие с их верой в кризис деревни. Чтобы выйти из положения, они объявили увеличение урожайности фиктивным, вызванным исключительно улучшением сбора урожайных сведений.

Второй пример. Эксперты обнаружили значительное увеличение вкладов и сбережений, сделанных крестьянами в 1880–1900 гг.— важное свидетельство

повышения уровня жизни. Однако, поскольку этот факт противоречил парадигме кризиса, они интерпретировали его иначе: якобы в 1880-е гг. из-за недостатка сберегательных касс крестьяне не имели возможности хранить деньги в банке, поэтому весь рост сбережений объясняется исключительно появлением такой возможности в 1890-е гг.

Третий пример. Эксперты определили: с 1861–1870 по 1891–1900 гг. количество ежегодно выдаваемых паспортов на тысячу человек увеличилось с 13,9 до 53,1, т.е. в 3,82 раза, причем по темпам роста числа отходников лидировали черноземные и северные губернии. Это указывало на существенный рост дохода крестьян от промысловой деятельности. Но важное явление диверсификации доходов оценено экспертами в рамках парадигмы упадка — как доказательство обеднения крестьян: якобы к отходничеству крестьяне обратились исключительно от плохой жизни, по причине обеднения. При этом никаких расчетов доходности крестьянского хозяйства не приведено.

Роль PR-кампаний в подготовке революции

Вследствие огромного влияния установок на восприятие и понимание действительности, соперничающие стороны прилагали много усилий, чтобы по возможности стереотипизировать массовое сознание в желательном для себя духе. И здесь необходимо подчеркнуть важность фактора, долгое время остававшегося в тени, — PR-кампании. Пиар как технология создания и внедрения в массовое сознание желательного образа объекта активно использовалась оппозицией, как, впрочем, и правящим классом. Но оппозиция оказалась удачливей и преуспела в создании отрицательного образа Николая II, Александры Федоровны и монархии в целом — у нее практически не осталось защитников. «За предшествующие (революции. — *Б.М.*) сорок лет русская интеллигентная мысль достигла одного весьма реального результата, — констатировал В.И. Гурко. — Она сумела внушить общественности, что всякая защита существующего строя совершенно недопустима. Монархия и беспросветная реакция были ею до такой степени отождествлены и соединены знаком равенства, что в глазах общественности они слились воедино»[7].

Недовольством всех социальных слоев, возникшим под влиянием тягот войны, в полной мере воспользовалась оппозиционная к существовавшему режиму либерально-демократическая общественность (новая элита, или контрэлита) в своих политических целях. Последние состояли в следующем: взять под свой контроль государственные структуры, участвовать в управлении государством, использовать публичную власть для решения государственных и общественных задач. Причем в массе своей общественность искренне верила, что положение народа ухудшалось, поскольку просто не допускала мысли о возможности прогресса при «самодержавном» режиме, а только ожидала от него, как говорил П.Н. Милюков в Государственной думе в 1916 г., либо глупости, либо измены. Американский историк М.К. Стокдэйл с иронией заметила: «Страстная пропаганда либералов сыграла с ними злую шутку». Призывы к неустанной практической работе во имя победы светлого будущего, которое непременно настанет после войны и в котором не будет места самодержавию, помогли накоплению ожиданий перемен в обществе, преждевременно реализованных Февральской революцией[8]. Таким образом, в данном случае речь идет не о фальсификации

данных, а об идеологической аберрации — мы сталкиваемся с типичным примером нечувствительности к новой информации под влиянием установки. Убежденность в кризисе самодержавия, вследствие его якобы фатальной неспособности к прогрессивному развитию, была столь прочной и непогрешимой, что все ей противоречившее просто не воспринималось. Эта граничащая с верой убежденность в несостоятельности царского режима появилась в ходе продолжительного и интенсивного дискурса в науке, публицистике и беллетристике, завершившегося выводом о кризисе России в последней трети XIX — начале XX в. Политическое поведение общественности можно считать социальным последствием этого дискурса. Наш случай наглядно иллюстрирует эффективность подхода, не вполне справедливо ассоциируемого исключительно с постмодернизмом[9]. В соответствии с ним исследователь сам конструирует социальный мир и изобретает общество; прошлое является не зафиксированной в источниках объективной реальностью, которая должна быть бесстрастно описана, а создается им в ходе интерпретации сохранившихся текстов[10]. По моему мнению, именно дискурс интеллигенции специфическим образом сконструировал представление (находившееся в противоречии с фактами) о российском социуме конца XIX — начала XX в. как пребывающем в состоянии общего, или системного, кризиса. *«Кризис самодержавия» — это политический «проект», созданный для изменения существующего строя.*

В политической борьбе за влияние над избирателями демократическая и либеральная оппозиция, как и ее оппоненты из правительственного лагеря, а после 1905 г. — из проправительственных партий, использовали все доступные средства, что является нормой политической борьбы во всех демократических странах. В частности, кризисный, упадочный имидж России в конце XIX — начале XX в. создавался кадетской, эсеровской и социал-демократической партиями намеренно, с целью дискредитации своих политических противников в борьбе за власть[11]. Парадигма кризиса и пауперизации использовалась для пропаганды идей революции и осуждения монархии. Этот факт неоднократно отмечался исследователями[12]. Например, в монографии М. А. Давыдова приведено немало фактов сознательной и бессознательной подтасовки фактов относительно положения крестьянства. Так, А. И. Шингарев в своей прогремевшей на всю страну в 1907 г. работе «Вымирающая деревня» (СПб., 1907)[13] сильно сгустил краски; разговоры о страданиях народа как факте повседневной жизни носили спекулятивный характер; ученые заигрывали с оппозиционным по отношению к монархии общественным мнением в ущерб научному анализу современной экономической ситуации и т. п.[14] Действительно, с конца XIX в. либерально-демократическая общественность не пропускала ни одного случая, чтобы продемонстрировать несостоятельность своих политических противников и одновременно мобилизовать своих сторонников. Примером таких действий является мощная антиправительственная кампания, сопровождавшая неурожай и голод 1891–1892 гг. Все огромные бедствия общественность приписала аграрной политике правительства и его неспособности организовать надлежащую помощь пострадавшим губерниям, полностью игнорируя позитивную динамику урожайности и смертности в пореформенное время и достаточно эффективную деятельность коронной администрации по преодолению последствий неурожая[15].

Опыт антиправительственной кампании 1891–1892 гг. оппозиционная общественность взяла на вооружение и использовала в дальнейшем, например в 1906–1907 гг., когда произошел недород 1906 г. Известный ученый и крупный чиновник, занимавший ответственные посты, в том числе управляющего Министерства государственных имуществ, А. С. Ермолов продемонстрировал, как пресса в 1906–1907 гг. раздувала проблему неурожая и преувеличивала его последствия с целью опорочить правительственную продовольственную помощь: печатались непроверенные слухи об убийствах и самоубийствах детей из-за голода, о продаже крестьянскими женщинами своих волос, чтобы купить голодающим детям хлеба, и продаже казанскими татарами своих дочерей на Северный Кавказ ради избавления их и себя от мук голодной смерти и т. п. «Нужда была, невзирая на все принятые меры, но тем не менее единичные случаи такой острой нужды, плохого питания, и часто даже полной нищеты отдельных крестьян, иногда целых даже селений и уездов — обобщать, распространять на весь пострадавший от неурожая район и на все поголовно население нельзя, как не следует вообще ничего преувеличивать»[16].

Современник описываемых событий и крупный экономист Н. П. Макаров констатировал в 1918 г.: «Нищета, забитость, вымирание, психическое притупление — вот как (очень ошибочно) народническая мысль все чаще начинала характеризовать русскую деревню. Это было даже нужно — так как казалось, что, говоря о нищете деревни, люди борются с ненавистным политическим строем; это было тупое оружие русской интеллигенции в ее руках против правительства. Почти преступно-официальным считалось и не разрешалось экономически-оптимистично смотреть на русскую деревню. Разговор о “прогрессивных течениях” в русской деревне звучал каким-то диссонансом в этом настроении; “надо удивляться, что оно живет и сохраняется при таких условиях” — почти в этих словах писалось тогда о крестьянском хозяйстве»[17].

Утверждение «виртуальных фактов» и создание искусственной «действительности» стали частью русской общественной жизни в начале XX в., а PR — ее неотъемлемым элементом. Радикально-либеральная элита предприняла грандиозные усилия по дискредитации монархии и пропаганде идей революции. С помощью четкого и продуманного общения с властями, поддержания связей со всеми социальными группами и умелой манипуляции общественным мнением она смогла завоевать общество и повести его за собой. Парадигмы кризиса и обнищания занимали важное место в этой агитации и пропаганде против монархии. Успех, сопутствовавший практически всем PR-кампаниям, продемонстрировал их колоссальные возможности в борьбе за власть, в которой общественность и в организационном, и в интеллектуальном плане оказалась гораздо сильнее своих противников из правительственного лагеря[18]. Она выиграла информационную войну и благодаря этому подготовила почву для захвата власти, а потом успешно его осуществила.

С точки зрения манипулирования массовым сознанием и поведением и с точки зрения высокой организации и активного вмешательства внешних сил, революции начала XX в. мало отличались от произошедших в конце XX — начале XXI в. на постсоветском пространстве так называемых «бархатных», «оранжевых», «розовых», «сиреневых», а также революций арабской весны начала 2010-х гг. Все их трудно называть *стихийными*. Однако по своим результатам и масштабу Русская

революция 1917 г. — настоящая великая революция: она стремилась перестроить мир на новых принципах, оказавшихся, как показал опыт, утопическими и даже опасными при их воплощении в жизнь.

Революция в условиях экономического роста и благосостояния населения

Как следует из анализа, проведенного в настоящей монографии и в моей предыдущей книге «Социальная история России» (С.-Петербург, 2003), экономика, общество и государственность страны в течение всего имперского периода, особенно в пореформенное время, достаточно успешно развивались, хотя поступательное движение неоднократно прерывалось войнами, радикальными реформами или общественными смутами. Валовой национальный продукт на человека, продолжительность жизни и уровень грамотности увеличивались, благосостояние росло, государственность совершенствовалась, гражданское общество формировалось, а наука, литература и искусство давали образцы мирового значения. Россия не находилась в мальтузианской ловушке, что убедительно подтверждается всеобщим повышением уровня жизни, несмотря на чрезвычайно быстрый рост числа жителей. К российским реалиям не применимы ни классическая мальтузианская теория, ни ее новая версия в форме структурно-демографической концепции. Реалии не соответствуют принципиальным исходным условиям, которые постулируются теорией для ее приложения: *емкость экологической ниши в России не оставалась постоянной на протяжении XVIII–XX вв., а, напротив, благодаря колонизации плодородных земель постоянно увеличивалась, обгоняя прирост населения*. Более того, в длительной перспективе быстрый рост числа жителей являлся благом для России, так как позволил колонизовать огромные территории и стать великой державой с точки зрения числа жителей, ресурсов, военной и экономической мощи. Без 8-кратного увеличения территории и 35-кратного прироста числа жителей за 1550–1913 гг. Россия осталась бы небольшой и отсталой европейской страной, каковой она и была в действительности до XVI в., и каких-либо серьезных достижений в области экономики, науки, технологии и культуры ожидать от нее вряд ли приходилось бы.

Особо подчеркнем, что в последние 120 лет существования империи, 1795–1914 гг., благосостояние российских граждан — не только в узком материальном смысле — повысилось: кроме более высокого уровня жизни, непривилегированные социальные группы приобрели гражданские и политические права, доступ к благам цивилизации и многое другое, о чем шла речь выше. Классики теории модернизации совершенно справедливо рассматривают улучшение условий жизни в качестве главного критерия успешности модернизации[19], и мы вслед за ними должны признать модернизацию имперской России успешной, несмотря на все издержки. Это дает основания для исторического оптимизма, который тем более оправдан, что самых впечатляющих успехов Россия добилась в 1861–1914 гг. — после Великих реформ, в условиях рыночного хозяйства и относительной гражданской и экономической свободы. Примерно в таких обстоятельствах страна находится в настоящее время, и ей под силу повторить успех 150-летней давности — занять одно из первых мест в Европе по темпам экономического роста и общего развития и в течение длительного периода поддерживать их на должной высоте.

В ходе *непрерывной форсированной глобальной модернизации*, продолжавшейся с реформ Петра I до октября 1917 г., Россия органически вошла в мировую политическую и экономическую систему. Мы имеем полное основание говорить *о двухвековом гиперцикле в развитии страны*. Модернизация происходила отчасти спонтанно под влиянием внутренних потребностей и изменений в мире, но главным образом — целенаправленно: она поддерживалась правящим классом, направлялась и стимулировалась верховной властью, в своей политике ориентированной на передовые страны и стремившейся насколько возможно приблизить к ним Россию по уровню развития. Выдающаяся роль государства в процессе модернизации компенсировала не только недостаток инициативы со стороны народа, часто не понимавшего необходимости реформ и не желавшего их проводить, но и дефицит капитала, образования и культуры, и потому служила необходимым рычагом реформирования страны. Известный ученый и администратор конца XIX — начала XX в. А. С. Ермолов констатировал: «У нас, при известной косности, малой подвижности населения и отсутствии инициативы в среде даже наиболее интеллигентных классов, правительству приходится многое брать на себя, выступать инициатором в делах даже чисто хозяйственной жизни народа, которых правительству других стран нечего касаться. Всего труднее у нас рассчитывать на самопомощь, на умение населения собственными силами справиться с нуждою, — нужны не только правительственная опека, но даже правительственное начинание во всех без исключения сферах народной жизни, во всех отраслях народного труда. Принцип невмешательства, принцип *laisser faire*, всего менее может иметь применение именно у нас, где все надежды возлагаются на правительство, где все хорошее ожидается от него и где поэтому так склонны делать его ответственным и за все дурное»[20].

Активное участие государства в экономической, политической и социальной жизни стало российской традицией. И она будет жизнеспособной до тех пор, пока уровень общей и политической культуры населения будет низким, а гражданское общество — слабым. Сила и степень вмешательства государства в жизнь людей обратно пропорциональна силе гражданского общества. Но сила последнего не пропорциональна численности среднего класса. В 1905–1917 гг. средний класс в России составлял всего 5–7%, но он создал сильное гражданское общество, благодаря чему весь пореформенный период отмечен ослаблением государственных и усилением общественных структур[21]. В 1905 г. общественность добилась конституции, парламента и участия в законодательной деятельности, а в феврале 1917 г. свергла монархию и установила демократическую республику. В современной России доля среднего класса в населении страны (по разным оценкам) в 3–4 раза выше, однако его влияние и активность, наоборот, слабее, чем сто лет назад. При слабом гражданском обществе недостаток общественной активности по необходимости замещается деятельностью агентов государства, а власть общества — властью государственных структур. Но здесь возникает опасность, которую мало кому удается избежать, — любая общественная или государственная организация в отсутствие всестороннего контроля со стороны граждан неумолимо, в соответствии с «железным законом олигархии» Р. Михельса, превращается в неповоротливую, коррумпированную машину, обслуживающую интересы узкого круга лиц, забывающих о народе и его нуждах[22].

Революции на фоне бесспорных успехов модернизации — один из главных и принципиальных выводов книги. Он подтверждает адекватность теории модернизации при объяснении как истории России в период империи, так и происхождения русских революций. Теория утверждает: модернизация способствует росту социальной напряженности и конфликтности в обществе; чем быстрее и успешнее проходит модернизация, тем, как правило, выше конфликтность и социальная напряженность в обществе. В России, как и везде, именно высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали невиданные прежде проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в революции, а при благоразумии правящего класса и общественности могли бы благополучно разрешиться.

Об этих проблемах написаны тысячи книг и статей, поэтому они хорошо известны: аграрная, рабочая, национальная, социальная, значительное неравенство в обладании гражданскими и политическими правами, культурный раскол общества, низкий уровень жизни населения (несмотря на его повышение). Режим принимал практически все возможные меры, чтобы их решить, и в целом действовал в правильном направлении. Однако при имевшихся в то время экономических и финансовых ресурсах, низкой культуре населения, невысокой производительности труда пытаться решить проблемы быстро, как настаивала оппозиция, было авантюрой, что с очевидностью доказал советский эксперимент[23]. За немногими исключениями правительство выказывало крайнюю осторожность, преобразуя только то, что нельзя было не изменить, откладывая те реформы, до которых огромное большинство россиян еще не доросло, а временами даже отступая от уже проведенных, если они обгоняли общественные потребности и возможности. Напротив, лево-либеральная оппозиция стремилась к немедленным радикальным реформам, как минимум аналогичным проводимым на Западе: для крестьян — экспроприация частновладельческих земель, для рабочих — высокая зарплата, 8-часовой рабочий день и обширный социальный пакет услуг, для всех этносов — национальное равноправие, для всех граждан — полная ликвидация социального, экономического и политического неравенства. Гиперосторожное и благоразумное по большому счету государство и супернетерпеливая и неадекватная в своих требованиях оппозиция не находили взаимопонимания. Это мешало налаживанию сотрудничества между ними, в особенности между верховной властью и боевым радикальным крылом общественности, полагавшим, что только самодержавие сдерживает прогресс России.

И хотя в период империи развитие России проходило достаточно успешно, процесс модернизации даже при положительном балансе ее итогов порождал серьезные проблемы и имел ряд негативных последствий — появлялись различного рода диспропорции между городом и деревней, растущей индустрией и отстающим сельским хозяйством, традиционным и современным менталитетом, возникали противоречия между различными группами элит. Реальные достижения не оправдывали ожиданий; мечты обгоняли действительность; рождалось недовольство достигнутым. У соседей на Западе успехи были действительно бóльшими, но они казались неадекватно большими: как говорит пословица, «за чужим забором травка кажется зеленее». Объективные трудности модерни-

зации преувеличивались оппозицией, разжигалась ненависть к существующему режиму и правящей династии, которую во время Первой мировой войны голословно стали обвинять в государственной измене. В массовое сознание внедрялись идеи о нереформируемости самодержавия (хотя с 1905 г. Россия перестала быть самодержавным государством) и вследствие этого о неизбежности и благодетельности революции. Ее торопили, верили в ее очищающую силу. «Буря, скоро грянет буря», — писал буревестник революции Максим Горький, и передовая Россия, декламируя эти стихи, жаждала революции, возлагала на нее огромные надежды — как на умиротворение, наступающее в природе после грозы. Военные неудачи, особенно тяжелые во время Первой мировой войны, сыграли свою роковую роль, дав последний довод, *ultima ratio*, противникам монархии, чем они блестяще воспользовались.

Лидером, вдохновителем и организатором революционных действий выступила либерально-радикальная общественность, а народ вовлечен в них умелой агитацией и пропагандой по двум причинам: без народной поддержки общественность не имела сил низвергнуть монархию и удержаться у власти, участие народа обеспечивало легитимность свержения. При этом народ не являлся простой марионеткой в руках циничных политиков. Нельзя вывести на улицы сотни тысяч людей против их воли, их нужно было убедить в необходимости это сделать. У крестьян и рабочих имелись свои групповые интересы, которые они успешно решали с помощью интеллигенции. О. О. Грузенберг, известный юрист и общественный деятель, по долгу своей службы хорошо знавший жизнь, полагал, что «крестьянин — умница из умниц, но прикидывается дурачком»[24]. После свержения монархии народ буквально принуждал Временное правительство исполнять его волю. А когда Временное правительство попыталось уклониться от народного курса, его свергли. Организация и руководство революционными выступлениями со стороны либеральной и радикальной оппозиции не исключает также спонтанных проявлений народной инициативы — то, что обычно называется стихийностью. Однако без руководства народные движения превращаются в бунты, как правило, усмиряемые властью.

Размах же потрясений и последствий, вызванных революциями, готовность и степень участия в них народа обусловливались комплексом социальных, экономических и культурных проблем, которые при благоприятном стечении обстоятельств могли быть решены, на мой взгляд, мирным путем, без тяжелейших разрушений и миллионов жертв[25]. Теоретики модернизации совершенно определенно говорят о том же: революция — это не обязательный, а лишь один из возможных путей перемен в обществе[26].

Реально существовавшие социально-экономические проблемы являлись лишь предпосылками, или предварительными условиями, революции. У всякой революции есть также и причины, т. е. обстоятельства, непосредственно ее порождающие. По моему мнению, непосредственная причина революций заключалась *в борьбе за власть между разными группами элит*: контрэлита в лице лидеров либерально-радикальной общественности хотела сама руководить модернизационным процессом и на революционной волне отнять власть у старой элиты. В этом смысле революции начала XX в. обусловливались не столько социально-экономическими, сколько политическими факторами. Именно «передовая прогрессивная общественность» создала в стране атмосферу экономи-

ческого и политического кризиса, подготовила почву для революции и вывела народ на улицы в решающий момент, воспользовавшись недовольством, вызванным старыми, выше перечисленными проблемами, усугубленными бедствиями войны.

Уроки русских революций

Посмотрим на современную политическую ситуацию в стране, основываясь на опыте российских революций начала XX в.

В настоящее время у нас нет революционной ситуации, однако есть предпосылки для ее возникновения.

Передача власти от проигравших к победителям мирным легальным путем не стала традицией. В общественном мнении существуют серьезные сомнения относительно реальной возможности для мирного перехода власти от одной политической силы к другой. Широко распространено мнение, что выборы всегда фальсифицированы властями предержащими. Вследствие этого проигравшие никогда своего поражения не признают. Власть людей, пришедших к власти в ходе выборов, не является в глазах многих людей легитимной. Это лишает ее авторитета и престижа и дает основание для мыслей о насильственном ее устранении.

Циркуляция элит и ротация кадров на всех уровнях управления находится на низком уровне. Во всех сферах жизни руководящие должности нередко занимают бессменно по 15–20 и более лет. В обществе складывается убеждение: власть добровольно не отдадут, ее нужно брать силой.

Средний класс, как и сто лет назад, не чувствует себя не только хозяином жизни, но даже влиятельной силой в политике и обществе. Между тем революционная опасность со стороны белых воротничков несравненно больше, чем со стороны синих. Несмотря на свою малочисленность, именно средний класс выступил в авангарде движения против существовавшего режима в начале XX в.; такую же роль он выполняет и в настоящее время.

Политические лидеры дают обещания и неосмотрительно берут на себя обязательства, в принципе не выполнимые в обозримом будущем. Но многие им верят. Разочарование может быть жестоким.

Имущественное и социальное неравенство находится на недопустимом, с точки зрения огромного большинства населения, уровне: по оптимистическим оценкам, децильный коэффициент равен 16–17, а в столицах и крупных городах, которые обычно являются центрами протестных движений, — и того выше: в Москве, по разным оценкам, от 44–45 и выше. В западных странах коэффициент варьирует от 3–4 в Дании, Финляндии и Швеции до 5–7 в Германии, Австрии и Франции и до 15 в США. Толстосумы буквально травмируют народ показным потреблением.

Реальные и еще в большей степени виртуальные различия в уровне благосостояния россиян и западных соседей чрезмерно велики. Действительная и мнимая разница в доходах разжигает ощущение депривации, рождает недовольство достигнутым. Успехи соседей, как правило, кажутся неадекватно большими и преувеличиваются. При этом многие российские граждане ошибочно думают, что главная или даже единственная причина низкого уровня жизни, как, впрочем, и всех других несчастий, – во властных структурах, а не в них самих. Между тем

уровень жизни может быть высоким лишь при высокой эффективности труда: нельзя жить как в Германии, Японии или США, если производительность труда в России в 3–4 раза ниже, если россияне имеют больше праздников, в массе работают меньше, болеют чаще, разбазаривают природные богатства и не берегут энергию, воду, тепло, землю, воздух, лес.

Происходит слишком много рукотворных бедствий с большими человеческими жертвами: намного чаще, чем прежде, разбиваются самолеты, горят леса, взрываются шахты, разрушаются электростанции, падает с крыш лед на головы людей, гибнут десятки тысяч людей от рук преступников и террористов, а также вследствие дорожно-транспортных происшествий, самоубийств, чрезмерного употребления алкоголя и наркотиков. СМИ смакуют происшествия и тем самым еще больше травмируют людей.

Хотя легальные и реально действующие клапаны для мирного выражения социального и политического недовольства существуют, конфликты иногда подавляются, а не разрешаются. Между тем подавленный конфликт Р. Дарендорф справедливо сравнивает *с опаснейшей злокачественной опухолью* на теле общественного организма, чреватой социальным взрывом. «Тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания и регулирования, тот берет под свой контроль ритм истории. Тот, кто упускает такую возможность, получает этот ритм себе в противники»[27].

Российский опыт показывает, что конфронтация общественности и государства гибельна для страны, так как ведет к революции с ее катастрофическими последствиями. Успешное развитие происходит путем эволюции, и потому нам нужен социальный мир. Бесперспективно, если общественность будет постоянно прогибаться под государством, но и большого прогресса не будет, если государство будет постоянно прогибаться под общественностью или прогибать ее под себя. Государство без контроля со стороны гражданского общества костенеет и загнивает, превращается в неповоротливую, коррумпированную машину, обслуживающую интересы узкого круга лиц, забывающих о народе и его нуждах. Но общество нуждается в лидерах и вождях, которых оно само выдвигает, руководствуясь не только сердцем, но и разумом. Только добрая воля с обеих сторон и только сотрудничество и взаимный контроль могут обеспечить наш прогресс.

Примечания

1. *Дякин В. С.* Был ли шанс у Столыпина?: Сборник статей. СПб., 2002. С. 256.
2. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 496.
3. *Чудинов А. В.* Французская революция: История и мифы. М., 2007. С. 282. См. также: *Фюре Ф.* Постижение Французской революции. СПб., 1998.
4. *Майерс Д.* Социальная психология. 7-е изд. СПб., 2006. С. 193–214; *Сайтел Ф. П.* Современные паблик рилейшнз. М., 2002. С. 61; *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999.
5. История России в вопросах и ответах/С. А. Кислицын (сост.). 3-е изд. Ростов н/Д, 2011. С. 310; *Корзинин А. Л.* История России с древности до начала XXI века: Планы ответов на экзаменационные вопросы: Пособие для школьников и абитуриентов. СПб., 2008. С. 137–138, 159–160.
6 *Белый Б. И.* Тест Роршаха: практика и теория. СПб., 1992. См. в Интернете: Википедия «Тест Роршаха» (просмотр 4.11.2011).
7. *Гурко В. И.* Черты и силуэты. С. 495.

8. *Stockdale M. K.* (1) Russian Liberals and the Contours of Patriotism in the Great War//Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 27–29 мая 1998/В. В. Шелохаев (ред.). М., 1999. С. 283–292; (2) My Death for the Motherland is Happiness: Women, Patriotism, and Soldiering in Russia's Great War, 1914–1917//American Historical Review. 2004. Vol. 109. P. 78–116.
9. Еще выдающийся русский историк А. А. Шахматов в конце XIX в. доказал, что летописный свод, а по сути любой текст, — литературное произведение, а летописцы — авторы, сознательно подбиравшие материал под влиянием определенных интересов и идей: *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной»//Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 108.
10. *Соколов А. К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения//Социальная история. Ежегодник, 1998/1999. М., 1999. С. 39–76. См. также: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.
11. В советское время — для оправдания неизбежности и прогрессивности Октябрьской революции 1917 г.
12. *Думный В. В.* Люди будущего или люди без будущего? Социал-демократическая интеллигенция России на рубеже XIX — XX столетий. М., 2003. С. 359–362
13. На это же указывала и американская исследовательница Е. М. Уилбур: *Wilbur E. M.* Peasant Poverty in Theory and Practice: A View from Russia's «Impoverished Center» at the End of the Nineteenth Century//Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921/E. Kingston-Mann, T. Mixter (eds.). Princeton, NJ, 1991. P. 101–127.
14. *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 230–367.
15. Подробнее об этом см. в Главе 10.4 настоящей монографии.
16. *Ермолов А. С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос: В 2 ч. СПб., 1909. Ч. 1. С. 408–417.
17. *Макаров Н. П.* Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков, 1918. С. 16.
18. *Патрикеева О. А.* Общественность и выборы в I и II Государственные Думы Российской империи. Автор. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2007. С. 45–46.
19. *Tiryakian E.* The Changing Centers of Modernity//Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt/E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor (eds.). Boulder, CO: Westview Press, 1985. P. 131–147.
20. *Ермолов А. С.* Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 250.
21. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. С. 143, 156–157.
22. *Михельс Р.* Социология политических партий в условиях демократии//Диалог. 1990. № 5–9; 1991, № 4; *Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1999.
23. Страна развивалась темпами, возможно, несколько превышавшими ее финансовые возможности, о чем говорит возникший в 1760-е гг. и непрерывно возраставший государственный долг, достигший на 1914 г. 8,8 млрд руб., или 36% от валового внутреннего продукта, равного примерно 24,3 млрд руб.: *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 236–237.
24. *Грузенберг О. О.* Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 26. Проницательный юрист, относивший себя к «жертвенной интеллигенции», видел в крестьянах глубоко несчастных и обиженных самодержавием людей, только «внешне смиренных и покорных», а на самом деле «непримиренных и, вероятно, надолго непримиримых»: Там же. С. 25–28.
25. В зарубежной славистике эта точка зрения всегда имела сторонников среди так называемых «оптимистов», число которых в последние 10–15 лет, мне кажется, растет. См. подробнее в Главе 1.
26. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 53, 386.
27. *Darendorf R.* Society and Democracy in Germany. Garden City, NY: Doubleday, 1969. P. 140.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Использованные источники

Архивные материалы

Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Ф. 2 (*Канцелярия главной артиллерии и фортификации. 1701–1796 гг.*).

Ф. 2, оп. Сборный, д. 2841 (**1732–1733 гг**.), 2847 (**1733–1738 гг.)**, 2848 (**1732–1733 гг.)**, 2859 (**1741 г.)**. Формулярные списки рекрутов.

Ф. 2, оп. Командное отд., д. 704, 705 (**1759 г.)**, 785 **(1778–1779 гг.)**, 786 (**1773–1774 гг.)**, 787 (**1776–1778 гг.)**, 941–944 (**1790** г.), 1043–1047, 1051, 1053, 1054 (**1790 г.)**, 1551 (**1796 г.)**. Формулярные и именные списки гарнизонов.

Ф. 2, оп. Крепостной, д. 1284 (**1758 г.)**, 1324 (**1759 г.)**, 1652 (**1775 г.)**, 1907 (**1781 г.)**, 2178 (**1786 г.)**. Формулярные и именные списки гарнизонов.

Ф. 2, оп. Полковое отд., д. 1124 (**1742 г.)**, 1861 (**1789 г.)**, 2549 (**1755 г.)**, 2557 (**1757 г.)**, 2564–2574 (**1756 г.)**. Формулярные и именные списки гарнизонов.

Ф. 2, оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстер, д. 1789 (**1769 г.)**, 2509 (**1784 г.)**, 2888 (**1787**–1**788 гг.)**, 3025 (**1789 г.)**, 3157 (**1790 г.)**, 3594, 3599–3602, 3604–3611, 3613, 3614, 3616–3618, 3726 (**1795 г.)**, 4695 (**1776 г.)**, 4765 (**1781 г.)**, 4943, 4945, 4946 (**1781–1783 г.)**, 5109 (**1790 г.)**, 5056 (**1789 г.)**. Формулярные и именные списки гарнизонов.

Ф. 2, оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстер, д. 5498. Ведомости о воспитанниках военно-сиротских учреждений. Формулярные списки с данными о росте воспитанников 18 лет и младше (**1807–1808 гг.)**.

Ф. 3 (*Артиллерийский департамент Военного министерства. 1796–1862 гг.)*.

Ф. 3, оп. Инспекторский департамент, д. 709. Ведомости о воспитанниках военно-сиротских учреждений. Формулярные списки с данными о росте воспитанников 18 лет и младше (**1806 г.)**.

Ф. 3, оп. Арсенальный, д. 1555. Формулярные и именные списки гарнизонов (**1796–1799 гг.)**.

Российский государственный архив Военно-морского флота

Ф. 34 (*Управление флота генерал-штаб-доктора*), оп. 1, д. 1695. О пересмотре наставления присутствиям по воинской повинности о порядке осмотра новобранцев в связи с изменением системы комплектования флота рядовым составом (**1874 г.)**.

Р. 45 (*Военно-санитарное управление Черноморского флота*), оп. 1, д. 56, 91,92, 93,94, 98, 100, 137, 138. Акты медицинского освидетельствования новобранцев (**1924–1927 гг.)**.

Ф. 147 (*Дела Комиссии российских флотов и Адмиралтейского правления*), оп. 1, д. 19. Об установлении твердых установлений по комплектованию флота (**1763–1765 гг.)**.

Р. 175 (*Балтийская учетная канцелярия*), оп. 1, оп. 1, д. 9–13. Приемно-формулярные списки на уволенных со службы (**1918 г.)**.

Ф. 172 (*Дела графа Чернышева*), оп. 1, оп. 1, д. 76. О непригодности для флота малорослых рекрутов (**1776–1782 гг.)**.

Ф. 173 (*Дела Адмирала Мордвинова*), оп. 1, д. 15, 29, 42, 43, 53, 54, 69, 70, 84, 132, 140, 142, 143, 148, 213. Формулярные списки рекрутов (**1767–1782 гг.)**.

Ф. 203 (*Военная по флоту канцелярия*), оп. 1, д. 599. Формулярные списки рекрутов (**1816 г.)**.

Ф. 212 (*Адмиралтейств-коллегия*), оп. 1759 г., д. 21. Формулярные списки рекрутов (**1859 г.)**.

Ф. 212, оп. 1807–1810 гг., д. 62. Формулярные списки рекрутов (**1807–1810 гг.)**.

Ф. 212, оп. 1755, 1756 гг., д. 27; оп. 1757 г., д. 24; оп. 1758 г., д. 24, 27. Формулярные списки рекрутов (**1755–1756 гг.)**.

Ф. 212, оп. Указы, д. 3, 9, 13, 20, 27, 29, 31, 43, 53, 54 (отд. 2). Указы о наборе рекрут в **1733–1742, 1757–1758 гг.**

Ф. 243 (*Управление главного командира Черноморского флота и поров Черного моря, Николаев*), оп. 1, д. 1835. Формулярные списки рекрутов (**1825–1828 гг.)**.

Ф. 249 (*Приказы по флоту и морскому ведомству*), оп. 1, д. 45. Об освидетельствовании телосложения и здоровья лиц, призываемых к исполнению воинской повинности, **1874 г.**

Ф. 283 (*Инспекторский департамент Морского министерства*), оп. 3, д. 3798, 3882, 3930, 3964, 3992, 4017, 4047, 4095 а, 4096-а, 4402; ф. 283, оп. 5, д. 106. Формулярные списки рекрутов (**1865, 1869–1874, 1884 гг.)**.

Ф. 283, оп. 3, д. 4110. О пересмотре наставления по освидетельствованию телосложения и здоровья лиц, принимаемых в армию и флот, **1875–1876 гг.**

Р. 313 (*Санитарный отдел Краснознаменного Балтийского флота*), оп. 1, д. 76. Списки новобранцев за **1922–1923 гг.**; д. 162. Регистрационно-учетные карточки личного состава за **1924 г.**

Р. 313, оп. 1, д. 181. Переписка с санитарными частями и учреждениями о медицинском освидетельствовании новобранцев за 1924 г.

Р. 528 (*Управление санитарной частью Морских сил Северного моря*), оп. 1, д. 37–42. Санитарно-статистические карты военных моряков Северного моря призыва (**1921–1926 гг.)**.

Р. 588 (*Управление санитарной части флота*), оп. 1, д. 182, 183. Инструкция о порядке медицинского освидетельствования лиц, поступающих на военную службу и службу во флот, 1918 г.

Ф. 330 (*Главный командир Архангельского порта*), оп. 3, д. 1–7 (**1857–1862 гг.)**; ф. 330, оп. 4, д. 45 (**1825 г.)**. Формулярные списки рекрутов (**1825, 1857–1862 гг.)**

Ф. 406 (*Рекрутские списки и рекрутские наборы*), оп. 8, д. 8, д. 1–4, 6, 7, 9–12, 14, 16, 18–22, 25, 28–32, 35–37, 39, 41–46, 49, 51, 52, 54–56, 61–63, 65–90. Формулярные списки рекрутов (**1787–1816, 1837 гг.)**.

Ф. 406 (*Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства: коллекция, 1761–1940*), оп. 5, т. 2, д. 877 (**1859 г.)**, оп. 8, д.9 (**1790 г.)**. Формулярные списки нижних чинов.

Ф. 408 (*Управление санитарной частью флота*), оп. 1, д. 84, 1048, 1058, 2793. Инструкции по медицинскому освидетельствованию новобранцев, **1903–1917 гг.**

Ф. 417 (*Главный морской штаб*), оп. 3, д. 981; оп. 4, д. 981, 6233, 6234, 6235. Отчеты о призыве новобранцев, **1912–1915 гг.**

Ф. 417, оп. 4, д. 5109. О выработке новых правил вторичного медицинского освидетельствования новобранцев, **1888 г.**

Ф. 479 (*Штаб командующего флотом, флагманский врач*), оп. 3, д. 1042. Ведомость о взвешивании личного состава судов за **1914–1915 гг.**

Ф. 935 (*Гвардейский экипаж*), оп. 1, д. 846, 895, 1286–1288, 1443–1448, 1481–1485, 1652–1657, 1992. Приемные формуляры и послужные списки рядового состава (**1881–1918 гг.)**.

Ф. 989 (*Балтийская учетная канцелярия*), оп. 1. д. 950–959, 996–1001, 1002, 1004–1028, 1197–1206, 1496, 1497, 1777–1789, 1221–1228, 1487–1495, 1658, 1734–1742, 1962–1965, 2008–2014, 1243–1250, 1473, 1464, 1475, 1712–1714, 1460–1766; 1965, 2029, 2030. Приемно-формулярные и послужные списки матросов срочной службы (**1908–1918 гг.)**.

Р. 1130 (*Медико-санитарный отдел Тихоокеанского флота*), оп. 1, д. 9, 15, 51. Санитарно-статистические отчеты за **1937–1939 гг.;** д. 42, 79. Сведения о результатах медицинского свидетельствования призывников (**1937–1939 гг.)**.

Р. 1543 (*Управление комплектования Морских сил Балтийского флота*), оп. 2, д. 101. Материалы о приеме пополнения во флот (**1930 г.)**.

Р. 1701 (*Медико-санитарное управление Военно-Морского флота*), оп. 1, д. 46. Отчеты и сведения о работе военно-врачебных комиссий на флотах за **1939–1940 гг.**

Р. 1701, оп. 1, д. 55. Годовые отчеты о санитарном состоянии флота за **1934–1940 гг.**

Р. 1863 (*Приемно-техническая комиссия Краснознаменного Балтийского флота*), оп. 2, д. 1–122. Регистрационные карты призывников (**1933–1940 гг.)**.

Р. 1863, оп. 3, д. 1–846. Личные дела призывников (**1934–1940 гг.)**.

Р. 2174 (*Личные дела призывников Балтийского флота*), оп. 1, д. 1–893. Личные дела призывников (**1940–1941 гг.)**.

Р. 2188 (*Управление комплектования морских сил Черного моря*), оп. 1, д. 2, 88, 106. Статистические сведения о призывниках (**1929–1932 гг.)**.

Приложение 1

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 13 (*Департамент министра коммерции*), оп. 2, д. 782. Цены в Петербурге в **1732–1803 гг.** по сведениям приходо-расходных книг Первого кадетского корпуса.

Ф. 468 (*Кабинет е. и.в.*), оп. 41, д. 1. Приходо-расходные книги **1725–1727 гг.**

Ф. 845 (*А. С. Воронов, пред. Уч. Комитета МНП, 1818–1875*), оп. 1, д. 24. Двадцать две печатных записки о введении всесословной воинской повинности.

Ф. 845, оп. 1, д. 25. Доклад Первого отдела Комиссии для составления положения о личной военной повинности **(1871 г.).**

Ф. 869 (Милютины), оп. 1, д. 789. Таблицы к Статистическому атласу, составленному в Министерстве внутренних дел. **1850 г.**

Ф. 908 (*П. А. Валуев*), оп. 1, д. 28. Записка П. А. Валуева «Мысли невоенного о наших военных делах». Доклад Комиссии для составления «Положения о личной воинской повинности». Материалы о подготовке и последствиях проведения в жизнь Устава о всесословной воинской повинности (**1870–1894 гг.**).

Ф. 1086 (Томиловы и Шварцы), оп. 1, д. 1140. Приходо-расходные книги.

Ф. 1119 (*С. В. Смоленский, 1848–1909 гг.*), Оп. 1, д. 188, 189. Сообщения об отношении населения к воинской повинности в письмах разных лиц С. В. Смоленскому.

Ф. 1146 (*Совет при высочайшем дворе*), оп. 1, д. 46. Об освобождении евреев, занимающихся земледелием, от рекрутской повинности. **1845 г.**

Ф. 1146, оп. 1, д. 108. Указы, выписки из указов, предложения сенаторов и т. п. О рекрутских наборах в 1762–1802 гг. (**1802 г.**).

Ф. 1262 (*Рекрутский комитет при Втором отд. с. е. в. к.*, 1834–1862 гг.), оп. 1, д. 1, 2. О рассмотрении замеченных в производстве рекрутских наборов отступлений от правил Рекрутского устава. Ч. 1 (**1834 г.**).

Ф. 1262, оп. 1, д. 20. Предположения касательно уменьшения меры роста для приема рекрутов (**1841 г.**).

Ф. 1262, оп. 1, д. 100. О мере роста для чуваш, нанимающихся в рекруты, и вообще для наемников 20-и 21-летнего возраста (**1850 г.**).

Ф. 1262, оп. 1, д. 102. О порядке исчисления ревизских лет рекрутам (**1850 г.**).

Ф. 1262, оп. 1, д. 109. О дозволении гражданам западных губерний ставить рекрут от 12 до 35 лет, уменьшенных ростом на полвершка (**1850–1852 г.**).

Ф. 1262, оп. 1, д. 172. Замечания военных чиновников по набору 1853 г. (**1854 г.**)

Ф. 1262, оп. 1, д. 203. Об изменении формы учетных рекрутских книг (**1857 г.**).

Ф. 1262, оп. 1, д. 21. Замечания военных чиновников по набору 1840 г. и о мере роста для рекрутов (**1841–1842 гг.**).

Ф. 1262, оп. 1, д. 27. Предположения касательно уменьшения меры роста для приема рекрутов (**1843–1844 гг.**)

Ф. 1262, оп. 1, д. 39. О замечаниях военных чиновников по набору 1843 г. (**1844 г.**)

Ф. 1262, оп. 1, д. 77, 78, 79. Свод законов о рекрутской повинности в Остзейском крае за **1829–1862 гг.**

Ф. 1282 (*Канцелярия министра внутренних дел*), оп. 3, д. 906. О привлечении к ответственности членов Инсарского рекрутского присутствия Пензенской губернии за злоупотребления при наборе **1874 г.**

Ф. 1284 (*Департамент общих дел МВД*), оп. 241, д. 197 (**1875 г.**), 199 (**1879 г.**), 200 (**1880 г.**), 203 (**1883 г.**), 182 (**1886 г.**), 206 (**1887 г.**), 207 (**1888 г.**), 208 (**1889 г.**), 209 (**1891 г.**), 210 (**1891 г.**), 211 (**1892 г.**), 215 (**1897 г.**), 219 (**1899 г.**), 236 (**1915–1917 гг.**). Всеподданнейший доклад министра внутренних дел о результатах призыва к исполнению воинской повинности.

Ф. 1286 (*Департамент полиции исполнительной*), оп. 1 (1803 г.), д. 52. О рекрутах, имеющих рост не менее 9 вершков, коих велено обращать в гвардию.

Ф. 1286, оп. 2 (1816 г.), д. 131. О летах и мерах рекрут 84-го и 85-го наборов.

Ф. 1286, оп. 4 (1829 г.), д. 643. По отношению Орловского губернатора, о решении дел о членовредительстве.

Ф. 1286, оп. 1 (1810 г.), д. 24. По предоставлении Вятского гражданского губернатора о порочных людях, в рекруты отдаваемых.

Ф. 1286, оп. 4 (1828 г.), д. 569. По записке Бенкендорфа, о невыходе из рекрутского присутствия медицинских чиновников прежде отправления из оного рекрут для привода к присяге.

Ф. 1286, оп. 4 (1828 г.), д. 570. По докладной записке м-ру ВД, о том, в каких случаях должна быть употребляема экзекуция при взыскании рекрутов.

Ф. 1286, оп. 4 (1828 г.), д. 573. По отношению товарища начальника Главного штаба, о неудобствах назначения в рекруты людей по жребию.

Ф. 1286, оп. 4 (1828 г.), д. 576. По отношению Новороссийского и Бессарабского ген.-губ-ра, о воспрещении обществам христианского вероисповедания, обязанным рекрутскою повинностью, отдавать по мирским приговорам в рекруты людей дурного поведения или не платящих податей.

Ф. 1286, оп. 4 (1829 г.), д. 688. По отношению генерал-губернатора Миницкого, о мерах к отвращению открывающейся между крестьянами подложной болезни (гноетечение из ушей), производимой ими во избежание отдачи в рекруты.

Ф. 1286, оп. 4 (1829 г.), д. 698. В каких случаях земские полиции должны приступать к произведению следствий о членовредителях во избежание рекрутства.

Ф. 1286, оп. 4 (1829 г.), д. 719. По указу Сената, о беспорядках и злоупотреблениях, происходивших в Псковской губ. по 91-му рекрутскому набору.

Ф. 1286, оп. 4 (1829 г.), д. 781, 783. О евреях, принявших православную веру во время рекрутских наборов.

Ф. 1286, оп. 6, д. 454. О приеме в рекруты людей ниже 2 аршин 4 вершков. **1836 г.**

Ф. 1290 (*Центральный статистический комитет*), д. 803 (**1910 г.**), 804 (**1911 г.**), 846 (**1912, 1913 гг.**). О результатах призыва к воинской повинности по губерниям.

Ф. 1292 (*Управление по делам о воинской повинности*).

Ф. 1292, оп. 2, д. 798–879-б (**1874 г.**), 1055–1135 (**1875 г.**), 1261–1330 (**1876 г.**).

Ф. 1292, оп. 3, д. 14–81 (**1877 г.**), 292–359 (**1878 г.**), 415–484, 760 (**1879 г.**), 577–646, 761 (**1880 г.**), 670–739, 762 (**1881 г.**).

Ф. 1292, оп. 4, д. 7–76 (**1882 г.**), 108–178 (**1883 г.**), 212–278 (**1884 г.**), 301–371 (**1885 г.**), 388–459 (**1886 г.**), 492–569 (**1887 г.**), 588–661 (**1888 г.**), 676–754 (**1889 г.**), 770–844 (**1890 г.**), 859–925 (**1891 г.**), 950–1028 (**1892 г.**), 1049–1126 (**1893 г.**), 1131–1157 (**1894 г.**), 1239–1317 (**1895 г.**), 1344–1347 (**1896 г.**), 1348–1353 (**1897 г.**).

Ф. 1292, оп. 5, д. 65–70 (**1900 г.**), 377 (**1898 г.**), 378 (**1903 г.**), 379 (**1904 г.**), 380 (**1905 г.**), 381 (**1906 г.**), 382 (**1907 г.**), 383 (**1909 г.**), 384 (**1910 г.**), 385 (**1912 г.**), 386 (**1905–1912 гг.**), 3995, 3997–4001 (**1898 г.**), 4039–4043 (**1899 г.**).

Ф. 1292, оп. 7, д. 37 (**1899 г.**), 72–76 (**1901 г.**), 81–85 (**1902 г.**), 516 (**1903 г.**), д. 131–137, 517 (**1904 г.**), 149–154, 518 (**1905 г.**), 155–160, 519 (**1906 г.**), 173–178, 520 (**1907 г.**), 205–210, 521 (**1908 г.**), 223–228, 522 (**1909 г.**), 230–234, 523 (**1910 г.**), 524 (**1911 г.**), 248–251, 525 (**1912 г.**), 575 (**1883 г.**), 576 (**1884 г.**), 577 (**1885 г.**), 578 (**1886 г.**), 579 (**1888 г.**), 580 (**1889 г.**), 581 (**1890 г.**), 582 (**1891 г.**), 583 (**1893 г.**), 584 (**1894 г.**), 585 (**1897 г.**), 245, 246, 597–601 (**1913 г.**), 594 (**1914 г.**), 595 (**1915 г.**), 596 (**1916 г.**). Отчет о результатах призыва со сведениями о росте по губерниям.

Ф. 1310 (*Комиссия о каменном строении в Петербурге и Москве, 1762–1796 гг.*), оп. 1, д. 63. Приходо-расходные тетради Комиссии о каменном в Москве и С.-Петербурге строении за **1757–1800 гг.**

Ф. 1341 (*1-й Департамент Сената*), оп. 37, д. 2406. О запрещении принимать в рекруты людей ниже 2 аршин 4 вершков. **1836 г.**

Ф. 1374 (*Канцелярия Генерал-прокурора Сената*), оп. 1, д. 61, 64, 66, 84. О сборе рекрут по всем губерниям и укомплектовании ими армии и флота. **1797 г.**

Ф. 1374, оп. 2, д. 1388. О порядке медицинского освидетельствования рекрутов; о неприеме в рекруты преступников. **1798 г.**

Ф. 1374, оп. 2, д. 1756. Об укомплектовании рекрутами армии и флота (с приложением ведомостей). **1799 г.**

Ф. 1400 (*Документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции*), оп. 1, д. 639. О проведении рекрутского набора (**1751 г.**).

Ф. 1400, оп. 1, д. 648. О привлечении к ответственности должностных лиц за взяточничество, растрату, подлоги и др. Преступления, совершенные при проведении рекрутских наборов (**1804–1836 гг.**).

Ф. 1553 (*Ревизия сенаторов С. С. Кушникова и П. А. Санти Казанской губернии, 1819–1820 гг.)*, оп. 1, д. 124. О наборах в Казанской губернии (правила о наборе рекрут). **1820 г.**

Ф. 1557 (*Ревизия сенатора Н. И. Огарева Саратовской губ., 1826–1827 гг.)*. Оп. 1, д. 90. О пятисотных участках и об очередных и посемейных списках по рекрутской повинности в Саратовской губ. В **1827 г.** 55 л.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 395 **(Инспекторский департамент, 1811–1855 гг.),** оп. 318, д. 1–6, 46, 47. Отчет о 82-м, 84-м и 85-м рекрутских наборах в губерниях (**1812–1815 гг.**); д. 7–43. Отчет о 91-м рекрутском наборе в губерниях (**1828 г.**); д. 44. Отчет о рекрутском наборе из бродяг и арестантов в Бессарабской области (**1830 г.**); д. 45. Отчет о 1-м частном наборе Северной полосы рекрут Смоленской губернии (**1836 г.**).

Приложение 1

Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб.)

Ф. 232 (*Петроградское губернское по воинской повинности присутствие,* 1874–1917), оп. 1, д. 92, 102, 143, 164, 186, 187, 264, 326, 338, 377, 509, 511, 597–599, 712, 713, 772, 774, 808, 828, 868, 712, 713, 881, 884, 887, 891, 914, 916, 926, 930, 942, 944–947, 987, 995, 1015, 1019, 1045, 1046, 5604. Приемные росписи рекрутов С.-Петербургской губернии (**1874–1916 гг.**).

Ф. 232, оп. 1, д. 164 (**1897 г.**), 179 (**1898 г.**), 188 (**1899 г.**), 202 (**1900 г.**), 221 (**1901 г.**), 230 (**1902 г.**), 243 (**1903 г.**), 259 (**1904 г.**), 281 (**1905 г.**), 296 (**1906 г.**), 305 (**1907 г.**), 319 (**1908 г.**), 328 (**1909 г.**), 335 (**1910 г.**), 348 (**1911 г.**), 362 (**1912 г.**), 377 (**1913 г.**), 410 (**1915 г.**), 439 (**1916 г.**). Призывные списки Лезьенского волостного правления Шлиссельбургского уезда.

Ф. 232, оп. 1, д. 264. Список офицеров, желающих поступить в гос. ополчение. Выписка из призывного списка Царскосельского у. **1904 г.**

Ф. 232, оп. 1, д. 598, 606. Акты медицинского освидетельствования призывников. **1915/1916 и 1916–1917 гг.**

Ф. 232, оп. 1, д. 599. Послужные списки нижних чинов, попавших в плен, убитых и умерших от ран. 1915 г.

Ф. 232, оп. 1, д. 772 (**1875 г.**), 777 (**1876 г.**), 781 (**1877 г.**), 788 (**1878 г.**), 790 (**1879 г.**), 794 (**1880 г.**), 798 (**1881 г.**), 800 (**1882 г.**), 802 (**1883 г.**), 804 (**1884 г.**), 807 (**1885 г.**), 809 (**1886 г.**), 814, 818 (**1889 г.**), 826 (**1890 г.**), 834 (**1891 г.**), 837 (**1892 г.**), 840 (**1893 г.**), 844 (**1894 г.**), 846 (**1895 г.**), 848 (**1896 г.**), 855 (**1898 г.**), 861 (**1899 г.**), 881 (**1904 г.**), 887 (**1905 г.**), 893 (**1906 г.**), 896 (**1907–1908 гг.**), 914 (**1909 г.**), 926 (**1910 г.**), 932 (**1911 г.**), 942 (**1912 г.**), 987 (**1915 г.**). Отчеты Тихвинского уездного по воинской повинности присутствия.

Ф. 232, оп. 1, д. 774 (**1899 г.**), 868 (**1900 г.**), 871 (**1901 г.**), 876 (**1902 г.**), 879 (**1903 г.**), 884 (**1904 г.**), 891 (**1905 г.**), 916 (**1909 г.**), 930 (**1910 г.**), 946, 947 (**1912 г.**), 958 (**1913–1917 гг.**), 972 (**1914 г.**), 995, 1019 (**1915 г.**), 1045, 1046 (**1916 г.**). Приемные росписи Тихвинского уезда.

Ф. 232, оп. 1, д. 448–498. Призывные списки Лужского уездного по воинской повинности присутствия (**1874–1917 гг.**).

Ф. 232, оп. 1, д. 509 (**1890 г.**), 511 (**1891 г.**), 514 (**1892 г.**), 519 (**1895 г.**), 521 (**1897 г.**), 526 (**1899 г.**), 531 (**1900 г.**), 533 (**1910 г.**), 561 (**1910 г.**), 597 (**1915 г.**), 604 (**1916 г.**). Приемные росписи Петербургского уезда.

Ф. 232, оп. 1, д. 656, 657 (**1882 г.**), 668, 669, 670 (**1883 г.**), 674–676 (**1884 г.**), 682–684 (**1885 г.**), 691–693 (**1886 г.**), 697–699 (**1887 г.**), 703–705 (**1888 г.**), 712, 713 (**1890 г.**), 716, 717 (**1891 г.**), 718–720 (**1892 г.**), 722–724 (**1893 г.**), 725–727 (**1894 г.**), 730–731 (**1896 г.**), 734–736 (**1898 г.**). Приемные росписи Петергофского уезда.

Ф. 232, оп. 1, д. 1117–1155. Личные дела военнообязанных (**1909–1914 гг.**).

Ф. 628 (*Новоладожское уездное воинское присутствие*), оп. 1, д. 76, 77, 79–81. О приеме рекрутов в **1863 г.**

Ф. 473 (*Шлиссельбургское уездное воинское присутствие*), оп. 1, д. 5–15 (**1863 г.**), 18–37 (**1865 г.**). Ведомости о приеме рекрутов.

Ф. 543 (*Петербургское уездное воинское присутствие*), оп. 1, д. 111, (**1871 г.**), 112 (**1872 г.**), 170 (**1864 г.**), 172 (**1874 г.**), 173 (**1870 г.**), 175 (**1871 г.**). Формулярные списки. Медицинское освидетельствование.

Ф. 548 (*Царскосельское уездное воинское присутствие*), оп. 1, д. 2–31 (**1863 г.**), 33–48 (**1865 г.**), 49–81 (**1866 г.**). О приеме рекрутов.

Ф. 886 (*Лужское уездное воинское присутствие*), оп. 1, д. 44–46, 49, 51, 53. О приеме рекрутов в **1863 г.**

Ф. 893 (*Гдовское уездное воинское присутствие*), оп. 1, д. 4 (**1854 г.**), 34, 35 (**1855 г.**), 38 (**1854 г.**), 61, 78 (**1863 г.**), 99, 100, 127, 139 (**1865 г.**). О приеме рекрутов.

Ф. 919 (*С.-Петербургское губернское воинское присутствие.* 1833–1873 гг.).

Ф. 919, оп. 1, д. 1 (**1833 г.**), 2 (**1835 г.**), 3 (**1837 г.**), 4 (**1838 г.**), 5 (**1839 г.**), 6 (**1841 г.**), 7 (**1844 г.**), 8, 9, 10 (**1845 г.**), 11, 12 (**1846 г.**), 13 (**1847 г.**), 14 (**1848 г.**), 15, 16 (**1849 г.**), 17 (**1850 г.**), 18 (**1851 г.**), 21 (**1852 г.**), 23 (**1853 г.**), 25 (**1854 г.**), 26 (**1855 г.**), 28 (**1857 г.**), 29. (**1858 г.**), 30 (**1860 г.**), 45 (**1862 г.**), 46, 49, 50, 56 (**1862 г.**), 188–208, 209–309, 311, 314, 320–324, 327–362-а (**1863 г.**), 363–428 (**1864 г.**), 429–522 (**1865 г.**), 530–637 (**1866 г.**), 638–736 (**1867 г.**), 738–796 (**1868 г.**). Приемные росписи рекрутов.

Ф. 919, оп. 1, д. 797 (**1869 г.**), 798 (**1870 г.**), 800, 805, 806 (**1871 г.**), 801 (**1872 г.**), 802, 803 (**1873 г.**). Рекрутские формулярные списки уездных рекрутских присутствий.

Ф. 919, оп. 2, д. 1 (**1840 г.**), 2 (**1843 г.**), 3 (**1849 г.**), 4 (**1850 г.**), 8, 10, 11 (**1851 г.**), 12 (**1852 г.**), 13, 20 (**1852 г.**), 22 (**1854 г.**), 32 (**1857 г.**), 38, 39 (**1860 г.**), 40, 41 (**1861 г.**), 47–53 (**1863 г.**), 65 (**1865 г.**), 79, 80 (**1868 г.**), 81 (**1869 г.**), 82, 83 (**1870 г.**), 85 (**1871 г.**), 86, 87 (**1872** г.), 88 (**1874 г.**). Приемные росписи рекрутов С.-Петербургской губернии.

Ф. 959 (*Ямбургское уездное воинское присутствие*), оп. 1, д. 8, 10 (**1863 г.**), 341, 58, 62 (**1865 г.**). О приеме рекрутов.

Ф. 959, оп. 1, д. 6, 47, 55 (**1867 г.**), 49 (**1868 г.**), 36 (**1870 г.**). О приеме рекрутов.
Ф. 959, оп. 1, д. 3, 8, 22 (**1863 г.**), 38, 50 (**1865 г.**). О приеме рекрутов.

Национальный архив Республики Карелия

Ф. **23** (*Олонецкое губернское присутствие по рекрутским делам*, *1874–1917*), оп. 1, д. 5/26 (**1876 г.**), д. 7/8 (**1877 г.**), д. 18/9, 19/30 (**1892 г.**), д. 25/4 (**1896 г.**), д. 29/5 (**1900 г.**), д. 36/3, д. 40/99 (**1904 г.**), д. 59/6 (**1911 г.**). Годовые отчеты об исполнении воинской повинности.

Ф. 191 (*Олонецкое губернское присутствие по рекрутским делам, 1802–1874*), оп. 1, д. 1/2 (**1805 г.**), 1/4 (**1803 г.**), 1/5 (**1802 г.**), 2/7 (**1844 г.**), 5/150, 6/152 (**1849 г.**), 8/228–8/230, 8/233 (**1850 г.**), 11/320, 11/322–11/328, 12/329–12/333 (**1852 г.**), 14/392, 15/393, 15/395–15/397, 15/400–15/402, 16/430, 17/432–17/446 (**1854 г.**), 19/503, 19/506, 19/507, 19/509, 19/511–19/513 (**1855 г.**), 27/659–27/664, 27/670, 27/670а, 7/675–28/683, 28/685 (**1863 г.**), 30/719–30/723 (**1865 г.**), 31/730–31/735, 31/737, 31/739, 31/741 (**1866 г.**), 33/773, 33/774, 33/776, 33/778–33/780, 33/785, 33/787, 35/820–35/822, 36/833, 33/773, 33/774, 33/776, 33/778–33/780, 33/785, 33/787, 33/789, 35/820–35/822 (**1867 г.**), 35/820–35/822, 35/827 (**1868 г.**), 36/833, 40/849, 40/850, 40/851, 40/852, 40/853, 40/854, 40/855, 40/856, 40/857 (**1871 г.**), 41/858–41/866 (**1872 г.**), 42/867–42/871 (**1873 г.**), 43/876–43/882 (**1874 г.**), 44/885, 45/886 (**1803 г.**), 46/887–46/892 (**1806 г.**), 50/896–50/899, 51/900 (**1809 г.**), 52/902–52/903, 52/905 (**1810 г.**), 54/906–55/909, 56/910–56/911 (**1811 г.**), 58/914–915, 59/916–917, 60/918–919, 61/920–921, 62/922–923, 63/924–925, 64/926–927, 65/929–930, 66/931–932, 67/933–934, 68/935–936, 69/937–938, 70/939–940, 71/941–943 (**1812 г.**), 72/944–945, 73/946–947, 74/948–949, 75/950–951, 76/952–953, 77/954–957, 78/958–960, 79/961–962 (**1813 г.**), 80/964, 177/1535 (**1815 г.**), 80/965, 81/966–967 (**1815 г.**), 82/968 (**1816 г.**), 83/970–973, 84/974–976 (**1818 г.**), 85/978–981, 86/982–985, 87/986–987 (**1819 г.**), 88/988–992, 89/993–996, 90/997–998, 91/999–1001 (**1820 г.**), 92/1002–1005 (**1823–1824 гг.**), 93/1007, 94/1009–1010, 95/1011, 1013 (**1827 г.**), 96/1014–1016, 97/1017–1019, 98/1020–1023, 100/1024–1025 (**1828 г.**), 101/1026,1029, 102/1030–1033 а (**1829 г.**), 103/1034–1036 (**1830 г.**), 104/1037–1038, 104/1040–1041, 105/1042–1044, 106/1045–1047 (**1831 г.**), 107/1048–1049 (**1832 г.**), 109/1053–1056 (**1833 г.**), 111/1063–1065 (**1834 г.**), 112/1066, 1068–1070 (**1835 г.**), 113/1071, 113/1073, 114/1074–1075, 115/1076–1077, 116/1079–1081 (**1836 г.**), 117/1082 (**1837 г.**), 118/1083–1084, 119/1086–1089, 120/1088–1090, 1092, 1097 (**1838 г.**), 121/1099–1100, 122/1102–1103, 123/1104–1109 (**1839 г.**), д. 124/1114–1116, 125/1117–1119, 126/1120–1127, 127/1129, 168/1459–1468 (**1840 г.**), д. 128/1130–1131 (**1841 г.**), д. 129/1133–1136, 131/1137–1138, 132/1139–1141 (**1842 г.**), д. 133/1142–1143 (**1844 г.**), д. 134/1145–1147 (**1845–1846 гг.**), 134/1146, 132/1138–1140, 132/1143, 135/1148–1151 (**1846 г.**), 162/1368–1371 (**1847 г.**), 136/1157–1162–137/1164 (**1848 г.**), 166/1417–1425, 1428, 1430 (**1865 г.**); оп. 3, д. 2/6, 2/7 (**1831 г.**), 7/31 (**1855 г.**). Приемные рекрутские росписи.

Ф. 191, оп. 1, д. 12/334, 12/335, 12/337 (**1852 г.**), 15/403–15/428 (**1854 г.**), 18/496–18/501, 19/502 (**1855 г.**), 26/644–26/650, 163/1385 (**1862 г.**), 165/1413, 26/652–26/657 (**1863 г.**), 8/37 (**1864 г.**), 30/729 (**1865 г.**), 33/779 (**1867 г.**), 34/818 (**1868 г.**). Жеребьевые списки по рекрутскому набору.

Ф. 191, оп. 1, д. 37/839–37/841. Учетные рекрутские книги по Олонецкой губ. (**1840, 1844–1848 гг.**).

Ф. 191, оп. 1, связки 141–160. Журналы присутствия за **1806–1862 гг.**

Ф. 203 (*Олонецкое уездное присутствие по рекрутским делам*, 1871–1910), оп. 1, д. 1 а. Формулярные списки рекрутам **1871 г.**

Ф. 278 (*Олонецкое уездное присутствие по рекрутским делам, 1802–1874 гг.)*, оп. 1, д. 1/1, 1/2 (**1812 г.**).

Ф. 278, оп. 1, д. 2/3 (**1828 г.**), 16/316/14, 17/15–17/20 (**1863 г.**), 18/28, 18/29, 18/31, 18/41, 18/42, 18/44 (**1866 г.**), 9/1–9/15 (**1867 г.**), 10/8 (**1868 г.**), 12/1–12/8 (**1869 г.**); д. 2–10, 13 (**1869 г.**), 17, 18, 21–23, 31–33 (**1870 г.**), 34, 36, 38–44 (**1871 г.**); оп. 2, д. 5/49–5/52, 5/55–5/58, 5/60, 5/68, 5/72, 6/73, 6/75–6/82, 6/86 (**1873 г.**), 6/91–6/97 (**1874 г.**). Приемные списки рекрутов.

Ф. 278, оп. 1, д. 17/25, 17/26 (**1863 г.**), 10/5 (**1867 г.**), 10/9 (**1868 г.**). Жеребьевые списки по рекрутскому набору.

Ф. 279 (*Пудожское уездное присутствие по рекрутским делам, 1802–1874 гг.),* оп. 3, д. 1/1 (**1812 г.**), оп. 1, д. 1/3, 1/5, 1/9–1/15, 1/18 (**1863 г.**), 3/2–3/5, 3/7 (**1866 г.**), 5/2–5/4, 5/6, 5/7, 5/9, 5/10 (**1867 г.**), 6/4 (**1868 г.**), 7/12 (**1869 г.**), 10/3 (**1872 г.**), 11/14 (**1873 г.**), 1/1 (**1874 г.**); оп. 2, д. 1/10, 1/11–1/14 (**1866 г.**). Приемные списки рекрутов.

Ф. 279, оп. 1, д. 3/1, 8/1 (**1870 г.**). Жеребьевые списки по рекрутскому набору.

Ф. 280 (*Повенецкое уездное присутствие по рекрутским делам, 1802–1874 гг.),* оп. 1, д. 2/5 (**1819 г.**), 4/8 (**1863 г.**), 4/12, 4/13 (**1863 г.**), 7/6–7/14 (**1866 г.**), д. 8/1–8/9 (**1867 г.**), 9/1–9/2, 10/1–10/9 (**1869 г**.), 11/1, 11/5, 11/6 (**1870 г.**), 12/3, 12/8, 12/9 (**1871 г.**), 13/3, 13/4, 14/2 (**1872 г.**), 14/2–14/9 (**1873 г.**), 15/3–15/11 (**1874 г.**). Жеребьевые списки по рекрутскому набору.

Ф. 310 (*Петрозаводское уездное присутствие по рекрутским делам, 1802–1874 гг.)*, оп. 1, д. 1/2–1/13 (**1869** г.), 1/15–1/18, 2/21–2/23, 2/26, 2/31, 2/32 (**1870 г.**), 3/34–3/36, 3/38–3/40, 3/42–3/44 (**1871** г.); оп.

2, д. 1/3 (**1848** г.), 2/28, 2/32 (**1871 г.**), 5/49, 5/50, 5/55–5/58, 5/60, 5/68 (**1872 г.**), 6/73–6/82, 6/91–6/97 (**1873 г.**), 9 (**1848 г.**), 22 (**1870 г.**), 41 (**1871 г.**), 49–52, 55 (**1872** г.), 60 (**1872 г.**), 80 (**1873 г.**), 92 (**1874 г.**). О приеме рекрутов.

Ф. 310, оп. 3, д. 2/4. Жеребьевые списки по рекрутскому набору.

Ф. 693 (*Кемское уездное по рекрутским делам присутствие, 1833–1873 гг.)*, оп. 1, д. 1/4 (**1833 г.**), 1/9, 1/11 (**1836 г.**), 3/30, 3/30 а (**1840 г.**), оп. 4, д. 4, 24 (**1867 г.**), 34, 35 (**1869 г.**), 37 (**1870 г.**), 2/47 (**1873 г.**), оп. 5, д. 1/2, 1/3 (**1849 г.**), 1/8, 1/9 (**1850 г.**), 1/13 (**1852 г.**), 3/24 (**1855 г.**), 3/27 (**1863 г.**). Приемные и формулярные рекрутские списки.

Ф. 693, оп. 1, д. 5/51–5/63, 6/64–6/70, оп. 1, д. 7/75–7/82 (**1855 г.**), 8/91, 8/94 (**1864 г.**), оп. 2, д. 1/18 (**1854 г.**), 1/20 (**1853 г.**), оп. 3, д. 1/6–1/11 (**1864 г.**), оп. 4, д. 4/46 (**1873 г.**), оп. 5, д. 2/17–2/20, 3/21 (**1854 г.**), 3/28 (**1863 г.**), 3/30–3/44 (**1864 г.**), 4/51–4/54 (**1865 г.**), 4/55–4/70 (**1865 г.**), 4/93 (**1866 г.**). Жеребьевые списки по рекрутскому набору.

Ф. 476 (*Кемское уездное по рекрутским делам присутствие, 1874–1895 гг.*), оп. 2, д.12/159, 12/160 (**1894 г.**), 12/171, 12/172 (**1895 г.**). Приемные списки рекрутов.

Ф. 476, оп. 2, д. 12/157, 12/158 (**1894 г.**), 12/170 (**1895 г.**). Жеребьевые списки по рекрутскому набору.

Ф. 72 (*Петрозаводское уездное по рекрутским делам присутствие, 1802–1917 гг.*), оп. 1, д. 124/125–124/128 (**1883 г.**), 124/129 (**1884 г.**), 124/130, 124/131 (**1886 г.**), 124/132–124/136 (**1888 г.**), 125/137–125/139 (**1891 г.**), 155/140, 125/141 (**1892 г.**), 125/142–125/145 (**1894 г.**), 125/146 (**1896 г.**), 125/147 (**1897 г.**), 125/148 (**1898 г.**), 155/149, 125/150 (**1899 г.**). Приемные списки рекрутов.

Ф. 72, оп. 1, д. 118/54–118/56 (**1874 г.**), 118/57–118/64 (**1876 г.**), 118/65–118/68 (**1877 г.**), 119/69–119/71 (**1878 г.**), 119/72–119/74 (**1880 г.**), 119/75–110/77 (**1882 г.**), 119/78–119/79 (**1883 г.**), 119/80 (**1884 г.**), 119/81 (**1885 г.**),120/82–120/84 (**1886 г.**), 120/85 (**1887 г.**), 120/86, 120/87 (**1888 г.**), 120/88 (**1889 г.**), 120/90 (**1890 г.**), 120/91, 120/92 (**1891 г.**), 120/93 (**1892 г.**), 121/93 а (**1894 г.**), 121/95–121/98 (**1896 г.**), 121/99 (**1897 г.**), 122/103 (**1899 г.**), 122/107–122/109 (**1905 г.**), 122/110, 122/111 (**1906 г.**), 123/112, 123/113 (**1907 г.**), 123/114 (**1908 г.**), 123/115, 123/116 (**1909 г.**), 123/117, 123/118 (**1911 г.**), 123/119, 123/120 (**1913 г.**).

Ф. 72, оп. 3, д. 2/25 а (**1908 г.**). Жеребьевые списки по рекрутскому набору.

Государственный архив Новгородской области

Ф. 223 (*Новгородское по воинским делам присутствие*), оп. 1, д. 1. Переписка о станках для измерения роста. **1874 г.**

Ф. 418 (*Новгородская губернская казенная палата)*, оп. 1, д. 269, 270, 271 (связка 18), д. 274, 276, 277, 278 (связка 19); д. 279,280, 281, 283 (связка 20); д. 284, 285 (связка 21); д. 67, 69, 75, 76, 103, 133, 135, 269, 276. Акты освидетельствования состояния здоровья в **1860-е гг.**

Ф. 225 (*Боровическое уездное по воинским делам присутствие)*, оп. 1, д. 31, 36. Списки военнослужащих. **1910-е гг.**

Ф. 228 (*Крестецкое уездное по воинским делам присутствие*), оп. 1, д. 1, 2. Списки военнослужащих. **1910-е гг.**

Ф. Р-1765 (*Опоченский райвоенкомат)*, оп. 1, д. 24. Инструктивные указания по медико-санитарному обеспечению призыва на **1940 г.**

Государственный архив Саратовской области

Ф. 75 (*Саратовское губернское рекрутское присутствие*), оп. 1, д. 1, 20 (**1824 г.**), д. 39 (**1828 г.**), д. 40 (**1828 г.**), 47, 48 (**1829 г.**), 52, 53 (**1820 г.**), 58 (**1831 г.**), 63-а (**1832 г.**), 70 (**1833 г.**), 74, 75 (**1834 г.**), 80 (**1835 г.**), 85–87 (**1836 г.**), 94, 95 (**1837 г.**), 104 (**1838 г.**), 112 (**1839 г.**), 118, 119 (**1840 г.**), 127, 128 (**1841 г.**), 135 (**1842 г.**), 137, 138 (**1843 г.**), 144–146 (**1845 г.**), 152, 153 (**1847 г.**), 158 (**1848 г.**), 162, 163 (**1849 г.**), 168 (**1850 г.**), 172 (**1851 г.**), 176 (**1852 г.**), 179 (**1853 г.**), 181, 182 (**1854 г.**), 204–209 (**1855 г.**), 231 (**1856 г.**), 238 (**1857 г.**), 246 (**1858 г.**), 256 (**1859 г.**), 266 (**1860 г.**), 274 (**1861 г.**), 280, 282–286 (**1863 г.**), 301, 302 (**1864 г.**), 308, 309, 311 (**1865 г.**), 316, 317 (**1866 г.**), 322, 323 (**1867 г.**), 326 (**1869 г.**), 327, 328 (**1869–1873 гг.**). Приемные формулярные списки рекрутов.

Ф. 98 (*Аткарское уездное рекрутское присутствие*), оп. 1, д. 8 (**1837 г.**), 10, 11 (**1863 г.**), 13–15 (**1865 г.**), 21, 22 (**1866 г.**), 26, 27 (**1867 г.**), 30 (**1871 г.**), 34 (**1872 г.**).

Ф. 99 (*Балашовское уездное рекрутское присутствие*), оп. 1, д. 10 (**1851 г.**), 12 (**1853 г.**), 13 (**1854 г.**), д. 15 (**1855 г.**), 17–21 (**1863 г.**), 29–31 (**1865 г.**), 32, 33 (**1866 г.**), 36–38 (**1867 г.**), 42 (**1868 г.**), 47–49 (**1869 г.**), 51, 52 (**1870 г.**).

Ф. 100 (*Вольское уездное рекрутское присутствие*), оп. 1, д. 14, 15 (**1831 г.**), 18 (**1834 г.**), 30 (**1840 г.**), 37 (**1841 г.**), 40 (**1840 г.**), 43–46 (**1845 г.**), 51–55 (**1854 г.**), 61, 62 (**1855 г.**), 66, 67 (**1863 г.**), 68–70 (**1865 г.**), 72, 73 (**1866 г.**), 77, 78 (**1867 г.**), 82–86 (**1868 г.**), 91–94 (**1869 г.**), 95, 96 (**1870 г.**), 97, 98 (**1871 г.**), 99 (**1872 г.**), 101–105, 108–110 (**1873–1874 гг.**). Приемные формулярные списки рекрутов.

Ф. 101 (*Петровское уездное рекрутское присутствие*), оп. 1, д. 15 (**1840 г.**), 21–24 (**1863 г.**), 28–29 (**1865 г.**), 35, 36 (**1866 г.**), 38–40 (**1867 г.**), 45, 46 (**1868 г.**), 49–51 (**1869 г.**), 54–57 (**1870 г.**), 59, 60 (**1871 г.**), 63–65 (**1873 г.**), 66–68 (**1874 г.**), 71 (**1900 г.**). Приемные формулярные списки рекрутов.

Ф. 102 (*Саратовское уездное рекрутское присутствие*), оп. 1, д. 1 (**1842 г.**), 3 (**1845 г.**), 6, 7 (1869 **г.**), 12–14 (**1870 г.**), 20–22 (**1871 г.**), 23 (**1873 г.**), 28–30 (**1874 г.**), 33 (**1880 г.**).

Ф. 102 (*Саратовское уездное рекрутское присутствие*), оп. 1, д. 3. Рекрутский список цеховых рабочих г. Саратова за **1845 г.**

Ф. 103 (*Хвалынское уездное рекрутское присутствие*), оп. 1, д. 11–13, 16 (**1847 г.**), 17 (**1851 г.**), 18 (**1853 г.**), 23–26 (**1855 г.**), 32, 33 (**1863 г.**), 35–37 (**1865 г.**), 39 (**1866 г.**), 41, 43 (**1867 г.**), 44–46 (**1868 г.**), 53, 54 (**1869 г.**), 56, 57 (**1870 г.**), 59 (**1871 г.**), 61 (**1872 г.**), 63, 64 (**1873 г.**), 68 (**1874 г.**). Приемные формулярные списки рекрутов.

Ф. 716 (*Николаевское уездное рекрутское присутствие*), оп. 1, д. 5. Приемные формулярные списки рекрутов набора 1848 г.

Государственный архив Нижегородской области

Ф. 1592 (*Семеновское по воинской повинности присутствие*), оп. 193а, д. 22 (**1877 г.**), 35 (**1879 г.**). Формулярные списки рекрутов.

Ф. 1593 (*Варнавинское по воинской повинности присутствие)*, оп. 189, д. 319–334. Личные дела, послужные и формулярные списки нижних воинских чинов (**1915 г.**).

Ф. 1600 (*Лукояновское рекрутское присутствие)*, оп. 1, д. 1 (**1838 г.**), 2 (**1841 г.**), 3 (**1842 г.**), 14, 15 (**1867 г.**), 17 (**1868 г.**), 19, 20 (**1869 г.**), 22 (**1872 г.**), 26 (**1873 г.**). Формулярные списки рекрутам.

Ф. 1602 (*Нижегородское губернское рекрутское присутствие)*, оп 823, д. 10-а (**1812 г.**), 23-а (**1818 г.**), 38 (**1838 г.**), 41 (**1843 г.**), 47 (**1847 г.**), 49, 52, 53 (**1848–1849 гг.**), 56 (**1849–1850 гг.**), 58 (**1850 г.**), 60, 61 (**1851 г.**), 66 (**1852 г.**), 73 (**1855 г.**), 80–82 (**1857 г.**), 83 (**1857 г.**), 89 (**1859–1862 гг.**), 99 (**1864 г.**), 124 (**1865 г.**), 128–138 (**1867–1874 гг.**). Учетная рекрутская книга.

Ф. 1602, оп. 823а, д. 1-а (**1819–1820 гг.**), 3 (**1850 г.**). Формулярные списки рекрутам.

Ф. 1603 (*Семеновское рекрутское присутствие*), оп. 814, д. 2-а (**1853 г.**), 4-б (**1868 г.**), 4-г (**1869 г.**), 18 (**1873 г.**), 20 (**1874 г.**). Формулярные списки рекрутам.

Ф. 1607 (*Арзамасское рекрутское присутствие*), оп. 1687, д.1-а (**1833 г.**), 3 (**1838 г.**). Формулярные списки рекрутам.

ф. 1608 (*Ардатовское рекрутское присутствие)*, оп. 1675, д. 9 (**1869 г.**). Формулярные списки рекрутам.

Ф. 2141 (*Княгининское рекрутское присутствие*), оп. 1690, д. 17, 18, 19 (**1866 г.**), 21, 22, 25 (**1867 г.**), 26 (**1869 г.**), 31 (**1870 г.**), 34 (**1871 г.**), 35 (**1872 г.**), 38 (**1873 г.**). Формулярные списки рекрутам.

Ф. 2142 (*Сергачское рекрутское присутствие)*, оп. 1693, д. 15, 17, 18, 19 (**1840-е гг.**), 87, 88 (**1859 г.**), 93 (**1862 г.**), 108 (**1868 г.**), 113 (**1871 г.**), 122, 127 (**1874 г.**). Формулярные списки рекрутам.

Ф. 2357 (*Нижегородское городское рекрутское присутствие*), оп. 1695, д. 1 (**1851 г.**), 2 (**1853 г.**), 6 (**1874–1879 гг.**). Формулярные списки рекрутам.

Государственный архив Ставропольского края

Ф. 243 *(Ставропольское губернское рекрутское присутствие, 1850–1917 г*г.), оп. 1, д. 2 (**1810 г.**), 5 (**1811 г.**), 6 (**1813 г.**), 30 (**1829 г.**), 64 (**1851 г.**), 84 (**1867 г.**), 100 (**1870 г.**), 102 (**1873 г.**), 106 (**1874 г.**). Формулярные списки рекрутов.

Ф. 64 (*Ставропольское губернское воинское присутствие, 1874–1916 гг.)*, оп. 1, д. 31 (**1894 г.**), 79 (**1900 г.**), 95 (**1901 г.**), 139 (**1904 г.**), 208 (**1907 г.**), 245 (**1908 г.**), 254 (**1912 г.**). Формулярные списки рекрутов.

Ф. 1249 (*Управления воинских начальников*), оп. 1, д. 1 (**1868–1873 гг.**), 6 (**1869–1871 гг.**), 27 (**1876–1877 гг.**), 43, 44 (**1877 г.**), 87 (**1875–1877 гг.**), 94 (**1878 г.**), 195 (**1914–1916 гг.**). Формулярные списки рекрутов.

Архив Русского географического общества (Архив РГО)

Этнографические описания

Разр. 1 (Архангельская губерния), оп. 1, д. 48 (**1854 г.**), 54 (**1854 г.**).

Разр. 2 (Астраханская губерния), оп. 1, д. 43 (**1848 г.**), 44 (**1848 г.**), 48 (**1848 г.**), 50 (**1848 г.**), 58 (**1849 г.**), 59 (**1850-е гг.**), 63 (**1854 г.**).

Разр. 4 (Виленская губерния), оп. 1, д. 6 (**1850-е гг.**), 7 (**1861 г.**).

Разр. 5 (Витебская губерния), оп. 1, д. 3 (**1850 г.**), 5 (**1850 г.**), 6 (**1853 г.**).

Разр. 6 (Владимирская губерния), оп. 1, д.18 (**1850-е гг.**), 19 (**1850-е гг.**), 20 (**1850-е гг.**), 22 (**1850-е гг.**), 64 (**1854 г.**), 65 (**1849 г.**), 67 (**1850-е гг.**), 70 (**1854 г.**).

Разр. 7 (Вологодская губерния), оп. 1, д. 29 (**1858 г.**), 31 (**1859 г.**), 39 (**1849 г.**).

Разр. 8 (Волынская губерния), оп. 1, д. 9 (**1850-е гг.**), 14 (**1850-е гг.**), 18 (**1854 г.**).

Разр. 9 (Воронежская губерния), оп. 1, д. 16 (**1850-е гг.**), 19 (**1849 г.**), 21 (**1849 г.**), 23 (**1849 г.**), 25 (**1850 г.**), 27 (**1850 г.**), 28 (**1850 г.**), 33 (**1854 г.**), 51 (**1850-е гг.**), 54 (**1853 г.**), 62 (**1851 г.**), 63 (**1854 г.**), 66 (**1851 г.**), 72 (**1854 г.**).

Разр. 10 (Вятская губерния), оп. 1, д. 12 (**1850-е гг.**), 25 (**1849 г.**), 26 (**1849 г.**), 31 (**1854–1858 гг.**).

Разр. 11 (Гродненская губерния), оп. 1, д. 4 (**1857 г.**), 6 (**1854 г.**),

Разр. 12 (Донская область), оп. 1, д. 1 (**1848 г.**), 6 (**1854 г.**), 12 (**1850-е гг.**), 13 (**1848 г.**).

Разр. 13 (Екатеринославская губерния), оп. 1, д. 2 (**1852 г.**), 3 (**1848 г.**), 4 (**1848 г.**).

Разр. 14 (Казанская губерния), оп. 1, д. 69 (**1848 г.**), 71 (**1848 г.**), 80 (**1850-е гг.**), 83 (**1850-е гг.**), 86 (**1855 г.**), 87 (**1850-е гг.**), 93 (**1848 г.**), 101 (**1853 г.**).

Разр. 15 (Калужская губерния), оп. 1, д. 10 (**1853 г.**), 11 (**1853 г.**), 21 (**1856 г.**), 26 (**1850-е гг.**), 27 (**1850-е гг.**), 28 (**1853 г.**), 29 (**1848 г.**), 30 (**1849 г.**), 31 (**1850 г.**), 33 (**1848 г.**), 34 (**1850 г.**), 35 (**1849 г.**), 41 (**1854 г.**), 47 (**1850 г.**), 48 (**1850**), 49 (**1850 г.**), 51 (**1849 г.**), 52 (**1850 г.**), 57 (**1850 г.**), 61 (**1850-е гг.**), 62 (**1850-е гг.**).

Разр. 18 (Костромская губерния), оп. 1, д. 13 (**1849 г.**), 14 (**1850-е гг.**), 19 (**1853 г.**),

Разр. 19 (Курская губерния), оп. 1, д. 10 (**1849 г.**), 11 (**1848 г.**), 14 (**1849 г.**), 15 (**1849 г.**).

Разр. 21 (Могилевская губерния), оп. 1, д. 3 (**1854 г.**).

Разр. 23 (Нижегородская губерния), оп. 1, д. 7 (**1850 г.**), 14 (**1850-е гг.**), 52 (**1850-е гг.**), 57 (**1848 г.**), 58 (**1848 г.**), 64 (**1849 г.**), 66 (**1849 г.**), 67 (**1849 г.**), 69 (**1849 г.**), 72 (**1849 г.**), 73 (**1849 г.**), 74 (**1849 г.**), 76 (**1849 г.**), 77 (**1849 г.**), 80 (**1849 г.**), 81 (**1849 г.**), 82-г (**1849 г.**), 85 (**1850 г.**), 87 (**1850 г.**), 88 (**1850 г.**), 90 (**1850 г.**), 96 (**1850 г.**), 102 (**1860-е гг.**), 120 (**1849 г.**), 121 (**1849 г.**), 123 (**1849 г.**), 124 (**1850 г.**), 127 (**1850-е гг.**), 130 (**1854 г.**), 135 (**1874 г.**), 138 (**1850-е гг.**), 140 (**1850-е гг.**), 157 (**1849 г.**).

Разр. 24 (Новгородская губерния), оп. 1, д. 3 (**1850-е гг.**), 5 (**1848 г.**).

Разр. 25 (Олонецкая губерния), оп. 1, д. 5 (**1854 г.**), 10 (**1854 г.**), 62 (**1850-е гг.**).

Разр. 26 (Оренбургская губерния), оп. 1, д. 16 (**1856 г.**).

Разр. 27 (Орловская губерния), оп. 1, д. 6 (**1850 г.**), 7 (**1850 г.**).

Разр. 28 (Пензенская губерния), оп. 1, д. 2 (**1849 г.**), 3 (**1849 г.**), 4 (**1849 г.**), 5 (**1849 г.**), 11 (**1857 г.**), 13 (**1853 г.**), 14 (**1854 г.**), д. 15 (**1853 г.**), 16 (**1853 г.**), 17 (**1853 г.**), 19 (**1854 г.**), 22 (**1853 г.**), 23 (**1853 г.**).

Разр. 29 (Пермская губерния), оп. 1, д. 11 (**1850-е гг.**), 12 (**1850-е гг.**), 13 (**1848 г.**), 14 (**1848 г.**), 15 (**1848 г.**), 18 (**1849 г.**), 19 (**1849 г.**), 21 (**1849 г.**), 22 (**1849 г.**), 23 (**1849 г.**), 27 (**1849 г.**), 30 (**1854 г.**), 31 (**1850 г.**), 70 (**1849 г.**), 72 (**1849 г.**), 73 (**1849 г.**).

Разр. 30 (Подольская губерния), оп. 1, д. 23 (**1864 г.**), 32 (**1848 г.**).

Разр. 31 (Полтавская губерния), оп. 1, д. 3 (**1850 г.**), 9 (**1851 г.**), 17 (**1848 г.**), 18 (**1848 г.**), 21 (**1850-е** гг.), 23 (**1851 г.**).

Разр. 32 (Псковская губерния), оп. 1, д. 1 (**1850-е гг.**), 6 (**1848 г.**), 12 (**1849 г.**), 13 (**1849 г.**), 16 (**1849 г.**), 19 (**1851 г.**), 26 (**1856 г.**), 34 (**1848 г.**).

Разр. 32 (Рязанская губерния), оп. 1, д. 5 (**1850 г.**), 6 (**1850 г.**), 7 (**1850 г.**), 19 (**1854 г.**), 21 (**1850 г.**).

Разр. 34 (Самарская губерния), оп. 1, д. 11 (**1878 г.**), 16 (**1850-е гг.**).

Разр. 35 (С.-Петербургская губерния), оп. 1, д. 9 (**1850-е гг.**).

Разр. 36 (Саратовская губерния), оп. 1, д. 24, 48 (**1850-е гг.**).

Разр. 38 (Смоленская губерния), оп. 1, д. 9 (**1850-е гг.**).

Разр. 42 (Тульская губерния), оп. 1, д. 48 (**1850-е гг.**).

Опубликованные источники

Законодательство

ПСЗ-I, Т. 8, № 5645 (**1730 г.**), № 5768 (**1731 г.**); Т. 9, № 7046 (**1736 г.**); т. 11, № 8446 (**1741 г.**); т. 14, № 10786 (**1757 г.**); т. 17, № 12748 (**1766 г.**); Т. 22, № 16681 (**1788 г.**); Т. 45. Общее дополнение к тарифам (**1744 г.**).

ПСЗ-II, Т 6, № 4677 (**1831 г.**).

Свод законов Российской империи. Т. IV. СПб., 1830.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. № 62. М. 1925.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1928. № 51. М., 1928.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1930. № 40. М., 1930.

Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938 г. — 1961 г. М., 1961.

Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: 1962–1967, Т. 1. М., 1968.

Газеты

Биржевые ведомости. СПб., 1861–1879.

Ведомости (недельные, месячные и третные) Санкт-Петербургской распорядительной думы о справочных ценах в С.-Петербурге на все вообще припасы и материалы. 1853–1917. СПб., 1853–1917.

Ведомости С.-Петербургской городской полиции. СПб., 1839–1873.

Ведомость, учиненная в С.-Петербургской городской думе из поданных от рядских старост сведений, по каким ценам покупались разные нужнейшие припасы российские в С.-Петербурге на пристанях, площадях и рынке в [1832, 1834, 1835, 1836] году. Рукописная. РНБ.

Коммерческая газета. СПб., 1825–1860.

Посредник промышленности и торговли. СПб., 1840–1855.

Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1728–1917.

Санкт-Петербургские коммерческие ведомости. СПб., 1802–1810.

Санкт-Петербургский прейскурант, изданный от государственной Коммерц-коллегии. СПб., 1806–1814, 1816–1824, 1830–1857.

Северная почта. СПб., 1809–1819.

Северная пчела. СПб., 1825–1864.

Земские издания

Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии/Д. Н. Жбанков (сост.). Вып. 1, 2. Смоленск, 1894, 1896.

Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. 3. Вып. 1–15; Т. 4. Ч. 1, 2. М., 1881–1888, 1890, 1893.

Статистические сборники и сборники материалов

Бечаснов П. Статистические данные по выдаче ссуд на обсеменение и продовольствие населению, пострадавшему от неурожая в 1891–92 гг. (Временник ЦСК МВД. 1894. № 28)

Вильд Г. О температуре воздуха в Российской империи, на основании критического рассмотрения наблюдений, по предложению министра государственных имуществ, П. А. Валуева, разработал директор Главной физической обсерватории и член Имп. Академии наук г. Вильд.: В 2 вып. СПб., 1878–1882. Вып. 2.

Военно-конская перепись 1912 г. Пг., 1914.

Временник Центрального статистического комитета. 1889. № 7.

Всеобщая воинская повинность в Российской империи за первое десятилетие 1874–1883 гг. /Сост. А. А. Сырнев (Статистический временник Российской империи. Серия 3. Вып. 12. 1886). СПб., 1886.

Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за [1879–1913] год. СПб.; Пг., 1883–1916.

Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за [1858–1912] год. СПб.; Пг., 1861–1916.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за [1866–1913] год. СПб.; Пг., 1867–1916.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия/В. Б. Жиромская (сост.). СПб., 1999.

Движение населения в Европейской России за [1867–1910] год. СПб.; Пг., 1871–1916.

Движение хлебных грузов в Европейской России по губерниям в 1875 г. //Статистический временник Российской империи. Серия 2. Вып. 16. СПб., 1879. Отд. 2.

Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873.

Ежегодник Министерства финансов на [1869–1916] год. Вып. 1–46. СПб.; Пг., 1869–1917.

Ежегодник России 1905 г. С.-Петербург, 1906.

Ершов Г. Понижение выкупного платежа по указу 28 декабря 1881 года: Статистические таблицы// Статистический временник Российской империи. Серия 3. Вып. 5. 1885.

Заблоцкий-Десятовский А. П. Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб.: Гуттенбергова типография, 1836.

Заблоцкий-Десятовский А. П. Таблицы к статистическим сведениям о Санкт-Петербурге. СПб., 1836.

Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР: Статистический сборник/И. А. Краваль (ред.). М., 1936.

Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний: Труды Особого совещания 1899–1901 гг. /А. Д. Поленов (сост.). М., 1901.

Кауфман И. Статистика городских сберегательных касс//Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 10. Отд. 3. СПб., 1875.

Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: Сборник документов/С. Н. Валк (ред.). М., 1961.

Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг.: Сборник документов/А. В. Предтеченский (ред.). М., 1961.

Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг.: Сборник документов/С. Б. Окунь (ред.). М., 1962.

Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг.: Сборник документов/С. Б. Окунь, К. В. Сивков (ред.). М., 1963.

Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг.: Сборник документов/Л. М. Иванов (ред.). М., 1964.

Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: Сборник документов/П. А. Зайончковский (ред.). М., 1968.

Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг.: Сборник документов/А. С. Нифонтов (ред.). М., 1960.

Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: Сборник документов/А. В. Шапкарин (ред.). М., 1959.

Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.: Сборник документов/А. М. Анфимов (ред.). М., 1998.

Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны: Июль 1914 г. — февр. 1917 г.: Сборник документов/А. М. Анфимов (ред.). М., 1965.

Крестьянское движение в России: Июнь 1907 г. — июль 1914 г.: Сборник документов/А. В. Шапкарин (ред.). М., 1966.

Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1–3.

Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ: В 5 вып. СПб., 1858–1871.

Материалы для статистики Российской империи, изданные при Статист. отд. Совета МВД. СПб., 1839, 1841. Т. 1, 2.

Материалы к пересмотру договора России с Германией и другими иностранными государствами: Перевозки по русским железным дорогам. Ч. 1. Распределение перевозок хлебных грузов по губерниям и областям, и по портам и пограничным пунктам. СПб., 1914.

Материалы к продовольственному плану: Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1908–1913 гг.: В 2 вып. Пг., 1916.

Народное образование, наука и культура в СССР: Статистический сборник. М., 1977.

Народное хозяйство СССР в 1958 г.: Статистический ежегодник. М., 1959.

Население СССР: Статистический справочник. 1973. М., 1975.

Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: В 2 т. СПб., 1905.

Описание Архива Александро-Невской лавры. Пг., 1916. Т. 3.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода: В 50 т. СПб., 1868–1914. Т. 16, д. 336; Т. 18, Приложение 12, 14.

Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903:

Т. 1. Архангельская губерния. СПб., 1903.
Т. 2. Астраханская губерния. СПб., 1903.
Т. 3. Бессарабская губерния. СПб., 1903.
Т. 4. Виленская губерния. СПб., 1903.
Т. 5. Витебская губерния. СПб., 1903.
Т. 6. Владимирская губерния. СПб., 1903.
Т. 7. Виленская губерния. СПб., 1903.
Т. 8. Волынская губерния. СПб., 1903.
Т. 9. Воронежская губерния. СПб., 1903.
Т. 10. Вятская губерния. СПб., 1903.
Т. 11. Гродненская губерния. СПб., 1903.
Т. 12. Донского войска область. СПб., 1903.
Т. 13. Екатеринославская губерния. СПб., 1903.
Т. 14. Казанская губерния. СПб., 1903.
Т. 15. Калужская губерния. СПб., 1903.
Т. 16. Киевская губерния. СПб., 1903.
Т. 17. Ковенская губерния. СПб., 1903.
Т. 18. Костромская губерния. СПб., 1903.
Т. 19. Курляндская губерния. СПб., 1903.
Т. 20. Курская губерния. СПб., 1903.

Т. 21. Лифляндская губерния. СПб., 1903.
Т. 22. Минская губерния. СПб., 1903.
Т. 23. Могилевская губерния. СПб., 1903.
Т. 24. Московская губерния. СПб., 1903.
Т. 25. Нижегородская губерния. СПб., 1903.
Т. 26. Новгородская губерния. СПб., 1903.
Т. 27. Олонецкая губерния. СПб., 1903.
Т. 28. Оренбургская губерния. СПб., 1903.
Т. 29. Орловская губерния. СПб., 1903.
Т. 30. Пензенская губерния. СПб., 1903.
Т. 31. Пермская губерния. СПб., 1903.
Т. 32. Подольская губерния. СПб., 1903.
Т. 33. Полтавская губерния. СПб., 1903.
Т. 34. Псковская губерния. СПб., 1903.
Т. 35. Рязанская губерния. СПб., 1903.
Т. 36. Самарская губерния. СПб., 1903.
Т. 37. С.-Петербургская губерния. СПб., 1903.
Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1903.
Т. 39. Симбирская губерния. СПб., 1903.
Т. 40. Смоленская губерния. СПб., 1903.
Т. 41. Таврическая губерния. СПб., 1903.
Т. 42. Тамбовская губерния. СПб., 1903.
Т. 43. Тверская губерния. СПб., 1903.
Т. 44. Тульская губерния. СПб., 1903.
Т. 45. Уфимская губерния. СПб., 1903.
Т. 46. Харьковская губерния. СПб., 1903.
Т. 47. Херсонская губерния. СПб., 1903.
Т. 48. Черниговская губерния. СПб., 1903.
Т. 49. Эстляндская губерния. СПб., 1903.
Т. 50. Ярославская губерния. СПб., 1903.

Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Свод трудов местных комитетов. СПб., 1903–1905:

Земельное обложение/С. И. Шидловский (сост.). СПб., 1904.
Земельные захваты и межевое дело/С. И. Шидловский (сост.). СПб., 1904.
Землевладение/Сосновский И. В. (сост.). СПб., 1904.
Земство/С. И. Шидловский (сост.). СПб, 1904.
Косвенные налоги/Ф. Я. Несмелов (сост.). СПб., 1904.
Крестьянский правопорядок/А. А. Риттих (сост.). СПб., 1904.
Крестьянское землепользование/А. А. Риттих (сост.). СПб., 1903.
Охрана сельскохозяйственной собственности/Д. С. Флексор (сост.). СПб., 1904.
Принципиальные вопросы по крестьянскому делу с ответами местных сельскохозяйственных комитетов. СПб., 1904.
Просвещение/Н. Л. Петерсон (сост.). СПб., 1904.
Сельскохозяйственная техника/В. В. Бирюкович (сост.). СПб., 1903.
Финансовая политика и таможенное покровительство/Б. Ф. Брандт (сост.). СПб., 1904.
Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности, 1902–1904. СПб., 1904.
Общий свод трудов местных комитетов/С. И. Шидловский (сост.). СПб., 1905.

Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Свод трудов местных комитетов. Перечень докладов, помещенных в трудах местных комитетов/С. Ю. Лопатин (сост). СПб., 1905.

Отчет Государственного банка по выкупной операции с открытия выкупа по 1 января 1892 г. СПб., 1892.

Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за [1876–1895] год. СПб., 1878–1898.

Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за [1902–1914] год. СПб; Пг., 1906–1916.

Отчет по Главному тюремному управлению за 1903 год. СПб., 1905.

Отчет по Морскому ведомству за 1867 год. СПб., 1868.

Отчет по Морскому ведомству за 1897–1900 года. СПб., 1902.

Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. Ч. 2. Специальная (Таблицы и Приложения). 1894–1897. Владимир, 1899.

Отчеты главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел за [1907–1912] год. СПб., 1908–1914.

Подоходный налог: Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–10 году: Материалы к проекту положения о государственном подоходном налоге. СПб., 1910.

Положение о приеме рекрут, препровождении и содержании их в запасных рекрутских депо. СПб., 1808.

Предварительные данные о площадях посева зерновых культур в 57 губерниях и областях империи в 1916 г. Пг., 1917.

Распределение хлебных грузов по железным дорогам и водным путям в губерниях и опыт вычисления стоимости провоза хлеба к границе//Временник ЦСК МВД. 1889. № 7.

Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 1997.

Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 2007.

Россия: 1913 год: Статистико-документальный справочник/А. П. Корелин (ред.). СПб., 1995

Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева/ Авт.-сост. И. И. Шангина. Руководитель проекта В. М. Грусман. Научные редакторы Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб., 2004–2008. Т. 1. Костромская и Тверская губернии; Т. 2, ч. 1, 2. Ярославская губерния; Т. 3. Калужская губерния; Т. 4. Нижегородская губерния; Т. 5, ч. 1–5. Вологодская губерния.

Санкт-Петербург: Юбилейный статистический сборник. 1703–2003: В 3 ч./И. И. Елисеева, Е. И. Грибова (ред.). СПб., 2004.

Сборник ответов на предложенные имп. Вольным экономическим обществом вопросы по изучению неурожая 1891 года/Я. О. Калинский (ред.). СПб., 1893.

Сборник сведений по Европейской России за 1882 год. СПб., 1884.

Сборник сведений по России. 1896 год. СПб., 1897.

Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой, девятый, десятый. Пг., 1915, 1916, 1917.

Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли России/В. И. Покровский (ред.). СПб., 1902. Т. 1.

Сборник статистических сведений по СССР. 1918–1923. Труды ЦСУ. Т. 18. М., 1924.

Сборник трудов Высочайше учрежденной Комиссии для составления Положения о всеобщей воинской повинности. СПб., 1873.

Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России/[Батюшков, Ранненкампф, Никитин (сост.)]. СПб., 1894.

Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века: В 3 вып. СПб., 1902.

Свод урожайных сведений за годы 1883–1915: (Материалы ЦСК по урожаям на надельных землях). М., 1928.

Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. /Н. П. Огановский, Н. Д. Кондратьев (ред.). М., 1923.

Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев: 12 вып. СПб., 1884–1905. Вып. 8: Густота посева полевых растений в России (1898); Вып. 11: Применение и распространение в России сельскохозяйственных машин и орудий (1903).

Сельскохозяйственные орудия и машины в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1912.

Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

Статистика пожаров в Российской империи за 1895–1910 годы. СПб., 1912.

Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 году. Пг., 1915.

Статистика Российской империи. Том XL. Сборник сведений по России. 1896 г. СПб., 1897.

Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России/П. И. Дмитриев, В. В. Морачевский (сост.). СПб., 1906.

Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858.

Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год/А. Бушен (ред.). СПб., 1863.

Статистический временник Российской империи. Вып. 1. СПб., 1866.

Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 10. СПб., 1875.

Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 16. СПб., 1879.

Статистический временник Российской империи. Серия 3. Вып. 5. СПб., 1885.
Статистический ежегодник России 1916 г. М., 1918.
Статистический ежегодник России. [1904–1915] год. СПб., Пг., 1905–1916.
Статистический ежегодник С.-Петербурга за [1881–1909] год. Год 1–29. СПб., 1881–1917.
Статистический сборник за 1913–1917 гг.: В 2 вып. М.:, 1921, 1922.
Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929.
Устав рекрутский. СПб., 1831.
Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян. Вып. 2. СПб., 1857.

Приложение 2

Использованная литература

А. Г. Записки южнорусского крестьянина//Устои. 1882. № 2.

А. И. Гучков рассказывает...//Вопросы истории». 1991. № 7/8.

Абдурахманова И. В. Массовое правосознание в России в начале XX в.: факторы формирования и механизм трансформации (1900–1917 гг.): Ростов на/Д, 2007. § 2.4. Делегитимация монархической власти в массовом правосознании (1900–1916 гг.).

Аврамов П. Г. К вопросу о физическом развитии детей и юношей: результаты исследования учеников Нижегородского «Владимирского» училища//Врачебная газета. 1914. № 50.

Аврамов П. Г. Материалы по военно-медицинской статистике: Опыт разработки «медицинских листов». СПб., 1895.

Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование)/Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1989.

Аграрные технологии в России IX–XX вв.: Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы/Л. В. Милов (ред.). Арзамас, 1999.

Аграрный вопрос: Сборник статей. 2-е изд. М., 1906.

Адибек-Меликян Э. А. Революционная ситуация в России накануне Октября. Ереван: Айастан, 1967.

Акимов Ф. И. Большевики Украины в борьбе за солдатские массы (1914 — март 1917 гг.). Киев; Одесса, 1989.

Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. Воспоминания. Л., 1984.

Александров В. А. Российское крестьянство в середине XVII — середине XIX в.//История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма/З. В. Удальцова (гл. ред.). М., 1986.

Алексеева Т. И. Антропологический облик русского народа//Русские/В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук (ред.). М., 2003.

Алексеева Т. И. Изменчивость основных компонентов тела человека в зависимости от уровня липидов в сыворотке крови. М., 1970.

Алфеев И. Я. К вопросу об измерении роста и груди у людей, поступающих на военную службу// Военно-санитарное дело. 1887. № 41, 42, 43.

Алфеев И. Я. О соотношении веса, роста и окружности груди у человека//Военно-медицинский журнал. 1912. Март. Т. 233. Кн. 3.

Алфеев И. Я. Об изменении веса у молодых солдат в первые месяцы их службы//Военно-медицинский журнал. 1903. № 12.

Аманжолова Д. А. Еврейские погромы в Российской империи: 1900–1916. М., 1998.

Американская русистика: Вехи историографии последних лет: Императорский период/ Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001.

Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть/В. Ю. Черняев (ред.). СПб., 1994.

Андреев А. М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975.

Андреев Д. Т. Материалы по воинскому присутствию Краснинского уезда 1874–1895 гг. //Вестник общественной гигиены. 1899. № 4, 5, 10.

Андросов В. П. Хозяйственная статистика России. М., 1827.

Анимелле Н. Быт белорусских крестьян//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 2. СПб., 1854.

Анненский Н. Ф. Средние урожаи главнейших хлебов//Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства/А. И. Чупров, А. А. Постников (ред.). СПб., 1897. Часть 2.

Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977.

Антология социально-экономической мысли в России: Дореволюционный период/А. И. Кравчено (ред.). СПб., 2000.

Антропов П. А. Финансово-статистический атлас России. СПб., 1898.

Антропология на пороге III тысячелетия. Материалы конференции. Москва, 29–31 мая 2002 г.: В 2 т./Т.И Алексеева и др. (ред.). М., 2004.

Анучин Д. Н. О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874–1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. СПб., 1899.

Анучин Д. Н. Расы//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 51. СПб., 1899.

Анфимов А. М. Продовольственные долги как показатель экономического положения крестьянства дореволюционной России: Конец XIX — начало XX в.//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 4. М., 1960.

Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1916 г.). М., 1962.

Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901–1912 гг.)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964.

Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX — начало XX века). М., 1969.

Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России: 1881–1904 гг. М., 1980.

Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881–1904 гг. М., 1984.

Анфимов А. М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах: (Опыт подтверждения и опровержения)//Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1992.

Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.

Анфимов А. М., Осипова Т. В. Историографические итоги и задачи изучения истории российского крестьянства периода империализма//Советская историография аграрной истории СССР (до 1917)/В. Я. Янин (ред.). Кишинев, 1978.

Анфимов А. М., Соловьева А. М. Изучение социально-экономической истории пореформенной России//Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2. Дооктябрьский период/А. Л. Нарочницкий (ред.). М., 1978.

Аншелиевич Р. А., Штейн И. М. Физическое развитие и заболеваемость молодежи Сибкрая, Далькрая и Бурято-Монголии по данным призыва родившихся в 1904 г. //Сибирский медицинский журнал. Новосибирск. 1927. № 8–9.

Араловец Н. А. Смертность городского населения России в 90-е годы XIX в. — 20-е годы XX в.: социально-экологический аспект//Историческая экология и историческая демография/Ю. А. Поляков (ред.). М., 2003.

Арефьев Б. В. Солдат империи. М., 2003.

Арзуманян А. А. Вопросы марксистско-ленинской теории обнищания пролетариата//Коммунист. 1956. № 10.

Арсентьев Н. М. Российская модернизация XVIII — начала XX в.: проблемы экономического развития и социально-политического выбора//Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы Десятой юбилейной всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2011. Т. 1.

Арсентьев Н. М. Экономическое положение рабочих Замосковного горного округа в первой половине XIX в.//Металлургическая промышленность России XVIII–XX веков/Н. М. Арсентьев (ред.). Саранск; Екатеринбург, 2007.

Арсеньев К. И. Исследования о численном соотношении полов в народонаселении России//Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч. 5. № 1.

Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848.

Артынов А. Я. Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Архангельский А. Село Давшино, Ярославской губ., Пошехонского уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 2. СПб., 1854.

Архангельский С. В. Физическое развитие рабочих льняной мануфактуры «Заря социализма»//Гигиена труда. 1926. № 12.

Архипов И. Л. Российская политическая элита в феврале 1917: Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000.

Асташев А. Б. Деструктивное поведение солдат русской армии в Первой мировой войне как фактор утраты целостности России//Россия в новое время: единство и многообразие в истори-

ческом развитии: Материалы Рос. межвуз. науч. конф., 28–29 апр. 2000 г. /А. П. Логунов (ред.). М., 2000.

Афанасьев Д. Ф. Ковенская губерния. СПб., 1861.

Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта: В 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997, 1998.

Бабанасянц З. И. К вопросу о весе и длине доношенных новорожденных//Медицинское обозрение Спримона. 1886. Т. 26. № 15.

Бабарыкин В. Сельцо Васильевское, Нижегородской губ., Нижегородского уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб., 1853.

Бабкин М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007.

Бабкин М. А. Священство и царство (Россия начала XX в. — 1918 г.): Исследования и материалы. М., 2011.

Бадак А. Н. и др. Обострение внутренних противоречий в Первую мировую войну//Всемирная история: В 24 т./И. А. Алябьева и др. (ред.). Т. 19. Первая мировая война. Минск, 1996.

Баев А., Жук Н. Физическое развитие и болезненность призывных бывшего Буинского кантона ТатССР (годы рождения 1903, 1904, 1905, 1906)//Вопросы оздоровления Татарии. Казань, 1932. Вып. 2.

Базелер У., Сабов З., Хайнрих Й., Кох В. Основы экономической теории: принципы, проблемы, политика: Германский опыт и российский путь: Учебник для вузов, СПб., 2000.

Баранович М. С. Рязанская губерния. СПб., 1860.

Баранский Н. Н. Краткий курс экономической географии. Вып. 2. Общий обзор СССР в целом. М.; Л., 1931.

Баринова Е. П. Власть и поместное дворянство России начала XX века: итоги и перспективы изучения//Вестник Самарского государственного университета. История. 2004. № 1 <http://weblib.ssu.samara.ru/DLib/vestnik/documents/200410902.html>.

Баринова Е. П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара, 2006.

Барышников М. Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998.

Барышников М. Н. Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. С.-Петербург, 2006.

Баткис Г. А., Лекарев Л. Г. Теория и организация советского здравоохранения. М., 1961.

Бауер А. К. К вопросу о физическом развитии подрастающего женского организма: Рост и вес. СПб., 1900.

Баулин В. Материалы к измерениям у здоровых солдат роста, веса, объема груди, жизненной емкости легких, силы ручных кистей вместе и силы подъема. СПб., 1889.

Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.

Башкиров П. Н. Учение о физическом развитии человека. М., 1962.

Башуцкий А. П. Панорама Санкт-Петербурга: В 3 ч. СПб., 1834.

Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов, 2004. Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/files/r21820/bezgin.pdf.

Безденежных И. С. Эпидемиология. 4-е изд. М., 1981.

Безносиков К. С. Самарская губерния. СПб., 1853.

Безобразов М. А. О желаниях русского дворянства во время освобождения крестьян с запиской камергера М. А. Безобразова//Русский архив. 1888. № 12.

Бекаревич А. А. К изучению в медико-топографическом и статистическом отношении губернского города Минска. СПб., 1890.

Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.

Белиловский К. А. К вопросу об антропологическом типе преступника. СПб., 1895.

Белихин В. Г. Реформирование земельных отношений в России в XIX–XX вв. М., 2000.

Беллерт С. Н. Медико-статистическое исследование Кинешемского уезда Костромской губернии. СПб., 1903.

Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства. Paris; [Leipzig]: A. Frank etc., 1858.

Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция: 1914 — февраль 1917 гг.: по материалам Калужской и Орловской губерний. Дисс. канд. ист. наук. Калуга, 2007.

Белова Т. В. О социально-психологической характеристике стачечного движения в Верхнем Поволжье в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.)//Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развития культуры народа: В 3 ч. Кострома, 1994.

Белоглазов А. В. Большевики Поволжья в борьбе против милитаризма и войны (1914 — февраль 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990.

Белоглазов М. М. Вырождение населения Тамбовской губернии//Вестник общественной гигиены. 1905. Октябрь.

Белогурова Т. А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы первой мировой войны (1914 — март 1917 г.). 2-е изд. Смоленск, 2006.

Белый Б. И. Тест Роршаха: практика и теория. СПб., 1992.

Беляев А. В. Материал для исследования влияния учебных заведений на физическое развитие учащихся. СПб., 1888.

Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России. 1901–1916/Под ред. В. М. Барашникова, С. Д. Голубевой, Н. Я. Морачевского: В 3-х т. Л., 1958–1960.

Белянин Д. Н. Переселения крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы//Российская история. 2011. № 1.

Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России: Наблюдения и исследования. СПб., 1869.

Бердяев Н. А. Духи русской революции//Вехи: Из глубины. М., 1991.

Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, составленная в декабре 1903 г.). М., 1902.

Берлинерблау М. И. Физическое развитие детей в сиротском приюте Московского губернского земства за 1901–1905 гг. М., 1908.

Бернейз Э. Пропаганда. М., 2010.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке: Очерки. М., 1958.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М., 1973.

Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

Беспалов С. В. Социально-экономическое развитие России в конце XIX — начале XX века и проблемы предпосылок революции 1917 года//1917 год. Россия революционная/В. М. Шевырин (ред.). 2-е изд. М., 2009.

Бессер А., Баллод К. Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851–1890 годы (Зап. Имп. Академии наук по историко-филологическому отд. 1897. Т. 1. № 5).

Бехтеев С. С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему: В 3 т. СПб., 1902, 1906, 1911.

Бехтеев С. С. К возрождению или к разложению? (Размышления старого земца). М., 1905.

Бехтеев С. С. Доклад о подъеме благосостояния крестьянства. СПб., 1906.

Бехтерев В. М. О причинах самоубийства и о возможной борьбе с ним//Вестник знания. 1912. № 2.

Бибершайн Р. Й., фон. Миф о заговоре: Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков/Пер с нем. СПб., 2010.

Бибин М. А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000.

Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961.

Бинштok В. И., Каминский Л. С. Народное питание и народное здравие в войну 1914–1918 гг. М.; Л., 1929.

Бирман И. Уровень русской жизни (а также американской): вопросы, материалы, сравнения, некоторые ответы. М., 2004.

Бишофф Г., Гоффман В., Швининг Г. и др. Руководство по военной гигиене: В 4 т. СПб.; Пг., 1912–1915.

Благовидов И. А. Материалы к исследованию здоровья инородцев Симбирской губернии, Буинского уезда (чуваш, мордвы, татар), собранные посредством измерения роста, окружности груди, емкости легких и веса. СПб., 1886.

Благотворительные учреждения Российской империи: В 3 т. СПб., 1900.

Блиох И. С. Влияние железных дорог на экономическое состояние России: В 5 т. СПб., 1878.

Блиох И. С. Финансы России XIX столетия: В 4 т. СПб., 1882.

Блуменау С. Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII в. (1945–1993 гг.). Брянск, 1995.

Бобков Ф. Д. Из записок бывшего крепостного человека//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Бобровский П. О. Гродненская губерния. СПб., 1863. Ч. 1–2.

Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988.

Бовыкин В. И., Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И. Стачечное движение в России в 1895–1913 гг.: Структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата// История СССР. 1986. № 3.

Приложение 2

Бовыкин В. И., Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И. Стачечное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (опыт корреляционного анализа)//История СССР. 1986. № 6.

Богданов Е. А. Кормление лошадей суррогатами овса и сена. 2-е изд. М., 1919.

Боголюбов В. А. Удельные крестьяне//Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Юбилейное издание: В 6 т./А. К. Дживилегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета (ред.). М., 1911. Т. 2.

Боголюбов Н. Ф. К вопросу о влиянии профессиональных занятий, при условиях городской жизни, на физическое развитие организма, величину роста и заболеваемость новобранцев из жителей города//Мед. прибавление к Морскому вестнику. 1893. № 8.

Богословский С. М. Физическое развитие и здоровье промышленных рабочих и служащих г. Москвы (по данным диспансерного обследования 1924–25 г.). М., 1927.

Богословский С. М. Состояние здоровья промышленных рабочих и служащих. М., 1928.

Богоявленский Д. Д. Российские самоубийства и российские реформы//Население и общество. 2001. № 52.

Бокарев Ю. П. «Умом Россию не понять» (поведение крестьян в революционную эпоху)//Революция и человек: Социально-психологический аспект//П. В. Волобуев (ред.). М., 1996.

Бокарев Ю. П. Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях)// Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)/А. А. Горский (ред.). М., 1996.

Бокарев Ю. П. Российская экономика в мировой экономической системе (конец XIX — 30-е гг. XX в.)//Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд/В. А. Виноградов (ред.). М., 2001.

Бокарев Ю. П. Темпы роста промышленного производства в России в конце начале XX в.//Экономический журнал. 2008. № 1 (11).

Большакова О. В. Между двумя юбилеями: англоязычная историография отмены крепостного права//Российская история. 2011. № 4.

Большакова О. В. Отмена крепостного права в России: Англоязычная историография 60–90-х годов//Реферативный журнал: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. 1999. Вып. 4.

Большакова О. В. Власть и политика в России XIX — начала XX века: Американская историография. М., 2008.

Большакова О. В. Русская революция глазами трех поколений американских историков (Обзор)//1917 год. Россия революционная. 2-е изд. М., 2009.

Бондырев А. П. Материалы к измерению роста и отдельных частей тела у детей. СПб.: М., 1902.

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

Борисов В. И. Продовольственная политика на Юге России (август 1914 — март 1921). Автореф. дис. ... докт. ист наук. М., 1996.

Борман А.А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лювэн; Вашингтон, 1964.

Боровка В. А. Санитарное обследование городских училищ и учащихся: (Наблюдения и исследования, произведенные в С.-Петербургских городских училищах). СПб., 1913.

Бородкин Л. И. Концепции и методы синергетики в историко-экономических исследованиях// Проблемы экономической истории: человек и общество в мировой экономике/М. В. Бибиков (ред.). М., 2002.

Бородкин Л. И. Методологические аспекты исследования цивилизационной динамики: синергетический подход//Социальные трансформации в российской истории: Доклады международной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М., 2004.

Бородкин Л. И. Дореволюционная индустриализация и ее интерпретации//Экономическая история: Обозрение. Вып. 12. М., 2006.

Бородкин Л. И. Синергетика и история: моделирование исторических процессов//История и Математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов/А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин (ред.). М., 2007.

Бородкин Л. И., Валетов Т. Я. Микроанализ данных о квалификации и динамике заработной платы рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина (конец XIX — начало XX вв.)// Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001.

Бородкин Л. И., Валетов Т. Я. Росла реальная зарплата рабочих в период капиталистической индустриализации? (Микроанализ архивных материалов)//Вестник Рос. гуманит. научного фонда. 2002. № 1.

Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В. «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010.

Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И. Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце XIX — начале XX в.//Россия и США на рубеже XIX–XX вв.: Математические методы в исторических исследованиях/Л. В. Милов (ред.). М., 1992.

Борщукова Е. Д. Патриотические настроения россиян в годы первой мировой войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981.

Боханов А. Н. Император Николай II. 4-е изд. М., 2006.

Бочкарев В. Н. Быт помещичьих крестьян//Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Юбилейное издание: В 6 т./А. К. Дживилегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета (ред.). М., 1911. Т. 3.

Брачев В. С. «Победоносный февраль» 1917 года: масонский след//Брачев В. С., Шубин А. В. Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007.

Брачев В. С., Шубин А. В. Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007.

Брачность, рождаемость, семья за три века/А. Г. Вишневский, И. С. Кон (ред.). М., 1979.

Брук С. И. Население мира: Этно-демографический справочник. М., 1981.

Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения в России в XVIII — начале XX века//История СССР. 1984. № 4.

Брут А. Учебная статистика или этнографико-статистическое обозрение пяти первоклассных держав Европы (до 1848 года), с краткою теорией статистики: В 6 кн. СПб., 1850–1853.

Брэдли Д. Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в позднеимперской России//Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: Вторая половина XIX — начало XX века/Б. Пиетров-Эннкер и Г. Н. Ульянова (ред.). М., 2007.

Брэдли Д. Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в позднеимперской России//Российская история. 2011. № 2.

Будаев Д. И. Западнорусская деревня в XIX в.: культурно-бытовые условия крестьян//Россия сельская: XIX — начало XX века/А. П. Корелин (ред.). М., 2004.

Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в. М., 2000.

Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005.

Бузин В. С. Этнография русских: Учебное пособие. СПб., 2007.

Букалова С. В. Орловская губерния в годы первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 февраль 1917 года). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 2005.

Булатова Л. В. Продовольственная политика царского и Временного правительств и ее реализация на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002.

Булгаков С. Н. Капитализм и земледелие//Антология социально-экономической мысли в России: дореволюционный период/Г. В. Атоян и др. (сост.); А. И. Кравченко (ред.). СПб., 2000.

Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы первой мировой войны//На пути к революционным потрясениям: Из истории России второй половины XIX — начала XX века/В. Н. Плешков и др. (ред.). СПб., 2001.

Булдаков В. П. Историографические метаморфозы «Красного Октября»//Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996.

Булдаков В. П. Имперство и российская революционность (критические заметки)//Отечественная история. 1997. № 1.

Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

Булыгин И. А. Положение крестьян и товарное производство России: Вторая половина XVIII века (по материалам Пензенской губернии). М., 1966.

Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977.

Бунак В. В. К вопросу об изменении физических признаков европейского населения в последние десятилетия (перед войной)//Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 1–2.

Бунак В. В. Антропометрические материалы для установления размеров одежды. М.; Л., 1932. Вып. 1, 2.

Бунак В. В. Географическое распределение роста призывного населения СССР по данным 1927 г. // Антропологический журнал. 1932. № 2.

Бунак В. В. Об изменении роста мужского населения СССР за 50 лет//Антропологический журнал. 1932. № 1.

Бунак В. В. Рост и обхват груди взрослого мужского населения СССР//Швейная промышленность. 1932. № 5–6.

Бунак В. В. О некоторых случаях изменения средней величины признаков в смешивающихся популяциях//Труды Медицинского генетического ин-та. 1936. Т. 4.

Бунак В. В. Опыт типологии и стандартизации тела и стандартизация главных антропометрических размеров//Уч. зап. МГУ. 1937. Вып. 10. Антропология.

Бунак В. В. Теоретические вопросы учения о физическом развитии и его типах у человека//Уч. зап. МГУ. 1940. Вып. 34. Антропология.

Бунак В. В. Антропометрия. Практический курс. Пособие для университетов. М., 1941.

Бунак В. В. Изменения относительной длины сегментов скелета конечностей человека в период роста//Изв. Академии педагогических наук РСФСР. 1957. Вып. 84.

Бунак В. В. Закономерности относительного роста как основного фактора формообразования в позднем (постнатальном) онтогенезе//Архив анатомии, гистологии, эмбриологии. 1961. Вып. 2.

Бунак В. В. Происхождение и этническая история русского народа//Труды Ин-та этнографии АН СССР. 1965. Т. 88.

Бунак В. В. Об увеличении роста и ускорении полового созревания современной молодежи в свете советских соматологических исследований//Вопросы антропологии. 1968. Вып. 28.

Бунаков И. О ближайших путях развития России (По поводу статей кн. Евг. Трубецкого)//Заветы.1914. Июль. Отд. 8.

Буняковский В. Я. Опыт о законах смертности в России и о распределении православного народонаселения по возрастам//Приложение к 8-му т. Записок имп. Академии наук. 1865. № 6.

Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде, М., 1967.

Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия, М., 1971.

Буржуазная историография Февральской революции в России: Реферативный сборник/Н. В. Романовский и др. (ред.). М., 1974.

Буржуазная историография Февральской революции в России: Реферативный сборник/Г. З. Иоффе, Н. В. Романовский (ред.). М., 1974.

Бусыгин Е. П. Русское сельское населения Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX в.). Казань, 1966.

Бухараев В. М., Люкшин Д. И. Крестьяне России в 1917 г.: Пиррова победа общинной революции//1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов междунар. науч. конф., состоявшейся 21–22 окт. 1997 г. в Москве/С. В. Тютюкин (отв. ред.) и др.]. М., 1998.

Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи в начале XX века: Новые материалы, методы, результаты. М., 1996.

Бушен А. Об устройстве источников статистики населения в России. СПб., 1864.

Бьеркегрен Х. Скандинавский транзит: Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917. М., 2007.

Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии)/Авторы-составители Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993.

Бэдкок С. Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции//Отечественная история. 2007. № 4.

Бюджеты крестьян Старобельского уезда. Харьков, 1915.

В. В. [Воронцов В. П.] Прогрессивные тенденции в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892.

Важнов В. К. К вопросу о влиянии народной школы на физическое развитие учащихся//Врач. 1899. Т. 20. № 4, 5.

Вайнштейн А. Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М., 1924.

Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития//Плановое хозяйство. 1927. № 7, 8.

Вайнштейн А. Л. Из истории предреволюционной статистики животноводства//Очерки по истории статистики СССР. Сб. 3. М., 1960.

Вайнштейн А. Л. Избранные труды: В 2 кн. М., 2000.

Вайсенберг С. А. Влияние недоедания и болезней на физическое развитие детей//Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 3–4.

Валетов Т. Я. Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции//Экономическая история. Обозрение. Вып. 13. М., 2007.

Валицкая М. К. Исследование здоровья рабочих на табачных фабриках//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1889. Сентябрь. Кн. 3.

Ван Меенен М. А., Уорак-Хемметт Р. К. Изучение российской и советской истории в Канаде//Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков/А. Н. Сахаров (ред.). М., 1996.

Варб Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и законодательстве: Общественно-юридические очерки. М., 1899.

Варга Е. Капитализм после второй мировой войны: Избранные произведения: М., 1974.

Варзар В. Е. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. СПб., 1910.

Варзар В. Е. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 гг. СПб., 1905.

Варфоломеев Ю. В. Слухи о царской измене в контексте «политической порнографии» России накануне Февральской революции//Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2.

Васильев В. И. К вопросу о влиянии сельской школы на физическое развитие учащихся//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1900. Март; ноябрь.

Васильев И. В. Мои воспоминания//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России: (Материалы и очерки). М., 1960.

Васильев С. В., Урысов М. И. Виктор Валерианович Бунак: патриарх отечественной антропологии// Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века/В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин (ред.). М., 2004.

Васильевский Н. П. К вопросу о влиянии народной школы на здоровье и физическое развитие учащихся детей, по наблюдениям, произведенным в 1893–94-м учебном году над учениками земских школ Ковровского уезда//Врач. 1895. Т. 16. № 2, 3.

Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб., 1999.

Васильчиков А. И. Земледелие и землевладение в России и других европейских государствах: В 2 т. СПб., 1876.

Велецкий С. Н. Земская статистика: [Справочная книга по земской статистике]: В 2 ч. М., 1899, 1900.

Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Юбилейное издание: В 6 т./А. К. Дживилегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета (ред.). М., 1911.

Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия/Т. Шанин (сост.). М., 1992.

Вельдер Р. К вопросу о феномене подсознательной агрессивности//Общественные науки и современность. 1993. № 3.

Верхопятницкий Д. Тяжесть налогов довоенного и настоящего времени для крестьянского населения Новгородской губернии. Новгород, 1923.

Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет: В 4 т. М., 1909.

Веселовский Б. Б. Земство и земская реформа. М., 1918.

Вилькинс И. Я. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности. М., 1843.

Вильсон И. И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 1–3-е изд. СПб., 1851–1863.

Вильсон И. И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 4-е изд. СПб., 1869.

Вильямс Ст. Либеральные реформы при нелиберальном режиме: Создание частной собственности в России в 1906–1915 гг. М., 2009.

Виноградов В. А., Арсентьев Н. М., Бородкин Л. И. Экономическая история и современность: к 20-летию Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. Саранск, 2009.

Виноградова Н. М. Русская урожайная статистика: (организация и методы)//Вестник статистики. 1925. Кн. 23. № 10–12; 1926. Кн. 24. № 1–6.

Виноградова Н. М. Организация текущей урожайной статистики в русских земствах//Памяти Николая Алексеевича Каблукова: Сборник статей по статистике. М., 1927. Т. 2.

Виноградова-Лукирская М. И. К вопросу об исследовании роста и веса учениц средних учебных заведений//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1894. Кн. 2.

Вирст Ф. Х. Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи как то: о причинах дороговизны, о переменах в достоинствах денег и государственного торгового баланса... и тому подобном. СПб., 1807.

Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. Таллинн; М., 1994.

Вихляев П. А. Очерки из русской сельскохозяйственной действительности. СПб., 1901.

Вишневски Э. Прогрессисты во время Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.

Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994.

Вишневски Э. Капитал и власть в России: Политическая деятельность прогрессивных предпринимателей в начале XX века. 2-е изд. М., 2006.

Вишневский А. Г. Избранные демографические труды: В 2 т. М., 2005.

Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России//Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР//А. Г. Вишневский (ред.). М., 1977.

Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Вишневский Б., Гагаева М. Рост призывного населения Буинского уезда и его способность к несению военной службы//Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 3–4.

Вишневский Б. Н. К антропологии великорусского населения Пермской губернии//Русский антропологический журнал. 1916. № 1–2.

Владимиров В. Н., Плодунова В. В., Силина И. Г. Метрические книги как источник по истории народонаселения Алтайского края//Компьютер и историческая демография/В. Н. Владимиров (ред.). Барнаул, 2000.

Властовский В. Г. Акцелерация роста и развития детей (эпохальная и внутригрупповая). М., 1976.

Власть земли: Традиционная экономика крестьянства России XIX века — начала XX века/Сост., автор введения и ред. Ю. И. Семенов: В 2 т. М., 2002, 2003.

Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия/А. Ф. Киселев (ред.). М., 1993.

Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия/В. В. Журавлев (ред.). М., 1995.

Власть и реформы: От самодержавной к советской России/СПб., 1996.

Влияние неурожаев на народное хозяйство России: В 2 ч./В. Г. Громан (ред.). М.; Л., 1927.

Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства: В 2 т./А. И. Чупров, А. С. Постников (ред.). СПб., 1897.

Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.

Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1974.

Водарский Я. Е., Иваньков П. А. Распаханность земель Европейской России в первой половине XVIII в.//Социально-экономические проблемы российской деревни. Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории, Ростов н/д. 1978/В. Т. Пашуто (ред.). Ростов н/д, 1980.

Водовозова Е. Н. На заре жизни//Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц/Сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. М., 2001.

Воейков М. И., Бокарев Ю. П. 150 лет отмены крепостного права и судьбы капитализма в России. М., 2011.

Военная энциклопедия/В. Ф. Новицкий, А. В. Шварц и др. (ред.). В 18 т. СПб., 1911–1915.

Военно-статистический сборник/Н. Н. Обручев (ред.). Вып. 4. Россия. СПб., 1871.

Военно-статистический сборник на 1868 год/Н. Н. Обручев (ред.). Вып. 1. Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия и прочие государства Германии. СПб., 1867.

Волков В. В. К вопросу об аграрном перенаселении в России в конце XIX — начале XX в. (к 110-летию начала работы «Комиссии Центра»//Клио. 2012. № 1 (61).

Волков Е. З. Аграрно-экономическая статистика России в итогах ее научных и методологических достижений земского опыта и практики последних пяти лет революционного перелома: 1865–1922. 2-е изд. М.; Пг., 1923.

Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М., 1930.

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

Волков С. М. Забытая война. Просмотр 27.12.2011: <http://swolkov.ru/publ/27.htm>.

Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия в 1917 году. М., 1964.

Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: Теория, история, современность. М., 1987.

Волобуев П. В. Исторические корни Октябрьской революции//Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть/В. Ю. Черняев (ред.). СПб., 1994.

Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению//Вопросы истории. 1996. № 5–6.

Володин А. Ю. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М., 2009.

Воробьев В. В. Реферат работы В. И. Васильева «К вопросу о влиянии сельской школы на физическое развитие учащихся»//Русский антропологический журнал. 1900. № 4.

Воробьев В. В. Великорусы//Русский антропологический журнал. 1900. № 1.

Воронин Г. Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия//Социологический журнал. 2009. № 3.

Воронина Т. А. Пост в традиционном питании русских XIX века//Расы и народы. Вып. 25/И. В. Власова (ред.). М., 1998.

Воронина Т. А. Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области//Русский Север: Ареалы и культурные традиции/Т. А. Бернштам, К. В. Чистов (ред.). СПб., 1992.

Воскресенская Н. О. Вопросы зернового производства России в конце XIX — начале XX века в отечественной литературе//Проблемы истории СССР. Вып. IX. М., 1979.

Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Воспроизводство населения СССР/А. Г. Вишневский, А. Г. Волков (ред.). М., 1983.

Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000.

Вронский О. Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999.

Всемирная история: В 24 т./И. А. Алябьева и др. (ред.). Минск, 1996–1998.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

Выборнова М. А. Деятельность медицинских структур по обслуживанию населения российской провинции во второй половине XIX — начале XX века (на материалах Самарской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.

Вышогрод Я. Д. Материалы по антропологии кабардинского народа (Адыге). СПб., 1895.

Вяземский Н. В. Изменения организма в период сформирования (возрасты от 10–20 лет): В 2 т. СПб., 1901.

Габинский А. М. К сравнительной характеристике физического развития населения Одесского округа//Русский антропометрический журнал. 1929. Т. 18. Вып. 1–2.

Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма 1861–1900. М., 1985.

Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.

Гакаев Ж. Ж. Большевики в борьбе за массы в годы первой мировой империалистической войны (1914 — март 1917 г.). Грозный, 1984.

Гакаев Ж. Ж. Большевики в борьбе за солдатские гарнизоны в Октябрьской революции: (На материалах Дона и Сев. Кавказа). Грозный, 1987.

Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1.

Галкина Е., Колиненко Ю. Поиски России в новой русской историософии//Пушкин: Русский журнал о книгах. 2009. № 3.

Гамбурцев В. А., Кузнецов О. Л. Физическое развитие и особенности сложения работников автотранспорта//Гигиена и патология труда авторабочих/О. Л. Кузнецов (ред.). М.; Л., 1930.

Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826.

Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991.

Ганелин Р. Ш. 24 февраля 1917 г. в Петрограде//Клио.1998. № 2.

Ганелин Р. Ш. 25 февраля 1917 г. в Петрограде//Вопросы истории. 1998. № 7.

Ганелин Р. Ш. 26 февраля 1917 г. в Петрограде//Петербургская историческая школа: Альманах памяти В. И. Старцева/С. Н. Полторак (ред.). СПб., 2002.

Ганелин Р. Ш. О происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде//Проблемы всемирной истории. Сб. статей в честь А. А. Фурсенко/Б. В. Ананьич (ред.). СПб., 2000.

Гапон Г. А. История моей жизни. 2-е изд. Л., 1926.

Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.

Гатагова Л. С. Москва во власти охлоса: (о погромах немцев в 1915 г.)//Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания. М., 2004.

Гвоздев С. [Клепиков А. К.]. Записки фабричного инспектора: (из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.). М., 1911.

Гейфман А. Революционный террор в России: 1894–1917. М., 1997.

Генеральное учреждение о сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и о наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче не истинною поступать будет. СПб., 1766.

Геннинг К. А. Материалы к изучению влияния военной службы на физическое развитие нижних чинов. СПб., 1895.

Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1996.

Герасюнина Ю. Н. Страхование рабочих от несчастных случаев в России в конце XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саранск, 2006.

Герман И. Ф. Сочинение о сибирских рудниках и заводах: В 2 ч. СПб., 1797, 1798.

Герман К. Ф. Замечания к таблицам, показывающим цены нужнейшим съестным припасам в Москве, с 1782 по 1803 год//Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 2; 1808. Т. 2. Ч. 1.

Гернет М. Н. Моральная статистика: (Уголовная статистика и статистика самоубийств): Пособие для статистиков и криминалистов. Вып. 1–2. М., 1922–1927.

Герценштейн Г. М. Физическое качество русских новобранцев//Вестник военного дела. 1888. № 40, 41.

Герштейн Ф. Е. Возраст появления менструаций и начала половой жизни у работниц г. Харькова в связи с влиянием периода недоедания//Материалы по антропологии Украины. Сб. 2. Национальные и социальные различия в физических признаках населения Украины. Харьков, 1926.

Гессен В. М. На рубеже. СПб., 1906.

Гетрелл П. Экономическое и социальное развитие России в начале XX в.//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы международного коллоквиума историков/В. С. Дякин (ред.). СПб., 1992.

Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка/Публ. В. Г. Бортневского и В. Ю. Черняева. Вступ. ст. и комм. В. Ю. Черняева//Русское прошлое. 1991. Кн. 1.

Гигиена питания/К. С. Петровский (ред.): В 2 т. М., 1971.

Гилинский Я. И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002.

Гилинский Я. И. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб., 2007.

Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л., 1989.

Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957.

Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения//Вопросы истории. 2002. № 8–9.

Глотов С. В. Физическое развитие и болезненность населения призывного возраста Сергачевского уезда по данным призыва рождения 1903, 1904, 1905 гг. //Нижегородский сборник здравоохранения. 1928. № 6.

Гоголевский А. В. Очерки истории русского либерализма XIX — начала XX в. СПб., 1996.

Година Е. З. Половой диморфизм и высокогорный стресс//Женщина в аспекте физической антропологии: Материалы Международной конференции «Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен» (Москва, 1–4 июня, 1993 г.)/Г. А. Аксянова (ред.). М., 1994.

Година Е. З. Динамика процессов роста и развития у человека: пространственно-временны́е аспекты. Автореф. ... докт. биол. наук. М., 2001.

Година Е. З. Ауксология человека — наука XXI века: проблемы и перспективы//Антропология на пороге III тысячелетия. Материалы конференции. Москва, 29–31 мая 2002 г. /Т. И. Алексеева и др. (ред.). М., 2004. Т. 2.

Година Е. З. Человеческое тело и социальный статус//В кн.: Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследования/М. Л. Бутовская (ред.). М., 2004.

Година Е. З. и др. Московские дети: основные тенденции роста и развития на рубеже столетий// Вопросы антропологии. Вып. 91, 92. М., 2005.

Година Е. З., Миклашевская Н. Н. Экология и рост: влияние факторов окружающей среды на процессы роста и полового созревания у человека//Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Сер. Антропология. Том 3/А. И. Шнирельман (ред.). М., 1989.

Годыцкий-Цвирко Е. О. Потребление главнейших продуктов петербургским населением в 1897 и 1901 гг. //Журнал охраны народного здравия. 1901. № 2–3.

Гозулов А. И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972.

Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М., 1965.

Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001.

Головин Н. Н. Россия в первой мировой войне. М., 2006.

Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977.

Голубин Р. В. Военно-промышленные комитеты Нижегородской губернии (Организация и хозяйственно-экономическая деятельность в годы Первой мировой войны). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2003.

Голубинов А. Я. Продовольственный вопрос в российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии)//Вестник Самарского гос. ун-та. 2007. № 5/3 (55).

Гончаров В. Январские дни 1905 года в Петербурге//Каторга и ссылка. 1932. № 1.

Гордеев П. Н. 25 октября 1917 года в Петрограде: штрихи к портрету города в исторический день// Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды/А. Б. Николаев (ред.). СПб., 2010.

Гордон Г. И. Современные самоубийства//Русская мысль. 1912. № 5.

Горловский М. А., Павленко Н. И. Материалы совещания уральских промышленников 1734–1736 гг. // Исторический архив. Т. 9. М., 1953.

Города России в 1904 году. СПб., 1906.

Города России в 1910 году. СПб., 1914.

Городецкий Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930–1960-е годы. Очерки. М., 1982.

Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х годов. Очерки. М., 1981.

Горская Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006.

Горская Н. И. Свободный крестьянин перед мировым и волостным судом (местная юстиция в 1860–1880-х гг.)//Российская история. 2011. № 1.

Горский П. А. К характеристике физического развития населения Бобруйского уезда Минской губернии: По данным призывных списков воинского присутствия за 1874–1899 гг. СПб., 1910.

Горянинов С. Уставы о воинской повинности. Изд. 2-е. СПб., 1884.

Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915.

Градосельская Г. В. Субъективные и объективные оценки благосостояния//Социологический журнал. 2003. № 3. С. 86–98.

Грасс Л. И. Страхование сельскохозяйственных посевов от неурожая. Казань, 1892.

Грацианов Н. А. Материалы для изучения физического развития детского и юношеского возраста в зависимости от наследственности и успешности в школьных занятиях. СПб., 1889.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001.

Гребенкин И., Белова И. Первая мировая: великая «забытая» война // Исторические исследования в России – III: Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. М., 2011.

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.

Гридчин Ю. В. Гражданское общество в России накануне кризиса 1917 г. Проблемы формирования гражданского общества/З. Т. Голенкова (ред.). М., 1993.

Грим Г. Основы конституционной биологии и антропометрии. М., 1967.

Гримм О. А. Рыболовство и рыбоводство//Россия в конце XIX века/В. И. Ковалевский (ред.). СПб., 1900.

Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003.

Грудзинский Дм. К вопросу об определении способностей здорового человека к военной службе// Современная медицина. 1864. № 42, 48.

Груздев М. Е. О нормальном весе, росте и окружности груди детей школьного возраста (мальчиков). СПб., 1910.

Грузенберг О. О. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938.

Грязнов П. И. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. СПб., 1880.

Гумилев. О физическом исследовании рекрутов в 1869 г. в Кронштадте//Медицинское прибавление к Морскому сборнику. СПб., 1871.

Гундобин Н. П. Особенности детского возраста: Основные факты к изучению детских болезней. СПб., 1906.

Гурвич И. А. Экономическое положение русской деревни. М., 1896.

Гурко В. Устои народного хозяйства России: Аграрно-экономические этюды. СПб., 1902.

Гурьев А. Н. Реформа денежного обращения: В 2 ч. СПб., 1896.

Гусев М. И. Опыт разработки вопроса о сравнительной годности к отбыванию воинской повинности различных национальностей, комплектующих русскую армию//Военно-медицинский журнал. 1910. Июнь.

Гучков А. И. Речь военного и морского министра, председателя ЦВПК А. И. Гучкова//Отчет о торжественном заседании Центрального военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917.

Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах//Записки имп. Русского технического общества. 1912. Январь-март.

Давыдов А. А. Развитие человека в России: долгосрочный прогноз//Социологические исследования. 2011. № 7.

Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб., 2010.

Давыдов М. А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы//Российская история. 2011. № 1.

Далингер А. П. Медико-статистическое исследование татарского населения Астраханского уезда. СПб., 1887.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Даниельсон Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.

Данилов В. П. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации//Исторические записки. М., 1956. Т. 55.

Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия: Учебное пособие. М., 2009.

Дедюлин С. А. К вопросу о причинах физического вырождения русского народа (Составлено по отчетам Государственного Контроля в диаграммах и таблицах). Доклад высоч. утвержденному Обществу для содействия русской промышленности и торговле, сообщ. 25 марта 1899 г. СПб., 1900.

Деконский Г. К. Пензенская губерния. СПб., 1849.

Дементьев Е. М. К вопросу о физическом развитии человека и фабричных рабочих в частности// Труды Второго съезда русских врачей в Москве. М., 1887.

Дементьев Е. М. Развитие мышечной силы человека в связи с общим его физическим развитием. М., 1889.

Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. 2-е изд. М., 1897.

Демографическая модернизация России: 1900–2000/А. Г. Вишневский (ред.). М., 2006.

Демографический энциклопедический словарь/Д. И. Валентей (гл. ред.). М., 1985.

Деникер И. Человеческие расы. СПб., 1902.

Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004.

Дерябин В. Е. Биометрические методы в отечественной антропологии: последние 100 лет//Антропология на пороге III тысячелетия/Т.И Алексеева и др. (ред.). М., 2004. Т. 2.

Дерябин В. Е., Пурунджан АЛ.. Географические особенности строения тела населения СССР. М., 1990.

Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: Модернизация Западной Европы с XV в. по 1980-х гг. М., 1998.

Дик А. Я. Материалы к исследованию роста, веса, окружности груди и жизненной емкости легких детского и юношеского возрастов, основанные на наблюдениях, сделанных в С.-Петербурге. СПб., 1883.

Диунов М. Ю. Тыловые гарнизоны русской армии в 1917 году: (По материалам губерний Верхнего Поволжья). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999.

Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960.

Дмитриев В. К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 1911.

Доброзраков М. Село Ульяновка, Нижегородской губ., Лукояновского уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб., 1853.

Добротворский М. И. Опыт истории и методологии статистики животноводства. СПб., 1909.

Доклад директора Департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9 января//Красная летопись. 1922. № 1.

Документы о кирпичном производстве XVII–XVIII вв.//Материалы по истории СССР. Т. 5. М., 1957.

Домонтович М. Черниговская губерния. СПб., 1865.

Дорожкин А. Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. М., 2004.

Дорожкин А. Г. Рабочий вопрос в дореволюционной России в трактовке немецкоязычного россиеведения XX в.//Проблемы российской истории. Вып. 7. Магниторгорск, 2006.

Дорожкин А. Г. «Социально-историческое направление» в германском россиеведении второй половины XX в.//Проблемы российской истории. Вып. 6. Магниторгорск, 2006.

Дорожкин А. Г. Предпосылки и последствия реформы 1861 г. в трактовке германских историков// Проблемы российской истории. Вып. 8. Магниторгорск, 2007.

Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. М., 1973.

Дроздов И. Г. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л., 1930.

Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: В 2 т. М.; Л., 1946. Т. 1.; М., 1958. Т. 2.

Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. М., 1987.

Дружинин Н. М. Кризис феодально-крепостнического строя//История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях, в 12 томах. Первая серия. Т. 4. Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в./А. В. Фадеев (ред.). М., 1967.

Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе: 1861–1880 гг. М., 1978.

Дубов А. И. Профессор В. В. Бунак — выдающийся антрополог XX в. (К 110-летию со дня рождения)//Этнографическое обозрение. 2001. № 5.

Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.

Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963.

Думный В. В. Люди будущего или люди без будущего? Социал-демократическая интеллигенция России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2003.

Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.

Дунаевская Т. Н. Об изменении размеров и формы тела у детей Центрального района РСФСР с 1957 по 1975 г. //Куршакова Ю. С. и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978.

Дурасов Г. П. Народная пища Каргополья (по материалам XIX–XX вв.)//Советская этнография. 1986. № 6.

Дьюкс П. Девять точек зрения на Российскую революцию//Россия, 1917: Взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998.

Дьюкс П. Октябрь в людских умах: от Фрейда к междисциплинарному взгляду на русскую революцию//1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов междунар. науч. конф., состоявшейся 21–22 окт. 1997 г. в Москве/С. В. Тютюкин (ред.). М., 1998.

Дэвид-Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России//Американская русистика: Вехи историографии последних лет: Императорский период/ Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000.

Дюркгейм Э. Норма и патология//Социология преступности: (Современные буржуазные теории)//Б. С. Никифоров (ред.). М., 1966.

Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны: (1914–1917). Л., 1967.

Дякин В. С. Витте и двухтомник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства»//Монополии и экономическая политика в конце XIX — начале XX века: К проблеме исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции/В. И. Бовыкин (ред.). Л., 1987.

Дякин В. С. Выбор пути экономического развития России (конец XIX — начало XX в.)//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы международного коллоквиума историков/В. С. Дякин (ред.). СПб., 1992.

Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства, 1892–1914 гг.: Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997.

Дякин В. С. Структура имущих верхов России в конце XIX — начале XX в.: к постановке вопроса// Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002.

Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002.

Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник//Проблемы архивоведения и источниковедения: Материалы научной конференции архивистов Ленинграда 4–6 февраля 1964 г. /В. В. Бедин (ред.). Л., 1964.

Егиазарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959.

Ельмеев В. Я. Индекс человеческого развития как методологический инструмент сравнительного социального анализа//Л. А. Вербицкая (ред.) Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2001.

Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965.

Епископян Л. М. Генетика ростовых процессов в армянской популяции. Ереван, 2000.

Ерещенко Д. Ю. Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892.

Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах: Всенародная агрономия: В 4 т. СПб., 1905.

Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос: В 2 ч. СПб., 1909.

Ермолов А. С. Всенародная агрономия. М., 1996.

Ерофеев Н. Д. Уровень жизни населения в России в конце XIX — начале XX в.//Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2003. № 1.

Ершов Г. Ф. Физическое развитие призывников Пермского округа//Уч. зап. Пермского ун-та. Отд. медицины. 1931. Вып. 2, 3.

Есин Б. И. Русская дореволюционная газета: 1702–1917: Краткий очерк. М., 1971.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877. Ч. 1.

Ефимов А. И. Санитарное положение татар Курмышского уезда//Вестник общественной гигиены. 1905. № 8.

Ефимова И. В. Уровень жизни и питание крестьян Тихвинского Полесья во второй половине XIX в.//Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII–XIX вв.): Межвузовский сборник научных статей/А. Л. Шапиро (ред.). Пермь; Сыктывкар, 1985.

Ефимова М. Р., Бычкова С. Г. Социальная статистика. М., 2004.

Жбанков Д. Н. О влиянии народной школы на физическое развитие учащихся//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1889. Кн. 3.

Жбанков Д. Н. Библиографический указатель по земско-медицинской литературе. М., 1890.

Жбанков Д. Н. Некоторые выводы о санитарном состоянии фабрик и заводов Смоленской губернии и данные измерения рабочих//Врач. 1896. № 11–16.

Жбанков Д. Н. Физическое развитие призываемых к отбыванию воинской повинности//Медицинская беседа. 1904. № 7–8.

Жбанков Д. Н. Библиографический указатель по общественной медицинской литературе за 1890–1905 гг. М., 1907

Жбанков Д. Н. О самоубийствах в последние годы//Русское богатство. 1909. № 4. С. 29.

Жбанков Д. Н. Современные самоубийства//Современный мир. 1910. № 3.

Железкин В. Г. Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма//Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1900–1917 гг.). Свердловск, 1991.

Желтова В. П. Стачечная борьба российского пролетариата в 1910–1912 годах. М., 1993.

Жилин А. П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. //Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории/Ю. А. Писарев, В. Л. Мальков (ред.). М., 1994.

Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. Монографический сборник/У. К. Брумфилд, Б. А. Рубл (ред.). М., 2002.

Жомова В. К. Материалы по изучению брачных связей в русском населении//Вопросы антропологии. 1965. № 21.

Жуков Б. С. Очерк трехлетних работ антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического научно-исследовательского института (1925–1927 гг.)//Известия ассоц. научн.-исслед. ин-тов при физ.-мат. факультете МГУ. 1928. Т. 1. Вып. 1, 2.

Жукова Л. А. Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество, 1864–1917. М., 1998.

Жуковский А. М. Санктпетербургская губерния. СПб., 1851.

Заболотный Е. Б. Революция 1917 года на Урале (Историография). Тюмень, 1995.

Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.

Зайончковский П. А. Советская историография реформы 1861 г. //Вопросы истории. 1961. № 2.

Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд. М., 1968.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

Зайцев Вл. Влияние колебаний урожаев на естественное движение населения//Влияние неурожаев на народное хозяйство России/В. Г. Громан (ред.). Ч. 2. М., 1927.

Зак Н. В. Физическое развитие детей в среднеучебных заведениях г. Москвы: Материалы для оценки санитарного состояния учащихся. I. Рост и окружность груди. М., 1892.

Залезский К. В. Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии, составленная по сведениям, собранным Саратовской комиссией для уравнения денежных сборов с государственных крестьян. СПб., 1859.

Залькинд В. Опыт медико-топографического описания города Вильны. Вильно, 1891.

Заманский В. А. Физическое развитие рабочих мартеновского цеха завода «Красная кровля»//Труд и здоровье мартеновских рабочих Верхне-Исетского завода «Красная кровля». Свердловск, 1928. Вып. 2.

Заманский В. А. Физическое развитие рабочих прокатных цехов завода «Красная кровля»//Труд и здоровье мартеновских рабочих Верхне-Исетского завода «Красная кровля». Свердловск, 1930. Вып. 2.

Заманский В. А. Показатели физического развития рабочих хромпикового завода//Материалы Свердловского кабинета изучения профессиональных заболеваний и окружного отделения труда. Свердловск, 1930. Вып. 3.

Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947.

Заозерская Е. И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века. М., 1953.

Запад и западные ценности в российском общественном сознании/В. И. Пантин (ред.). М., 2002.

Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника февральской революции. Т. 1. 1917 г. Февраль-май. Пг., 1924.

Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. История налогов в России: IX — начало XX в. М., 2006.

Захаров Н. Н. Неспособность к службе и смертность нижних чинов армии, призыва 1905 г. СПб., 1912.

Захарова О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII — начала XX века: Коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы. М., 2003.

Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М., 2003.

Защук А. И. Бессарабская область. СПб., 1862. Ч. 1, 2.

Защук И. И. Содержание офицеров и врачей: (Сборник выдержек из Свода военных постановлений, приказов, циркуляров и т. п.). СПб., 1913.

Зварич В. В. Нумизматический словарь. 3-е изд. Львов, 1979.

Зверева Г. И. Дискурс «Другого» как инструмент формирования государственно-национальной идентичности: Образы России и США в современных российских учебниках высшей школы//Россия и США на страницах учебников: Опыт взаимных репрезентаций/В. И. Журавлева, И. И. Курилла. Волгоград, 2009.

Зейлигер М. Л. Материалы для исследования физического развития учащихся в начальных школах г. Петрозаводска. СПб., 1900.

Земан З., Шарлау В. Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991.

Земан З. А., Шарлау В. Кредит на революцию: План Парвуса. М., 2007.

Земское самоуправление в России 1864–1918: В 2 кн./Н. Г. Королева (ред.). М., 2005.

Земцов Б. Н. 1917 год в истории России: [Учеб. пособие]/Моск. гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана. М., 1995.

Земцов Б. Н. Две России: (Гражданское общество в преддверии революции)//Свободная мысль. 1996. № 10.

Земцов Б. Н. Ментальность масс в канун «великих потрясений»//Свободная мысль. 1997. № 11.

Земцов Б. Н. Революция 1917 гг.: социальные предпосылки. М., 1999.

Земцов Б. Н. Социально-психологические предпосылки революции 1917 г. в России. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.

Земцов Б. Н. Историография революции 1917 г. //Международный исторический журнал. 1999. № 2. Просмотр 29.12.2011: <http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_9/Literature/Zemcov.htm#74>.

Зенкевич П. И., Алмазова Н. Я. Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет//Куршакова Ю. С. и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978.

Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — XX вв.). М., 1997.

Зимин И. В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. М., 2011.

Зисельсон Е. И. Положение рабочих обрабатывающей промышленности С.-Петербургской губернии в первой половине XIX столетия (1800–1861). Дисс. Л., 1952.

Знаменский О. Н. Советские историки о соотношении стихийности и организованности в Февральской революции//Свержение самодержавия/И. И. Минц (ред.). М., 1970.

Зограф Н. Ю. Антропометрические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. М., 1892.

Золин П. М. Преступность в стране в 1909–1928 гг. Сравнительная статистика//Советское государство и право. 1991. № 5.

Золотарев А. М. Записки военной статистики. Т. 1. Теория статистики. Общее обозрение России. Вооруженные силы. СПб., 1885.

Золотухин А. С., Соколов П. Н. Научно-врачебный контроль над физическим развитием человека: Применительно к требованиям физической культуры, исследованиям физического развития массового характера, военнослужащих, школьных и профессиональных групп. Л., 1925.

Зориков А. Н. Криминальная ситуация как результат и фактор социальной мобильности России в начале XX в.//Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль/П. В. Волобуев (ред.). М., 1997.

Зорин А. Н. и др. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

Зорин А. Н. Уровень жизни//Зорин А. Н. и др. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

Зорин А. Н. Города и посады дореволюционного Поволжья: Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI — начала XX в. Казань, 2001.

Зубарева В. В. К вопросу об изменчивости морфофункциональных признаков у детей и подростков бывшего СССР (этнотерриториальный аспект)//Антропология на пороге III тысячелетия/Т.И Алексеева и др. (ред.). М., 2004. Т. 2.

Зубков И. В. Учительская интеллигенция России в конце XIX — начале XX в. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2008.

Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в американской и буржуазной историографии. М., 1976.

Зябловский Е. Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний: В 6 ч. СПб., 1810.

Зябловский Е. Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ея состоянии с предварительными понятиями о статистике и с общим обозрением Европы в статистическом виде: В 5 ч. СПб., 1815.

Зябловский Е. Ф. Российская статистика: В 2 ч. М., 1832.

Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991.

Иванов Е. П. Отечественная историография аграрного перенаселения//Вопросы истории. 1971. № 12.

Иванов Л. М. Состояние и задачи изучения истории пролетариата России//Вопросы истории. 1960. № 3.

Иванов Л. М. Страховой закон 1912 года и его практическое применение//Отечественная история. 1995. № 5.

Иванова М. В. Экономическое развитие России и большие циклы мировой конъюнктуры//Экономическое наследие Н. Д. Кондратьева и современность/Л. Д. Широкорад, В. Т. Рязанов (ред.). СПб., 1994.

Ивановский А. А. Об антропологическом составе населения России. М., 1904.

Ивановский А. А. Об изменении физических признаков населения России под влиянием голодания//Наука на Украине. 1922. № 4.

Ивановский А. А., Рождественский А. Г. Насколько верны выводы проф. Н. Ю. Зографа в его «Антропометрические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний», и имеют ли эти «исследования» какое-либо научное значение? М., 1893.

Иванцов Д. Н. К критике русской урожайной статистики: Опыт анализа некоторые официальных и земских текущих данных. Пг., 1915.

Ивапица А. Домашний быт малоросса Полтавской губернии, Хорольского уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб., 1853.

Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. СПб., 1902 (3-е изд. Л., 1925).

Игнатович И. И. Месячина в России в первой половине XIX в.//Историк-марксист. 1927. № 3.

Игнатович И. И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века. М., 1963.

Из истории рабочего класса и революционного движения/В. В. Альтман (ред.-сост.). М., 1958.

Из истории экономической мысли и народного хозяйства России/Н. К. Фигуровская (ред.). Вып. 1: В 2 ч. М., 1993.

Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2. Дооктябрьский период/А. Л. Нарочницкий (ред.). М., 1978.

Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС/С. С. Хромов (ред.). М., 1982.

Илинский П. А. Рекрутские наборы в г. Юрьеве Владимирской губернии//Архив судебной медицины. 1871. № 4.

Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. Контрреформы в России: Циклы модернизации процесса. М., 1996.

Ильюхов А. А. Борьба с пьянством и погромами в Петрограде в 1917 г. //К истории русских революций: События, мнения, оценки: Памяти И. И. Минца/И. Х. Урилов (отв. ред.). М., 2007.

Ильюхов А. А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М., 2007.

Ильюхов А. А. Люмпенизация населения в Российской провинции в 1917 году: К вопросу об особенностях общественного сознания и классовой борьбы//Академик П. В. Волобуев: Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи/Г. Н. Севостьянов (ред.). М., 2000.

Ильюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине: Хроника событий. Смоленск, 2007.

Ильюхов А. А. Роль солдат в революции 1917 г., или кто «делал» революцию в Смоленской губернии//1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов междунар. науч. конф., состоявшейся 21–22 окт. 1997 г. в Москве/С. В. Тютюкин (отв. ред.) и др.]. М., 1998.

Индова Е. И. Урожаи в Центральной России за 150 лет (Вторая половина XVII–XVIII в.)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965 г. /В. К. Яцунский (ред.).М., 1970.

Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц/Сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. М., 2001.

Интеллигенция в России: Сб. ст./К. Арсеньев, Н. Гредескул, М. Ковалевский и др. С.-Петербург, 1910.

Иншаков С. М. Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования. Просмотр 6.01.2011: <http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov (10–04–10).htm>.

Ионичев Н. П. Большевики — организаторы и руководители революционной борьбы пролетариата в годы первой мировой войны и Февральской революции в России (на материалах губерний Верхнего Поволжья). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970.

Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. М., 1996.

Исаев П. О. Библиография отечественной литературы по вопросам физического развития и физического воспитания детского и взрослого населения. Алма-Ата, 1957.

Искендеров А. А. Закат империи. М., 2001.

Исследование современного состояния скотоводства в России: В 4 вып. М., 1884–1893.

Истории России. XX век: 1894–1939/А. Б. Зубов (ред.). М., 2010. Т. 1.

Историко-статистический обзор промышленности России: В 2 т. Т. 1. Сельскохозяйственные произведения, огородничество, садоводство и домашние животные. Горная и соляная промышленность/Д. А. Тимирязев (ред.). СПб., 1883.

Исторический обзор правительственных распоряжений по народному продовольствию в России: В 2 ч. СПб., 1859, 1860.

Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию России: В 2 ч. СПб., 1892, 1893.

Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ, 1837–1887: В 5 ч. СПб., 1888.

История Коммунистический партии Советского Союза/Б. Н. Пономарев (руководитель). М., 1960.

История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 3. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений/З. В. Удальцова (гл. ред.). М., 1986.

История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма/А. Копанев (ред.). СПб., 1994.

История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: В 3 т. Т. 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма/Н. А. Горская (ред.). М., 1990.

История Москвы: В 6 т. Т. 3. Период разложения крепостного строя/Н. М. Дружинин (ред.). М., 1954.

История Московского университета. В 2 т./М. Н. Тихомиров (ред.). М., 1955.

История политических партий России/[Думова Н. Г., Ерофеев Н. Д., Тютюкин С. В. и др.]/А. И. Зевелев (ред.). М., 1994.

История рабочих Ленинграда: 1702–1965. Т. 1. 1703 — февраль 1917/В. С. Дякин (ред.). Л., 1972. Т. 1.

История России в вопросах и ответах/С. А. Кислицын (сост.). 3-е изд. Ростов н/Д, 2011.

История России XVIII–XIX вв.: Учебное пособие для вузов/Л. В. Милов (ред.). М., 2006.

История России XIX — начала XX в.: Учебник/В. А. Федоров (ред.). 4-е изд. М., 2008.

История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти: 1917–1927/Г. В. Шарапов (ред.). М., 1986.

История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 1. Советская экономика 1917–1920 гг./И. А. Гладков (отв. ред.). М., 1976.

История СССР с древнейших времен до наших дней: В двух сериях, в 12 т. Первая серия/Б. А. Рыбаков (гл. ред.). М., 1967–1968.

История СССР. Т 2. Россия в XIX веке: Кризис феодализма. Утверждение капитализма/М. В. Нечкина (ред.). 3-е изд. М., 1955.

История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. /Л. В. Черепнин (ред.). М., 1956.

История СССР: XIX — начало XX в./И. А. Федосов (ред.). Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для студентов исторических специальностей высших учебных заведений. 2-е изд. М., 1987.

История уделов за столетие их существования. 1797–1897: В 3 т. Т. 2. Крестьяне дворцовые, государевы и удельные. СПб., 1901.

Источниковедение истории СССР/И. Д. Ковальченко (ред.). М., 1973.

Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в./И. А. Федосов (ред.). М., 1970.

К вопросу о борьбе с чрезмерной смертностью в России и вырождением народа. Доклад правления общему собранию гг. членов Благотворительного христолюбивого общества самопомощи в болезнях в С.-Петербурге 17 ноября 1902 г. о деятельности правления. СПб., 1905.

К истории русских революций: События, мнения, оценки: Памяти И. И. Минца/И. Х. Урилов (отв. ред.). М., 2007.

Кабанес П., Насс Л. Революционный невроз//Революционный невроз. СПб., 1998.

Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997

Кабанов В. В. А был ли крах Столыпинской аграрной реформы?//Россия сельская: XIX — начало XX века/А. П. Корелин (ред.). М., 2004.

Кабанов П., Ерман Р., Кузнецов Н., Ушаков А. Очерки истории российского пролетариата (1861–1917). М., 1963.

Кабештов И. М. Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России: Очерки по экономии землевладения и земледелия. 2-е изд. М., 1908.

Кабо Е. О. Питание русского рабочего до и после войны: По статистическим материалам 1908–1924 гг. М., 1926.

Кабо Р. М. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований)/Под ред. и с вступит. статьей Г. Шуба. М., 1918.

Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в.: (По материалам ревизий). М., 1963.

Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVII — первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971.

Кабузан В. М. Крепостное население России в XVIII в. — 50-х годах XIX в. (численность, размещение, этнический состав). СПб., 2002.

Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.) Саратов, 1982.

Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990.

Кабытов П. С. П. А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. 2-е изд. М., 2007.

Кавторин В. В. Первый шаг к катастрофе: свободное размышление строго по документам (О предыстории событий 9 января 1905 г.). СПб., 1992.

Казанцев Б. Н. Рабочие Москвы и Московской губернии в середине XIX века (40–50–е годы). М., 1976.

Казенная продажа вина/Н. О. Осипов (ред.). Изд. Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900.

Калантар А. А. Животноводство//Россия в конце XIX века/В. И. Ковалевский (ред.). СПб., 1900.

Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001.

Каниевский А. И. Несколько заметок о народной пище в Золотоношенском уезде//Полтавские губернские ведомости. 1855. № 34.

Канищев В. В. Можно ли измерить параметры «русского бунта»?//Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе: Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2001.

Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный: Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1996.

Кантор В. «... Есть европейская держава»: Россия: Трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997.

Кантор В. К. Русская классика, или Бытие России. М., 2005.

Кантор В. К. Между произволом и свободой: к вопросу о русской ментальности. М., 2007.

Капшуков С. Г. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны (1914 г. — март 1917 г.). М., 1957.

Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. М., 2007.

Каррер д'Анкосс Э. Незавершенная Россия. М., 2005.

Карсаевская Т. В. Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. Л., 1970.

Катков Г. М. Февральская революция. М., 2006.

Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России: В 2 кн. М., 1908.

Кауфман А. А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1917.

Кауфман А. А. Статистическая наука в России: Теория и методология. 1806–1917: Историко-критический очерк. М., 1922.

Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958.

Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994.

Кахк Ю. Ю. «Остзейский путь» перехода от феодализма к капитализму: Крестьяне и помещики Эстляндии и Лифляндии в XVIII — первой половине XIX века. Таллинн, 1988.

Кащенко С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России: Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. М.; СПб., 2009.

Кевеш П. Теория индексов и практика экономического анализа. М., 1990.

Кельнер В. Е. Создание и деятельность Осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати: 1906–1917 гг. //Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. 5/В. Р. Фирсов и др. (ред.). СПб., 2011.

Кенигсберг М. М. Опыт медико-топографического исследования города Оренбурга. СПб., 1886.

Кеппен П. И. О потреблении хлеба в России//Журнал Министерства внутренних дел. 1840. № 6.

Кеппен П. И. Таблица, заключающая в себе исчисления средних цен на различные предметы торговли с 1824 по 1843 г. //Журнал Министерства народного просвещения. 1845. Ч. 46.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993.

Кильмяшкин А. Е. Проведение крестьянской реформы 1861 года в Саратовской губернии. Саранск, 1997.

Кинг Г., Вильсон П. Романовы. Судьба царской династии. М., 2005.

Кириков С. В. Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII–XIX вв.): Степная зона и лесостепь. М., 1959.

Кириков С. В. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966.

Киркор А. К. Этнографический взгляд на Виленскую губернию//Этнографический сборник, изд. РГО. Вып. 3. СПб., 1858.

Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.)// Отечественная история. 1993. № 3.

Кирьянов Ю. И. Правые партии в России, 1911–1917. М., 2001.

Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.

Кирьянов Ю. И. Рабочие России и война: Новые подходы к анализу проблемы//Первая мировая война: Пролог XX в./В. Л. Мальков (ред.). М., 1998.

Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих России в годы первой мировой войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.). М., 2005.

Кирьянов Ю. И. Социокультурные факторы политического выбора в России начала XX в.//Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе: Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2001.

Киселев И. Н., Корелин А. П., Шелохаев В. В. Политическая карта России в 1905–1907 гг.: Количественный анализ//Россия и США на рубеже XIX–XX вв.: Математические методы в исторических исследованиях/Л. В. Милов (ред.). М., 1992.

Кистяковский В. В. Учебник экономической географии: Россия сравнительно с важнейшими государствами мира. СПб.; Киев, 1911.

Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: Очерки правительственной политики. Л., 1978.

Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России: 1914 — октябрь 1917 г.). Л., 1985.

Китанина Т. М. Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг.: Промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение. Л., 1991.

Китанина Т. М. Россия в первой мировой войне 1914–1917 гг.: Экономика и экономическая политика. Ч. 1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны: 1914 — середина 1916 г. СПб., 2003.

Клепиков С. А. Питание русского крестьянства. Ч. 1. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920.

Клочков М. В. Очерки подушной переписи при Петре Великом//Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Январь.

Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. М., 1958.

Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

Книга приходо-расходных комнатных денег императрицы Екатерины I (1723–1725 гг.)//Русский архив. Т. 1. 1874, № 3.

Книпович Б. Н. Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920). М., 1920.

Князьков С. А. Быт дворянской Москвы конца XVIII и начала XIX века//Москва: Быт, XIV–XIX века/А. Р. Андреев (сост.). М., 2005.

Князьков С. А. Граф П. Д. Киселев и реформа государственных крестьян//Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Юбилейное издание: В 6 т./А. К. Дживилегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета (ред.). М., 1911. Т. 2.

Кобылин В. С. Анатомия измены: Истоки антимонархического заговора. СПб, 2005.

Кобылин В. С. Анатомия измены: Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев: истоки антимонархического заговора. 2-е изд. СПб., 2007.

Ковалев-Рунский Н. П. Отчет о выборе рекрут в гвардейский экипаж в 1869 году//Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1871. Вып. 12.

Ковалевский В. И., Левитский И. О. Статистический очерк молочного хозяйства в северной и средней полосах Европейской России. СПб., 1879.

Коваленко Н. А. 1917 год. Новые подходы и взгляды. М., 2001.

Ковальченко И. Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в.//История СССР. 1959. № 1.

Ковальченко И. Д. К истории скотоводства в России в первой половине XIX века//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства. Сб. 4/А. А. Новосельский. М., 1960.

Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.

Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в.: Опыт количественного анализа. М., 1974.

Ковальченко И. Д. Изучение социально-экономического развития России второй половины XIX в.//Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС/С. С. Хромов (ред.). М., 1982.

Ковальченко И. Д. Аграрное развитие России и революционный процесс//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы межд. коллоквиума историков/Д. Гайер и др. (ред.). СПб., 1992.

Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М., 2004.

Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII — первой половине XIX в.//История СССР. 1966. № 4.

Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Д., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы исследования. М., 1982.

Кованько П. Л. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция 1861–1907 гг.). Киев, 1914.

Коенкер Д. П. Рабочий класс в 1917 г.: социальная и политическая самоидентификация//Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть/В. Ю. Черняев (ред.). СПб., 1994.

Кожурин Ю. Ф. Модернизация и индустриализация России в контексте цивилизационного и стадиального подхода//Индустриальное наследие: Материалы III Межд. научной конференции: г. Выкса, 28 июня — 1 июля 2007 г. Саранск, 2007.

Козер Л. А. Функции социального конфликта. М., 2000.

Козлов С. А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-черноземные губернии). М., 2002.

Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. 2-е изд. СПб., 2001.

Козлов Х. О пище крестьян//Земледельческая газета. 31 августа 1845. № 70.

Козьминых-Ланин И. М. Артельное харчевание фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1915.

Козьминых-Ланин И. М. Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912.

Колганов М. В. Национальный доход: (Очерки по истории и теории вопроса). М., 1959.

Колесников В. В. Материалы к характеристике физического развития населения Юго-востока РСФСР//Кубанский научно-медицинский вестник. Краснодар, 1926. Т. 5.

Колоницкий Б. И. Центры буржуазной печатной пропаганды в Петрограде и их крушение (март-октябрь 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация: К изучению политического сознания Февральской революции//1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов междунар. науч. конф., состоявшейся 4–5 февр. 1997 г. в Москве/П. В. Волобуев (ред.). М., 1997.

Колоницкий Б. И. К изучению механизмов десакрализации монархии: Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны//Историк и революция: Сб. статей к 70-летию Олега Николаевича Знаменского/Н. Н. Смирнов (ред.). СПб., 1999.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. 2-е изд., 2012.

Колоницкий Б. И. «Слабый царь» и «царь-дурак»: Николай II в антидинастических слухах эпохи Первой мировой войны//Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2008: Революционный терроризм и русская революция?/В. Н. Плешков, М. Н. Толстой (ред.). СПб., 2008.

Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

Кольб Г. Ф. Руководство к сравнительной статистике. СПб., 1862.

Комлос Дж. Биологический уровень жизни и современный тип экономического роста//Экономическая история: Ежегодник. 2001. М., 2002.

Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.

Коновалов В. С. Крестьянство России в годы войны и революции//1917 год. Россия революционная. 2-е изд. М., 2009.

Коновалов В. С. Проблемы крепостного права в отечественной и зарубежной историографии (Обзор)//Реформа 1861 г. в истории России: К 150-летию отмены крепостного права. М., 2011.

Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе/Л. Е. Бляхер и др. (ред.). СПб., 2008.

Коняев Н. М. Гибель красных моисеев: Начало террора: 1918 год. М., 2004.

Копанев А. И. Население Петербурга в первой половине XIX века. М.; Л., 1957.

Копанев А. И., Тимошенкова З. А. Крестьянское хозяйство//История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма/А. И. Копанев (ред.). СПб., 1994.

Корелин А. П. Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России//Российская история. 2011. № 1.

Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России: 1860–1917 гг. М., 2009.

Корелин А. П., Тютюкин С. В. Революционная ситуация начала XX в. в России//Вопросы истории. 1980. № 10.

Кореневская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств России. М., 1954.

Корзинин А. Л. История России с древности до начала XXI века: Планы ответов на экзаменационные вопросы. СПб., 2008.

Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России: Опыт этнографического анализа. М., 2005.

Корнаков П. К. 1917 год в отражении вексиллологических источников: (По материалам Петрограда и действующей армии). Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1989.

Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции//Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть/В. Ю. Черняев (ред.). СПб., 1994.

Коробков Ю. Д. Между двуглавым орлом и красным знаменем: Общественное сознание российского общества в 1917 г. Магнитогорск, 2000.

Коробков Ю. Д. Социокультурный уровень рабочих горнозаводского Урала: (вторая половина XIX — начала XX в. М., 2003.

Королев С. А. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.

Королев С. А. Донос в России. Социально-философские очерки. М., 1996.

Короленко В. Г. В голодный год: Наблюдения, размышления и заметки. 3-е изд. СПб., 1897.

Коротаев В. И. Революция 1917 г.: авантюра или закономерность?//Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998.

Коротаев А., Зинькина Ю. Демографические корни Египетской революции//Демоскоп Weekly. № 459–460. 21 марта — 3 апреля 2011.

Корсак А. О винокурении//Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. СПб., 1865. Т. 3.

Корсак А. Потребление вина в России//Материалы для статистики Российской империи, изд. при Статистическом отделении Совета МВД. Т. 2. СПб., 1841.

Корсак А. Пивоварение (и медоварение)//Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. СПб., 1865. Т. 3.

Корсунская М. И. Физическое развитие детей дошкольного возраста. Автореф. дис. ... докт. биол. наук. М., 1946.

Корсунская М. И. Динамика физического развития детей дошкольного возраста в СССР: Доклад на VII Междунар. конгрессе антропол. и этнограф. наук в Москве, август 1964 г. М., 1964.

Косвенные налоги/Ф. Я. Несмелов (сост.). СПб., 1904.

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.

Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006.

Кошелев В. А. Повесть о том, как один мужик...//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Кошелев В. В. Медико-топографичекое описание города Могилева на Днепре. СПб., 1901.

«Красная смута» на «круглом столе»//Отечественная история. 1998. № 4.

Краснов Н. Земля Войска Донского. СПб., 1863.

Краснов-Левитин А. Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.

Красноперов И. М. Экономический быт крестьян Рославльского уезда Смоленской губернии//Русская мысль. 1880. № 8.

Краткая история рабочего движения в России (1861–1917 годы)/С. В. Щепров (сост.); И. П. Верховцев (ред.). М., 1962.

Крестовников А. Н. Питание крестьян Костромской губернии по бюджетным исследованиям 1908–9 гг. Кострома, 1912.

Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: Сборник документов/С. Н. Валк (ред.). М., 1961.

Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг.: Сборник документов/А. В. Предтеченский (ред.). М., 1961.

Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг.: Сборник документов/С. Б. Окунь (ред.). М., 1962.

Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг.: Сборник документов/С. Б. Окунь, К. В. Сивков (ред.). М., 1963.

Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг.: Сборник документов/Л. М. Иванов (ред.). М., 1964.

Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: Сборник документов/П. А. Зайончковский (ред.). М., 1968.

Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг.: Сборник документов/А. С. Нифонтов (ред.). М., 1960.

Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: Сборник документов/А. В. Шапкарин (ред.). М., 1959.

Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.: Сборник документов/А. М. Анфимов (ред.). М., 1998.

Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны: Июль 1914 г. — февр. 1917 г.: Сборник документов/А. М. Анфимов (ред.). М., 1965.

Крестьянское движение в России: Июнь 1907 г. — июль 1914 г.: Сборник документов/А. В. Шапкарин (ред.). М., 1966.

Крестьянство Сибири в эпоху капитализма/А. П. Окладников (ред.). Новосибирск, 1983.

Крестьянство Сибири в эпоху феодализма/А. П. Окладников (ред.). Новосибирск, 1982.

Крживоблоцкий Я. Костромская губерния. СПб., 1861.

Кривенко В. С. В Министерстве двора: Воспоминания/С. В. Куликов (ред.). СПб., 2006.

Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. Свердловск, 1959.

Кризис самодержавия в России: 1895–1917/В. С. Дякин (ред.). Л., 1984.

Кругов М. Б. Технология власти: мифы и реальность истории России. М., 1997.

Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1912–1914 годах. М.; Л., 1961.

Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976.

Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1977.

Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В. Белые пятна красного цвета: Декабристы: В 2 кн. М., 2001.

Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора//Вопросы истории. 1997. № 3.

Кузнецов В. К. Продовольственно-потребительские нормы крестьянского населения Олонецкой губернии//Труды подсекции статистики XI съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге. СПб., 1902. Доклады.

Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы//Смена парадигм: Современная русистика/Б. Н. Миронов (ред.). СПб., 2007.

Куликов С. В. Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ.//Таврические чтения — 2009: Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2010.

Куликов С. В. Основные государственные законы 1906 г.: конституция настоящая или мнимая?//Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы: Мат. Всеросс. науч.-теор. конф. С.-Петербург, 11–12 декабря 2009 г. /Н. С. Нижник (ред.). СПб., 2010.

Куликов С. В. Дело Б. М. Ржевского//Из глубины времен. Вып. 14. СПб., 2010.

Куликов С. В. Была ли «столыпинской» Столыпинская аграрная реформа?//Университетский историк. Вып. 7/А. Ю. Дворниченко (ред.). СПб., 2010.

Куликов С. В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года//Российская история. 2012. № 1.

Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд. М., 1977.

Куприянов А. И. Городская культура русской провинции: Конец XVIII — первая половина XIX века. М., 2007.

Куприянов И. Д. О росте нижних чинов во время прохождения службы, об отношении веса к различным измерениям человеческого тела и о значении веса, как критерия годности новобранцев к военной службе: По материалам, собранным в г. Верном Симиреченской обл. и в С.-Петербурге. СПб., 1891.

Курдин К. Вместо олигархов раскулачат население//Аргументы недели. 22 февраля 2012. № 7 (299).

Куркин П. И. Московская рабочая молодежь: Физическое развитие, здоровье и условия труда и быта по данным обследования 1923 г. М., 1924.

Курцев А. Н. Беженство//Россия и Первая мировая война: (Материалы международного научного коллоквиума) [1–5 июня 1998 г., г. С.-Петербург]/СПб., 1999.

Куршакова Ю. С. Возрастные различия размеров тела у взрослых мужчин//Куршакова Ю. С. и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978.

Кучинский Ю. Условия труда в капиталистических странах. М., 1954.

Кучкин А. П. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года. М., 1938.

Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад: (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967.

Лаверычев В. Я. Социально-экономическое развитие и революционный процесс//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы межд. коллоквиума историков/Д. Гайер и др. (ред.). СПб., 1992.

Лаврентьев Вл. Заработная плата в России прежде и теперь (при капитализме и при диктатуре пролетариата). 2-е изд. Харьков, 1926.

Ламздорф В. Н. Дневник. 1886–1890. М.; Л., 1926.

Лапин В. В. Постойная повинность в России//Санкт-Петербургское общество историков и архивистов. Ежегодник «Английская набережная, 4»/Л. Е. Шепелев (ред.). СПб., 2000.

Лаптев М. Казанская губерния. СПб., 1861.

Лебедев В. П. Наблюдения над колебанием роста, веса, окружности грудной клетки, ширины дыхательного размаха, жизненной емкости легких и силы мышц ручных кистей у солдат на первом году при последовательном измерении через каждые четыре месяца. СПб., 1894.

Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губ., Тверского уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб., 1853.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896. (Переиздание: СПб., 1995).

Левин В. М. Материалы для контроля и оценки физического состояния подростков. Л., 1966.

Левицкий В. А. К вопросу о физическом состоянии Подольского уезда: по данным Подольского уездного воинского присутствия. М., 1901.

Левицкий В. А., Михайлов С. М. Санитарное исследование шляпного промысла в Кленовской волости Подольского уезда, 1902–1911 гг. //*Куркин П. И.* Физическое развитие рабочего. М., 1925.

Левшин В. А. Словарь поваренный, приспешничий, кондиторской и дистиллаторский: содержащий по азбучному порядку подробное и верное наставление к приготовлению всякого рода кушанья из французской, немецкой и голландской, испанской и английской поварни: В 6 ч. М., 1795–1797.

Лейберов И. П. Стачечная борьба петроградского пролетариата в период Первой мировой войны (16 июля 1914–16 февраля 1917 г.)//История рабочего класса Ленинграда. Вып. 2. Л., 1963.

Лейберов И. П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979.

Лекомцев М. Г. Формы борьбы рабочих в Центральном промышленном районе России и факторы экономического и политического развития в годы первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.)//Россия и США на рубеже XIX–XX вв.: Математические методы в исторических исследованиях/Л. В. Милов (ред.). М., 1992.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55-ти т.

Леонард К. Занятия помещичьих крестьян на севере Центрально-промышленного района России накануне реформы (на примере Ярославской губернии)//Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX века: Материалы советско-американских симпозиумов/И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков (ред.). М., 1991.

Леонов С. В. «Разруха в головах»: К характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901–1917 гг.)//Ментальность в эпоху потрясений. Вып. 4. Мировосприятие и самосознание русского общества/А. А. Горский (ред.). М., 2003.

Леонтович В. В. История либерализма в России: 1762–1914. М., 1995.

Леонтович Ф. И. Голодовки в России до конца прошлого века//Северный вестник. 1892. № 3.

Леонтьев В. В. Об изучении положения рабочих: Приемы исследования и материалы. СПб., 1912.

Лесгафт П. Ф. Материалы для изучения школьного возраста//Здоровье. 1879–1880. Т. 1. № 127, 128, 129, 130, 131.

Лесгафт П. Ф. Физическое развитие в школах//Отечественные записки. 1880. Т. 252. Отд. 2.

Лесгафт П. Ф. Отношение анатомии к физическому воспитанию и главные задачи физического образования в школе. 2-е изд. М., 1888.

Летеби Г. Вопросы питания/Пер. с англ., под ред. и с доп. А. С. Ермолова. СПб., 1872.

Ли Д. А. Преступность как социальное явление. М., 1997.

Ливрон В. Ф. Статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1874.

Липинская В. А. Пища русских сибиряков//Этнография русского крестьянства Сибири (XVII — середина XIX в.)/В. А. Александров (ред.). М., 1981.

Липинская В. А. Пища и утварь//Этнография Восточных славян: Очерки традиционной культуры/К. В. Чистов (ред.). М., 1987.

Липинская В. А. Пища (XII–XX века)//Русские/В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук (ред.). М., 2003.

Липинский. Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч. 1, 2.

Лисенкова Л. Н. Политические деятели российской эмиграции об альтернативах революции 1917 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

Лисицын Ю. П., Владимирова Л. И. Акселерация физического развития и ее изучение//Труды 2-го Моск. мед. ин-та. 1972. Т. 3. Сер. «Социальная гигиена и организация здравоохранения». Вып. 1.

Литвак Б. Г. О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г. //Исторические записки. 1961. Т. 68.

Литвак Б. Г. Важнейшие итоги и задачи изучения падения крепостного права в России//Вопросы истории. 1962. № 1.

Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967.

Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979.

Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. М., 1989.

Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр, 1861–1895 гг. М., 1972.

Литвак Б. Г. Советская историография реформы 19 февраля 1861 г. //История СССР. 1960. № 6.

Литературный указатель работ по вопросу о физическом развитии детей школьного возраста//Материалы по антропологии Украины. Сб. 1. Дети украинцы школьного возраста. Харьков, 1926.

Лихачев А. В. Самоубийство в Западной Европе и России: Опыт сравнительно-статистического исследования. СПб., 1882.

Лихоманов А. В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997.

Лобачева Г. В. Самодержец и Россия: Образ царя в массовом сознании россиян. Саратов, 1999.

Ломовицкий П. А. К вопросу о нормах веса взрослых мужчин//Иркутский мед. журнал. 1923. № 3.

Лосицкий А. Е. Хозяйственные отношения при падении крепостного права//Образование. 1906. № 11.

Лосицкий А. Е. Выкупная операция. СПб., 1906.

Лосицкий А. Е. Обследование питания населения//Памяти Николая Алексеевича Каблукова: Сборник статей по статистике/В. А. Голгофский и др. (ред.). М., 1927. Т. 2.

Лосицкий А. Е. Обследование питания населения//Труды ЦСУ. Т. 30. Вып. 2. Состояние питания сельского населения СССР в 1920–1924 гг.: По данным периодических обследований, проведенных бывшим отделом статистики потребления ЦСУ. М., 1928.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начала XIX века). СПб., 1994.

Лотман Ю. М., Погосян Е. А. От кухни до гостиной//Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.

Лотман Ю. М., Погосян Е. А. Великосветские обеды: Панорама столичной жизни. СПб., 1996.

Лошадь в крестьянском хозяйстве: Советы о том, как лучше выбрать и купить лошадь для крестьянского обихода; как лучше содержать лошадь и ухаживать за ней. М., 1903.

Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997.

Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926.

Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ М., 1997. 2-е изд. М., 2005.

Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957.

Лушин А. И. Большевистская пропаганда и агитация среди многонационального крестьянства Среднего Поволжья в первые годы Советской власти (октябрь 1917–1920 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1987.

Люкшин Д. И. 1917 год в деревне: Общинная революция?//Революция и человек: Социально-психологический аспект//П. В. Волобуев (ред.). М., 1996.

Люкшин Д. И. Вторая русская смута: Крестьянское измерение. М., 2006.

Ляндрес С. Немецкое финансовое участие в русской революции//Россия в 1917 году: Новые подходы и взгляды/И. Л. Афанасьев и др. (ред.): В 3 вып. СПб., 1993.

Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году//Отечественная история. 1993. № 2.

Лярский А. В. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2010.

Ляхов М. Е. Климатические экстремумы в центральной части Европейской территории СССР в XIII–XX вв.//Известия АН СССР. Серия географическая. 1984. № 4.

Лященко П. И. Очерки истории аграрной эволюции России: В 2 т. СПб., 1908, 1913.

Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках России: Описательно-статистическое исследование. СПб., 1912.

Лященко И. И. К вопросу о состоянии здоровья и заболеваемости горнорабочих каменноугольной промышленности//Профилактическая медицина. Харьков, 1926. Т. 1.

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. Докапиталистические формации. М., 1952.

Магазаник М. Л. Физическое развитие и состояние здоровья призывников Ачинского округа по материалам призыва 1906 г. //Сибирский мед. журнал. Новосибирск, 1930.

Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб., 2006.

Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920.

Маккей Дж. Развитие экономики и региональное предпринимательство в последний период Российской империи//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы Международного коллоквиума историков/В. С. Дякин (ред.). СПб., 1992.

Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России: (Воспоминания). Париж, 1936.

Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума: (Воспоминания современника). London: OPI, 1991.

Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума: Воспоминания современника, 20 февраля — 2 июня 1907. М., 2006.

Максимов С. В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995.

Макушин А. В., Трибунский П. А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2002.

Малиев Н. М. Материалы для сравнительной антропологии. Казань, 1874.

Малиев Н. М. Антропологический очерк башкир. Казань, 1876.

Малиев Н. М. Антропологический очерк племени пермяков. Казань, 1887.

Малия М. К пониманию русской революции. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985.

Малия М. Советская трагедия: История социализма в России, 1917–1911. М., 2002.

Малыхин П. Быт крестьян Воронежской губ., Нижнедевицкого уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб., 1853.

Малышева С. Ю. Российское Временное правительство 1917 года: Отечественная историография 20-х — середины 60-х годов. Казань, 1999.

Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. 5-е изд. (1817 г.)//Антология экономической классики/И. А. Столярова (сост.). М., 1993.

Мальцева Н. А. О количестве крестьянских выступлений в период Столыпинской аграрной реформы (3 июня 1907 г. — 1 августа 1914 г.)//История СССР. 1965. № 1.

Маресс Л. Н. Пища народных масс//Русская мысль. 1893. № 10.

Маресс Л. Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве//Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства/А. И. Чупров, А. С. Постников (ред.). СПб., 1897. Т. 1.

Маркевич А. М. Солдатские письма в центральные Советы как источник для изучения общественных настроений в армии в 1917 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005.

Маркузон Ф. Д. Наемный труд на Западе: Стат. сб.: 1913–1925 гг. М., 1926.

Маркузон Ф. Д. Очерки по санитарной статистике в дореволюционной России и в СССР. М., 1961.

Мартынов Е. И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927.

Мартынов А. Ф. Некоторые заметки о быте вятских крестьян//Братчина. СПб., 1859. Ч. 1.

Марченя П. П. Массовое правосознание и победа большевизма в России. М., 2005.

Марченя П. П. Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции//Россия и современный мир. 2008. № 4 (61).

Марченя П. П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. //Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17).

Марченя П. П., Разин С. Ю. Империя и Смута в современном россиеведении: [Народ и власть в российской смуте]//Новый исторический вестник. 2011. № 4 (30).

Масарик Т. Г. Россия и Европа: В 3 т. СПб., 2000–2003.

Масионис Дж. Социология. СПб., 2004.

Маслаковец Н. Г. Немецкий торговый справочник-путеводитель начала XVIII века по России: (П. Я. Марпергер о русской торговле). Киев, 1914.

Масленников А. В. Опыт медико-статистической разработки уголовно-судебного материала: (По данным Могилевского окружного суда). СПб., 1904.

Масленников И. И. К вопросу о физическом развитии населения Бельского уезда//Вестник общественной гигиены. 1903. № 6.

Маслов П. П. Перенаселение русской деревни: Опыт морфографии. М.; Л., 1930.

Маслов П. П. Условия развития сельского хозяйства в России: Опыт анализа сельскохозяйственных отношений. СПб., 1903.

Маслова Г. С. Пища и хозяйственная утварь//Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР/П. И. Кушнер (ред.). М., 1960 (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 57).

Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма/И. Д. Ковальченко (ред.). М., 1979.

Матвеева. Физическое развитие детей петербургских городских школ//Врач. 1895. № 33, 34.

Математические методы в исторических исследованиях/И. Д. Ковальченко (ред.). М., 1972.

Материалы для истории медицины в России: В 4 вып. СПб., 1881–1885.

Материалы к вопросу об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР/Л. И. Лубны-Герцык (ред.). М., 1926.

Материалы по вопросу об организации собирания сельскохозяйственных статистических сведений. СПб., 1903.

Материалы по вопросу разработки общего плана продовольствия населения: В 3 вып. Вып. 1. Нормы продовольствия сельского населения России по данным бюджетных исследований/А. В. Чаянов (ред.). М., 1916.

Материалы по динамике грузооборота: В 3 вып. (без редактора) М., 1927. Вып. 3.

Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в./К. В. Сивков (сост.). М., 1951.

Материалы по продовольственному вопросу. Отд. 3. Материалы для обзора деятельности местных учреждений по поводу неурожая 1891 г. Отд. 4. Взгляды текущей литературы по поводу неурожая 1891 г. Саратов, 1892.

Материалы по физическому развитию детей и подростков некоторых городов и сельских местностей СССР/А. Я. Гольфельд и др. (ред.); сост. Д. И. Арон и А. Б. Ставицкая. М., 1962, 1965, 1977. Вып. 1, 2, 3.

Матусевич Я. З. Жизненная емкость легких у пневматиков//Труды Ленингр. ин-та по изучению профессиональных заболеваний. 1926. Т. 1.

Мацокин Г. П. Опыт антропометрических исследований населения Забайкальской области//Русская медицина. 1893. № 38.

Мацузато К. Столыпинская реформа и российская агротехническая революция//Отечественная история. 1992. № 2.

Мацузато К. Земства во время Первой мировой войны: Межрегиональные конфликты и падение царизма//Земский феномен: Политологический подход (авторы: В. Ф. Абрамов, К. Мацузато, А. А. Ярцев). К. Мацузато (ред.). Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2001.

Машкова Н. Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны 1914–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004.

Медведев А. В. Большевистская пропаганда и агитация в борьбе против эсеров за привлечение трудящегося крестьянства на сторону пролетариата в период от февраля к октябрю 1917 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1981.

Медведев И. И. К учению о посте//Врач. 1881. № 24.

Мединский В. Р. Особенности национального пиара: PRавдивая история Руси от Рюрика до Петра. М., 2011.

Мейси Д. А.Дж. Аграрные реформы Столыпина как процесс: центр, периферия, крестьяне и децентрализация//Россия сельская: XIX — начало XX века/А. П. Корелин (ред.). М., 2004.

Мельгунов С. П. Дворянин и раб на рубеже XIX в.//Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Юбилейное издание: В 6 т./А. К. Дживилегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета (ред.). М., 1911. Т. 1.

Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М., 2003.

Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 года: «Золотой немецкий ключ» большевиков. М., 2005.

Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006.

Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006.

Мельничук А. П. Устная политическая агитация и пропаганда большевиков Украины в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции: (Февр.-окт. 1917 года): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990.

Мельянцев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: уровни, темпы и факторы экономического развития//Восток. 1991. № 6.

Мельянцев В. А. Экономический рост России в сравнительно-ретроспективном ракурсе (XVIII — начало XX в.). М., 1996.

Менделеев Д. И. К познанию России. 5-е изд. СПб., 1907.

Менделеев Д. И. Проблемы экономического развития России. М., 1960.

Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов: В 3 т. М., 1959–1964.

Менихес М. А., Лютович Л. А. Физическое развитие призывных контингентов г. Ростова н/Д за 5 лет (с 1931 по 1935 гг.)//Труды Ростовского н/Д гос. мед. ин-та. Ростов н/д. 1937.

Менталитет и политическое развитие России: Тез. докл. науч. конф., Москва, 29–31 окт. 1996 г. /А. А. Горский (ред.). М., 1996.

Меньшиков В. Н. Экономическое и социокультурное развитие Тобольской губернии в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001.

Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М., 1991.

Мерков А. М. История санитарной и медицинской статистики в СССР//Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.)/Т. В. Рябушкин (ред.). М., 1970.

Мерков А. М., Овчаров В. К., Гранова Л. С. Санитарная статистика: Библиография советской литературы. 1918–1960 гг. М., 1963.

Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе: Ожидания и реальность//Отечественная история. 1998. № 1.

Методика антропометрических исследований/В. В. Бунак (ред.). 2-е изд. М., 1927.

Методические указания по нормативам физического развития детей г. Москвы от рождения до 17 лет. М., 1972.

Микеладзе П. В. Тяжесть обложения в иностранных государствах в 1913 и 1925–26 гг. //*Гензель П. П.* и др. Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах: (Очерки по теории и методологии вопроса). М., 1928.

Миклашевская Н. Н. Влияние расовой принадлежности и географической среды обитания на ростовые процессы у человека//Антропология 70-х годов: Симпозиум. Москва, 1972. [Доклады]. М., 1972.

Миллс Ф. Статистические методы. М., 1958.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд. М., 2001.

Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.

Милов Л. В. По следам ушедших эпох: Статьи и заметки. М., 2006.

Милотворский И. К вопросу о физическом сложении крестьян Семеновского уезда и о влиянии на него некоторых кустарных промыслов//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1888. Т. 1, 2.

Милушкина О. Ю. Особенности физического развития, состояния здоровья и образа жизни 15-летних воспитанников учреждений для детей-сирот г. Москвы//Антропология на пороге III тысячелетия/ Т.И Алексеева и др. (ред.). М., 2004. Т. 2.

Милюков П. Н. Крестьяне: История крестьян в России до освобождения (1861 г.)//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 32. СПб., 1895.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905.

Милюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 1.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993–1995.

Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001.

Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М., 2006.

Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную Думу третьего созыва. Статистический отчет Особого делопроизводства. СПб., 1911.

Минквиц А. Ф. Лифляндская губерния. СПб., 1853.

Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 4. Лит. Х.–Ф. Южные уезды Камышинский и Царицынский. Аткарск, 1902.

Минх А. Н. Город Аткарск: Материалы для историко-географического описания Саратовской губернии по рукописям и исследованиям. Аткарск, 1908.

Минц И. И. История Великого Октября: В 3 т. 2-е изд. М., 1977–1979.

Минц Л. Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925.

Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934.

Мировые войны XX века: В 4 кн./В. А. Золотарев и др. (ред.). М., 2002.

Миронов Б. Н. Революция цен в России XVIII в.//Вопросы истории. 1971. № 11.

Миронов Б. Н. Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII — начале XIX в.//Исторические записки. 1974. Т. 93.

Миронов Б. Н. Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности//Проблемы аграрной истории (XIX — 30-е годы XX в.)//В. Л. Янин (ред.). Ч. 2. Минск, 1978.

Миронов Б. Н. Причины роста хлебных цен в России XVIII в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1979 г. /В. Л. Янин (ред.). Киев, 1979.

Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981.

Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985.

Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

Миронов Б. Н. История в цифрах: (Математика в исторических исследованиях). Л., 1991.

Миронов Б. Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках//Отечественная история. 1994. № 4–5.

Миронов Б. Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время//Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999.

Миронов Б. Н. «Сыт конь — богатырь, голоден — сирота»: Питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX — начала XX века//Отечественная история. 2002. № 2.

Миронов Б. Н. Пришел ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика»//Отечественная история. 2003. № 3.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003.

Миронов Б. Н. Экономическая биология человека//Вопросы экономики. 2004. № 10.

Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной историографии//Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Декабрь. Серия 2. История. Вып. 4.

Миронов Б. Н. Историческая социология России. СПб., 2009.

Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010.

Миронов Б. Н. Мудрая реформа или побочное дитя?: Полтора века без крепостного права//Родина. 2011. № 3.

Миронов Б. Н. Отмена крепостного права как пример образцовой российской реформы//Экономическая политика. 2011. №. 2, 3.

Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996.

Михайлов Н. Ф. Материалы к определению физического развития в сельских школах Рузского у., Московской губ. М., 1887.

Михайловский В. Г. Урожаи в России 1801–1914 гг. //Бюллетень Центрального статистического управления. 1921. № 50.

Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии//Диалог. 1990. № 5–9; 1991, № 4.

Михневич И. И. Уволенные по протесту новобранцы призывов 1895–1898 годов. СПб., 1900.

Михневич И. И. Медицинские листы в качестве статистического материала: Опыт статистической разработки медицинских листов пехотной дивизии за три срока службы//Военно-медицинский журнал. 1899. Кн. 4.

Михнович В. Язвы Петербурга: Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб.; М., 2003.

Могильнер М. Б. Homo Imperii: История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М., 2008.

Могильнер М. Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999.

Мозель Х. И. Пермская губерния. СПб.: Военная типография, 1864. Ч. 1, 2.

Молодцов Н. А. Призывы мирного времени//Военно-санитарный сборник. 1925. Вып. 11.

Морачевич І. Село Кобылья, Волынской губ., Новоград-Волынского уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб., 1853.

Моргенштерн О. О точности экономико-статистических наблюдений. М., 1968.

Моркотун К. С. Опыт изучения санитарных условий работы машинистов и кочегаров на судах флота. СПб., 1892.

Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998.

Москва в цифрах 1917–1977 гг.: Статистический сборник. М., 1977.

Москва: Быт, XIV–XIX века/А. Р. Андреев (сост.). М., 2005.

Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М. 1996.

Мосолов А. А. При дворе последнего императора: Записки нач. канцелярии министра двора. СПб., 1992.

Муравьев В. А. Современная советская историография революции 1905–1907 годов. М., 1985.

Муратов И. М. Материалы к исследованию здоровья фабричных рабочих и мясников посредством определения роста, веса, окружности груди и жизненной емкости легких: Наблюдения произведены на табачных фабриках в Петербурге и городских скотобойнях. СПб., 1885.

Мэйси Д. А. Аграрные реформы Столыпина как процесс: Центр, периферия, крестьяне и децентрализация//Россия сельская: XIX — начало XX века/А. П. Корелин (ред.). М., 2004.

Мэнкью Н. Г. Принципы экономикс. СПб., 2001.

На путях к дворцовому перевороту: (Заговоры перед революцией 1917 г.). Париж, 1931.

Набоков В. Временное правительство//Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1.

Нагорский В. Ф. О влиянии школ на физическое развитие детей. СПб., 1881.

Нанасян С. П. К вопросу о физическом развитии армян//Антропологический журнал. 1934. № 1, 2.

Напалкова И. Г. Ответственность предпринимателей за жизнедеятельность рабочих в дореволюционной России: трудовое законодательство, социально-экономические факторы, территориальные различия//Экономическая история. Ежегодник. 2009. М., 2010.

Народ и власть в российской смуте: Сборник научных статей участников Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 23 октября 2009 г.)/П. П. Марченя, С. Ю. Разин (ред.). М., 2010.

Народное образование, наука и культура в СССР: Статистический сборник. М., 1977.

Народонаселение стран мира: Справочник/Б. Ц. Урланис (ред.). 2-е изд. М., 1978.

Народы Европейской части СССР: В 2 т./С. П. Толстов (ред.). М., 1964.

Нарский И. В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демокр. традиции в России): В 2 ч. Челябинск, 1995.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

Наука о человеке и обществе: итоги, проблемы, перспективы/Г. Аксянова (сост. и ред.). М., 2003.

Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге: XIX — начало XX века: Сборник документов/Н. Ф. Никольцева (ред.). СПб., 2000.

Невский В. И. Январские дни в Петербурге//Красная летопись. 1922. № 1.

Недригайлова О. В. Национальные и социальные различия в мышечной силе и в процентных отношениях право-, лево-и обоеруких//Материалы по антропологии Украины. Сб. 2. Национальные и социальные различия в физических признаках населения Украины. Харьков, 1926.

Недригайлова О. В. Физические признаки работниц г. Харькова//Материалы по антропологии Украины. Сб. 2. Национальные и социальные различия в физических признаках населения Украины. Харьков, 1926.

Немиров Г. А. Опыт истории Санкт-Петербургской биржи в связи с историей С.-Петербурга как торгового порта: В 13 вып. СПб., 1889–1891.

Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX века. М., 1987.

Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005.

Нефедов С. А. Истоки революции 1905 года: «Революция извне»?//Вопросы истории. 2008. № 1.

Нефедов С. А. К проблеме достоверности статистических данных ЦСК МВД Российской империи и ЦСУ СССР//Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 1.

Никитин А. Ф. Очерк санитарно-экономического положения грузчиков на Волге. СПб., 1904.

Никитин Б. В. Роковые годы: (Новые показания участника)/Предисловие Ю. Н. Емельянова. М., 2007.

Никитюк Б. А. Изменения размеров тела новорожденных за последние 100 лет//Вопросы антропологии. 1972. Вып. 42.

Никитюк Б. А. Изменения за последние 100 лет величины тела и ее зависимость от сроков полового созревания у русских женщин//Вопросы антропологии. 1973. Вып. 44.

Никитюк Б. А. Изменение возраста начала и прекращения менструации за последние 90 лет и связи между сроками menarche и менопаузы у русских женщин//Вопросы антропологии. 1973. Вып. 45.

Никитюк Б. А. Акселерация развития (причины, механизмы, проявления и последствия)//Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Сер. Антропология. Том. 3/А. И. Шнирельман (ред.). М., 1989.

Никитюк Б. А., Филиппов В. И. Влияние экзогамии разной степени на рост и развитие детей дошкольного возраста//Тезисы науч. конф. «Вопросы гигиены и состояния здоровья детей дошкольного возраста». М., 1973.

Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002.

Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. 2-е изд. СПб, 2005.

Николаев Л. П. Влияние социальных факторов на физическое развитие детей. Харьков, 1925.

Николаев М. Е. Мои воспоминания//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Никольский Д. П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.

Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М., 1974.

Новик. Результаты, полученные при исследовании 835 рекрутов в 1869 г. //Медицинское прибавление к Морскому сборнику. СПб., 1871.

Новиков А. В. К вопросу о причинах активизации рабочего движения в России в начале XX в.// Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13).

Новое Положение о военно-врачебной экспертизе: Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2003. № 123. М., 2003.

Новосельский С. А. Очерк статистики самоубийств//Гигиена и санитария. 1910. № 9. Т. 1.

Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.

Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России// Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Ч. 2. Пг., 1916.

Новосельский С. А. Самоубийства в Ленинграде//Статистический бюллетень. Ленинградское обл. отделение статистики. 1930. № 24.

Новосельский С. А. О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью//Новосельский С. А. Демография и статистика (Избранные произведения). М., 1978.

Новые пищевые раскладки для нижних чинов с объяснительными к ним записками, составленные в Комиссии под председательством акад. тайного советника Данилевского. М., 1907.

Нормы дач для продовольствия и предметов первой необходимости в Красной Армии и Флоте: Официальные материалы. 2-е изд. М., 1921.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.

Носков М. А. Российский терроризм начала XX в. в восприятии властей и оппозиции//Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. 2011. № 1.

Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: В 2 т. СПб., 1904.

Нюбергер Дж. Власть слова: Рабочие против хозяев в мировых судах//Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 — февраль 1917 г. /С. И. Потолов (ред.). СПб., 1997.

О земле: В 3 вып. Вып. 1. О прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М., 1921.

О причинах русской революции/Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков (ред.). М., 2010.

О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской. СПб., 1861.

Обухов В. М. Экономические причины смертности и вырождения крестьянского населения Воронежской губернии//Журнал Русского общества охранения народного здравия. 1895. № 11.

Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России/В. Г. Громан (ред.). Ч. 1. Л., 1927.

Общая и военная гигиена/Б. И. Жолус (ред.). СПб., 1997.

Общественные организации в политической системе России 1917–1918 годов: Материалы конф./П. В. Волобуева (ред.). М.; Тверь, 1991.

Овсянников В. С. Довоенные бюджеты русских рабочих//Вопросы труда. 1925. № 9.

Овчинцева Л. А. Русские экономисты-аграрники начала XX века о хозяйственной мотивации крестьян//Из истории экономической мысли и народного хозяйства России/Н. К. Фигуровская (ред.). М., 1993. Вып. 1. Ч. 1.

Огановский Н. П. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911.

Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции: В 3 ч. М., 1908, 1911, 1914.

Огронович В. Н. К вопросу о самоубийстве//Вестник психологии. 1912. Т. IX.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 20-е изд. М., 1989.

Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа?/П. В. Волобуев (ред.). М., 1991.

Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник?/П. В. Волобуев (ред.). М., 1992.

Октябрьский переворот: Революция 1917 г. глазами ее руководителей: Воспоминания русских политиков и комментарии западного историка/Д. С. Анин (сост.). М., 1991.

Октябрьский П. Я. Уровень жизни населения в показателях отечественной и зарубежной статистики//Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований/Л. А. Вербицкая и др. (ред.). СПб., 2001.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.

Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. /С. Н. Прокопович (ред.). М., 1918.

Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906.

Орановский А. К. Курляндская губерния. СПб., 1862.

Оранский Н. И. К вопросу о значении веса тела, как дополнительного критерия к цифрам груди и роста у новобранцев (по данным медицинских листов) по материалам Главного военно-санитарного управления. СПб., 1911.

Орловский Д. К вопросу о формах демократии накануне Октября 1917 года//П. А. Зайончковский. 1904–1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2005.

Осипов В. А. Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985.

Осипова Е. В. Социология Вильфредо Парето: политический аспект. СПб., 2004.

Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001.

Островский А. В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России: (1862–1914)//Проблемы исторической географии России: Материалы Второй всесоюз. конф. по ист. географии России, Москва, 25–26 ноября 1980 г. /Я. Е. Водарский (ред.). Вып. 2. Формирование экономических районов России. М., 1982.

Островский А. В. К истории общества вспомоществования студентам Петербургского университета//Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 6/С. Г. Тишкин (ред.). Л., 1989.

Островский А. В. С. Ю. Витте, М. А. Ушаков: К истории Манифеста 17 октября 1905 г. //Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева/А. Н. Цамутали (ред.). СПб., 1999.

Островский А. В. Сентябрьские события 1905 г. в Москве//Политическая история России первой четверти XX века [Материалы международной научной конференции]: Памяти проф. Виталия Ивановича Старцева/Б. Д. Гальперина (отв. ред. и отв. сост.). СПб., 2006.

Островский И. П. К вопросу о самоубийстве в Одессе за пятилетие 1903–1908 гг. по данным станции скорой медицинской помощи. Одесса, 1908.

Отмена крепостного права: Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы: 1861–1862/С. Н. Валк (ред.). М.; Л., 1950.

Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи населению в России за [1904–1914] год. СПб.; Пг., 1906–1916.

Охрана здоровья в СССР: Статистический сборник. М., 1990.

Оценка основных антропометрических показателей и некоторых физиологических параметров у детей Северо-Запада: (Метод. рекомендации)/Е. И. Алешина и др. (сост.). СПб., 2000.

Очерки истории исторической науки в СССР/М. В. Нечкина (гл. ред.). М., 1963. Т. 3.

Очерки истории Ленинграда: В 4 т. Т. 2. Период капитализма: Вторая половина XIX века/Б. М. Кочаков (ред.). М.; Л., 1957.

Очерки истории Ленинграда: В 4 т. Т. 1. Период феодализма (1703–1861 гг.)/М. П. Вяткин (ред.). М.; Л., 1955.

Очерки истории отечественной санитарной статистики/А. М. Мерков (ред.). М., 1966.

Очерки истории Саратовского Поволжья: В 2 т./И. В. Порох (ред.). Саратов, 1993, 1995.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра/Б. Б. Кафенгауз, Н. И. Павленко (ред.). М., 1954.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в./А. И. Баранович и др. (ред.). М., 1957.

Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в./А. А. Новосельский, Н. В. Устюгов (ред.). М., 1955.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вторая половина XIX в.)/А. И. Пискунов (ред.). М., 1991.

Очерки общей этнографии: Европейская часть СССР/С. П. Толстов (ред.). М., 1968.

Очерки экономической истории России первой половины XIX в./М. К. Рожкова (ред.). М., 1959.

Павленко Н. И., Андреев И. Л., Федоров В. А. История России с древнейших времен до 1861 года: Учебник для вузов/Н. И. Павленко (ред.). 4-е изд. М., 2007.

Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А. История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1989.

Павлов Д. Б. Союз 17 Октября в 1905–1907 гг.: численность и социальный состав//Россия в XX веке: Историки мира спорят/И. Д. Ковальченко (ред.). М., 1994.

Павлов Д. Б. Японские деньги и первая русская революция. М., 2011.

Павлов Д. Б., Петров С. А. Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904–1905 гг.)// Вопросы истории. 1990. № 6.

Павлов М. Карманный, алфавитный указатель наименьших и наибольших возможно-постоянных цен на все общеупотребительные съестные припасы, обращающиеся в торговле в С.-Петербурге: Для любознательных хозяек, извлечено из печатных сведений многих годов, в состав коего входит более 800 предметов. СПб., 1853.

Павловская А. В. Крестьянская реформа 1861 года в России в освещении английской и американской исторической литературы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.

Пажитнов К. А. Положение рабочих в горнозаводской промышленности при крепостном праве// Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. 2.

Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России: В 3 т. Л., 1923, 1924.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Пайпс Р. Русская революция: В 2 ч. М., 1994.

Пайпс Р. Струве: Биография: В 2 т. Т. 1. Струве: левый либерал, 1870–1905. М., 2001.

Пак Чжи-Бэ. Российский экспорт в Великобританию в 1760–1825 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

Памятная книжка Владимирской губернии на [1862–1865] год. Владимир, 1862–1865.

Памятная книжка Костромской губернии на [1862–1865] год. Кострома, 1862–1865.

Памятная книжка Пензенской губернии на [1862–1865] год. Пенза, 1862–1865.

Памятная книжка Тверской губернии на [1862–1865] год. Тверь, 1862–1865.

Памятная книжка Харьковской губернии на [1862–1865] год. Харьков, 1862–1865.

Памятная книжка Ярославской губернии за 1862, 1863 и 1864 годы. Ярославль, 1865.

Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). М., 1963.

Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации М., 2004.

Пантин И. К., Плимак Е. Г. Драма российских реформ. М., 2000.

Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783–1883. М., 1986.

Пантюхов И. И. О росте некоторых племен Закавказского края//Кавказский медицинский сборник. 1889. № 50.

Пантюхов И. И. О физической организации некоторых закавказских племен//Санитарное дело. 1891. № 2, 6, 10.

Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007.

Парникова А. С. Пища, посуда, утварь//Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР/П. И. Кушнер (ред.). М., 1960.

Патрикеева О. А. Общественность и выборы в I и II Государственные Думы Российской империи. Автор. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2007.

Патыша И. Л. Исследование физического развития группы ответственных работников//Физкультура в научно-практическом освещении. Л., 1926. Сб. 3.

Пахомычев А. И. Состояние здоровья рабочих московских химических заводов//Гигиена труда. 1925. № 4.

Пелипенко А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. 2-е изд. М., 2011. 379 с.

Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М., 1998.

Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол»//Новая и новейшая история. 1994. № 4–5.

Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории/Ю. А. Писарев, В. Л. Мальков (ред.). М., 1994.

Первая мировая война: Пролог XX в./В. Л. Мальков (ред.). М., 1998.

Первая революция в России: взгляд через столетие/А. П. Корелин, С. В. Тютюкин (ред.). М., 2005.

Первушин С. А. К вопросу о постановке бюджетных исследований: Две приходно-расходные записи крестьян Московского уезда. М., 1912.

Первушин С. А. Хозяйственная конъюнктура: Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925.

Перковский А. Л. Об изучении смертности и продолжительности жизни в России в XVIII веке//Проблемы истории демографической мысли и критика буржуазных демографических концепций/В. С. Стешенко (ред.). Киев, 1979.

Перфильев М. О. Для чего пишутся докторские диссертации? «Материалы по вопросу об отношении антропометрии к санитарным исследованиям в войсках (санитарно-антропометрический этюд)». Диссертация на степень д-ра медицины Н. Пясковского. СПб., 1886. Рецензия. СПб., 1887.

Першин П. Н. Аграрная революция в России: В 2 кн. М., 1966.

Песков В. И. К вопросу о влиянии фабричного труда на здоровье рабочих//Труды VI съезда земских врачей Московской губернии. М., 1882.

Песков В. И. К вопросу о понижающем влиянии фабричного труда на телосложение рабочих// Врач. 1883. № 29.

Петербургские трактиры и рестораны/А. М. Конечный (сост.). СПб., 2006.

Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях: 1703–1782. СПб., 1884.

Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002.

Петров Ю. А. Российская экономика в начале XX века//Россия в начале XX века/А. Н. Яковлев (ред.). М., 2002.

Петров Ю. А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в.//Экономическая история. Ежегодник 2002. М., 2003.

Петров Ю. А. Московское предпринимательство в контексте экономической и политической истории России: Вторая половина XIX — начало XX в.//Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: Вторая половина XIX — начало XX века/Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова (ред.). М., 2007.

Петровичева Е. М. Отношение земств Центральной России к аграрной реформе П. А. Столыпина// Россия сельская: XIX — начало XX века/А. П. Корелин (ред.). М., 2004.

Пешехонов А. В. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях//Русское богатство. 1898. VIII, IX.

Пешехонов А. В. Экономическое положение крестьян в пореформенное время//Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Юбилейное издание: В 6 т./А. К. Дживилегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета (ред.). М., 1911. Т. 6.

Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М., 2006.

Пионтковский С. А. Февральские дни 1917 года: (Попул. очерк). 4-е изд. Л., 1925.

Писарькова Л. Ф. Московская городская дума: 1863–1917. М., 1998.

Платонов О. А. Покушение на русское царство. М., 2004.

Платонов С. Ф. Книга расходная С.-Петербургского комиссариатства Соляного правления 1725 г. //Летопись занятий Археографической комиссии. 1926. Вып. 1/31. СПб., 1927.

Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

Погожев А. В. Кирпично-гончарное производство в Московском уезде. М., 1881.

Покровский А. А. О питании. 2-е изд. М., 1968.

Покровский В. И. Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения// Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства/А. И. Чупров, А. С. Постников (ред.). СПб., 1897. Т. 2.

Покровский В. И. К статистике потребления пищевых продуктов и прочих предметов первой необходимости//Журнал охраны народного здравия. 1905. № 7–8.

Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России: Материалы для медико-антропологического исследования. М., 1884.

Покровский М. М. Здоровье русского народа в связи с условиями его быта//Русская мысль. 1882.

Покровский М. Н. Крестьянская реформа//История России в XIX веке. [М.].: Изд-во А. и И. Гранат, [1907].

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. М., 1934.

Полетаев А. В. Экономические кризисы в России в XX веке (статистическое исследование)//Истоки. Вып. 3. М., 2001.

Полетаев А. В., Савельева И. М. «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. М., 2009.

Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917 гг. М., 1990.

Политическая история России в партиях и лицах/[В. В. Шелохаев, Н. Д. Ерофеев, И. Е. Задорожнюк и др.]. М., 1994.

Политические партии в российских революциях начала XX века/Г. Н. Севостьянов (ред.). М., 2005.

Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996.

Политический роман в письмах: Из переписки А. В. Тырковой-Вильямс и В. А. Маклакова//Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись. Иерусалим; Таллин, 2004.

Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук: В 12 т. СПб., 1900–1912.

Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. М., 1992.

Положение пролетариата России. Указатель литературы/Сост. Ю. И. Кирьянов, П. В. Пронина. М., 1972.

Полонский В. П. Русский революционный плакат. М., 1925.

Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

Поляков Л. Е., Лашков В. К. К истории становления советской санитарной статистики (1917–1920)//Советское здравоохранение. 1958. № 7.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

Пономарев Н. В. Самоубийство в Западной Европе и в России, в связи с развитием умопомешательства//Сборник сочинений по судебной медицине, изд. Медицинским департаментом. СПб., 1880. Т. 3. 1880.

Попов Е. П. Физическое состояние и заболеваемость лиц призывного возраста Криворожья//Профилактическая медицина. Харьков, 1927. № 4.

Попов П. И. Хлебофуражный баланс: 1840–1924 гг. //Сельское хозяйство на путях восстановления/Л. Крицман, П. Попов и Я. Яковлев (ред.). М., 1925.

Попова С. С. Между двумя переворотами: Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010.

Попроцкий М. Ф. Калужская губерния. СПб., 1864. Ч. 1, 2.

Порот М. Т. К антропологии бурят: буряты-аларцы. СПб., 1895.

Портнягина Н. А. Политический терроризм в восприятии русской либеральной журналистики в начале XX века//Вестник славянских культур. № 5–6. М., 2002.

Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы Междунар. науч. конференции 7–8 сентября 2004 г. /И. А. Анфертьев, Т. М. Булавкина, М. В. Стеганцев (сост.); В. П. Козлов (отв. ред.). М., 2006.

Поткина И. В. Индустриальное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994.

Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых: 1797–1917 гг. М., 2004.

Поткина И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX — первая четверть XX в. М., 2009.

Поткина И. В., Селунская Н. Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых)//История СССР. 1990. № 4.

Потолов С. И. Рабочие Донбасса в XIX в. М.; Л., 1963.

Похлебкин В. В. История важнейших пищевых продуктов. М., 1996.

Похлебкин В. В. Кулинарный словарь. М., 1996.

Почтарев П. Материалы для медицинской статистики и топографии Смоленской губернии. СПб., 1882.

Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.

Преображенский А. Волость Покровско-Ситская, Ярославской губ., Моложского уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб., 1853.

Преображенский А. Приход Станиловский на Сити, Ярославской губ., Моложского уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб., 1853.

Преображенский П. М. О значении сельского хозяина в быту государственном//Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1847. № 11.

Привалова Т. В. Быт российской деревни: Медико-санитарное состояние деревни европейской России: 60-е годы XIX в. — 20-е годы XX в. М., 2000.

Применение и распространение в России сельскохозяйственных машин и орудий. СПб., 1903.

Приходько П. Т. Физическое развитие и здоровье горнорабочих Анжерских каменноугольных копей. Томск, 1928.

Проблемы кризисов и обнищания рабочего класса после второй мировой войны: Материалы межд. научно-экономической конференции в Берлине (1–4 октября 1958 г.)/А. В. Кирсанов (ред.). М., 1959.

Проблемы народонаселения: О демографических проблемах стран Запада/Д. И. Валентей, В. В. Бодрова (ред.). М., 1977.

Прозоров Г. Г. О влиянии поста на вес и рост детей//Протоколы заседаний о-ва русских врачей в С.-Петербурге за 1874–1875 г. СПб., 1875.

Производительные силы России/В. И. Ковалевский (ред.). СПб., 1896.

Производство, перевозки и потребление хлебов в России: 1909–1913 гг. /Е. Е. Яшунов, П. П. Румянцев (ред.): В 2 вып. Пг., 1917.

Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным/В. В. Бунак (ред.). М., 1965.

Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих: По данным анкеты, произвед. 12-м (содействия труду) отделом И.Р.Т.О. СПб., 1909.

Прокопович С. Н. Крестьянство и пореформенная фабрика//Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Юбилейное издание: В 6 т./А. К. Дживилегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета (ред.). М., 1911. Т. 6.

Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР: В 2 т. Нью-Йорк, 1952.

Проскурякова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии// Вопросы истории. 2005. № 7.

Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978.

Протопопов Д. И. О хлебной торговле в России//Журнал Министерства государственных имуществ. 1842. Кн. 3.

Прохоров К. Г. К антропологии великорусов Елатомского уезда, Тамбовской губернии//Русский антропологический журнал. 1903. № 2.

Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия: Материалы Рос. науч. конф., 25 мая 1999 г., г. Санкт-Петербург/В. И. Старцев (ред.). СПб., 1999.

Птуха М. В. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века. Киев, 1928.

Птуха М. В. Очерки по истории статистики СССР: В 2 т. М., 1955, 1959.

Пурлевский С. Д. Воспоминания крепостного (1800–1868)//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Пурунджан А. Л. Географическая изменчивость антропометрических признаков на территории СССР//*Куршакова Ю. С.* и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М, 1978.

Пурунджан А. Л. Особенности строения тела основных этнических групп населения//*Дерябин В. Е., Пурунджан А. Л.* Географические особенности строения тела населения СССР. М., 1990.

Пурунджан А. Л., Дерябин В. Е. Об эпохальной преемственности географического распределения некоторых антропологических признаков на территории СССР//Вопросы антропологии. 1979. Вып. 63.

Пурунджан А. Л., Хомякова И. А., Негашева М. А., Задорожная Л. В. Особенности процессов роста, как фактор морфологического разнообразия//Антропология на пороге III тысячелетия/Т. И. Алексеева и др. (ред.). М., 2004. Т. 2.

Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М., 1991.

Пушкарева И. М. Февральская революция 1917 года в России: проблемы историографии 90-х годов XX века//Россия в XX веке: Реформы и революция: В 2 т. М., 2002.

Пушкарева И. М. Новый подход к анализу источников по социальной истории: (жалобы, прошения, требования рабочих на рубеже XIX–XX вв. в ракурсе дискурсивных методов исследования)//Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Вторая половина XIX — начало XX веков: Вторые Морозовские чтения: материалы науч.-практ. конф./М. С. Дроздов и др. (ред.). Ногинск; Богородск, 1996.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 5, 7.

Пыляев М. И. Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1889.

Пыляев М. И. Старое житье. Очерки и рассказы. СПб., 1897.

Пыляев М. И. Как ели в старину//Легенды старого Петербурга. М., 1992.

Пясковский Н. Я. Материалы к вопросу об отношении антропологии к санитарии: Исследование в войсках. СПб., 1886.

Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М., 1992.

Рабинович А. Е. Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде. М.: Прогресс, 1989.

Рабович Р. Д. Гигиена. 4-е изд. М., 1977.

Рабочее движение в годы войны/Подготовил к печати [и снабдил предисл.] М. Г. Флеер. М., 1925.

Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. /С. И. Потолов (ред.). СПб., 1997.

Рабочий класс и рабочее движение в России: 1861–1917/Л. М. Иванов (ред.). М., 1966.

Рабочий класс России от зарождения до начала XX в./[Волин М. С., Иванова Н. А., Преображенский А. А. и др.]/Ю. И. Кирьянов, М. С. Волин (ред.). 2-е изд. М., 1989.

Рабочий класс России, 1907 — февр. 1917 г. /В. Я. Лаверычев (отв. ред.). М., 1982.

Радаков А. Н. Несколько антропометрических данных для определения здоровья фабричного населения Московской губернии//Московская мед. газета. 1876. № 17.

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1970.

Радциг А. А. Наша официальная статистика//Вестник знания. 1903. № 7.

Разумихин С. Село Бобровки [Тверской губ., Ржевского уезда] и окружный его околоток//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб., 1853.

Разумов Л. В. Расслоение крестьянства Центрально-промышленного района в конце XIX — начале XX века: Опыт количественного анализа по данным земской статитики. М., 1996.

Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ власти: Хрестоматия: В 2 т. Самара, 1999.

Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г./В. В. Степанов (ред.). СПб., 1905.

Раупах Р. Р. Facies Hippocratica (Лик умирающего): [Воспоминания члена Чрезвычайной следственной комиссии 1917 года]/[предис. и коммент. С. А. Манькова]. СПб., 2007.

Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России: Статистико-экономические очерки. М., 1940.

Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956.

Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки. М., 1958.

Ревинский Д. О. Патентование изобретений в России (1812–1870 гг.)//Экономическая история. Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 347.

Революции в России: спорное прошлое и неопределенные перспективы (Круглый стол к 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции)//Альтернативы. 1997. N 3.

Революционная ситуация в России в середине XIX века/М. В. Нечкина (ред.). М., 1978.

Революция в деревне в 1917 г.: Воспоминания крестьян/А. Я. Яковлев (ред.). М., 1927.

Революция в деревне: Очерки: В 2 ч./В. Г. Тин-Богораз (ред.). М.; Л., 1924, 1925.

Революция и человек: Социально-психологический аспект/П. В. Волобуев (ред.). М., 1996.

Редигер А. Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. 2-е изд. СПб, 1892.

Редигер А. Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. 4-е изд., исправленное и доп. О. Филатовым: В 2 ч. СПб., 1913, 1914.

Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.

Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.

Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы межд. коллоквиума историков/Д. Гайер и др. (ред.). СПб., 1992.

Рихтер В. История медицины в России. СПб., 1820.

Рогалина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010.

Родзянко М. В. Государственная Дума и Февральская революция//Архив русской революции. Берлин, 1922. Т 6.

Родин Ф. Н. Бурлачество в России. Историко-социологический очерк. М., 1975.

Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории. СПб., 1902.

Розанов П. Г. О самоубийстве. М., 1891.

Розенберг В. Из хроники крестьянского дела//Очерки по крестьянскому вопросу/А. А. Мануилов (ред.). М., 1904.

Розенберг У. Г. История России конца XIX — начала XX в. в зеркале американской историографии//Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков/А. Н. Сахаров (ред.). М., 1996.

Розенберг У. Г. Государство и проблема управления в Февральской революции//1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов междунар. науч. конф., состоявшейся 4–5 февр. 1997 г. в Москве/П. В. Волобуев (ред.). М., 1997.

Романов А. М., вел. князь. Книга воспоминаний. М., 1991.

Романов Б. А. Эпизод из хозяйственной жизни крепостной вотчины 19-го века: (По документам архива Департамента полиции исполнительной МВД)//Архив истории труда в России. Кн. 1. Пг., 1921.

Романов К. И. Физическое развитие и состояние здоровья призывников по материалам врачебных призывных комиссий Иркутского райвоенкомата за 1932–1936 гг. //Медицинский бюллетень. Иркутск, 1939. № 1.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви)/Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. 2-е изд. М., 2008.

Россия XVIII в. глазами иностранцев//Ю. А. Лимонов (ред.). Л., 1989.

Россия в 1917 году: Новые подходы и взгляды/И. Л. Афанасьев и др. (ред.): В 3 вып. СПб., 1993, 1994.

Россия в XIX веке: Кризис феодализма. Утверждение капитализма/М. В. Нечкина (ред.). 3-е изд. М., 1955.

Россия в конце XIX века/В. И. Ковалевский (ред.). СПб., 1900.

Россия в мировой войне: 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925.

Россия и революция 1917 года: Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г. /А. В. Гоголевский и др. СПб., 2008.

Россия XX столетия в исторической науке: взгляды, концепции, ценностные подходы: Пробл. темат. Сб. Ч. 1. Российская империя (конец века — 1917 г. /В. М. Шевырин (ред.). М., 2000.

Россия, 1917 год: выбор исторического пути: («Круглый стол» историков Октября, 22–23 окт. 1988 г.)/П. В. Волобуев (ред.). М., 1989.

Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Серия Антропология. Том. 3/А. И. Шнирельман (ред.). М., 1989.

Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России: В 2 т. Лейпциг, 1866.

Ростовцев Г. И. О телесном состоянии учащихся в земских школах Дмитровского уезда и опыт выяснения зависимости его от школьного режима, экономических и климатических условий. Казань, 1899.

Ростовцев Г. И. Доживаемость мужского населения до 20–21 г. и телесное развитие призывного населения в Дмитровском уезде Московской губернии: К характеристике физического развития населения Дмитровского уезда: по данным призывных списков за 1875–1899 гг. и движения населения за 1854–1900 гг. М., 1903.

Рубакин Н. А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы: Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (На основании официальных и научных исследований). СПб., 1912.

Рубинский М. О влиянии шапочного промысла на физическое развитие//Врач. 1887. № 12.

Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко-экономический очерк). М., 1957.

Рудин С. Д. К вопросу о норме питания лиц, занятых тяжелым физическим трудом//Дела и дни. 1920. Кн. 1.

Руднев А. Село Голун и Новомихайловское, Тульской губ., Новосильского уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 2. СПб, 1854.

Ружицкая И. В. Инвентаризация крестьянских повинностей при Николае I (1825–1855): планы и реальность//Экономическая история: Обозрение. Вып. 10. М., 2005.

Руковский И. П. Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862.

Рума Р. Н. Антропометрические исследования: Материалы для определения физического развития учащихся//Сборник, изд. Медицинского департамента Пермского земства. Т. 3. Пермь, 1881.

Рума Р. Н. К гигиене рудокопов. Пермь, 1882.

Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия/И. И. Шангина (ред.). СПб., 1999.

Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917): Справочник/Авторы-составители М. С. Черепахов, Е. М. Фингерит. М., 1957.

Русские/В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук (ред.). М., 2003.

Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева/Авт.-сост. И. И. Шангина. СПб., 2004–2008. Т. 1–5.

Руссов А. А. О найме рабочих в Херсонскую губернию в 1855 году//Сборник Херсонского земства. 1890. № 1.

Руссов А. А. Сравнительные наблюдения над влиянием кормления грудью и искусственного кормления на вес и рост детей. СПб., 1879.

Рыкачев А. М. Цены на хлеб и на труд в С.-Петербурге за 58 лет. СПб., 1911.

Рындзюнский П. Г. О мелкотоварном укладе в России XIX века//История СССР. 1961. № 2.

Рындзюнский П. Г. Об определении интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России конце XVIII — первой половине XIX в. (о статье И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова)//История СССР. 1966. № 6.

Рындзюнский П. Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г.?//Вопросы истории. 1967. № 7.

Рындзюнский П. Г. Хозяйственная жизнь и общественные отношения крепостной России первой половины XIX в.//История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях, в 12 томах. Первая серия. Т. 4. Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в./А. В. Фадеев (ред.). М., 1967.

Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России: 1850–1880 гг. М., 1978.

Рындзюнский П. Г. К изучению динамики численности крепостного населения в дореформенной России//История СССР. 1983. № 1.

Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.

Рындзюнский П. Г. К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX–XX вв.//С. Л. Тихвинский (ред.). Социально-экономическое развитие России. М., 1986.

Рычков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира). М., 1969.

Рябушкин Т. В., Симчера В. М., Матихин В. А. Развитие статистической науки в СССР: Вопросы методологии. М., 1985.

Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX — XX вв. СПб., 1998.

Савельев М. В. Среднее дневное довольствие крестьянина в Землянском уезде//Вестник общественной гигиены. 1892. № 9.

Савельев П. И. Пути аграрного развития в дискуссиях российских историков//Россия сельская: XIX — начало XX века/А. П. Корелин (ред.). М., 2004.

Савинова Н. В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

Саградов А. А. Народонаселение и устойчивое развитие. М., 1998.

Саградов А. А. Россия и индекс человеческого развития//Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Февраль 2000. № 43.

Садовский А. Я. К вопросу о падении и нарастании веса новорожденных и месячных детей. Н.-Новгород, 1904.

Сазонов Г. П. Обзор деятельности земств по народному продовольствию (1865–1892): В 2 т. СПб., 1893.

Сайтел Ф. П. Современные паблик рилейшнз/Пер. с англ. М., 2002.

Саккоротти Л. П. А. Столыпин. Жизнь за царя. Катанзаро, 2002.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1968. Т. 6.

Санкт-Петербург: 1703–2003: Юбилейный статистический сборник/И. И. Елисеева, Е. И. Грибова (ред.): В 3 вып. СПб., 2001–2003.

Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии. Т. 2. Саратов, 1882.

Сафонов Д. А. Крестьянское движение на Южном Урале: 1855–1922 гг.: Хроника и историография. Оренбург, 1999.

Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II//Между двух революций 1905–1917: Источники, исследования, историография. СПб., 2005 (Нестор. № 3. 2005).

Сафонов М. М. Роль Государственной думы в подготовке отречения Николая II//Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века/А. Б. Николаев (ред.). СПб., 2008.

Сафонова А. В. Положение трудящихся Петербурга и их классовая борьба в 60–70-е годы XVIII в.// Уч. зап. Волог. пед ин-та. 1954. Т. 14. История.

Свавицкая З. М., Свавицкий Н. А. Земские подворные переписи 1880–1913. Поуездные итоги. М., 1926.

Сведения о питейных сборах: В 5 ч. СПб., 1860, 1861. Свержение самодержавия: Марксистская зарубежная историография Февральской буржуазно-демократической революции буржуазно-демократическая революция: Реферативный сб./А. А. Твердохлеб (ред.). М., 1977.

Свифт Э. Культурное строительство или культурная разруха? (Некоторые аспекты театральной жизни Петрограда и Москвы в 1917 г.)//Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть/В. Ю. Черняев (ред.). СПб., 1994.

Свод отчетов фабричных инспекторов за [1901–1914] год. СПб., 1903–1915.

Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века: В 3 вып. СПб., 1902, 1903, 1906.

Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии/Ф. А. Щербина (сост). Воронеж, 1897.

Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., 1911.

Секиринский С. С. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX — нач. XX в.): Учеб. пособие для вузов. М., 1995.

Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917). Н.-Новгород, 2006.

Селищев А. С. Макроэкономика. 2-е изд. СПб., 2002.

Селунская Н. Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. М., 2005.

Сельскохозяйственный промысел в России. Пг., 1914.

Селюнин В. И., Ханин Г. А. Лукавая цифра//Новый мир, 1987. № 2.

Семанов С. Н. Петербургские рабочие накануне первой русской революции. М.; Л., 1966.

Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 1.

Семевский В. И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в.//Устои. 1882. № 1, 2.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1, 2.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века//А. А. Корнилов, А. С. Лаппо-Данилевский, В. И. Семевский, И. М. Страховский. Крестьянский строй. СПб., 1905.

Семевский В. И. Пожалование населенных имений в царствование Екатерины II: очерк из истории частной земельной собственности в России. СПб., 1906.

Семевский В. И. Пожалование населенных имений при императоре Павле//Русская мысль. 1882. № 12.

Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: историческое исследование. Т. 1. От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. СПб., 1898.

Семенов А. В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год: В 3 ч. СПб., 1859.

Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). Л., 1998.

Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982.

Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1975.

Семенова-Тян-Шанская О. П. Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914.

Сенин А. С. Либералы у власти. История повторяется?//Кентавр. 1993. № 2.

Сенцов А. А. Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар, 1994.

Сенчакова Л. Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989.

Сенчакова Л. Т. Крестьянские наказы и приговоры 1905–1907 гг. //Судьбы российского крестьянства/Ю. Н. Афанасьев (ред.). М., 1996.

Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999.

Сенявский А. С. Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века//Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования/Отв. ред. М. В. Друзин. СПб., 2008.

Сенявский А. С. Проблемы модернизации России в XX в: Диалектика реформизма и революционности//Россия в XX в.: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002.

Сергеев В. И. Динамика физического развития бурят//Антропологический журнал. 1932. № 2.

Серебровский М. Сравнительное обращение русского простолюдина и различных инородцев с лошадью. СПб., 1879.

Сикорский Е. А. Деньги на революцию: 1903–1920: Факты. Версии. Размышления. Смоленск, 2004.

Сикорский Е. А. Большевики в борьбе за власть: теория и практика (1917–1920 гг.). Смоленск, 2001.

Симкин Д. С. Воинские призывы населения Курской губернии в конце XIX в.//Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: Материалы международной конференции, Май 2002 г. /В. В. Канищев (ред.). Тамбов, 2002.

Симонова М. С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX — начале XX в.//Проблемы социально-экономической истории России/Л. М. Иванов (ред.). М., 1971.

Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987.

Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет, 1900–2000: Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006.

Сиринов М. А. Очерки по аграрной статистике. Юрьев, 1915.

Систематический сборник очерков по отечествоведению/Ф. А. Фельдман (ред.): В 2 ч. СПб., 1898.

Скаткин Н. И. К характеристике физического развития населения Рузского уезда Московской губернии: По данным Рузского уездного воинского присутствия (за 1874–1906 гг.). М., 1910.

Скибневский А. И. Физическое состояние призывных и доживаемость до 21 года в Богородском уезде (Московской губернии)//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1903, №. 4.

Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания//Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия/Теодор Шанин (сост.). М., 1992.

Скребницкий А. И. Крестьянское дело в царствование императора Александра II: Материалы для истории освобождения крестьян: В 3 т. Бонн на Рейне, 1862–1865/1866.

Скутнев А. В. Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009.

Словарь русского языка: В 4 т./А. П. Евгеньева (ред.). 3-е изд. М., 1985–1988.

Словцов Б. И. Пищевые раскладки. 2-е изд. Пг., 1919.

Словцов П. А. Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России//Сборник статистических сведений о России, изд. Статист. отд. Русского географического общества. СПб., 1858. Кн. 3.

Слухи в России XIX–XX веков: Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» истории/И. В. Нарский (ред.). Челябинск, 2011.

Случевский А. Наш солдатский рацион//Военно-медицинский журнал. 1897. № 3.

Смаковский А. В. О смертности сельского населения Малороссии//Земский врач. 1891. № 32–33.

Смелзер Н. Социология/Пер. с англ. М., 1994.

Смидович С. Г. Самоубийства в зеркале статистики//Социологические исследования. 1990. № 4. 1990.

Смидович. О влиянии города на здоровье его жителей//Здоровье. 1879. № 121.

Смирнова А. А. Социалисты в Февральской революции//Проблемы новейшей истории России: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Г. Л. Соболева/М. В. Ходяков (ред.). СПб., 2005.

Смирнов Н. Н. Российская революция 1917 года: традиции и новации//Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006: Реформы в России. XVI — начало XX в./Н. Плешков, М. Н. Толстой (ред.). СПб., 2006.

Смородинцев А. И. К вопросу о пище крестьян Екатеринбургского уезда//Записки Уральского медицинского общества. 1893. Вып. 2.

Смородинцев А. И. К вопросу о физическом развитии школьных детей//Зап. Уральского мед. об-ва в г. Екатеринбурге. 1894.

Смородинцев А. И., Русских Н. А. Физическая организация школьных детей Пермской губернии// Зап. Уральского Общества любителей естествознания. 1897. Т. XIX. Вып. 1.

Снегирев В. С. Материалы для медицинской статистики и географии России: О результатах освидетельствования и измерения груди и роста лиц, призванных к военной службе в 1875 году//Военно-медицинский журнал. 1878, 1879, 1883, 1884.

Сниткин М. Н. Наблюдения над колебаниями веса новорожденных детей в продолжение 1-го месяца их жизни//Медицинский отчет С.-Петербургского воспитательного дома. 1873.

Сниткин М. Н. Влияние телосложения новорожденных детей на смертность их в первые недели жизни//Медицинский вестник. 1874.

Сниткин М. Н. Материалы для изучения роста детей первых дней жизни. СПб., 1878.

Сниткин М. Н. Уход за здоровыми детьми. СПб., 1876.

Соболев Г. Л. Октябрьская революция в американской историографии, 1917–1970-е годы. Л., 1979.

Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победы Октября. Л., 1985.

Соболев Г. Л. Пролетарский авангард в 1917 году: революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993.

Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002.

Соболев Г. Л. Тайный союзник: русская революция и Германия, 1914–1918. СПб., 2009.

Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004.

Советов А. В. О системах земледелия. 3-е изд. М., 2010.

Советская историография аграрной истории СССР (до 1917)/В. Я. Янин (ред.). Кишинев, 1978.

Советская историография февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов/В. П. Наумов (ред.). М., 1979.

Советская историческая энциклопедия: В 16 т./Е. М. Жуков (гл. ред.). М., 1961–1976.

Сови А. Общая теория населения: В 2 т. М., 1977.

Сови А. Экономические трудности и преимущества роста населения//Проблемы народонаселения: О демографических проблемах стран Запада/Д. И. Валентей, В. В. Бодрова (ред.). М., 1977.

Современная антропология. Сб. ст. К 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и общественной деятельности В. В. Бунака/М. Ф. Нестурх (ред.). М., 1964.

Современная молодежь и эпохальная тенденция развития: Тезисы респ. научн. конф. Вильнюс, 22–23 сентября 1988 г. /С. Павилонис (ред.). Вильнюс, 1988.

Соковнин П. Н. Культурный уровень крестьянского полеводства на надельной земле и его значение в земельном вопросе (С поуездными данными по 46 губерниям России). СПб., 1906.

Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения//Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999.

Соколов В. И. 1917-й год: Старые и новые мифы, альтернативы и реальность. Рязань, 2001.

Соколов Н. Д. К характеристике физического развития и грамотности населения Клинского уезда// Материалы по определению физического состояния населения Московской губернии. Вып. 2. М., 1903.

Соколофф Ж. Бедная держава: История России с 1815 года до наших дней. М., 2007.

Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией//Российская газета (Федеральный выпуск). № 4303 от 27 февраля 2007.

Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005.

Соловей В. Д. Смысл, логика и форма русских революций. М., 2007.

Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008.

Соловей Т. Д., Соловей В. Д. Несостоявшаяся революция: исторические смыслы русского национализма. М., 2011.

Соловьев М. Е. Большевики и Февральская революция 1917 года. М., 1980.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1960–1965.

Соловьева В. С. Об ускорении полового созревания подростков//Вопросы антропологии. 1966. Вып. 24.

Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля//Бежин луг. 1992. № 1 (Доступ 1.12.2011: <http://lib.rus.ec/b/150740/read#t2>).

Сомов С. А. Особое совещание по обороне и буржуазия. Возникновение новой формы сотрудничества самодержавия и буржуазии (май-август 1915 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.

Сорокин А. К. От авторитаризма к демократии: к истории несостоявшегося перехода//Полис. 1993. № 3.

Сорокин П. А. Социальная мобильность. М., 2005.

Состояние питания городского населения СССР 1919–1924 гг. (по данным периодических обследований питания населения, проводимых Отделом статистики потребления ЦСУ). М., 1926.

Спасский И. А. Опыт изучения влияния некоторых работ ижевских оружейников на их здоровье и физическое развитие. СПб., 1888.

Сперанский Г. Н. К материалам о новорожденных//Журнал по изучению раннего детского возраста. 1923. Т. 1. № 2.

Спирин Л. М. Россия 1917 г.: Из истории борьбы политических партий. М., 1987.

Справочник по детской диетике/И. М. Воронцов, А. В. Мазурин (ред.). 2-е изд. Л., 1980.

Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год/В. В. Морачевский (ред.). Пг., 1916.

Стайтс Р. Русская революционная культура и ее место в истории культурных революций//Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть/В. Ю. Черняев (ред.). СПб., 1994.

Сталь Н. Е. Пензенская губерния. СПб., 1867. Ч. 1, 2.

Стариков Н. В. 1917. Разгадка «русской» революции. М., 2011.

Старков И. П. Физическое развитие воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1897.

Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции: От Кромвеля до Путина. 2-е изд. М., 2004.

Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.

Старцев В. И. Крах керенщины. Л., 1982.

Старцев В. И. 27 февраля 1917 г. М., 1984.

Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996.

Старцев В. И. Стихийность и организованность в Февральском восстании 1917 г. в Петрограде//80 лет революции 1917 г. в России: Республиканская научная конференция. Санкт-Петербург, 11–12 марта 1997 г. СПб., 1997.

Старцев В. И. Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала XX в. 3-е изд. СПб, 2004.

Старцев В. И. Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. 3-е изд. СПб., 2006.

Статистика городских сберегательных касс/Обработал И. И. Кауфман. СПб., 1875.

Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1895.

Статистический ежегодник 1918–1920 гг.: В 2 вып. М., 1921.

Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. 1922 г. Пг., 1922.

Стачечное движение рабочих России в годы первой мировой войны: Материалы официальной статистики за август 1914 — январь 1917 гг.: В 4 вып./Сост. С. С. Атапин, В. П., Желтова. М., 1986–1988.

Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год/М. П. Штер (ред.). СПб., 1829.

Стейнберг М. Д. Представление о «личности» в среде рабочих интеллигентов//Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 — февраль 1917 г. /С. И. Потолов (ред.). СПб., 1997.

Степанов В. Л. Иван Алексеевич Вышнеградский//Отечественная история. 1993. № 4.

Степанов В. Л. Крестьянская реформа 1861 г. в историографии ФРГ//Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков/А. Н. Сахаров (ред.). М., 1996.

Степанов В. Л. Социальное законодательство фон Бисмарка и законы о страховании рабочих в России//Отечественная история. 1997. № 2.

Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1964.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся: [Мемуары]. 2-е изд. СПб., 2000.

Степун Ф. А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции//Интеллигенция. Власть. Народ/Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская (ред.-сост.). М., 1993.

Стог А. Д. Об общественном призрении в России: В 4 ч. СПб., 1818–1831.

Стоимость производства главнейших хлебов в Европейской России. СПб., 1890 (Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. 3).

Столетие Военного министерства, 1802–1902: В 13 т./Д. А. Скалон (ред.). СПб., 1902–1914.

Столпянский П. Н. Из истории производств в С.-Петербурге за 18-й век и первую четверть 19 в.// Архив истории труда в России. Кн. 2. СПб., 1921.

Столпянский П. Н. Жизнь и быт Петербургской фабрики за 210 лет ее существования. 1704–1914. Л., 1925.

Столяров В. Ф. Об измерении и взвешивании тела при приеме рекрут для определения их годности к военной службе//Современная медицина. 1870. № 25, 26, 27.

Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции. М., 1991.

Струве П. Б. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913.

Струве П. Б. Почему застоялась наша духовная жизнь?//Русская мысль. 1914. № 3.

Струмилин С. Г. Оплата труда в России: Девятнадцатый век//Плановое хозяйство. 1930. № 7–8.

Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. Феодальный период (1500–1860 гг.). М., 1954.

Струмилин С. Г. Оплата промышленных рабочих России в России за 1900–1916 гг. //*Струмилин С. Г.* Избранные произведения: В 5 т. Т. 3. Проблемы экономики труда. М., 1963.

Струмилин С. Г. Бюджет времени русского крестьянина//*Струмилин С. Г.* Избранные произведения: В 5 т. Т. 3. Проблемы экономики труда. М., 1963.

Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1967.

Струмилин С. Г. О балансовом методе в урожайной статистике//*Струмилин С. Г.* Статистика и экономика. М., 1979.

Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.)/Л. Е. Шепелев (сост.). СПб., 1999.

Сулима К. П. Свеклосахарное производство в санитарном отношении. СПб., 1892.

Сумкина В. В. Роль большевистской пропаганды и агитации в формировании политической армии революции 1905–1907 годов в России (на материалах Центрально-Промышленного района). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1985.

Суханов Н. Н. Записки революционера: В 3 т. М., 1991.

Суханова Л. П. Перинатальные проблемы воспроизводства населения России в переходный период. М., 2006.

Сухарев А. А. Казанские татары: Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904.

Сухих И. Н. Шеншин и Фет: Жизнь и стихи. СПб., 1997.

Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.

Сухоплюев И. К. Неурожай и массовые заболевания голодающего населения//Русская мысль. 1906. № 3.

Табель о деньгах на продовольствие арестантов, содержащихся в местах заключения гражданского ведомства на 1893 г. СПб., Б. г.

Такала И. Р. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002.

Талько-Гринцевич Ю. Д. Польская антропологическая литература//Русский антропологический журнал. 1900. № 4; 1901, № 1.

Тарновский Е. Н. Сведения о самоубийствах в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие//Проблемы преступности. М.; Л., 1926.

Тарновский К. Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 — нач. 1930-х гг.)//Исторические записки. 1965. Т. 78.

Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России: начало XX в.: Советская историография середины 50–60-х годов. М., 1990.

Тархов А. Проза Фета-Шеншина//Фет А. А. Соч.: В 2 т./Сост., вступит. статья, коммент. А. Е. Тархова. М., 1982. Т. 2.

Тварьянович И. К. Материалы к антропологии армян. СПб., 1897.

Тверской край в XX веке: Документы и материалы: В 4 вып./Е. И. Борисов (ред.). Тверь, 1994–1997.

Тезяков Н. И. Физическое развитие учеников земских школ Елисаветградского уезда//Врач. 1895. Т. 16. № 10.

Телицын В. Л. «Бессмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003.

Тенгоборский Л. В. О производительных силах России/Пер. с фр. М., 1854. Ч. 1.

Теневая экономика: экономический и социальный аспекты/И. Ю. Жилина, Л. М. Тимофеев (ред.). М., 1999.

Тереховко Ф. К. К вопросу о самоубийстве в С.-Петербурге за двадцатилетний период (1881–1900 гг.). Гатчина, 1903.

Тертышный А. Т., Трофимов А. В. Российская история: модели измерения и объяснения. Екатеринбург, 2005.

Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий//Антология социально-экономической мысли в России: Дореволюционный период/А. И. Кравченко (ред.). СПб., 2000.

Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974.

Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков: Сосуществование и противостояние. М.; СПб., 2005.

Толстой И. И. Дневник. В 2 т./Б. В. Ананьич (сост.). СПб., 2010.

Толстой Л. Н. О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. М., 1892.

Томарев В. И. Большевики Поволжья во главе революционной борьбы трудящихся масс против царизма в период между двумя революциями, 1907 г. — февр. 1917 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

Томилин С. А. К вопросу о плодовитости крестьянки и влиянии ее на детскую смертность//Советская демография за 70 лет/Т. В. Рябушкин (ред.). М., 1987.

Торговля и промышленность Европейской России по районам: Общая часть и приложения/В. П. Семенов-Тян-Шанский (ред.). СПб., 1904.

Травин Д. Я., Маргария О. Европейская модернизация: В 2 кн. М.; СПб., 2004.

Травин Л. А. Божиим милосердием облагодетельствованного Леонтия Автономова сына Травина, уроженца из бедного состояния родителей, происшедшего в достоинство благородства, бывшие с 1741 г. в жизни его обстоятельства и приключения, для сведения и пользы собственно потомкам его описанные им самим//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Традиционная пища как выражение этнического самосознания/С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина (ред.). М., 2001.

Трауптман Й., Шиссер Г. Русская рулетка: Немецкие деньги для русской революции. М., 2004.

Трахтенберг А. Г. Материалы к вопросу о санитарном состоянии школ России. СПб., 1903.

Трейтер В. А. О дефекте веса новорожденных в связи с последствиями пережитой войны//Врачебное дело. 1926. № 5.

Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XVI–XVIII вв. М., 2007.

Третьякова Г. А. Поместное дворянство Европейской России в 1917 году (на материалах губерний Центрально-Земледельческого района и Поволжья): Автореф. ... дис. канд.ист.наук. Куйбышев, 1990.

Три революции в России и буржуазная историография/Б. И. Марушкин, Г. З. Иоффе, Н. В. Романовский. М., 1977.

Троицкий П. Село Липицы и его окрестности, Тульской губ., Каширского уезда//Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 2. СПб., 1854.

Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966.

Троцкий Л. Д. История русской революции: В 2 т. М., 1997.

Трошина Т. И. Архангельск в годы Первой мировой войны: экономические и социально-культурные процессы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1999.

Трубецкая О. Н. Князь С. Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953.

Трубецкой Е. Н. Новая земская Россия//Русская мысль. 1913. Декабрь.

Трубников В. В. Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии// Сборник статистических сведений о России, изд. Статист. отд. РГО. СПб., 1858. Кн. 3.

Труды Комиссии по естественноисторическому районированию СССР/С. Г. Струмилин (ред.). М.; Л., 1947. Т. 1.

Трутовский В. Е. Современное земство. Пг., 1914.

Туган-Барановский М. И. Статистические итоги промышленного развития России. СПб., 1898.

Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историческое развитие русской фабрики в XIX в. 3-е изд. М., 1922.

Тульцева Л. А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина// Расы и народы. Вып. 25/И. В. Власова (ред.). М., 1998.

Туманова А. С. Общественные организации и русская публика начала XX века. М., 2008.

Туманова А. С. Самодержавие и общественные организации в России: 1905–1917 годы. Тамбов, 2002.

Турчин П. В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М., 2007.

Тутолмин С. Н. Концепция политической культуры в отечественной и зарубежной науке//Технология власти: источники, исследования, историография/И. В. Лукоянов, С. Е. Эрлих (ред.). СПб., 2005.

Тымчик С. В. «Рабочая группа» Московского областного ВПК (1915–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

1896 год в сельско-хозяйственном отношении по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1896. Вып. 4.

1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов междунар. науч. конф., состоявшейся 21–22 окт. 1997 г. в Москве/С. В. Тютюкин (ред.). М., 1998.

1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов междунар. науч. конф., состоявшейся 4–5 февр. 1997 г. в Москве/П. В. Волобуев (ред.). М., 1997.

1917 год: Россия революционная: Сб статей и рефератов. 2-е изд. М., 2009.

Тэри Э. Россия в 1914 г.: Экономический обзор. Paris, 1986.

Тюкавкин В. Г. Аграрное перенаселение в России в эпоху империализма//Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.): Материалы XX сессии Всесоюз. симпозиум по изучению проблем аграрной истории/И. Д. Ковальченко (ред.). Таллинн, 1986.

Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987.

Тютюкин С. В. Война, мир, революция: Идейная борьба в рабочем движении России: 1914–1917 гг. М., 1972.

Тян В. В. Россия на изломе веков: самодержавный режим на весах системных кризисов. М., 2002.

Тян В. В. Эволюция власти в условиях политической модернизации общества: теория, альтернативные модели и векторы российских преобразований: монография. М., 2010.

Укке Ю. Рекрутские наборы в Самарской губернии в 1875–77 гг. //Врачебные ведомости. 1881. № 38–40.

Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи: XIX — начало XX века. М., 2005.

Ульянова Г. Н. Благотворительная деятельность в Российской империи как реализация идеи «гражданской сферы»//Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: Вторая половина XIX — начало XX века/Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова (ред.). М., 2007.

Умершие насильственно и внезапно в Российской империи в 1870–1874 гг. СПб., 1882.

Умершие насильственно и внезапно в Российской империи в 1875–1887 гг. СПб., 1894.

Умершие насильственно и внезапно в Российской империи в 1888–1893 гг. СПб., 1897.

Уортман Р. «Глас народа»: визуальная репрезентация российской монархии в эпоху эмансипации// Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008.

Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. М., 2002. Т. 2. О Александра II до отречения Николая II. М., 2004.

Уортман Р. С. Николай и образ самодержавия//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы межд. коллоквиума историков/Д. Гайер и др. (ред.). СПб., 1992.

Уортман Р. С. Поездки Александра II по Российской империи//П. А. Зайончковский 1904–1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем/Л. Г. Захарова и др. (ред.). М., 1998.

Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX веков: Историко-статистическое исследование. М., 1960.

Урланис Б. Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти//А. Г. Вишневский (ред.). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.

Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе: (статистические исчисления). М., 1941.

Урожай хлебов в России в 1917 году: Валовой и чистый сбор, продовольственные и кормовые потребности, местные избытки и недостатки главных хлебов/А. Е. Лосицкий (ред.). М., 1918.

Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.

Февральская революция 1917 года в России: история и современность: материалы круглого стола, 13 марта 2007 г. /Е. И. Пивовар (ред.). М., 2007.

Февральская революция 1917 года в российской истории//«Круглый стол». Отечественная история. 2007. № 5.

Февральская революция и судьбы демократии в России. Материалы международной научной конференции (14–15 марта 1997 г.)/Н. Д. Судавцов (ред.). Ставрополь, 1997.

Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974.

Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России, 1801–1860: (По материалам центрально-промышленных губерний). М., 1980.

Фельдман М. А. Оценки Февральской революции в России и на Урале в историографии последних двух десятилетий//Вопросы истории. 2009. № 2.

Фельштинский Ю. Г. Как добывались деньги для революции//Вопросы истории. 1998. №. 9.

Феретти М. Безмолвие памяти//Неприкосновенный запас. М., 2005. № 6.

Фесенко М. Н. Вес и температура новорожденных в первые дни жизни//Журнал для нормальной и патологической гистологической и клинической медицины. 1873. Т. 7.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999.

Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство/Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева и С. В. Смирнова. М., 2001.

Филд Д. Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне//Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях/И. Д. Ковальченко (ред.). М., 1989.

Филд Д. Расслоение в русской крестьянской общине: статистическое исследование//Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях/Л. В. Милов (ред.). М., 1992.

Филюшкин А. И. Как Россия стала для Европы Азией//Ab Imperio. 2004. № 1.

Финансовая политика и таможенное покровительство/Б. Ф. Брандт (сост.). СПб., 1904.

Финн-Енотаевский А. Ю. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911.

Фирсов Б. М. Ментальные миры современного российского населения//Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа/М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова (ред.). М., 2005.

Фокин Е. Л. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. М., 1937,

Фортунатов А. Ф. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., 1893.

Фортунатов А. Ф. Урожаи ржи в Европейской России. М., 1893.

Франк С. Л. По ту сторону «правого» и «левого». Минск; [М.], 1992.

Френкель З. Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела (По данным работ, произведенных для Дрезденской и Всероссийской гигиенических выставок). СПб., 1913.

Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии: Подготовка и проведение Октябрьского мятежа 1917–1918 гг. Иерусалим: Став, 1982.

Френкин М. Русская армия и революция: 1917–1918. Munich: Logos, 1978.

Фридлянд И. Г. Опыт антропометрического изучения группы котельщиков-пневматиков//Труды Ленингр. ин-та по изучению профессиональных заболеваний. 1926. Т. 1.

Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы межд. коллоквиума историков/Д. Гайер и др. (ред.). СПб., 1992.

Фробелиус. Об определении степени жизнеспособности новорожденных детей//Медицинский отчет С.-Петербургского воспитательного дома. СПб., 1873.

Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1999.

Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.

Фундуклей И. И. Статистическое описание Киевской губернии: В 3 ч. СПб., 1852.

Фюре Ф. Постижение Французской революции. СПб., 1998.

Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.

Хаймсон Л. Рабочее движение и историческое происхождение и характер Февральской революции//Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы межд. коллоквиума историков/Д. Гайер и др. (ред.). СПб., 1992.

Хаймсон Л. Исторические корни Февральской революции//Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть/В. Ю. Черняев (ред.). СПб., 1994.

Хаймсон Л. Меньшевизм и большевизм (1903–1917): Формирование менталитетов и политической культуры//Меньшевики в 1917 г.: В 3 т./3. Галили, А. Ненароков, Л. Хаймсон (ред.). М., 1994–1996.

Хаймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX — начале XX в.: Роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией//Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. /С. И. Потолов (ред.). СПб., 1997.

Хаймсон Л., Бриан Э. Стачечное движение в России во время Первой мировой войны: количественный анализ и интерпретация//Россия и США на рубеже XIX–XX вв.: Математические методы в исторических исследованиях/Л. В. Милов (ред.). М., 1992.

Хаймсон Л., Петруша П. Опыт математико-статистического исследования данных «Свода отчетов фабричных инспекторов» о стачках рабочих в России в 1912–1914 гг. //Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях/И. Д. Ковальченко (ред.). М., 1985.

Хантингтон С. П. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.

Харизоменов С. А. Экономическая деятельность земства: Краткая историческая записка. Саратов, 1888.

Харитонов В. Л. Февральская революция в России (попытка многомерного подхода)//Вопросы истории. 1993. № 11–12.

Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. Биология человека. М., 1979.

Хасегава Ц. Февральская революция: консенсус исследователей?//1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов междунар. науч. конф., состоявшейся 4–5 февр. 1997 г. в Москве/П. В. Волобуев (ред.). М., 1997.

Хереш Э. Купленная революция: Тайное дело Парвуса. М., 2005.

Хижняков В. В. О питании сельскохозяйственных рабочих//Врач. 1900. № 17.

Хильдермайер М., Бенеке Б. История Российской империи и Советского Союза в научной литературе Федеративной республики Германии (XIX–XX вв.)//Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков/А. Н. Сахаров (ред.). М., 1996.

Хитрина Н. Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 году. Н.-Новгород, 2001.

Хлынина Т. П. Образы российских революций в современной исследовательской и образовательной практике//Образование, просветительство и гражданское общество: (К 60-летию общества «Знание» России): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Адлер, 25–29 мая 2007 г.)/В. Н. Ратушняк (ред.). Краснодар, 2007.

Ходский Л. В. Земля и землевладелец: Экономическое и статистическое исследование: В 2 т. СПб., 1891.

Хок С. Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.

Хок С. Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861–1914 годы//Отечественная история. 1996. № 2.

Хок С. Л. Голод, болезни и структуры смертности в приходе Борщевка, Россия, 1830–1912//Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования. Материалы научной конференции (апрель 1998 г.)/В. В. Канищев (ред.). Тамбов, 1999.

Холквист П. Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: Тотальная мобилизация и «политика населения»//(Материалы международного научного коллоквиума) [1–5 июня 1998 г., г. С.-Петербург]/СПб., 1999.

Холмс Л. Социальная история России, 1917–1941. Ростов н/Д, 1993.

Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.

Хоскинг Дж. Россия и русские: В 2 кн. М., 2003.

Хромов П. А. Экономическое развитие России: Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967.

Хрущева А. Г. Воспоминания//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Хрящева А. И. Крестьянство в войне и революции//Вестник статистики. 1920. Сентябрь-декабрь.

Цветков М. А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957.

Цебрикова М. Общественное мнение//На славном посту (1860–1900): Литературный сборник, посвящ. Н. К. Михайловскому. СПб., 1900.

Цейтлин Р. С. В борьбе за солдатские массы: (Большевики и их политические противники в тыловых военных округах Восточной России в мирный период развития революции). Казань, 1987.

Цитрин М. Г. Медико-статистический отчет по призыву 1888 г. в Буинском уезде//Земский врач. 1890. № 40.

Чаянов А. В. Бюджетные исследования: история и методы. М., 1929.

Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989.

Чаянов А. В., Студенский Г. А. История бюджетных исследований. 2-е изд. М., 1922.

Чеботаев Н. П. Некоторые данные по статистике смертности и заболеваемости крестьянских детей Самарской губернии. СПб., 1901.

Челинцев А. Н. Сельскохозяйственная география России. Берлин: Feilchenfeld's Buchdruck, 1923.

Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. 2-е изд. М., 1928.

Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства//Антология социально-экономической мысли в России: 20–30-е годы XX века/А. И. Кравченко (ред.). М., 2001.

Череванин Ф. А. Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет, 1883–1923 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России/В. Г. Громан (ред.). Ч. 1. Л., 1927.

Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985.

Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд. М., 1970.

Чернов В. М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934.

Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70-е годы XIX в.). Л., 1972.

Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

Черняев В. Ю. Ораниенбаумское восстание в феврале 1917 г. //Исторические записки. М., 1986. Т. 114.

Черняев В. Ю. Гибель царского Петрограда//Русское прошлое. 1991. Кн. 1.

Черняев В. Ю Февральская революция в императорской резиденции Петергоф//Русское прошлое. 1993. Кн. 4.

Черняев В. Ю. Гибель думской монархии. Временное правительство и его реформы//Власть и реформы: От самодержавной к советской России/Б. В. Ананьич (ред.). СПб., 1996.

Черняев В. Ю. Демократические революции: право и власть//Революционный процесс и общественное сознание/Б. В. Ананьич (ред.). СПб., 2009.

Чеснис Г. Изменения длины тела населения Литвы в течение двух тысячелетий нашей эры//Вопросы антропологии. 1983. Т. 73.

Четвериков Н. С. Колебания урожаев как фактор, влияющий на устойчивость сельского хозяйства в России//Сборник статей по статистике: Памяти Николая Алексеевича Каблукова/Н. А. Свавицкий, Т. И. Семенов (ред.). М., 1925. Т. 1.

Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.

Чешихин-Ветринский В. Е. Герцен. СПб., 1908.

Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. /В. В. Степанов (ред.). В 2 т. СПб., 1906.

Чистяков Г. А. Национальные и социальные различия в физическом развитии призывных Харьковского и Сумского округов//Материалы по антропологии Украины. Сб. 2. Национальные и социальные различия в физических признаках населения Украины. Харьков, 1926.

Чудинов А. В. Французская революция: История и мифы. М., 2007.

Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах: От древних времян до ныне настоящаго и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великаго и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великия: В 7 т. М., 1788.

Чупров А. А. Общинное землевладение//Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: В 2 т. СПб., 1904.

Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России: 1917–1918 гг. М., 2004.

Чуркина Н. И. Историческая география педагогического образования Западной Сибири//Пишем времена и случаи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ (Новосибирск, 25–26 апреля 2008 г.)/Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск, 2008.

Шангина И. И. Русский народ: Будни и праздники. СПб., 2003.

Шанин Т. Крестьянские войны в России, 1902–1922 годы. Выступление на аграрном семинаре памяти Виктора Петровича Данилова 4–5 марта 2005 г. //В. П. Данилов, Т. Шанин (ред.) Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 2006.

Шапиро А. Л. Выступления в прениях//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллинн, 1959.

Шапиро А. Л. Об опасности модернизации истории русского крестьянства XVII — первой половины XVIII в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961.

Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л., 1977.

Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987.

Шапиро А. Л. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование)/Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1989.

Шапиро Е. О. О влиянии Великого поста на вес учеников земской школы с. Колена//Врачебно-санитарная хроника Воронежской губ. 1898. Сентябрь.

Шапиро Е. О. Влияние Рождественского поста на питание учеников земской школы с. Колена Новохоперского уезда//Врачебно-санитарная хроника Воронежской губ. 1899. Январь.

Шапиров Б. М. Прием новобранцев//Вестник общественной гигиены. 1903. № 3.

Шатковская Т. В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: Опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д, 2000.

Шатохин И. Т. Кризисные явления в местном управлении Российской империи начала XX века//Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования/М. В. Друзин (ред.). СПб., 2008.

Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.

Шацилло К. Ф. Русский либерализм в конце XIX — начале XX в.//Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева/А. Н. Цамутали (ред.). СПб.,1999.

Шацилло М. К. Эволюция налоговой системы России в XIX в.//Экономическая история. Ежегодник 2002. М., 2003.

Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901.

Шванебах П. Х. Наше податное дело. СПб., 1903.

Шверин Т. В. К вопросу о влиянии школы на физическое развитие и болезненность учащихся: Исследование учеников сельских школ земскими врачами Ананьевского уезда. Херсон, 1898.

Швининг Г. Гигиена военной службы//Бишофф Г., Гоффман В., Швининг Г. и др. Руководство по военной гигиене. В 4 т. СПб.; Пг., 1912–1915.

Шевелев А. Б. Сдвиги в здоровье трудящихся СССР//Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР: Статистический сборник/И. А. Краваль (ред.). М., 1936.

Шевелева О. В. Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и Столыпинская аграрная реформа в годы I мировой войны: (По материалам Тульской губернии). Тула, 2008.

Шевырин В. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России (советская историография 70–80-х годов): Научно-аналитический обзор. М., 1987.

Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналит. обзор/М., 2003.

Шевырин В. М. Революция 1917 года: переосмысление в зарубежной историографии (Обзор)//1917 год. Россия революционная. 2-е изд. М., 2009.

Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983.

Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии: 1907–1914 гг. М., 1991.

Шелохаев В. В. Теоретические представления либералов о войне и революции//Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории/Ю. А. Писарев, В. Л. Мальков (ред.). М., 1994.

Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

Шелохаев В. В. Феномен многопартийности в России//Крайности истории и крайности историков/А. И. Ушаков (отв. сост.). М., 1997.

Шендриковский И. И. Материалы к антропологии бурят (селенгинцев). СПб., 1894.

Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России: XIX — начало XX века. СПб., 2006.

Шепелев Л. Е. Торгово-промышленная политика царизма в середине XIX в. (1840–1860-е годы)//Английская набережная, 4: Сборник С.-Петербургского научн. о-ва историков и архивистов. СПб., 2004.

Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.

Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблема торгово-промышленной политики. Л., 1981.

Шепелева В. Б. Революциология: Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России: (По материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск, 2005.

Шепелева В. Б. Россия, 1917–1920 гг. Проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии). Омск, 2009.

Шербак В. М. Большевистская агитация и пропаганда. М., 1969.

Шестаков П. М. Рабочие на мануфактуре товарищества «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1900.

Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956.

Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1.

Шингарев А. И. Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. 2-е изд. СПб., 1907.

Шипилов А. В. Русская культура питания в первой половине XVIII века//Вопросы истории. 2003. № 3.

Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.

Шипов Н. Н. История моей жизни и моих странствий//Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века/Вступ. статья, сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Шкарин А. Н. Вес новорожденных в 1919 г. по сравнению с весом новорожденных в 1913 г. //Врачебная газета. 1922. № 3, 4.

Шмаков И. Н. (Кольский уездный врач) Материалы для антропологии русских лопарей (с таблицей измерений)//Ежегодник русского антропологического общества при имп. С.-Петербургском университете. Т. 3: 1908 г. СПб., 1909.

Шмидт А. О. Херсонская губерния. СПб., 1863. Ч. 1, 2.

Шрейбер С. Е. Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов. М., 1931.

Шретер Е. О распределении известной суммы на годовой прожиток//Труды Вольного экономического общества. 1772. Ч. 22.

Штегман А. К. Отчет о результатах медицинского освидетельствования, измерения роста и груди у лиц, призванных к военной службе в 1882 г. в Елецком у., Орловской губ.//Военно-медицинский журнал. 1883.

Штегман А. К. К материалам по вопросу о взаимных отношениях роста, окружности груди и веса человеческого тела//Военно-медицинский журнал. 1889.

Штефко В. Г. Влияние голодания на подрастающее поколение России. Симферополь, 1923.

Штефко В. Г. Отношение высоты головы к длине тела в различных возрастах//Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13.

Штефко В. Г. Материалы по физическому развитию детей и подростков. М., 1925.

Штоль К. Г. Об изменении веса новорожденных детей. СПб., 1876.

Штомпка П. Социология. М., 2005.

Шувалов В. И. Социально-психологический аспект изучения российской историографии последней трети XIX — первой трети XX в. М., 2001.

Шубин А. В. Мифы Февральской революции//Брачев В. С., Шубин А. В. Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007.

Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1976.

Щепетов В. А. О питании татар южного берега Крыма. СПб., 1886.

Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. Ч. 1, 2.

Щербинина Т. Г. Крестьянство и революция 1917 г.: Современные тенденции изучения//Жизнь в истории. К столетию со дня рождения И. М. Разгона/Э. И. Черняк (ред.). Томск, 2006.

Эволюция российской ментальности/Э. С. Кульпин (ред.). М., 2005.

Эггерт З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (Авг. 1914 — окт. 1917). М., 1957.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Эйхгольц Е. Р. Материалы к антропологии белорусов: Рославльский уезд. СПб., 1896.

Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы: В 3 ч. Ч. 3. Сельское хозяйство и крестьянство/А. М. Анфимов (ред.). Л., 1967.

Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г. //А. И. Хрящева (ред.). (Труды Центрального статистического управления СССР. Т. 6, Вып. 3). М., 1922.

Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию//Отечественная история. 1997. № 5.

Эктон Э., Гетрелл П. Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза//Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков/А. Н. Сахаров (ред.). М., 1996.

Эллман М. Голод в СССР в 1947 г. в свете проблемы «доступа к продовольствию»//Экономическая история. Ежегодник. 2005. М., 2005.

Эммонс Т. «Запоздалость» или «своеобразие»? Проблема русского исторического процесса у П. Н. Милюкова//П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат/В. В. Шелохаев (ред.). М., 2000.

Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. М., 1937.

Энгельгардт А. Н. Очерки институтской жизни былого времени//Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц//Сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. М., 2001.

Энгельштейн Л. «Комбинированная» неразвитость: дисциплина и право в царской и советской России//Новое литературное обозрение. 2001. № 49.

Энгельштейн Л. «Половой вопрос» и политический кризис профессиональной интеллигенции после революции 1905 г. //Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы международного коллоквиума историков/В. С. Дякин (ред.). СПб., 1992.

Энциклопедический словарь Русского библиографического ин-та Гранат. М., 1922. Т. 36. Ч. 5.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 82 т. СПб., 1897, 1899. Т. 14, 32, 39, 51, 59.

Эрисман Ф. Ф. Пищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губернии. М., 1893.

Эрисман Ф. Ф. Физическое развитие фабричных рабочих Центральной России//Куркин П. И. Физическое развитие рабочих. М., 1925.

Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб.: Типография МВД, 1853; вып. 2. СПб., 1854.

Эфроимсон В. П. Введение в медицинскую генетику. 2-е изд. М., 1968.

Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: 1863–1913 гг. /П. И. Георгиевский (ред.). СПб., 1913.

Юрий М. Ф. Буржуазные общественные организации в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. (Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Земгор, Центральный военно-промышленный комитет). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Черновцы, 1990.

Юрьева Л. Н. История. Культура. Психические и поведенческие расстройства. Киев, 2002.

Яворский И. Опыт медицинской географии и статистики Туркестана. СПб., 1889. Ч. 1.

Якобий А. И. Инородцы русского Севера//Журнал охраны народного здравия. 1896. № 3, 4.

Яковенко М. Г. Материалы к антропологии еврейского населения Рогачевского уезда Могилевской губернии. СПб., 1898.

Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1993.

Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953.

Якупов Н. М. Революция и мир: (Солдатские массы против империалистической войны: Март 1917 — март 1918 г.). М., 1980.

Ямпольская Ю. А. Оценка физического развития ребенка и коллектива (по весоростовым соотношениям)//Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Сер. Антропология. Том. 3/А. И. Шнирельман (ред.). М., 1989.

Ямпольская Ю. А. Физическое развитие школьников — жителей крупного мегаполиса в последние десятилетия: состояние, тенденции, прогноз, методика скининг-оценки. Дисс. ... докт. биол. наук. М., 2000.

Ямпольская Ю. А. Физическое развитие школьников Москвы во второй половине XX века: состояние, тенденции, прогноз//Антропология на пороге III тысячелетия. Материалы конференции. Москва, 29–31 мая 2002 г. /Т. И. Алексеева и др. (ред.). М., 2004. Т. 2.

Ямщиков С. В. Жизнь и быт солдат тыловых гарнизонов русской армии в годы Первой мировой войны: (На материалах Тверской губернии)//История российского быта: Материалы Четырнадцатой Всероссийской заочной научной конференции/С. Н. Полторак (ред.). СПб., 1999.

Ян Х. Ф. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война//Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. /С. И. Потолов (ред.). СПб., 1997.

Янжул И. И. Фабричный быт Московской губернии. СПб., 1884.

Янкаускас Р., Шакалите И. Длина тела у детей в XIV–XVII вв. по литовскому палеостеологическому материалу//Современная молодежь и эпохальная тенденция развития: Тезисы респ. научн. конф., Вильнюс, 22–23 сентября 1988 г. /С. Павилонис (ред.). Вильнюс, 1988.

Янов А. Л. Тень Грозного царя: Загадки русской истории. М., 1997.

Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877.

Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств: В 2 ч. СПб., 1876, 1880.

Ярхо А. И. О взаимоотношениях роста, веса и окружности грудной клетки и их значении для оценки физического развития человека//Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 3–4.

Яснопольский Н. П. О географическом распределении государственных доходов и расходов в России: Опыт финансово-статистического исследования. Киев, 1890. Ч. 1.

Ястребов В. С. Организация психиатрической помощи//Общая психиатрия/А. С. Тиганов (ред.). Просмотр 12.10.2011: <http://www.psychiatry.ru/book_show.php?booknumber=28&article_id=101>.

Ястремский В. Д. Физическое развитие и состояние здоровья учеников курских городских народных училищ//Свод сведений о ходе и распространении заразных болезней в Курской губернии. 1900. № 6.

Яцунский В. К. Крупная промышленность России в 1790–1860 гг. //Очерки экономической истории России первой половины XIX в./М. К. Рожкова (ред.). М., 1959.

Яцунский В. К. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961.

Яцунский В. К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до Первой мировой войны//Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России/В. К. Яцунский (ред.). М., 1961.

Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVII–XIX вв. М., 1973.

A'Hearn B. A Restricted Maximum Likelihood Estimator for Historical Height Samples//Economics and Human Biology. 2004. Vol. 2. No. 1. March.

A'Hearn B. Anthropometric Evidence on Living Standards in Northern Italy, 1730–1860//Journal of Economic History. 2003. Vol. 63. No. 2. June.

A'Hearn B. Remapping Italy's Path to the 19th Century: Anthropometric Signposts//Journal of European Economic History. 2006. Vol. 35. No. 2.

A'Hearn B. The Antebellum Puzzle Revisited: A New Look at the Physical Stature of Union Army Recruits during the Civil War//The Biological Standard of Living in Comparative Perspective/J. Komlos, J. Baten (eds.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998.

Acton E. Rethinking the Russian Revolution. London: Edward Arnold, 1990.

Antsiferov A. N. with A. D. Bilimovich, M. O. Batshev, D. N. Ivantsov. Russian Rural Economy during the War. New York: Greenwood Press, 1968.

Aron R. La theorie de développement et les problémes idéologiques de notre temps. Paris: Gallimard, 1963.

Ascher A. The Revolution of 1905: Russia in Disarray. Stanford, USA: Stanford University Press, 1994.

Ascher A. P.A. Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.

Badcock S. Woman, Protest, and Revolution: Soldiers Wives in Russia during 1917//International Review of Social History. 2004. Vol. 49.

Baker M. Rampaging Soldatki, Cowering Police, Bazaar Riots and Moral Economy: The Social Impact of the Great War in Kharkov Province//Canadian-American Slavic Studies. 2001. Vol. 35. No. 2–3.

Bartlett R. Liberty and Property, Land and Freedom: Landownership and Agriculture in Imperial, Soviet and post-Soviet Russia//Reinterpreting Russia/G.A Hosking, R. Service (eds.). London: Arnold; New York: Oxford University Press, 1999.

Baten J. Height and Real Wages in the 18th and 19th Centuries: An International Overview//Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 2000. I.

Baten J. Climate, Grain Production and Nutritional Status in Southern Germany during the 18th Century// Journal of European Economic History. 2001. Vol. 30.

Baten J., Komlos J. Heights and the Standard of Living//Journal of Economic History. 1998. Vol. 58.

Baten J., Murray J. Heights of Men and Women in Nineteenth Century Bavaria: Economic, Nutritional, and Disease Influences//Exploration in Economic History. Vol. 37.

Bater J. H. The Soviet Scene: A Geographical Perspective. London etc.: Edward Arnold, 1989.

Beyrau D. Agrarstruktur und Bauernprotest: Zu den Bedingungen der russischen Bauernbefreiung von 1861//Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1977. Bd. 64. H. 2.

Beyrau D. Reformen und soziale Beharrung in ländischen Russland//Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1981. Bd. 3.

Beyrau D. Russland 1860–1914: Die Gesellschaft//Handbuch der europ ischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Stuttgart: Hiersemann, 1985. Bd. 5.

Biaragi R. A Comparison of Five Anthropometric Indices for Identifying Factors of Malnutrition//American Journal of Epidemiology. 1987. Vol. 126.

Bideleux R. Agricultural Advance under the Russian Village Commune System//Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society/R. P.J. Bartlett (ed.). New York: St. Martin's Press, 1990.

Bielecki T. Physical Growth as a Measure of the Economic Wellbeing of Populations: The Twentieth Century//Human Growth: A Comprehensive Treatise/F. Falkner, J. M. Tanner (eds.). 2nd ed. New York: Plenum, 1986. Vol. 3

Billington J. H. Six Views of the Russian Revolution//World Politics. 1966. Vol. 18. No. 3.

Black C. E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. New York: Harper Colophon Books, 1975.

Blackwell W. L. The Beginning of Russian Industrialization: 1800–1860. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1968.

Blackwell W. L. The Industrialization of Russia: An Historical Perspective. New York: Th. Y. Crowell Company, 1972.

Blanchard I. Russia's 'Age of Silver': Precious-metal Production and Economic Growth in the Eighteenth Century. London and New York: Routledge, 1989.

Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press 1961.

Blum J. The End of the Old Order in Rural Europe. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978.

Borodkin L., Granville B., Leonard C. The Rural Urban Wage Gap in the Industrialization of Russia, 1885–1910//Economic Review of European History. 2008. Vol. 12.

Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

Brennan L., McDonald J., Shlomowitz R. Infant Feeding Practices and Chronic Child Malnutrition in the Indian States of Karnataka and Uttar Pradesh//Economics and Human Biology. 2004. March. Vol. 2. No 1.

Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. New York: Vintage Books, 1965.

Buldakov V., Koudryashev S., Bordiugov G. A Nation at War: The Russian Experience//Facing Armageddon: The First World War Experience/H. Cecil, P. H. Liddle (eds.) London: Cooper, 1996.

Burbank J. Russian Peasant Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2004.

Burds J. Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1998.

Cameron N. The Methods of Auxological Anthropometry//Human Growth: A Comprehensive Treatise/F. Falkner, J. M. Tanner (eds.). 2nd ed. New York: Plenum, 1986. Vol. 3.

Chen L. C., Chowdhury A. K., Huffman S. L. Anthropometric Assessment of Energy-Protein Malnutrition and Subsequent Risk of Mortality among Preschool Aged Children//American Journal of Clinical Nutrition. 1980. Vol. 33.

Chulos K. J. Converging Worlds: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2003.

Classics of Anthropometric History: A Selected Anthology/J. Komlos, T. Cuff (eds.). St. Katharinen, Germany: Scripta Mercaturae, 1998.

Climatic Trends and Anomalies in Europe 1675–1715/B. Frenzel, C. Prister, B. Gläser (eds.). Stuttgart: G. Fischer Verlag, 1994.

Copeland W. R. The Uneasy Alliance: Collaboration between the Finish Opposition and the Russian Underground, 1899–1904. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1973.

Costa D. L., Steckel R. H. Long-Term Trends in Health, Welfare, and Economic Growth in the United States//Health and Welfare during Industrialization/R. H. Steckel, R. Floud (eds.). Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997.

Costa D. L. Height, Weight, Wartime Stress, and Older Age Mortality: Evidence from the Union Army Records//Explorations in Economic History. 1993. Vol. 30.

Crews R. D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006.

Crisp O. Peasant Land Tenure and Civil Rights Implications before 1906//Civil Rights in Imperial Russia/O. Crisp and L. Edmonson (eds). Oxford [England]: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1989.

Crisp O. Studies in the Russian Economy before 1914. London; Basingstoke: The Macmillan Press, 1976.

Cuff T. The Body Mass Index Values of Mid-Nineteenth-Century West Point Cadets: A Theoretical Application of Waaler's Curves to A Historical Population//Historical Methods. 1993. Vol. 26.

Cuff T. Historical Anthropometrics — Theory, Methods, and State of the Field//The Biological Standard of Living on Three Continents: Further Explorations in Anthropometric History/J. Komlos (ed). Boulder et al.: Westview Press, 1995.

Cuff, T. The Hidden Cost of Economic Development: The Biological Standard of Living in Antebellum Pennsylvania. Aldershot, Eng: Ashgate, 2005.

Daniels R. W. The Red October: The Bolshevik Revolution of 1917. New York: Scribner, 1967.

Danzeiser H. M. A Comparative Analysis of Sexual Dimorphism and Variability of Stature in Populations from around the World//American Journal of Physical Anthropology. 1992. Suppl. 14.

Darrow D. Politics of Numbers: Statistics and the Search for a Theory of Peasant Economy in Russia, 1861–1917. Ph. D. dissertation, University of Iowa, 1996.

David-Fox M., Holquist P., Martin A. M. From the Editors: Post-Post Historiography, or the Trends of the «Naughts»//Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5. No. 4.

Davidian I. The Russian Soldier's Moral: From the Evidence the Tsarist Military Censorship//Facing Armageddon: The First World War Experience/H. Cecil, P. H. Liddle (eds.). London: Cooper, 1996.

Davies J. C. Toward a Theory of Revolution.//American Sociological Review. 1962. Vol. 27. February.

Davies J. C. When Men Revolt and Why. New York: Free Press, 1971.

Davies J. C. Toward a Theory of Revolution//When Men Revolt and Why/C. Davies (ed.). New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1997.

DeNavas-Walt C., Proctor P. D., Smith J. C. U. S. Income, Poverty, and Health Insurance Coverage in the United States: 2010//Census Bureau, Current Population Reports, P60–239, U. S. Government Printing Office, Washington, DC, 2011.

Donnorummo R. P. The Peasants of Central Russia: Reaction to Emancipation and the Market, 1850–1900. New York: Garland, 1987.

Drukker J. W., Tassennaar V. Paradoxes of Modernization and Material Well-being in the Netherlands during the Nineteenth Century//Health and Welfare during Industrialization/R. Steckel, R. Floud (eds.). Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997.

Drukker J. W., Tassennaar V. Shrinking Dutchmen in a Growing Economy: The Early Industrial Growth Paradox in the Netherlands//Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 2000. I.

Easton H. T. Tate's Modern Cambist: A Manual of Foreign Exchanges and Bullion with the Monetary Systems of the World and Foreign Weights and Measures. 24th ed. London: Effingham Wilson, 1908.

Eisenstadt S. N. Revolution and the Transformation of Societies. A Comparative Study of Civilizations. New York: Free Press, 1978.

Ellman M. The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines//Cambridge Journal of Economics. September, 2000.

Eltis D. Welfare Trends Among the Yoruba in the Early Nineteenth Century: The Anthropometric Evidence//Journal of Economic History. 1990. Vol. 50.

Engel B. A. Not the Bread Alone: The Subsistence Riots in Russia during World War I//Jornal of Modern History. 1997. 1997. Vol.69. No. 4.

Engelstein L. The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siécle Russia. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 1992.

Erismann F. G. Untersuchungen über die körperliche Entwichelung der Arbeiterbevölkerung in Zentalrussland//Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. 1888. Bd. 1.

Eveleth Ph. B., Tanner J. M. Worldwide Variation in Human Growth. 2 ed. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 1990.

Everyday Form of Peasant Resistance/F. D. Colburn (ed.). Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1989.

Ewert U. C. The Biological Standard of Living in Cold Century: Long-Term Effects of Climate and the Economy on Average Heights in Ancien Régime France//Francia. 2004. Vol. 31.

Falkus M. E. The Industrialization of Russia 1700–1914. London; Basingstoke: The Macmillan Press, 1971.

Field D. Peasants and Propagandists in the Russian Movement to the People of 1874//Journal of Modern History. 1987. Vol. 59, No. 3. September (Reprinted: *Dallin A.* (ed). Outstanding Articles in Russian History. Garland Publishers, 1992).

Field D. Stratification and the Russian Peasant Commune: A Statistical Inquiry//R. P. J. Bartlett (ed.). Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. New York: St. Martin's Press, 1990.

Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1976.

Field D. The Polarization of Peasant Households in Pre-Revolutionary Russia: Zemstvo Censuses and Problems of Measurement//C. S. Leonard, G. Grantham (eds.). Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia and North America (Research in Economic History. 1989. Supplement 5. Part B). Greenwich, Conn.: Jai Press, 1989.

Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York, NY: Penguin Books, 1998.

Figes O. The Russian Revolution of 1917 and its Language in the Village//The Russian Revolution: The Essential Readings. London; Toronto, 2001.

Figes O. Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. New York: Metropolitan Books, 2002.

Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London: Yale University Press, 1999.

Fisher A. Muscovy and the Black Sea Trade//Canadian-American Slavic Studies. 1972. Vol. 6. No 4.

Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. Oxford [Oxfordshire]; New York: Oxford University Press, 1982.

Flemming J., Miclewright J. Income Distribution, Economic System and Transition//Handbook of Income Distribution/A. B. Atkinson, F. Bourguignon (eds.). Amsterdam et al.: Elsevier, 2000. Vol. 1.

Floud R, Kenneth W., Annabel G. Height, Health, and History: Nutritional Status in the United Kingdom, 1750–1980. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990.

Floud R. Height, Weight and Body Mass of the British Population since 1820. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 1998. (NBER Working Paper Series on Historical Factors in Long Run Growth. Historical Paper 108).

Floud R. The Heights of Europeans since 1750: A New Source for European Economic History//Stature, Living Standards, and Economic Development: Essays in Anthropometric History/J. Komlos (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Floud R., Harris B. Health, Height, and Welfare: Britain, 1700–1980//Health and Welfare during Industrialization/R.H Steckel, R. Floud (eds.). Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997.

Floud R., Wachter K., Gregory A. Height, Health and History: Nutritional Status in the United Kingdom, 1750–1980. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990.

Fogel R. W. etc. Secular Changes in American and British Stature and Nutrition//Journal of Interdisciplinary History. 1983. Vol. 14.

Fogel R. W. Nutrition and the Decline in Mortality Since 1700: Some Preliminary Findings//Long-Term Factors in American Economic Growth/St. Engerman, R. Gallman (eds.). Chicago: National Bureau of Economic Research, 1987.

Fogel R. W. The Conquest of High Mortality and Hunger in Europe and America: Timing and Mechanisms//Favorites of Fortune: Technology, Growth, and Economic Development Since the Industrial Revolution/P. Higonnet, D. S. Landes, H. Rosovsky (eds.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.

Fogel R. W. New Sources and New Techniques for the Study of Secular Trends in Nutritional Status, Health, Mortality, and the Process of Aging//Historical Methods. 1993. Vol. 26.

Fogel R. W. The Escape from Hunger and Premature Death, 1700–2100: Europe, America, and the Third World. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.

Frame M. The Russian Revolution, 1905–1921: A Bibliographic Guide to Works in English.

Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983.

Frieden N. Russian Physicians in the Age of Reform and Revolution, 1861–1905. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978.

Frierson C. A. Forced Hunger and Rational Restraint in the Russian Peasant Diet: One Populist's Vision// Food in Russian History and Culture/M. Glants, J. Toomre (eds.). Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997.

Furet F. Interpreting the French Revolution. Cambridge; New York: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1981.

Galai Sh. The Liberation Movement in Russia, 1900–1905. Cambridge MA: Harvard University Press, 1970.

Galili Z. The Menshevik Leaders in the Russian Revolution: Social Realities and Political Strategies. Princeton NJ: Princeton University Press, 1989.

Galloway P. Long-term Fluctuations in Climate and Population in the Pre-industrial Era//Population and Development Review. 1986. Vol. 12.

Gatrell P. The Tsarist Economy: 1850–1917. London: B. T. Batsford, 1986.

Gatrell P. Government, Industry, and Rearmament in Russia, 1900–1914: The Last Argument of Tsarism. Cambridge New York, NY: Cambridge University Press, 1994.

Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington: Indiana University Press, 2005.

Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, England: Pearson/Longman, 2005.

Gaudin C. Ruling Peasants Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2007.

Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia: 1894–1917. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

Germany and Revolution in Russia, 1915–1918: Documents from Archives of the German Foreign Ministry/Z. A. Zeman (ed.). London; New York: Oxford University Press, 1958.

Gerschenkron A. Agrarian Policies and the Industrialization of Russia, 1861–1917//The Cambridge Economic History of Europe: In 6 vols. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1965. Vol. 6. Part 2.

Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. New York et al.: F. A. Praeger, 1965.

Glaser R. On the Course of Temperature in Central Europe since the Year 1000 AD//Historical Social Research. 1997. Vol. 22.

Goldstone J. A. The Comparative and Historical Study of Revolutions//Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies/J. A. Goldstone (ed.). 3rd ed. Belmont, CA: Wadsworth/Thomson Learning, 2003.

Gorshkov B. Towards a Comprehensive Law: Tsarist Factory Labor Legislation in European Context, 1830–1914//Russia in the European context, 1789–1914: A Member of the Family/S. P. McCaffray, M. Melancon (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2005.

Grant J. A. Big Business in Russia: The Putilov Company in Late Imperial Russia, 1868–1917. Pittsburgh, Pa: University of Pittsburgh Press, 1999.

Grant J. A. Rulers, Guns and Money: The Global Arms Trade in the Age of Imperialism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007.

Gregory P. R. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

Gregory P. R. Grain Marketing and Peasant Consumption in Russia, 1885–1913//Exploration in Economic History. 1979. March. Vol. 17. No 2.

Gregory P. R. Russian Living Standards during the Industrialization Era, 1885–1913//Review of Income and Wealth. 1980. Vol. 26.

Gregory P. R. Russian National Income: 1885–1913. Cambridge, UK et al.: Cambridge University Press, 1982.

Greulich W. W. Some Secular Changes in the Growth of A Comparison of American-Born and Native Japanese Children//American Journal of Physical Anthropology. 1976. Vol. 45.

Grove J. Climatic Change in Northern Europe over the Last Two Thousand Years and its Possible Influence on Human Activity//Climate Development and History of the North Atlantic Realm/G. Wefer et al. (eds.). Berlin: Heidelberg: Springer Verlag, 2002.

Haefner L. The Temple of Idleness? Associations and the Public Sphere in Provincial Russia//Russia in the European context, 1789–1914: A Member of the Family/S. P. McCaffray, M. Melancon (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2005.

Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917//Slavic Review. 1964. Vol. 23. No. 4; Ibid. 1965. Vol. 24. No 1.

Haimson L. The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on Eve of War and Revolution (revisited)//Slavic Review. 2000. Vol. 59. No. 4.

Haimson L. Russia's Revolutionary Experience, 1905–1917: Two Essays. New York: Columbia University Press, 2005.

Hamburg G. M. The Crisis in Russian Agriculture: A Comment//Slavic Review. 1978. Vol. 37. No 3.

Hanneman R. A. Computer-assisted Theory Building: Modeling Dynamic Social System, Newbury Park, CA: Sage Publications, 1988.

Hanneman R. A., Collins R. and Mordt G. Discovering Theory Dynamics by Computer Simulation: Experiments on State Legitimacy and Imperialistic Capitalism//Sociological Methodology. 1995. Vol. 25.

Harris B. Health, Height, and History: An Overview of Recent Developments in Anthropometric History// Social History of Medicine. 1994. Vol. 7.

Harrison M. The Peasantry and Industrialization//From Tsarism to the New Economic Policy/R. W. Davies (ed.). Ithaca, NY: Cornell University Press, 1980.

Harrison G. A. et al. Human Biology: An Introduction to Human Evolution, Variation, Growth, and Adaptability. 3rd ed. Oxford; New York: Oxford University Press, 1988.

Hasegawa T. February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle: University of Washington Press 1981.

Health and Society in Revolutionary Russia/J. Hutchinson, S. G. Solomon (eds.). Bloomington: Indiana University Press, 1990.

Health and Welfare during Industrialization/R. Steckel, R. Floud (eds.). Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997.

Hellie R. The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago and London: University of Chicago Press, 1999.

Heretz L. The Practice and Significance of Fasting in Russian Peasant Culture at the Turn of the Century// Food in Russian History and Culture/M. Glants, J. Toomre (eds.). Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997.

Hertzberg H. T. E. Albert Damon's Contributions to Engineering Anthropology//American Journal of Physical Anthropology. 1975. Vol. 42.

Hildermeier M. Die sozialrevolutionäre Partei Russland: Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln, 1978.

Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion, 1917–1991: Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. Muenchen: Verlag C. H. Beck, 1998.

Hildermeier M. The Russian Socialist Revolutionary Party Before the First World War. New York: St. Martin's Press, 2000.

Hingley R. The Tsars: Russian Autocrats, 1553–1917. London: Weidenfeld and Nicolson, 1968.

Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. Washington DC: U. S. Department of Commerce, 1975. Vol. 1.

Hoch St. L. Serfs in Imperial Russia: Demographic Insights//Journal of Interdisciplinary History. 1982. Vol. 13, No. 2.

Hoch St. L. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, A Village in Tambov. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1989.

Hoch St. L. The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857–1861//The American Historical Review. 1991. Vol. 96, No. 3.

Hoch St. L. On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia//Slavic Review. 1994. Vol. 53, No. 1.

Hoch St. L. The Serf Economy, the Peasant Family, and the Social Order//Imperial Russia: New Histories for the Empire/J. Burbank, D. L. Ransel (eds.). Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998.

Hoch St. L. Famine, Disease, and Mortality Patterns in the Parish of Borshevka, Russia, 1830–1912//Population Studies. 1998. Vol. 52.

Hoch St. L. Did Russia's Emancipated Serfs Pay Too Much for Too Little Land? Statistical Anomalies and Long-Tailed Distribution//Slavic Review. 2004. Vol. 63. No 2.

Hoch St. L., Augustine W. A. The Tax Censuses and the Decline of the Serf Population in Imperial Russia// Slavic Review. 1979. Vol. 38. No. 3.

Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis: 1914–1921 Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002.

Huntington S. P. Political Development and Political Decay//World Politics. 1965. Vol. 17. April.

Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.

Huntington S. P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics//Comparative Modernization: A Reader/C. E. Black (ed.). New York, London, 1976.

Huret R. All in the Family Again? Political Historians and the Challenge of Social History//Journal of Policy History. 2009. Vol. 21. No. 3.

Hutchinson J. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. Baltimore: John Hopkins University Press, 1990.

Hogan H. The Reorganization of Work Processes in the St. Petersburg Metalworking Industry. 1901–1914. Russian Review. 1983. V. 42..

Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)/М. Ауст, Р. Вильпиус, А. Миллер (ред.). М., 2010.

Inalcik H. Servile Labor in the Ottoman Empire//The Mutual Effects of the Islamic and Judo-Christian Worlds: The East European Pattern/A. Ascher et al. (eds.). New York: Brooklyn College Press, 1979.

Industrialization and Foreign Trade. Geneva: League of Nations, Economic, Financial and Transit Department, 1945.

Ioffe G. V., Nefedova T. G. Continuity and Change in Rural Russia: A Geographical Perspective. Boulder, CO: Westview Press, 1997.

Jasny N. Soviet Economists of the Twenties: Names to be Remembered. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1972.

Johnson R. Family Life-cycles and Economic Stratification: A Case-study in Rural Russia//Journal of Social History. 1997. Vol. 30. No. 3.

Jones A. Late Imperial Russia. An Interpretation: Three Visions, Two Cultures, One Peasantry. Bern: Peter Lang, 1997.

Jordan Th. E. Linearity, Gender, and Social Class in Economic Influences on Heights of Victorian Youth// Historical Methods. 1991. Vol. 24.

Kahan A. Natural Calamities and their Effect upon the Food Supply in Russia//Jahrbüher der Geschichte Osteuropas. 1968. Bd. 16.

Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-century Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Kahan A. Russian Economic History: The Nineteenth Century. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

Karpovich M. Imperial Russia, 1801–1917. New York: H. Holt and Co., 1932.

Kenez P. Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985.

Kennan G. The Russian Revolution//Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. No 1.

Kerans D. Mind and Labor on the Farm in Black-Earth Russia, 1861–1914. Budapest: Central European University Press, 2001.

Kerblay B. L'evolution de l'alimentation rurale en Russie, 1896–1960//Annales: E. S.C. 1962. Sep.-Oct.

Kerblay B. La vie rurale dans la province de Smolensk vers 1875, d'apres A. Engel'gardt//Le Le Statut des paysans libérés du servage, 1861–1961: Recueil d'articles et de documents/R. Portal et al. (ed.). Paris: Mouton, 1963.

Koenker D. P., Rosenberg W. G. Strikes and Revolutions in Russia, 1917. Princeton NJ: Princeton University Press, 1989.

Koenker D. P. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.

Koepke N., Baten J. The Biological Standard of Living in Europe during the Last Two Millennia//European Review of Economic History. 2005. Vol. 9.

Kolchin P. Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge MA etc.: Harvard University Press, 1987.

Kolonitskii B. Russian Historiography of the 1917 Revolution: New Chalanges to Old Paradigms?//History and Memory. Bloomington, 2009. Vol. 21. No. 2.

Komlos J. Stature and Nutrition in the Habsburg Monarchy: The Standard of Living and Economic Development in the Eighteenth-Century//American Historical Review. 1985. Vol. 90.

Komlos J. Patterns of Children's Growth in East-central Europe in the Eighteenth-Century//Annals of Human Biology. 1986. Vol. 13.

Komlos J. The Height and Weight of West Point Cadets: Dietary Change in Antebellum America//Journal of Economic History. 1987. Vol. 41.

Komlos J. Nutrition and Economic Development in Eighteenth-Century Habsburg Monarchy: An Anthropometric History. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989.

Komlos J. The Age at Menarche and Age at First Birth in an Undernourished Population//Annals of Human Biology. 1989. Vol. 16.

Komlos J. The Age at Menarche in Vienna//Historical Methods. 1989. Vol. 22.

Komlos J. Height and Social Status in Eighteenth-Century Germany//Journal of Interdisciplinary History. 1990. Spring. Vol. 20. No 4.

Komlos J. Anthropometric History: What is it?//Magazine of History. 1992. Spring.

Komlos J. Toward an Anthropometric History of African-Americans: The Case of the Free Blacks in Antebellum Maryland//Strategic Factors in Nineteenth-Century American Economic History: A Volume to Honor Robert W. Fogel/C. Goldin, H. Rockoff (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Komlos J. Further Thoughts on the Nutritional Status of the British Population//Economic History Review. 1993. Vol. 46.

Komlos J. A Malthusian Episode Revisited: The Height of British and Irish Servants in Colonial America//Economic History Review.1993. Vol. 26.

Komlos J. The Secular Trend in the Biological Standard of Living in the United Kingdom, 1730–1860//Economic History Review. 1993. Vol. 46.

Komlos J. Stature, Living Standards, and Economic Development: Essays in Anthropometric History/J. Komlos (ed). Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Komlos J. The Height of Runaway Slaves in Colonial America, 1720–1770//Stature, Living Standards, and Economic Development: Essays in Anthropometric History/J. Komlos (ed). Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Komlos J. The Nutritional Status of French Students//Journal of Interdisciplinary History. 1994. Vol. 24.

Komlos J. The Biological Standard of Living in Europe and America 1700–1900. Studies in Anthropometric History/J. Komlos (ed). Aldershot, England: Variorum Press, 1995.

Komlos J. Anomalies in Economic History: Reflections on the «Antebellum Puzzle»//Journal of Economic History. 1996. Vol. 56. March.

Komlos J. Shrinking in a Growing Economy? The Mystery of Physical Stature during the Industrial Revolution//Journal of Economic History. 1998. Vol. 58. No 3.

Komlos J. On the Biological Standard of Living of African-Americans: the Case of the Civil War Soldiers//The Biological Standard of Living in Comparative Perspectives: Proceedings of a Conference Held in Munich January 18–23, 1997/J. Komlos, J. Baten (eds.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999.

Komlos J. How to (and How Not to) Analyze Deficient Height Samples: An Introduction//Historical Methods. 2004. Vol. 37. No 4.

Komlos J., A'Hearn B. Improvements in Maximum Likelihood Estimators of Truncated Normal Distributions with Prior Knowledge of the Standard Deviation: A Simulation Based Study with Application to Historical Height Samples. Working Paper. University Munich. 2003.

Komlos J., Baten J. Looking Backward and Looking Forward: Anthropometric Research and the Development of Social Science History//Social Science History. 2004. Vol. 28. No 2.

Komlos J., Baur M. From the Tallest to (one of) the Fattest: The Enigmatic Fate of the American Population in the 20 Century//Economics and Human Biology. 2004. Vol. 2. No 1.

Komlos J., Coclanis P. Nutrition and Economic Development in Post-Reconstruction South Carolina: an Anthropometric Approach//Social Science History. 1995. Vol. 19.

Komlos J., Coclanis P. On the «Puzzling» Antebellum Cycle of the Biological Standard of Living: the Case of Georgia//Explorations in Economic History. 1997. Vol. 34. October.

Komlos J., Ewert U. C. Global Warming and the Secular Increase in Human Height: Evidence from the end of the Little Ice Age in France. Working Paper. University Munich. 2002.

Komlos J., Kim J. H. Estimating Trends in Historical Heights//Historical Methods. 1990. Vol. 23.

Komlos J., Kriwy P. The Biological Standard of Living in the Two Germanies//German Economic Review. 2003. Vol. 4. No 4.

Komlos J., Lauderdale B. E. Spatial Correlates of U. S. Heights and BMIs//Journal of Biosocial Science. 2002. Vol. 39.

Kopczyński M. Agrarian Reforms, Agrarian Crisis and the Biological Standard of Living in Poland, 1844–1892//Economics and Human Biology. 2007. Vol. 5.

Kort M. The Soviet Colossus: History and Aftermath. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2001.

Kotkin St. 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytical Frameworks// Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. No. 3.

Kotsonis Y. «No Place to Go»: Taxation and State Transformation in Late Imperial and Early Soviet Russia// The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76.

Kotsonis Y. Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861–1914. New York: St. Martin's Press, 1999

Kunitz St. J. Mortality since Malthus//The State of Population Theory: Forward from Malthus/D. Coleman, R. Schofield (eds.). New York: Basil Blackwell, 1986.

Laue Th. H. von. The State and the Economy//The Transformation of Russian Society/C. E. Black (ed.). Cambridge MA: Harvard University Press, 1960.

Laue Th. H. von. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. New York: Columbia University Press, 1963.

Laue Th. H. von. Problems of Industrialization//Russia under the Last Tsar/T. Stavrou (ed.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1969.

Le Play P. G. F. Les ouvriers européens: In 6 vols. Paris, 1877.

Le Roy Ladurie E. The Conscripts of 1868: A Study of the Correlation between Geographical Mobility, Delinquency and Physical Stature and other Aspects of the Situation of the Young Frenchmen called to do Military Service that Year//*Le Roy Ladurie E.* The Territory of the Historian. Chicago: University of Chicago Press, 1979.

Le Roy Ladurie E., Bernageau E. N., Pasquet Y. Le Conscrit et l'ordinateur. Perspectives de recherches sur les Archives Militaries du XIXè siècle Français//Studi Storici. 1969. Vol. 10.

Lejeune A. Monnaies, poids et mesures des principaux pays du monde. Paris; Nancy: Bercer-Levrault, 1894.

Lerner D., Coleman J. S., Dore R. P. Modernization//International Encyclopedia of the Social Sciences: In 16 vols./D. L. Sills (ed.). The Macmillan Company and The Free Press, 1968.

Lincoln B. W. Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution: 1914–1918. New York: Simon and Schuster, 1986.

Lindert P. H. Unequal English Wealth since 1670//The Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94, Issue 6. December.

Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

Longley D. A. Jakovlev's Question, or the Historiography of the Problem of Spontaneity and Leadership in the Russian Revolution of February 1917//Revolution in Russia: Reassessment of 1917/R. B. McKean, E. R. Frankel, J. Frankel, B. Knei-Paz (eds.). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992.

Löwe H.-D. Die Lage der Bauren in Russland: 1880–1905: Wirtschaftliche und soziale Veränderung in der ländlichen Gesellschaft des Zarenreiches. St. Catharinen: Scripta Mercatuare Verlag, 1987.

Macey D. A. J. Government Actions and Peasant Reactions during the Stolypin Reforms//New Perspectives in Modern Russian History: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990/R. B. McKean (ed.). New York: St. Martin's Press, 1992.

Macey D. A. J. Government and Peasant in Russia, 1861–1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms. Dekalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1987.

Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven; London: Yale University Press, 1981.

Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001.

Malia M. E. History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World/Ed. and with foreword T. Emmons. New Haven: Yale University Press, 2006.

Mandel D. The Petrograd Workers and the Old Regime; Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power. 2 vols. New York: St. Martin's Press, 1983.

Marshall W. A., Tanner J. M. Growth and Physiological Development during Adolescence//Ann. Rev. Med. 1968. No 19.

Martorell R., Habicht J.-P. Growth in Early Childhood in Developing Countries//Human Growth: A Comprehensive Treatise, 2nd ed., Vol. 3/F. Falkner, J. M. Tanner (eds.). New York: Plenum, 1986.

Matsuzato K. Interregional Conflicts and the Collapse of Tsarism: The Real Reason for the Food Crisis in Russia after the Autumn of 1916//Emerging Democracy in Late Imperial Russia: Case on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and State Council before and during World War I/M. Sch. Conroy (ed.). Niwot, CO.: University Press of Colorado, 1998.

Mavor J. An Economic History of Russia. New York: Russell and Russell, 1965. Vol. 1.

Maynard J. Russia in Flux before October. London: Victor Gollangz, 1941.

McAuley A. Economic Welfare in the Soviet Union: Poverty, Living Standards, and Inequality. George Allen and Unwin: The University of Wisconsin Press, 1979.

McDermid J. The First World War and the End of Tsarism//Reinterpreting revolutionary Russia: Essays in honor of James D. White/I. D. Thatcher (ed.). Basingstoke, UK; New York: Palgrave Macmillan, 2006.

McKay J. Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization: 1885–1913. Chicago: The University of Chicago Press, 1970.

McKay J. Entrepreneurship and the Emergence of the Russian Petroleum Industry: 1813–1983//Research in Economic History. 1983. Vol. 8.

McKay J. Baku Oil and Transcaucasian Pipelines, 1883–1891: A Study in Tsarist Economic Policy//Slavic Review. 1984. Vol. 43.

McKean R. B. The Constitutional Monarchy in Russia, 1906–17//Regime and Society in Twentieth-century Russia: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995. New York: St. Martin's Press, 1999.

Melancon M. S. Rethinking Russia's February Revolution: Anonymous Spontaneity or Socialist Agency? Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh, 2000.

Melancon M. S. Russia's Outlooks on the Present and Future, 1910–1914: What the Press Tells us//Russia in the European Context, 1789–1914: A Member of the Family/S. P. McCaffray, M. S. Melancon (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2005.

Melancon M. S. The Lena Goldfields Massacre and the Crisis of the Late Tsarist State. College Station: College Station: Texas A&M University Press 2006.

Michels R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1999.

Michelson A. L'Essor économique de la Russe avant la Guerre de 1914. Paris: R. Pichon et R. Durand-Auzias, 1965.

Mintz S. W., Du Bois C. M. The Antropology of Food and Eating//Annual Review of Anthropology. 2002. Vol. 31.

Mironov B. N. Diet and Health of the Russian Population from the Mid-Nineteenth to the Beginning of the Twentieth Century//The Biological Standard of Living on Three Continents. Further Exploration in Anthropometric History/J. Komlos (ed.). Boulder: Westview Press, 1995.

Mironov B. N. New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature//Slavic Review. Vol. 58. No. 1. Spring 1999.

Mironov B. N. The Burden of Grandeur: Physical and Economic Well-Being of the Russian Population in the Eighteenth Century//Living Standards in the Past: New Perspectives on Well-Being in Asia and Europe/R. C. Allen, T. Bengtsson, M. Dribe (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2005.

Mironov B. N. Birth Weight and Physical Stature in St. Petersburg: Living Standards of Women in Russia, 1980–2005//Economics and Human Biology. March 2007. Vol. 5. No 1.

Moon D. Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom 1825–1855. Basingstoke and London: Macmillan, 1992.

Moon D. The Problem of Social Stability in Russia, 1598–1998//Reinterpreting Russia/G.A Hosking, R. Service (eds.). London: Arnold; New York: Oxford University Press, 1999.

Moon D. The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made. New York: Longman, 1999.

Moon D. The Abolition of Serfdom, 1762–1907. Harlow: Longman, 2001.

Moon D. Late Imperial Peasants // Late Imperial Russia. Problems and Prospects. Essays in Honor of R. B. McKean/I. D. Thatcher (ed.). Manchester: Manchester University Press, 2005.

Morgan St. L. Economic Growth and the Biological Standard of Living in China, 1880–1930//Economics and Human Biology. 2004. Vol. 2. No 2.

Mosse W. E. An Economic History of Russia 1856–1914. London; New York: I. B. Tauris, 1996.

Mousmier R. Peasant Uprising in Seventeenth-Century France, Russia, and China. New York; Evanston: Harper and Row, 1970.

Mueller W. H. The Genetics of Size and Shape in Children and Adults//Human Growth: A Comprehensive Treatise. 2nd ed. Vol. 3/F. Falkner, J. M. Tanner (eds.). New York: Plenum, 1986.

Mulhall M. G. Dictionary of Statistics. London et al.: G. Routledge, 1892.

Munro G. E. Food in Catherinian St. Petersburg//Food in Russian History and Culture/M. Glants, J. Toomre (eds.). Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997.

Myers D. G. Exploring Social Psychology. 6th ed. New York: The McGraw-Hill, 2012.

Nicholas St. Anthropometric History and Economic History//The Biological Standard of Living on Three Continents: Further Explorations in Anthropometric History/J. Komlos (ed.). Boulder: Westview Press, 1995.

Nicholas St., Oxley D. The Living Standards of Women during the Industrial Revolution, 1795–1820// Economic History Review. 1993. Vol. 46.

Nove A. An Economic History of the USSR: 1917–1991. London: Penguin books, 1991.

Olson M. Rapid Growth as a Destabilizing Force//When Men Revolt and Why/J. C. Davies (ed.). 2nd ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 1997.

Pak S. The Biological Standard of Living in the Two Koreas//Economics and Biology. Vol. 2/3. 2004. December.

Pallot J. Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford, New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 1998.

Party, State, and Society in the Russian Civil War: Exploration in Social History/D. P. Koenker, W. G. Rosenberg, R. G. Suny (eds.). Bloomington: Indiana University Press, 1989.

Pate A. K. St. Petersburg Workers and Implementation of the Social Insurance Law of 1917//Russia in the European context, 1789–1914: A Member of the Family/S. P. McCaffray, M. S. Melancon (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2005.

Patterns of Modernity/S. N. Eisenstadt (ed.)**:** In 2 vol. Washington Square, NY: New York University Press, 1987.

Pavlovsky G. Agricultural Russia on the Eve of the Revolution. London: George Routledge and Sons, 1930.

Philippot R. L'application de la Reforme dans la province de Kharkov//Le Statut des paysans libérés du servage, 1861–1961: Recueil d'articles et de documents/R. Portal et al. (ed.). Paris: Mouton, 1963.

Pipes R. Russia under the Old Regime. New York: Scribner, 1974.

Plaggenborg St. Staatsfinanzen und Industrialisierung in Russland, 1881–1903: Die Bilanz der Stenerpolitik für Fiskus, Bevälkerung und Wirschaft//Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1990. Bd 44.

Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / J. D. Klier, Sh. Lambroza (eds.). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992.

Pushkarev S. The Emergence of Modern Russia. 1801–1917. Edmonson, Canada: Pica Press, 1985.

Quality of Life in the Soviet Union/H. Herlemann (ed.). Boulder and London: Westview Press, 1987.

Rabinovitch A. The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. New York: W. W. Norton, 1976.

Raleigh D. Languages of the Power: How the Saratov Bolsheviks Imagined their Enemies//Slavic Review. 1998. Vol. 57. No 2.

Raleigh D. J. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1986.

Raleigh D. J. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov. 1917–1922. Princeton NJ: Princeton University Press, 2003.

Rather S., Soltow J. H., Sylla R. The Evolution of the American Economy: The Evolution of the American Economy: Growth, Welfare, and Decision Making. New York: Basic Books, 1979.

Revolution in Russia: Reassessment of 1917/R. B. McKean, E. R. Frankel, J. Frankel, B. Knei-Paz (eds.). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992.

Revolutionary Russia: [A Symposium, Harvard University, 1967]/R. Pipes et al. (eds.). Garden City (NY): Doubleday, 1969.

Riasanovsky N. V. A History of Russia. 4 ed. New York; Oxford: Oxford University Press, 1984.

Riley J. C. Height, Nutrition, and Mortality Risk Reconsidered//Journal of Interdisciplinary History. 1994. Vol. 24. No 3.

Robbins R. G., Jr. Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis. New York: Columbia University Press, 1975.

Robinson G. T. Rural Russia under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917. Berkeley, CA; Los Angeles: University of California Press, 1969.

Rogger H. Russia in the Age of Modernization and Revolution: 1881–1917. London; New York: Longman, 1983.

Rosenberg W. G. Liberals in the Russian Revolution: Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton NJ: Princeton University Press, 1974.

Rosenberg W. G. Russian Labor and Bolshevik Power: Social Dimensions of Protest after October//The Russian Revolution: The Essential Readings/Martin A. Miller (ed.). Malden, MA: Blackwell Publishers, 2001.

Rousham E. Gender and Bias in South Asia: Effects on Child Growth and Nutritional Status//Sex, Gender, and Health/T. M. Pollard, S. B. Hyatt (eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999.

Ruane Ch. Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers: 1860–1914. Pittsburgh, Penn; London: University of Pittsburgh Press, 1994.

Russland 1905: Perspektiven auf die erste Russische Revolution/M. Aust, L. Steindorff (Hrsg.). Frankfurt am Main; New York: P. Lang, 2007.

Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2003.

Sandberg L. G. Soldier, Soldier, What Made You Grow so Tall? A Study of Height, Health, and Nutrition in Sweden, 1720–1881//Economy and History. 1980. Vol. 23.

Sandberg L. G., Steckel R. H. Height and Economic History: The Swedish Case//Annals of Human Biology. 1987. Vol. 14.

Saunders D. Marking the End of the Revolution: Problems of Periodisation and Conceptualization?//Reinterpreting Revolutionary Russia: Essays in Honor of James D. White/I. D. Thatcher (ed.). Basingstoke, UK; New York, NY: Palgrave Macmillan, 2006.

Schedewie F. Selbstverwaltung und sozialer Wandel in der russischen Provinz: Bauern und Zemstvo in Voronez, 1864–1914. Heidelberg: Universitaätsverlag Winter 2006

Scheibert P. Die russische Agrarreform von 1861: Ihre Probleme und der Stand ihrer Erforschung. Köln; Wien: Böhlau, 1973.

Seregny S. Russian Teaches and Peasant Revolution: The Politics of Education in 1905. Bloomington: Indiana University Press, 1989.

Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910–1925. Oxford: The Clarendon Press, 1972.

Shanin T. Russia as a «Developing Society». Houndmills; Basingstoke, UK: Macmillan, 1985.

Shanin T. Russia, 1905–1907: Revolution as a Moment of Truth. New Haven: Yale University Press, 1986.

Sheldon W. H., Hartl E. M., McDermott E. Varieties of Delinquent Youth. New York: Harper and Row, 1949.

Simms J. Y., Jr. The Crisis of Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View// Slavic Review. 1977. Vol. 36. No 3.

Simms J. Y., Jr. The Crop Failure of 1891: Soil Exhaustion, Technological Backwardness and Russia's Agricultural Crisis//Slavic Review. 1982. Vol. 41. No 2.

Simms J. Y., Jr. The Economic Impact of the Russian Famine of 1891–91//Slavonic and East European Review. 1982. Vol. 60. No 1.

Simms J. Y., Jr. The Impact of the Russian Famine of 1891–92. Ph. D. dissertation. University of Michigan, 1976.

Smith A. K. Cabbage and Cuisine: Food in Russia before the Great Reforms. Ph. D. diss., University of Chicago, 2000.

Smith R. E. F., Christian D. Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge, UK et al.: Cambridge University Press, 1984.

Smith S. A. Red Petrograd: Revolutions at the Factories. New York: Cambridge University Press, 1983.

Smith S. A. Russian Workers and the Politics of Social Identity//The Russian Review. 1997. Vol. 56. No. 1.

Smith S. A. Revolution and people in Russia and China: A Comparative History. New York: Cambridge University Press, 2008.

Smith A. K. Recipes for Russia: Food and Nationhood under the Tsars. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008.

Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe/B. Grancelli (ed.). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995.

Society and Politics in the Russian Revolution/R. Service (ed.). New York: St. Martin's Press, 1992.

Sokoloff K. L. The Heights of Americans in Three Centuries: Some Economic and Demographic Implications//The Biological Standard of Living on Three Continents: Further Explorations in Anthropometric History/Komlos J. (ed.). Boulder: Westview Press, 1995.

Stanziani A. Statisticiens, zemstva et État dans la Russie des années 1880//Cahiers du monde russe et soviétique. 1991. Vol. 32. No. 4.

Statistical Abstract of the United States. 1988. 108th ed. Washington DC: U. S. Department of Commerce and Bureau of the Census, 1988.

Statistical Abstract of the United States. 1992. 112th ed. Washington DC: U. S. Bureau of the Census, 1992.

Steckel R. H. Height, Living Standard, and History//Historical Methods. 1991. Vol. 24.

Steckel R. H. New Perspectives on the Standard of Living//Challenge. 1995. September-October.

Steckel R. H. Stature and the Standard of Living//Journal of Economic Literature. 1995. Vol. 33. December.

Steckel R. H. Strategic Ideas in the Rise of the New Anthropometric History and their Implications for Interdisciplinary History//Journal of Economic History. 1998. Vol. 58.

Stein Z., Susser M., Saenger G., Marola F. Famine and Human Development: The Dutch Hunger Winter of 1944–1945. New York: Oxford University Press, 1975.

Stockdale M. K. Russian Liberals and the Contours of Patriotism in the Great War//Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 27–29 мая 1998/В. В. Шелохаев (ред.). М., 1999.

Stockdale M. K. My Death for the Motherland is Happiness: Women, Patriotism, and Soldiering in Russia's Great war, 1914–1917//American Historical Review. 2004. Vol. 109.

Strikes, Social Conflict, and the First World War: An International Perspective/L. Haimson, G. Sapelli (eds.). Milano: Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, 1992.

Stupperich R. Die Anfänge der Bauernbefreiung in Russland. Berlin, 1939.

Sumner B. H. A Short History of Russia: The Seven Basic Influences That Have Shaped Russian Destiny. 2nd ed. New York: Harcourt, Brace and World, 1949.

Suny R. G. The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton NJ: Princeton University Press, 1972.

Suny R G. Towards a Social History of the October Revolution//The American Historical Review. 1983. Vol. 88. No. 1.

Suny R. G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and its Critics//Russian Revolution. 1994. Vol. 53. No 2.

Susanne Y., Bodzsar E. B. Secular Growth Changes in Europe: Do We Observe Similar Trends?// Secular Growth Changes in Europe/E. B. Bodzsar, Y. Susanne (eds.). Budapest: Eötvös University Press, 1998.

Tanner J. M. Growth of Adolescence with a General Consideration of the Effects of Hereditary and Environmental Factors upon and Maturation from Birth to Maturity. 2 ed. Oxford: Blackwell Scientific Publications, 1962.

Tanner J. M. A History of the Study of Human Growth. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981.

Tanner J. M. Growth as a Mirror of the Conditions of Society: Secular Trends and Class Distinctions//Human Growth: A Multi-Disciplinary Review/A. L. Demirjian (ed.). London: Taylor and Francis, 1986.

Tanner J. M. Foetus into Man: Physical Growth from Conception to Maturity. 2nd ed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

Tanner J. M. Introduction: Growth in Height as a Mirror of Standard of Living//Stature, Living Standards and Economic Development: Essays in Anthropometric History. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.

Tarnovsky P. Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses. Paris, 1889.

Thatcher I. D. Late Imperial Urban Workers//Late Imperial Russia: Problems and Prospects: Essays in Honor of R. B. McKean./I.D Thatcher (ed.). Manchester: Manchester University Press, 2005.

The Biological Standard of Living in Comparative Perspective: Proceedings of a Conference Held in Munich January 18–23, 1997/J. Komlos, J. Baten (eds.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999.

The Biological Standard of Living in Europe and America 1700–1900: Studies in Anthropometric History/J. Komlos (ed.). Aldershot, Eng: Varioirum Press, 1995.

The Cultural Gradient: The Transmission of Ideas in Europe, 1789–1991/C. Evtuhov, St. Kotkin (eds.). Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2003.

The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861/C. E. Black (ed.). Cambridge MA: Harvard University Press, 1960.

The Workers' Revolution in Russia: The View from Below/D. H. Kaiser (ed.). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1987.

Thompson J. M. Russia and Soviet Union: An Historical Introduction from the Kievan State to the Present. 3d ed. Boulder et al.: Westview Press, 1994.

Tilly Ch. European Revolutions, 1492–1992. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1993.

Tiryakian E. The Changing Centers of Modernity//Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt/E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor (eds.). Boulder, CO: Westview, 1985.

Tokmakoff G. Stolypin's Agrarrian Reform: An Appraisal//Slavic Review. 1971. Vol. 30

Tooke W. View of the Russian Empire during the Reign of Catherine the Second to the Close of the Present Century: In 3 vol. London: T. N. Longman and O. Rees, 1799.

Twarog S. Heights and Living Standards in Germany, 1850–1939: The Case of Württemberg//Health and Welfare during Industrialization/R. Steckel, R. Floud (eds.). Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997.

Vasudevan H. S. Peasant Land and Peasant Society in Late Imperial Russia//The Historical Journal. 1988. Vol. 31. No 1.

Volin L. A Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.

Wade R. A. The Russian Revolution, 1917. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Wagner W. G. Ideology, Identity, and the Emergence of a Middle Class//Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia/E. W. Clowes et al. (eds.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

Waldron P. Between Two Revolutions: Stolypin and the Politics of Renewal in Russia. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1998.

Wallace D. M. Russia: On the Eve of War and Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984.

Ward P. W. Birth Weight and Economic Growth: Women's Living Standards in the Industrializing West. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993.

Weir D. R. Economic Welfare and Physical Well-Being in France, 1750–1990//Health and Welfare during Industrialization/R. H Steckel, R. Floud (eds.). Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997.

Westwood J. N. Endurance and Endeavour//Russian History 1812–1986. 3d ed. Oxford: Oxford University Press, 1987.

Wheatcroft St. G. The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics. Soviet Studies. 1974. Vol. 26. No 2.

Wheatcroft St. G. Agriculture//From Tsarism to the New Economic Policy: Continuity and Change in the Economy of the USSR/R. W. Davies (ed.). Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990.

Wheatcroft St. G. Crisis and Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia//Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921/E. Kingston-Mann, T. Mixter (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991.

Wheatcroft St. G., Davies R. W. Agriculture//The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945/R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft (eds.). Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 1994.

Wheatcroft St. G. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960//Slavic Review. 1999. Vol. 58. No 1.

Wieringen J. C. van. Secular Growth Changes//Human Growth/F. Falkner, J. M. Tanner (eds.). 2nd ed. New York: Plenum, 1978. Vol. 3.

Wilbur E. M. Peasant Poverty in Theory and Practice: A View from Russia's 'Impoverished Center' at the End of the Nineteenth Century//Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921/E. Kingston-Mann, T. Mixter (eds.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

Wilbur E. M. Was Russian Peasant Agriculture Really That Impoverished? New Evidence from a Case Study from the 'Impoverished Center' at the End of the Nineteenth Century//Journal of Economic History. 1983. Vol. 43, No 1.

Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. Princeton NJ: Princeton University Press, 1980, 1987. 2 vols.

Wiles P. Distribution of Income, East and West. Amsterdam; New York: North-Holland Pub. Co. and American Elsevier Pub. Co., 1974.

Williams St. F. Liberal Reform in an Illiberal Regime: the Creation of Private Property in Russia, 1906–1915. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, Stanford University, 2006.

Williamson J. G., Lindert P. H. American Inequality: A Macroeconomic History. New York etc.: Academic Press, 1980.

Woitek U. Height Cycles in the 18th and 19th Centuries//Economics and Human Biology. 2003. Vol. 1.

Wolanski N. Heterosis and Homosis in Man//Physical Anthropology of European Populations/U. Schwidetzky, B. Chiarelli, O. Necrasov (eds.). The Hague: Mouton Publishers, 1980.

World Health Organization: Use of Anthropometric Indicators of Nutritional Status//Bulletin of the World Health Organization. 1986. V. 64.

Zelnik R. E. Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg, 1855–1870. Stanford, CA: Stanford University Press, 1971.

Приложение 3

Оценка среднего роста мужского населения по районам в XVIII в. методом максимального правдоподобия (по индивидуальным данным о новобранцах)

Годы рождения	Приуральский			Северный			Центрально-земледельческий			Центрально-промышленный			Поволжье			Северо-Запад			Сибирь			Украинский			Предкавказье		
	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n			
1701–1705							163,8	0,60	88	163,8		213															
1706–1710	159,8	8,34	15	162,9	3,45	16	162,5	0,64	425	163,1	0,44	836				166,4	1,33	15									
1711–1715	158,0	8,16	40	162,8	3,27	30	162,1	0,62	863	163,5	0,42	1940				160,3	1,29	40									
1716–1720	155,4	8,09	207	160,8	3,19	73	161,8	0,61	856	163,2	0,43	1139			9	162,8	0,83	207									
1721–1725	157,6	8,26	15	163,6	3,10	122	161,1	0,67	384	162,5	0,45	1474				160,6	1,01	15									
1726–1730	159,9	8,11	88	160,0	3,07	430	161,7	1,68	20	165,6	1,17	31				158,4	0,87	88									
1731–1735	162,1	8,04	412	160,4	3,05	2630	162,8	1,00	65	167,7	0,88	48			14	160,9	0,42	412									
1736–1740	163,6	8,04	495	162,0	3,05	3456	163,6	1,09	47	163,6	0,82	66			12	161,2	0,31	495									
1741–1745	161,2	8,04	538	162,3	3,06	595	161,2	1,09	60	163,9	0,50	373	163,0	1,03	86	162,9	0,46	538									
1746–1750	161,9	8,04	610	161,9	3,05	1327	163,0	0,91	97	163,7	0,45	881	163,1	0,79	163	162,9	0,35	610	161,5	1,17	38	163,0	1,72	19			
1751–1755	160,4	8,04	558	159,4	3,05	1043	160,0	0,77	263	162,4	0,49	525	162,6	0,61	378	160,8	0,41	558	160,6	0,89	151	163,5	1,36	37			
1756–1760	160,6	8,05	888	159,4	3,05	1061	160,2	0,64	747	162,0	0,44	1012	160,9	0,58	543	161,9	1,65	888	161,1	0,76	443	165,3	0,93	75			
1761–1765	162,1	8,08	129	159,6	3,06	899	161,6	0,60	2176	161,4	0,43	1426	162,0	0,64	344	161,7	6,57	129	163,0	0,71	608	166,9	0,66	226			

Приложение 3 (окончание)

Годы рождения	Приуральский			Северный			Центрально-земледельческий			Центрально-промышленный			Поволжье			Северо-Запад			Сибирь			Украинский			Предкавказье		
	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n	$\hat{\mu}$	se($\hat{\mu}$)	n			
1766–1770	162,7	8,12	46	160,6	3,07	429	162,1	0,58	4441	162,0	0,43	1385	161,1	0,69	283			12	162,4	0,74	455	166,3	0,55	551			
1771–1775	162,8	8,11	65	161,7	3,07	402	161,9	0,59	7728	161,0	0,51	606	157,4	1,62	64	162,4	2,56	65	161,5	0,68	1031	163,6	0,65	336	158,8	1,79	58
1776–1780	163,8	8,13	69	160,7	3,06	714	161,2	0,60	3656	161,3	0,49	726	152,3	2,50	42	160,0	2,94	69	160,7	0,79	518	163,3	0,57	723	157,9	1,55	107
1781–1785	158,4	8,07	339	162,1	3,05	1870	157,7	0,69	950	160,0	0,53	995	146,5	2,71	95	158,9	3,98	339				161,2	0,80	356	160,4	1,61	144
1786–1790	157,8	8,04	1874	161,2	3,06	2078	156,9	0,66	1773	158,4	0,65	862	139,4	2,66	187	164,2	3,82	1874				163,3	0,67	579	161,7	1,06	279
1791–1795	156,8	8,05	1264	160,8	3,06	415	159,4	0,59	2661				160,2	0,60	240	169,7	3,46	1264				160,7	0,52	1270	163,0	1,06	424
1796–1800	160,3	8,04	382	161,3	3,08	242	161,1	0,61	1597	164,0	5,26	33	163,9	0,62	715	166,2	2,45	382				160,1	0,68	1431			

Обозначения: $\hat{\mu}$ — оценка среднего роста мужского населения, см; se($\hat{\mu}$) — стандартная ошибка роста при вероятности 0,95; n — число новобранцев.
Источники: Подсчитано на основании источников, указанных в Приложении 1.

Приложение 4

Факторы географии роста мужского населения в 1850—1870-е гг.

Губерния	Рост, см [1]	Налоги и повинности в 1849 г.									
		Гос. крестьяне, коп.			Помещичьи крестьяне, коп.				Мещане, коп		
		гос. оклад	недоимка	недоимка в %[2]	оброк[3]	гос. оклад	недоимка	недоимка в %[4]	гос. оклад	недоимка	недоимка в %[5]
Архангельская	163,4	456	0	0,0	м	244	3	1,2	297	6	2,0
Астраханская	165,1	349	0	0,0	2000	174	4	2,3	240	0	0,0
Бессарабская	165,5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Виленская	163,7	259	34	13,1	6000	292	16	5,5	303	51	16,8
Витебская	163,5	212	76	35,8	–	220	53	24,1	268	118	44,0
Владимирская	163,4	477	0	0,0	2330	192	3	1,6	280	2	0,7
Вологодская	163,4	421	0	0,0	2140	168	0	0,0	259	0	0,0
Волынская	163,8	203	28	13,8	2840	195	4	2,1	262	97	37,0
Воронежская	164,6	447	14	3,1	2900	178	4	2,2	267	18	6,7
Вятская	162,0	452	0	0,0	1950	165	0	0,0	256	0	0,0
Гродненская	163,3	252	11	4,4	–	273	6	2,2	268	73	27,2
Донская	166,6	–	–	–	2210	–	–	–	–	–	–
Екатеринославская	165,8	441	26	5,9	2798	206	12	5,8	255	5	2,0
Казанская	161,6	445	11	2,5	2285	159	0	0,0	268	1	0,4
Калужская	163,1	481	67	13,9	2600	210	3	1,4	262	37	14,1
Киевская	165,3	246	6	2,4	–	235	0	0,0	267	16	6,0
Ковенская	163,4	329	52	15,8	6850	343	28	8,2	315	79	25,1
Костромская	162,7	464	0	0,0	2350	188	2	1,1	270	8	3,0
Курляндская	166,9	263	3	1,1	–	312	6	1,9	271	41	15,1
Курская	164,1	443	0	0,0	2730	168	3	1,8	268	13	4,9
Лифляндская	166,7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Минская	162,6	221	34	15,4	3525	239	6	2,5	278	29	10,4
Могилевская	163,1	190	40	21,1	1875	229	46	20,1	266	119	44,7

Приложение 4 (продолжение 1)

Губерния	Рост, см [1]	Налоги и повинности в 1849 г.									
		Гос. крестьяне, коп.			Помещичьи крестьяне, коп.				Мещане, коп		
		гос. оклад	недоимка	недоимка в %[2]	оброк[3]	гос. оклад	недоимка	недоимка в %[4]	гос. оклад	недоимка	недоимка в %[5]
Московская	164,2	617	1	0,2	2276	355	0	0,0	298	0	0,0
Нижегородская	163,7	516	0	0,0	2172	252	3	1,2	274	4	1,5
Новгородская	163,5	688	3	0,4	2300	468	8	1,7	275	13	4,7
Олонецкая	162,4	417	0	0,0	1745	200	0	0,0	291	0	0,0
Оренбургская	163,1	421	0	0,0	2319	168	2	1,2	262	5	1,9
Орловская	163,7	442	21	4,8	2155	162	2	1,2	259	27	10,4
Пензенская	163,2	459	30	6,5	207	164	2	1,2	257	13	5,1
Пермская	164,3	486	2	0,4	1379	227	0	0,0	265	4	1,5
Подольская	164,7	189	0	0,0	–	212	0	0,0	253	33	13,0
Полтавская	165,3	271	0	0,0	2120	203	17	8,4	255	4	1,6
Псковская	164,4	496	73	14,7	2312	270	26	9,6	285	24	8,4
Рязанская	163,4	–	–	–	2516	–	–	–	–	–	–
Самарская	163,5	435	54	12,4	2308	168	4	2,4	256	38	14,8
С.-Петербургская	164,2	892	17	1,9	3025	614	9	1,5	330	25	7,6
Саратовская	164,1	452	12	2,7	2085	164	4	2,4	260	4	1,5
Симбирская	163,4	–	–	–	2737	129	0	0,0	260	4	1,5
Смоленская	162,9	422	54	12,8	2508	169	17	10,1	259	28	10,8
Таврическая	165,9	349	3	0,9	–	271	5	1,8	173	3	1,7
Тамбовская	163,4	442	66	14,9	2118	158	15	9,5	259	12	4,6
Тверская	163,9	510	6	1,2	2873	227	2	0,9	264	5	1,9
Тульская	163,2	434	97	22,4	2465	159	6	3,8	268	31	11,6
Уфимская	161,8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Харьковская	164,5	492	50	10,2	2325	224	18	8,0	263	0	0,0
Херсонская	165,1	560	27	4,8	3000	312	22	7,1	263	0	0,0
Черниговская	163,9	334	2	0,6	–	257	0	0,0	267	9	3,4
Эстляндская	166,7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ярославская	163,1	462	0	0,0	2583	198	0	0,0	275	2	0,7

Приложение 4 (продолжение 2)

Губерния	Урожайность[6]	Чистый сбор[7]	Избыток хлеба[8]	Скот[9]	Надел земли[10]	Отход[11]	Цена ржи[12]	Отсрочка от службы, %[13]	Воинский брак, %[14]
	1857–1863 гг.				1860 г.	1860-е гг.	1871–1875 гг.	1874–1883 гг.	
Архангельская	4	0,73	–526	523	3,6	58,8	90	7,8	9,0
Астраханская	3,16	1,06	–430	2392	16,9	19,1	55	3,9	5,4
Бессарабская	4,37	3,87	1323	707	6,2	11,8	61	7,0	5,7
Виленская	3,03	3,13	204	585	4,3	11,1	89	6,8	4,9
Витебская	3,03	2,35	–495	787	5,0	35,3	69	9,6	6,6
Владимирская	3,07	2,62	–223	475	4,0	47,5	69	4,7	6,9
Вологодская	4,26	1,71	–989	608	8,1	17,7	83	5,8	8,2
Волынская	3,97	3,32	929	565	3,8	6,1	56	8,1	8,7
Воронежская	3,88	4,43	2468	747	4,5	12,7	49	6,7	5,2
Вятская	3,28	3,53	923	714	8,2	14,8	55	5,1	10,2
Гродненская	3,42	3,37	339	600	4,7	12,4	84	4,1	7,1
Донская	3,39	4,02	734	1691	3,3	0,6	58	4,4	4,6
Екатеринославская	3,09	3,86	1575	1008	5,6	11,6	58	5,4	4,9
Казанская	3,62	4,04	1686	585	4,8	10,2	48	7,5	12,7
Калужская	2,86	3,02	59	564	3,6	88,0	74	6,6	7,5
Киевская	4,54	3,18	1168	388	2,7	6,3	50	6,2	6,8
Ковенская	4,46	3,11	372	726	5,2	13,6	96	8,9	4,9
Костромская	3,38	2,7	–211	674	4,9	38,8	64	6,8	7,7
Курляндская	5,89	3,69	174	1170	3,9	15,7	71	7,3	4,3
Курская	3,65	4,62	1364	675	3,1	18,3	42	5,7	5,4
Лифляндская	5,55	3,64	510	633	4,0	12,5	73	10,6	4,9
Минская	3,57	3,41	473	669	5,8	10,7	70	7,9	7,0
Могилевская	2,31	2,91	–272	798	4,8	16,3	62	7,8	8,0
Московская	2,72	1,9	–1160	383	3,1	100,3	73	7,1	9,0

Приложение 4 (окончание)

Губерния	Урожайность[6]	Чистый сбор[7]	Избыток хлеба[8]	Скот[9]	Надел земли[10]	Отход[11]	Цена ржи[12]	Отсрочка от службы, %[13]	Воинский брак, %[14]
	1857–1863 гг.				1860 г.	1860-е гг.	1871–1875 гг.	1874–1883 гг.	
Нижегородская	3,48	3,82	–1286	466	3,7	31,3	58	4,4	5,3
Новгородская	3,45	2,17	–586	732	6,9	45,4	69	6,4	7,5
Олонецкая	3,8	1,46	–348	559	23,5	32,0	80	6,4	9,3
Оренбургская	5,24	5,28	2880	1065	12,1	12,0	66	5,8	6,8
Орловская	3,72	4,89	2422	604	3,3	25,7	50	4,9	6,5
Пензенская	4,05	4,83	1557	721	3,6	21,4	40	4,9	5,6
Пермская	2,95	2,86	–58	829	8,0	6,2	58	8,2	6,5
Подольская	4,04	3,36	1403	384	2,4	4,0	63	6,8	7,1
Полтавская	3,92	3,51	1769	548	2,8	13,5	45	7,2	7,1
Псковская	3,48	2,75	–112	785	4,7	19,6	82	5,0	3,8
Рязанская	3,38	4,36	1726	638	3,1	53,8	44	5,7	5,9
Самарская	3,72	5,41	3116	847	9,2	4,1	54	4,1	3,3
С.-Петербургская	3,3	1,16	–1573	288	5,1	87,9	79	10,7	8,2
Саратовская	4,11	5,22	3534	1057	4,8	9,3	49	5,8	3,4
Симбирская	4,48	5,07	2457	597	3,4	14,2	55	4,7	4,4
Смоленская	2,75	2,97	–213	856	4,6	63,2	83	4,1	8,4
Таврическая	4,3	3,63	–570	1252	10,1	13,8	71	6,6	5,8
Тамбовская	3,61	4,33	923	706	3,6	19,2	50	6,1	6,2
Тверская	3,09	2,68	–257	626	4,2	80,3	69	6,1	5,3
Тульская	3,56	4,29	1358	549	2,7	42,3	59	4,8	6,6
Уфимская	3,5	5,2	–1573	838,0	8,7	5,2	41	8,8	16,6
Харьковская	3,14	3,38	767	605	3,8	12,3	44	7,7	7,8
Херсонская	4,05	3,96	1956	731	5,1	11,8	66	6,1	7,3
Черниговская	3,61	3,98	711	639	3,9	14,3	51	7,2	7,7
Эстляндская	4,89	3,57	36	900	2,7	11,2	80	13,4	5,9
Ярославская	3,3	2,95	117	605	3,8	90,6	58	4,7	7,1

Приложение 4

Примечания:

1. Рост новобранцев, рожденных в 1853–1860 гг.
2. Недоимка в процентах к государственному окладу.
3. 1860 г.
4. Недоимки в процентах к государственному окладу.
5. Недоимки в процентах к государственному окладу.
6. Рожь, сам.
7. Четвертей на душу населения.
8. Тысяч четвертей.
9. Голов скота на тысячу человек населения (в переводе на крупный в пропорции 10 голов мелкого скота равны одной голове крупного рогатого скота; лошадь приравнена корове; из крупного рогатого скота учтены только коровы) в 1859–1864 гг.
10. Надельная земля на ревизскую душу, десятин
11. Тысяч паспортов на право отхода.
12. В копейках за пуд ржи.
13. В процентах к числу принятых на службу в годы призыва, 1874–1883 гг.
14. В процентах к числу принятых на службу в годы призыва, 1874–1883 гг.

Источники: **Государственные оклады налогов, недоимки на 1849 г.***:* РГИА, ф. 869 (Милютины), оп. 1, д. 789. Таблицы к Статистическому атласу, составленному в Министерстве внутренних дел. 1850 г. Л. 22–27.

Урожаи, сборы и избытки хлебов, скотоводство*:* Вильсон И.И. Объяснений к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 4-е изд. М., 1869. С. 78, 110–111, 348–349.

Земельный надел, отходничество, цена ржи, отсрочка от службы и воинский брак*:* Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 28–33, 76–79, 180–185.

Оброк с помещичьих крестьян, барщина переведена на оброк в 1860 г.*:* Скребницкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II: Материалы для истории освобождения крестьян. Бонн на Рейне, 1862. Т. 3. 1865/1866. Т. 3. С. 1296–1297.

Приложение 5

Факторы географии роста мужского населения в конце XIX в.

Губерния	Рост, см[1]	Отсрочка от службы, %[2]	Воинский брак, %[3]	Плотность населения[4]	Избыток рабочей силы[5]	Торговля[6]	Промышленность[7]	Гербовый сбор[8]	Налог на д.н.[9]	Недоимки на д.н.[10]
	1881–1889 гг.	1894–1901 гг.		1897 г.	1900 г.			1881–1890 гг.		
Архангельская	166,9	9,2	18,0	0,50	31	19451	15618	4,7	109	1
Астраханская	168,0	7,9	19,0	5,29	60	95379	12835	12,5	170	5
Бессарабская	167,0	9,0	14,6	48,27	58	44356	9309	12,1	252	32
Виленская	165,3	10,2	17,5	43,21	60	53148	19490	7,3	128	7
Витебская	168,1	8,5	17,4	38,53	61	49950	8749	5,3	165	5
Владимирская	166,8	8,4	18,9	35,39	30	69311	210184	3,1	255	27
Вологодская	166,8	16,5	23,3	3,80	31	34570	5616	1,5	194	11
Волынская	167,7	10,4	24,0	47,42	76	55375	31384	3,6	129	4
Воронежская	167,8	11	18,8	43,72	69	62451	24067	3,2	229	59
Вятская	166,7	10,2	21,6	22,53	15	62432	26047	0,9	227	9
Гродненская	167,5	8,1	18,4	47,30	57	43942	17687	6,8	137	5
Донская	169,4	6,5	17,7	17,78	57	197564	80653	2,9	31	19
Екатеринославская	168,0	11,0	16,6	37,94	51	135380	222161	11,9	175	84
Казанская	165,5	14,0	27,5	38,79	47	86963	29702	4,2	239	405
Калужская	166,3	5,9	17,7	41,68	68	27453	15099	2,7	216	3
Киевская	167,6	11,8	21,9	79,71	76	182360	123680	12,4	173	3
Ковенская	167,1	11,5	17,2	43,74	66	38107	8953	5,0	235	16
Костромская	166,3	12,9	21,4	18,79	38	41421	70290	2,5	214	14
Курляндская	168,9	11,8	20,4	28,38	66	53934	27637	11,0	115	90
Курская	167,9	8,7	16,8	58,06	65	54973	39513	2,9	237	4
Лифляндская	170,9	12,7	18,1	31,44	65	185426	118212	18,6	68	16
Минская	167,0	7,8	18,6	26,79	53	48840	17250	4,4	118	3
Могилевская	166,7	11,6	20,4	40,03	54	29804	10826	2,4	169	2
Московская	167,4	11,1	25,4	83,14	23	915717	526777	93,8	278	335

Приложение 5 (продолжение 1)

Губерния	Рост, см[1]	Отсрочка от службы, %[2]	Воинский брак, %[3]	Плотность населения[4]	Избыток рабочей силы[5]	Торговля[6]	Промышленность[7]	Гербовый сбор[8]	Налог на д.н.[9]	Недоимки на д.н.[10]
	1881–1889 гг.	1894–1901 гг.		1897 г.	1900 г.			1881–1890 гг.		
Нижегородская	168,3	5,3	11,0	35,19	41	97575	61637	8,4	225	164
Новгородская	167,0	9,1	19,5	13,12	38	38370	19606	2,7	241	60
Олонецкая	164,8	7,7	18,1	3,17	33	9301	4894	1,6	153	14
Оренбургская	165,9	10,5	24,1	9,60	14	69409	25991	5,2	107	241
Орловская	166,5	10,4	20,3	49,53	68	63459	37253	5,9	232	89
Пензенская	167,3	8,2	15,5	43,09	61	28772	16411	3,4	227	108
Пермская	166,9	8,8	17,0	10,32	28	124170	95970	2,9	156	54
Подольская	167,7	10,8	22,1	81,85	75	16011	62519	3,8	169	5
Полтавская	169,0	14,1	23,2	63,36	72	66701	27937	4,3	79	0
Псковская	167,5	12,4	18,3	29,56	52	20238	23499	3,8	181	18
Рязанская	166,3	12,2	22,2	48,91	69	51642	28619	3,1	222	24
Самарская	167,5	8,9	16,5	20,12	12	101313	31238	2,7	177	459
С.-Петербургская	167,9	15,5	23,9	53,87	43	932904	453847	275,5	278	69
Саратовская	167,3	7,6	15,3	32,40	49	114713	69683	6,2	212	103
Симбирская	166,9	9,4	16,6	35,13	55	28708	20870	3,6	197	96
Смоленская	166,9	10,2	18,9	30,99	45	44596	16880	3,1	197	22
Таврическая	167,9	7,2	14,0	27,29	43	101861	24860	11,4	242	8
Тамбовская	166,0	8,1	15,4	45,87	69	77630	33751	4,7	244	119
Тверская	166,4	10,7	17,4	31,13	54	72344	42217	2,5	220	11
Тульская	166,3	11,1	22,4	52,18	65	47662	30758	4,4	230	25
Уфимская	166,3	13	21,5	20,49	37	53136	12226	1,5	66	134
Харьковская	167,6	9,5	16,4	52,05	71	122458	106860	10,1	228	69
Херсонская	169,1	7,9	13,7	43,94	59	288499	105993	24,1	163	29
Черниговская	167,1	13,2	24,7	49,91	63	37001	32354	3,3	102	2
Эстляндская	171,3	8,2	15,6	23,20	72	25563	35954	10,0	32	0
Ярославская	166,5	13,5	25,6	34,30	50	77977	58664	5,5	282	8

Приложение 5 (продолжение 2)

Губерния	Отходничество[11]	Доход от промыслов[12]	Зарплата[13]	Скот[14]	Цена ржи[15]	Урожай[16]	Цена сбора зерновых[17]	Потребление водки[18]	Накопления[19]
	1900 г.		1881–1890 гг.					1880–1889 гг.	1889–1893 гг.
Архангельская	20,25	20,0	55,0	493	114	3,7	9,5	6,39	64
Астраханская	22,00	13,0	85,7	1245	74	4,4	7,8	11,67	93
Бессарабская	3,96	17,0	85,0	916	64	6,5	24,3	9,17	63
Виленская	2,80	9,0	45,0	570	80	3,5	12,9	6,39	136
Витебская	4,60	7,0	58,2	679	73	3,4	13,0	6,67	78
Владимирская	9,75	23,0	75,0	422	99	3,0	19,6	8,34	144
Вологодская	8,99	4,0	52,3	677	91	4,0	14,4	4,73	41
Волынская	1,80	6,0	55,4	684	66	4,1	11,4	9,73	177
Воронежская	5,72	7,0	52,0	560	53	4,0	14,2	6,39	203
Вятская	12,96	10,0	50,0	619	64	3,2	19,8	4,73	194
Гродненская	3,08	9,0	51,3	589	80	4,0	15,4	7,78	141
Донская	2,73	14,0	90,0	1209	64	5,5	23,7	7,78	74
Екатеринославская	3,42	23,0	84,0	482	63	4,3	12,3	8,06	111
Казанская	13,63	6,0	38,9	468	59	3,5	15,3	4,73	174
Калужская	30,60	13,0	50,4	419	78	2,8	14,5	6,67	94
Киевская	3,60	10,0	51,0	488	57	5,3	11,0	11,12	100
Ковенская	2,99	7,0	43,0	863	88	4,3	18,1	4,17	106
Костромская	12,72	24,0	66,9	569	83	3,4	19,8	7,51	56
Курляндская	4,83	11,0	90,0	487	83	5,4	18,4	5,28	77
Курская	8,75	6,0	55,5	472	56	4,2	11,8	6,95	117
Лифляндская	3,91	17,0	80,0	644	87	4,7	12,9	8,06	75
Минская	1,82	7,0	45,0	614	73	3,6	14,4	8,62	115
Могилевская	2,70	6,0	49,4	681	66	3,4	11,8	8,06	132
Московская	15,60	50,0	78,0	475	81	3,1	15,9	18,90	60
Нижегородская	12,04	12,0	57,0	360	70	3,6	15,0	8,06	147

Приложение 5 (продолжение 3)

Губерния	Отходничество[11]	Доход от промыслов[12]	Зарплата[13]	Скот[14]	Цена ржи[15]	Урожай[16]	Цена сбора зерновых[17]	Потребление водки[18]	Накопления[19]
	1900 г.		1881–1890 гг.					1880–1889 гг.	1889–1893 гг.
Новгородская	19,80	12,0	75,0	790	92	3,6	22,0	5,84	139
Олонецкая	19,20	12,0	60,3	578	108	3,9	16,0	4,17	93
Оренбургская	4,90	8,0	54,0	906	53	3,7	19,3	6,39	91
Орловская	9,80	9,0	45,0	446	63	3,8	13,2	8,89	153
Пензенская	5,40	7,0	52,0	492	54	4,2	12,6	7,51	105
Пермская	5,52	12,0	50,0	648	66	3,3	14,9	6,95	153
Подольская	1,70	8,0	69,8	362	67	6,1	12,9	10,84	90
Полтавская	3,74	8,0	60,0	488	55	4,8	10,2	7,23	155
Псковская	9,45	7,0	58,0	613	84	3,6	15,2	7,23	187
Рязанская	12,24	9,0	51,0	401	62	4,3	13,2	7,78	119
Самарская	1,80	7,0	65,0	639	56	4,4	13,0	6,67	247
С.-Петербургская	16,64	114,0	71,1	608	98	3,5	24,3	23,91	44
Саратовская	3,51	9,0	66,0	643	55	4,4	12,3	7,78	164
Симбирская	8,32	7,0	49,4	457	63	4,4	14,8	4,73	227
Смоленская	17,64	16,0	48,7	704	81	3,0	18,4	8,34	176
Таврическая	3,60	31,0	104,0	712	71	5,3	34,3	11,67	81
Тамбовская	5,06	7,0	54,0	518	58	5,8	15,1	6,95	164
Тверская	17,15	11,0	65,0	579	81	3,1	14,6	8,34	194
Тульская	27,54	13,0	48,0	477	62	3,6	14,6	10,28	163
Уфимская	2,86	6,0	47,3	610	52	3,8	13,5	3,34	160
Харьковская	6,38	8,0	64,8	446	58	3,9	10,9	8,62	89
Херсонская	3,72	17,0	83,3	479	64	4,7	13,1	14,45	72
Черниговская	5,50	7,0	50,0	664	61	3,6	8,0	8,34	128
Эстляндская	3,96	15,0	74,6	728	98	4,4	17,0	8,34	117
Ярославская	36,58	32,0	75,0	471	73	3,7	18,6	8,34	93

Приложение 5 (продолжение 4)

Губерния	Рождаемость	Смертность	Брачность	Естеств. прирост	Русские, %	Православные, %	Грамотность, %[20]	Иммигранты[21]	Эмигранты[22]
	1881–1890 гг.[23]				1897 г.				
Архангельская	39	26	8	13	85,1	97,3	36,4	3,7	8,8
Астраханская	69	46	11	23	40,8	52,7	22,6	12,1	6,9
Бессарабская	74	43	15	31	8,0	82,7	22,0	6,9	4,4
Виленская	43	27	9	16	4,9	26,1	34,8	6,1	8,6
Витебская	48	29	8	19	13,3	55,4	29,9	7,7	9,5
Владимирская	49	38	8	11	99,7	97,2	43,3	5,8	11,9
Вологодская	46	34	8	12	91,2	99,3	32,8	2,4	5,9
Волынская	56	36	11	20	3,5	70,5	24,4	7,9	4,9
Воронежская	49	35	9	14	63,3	99,1	26,4	3,1	14,7
Вятская	52	39	9	13	77,4	92,0	25,6	1,6	8,9
Гродненская	52	36	11	16	4,6	57,3	38,4	7,1	7,5
Донская	53	32	10	21	66,8	90,2	34,8	17,0	6,1
Екатеринославская	50	31	9	19	17,3	90	31,5	15,5	9,3
Казанская	47	32	9	15	38,4	68,9	24,9	3,0	8,0
Калужская	47	36	9	11	99,4	95,8	33,0	4,2	18,0
Киевская	60	38	11	22	5,9	83,8	27,5	6,7	7,6
Ковенская	47	32	9	15	4,7	3,0	42,8	6,0	10,1
Костромская	47	36	8	11	99,6	96,9	38,4	2,8	8,8
Курляндская	25	17	7	8	3,8	3,7	71,2	9,8	18,9
Курская	46	33	8	13	77,3	98,7	26,4	2,5	15,0
Лифляндская	29	20	6	9	5,2	14,4	77,5	11,5	11,3
Минская	55	32	11	23	3,9	72,6	25,4	5,0	6,3
Могилевская	51	28	9	23	3,4	83,1	25,8	4,3	8,1
Московская	54	48	9	6	97,6	93,5	54,8	28,3	9,2
Нижегородская	52	40	8	12	93,2	91,5	34,4	5,0	8,0

Приложение 5 (окончание)

Губерния	Рождаемость	Смертность	Брачность	Естеств. прирост	Русские, %	Православные, %	Грамотность, %[20]	Иммигранты[21]	Эмигранты[22]
	1881–1890 гг.[23]				1897 г.				
Новгородская	52	38	9	14	96,8	96	36,5	6,0	8,4
Олонецкая	46	35	8	11	78,2	98,3	34,7	4,4	7,6
Оренбургская	57	40	9	17	70,4	73,4	29,6	16,4	5,9
Орловская	52	38	8	14	99,0	99,1	28,7	4,4	13,4
Пензенская	49	35	8	14	83,0	94,5	23,7	2,3	13,2
Пермская	51	40	8	11	90,3	86,7	28,3	4,9	6,2
Подольская	52	32	10	20	3,3	78,1	23,8	4,2	6,4
Полтавская	48	30	9	18	2,6	95,6	27,8	3,4	14,1
Псковская	51	36	8	15	94,7	92,9	22,5	4,8	8,1
Рязанская	45	31	8	14	99,4	98,6	33,9	3,0	16,5
Самарская	57	39	9	18	64,5	77,3	30,3	8,9	8,6
С.-Петербургская	53	46	10	7	81,9	81,8	65,2	44,9	9,5
Саратовская	52	36	9	16	76,7	84,1	34,6	5,9	8,8
Симбирская	49	35	8	14	68,0	88,9	25,4	2,7	10,3
Смоленская	57	41	10	16	91,6	97	28,6	4,6	11,0
Таврическая	66	39	12	27	27,9	73,9	36,9	17,7	9,3
Тамбовская	50	34	9	16	95,5	98,5	26,7	2,7	11,2
Тверская	45	32	8	13	92,8	98,7	39,9	2,7	14,4
Тульская	47	36	8	11	99,5	99,5	34,1	3,9	16,1
Уфимская	51	33	10	18	38,0	43,8	21,9	8,2	5,8
Харьковская	47	32	9	15	17,7	98,4	25,9	6,5	11,7
Херсонская	54	32	12	22	21,0	80,2	35,0	14,8	6,0
Черниговская	51	34	9	17	21,6	92,7	29,8	2,9	11,8
Эстляндская	27	19	6	8	5,0	9,2	79,2	9,0	11,4
Ярославская	43	35	8	8	99,4	98,6	52,3	8,0	15,5

Приложение 5

Примечания

1. Средний рост новобранцев, родившихся в 1881–1889 гг.
2. Отсрочка по невозмужалости в процентах к числу принятых на службу в годы призыва, 1894–1901 гг.
3. Воинский брак в процентах к числу принятых на службу в годы призыва, 1894–1901 гг.
4. Человек на кв. версту.
5. Избыток наличных работников в деревне в 1900 г. для всех видов местного хозяйства в процентах к числу работников, необходимых для своевременного посева.
6. Оборот торговли в губернии, тыс. руб.
7. Объем промышленного производства в губернии, тыс. руб.
8. Поступление пропорционального гербового сбора (с актовой и вексельной бумаги) на душу населения в 1875–1887 гг., коп. на душу населения.
9. Среднегодовой оклад казенных и земских сборов с надельной земли на крестьян губернии, коп. на душу населения.
10. Недоимки по казенным сборам к концу периода, коп. на душу населения.
11. Число работников, занятых отхожими промыслами, в процентах от общего числа работников.
12. Среднегодовые промысловые заработки крестьян, руб. на душу населения.
13. Среднегодовая зарплата сельскохозяйственного пешего работника-мужчины на хозяйском содержании, руб. в год.
14. Число скота на 1000 человек сельского населения в переводе на крупный; 10 голов мелкого приняты за 1 голову крупного скота.
15. Цены ржи, коп. за пуд.
16. Урожайность хлебов на крестьянских надельных землях, «сам».
17. Среднегодовой доход крестьян от земледелия, руб. на душу населения (Стоимость чистого сбора зерновых и картофеля на душу населения).
18. Потребление 40-градусной водки, литров на душу населения.
19. Среднегодовой первоначальный вклад от работников и земледельцев в государственные сберегательные кассы, руб. на одну книжку (на один счет).
20. Грамотность мужского населения в возрасте 10 лет и старше, в процентах.
21. Неместные уроженцы в данной губернии в процентах к общему населению губернии.
22. Покинувшие данную губернию в процентах к общему населению губернии.
23. Промилле.

Источники. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 2 (**плотность населения**); (Приложение. С. 58 (**иммигранты и эмигранты**); Приложение. С. 42 (**грамотность мужского населения**).

Торговля и промышленность Европейской России по районам. Общая часть и приложения / Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1904. С. 1–6; Приложение. С. 1–36 (**торговый оборот, промышленное производство, торгово-промышленный оборот на душу населения**).

Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 8–13 (**брачность, рождаемость, смертность, естественный прирост населения**); С. 42–43 (**потребление чистого спирта на душу сельского населения**); С. 46–51 (**вклады в сберкассы**); С. 156–177 (**урожайность хлебов на крестьянских надельных землях**); С. 180–185 (**цены ржи**); С. 234–237 (**зарплата сельскохозяйственного рабочего**); С. 230–231 (**промыслы и заработок от промыслов**); С. 201–211 (**скотоводство**); С. 28–33 (**отсрочка по невозмужалости и воинский брак в призыв**); С. 248–249 (**избыток рабочей силы**); С. 252–291 (**окладная сумма казенных и земских сборов**); С. 252–297 (**недоимки**); С. 299–300 (**поступление пропорционального гербового сбора с актовой и вексельной бумаги**).

Словарь специальных терминов

Агрегированные, или суммарно-интервальные, ростовые сведения — данные о росте новобранцев, сгруппированные в 11 интервальных рядов, в которых частота относится не к отдельному значению роста, а ко всему интервалу.

Акселерация, *см.* секулярный тренд.

Аршин — 71,12 см.

Ауксология (от греч. auxano — расти) — направление в науке, изучающее (1) длину тела как отражение уровня жизни и стандартов потребления в социальных группах и целых популяциях, (2) закономерности ростового процесса у отдельных индивидов, групп и популяций.

Биологический статус, или биостатус (синонимы: пищевой статус, nutritional status, статус питания, энергетический статус) — характеризует адекватность потребленных пищевых продуктов энергетическим потребностям человека; измеряется как разница между энергетической ценностью потребленных продуктов, с одной стороны, и расходом энергии на удовлетворение всех потребностей в ней — с другой.

Биостатус, *см.* биологический статус.

Вершок — 4,445 см.

Возраст менархе — время наступления первых менструаций, указывающих на наступление половой зрелости; у хорошо питающихся девочек месячные наступают раньше, у страдающих недоеданием — позже.

Возрастная аккумуляция — сосредоточение в некоторых возрастах (чаще всего оканчивающихся на 0 или 5) значительно большего числа людей или демографических событий, чем в соседних возрастах. Возникает вследствие округления возраста.

Возрастной ценз — официальный, или установленный законом, минимальный и максимальный предельный возраст для призыва в армию.

Гистограмма распределения роста — графическое изображение интервального ряда, где по оси абсцисс откладывается значение роста, а по оси ординат — частота его встречаемости в выборке. При большом числе наблюдений получается распределение, близкое к нормальному (гауссову): оно имеет колоколообразную форму, с наиболее многочисленной, или модальной, группой около среднего роста и с более или менее симметричным убыванием частоты отдельных групп по обе стороны от максимума.

Замещающая-переменная (proxy variable — англ.) — переменная, замещающая другую переменную. Например, длина тела выступает в роли замещающей переменной для биостатуса; когорта по году рождения — в роли замещающей переменной для времени; вероисповедание — в роли замещающей переменной для этнической принадлежности.

Деселерация, или ретардация — увеличение возраста наступления половой зрелости и ухудшение физических характеристик, свидетельствующие об отставании по физическому статусу от ровесников прошлых десятилетий.

Децильный коэффициент дифференциации — отношение средних доходов 10% наиболее обеспеченного (десятая дециль) и 10% наименее обеспеченного населения (первая дециль); степень имущественного неравенства по данным о доходам в крайних группах.

Доверительный интервал — интервал, в котором находятся характеристики генеральной совокупности, оцененные по выборочным данным.

Догоняющее, или **наверстывающее, развитие** (catch-up — англ.) — способность детского организма, отставшего в физическом развитии, наверстать упущенное, догнать ровесников при появлении благоприятных условий для физического развития и возвратиться к предопределенной наследственностью траектории роста даже в тех случаях, когда она нарушена.

Жеребьевый порядок отбывания воинской повинности — отбывание повинности по жребию при существовании привилегий по семейному положению и образованию.

Индекс массы тела — отношение массы тела, выраженной в килограммах, к квадрату роста, выраженного в метрах. Для лиц в возрасте 18–25 лет при индексе 19,5–22,9 питание считается нормальным, при индексе менее 19,5 — пониженным или недостаточным, при индексе более 22,9 — повышенным или избыточным.

Индекс человеческого развития, или индекс развития человеческого потенциала, ИЧР (human

development index, HDI — англ.**)** — обобщающий показатель экономического, социального и культурного развития; включает три частных индекса: (а) индекс здоровья, или ожидаемой продолжительности жизни при рождении, (б) индекс образования, оцениваемый по проценту грамотности среди лиц старше 15 лет (с весом в $^{2}/_{3}$) и по доле обучающихся в начальной, средней и высшей школе среди детей и молодежи в возрасте от 6 до 24 лет (с весом в $^{1}/_{3}$); (в) индекс дохода — валовой внутренний продукт на душу населения. Каждый частный индекс принимает значение от 0 до 1; индекс человеческого развития равен их среднему арифметическому или среднему геометрическому и тоже находится в интервале от 0 до 1. Индекс со значением от 0,8 и выше считается высоким, от 0,5 до 0,8 — средним и менее 0,5 — низким.

Истинный средний рост, или средний рост мужчин референтной (стандартной) группы — теоретическая оценка роста всех мужчин определенного стандарта, из которых набирались рекруты. В нашем случае референтной группой являются, как правило, крестьяне, старше 23 лет, холостые, проживавшие в деревне, неграмотные, русские, православные. Если речь идет о динамике, то истинный рост показывает, какой бы была динамика среднего роста мужчин, если бы все они имели одинаковый возраст (старше 23 лет), одинаковый социальный статус (крестьяне), одинаковое семейное положение (холостые), одинаковое место проживания (сельская местность), одинаковое образование (неграмотные), одинаковую этническую принадлежность (русские), одинаковое вероисповедание (православные). Динамика истинного среднего роста показывает истинную динамику, т. е. динамику в чистом виде.

Историческая антропометрия — научное направление на границе истории, экономики, биологии человека, медицины, антропологии и демографии, изучающее вековые тенденции, или секулярные тренды, в изменении благосостояния населения и факторы, его обусловившие, на основе антропометрических показателей.

Климакс, или климактерий — переходный период от половой зрелости к пожилому возрасту, продолжающийся в среднем 15–18 месяцев.

Коэффициент вариации — отношение среднеквадратического отклонения к средней арифметической, выраженное в процентах; используется для оценки вариации (колеблемости, изменчивости) признака.

Коэффициент детерминации — квадрат парного коэффициента корреляции; оценивает долю (в процентах) изменений, обусловленных влиянием факторного признака, в общей изменчивости результативного признака.

Коэффициент Джини — индекс концентрации доходов; оценивает степень имущественного неравенства по всем данным о распределении населения по доходам; принимает значения от 0 до 1.

Коэффициент множественной корреляции — мера интенсивности тесноты связи между результирующим признаком и несколькими факторными признаками (переменными); принимает значения от 0 до 1.

Коэффициент парной корреляции — мера интенсивности тесноты связи между двумя признаками (переменными); принимает значения от 0 до 1.

Коэффициент регрессии — величина, на которую в среднем изменяется результативный признак при изменении факторного признака на единицу.

Коэффициент регрессии множественной — величина, на которую в среднем изменяется результативный признак при одновременном изменении нескольких факторных признаков (переменных).

Мальтузианская теория — утверждает, что количество земли ограничено и ее производительность может расти в лучшем случае в арифметической прогрессии, тогда как население увеличивается в геометрической прогрессии, опережая предложение продуктов питания. Вследствие этого большинство людей обречено жить в бедности, с войнами, эпидемиями и голодовками, которые замедляют рост населения.

Мальтузианский, или экзистенциальный, кризис — кризис потребления, вызванный опережающим темпом роста населения сравнительно с ресурсами.

Медиана — значение признака, находящегося в середине вариационного ряда значений.

Менархе — время появления первой менструации; наступает в возрасте от 11 до 16 лет; находится в зависимости от питания, социально-гигиенических и других условий жизни; является показателем благосостояния населения.

Менопауза — возраст прекращения менструаций, деятельности половых желез и функции деторождения; наступает обычно в возрасте 45–54 лет; находится в зависимости от здоровья и условий жизни; является показателем благосостояния населения.

Метод максимального правдоподобия — математический метод восстановления в цензурированной выборке отсеченной части распределения по известной части распределения.

Мода — наиболее часто встречающееся значение признака в вариационном ряду.

Модель войны-легитимности Р. Ханнемана — изменение престижа и легитимности правящего класса пропорционально военному успеху или поражению. Победа сопровождается ростом патриотизма, престижа и легитимности, поражение — их падением.

Округление возраста — указание людьми при опросе вместо действительного возраста числа лет, оканчивающегося на 0 или 5, напр., 25 вместо фактических 24 или 26; приводит к увеличению числа людей в «круглых» возрастах за счет соседних возрастов.

Округление при измерении роста — игнорирование чиновниками при измерении роста новобранцев восьмой или четвертой доли вершка; напр., записывается 4 вершка вместо фактических $4\,{}^{1}\!/_{8}$ и $3\,{}^{7}\!/_{8}$ или 3 вершка вместо фактических $3\,{}^{1}\!/_{4}$ или $2\,{}^{3}\!/_{4}$ вершка. Приводит к увеличению числа людей, имеющих рост, выражающийся целым числом вершков.

Очередной способ отбывания рекрутской повинности — отбывание повинности в порядке живой очереди при существовании некоторых привилегий по семейному положению, числу работников в семье и числу рекрутов, призванных прежде из данной семьи.

Ошибки выборочных данных, или случайные ошибки представительности (репрезентативности) — различия в характеристиках выборочной и генеральной совокупности данных. Определяются по специальным формулам, основываясь на тех выборочных данных, которые имеются в распоряжении исследователя.

Парадигма, или **дисциплинарная матрица** — образец решения исследовательских задач в соответствии с определенными теориями, концепциями, правилами, принятыми в научном сообществе; дает готовый и почти обязательный алгоритм исследования.

Пищевой статус, *см.* биологический статус.

Пубертатный скачок — ускорение физического развития в период полового созревания, у мальчиков в возрасте 12,5–15,5 лет, у девочек — 10,5–13,5 лет.

Референтная, или стандартизированная, группа — однородная по своему составу группа с точки зрения важнейших признаков.

Ретардация, *см.* деселерация.

Ростовая аккумуляция — сосредоточение в ростовых группах, оканчивающихся на целое число вершков, значительно большего количества людей, чем в соседних ростовых группах; возникает вследствие округления роста.

Ростовой ценз — установленный законом минимальный предельный рост для призыва в армию.

Секулярный тренд, или **секулярные изменения** — наблюдаемое в последние 100–150 лет во всех странах ускорение физического развития детей и полового созревания, благодаря чему финальные размеры тела стали больше и достигаются на несколько лет раньше, чем прежде.

Системный кризис социума — несостоятельность и нежизнеспособность общественной системы в целом — в политическом, экономическом и социальном отношениях, ввиду неспособности развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние населения.

Средняя арифметическая — среднее значение признака в вариационном ряду.

Стандартизация, или нормирование, состава выборок по росту — приведение различных выборок в сопоставимый вид с точки зрения важнейших признаков, влияющих на рост. Полученный подобным методом средний рост референтной, или стандартизированной, однородной по своему составу группы, называется истинным ростом.

Стандартное, или среднеквадратическое, отклонение — корень второй степени из среднего квадрата отклонений значений признака от среднего его значения.

Статус питания, *см.* биологический статус.

Структурно-демографическая теория — современный вариант мальтузианской теории, утверждающей, что прирост населения вызывает

социальный кризис косвенно, воздействуя на социальные учреждения, которые в свою очередь влияют на социальную стабильность. Теория называется демографической, потому что движущая сила, лежащая в основе социального развития, — рост населения, структурной — потому что увеличение населения вызывает социальный кризис через воздействие на экономические, политические и социальные структуры.

Точка усечения — точка на гистограмме или кривой распределения, соответствующая ростовому цензу.

Финальный, или конечный, рост — длина тела, достигаемая к моменту наступления полной физической зрелости; в последующем уже практически не увеличивается.

Цензурированная, или усеченная, выборка — выборка, в которую попадают данные, отвечающие определенному критерию, в результате чего правый или левый край вариационного ряда (распределения) отсутствует. Например, в армию принимались мужчины, отвечавшие минимальному ростовому цензу, вследствие чего получалась выборка, цензурированная по росту, усеченная с нижнего края, так как все мужчины, имевшие рост менее установленного стандарта, в армию не призывались.

Энергетический статус, *см.* биологический статус.

Указатель имен

А. Г. 509
Абаза Н. С. 550
Абдурахманова И. В. 721
Аврамов П. Г. 133, 721
Аврех А. Я. 721
Адибек-Меликян Э. А. 721
Акаси 559
Акимов Ф. И. 721
Аксаков А. Н. 460
Аксаков С. Т. 375, 403, 721
Аксянова Г. А. 141, 731, 750
Алекперов В. 672
Александр I Павлович 199, 288, 295, 447, 281, 517, 527
Александр II Николаевич 295, 301, 435, 447, 448, 501, 673, 761, 763, 766, 791
Александр III Александрович 501, 504
Александр Михайлович, вел. князь 45, 63, 504, 514, 519, 545, 557, 561, 608, 672, 758
Александров В. А. 59, 721, 341, 398, 399
Алексеева Т. И. 133, 142, 341, 721
Алексей Михайлович, царь 504
Аллен Дж. 83
Алмазова Н. Я. 111, 130, 142, 296, 736
Алфеев И. Я. 137, 721
Альтман В. В. 61, 737
Алябьева И. А. 666, 723
Аманжолова Д. А. 673, 721
Ананьич Б. В. 142, 560, 663, 678, 686, 687, 730, 764, 768
Андреев А. М. 684, 721
Андреев А. Р. 398, 740, 750
Андреев Д. Т. 137, 721
Андреев И. Л. 61, 753
Андросов В. П. 220, 296, 721
Анимелле Н. 399, 400, 401, 403, 721
Анин Д. С. 752
Анна Иоанновна 187, 199, 523, 517, 524
Анненков П. В. 44
Антоненко 379
Анучин Д. Н. 70, 108, 121, 122, 125, 138, 722
Анфимов А. М. 35, 59, 60, 209, 270, 299, 302, 303, 509, 620, 664, 675, 717, 722, 743, 770
Аншелиевич Р. А. 138, 722
Араловец Н. А. 405, 722
Арзуманян А. А. 61, 722
Армеев В. 404
Арон Д. И. 140, 747
Арон Р. 47
Арсентьев Н. М. 435, 722, 728
Арсеньев К. И. 278, 405, 722, 738
Артынов А. Я. 443, 445, 446, 506, 722
Архангельский А. 399, 400, 722
Архангельский С. В. 124, 139, 722
Архипов И. Л. 650, 674, 685, 722
Асташев А. Б. 668, 722
Астров Н. И. 32, 59
Аткинсон Д. 46
Ауст М. 777
Афанасьев Д. Ф. 400, 723
Афанасьев И. Л. 746, 758
Афанасьев Ю. Н. 760
А'Херн Б. 17, 111
Ахиезер А. С. 564, 662, 723, 737

Бабанасянц З. И. 135, 723
Бабарыкин В. 399, 400, 401, 723
Бабкин М. А. 500, 513, 658, 688, 723, 758
Бадак А. Н. 723
Баев А. 138, 723
Базелер У. 723
Байрау Д. 50
Байтон Й. 17
Бакулев Г. Д. 61
Балк А. П. 576, 652, 665, 666, 685, 686, 731
Баллод К. 389, 509, 724
Баранов В. Л. 310
Баранов Д. А. 719
Баранович А. И. 59, 753
Баранович М. С. 400, 401, 723
Баранский Н. Н. 667, 723
Барашников В. М. 724
Баринова Е. П. 681, 723
Бауер А. К. 134, 723
Баулин В. 137, 723
Бахтурина А. Ю. 680, 723
Башкиров П. Н. 133–135, 137, 138, 723
Башуцкий А. П. 433, 723
Бедин В. В. 297, 734
Безденежных И. С. 306, 509, 723
Безобразов М. А. 723
Беккер С. 644, 669, 723
Белихин В. Г. 723
Белицер В. Н. 398
Белова И. Б. 665, 684, 723
Белова Т. В. 665, 723
Белоглазов А. В. 723
Белоглазов М. М. 137, 406, 724
Белогурова Т. А. 724
Белоусов А. Ф. 737, 771
Белый Б. И. 703, 724
Беляев А. В. 133, 724
Беляева Л. Н. 674, 724
Бенеке Б. 65, 767

Бенкендорф А. Х. 31, 58, 709
Бергер П. 703
Бергман К. 82
Бердяев Н. А. 45, 63, 681, 724
Березовский Б. 672
Берлинерблау М. И. 133, 724
Бернейз Э. 611, 724
Бернштам Т. А. 402, 730
Бескровный Л. Г. 201, 231, 235, 238, 246, 298, 557, 724
Бессер А. 389, 509, 724
Бехтерев В. М. 561, 724
Бечаснов П. 509, 716
Бибиков М. В. 725
Бибин М. А. 681, 724
Биншток В. И. 402, 573, 664, 724
Бирон Э. И. 199
Бирюкович В. В. 510, 718
Бишофф Г. 100, 724, 769
Благовидов И. 136, 724
Блиох И. С. 724
Блуменау С. Ф. 724
Блэк С. Е. 46
Блэкуелл У. Л. 46
Блюм Дж. 46, 351, 541
Бляхер Л. Е. 742
Бобков Ф. Д. 197, 209, 215, 296, 443, 446, 449, 505, 506, 724
Бобринский А. А. 299
Бобровский П. О. 136, 370, 400, 401, 403, 724
Бовыкин В. И. 512, 663, 681, 724, 725
Боголюбов В. А. 57, 725
Боголюбов Н. Ф. 137, 725
Богословский С. М. 124, 139, 140, 725
Богоявленский Д. Д. 549, 725
Бокарев Ю. П. 17, 666, 725, 729
Бокова В. М. 133, 729, 737, 771
Большакова О. В. 65, 67, 302, 562, 680, 682, 725
Бондырев А. П. 116, 133, 135, 725
Борис Годунов, царь 143, 501–503
Борисенков Е. П. 209, 725
Борисов В. И. 664, 725
Борисов Е. И. 665, 764
Борман А. А. 679, 725
Боровка В. А. 134, 725
Боровой С. Я. 61
Бородкин Л. И. 17, 62, 436, 627, 662, 677, 681, 724–726, 728
Бортневский В. Г. 666, 731
Борщукова Е. Д. 684, 726
Боханов А. Н. 564, 726
Бочкарев В. Н. 57, 726
Браве Я. Ф., *см.* Варб Е.
Брандт Б. Ф. 477, 718, 766
Брачев В. С. 686, 687, 726, 770
Бржеский Н. 210
Бриан Э. 681, 767
Брока П. 70
Брокгауз Ф. А. 28, 57, 298, 300, 302, 305, 341, 557, 560, 722, 749, 771
Брук С. И. 276, 341, 596, 669, 726
Брут А. 668, 720
Бруцкус Б. Д. 42
Бубликов А. А. 655, 657
Буден М. 70
Будницкий О. В. 679, 726
Бузин В. С. 398, 726
Букалова С. В. 665, 726
Булатова Л. В. 664, 726
Булгаков С. Н. 726
Булгакова Л. А. 17, 726
Булдаков В. П. 62, 564, 662, 675, 680, 682, 684, 726, 730
Булыгин И. А. 34, 37, 60, 61, 557, 726
Бунак В. В. 110, 125–128, 138–140, 341, 726, 727, 728, 734, 748, 756, 762,
Бунаков И. (Фондаминский И. И.) 32, 58, 727
Буняковский В. Я. 300, 727
Бурджалов Э. Н. 653, 654, 663, 686, 727
Бурдина О. Н. 302
Бухараев В. М. 684, 727
Буховец О. Г. 727
Бушен А. 158, 298, 405, 719, 727
Бычкова С. Г. 22, 434, 670, 672, 735
Бьеркегрен Х. 686, 727
Бэдкок С. 672, 679, 727

Важнов В. К. 134, 727
Вайнштейн А. Л. 210, 239, 270, 272, 289, 298, 299, 303, 602, 671, 727
Вайсенберг С. А. 138, 405, 557, 727
Валентей Д. И. 184, 669, 733, 756, 762
Валицкая М. К. 118, 135, 728
Валк С. Н. 59, 716, 743, 752
Валуев П. А. 449, 709, 716
Ван Меенен М. А. 65, 728
Варб Е. 436, 728
Варга Е. С. 60, 61, 728
Варзар В. Е. 511, 626, 630, 677, 681, 728
Варфоломеев Ю. В. 683, 728
Васильев В. И. 134, 728, 730
Васильев И. В. 223, 296, 443, 446, 447, 506, 728
Васильев К. Г. 728
Васильев С. А. 17
Васильев С. В. 728
Васильевский Н. П. 134, 728
Василькова В. В. 728
Васильчиков А. И. 464, 469, 470, 728
Вельдер Р. 728
Вернадский Ф. И. 553
Верхопятницкий Д. 728
Веселовский Б. Б. 278, 728

Виллерме Л. Р. 69
Виллямовский Н. Н. 115, 133
Вильд Г. 190, 716
Вильпиус Р. 777
Вильсон И. И. 58, 220, 221–223, 235, 238, 296–299, 321, 341, 728, 791
Вильсон П. 665, 740
Виноградов В. А. 666, 725, 728
Виноградова Н. М. 225, 226, 297, 728
Виноградова-Лукирская М. И. 133, 728
Вирст Ф. Г. 433, 729
Витте С. Ю. 62, 142, 197, 306, 449, 475, 490, 491, 493, 494, 497, 504, 509, 511, 512, 514, 538, 540, 559, 657, 658, 729, 734, 752
Вишневски Э. 513, 560, 729
Вишневский А. Г. 4, 306, 341, 405, 536, 726, 729, 730, 733, 766
Вишневский Б. Н. 137, 138, 729
Владимиров В. Н. 405, 729
Владимирова Л. И. 141, 745
Власова И. В. 341, 399, 745, 758, 765
Властовский В. Г. 108, 110, 111, 127, 128, 131, 140–142, 729
Водарский Я. Е. 209, 278, 729, 752
Водовозова Е. Н. 404, 729
Воейков М. И. 729
Волин Л. 46
Волин М. С. 561, 757
Волков А. Г. 341, 405, 536, 730
Волков В. В. 306, 729
Волков Е. З. 621, 729
Волков С. М. 665, 666, 729
Волков Ю. Г. 688
Волконские 444
Волобуев П. В. 62, 560, 663, 666, 675, 725, 729, 730, 736, 737, 741, 746, 752, 757, 758, 767
Володин А. Ю. 676, 730
Вольтер Ф.-М. А. 276, 505
Воробец К. 444, 506
Воробьев В. В. 134, 136, 730
Воронин Г. Л. 561, 730
Воронина Т. А. 402, 730, 764
Воронцов В. П. 43, 508, 727
Воронцов И. М. 342, 762
Воронцовы 434, 505
Вронский О. Г. 730
Вульф Л. 16, 18, 730
Выборнова М. А. 405, 730
Выскочов Л. В. 62
Вышнеградский И. А. 35, 584, 667, 763
Вяземский Н. В. 133, 730
Вяткин М. П. 435, 753
Вяхирев Р. 672

Габинский А. М. 138, 730
Гаврилов Н. А. 575, 730
Гагаева М. 138, 729
Гайда Ф. А. 649, 670, 683, 730
Гайер Д. 663, 673, 741, 744, 757, 766
Гакаев Ж. Ж. 682, 730
Гакстгаузен А. 272, 301, 303, 351, 399, 407, 435, 445, 506, 560, 643, 680, 730
Гальперина Б. Д. 559, 752
Гамбург Г. М. 303
Гамбурцев В. А. 139, 730
Ганелин Р. Ш. 562, 661, 674, 730
Гапон Г. А. 537, 559, 730
Гатагова Л. С. 673, 730
Гвоздев С. (Клепиков А. К.) 681
Гейтрелл П. 46
Геннинг К. А. 184, 731
Георги И. Г. 433, 559, 731
Георгиевский П. И. 771
Герасюнина, Ю. Н. 680, 731
Герман И. Ф. 423, 731
Герман К. Ф. 731
Герцен А. И. 24, 63, 768
Герценштейн Г. М. 137, 731
Герценштейн М. Я. 62
Гершенкрон А. 46
Герштейн Ф. Е. 138, 731
Гессен В. М. 511, 566, 662, 731
Гетрелл П. 561, 682, 731, 770
Гилинский Я. И. 553, 562, 731
Гильберт М. И. 61
Гинзбург Л. Я. 45, 63, 731
Глаголева А. П. 402, 731
Гладков И. А. 664, 738
Глинский Б. Б. 667
Глобачев К. И. 576, 665, 771
Глотов С. В. 139, 731
Гоголевский А. В.731, 758
Гоголь Н. В. 374
Година Е. З. 4, 17, 108, 109, 129, 130, 133, 141, 731
Годыцкий-Цвирко Е. О. 399, 731
Голенкова З. Т. 732
Головин Н. Н. 183, 386, 405, 664, 684, 731
Голуб П. А. 731
Голубева С. Д. 724
Голубин Р. В. 678, 731
Голубинов А. Я. 665, 732
Гольфельд А. Я. 140, 747
Гончаров В. 559, 732
Гордин Я. А. 58
Гордон Г. И. 561, 732
Городецкий Е. Н.663, 732
Горская Н. А. 60, 681, 732, 738
Горская Н. И. 681, 732
Горский А. А. 559, 725, 744, 748
Горский П. А. 137, 732
Горяинов С. 184, 679

Готье Ю. В. 24, 56, 732
Гоффман В. 100, 724, 769
Градосельская Г. В. 732
Гранова Л. С. 140, 748
Грасс Л. И. 297, 732
Грацианов Н. А. 134, 732
Грегори П. 17, 49, 50, 66, 271, 272, 297, 303, 530, 536, 557, 559, 560, 602–605, 667, 668, 671, 688, 703, 732
Грибова Е. И. 674, 719, 759
Гридчин Ю. В. 732
Грим Г. 110, 111, 299, 732
Гримм О. А. 732
Гринин Л. Е. 668, 669, 725, 752
Громан В. Г. 297, 509, 729, 735, 752
Громов В. Г. 401, 404
Гросул В. Я. 560, 732
Грудзинский Дм. 136, 732
Груздев М. В. 133, 732
Грузенберг О. О. 700, 703, 732
Грусман В. М. 719
Грязнов П. И. 118, 135, 402, 732
Гумилев 136, 732
Гумилев Л. Н. 14
Гундобин Н. П. 135, 732
Гурьев А. Н. 582, 667, 732
Гучков А. И. 619, 652–657, 686, 687, 721, 732

д'Орбиньи 70
Давидович М. 412, 434, 732
Давыдов М. А. 38, 39, 57, 62, 68, 228, 296, 303, 532, 557, 558, 582, 667, 695, 703, 732
Далматов В. Л. 411, 412, 434
Даль В. И. 400, 508, 680, 733
Данилов В. П. 404, 531, 558, 680, 733, 768
Дворниченко А. Ю. 675, 733, 743
Дедюлин С. А. 137, 406, 733
Дементьев Е. М. 118, 134, 135, 399, 406, 733
Ден В. Э. 44
Деникер И. Е. 122, 126, 138, 733
Деннингхаус В. 673, 733
Дерябин В. Е. 109, 142, 341, 733, 756
Дживилегов А. К. 725, 726, 728, 748, 754, 756
Джонсон Л. 396
Дидерот (Дидро Д.) 505
Дик А. 133, 733
Диунов М. Ю. 684, 733
Дмитриев В. К. 401, 733
Дмитриев П. И. 719
Дмитриева З. В. 441
Доброзраков М. 399, 400, 733
Домонтович М. 136, 400, 401, 403, 733
Дорожкин А. Г. 64, 67, 733
Достоевский Ф. М. 28
Дроздов И. Г. 426, 733
Дроздов М. С. 757
Дружинин Н. М. 33, 59, 247, 300, 302, 303, 35, 306, 506, 510, 733, 738
Друзин М. В. 58, 662, 760, 769
Дубровский С. М. 60, 675, 734
Думный В. В. 703, 734
Думова Н. Г. 674, 679, 734, 738
Дунаевская Т. Н. 111, 734
Дьюкс П. 565, 662, 734
Дэниэлс Р. 47
Дюркгейм Э. 554, 562, 734
Дякин В. С. 58, 62, 64, 67, 434, 511–514, 559, 602, 667, 671, 672, 685, 687, 702, 731, 734, 738, 743, 746, 752, 769, 771
Дятлова Н. П. 297, 734

Евгений, архиепископ Ярославский 447
Евгеньева А. П. 675, 683, 761
Егиазарова Н. А. 33, 192, 667, 734
Екатерина I 199, 434, 740
Екатерина II 56, 65, 187, 199, 202, 206, 208–210, 258, 276, 300, 303, 435, 501, 503–505, 513, 524, 557, 560, 673, 746, 760, 768
Елизавета Петровна 187, 199, 208, 517, 523, 524
Елисеева И. И. 4, 719, 759
Елшольц И. С. 69
Ельмеев В. Я. 734
Ельцин Б.Н. 503
Емелях Л. И. 684, 734
Ермолов А. С. 466, 508, 569, 663, 667, 679, 696, 698, 703, 734, 745
Ерофеев Н. Д. 674, 734, 738, 755
Ерошенко М. Е. 17
Ершов Г. Ф. 139, 716, 735
Есин Б. И. 674, 735
Ефимов А. И. 136, 735
Ефимова И. В. 735
Ефимова М. П. 670, 672
Ефимова М. Р. 22, 434, 735
Ефрон И. А. 28, 57, 298, 300, 302, 305, 341, 557, 560, 722, 749, 771

Жбанков Д. Н. 118, 119, 134, 135, 137, 396, 399, 402, 406, 548, 561, 716, 735
Железкин В. Г. 680, 735
Желтова В. П. 618, 735
Желтова М. 666, 763
Жилин А. П. 684, 735
Жилина И. Ю. 297, 764
Жиромская В. Б. 587, 716
Жолус Б. И. 68, 109, 752
Жомова В. К. 110, 735
Жук Н. 138, 723
Жуков Б. С. 139, 735
Жуков Е. М. 761
Жукова Л. А. 735
Жуковский А. М. 735

Журавлев В. В. 729
Журавлева В. И. 18, 736

Заблоцкий-Десятовский А. П. 433, 716
Заболотный Е. Б. 662, 735
Заборский Н. И. 364, 401, 402, 506
Задорожная Л. В. 141, 756
Задорожнюк И. Е. 755
Зайончковский П. А. 33, 59, 60, 305, 669, 673, 717, 735, 743, 752, 765
Зайцев В. А. 25, 638
Зайцев Вл. 735
Зак Н. В. 116, 134, 518, 557, 735
Залезский К. В. 735
Заманский В. А. 124, 139, 735
Заозерская Е. И. 402, 735
Заостровцев А. П. 4
Заславский Д. О. 674, 736
Захаров В. Н. 302, 736
Захарова Л. Г. 673, 766
Захарова О. Ю. 673, 736
Защук А. И. 736
Защук И. И. 671, 736
Зварич В. В. 434, 736
Звегинцев И. А. 494, 435
Зверев В. А. 18, 768
Зверева Г. И. 736
Зевелев А. И. 674
Зейлигер М. Л. 134, 736
Земан З. А. 679, 686, 736
Земцов Б. Н. 661–663, 736
Зенкевич П. И. 111, 130, 142, 296, 736
Зиновьева М. К. 674, 724
Зинькина Ю. 669, 742
Знаменский О. Н. 683, 686, 736
Зограф Н. Ю. 138, 736, 737
Золотарев А. М. 298, 736
Золотарев В. А. 749
Золотухин А. С. 139, 736
Зориков А. Н.560, 736
Зорин А. Н. 36, 61, 397, 736
Зубарева В. В. 130, 141, 737
Зубков И. В. 668, 737
Зубов А. Б. 665, 738
Зырянов П. Н. 737
Зябловский Е. Ф. 220, 296, 737

Иван Васильевич Грозный 502
Иванов А. Е. 669, 737
Иванов Е. П. 306, 737
Иванов Л. М. 60, 680, 717, 737, 743, 757, 760
Иванова М. В. 737
Иванова Н. А.561, 726, 757
Ивановский А. А. 119, 122, 123, 133, 136, 138, 405, 557, 737
Иванцов Д. Н. 225, 227, 297, 737
Иваньков П. А. 729
Ивапица А. 399, 737
Игнатович И. И. 24, 28, 57, 59, 304, 305, 505, 737
Илинский П. А.101, 112, 737
Ильенко А. К. 183, 210
Ильин В. В. 564, 662, 737
Ильюхов А. А. 666, 684, 737
Индова Е. И. 188–190, 209, 737
Иннокентий, епископ Псковский и Рижский 447
Иншаков С. М. 553, 562, 738
Иов, патриарх 503
Ионичев Н. П. 738
Иоффе Г. З. 663, 738, 764
Исаев П. О. 134, 137, 140, 738
Искендеров А. А. 738

Кабанес П. 739
Кабанов В. В. 557, 679, 739
Кабанов П. И. 61, 739
Кабештов И. М. 296, 303, 403, 444, 445, 505, 506, 739
Каблуков Н. А. 43, 728, 739, 745, 768
Кабо Е. О. 739
Кабо Р. М. 231, 346, 352, 398, 739
Кабузан В. М. 56, 188, 201, 209, 210, 235, 243, 246, 276, 278, 298, 300–302, 341, 389, 390, 405, 557, 726, 739
Кабытов П. С. 679, 739
Кавторин В. В. 739
Каган А. 46, 54
Казанцев Б. Н. 436, 739
Калантар А. А. 299, 739
Калякин Ю. 17
Камерон Р. 558, 739
Каминский Л. С. 402, 573, 664, 724
Каниевский А. И. 399, 739
Канищев В. В. 664, 675, 739, 760, 767
Канкрин Е. Ф. 197
Кантор В. К. 14, 18, 564, 662, 669, 739
Канторович В. А. 674, 736
Капшуков С. Г. 685, 739
Карелина И. А. 17
Карпович М. М. 45, 648
Карсаевская Т. В. 141, 739
Касвинов М. К. 42
Катков Г. М. 665, 666, 686, 739
Катков М. Н. 501
Кауфман А. А. 28, 44, 57, 63, 234, 261, 301, 739
Кауфман И. И. 534, 716, 762
Кафенгауз Б. Б. 59, 209, 433, 739, 753
Кащенко С. Г. 4, 17, 61, 301, 302, 740
Кевеш П. 434, 740
Кедров Н. И. 510
Кенигсберг М. М. 406, 740
Кеннан Дж. 47
Кеппен П. И. 220, 296, 740
Керанс Д. 50

Кербер Б. 136
Керблэй Б. 46
Керенский А. Ф. 651, 652, 679, 685, 687, 740
Керов В. В. 17
Кетле А. 70
Кильмяшкин А. Е. 740
Кинг Г. 665, 740
Киркор А. К. 136, 740
Кирсанов А. В. 61, 756
Кирьянов Ю. И. 36, 60, 61, 425, 432, 435, 436, 561, 664, 666, 668, 670, 675, 677, 681, 724, 726, 740, 755, 757
Киселев А. Ф. 729
Киселев И. Н. 664, 740
Киселев П. Д. 33, 57, 59, 284, 300, 733, 740
Киселева И. Г. 406
Кистяковский В. В. 299, 304, 740
Китанина Т. М. 60, 306, 434, 665, 666, 740
Клепиков С. А. 231, 299, 370, 371, 398, 403, 681, 730, 740
Клочков М. В. 188, 740
Ключевский В. О. 15, 18, 24, 56, 503, 514, 740
Книпович Б. Н. 672, 740
Князьков С. А. 57, 398, 740
Кобрин В. Б. 61, 753
Кобылин В. С. 686, 740, 741
Ковалев-Рунский Н. П. 136, 184, 741
Ковалевский В. И. 299, 398, 667, 732, 739, 741, 756, 758
Ковалевский М. 738
Ковалевский Н. Н. 488, 491, 511
Коваленко Н. А. 741
Ковальченко И. Д. 42, 59, 60–62, 66, 184, 220, 221, 247, 248, 250, 254, 255, 296, 300, 301, 304, 306, 663, 664, 669, 681, 733, 738, 741, 744, 747, 753, 759, 765, 766, 767
Кованько П. Л. 303, 741
Коенкер Д. П. 664, 741
Кожурин Ю. Ф. 18, 741
Козлов А. И. 110
Козлов В. П. 775
Козлов С. А. 304, 305, 741
Козлов Х. 741
Козловский, князь 445
Козловский В. В. 17
Коковцов В. Н. 498, 512
Колесников В. В. 139, 741
Колоницкий Б. И. 560, 662, 674, 683, 741, 683
Колчин П. 47
Кольб Г. Ф. 441, 505, 742
Кольцов А. В. 465
Комлос Дж. 17, 80, 98, 109, 113, 742
Кондратьев Н. Д. 231, 238, 632, 664, 666, 677, 719, 719, 737, 742, 755
Коновалов А. В. 719
Коновалов А. И. 654, 656, 657, 687
Коновалов В. С. 301, 682, 742
Конфино М. 52
Копанев А. И. 61, 399, 433, 738, 742
Корелин А. П. 17, 557, 664, 669–671, 678, 679, 719, 726, 739, 740, 742, 748, 750, 754, 759
Корзинин А. Л. 703, 742
Кормина Ж. В. 505, 742
Корнаков П. К. 673, 742
Коробков Ю. Д. 742
Королев С. А. 742
Королева Н. Г. 306, 509, 736
Короленко В. Г. 509, 742
Коротаев А. В. 662, 668, 669, 725, 742, 752
Коротаев В. И. 560, 742
Корсаевская Т. В. 404
Корсак А. 209, 401, 457, 742
Корсунская М. И. 140, 742
Костомаров Н. И. 362, 401, 742
Коупленд У. Р. 559
Кох В. 723
Коцонис Я. 51, 63, 67, 303, 667, 669, 670, 743
Кочубей П. А. 450
Кошелев В. А. 57, 209, 397, 505, 507, 682, 724, 728, 739, 743, 751, 756, 764, 766, 767, 770
Краваль И. А. 139, 716, 769
Кравченко А. И. 681, 726, 764, 768
Краснов Н. 743
Краснов-Левитин А. Э. 743
Красноперов И. М. 137, 743
Крестовников А. Н. 402, 743
Крживоблоцкий Я. С. 435, 743
Кривенко В. С. 375, 376, 378, 379, 403, 404, 743
Кривоногов В. Я. 423, 743
Крисп О. 46, 64, 65
Кругов М. Б. 743
Крузе Э. Э. 60, 670, 743
Крупянская В. Ю. 61, 743
Крыжановский С. Е. 556, 562, 743
Кузнецов В. К. 402, 743
Кузнецов О. Л. 139, 730
Кузнецов Н. 739
Куликов С. В. 17, 58, 403, 610, 654, 656, 657, 665, 672, 673, 686, 687, 743, 744
Кульпин Э. С. 770
Кун Т. 58, 67, 744
Куприянов А. И. 744
Куприянов И. Д. 137, 744
Курдин К. 672, 744
Курилла И. И. 18, 736
Куркин П. И. 134–136, 140, 296, 405, 744, 771
Куропаткин А. Н. 657
Курцев А. Н. 682, 744
Куршакова Ю. С. 111, 142, 296, 340, 734, 736, 744, 756
Кучинский Ю. 629, 744
Кучкин А. П. 744

Кушнер П. И. 399, 747, 754
Кушников С. С. 183, 710

Лабрюйер Ж. де (Лабриер) 505
Лаверычев В. Я. 513, 561, 663, 666, 675, 744, 757
Ламздорф В. Н. 744
Лаптев М. 400, 744
Ласпейрес Э. 412
Лауэ Т., фон 46
Лашков В. К. 135, 755
Ле Плей П. Дж. Ф. (Ле-Плэ Ф.) 541
Ле Руа Ладюри Э. 71
Лебедев А. 513
Лебедев В. П. 137, 744
Лебедев К. Н. 4
Лебедев Н. 399, 400, 744
Лебедев С. К. 17
Лебон Г. 501, 502, 513, 675, 744
Лёве Г.-Д. 50
Левин В. М. 111, 744
Левитский И. О. 299, 398, 741
Левицкий В. А. 109, 118, 121, 136, 138, 744
Лейберов И. П. 653, 664, 665, 675, 677, 683, 686, 744
Лекомцев М. Г. 664, 744
Ленин В. И. 28, 57, 62, 430, 499, 500, 513, 545, 561, 563, 566, 578, 615, 616, 647, 666, 673–675, 724, 744
Леонов С. В. 559, 744
Леонтович В. В. 511–513, 744
Леонтьев В. В. 677, 745
Лесгафт П. Ф. 116, 134, 745
Лесков Н. С. 45
Ли Д. А. 676, 745
Ливрон В. Ф. 299, 300, 745
Лимонов Ю. А. 304, 758
Линдерт П. 17, 435, 671
Липинская В. А. 398, 399, 745
Липинский 136, 435, 745
Лисенкова Л. Н. 745
Лисицын Ю. П. 141, 745
Литвак Б. Г. 34, 35, 60, 223, 269, 296, 301, 303, 304, 316, 341, 557, 675, 745
Лихачев А. В. 561
Лихоманов А. В. 514, 745
Лобачева Г. В. 683, 745
Логунов А. П. 668, 723
Ломовицкий П. А. 745
Лопатин С. Ю. 509, 718
Лопухин 559, 733
Лосицкий А. Е. 24, 56, 229–231, 262, 263, 297, 302, 745, 766
Лубков А. В. 678, 745
Лубны-Герцык Л. И. 292, 745, 747
Лукман Т. 703
Лукоянов И. В. 765
Луппов С. П. 433, 745
Лушин А. И. 682, 746
Львов Н. Н. 509
Львов Г. Е. 653
Людовик XV 439
Люкшин Д. И. 684, 727, 746
Лютович Л. А. 139, 748
Ляндрес С. 679, 746
Лярский А. В. 746
Лященко И. И. 124, 139, 746
Лященко П. И. 28, 57, 59, 210, 296, 302, 746

Мавор Дж. 45
Магазаник М. Л. 139, 746
Мадариага И. 46, 65, 746
Мазовецкая Э. 404
Мазурин А. В. 342, 762
Макаров Н. П. 42–44, 62, 63, 696, 703, 746
Маккарти Дж. 47
Маклаков В. А. 32, 45, 58, 63, 638, 652, 678, 679, 685, 746, 755
Максимов С. В. 362, 401, 746
Малиев Н. М. 119, 136, 746
Малков С. Ю. 668, 725, 752
Малыхин П. 399–401, 452, 507, 746
Малышева С. Ю. 746
Мальков В. Л. 682, 684, 726, 735, 740, 754, 769
Мальтус Т. Р. 66, 68, 303, 405, 746, 767
Мануилов А. А. 57, 758
Маньков С. А. 757
Марголис А. Д. 58
Маресс Л. Н. 397, 402, 746
Маркевич А. М. 42, 62, 436, 668, 746
Маркс К. 62, 602, 634, 661, 671, 688
Маркузон Ф. Д. 746
Марушкин Б. И. 663, 764
Марченя П. П. 663, 747, 750
Масионис Дж. 747
Масленников И. И. 747
Маслов П. П. 306, 511, 558, 747
Маслова Г. С. 399, 747
Матвеева 133, 747
Матусевич Я. З. 139, 747
Мау В. А. 631, 632, 634, 672, 677, 762
Мацокин Г. П. 136, 747
Машкова Н. Н. 665, 747
Медведев А. В. 673, 682, 747
Медведев И. И. 134, 747
Медведев П. А. 25
Медушевский А. Н. 748
Мейерберг А. 439
Мельгунов С. П. 650, 652, 673, 679, 684–687, 725, 726, 728, 740, 748, 754, 756
Мельничук А. П. 682, 748
Мельянцев В. А. 559, 748
Менгден М. А., фон 446

Менделеев Д. И. 450, 469, 512, 748
Мендельсон Л. А. 306, 748
Менихес М. А. 748
Меньшиков В. Н. 665, 748
Меньшиков М. О. 29, 30, 45, 58
Мерков А. М. 138, 140, 748, 753
Мерль Ст. 50, 67, 433, 748
Мещерский В. П. 29, 489, 498
Микеладзе П. В. 271, 272, 748
Миклашевская Н. Н. 130, 141, 731
Миллер А. И. 777
Миллс Ф. 434, 748
Милов Л. В. 34, 59–61, 68, 192, 247, 248, 250, 300, 301, 664, 725, 726, 738, 740, 741, 748, 759 766, 767
Милотворский И. 118, 136, 748
Милушкина О. Ю. 130, 141, 748
Милюков П. Н. 32, 45, 59, 192, 305, 511, 557, 559, 614, 637–639, 647–649, 652, 656, 682, 684, 686, 687, 694, 746, 749, 770
Милютин 321
Милютины 257, 274, 300, 301, 341, 709, 791
Минаев Д. Л. 25
Минх А. Н. 402, 749
Минц И. И. 67, 618, 620, 663, 664, 666, 674, 675, 677, 683, 687, 736–738, 749
Минц Л. Е. 428, 436, 680, 749
Мирабо О. Г. 490, 498
Миронов Б. Н. 4, 61, 62, 65, 68, 85, 109–112, 133, 142, 156, 158, 183, 184, 192, 209, 210, 251, 296–210, 251, 296–298, 301, 302, 304–306, 340, 341, 389, 397–399, 401, 403–405, 418, 423, 434–436, 457, 506, 510, 514, 521, 536, 550, 553, 557, 558, 560–562, 587, 588, 663, 667, 669–671, 674, 676–681, 703, 743, 749
Миронович І. 510
Мирский М. Б. 305, 306, 749
Михайлов А. С. 319
Михайлов Н. Ф. 133, 749
Михайлов С. М. 136, 744
Михайловский В. Г. 232, 235, 298, 299, 473, 749
Михайловский Н. К. 768
Михельс Р. 698, 703, 750
Мишельсон А. 47
Могильнер М. Б. 119, 137, 513, 561, 678, 750
Мозель Х. И. 400, 750
Молодцов Н. А. 750
Морачевич І. 399, 400, 750
Морачевский Н. Я. 678, 724
Моргенштерн О. 229, 297, 750
Моркотун К. С. 118, 135, 750
Морозов С. Т. 750
Морозова Т. Г. 378, 404
Морозова Т. П. 750
Морозовы 62, 436, 755
Московичи С. 750
Мосолов А. А. 637, 678, 750
Муравьев А. В. 733
Муравьев В. А. 750
Муравьево-Мещерский 750
Муратов И. М. 118, 750
Мэйнард Дж. 45, 46

Нагорский В. Ф. 133, 750
Нанасян С. П. 138, 750
Наполеон Бонапарт 199, 447, 613
Нарочницкий А. Л. 60, 722, 737
Нарский И. В. 661, 750, 761
Насс Л. 739
Наумов В. П. 560, 662, 663, 761
Невский В. И. 559, 750
Негашева М. А. 141, 756
Недригайлова О. В. 138, 750
Некрасов Н. А. 24, 51
Некрасов Н. В. 653–655, 657, 687
Несмелов Ф. Я. 477, 718, 742
Нестурх М. Ф. 140, 762
Неупокоев В. И. 35, 60, 300, 751
Нефедов С. А. 297, 666, 667, 751
Нечкина М. В. 59, 60, 753, 757, 758
Нижник Н. С. 743
Никидюров М. М. 674
Никитин 719
Никитин А. Ф. 118, 135, 751
Никитин Б. В. 563, 661, 679, 751
Никитюк Б. А. 110, 129, 131, 141, 142, 751
Николаев А. Б. 654, 657, 661, 684, 686, 687, 732, 751, 759
Николаев Л. П. 138, 751
Николаев М. Е. 443, 505, 751
Николай I 199
Николай II 42, 493, 519, 538, 559, 562, 608, 613, 673, 683, 686, 726, 741, 766
Николай Николаевич, вел. князь 519
Никольский Д. П. 136, 751
Нифонтов А. С. 38, 62, 220–223, 231, 235, 238, 296, 298, 299, 345, 717, 743, 751
Новик 136, 751
Новиков А. В. 751
Новикова Л. И. 763
Новосельский А. А. 59, 741, 753
Новосельский С. А. 306, 341, 342, 389, 405, 473, 546, 751
Норт Д. 631, 677, 751

Обручев Н. Н. 158, 209, 298, 404, 668, 729
Обухов В. М. 137, 406, 509, 752
Овсянников В. С. 414, 752
Овчаров В. К. 140, 748
Овчинцева Л. А. 508, 752
Огановский Н. П. 24, 57, 231, 238, 719, 752
Огарев Н. П. 24

Огронович В. Н. 561, 752
Ожегов С. И. 39, 62, 675, 752
Окладников А. П. 59, 743
Окунь С. Б. 59, 717, 743
Олмстед А. 17
Ольденбург С. С. 30, 58, 511, 512, 562, 752
Оницканский М. С. 509
Орановский А. К. 400, 752
Оранский Н. И. 120, 138, 752
Орловский Д. 752
Ортега-и-Гассет Х. 515, 688, 752
Осипов В. А. 752
Осипов Н. О. 401, 457, 739
Осипова Е. В. 672, 752
Осипова Т. В. 684, 722, 752
Островский А. В. 559, 752
Островский И. П. 561, 752
Отрепьев Г. 143

Павел I 199, 280, 288
Павилонис С. 111, 140, 762, 771
Павленко Н. И. 61, 209, 732, 753
Павлов Д. Б. 559, 664, 753
Павловская А. В. 65, 753
Павловский Г. 45
Пайпс Р. 48, 65, 67, 500, 513, 559, 639, 640, 666, 679, 684, 753
Панарин А. С. 564, 662, 737
Панкратова А. М. 423, 753
Панов П. 447
Пантин В. И. 736, 753
Пантин И. К. 753
Пантюхов И. И. 136, 753
Парвус А. Л. (Гельфанд И. Л.) 679, 686, 736, 767
Парето В. 609, 672, 752, 753
Парникова А. С. 399, 754
Пасецкий В. М. 209, 725
Патрикеева О. А. 703, 754
Патыша И. Л. 124, 139, 754
Пахомычев А. И. 124, 139, 754
Пелипенко А. А. 564, 662, 754
Первушин С. А. 302, 424, 435, 754
Перфильев М. О. 120, 138, 754
Першин П. Н. 35, 60, 404, 509, 754
Песков В. И. 95, 111, 117, 118, 135, 754
Песков П. А. 134
Петерсон Н. Л. 477, 718
Петр I 164, 187, 188, 202, 203, 206, 207, 209, 361, 362, 402, 503, 517, 519, 524, 525, 557, 592, 673, 697, 735, 740, 749, 765
Петр II 199
Петр III 199, 501
Петров П. Н. 433, 754
Петров С. А. 559, 753
Петров Ю. А. 302, 303, 513, 557, 735, 754
Петровский Е. М. 754
Петровский К. С. 399
Петрункевич И. И. 43
Петруша П. 767
Пешехонов А. В. 29, 43, 57, 63, 754
Пивовар Е. И. 766
Пивоваров Ю. С. 767
Пиетров-Энккер Б. 513, 678, 726, 754, 765
Пинье М. (M. Ch. J. Pignet, род. в 1871 г., франц. врач) 120
Пионтковский С. А. 754
Пирогов Н. И. 133, 134
Пирсон К. 310, 374, 546
Писарев Д. И. 25, 57
Писарев Ю. А. 682, 735, 754, 769
Писарькова Л. Ф. 754
Пискунов А. И. 536, 588
Пичета В. И. 725, 726, 728, 740, 748, 754, 756
Пичулин 447
Плагенборг С. 50
Платонов О. А. 686, 754
Платонов С. Ф. 754
Плешков В. Н. 661, 683, 726, 741, 761
Плещеев Ф. И. 510
Плимак Е. Г. 753
Плодунова В. В. 405, 729
Победоносцев К. П. 514, 755
Побережников И. В. 540, 560, 754
Погожев А. В. 117, 118, 135, 754
Покровский А. А. 109, 399, 754
Покровский В. И. 224, 232, 302, 389, 402, 405, 509, 581, 667, 754
Покровский Д. А. 17
Покровский Е. А. 339, 341, 754
Покровский М. М. 754
Покровский М. Н. 28, 57, 59, 754, 755
Полежаев Н. М. 365
Полетаев А. В. 664
Поленов А. Д. 58, 494, 512, 716
Полищук Н. С. 61, 341, 399, 721, 743, 745, 758
Полонский В. П. 755
Полторак С. Н. 661, 668, 771
Полунов А. Ю. 514, 673, 755
Поляков Л. Е. 138, 755
Поляков Ю. А. 722
Пономарев Б. Н. 673, 738
Пономарев Н. В. 547, 561, 755
Попов Е. П. 139, 755
Попов П. И. 220, 231, 235, 238, 296, 755
Попроцкий М. Ф. 755
Порот М. Т. 136, 755
Порох И. В. 753
Постников А. А. 721
Постников А. С. 389, 402, 509, 512, 729, 746, 755
Потанин В. 672
Поткина И. В. 62, 65, 436, 750, 755
Потолов С. И. 559, 670, 681, 751, 755, 763, 767

Преображенский А. 399, 400–402, 561, 756
Преображенский П. М. 282, 304, 756
Привалова Т. В. 398, 402, 756
Приходько П. Т. 124, 139, 756
Прозоров Г. Г. 134, 403, 756
Прокопович С. Н. 57, 399, 412, 413, 434, 436, 571, 607, 664, 666, 667, 671, 756
Пронина П. В. 60, 755
Проскурякова Н. А. 756
Протасов Л. Г. 666, 756
Протопопов Д. И. 220, 296, 756
Прохоров К. Г. 137, 756
Птуха М. В. 334, 341, 756
Пурлевский С. Д. 357, 400, 443, 445, 446, 448, 505, 506, 756
Пурунджан А. Л. 109, 131, 132, 141, 142, 340, 341, 733, 756
Путилов А. С. 574
Пушкарев С. Г. 46, 64, 756
Пушкарева И. М. 663, 756
Пушкин А. С. 11, 23, 143, 183, 185, 437–442, 504, 505, 638, 757
Пыляев М. И. 399, 401, 757
Пясковский Н. Я. 137, 138, 754, 757

Рабович Р. Д. 109, 757
Радаков А. Н. 117, 135, 757
Радищев А. Н. 11, 437–439, 441, 442, 504, 505
Разгон И. М. 684, 770
Разин С. Ю. 747, 750
Разумихин С. 399, 400, 757
Рансел Д. 17
Ратушняк В. Н. 663, 767
Раупах Р. Р. 757
Рахматуллин М. А. 304
Рашин А. Г. 61, 156, 231, 235, 237, 238, 298, 299, 306, 391, 428–431, 436, 508, 534, 670, 671, 757
Ревинский Д. О. 562, 757
Редигер А. Ф. 100, 111, 158, 164, 183, 184, 404, 405, 675, 757
Рейли Д. Дж. 757
Рейналь Г. Т. Ф. 505
Реналь, *см.* Рейналь Г. Т. Ф.
Риттих А. А. 477, 718
Роббинс Р. 473, 474
Робинсон Г. Т. 45, 46
Роджер Г. 48
Родин Ф. Н. 61, 757
Рождественский А. Г. 138, 737
Рожков Н. А. 24, 28, 56, 57, 757
Рожкова М. К. 59, 428, 753, 772
Розанов В. В. 45
Розанов П. Г. 547, 757
Розенберг В. 57, 758
Розенберг У. Г. 63, 65, 679, 758
Романов Б. А. 304, 758
Романов К. И. 139, 758
Романович-Словатинский А. В. 667
Романовский Н. В. 663, 727
Романовы 185, 501, 519, 545, 608, 613, 637, 649, 665, 672, 736, 738, 740
Ростиславов Д. И. 404, 758
Ростовцев Г. И. 109, 121, 133, 134, 136, 138, 758
Рубакин Н. А. 668, 671, 758
Рубинский М. 118, 136, 758
Рубинштейн Н. Л. 33, 59, 60, 189, 209, 296, 300, 758
Рубцова М. А. 402
Рудзит К. П. 228
Рудин С. Д. 399, 758
Руднев А. 399, 400, 758
Ружицкая И. В. 301, 758
Руковский И. П. 192, 209, 243, 244, 300, 303, 758
Рума Р. Н. 85, 116, 118, 134, 135, 519, 758
Румянцев П. П. 297
Русских Н. А. 134, 761
Руссо Ж.-Ж. 505
Руссов А. А. 135, 759
Рыбаков Б. М. 59, 300, 666
Рындзюнский П. Г. 37, 61, 247, 300, 306, 759
Рычков Ю. Г. 110, 759
Рябушкин Т. В. 764
Рязанов В. Т. 588, 737, 759
Рязановский Н. В. 48

Сабов З. 723
Савельев М. В. 759
Савельев П. И. 759
Савельева И. М. 677, 755
Савинова Н. В. 673, 759
Саградов А. А. 759
Садовский А. Я. 759
Сазонов Г. П. 509, 667, 759
Сайтел Ф. П. 63, 513, 703, 759
Салтыков-Щедрин М. Е. 25, 57, 759
Самнер Б. Н. 47
Сандерлэнд У. 17
Санти П. А. 183, 710
Сафонов Д. А. 665, 759
Сафонов М. М. 17, 654, 686, 759
Сафонова А. В. 759
Сахаров А. Н. 17, 63, 64, 728, 758, 763, 767, 770
Сахарова Л. Г. 133, 729, 737
Свавицкая З. М. 760
Свавицкий Н. А. 760, 768
Светлов С. Ф. 399
Светозаров Д. И. 63
Свифт Э. 673, 760
Святловский В. В. 302, 558, 760
Севостьянов Г. Н. 558, 680, 737, 755
Секиринский С. С. 760
Селезнев Ф. А. 560, 760

Селунская Н. Б. 65, 678, 681, 741, 755, 760
Селюнин В. И. 688
Семевский В. И. 23, 24, 34, 56, 192, 210, 258, 300, 301, 304, 424, 435, 505, 506, 541, 557, 560, 760
Семенов А. В. 433, 760
Семенов С. Т. 11
Семенов Т. И. 768
Семенов Ю. И. 729
Семенова Л. Н. 399, 402, 433, 434, 760
Семенов-Тян-Шанский В. П. 316, 318, 341, 764, 798
Семенова-Тян-Шанская О. П. 401, 760
Сенин А. С. 760
Сенцов А. А. 760
Сенчакова Л. Т. 620, 675, 760
Сенявская Е. С. 760
Сенявский А. С. 558, 662, 680, 760
Сергеев В. И. 138, 760
Сиверс А. К. 464
Сивков К. В. 717, 743
Сикорский Е. А. 679, 682, 686, 760
Силина И. Г. 405, 729
Симмс Дж. 49, 53, 303
Симонова М. С. 510–513, 760
Симчера В. М. 557, 558, 759, 760
Сипягин Д. С. 475
Скалон Д. А. 404
Скаткин Н. И. 136, 761
Скибневский А. И. 136, 761
Скитович В. В. 17
Скотт Дж. 109, 761
Скребицкий А. И. 301
Скутнев А. В. 677, 761
Словцов Б. И. 398, 761
Случевский А. 137, 761
Смелзер Н. 183, 761
Смидович 136, 761
Смидович С. Г. 562, 761
Смирнов Н. Н. 661, 665, 676, 682, 685, 741, 761
Смирнов С. В. 57, 397, 507, 682, 766
Смирнова А. А. 761
Смирнова Ю. Б. 42, 725
Смит А. К. 403
Смит Р. Е. 49, 402, 403
Смородинцев А. И. 134, 402, 761
Снигирев В. С. 137
Сниткин М. Н. 135, 761
Соболев Г. Л. 663, 679, 683, 685, 761
Соболев И. Г. 673, 761
Советов А. В. 469, 761
Совинье М. де (Севинье) 439, 505
Соколов А. К. 42, 62, 436, 662, 703, 762
Соколов В. И. 762
Соколов Н. Д. 136, 762
Соколов П. Н. 139, 736, 746
Соколофф Ж. 46, 64, 762
Солженицын А. И. 638, 678, 682, 762
Соловей В. Д. 564, 662, 762
Соловей Т. Д. 762
Соловьев М. Е. 762
Соловьев С. М. 209, 513, 762
Соловьев Ю. Б. 559, 752, 769
Соловьева А. М. 722
Соловьева В. С. 141, 762
Солоневич И. Л. 578, 666, 762
Сомов С. А. 678, 762
Сорокин А. К. 762
Сорокин П. А. 9, 564, 620, 662, 675, 762
Сосновский И. В. 718
Спасский И. А. 118, 135, 762
Спасский-Одынец А. А. 514
Сперанский Г. Н. 116, 135, 762
Сперанский М. М. 501
Спирин Л. М. 762
Ставицкая А. Б. 747
Стайтс Р. 673, 762
Сталин И. В. 62, 142, 296
Сталь Н. Е. 400, 762
Стариков Н. В. 762
Старков И. П. 133, 762
Стародубровская И. В. 631, 632, 634, 672, 677, 762
Старцев В. И. 559, 649, 661, 679, 683, 684, 686, 752, 756, 762
Стахович А. А. 509
Стебут И. А. 469
Степанов В. В. 436, 670, 757, 768
Степанов В. Л. 64, 65, 67, 667, 680, 673
Степняк-Кравчинский С. М. 14, 18, 513, 763
Степун Ф. А. 44, 63, 763
Столпянский П. Н. 433, 763
Столыпин П. А. 60, 62, 64, 540, 558, 561, 635, 671, 672, 679, 702, 722, 734, 739, 748, 750, 754, 759
Столяров В. Ф. 136, 763
Столярова И. А. 746
Струве П. Б. 24, 32, 56, 58, 295, 306, 490, 511, 753, 763
Струмилин С. Г. 35, 36, 60, 210, 280, 297, 302, 402, 407, 411, 423, 429, 433–436, 508, 511, 557, 558, 560, 571, 629, 666, 670, 763, 765
Суворов А. В. 144
Судавцов Н. Д. 766
Сулима К. П. 118, 135, 763
Сумкина В. В. 674, 763
Суханов Н. Н. 637, 650, 678, 685, 763
Суханова Л. П. 111, 763
Сухарев А. А. 136, 763
Сухих И. Н. 57, 763
Сухова О. А. 684, 763
Сухоплюев И. К. 404, 667, 764
Сырнев А. А. 341, 716

Талько-Гринцевич Ю. Д. 136, 764
Таннер Дж. 90
Тарновская П. 122
Тарновский Е. Н. 561, 621, 676, 764
Тарновский К. Н. 60, 764
Тархов А. Е. 57, 764
Тварьянович И. К. 136, 764
Твердохлеб А. А. 663
Тезяков Н. И. 134, 764
Телицын В. Л. 684, 764
Тенгоборский Л. В. 220, 296, 299, 764
Тенишев В. Н. 362, 397, 406, 719, 727, 758
Тереховко Ф. К. 547, 561, 764
Терещенко М. И. 653, 657
Тертышный А. Т. 764
Тимофеев Л. М. 297
Тимофеев П. 645, 681, 764
Тимошенкова З. А. 61, 742
Тин-Богораз В. Г. 757
Тихвинский С. Л. 306, 759
Тихомиров И. А. 703
Тихомиров М. Н. 669, 738
Тихонов Ю. А. 17, 34, 60, 192, 673, 764, 766
Тишкин С. Г. 559, 752
Толстой Д. А. 501
Толстой И. И. 540, 560, 637, 638, 658, 678, 687, 764
Толстой Л. Н. 11, 764
Толстой М. Н. 661, 741, 761
Томарев В. И. 764
Томилин С. А. 341, 764
Томиловы 408, 434, 709
Травин Д. Я. 562, 764
Травин Л. А. 442, 443, 447, 505, 506, 764
Трауптман Й. 686, 764
Трахтенберг А. Г. 134, 764
Трейтер В. А. 116, 135, 764
Третьякова Г. А. 764
Троицкий П. 399–401, 765
Троицкий С. М. 209, 557, 765
Трофимов А. В. 764
Трошина Т. И. 665, 765
Трубецкая О. Н. 63, 562, 765
Трубецкой Е. Н. 31, 58, 211, 765
Трубецкой С. Н. 63, 562, 765
Трубников В. В. 136, 765
Трутовский В. Е. 194, 305, 765
Туган-Барановский М. И. 424, 427, 435, 765
Тук В. 442
Туманова А. С. 678, 765
Турчин П. В. 662, 668, 669, 765
Тутолмин С. Н. 765
Тымчик С. В. 678, 765
Тыркова-Вильямс А. В. 563, 638, 639, 679, 725, 755
Тэннер Дж. 108, 111, 767
Тэри Э. 558, 765
Тюкавкин В. Г. 298, 303, 306, 557, 678, 765
Тютюкин С. В. 557, 662, 674, 684, 738, 742, 754, 765
Тян В. В. 62, 765

Уайнер Дж. 108, 111, 764
Уаллас Д. М. 45
Уальдмен А. К. *см.* Wildman A. K.
Удальцова З. В. 59, 738
Уилбур Е. М. 49, 703
Уиткрафт Ст. Г. 49
Укке Ю. 137, 765
Ульянова Г. Н. 513, 678, 726, 754
Уорак-Хемметт Р. К. 65, 728
Уортман Р. 673, 765
Урилов И. Х. 737, 738
Урланис Б. Ц. 210, 405, 750, 766
Устинов М. М. 510
Устюгов Н. В. 59, 402, 753, 766
Ушаков А. И. 769
Ушаков М. А. 559, 752
Ушаков М. А. 559, 752
Уэствуд Дж. Н. 48

Фадеев А. В. 734, 759
Фалкус М. Е. 46
Федор Иванович, царь 502
Федоров В. А. 60, 61, 247, 300, 301, 738, 753, 766
Федоров М. М. 654, 657, 658
Федосов И. А. 61, 664, 738
Федотов П. А. 374
Фельдман М. А. 663, 761, 766
Фельштинский Ю. Г. 559, 766
Фесенко М. Н. 116, 134, 766
Фет А. А. 24–26, 28, 57, 343, 397, 403, 456, 465–467, 470, 471, 507, 508, 646, 682, 763, 764, 766
Фет-Шеншин, *см.* Фет А. А.
Фигурновская Н. К. 508
Фигуровская Н. К. 737, 752
Филатов О. 100, 757
Филд Д. 47, 50, 65, 66, 766
Филиппов В. И. 110, 751
Филиппот Р. 46
Филюшкин А. И. 18, 766
Фингерит Е. М. 674, 758
Финн-Енотаевский А. Ю. 28, 57, 766
Фирсов Б. М. 406, 727, 766
Фирсов В. Р. 674, 740
Флеер М. Г. 664, 757
Фокин Е. Л. 766
Фоллоуз Т. 58
Фонвизин Д. И. 439
Фондаминский И. И. (Фундаминский И. И.), *см.* Бунаков И.

Фортунатов А. Ф. 224, 226, 296, 297
Франк С. Л. 766
Френкель З. Г. 306, 766
Френкин М. 685, 766
Фридлянд И. Г. 124, 139, 766
Фриз Г. 17, 205, 673, 766
Фробелиус 135, 766
Фуллер У. 673, 766
Фундуклей И. И. 344, 398, 767
Фурсенко А. А. 686, 730

Хаймсон Л. 597, 661, 669, 681, 683, 767
Хайнрих Й. 723
Ханин Г. И. 688, 760
Ханнеман Р. 646
Харизоменов С. А. 511,767
Харитонов В. Л. 683, 767
Харрисон Дж. 88, 108–111, 140, 767
Хереш Э. 686, 767
Хижняков В. В. 402, 767
Хильдермайер М. 46, 50, 65, 767
Хингли Р. 47
Хитрина Н. Е. 767
Хлынина Т. П. 663, 767
Ходорковский М. 672
Ходский Л. В. 28, 57, 301, 305, 306, 767
Хок Ст. Л. 50, 55, 66, 68, 209, 254, 262, 263, 296, 301, 303, 403, 405, 505, 541, 560, 668, 767
Холквист П. 767
Холмс Л. 661, 767
Хомяков Н. А. 488
Хомякова И. А. 141, 756
Хорос В. Г. 553, 555, 561, 562, 677, 753
Христиан Д. 49, 402, 403
Хромов П. А. 59, 303, 767
Хромов С. С. 60, 737
Хрущева А. Г. 447, 506, 767
Хрящева А. И. 404, 560, 669, 767, 770

Цамутали А. Н. 559, 752, 769
Цветков М. А. 188, 209, 278, 279, 304, 767
Цейтлин Р. С. 768
Цитрин М. Г. 137, 768

Чаславский В. И. 460
Чаянов А. В. 42, 109, 261, 466, 468, 508, 542, 542, 560, 747, 768
Чеботаев Н. П. 342, 768
Челинцев А. Н. 42, 560, 581, 667, 768
Череванин Ф. А. 404, 509, 768
Черепахов М. С. 674, 758
Черкасова А. С. 402, 768
Черменский Е. Д. 513, 768
Чернов В. М. 550, 561, 678
Чернышев Т. 707
Чернышевский Н. Г. 24
Черняев В. Ю. 640, 654, 661, 663, 666, 679, 686, 687, 721, 729, 731, 741, 742, 760, 762, 767, 768
Черняк Э. И. 684, 770
Чеснис Г. 130, 131, 142, 768
Чехов А. П. 374, 562
Чечулин Н. Д. 192, 209, 210, 303, 768
Чешихин-Ветринский В. Е. 63, 768
Чистов К. В. 398, 402, 735, 745
Чистяков Г. А. 124, 138, 139, 768
Чихачев П. А. 445, 448
Чудинов А. В. 702, 768
Чулков М. Д. 433, 768
Чупров А. А. 480, 510, 768
Чупров А. И. 44, 402, 509, 721, 729, 746, 755
Чураков Д. О. 768
Чуркина Н. И. 669, 768

Шавров В. М. 743
Шайберт П. 46, 50
Шакалите И. 111, 771
Шангина И. И. 406, 505, 668, 719, 758, 768
Шанин Т. 46, 109, 558, 680, 728, 761, 768
Шапиро А. Л. 37, 61, 721, 735, 769
Шапиро Е. О. 134, 403, 769
Шапиро Л. 565
Шапиров Б. М. 769
Шапкарин А. В. 620, 717, 743
Шарлау В. (Шарлау У.) 679, 686, 769
Шатковская Т. В. 769
Шацилло К. Ф. 769
Шацилло М. К. 769
Шванебах П. Х. 303, 667, 769
Шварцы 408, 434, 709, 729
Шверин Т. В. 134, 769
Швининг Г. 100, 724, 769
Шевелев А. Б. 139, 558, 769
Шевелева О. В. 769
Шелдон У. Х. 183
Шелохаев В. В. 559, 664, 679, 703, 726, 737, 740, 755, 769, 770, 783
Шендровский И. И. 136
Шеншин, *см.* Фет А. А. 57, 763, 764
Шепелев Л. Е. 306, 512, 514, 678, 744, 763, 769
Шепелева В. Б. 565, 661, 668, 769
Шепетильников В. В. 183
Шербак В. М. 769
Шереметевы 608
Шестаков П. М. 436, 770
Шигалин Г. И. 666, 770
Шидловский С. И. 475, 477, 499, 509, 510, 513, 718, 770
Шингарев А. И. 29, 57, 614, 695, 770
Шипилов А. В. 398, 402, 770
Шипов Д. Н. 490, 511, 770
Шипов Н. Н. 445, 448, 506, 770
Широкорад Л. Д. 737

Шиссер Г. 686, 764
Шишкин В. А. 405, 514
Шкаратан А. Н. 116
Шкарин А. Н. 135, 770
Шмаков И. Н. 119, 136, 770
Шмидт А. О. 400, 770
Шнирельман А. И. 140, 731, 751, 758, 771
Шрейбер С. Е. 138, 770
Шретер Е. 443, 770
Штегман А. К. 137, 770
Штейн И. М. 138, 722
Штер М. П. 434, 763
Штефко В. Г. 138, 406, 557, 770
Штоль К. Г. 135, 770
Шубин А. В. 686, 726, 770
Шувалов В. И. 770
Шумахер П. В. 25, 57

Щагин Э. М. 678, 765
Щепров С. В. 61, 743
Щербина Ф. А. 31, 58, 224, 226, 297, 402, 670, 760, 770

Эггерт З. К. 666, 770
Эйхгольц Е. Р. 136, 770
Эктон Э. 65, 770
Эллман М. 509, 770
Эммонс Т. 770
Энгельгардт Александр Н. 28, 363, 367, 369, 401, 403, 404, 466, 508, 509, 770
Энгельгардт Анна Н. 374, 404
Энгельс Ф. 40, 62
Энгельштейн Л. 67, 771
Эрисман Ф. Ф. 117, 118, 122, 134, 135, 296, 399, 405, 771
Эрлих С. Е. 765
Эфроимсон В. П. 110, 771

Юрий М. Ф. 678, 771
Юсуповы 608

Якобий А. И. 136, 771
Яковенко И. Г. 564, 662, 754
Яковенко М. Г. 136, 771
Яковлев А. Н. 557, 754
Яковлев А. Я. 757
Яковлев Н. Н. 868, 771
Яковлев Я. 755
Якупов Н. М. 685, 771
Ямпольская Ю. А. 129, 141, 771
Ямщиков С. В. 668, 771
Ян Х. Ф. 684, 771
Янжул И. И. 399, 771
Янин В. Л. 669, 749
Янин В. Я. 59, 722, 761
Янкаускас Р. 111, 771
Янов А. Л. 564, 662, 771
Янсон Ю. Э. 28, 57, 345, 398, 401, 435, 469, 771
Ярхо А. И. 138, 771
Яснопольский Н. П. 302, 306, 771
Ястребов В. С. 676, 771
Ястремский В. Д. 133, 771
Яцунский В. К. 210, 220–223, 296, 297, 428, 737, 772
Яшунов Е. Е. 297, 756

A'Hearn B. 111, 207, 772, 778
Acton E. 772
Alexander II 64, 783
Allen G. 780
Allen R. C. 142, 780
Annabel G. 133, 774
Antsiferov A. N. 772
Aron R. 65, 772
Ascher A. 67, 304, 558, 679, 682, 772, 777
Atkinson D. 64
Augustine W. A. 66, 777

Badcock S. 772
Baker A. V. 66
Baker M. 772
Baker P.T. 110
Bartlett R. P. J. 66, 772, 774
Baten J. 772, 778, 783
Bater J. H. 772
Batshev M. O. 772
Baur M. 109, 778
Bengtsson T. 142, 780
Bernageau E. N. 108, 779
Beyrau D. 64, 66, 772
Biaragi R. 108, 772
Bideleux R. 66, 772
Bielecki T. 108, 109, 772
Bilimovich A. D. 772
Billington J. H. 662, 772
Black C. E. 64, 772, 777, 779, 783
Blackwell W. L. 64, 772, 773
Blanchard I. 208, 210, 773
Blum J. 65, 351, 505, 560, 773
Bodzsar E. B. 141, 783
Bordiugov G. 682, 773
Borodkin L. 773
Bradley J. 562, 678, 773
Brennan L. 110, 773
Buldakov V. 682, 773
Burbank J. 66, 681, 682, 773, 777
Burds J. 676, 773

Cameron N. 109, 773
Catherine the Great 65, 779
Chen L. C. 108, 773

Chiarelli B. 110, 784
Chowdhury A. K. 108, 773
Christian D. 66, 398, 401–403, 507, 511, 782
Chulos K. J. 681, 773
Clowes E. W. 514, 784
Colburn F. D. 774
Coleman J. S. 779
Confino M. 67
Copeland W. R. 559, 773, Costa D. L. 111, 210, 293
Cracraft J. 63
Crews R. D. 680, 773
Crisp O. 64, 65, 667, 773
Cuff T. 108–111, 133, 773

Damon E. A. 108, 776
Daniels R. W. 65, 773
Danzeiser H. M. 141, 773
Darrow D. 63, 773
David-Fox M. 562, 773
Davidian I. 668, 773
Davies J. C. 677, 774, 781
Davies R. W. 66, 776, 784
Demirjian A. L. 141, 783
DeNavas-Walt C. 560, 774
Donnorummo R. P. 66, 774
Dore R. P. 779
Dribe M. 142, 780
Drukker J. W. 774
Du Bois C. M. 780

Easton H. T. 558, 774
Eisenstadt S. N. 560, 677, 703, 774, 781, 783
Ellman M. 509, 774
Elsholtz J. S. 69
Eltis D. 774
Emmons T. 58, 562, 779
Engel B. A. 665, 774
Engel'gardt A. 64, 777
Engelstein L.67, 774
Engerman St. 109, 775
Erismann F. G. 135, 774
Eveleth Ph. B. 108–111, 774
Ewert U. C. 774

Falkner F. 108, 141, 772, 773, 780, 781, 784
Falkus M. E. 64, 297, 774
Fallows T. 58
Field D. 65, 66, 133, 303, 774
Figes O. 662, 672, 680, 682, 683, 774
Fisher A. 304, 774
Fitzpatrick Sh. 662, 683, 774
Flemming J. 774
Floud R. 88, 100, 109, 133, 210, 293, 521, 773–775, 784
Fogel R. W. 88, 109, 111, 133, 521, 775, 778
Frame M. 775
Frankel E. R. 781
Frankel J. 779
Freeze G. L. 210, 595, 669, 775
Frieden N. 63, 775
Frierson C. A. 403, 775
Furet F. 775

Galai Sh. 559, 775
Galili Z. 683, 775
Gallman R. 109, 775
Galloway P. 775
Gatrell P. 64, 560, 561, 682, 775
Gaudin C. 67, 561,681, 775
Geifman A. 561, 775
Gerschenkron A. 64, 775
Glants M. 399, 401, 403, 775, 776, 781
Glaser R. 775
Goldstone J. A. 669, 672, 775
Gorshkov B. 436, 680, 776
Grancelli B. 667, 782
Grant J. A. 67, 560, 776
Grantham G. 66, 774
Granville B. 773
Gregory A. 109, 775
Gregory P. R. 65, 433, 671, 776
Greulich W. W. 109, 776
Grove J. 776

Habicht J.-P. 109, 780
Haefner L. 678, 776
Haimson L. 65, 561, 669, 776, 783
Hamburg G. M. 303, 776
Hanneman R. A. 682, 776
Harris B. 108, 210, 775, 776
Harrison G. A. 110, 776
Harrison M. 66, 776, 784
Hartl E. M. 782
Hasegawa T. 686, 776
Hellie R. 776
Heretz L. 401, 776
Hertzberg H. T. 108, 776
Higonnet P. 111, 775
Hildermeier M. 64, 66, 776
Hingley R. 65, 776
Hoch St. L. 66, 68, 262, 302, 403, 777
Hogan H. 561, 777
Holquist P. 562, 663, 678, 773, 777
Huffman S. L. 108, 773
Huntington S. P. 667, 777
Huret R. 562, 777
Hutchinson J. 67, 776, 777
Hyatt S. B. 141, 782

Inalcik H. 304, 777
Ioffe G. V. 777
Ivantsov D. N. 772

Jasny N. 297, 777
Johnson R. 669, 777
Jones A. 558, 669, 680, 777
Jordan Th. E. 111, 777

Kahan A. 64, 68, 195, 209, 210, 777
Kaiser D. H. 783
Karpovich M. 58, 63, 683, 777
Kenez P. 684, 777
Kennan G. 65, 777
Kenneth W. 133, 774
Kerans D. 66, 777
Kerblay B. 64, 777
Khrushchev 64, 783
Kim J. H. 111, 779
Kingston-Mann E. 57, 66, 703, 784
Klier J. D. 673, 778
Knei-Paz B. 779, 781
Koenker D. P. 683, 778
Kolchin P. 65, 778
Komlos J. 100, 108, 109, 111, 112
Kotsonis Y. 67, 561, 779
Koudryashev S. 682, 773
Kunitz St. J. 3069, 779

Lambroza S. 673, 778
Landes D. S. 111, 775
Laue Th. H. von. 64, 779
Le Play P. G. F. 399, 401, 779
Le Roy Ladurie E. 108, 779
Lejeune A. 779
Leonard C. S. 66, 773, 774
Lerner D. 779
Lincoln B. W. 779
Lindert P.H. 435, 671, 779
Lohr E. 673, 779
Longley D. A. 689, 779
Löwe H.-D. 66, 779

Macey D. A. J. 558, 680, 779
Madariaga I. 65, 779
Maddison A. 530, 668, 779
Malia M. E. 562, 779
Malthus T. R. 66, 306, 777
Mandel D. 683, 779
Marola F. 110, 783
Marshall W. A. 110, 780
Martin A. M. 562, 773
Martorell R. 109, 780
Matsuzato K. 665, 780
Mavor J. 63, 780
Maynard J. 63, 780
McAuley A. 780
McDermid J. 780
McDermott E. 782
McDonald J. 110, 773
McKay J. 560, 780
McKean R. B. 66, 67, 558, 680, 683, 779, 780, 781, 783
Melancon M. S. 67, 436, 673, 680, 681, 686, 776, 780, 781
Michels R. 65, 703, 780
Michelson A. 65, 780
Miclewright J. 774
Mintz S. W. 780
Mironov B. N. 133, 142, 780
Mixter T. 57, 66, 703, 784
Moon D. 66–68, 304, 558, 680, 681, 780
Morgan St. L. 109, 780
Mosse W. E. 558, 680, 781
Mousmier R. 681, 781
Mueller W. H. 108, 110, 781
Mulhall M. G. 505, 781
Munro G. E. 399, 403, 781
Myers D. G. 781

Necrasov O. 110, 784
Nefedova T. G. 777
Nicholas St. 108, 109, 781
Nove A. 781

Olson M. 667, 781
Oxley D. 109, 781

Pak S. 110, 781
Pallot J. 558, 680, 681, 781
Pasquet Y. 108, 779
Pate A. K. 680, 681, 683, 781
Pavlovsky G. 63, 664, 781
Peter the Great 64
Philippot R. 64, 781
Pilbeam D. R. 110
Pipes R. 65, 781
Plaggenborg St. 67, 781
Pollard T. M. 141, 782
Portal R. 64, 777, 781
Proctor P. D. 560, 774
Pushkarev S. 64, 781

Rabinovitch A. 683, 781
Raeff M. 63
Raleigh D. 662, 683, 684, 781
Ransel D. L. 66, 777
Rather S. 557, 781
Riasanovsky N. V. 65, 781
Riley J. C. 108, 781
Robbins R. G., Jr. 509, 781
Robinson G. T. 63, 781
Rogger H. 65, 781
Rosenberg W. G. 683, 778, 781
Rosovsky H. 111, 775
Rousham E. 141, 781
Ruane Ch. 67, 782

Saenger G. 110, 783
Sanborn J. 681, 782
Sandberg L. G. 210, 782
Sapelli G. 783
Saunders D. 782
Schedewie F. 782
Scheibert P. 64, 66, 782
Schofield R. 779
Schwidetzky U. 110, 784
Seregny S. 67, 782
Service R. 66, 67, 772, 780, 782
Shanin T. 63, 64, 782
Sheldon W. H. 782
Shlomowitz R. 110, 773
Simms J. Y., Jr. 65, 68, 303, 782
Smith A. K. 398, 403, 782
Smith J. C. 67, 560, 774
Smith R. E. F. 66, 398, 401, 507, 511, 782
Smith S. A. 683, 782
Sokoloff K. L. 210, 782
Solomon S. G. 67, 776
Soltow J. H. 557, 781
Stalin I. V. 64
Stanziani A. 63, 782
Stavrou T. 67, 779
Steckel K. 88
Steckel R. H. 100, 108, 109, 133, 210, 293, 571, 773–776, 782–784
Stein Z. 110, 783
Stockdale M. K. 703, 783
Stupperich R. 783
Sumner B. H. 65, 783
Suny R. G. 562, 683, 781, 783
Susanne Y. 141, 783
Susser M. 110, 783
Sylla R. 557, 781
Tanner J. M. 108–111, 141, 772, 774, 780, 781, 783, 784
Tarnovsky P. 138, 783
Tassennaar V. 774
Thatcher I. D. 67, 680, 682, 783
Thompson J. M. 65, 783, 672, 677, 783
Tilly Ch. 672, 677, 783
Tiryakian E. 560, 703, 783
Tokmakoff G. 680, 783
Tooke W. 505, 783
Toomre J. 399, 401, 403, 775, 776, 781
Twarog S. 783

Vasudevan H. S. 68, 783
Volin L. 64, 783
Vucinich W. S. 58

Wachter K.109
Wade R. A. 682, 783
Wagner W. G. 514, 784
Waldron P. 558, 680, 784
Wallace D. M. 63, 784
Ward P. W. 111, 784
Weir D. R. 210, 784
Westwood J. N. 65, 784
Wheatcroft St. G. 66, 133, 297, 784
Wieringen J. C. van 110, 141, 784
Wilbur E. M. 57, 66, 703, 784
Wildman A. K. 302, 683, 784
Wiles P. 784
Williams St. F. 67, 680, 784
Williamson J. G. 671, 784
Witte S. 64, 67, 779
Woitek U. 784
Wolanski N. 110, 784
Worobec Ch. 506, 784
Zelnik R. E. 784
Zeman Z. A. 679, 775

Предметный указатель

Аграрный вопрос: аграрный кризис 52, 295, 641; конфискации помещичьих земель 569, 608–609; *см. также* Перенаселение аграрное
Агрегированные ростовые данные 101, 118, 143, 169, 308, 410, 799
Аккумуляция: возрастная 21, 100, 174, 799 (определение); ростовая 21, 96, 100–101, 168, 801 (определение)
Акселерация и ее факторы 87, 126–129, 799 (определение)
Алкоголя производство, потребление, цены 26, 80, 190–191, 195, 266, 289, 320, 321, 327, 328–332, 335, 344, 352, 361, 363, 365, 366, 368, 382, 392, 411, 413–415, 420, 446, 451, 455, 456–457, 460, 464, 466–467, 482, 483, 486, 492, 494, 520, 532, 573, 583–584, 794–795 (в губерниях в 1880–1889 гг.)
Аллена экологическое правило 82–83
Антропометрическая история 113–133
Армия: военные расходы 201; питание солдат 382; потребитель хлеба 202, 230–231, 234–235, 237–238; численность и военные потери 143, 190–191, 295, 576, 596; этнический состав 157–158;
Ауксология 69–71, 83–84, 129–132, 799 (определение)

База антропометрических данных: женщины 161–163; качество сведений 163–173; источники сведений 143–145; репрезентативность 145–146; состав 146–161
Баланс рабочих и нерабочих дней в году у крестьян 457–458, 822
Баланс хлебофуражный 234–235 (1801–1860 гг.), 236–237 (1861–1913 гг.)
Банкетная кампания 1904 г. 613
Барщина 23, 33–36, 50, 193, 203, 247, 249, 252, 254, 255, 258, 259, 269, 280, 284, 316, 440, 443–445, 452, 460, 462, 522
Бергмана экологическое правило 82
Биологический статус: определение 20, 73–80, 799, 800; российского населения в XVIII в. 185–207; в XIX — начале XX в. 211–295; *см. также* Рост мужского и женского населения
Благосостояние: окраин за счет Центра 313–317, 484; показатель успешности модернизации и реформ 20, 515; приобретение статуса великой державы в XVIII в. за счет понижения благосостояния населения 206–208, 524, 528; изменение взглядов Б.Н. Миронова на динамику благосостояния населения в пореформенный период 68, 132
Болезни инфекционные: влияние на биостатус и рост 73–74, заболеваемость и смертность от них 291–293, 306, 472; холера 292, 295, 472; *см. также* Заболеваемость
Брак воинский: 30, 120–121, 327–330, 335–340, 383–386, 396, 520, 820; в губерниях в 1874–1883 гг. 789–790; в губерниях в 1894–1901 гг. 792–793; за границей 626; результаты врачебного осмотра новобранцев в 1839–1916 гг. 384; факторы брака 383–386
Брак как супружеские отношения: низкорослому мужчине трудно вступить в брак 178; у состоящих в браке биостатус и рост выше, чем у не состоящих 177–178
Брачность: 322–323, 327–329, 332, 335, 338, 388, 472; в губерниях в 1881–1890 гг. 716–717; в России в 1867–1913 гг. 473; в России в 1881–1890 гг. 796–798; восточно-европейская и западная модель брачности 338–339; фактор географии роста 317–339
Бюджет: времени 259–260; семьи крестьян 80, 267–270, 599–600; семьи рабочих 412–415, 572
Бюджет государственный 203–205, 266, 485

Валовой внутренний продукт 71, 80, 81, 86, 114, 229, 530, 535–536, 539, 630, 822
Вариационные ряды и их характеристики 96–98
Великие реформы 1860-х — начала 1870-х гг. (крестьянская, земская, судебная, военная, церковная) 24–28, 38, 41, 527, 551, 269, 271, 288–291, 527, 569–570; выгодность крестьянской реформы для крестьян 261–266
Вес людей, его измерение и изменение 17, 55, 82–83, 91–94, 97, 117–118, 120, 164, 212, 216–218, 372–374, 526, 572
Вестернизация: 543–544; и российское дворянство в XVIII в. 202–207
Винокурение и расход хлеба на него 190–191, 229–231, 233–235 (в 1801–1850-е гг.), 237–238 (в 1860–1913 гг.)
Внешняя торговля 203, 581–582; *см. также* Импорт; Экспорт
Водка *см.* Алкоголь
Возраст менархе см. Менархе
Возрастная аккумуляция см. Аккумуляция
Возрастной ценз 98, 166, 171–172, 799 (определение)
Воинская повинность: бремя рекрутской повинности 152, 201–202 (в 1699–1800 гг.),

246–247 (в 1781–1860 гг.), 252, 260; зачетные рекрутские квитанции 151, 247; жеребьевый порядок призыва 150–151, 344, 799 (определение); очередной порядок призыва 150–151, 285, 801 (определение); социальный состав новобранцев 146–151; число новобранцев, призванных в армию в XVIII–начале XX в., 201, 246, 523; *см. также* Брак воинский; Ценз
Войны и биологический статус населения в XVIII в. 199–202
Воспроизводство населения 325, 338–339
Воспроизводство элиты 586–595
Выкупная операция: выкупные платежи 35, 261–266 (помещичьих крестьян), 287–288 (казенных и удельных крестьян); выкупные платежи как ипотечный долг 482, 492; критика расчетов А.Е. Лосицкого и Ст. Хока 262–263; организация выкупной операции 283; понижение выкупных платежей в 1882–1883 гг. 269–270, 275 331, 334
Вымирания крестьянства концепция 35, 526, 696

Гендерное неравенство биостатуса 75, 114–115, 117, 128–129, 219, 321, 395, 632
Гендерный диморфизм *см.* Гендерное неравенство
Географическая среда и ее влияние на физический рост 72, 76, 82–83, 114, 121
Географический детерминизм 34
География физического роста населения: изменение роста по регионам 131 (в 1870–1917 гг.), 127–128, 181–183, 294, 307–310 (в 1701–1915 гг.); согласованность изменений роста в регионах 310–313; степень различий в росте между регионами 316–316; факторы географии роста 321–325 (в середине XIX в.), 330–332 (в конце XIX в.)
Гетерозиготность 88, 125, 131, 140 (определение)
Гетерозис 88–90, 110, 127–129
Гигиена: ее влияние на биостатус 76, 77, 291–294; расходы рабочих на нее в начале XX в. 413–415
Гистограмма распределения роста 96–100, 167–170, 799 (определение)
«Голодный экспорт» хлеба 35, 38, 303, 580–584
Гомогенность выборок *см.* Однородность выборок
Городское население: доля горожан среди новобранцев и всего населения 148–149; налоги 191–193, 198, 266, 787–788 (в губерниях в 1849 г.); потребление в середине XIX в. 343–351; потребление в начале XX в. 351–355; семейная структура 151–152; смертность 188; физический рост 148, 176–177, 197–198, 213–214; численность горожан и потребность в хлебе 220–221, 229–230, 234–237
Государственная дума 43, 541, 615, 652, 654, 685, 678, 679, 684
Гражданское общество в России 15, 16, 32, 43, 499, 515, 640, 641, 556, 564, 611, 636–639, 659,690, 697, 698, 702
Грамотность: в губерниях в 1897 г. 796–797; влияние на биостатус и рост 110, 178, 211–212, 388, 393–416, 428–429; грамотность как фактор географии роста и воинского брака 328, 331, 332, 335; населения в 1851–1914 гг. 535; новобранцев и населения в 1730–1910-е гг. 156; повозрастная неграмотность среди дворян, духовенства и всего населения по переписи 1897 г. 592–594; расходы центрального правительства и местных властей на образование в 1885–1913 гг. 539

Дворовые 148, 176, 198, 214, 215, 421, 443, 446, 449, 456
Дворянство: биостатус и уровень жизни 148, 176, 198, 205, 213–214, 518, 574, 603; вестернизация в XVIII в. 202–207; деклассирование после Великих реформ 592–594; доля среди учащихся в 1913 г. 394; не измерялись при поступлении в армию 253; неграмотность во второй половине XIX в. 651–652; общая численность в 205, 288, 380, 591–592, 586–587 (в 1719–1913 гг.); потребление 374–379; привлечение к уплате налогов 288; социальная мобильность 592; участие в Комиссии 1872 г. и Совещании 1902 г. 467–468, 474–475; численность в базе данных 148; *см. также* Помещики
Дворянство в населении Австро-Венгрии, Великобритании, Пруссии и Франции в 1840-е гг. 586
Девиация как следствие модернизации 546–555; *см. также* Преступность; Самоубийства; Убийства
Деклассирование в пореформенный период: дворянства 592–594; духовенства 593–594
Демографические процессы *см.* Брачность; Воспроизводство населения; Естественный прирост; Продолжительность жизни; Рождаемость; Смертность
Деньги на революцию: русской буржуазии 500, 655; из-за рубежа 537, 639
Депривация: влияние на длину тела 55, 75, 90, 91, 219, 371, 548, 642; относительная депривация как причина революции 624–630, 634, 676; прогрессирующая

депривация (теория J-кривой) как причина революции 631, 634; развитие детей в условиях суровых лишений 90
Деселерация 129, 799 (определение)
Дети: догоняющее развитие 90–91; масса тела новорожденных 92–93; младенческая смертность 87–88 (в 17 странах в 1938 г.), 404; питание 339, 392–396 (учащихся в 1905–1913 гг.); пубертатный скачок 92, 801 (определение); различия в росте по сословиям 75, 85, 116, 519; тенденции физического развития в XX в. 136–137; ускорение физического созревания в XIX–XX вв.129–130; уход за детьми 339; южнокорейцы выше северокорейцев 82, 86; японские дети в США выше своих сверстников из Японии 109
Дефинитивный рост: замещающий индикатор уровня жизни 20, 71–72, 81, 87, 91, 92, 118; изменение возраста его достижения 128
Децильный коэффициент дифференциации доходов: определение 799; в Великобритании в 1856–1857 гг. 440–441; за рубежом 607–608, 661, 671–672; в России в 1901–1910 гг. 598–609, 642, 658, 701; у духовенства в 1863 г. и учителей начальных школ в 1906 г. 606–607
Джини коэффициент имущественного неравенства среди русского крестьянства в пореформенное время 50, 597–598, 800 (определение)
Дисциплинарная матрица, или парадигма, 801 (определение)
Длина тела *см.* Рост
Добровольные общества 636
Доверительный интервал 799 (определение)
Догоняющее развитие у детей *см.* Дети
Долг государства внешний и внутренний в XVIII в. 202, 539, 702
Доходы богатейших и беднейших слоев населения в начале XX в. 598–605
Духовенство: биостатус 85, 176, 198, 519, 90–91, 108, 124, 208, 209, 254–255, 261, 274–275, 624–625; деклассирование после 1861 г. 205, 593–594; доля среди учащихся в 1913 г. 394; наборы в армию, или разборы, 149; неграмотность во второй половине XIX в. 593–594; потребление 379–380; общая численность в 1719–1913 гг. 149, 205, 380, 587, 592; распределение годовых доходов по причтам Владимирской епархии в 1863 г. 606; фактическая, штатная численность и вакансии в 1835–1910 гг. 594; численность в базе данных 148, 162; церковь и праздники в деревне 459–461, 486
Духовенство в населении Австро-Венгрии, Великобритании, Пруссии и Франции в 1840-е гг. 586

Европеизация *см.* Вестернизация
Естественный прирост населения: в губерниях в 1881–1890 гг. 796–797; в 1719–1857 гг. 390; в 1866–1913 гг. 391, 595; как показатель уровня жизни 54, 520; как фактор географии роста 322–325, 331–332, 335–337; точность учета в XVIII–XIX вв. 388–390

Женщины: биостатус 82, 84–87, 117, 217–219; гендерное неравенство 75, 84, 114, 115, 117, 128, 129, 219, 395; грамотность дворянок 592; кликушество 443–444; кормление детей 339; легенда о продаже волос во время неурожая 1891 г. 696; на барщине 258–259; оплата труда 360; потребность в энергии и потребление 55, 73, 346; продолжительность жизни 87; смертность 389; улучшение одежды после 1861 г. 452; физическая сила 397; численность в банке информации 163–165

Забастовки *см.* Стачки
Заболеваемость как фактор биостатуса 74–76, 291–293, 376
Замещающая переменная 75, 78, 319, 799 (определение)
Западная Европа и Россия *см.* Россия и Запад
Запасные хлебные магазины 234, 237, 281, 284, 285
Зарплата: в Великобритании 441; в Петербурге 415–422; интеллигенции 601, 624; промышленных рабочих 35, 422–428, 429 (1850–1913 гг.), 577; сельскохозяйственных рабочих 426–432 (в среднем по России в 1871–1914 гг.), 794–795 (в губерниях в 1881–1890 гг.); сравнение России и Запада 35–36, 46–48, 439, 629–630
Зарплата и биостатус 432–433, 520
Здоровье: и воинский брак 335–340, 383–387, 384 (в 1817–1895 гг.); и кистевая, становая сила в 1811–1910 гг. 386; и окружность груди 387; и питание 392–396, 520; и рост (биостатус) 85–86, 130; населения 392–393, 396–397; учащихся в 1905–1913 гг. 392–396; *см. также* Смертность

Идеал женской красоты — русский и японский 114
Измерение роста: дворяне не измерялись при поступлении на военную службу 199; прибор 165; точность 167–170

Импорт мясомолочной продукции в 1909–1913 гг. 239–240, 299
Имущественное неравенство *см.* Неравенство имущественное
Индекс массы тела 92–93, 372 (в 1811–1920 гг.), 373–374, 572 (в 1910–1917 гг.), 799 (определение)
Индекс развития человеческого потенциала *см.* Индекс человеческого развития
Индекс человеческого развития 19, 659, 534–536 (1851–1914 гг.), 541, 799 (определение)
Интеллигенция: в дискурсе о благосостоянии крестьянства 23–32, 42–43, 52–56, 498–504, 689–690; максимализм и нетерпение 32, 699; материальная обеспеченность 601, 624; оппозиционность к существующему режиму 29–30, 498–504, 610–620, 694–697; самоидентификация как прогрессивной силы 51, 690; численность 588–591, 668
Инфляция 54, 56, 196, 197, 244, 419, 421, 423, 524, 533, 549, 556, 585
Истинный средний рост 107, 186, 800 (определение)
Историография антропометрических исследований: в России 115–133; за рубежом 69–72, 113–115; итоги изучения 113–115
Историография благосостояния населения: дореволюционная отечественная 23–32; зарубежная 45–52; советская 32–45
Историческая антропометрия: история, предмет и задачи 69–72; методологические проблемы 96–108; современное состояние 113–115; теоретические основы 72–96

Карточная система распределения продуктов во время Первой мировой войны 577–578
Качество сведений о росте 165–170
Кистевая и становая сила рабочих в 1811–1895 гг. 386
Кликушество 443–444
Климакс 800 (определение)
Климат: и биостатус (длина тела) 72–76, 82–83, 121, 190, 206, 279, 294, 462, 526; и урожайность 190, 262; изменения в XVIII–XIX вв. 206, 523; осадки в Петрограде и Москве в 1916–1917 гг.; температура 190 (Петербурге в 1752–1879 гг.), 574–575 (в Петрограде и Москве в 1916–1917 гг.)
Комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния *см.* Комиссия Центра
Комиссия 1872–1873 гг. для исследования нынешнего положения сельского хозяйства 449–471
Комиссия Центра 493–498
Конвергенция регионов по длине тела 307–317, 340, 517–518
Консерваторы в бюрократии и общественном движении 29–32
Контрэлита 591, 637, 660, 694, 700
Конфискация помещичьих земель и имущества в 1917–1918 гг. 569, 608–609
Концепция А. А. Фета о роли потребления алкоголя крестьянами (теория «вентиляции») 26–27, 456, 466
Коэффициент вариации: определение 97, 800; калорийности питания между регионами 345; физического роста населения между губерниями и регионами 313–317
Коэффициент детерминации: определение 800; географии воинского брака 335–340; географии роста 321–326; географии смертности 326–328
Коэффициент Джини *см.* Джини коэффициент
Коэффициент корреляции между: определение 800; величиной платежей и недоимок 275; вероисповеданием и грамотностью 338; воинским браком и его факторами в губерниях 335–340; годовой изменчивостью урожаев по сведениям земств и ЦСК 225–226; процентом помещичьих крестьян и длиной их тела в губерниях в 1850-е гг. 325; изменениями среднего физического роста в губерниях 312–313; изменениями среднего физического роста в регионах 314–316, 517–518; местоположением губернии и прибавкой среднего физического роста 294; ростом детей и родителей 72, 93–94; смертностью и ее факторами в губерниях 326–328, 332–333; средним физическим ростом и валовым внутренним продуктом в 22 странах в 1960–1980-е гг. 112; средним физическим ростом и его факторами в губерниях 388–391, 398
Коэффициент регрессии между физическим ростом и его факторами 103–105, 800 (объяснение)
Крепостное право: социальные функции 527–528; А.А. Фет о крепостничестве как системе и его отмене 26–28; дискурс о крестьянской реформе 29–30, 33–39, 46, 47, 45–52, 221–222; отмена крепостного права 282–283 (в помещичьей деревне), 287 (в государственной и удельной деревне); убийство помещиков крепостными 525; гуманитарные факторы ликвидации крепостничества 448–449; крепостное право не влияло на межгубернскую вариацию длины тела крестьян в 1850-е гг. 325

Крестьяне: биостатус и рост 85, 104–105, 148, 152, 160, 162, 176, 214, 518–519; платежи и налоги 191–197 (в XVIII в.), 243–247 (в 1771–1860 гг.), 266–272 (после 1861 г.), 787–788 (в губерниях в 1849 г.), 792–793 (в губерниях в 1881–1890 гг.); потребление 355–372; расслоение 34, 50, 445, 455, 598; численность в базе данных 148; Комиссия 1871–1873 гг. об изменениях в пореформенной деревне 449–471; Комиссия Центра 1901 г. о положении крестьян 493–498; Особое совещание 1902–1905 гг. о состоянии пореформенной деревни 573–594; крестьянская политика правительства 474–493; численность сельских жителей 242–243, 264–265; *см. также* Крестьяне государственные и удельные; Крестьяне помещичьи

Крестьяне государственные и удельные: государственное попечительство 283–288; рекрутская повинность 150–151; сдача в рекруты за предосудительное поведение 151; условия освобождения 261–265; численность в губерниях в 1795–1857 гг. 242–243; *см. также* Крестьяне

Крестьяне помещичьи: А.Н. Радищев и А.С. Пушкин о положении крепостных 437–442; крестьянские мемуаристы о положении крепостных 442–449; помещики сдерживали имущественное неравенство 445–446; помещичий и государственный патернализм 247–254, 444–445; трудовой эквивалент повинностей накануне эмансипации 258–261; условия освобождения 318–323, 341–342; *см. также* Барщина; Дворовые; Крестьяне; Оброк

Крестьяне среди учащихся в 1913 г. 394

Крестьяне удельные *см.* Крестьяне государственные и удельные; Крестьяне

Крестьянское движение 523–525, 620 (в 1897–1916 гг.)

Кризис российского социума в историографии 23–32 (дореволюционной отечественной), 32–45 (советской); 45–52 (зарубежной)

Круговая порука *см.* Порука круговая

Круговая ответственность *см.* Порука круговая

Культурный раскол русского общества 544, 564, 643–644

Купечество и его биостатус 148, 176, 199, 214, 380, 394, 421, 547, 586, 587

Либералы *см.* Интеллигенция

Мальтузианская концепция кризиса и революции 46, 188, 318, 391, 579–585, 697, 800 (определение); *см. также* Структурно-демографическая теория революции

Мальтузианская теория *см.* Мальтузианская концепция

Масса тела новорожденного как показатель уровня жизни населения 92–93

Медицина: диссертации по антропометрии на степень доктора медицины 120–121; и санитария 76, 291–294; обращаемость к профессиональной медицинской помощи и посещаемость лечебных учреждений в 1897–1912 гг. 392–393; расходы центрального правительства и местных властей на здравоохранение в 1885–1913 гг. 539; статистика медицинских учреждений в 1840–1914 гг. 588

Медицинский осмотр: новобранцев 163–166, 336, 383–387; учащихся в начале XX в. 392–395; уклонение от воинской службы под предлогом болезни 165

Менархе 87, 94–95, 128, 131, 799 и 800 (определение)

Менопауза 131, 800 (определение)

Метод максимального правдоподобия 99, 800 (определение)

Метрический учет населения *см.* Ревизский и метрический учет населения

Мещане: биостатус и рост 85, 176, 198, 213–214, 518; доля среди учащихся в 1913 г. 394; налоги и повинности 191–193 (в XVIII в.), 244–245 (в 1771–1860 гг.), 331–333 (в губерниях в 1849 г.); потребление 444–445, 493; рекрутская повинность 149–150; сдача в рекруты за предосудительное поведение 151; численность в базе данных 148; численность в населении 787–799; число самоубийц 547–548

Миграции и их влияние на биостатус 79, 127, 275–280, 316; *см. также* Отходничество

Миронов Б.Н.: изменение взглядов на динамику благосостояния населения в пореформенный период 68, 132

Мода как статистический показатель 167, 168, 800 (определение)

Модель войны-легитимности Р. Ханнемана 646, 800 (определение)

Модернизация: в XVIII в. за счет снижения уровня жизни 205–207; двухвековой гиперцикл российской модернизации в XVIII — начале XX в. 697–698; и благосостояние населения 515–522; революции начала XX в. сквозь призму теории модернизации 635–648

Налоги косвенные: величина и целесообразность 26, 194 (в XVIII в.), 200, 266, 270, 271,

456–457, 476, 481, 482; их увеличение как показатель повышения уровня жизни 49, 55; у городского населения выше, чем у сельского 288–290
Налоги прямые: в губерниях в 1849 г. 787–788; в губерниях в 1881–1890 гг. 792–793; квартирный 380; рабочие освобождены от уплаты налогов 413; с дворян и привилегированных слоев 288; смещение налогового бремени с бедных на зажиточные слои населения 266; увеличение в XVIII в. 193–194, 522–523; уменьшение в первой половине XIX в. 247–253 (помещичьи крестьяне), 255–258 (казенные и удельные крестьяне); уменьшение в пореформенный период 261–274, 288–289, 482–484; уменьшение после введения подушной подати в 1718 г. 37, 522–523
Налоговое бремя: в России 200, 243, 266–267, 288–289; в Центре Европейской России больше, чем на окраинах 484–485; за рубежом в 1913–1914 гг. 271–272
Население: демографические процессы в 1866–1913 гг. 391, 473; метрический учет 388–390; миграции 276 (1678–1915 гг.), 275–280, 317, 600; плотность 26, 580–581, 792–793 (в губерниях в 1897 г.); семейное состояние новобранцев 159; социальный состав новобранцев и населения России 148–149, 421 (С.-Петербург); среднегодовой прирост 1719–1857 гг. 390; численность общая 188, 201 (XVIII в.), 234, 246 (1801–1860 гг.), 237 (1860–1913 гг.), 279 (1678–1914 гг.), 390, 536; этнический и конфессиональный состав новобранцев и населения в 1719–1914 гг. 158–159; *см. также* Городское население; Крестьяне; Перенаселение аграрное; Рабочие; Элита
Наследственность: влияние на длину тела 74, 81, 82, 90, 121, 122, 129; концепция генетической интерпретации географии физического роста 69
Национализация земли и ее влияние на крестьянское землевладение 608–609
Национальное богатство России и США 528, 557
Национальность и ее влияние на физический рост *см.* Наследственность
Национальный вопрос в революции 642–643
Национальный доход 205, 529, 535–536, 588, 659; *см. также* Валовой внутренний доход
Недоимки: величина 199, 272–275 (в губерниях в 1849 г.), 792–793 (в губерниях в 1881–1890 гг.); ненадежный показатель уровня жизни 54, 55, 272; прощение верховной властью 199, 272, 283, 641
Нерабочие дни в году у крестьян *см.* Праздники
Неравенство имущественное: в России 541, 597–610 (1901–1910 гг.), 642, 660; в Великобритании 440–441 (1856–1857 гг.); за рубежом 661, 671–672, 701; и физический рост (биостатус) 71–72, 80, 114
Нерусские: биостатус 180–182, 324; смертность в конце XIX в. 333–334; численность в базе данных 157–159
Неурожаи 471–574 (1891–1892 гг.), 494
Новобранцы: возраст 175–176; возрастной ценз 171–172 (в 1730–1967 гг.), 176, 188, 189, 472, 474, 695, 875; ростовой ценз 30, 98–101, 100 (в России и за границей в начале XX в.), 124, 143, 164 (в 1730–1874 гг.), 186–187, 213, 215, 801 (определение); место рождения 181–183; образование 178; профессия 178–180; семейное состояние 177–178; этнос и конфессия 180–181; физический рост рекрутов, принятых в разные рода войск, 170–171
Новорожденные: масса тела как показатель уровня жизни женщин 78, 92–93; физический рост 116, 131; прививки против инфекционных заболеваний 292; смертность 338–339
Нормальное распределение роста и веса в выборках 96–97, 167–170
Нормирование состава выборок по росту *см.* Стандартизация состава выборок

Обнищание: дискурс о пауперизации крестьян и рабочих в России 23–56, 689–690
Оброк: в XVIII в. 191–196; в губерниях в 1849 г. 787–788; в первой половине XIX в. 241–255; как фактор географии физического роста 330–332
Общественное мнение 14–15, 28,42–44, 492, 498–504, 615–616
Общественность против самодержавия 498–504
Община: влияние на жизнь крестьян 247, 263, 453–455; заключения местных комитетов в 1902–1903 гг. об упразднении передельной общины 479, 487; общинные земли в земельном фонде по губерниям в 1877 г. 477–478; участие в рекрутских наборах 150–152
Однородность выборок: методы достижения 101–108, 182; оценка степени гомогенности 167–170
Округление и аккумуляция сведений о физическом росте и возрасте 100–101
Окружность груди рабочих в 1811–1910 гг. 386–387
Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. 474–493

Отмена крепостного права *см.* Крепостное право
Отходничество: в губерниях в 1861–1870 гг. 789–790; в губерниях в 1900 г. 794–795; в России в 1861–1913 гг. 428
Охота *см.* Промыслы
Оценка среднего роста российских мужчин методом максимального правдоподобия 103–105, 186–187 (1701–1800 гг.), 211–213 (1801–1915 гг.), 309–310 (в регионах 1701–1915 гг.), 516–517 (1701–1915 гг.)
Ошибки выборочных данных 801(определение)

Парадигма 801 (определение)
Парадигма системного кризиса 39–40, 801 (определение); *см. также* Системный кризис
Паспорт на право отхода *см.* Отходничество
Пауперизация *см.* Обнищание
Пациенты психиатрических клиник России в 1886–1913 гг. и 2010 г. 623; *см. также* Психически больные в России
Первая мировая война и ее влияние на революционный процесс 432, 541, 568, 584, 642, 646, 647
Переделы земельные *см.* Община
Перенаселение аграрное 38, 55, 202, 291, 319, 320, 321, 391, 567, 435, 580, 792–793 (избыток рабочей силы в губерниях в 1900 г.)
Перепроизводство элиты *см.* Элита
Переселения *см.* Миграции
Пиар *см.* PR
Питание: больных в лазарете в XVIII в. 454; богатых (привилегированных) слоев 374–383; бурлаков в XVII в. 363; военнослужащих (солдат) 220, 363, 382, 443; воспитанников закрытых учебных заведений 374–379; горожан 343–355; за границей 48–49, 93, 485–486, 539, 639; крестьян 355–372; неадекватность питания в XX в. в США 396; нормы потребления 233–234, 443; потребление хлеба и картофеля в целом по Европейской России 234–235 (1801–1860 гг.), 236–237 (1861–1913 гг.); расходы рабочих на питание в начале XX в. 413–414; *см. также* Вес; «Голодный экспорт»; Индекс массы тела; Карточная система распределения продуктов во время Первой мировой войны
Питание и биостатус (длина тела) 72–81, 134, 396–397
Пищевой статус см. Биологический статус
Повинности: земские 35, 246, 260, 288; натуральные 260, 273–274 (по губерниям в 1849 г.), 284, 482, 523; *см. также* Барщина; Воинская повинность; Оброк
Подушная подать *см.* Налоги прямые
Половая зрелость 70, 128, 129, 178; *см. также* Менархе
Помещики: адаптация к новым условиям после Великих реформ 644; дворянские аграрии о состоянии сельского хозяйства 29, 512; конкуренция с казной за прибавочный продукт крепостных в XVIII в. 202–205; патернализм 281–282; привлечение к уголовной ответственности за злоупотребление властью над крепостными 282; цивилизаторская роль в деревне 26, 281–282; *см. также* Дворянство
Попечительство о государственных и удельных крестьянах 283–288
Порука круговая 151, 263, 288, 453, 493, 570, 635
Посевы: в XVIII в. 188, 206, 522; в первой половине XIX в. 249, 254–255 (в 1842–1860), 312; в пореформенный период 227, 578; занижение в сельскохозяйственной статистике 227–229; процедура сбора 222–224, 226
Пост и его влияние на здоровье 356–362, 368–369, 375, 379
Пост как причина заболеваемости воспитанниц Смольного института 376
Потребление: хлеба и картофеля в Европейской России 234–235 (1801–1860 гг.), 236–237 (1861–1913 гг.); молока 235–236, 345–347, 349, 351, 352, 356–359, 361–363, 365, 366, 368, 375–377, 398, 420, 576, 577; мяса 239, 344–345, 347, 351, 356, 359, 363–367, 370, 377, 382, 453, 574, 576; мясо в солдатском рационе 220, 361, 363, 382, 443; *см. также* Питание
Почетные граждане 148, 162, 176, 214, 353, 394, 547, 586, 587, 671
Праздники: баланс рабочих и нерабочих дней в году у крестьян 457–458, 542; увеличение их числа после отмены крепостного права 458–462, 467; праздничная пища 356–368
Пресса и ее роль в формировании общественного мнения 25, 472, 473, 493, 498, 499, 504, 561, 614, 616, 617, 636, 650, 663, 684, 696
Преступность: источники за 1914–1918 гг. 676; криминогенность сословий и профессий 552–553; число преступлений и осужденных в России в 1803–2005 гг. 553; число следствий в 1911–1916 гг. 621–622; ювенальная и женская 555, 622, 676
Природные зоны: в Европейской России в 1678–1914 гг. 279; распределение губерний по природным зонам 277–278; структура угодий по природным зонам в 1696–1887 гг. 279; *см. также* Географическая среда
Природные ресурсы и национальное богатство 528, 557
Природные условия и их влияние на биостатус 129, 190

Приходо-расходный баланс крестьянского хозяйства 267–269
Продолжительность жизни средняя: в 17 странах в 1938 г. 87–88; в России в 1851–1914 гг. 536; в Англии, Уэльсе и США в 1850–1900-е гг. 293–294
Производительность труда: в зерновом производстве в Европейской России XVIII — начала XX вв. 279–280; в разных отраслях народного хозяйства 418; повышение после отмены крепостного права 560
Промыслы: промысловые доходы крестьян в губерниях в 1890 г. 794–795; результаты промысловой охоты в 1913 г. 241; число занятых и промысловые доходы от них в конце XVIII в. и середине XIX в. в четырех губерниях 248, 251–253
Промышленность: развитие после крестьянской реформы 383; число рабочих 428 (1770–1913 гг.), 430–431 (1860–1913 гг.)
Психически больные в России в 1897 г. 623; *см. также* Пациенты психиатрических клиник
Пубертатный скачок 92, 801 (определение)
Пьянство: А.А. Фет о пьянстве крестьян 26, 456, 466; как причина бедности 453–456, 461–462; потребление алкоголя в Европейской России в 1851–1910 гг. 456–457; сдача общинами пьяниц в рекруты 151

Рабочее движение в 1895–1914 гг. 624–631, 645–646; *см. также* Стачки
Рабочие промышленные: биостатус (длина тела) 117–118, 519; грамотность 156; доля в населении 430–431; кистевая и становая сила, окружность груди 386–387; потребление русскими и зарубежными рабочими в середине XIX в. 351; происхождение из крестьянства 431–432; семейный бюджет 413–416; уровень жизни в России и на Западе 35–36, 46–48, 439, 629–630; численность в промышленности 428 (1770–1913 гг.), 430–431 (1860–1913 гг.); *см. также* Зарплата; Рабочее движение; Стачки
Разборы духовенства 149
Различия в физическом росте между популяциями 81–83
Районирование России по среднему физическому росту 308
Раскольники *см.* Старообрядцы
Ревизский и метрический учет населения 388–390
Революции начала XX в. сквозь призму парадигмы: институциональной 631–634; мальтузианской 579–585; марксистской 566–568; модернизационной 635–648; относительной депривации 624–630; политической 609–619; психосоциальной П.А. Сорокина 620–624; структурно-демографической 585–597; структурной 597–600
Революция цен в России и на Западе 202–203, 415–416
Рекрутская повинность *см.* Воинская повинность
Рекрутские наборы *см.* Воинская повинность
Ресурсы природные *см.* Географическая среда
Ретардация *см.* Деселерация
Референтная группа 801 (определение); *см. также* Стандартизация состава выборок
Реформа П.А. Столыпина *см.* Столыпинская реформа
Реформа П.Д. Киселева 33–34, 284, 343–346
Рождаемость: влияние на географию физического роста 321–325; коэффициент общей рождаемости 391, 473 (в 1866–1913 гг.), 796–797 (в губерниях в 1881–1890 гг.); точность учета в XVIII–XIX вв. 388–389
Роль государства в модернизации России 698–699
Россия и Запад: биостатус и рост 81, 87, 100, 113–114, 207, 521; валовой внутренний продукт в 1820–1913 гг. 530; возрастная структура в 1950–1978; зарплата и уровень жизни 35–36, 46–48, 439, 629–630; имидж 13–16; имущественное неравенство 440–441, 661, 671–672, 701; налоговый пресс 271–272; национальное богатство России и США 528, 557; окультуренная земля для сельского хозяйства 279; питание 46, 351, 396; природные условия 34; революция цен 202–203, 415–416; соотношение хлебных цен в XVII — начале XIX в. 418; тип воспроизводства населения 339; экономическое развитие в 1861–1913 гг. 538–539; элита 586
Рост (физический): изменение с возрастом 117–118; как показатель благосостояния населения 75–78, 113–114; различия в росте как показатель неравенства в уровне жизни 83–86; точность сведений 167–170; *см. также* Биологический статус; Женщины; Рост мужского населения
Рост женского населения *см.* Женщины
Рост мужского населения: бродяг и арестантов 152; в регионах в XVIII — первой половине XIX в. 309–310, 785–786; в России XVIII в.186–187; в России XIX — начала XX в. 213; в России 1701–1920 гг. 516; городского и сельского населения 197–198, 213–214, 518; за границей 80–81, 87, 100, 113–114, 207, 521; новобранцев, принятых в разные рода войск 170–171; у сословных

групп 197–198, 213–214, 518; у состоящих и не состоящих в браке 177–178; у этнических групп 87, 131–132 (литовцев за две тысячи лет), 180–181
Рост мужчин из династии Романовых 519
Ростовая аккумуляция *см.* Аккумуляция
Ростовой ценз *см.* Цензы

Самоубийств статистика: в 1825–1910 гг. 546–547; в 1902–1912 гг. 622; в 1956–1999 гг. 549; в 1980–2010 гг. 550; социальный состав суицидентов в С.-Петербурге и Москве в конце XIX в. 547; факторы самоубийств в 1905–1909 гг. 548
Самоубийства в России: в XIX — начале XX в. 546–548; в советское и постсоветское время 548–550
Санитария *см.* Медицина и санитария
Сбор зерновых: в губерниях в 1857–1863 гг. 789–790; в губерниях в 1881–1890 гг. 794–795; в России в 1801–1860 гг. 234–235, в России в 1861–1913 гг. 236–237; доля экспорта в сборе зерновых 582; занижение сбора в отчетах 227–229; оценка точности статистики сбора 220–231
Секулярный тренд в динамике физического роста 86–90, 126–129, 801 (определение)
Сельское население *см.* Население
Сельскохозяйственная статистика *см.* Посевы; Сбор зерновых; Урожаи
Сельскохозяйственное производство *см.* Посевы; Сбор зерновых; Урожаи
Сила кистевая и становая рабочих в 1811–1910 гг. 386
Системный кризис российского социума *см.* Кризис; Парадигма системного кризиса
Скотоводство: доходы от животноводства 256–257; конфискация у помещиков в 1917 г. 608–609; преуменьшение численности скота при переписях и опросах 238–239; численность скота 236 (в Европейской России в 1845–1871 гг.), 238 (в Европейской России в 1864–1916 гг.), 789–790 (в губерниях в 1857–1863 гг.), 794–795 (в губерниях в 1881–1890 гг.); экспорт и импорт в 1908–1913 гг. 239
Смертность: в губерниях в 1881–1890 гг. 796–797; в России в 1866–1913 гг. 391–392, 473; в Смольном институте благородных девиц 377–378; во время неурожая 1891–1892 гг. 472–473; 11 народностей России в конце XIX в. 333–334; точность учета в XVIII–XIX вв. 388–389
Смертность в Англии, Уэльсе и США в XIX — начале XX в. 294
Смертность в Корее в 1999–2003 гг. 86
Смертность младенческая в 17 странах в 1938 г. 87–88
Смещение центра населенности и его влияние на урожайность и производительность труда в сельском хозяйстве 275–280
Сословная обособленность крестьян 477, 481, 487,
Социальная мобильность 38, 55, 129, 131, 146, 152, 307, 442, 527, 555, 570, 591, 594, 609, 635, 660
Социальная напряженность как следствие модернизации 542–546
Социальная политика правительства в отношении крестьянства 280–291
Социальная структура населения *см.* Население
Средняя продолжительность жизни *см.* Продолжительность жизни
Стандартизация состава выборок 101–108, 801 (определение)
Становая и кистевая сила рабочих в 1811–1895 гг. 386
Старообрядцы 159, 180, 181, 388
Статус питания *см.* Биологический статус
Стачки и забастовки 538, 617 (в России 1912–1916 гг. по месяцам), 618, 619, 624–631, 628 (забастовочное движение в России и за границей в 1895–1921 гг.), 630 (в США 1895–1905 гг.), 631, 652, 677
Стихийность февральских (1917 г.) революционных событий 648–659
Столыпинская реформа 38, 531, 532, 538, 543, 544, 583, 641,
Стресс и его влияние на физический рост 90–92
Структурно-демографическая теория кризиса и революции 585–596, 801 (определение)
Суициды *см.* Самоубийства
Суммарно-интервальные ростовые сведения *см.* Агрегированные данные

Тело человека как показатель уровня жизни 72–73
Температура воздуха, см. Климат
Теория крестьянского хозяйства А. В. Чаянова 261, 466–467
Товарность сельского хозяйства 205,
Торговля *см.* Импорт; Экспорт
Точка усечения 99, 101, 801 (определение)
Точность данных о длине тела 163–174

Убийств статистика в России: в 1846–1913 гг. 550–551; в 1911–1916 гг. 621–622
Убийства в России XIX — начала XX в. 550–551
Угодья сельскохозяйственные и их структура в Европейской России в 1696–1887 гг. 188, 279

Урбанизация 78, 417, 544, 555
Уровень жизни и методы его оценки 19–20; *см. также* Биологический статус; Благосостояние населения
Урожаи и урожайность: в XVIII в. 244–246, 262, 688, 630; в губерниях в 1857–1863 гг. 789–790; в первой половине XIX в. 234–235; в пореформенный период 236–237 (1861–1913 гг.1913), 794–795 (в губерниях в 1881–1890 гг.); занижение урожайности крестьянами из-за опасения повышения налогов 226, 228; и климат 190; критика урожайной статистики 220–232; неурожаи 472, 473–474 (1891–1892 гг.); процедура сбора сведений волостной администрацией 222–224, 226; региональные различия урожаев ввиду естественного плодородия почвы 338–339
Усеченная выборка 98–100, 801 (определение)
Ускорение физического развития *см.* Секулярный тренд

Факторы воинского брака *см.* Воинский брак
Факторы смертности *см.* Смертность
Факторы физического роста *см.* Вариация роста мужчин
Фет А.А. об отрицательном влиянии низкой плотности населения на экономическое развитие России 26
Физиологический статус *см.* Биологический статус
Физическая зрелость 72, 93, 95, 178, 216, 801
Фураж 229–238, 358

Хлебофуражный баланс в России *см.* Баланс хлебофуражный
Холера *см.* Болезни инфекционные

Ценз: возрастной при приеме в армию 98, 166, 171–172, 799 (определение); имущественный для получения избирательных прав 380–381; ростовой при приеме в армию 30, 98–101, 100 (в России и за границей в начале XX в.), 124, 143, 164 (в 1730–1874 гг.), 186–187, 213, 215, 801 (определение)
Цензурированная выборка *см.* Усеченная выборка
Цены: водки в 1861–1910 гг.456–457; земли 261–266, 464, 469; индекс цен и зарплаты в С.-Петербурге в 1703–1913 гг. 416; рекрутов 201 (1699–1800 гг.), 246 (1781–1860 гг.); хлебные 191–192 (1701–1800 гг.), 204, 305, 789–790 (в губерниях в 1871–1875 гг.), 794–795 (в губерниях в 1881–1890 гг.); в России и за границей 417–418; революция цен в России XVIII в. 202–203, 415–416

Экзистенциальный кризис *см.* Мальтузианская концепция
Экспорт: «голодный экспорт» хлеба 35, 38, 303, 580–584; мясомолочной продукции 239–240, 299 (в 1909–1913 гг.)
Элита: численность привилегированных слоев в 1719–1913 гг. 587; численность среднего класса 698; *см. также* Дворяне; Контрэлита; Почетные граждане; Питание; Рост
Энергетические потребности человека в разном состоянии и при выполнении различных работ 55, 346–348, 354, 371–372
Энергетический (пищевой) статус *см.* Биологический статус
Этно-расовый фактор роста *см.* Наследственность

PR-кампании 610–620, 694–697

Список рисунков

Рис. 2.1. Факторы длины тела в обществах с рыночной экономикой 76
Рис. 2.2. Гистограмма распределения 1939 петербургских студентов 1985–1988 годов рождения по росту 96
Рис. 2.3. Гистограмма распределения 1900 петербургских студентов 1985–1988 годов рождения по весу 97
Рис. 4.1. Гистограмма распределения 62 050 рабочих по росту в 1880-е гг. (в возрасте старше 17 лет) 167
Рис. 4.2. Гистограмма распределения 30 997 новобранцев по росту в конце XIX — начале XX в. (в возрасте старше 17 лет). 168
Рис. 4.3. Гистограмма распределения 87 668 новобранцев по росту в XVIII в. (в возрасте старше 17 лет) 169
Рис. 4.4. Гистограмма распределения новобранцев по росту в призыв 1874 г. 170
Рис. 5.1. Рост российских мужчин, родившихся в 1701–1800 гг. (в см) 186
Рис. 5.2. Среднегодовая температура в С.-Петербурге в 1752–1879 гг. (по Цельсию) 190
Рис. 5.3. Прямые налоги и повинности податного населения России на ревизскую/мужскую душу в XVIII в. 194
Рис. 6.1. Рост российских мужчин, родившихся в 1801–1920 гг. (в см) 212
Рис. 7.1. Динамика среднего роста мужчин референтной группы по районам России в 1701–1915 гг. 311
Рис. 9.1. Динамика цен и зарплаты в С.-Петербурге в 1703–1913 гг. (1913 г.=100) . . . 417
Рис. 9.2. Покупательная сила зарплаты плотника в С.-Петербурге в 1703–1913 гг. (продовольственные товары, 1913 г. =100) 420
Рис. 10.1. Урожаи в России в 1801–1914 гг., «сам» 473
Рис. 10.2. Демографические процессы в Европейской России в 1867–1913 гг. 473
Рис. 11.1. Рост новобранцев в возрасте 18 лет и старше и дефинитивный рост мужчин референтной группы в Европейской России, родившихся в 1701–1915 гг. (в см) 517
Рис. 11.2. Рост новобранцев 1700–1980 гг. рождения по странам (в см) 522
Рис. 11.3. Самоубийства и урожаи в Европейской России, 1819—1912 гг.. 546
Рис. 11.4. Самоубийства в России в 1956–1999 гг. 549
Рис. 11.5. Самоубийства в России в 1980–2010 гг. (число самоубийств на 100 тыс. населения) 550
Рис. 11.6. Число преступлений и осужденных в России, 1803–2009 гг. (на 100 тыс. населения) 553
Рис. 12.1. Число пациентов в психиатрических клиниках России в 1896–1913 гг.. 623

Список таблиц в главах

Таблица 2.1. Рост петербургских женщин разных профессий, измеренных в 1980–2005 гг. 84
Таблица 2.2. Рост (в см) учащихся Вятской и Пермской губерний в 1879–1881 гг. в зависимости от социального статуса их родителей 85
Таблица 2.3. Питание, средняя продолжительность жизни, младенческая смертность (1938 г.) и средний рост взрослых мужчин (в год призыва, около 1950 г.) в 17 странах 87
Таблица 2.4. Рост рекрутов и взрослых мужчин, родившихся в 1701–1750 гг. 98
Таблица 2.5. Минимальные требования к росту и фактический рост новобранцев в конце XIX — начале XX в. в некоторых странах (в годы призыва, см). 99
Таблица 2.6. Оценка среднего роста российских мужчин в 1801–1900 гг. методом максимального правдоподобия по индивидуальным данным о новобранцах, и вклад отдельных факторов в вариацию среднего роста 103
Таблица 4.1. Вклад различных архивов в базу антропометрических данных 144
Таблица 4.2. Численность рекрутов и рабочих 1695–1920 гг. рождения с имеющимися по 10 признакам сведениями 147
Таблица 4.3. Социальный состав мужчин 1695–1920 гг. рождения, включенных в информационную базу 148
Таблица 4.4. Средний рост бродяг и арестантов сравнительно с другими социальными группами в России в 1801–1850 гг. 152
Таблица 4.5. Распределение мужчин по губерниям рождения в информационной базе в 1695–1920 гг. 153
Таблица 4.6. Распределение мужчин по району рождения в информационной базе в 1695–1920 гг. 154
Таблица 4.7. Сравнение среднего роста мужчин 1851–1890 гг. рождения в восьми великороссийских регионах и во всей империи без Польши и Финляндии. 155
Таблица 4.8. Грамотность мужского населения в выборке и России в возрасте старше 9 лет. 156
Таблица 4.9. Этнический состав всех российских новобранцев, призванных в 1867, 1868, 1884, 1894 и 1904–1907 гг., и населения России во второй половине XIX — начале XX в. (без Польши и Финляндии) 157
Таблица 4.10. Конфессиональный состав всех российских новобранцев, призванных в 1867, 1868, 1884 и 1894 гг., и населения Европейской России в 1858 и 1897 гг. (без Польши и Финляндии) 159
Таблица 4.11. Семейное состояние новобранцев в информационной базе, 1695–1920 гг. 159
Таблица 4.12. Профессиональный профиль мужчин в информационной базе, 1695–1920 гг. 160
Таблица 4.13. Распределение женщин по годам рождения, 1801–1910 гг. 161
Таблица 4.14. Распределение женщин по региону рождения, 1801–1910 гг. 162
Таблица 4.15. Распределение женщин по социальному статусу, 1801–1910 гг. 162

Таблица 4.16. Ростовой ценз при призыве в российскую армию в 1730–1914 гг. 164
Таблица 4.17. Ростовые интервалы агрегированных данных при наборах в 1874–1914 гг. 166
Таблица 4.18. Средний рост и возраст рекрутов, взятых на службу во флот и артиллерию в 1780–1790-е гг. и 1801–1855 гг. 170
Таблица 4.19. Возрастной ценз при призыве в российскую армию в 1730–1967 гг. . . . 171
Таблица 4.20. Средний возраст новобранцев, рожденных в 1701–1900 гг., лет 172
Таблица 4.21. Возрастной состав мужчин в информационной базе, 1695–1920 гг. . . . 172
Таблица 4.22. Изменение среднего роста мужчин 1701–1900 гг. рождения в зависимости от возраста 175
Таблица 4.23. Ростовая дифференциация в зависимости от возраста в XIX в. по результатам множественного регрессионного анализа. 176
Таблица 4.24. Изменчивость роста мужчин в зависимости от социального положения в XVIII–XIX вв. (в возрасте от 18 лет и старше) 176
Таблица 4.25. Вариация среднего роста мужчин 1701–1900 гг. рождения (в возрасте 18 лет и старше) в зависимости от семейного состояния 177
Таблица 4.26. Изменчивость роста мужчин в зависимости от образования в XVIII — начале XX в. (в возрасте от 18 лет и старше) 178
Таблица 4.27. Изменчивость роста мужчин в зависимости от профессии в XVIII–XIX вв. (в возрасте 18 лет и старше). 179
Таблица 4.28. Вариация мужчин по росту в зависимости от вероисповедания в XVIII–XIX вв. (в возрасте от 18 лет и старше) 180
Таблица 4.29. Дифференциация мужчин по росту в зависимости от национальности во второй половине XVIII — начале XX в. (в возрасте от 18 лет и старше) 180
Таблица 4.30. Вариация мужчин по росту в зависимости от губернии рождения в XVIII — начале XX в. (в возрасте 21 года) 181
Таблица 4.31. Изменчивость роста мужчин в XVIII — начале XX в. в зависимости от района рождения (в возрасте 18 лет и старше) 182
Таблица 5.1. Средний рост мужского населения России 1701–1800 гг. рождения (в см). 187
Таблица 5.2. Структура угодий в Европейской России в XVIII в. 188
Таблица 5.3. Урожайность основных хлебов в Центральной части Европейской России в XVIII в. по десятилетиям (в «самах») 189
Таблица 5.4. Климат и урожаи в России в 1752–1879 гг. 190
Таблица 5.5. Изменение тяжести прямых налогов и ренты разных категорий крестьян и городского податного населения в XVIII в. (в номинальных коп. на ревизскую/мужскую душу) 191
Таблица 5.6. Изменение тяжести прямых налогов и ренты разных категорий крестьян и мещан в XVIII в. (в коп. серебром на ревизскую/мужскую душу) 192
Таблица 5.7. Прямые налоги и повинности крестьян и мещан в 1701–1800 гг. на ревизскую/мужскую душу 193
Таблица 5.8. Прямые и косвенные налоги на мужскую душу в XVIII в. (коп. сер.) . . 195
Таблица 5.9. Средний рост рекрутов 1701–1800 гг. рождения в возрасте старше 17 лет по сословным группам 198
Таблица 5.10. Бремя воинской повинности в России в 1699–1800 гг. 201

Таблица 5.11. Потери государственного казначейства от разницы в росте прямых налогов и цен в XVIII в. 204
Таблица 5.12. Средний рост мужского населения в некоторых европейских странах в конце XVIII в. 207
Таблица 6.1. Средний рост мужского населения России 1801–1915 годов рождения 213
Таблица 6.2. Изменение среднего роста мужского населения 1791–1917 годов рождения в возрасте старше 17 лет по сословным группам (по выборочным данным, в см) 214
Таблица 6.3. Средний рост мужчин 1801–1860 годов рождения в возрасте старше 17 лет в зависимости от социального положения . . . 214
Таблица 6.4. Средний вес мужчин, рожденных в 1811–1915 гг., в возрасте старше 26 лет. 216
Таблица 6.5. Средний вес мужчин, рожденных в 1856–1915 гг., в возрасте от 15 до 24 лет 217
Таблица 6.6. Средний рост мужчин и женщин 1811–1880 годов рождения в возрасте старше 17 лет. 218
Таблица 6.7. Чистые сборы зерновых в России в первой половине XIX в. по оценкам разных исследователей (в четвертях на душу населения) 220
Таблица 6.8. Посевная площадь по сведениям ЦСК и сельскохозяйственной переписи 1916 г. (данные переписи = 100) 227
Таблица 6.9. Преуменьшение производства зерновых и картофеля в 50 губерниях Европейской России в 1901–1913 гг. по официальным сведениям ЦСК. 230
Таблица 6.10. Оценка степени преуменьшения производства зерновых и картофеля в 50 губерниях Европейской России в 1901–1913 гг. по официальным сведениям ЦСК. 230
Таблица 6.11. Категории работников в деревне и нормы потребления ими хлеба в 1850-е гг. 233
Таблица 6.12. Оценка потребления хлеба и картофеля населением в 50 губерниях Европейской России в 1801–1860 гг. 234
Таблица 6.13. Численность скота в Европейской России в 1845–1871 гг. (тыс. голов) 236
Таблица 6.14. Оценка потребления хлеба и картофеля населением в 50 губерниях Европейской России в 1860–1913 гг. 236
Таблица 6.15. Численность крестьянского скота в 50 губерниях Европейской России в 1864–1916 гг. 238
Таблица 6.16. Экспорт и импорт скота, мяса, рыбы, животного сала и молочной продукции в 1909–1913 гг. в Российской империи без Финляндии 239
Таблица 6.17. Численность государственных и удельных крестьян мужского пола по губерниям в 1795, 1815, 1833, 1857 гг. и податной разряд губернии 242
Таблица 6.18. Налоги с государственных, удельных крестьян и мещан в России в 1771–1860 гг. в годы их изменения (на ревизскую/мужскую душу в коп.) 244

Таблица 6.19. Платежи государственных, удельных крестьян и мещан в 1781–1860 гг. на душу мужского пола 245
Таблица 6.20. Бремя воинской повинности в России в 1781–1860 гг. 246
Таблица 6.21. Соотношение доходов и платежей у оброчных помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний в конце XVIII и середине XIX в. (руб. серебром на мужскую душу) . . . 248
Таблица 6.22. Доходы и платежи у оброчных помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний в 1780-х и 1850-х гг. (в руб. серебром на мужскую душу) 251
Таблица 6.23. Доходы и платежи у оброчных помещичьих крестьян Московской, Тверской, Орловской и Рязанской губерний в 1780-х и 1850-х гг. (в пудах ржи и овса на мужскую душу) 253
Таблица 6.24. Посевы у помещиков и их крестьян в 1842–1860 гг. (в тыс. четвертей в год) 254
Таблица 6.25. Соотношение доходов и платежей у казенных и удельных крестьян в 1780-х и 1850-х гг. (в руб. серебром на мужскую душу) 256
Таблица 6.26. Доходы и платежи государственных крестьян Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской и Ярославской губерний в 1849–1858 гг. 257
Таблица 6.27. Рыночные и выкупные цены надельной земли по разным оценкам . . . 262
Таблица 6.28. Выкупная и банковская цена земли, годовой оклад выкупных платежей у бывших помещичьих крестьян и оброчная подать с десятины надельной земли у бывших государственных крестьян в 1881–1883 гг. 264
Таблица 6.29. Доходы на одно хозяйство по результатам бюджетных обследований в 1877–1900 гг. в 13 губерниях Европейской России 267
Таблица 6.30. Расходы на одно хозяйство по результатам бюджетных обследований в 1877–1900 гг. в 13 губерниях Европейской России 268
Таблица 6.31. Тяжесть прямых налогов для крестьянства Европейской России в 1850-е и 1877–1901 гг. (доходы и повинности на душу населения в руб. золотом) 269
Таблица 6.32. Налоговое бремя в процентах к национальному доходу в 11 странах в 1913–1914 гг. 271
Таблица 6.33. Платежи и недоимки казенных, помещичьих крестьян и мещан в 1849 г. (в коп. сер. на мужскую душу) 273
Таблица 6.34. Численность переселенцев по районам вселения в 1678–1915 гг. (в тыс. чел.) 276
Таблица 6.35. Распределение губерний и населения Европейской России по природным зонам в 1719, 1795, 1856 и 1914 гг. 277
Таблица 6.36. Площадь природных зон Европейской России и распределение населения между ними в 1678, 1719, 1795, 1856 и 1914 гг. 279
Таблица 6.37. Структура угодий Европейской России по природным зонам в 1696, 1796 и 1887 гг. (в %) 279
Таблица 6.38. Региональные различия в производительности труда в зерновом производстве без применения машин и удобрений в Европейской России XVIII–XX вв. 280

Таблица 6.39. Налоги и сборы с крестьян и горожан в 50 губерниях Европейской России в 1912 г. 289
Таблица 6.40. Средний рост (в см) взрослых мужчин Великобритании и США, рожденных в 1800–1919 гг. 293
Таблица 7.1. Состав районов России по среднему росту мужского населения в губерниях. 308
Таблица 7.2. Оценка среднего роста (см) мужчин референтной группы в России по районам в 1701–1915 гг. (в годы рождения). 309
Таблица 7.3. Коэффициенты корреляции между изменениями среднего пятилетнего роста мужчин в регионах и между изменениями среднего пятилетнего роста в Европейской России в целом и каждом регионе в 1701–1800 и 1801–1915 гг. 310
Таблица 7.4. Коэффициенты корреляции между изменениями среднего пятилетнего роста в 13 районах в 1801–1915 гг. 311
Таблица 7.5. Средние коэффициенты корреляции между изменениями роста мужчин в губерниях в годы призыва, 1874—1913 гг. 312
Таблица 7.6. Коэффициенты вариации среднего роста мужчин в Европейской России в 1701–1900 гг. по районам и пятилетиям 314
Таблица 7.7. Изменения среднего роста мужчин в России по районам в периоды понижения и повышения уровня жизни. 315
Таблица 7.8. Коэффициенты парной корреляции (r) между ростом мужского населения и факторами, на него влияющими, в середине XIX в. в 49 губерниях Европейской России 321
Таблица 7.9. Коэффициенты множественной детерминации между ростом и важнейшими факторами в 50 губерниях Европейской России в середине XIX в.. 323
Таблица 7.10. Влияние важнейших факторов на вариацию роста мужчин между 50 губерниями Европейской России в середине XIX в. 323
Таблица 7.11. Национальные различия в росте мужчин 1901–1920 гг. рождения 324
Таблица 7.12. Совокупное влияние шести важнейших факторов на вариацию роста мужчин между 50 губерниями Европейской России в середине XIX в.. 326
Таблица 7.13. Коэффициенты парной корреляции (r) между уровнем смертности и 20 факторами в 49 губерниях Европейской России в середине XIX в.. 327
Таблица 7.14. Влияние важнейших факторов на вариацию смертности между 50 губерниями Европейской России в середине XIX в. 327
Таблица 7.15. Совокупное влияние важнейших социально-экономических факторов на вариацию смертности между 50 губерниями Европейской России в середине XIX в. 327
Таблица 7.16. Коэффициенты парной корреляции (r) между воинским браком и 40 факторами в 49 губерниях Европейской России в середине XIX в.. 329
Таблица 7.17. Влияние важнейших факторов на вариацию воинского брака между 50 губерниями Европейской России в середине XIX в. 329

Таблица 7.18. Совокупное влияние важнейших факторов на вариацию воинского брака между 49 губерниями Европейской России в середине XIX в. . . . 330
Таблица 7.19. Коэффициенты парной корреляции (r) между средним ростом и различными факторами в 50 губерниях Европейской России в конце XIX в. . . . 331
Таблица 7.20. Влияние важнейших факторов на вариацию среднего роста между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в. . . . 331
Таблица 7.21. Совокупное влияние важнейших факторов на вариацию среднего роста между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в. . . . 332
Таблица 7.22. Коэффициенты парной корреляции между уровнем смертности и 30 факторами в 50 губерниях Европейской России в конце XIX в. . . . 332
Таблица 7.23. Влияние важнейших факторов на вариацию уровня смертности между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в. . . . 333
Таблица 7.24. Совокупное влияние важнейших факторов на вариацию уровня смертности между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в. . . . 333
Таблица 7.25. Возрастная смертность лиц мужского пола у 11 народностей Европейской России в конце XIX в. (в промилле) . . . 333
Таблица 7.26. Коэффициенты парной корреляции между воинским браком и различными факторами в 50 губерниях Европейской России в конце XIX в. . . . 335
Таблица 7.27. Влияние важнейших факторов на вариацию воинского брака между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в. . . . 335
Таблица 7.28. Совокупное влияние важнейших факторов на вариацию воинского брака между 50 губерниями Европейской России в конце XIX в. . . . 336
Таблица 7.29. Влияние важнейших факторов на географию роста, смертности и воинского брака в Европейской России в середине и конце XIX в. . . . 337
Таблица 8.1. Мука, мясо и водка, купленные на рынке горожанами для личного потребления в 1840–1850-е гг. (в кг на душу населения в год) . . . 344
Таблица 8.2. Потребление некоторых продуктов питания горожанами в 1840–1850-е гг. (в кг на душу населения в год). . . . 345
Таблица 8.3. Состав основных продуктов питания в России начала XX в. (содержание в 100 г продуктов, граммов) . . . 346
Таблица 8.4. Состав и калорийность продуктов, потребляемых горожанами в середине XIX в. (на душу населения) . . . 347
Таблица 8.5. Потребление основных продуктов питания тремя экономическими группами горожан в 1840–1850-е гг. (на душу населения). . . . 348
Таблица 8.6. Состав потребления взрослого мужчины-горожанина в середине XIX в.. . . . 349
Таблица 8.7. Соотношение белков, жиров и углеводов по весу в продуктах, потреблявшихся горожанами в середине XIX в. (в %) . . . 350

Таблица 8.8. Соотношение белков, жиров и углеводов по калориям в продуктах, потреблявшихся горожанами в середине XIX в. (в %) 350
Таблица 8.9. Потребление основных продуктов питания русскими и зарубежными рабочими в середине XIX в. (кг на душу населения в год) 351
Таблица 8.10. Потребление основных продуктов питания тремя экономическими группами городского населения в 1900–1916 гг. (на душу населения в год) 352
Таблица 8.11. Состав и калорийность питания горожан в 1900–1916 гг. (на душу населения в день) 352
Таблица 8.12. Структура потребления горожан мужского пола в 1900–1916 гг. 353
Таблица 8.13. Доля белков, жиров и углеводов по весу в питании горожан в 1900–1916 гг. (в %) 354
Таблица 8.14. Соотношение белков, жиров и углеводов по калориям в питании горожан в 1900–1916 гг. (в %) 354
Таблица 8.15. Результаты статистической обработки ответов на анкету Комиссии 1872 г. о питании крестьян и сельскохозяйственных рабочих после крестьянской реформы 365
Таблица 8.16. Состав и калорийность питания крестьянства в 13 губерниях Европейской России в 1896–1915 гг. (потребление на душу населения) 370
Таблица 8.17. Структура потребления взрослого мужчины-крестьянина по экономическим группам в 1896–1915 гг. 371
Таблица 8.18. Вес, рост и индекс массы тела (ИМТ) у мужчин 1811–1920 гг. рождения (в возрасте старше 17 лет) 372
Таблица 8.19. Рост, вес, индекс массы тела мужчин в призывном возрасте (18–35 лет) в России XIX — начала XX в. 373
Таблица 8.20. Рост, вес, индекс массы тела мужского населения в разных возрастных группах в России XIX — начала XX в. 374
Таблица 8.21. Результаты врачебного осмотра лиц, подлежавших призыву в армию, в 1840–1913 гг. (в среднем в год) 384
Таблица 8.22. Кистевая и становая сила (в кг) у рабочих 1811–1910 гг. рождения (в возрасте старше 17 лет) 386
Таблица 8.23. Окружность грудной клетки рабочих 1801–1910 гг. рождения (в возрасте старше 23 лет) 387
Таблица 8.24. Проверка точности метрического учета населения в России в 1738–1900 гг. 389
Таблица 8.25. Среднегодовой прирост населения в межревизский период и доля прописных по ревизиям (население обоего пола в границах 1720-х гг.) 390
Таблица 8.26. Демографические процессы в России в 1866–1913 гг. и средний дефинитивный рост мужского населения, рожденного в эти годы 391
Таблица 8.27. Качество питания учащихся начальной школы в России в 1905–1913 гг. 393
Таблица 8.28. Качество питания учащихся средней школы в России в 1905–1913 гг. 393

Таблица 8.29. Процентное соотношение учащихся, принадлежавших к разным слоям общества, в начальной и средней школе России в 1913 г. 394
Таблица 8.30. Состояние питания учащихся в России в 1905–1913 гг. 394
Таблица 8.31. Питание учащихся в России в 1905–1913 гг. в зависимости от пола 395
Таблица 9.1. Сравнение данных о ценах пуда говядины в Петербурге из разных источников 410
Таблица 9.2. Затраты петербургских рабочих на отдельные товары и услуги в 1907–1908 гг. на члена семьи в месяц 413
Таблица 9.3. Расходы семейных рабочих в Петербурге, Баку, Киеве и Богородске в 1907–1912 гг. на члена семьи в месяц, в % 414
Таблица 9.4. Основные статьи расходной части бюджета петербургских рабочих в 1907–1908 гг. на члена семьи в месяц 415
Таблица 9.5. Индексы цен и зарплаты плотников в С.-Петербурге в 1703–1913 гг. 416
Таблица 9.6. Соотношение цен на хлеб в России и Западной Европе в XVII–XIX вв. (в граммах золота: цены в России = 100) 418
Таблица 9.7. Покупательная сила средней месячной зарплаты плотника в Санкт-Петербурге в 1711–1913 гг. 420
Таблица 9.8. Заработная плата рабочих в черной металлургии (в руб. сер.) 423
Таблица 9.9. Средняя годовая заработная плата рабочих России на предприятиях с числом рабочих более пятнадцати в 1897–1913 гг. 424
Таблица 9.10. Средняя поденная плата сельскохозяйственного рабочего в России в 1871–1914 гг. (в коп.) 426
Таблица 9.11. Число рабочих, занятых в крупной промышленности, и число взятых паспортов на 100 душ обоего пола в 50 губерниях Европейской России в 1770–1913 гг. 428
Таблица 9.12. Средняя поденная оплата промышленного и сельскохозяйственного рабочего в Европейской России в 1850–1913 гг. (в номинальных копейках). 429
Таблица 9.13. Численность лиц наемного труда в России по отраслям в 1860 г., 1897 и 1913 гг. 431
Таблица 10.1. Распределение домохозяйств по величине годового дохода в Великобритании, 1856–1857 гг. 440
Таблица 10.2. Результаты статистической обработки ответов на анкету Комиссии 1872 г. 451
Таблица 10.3. Цены, потребление и расходы населения на водку в России в 1851–1910 гг. 457
Таблица 10.4. Общий баланс рабочих и нерабочих дней в году в крестьянском хозяйстве в середине XIX — начале XX в. 457
Таблица 10.5. Состав участников Комиссии 1872 г. 468
Таблица 10.6. Состав губернских и уездных комитетов Совещания 1902 г. 475
Таблица 10.7. Заключения местных комитетов, участвовавших в работе Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. 476

Таблица 10.8. Доля общинных земель в 1877 г. и число уездов по губерниям 478
Таблица 10.9. Результаты статистической обработки заключений местных комитетов по вопросу об упразднении передельной общины в зависимости от методики расчета 479
Таблица 10.10. Результаты статистической обработки заключений местных комитетов Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. по методике 2 481
Таблица 11.1. Рост новобранцев в возрасте 18 лет и старше и дефинитивный рост мужчин референтной группы в Европейской России, родившихся в 1701–1915 гг. (в см) 516
Таблица 11.2. Средний рост (см) мужского населения 1701–1917 гг. рождения в возрасте старше 17 лет по сословным группам 518
Таблица 11.3. Различия в росте (в см) 1706 учащихся Вятской и Пермской губерний в 1879–1881 гг. по сословиям 519
Таблица 11.4. Средний рост (см) новобранцев 1700–1950 гг. рождения в 18 странах 521
Таблица 11.5. Соотношение валового внутреннего продукта (ВВП) в России и некоторых странах мира, в % 530
Таблица 11.6. Сельскохозяйственная продукция, не поступившая на рынок, 1886–1913 гг. (в ценах 1913 г.) 530
Таблица 11.7. Среднегодовой сбор главнейших полевых культур в Российской империи (без Финляндии) по пятилетиям в 1901–1913 гг., млн пудов 531
Таблица 11.8. Ежегодный сбор главнейших полевых культур в Российской империи (без Финляндии) в 1901–1913 гг., млн пудов 532
Таблица 11.9. Вклады в государственные сберегательные кассы в 50 губерниях Европейской России в 1865–1913 гг. 534
Таблица 11.10. Индекс человеческого развития в России в 1851–1914 гг. (без Финляндии) 536
Таблица 11.11. Число самоубийств среди городского и сельского населения в России, 1870–1910 гг. (на 100 тыс. человек) 547
Таблица 11.12. Число самоубийств и покушений на самоубийство на 100 тыс. человек по сословиям в С.-Петербурге и Москве в конце XIX в. 547
Таблица 11.13. Факторы самоубийств среди городского населения России в 1905–1909 гг. 548
Таблица 11.14. Число убийств, зафиксированных полицией в 1846–1913 гг. (в среднем в год) 550
Таблица 12.1. Изменение реальной зарплаты российских рабочих в 1913–1918 гг. 571
Таблица 12.2. Средний рост, вес и индекс массы тела новобранцев 1910–1917 гг. рождения 572
Таблица 12.3. Температура в Петрограде и Москве в 1916–1917 гг. (по Цельсию) 575
Таблица 12.4. Месячная сумма осадков в Петрограде и Москве в 1916–1917 гг. (мм) 575

Таблица 12.5. Численность привилегированных слоев в Европейской России в 1719–1913 гг. 587
Таблица 12.6. Численность лиц с высшим и средним образованием в Европейской России в 1850-е, 1897, 1917 и 1939 гг. (среди лиц в возрасте 20 лет и старше) 587
Таблица 12.7. Изменение населения и числа учреждений образования, культуры, медицины, учащихся и средств массовой информации в России, 1832–1913 гг. (без Польши и Финляндии) 588
Таблица 12.8. Штатные и вакантные должности в Российской империи по ведомству православного исповедания в 1910 г. 589
Таблица 12.9. Численность профессорско-преподавательского состава в российских университетах в 1882–1914 гг. 590
Таблица 12.10. Число преподавательских вакансий в средних учебных заведениях (1881–1913 гг.) 591
Таблица 12.11. Неграмотные лица дворянского происхождения в России по переписи 1897 г. 592
Таблица 12.12. Распределение неграмотных дворян между городом и деревней по переписи 1897 г., в % 593
Таблица 12.13. Доля неграмотных лиц, происходивших из духовенства, в России в 1897 г. 593
Таблица 12.14. Доля неграмотных среди различных возрастных групп населения России по переписи 1897 г. 594
Таблица 12.15. Фактическая и штатная численность духовенства православного вероисповедания в России в 1835–1910 гг. 594
Таблица 12.16. Естественный прирост и возрастная структура населения в 19 странах мира в 1950–1978 гг. 596
Таблица 12.17. Лица в возрасте 15–24 лет во взрослом населении страны (в возрасте от 15 лет и старше), в % 596
Таблица 12.18. Расчет среднего дохода 10% беднейшего населения России в 1901–1904 гг. 601
Таблица 12.19. Оценка доходов самодеятельного населения, входящего в 1-ю и во 2–9-ю децильные группы в1901–1904 гг. 604
Таблица 12.20. Расчет среднего дохода 10% богатейшего населения России в 1901–1904 гг. 605
Таблица 12.21. Распределение годовых доходов по причтам Владимирской епархии в 1863 г. 606
Таблица 12.22. Распределение годового денежного жалованья среди учителей начальных церковных школ в 1906 г. 606
Таблица 12.23. Распределение населения с ежегодным доходом свыше 1000 руб. в 1901–1904 и 1909–1910 гг. по группам дохода. 607
Таблица 12.24. Экономические и политические стачки российских рабочих по месяцам в 1912–1917 гг. 617
Таблица 12.25. Число бастовавших рабочих по губерниям в 1915 — январе 1917 г. 619
Таблица 12.26. Число крестьянских выступлений в 1897–1916 гг. (без поджогов) 620
Таблица 12.27. Число следствий на 100 тыс. населения по восьми судебным округам в 1911–1916 гг. (1911=100) 621

Таблица 12.28. Коэффициент самоубийств в России в 1902–1912 гг. 622
Таблица 12.29. Число стачек и рабочих, обратившихся в фабричную инспекцию с единоличными или коллективными просьбами и жалобами на предпринимателей в 1895–1914 гг. 625
Таблица 12.30. Экономические и политические стачки российских рабочих в 1895–1916 гг. (в среднем в год). 626
Таблица 12.31. Забастовочное движение в России (среди фабрично-заводских рабочих) Великобритании, Франции, Германии, Италии, Австрии и США (среди лиц наемного труда) в 1895–1921 гг. 628
Таблица 12.32. Индекс реальной заработной платы промышленных рабочих в России, США, Англии, Германии, Франции и Бельгии в 1900, 1909—1911 и 1913 гг. (Россия = 100).. 629
Таблица 12.33. Причины забастовок в США в 1895–1905 гг. 630
Таблица 12.34. Жалобы рабочих на «дурное обращение» в 1901–1913 гг. 645

Список иллюстраций

Глава 1. Благосостояние населения имперской России в историографии

Крестьянин-старообрядец. 1890-е гг. Фото 23
Семевский Василий Иванович (1848–1916). Фото 24
Фет Афанасий Афанасьевич (1820–1892). Фото 25
Соломаткин Л.И. У трактира. 1860–е гг. ГТГ 27
Ходский Леонид Владимирович (1854–1919). Фото 28
Шингарев Андрей Иванович (1869–1918). Фото 29
Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918). Фото 30
Струве Петр Бернгардович (1870–1944). Фото 32
Дружинин Николай Михайлович (1886–1986). Фото 33
Милов Леонид Васильевич (1931–2007). Фото 34
Литвак Борис Григорьевич (1919–2002). Фото 34
Анфимов Андрей Матвеевич (1916–1995). Фото 35
Струмилин Станислав Густавович (1877–1874). Фото 35
Шапиро Александр Львович (1910–1994). Фото 37
Вдовичев П. Вечер в крестьянской избе. 1830-е гг. Литография 38
Ковальченко Иван Дмитриевич (1923–1995). Фото 42
Русский крестьянин. Обложка журнала «Сигналы», 1906, вып. 4 43
Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919). Фото 44
Сцена в крестьянской избе. *Неизвестный худ.* 1840-е гг. ГРМ 48
Навозов В.И. Даровая столовая. 1888 г. ГТГ 51

Глава 2. Историческая антропометрия: задачи, теория и методология

Леонардо да Винчи. Человек Витрувия 72
Кустодиев Б.М. Русская Венера. 1926 г. ГРМ.Фрагмент 74
Поддубный И.М. (1871-1949), классический борец 1900-е гг. Фото 77
Бани общедоступные. С.-Петербург. 1900-е гг. Фото 79
Дети в душевой дома дешевых квартир. С.-Петербург. 1906 г. Фото 86
Электротерапия. 1887 г. Фото 89
Детский приют. С.-Петербург. 1900-е гг. Фото 91
Петров-Водкин К.С. Мать. 1915 г. ГРМ 93
Мясоедов Г.Г. Смотрины невесты. После 1860 г. ГРМ. Фрагмент 94
Чиновники за работой. С.-Петербург. 1900-е гг. Фото 106

Глава 3. Историческая антропометрия в России и за рубежом

Лесгафт Петр Францевич (1837–1909). Фото 116
Эрисман Федор Федорович (1842–1915). Фото 117
Дементьев Евстафий Михайлович (1850–1918). Фото 118
Жбанков Дмитрий Николаевич (1853–1932). Фото 119
Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923). Фото 122
Деникер Иосиф (Осип) Егорович (1852–1918). Фото 122
Ивановский Алексей Арсеньевич (1866–1934). Фото 123
Бунак Виктор Валерианович (1891–1979). Фото 126

Глава 4. Источники антропометрических данных: их репрезентативность, точность и однородность

Перов В.Г. В рекрутском присутствии. 1861 г. ГРМ 144
Формулярный список рекрута. 1796 г. 146
Зеленцов К.А. Мясник. 1817 г. Офорт. ГЭ 149
Крестьянка. 1860 г. Фото 149
Крестьяне на ярмарке. 1862 г. Фото 161
Гейслер Х.Г. Шёнберг К.Г. Конфетчица. 1794 г. Офорт. ГЭ 163
Касаткин Н.А. Шахтерка. 1894 г. ГТГ 163
Чеканщики. 1890 г. Фото 179
Посев. 1900-е гг. Фото 182

Глава 5. Биологический статус российского населения в XVIII в. и его факторы

Маковский К.Е. Сенокос. 1873 г. Частн. собр. 189
Трутовский К.А. Сбор недоимок на селе. 1886 г. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. Казань 194
Шибанов М. Празднество свадебного договора. 1777 г. ГТГ 197
Беггров К.П. Садовая улица. С.-Петербург. 1820-е гг. Литография 203
Скородумов Г.И. Ямщик. 1784 г. Офорт. ГЭ 206
Лепренс Ж.Б. Охтенская молочница. 1765 г. Офорт. ГЭ 208

Глава 6. Биологический статус российского населения в XIX — начале XX в. и его факторы

Московские мещане. 1902 г. Фото 212
Затачивание ложек. Нижегородская губ. 1900-е гг. Фото 215
Сапожный ряд у Каменного моста. 1900 г. Фото 215
Крестьянские девушки. Орловск. губ .1911 г. Фото 219
Соломаткин Л.И. Окрестности села Измайлово (Грибники). 1882 г. Национальный музей Грузии 240
Рыбная ловля на Волге. 1890-е гг. Фото 241
Крестьяне поздравляют барыню с Пасхой. 1890-е гг. Фото 253
Нищие на привале. 1900-е гг. Фото 282
Благотворительная раздача вещей. С.-Петербург. 1900-е гг. Фото 287
Загорский Н.П. У земской лечебницы . 1886 г. ГТГ 291
Пелевин И.А. Первенец. 1888 г. ГРМ 293

Глава 7. География биологического статуса российского населения в XVIII — начале XX в.

Богданов-Бельский Н.К. Новые хозяева. 1913 г. Алтайский краевой музей изобраз. и приклад. искусств 316
Михайлов А.С. Приезд станового пристава в избу сотского. 1858 г. ГРМ 319
Гулянье в деревне на праздник. 1900-е гг. Фото 334
Каравай для свадьбы. 1900-е гг. Фото 338

Глава 8. Питание, здоровье и биологический статус российского населения в XIX — начале XX в.

Обед рабочих. Костр. губ. 1910 г. Фото 348
Разгрузка баржи. С.-Петербург. 1890 г. Фото 350
Столовая для бедных. С.-Петербург. 1911 г. Фото 353
Солнцев Ф.Г. Крестьянское семейство перед обедом. 1824 г. ГРМ 355
Праздничная трапеза. 1900-е гг. Фото. 357
Рыбалка подледная. Урал. 1900-е гг. Фото 360
Бурлаки. 1895 г. Фото 364
Энгельгард Александр Николаевич (1832–1893). Фото 367
Маковский В.Е. Бюрократы. 1902 г. ГТГ 375
Воспитанницы Смольного института в танцевальных костюмах. 1900-е гг. Фото. 378
Духовенство. Саров. 1903 г. Фото 379
Ланч двух состоятельных дам. С.-Петербург. 1900-е гг. Фото 381
Проба пищи на маневрах. 1900-е гг. Фото. 383
Крестьянин с сыновьями. Рязанская губ. 1910 г. 397

Глава 9. Цены и зарплата в России в XVIII-начале XX в.

Плотники за самоваром. 1870-е гг. Фото. 409
Щедровский И.С. Рынок в С.-Петербурге. 1840 г. Гос. музей изобраз. искусств им. А.С. Пушкина 412
Петербургские городовые. 1900-е гг. Фото 422
Металлурги. 1880-е гг. Фото 423
Стекольщики. С.-Петербург. 1913 г. Фото. 427
Петербургские молочницы. 1900-е гг. Фото 430
Рабочие Москвы на экскурсии. 1913 г. Фото 431

Глава 10. Современники о благосостоянии населения

А.Н. Радищев *Неизвестный художник XVIII в.* 437
Кипренский О. А.С. Пушкин 1827 г. ГТГ 440
Крестьянские девушки. 1910-е гг. Фото 452
Карнеев А.Е. Зарок не пить (Общество трезвости). 1860 г. Частн. собр. 456
Суходольский П.А. Полдень в деревне. 1864 г. ГРМ 458
Чаянов Александр Васильевич (1888–1937). Фото. 467
Голодающие на привале. 1892 г. Фото. 472
Пынеев К.В. В далекий путь (По миру). 1892 г. Ставропольский краевой музей изобразит. искусств. 474
Орловский А.О. Пляска русских крестьян 1820 г. ГЭ 484

Глава 11. Результаты российской модернизации в период империи

Николай II на маневрах. 1900-е гг. Фото 519
Переселенцы в Сибири. 1890 г. Фото. 528
Хоровод. 1900-е гг. Фото 533
Плакат, осуждающий расстрел 9 января 1905 г. в С.-Петербурге 537

Репин И.Е. Манифестация 17 окт. 1905 г. ГРМ 538
Дворцовая площадь 2.08.1914 г.: В ожидании манифеста
о вступлении России в войну. Фото 549

Глава 12. К вопросу о предпосылках и причинах Русской революции 1917 года

Очередь за мясом. Петроград. 1915 г. Фото 574
Карточки на хлеб. Москва. Август 1917 г. 577
Тюремная камера. Сибирь 1900-е гг. Фото 601
Красный крест: Плакат времен Первой мировой войны 612
Обложка сатирического журнала «Нагаечка». 1905. № 2 614
Милюков П. Н. (1859–1943). Фото 637
Братание солдат на фронте. 1917 г. Фото 650
Гучков А. И. (1862–1936). Фото 654
Некрасов Н. В. (1879–1940). Фото 655
Бубликов А. А. (1875–1941). Фото 655
Коновалов А. И. (1875–1949). Фото 656
Терещенко М. И. (1886–1956). Фото 657
Федоров М. М. (1859–1949). Фото 658

Заключение

Корзухин А.И. Возвращение с сельской ярмарки. 1868 г. ГТГ 691
Кишиневский С.Я. Прошение. 1889 г. ГТГ 692
Ржевская А.Л. Веселая минутка. 1897 г. ГТГ 693

Б. Н. Миронов

М 64 Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века — 2-е изд, испр., доп. — М.: Весь Мир, 2012. — 848 с.: илл., табл.

ISBN 978-5-7777-0545-7

Первое в мировой историографии фундаментальное исследование по исторической антропометрии России за 1701–1917 гг. Мобилизовав огромный материал — 306 тыс. индивидуальных и около 11,7 млн суммарных данных о росте, весе и других антропометрических показателях мужского и женского населения из девяти архивов России, — автор впервые показывает, как изменялся биологический статус россиян за 217 лет. Полученная картина проверена на данных о сельскохозяйственном производстве, налогах и повинностях, ценах и зарплате, питании и демографии и сделан вывод о динамике уровня жизни за весь период империи. Экономическая, социальная и политическая интерпретация полученных результатов дает возможность пересмотреть господствующие представления о жизненном уровне населения, внутренней политике государства, эффективности российских реформ и о происхождении российских революций начала XX в. и создать позитивный образ имперской России как успешно развивавшейся страны. Использованная литература включает более 2000 названий отечественных и зарубежных исследований.

УДК [303.446.4:330.12](470+571)»16/19 »
ББК 63.3 (2) 5-28+63.3(2)6-28

Борис Николаевич Миронов

Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века

Редактор: О.А. Зимарин
Художник: Е.А. Ильин
Верстка: М.Е. Чернышева
Корректор: Е.В. Феоктистова

Подписано в печать 25.10.2012. Формат 70 x 100 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печ. л. 53,0. Тираж 1500 экз. Изд. № 07/12-и
Зак. №

ООО Издательство «Весь Мир»
125009, Москва, ул. Моховая, 11, строение 3 «В».
Тел./факс: (495) 276-02-92
E-mail: info@vesmirbooks.ru
http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

ISBN 978-5-7777-0545-7

Борис Николаевич Миронов (1942) — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Автор десяти монографий и более 250 научных статей, многие из которых переведены на английский, немецкий, французский, испанский, японский, корейский, венгерский и китайский языки.

Широкое признание в России и за рубежом получила фундаментальная монография Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи» (1-е изд.1999), ставшая своего рода «нашим современным историографическим Монбланом» (*проф. В.В. Согрин, ИВИ РАН*). Книга выдержала три издания в России и переведена на английский и китайский языки.

Большой интерес и бурную дискуссию в академических кругах и среди широкой читательской аудитории вызвало и первое издание монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России» (2010) — масштабное и единственное в мировой науке исследование по исторической антропометрии России. Книга переведена на английский и китайский языки (2012).

Второе российское издание существенно отличается от первого: включена новая большая глава о причинах Русской революции 1917 г., переработаны другие главы, усилена аргументация, добавлены иллюстрации. «Если говорить о количестве труда и объёме знаний, вложенных в создание книги, то они у каждого вдумчивого читателя, взявшего в руки эту монументальную монографию, вызовут чувство трепетного благоговения» (*проф. М.А. Бабкин, РГГУ*).

В оформлении обложки использована одна из частей триптиха И.В. Тихонова «Красное колесо».

ВЕСЬ МИР www.vesmirbooks.ru